ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

—

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

—

1857.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Москва, 13-го Декабря 1856 года.

Цензоръ *И. Безсомыкинъ*.

Съ изданія 1856 года съ перемѣнами.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

—

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Каткова и Ко.

1857.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русскому историку, представляющему свой трудъ во второй половинѣ XIX вѣка, не нужно говорить читателямъ о значеніи, пользѣ исторіи отечественной; его обязанность предувѣдомить ихъ только объ основной мысли труда.

Не дѣлить, не дробить Русскую Исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ; слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимнодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію — вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда.

Русская Исторія открывается тѣмъ явленіемъ, что нѣсколько племенъ, не видя возможности выхода изъ родоваго, особнаго быта, призываютъ князя изъ чужаго рода, призываютъ единую общую власть, которая соединяетъ роды въ одно цѣлое, даетъ имъ нарядъ, сосредоточиваетъ силы сѣверныхъ племенъ, пользуется этими силами для сосредоточенія остальныхъ племенъ нынѣшней средней и южной Россіи. Здѣсь главный вопросъ для историка состоитъ въ томъ, какъ опредѣлились отношенія между призваннымъ правительственнымъ началомъ и призвавшими

племенами, равно и тѣми, которыя были подчинены въ послѣдствіи, какъ измѣнился бытъ этихъ племенъ въ слѣдствіе вліянія правительственнаго начала, непосредственно, и посредствомъ другаго начала, дружины, и какъ, въ свою очередь, бытъ племенъ дѣйствовалъ на опредѣленіе отношеній между правительственнымъ началомъ и остальнымъ народонаселеніемъ, при установленіи внутренняго порядка, или наряда. Замѣчаемъ именно могущественное вліяніе этого быта; замѣчаемъ и другія вліянія, вліяніе грекоримское, которое проникаетъ въ слѣдствіе принятія христіанства отъ Византіи, и обнаруживается преимущественно въ области права. Но кромѣ Грековъ новорожденная Русь находится въ тѣсной связи, въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ другимъ европейскимъ народомъ, съ Норманнами: отъ нихъ пришли первые князья, Норманны составляли главнымъ образомъ первоначальную дружину, безпрестанно являлись при дворѣ нашихъ князей, какъ наемники участвовали почти во всѣхъ походахъ,—каково же было ихъ вліяніе? Оказывается, что оно было назначительно. Норманны не были господствующимъ племенемъ, они только служили князьямъ туземныхъ племенъ; многіе служили только временно; тѣ же, которые оставались въ Руси навсегда, по своей численной незначительности, быстро сливались съ туземцами, тѣмъ болѣе, что въ своемъ народномъ бытѣ не находили препятствій къ этому сліянію. Такимъ образомъ при началѣ Русскаго общества не можетъ быть рѣчи *о господствѣ* Норманновъ, о норманскомъ періодѣ.

Выше замѣчено, что бытъ племенъ, бытъ родовой могущественно дѣйствовалъ при опредѣленіи отношеній между правительственнымъ началомъ и остальнымъ народонаселеніемъ. Этотъ бытъ долженствовалъ потерпѣть измѣненія въ слѣдствіе вліянія новыхъ началъ; но оставался еще столько могущественнымъ,

что, въ свою очередь, дѣйствовалъ на измѣнявшія его начала, и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ея начинаютъ господствовать родовыя отношенія, тѣмъ болѣе, что родъ Рюрика, какъ родъ владѣтельный, не подчинялся вліянію никакого другаго начала. Князья считаютъ всю Русскую землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, при чемъ старшій въ родѣ, Великій Князь сидитъ на старшемъ столѣ, другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохранятся тѣмъ, что когда умретъ старшій или Великій Князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, при чемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Такія отношенія въ родѣ правителей, такой порядокъ преемства, такіе переходы князей могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, на опредѣленіе отношеній правительственнаго начала къ дружинѣ и къ остальному народонаселенію, однимъ словомъ, находятся на первомъ планѣ, характеризуютъ время.

Начало перемѣны въ означенномъ порядкѣ вещей мы замѣчаемъ во второй половинѣ XII вѣка, когда сѣверная Русь выступаетъ на сцену; замѣчаемъ здѣсь на сѣверѣ новыя начала, новыя отношенія, имѣющія произвести новый порядокъ вещей, замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ старшаго князя къ младшимъ, ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, изъ которыхъ каждая стремится увеличить свои силы на счетъ

другихъ линій, и подчинить себѣ послѣднія уже въ государственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ чрезъ ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, чрезъ ихъ отчужденіе другъ отъ друга и чрезъ видимое нарушеніе единства Русской земли приготовляется путь къ ея собиранію, сосредоточенію, сплоченію частей около одного центра, подъ властію одного государя.

Первымъ слѣдствіемъ ослабленія родовой связи между княжескими линіями, отчужденія ихъ другъ отъ друга было временное отдѣленіе южной Руси отъ сѣверной, послѣдовавшее по смерти Всеволода III-го. Не имѣя такихъ прочныхъ основъ государственнаго быта, какими обладала сѣверная Русь, южная Русь, послѣ Татарскаго нашествія, подпала подъ власть князей Литовскихъ. Это обстоятельство не было гибельно для народности юго-западныхъ Русскихъ областей, потому что Литовскіе завоеватели приняли Русскую вѣру, Русскій языкъ, все оставалось по старому; но гибельно было для Русской жизни на юго-западѣ соединеніе всѣхъ Литовско-Русскихъ владѣній съ Польшею въ слѣдствіе восшестія на Польскій престолъ Литовскаго Князя Ягайла; съ этихъ поръ юго-западная Русь должна была вступить въ безплодную для своего народнаго развитія борьбу съ Польшею для сохраненія своей народности, основою которой была вѣра; успѣхъ этой борьбы, возможность для юго-западной Руси сохранить свою народность условливались ходомъ дѣлъ въ сѣверной Руси, ея самостоятельностію и могуществомъ.

Здѣсь новый порядокъ вещей утверждался неослабно. Вскорѣ по смерти Всеволода III-го, по отдѣленіи южной Руси отъ сѣверной, явились и въ послѣдней Татары, опустошили значи-

тельную ея часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать отъ хановъ ярлыки на княженія. Такъ какъ для насъ предметомъ первой важности была смѣна стараго порядка вещей новымъ, переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, отъ чего зависѣло единство, могущество Руси и перемѣна внутренняго порядка, и такъ какъ начало новаго порядка вещей на сѣверѣ мы замѣчаемъ прежде Татаръ, то Монгольскія отношенія должны быть важны для насъ въ той мѣрѣ, въ какой содѣйствовали утвержденію этого новаго порядка вещей. Мы замѣчаемъ, что вліяніе Татаръ не было здѣсь главнымъ и рѣшительнымъ. Татары остались жить вдалекѣ, заботились только о сборѣ дани, нисколько не вмѣшиваясь во внутреннія отношенія, оставляя все какъ было, слѣдовательно оставляя на полной свободѣ дѣйствовать тѣ новыя отношенія, какія начались на сѣверѣ прежде нихъ. Ярлыкъ ханскій не утверждалъ князя неприкосновеннымъ на столѣ, онъ только обезпечивалъ волость его отъ Татарскаго нашествія; въ своихъ борьбахъ князья не обращали вниманія на ярлыки; они знали, что всякій изъ нихъ, кто свезетъ больше денегъ въ орду, получитъ ярлыкъ преимущественно передъ другимъ и войско на помощь. Независимо отъ Татаръ обнаруживаются на сѣверѣ явленія, знаменующія новый порядокъ, именно ослабленіе родовой связи, возстанія сильнѣйшихъ князей на слабѣйшихъ мимо родовыхъ правъ, стараніе пріобрѣсти средства къ усиленію своего княжества на счетъ другихъ; Татары въ этой борьбѣ являются для князей только орудіями, слѣдовательно историкъ не имѣетъ права съ половины XIII вѣка прерывать естественную нить событій, именно постепенный переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, и вставлять Татарскій періодъ, выдвигать на первый планъ Татаръ, Татар-

скія отношенія, въ слѣдствіе чего необходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій.

Борьба отдѣльныхъ княжествъ оканчивается на сѣверѣ тѣмъ, что княжество Московское, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, пересиливаетъ всѣ остальныя, Московскіе князья начинаютъ собирать Русскую землю: постепенно подчиняютъ и потомъ присоединяютъ они къ своему владѣнію остальныя княжества, постепенно въ собственномъ родѣ ихъ родовыя отношенія уступаютъ мѣсто государственнымъ; удѣльные князья теряютъ права свои одно за другимъ, пока наконецъ въ завѣщаніи Іоанна IV удѣльный князь становится совершенно подданнымъ Великаго Князя, старшаго брата, который носитъ уже титулъ Царя. Это главное, основное явленіе — переходъ родовыхъ отношеній между князьями въ государственныя условливаетъ рядъ другихъ явленій, сильно отзывается въ отношеніяхъ правительственнаго начала къ дружинѣ и остальному народонаселенію; единство, соединеніе частей условливаетъ силу, которою новое государство пользуется для того, чтобъ побѣдить Татаръ и начать наступательное движеніе на Азію; съ другой стороны, усиленіе сѣверной Руси въ слѣдствіе новаго порядка вещей условливаетъ успѣшную борьбу ея съ королевствомъ Польскимъ, постоянною цѣлію которой становится соединеніе обѣихъ половинъ Руси подъ одною державою; наконецъ соединеніе частей, единовластіе, окончаніе внутренней борьбы даетъ Московскому государству возможность войти въ сношенія съ Европейскими государствами, приготовлять себѣ мѣсто среди нихъ.

Въ такомъ положеніи находилась Русь въ концѣ XVI вѣка, когда пресѣклась Рюрикова династія. Начало XVII вѣка ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государ-

ству разрушеніемъ. Крамолами людей, питавшихъ старинныя притязанія, нарушена была духовная и матеріальная связь областей съ правительственнымъ средоточіемъ: части разрознились въ противоположныхъ стремленіяхъ, земля замутилась; своекорыстнымъ стремленіемъ людей, хотѣвшихъ воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ для своихъ выгодъ, хотѣвшихъ жить на счетъ государства, открылось свободное поприще. Не смотря однако на страшные удары, на множество враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, государство спаслось; связь религіозная и связь гражданская были въ немъ такъ сильны, что, не смотря на отсутствіе видимаго сосредоточивающаго начала, части соединились, государство было очищено отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, избранъ Государь всею землею. Такъ юное государство со славою выдержало тяжкое испытаніе, при которомъ ясно высказалась его крѣпость.

Съ новою династіею начинается приготовленіе къ тому порядку вещей, который знаменуетъ государственную жизнь Россіи среди Европейскихъ державъ. При первыхъ трехъ государяхъ новой династіи мы видимъ уже начало важнѣйшихъ преобразованій: является постоянное войско, обученное иностранному строю, приготовляется слѣдовательно важнѣйшая перемѣна въ судьбѣ древняго служиваго сословія, такъ сильно отозвавшаяся въ общественномъ строѣ; видимъ начатки кораблестроенія, видимъ стремленіе установить нашу торговлю на новыхъ началахъ; иностранцамъ даются привилегіи для учрежденія фабрикъ, заводовъ; внѣшнія сношенія начинаютъ принимать другой характеръ; громко высказывается необходимость просвѣщенія, заводятся училища; при дворѣ и въ домахъ частныхъ людей являются новые обычаи; опредѣляются отношенія церкви къ государству. Преобразователь воспитывается уже въ

понятіяхъ преобразованія, вмѣстѣ съ обществомъ приготовляется онъ идти только далѣе по начертанному пути, докончить начатое, рѣшить нерѣшенное. Такъ тѣсно связанъ въ нашей исторіи XVII вѣкъ съ первою половиною XVIII: раздѣлять ихъ нельзя. Во второй половинѣ XVIII вѣка замѣчаемъ новое направленіе: заимствованіе плодовъ европейской цивилизаціи съ исключительною цѣлію матеріальнаго благосостоянія оказывается недостаточнымъ, является потребность въ духовномъ, нравственномъ просвѣщеніи, потребность вложить *душу* въ приготовленное прежде *тѣло*, какъ выражались лучшіе люди эпохи. Наконецъ въ наше время просвѣщеніе принесло свой необходимый плодъ: познаніе вообще привело къ *самопознанію*.

Таковъ ходъ Русской Исторіи, такова связь главныхъ явленій, въ ней замѣчаемыхъ.

ГЛАВА I.

ПРИРОДА РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТИ И ЕЯ ВЛІЯНІЕ НА ИСТОРІЮ.

За долго до начала нашего лѣтосчисленія знаменитый Грекъ, котораго зовутъ отцомъ Исторіи, посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря: вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена, въ ней жившія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнялись одни другими, образовалось могущественное государство; — но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается по прежнему въ силѣ: ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ.

Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько-нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, — и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними.

имѣть ясное понятіе по дошедшимъ до насъ памятникамъ, даетъ лучшее объясненіе тому, какъ распространялись Русскія владѣнія и по сю сторону Уральскаго хребта: здѣсь также могли происходить стычки съ туземцами, которые приходили иногда раззорять новыя поселенія, отказывались платить ясакъ; но здѣсь одинъ народъ, государство не было завоевано другимъ народомъ, государствомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно принимается въ исторіи завоеваніе: однимъ словомъ, и тамъ и здѣсь преимущественно происходило населеніе, колонизація страны. Что сказано о сѣверѣ Россіи, то можетъ быть сказано и о другихъ областяхъ: мы видимъ съ самаго начала, что князья наши преимущественно заботятся о построеніи городовъ, о населеніи пустынныхъ пространствъ; извѣстно, какъ и послѣ Московское государство расширяло свои предѣлы на востокъ и юговостокъ, занимая и населяя пустынныя пространства; извѣстно наконецъ населеніе южныхъ и юговосточныхъ областей, происходившее недавно, уже во времена Имперіи. Малонаселенность страны, постоянное стремленіе владѣльцевъ увеличивать населеніе своихъ земель съ ущербомъ государственному интересу, вызывали мѣры, имѣвшія цѣлію удержать народонаселеніе на прежде занятыхъ имъ пространствахъ. Такимъ образомъ въ Русской исторіи мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пустынныя пространства и населяетъ ихъ; государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи; господствующее племя Славянское выводитъ поселенія свои все далѣе и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ племенамъ Европы завѣщано исторіею высылать поселенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ Христіанство и гражданственность; западнымъ Европейскимъ племенамъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени Славянскому — сухимъ путемъ.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразитъ она путешественника чудесами; одно только поразило въ ней наблюдательнаго Геродота: «Въ Скиѳіи, говоритъ онъ, нѣтъ

ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны[2].» Въ самомъ дѣлѣ, обширному пространству древней Скиѳіи соотвѣтствуютъ исполинскія системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою, и составляютъ такимъ образомъ по всей странѣ водную сѣть, изъ которой народонаселенію трудно было высвободиться для особной жизни; какъ вездѣ, такъ и у насъ рѣки служили проводницами первому народонаселенію, по нимъ сѣли племена, на нихъ явились первые города; такъ какъ самыя большія изъ нихъ текутъ на востокъ или юговостокъ, то этимъ условилось и преимущественное распространеніе Русской государственной области въ означенную сторону; рѣки много содѣйствовали единству народному и государственному, и при всемъ томъ особыя рѣчныя системы опредѣляли въ началѣ особыя системы областей, княжествъ. Такъ по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ Русская земля раздѣлялась въ древности на четыре главныя части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую область Западной Двины, т. е. область Кривская или Полоцкая, третью область Днѣпра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую область верхней Волги, область Ростовская.

Область Новгородская, составляя продолженіе Финляндской озерной области, въ отношеніи географическомъ и историческомъ, посредничаетъ между Западною Европою и Россіею. Здѣсь Славянское племя сталкивается съ Скандинаво-Германскимъ; здѣсь шелъ великій водный путь изъ сѣверозападной Европы въ юговосточную и въ Азію, изъ Варягъ въ Греки, путь, по которому издавна спускались сѣверныя дружины на югъ, для опустошенія береговъ Имперіи: этимъ же путемъ производилась торговля между сѣверомъ и югомъ Европы. Озеро Ильмень, принимая въ себя съ юга многовѣтвистую Ловать, выпускаетъ на сѣверъ, въ Ладожское озеро, Волховъ; великій водный путь шелъ изъ Финскаго залива, по Невѣ, въ Ладожское озеро, отсюда Волховомъ въ Ильмень, изъ Ильменя Ловатью. Славянское племя, при движеніи своемъ съ юга на сѣверъ, не утвердилось, въ половинѣ IX вѣка, нигдѣ на берегахъ

моря; на встрѣчу медленному движенію Славянъ видимъ быстрое движеніе Варяговъ. Славянамъ удалось утвердиться на важномъ пунктѣ, при истокѣ Волхова изъ Ильменя, гдѣ является Новгородъ; но на второмъ важномъ пунктѣ великаго пути, при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, они утвердиться не могли: если даже предположимъ, что Ладога существовала до прибытія Рюрика, то она находилась не при самомъ устьѣ Волхова, и это положеніе ея показываетъ, со стороны Славянъ, какую-то медленность, боязливость приблизиться къ озеру Нево. Что касается рѣки Невы, то начальный лѣтописецъ считаетъ ее не рѣкою, а устьемъ озера въ море; Нева долго текла въ дикой независимости, и короткій бѣгъ ея долго былъ свидѣтелемъ упорной борьбы между двумя народами, Русскими и Шведами. Русскимъ удалось во время этой борьбы утвердиться на третьемъ важномъ пунктѣ великаго пути, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, гдѣ былъ построенъ Орѣшекъ; но потомъ эта крѣпость была уступлена Шведамъ; Петръ Великій взялъ ее снова и назвалъ Ключемъ-Городомъ (Шлюссельбургомъ); наконецъ Петръ успѣлъ овладѣть теченіемъ Невы, и укрѣпился на послѣднемъ, самомъ важномъ пунктѣ озерной системы, въ началѣ великаго воднаго пути — именно при устьѣ Невы въ море, гдѣ основалъ Петербургъ. Это положеніе при началѣ великаго воднаго пути, соединяющаго и теперь Европу съ Азіею, условило важное значеніе Петербурга, какъ столицы: здѣсь, въ IX вѣкѣ, началась первая половина Русской исторіи; здѣсь, въ XVIII, началась вторая ея половина. Движенія восточныхъ Славянскихъ племенъ съ юга на сѣверъ, по великому водному пути, начавшееся въ доисторическое время, только въ XVIII вѣкѣ окончательно достигло своей цѣли — морскаго берега.

Область Новгородскаго княжества есть озерная область, гдѣ главный узелъ составляетъ озеро Ильмень; слѣдовательно естественныя границы княжества должны совпадать съ границами рѣчныхъ системъ Ильменя, Ладожскаго озера и другихъ близь лежащихъ озеръ; и дѣйствительно мы видимъ, что границами Новгородской области служатъ волоки между системами рѣкъ

озерныхъ, и между системами Волги, Днѣпра и Западной Двины. Разумѣется, эти границы мы должны означать приблизительно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно къ востоку и юго-востоку племя Славянъ Ильменскихъ или Новгородскихъ еще въ незапамятныя времена могло перейти волоки, и выселиться на другія рѣчныя системы, въ слѣдствіе малонаселенности страны, лежащей къ востоку, на верховьяхъ Волги; не смотря на то однако, границы преимущественно идутъ по волокамъ, которые, надобно замѣтить, нигдѣ не имѣютъ такого важнаго значенія, какъ у насъ въ Россіи, ибо замѣняютъ отчасти горы. На югѣ границею Новгородской области съ Полоцкою и Смоленскою служилъ волокъ между системою Ильменя и Западной Двины; здѣсь граница могла обозначиться съ большею точностію волокомъ въ слѣдствіе ранняго населенія Полоцкой или Двинской области. На востокѣ границею Новгородской области съ Ростовскою или Суздальскою служилъ приблизительно также волокъ между системою Ильменя и Верхней Волги: такъ видимъ границу при рѣкѣ Медвѣдицѣ, одномъ изъ самыхъ близкихъ Волжскихъ притоковъ къ системѣ Ильменской[3]; но здѣсь, на востокѣ, Новгородцы перешли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ естественную границу своей области, ибо народонаселеніе необходимо стремилось съ запада на востокъ, находя себѣ здѣсь болѣе простора; такъ въ числѣ Новгородскихъ владѣній мы встрѣчаемъ Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Бѣжецкъ и другія мѣста, находящіяся на Волжской системѣ; любопытно однако видѣть, что эти мѣста были спорныя между Новгородцами и князьями Ростовской области; послѣдніе никакъ не хотятъ уступить ихъ въ полное владѣніе Новгородцамъ: такъ Волокъ и Торжокъ раздѣлены пополамъ между Новгородцами и Суздальскими князьями[4]; названіе Торжка, Торга, указываетъ именно на пограничное мѣсто, куда сходились на мѣну, торгъ жители двухъ областей; названіе Новый Торгъ указываетъ, что этотъ торгъ былъ прежде гдѣ нибудь на другомъ мѣстѣ, быть можетъ выше, на самомъ волокѣ. Любопытно также, что всѣ эти мѣста на волжской системѣ перечисляются всегда въ грамотахъ, какъ Новгородскія владѣ-

нія—знакъ, что они были спорныя, что Суздальскіе князья имѣли на нихъ постоянныя притязанія, однимъ словомъ, что это были колоніи Новгородскія въ чужой области.[5] Такія же колоніи Новгородскія простирались въ области Онеги, Сѣверной Двины и далѣе до самаго Уральскаго хребта; на важное значеніе волоковъ указываетъ названіе Заволоцкихъ владѣній Новгорода, Заволоцкой Чуди.

Въ тѣсной связи съ системою Ильменя находится система Чудскаго и Псковскаго озеръ: Кривичи Изборскіе находятся въ союзѣ съ Славянами Новгородскими, вмѣстѣ съ ними призываютъ князей; не смотря однако на эту тѣсную связь, не смотря на то, что Псковъ, смѣнившій Изборскъ, находился въ пригородныхъ отношеніяхъ къ Новгороду, Псковъ съ самаго начала стремится къ самостоятельности, и наконецъ достигаетъ ея: здѣсь, между другими обстоятельствами, нельзя не предположить и вліянія природы, потому что Псковская область принадлежитъ къ отдѣльной рѣчной системѣ. Этимъ же обстоятельствомъ условливаются и самое различіе и границы племенъ: народонаселеніе Изборской области принадлежало къ Кривскому племени.

Новгородская область представляетъ самую возвышенную страну между внутренними Русскими областями. По климату и почвѣ она раздѣляется на двѣ половины: сѣверовосточную и югозападную. Сѣверовосточная, простирающаяся отъ окрестностей озеръ Лача и Вожа до рѣкъ Сяси и Мологи, наполнена стоячими водами и лѣсами, подвержена дуновенію сѣверныхъ вѣтровъ, и повсюду неплодородна по причинѣ влажной и болотистой почвы; югозападная половина гораздо возвышеннѣе, суше и плодороднѣе. Это раздѣленіе важно для насъ въ томъ отношеніи, что имъ опредѣляется первоначальная граница Славянскаго и Финскаго племени; извѣстно, что, вездѣ при своихъ столкновеніяхъ, Славяне занимали возвышенныя, сухія и хлѣбородныя пространства, Финны же низменныя, болотистыя[6]; такъ точно и здѣсь означенная граница по качеству почвы соотвѣтствуетъ границѣ между Славянскимъ и Финскимъ племенами въ Новгородской области. Самыя лучшія для хлѣбопашества мѣста находятся между рѣками Ше-

лонью и Ловатью: здѣсь главныя селища Славянскаго племени; далѣе къ сѣверозападу, въ нынѣшней Петербургской губерніи, опять начинаются низменныя, болотистыя пространства — почва Финскаго племени. Но такъ какъ пространство между рѣками Шелонью и Ловатью мы назвали хлѣбороднымъ только относительно, вообще же Ильменскіе Славяне не нашли въ своихъ жилищахъ большихъ удобствъ для земледѣльческой промышленности, то съ теченіемъ времени, благодаря удобству водныхъ путей, среди нихъ развилась торговая промышленность, указавшая имъ необходимо путь къ сѣверовостоку, малонаселенному Финскими племенами, со стороны которыхъ Новгородцы не могли встрѣтить сильнаго сопротивленія. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы знаемъ, что относительно продовольствія Новгородская область была въ зависимости отъ Низовой земли: князь послѣдней, пресѣкши подвозъ съѣстныхъ припасовъ, могъ заморить Новгородъ голодомъ; съ другой стороны, и относительно торговли, Новгородъ зависѣлъ вполнѣ отъ Востока, потому что торговое значеніе Новгорода состояло въ доставкѣ сѣверовосточныхъ товаровъ въ Европу: отсюда понятно, что когда на востокѣ явилось могущественное владѣніе — государство Московское, то Новгородъ, находясь въ полной зависимости отъ Востока, необходимо долженъ былъ примкнуть къ этому государству: такимъ образомъ сама природа не позволяла Новгороду быть долго независимымъ отъ восточной Руси. Тоже самое должно сказать и о Псковѣ: его область имѣетъ также тощую почву, которая должна была заставить народонаселеніе обратиться къ другаго рода промышленности, къ торговлѣ, ремесламъ; Псковичи славились мастерствами, особенно строительнымъ; Новгородцевъ въ насмѣшку называли плотниками — указаніе на ихъ промышленный характеръ.

Не смотря на то, что на западѣ въ Средніе вѣка существовало мнѣніе, будто изъ Балтійскаго моря по восточному пути можно проѣхатѣ водою въ Грецію, водный путь этотъ прекращался рѣкою Ловатью, тамъ, гдѣ прекращается и Новгородская озерная область. Отъ Ловати до Днѣпра шелъ волокъ, отдѣлявшій Нов-

городскую озерную область отъ Западнодвинской и Днѣпровской. Объ этомъ волокѣ между Ловатью и Днѣпромъ упоминаетъ начальный лѣтописецъ, описывая водный путь изъ Варягъ въ Греки; но онъ не вдается въ подробности, какимъ образомъ дружины первыхъ князей Русскихъ шли отъ Ловати до Днѣпра. Очень вѣроятно, что путь ихъ лежалъ отъ Ловати по рѣкѣ Сережѣ до тридцати-верстнаго волока въ Желну на рѣкѣ Торопѣ; потомъ внизъ Торопою до Двины, Двиною къ устью Косопли (Каспли), и этою рѣкою вверхъ до озера Касплинскаго и волока при Гавринахъ въ Порѣцкомъ уѣздѣ, съ переѣздомъ по сушѣ тридцати верстъ [7]. Во всякомъ случаѣ на пути отъ Ловати къ Днѣпру должно было встрѣтить Западную Двину: вотъ причина, почему Двинская область, область Полоцкихъ Кривичей вошла въ связь съ Новгородцами и князьями ихъ прежде области Кривичей Смоленскихъ, и Рюрикъ уже отдаетъ Полоцкъ одному изъ мужей своихъ. Область Западной Двины, или область Полоцкая имѣла такую же участь, какъ и озерная область Новгородская: Славянское племя заняло начало и средину теченія Двины, но не успѣло при медленномъ движеніи своемъ достигнуть ея устья, береговъ моря, около котораго оставались еще туземцы, хотя подчиненные Русскимъ Князьямъ, но не подчинившіеся Славянорусской народности. Особность Полоцкаго, или Двинскаго княжества, его слабость въ слѣдствіе этой особности и усобицъ были причиною того, что въ XII вѣкѣ отъ морскихъ береговъ, съ устья Двины, начинается наступательное движеніе Нѣмцевъ, предъ которыми Полочане должны были отступать все далѣе и далѣе внутрь страны. Потомъ Полоцкое княжество подчинилось династіи князей Литовскихъ, и черезъ нихъ соединилось съ Польшею. Московское государство, сосредоточивъ сѣверовосточныя Русскія области, усилившись, начало стремиться, по естественному направленію, къ морю, ибо въ области Московскаго государства находились истоки Двины. Іоаннъ IV, стремясь черезъ покореніе Ливоніи къ морю, взялъ и Полоцкъ; но Баторій отнялъ у него и Ливонію и Полоцкъ, въ слѣдствіе чего почти все теченіе Двины стало находиться въ области одного государства. Но

чрезъ нѣсколько времени Шведы отняли у Поляковъ устье Двины, и область этой рѣки явилась въ затруднительномъ, неестественномъ положеніи, подѣленною между тремя государствами. Петръ Великій отнялъ низовье Двины у Шведовъ, въ слѣдствіе чего положеніе Двинской области стало еще затруднительнѣе, потому что верховье и устье находились въ области одного государства, а средина въ области другаго. При Екатеринѣ II Двинская область была выведена изъ этого неестественнаго положенія.

Границу Полоцкой области на сѣверѣ составляетъ водораздѣлъ между системою Двины и озерною — Ильменскою и Чудскою. Но верховье Двины не принадлежало Полоцкой области: за него шла сильная борьба между князьями Полоцкими, потомками Изяслава Владиміровича и потомками брата его Ярослава, владѣльцами остальныхъ Русскихъ областей. Причина этой борьбы, причина стремленія Ярослава I и рода его удержать за собою верховье Двины, ясна съ перваго взгляда на карту: Верхняя Двина и впадающая въ нее рѣчка Торопа служили соединеніемъ Новгородской области съ собственною Русью, областью Днѣпровскою, по нимъ шелъ путь изъ Варягъ въ Греки; владѣя Новгородомъ и Днѣпровьемъ, Ярославъ и дѣти его не могли оставить верховье Двины и Торопу во владѣніи враждебнаго рода Изяславичей Полоцкихъ; послѣдніе, пользуясь тѣмъ, что ихъ владѣнія, ихъ рѣчная область отдѣляла Новгородскую область отъ Руси, неоднократно обнаруживали свои притязанія на Новгородъ. Ярославъ уступилъ Брячиславу Полоцкому Витебскъ и Усвятъ[8], но удержалъ верховье Двины и Торопу, гдѣ послѣ образовалось княжество Торопецкое, примыкавшее къ Смоленскому. Изъ этого положенія Торопецкаго княжества, лежащаго въ срединѣ между озерною (Новгородскою), Двинскою (Полоцкою), Днѣпровскою (южнорусскою) и Волжскою (Ростовскою или Суздальскою) областями, уясняется намъ положеніе князей Торопецкихъ, знаменитыхъ Мстиславовъ, ихъ значеніе, какъ посредниковъ между Новгородомъ, южною Русью и князьями Суздальскими; посредствомъ Торопца Новгородъ поддерживалъ связь свою съ южною

Русью, изъ Торопца получалъ защиту отъ притѣсненій князей Суздальскихъ.

На востокѣ, югѣ и западѣ границами Полоцкой области служили приблизительно также водораздѣлы между системами Двины, Днѣпра и Нѣмана. Но на югѣ къ Полоцкому княжеству примыкало также княжество Минское, находившееся преимущественно на системѣ Днѣпровской, по правому берегу Днѣпра и рѣкамъ, впадающимъ въ него съ этой стороны. Княжество Минское образовалось, какъ видно, изъ области Славянскаго племени Дреговичей, сѣвшихъ, по лѣтописи, между Припетью и Двиною. Мы видимъ, что въ стремленіи своемъ на югъ изъ Новгородской области, Варяги прежде всего должны были перейти въ область Двины, и утвердиться въ Полоцкѣ. Отсюда, двинувшись къ югу, они немедленно должны были перейти въ область Днѣпра, въ землю Дреговичей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ притоки Днѣпра и Двины находятся такъ близко другъ отъ друга, гдѣ теперь искусственно соединяются Березинскимъ каналомъ. Это движеніе Полоцкихъ державцевъ къ югу и покореніе Дреговичей безъ сомнѣнія произошло еще при Рюрикѣ, по крайней мѣрѣ прежде движенія Олега изъ Новгорода; что правый берегъ Днѣпра, земля Дреговичей занята была изъ Полоцка, доказываетъ молчаніе лѣтописи о покореніи Дреговичей Олегомъ или его преемниками. Владиміръ, истребивъ семью Полоцкаго князя Рогволода, присоединилъ его владѣнія, какъ Кривскія, такъ и Дреговичскія къ своимъ; но послѣ, по совѣту дружины, возстановилъ Рогволодову область въ цѣломъ ея видѣ для внука Рогволодова, а своего сына Изяслава; этимъ объясняется, какимъ образомъ Минское княжество, лежащее въ области Днѣпровской, принадлежало роду князей Полоцкихъ; но Минское княжество, въ слѣдствіе своего географическаго положенія, становится мѣстомъ борьбы между Изяславичами Полоцкими и Ярославичами Русскими, и долѣе, чѣмъ самый Полоцкъ, остается за послѣдними; а Дреговичи южные, жившіе по притокамъ Припети, принадлежатъ постоянно къ владѣніямъ Русскихъ Ярославичей[9]. Почва собственно Полоцкаго княжества неплодородна; вся область наполнена озерами, болотами, топями; теперь

въ Витебской губерніи считается больше 1,000 озеръ большихъ и малыхъ. Бѣдность природы, при удобствѣ сообщенія съ моремъ посредствомъ Двины, обратила вниманіе Полочанъ и Видблянъ на торговлю, и они вмѣстѣ съ Смольнянами являются посредниками заморской Русской торговли.

Какъ Полоцкое княжество есть область Западной Двины, такъ Литва есть область Нѣмана, Польша область Вислы. Литовская область вмѣстѣ съ областью Ятвяговъ, лежащею по границѣ между рѣчными системами Вислы, Нѣмана и Днѣпра, имѣютъ важное значеніе въ исторіи восточной Европы: покрытыя болотами и лѣсами, даже теперь непроходимыми, эти страны лучше высокихъ горныхъ хребтовъ охраняли западныя границы Русскихъ Славянъ; среди этихъ-то болотъ и непроходимыхъ пущъ съ незапамятныхъ поръ засѣли странные народы — Литва и Ятвяги, происхожденія которыхъ не могутъ еще опредѣлить ученые Благодаря природѣ своей страны, Литовцы и Ятвяги долѣе всѣхъ своихъ сосѣдей сохраняли дикость первоначальнаго быта; они набѣгали на окрестныя страны, но сами были недосягаемы въ своихъ неприступныхъ природныхъ укрѣпленіяхъ. Когда единоплеменники ихъ Пруссы подверглись тяжкому игу Нѣмцевъ, Литовцы отбились отъ послѣднихъ въ своихъ дебряхъ, заслонили отъ нихъ и восточныхъ сосѣдей своихъ; съ другой стороны, вѣроятно усиленные въ числѣ Прусскими выходцами, Литовцы начинаютъ наступательное движеніе къ востоку и югу на Русскія области, и основываютъ княжество, котораго географическое положеніе также очень важно: въ области Литовскаго Великаго княжества соединялись системы Днѣпровская, Вислинская, Нѣманская и Западно-Двинская; рѣки Русскія соединялись съ рѣками Польскими. Поэтому княжество Литовское служило звѣномъ, связующимъ Русь съ Польшею. На небольшомъ пространствѣ между Кобриномъ, Пинскомъ и Слонимомъ, три рѣчныя системы — Вислинская, Нѣманская и Днѣпровская, и вмѣстѣ съ тѣмъ три области — Польская, Литовская и Русская, соединяются теперь каналами: вотъ доказательство, что на восточной Европейской равнинѣ естественными гранями между странами и народами слу-

жили междурѣчные волоки, и какъ эти естественныя грани были незначительны, какъ мало препятствовали соединенію народовъ!

Югозападная, древняя собственная Русь (княжества: Кіевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское) есть область Днѣпра, главной рѣки воднаго пути изъ Варягъ въ Греки; этому пути, слѣдственно Днѣпру, преимущественно Русь была обязана своимъ соединеніемъ съ сѣверозападною и юговосточною Европою: изъ первой явились князья, отъ второй получено Христіанство; Днѣпру преимущественно Русь была обязана и своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ: по этой рѣкѣ шли съ своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежныя Славянскія племена, жившія разсѣянно; по Днѣпру же шелъ и торговый путь изъ нижнихъ странъ въ верхнія. И Днѣпръ, въ историческомъ отношеніи, раздѣлялъ судьбу другихъ рѣкъ Русскихъ: его устье хотя съ незапамятныхъ поръ покрывалось Русскими лодками, однако собственно не находилось въ Русскихъ владѣніяхъ до временъ Екатерины II-й, потому что Русская государственная область распространялась естественнымъ образомъ изнутри, изъ ядра своего, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ предѣловъ своихъ, то-есть до устьевъ этихъ рѣкъ, берущихъ начало въ ея сердцѣ, а это сердце — Великая Россія, Московское государство, справедливо называемое страною источниковъ: отсюда берутъ свое начало всѣ тѣ большія рѣки, внизъ по которымъ распространялась государственная область. Не смотря на то, что югозападная Русь, преимущественно Кіевская область, была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ полю, или степи, жилищу дикихъ народовъ, дѣлала ее неспособною стать государственнымъ зерномъ для Россіи, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Кіевская область (Русь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ) въ началѣ и послѣ носитъ характеръ пограничнаго военнаго поселенія, остается страною козаковъ до полнаго государственнаго развитія, начавшагося въ сѣверной Руси, въ странѣ источниковъ.

Но если по причинамъ естественнымъ югозападная Русь не

могла стать государственнымъ ядромъ, то природа же страны объясняетъ намъ, почему она была главною сценою дѣйствія въ начальной нашей исторіи: области древнихъ княжествъ Кіевскаго, Волынскаго, Переяславскаго, и собственно Черниговскаго составляютъ самую благословенную часть областей Русскихъ относительно климата и качества почвы. — Древнюю Русь, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, составляла страна около Кіева, на западномъ берегу Днѣпра, земля Полянъ. Область Кіевскаго княжества въ первоначальномъ видѣ, какъ досталась она Изяславу I-му, заключала въ себѣ земли Полянъ, Древлянъ и отчасти Дреговичей; естественными и приблизительными историческими границами его были: къ востоку Днѣпръ; къ сѣверу водораздѣлъ между рѣчными областями, собственно Днѣпровскою и областью Припети, потомъ водораздѣлъ между областью Припети и Нѣмана; къ западу водораздѣлъ между западнымъ Бугомъ и Вислою; къ югу сначала водораздѣлъ между областью Припети, Днѣстра и Буга, потомъ рѣка Рось, по которой, начиная съ XI вѣка, видимъ уже военныя поселенія, зерно козачества. Почему рѣка Рось служила въ древности южною границею и Кіевскаго княжества и всѣхъ Русскихъ областей, это объясняется также природою: къ югу отъ этой рѣки, въ южной части нынѣшней Кіевской губерніи, почва принимаетъ уже степное свойство; луга здѣсь степные. Область княжества Владиміро-Волынскаго заключала въ себѣ землю Бужанъ (Славянскаго племени, жившаго по западному Бугу[10]) и, принадлежа, съ одной стороны, къ системѣ Вислинской, а съ другой, чрезъ притоки Припети, къ Днѣпровской, посредничала между Русью и Польшею. Это положеніе Владиміро-Волынской области на отдѣльной отъ Днѣпра рѣчной системѣ объясняетъ отчасти, почему Волынь отдѣляется отъ собственной Руси и вмѣстѣ съ Галичемъ образуетъ особую систему княжествъ; отдѣльность рѣчной системы объясняетъ также и раннюю особность Галицкаго княжества, лежащаго по Вислинской и Днѣстровской системамъ.

На восточной сторонѣ Днѣпра, притокомъ послѣдняго, Десною, привязывалась къ Кіевской области и область Черниговская, ле-

жащая по Деснѣ и ея притокамъ. Тщетно князья хотѣли дѣлить Русь Днѣпромъ на двѣ отдѣльныя половины: Десна привязывала Черниговъ къ Кіеву также крѣпко, какъ и родовыя отношенія Святославичей и Мономаховичей; тщетно потомъ Польское правительство хотѣло раздѣлиться Днѣпромъ съ Москвою; это дѣленіе было кратковременно. Рѣка Сеймъ, притокъ Десны, привязывала къ Чернигову область Курскую [11]. На южной оконечности нынѣшней Черниговской губерніи находится возвышенность, дающая начало рѣкамъ, изливающимся отсюда въ Полтавскую губернію: Трубежу, Супою, Удаю и Ромну; этотъ водоспускъ въ древности отдѣлялъ область Черниговскаго княжества отъ области Переяславскаго. На верхнемъ Днѣпрѣ, и слѣд. въ тѣсной связи съ Кіевомъ, находилась область Смоленскаго княжества. Смоленскъ находился въ области Кривичей, которые сѣли на верховьяхъ рѣкъ Волги, Днѣпра и Двины; изъ этого положенія легко видѣть важное значеніе Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси — между областью Волги, Днѣпра и Двины, т. е. между Великою, Малою и Бѣлою Россіею: держа ключи ко всѣмъ этимъ областямъ, Смоленскіе князья держатъ Новгородъ въ зависимости отъ южной Руси, стерегутъ Днѣпровье отъ притязаній сѣверныхъ князей, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ распряхъ послѣднихъ съ южными, являются главными дѣятелями въ исторіи югозападной Руси (съ тѣхъ поръ, какъ Волынскіе князья обращаютъ все свое вниманіе на западъ), борются съ Волынью и Галичемъ за Кіевъ, и во время этой борьбы крѣпко держатся связи съ Сѣверомъ, съ Новгородомъ и Волжскою областію. Изъ положенія Смоленской области понятно, почему Смоленскъ служилъ постоянно поводомъ къ спору между сѣверовосточною, или Московскою, и югозападною, или Литовскою Русью, почему ни Московское, ни Литовское (Польское) правительство не могли успокоиться, не имѣя въ своихъ рукахъ Смоленска. Граница Смоленскаго княжества шла на сѣверѣ между притоками Ловати и Торопою, далѣе отъ Торопца къ верхней Волгѣ у Ржева; восточная граница шла отъ Ржева мимо Зубцова къ верховьямъ Москвы рѣки и Протвы около Можайска, потомъ поворачи-

вала къ западу водораздѣломъ между системою Днѣпровскою и Окскою, между Угрою и Днѣпромъ, между Десною и Сожью; южную границу съ Черниговскою и Кіевскою областями опредѣлить можно впаденіемъ рѣки Прони въ Сожъ; на западъ границу составлялъ Днѣпръ до Орши, и далѣе на сѣверъ линія черезъ Двину между Суражемъ и Велижемъ къ Торопцу. Изъ обозначенія этихъ границъ видно, что Смоленское княжество кромѣ области Кривичей заключало въ себѣ также и область Радимичей, жившихъ на Сожѣ. Почва Смоленскаго княжества вообще неплодородна, особенно половина, лежащая къ сѣверу отъ Днѣпра; это обстоятельство и выгодное положеніе на трехъ рѣчныхъ системахъ среди главныхъ Русскихъ областей необходимо условливали развитіе торговой промышленности у Смольнянъ и въ древнія времена.

Теперь обратимся къ Великой Россіи, государственному ядру. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ области верхней Волги, или Ростовской области. Главный городъ ея Ростовъ Великій[12], при самомъ началѣ Русской исторіи, находится въ тѣсной связи съ Новгородомъ и его князьями: тѣже заморскіе Варяги, которые брали дань на Новгородскихъ Славянахъ и на Чуди, берутъ ее и на Мери, Финскомъ племени, жившемъ около Ростова; посадникъ Рюрика сидитъ въ Ростовѣ, при чемъ не упоминается о походѣ, о покореніи, слѣдовательно болѣе чѣмъ вѣроятно, что Меря, подвергавшаяся вмѣстѣ съ Новгородцами и Чудью Варяжскому игу, вмѣстѣ съ ними свергла его, вмѣстѣ съ ними призвала Князей. Такая тѣсная связь Ростова съ Новгородомъ и Чудью объясняется тѣмъ, что Бѣлоозеро связано съ Ростовомъ водною нитью: эта нить есть рѣка Шексна, которая вытекаетъ изъ Бѣлоозера и впадаетъ въ Волгу у нынѣшняго Рыбинска; Ростовъ же находится при озерѣ Неро, изъ котораго течетъ Которость, впадающая въ Волгу при Ярославлѣ. Варяги, овладѣвшіе Бѣлоозеромъ, необходимо должны были спуститься внизъ по Шекснѣ къ Волгѣ, отсюда внизъ по Волгѣ до Которости и ею вверхъ до Ростова. Если этотъ водный путь служилъ для враждебныхъ нападеній, то онъ долженъ былъ также служить и для мирныхъ сношеній между Бѣлоозеромъ и Ростовомъ; отсюда объясняется по-

стоянная, неразрывная связь между этими городами въ нашей исторіи, объясняется, почему Бѣлоозеро является волостью Мономаха, которому принадлежитъ Ростовъ съ Поволжьемъ; въ послѣдствіи Бѣлоозеро становится удѣломъ Ростовскаго княжества. Внизъ по Шекснѣ ходили въ Ростовскую землю военныя дружины и торговыя лодки, вверхъ по ней шли изъ Ростовской земли на Бѣлоозеро и мятежные волхвы, такъ сильно волновавшіе новообращенныхъ христіанъ Сѣвера[13].

Естественныя и вмѣстѣ историческія границы Ростовской области обозначаются съ сѣвера и сѣверозапада границами Новгородскихъ владѣній; при опредѣленіи послѣднихъ мы видѣли и сѣверозападную границу Ростовской области; на сѣверѣ естественною границею ея служили Увалы[14], отдѣляющіе систему Волги отъ системы Сѣверной Двины. Что же касается до естественныхъ границъ Ростовской области съ востока, юга и югозапада, то онѣ собственно должны совпадать съ границами Волжской системы; но это уже будутъ границы не Ростовской области, а Московскаго государства, котораго область есть преимущественно область Волги. Такимъ образомъ мы видимъ, что историческое дѣленіе Русской государственной области на части условливается отдѣльными рѣчными системами; ясно, что величина каждой части будетъ соотвѣтствовать величинѣ своей рѣчной области; чѣмъ область Волги больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государства должна быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи, а естественно меньшимъ частямъ примыкать къ большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Бѣлая и Малая Русь примкнули къ Московскому государству.

И такъ цѣлая область Волги есть преимущественно область Московскаго государства, и Ростовская область будетъ только областью верхней Волги. Прослѣдимъ же теперь распространеніе Русской государственной области по Волжской системѣ, и переходъ Ростовской области въ область Великаго княжества Владимірскаго, и послѣдней въ область Московскаго государства. Ростовъ былъ городомъ племени, и, если принимать извѣстіе лѣтописца, былъ одинокъ въ цѣлой обширной области, полу-

чившей отъ него свое названіе. Мы видимъ, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей было построеніе городовъ. Это построеніе носитъ слѣды расчета, преднамѣреннаго стремленія, что̀ видно изъ положенія новыхъ городовъ и изъ разстоянія ихъ одного отъ другаго. Ярославль построенъ на важномъ пунктѣ, при устьѣ Которости въ Волгу, которая посредствомъ этого притока соединяется съ Ростовскимъ озеромъ. Потомъ мы видимъ стремленіе внизъ по Волгѣ; города строятся при главныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ: такъ построена Кострома при поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Костромы, Юрьевецъ-Поволжскій при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ, или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Унжи; наконецъ Нижній Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азіи. Нужно было вступить въ борьбу съ народонаселеніемъ, жившимъ по берегамъ Волги и ея притоковъ: отсюда необходимыя войны сѣверныхъ князей съ Болгарами и Мордвою; въ этой борьбѣ Русскіе остаются побѣдителями, видимо оттѣсняютъ варваровъ; но тутъ Азія какъ будто собираетъ послѣднія силы для отпора опасному врагу, и высылаетъ толпы Татаръ. Основатель Нижняго Новгорода, Юрій Всеволодовичь, палъ въ битвѣ съ Татарами; движеніе Русскихъ внизъ по Волгѣ было надолго остановлено. При Димитріи Донскомъ оно начинается снова; Русскіе полки являются опять въ старинной землѣ Болгарской; здѣсь загорается послѣдняя ожесточенная борьба между Европою и Азіею, борьба, имѣющая важное значеніе не для одной Русской исторіи. Азіатцы основываютъ въ Болгарской землѣ крѣпкій оплотъ противъ стремленія Русскихъ, и въ лицѣ ихъ противъ Европы и Христіанства; этотъ оплотъ — Казань. Послѣ долгой, упорной борьбы, Казань падаетъ предъ Іоанномъ IV. Какъ важна была Казань для Азіи, видно изъ того, что спустя немного времени послѣ ея завоеванія, устье Волги, чрезъ покореніе Астрахани, уже находится въ рукахъ Русскихъ. Въ тоже время Русскія поселенія распространяются по Камской системѣ, которая такъ близка къ системамъ рѣкъ Сибирскихъ, при-

чемъ переходъ чрезъ Уральскія горы, по ихъ незначительной высотѣ, былъ легокъ, незамѣтенъ для Русскихъ людей; уже при Іоаннѣ IV козаки развѣдываютъ путь въ Сибирь, при чемъ главная ихъ дорога по рѣкамъ; при наслѣдникахъ Грознаго, Русскіе утверждаются здѣсь окончательно; малочисленные, разбросанные на огромныхъ пространствахъ, дикіе народцы не могли выставить имъ сильнаго сопротивленія; природа въ удобствѣ водныхъ сообщеній вездѣ дала предпріимчивымъ Русскимъ дружинамъ средство съ необыкновенною быстротою отыскивать новыя землицы для приведенія ихъ подъ высокую руку Великаго Государя, и скоро Русскія грани касаются береговъ Восточнаго Океана. Замѣтимъ также, что природа, отдѣливъ Сибирь отъ остальной Азіи пространными степями Татаріи, а съ востока и сѣвера опоясавъ уединенными океанами, и направивъ теченіе большихъ рѣкъ ея къ сѣвернымъ тундрамъ, чрезъ это самое заставила ее смотрѣть исключительно на Западъ, образовала изъ нея нераздѣльную часть Европейской Россіи.

Кромѣ стремленія внизъ по Волгѣ, у сѣверныхъ князей было еще другое стремленіе, болѣе важное, именно стремленіе на югъ, для соединенія съ югозападной Русью, гдѣ находилась главная сцена дѣйствія. Мы назвали это стремленіе болѣе важнымъ, потому что хотя у князей это было только стремленіе къ югу, для соединенія съ Днѣпровскою Русью, однако на самомъ дѣлѣ это выходило исканіе центра, около котораго Русскія области могли сосредоточиться. Стремленіе князей къ югу усматривается въ перенесеніи стола княжескаго изъ Ростова въ Суздаль; первый князь, который долженъ былъ остаться на долго въ Ростовской области, Юрій Владиміровичь Долгорукій, живетъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздалѣ, городѣ южнѣйшемъ. Каково же положеніе этого города, и какъ вообще должно было совершаться это движеніе на югъ? И здѣсь, какъ вездѣ въ нашей древней исторіи, водный путь имѣетъ важное значеніе. Самая ближайшая отъ Которости и отъ Ростовскаго озера рѣка къ югу есть Нерль, которая сама есть притокъ Клязьмы; такимъ образомъ если слѣдовать рѣчнымъ путемъ, то послѣ Ростова южнѣе будетъ Суздаль на

Нерли, потомъ южнѣе Суздаля является Владимиръ, уже на самой Клязьмѣ: такъ и сѣверные князья переносили свои столы — изъ Ростова въ Суздаль, изъ Суздаля во Владимиръ. Здѣсь, въ послѣднемъ городѣ, столъ великокняжескій утвердился на долго, потому что сѣверные князья, достигнувъ этого пункта, презрѣли южною Русью, и все вниманіе обратили на востокъ, начали стремиться, по указанію природы, внизъ по рѣкамъ — Клязьмою къ Окѣ и Окою къ Волгѣ. Положеніе Владимира было очень выгодно для того времени, когда, послѣ нашествія Монголовъ, восточныя отношенія играли важную роль: Владимиръ лежитъ на Клязьмѣ, которая впадаетъ въ Оку, тамъ, гдѣ эта рѣка принадлежитъ Востоку. Здѣсь природа, съ своей стороны, предлагаетъ также объясненіе, почему Владимирскіе князья, устремивъ все свое вниманіе на дѣла сѣверовостока, такъ охладѣли къ югу: такое охлажденіе особенно замѣчается въ дѣятельности Юрія II Всеволодовича. Изъ этого уже видно, что Владимиръ не могъ быть сосредоточивающимъ пунктомъ для Русскихъ областей: положеніе его одностороннее; рѣка, на которой лежитъ онъ, стремится къ Финскому сѣверовостоку. Средоточіе было найдено въ слѣдствіе опять того же стремленія къ югу, которымъ особенно отличался Юрій Долгорукій. Мы видѣли рѣчной путь отъ Ростова къ югу; но этотъ путь велъ не прямо къ югу, а къ юговостоку, тогда какъ для отысканія центра Русскихъ областей нужно было уклониться къ югозападу, что и сдѣлалъ Юрій Долгорукій, построившій на югозападъ отъ Ростова, по пути въ Днѣпровскую Русь, города Переславль Залѣсскій и Москву. Москва и была именно искомымъ пунктомъ; это обозначилось тотчасъ же въ исторіи: въ первый разъ Москва упоминается въ 1147 году, по случаю свиданія Долгорукаго съ Святославомъ Сѣверскимъ. Москва лежитъ на рѣкѣ того же имени, которая течетъ между Волгою, Окою и верхнимъ Днѣпромъ. Москва рѣка впадаетъ въ Оку, такъ же какъ и Клязьма, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что Клязьма впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ она принадлежала Финскому сѣверовостоку, тогда какъ Москва впадаетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передавала Москвѣ обязанность служить соединеніемъ

для сѣверныхъ и южныхъ Русскихъ областей. Сосредоточивающій пунктъ долженствовалъ быть мѣстомъ соединенія сѣвера съ югомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ носить характеръ сѣверный, потому что на сѣверѣ находились крѣпкія государственныя основы, которыхъ не было въ области собственной Оки, въ землѣ Вятичей, въ странѣ переходной, безъ опредѣленнаго характера, впрочемъ издавна примыкавшей къ южной Руси, и потому болѣе на нее похожей. Замѣтимъ также, что Москва находилась прямо въ срединѣ между двумя племенами, изъ которыхъ главнымъ образомъ составилось народонаселеніе Русское, между племенемъ Славянскимъ и Финскимъ.

Что касается природы Московскаго центральнаго пространства, то оно представляетъ обширную открытую равнину, съ умѣреннымъ климатомъ; эта равнина не вездѣ равно плодородна, и въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ уступаетъ южнымъ пространствамъ Имперіи; но за то она почти вездѣ способна къ обработанію, слѣд. вездѣ поддерживаетъ дѣятельность, энергію человѣка, побуждаетъ къ труду и вознаграждаетъ за него; а извѣстно, какъ подобныя природныя обстоятельства благопріятствуютъ основанію и развитію гражданскихъ обществъ. Было сказано, что эта область не вездѣ одинаково плодородна; сѣверная часть менѣе плодородна, чѣмъ южная; это природное обстоятельство также очень важно, условливая первоначальную промышленность, какъ главное занятіе для южнаго народонаселенія, и промышленность производящую для сѣвернаго, дополняя слѣдовательно одну часть другою, дѣлая ихъ необходимыми другъ для друга.

Область Москвы-рѣки была первоначальною областью Московскаго Княжества, и въ первой дѣятельности Московскихъ князей мы замѣчаемъ стремленіе получить въ свою власть все теченіе рѣки. Верховье и устье ея находились въ чужихъ рукахъ; слѣдовательно, область Московскаго Княжества была заперта съ двухъ концовъ: верховье рѣки находилось во власти князей Можайскихъ-Смоленскихъ, устье во власти князей Рязанскихъ; здѣсь ихъ былъ городъ Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваніями Москвы были Можайскъ и Коломна: Князь

Юрій Даниловичь, только овладѣвъ этими двумя городами, могъ считать свою область вполнѣ самостоятельною.

Мы видѣли, что распространеніе Русскихъ владѣній слѣдовало теченію рѣкъ. Вопервыхъ, оно шло озерною Новгородскою системою, потомъ системою Двины и Днѣпра къ югу или юго-западу, и въ тоже время, съ другой стороны, шло путемъ Бѣлозерскимъ, по Шекснѣ, и далѣе къ югу, по системѣ Мологи къ Волгѣ, потомъ Волгою, и на югъ отъ этой рѣки къ Окѣ. На встрѣчу этому движенію отъ сѣвера, которое, какъ видно, не шло далѣе Москвы, мы замѣчаемъ движеніе съ юга, по Деснѣ — притоку Днѣпра, и Окѣ — притоку Волги. Такимъ образомъ, первоначальное распространеніе преимущественно шло по огромной дугѣ, образуемой Волгою къ сѣверу, до впаденія въ нее Оки, и Днѣпромъ къ югу; потомъ распространеніе происходило въ серединѣ дуги, съ сѣвера, отъ Волги, и ему на встрѣчу съ юга отъ Днѣпра, при чемъ оба противоположныя движенія сходились въ области Москвы-рѣки, гдѣ и образовался государственный центръ. Теченіе Оки отъ истоковъ ея до устья Москвы-рѣки, и потомъ вмѣстѣ съ теченіемъ послѣдней, имѣло важное историческое значеніе, потому что служило посредствующею водною нитью между сѣверною и южною Русью. Такъ-какъ движеніе съ юга, отъ Днѣпра вверхъ но Деснѣ и ея притокамъ, шло отъ главной сцены дѣйствія, отъ Кіевской области, то естественно было быстрѣе, чѣмъ противоположное ему движеніе съ сѣвера, изъ дикой, малонаселенной области верхней Волги, и потому движеніе съ юга скоро переходитъ изъ области Десны въ область Оки, и владѣнія Черниговскихъ Святославичей обнимаютъ равно обѣ эти области; этому скорому переходу изъ одной рѣчной области въ другую благопріятствовала близость источниковъ и притоковъ обѣихъ рѣкъ, хотя въ древности водораздѣлъ между системами Десны и Оки служилъ границею двухъ племенъ — Сѣверянъ и Вятичей. Близость областей, Окской и Деснинской, или принимая обширнѣе, Волжской и Днѣпровской, и въ слѣдствіе того раннее ихъ политическое соединеніе были важнымъ препятствіемъ къ разъединенію сѣверовосточной или Московской Руси

съ югозападною, Литовскою; вотъ почему волокъ между Угрой и Днѣпромъ, собственно разграничивающій область Днѣпра отъ Окской, не могъ долгое время служить границею между обѣими половинами Руси, хотя Литва и стремилась здѣсь утвердить границу. — Область нижней Оки, отъ впаденія Москвы рѣки до Мурома, и отчасти область верхняго Дона досталась младшему изъ сыновей Святослава Черниговскаго, Ярославу, изгнанному изъ Чернигова племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ; эта область раздѣлялась въ послѣдствіи на два княжества — Рязанское и Муромское, которыя, будучи оторваны отъ Черниговской области по условіямъ историческимъ и находясь въ связи съ Ростовскою областью по условіямъ географическимъ, съ самаго начала находятся въ большей или меньшей зависимости отъ послѣдней.

Область Дона долго находилась внѣ Русской исторической сцены, хотя по близости Окскихъ притоковъ къ верхнему Дону и его притокамъ, владѣнія Рязанскія съ одной стороны, и Черниговскія съ другой, необходимо должны были захватывать и Донскую систему [5]; Донъ оставался степною рѣкою (какъ онъ и есть по природѣ береговъ своихъ), почти до самаго XV вѣка, т. е. до усиленія Московскаго государства, которое на берегахъ его, въ XIV вѣкѣ, одержало первую знаменитую побѣду надъ Азіею, въ лицѣ Монголовъ [6]. Заселеніе Донскаго и Волжскаго степнаго пространства принадлежитъ Московскому государству [7].

Наконецъ природа страны имѣетъ важное значеніе въ исторіи по тому вліянію, какое оказываетъ она на характеръ народный. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго, какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической; но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и не легкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность непорывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ

своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположнымъ. Съ другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ, развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что̀ могущественно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ народѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ, въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ сообщества мужчинъ. Но среди природы относительно небогатой, однообразной, и потому не веселой, въ климатѣ, относительно суровомъ, среди народа, постоянно дѣятельнаго, занятаго, практическаго — чувство изящнаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матеріальнѣе, а все это вмѣстѣ, безъ другихъ постороннихъ вліяній, дѣйствуетъ на исключеніе женщины изъ общества мужчинъ, что разумѣется, въ свою очередь, приводитъ еще къ большей суровости нравовъ. Все сказанное прилагается, въ извѣстной мѣрѣ, къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси.

ГЛАВА II.

БЫТЪ И СУДЬБА НАРОДОВЪ, НАСЕЛЯВШИХЪ НЫНѢШНЮЮ РУССКУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ОБЛАСТЬ, ДО ЯВСТВЕННАГО ПОЯВЛЕНІЯ ВЪ НЕЙ ПЛЕМЕНЪ СЛАВЯНСКИХЪ.

Нашъ лѣтописецъ начинаетъ повѣсть свою о Русской землѣ съ тѣхъ поръ, какъ слово Русь стало извѣстно Грекамъ; историкъ Русскій, который захочетъ углубиться въ отдаленныя времена, узнать что-нибудь о первыхъ извѣстныхъ обитателяхъ нашего отечества, долженъ также обратиться къ Грекамъ, начать съ тѣхъ поръ, какъ впервые имена этихъ обитателей появились въ извѣстіяхъ Греческихъ.

Во времена Гомера Греческіе корабли не смѣли еще плавать по Черному морю. Тогда смотрѣли на это море, какъ на Океанъ, границу обитаемой земли, считали его самымъ большимъ изъ всѣхъ морей, и потому дали ему названіе Понта, моря по преимуществу. Долго берега Понта считались негостепріимными по дикости ихъ народонаселенія, и море слыло аксиносъ (негостепріимнымъ), пока Іоническія колоніи (750 л. до Р. Х.) не заставили перемѣнить это имя на пріятно звучащее евксиносъ (гостепріимное). Во времена Гезіода свѣдѣнія Грековъ распространились: сѣверные берега Понта выдвинулись въ отдаленіи, покрытые туманами, представлявшими воображенію Древнихъ странные образы: то была баснословная область, хранилище драгоцѣнностей, обитель существъ необыкновенныхъ. Какъ естественно было ожидать, поэты овладѣли чудесною страною, и перенесли туда миѳы, сценою которыхъ считались прежде берега морей ближайшихъ[18]. Одинъ изъ нихъ, Аристей, самъ захотѣлъ посѣтить таинственный берегъ, и его поэмы, или, по

крайней мѣрѣ, выдаваемыя подъ его именемъ, распространили географическія свѣдѣнія Древнихъ. По Аристею[19], на берегахъ Понта жили Киммеріяне, къ сѣверу отъ нихъ Скиѳы, за Скиѳами Исседоны, до которыхъ онъ доходилъ. Потомъ о дальнѣйшихъ странахъ начинались разсказы дѣтски легковѣрныхъ путешественниковъ, купцовъ, подобныхъ нашему Новгородцу Гурятѣ Роговичу[20]: за Исседонами къ сѣверу жили Аримаспы, одноглазые люди; далѣе за Аримаспами Грифы стерегли золото, и еще далѣе на сѣверъ жили блаженные Гипербореи. Встрѣчаемъ древнія, темныя преданія о нашествіяхъ Киммеріянъ и Скиѳовъ на Азію; вѣрнѣе, хотя не во всѣхъ подробностяхъ, извѣстіе о походѣ Персидскаго царя Дарія Гистаспа противъ Скиѳовъ въ 513 году до Р. Х. Между тѣмъ сѣверные берега Понта остаются по прежнему любимою страною поэтовъ: извѣстія объ нихъ встрѣчаемъ у Эсхила, Софокла и Еврипида. Возможность получать объ нихъ свѣдѣнія увеличили — обширная торговля колоній и множество рабовъ, приводимыхъ въ Грецію съ сѣверныхъ береговъ Понта, и потому носившихъ имя Скиѳовъ[21]; но понятно, какою вѣрностію и точностію должны были отличаться извѣстія, почерпаемыя изъ такихъ источниковъ. Вотъ почему такъ драгоцѣнны для насъ свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ какъ очевидецъ. Геродотовы извѣстія точнѣе относительно страны, обитаемой Скиѳами, но о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ послѣднихъ, онъ столько же знаетъ, сколько и его предшественники, т. е. и послѣ Геродота эта страна остается страною вымысловъ. Аристотель[22] упрекаетъ Аѳинянъ за то, что они цѣлые дни проводятъ на площади, слушая волшебныя повѣсти и разсказы людей, возвратившихся съ Фазиса (Ріона) и Борисѳена (Днѣпра). Говоря о сѣверѣ и сѣверовостокѣ, обыкновенно прибавляли, что тамъ обитаютъ Скиѳы; послѣ Дарія Гистаспа съ ними вошелъ во враждебныя столкновенія Филиппъ Македонскій: онъ поразилъ Скиѳскаго царя Атеаса и вывелъ въ Македонію большой полонъ — 20,000 человѣкъ мужчинъ и женщинъ; завоеванія Александра Македонскаго, оказавшія такія важныя услуги Географіи открытіемъ новыхъ

странъ и путей въ южную Азію, не касались описываемыхъ нами странъ: съ Европейской стороны Македонскія завоеванія не простирались далѣе Дуная. Больше сдѣлано при наслѣдникахъ Александра: Тимэй подробно говорилъ о Скиѳахъ и сѣверномъ Океанѣ; Клеархъ, ученикъ Аристотеля, написалъ сочиненіе о Скиѳахъ; все, что до сихъ поръ было извѣстно о Сѣверѣ, собралъ Эратосѳенъ.

Въ такомъ видѣ Греки передали Римлянамъ свои географическія познанія о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Война съ Македоніею указала Римлянамъ берега Дуная; война съ Митридатомъ открыла путь къ сѣвернымъ берегамъ Понта. Митридатъ, въ своихъ отчаянныхъ попыткахъ противъ Римскаго могущества, старался вооружить на Италію всѣхъ дикихъ жителей степей отъ Дуная до Азовскаго моря. Во время Цезаря Беребистъ основалъ на берегахъ Дуная могущественное владѣніе Гетовъ, которое впрочемъ скоро раздѣлилось и ослабѣло. Овидій, сосланный въ Томы, перечисляетъ окружные народы — Гетовъ, Скиѳовъ, Сарматовъ, Языговъ, Бастарновъ; онъ не упоминаетъ о Дакахъ, которыхъ имя часто встрѣчается у Горація; но на свидѣтельствахъ поэтовъ трудно основываться: у нихъ одно народное имя идетъ за другое, древнее вмѣсто новаго. Причины, почему страны къ сѣверу отъ Понта не могли быть съ точностію изслѣдованы, приводитъ Страбонъ[23]: по Танаису (Дону), говоритъ онъ, мало что можно узнать выше устьевъ по причинѣ холода и бѣдности страны; туземцы, народы кочевые, питающіеся молокомъ и мясомъ, могутъ сносить непріязненный климатъ, но иностранцы не въ состояніи; притомъ туземцы необщительны, свирѣпы и дики, не пускаютъ къ себѣ иностранцевъ. — Вотъ почему и для Римлянъ эта страна оставалась украйною міра, которую покинули люди и боги[24].

Но скоро сѣверные варвары начинаютъ нападать на Римскія провинціи: въ 70 году по Р. Х. Роксоланы вступаютъ въ Мизію, но принуждены уйти оттуда съ большими потерями; потомъ Даки перешли Дунай, но были также отброшены назадъ. Даки были первый варварскій народъ, которому повелители свѣта должны

были платить дань при Домиціанѣ; Траянъ долженъ былъ вести кровопролитную войну съ предводителемъ ихъ Децебаломъ: Императору удалось превратить Дакію въ Римскую провинцію; многіе изъ Даковъ выселились, другіе мало по малу олатинились. Тацитъ восточными сосѣдями Германцевъ полагаетъ Даковъ и Сарматовъ, сомнѣваясь, куда причислить Певциновъ, Венедовъ и Финновъ — къ Германцамъ или Сарматамъ. Въ слѣдствіе частыхъ столкновеній съ варварами, извѣстія объ отдаленныхъ странахъ и народахъ умножились; но эти извѣстія приносились воинами, купцами; люди, которые хотѣли научнымъ образомъ составить изъ ихъ разсказовъ что нибудь полное, сами не могли повѣрить чужихъ извѣстій, и потому писали наугадъ, произвольно, чему доказательствомъ служитъ сочиненіе Птолемея.

Изложивши въ немногихъ словахъ постепенное распространеніе свѣдѣній о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Понта, скажемъ нѣсколько подробнѣе о бытѣ народовъ, жившихъ въ этихъ странахъ, сколько о немъ знали древніе. Мы знаемъ, что имена господствовавшихъ здѣсь одинъ за другимъ народовъ, были Скиѳы и Сарматы, отъ чего и страна называлась Скиѳіею, преимущественно у Грековъ, и Сарматіею, преимущественно у Римлянъ. Мы не можемъ позволить себѣ вдаваться въ вопросы о происхожденіи Скиѳовъ, Сарматовъ и другихъ сосѣднихъ имъ народовъ, не имѣя достаточнаго количества данныхъ въ извѣстіяхъ древнихъ писателей: чѣмъ ближе народы къ первоначальному быту, тѣмъ сходнѣе другъ съ другомъ въ обычаяхъ, нравахъ, понятіяхъ; отсюда легкость, съ какою можно всякій младенчествующій народъ, по нѣкоторымъ чертамъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, причислить къ какому угодно племени; нѣсколько словъ, оставшихся намъ отъ языка этого народа, не могутъ вести также къ твердымъ выводамъ: для выраженія нѣкоторыхъ предметовъ у всѣхъ племенъ найдутся общіе звуки. Мы войдемъ въ изслѣдованія миѳовъ и преданій о Скиѳахъ и другихъ древнихъ народовъ только въ той мѣрѣ, въ какой они связываются съ послѣдующими историческими явленіями, объясняютъ ихъ и взаимно объясняются ими.

Оставя всѣ многочисленныя и противорѣчивыя толкованія о положеніи Скиѳскихъ рѣкъ и народовъ, упоминаемыхъ у Геродота[25], мы изъ его разсказа можемъ вывести слѣдующія, несомнѣнныя заключенія: по Днѣпру — на западъ до самаго Днѣстра, на востокъ — очень на короткое разстояніе отъ берега, живетъ народонаселеніе земледѣльческое, или, по крайней мѣрѣ, переходное, которое хотя еще и не отстало отъ своихъ степныхъ обычаевъ, и не привыкло къ хлѣбу, однако сѣетъ его, какъ предметъ выгодной торговли; такимъ образомъ щедрая природа странъ приднѣпровскихъ необходимо приводила кочевника къ осѣдлости, или, по крайней мѣрѣ, заставляла его работать на осѣдлаго, европейскаго человѣка; но на довольно близкое разстояніе отъ восточнаго берега Днѣпра уже начинались жилища чистыхъ кочевниковъ, простираясь до Дона и далѣе за эту рѣку; чистые кочевники господствуютъ надъ всею страною до самаго Днѣстра и Дуная на западъ, а за ними далѣе къ востоку; за Дономъ живутъ въ голыхъ степяхъ другіе кочевники, болѣе свирѣпые, которые грозятъ новымъ нашествіемъ Приднѣпровью. Такимъ образомъ восточное, степное народонаселеніе господствуетъ безпрепятственно; Европа не высылаетъ ему соперниковъ; ни съ сѣвера, ни съ юга, ни съ запада не обнаруживается никакого движенія, грозитъ движеніе съ одного востока и въ тѣхъ же самыхъ формахъ — кочевники смѣнятся кочевниками. У береговъ Понта, при устьяхъ большихъ рѣкъ, Греческіе города построили свои колоніи для выгодной торговли съ варварами: быть можетъ, эти мирныя убѣжища гражданственности производили хотя медленное, но замѣтное въ исторі вліяніе на послѣднихъ? Исторія показываетъ между Скиѳами людей царскаго происхожденія, обольщенныхъ красотою Греческих женщинъ и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себ великолѣпные мраморные дворцы въ греческихъ колоніяхъ, даж ѣздятъ учиться въ Грецію, но гибнутъ отъ рукъ единородцев своихъ, какъ отступники отеческаго обычая; варварство въ пол номъ разгулѣ на берегахъ Понта; не Греческимъ купцамъ всту пить съ нимъ въ борьбу и побѣдить его: для этого нужна больша матеріальная сила, для этого нужны другіе многочисленные, крѣп

кіе народы и цѣлые вѣка медленнаго, но постояннаго движенія. Около Греческихъ колоній живутъ смѣшанные народы, полу-Эллины и полу-Скиѳы; но что̀ это? Скиѳы ли огречившіеся; или Греческіе переселенцы, принявшіе Скиѳскіе обычаи, или наконецъ отрасли родственныхъ съ Греками Ѳракійскихъ племёнъ? На эти вопросы не даетъ отвѣта древность.

Но о Скиѳахъ она знаетъ много подробностей. По свидѣтельству Геродота, Скиѳы считали себя младшимъ изъ народовъ и аборигенами въ землѣ своей: отъ брака верховнаго божества, которое Геродотъ называетъ по своему Зевсомъ, на дочери рѣки Борисѳена, родился въ пустынной странѣ человѣкъ Таргитавсъ; у него было трое сыновей — Лейпоксаисъ, Арпоксаисъ и Колаксаисъ. При нихъ упали съ неба плугъ, воловье иго, стрѣлы и чаша — всѣ золотые. Когда оба старшіе брата хотѣли дотронуться до этихъ вещей, то нашли ихъ огненными; только младшій братъ могъ взять ихъ въ руки, и отнести въ свое жилище, въ слѣдствіе чего старшіе передали ему царское достоинство. Отъ трехъ братьевъ пошли разныя Скиѳскія племена: отъ старшаго — Авхаты, отъ средняго — Катіары и Траспіи, отъ младшаго — царскіе, или Паралаты; всѣ они вообще носили имя Сколотовъ, а Греки называли ихъ Скиѳами. Преданіе о томъ, что Скиѳы суть самый младшій изъ народовъ, указываетъ на смутное сознаніе о позднемъ появленіи ихъ на берегахъ Понта; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло преданіе о странѣ, откуда они пришли, то явилось другое преданіе о происхожденіи Скиѳовъ на берегахъ Днѣпра. Днѣпръ, виновникъ плодоносія береговъ своихъ, дающій питаніе всему живущему на нихъ, необходимо явился участникомъ и въ произведеніи человѣка: онъ дѣдъ по матери праотцу Скиѳовъ; если небо участвовало непосредственно въ произведеніи праотца Скиѳовъ, то оно же непосредственно научило его дѣтей средствамъ къ жизни: съ неба упали четыре орудія, четыре символа главныхъ занятій первобытнаго человѣка — земледѣлія, скотоводства, винодѣлія и звѣроловства. Младшій братъ захватилъ ихъ себѣ, сталъ распорядителемъ, раздавателемъ срествъ къ жизни, старшіе братья должны были смотрѣть у него изъ рукъ — вотъ

символъ власти и подчиненія! но почему же въ преданіи на долю младшаго брата выпала власть, на долю старшихъ—подчиненіе? Это указываетъ на историческій фактъ и объясняется мѣстомъ жительства царственныхъ, господствующихъ Скиѳовъ, Паралатовъ. Историческій фактъ — это покореніе Паралатами остальныхъ Скиѳовъ; происхожденіе Паралатовъ отъ младшаго брата указываетъ опять на то, что Паралаты пришли позднѣе съ востока, и потому остались кочевать на берегахъ Дона, подчинивъ себѣ племена, прежде пришедшія и поселившіяся далѣе на западѣ около Днѣпра; Скиѳское преданіе вполнѣ объясняется послѣдующими явленіями, имѣвшими мѣсто въ этихъ странахъ; въ продолженіе многихъ вѣковъ мы видимъ здѣсь одинакое явленіе, а именно, что позднѣе пришедшія съ востока орды подчиняютъ себѣ племена, прежде пришедшія и утвердившіяся далѣе на западѣ.

У Понтійскихъ Грековъ существовалъ другой миѳъ о происхожденіи Скиѳовъ. Въ немъ говорится, что Геркулесъ пришелъ въ страну, заселенную послѣ Скиѳами, и которая тогда была пуста. Тамъ застигли его буря и холодъ; онъ завернулся въ львиную кожу и заснулъ. Проснувшись, Геркулесъ увидалъ, что лошади, которыхъ онъ оставилъ пастись, исчезли; онъ началъ искать ихъ по всей странѣ, и когда пришелъ въ лѣсную припонтійскую область Гюлэю, то нашелъ въ пещерѣ чудовище, ехидну, полуженщину и полу-змѣю. На спросъ Геркулеса ехидна отвѣчала, что лошади у нея, но что она не отдастъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится имѣть съ нею связь; Геркулесъ принужденъ былъ исполнить ея желаніе; плодомъ этой связи было трое сыновей: Агатирсъ, Гелонъ и Скиѳъ, изъ которыхъ послѣдній, какъ самый достойный сынъ Геркулеса, остался обладателемъ страны и родоначальникомъ царей Скиѳскихъ. Этотъ миѳъ есть видоизмѣненіе перваго: Греческіе поселенцы привели своего странствующаго героя-полубога на сѣверныя берега Понта; Скиѳія гордилась слѣдомъ стопы геркулесовой, какъ однимъ изъ чудесъ своихъ, и точно духъ Греціи оставилъ здѣсь много дивныхъ слѣдовъ, открываемыхъ теперь наукою. Въ пустынѣ Геркулесъ долженъ былъ сочетаться съ чудовищемъ, ехидною, дочерью Борис-

өена въ Скиөскомъ преданіи, и которой форма, равно какъ обитаніе въ пещерѣ Гюлэйской, указываетъ на первобытное состояніе сѣверныхъ береговъ Понта, только что вышедшихъ изъ-подъ воды; отъ этого страннаго брака Греческаго героя съ чудовищемъ произошли варварскіе и полуварварскіе смѣшанные народы, ибо Гелоны, по утвержденію Геродота, суть Эллины, поселившіеся среди Будиновъ. Въ этомъ миөѣ замѣчательно также для насъ сближеніе трехъ народовъ; Агатирсовъ, Гелоновъ и Скиөовъ, какъ происшедшихъ отъ одного прародителя.

Кромѣ миөовъ, историкъ имѣетъ преданіе, которое онъ не усумнится принять за достовѣрное, если обратитъ вниманіе на положеніе страны, и на событія, случившіяся уже на памяти исторіи: сѣверные берега Понта, открытая дорога между Европою и Азіею, были по этому самому изначала мѣстомъ столкновенія народовъ, изъ которыхъ одинъ вытѣснялъ другой изъ жилищъ его, или, по крайней мѣрѣ, подчинялъ его остатки своему господству. Такъ Аристей, по свидѣтельству Геродота, разсказывалъ, что на сѣверныхъ берегахъ Понта жили Киммеріяне, къ сѣверу отъ нихъ Скиөы, за ними Исседоны, за этими Аримаспы (одноглазые), Грифы, и наконецъ у сѣвернаго океана Гипербореи. Послѣдніе оставались спокойны, но изъ остальныхъ тѣ, которые жили сѣвернѣе, вытѣсняли жившихъ на югѣ, такъ что Киммеріяне принуждены были совершенно оставить страну и уступить ее Скиөамъ. У Геродота есть другое преданіе, что кочевые Скиөы жили въ Азіи, къ югу отъ Аракса; вытѣсненные Массегетами, они двинулись къ западу, въ страны Киммеріянъ. Это преданіе имѣетъ также много за себя для историка, потому что движеніе кочевыхъ народовъ было постоянно отъ востока къ западу; притомъ же это преданіе нисколько не противорѣчитъ Аристееву: Скиөы, изгнанные Массегетами, двинулись къ сѣверо-западу, и заняли сперва страну, лежавшую къ сѣверу отъ Киммеріянъ; потомъ, тѣснимые Исседонами, принуждены были двинуться къ югу [26].

Относительно наружности, Скиөы представляются у древнихъ бѣлокожими, краснолицами, голубоглазыми, съ мягкими, длинными, жидкими, искрасна-желтыми волосами. Скиөы были очень

похожи другъ на друга, толсты, мясисты; браки ихъ не отличались плодовитостію; нравы ихъ — нравы всѣхъ младенчествующихъ народовъ; они были страстны, вспыльчивы, лѣнивы; ихъ обычаи — обычаи всѣхъ кочевыхъ народовъ, какихъ еще и теперь много питаютъ степи средней Азіи; мужчины на лошадяхъ, женщины и дѣти въ кибиткахъ, запряженныхъ волами, перекочевывали съ одного пастбища на другое; пища ихъ — лошадиное молоко и мясо. Какъ всѣ варварскіе народы, Скиѳы любили опьяняться дымомъ пахучихъ травъ, потомъ полюбили привозное изъ Греціи вино, и пили его чистое, мужчины и женщины, пили и медъ. На войнѣ Скиѳы отличались храбростію и жестокостію: сдирали кожу съ убитыхъ враговъ, пили изъ череповъ ихъ; разсказы о Скиѳскихъ жестокостяхъ повели къ слуху, что они людоѣды, питались даже мясомъ собственныхъ дѣтей своихъ. Сражались они конные и пѣшіе; особенно славились Скиѳскіе стрѣлки; стрѣлы намазывались ядомъ. Война считалась почетнѣйшимъ занятіемъ; купцы уважались меньше, чѣмъ воины; и такъ между Скиѳами были купцы, были и земледѣльцы, какъ мы видѣли; для насъ очень важно извѣстіе[27], что Скиѳы позволяли каждому селиться на своихъ земляхъ и заниматься земледѣліемъ подъ условіемъ дани: такъ поступали всегда кочевники, которымъ не было дѣла до быта подвластныхъ имъ племенъ, лишь бы послѣдніе исправно платили дань; это же извѣстіе объясняетъ намъ приведенное извѣстіе Геродота о Скиѳахъ, которые сѣяли хлѣбъ не для собственнаго употребленія, а на продажу: вѣроятно, они продавали хлѣбъ, чтобы заплатить дань господствующему племени. Трудно рѣшить, одному ли владѣльцу повиновались Скиѳы, или многимъ; вождь на войнѣ былъ судьею въ мирное время. Скиѳія раздѣлялась на округи, въ каждомъ округѣ былъ особый начальникъ, для общаго собранія вѣча, назначалось особое мѣсто. Различіе между знатными и черными, между богатыми и бѣдными, существовало у Скиѳовъ; были у нихъ и рабы, которыхъ они ослѣпляли. Касательно религіи Геродотъ перечисляетъ названія слѣдующихъ божествъ: Табити (Веста), Папайосъ (Зевсъ), Апія (Земля), Ойтосиръ (Аполлонъ), Артимпаса (Афродита); Тамимасадасъ (Посейдонъ); кромѣ того упоми

вается о Геркулесѣ и Марсѣ; Табити (Веста), божество семьи, домашняго очага, пользовалось особеннымъ уваженіемъ, считалось народнымъ Скиѳскимъ божествомъ. Поклясться очагомъ, домашнимъ божествомъ начальника, считалось величайшею клятвою; ложная клятва этимъ божествомъ причиняла, по мнѣнію Скиѳовъ, болѣзнь начальнику. При кочевой жизни общественное богослуженіе не могло быть развито у Скиѳовъ; понятно, что у нихъ не могло быть храмовъ; изображеніемъ Марса служилъ мечь; этому божеству приносились годичныя жертвы, лошади и другія животныя, приносили въ жертву и плѣнныхъ, изо ста одного. Вмѣсто жрецовъ и у Скиѳовъ, какъ у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, видимъ толпу кудесниковъ, гадателей; Припонтійскія страны славились, какъ мѣстопребываніе чародѣевъ. — По смерти начальниковъ своихъ, Скиѳы погребали вмѣстѣ съ ними ихъ наложницъ, служителей, лошадей и разныя необходимыя для жизни вещи. — Изъ этихъ главныхъ чертъ Скиѳскаго быта есть ли хотя одна, которой бы мы не нашли и у другихъ младенчествующихъ племенъ? У древнихъ, какъ и у новыхъ образованныхъ народовъ, между писателями иногда встрѣчаются различные отзывы о варварскихъ племенахъ; одни, поборники своего образованнаго общества, выставляютъ бытъ варваровъ съ самой черной стороны; другіе на оборотъ: будучи недовольны испорченностію нравовъ, господствующею въ нѣкоторыя времена у образованныхъ народовъ, любятъ превозносить грубые нравы дикарей, возвышать ихъ до идеальной простоты и невинности; такія противоположныя мнѣнія мы встрѣчаемъ у писателей и о Скиѳахъ: одни описываютъ грубость ихъ самыми черными красками, дѣлаютъ изъ нихъ людоѣдовъ, пожирающихъ собственныхъ дѣтей; другіе превозносятъ чистоту, неиспорченность ихъ нравовъ, довольство малымъ, и упрекаютъ Грековъ и Римлянъ въ развратѣ, который они внесли къ Скиѳамъ.

Касательно быта другихъ народовъ чуждаго происхожденія, но обитавшихъ подлѣ Скиѳовъ, остались извѣстія объ Агатирсахъ, жившихъ къ западу отъ Скиѳовъ. Геродотъ называетъ ихъ самымъ изнѣженнымъ, женоподобнымъ народомъ, страстнымъ къ

блестящимъ украшеніямъ; жены были у нихъ въ общемъ пользованіи будто бы для того, чтобъ всѣмъ составлять одно семейство, и тѣмъ избѣжать зависти и вражды; въ остальномъ бытъ ихъ былъ похожъ на бытъ Ѳракіянъ. Изъ народовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Скиѳовъ, о Неврахъ ходили слухи, что они живутъ по скиѳски, и будто въ извѣстные дни каждый Невръ обращался въ волка, повѣрье, сильно укорененное между восточнымъ народонаселеніемъ Европы. Андрофаги отличались необыкновенною дикостію; Меланхлены имѣли Скиѳскіе нравы. О Будинахъ до Геродота дошли, какъ видно, одни смутные слухи; можно понимать, что въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ жили два различные народа—Будины и Гелоны: Будины—кочевники, Гелоны осѣдлые: у нихъ большой деревянный городъ; Геродотъ считаетъ Гелоновъ греческими переселенцами. Къ югу отъ Скиѳовъ, въ нынѣшнемъ Крыму, обитали Тавры, народъ дикій и свирѣпый, живущій грабежемъ и войною; на крышкахъ домовъ ихъ, надъ печными трубами виднѣлись шесты съ воткнутыми на нихъ головами плѣнниковъ: эти варварскіе трофеи охраняли домъ отъ всякаго зла, какъ жертва, угодная божеству. Тавры приносили плѣнныхъ Грековъ въ жертву Дѣвѣ; имя божества—дѣвы, у самыхъ Тавровъ,—Орейлоха; Грекамъ казалась она то Ифигеніею, то Артемидою. По природнымъ условіямъ полуострова, Тавры, подобно Скиѳамъ, раздѣлялись на кочевыхъ—сѣверныхъ, и земледѣльческихъ—южныхъ.

Какъ, на ясной памяти исторіи, въ нынѣшней южной Россіи господство одного кочеваго народа смѣнялось господствомъ другаго, жившаго далѣе на востокъ, такъ и въ древнія времена господство Скиѳовъ смѣнилось господствомъ Сарматовъ; но отъ этой перемѣны исторія столь же мало выиграла, какъ отъ смѣны Печенѣговъ Половцами; перемѣнились имена, отношенія остались прежнія, потому что бытъ народовъ, смѣнявшихъ другъ друга, былъ одинакій: и Сарматы, подобно Скиѳамъ, раздѣлялись на кочевыхъ и земледѣльческихъ, на господствующихъ и подчиненныхъ. Но древніе замѣтили и нѣкоторыя особенности у Сарматовъ; главная особенность состояла въ томъ, что у Сарматовъ женщины имѣли

большую силу, отличичались храбростію и мужескими упражненіями: это подало поводъ къ сказкѣ, что Сарматы произошли отъ совокупленія Скиѳовъ съ Амазонками; но у древнихъ писателей сохранилось также преданіе о происхожденіи Сарматовъ изъ Мидіи, преданіе, подтверждаемое теперь [29] наукою. Сарматы были бѣлокуры, свирѣпы на видъ, носили длинные волосы и бороду, широкую одѐжду, расписывались по тѣлу разными узорами; вели кочевую жизнь; не умѣли сражаться пѣшкомъ, но на лошадяхъ были неотразимы; отличались дикостію и жестокостію въ нравахъ; поклонялись мечу, по другимъ извѣстіямъ, огню, и приносили въ жертву лошадей. Изъ Сарматскихъ племенъ сильнѣйшими явились Языги на западѣ, въ нынѣшней Бессарабіи и Валахіи, отчасти въ Венгріи, и Роксоланы на востокѣ, — между Дономъ и Днѣпромъ; подлѣ Сарматовъ, на западныхъ границахъ Скиѳіи и восточныхъ Германіи, упоминается особый сильный народъ, Бастарны, раздѣлявшійся на три поколѣнія — Атмоновъ, Сидоновъ и Певциновъ. При первыхъ Императорахъ Рима, Роксоланы переходятъ Дунай и нападаютъ на области Имперіи; при Адріанѣ Римляне принуждены были платить имъ ежегодно извѣстную сумму денегъ; послѣ могущество Роксоланъ и Языговъ ослабѣло въ слѣдствіе усиленія Готѳовъ и потомъ Гунновъ. Незадолго до Рождества Христова, или въ первомъ вѣкѣ послѣ него, въ нынѣшней Европейской Россіи являются Аланы, пришедшіе, какъ говорятъ, изъ странъ Прикавказскихъ; Римляне знали и этихъ страшныхъ враговъ на Дунаѣ вмѣстѣ съ Готѳами; но часть ихъ въ соединеніи съ Вандалами бросилась на западъ, вмѣстѣ съ Франками перешла Рейнъ, опустошила Галлію (гдѣ, какъ говорятъ, Алансонъ получилъ отъ нихъ своѐ имя), нападала на Италію, Сицилію, Грецію, вторгнулась въ Испанію, и, вѣроятно, даже въ Африку. Большая часть племени оставалась впрочемъ въ странахъ Припонтійскихъ до конца IV вѣка, когда Аланы на время смѣшались съ побѣдителями своими Гуннами; но въ VI вѣкѣ встрѣчаемъ ихъ опять между Дономъ и Волгою; здѣсь, равно какъ въ странахъ Прикавказскихъ, византійскіе и арабскіе писатели упоминаютъ о нихъ въ

продолженіе среднихъ вѣковъ. Къ какому племени приписа Аланъ — объ этомъ еще спорятъ изслѣдователи; есть основа считать ихъ Германцами; для насъ впрочемъ и Аланы, каково б ни было ихъ происхожденіе, остаются народомъ неисторически потому что ихъ дѣятельность не отличается ничѣмъ отъ дѣятел ности ихъ предшественниковъ: ихъ слѣды также пропали въ на шихъ степяхъ.

Мы упоминали уже о Греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ бе регу Понта. Самою значительною изъ нихъ была здѣсь Оль (Борисѳенъ, Милетополисъ), основанная Милезійцами за 655 л до Р. Х., при устьѣ Гипаниса или Буга. Старый городъ бы разрушенъ Гетами въ половинѣ послѣдняго вѣка до Р. Х., п томъ, при участіи Скиѳовъ, Ольвія была возстановлена, но достигла прежняго богатства и великолѣпія; старый городъ, Геродоту, имѣлъ предмѣстіе, рынокъ, дворецъ Скиѳскаго ц Скюлеса; по надписямъ видно, что въ немъ былъ гимназіу хлѣбный складочный магазинъ, базаръ, рыбный рынокъ, кор бельныя верфи. Скиѳы производили здѣсь терговлю посредство семи толмачей; Ольвія имѣла обширныя торговыя связи съ Г ческими городами до самой Сициліи. Главнымъ храмомъ счита храмъ Юпитера Ольвіоса, гдѣ граждане собирались для совѣщ ній; но изъ божествъ особеннымъ уваженіемъ пользовался Ах лесъ,—пѣвцу котораго, Гомеру, также воздавались божескія п чести. Въ странѣ варварской жители Ольвіи не могли сохран въ чистотѣ Греческаго языка; они переняли также и Скиѳск одежду, въ которой преобладалъ черный цвѣтъ. Вѣрную карт быта Греческихъ колонистовъ можно видѣть въ разсказѣ Діо Хрисостома, который въ Ольвіи искалъ убѣжища отъ преслѣд ваній Домиціана. Когда жители Ольвіи увидали заморскаго о тора, то съ греческою жадностію бросились послушать его рѣ старики, начальники усѣлись на ступеняхъ Юпитерова хр толпа стояла съ напряженнымъ вниманіемъ. Діонъ восхища античнымъ видомъ своихъ слушателей, которые всѣ, подо Грекамъ Гомера, были съ длинными волосами и съ длинными б

родами; но всѣ они были также вооружены: наканунѣ толпа варваровъ показалась передъ городомъ, и въ то время, когда Діонъ произносилъ свою рѣчь, городскіе ворота были заперты, и на укрѣпленіяхъ развѣвалось военное знамя; когда же нужно было выступать противъ варваровъ, то въ рядахъ колонистовъ раздавались стихи Иліады, которую почти всѣ Ольвіополиты знали наизусть [29]. Время паденія новой Ольвіи трудно опредѣлить. Кромѣ Ольвіи важными поселеніями Греческими были — Пантикапея, (около Керчи), служившая мѣстопребываніемъ Босфорскимъ царямъ; потомъ Фанагорія, которую полагаютъ подлѣ Тамани; кромѣ того по берегамъ и во внутренности страны было много другихъ торговыхъ мѣстъ. Постоянная опасность со стороны варваровъ заставила всѣ эти города ввѣрить правленіе одному начальнику, вслѣдствіе чего произошло Босфорское царство. Война оборонительная влекла босфорскихъ владѣльцевъ и къ наступательной; они покорили своей власти разные окрестные варварскіе народы. Какъ начальники Греческихъ городовъ носили они названіе Архонтовъ, или Игемоновъ; какъ владѣльцы варварскихъ народовъ назывались Василевсами, или Етнархами. Такимъ образомъ на берегахъ Понта, гдѣ сталкивалось столько разноплеменныхъ и разнообычныхъ народовъ, издавна являются странныя, смѣшанныя владѣнія, какимъ въ древности было Босфорское царство, въ позднѣйшія времена–Казарское. Самую тѣсную связь съ нашею исторіею имѣетъ богатая Греческая колонія на Таврическомъ полуостровѣ (гдѣ теперь Севастополь) — Херсонесъ (Херсонъ, Корсунь).

Существованіе многихъ торговыхъ цвѣтущихъ поселеній предполагаетъ обширную торговлю. Главнымъ предметомъ вывоза съ сѣверныхъ береговъ Понта и въ древности, какъ теперь, былъ хлѣбъ, за нимъ слѣдовала рыба, потомъ воскъ, медъ, кожи, мѣха, шерсть, лошади; рабы, какъ было сказано выше, составляли также одну изъ значительныхъ отраслей Понтійской торговли. Привозъ состоялъ въ выдѣланныхъ кожахъ, которыя въ грубомъ

видѣ были вывезены отсюдаже, въ одеждѣ, маслѣ, винѣ, произведеніяхъ искусствъ.

Мы видѣли, что не смотря на столкновеніе разныхъ народовъ у береговъ Понтійскихъ, не смотря на ихъ движенія и борьбы, въ странахъ этихъ, во все продолженіе такъ называемой древней исторіи, господствуетъ мертвенное однообразіе: смѣнялись имена народовъ, но бытъ ихъ оставался одинаковъ. Только однажды однообразіе этого пустыннаго міра было нарушено движеніемъ историческаго народа, походомъ Персидскаго Царя Дарія Истаспа; преданія объ этомъ походѣ любопытны для историка, потому что даютъ понятіе о свойствахъ страны и народовъ, въ ней обитавшихъ. За 513 лѣтъ до Р. Х., съ 700 или 800,000 войска и 600 кораблей переправился Персидскій Царь черезъ Ѳракійскій Босфоръ по великолѣпному мосту въ Европу, и вступилъ въ Скиѳію. Скиѳы не встрѣтили полчищь Персидскихъ, но стали удаляться въ глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастеніе; Персы начали кружить за ними. Утомленный безплодною погонею, Дарій послалъ сказать Скиѳскому царю: «Странный человѣкъ! за чѣмъ ты бѣжишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя въ силахъ сопротивляться мнѣ, то стой и бейся; если же нѣтъ, то остановись, поднеси своему повелителю въ дарь землю и воду, и вступи съ нимъ въ разговоръ». Скиѳъ отвѣчалъ: «Никогда еще ни передъ однимъ человѣкомъ не бѣгалъ я изъ страха, не побѣгу и передъ тобою; что дѣлаю я теперь, то привыкъ дѣлать и во время мира; а почему не бьюсь съ тобою, тому вотъ причины: у насъ нѣтъ ни городовъ, ни хлѣбныхъ полей, и потому намъ нечего биться съ вами изъ страха, что вы ихъ завоюете, или истребите. Но у насъ есть отцовскія могилы: попробуйте ихъ раззорить, такъ узнаете, будемъ ли мы съ вами биться, или нѣтъ». Одни кости мертвецовъ привязывали Скиѳа къ землѣ, и ничего, кромѣ могилъ не оставилъ онъ въ историческое наслѣдіе племенамъ грядущимъ. Персы увидали, что зашли въ страну могилъ, и обратились назадъ [30].

Вторженіе Персовъ въ Скиѳію не произвело ничего, кромѣ ускореннаго движенія ея обитателей; попытки Митридата возбудить востокъ, міръ варваровъ противъ Рима, остались тщетными. Движенія изъ Азіи не могли возбудить исторической жизни въ странахъ Понтійскихъ; но вотъ слышится преданіе о противоположномъ движеніи, съ запада, изъ Европы, о движеніи племенъ, давшихъ странѣ исторію.

ГЛАВА III.

СЛАВЯНЕ И ДРУГІЯ ПЛЕМЕНА, ВОШЕДШІЯ ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА; ИХЪ БЫТЪ И СУДЬБА ДО ПОЛОВИНЫ IX-ГО ВѢКА.

Славянское племя не помнитъ о своемъ приходѣ изъ Азіи, о вождѣ, который вывелъ его оттуда; но оно сохранило преданіе о своемъ первоначальномъ пребываніи на берегахъ Дуная, о движеніи оттуда на сѣверъ, и потомъ о вторичномъ движеніи на сѣверъ и востокъ, въ слѣдствіе натиска какого-то сильнаго врага. Это преданіе заключаетъ въ себѣ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію: древнее пребываніе Славянъ въ придунайскихъ странахъ оставило ясные слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ [31]; сильныхъ враговъ у Славянъ на Дунаѣ было много: съ запада Кельты, съ сѣвера Германцы, съ юга Римляне, съ востока Азіатскія орды; только на сѣверовостокъ открытъ былъ свободный путь, только на сѣверовостокѣ Славянское племя могло найти себѣ убѣжище, гдѣ, хотя не безъ сильныхъ препятствій, успѣло основать государство и укрѣпить его въ уединеніи, вдалекѣ отъ сильныхъ натисковъ и вліяній Запада, до тѣхъ поръ, пока оно, собравши силы, могло уже, безъ опасенія за свою независимость, выступить на поприще и обнаружить съ своей стороны вліяніе и на востокъ и на западъ.

Вотъ это преданіе о первоначальномъ мѣстѣ жительства Славянъ и движеніяхъ ихъ, какъ оно читается у нашего Русскаго лѣтописца [32]: «спустя много времени послѣ Вавилонскаго столпотворенія, сѣли Славяне по Дунаю, гдѣ теперь земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись по землѣ племена и прозвались своими именами, гдѣ которое племя сѣло на какомъ мѣстѣ: одни пришли и сѣли на рѣкѣ имянемъ Морава, и

прозвались Моравами, другіе назвались Чехами; а вотъ тоже Славяне-Хроваты Бѣлые, Сербы и Хорутане. Когда Волхи напали на Славянъ Дунайскихъ, поселились среди нихъ, и начали насильничать, то тѣ Славяне (т. е. Моравы и Чехи) двинулись, сѣли на Вислѣ рѣкѣ, и прозвались Ляхами, а отъ тѣхъ Ляхо́въ прозвались Поляне (Поляки), къ племени же Ляховъ принадлежатъ Лутичи, Мазовшане и Поморяне. Также и эти Славяне (т. е. Хроваты Бѣлые, Сербы и Хорутане) двинулись и сѣли по Днѣпру и проч.» Довольствуясь достовѣрностію явленія, мы не станемъ входить въ изслѣдованіе вопроса о томъ, кто былъ этотъ могущественный врагъ, потѣснившій Славянъ изъ подунайскихъ жилищъ ихъ. Писатели перваго вѣка нашего лѣтосчисленія знаютъ Славянъ подъ именемъ Венедовъ около Вислы, между племенами Сарматскими, Финскими и Германскими, встрѣчается у нихъ и имя Сербовъ далѣе къ востоку[33]. Краткія указанія о бытѣ Славянъ — Венедовъ впервые встрѣчаемъ у Тацита: Тацитъ сначала обнаруживаетъ сомнѣніе, къ какимъ племенамъ причислить Венедовъ — къ Германскимъ или Сарматскимъ? Они много приняли изъ Сарматскихъ нравовъ, говоритъ онъ, потому что какъ разбойники скитаются по странѣ, лежащей между Певцинами и Финнами. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что въ глазахъ Тацита Венеды были похожи на Сарматовъ суровостію нравовъ; Венеды въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. отличались воинственнымъ движеніемъ, знакъ еще неустановившейся жизни, недавняго переселенія. Нравами Венеды показались Тациту похожи на Сарматовъ; но когда онъ вглядѣлся внимательнѣе въ ихъ бытъ, то нашелся принужденнымъ сказать, что скорѣе ихъ слѣдуетъ отнести къ племенамъ Европейскимъ: они, говоритъ Тацитъ, строятъ дома, носятъ щиты и сражаются пѣши: все это совершенно отлично отъ Сарматовъ, живущихъ въ кибиткѣ и на лошади. Такимъ образомъ первое достовѣрное извѣстіе о бытѣ Славянъ представляетъ ихъ намъ народомъ осѣдлымъ, рѣзко отличнымъ отъ кочевниковъ; въ первый разъ Славянинъ выводится на историческую сцену въ видѣ Европейскаго воина — пѣшь и со щитомъ. Писатели слѣдующихъ вѣковъ постоянно упоминаютъ меж-

ду главными народами Сарматіи — Венедовъ, а далѣе на востокѣ Сербовъ [34]. Въ половинѣ VI вѣка извѣстія о племенахъ и жилищахъ Славянскихъ становятся нѣсколько точнѣе: по Іорнанду [35], многочисленное племя Венедовъ раздѣлялось на два народа — Славянъ, жившихъ отъ верховья Вислы на востокъ до Днѣпра, и Антовъ, которые были сильнѣе первыхъ, и жили въ странахъ при-понтійскихъ, отъ Днѣпра до Днѣстра. Прокопій [36] знаетъ также Славянъ и Антовъ, прибавляя, что въ древности оба народа были извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ Споровъ, въ которомъ новѣйшіе изслѣдователи не безъ вѣроятности видятъ Сербовъ. Прокопій говоритъ, что на берегахъ Азовскаго моря живутъ Утургуры, а пространство дальше отъ нихъ къ сѣверу занимаютъ безчисленные народы Антовъ.

Отъ этихъ неопредѣленныхъ указаній иностранныхъ писателей перейдемъ теперь къ точнѣйшимъ указаніямъ нашего начальнаго лѣтописца о разселеніяхъ восточныхъ Славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго государства. Объ этомъ разселеніи лѣтопись говоритъ въ трехъ мѣстахъ; въ первомъ мѣстѣ говорится [37], что восточная отрасль Славянъ, т. е. Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане, будучи потѣснены врагомъ, двинулись на сѣверовостокъ, и одни сѣли по Днѣпру и назвались Полянами, а другіе Древлянами, потому что сѣли въ лѣсахъ; далѣе сѣли между Припетью и Двиною, и назвались Дреговичами; нѣкоторые сѣли на Двинѣ, и назвались Полочанами, отъ имени рѣчки Полоты, впадающей въ Двину. Часть Славянъ сѣла также около озера Ильменя, и прозвалась своимъ именемъ —Славянами; эти Славяне построили городъ, и назвали его Новгородомъ; остальные Славяне сѣли по Деснѣ, по Семи, по Сулѣ, и назвались Сѣверомъ, или Сѣверянами. — Въ другомъ мѣстѣ [38] говорится, что у Полянъ было свое княженье, у Древлянъ свое, у Дреговичей свое, у Славянъ свое въ Новгородѣ, у Полочанъ свое. Отъ нихъ же, т. е. отъ Полочанъ—Кривичи, которые сидятъ на верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра, у нихъ городъ Смоленскъ; отъ нихъ Сѣверяне. Потомъ тутъ же перечисляются племена въ такомъ порядкѣ: Поляне, Древляне, Новгородцы,

Полочане, Дреговичи, Сѣверяне съ прибавкою Бужанъ, назвавшихся такъ по рѣкѣ Бугу, и прозванныхъ послѣ Волынянами.— Наконецъ въ третьемъ мѣстѣ [39], говоря о Полянахъ и Древлянахъ, съ подтвержденіемъ, что они племени Славянскаго, лѣтописецъ прибавляетъ еще Радимичей и Вятичей, которые происходятъ отъ Ляховъ, т. е. отъ западныхъ Славянъ: были два брата въ Ляхахъ, Радимъ и Вятко; Радимъ пришелъ и сѣлъ съ родомъ своимъ на рѣкѣ Сожѣ, а Вятко на Окѣ. Тутъ же прибавлены Хорваты, потомъ Дулѣбы, жившіе по Бугу, гдѣ во время лѣтописца были уже Волыняне; наконецъ Угличи и Тиверцы, сидѣвшіе по Днѣстру до самаго моря и Дуная, многочисленныя племена, у которыхъ были города, существовавшіе до временъ лѣтописца.

Изъ перваго извѣстія видно, что восточные Славяне двинулись отъ Хорватовъ, изъ нынѣшней Галиціи, прямо на востокъ до Днѣпра: то были Древляне и Поляне. Потомъ Славянское народонаселеніе стало распространяться на сѣверъ по правому берегу Днѣпра; между Припетью и Двиною явились Дреговичи, за ними по Двинѣ, опять прямо на сѣверъ Полочане, и наконецъ Славяне Новгородскіе. Кривичи пропущены въ первомъ извѣстіи; лѣтописецъ прямо переходитъ къ ближайшимъ къ Кіеву Сѣверянамъ, на восточный берегъ Днѣпра, къ Деснѣ, Семи и Сулѣ. Другое извѣстіе дополняетъ и объясняетъ первое: здѣсь сначала лѣтописецъ пересчитываетъ только пять главныхъ племенъ на западной сторонѣ: Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Славянъ Новгородскихъ и Полочанъ; но потомъ указываетъ на дальнѣшее выселеніе: отъ Полочанъ разселились Кривичи по верховьямъ Волги, Двины и Днѣпра — «отъ нихъ же Кривичи»; отъ Кривичей на югъ, по Днѣпру и его притокамъ, Сѣверяне. Слѣдовательно, если принимать буквально извѣстіе лѣтописца, то выйдетъ, что Славянское народонаселеніе двигалось по западной сторонѣ Днѣпра на сѣверъ, и потомъ спускалось на югъ по восточной сторонѣ этой рѣки. О другихъ племенахъ—Дулѣбахъ, Бужанахъ, Угличахъ и Тиверцахъ, Радимичахъ и Вятичахъ лѣтописецъ сначала не упоминаетъ ни въ первомъ, ни во второмъ извѣстіи: изъ

этого умолчанія имѣемъ право заключить, что означенныя племена явились на востокѣне въ слѣдствіе извѣстнаго толчка отъ Волховъ, и не имѣютъ связи съ перечисленными выше племенами, а явились особо.

И такъ первыми Славянскими поселенцами, которыхъ приходъ и причину его помнитъ преданіе, являются Древляне и Поляне, жители лѣсовъ и жители полей; уже эти самыя мѣстныя причины условливали разницу въ нравахъ обоихъ племенъ, большую дикость Древлянъ, большую склонность ихъ жить на счетъ сосѣдей, отчего терпѣли Поляне. Это послѣднее племя пріобрѣло особенное значеніе потому, что городокъ, среди него основанный, Кіевъ, сталъ главнымъ городомъ Русской земли. На счетъ основанія Кіева, какъ вообще всѣхъ древнихъ знаменитыхъ городовъ, ходили разныя преданія. Названіе его, сходное съ прилагательною притяжательною формою, заставило предположить имя основателя Кія (Кій — Кіевъ городъ, какъ Андрей — Андреевъ, Петръ — Петровъ); названіе разныхъ городскихъ урочищъ, горъ — Щековицы и Хоревицы, повели къ предположенію первыхъ насельниковъ—Щека и Хорива; господствующія понятія заставили связать Кія, Щека и Хорива кровнымъ союзомъ, предположить въ нихъ братьевъ; названіе рѣчки Лыбеди увеличило еще эту семью сестрою Лыбедью. Самъ лѣтописецъ предложилъ очень хорошее объясненіе этого производства: Кіевъ перевозъ заставлялъ предполагать Кія перевощика [40]. Названіе городища Кіевецъ на Дунаѣ заставило предположить, что основателемъ было одно и то же лице; отсюда необходимо другое представленіе, что Кій былъ знаменитый владыка рода, ходившій въ Царьградъ, принявшій большую честь отъ Императора и построившій на возвратномъ пути Кіевецъ [41]: позднѣйшіе походы Русскихъ Кіевскихъ князей въ Грецію, къ Дунаю, естественно влекли къ такому представленію, точно такъ какъ господство родовыхъ понятій заставляло лѣтописца предполагать въ Кіѣ князя, старѣйшину рода «и Кій княжаше въ родѣ своемъ», хотя дальній походъ въ Грецію и желаніе поселиться на Дунаѣ, въ странѣ болѣе привольной, обличаютъ скорѣе безпокойнаго вождя дружины,

чѣмъ мирнаго владыку рода. Изъ этихъ преданій историкъ можетъ вывести только то, что жители Дуная и Днѣпра были единоплеменны, судя по сходству названій Кіева и Кіевца, если только послѣднее не явилось на Дунаѣ во времена Святослава; точно такъ какъ можно видѣть признакъ общеславянскаго родства между племенами въ сходствѣ названій Кіева и Куявы Польской, не предполагая впрочемъ здѣсь связи болѣе тѣсной.

За Древлянами слѣдуютъ Дреговичи, поселившіеся между Припетью и Двиною. Названіе Дреговичей встрѣчается у Болгарскихъ Славянъ, и въ Германіи[42]. — За Дреговичами слѣдуютъ Полочане, т. е. Кривичи. Старые города у нихъ были: Изборскъ, Полоцкъ (отъ рѣки Полоты), Смоленскъ; позднѣе встрѣчающійся въ лѣтописи Торопецъ (отъ рѣки Торопы) у простаго народа слыветъ теперь Кривитепскъ, Кривичь или Кривигъ[43]. — За Кривичами идутъ Славяне Новгородскіе. Во всѣхъ названіяхъ племенъ мы замѣчаемъ, что они происходятъ или отъ мѣстъ или отъ именъ родоначальниковъ, или племена называется собственнымъ существительнымъ, какъ напр. Дулѣбы; одни только жители Новгорода и окрестныхъ мѣстъ «прозвашась своимъ имянемъ», какъ говоритъ лѣтописецъ, Славянами. Эта странность можетъ объясниться тѣмъ, что Славяне Ильменскіе, будучи позднѣйшими выселенцами отъ Кривичей, не успѣли пріобрѣсти еще для себя видоваго названія въ отличіе отъ соплеменниковъ, и удерживали названіе родовое въ отличіе отъ чужеплеменниковъ — Финновъ, которыми были окружены. — Сѣверяне, по лѣтописцу, пошли отъ Кривичей, и поселились на рѣкахъ Деснѣ, Семи и Сулѣ[44]. — Названія Радимичей и Вятичей лѣтописецъ прямо производитъ отъ именъ родоначальниковъ, и сообщаетъ преданіе, что оба эти племени происходятъ отъ Ляховъ. Мы не имѣемъ никакого права заподозрить это преданіе, которое показываетъ, что эпоха прибытія этихъ племенъ не была слишкомъ отдаленна: о немъ помнили еще во времена лѣтописца. Что племена эти пришли позднѣе другихъ, доказываютъ избранныя ими жилища: Радимичи поселились на Сожѣ, а Вятичи должны были перейти далѣе на

востокъ, на Оку, потому что земли по Деснѣ, лежащія между Сожью и Окою, уже были заняты Сѣверянами.

Касательно Дулѣбовъ и Бужанъ мы принимаемъ эти два названія принадлежащими одному и тому же племени, имѣвшему жилища свои на Западномъ Бугѣ: въ лѣтописи, въ двухъ разныхъ извѣстіяхъ эти племена помѣщены на одинакихъ мѣстахъ, съ одинакимъ прибавленіемъ, что какъ то, такъ и другое племя послѣ называлось Волынянами, и ни въ одномъ извѣстіи оба названія не поставлены вмѣстѣ рядомъ, но гдѣ есть одно, тамъ нѣтъ другаго. О движеніи Дулѣбовъ-Бужанъ лѣтописецъ не знаетъ: думаемъ, что ихъ должно разсматривать, какъ отрасль Хорватскаго племени, поселившуюся съ незапамятныхъ поръ на берегахъ Буга, на Волыни. — Послѣдними племенами къ югу лѣтописецъ считаетъ Угличей и Тиверцевъ. Въ приведенныхъ извѣстіяхъ о разселеніи племенъ, жилища Угличей и Тиверцевъ назначены по Днѣстру до моря и Дуная: «Улучи (Угличи), Тиверцы сѣдяху по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне: да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь». Но есть другое извѣстіе, изъ котораго видно, что Угличи жили прежде въ низовьяхъ Днѣпра: когда Игоревъ воевода Свѣнельдъ, послѣ упорнаго трехлѣтняго сопротивленія, взялъ ихъ городъ Пересѣченъ, то они двинулись на западъ, перешли Днѣстръ, и поселились на западномъ его берегу, гдѣ еще теперь, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, Бессарабской области, находится деревня Пересѣчени или Пересѣчина, вѣроятно основанная бѣглецами въ память прежняго ихъ города[45]. Указанія лѣтописца на многочисленность Тиверцевъ и Угличей, на ихъ упорное сопротивленіе Русскимъ князьямъ, на ихъ жилища отъ Днѣстра, или даже отъ Дуная до самаго Днѣпра, и, можетъ быть, дальше на востокъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что это тѣ самыя племена, которыя Прокопію и Іорнанду были извѣстны подъ именемъ Антовъ.

Чтò касается быта Славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ объ немъ слѣдующее извѣстіе: «каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ»[46]. Мы теперь почти

потеряли значеніе рода, у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи; но предки наши не знали семьи[47], они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ[48]; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой, и потому употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественника[49], въ смыслѣ народа[50]; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово племя[51]. Единство рода, связь племенъ подерживались единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники носили разныя названія — старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у Славянъ Русскихъ, и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства[52]. Существуютъ различные взгляды на родовой бытъ: одни представляютъ его въ идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе, напротивъ, смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровостъ отношеній между отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, причемъ приводятъ въ примѣръ семью Римскую и Германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родоваго быта идиллически; нельзя забывать о первобытномъ младенческомъ состояніи народа, котораго движенія, страсти мало чѣмъ обуздываются; не надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ народовъ родственныя отношенія не исключаютъ вражды, что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой бытъ, по самому существу своему, условливаетъ неопредѣленность, случайности. Но, съ другой стороны, мы не можемъ вполнѣ раздѣлять и противоположнаго взгляда: правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ смейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ [нѣтъ высшей власти; но не знаемъ, въ правѣ ли мы

будемъ допустить совершенное подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій? не имѣемъ ли мы права предположить, что родственныя отношенія, въ свою очередь, смягчали отношенія правительственныя? Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самомъ грубомъ? Владиміръ имѣетъ право казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ — но входитъ малютка сынъ, и мечь выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отношенія правительственными, но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія? Мы не должны только по своимъ христіанскимъ понятіямъ судить о поступкахъ языческихъ грубыхъ народовъ; такъ напримѣръ отецъ въ семьѣ Германской и Литовской осуждалъ на гибель новорожденныхъ дѣтей своихъ, если семья была уже многочисленна, или если новорожденные были слабы, увѣчны; но такое поведеніе отцевъ, приводящее насъ въ ужасъ, проистекало у язычниковъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми; язычники смотрѣли на жизнь человѣка съ чисто матеріальной стороны; при господствѣ физической силы человѣкъ слабый былъ существомъ самымъ несчастнымъ, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигомъ состраданія; доказательствомъ тому служитъ обязанность дѣтей у Германцевъ и Литовцевъ убивать своихъ престарѣлыхъ, лишенныхъ силъ родителей. Эти обычаи велись преимущественно у племенъ воинственныхъ, которы не терпѣли среди себя людей лишнихъ, слабыхъ и увѣчныхъ, не могшихъ оказывать помощи на войнѣ, защищать родичей, мстить ихъ обиды; у племенъ, жившихъ въ странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смерти взрослыхъ заставляло жертвовать младенцами. Но у народа относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныхъ обычаевъ; такъ не встрѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ Славянъ: лѣтописецъ, говоря о черной сторонѣ языческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ

обычаяхъ; даже у Славянъ Померанскихъ, которые по воинственному характеру своему, и по сосѣдству съ племенами Германскими и Литовскими, являются болѣе похожими на послѣднихъ, даже и у этихъ Славянъ съ престарѣлыми и слабыми родителями и родственниками обходились совершенно иначе, чѣмъ у Германцевъ и Литовцевъ[53]. Вообще же должно остерегаться дѣлать точныя опредѣленія первоначальному, родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.

Отношенія родоначальника къ родичамъ понятны, когда родъ состоитъ изъ однихъ нисходящихъ; но когда отецъ, дѣдъ или прадѣдъ умираетъ, то какимъ образомъ поддержится единство рода? Оно поддерживалось возстановленіемъ отеческой власти; одинъ изъ старшихъ родичей занималъ отцовское мѣсто. Старинная Чешская пѣсня говоритъ: «Когда умретъ глава рода, то всѣ дѣти сообща владѣютъ имѣніемъ, выбравши себѣ изъ роду своего владыку[54].» Такъ теперь у южныхъ Славянъ, удержавшихъ черты древняго быта, часто деревня состоитъ изъ одного рода, который управляется самъ собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, старшины. Этотъ старшина не всегда бываетъ физически старшимъ въ родѣ; онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе посадить князя. Избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, взноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи владыки рода, какъ жреца, потому что окруженный всѣми родичами кадитъ иконы[55]. Послѣдующая исторія Рюрикова княжескаго рода показываетъ, что и въ бытѣ нашихъ восточныхъ Славянъ имѣли мѣсто тѣ же самыя явленія: старшій братъ обыкновенно заступалъ мѣсто отца для младшихъ. Къ старшинству послѣдняго родичи привыкали еще при жизни отца: обыкновенно въ семьѣ старшій сынъ имѣетъ первое мѣсто по отцѣ, пользуется большею довѣренностію послѣдняго, является глав-

нымъ исполнителемъ его воли: въ глубокой старости отца заступаетъ совершенно его мѣсто въ управленіи семейными дѣлами; отецъ при смерти обыкновенно благословляетъ его на старшинство послѣ себя, ему поручаетъ семью. Такимъ образомъ по смерти отца, старшій братъ естественно наслѣдуетъ старшинство, становится въ отца мѣсто для младшихъ. Младшіе братья ничего не теряли съ этою перемѣною: старшій имѣлъ обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать объ этомъ, имѣть всѣхъ родичей какъ душу; права его состояли въ уваженіи, которое оказывали ему, какъ старшему, къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось; онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды; онъ судилъ и наказывалъ: но всѣ эти распоряженія получали силу только при общемъ согласіи, когда всѣ видѣли, что старшій поступаетъ съ ними, какъ отецъ, наблюдаетъ строгую справедливость; власть, сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ; это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, въ слѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только чрезъ нихъ. Но легко понять, какія слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній: не возможно, чтобы младшіе постоянно согласно смотрѣли на дѣйствія старшаго; каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія; онъ уважалъ старшаго брата, какъ отца; но когда этотъ старшій братъ, по его мнѣнію, поступалъ съ нимъ не какъ братъ, не какъ отецъ, не по родственному, но какъ чужой, даже какъ врагъ, то этимъ самымъ родственный союзъ, родственныя отношенія между ними рушились, рушились вмѣстѣ всѣ права и обязанности, ничѣмъ другимъ неопредѣленныя. Если большинство братьевъ принимало сторону старшаго противъ младшаго, то, разумѣется, послѣдній долженъ былъ или покориться общей волѣ, или выйти изъ рода; но могло очень случиться, что сторону младшаго принимали другіе братья — отсюда усобицы и распаденіе рода; если же всѣ младшіе принимали сторону одного изъ

своихъ противъ старшаго, то послѣдній долженъ былъ или исполнить общую волю, или выйти изъ рода, который избиралъ другаго старшаго. Такіе случаи могли быть нерѣдки, какъ увидимъ въ послѣдующей исторіи Рюрикова княжескаго рода; изъ этой исторіи мы знаемъ также, какимъ исключеніямъ подвергался обычай давать княженія всегда старшему въ родѣ; знаемъ, какъ терялись права на старшинство въ слѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, когда напр. личному достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго; могло случаться, что самъ отецъ при жизни своей, будучи недоволенъ поведеніемъ старшаго, отнималъ у него значеніе старшинства, которое передавалъ младшему; случаи исключенія изъ старшинства, борьба за него должны были происходить чаще, когда родъ дробился все болѣе и болѣе, племена (линіи) расходились, и родственная связь ослабѣвала; отсюда необходимо проистекала вражда, усобица между членами рода и линіями, отъ нихъ происходившими. Такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторженіемъ нѣкоторыхъ линій отъ общей родовой связи и выселеніемъ ихъ на другія мѣста; но такъ какъ причиною выселеній была вражда, то ясно, что выселившіяся линіи, образовавшись въ особые роды, не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прежними родичами.

Обширность и дѣвственность населенной восточными Славянами страны давали родичамъ возможность выселяться при первомъ неудовольствіи, что, разумѣется, должно было ослаблять усобицы: мѣста было много, за него, по крайней мѣрѣ, ненужно было ссориться. Но могло случаться, что особенныя удобства мѣстности привязывали къ ней родичей, и не позволяли имъ такъ легко выселяться; это особенно могло случаться въ городахъ, мѣстахъ, выбранныхъ родомъ по особенному удобству и огороженныхъ, укрѣпленныхъ общими усиліями родичей и цѣлыхъ поколѣній; слѣд. въ городахъ усобицы долженствовали быть сильнѣе. О городской жизни восточныхъ Славянъ, изъ словъ лѣтописца, можно заключать только то, что эти огороженныя мѣста были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ:

Кіевъ, по лѣтописцу, былъ жилищемъ рода; при описаніи междуусобій, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родъ; изъ этого ясно видно, какъ развито было общественное устройство, видно, что до призванія князей, оно не переходило еще родовой грани; первымъ признакомъ общенія между отдѣльными родами, живущими вмѣстѣ, долженствовали быть общія сходки, совѣты, вѣча; но на этихъ сходкахъ мы видимъ и послѣ однихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что эти вѣча, сходки старшинъ, родоначальниковъ не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать имъ единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизмъ, доказательствомъ служатъ усобицы родовыя, кончившіяся призваніемъ князей. Не смотря на то, первоначальный славянскій городъ имѣетъ важное историческое значеніе: городовая жизнь, какъ жизнь вмѣстѣ была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ: въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала. Остается вопросъ: какое отношеніе было между этими городами и народонаселеніемъ, внѣ ихъ живущимъ, было ли это народонаселеніе независимо отъ города или подчинено ему? Естественно предположить городъ первымъ пребываніемъ поселенцевъ, откуда народонаселеніе распространялось по всей странѣ: родъ являлся въ новой странѣ, селился въ удобномъ мѣстѣ, огораживался для большей безопасности, и потомъ уже, въ слѣдствіе размноженія своихъ членовъ, наполнялъ и всю окрестную страну; если предположимъ выселеніе изъ городовъ младшихъ членовъ рода или родовъ, тамъ живущихъ, то необходимо предположить связь и подчиненіе, подчиненіе, разумѣется, родовое младшихъ старшимъ; ясные слѣды этого подчиненія мы увидимъ послѣ въ отношеніяхъ новыхъ городовъ или пригородовъ къ городамъ старымъ, откуда они получили народонаселеніе. Но кромѣ этихъ родовыхъ отношеній связь и подчиненность сельскаго народонаселенія городскому могла скрѣпляться и по другимъ причинамъ: сельское народонаселеніе

было разбросано, городское совокуплено, и потому послѣднее имѣло всегда возможность обнаруживать свое вліяніе надъ первымъ; въ случаѣ опасности сельское народонаселеніе могло находить защиту въ городѣ, необходимо примыкало къ послѣднему, и поэтому уже самому не могло сохранить равнаго съ нимъ положенія. На такое отношеніе городовъ къ окружному народонаселенію находимъ указаніе въ лѣтописи: такъ говорится, что родъ основателей Кіева держалъ княженье среди Полянъ. Но, съ другой стороны, мы не можемъ предполагать большой точности, опредѣленности въ этихъ отношеніяхъ, ибо и послѣ, въ историческое время, какъ увидимъ, отношеніе пригородовъ къ старшему городу не отличалось опредѣленностію; и потому, говоря о подчиненіи селъ городамъ, о связи родовъ между собою, зависимости ихъ отъ одного центра, мы должны строго различать эту подчиненность, связь, зависимость въ дорюриковское время отъ подчиненности, связи и зависимости, начавшихъ утверждаться мало-помалу послѣ призванія князей Варяжскихъ; если сельчане считали себя младшими относительно горожанъ, то легко понять, въ какой степени признавали они себя зависимыми отъ послѣднихъ, какое значеніе имѣлъ для нихъ старшина городской. Городовъ, какъ видно, было немного: знаемъ, что Славяне любили жить разсѣянно, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ: на всемъ пути изъ Новгорода до Кіева, по теченію большой рѣки, Олегъ нашелъ только два города — Смоленскъ и Любечь; у Древлянъ упоминаются города кромѣ Коростеня; на югѣ должно было находиться больше городовъ: здѣсь болѣе было нужды въ защитѣ отъ нашествія дикихъ ордъ, да и потому, что мѣсто было открытѣе: у Тиверцевъ и Угличей были города, сохранившіеся и во времена лѣтописца; въ средней полосѣ — у Дреговичей, Радимичей, и Вятичей не встрѣчается упоминовенія о городахъ.

Кромѣ преимуществъ, которыя городъ, (т. е. огороженное мѣсто, въ стѣнахъ котораго живетъ одинъ многочисленный, или нѣсколько отдѣльныхъ родовъ), могъ имѣть надъ окружнымъ разсѣяннымъ народонаселеніемъ, могло, разумѣется, случаться, что

одинъ родъ, сильнѣйшій матеріальными средствами, получалъ преимущество передъ другими родами; что Князь, начальникъ одного рода, по своимъ личнымъ качествамъ, получалъ верхъ надъ князьями другихъ родовъ. Такъ у южныхъ Славянъ, о которыхъ Византійцы говорятъ, что у нихъ много князьковъ и нѣтъ единаго государя, иногда являются князья, которые, по своимъ личнымъ достоинствамъ, выдаются впередъ, какъ напр. знаменитый Лавритасъ. Такъ и у насъ, въ извѣстномъ разсказѣ объ Ольгиной мести, у Древлянъ сначала на первомъ планѣ является князь Малъ; но замѣтимъ, что здѣсь нельзя еще принимать Мала непремѣнно княземъ всей Древлянской земли: можно принимать, что онъ былъ князь Коростенскій только; что въ убіеніи Игоря участвовали одни Коростенцы подъ преимущественнымъ вліяніемъ Мала, остальные же Древляне приняли ихъ сторону послѣ, по ясному единству выгодъ, на это прямо указываетъ преданіе: «Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростень городъ, яко тѣ бяху убили мужа ея.» Малу, какъ главному зачинщику, присудили и жениться на Ольгѣ; на существованіе другихъ князей, другихъ державцевъ земли указываетъ преданіе въ словахъ пословъ Древлянскихъ: «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю;» объ этомъ свидѣтельствуетъ и молчаніе, которое хранитъ лѣтопись относительно Мала во все продолженіе борьбы съ Ольгою.

Родовой бытъ условливалъ общую, нераздѣльную собственность, и наоборотъ, общность, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, выдѣленіе условливало необходимо и расторженіе родовой связи. Извѣстная уже Чешская пѣсня говоритъ: «когда умретъ родоначальникъ, то всѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода.» Общее владѣніе родовою собственностію необходимо заставляло родичей возстановлять значеніе отца, выбрать кого-нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣдов. возобновленіе прежнихъ отношеній, какъ они были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе. Должно замѣтить, что родовую связь и

общую, нераздѣльную собственность поддерживала простота быта, малочисленность нуждъ, легко удовлетворяемыхъ общими первоначальными занятіями родичей [56].

Что касается нравовъ и обычаевъ Славянъ языческихъ, то они условливаются преимущественно тогдашнимъ народнымъ бытомъ ихъ. Сличивъ извѣстія современниковъ-чужеземцевъ, мы находимъ, что вообще Славяне своею нравственностію производили на нихъ выгодное впечатлѣніе: простота нравовъ Славянскихъ находилась въ противоположности съ испорченными нравами тогдашнихъ образованныхъ или полуобразованныхъ народовъ. Такъ встрѣчаемъ отзывы, что злые и лукавые попадаются очень рѣдко между Славянами. Доброта не исключала, впрочемъ, свирѣпости и жестокости въ извѣстныхъ случаяхъ: тѣ же писатели, которые хвалятъ доброту Славянъ, разсказываютъ ужасы объ обхожденіи ихъ съ плѣнными, съ проповѣдниками христіанства; здѣсь не слѣдуетъ удивляться противорѣчію свидѣтельствъ: такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влеченіямъ одной только природы. Одни писатели называютъ Славянъ нелукавыми, другіе вѣроломными: это противорѣчіе объясняется извѣстіемъ, что между Славянами господствовали постоянно различныя мнѣнія: ни въ чемъ они не были между собою согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такое поведеніе проистекало естественно изъ разрозненности, особности быта по родамъ, изъ отсутствія сознанія объ общемъ интересѣ внѣ родоваго.

Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепріимство Славянъ, ихъ ласковость къ иностранцамъ, которыхъ усердно провожали изъ одного мѣста въ другое, и если случится, что странникъ претерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отмстить за странника; о сѣверозападныхъ Славянахъ разсказываютъ, что у нихъ считалось позволеннымъ украсть для угощенія. Гостепріимство есть черта,

принадлежащая не однимъ Славянамъ: у Грековъ нарушить долгъ гостепріимства значило оскорбить высшее божество — Зевеса; и теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей сѣверной Америки. Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе, чѣмъ съ большими опасностями сопряжено оно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ народъ обязанность гостепріимства; особенно должны были чувствовать эту обязанность Славяне, народъ, болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ столкновеніямъ и съ своими, и съ чужими, нападеніямъ и изгнанію. Но кромѣ сострадания, гостепріимство имѣло еще и другія причины: для народа живущаго въ простотѣ нравовъ, чужестранецъ, странникъ былъ явленіемъ важнымъ, любопытнымъ: сколько наслажденій могъ онъ доставить разсказомъ о своихъ похожденіяхъ! Съ другой стороны, человѣкъ много странствовавшій, слѣд. много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался большимъ уваженіемъ, являлся существомъ необыкновеннымъ, героемъ, потому что дерзалъ преодолѣвать страшныя препятствія, соединенныя тогда съ путешествіемъ,—удача въ этомъ преодолѣніи была знакомъ особенной милости боговъ; бояться одинокаго странника было нечего, научиться отъ него можно было многому, оскорбить любимца боговъ было страшно. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище, очагъ каждаго дома былъ мѣстопребываніемъ домашняго божества; странникъ, входившій въ домъ, отдавался подъ покровительство этого божества; оскорбить странника, значило оскорбить божество. Наконецъ странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человѣкѣ и родѣ гостепріимномъ [57]. Славянинъ считалъ позволеннымъ украсть для угощенія странника, потому что этимъ угощеніемъ онъ возвышалъ славу цѣлаго рода, цѣлаго селенія, которое потому и снисходительно смотрѣло на кражу: это было угощеніе на счетъ цѣлаго рода [58].

Писатели хвалятъ обхожденіе Славянъ съ плѣнными, которымъ оставлена жизнь; говорятъ, что у Славянъ плѣнные не рабствовали цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но что на-

значенъ былъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между Славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей. Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи, бываетъ сильно, вопервыхъ, у народовъ, у которыхъ хозяйственныя и общественныя отправленія сложны, роскошь развита; вовторыхъ, рабы нужны народамъ, хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятія войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличнымъ для свободнаго человѣка, а всѣ хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ, какъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкнуть: для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинственъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но Славяне жили подъ самыми простыми формами быта, быта родоваго, ихъ хозяйственныя отправленія были не трудны и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ этомъ и при постоянной борьбѣ съ своими и съ чужими, при постоянной готовности покинуть свое мѣстопребываніе и спасаться отъ врага, рабы могли только затруднять Славянское семейство, а потому и не имѣли большой цѣнности. Потомъ извѣстно, что воинственность не была господствующею чертою Славянскаго народнаго характера, и что Славяне вове не гнушались земледѣльческими занятіями. У народа въ простотѣ родоваго быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи; онъ бываетъ также младшимъ членомъ ея, малымъ, юнымъ; степень его повиновенія и обязанностей ко главѣ семьи одинакова со степенью повиновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику [59].

Мы замѣтили, что на иностранныхъ писателей нравы Славянъ производили благопріятное впечатлѣніе, они отзываются объ нихъ съ похвалою; вовсе не такъ снисходителенъ къ древнимъ Славянскимъ нравамъ и обычаямъ нашъ начальный лѣтописецъ, ду-

ховный христіанскій, который потому съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на все, что напоминало о древнемъ язычествѣ. Исключая Полянъ, имѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе, стыдливыхъ передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, имѣвшихъ брачный обычай, нравы остальныхъ племенъ у него описаны черными красками: Древляне жили поскотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены. Если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ, и, собравши кости, складывали въ малый сосудъ, который ставили на столпѣ, на распутіи [60].

При этомъ описаніи нельзя не замѣтить, что лѣтописецъ, вѣрный понятіямъ своего времени, преимущественно обращаетъ вниманіе на семейные нравы и обычаи племенъ, въ нихъ полагаетъ различіе между послѣдними. Основа семьи, узелъ ея — это бракъ; отсюда понятно, какъ важно было различіе во взглядѣ на это явленіе у разныхъ племенъ; это-то различіе въ обычаѣ брака лѣтописецъ и приводитъ, какъ основное нравственное различіе между племенами. У нѣкоторыхъ племенъ, по его свидѣтельству, брака не было, женъ себѣ похищали, слѣд. подъ выраженіемъ: не имѣли брака — мы дожны разумѣть только-то, что они не совершали брака, какъ должно, по мнѣнію лѣтописца, т. е. съ согласія родственниковъ невѣсты, какъ было у Полянъ. Здѣсь представляется вопросъ: при какихъ обстоятельствахъ могло происходить похищеніе дѣвицъ въ родовомъ быту? Если родъ, развѣтвляясь, сохранялъ единство, всѣ члены его жили вмѣстѣ, повинуясь одному старшинѣ, то позволялось ли имъ вступать въ бракъ въ своемъ родѣ въ извѣстныхъ степеняхъ? Въ послѣдствіи Князья Рюриковичи вступали въ бракъ въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства: [61] у языческихъ Славянъ родъ могъ легко сохранять единство при этихъ степеняхъ;

легко предположить также, что у язычниковъ браки позволялись и въ степеняхъ ближайшихъ, особенно при многоженствѣ. Если браки совершались внутри рода, то ясно, что въ такомъ случаѣ похищеніе не могло имѣть мѣста; постоянное сожительство четы долженствовало быть слѣдствіемъ согласія цѣлаго рода, воли отца — старшины; такимъ образомъ похищеніе могло происходить только въ томъ случаѣ, когда дѣвушка была изъ чужаго рода, изъ чужаго села. Здѣсь похищеніе не было слѣдствіемъ одной враждебности родовъ, потому что если члены разныхъ родовъ сходились вмѣстѣ на одни игрища (по всей вѣроятности религіозныя), то нельзя предполагать между ними вражды; здѣсь, кромѣ вражды, похищеніе должно было произойти отъ того, что каждый родъ берегъ дѣвушку для себя, для своихъ членовъ, и не хотѣлъ уступить ее чужеродцамъ, и если члену одного рода понравилась на игрищѣ дѣвушка изъ чужаго рода, то, чтобъ имѣть ее женою, ему необходимо было ее похитить. Это похищеніе, естественно, производило вражду между родами: родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ; похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе; на такое явленіе указываетъ свадебный обрядъ, сохранившійся и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у простаго народа: «Подлѣ невѣсты садится братъ или другой какой-нибудь родственникъ. Дружко спрашиваетъ его: за чѣмъ сидишь здѣсь? — Я берегу свою сетру. — Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко. — А если она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ.»[62] — Это вознагражденіе не могло быть малое, потому что число женщинъ не могло быть велико: вспомнимъ, что у Славянъ было въ обычаѣ многоженство; вспомнимъ также и другой обычай, по которому жены слѣдовали въ могилу за мужьями; обычай же многоженства и недостатокъ въ женщинахъ необходимо умножали случаи похищенія.

Но если похищенія могли происходить при разрозненности родовъ, жившихъ особо, въ разныхъ селахъ, и сходившихся

рѣдко, только на игрища (религіозные праздники), то могли ли они происходить въ городахъ, гдѣ нѣсколько родовъ жило на одномъ мѣстѣ, гдѣ слѣд. не могло быть такой разрозненности, особности между ними, напротивъ, сношенія безпрерывны? Здѣсь, при безпрестанномъ столкновеніи молодыхъ людей обоего пола изъ разныхъ родовъ, было невозможно для послѣднихъ удерживать своихъ дѣвушекъ для себя и давать поводы къ похищеніямъ, которыя долженствовали быть чрезвычайно часты, вести къ ежедневнымъ ссорамъ между сосѣдями; напротивъ, старшинамъ родовъ, даже во взаимныхъ борьбахъ, часто могло быть выгодно скрѣплять свои отношенія къ другимъ родамъ взаимными брачными связями между ихъ и своими членами. Здѣсь въ городахъ необходимо долженъ былъ произойти обычай сватовства, брачный обычай, по выраженію лѣтописца, браки должны были заключаться съ согласія родственниковъ невѣсты. Какъ же они заключались? Разумѣется, условія должны были зависѣть отъ старшинъ, обязанныхъ блюсти выгоды рода; естественно, что обычай давать вѣно, или цѣну за выводъ изъ рода могъ долго имѣть мѣсто: нужда была на сторонѣ жениха, на сторонѣ его рода, а не на сторонѣ рода невѣсты, для котораго дѣвушка не могла быть лишнею. Но съ другой стороны, плата за содержаніе, при обычаѣ взаимныхъ браковъ между членами разныхъ родовъ съ согласія послѣднихъ, теряла свое значеніе: если родъ отпускалъ дѣвушку въ чужой родъ, то въ то же время онъ имѣлъ возможность пріобрѣсть женъ для своихъ членовъ изъ чужаго рода; напротивъ здѣсь, въ городахъ, гдѣ браки заключались съ согласія родственниковъ невѣсты, давался просторъ чувству родительской привязанности, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе приданаго; въ городахъ близость поддерживала тѣсныя родственныя отношенія между родами, вошедшими въ связь посредствомъ брака своихъ членовъ; привязанность отца къ дочери поддерживалась частыми свиданіями, отецъ получалъ

возможность наблюдать за поведеніемъ новыхъ родныхъ относительно дочери, за ея выгодами; дочь не выходила изъ рода, но распространяла родъ, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа; произошло явленіе, которое увидимъ послѣ въ отношеніяхъ между Князьями Рюриковичами, и которое, безъ сомнѣнія, имѣло мѣсто и въ другихъ родахъ, а именно: племя дочери, сестры стало сравниваться съ племенемъ сына, брата, свойственники вошли въ отношенія родственниковъ; такъ сестричичь, сынъ сестры, хотя бы принадлежалъ къ враждебному роду, считался своимъ; такъ мужъ старшей сестры считался старшимъ братомъ относительно младшихъ шурьевъ, старшій шуринъ относительно младшихъ зятьевъ. Уже замѣчено было, что вѣно, или плата за невѣсту была въ тѣсной связи съ похищеніемъ: если дѣвушка, сговорясь на игрищѣ съ чужаниномъ, убѣгала съ нимъ въ чужой родъ, то тѣмъ самымъ, разумѣется, разрывала всякую связь съ покинутымъ ею родомъ, не имѣла права надѣяться что-нибудь получить отъ него, и прежніе родичи заботились только о томъ, чтобъ получить за нее плату, чтобъ она не пропала для рода даромъ; но если дѣвушка оставляла родъ съ согласія его, съ согласія старшины, отца, то ясно, что послѣдній обязанъ былъ заботиться о ея благосостояніи, какъ о благосостояніи каждаго другаго члена рода, обязанъ былъ надѣлить ее всѣмъ нужнымъ, вслѣдствіе чего вѣно, прежняя цѣна за выводъ дѣвушки изъ рода у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ потеряла свое значеніе: вѣно вмѣстѣ съ приданымъ начало обращаться въ собственность жены [63]. Но у нашихъ Славянъ, какъ видно, вѣно, не теряя вполнѣ своего значенія, перешло въ подарки отъ жениха роднымъ невѣсты, а самое слово начало означать вообще брачныя условія, брачную запись [64]. Замѣтимъ опять, что вѣно, какъ цѣна за выведенную изъ рода дѣвушку, находится въ тѣсной связи съ похищеніемъ, а приданое съ выдачею за-мужъ при согласіи родственниковъ невѣсты, и что первый обычай долженъ былъ господствовать у народонаселенія, которое жило отдѣльными родами, а второй долженъ былъ произойти въ городахъ, гдѣ на одномъ мѣстѣ жило нѣсколько родовъ [65].

Многоженство у всѣхъ племенъ Славянскихъ есть явленіе несомнѣнное; нашъ лѣтописецъ говоритъ о восточныхъ Славянахъ, что они брали по двѣ и по три жены; обычай многоженства сохранялся и долго послѣ введенія Христіанства [66]. Что касается до положенія Славянской женщины, то дѣвушки, какъ видно, пользовались полною свободою: лѣтописецъ говоритъ, что онѣ сходились съ молодыми людьми чужихъ родовъ на игрищахъ, имѣли возможность совѣщаться съ ними для бѣгства. Что же касается до положенія жены, то разумѣется, при условіяхъ того быта, который мы застаемъ у языческихъ Славянъ, мы не имѣемъ права ожидать большаго уваженія слабѣйшему полу отъ сильнѣйшаго; разумѣется, мы не должны искать у языческихъ Славянъ того тонкаго уваженія къ женщинѣ, которое дается только Христіанскимъ взглядомъ на отношенія двухъ половъ, и которое лѣтописецъ называетъ стыдѣньемъ [67]; отсутствіе этого стыдѣнья и ведетъ необходимо къ многоженству Но при этомъ у народа первобытнаго, разумѣется, мы не встрѣтимъ никакихъ опредѣленій, которыя осуждали бы женщину на вѣчное униженіе и ничтожество, которыя не позволяли бы ей выказывать свою силу умственную, иногда и физическую, пріобрѣтать посредствомъ этой силы уваженіе и вліяніе.

Иностранные писатели удивляются привязанности Славянскихъ женщинъ къ мужьямъ, за которыми онѣ слѣдовали даже въ могилу. Если женщина выходила за мужъ въ чужой родъ, то, при строгомъ и ревнивомъ надзорѣ новыхъ родичей, мужъ былъ единственнымъ существомъ, отъ котораго она ждала и любви и покровительства; умиралъ мужъ — положеніе жены, лишившейся единственной подпоры, единственнаго звѣна, соединявшаго ее съ чужою семьею, становилось горько. Но при этомъ очень вѣроятно также, что у Славянъ, такъ какъ и у Германцевъ, было вѣрованіе, что мужчина легче достигаетъ блаженства въ будущей жизни, если переходитъ туда въ сопровожденіи женщины [68]. Впрочемъ справедливо замѣчаютъ, что этотъ обычай не былъ вкорененъ между Славянами [69].

Послѣ брачнаго обычая, въ которомъ рѣзче всего выражаются

нравственныя понятія народа, для лѣтописца, христіанскаго монаха, былъ всего важнѣе обычай погребенія, въ которомъ выражаются обыкновенно понятія народа о загробной жизни, и потому въ лѣтописи читаемъ описаніе этого обычая. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне и Кривичи совершали тризну надъ покойникомъ, потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столпѣ при дорогѣ. Въ чемъ состоялъ погребальный обычай у Полянъ во времена язычества, объ этомъ лѣтописецъ молчитъ, и тѣмъ даетъ знать, что обычай Полянъ былъ одинаковъ съ обычаемъ другихъ племенъ; употребленіе тризны у Полянъ видно изъ того, что Св. Ольга, жившая въ Кіевѣ, среди этого племени, запретила совершать по себѣ тризну. Подъ именемъ тризны разумѣлись, какъ видно, вообще поминки, и потомъ преимущественно борьба въ честь умершаго [70]; съ поминками соединялся веселый, пьяный пиръ [71], также рѣзаніе и царапаніе лица, въ знакъ печали [72]. Одновременно съ обычаемъ сожиганія и ставленія урнъ съ пепломъ на придорожныхъ столпахъ, существовалъ и обычай погребенія въ могилахъ, которыя сыпали холмами [73].

Иностранные писатели говорятъ, что Славяне жили въ дрянныхъ избахъ, находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и часто перемѣняли мѣста жительства. Такая непрочность и частая перемѣна жилищъ была слѣдствіемъ безпрерывной опасности, которая грозила Славянамъ и отъ своихъ родовыхъ усобицъ, и отъ нашествій чуждыхъ народовъ. Вотъ почему Славяне вели тотъ образъ жизни, о которомъ говоритъ Маврикій: «У нихъ недоступныя жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устроиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя какъ разбойники.» Одинакая причина, дѣйствовавшая долгое время, производила одинакія слѣдствія; жизнь въ безпрестанномъ ожиданіи вражьихъ нападеній продолжалась для восточныхъ Славянъ и тогда, когда они уже находились подъ державою князей Рюрикова дома: Печенѣги и Половцы смѣнили Аваръ, Козаръ и другихъ варваровъ, усо-

бицы княжескія смѣнили усобицы родовъ, возстававшихъ другъ на друга, слѣд. не могла исчезнуть и привычка перемѣнять мѣста, бѣгая отъ непріятеля; вотъ почему Кіевляне говорятъ Ярославичамъ, что если Князья не защитятъ ихъ отъ гнѣва старшаго своего брата, то они покинутъ Кіевъ, и уйдутъ въ Грецію. Половцевъ смѣнили Татары, княжескія междоусобія продолжались на сѣверѣ, на югѣ настали Польскія насилія, и мы видимъ, что на сѣверѣ, какъ скоро начнутся княжескія усобицы, народъ покидаетъ свои жилища, а съ прекращеніемъ усобицъ возвращается назадъ; на югѣ безпрестанные набѣги усиливаютъ козачество, и послѣ на сѣверѣ разбрестися розно отъ какого бы то ни было насилія и тяжести было ни почемъ для жителей; при этомъ должно прибавить, что природа страны сильно благопріятствовала такимъ переселеніямъ. Привычка довольствоваться малымъ и всегда быть готову покинуть жилище, поддерживала въ Славянинѣ отвращеніе къ чуждому игу, о чемъ замѣтилъ Маврикій. Родовой бытъ, условливавшій разъединеніе, вражду и слѣдовательно слабость между Славянами, условливалъ необходимо и образъ веденія войны; не имѣя одного общаго начальника, и враждуя другъ съ другомъ, Славяне уклонялись отъ сколько-нибудь правильныхъ сраженій, гдѣ бы должны были биться соединенными силами на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ. Они любили сражаться съ врагами въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ; если нападали, то нападали набѣгомъ, внезапно, хитростію; любили сражаться въ лѣсахъ, куда заманивали непріятеля бѣгствомъ, и потомъ возвратившись, наносили ему пораженіе. Вотъ почему Императоръ Маврикій совѣтуетъ нападать на Славянъ зимою, когда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снѣгъ препятствуетъ движенію бѣгущихъ, да и съѣстныхъ припасовъ у нихъ тогда мало. Особенно отличались Славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ, гдѣ могли оставаться гораздо долѣе, чѣмъ люди другаго племени; они держались подъ водою, лежа на спинѣ и держа во рту выдолбленный тростникъ, котораго верхушка выходила на поверхность рѣки и такимъ образомъ проводила воздухъ скрытому пловцу. Вооруженіе Славянъ состояло въ двухъ

малыхъ копьяхъ; нѣкоторые имѣли и щиты, твердые и очень тяжелые, употребляли также деревянные луки и маленькія стрѣлы, намазанныя ядомъ, очень дѣйствительнымъ, если искусный врачъ не подастъ скорой помощи раненному. У Прокопія читаемъ, что Славяне, вступая въ битву, не надѣвали латъ, на нѣкоторыхъ не бывало даже ни плаща ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопій не хвалитъ Славянъ за опрятность, говоритъ, что, подобно Массагетамъ, они покрыты грязью и всякою нечистотою. Какъ всѣ народы, въ простотѣ быта живущіе, Славяне были здоровы, крѣпки, легко сносили холодъ и жаръ, недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ. О наружности древнихъ Славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны; кожа у нихъ не совершенно бѣла, волосы длинные, темнорусые, лице красноватое.

Религія восточныхъ Славянъ поразительно сходна съ первоначальною религіею Арійскихъ племенъ: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ; слѣдовъ героическаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизмъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ Славянъ: знакъ, что между ними не образовывались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей-героевъ, и что переселенія ихъ совершались въ родовой, а не въ дружинной формѣ. Основываясь на опредѣленныхъ указаніяхъ современниковъ, мы находимъ у нашихъ Славянъ, при поклоненіи многимъ различнымъ явленіямъ природы подъ разными именами божествъ, поклоненіе одному верховному божеству, къ которому остальныя находились въ подчиненномъ отношеніи: это верховное божество, по свидѣтельству одного изъ древнѣйшихъ писателей о Славянахъ, Прокопія, было божествомъ молніи, которое нашъ лѣтописецъ называетъ Перуномъ. Явленіе грозы, молніи, есть самое поразительное изъ явленій природы: немудрено, что первобытный человѣкъ далъ ему первое мѣсто между всѣми другими явленіями; онъ не могъ не замѣтить благотворнаго вліянія грозы на жизнь природы; не могъ не замѣтить, что свѣтъ молніи независимо во всякое время обнаруживаетъ свое могущество,

тогда какъ напр. дѣйствія солнца ограничены, подвержены извѣстному закону, могутъ обнаруживаться только въ извѣстное время, уступая владычество другому, противоположному, и слѣдовательно враждебному началу, мраку; солнце затмѣвалось, погибало въ глазахъ первобытнаго человѣка: молнія никогда въ глазахъ его не теряла своего могущества, не побѣждалась другимъ началомъ; свѣтъ молніи сопровождается обыкновенно живительнымъ для природы дождемъ: отсюда необходимое представленіе, что Перунъ ниспосылаетъ дождь жаждущей природѣ, которая безъ того погибла бы отъ жгучихъ лучей солнца: такимъ образомъ молнія являлась для язычника силою производящею, съ характеромъ божества высшаго, дѣйствующаго, правящаго по преимуществу, умѣряющаго, исправляющаго вредъ, наносимый другими божествами, тогда какъ солнце наприм. и для поклоняющагося ему язычника являлось чѣмъ-то страдательнымъ, не имѣющимъ распорядительной силы въ природѣ, подчиненнымъ. Наконецъ значеніе верховнаго божества—правителя—молнія получала въ глазахъ язычника, по причинѣ своей страшной карательной силы, дѣйствующей быстро и непосредственно.

Имѣемъ право думать, что Перунъ у языческихъ Славянъ носилъ еще другое названіе Сварога [74]. Верховное божество Сварогъ — Перунъ порождало двоихъ сыновей, двухъ Сварожичей: солнце и огонь [75]. Поклоненіе солнцу, какъ видно, было сильно распространено между Славянами: въ словѣ о Полку Игореву Русскіе называются внуками Дажбога; если такъ, то къ нему имѣемъ право относить извѣстныя воззванія въ нашихъ пѣсняхъ: Дидъ (дѣдъ) Ладо; послѣднее названіе, означающее свѣтъ, красоту, міръ, любовь, радость, всего приличнѣе можетъ относиться къ солнцу [76]; другой припѣвъ: Люль, Лель означаетъ также дѣда [77]. Кромѣ названій Ладо и Дажбога къ солнцу же не безъ основанія относятъ имена Хорса [78], Сура или Тура, Волоса [79]. — Вмѣстѣ съ солнцемъ обоготворялись мѣсяцъ и звѣзды, находившіеся къ солнцу, какъ видно, въ родственныхъ отношеніяхъ: обоготворялись также вода и воздухъ [80].

Если Славяне поклонялись явленіямъ природы, то легко дога-

даться, при какихъ случаяхъ, въ какое время года будутъ они торжествовать свои религіозные праздники. Такъ напр. они праздновали въ концѣ Декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать; этотъ праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носитъ преимущественно названіе Коляды; существенный обрядъ праздника состоитъ въ хожденіи славить (божество), и сбирать подаяніе; какъ видно, во времена языческія, приношенія собирались для общей жертвы[81]. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коляда извѣстна подъ названіемъ Авсеня или Таусеня, что можно принимать измѣненнымъ Ясень, также, по всѣмъ вѣроятностямъ, имя солнца[82]. Второй праздникъ торжествовался въ началѣ весны, но такъ какъ это время приходится въ великій постъ, то, по принятіи христіанства, празднованіе перенесено на конецъ Рождественскаго мясоѣда, и отчасти на Свѣтлое Воскресенье. И такъ масляница есть языческій весенній праздникъ[83]. Встрѣча весны и проводы зимы празднуются у всѣхъ Славянскихъ народовъ почти съ одинакими обрядами: употребляется заклинаніе весны съ разными привѣтами; въ Малороссіи и у западныхъ Славянъ зима или смерть олицетворяется въ образѣ женщины, подъ именемъ Мары, Маруны, Марены, чучелу которой сожигаютъ. Весну встрѣчаютъ обыкновенно на красной горкѣ. Тутъ начинаются хороводы или короводы, религіозное значеніе которыхъ и отношеніе къ солнцу не подлежитъ сомнѣнію. Время воскресенія всей природы и усиленія желаній считалось самымъ приличнымъ временемъ для заключенія брачныхъ союзовъ и для поздравленія молодыхъ супруговъ: это поздравленіе извѣстно подъ именемъ вьюнства[84]. Третій праздникъ имѣетъ мѣсто 23 Іюня, и извѣстенъ подъ именемъ Ивана Купалы, потому что происходитъ на Ивановъ день. Этотъ праздникъ, какъ и два упомянутые выше, есть общій не только всѣмъ Славянскимъ, но и многимъ чужеплеменнымъ народамъ[85]. Хотя по обрядамъ праздника можно догадываться, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ — обоимъ Сварожичамъ, Солнцу и огню и водѣ; однако можно относить его и къ одному солнцу. Естественно могло произойти

вѣрованіе, что солнце, дающее силу растеніямъ, особенно даетъ ее, когда само достигаетъ высшей силы; это вѣрованіе должно было повести къ обычаю собирать травы въ лѣтній праздникъ солнца, и приписывать имъ чудодѣйственную силу. Съ другой стороны, солнце, производя сильное вліяніе на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вѣра въ цѣлительность купанья во время лѣтняго солнцестоянія, независимо уже отъ естественнаго обычая обмыться ночью, чтобъ встрѣтить въ чистотѣ восходящее свѣтило. Наконецъ зажиганіе костровъ было необходимо для всякаго ночнаго собранія, ночныхъ игръ, было необходимо также и для жертвоприношеній; прыганіе же чрезъ зажженные костры имѣло значеніе очищенія. Вотъ почему ночь на Ивановъ день сопровождается: 1) собираніемъ травъ, 2) купаніемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганіемъ чрезъ нихъ. Естественно также, и потому обще не однимъ только Славянскимъ народамъ, принесеніе въ жертву, сожженіе бѣлаго пѣтуха, птицы привѣтствующей разсвѣтъ, угодной солнцу. Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій: рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣки бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто, и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою; утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папоротникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія, можетъ видѣть, какъ сходятся дубы, и составляютъ свою бесѣду, можетъ слышать, какъ разговариваютъ они про богатырскіе свои подвиги. Въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ, серебряномъ, золотомъ и бриліянтовомъ, на встрѣчу своему супругу, мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненныя искры [86]. И въ лѣтній праздникъ повторяется обрядъ истребленія чучелы Мары — холода, смерти, ее топятъ въ водѣ [87]. — Солнце, дающее жизнь и ростъ всему существующему, должно было являться силою, возбуждающею естественныя желанія; отсюда празднество Купалы было соединено съ празднествомъ Ярилы [88]. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ позднѣйшія времена праздникъ Ярилы совершался 24 Іюня,

вѣроятно сопротивленіе церкви содѣйствовало тому, что празднованіе его во время поста отмѣнено было въ большей части мѣстъ и перенесено на заговѣнье, на день Всѣхъ Святыхъ, или на Троицынъ день, или на разговѣнье, на другой день праздника Петра и Павла. Такъ какъ въ древности праздникъ Ярилы, по всѣмъ вѣроятностямъ, совпадалъ съ праздникомъ Купалы, то во время его-то преимущественно и должны были происходить тѣ явленія, противъ которыхъ такъ вооружается лѣтописецъ и позднѣйшее духовенство; здѣсь, вѣроятно, происходило и умыкиваніе дѣвицъ [89].

Разсмотрѣвъ поклоненія стихійнымъ божествамъ, теперь обратимся къ другой половинѣ Славянской миѳологіи, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усопшихъ. При вѣрѣ въ загробную жизнь, естественно было придти къ тому мнѣнію, что душа умершаго родоначальника и по смерти блюдетъ за благосостояніемъ рода; отсюда происхожденіе духовъ покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича — рода и рожаницъ [90]. Что подъ именемъ рода разумѣлась душа умершаго родоначальника, доказываетъ во первыхъ связь рода съ упыремъ, а во вторыхъ извѣстіе, что подъ именемъ рода послѣ разумѣли духъ, привидѣніе, которымъ стращали дѣтей; характеръ же привидѣнія обыкновенно принимаютъ души умершихъ и божества, тѣсно съ ними связанныя [91]. Въ значеніи рода божества-покровителя, является щуръ, дѣдъ, прадѣдъ, что ясно изъ употребительнаго пращуръ; щуръ предполагаетъ форму чуръ, подъ которымъ именемъ собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается и теперь безсознательно въ опасностяхъ, особенно, когда простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: «Чуръ меня! Чуръ меня!» говоритъ онъ тогда. Можно положить, что Чуръ и Родъ одно и то же; можно думать также, что съ упадкомъ родоваго быта и съ усиленіемъ христіанства на счетъ язычества, Чуръ или Родъ перешелъ въ Домоваго [92].

Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ, и представлялъ души праотцевъ доступ-

ными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта; думали, что зи
есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скор
весна начинаетъ смѣнять зиму, то прекращается и ночной пу
для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстают
къ новой жизни. Это мнѣніе естественно проистекало изъ покло
ненія природнымъ божествамъ, солнцу, лунѣ и проч., которых
вліяніе должно было простираться на весь міръ, видимый и неви
димый [93]. Въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, въ пер
вую зимнюю коляду, мертвые уже вставали изъ гробовъ и устр
шали живыхъ: отсюда и теперь время святокъ считается време
немъ странствованія духовъ. Масляница, весенный праздни
солнца, есть вмѣстѣ и поминовенная недѣля, на что прямо ука
зываетъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго кушанья [94]. С
древней Масляницы, т. е. съ начала весны живые здороваются с
усопшими, посѣщаютъ ихъ могилы, и праздникъ Красной Гор
соединяется съ Радуницею, праздникомъ свѣта, солнца д
умершихъ [95]; думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогд
во время поминовенія изъ темницъ (гробовъ), и раздѣляютъ по
миновенную пищу вмѣстѣ съ принесшими [96].

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною ду
умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнію природы, на
ходится праздникъ русалокъ или русальная недѣля. Русалки во
все не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы; имя ихъ
происходитъ отъ русла, но отъ русый (свѣтлый, ясный)[9
русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія вес
ною насладиться оживленною природою. Народъ теперь вѣрит
что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія[9
но когда всѣ Славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣ
должны были становиться русалками? Русалки появляются
Страстнаго четверга (когда встарину, по Стоглаву, по-рану со
лому палили и кликали мертвыхъ), какъ только покроют
луга весенней водою, распустятся вербы. Если онѣ и предст
ляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечато
безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, су
огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ приговаривая: «Бук

бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила». Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на берега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, поэтому и Русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ, и показываются при колодцахъ[99]. Съ Троицына дня до Петрова поста Русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти[100]. Русальныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски, обрядъ, которой не у однихъ Славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя безобразныя существа для того, чтобъ пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло, и принимать ту или другую форму[101]. Есть извѣстіе [02], что у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ Славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутіяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила.

У Русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ Русалокъ былъ Семикъ, великъ день русалокъ; въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ[103]. Конецъ русальной недѣли, Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ: въ этомъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій[104]. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище — провожанье русалокъ въ могилы[105]. — Въ тѣсной связи съ русалками находятся водяные дѣдушки, лѣшіе, кикиморы и проч.

Мертвецы были извѣстны еще подъ именемъ навья, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки)[106].

Вотъ главныя, первоначальныя черты вѣрованій восточныхъ Славянъ. Съ теченіемъ времени эти первоначальныя черты могли искажаться: одно и тоже божество у различныхъ племенъ носило разныя названія; послѣ, при сближеніи племенъ, различныя названія могли явиться уже различными божествами. Фантазія стремится олицетворять и обожать явленія природы, которыя первоначально являются произведеніемъ главной силы: естественно олицетворялись Весна и Зима, Жизнь и Смерть природы одна подъ образомъ прекрасной дѣвы, другая безобразной старухи, и т.п. Стихійныя божества первоначально не имѣютъ пола, и потому послѣ легко мѣняютъ его; солнце могло быть легко и мужескаго и женскаго пола, мужемъ и женою мѣсяца, такъ было не у однихъ Славянъ[107]. Но главными исказителями первоначальной религіи народа являются всегда и вездѣ жрецы и художники; вотъ почему у нашихъ восточныхъ Славянъ, у которыхъ не было класса жрецовъ и не былъ распространенъ обычай изображать божества въ кумирахъ, религія сохранилась въ гораздо большей простотѣ, чѣмъ у западныхъ Славянъ, у которыхъ городская жизнь и сильное чуждое вліяніе повели и къ образованію жреческаго класса, и къ распространенію храмовъ и кумировъ. Лѣтописи молчатъ о существованіи храмовъ и жрецовъ у нашихъ восточныхъ Славянъ[108]; нельзя предположить, что, еслибъ храмы существовали, то лѣтописцы умолчали бъ о ихъ разрушеніи или превращеніи въ церкви, при разсказѣ о введеніи Христіанства и ниспроверженіи идоловъ[109]. Лѣтописи молчатъ также и о жрецахъ: князь ставитъ идоловъ, князь приноситъ жертвы, толпа требуетъ человѣческой крови для боговъ — о жрецахъ ни слова; князь перемѣняетъ вѣру, всѣ люди дѣлаютъ тоже, — и жрецы не только не противятся, но объ нихъ нѣтъ даже и помину. Эта неразвитость общественнаго богослуженія, отсутствіе храмовъ и жрецовъ не должны ни сколько поражать насъ: все это необходимо при томъ бытѣ, въ которомъ жили

Славяне; въ каждомъ родѣ старшій былъ вмѣстѣ и жрецомъ, онъ приносилъ жертвы, онъ гадалъ о будущемъ[110].

Но если не было храмовъ, то гдѣ же и какъ приносились жертвы старшинами родовъ? Природными жертвенниками, алтарями для младенчествующихъ народовъ служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скупа на возвышенности и камни, за то щедра на естественныя капища (шатры, навѣсы) — многовѣтвистыя деревья; подъ ними-то преимущественно совершались религіозные обряды, приносились жертвы; дерево (по преимуществу дубъ), выбранное для этого, освящалось и становилось само предметомъ благоговѣйнаго уваженія, какъ мѣстопребываніе боговъ, куда они стекались для принятія жертвъ. Обычай приносить жертвы подъ деревьями могъ произойти и отъ того, что первоначально жертва назначалась для душъ умершихъ, а души умершихъ, по всеобщему вѣрованію, обитали въ лѣсахъ, на деревьяхъ, преимущественно на дубахъ[111]. Кромѣ деревьевъ, жертвы приносились также у воды[112]. Славяне смотрѣли на жертву именно какъ на трапезу, поставляемую богамъ[113]; и по введеніи христіанства жертвы продолжались по старому, въ домашнемъ кругу, предлагались душамъ усопшихъ родичей и роженицамъ[114], и опять въ смыслѣ трапезы, покорма. Есть извѣстіе, что у Русскихъ Славянъ были также въ обычаѣ человѣческія жертвы, которыя у народовъ были, большею частію, умилостивительныя: при какихъ-нибудь общественныхъ бѣдствіяхъ думали, что божество гнѣвается за чьи-нибудь грѣхи, и потому искали преступника, котораго и приносили въ умилостивительную жертву; потомъ приносили обыкновенно въ жертву богамъ плѣнниковъ, по господствовавшему мнѣнію, что побѣжденный есть грѣшникъ, разгнѣвавшій божество[115].

Если у восточныхъ Славянъ не было жреческаго класса, за то были волхвы[116], гадатели, кудесники, вѣдуны, вѣдьмы. О волхвахъ Славянскихъ мы знаемъ очень мало; но нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ тѣсную связь съ волхвами Финскими, по близкому сосѣдству и союзничеству этихъ двухъ народовъ, тѣмъ болѣе, что послѣ, по принятіи христіанства, волхвы преимуще-

ственнно являются на Финскомъ сѣверѣ, и оттуда мутятъ Славянское народонаселеніе. Финское племя искони отличалось наклонностію къ волшебству, искони славилось имъ; у Финновъ преимущественно было развито ученіе о злыхъ божествахъ, о злыхъ духахъ и о сообщеніи съ ними[117].

Исторія застаетъ Финское племя на крайнемъ сѣверѣ; очень вѣроятно, что Геродотовы Андрофаги, Меланхлены и Ѳиссагеты принадлежали къ этому племени[118]. Нѣмецкое названіе Чудскаго племени — Финны впервые встрѣчаемъ у Тацита[119]; Птолемей упоминаетъ также о Финнахъ[120]; у Іорнанда въ искаженныхъ именахъ народовъ, покоренныхъ Готескимъ королемъ Германарихомъ можно узнать Чудь, Весь, Мерю, Мордву, Черемису, и, быть можетъ, даже Пермь[121]. Начальный лѣтописецъ Русскій знаетъ слѣдующіе Финскіе народы, жившіе въ его время въ полунощныхъ странахъ и платившіе дань Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печора, Ямь. Общеплеменное названіе Финны есть названіе Нѣмецкое, Чудь — Славянское, Суомалайнъ — своенародное. Финнъ на Нѣмецкомъ языкѣ означаетъ жителя болотной, влажной низменности; тоже означаютъ и Финскія названія разныхъ племенъ, напр. Емь или Ямъ (Häm) значитъ мокрый, водяной; Весь объясняется изъ Финскаго Vesi — вода. И теперь Финскія имена мѣстностей встрѣчаются преимущественно на болотистыхъ пространствахъ[122]. Нашъ лѣтописецъ указываетъ намъ Финскія племена преимущественно около озеръ; въ половинѣ IX вѣка южныя границы Финскаго племени съ Славянскимъ можно положить въ области Москвы рѣки, гдѣ Финны должны были сталкиваться съ Славянскимъ племенемъ Вятичей: селенія послѣднихъ мы имѣемъ право продолжить до рѣки Лопасни, потому что, какъ видно, всѣ Вятичи принадлежали къ Черниговскому Княжеству, а городъ Лопасня былъ пограничнымъ городомъ этого княжества съ Суздальскимъ. Селенія Вятичей должны были уже соприкасаться съ селеніями Финскихъ племенъ, потому что въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи находимъ рѣку Мерскую или Нерскую, которая

именемъ своимъ ясно показываетъ, что протекала чрезъ старинную землю Мери.

Если не самые древніе, то, покрайней мѣрѣ, одни изъ древнѣйшихъ обитателей Русской государственной области, Финны имѣли незавидную участь: съ трехъ сторонъ тѣснили ихъ народы Славянскаго, Германскаго и Турецкаго племени; мы видимъ, какъ у насъ Финны постоянно уступаютъ предъ Славянами, подчиняются вліянію ихъ народности, приравниваются къ нимъ: причину такого явленія изъ внѣшнихъ обстоятельствъ объяснить не трудно. Сначала мы видимъ, что племена Славянскія и Финскія живутъ на равной ногѣ; Финны вмѣстѣ съ Славянами призываютъ князей — нарядниковъ; но старшій, и скоро единственный князь утверждаетъ свой столъ среди племени Славянскаго; потомъ мы видимъ движеніе князей къ югу, по великому водному пути до самаго Чернаго моря; столъ княжескій утверждается въ Кіевѣ, основы новаго государства полагаются преимущественно къ югу отъ Новгорода по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; но живущее здѣсь народонаселеніе принадлежитъ сплошь къ племени Славянскому. Славянскія племена соединяются подъ одною властію, чрезъ это единство пріобрѣтаютъ силу матеріальную, а потомъ и начатки образованности, образованности христіанской, и такимъ образомъ получаютъ надъ Финскими племенами матеріальное и духовное преимущество, предъ которымъ тѣ и должны были преклониться. Во сколько здѣсь участвовало племенное различіе между Славянами и Финнами, во сколько Славяне своимъ племеннымъ характеромъ превосходили Финновъ — рѣшеніе такого труднаго вопроса едва ли историкъ имѣетъ право принять на себя. Можно сказать только одно, что Славянское племя воспиталось при болѣе благопріятныхъ природныхъ обстоятельствахъ и, уже окрѣпнувъ на югозападѣ, явилось среди Финновъ на сѣверовостокѣ. По нашему лѣтописцу видно, что Финны имѣли города, подобно Славянамъ, подобно послѣднимъ терпѣли отъ родовыхъ усобицъ по изгнаніи Варяговъ, въ слѣдствіе чего вмѣстѣ съ ними и призвали князей; въ Скандинавскихъ преданіяхъ Финны являются искусными кузнецами, Финскіе мечи сла-

вятся на сѣверѣ[123]. Отъ этихъ осѣдлыхъ, промышленныхъ Финновъ, сосѣдившихъ съ Славянами и союзныхъ съ ними, должно отличать сѣверныхъ ихъ соплеменниковъ, Лапонцевъ, которыхъ, какъ видно, суровая природа остановила на низшей ступени человѣческаго развитія; и теперь въ характерѣ собственныхъ Финновъ и Лапонцевъ замѣчается такое же различіе, какъ между мужествомъ и дѣтствомъ. Безспорно, послѣднихъ разумѣетъ Тацитъ, когда описываетъ образъ жизни Финновъ[124], когда говоритъ объ ихъ изумительной дикости, гнусной скудости: нѣтъ у нихъ ни оружія, ни лошадей, ни домовъ; пища у нихъ трава, одежда — кожи, ложе — земля; вся надежда ихъ въ стрѣлахъ, которыя, по недостатку желѣза, заостриваются костями; охота питаетъ мужей и женъ. Дѣтямъ нѣтъ другаго убѣжища отъ звѣрей и непогоды, кромѣ шатровъ, кое-какъ сплетенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей: сюда возвращаются съ охоты молодые, здѣсь отдыхаютъ старики. Но вести такой образъ жизни, продолжаетъ Тацитъ, они считаютъ блаженнѣе, чѣмъ трудиться на полѣ, строить домы, съ надеждою и страхомъ смотрѣть на свои и чужія имущества. Безопасные отъ людей, безопасные отъ боговъ, они достигли самаго труднаго — отсутствія желаній. — Здѣсь нельзя не обратить вниманія на слова Тацита о томъ, что Финны считаютъ себя блаженными, и достигли самаго труднаго — отсутствія желаній; эти слова объясняютъ намъ происхожденіе сказки о блаженныхъ Гипербореяхъ: мыслители древнихъ образованныхъ народовъ, утомившись волненіями жизни, проистекавшими отъ ничѣмъ неудовлетворимыхъ страстей человѣка-язычника, любили съ завистью останавливаться на дикихъ народахъ, у которыхъ почти нѣтъ никакихъ желаній, которые не могутъ ни много пріобрѣтать, ни много терять, и потому не подвержены мучительнымъ колебаніямъ между страхомъ и надеждою, не боятся ни людей, ни боговъ: у Геродота боги завидуютъ человѣческому благополучію и потому не допускаютъ ему продолжаться.

Въ жалкомъ видѣ представляется намъ бытъ Финскихъ племенъ, живущихъ къ югу отъ Финскаго залива; слабости духов-

кой у этихъ племенъ соотвѣтствуетъ слабость тѣла, соединенная однако съ высшею степенью нечувствительности ко внѣшнимъ впечатлѣніемъ; ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не обнаруживаетъ такъ мало духовнаго напряженія, не является такъ забитымъ; Эстонецъ, напр. отличается рѣзко отъ своихъ сосѣдей — Русскихъ и Латышей тѣмъ, что вовсе не поетъ; пляска ему почти неизвѣстна. Неблагопріятныя историческія обстоятельства, могшія имѣть вредное вліяніе на развитіе этого племени, намъ извѣстны; во сколько сама природа племени содѣйствовала этимъ обстоятельствамъ, рѣшить опять трудно.[125]

Въ тѣсной связи съ Славянскими племенами на западѣ находилось племя Литовское, игравшее важную роль въ нашей исторіи, и потомъ вошедшее въ составъ Русскаго государства. Къ Литовскому племени принадлежали древніе Пруссы, Голяды, Судены, Корсь и нынѣшные Литовцы и Латыши[126]. Изъ многихъ изслѣдованій о Литовскомъ племени и языкѣ, о сродствѣ ихъ съ сосѣдними племенами и языками, оказывается достовѣрнымъ только то, что Славяне и Литовцы изъ всѣхъ Индоевропейскихъ племенъ суть самыя ближайшія другъ къ другу, и что Литовское племя съ незапамятныхъ поръ обитало въ настоящихъ своихъ жилищахъ. Это давнее и постоянное пребываніе на однихъ мѣстахъ, уединеніе, которымъ Литовское племя было обязано природѣ своей страны, непривлекательной и съ трудомъ доступной, дали ему возможность развить свою особую религіозную систему и строго подчинить ей свой бытъ. Этимъ Литовское племя отличается отъ родственныхъ племенъ — Славянскаго и Германскаго, которыя исторія застаетъ въ движеніи, въ безпрестанномъ столкновеніи съ чуждыми народами и государствами, что препятствовало имъ утвердить свой религіозный бытъ на прочныхъ основахъ, а когда получили они къ тому возможность, то уже подверглись вліянію образованнѣйшихъ народовъ, и должны были принять другую, высшую религію. Германское племя только въ отдаленной Скандинавіи, Славянское только на берегахъ Балтійскаго моря, могли выработать для себя болѣе или менѣе

прочныя формы религiознаго быта, чѣмъ и объясняется упорное сопротивленiе, встрѣченное здѣсь христiанствомъ.

У Литовскаго племени подлѣ князей мы видимъ жрецовъ съ обширнымъ влiянiемъ и кругомъ дѣятельности; князь (Rikgs) вѣдалъ военныя дѣла, все, что относилось ко внѣшней защитѣ страны и къ сохраненiю внутренней безопасности: верховный жрецъ (Криве) завѣдывалъ не только дѣлами богослужебными, но и судебными, былъ верховнымъ судьею и нарядникомъ. Уставы, обычаи Литовскаго племени, сходные въ главномъ съ уставами и обычаями другихъ сосѣднихъ племенъ, Славянскихъ и Германскихъ, разнятся отъ послѣднихъ тѣмъ, что проникнуты религiознымъ началомъ, истекаютъ изъ него: такъ напр. мы видимъ, что у Литовцевъ, точно такъ какъ у Германцевъ, отецъ семейства имѣлъ право убивать своихъ больныхъ или увѣчныхъ дѣтей; но у Литовцевъ этотъ обычай освященъ былъ религiознымъ основанiемъ: «потому что слуги Литовскихъ боговъ должны не стенать, но смѣяться; потому что бѣдствiе человѣческое причиняетъ скорбь богамъ и людямъ.» На томъ же основанiи дѣти имѣли право умерщвлять престарѣлыхъ и больныхъ родителей; человѣческiя жертвы дозволялись и оправдывались: «кто въ здоровомъ тѣлѣ захочетъ принесть въ жертву богамъ себя, или своего ребенка или домочадца, тотъ можетъ сдѣлать это безпрепятственно, потому что освященные чрезъ огонь и блаженные, будутъ они веселиться вмѣстѣ съ богами.» Большая часть верховныхъ жрецовъ оканчивали свою жизнь добровольнымъ сожженiемъ для умилостивленiя гнѣва боговъ: эти Литовскiя воззрѣнiя, или, лучше сказать воззрѣнiя, общiя всѣмъ сосѣднимъ племенамъ, но сохранившiяся у Литовцевъ въ большей опредѣленности и связи, имѣли влiянiе на Германскiй обычай приносить въ жертву князей во время общественныхъ бѣдствiй; уже въ христiанскiя времена былъ обычай у Германскихъ и Славянскихъ племенъ обвинять князей и церковныя власти въ общественныхъ бѣдствiяхъ. Женщины также страдали въ подобныхъ обстоятельствахъ: Литовцы прежде всего отдѣлывались отъ нихъ во время голода; а Финны, при своей наклонности къ

суевѣрію, приписывали чародѣйству женщинъ непосредственное участіе въ произведеніи послѣдняго[127]. Если женатый человѣкъ будетъ уличенъ въ связи съ дѣвицею, то его должно отдать псамъ на съѣденіе, потому что онъ наругался надъ богами, живущими въ состояніи супружества и дѣвства. — Безбрачіе было необходимымъ условіемъ для Криве и для всѣхъ подчиненныхъ ему жрецовъ; женщина была видимо унижена, исключена изъ сообщества съ мущинами.[128].

Изъ Литовскихъ племенъ очень рано вошли въ составъ Русскихъ владѣній Голяди или Голядь, жившіе по рѣкамъ Протвѣ и Угрѣ, замѣшанные среди племенъ Славянскихъ — Радимичей, Вятичей и Новгородцевъ. Какимъ же образомъ часть Литовскаго племени Голядей попала такъ далеко на Востокъ? Простирались ли такъ далеко древнѣйшія жилища Литовскаго племени, перерѣзанныя послѣ движеніемъ Славянъ съ юга, или Голяди явились на Протвѣ и Угрѣ въ слѣдствіе движенія съ запада, точно такъ, какъ тѣмъ же путемъ явились Славянскія Лехитскія племена Радимичей и Вятичей? быть можетъ, даже переселеніе Голядей на востокъ находилось въ связи съ означеннымъ переселеніемъ Радимичей и Вятичей; съ другой стороны, природа страны Голядовъ и нѣкоторыя историческія данныя дѣлаютъ вѣроятнымъ переселеніе части этого племени на востокъ въ слѣдствіе недостатка жизненныхъ средствъ: Галиндія находилась къ сѣверу отъ Мазовіи[129], была наполнена множествомъ водъ, густыхъ лѣсовъ и пущей; разсказываютъ, что въ одно время народонаселеніе Галиндіи такъ умножилось въ слѣдствіе долгаго мира, что средствъ къ жизни стало недостовать; въ такихъ обстоятельствахъ старшины опредѣлили, чтобъ въ продолженіе извѣстнаго времени всѣ младенцы женскаго пола были умерщвляемы[130].—Понятно, что ни одно изъ приведенныхъ предположеній не можетъ быть принято преимущественно передъ другимъ; но всѣ они вмѣстѣ взятыя достаточны для убѣжденія въ томъ, что наши Голяди были родственны жителямъ Литовской Галиндіи.

Кромѣ Литвы, въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ еще народъ, съ которымъ Русь также очень рано входитъ въ непріязненныя

столкновенія, и котораго страна послѣ вошла въ составъ Имперіи—это загадочный народъ Ятвяговъ. Ятвяги жили, во первыхъ, въ западной части Подлѣсья, потомъ во всемъ Подляшьѣ, въ части Мазовіи, находившейся между рѣчкой Валпушей, впадающей въ Нарву, и Бугомъ; наконецъ въ древней Судавіи [131]. О происхожденіи Ятвяговъ древніе писатели разногласятъ: одни говорятъ, что Ятвяги языкомъ, религіею и нравами были схожи съ Литвою, Пруссами и Самогитами; другіе же, что Ятвяги совершенно отличались языкомъ отъ Славянъ и Литвы. Новѣйшіе изслѣдователи признаютъ ихъ потомками Язиговъ Сарматскихъ [132], но безъ положительно ясныхъ доказательствъ. Каково бы ни было происхожденіе Ятвяговъ, народъ этотъ является въ исторіи дикимъ, разбойническимъ, и очень долго сохраняетъ язычество. Вѣря въ переселеніе душъ, Ятвяги въ битвахъ не обращались въ бѣгство и не давались въ плѣнъ, но погибали вмѣстѣ съ женами; вели образъ жизни полуосѣдлый, полукочевой. Указываютъ и теперь еще остатки Ятвяговъ въ Скидельскомъ округѣ, на лѣвой сторонѣ рѣки Пѣлясы и Котры: они рѣзко отдѣляются отъ Бѣлоруссовъ и Литовцевъ смуглымъ видомъ, чернымъ платьемъ, нравами и обычаями, хотя всѣ уже говорятъ Бѣлорусскимъ языкомъ съ Литовскимъ произношеніемъ. У Бѣлоруссовъ въ Подляшьѣ существуетъ поговорка: «Смотритъ Ятвягомъ (Выгляда якъ Ядвинга)» въ значеніи: смотритъ разбойникомъ.

Таковы были ближайшіе сосѣди Славянъ въ восточныхъ жилищахъ ихъ. Первое сколько-нибудь вѣрное извѣстіе о судьбѣ этихъ народовъ мы встрѣчаемъ не ранѣе IV вѣка по Р. Х., когда они вошли во враждебныя столкновенія съ Готѳами. Во II или началѣ III вѣка по Р. Х. замѣчается движеніе Скандинаво-Германскихъ дружинъ, подъ именемъ Готѳовъ, отъ береговъ Балтійскаго моря къ Черному; безъ сомнѣнія, движеніе это совершалось по тому же водному пути, по которому послѣ, въ половинѣ IX вѣка, спускались дружины Варяжскія. Только на трехъ корабляхъ, по преданію [133], явилась Готѳская дружина на Балтійскомъ морѣ, но потомъ, вобравши въ себя пришлецовъ изъ разныхъ племенъ, своихъ и чужихъ, образовалась на берегахъ Пон-

та въ многочисленный народъ, который не давалъ покоя областямъ Имперіи; въ IV вѣкѣ Готѳскій вождь Германарихъ положилъ было основаніе государству въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ послѣ явились владѣнія Рюриковичей; владѣя тринадцатью племенами, между которыми легче другихъ прочитываются имена Чуди, Веси, Мери и Мордвы, Германарихъ обратился противъ Геруловъ; покоривъ послѣднихъ, двинулся противъ Венедовъ. Венеды, говоритъ Готѳскій историкъ [134], неопытные въ военномъ дѣлѣ, но сильные своею многочисленностію, вздумали было сначала сопротивляться, но принуждены были покориться Германариху, потому что множество народа ни чего не значитъ на войнѣ, прибавляетъ тотъ же историкъ. Эсты, жители береговъ прибалтійскихъ, подчинились также Германариху; но въ то время, какъ его оружіе было такъ счастливо на западѣ, въ юговосточныхъ степяхъ собиралась гроза, долженствовавшая разрушить громадное государство Готѳовъ при самомъ его рожденіи: на берегахъ Дона явились Гунны. Какъ послѣ въ XIII вѣкѣ Русскіе не знали, откуда пришла на нихъ гроза Татарская, такъ теперь Готѳы не умѣли опредѣлить происхожденія Гунновъ; только сказка говорила, что одинъ изъ Готѳскихъ князей выгналъ въ степь злыхъ волшебницъ, которыя совокупились тамъ съ нечистыми духами, и отъ этого-то совокупленія произошли чудовищные Гунны. Сначала жили они на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, занимаясь охотою; потомъ, возросши въ числѣ, устремились грабить сосѣдніе народы; лань показала имъ дорогу на противоположный берегъ моря; страхъ напалъ на разноименные варварскіе народы, здѣсь обитавшіе; храбрые Аланы не могли въ битвахъ выносить ужаснаго вида Гунновъ, потому что, собственно говоря, у нихъ не было лица, но вмѣсто его безобразный кусокъ мяса, на которомъ вмѣсто глазъ виднѣлись какія-то пятна; безобразные въ самой молодости, они старѣли безъ бородъ, и жили какъ дикіе звѣри [135]: питались кореньями и полусырымъ мясомъ звѣрей, согрѣвши его только немного подъ сѣдломъ; о домахъ не хотѣли знать, считали ихъ могилами; съ молодости привыкли переносить непогоду, голодъ и жажду; разъ

надѣвши платье, они не снимали его до тѣхъ поръ, пока оно само не свалится съ нихъ лоскутьями; безобразная обувь мѣшала имъ ходить; они вѣчно сидѣли на своихъ маленькихъ, но крѣпкихъ лошадяхъ, на сѣдлахъ отправляли всѣ дѣла, ѣли, пили, спали, торговали, разсуждали. Никто изъ нихъ никогда не принимался за плугъ; военнопленные должны были обработывать землю и пасти стада. Не было у нихъ ничего постояннаго: ни жилища, ни закона, ни обычая; коварство ихъ, гнѣвъ, жадность не сдерживались никакою религіею, ни даже суевѣріемъ. Жены ихъ жили на телѣгахъ, гдѣ ткали грубый холстъ, родили и воспитывали дѣтей; въ битвахъ принимали участіе вмѣстѣ съ мужьями; многоженство было у нихъ въ обычаѣ.

Поразивши Алановъ, Гунны ударили на Готѳовъ: знаменитый Германарихъ умеръ на 110 году своей жизни; новорожденное государство, неуспѣвши нисколько сплотниться, окрѣпнуть, не могло вынести натиска Гунновъ, и распалось; часть Готѳовъ, была откинута на югозападъ, другая принуждена была примкнуть къ полкамъ Гунскимъ; въ какомъ отношеніи находились Гунны къ племенамъ Славянскимъ, опредѣлить нельзя; сохранилось только одно извѣстіе объ отношеніяхъ Славянъ къ Готѳамъ и Гуннамъ: Готѳскій Князь Винитаръ, тяготясь господствомъ Гунновъ, старался мало по малу отъ нихъ освобождаться, и, желая показать свою храбрость, напалъ на Антовъ; въ первой стычкѣ онъ былъ разбитъ, но потомъ поправилъ свои дѣла, взялъ верхъ надъ Антами и, чтобъ задать имъ страху, велѣлъ распять на крестѣ предводителя ихъ Бокса (Box, Booz, Boz) съ сыновьями и семидесятью другими старшинами [136]. Но Гунскій князь Баламберъ не долго позволилъ Винитару пользоваться независимостію: онъ пошелъ на него войною и въ битвѣ самъ застрѣлилъ его изъ лука. Безспорно, что Славянскія племена должны были платить дань Гуннамъ, какъ послѣ платили ее Козарамъ; какъ видно также Гунны, раскинувъ во времена Аттилы станъ свой въ Панноніи, среди Славянъ, переняли отъ послѣднихъ нѣкоторые обычаи. Вѣрно только то, что послѣ Гунскаго нашествія, южныя страны нынѣшней Россіи опять отуманились для исторіи, какъ во вре-

мена Скиѳовъ и Сарматовъ: имена Скиѳіи и Сарматіи смѣнились именемъ Гунніи; Славяне у сосѣднихъ народовъ прослыли Гуннами. Могущество послѣднихъ рушилось по смерти Аттилы (453 г.); подчиненные прежде имъ народы выдѣлились опять изъ сплошной массы; но прошло не болѣе столѣтія, какъ азіатскія степи выслали новыя толпы варваровъ одинакого происхожденія съ Гуннами: то были Авары. Авары, жившіе прежде на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, въ 565 году перешли Донъ, и стали угнетать Славянъ; извѣстія объ Аварскихъ угнетеніяхъ сохранились въ Славянскихъ преданіяхъ и занесены въ лѣтопись: Авары (Обры), по свидѣтельству послѣдней, напали на Славянъ, примучили Дулѣбовъ, и звѣрски поступали съ ихъ женами: когда нужно было ѣхать Обрину, то онъ не велѣлъ впрягать въ телѣгу ни коня, ни вола; но приказывалъ впрягать по три, по четыре или по пяти женщинъ. Были Обры, продолжаетъ лѣтописецъ [137], тѣломъ велики и умомъ горды, и Богъ истребилъ ихъ, всѣ померли, не осталось ни одного; есть поговорка въ Руси и теперь: «погибли какъ Обры.» У Византійцевъ слыли они самымъ разумнымъ изъ Скиѳскихъ народовъ, но вмѣстѣ и самымъ лживымъ, коварнымъ [138]. Западные Славяне, Чехи испытали также Аварскія притѣсненія. Въ половинѣ VII вѣка могущество ихъ начинаетъ упадать; въ 796 году Карлъ Великій нанесъ имъ страшное пораженіе въ Панноніи; въ 867 они почти всѣ были истреблены Болгарами, и остатки ихъ, принимая мало по малу христіанство, исчезли въ Венгріи и Болгаріи. Когда освободились отъ Аваръ наши юговосточныя Славянскія племена — не извѣстно; но въ половинѣ IX вѣка мы застаемъ ихъ платящими дань другому степному народу—Козарамъ. Изслѣдователи несогласны относительно происхожденія Козаръ; по всѣмъ вѣроятностямъ это былъ народъ смѣшанный изъ разныхъ племенъ, что было очень естественно на границахъ между Европою и Азіею, на перепутьи народовъ; смѣшанности племенъ въ Козарскомъ царствѣ соотвѣтствовало смѣшеніе религій: здѣсь уживались другъ подлѣ друга четыре религіи: Языческая, Магометанская, Христіанская, Еврейская, и послѣднюю исповѣдовалъ Каганъ, верховный повелитель Козаровъ—примѣръ,

единственный въ исторіи [139]. Еще во II вѣкѣ по Р. Х. Армянскіе историки упоминаютъ о Козарахъ; Византійцы хорошо знаютъ ихъ въ VII вѣкѣ подъ именемъ Восточныхъ Турковъ; въ этомъ вѣкѣ они утверждаются на берегахъ Понта, въ VIII овладѣваютъ большею частію Тавриды; въ какое время принуждены были имъ платить дань юговосточныя Славянскія племена—опредѣлить нельзя; лѣтописецъ говоритъ только, что Козары брали дань на Полянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ. Мы назвали Козаръ степнымъ народомъ, потому что хотя у нихъ и были города, какъ напримѣръ Итиль при устьѣ Волги, но большинство народонаселенія жило въ кибиткахъ, немногіе богатые имѣли глиняныя мазанки, и только у Кагана были высокіе кирпичные хоромы. Лѣтомъ городъ пустѣлъ: жители забирали имѣніе и откочевывали въ степь.

Но въ то время, какъ Азіатцы, жившіе на Дону и Волгѣ брали дань съ племенъ Славянскихъ, жившихъ преимущественно на востокъ отъ Днѣпра, племена, жившія отъ него къ сѣверу, платили дань Варягамъ. Кто же были эти Варяги? — Здѣсь, прежде нежели приступимъ къ разбору лѣтописныхъ свидѣтельствъ о Варягахъ, считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о географическихъ понятіяхъ лѣтописца, во сколько они разнятся отъ нашихъ. Разница состоитъ въ томъ, что Балтійское, или Варяжское море, по лѣтописцу, находится не на сѣверозападѣ, но прямо на сѣверѣ; это видно изъ описанія рѣчныхъ теченій: «Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечеть на полъдне; а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идеть на полунощье, и впадеть въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на востокъ.» Въ слѣдствіе такого взгляда становится понятнымъ, какъ Варяги, присѣдя къ морю Варяжскому, могутъ въ тоже время соприкасаться съ востокомъ, предѣломъ Симовымъ: Скандинавскій полуостровъ мы должны положить поперегъ, Балтійское (Варяжское) море будетъ находиться прямо на сѣверъ отъ русскихъ владѣній, составлять одно съ Нѣмецкимъ, это будетъ огромный рукавъ Атлантическаго Океана, совершенно въ видѣ Средиземнаго моря, при чемъ сѣверный Скандинавскій берегъ Варяжскаго моря будетъ

соотвѣтствовать Европейскому берегу Средиземнаго, южный берегъ Варяжскаго — Африканскому берегу Средиземнаго; слѣд. Скандинавскій перешеекъ, подобно Суецкому, долженъ находиться на востокѣ, около Уральскихъ горъ, соприкасаться съ частью Симовою [140]. Кончивъ перечисленіе народовъ по Византійцу Амартолу — Симитовъ, Хамитовъ и Яфетитовъ, Русскій лѣтописецъ прибавляетъ отъ себя перечисленіе сѣверныхъ народовъ, которыхъ не нашелъ у Грека: также въ Яфетовой части, говоритъ онъ, сидятъ: Русь — здѣсь подъ этимъ именемъ лѣтописецъ разумѣетъ всѣ славянскія племена, находящіяся подъ властью Русскихъ Князей; потомъ перечисляетъ чужіе народы, племени Финскаго и Латышскаго, которые въ его время давали дань Руси: Чудь, Меря, Мурома, Весь, Мордва, Заволоцкая Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтгола, Ливь. Дошедши въ этомъ перечисленіи до береговъ Балтійскаго моря, лѣтописецъ переходитъ къ независимымъ отъ Руси разноплеменнымъ народамъ, обитавшимъ на берегахъ его: Ляхи, Пруссы, Чудь живутъ на берегахъ моря Варяжскаго, говоритъ онъ. Здѣсь онъ идетъ вѣрно отъ запада къ востоку, или сѣверовостоку, разумѣя подъ прибрежными Ляхами Поморянъ, отъ нихъ къ востоку помѣщая Пруссовъ, потомъ Чудь, т. е. Финскія племена, живущія въ нынѣшнихъ Остзейскихъ провинціяхъ, Ингерманландіи и Финляндіи. Идя далѣе къ сѣверовостоку, лѣтописецъ, по своимъ понятіямъ, переходитъ на противоположный, сѣверный, Скандинавскій берегъ Балтійскаго моря, и говоритъ, что по Варяжскому же морю сидятъ Варяги — вотъ сюда къ востоку, до предѣла Симова; по тому же морю сидятъ и къ западу, до земли Англійской и Волошской. Не останавливаясь здѣсь, лѣтописецъ хочетъ перечислить всѣ Европейскіе народы, принадлежащіе къ племени Іафетову, и начинаетъ такъ свое перечисленіе: Варяги, Свеи (Шведы), Урмане (Норвежцы), Готѣ, (Русь по нѣкотор. спис.), Агняне (Англичане), Галичане (быть можетъ, жители Валлиса, pays des Gals), Волъхва (вѣроятно общее названіе Романскихъ народовъ), Римляне, Нѣмцы, Корлязи (быть можетъ, Французы, западные Каролинги, какъ ду-

наетъ Кругъ), Веньдицы (Венеціане), Фрягове (кажется, въ тѣсномъ смыслѣ, Генуезцы). Слѣдовательно, кого же лѣтописецъ разумѣетъ подъ именемъ Варяговъ? Ясно, что это имя у него есть общее: Варяги живутъ по Балтійскому морю къ востоку, до предѣла Симова, и къ западу, по тому же морю живутъ до земли Англійской: вотъ границы Варяговъ! Мы знаемъ, и лѣтописецъ знаетъ, что въ этихъ предѣлахъ живутъ Шведы, Норвежцы, Готы: лѣтописецъ ихъ именно и называетъ до Англичанъ. И такъ Варяги лѣтописца суть Скандинавы; если скажутъ, что лѣтописецъ разумѣлъ также южный берегъ Балтійскаго моря, гдѣ жили и Славяне, то онъ уже назвалъ ихъ прежде—«Ляхове, Пруси и Чудь присѣдять морю Варяжскому,» и потомъ совершенно молчитъ объ нихъ при исчисленіи народовъ Варяжскихъ. Второе мѣсто лѣтописи: послы отъ соединенныхъ племенъ Славянскихъ и Финскихъ пошли за море къ Варягамъ-Руси: эти Варяги, прибавляетъ лѣтописецъ, зовутся Русь, точно такъ, какъ другіе Варяги зовутся Шведами, иные Норвежцами, Англичанами, Готами [141].

На приведенныхъ мѣстахъ лѣтописи [142] основывается мнѣніе о Скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси, и основывается крѣпко; вотъ почему это мнѣніе древнѣйшее, древнѣйшее въ наукѣ, древнѣйшее въ народѣ [143]. Свидѣтельство Русскаго лѣтописца подтверждается свидѣтельствами иностранными: извѣстіемъ, находящимся въ Бертинскихъ лѣтописяхъ, что народъ Росъ принадлежитъ къ племени Свеоновъ [144]; извѣстіемъ Ліутпранда, епископа Кремонскаго, о тождествѣ Руссовъ съ Норманнами [145]; извѣстіемъ Арабскихъ писателей о нетождествѣ Варяговъ, Руси и Славянъ [146]; наконецъ въ пользу Скандинавскаго происхожденія Варяговъ-Руси свидѣтельствуютъ имена первыхъ нашихъ князей, членовъ дружины ихъ, и Русскія названія Днѣпровскихъ пороговъ, какъ они читаются у Константина Багрянороднаго. Подлѣ этого мнѣнія, основаннаго на очевидности, нѣкоторые хотѣли и хотятъ дать мѣсто предположенію, что князья Варяго-Русскіе и дружина ихъ были происхожденія Славянскаго, и указываютъ преимущественно на Поморье (Померанію), какъ

на мѣсто, откуда могъ быть вызванъ Рюрикъ съ братьями; но для чего нужно подобное предположеніе въ наукѣ? существуютъ ли въ нашей древней исторіи такія явленія, которыхъ никакъ нельзя объяснить безъ него? Такихъ явленій мы не видимъ. Скажутъ: Славяне должны были обратиться къ своимъ же Славянамъ, не могли призывать чужихъ,—но имѣетъ ли право историкъ настоящія понятія о національности приписывать предкамъ нашимъ IX-го вѣка? Мы видимъ, что племена Германское и Славянское, чѣмъ ближе къ языческой древности, тѣмъ сходнѣе между собою въ понятіяхъ религіозныхъ, нравахъ, обычаяхъ; исторія не провела еще между ними рѣзкихъ разграничивающихъ линій, ихъ національности еще не выработались, а потому не могло быть и сильныхъ національныхъ отвращеній. Послѣдующая наша исторія объясняетъ какъ нельзя лучше призваніе Варяжскихъ князей: послѣ Новгородцы и Псковитяне охотно принимаютъ къ себѣ на столы князей Литовскихъ; да и вообще въ нашихъ предкахъ мы не замѣчаемъ вовсе національной нетерпимости: Нѣмецъ, Ляхъ, Татаринъ, Бурятъ становились полноправными членами Русскаго общества, если только принимали христіанство по ученію Православной Церкви: это была единственная основа національнаго различія, за которую наши предки держались крѣпко; но въ половинѣ IX-го вѣка ея не существовало: поклонникъ Тора такъ легко становился поклонникомъ Перуна, потому что различіе было только въ названіяхъ. Съ другой стороны съ Варягами Скандинавскими у нашихъ сѣверныхъ Славянъ была связь издавна, издавна были они знакомы другъ съ другомъ. Наконецъ, если бы Новгородцы и Кривичи, по нашимъ настоящимъ понятіямъ, непремѣнно хотѣли имѣть своимъ княземъ Славянина, то не надобно забывать, что въ союзѣ съ ними были племена Финскія, у которыхъ не могло быть этого желанія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще о значеніи названій — Варяги и Русь. Сличивъ различныя толкованія ученыхъ, можно вывести вѣрное заключеніе, что подъ именемъ Варяговъ разумѣлись дружины, составленныя изъ людей, волею или неволею покинувшихъ свое отечество, и принужденныхъ искать сча-

стія на моряхъ или въ странахъ чуждыхъ[148]; это названіе, какъ видно, образовалось на западѣ, у племенъ Германскихъ; на востокѣ, у племенъ Славянскихъ, Финскихъ, у Грековъ и Арабовъ такимъ же общимъ названіемъ для подобныхъ дружинъ было Русь (Росъ), означая, какъ видно, людей — мореплавателей, приходящихъ на корабляхъ, моремъ, входящихъ по рѣкамъ внутрь странъ, живущихъ по берегамъ морскимъ[149]. Прибавимъ сюда, что названіе Русь было гораздо болѣе распространено на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ, и что, по всѣмъ вѣроятностямъ, Русь на берегахъ Чернаго моря была извѣстна прежде половины IX вѣка, прежде прибытія Рюрика съ братьями[150].

Таковы, по нашему мнѣнію, вѣроятнѣйшіе выводы, какіе можно добыть изъ многочисленныхъ толковъ о Варягахъ и Руси.

ГЛАВА IV.

ПРИЗВАНІЕ ВАРЯГОВЪ-РУСИ СѢВЕРНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ СЛАВЯНСКИМИ И ФИНСКИМИ; ОБЗОРЪ СОСТОЯНІЯ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СЛАВЯНСКИХЪ, ВЪ ЭПОХУ ПРИЗВАНІЯ КНЯЗЕЙ.

Мы видѣли, что въ половинѣ IX вѣка область нынѣшней Россіи, въ слѣдствіе природнаго вліянія, раздѣлялась главнымъ образомъ на двѣ части: племена, жившія на юговостокѣ, находились въ подчиненности отъ азіатскаго племени, стоявшаго лагеремъ на Дону и Волгѣ; племена, жившія на сѣверозападѣ, должны были подчиниться знаменитымъ морскимъ королямъ, предводителямъ европейскихъ дружинъ, вышедшихъ съ береговъ Скандинавіи: «Брали дань Варяги изъ-за моря на Чуди, Славянахъ Новгородскихъ, Мери, Веси и на Кривичахъ [151], а Козары брали на Полянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ, брали, по горностаю [152] и бѣлкѣ отъ дыма [153].» Лѣтописецъ говоритъ о Варягахъ, что они просто брали дань, а о Козарахъ, что они брали по горностаю и бѣлкѣ—знакъ, что о дѣлахъ на югѣ лѣтописецъ имѣлъ подробнѣйшія свѣдѣнія, чѣмъ о событіяхъ на сѣверѣ. Далѣе, подъ 862 годомъ, лѣтописецъ говоритъ, что племена, платившія дань Варягамъ, изгнали послѣднихъ за море, не дали имъ дани, и начали сами у себя владѣть. Изъ этихъ словъ должно заключить, что Варяги не брали только дань съ сѣверныхъ племенъ, но владѣли у нихъ; иначе лѣтописецъ не могъ сказать, что, послѣ ихъ изгнанія, племена начали сами у себя владѣть, и владѣли дурно, не мо-

гли установить внутренняго порядка: не было между ними правды, продолжаетъ лѣтописецъ, всталъ родъ на родъ, начались усобицы. Въ такихъ обстоятельствахъ племена собрались и сказали: «Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву.» Порѣшивши такъ, пошли они за море къ Варягамъ, къ Руси, и сказали имъ: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами.» Собрались три брата съ родичами своими, взяли съ собою всю Русь и пришли.

При изображеніи нравовъ и обычаевъ Славянъ вообще, замѣчено уже было, что родовой бытъ условливалъ между ними вражду, на которую такъ прямо указываютъ писатели иностранные, знавшіе Славянъ; нашъ лѣтописецъ подтверждаетъ ихъ показанія: какъ скоро, говоритъ онъ: племена начали владѣть сами собою, то не стало у нихъ правды, то-есть, безпристрастнаго рѣшенія споровъ; не было у нихъ устава, который бы всѣ согласились исполнять, не было власти, которая бы принудила ослушниковъ къ исполненію принятаго устава. При столкновеніяхъ между родами, при общихъ дѣлахъ рѣшителями споровъ долженствовали быть старшины родовъ. Но могли ли они рѣшать споры безпристрастно? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода, блюстителемъ его выгодъ; при враждебныхъ столкновеніяхъ между членами родовъ, каждый старшина обязанъ былъ не выдавать своего родича; кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Разумѣется, для ея рѣшенія родъ долженъ встать на родъ, и сила должна утвердить право. Исторія племени и города, которые имѣли такое важное значеніе въ описываемыхъ событіяхъ, исторія Славянъ Ильменскихъ, Новгорода Великаго, представляетъ лучшее доказательство сказанному. Съ теченіемъ времени родовыя отношенія здѣсь исчезли; но концы съ своими старостами напоминали о родахъ, изъ которыхъ могло составиться первоначальное народонаселеніе [154], и вражда между концами заступила мѣсто родовой вражды: какъ прежде возставалъ родъ на родъ, такъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остальные брали сто-

рону того или другаго, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Роды, столкнувшіеся на одномъ мѣстѣ и потому самому стремившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, нарядъ, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго, однимъ словомъ, третьяго судью, а такимъ могъ быть только князь изъ чужаго рода [155]. Установленіе наряда, нарушеннаго усобицами родовъ, было главною, единственною цѣлію призванія князей; на нее лѣтописецъ прямо и ясно указываетъ, не упоминая ни о какихъ другихъ побужденіяхъ, и это указаніе лѣтописца совершенно согласно со всѣми обстоятельствами, такъ что мы не имѣемъ никакого права дѣлать свои предположенія. Но кромѣ прямаго и яснаго свидѣтельства лѣтописца, призваніе князей, какъ нельзя лучше, объясняется рядомъ подобныхъ явленій въ послѣдующей исторіи Новгорода. Лѣтописецъ начальный говоритъ, что Варяги были изгнаны, и потомъ снова призваны; лѣтописцы позднѣйшіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ или самъ удалялся изъ Новгорода, то граждане послѣдняго немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли жить безъ князя, по выраженію лѣтописца [156]; есть извѣстіе, что одинъ изъ Великихъ Князей хотѣлъ наказать Новгородцовъ тѣмъ, что долго не посылалъ къ нимъ князя [157]. У внука Рюрикова Новгородцы просятъ князя, и въ случаѣ отказа, грозятъ найти другаго. Вотъ что̀ сказали они однажды сыну Великаго Князя Ростислава Мстиславича: «Не хотимъ тебя, мы призвали твоего отца для установленія наряда, а онъ вмѣсто того усилилъ безпокойства [158].» Сравнимъ теперь это свидѣтельство съ извѣстіемъ о призваніи первыхъ князей, и увидимъ, что цѣль призванія одна и та же въ обоихъ случаяхъ: князь призывается для установленія наряда внутренняго, какъ судья, миротворецъ.

Обратимъ теперь вниманіе на нѣкоторыя другія обстоятельства, встрѣчающіяся въ лѣтописи при разсказѣ о призваніи кня-

зей. Первое обстоятельство — это соединеніе племенъ Славянскихъ и Финскихъ; что произвело этотъ союзъ? Безъ всякаго сомнѣнія, означенныя племена были приведены въ связь завоеваніемъ Варяжскимъ, какъ въ послѣдствіи остальныя разрозненныя Славянскія племена были приведены въ связь князьями изъ дома Рюрикова. Эта тѣсная связь между Чудью, Весью, Славянами Ильменскими и Кривичами выразилась въ дружномъ изгнаніи Варяговъ, и потомъ въ призваніи князей. Этому же завоеванію, этому столкновенію съ чуждымъ началомъ сѣверныя племена были обязаны, по всѣмъ вѣроятностямъ, и относительно большею степенью общественнаго развитія, или, по крайней мѣрѣ, стремленія къ нему: послѣ изгнанія Варяговъ они не хотятъ возвратиться къ разрозненному родовому быту, и не видя выхода изъ него при эгоизмѣ родовъ, соглашаются призвать власть извнѣ, призываютъ князя изъ чужаго рода. Эта бо́льшая степень общественнаго развитія у сѣверныхъ племенъ ясно окажется въ послѣдствіи: мы увидимъ, что сѣверныя племена будутъ постоянно торжествовать надъ южными. Второе обстоятельство въ разсказѣ о призваніи князей — это ихъ разселеніе: старшій братъ, Рюрикъ поселился у Славянъ Ильменскихъ, второй — Синеусъ между Чудью и Весью на Бѣлѣозерѣ, третій, Труворъ у Кривичей въ Изборскѣ. Но касательно города, въ которомъ сѣлъ сначала Рюрикъ, чтенія списковъ лѣтописи разногласятъ: одни говорятъ въ Новгородѣ; другія въ Ладогѣ. По извѣстному правилу, что труднѣйшее чтеніе предпочитается легчайшему, особенно если оно находится въ большемъ числѣ лучшихъ списковъ, мы должны принять извѣстіе о Ладогѣ [160]. Почему Рюрикъ избралъ Ладогу, а не Новгородъ, объясненіе найти не трудно: положеніе Ладоги относительно начала великаго воднаго пути, относительно близости моря, важнѣе положенія Новгорода; Ладога находится ближе къ устью Волхова; Рюрику нужно было удержаться при непосредственномъ сообщеніи съ заморьемъ въ случаѣ, если бы дѣло его пошло не такъ успѣшно въ новой странѣ; недавнее изгнаніе Варяговъ должно было научить его осторожности; въ

нѣкоторыхъ извѣстіяхъ сказано, что князья боялись сначала суровости призывавшихъ племенъ; съ другой стороны Рюрику нужно было также обезопасить себя и свою область отъ нападенія другихъ Варяговъ, и вотъ онъ прежде всего строитъ крѣпость въ Ладогѣ, недалеко отъ устья Волхова и селится здѣсь [161]. Наконецъ остается послѣдній вопросъ: какое значеніе имѣетъ призваніе Рюрика въ нашей исторіи? Призваніе первыхъ князей имѣетъ великое значеніе въ нашей исторіи, есть событіе всероссійское, и съ него справедливо начинаютъ Русскую исторію. Главное, начальное явленіе въ основаніи государства, это соединеніе разрозненныхъ племенъ чрезъ появленіе среди нихъ сосредоточивающаго начала, власти. Сѣверныя племена, Славянскія и Финскія соединились и призвали къ себѣ это сосредоточивающее начало, эту власть. Здѣсь, въ сосредоточеніи нѣсколькихъ сѣверныхъ племенъ, положено начало сосредоточенію и всѣхъ остальныхъ племенъ; потому что призванное начало пользуется силою первыхъ сосредоточившихся племенъ, чтобъ посредствомъ нихъ сосредоточивать и другія [162]: соединенныя впервые силы начинаютъ дѣйствовать.

Таково было явленіе, имѣвшее мѣсто въ сѣверовосточной Европѣ въ половинѣ IX-го вѣка, въ 862 году, какъ сказано въ лѣтописи [163]. Въ другихъ странахъ Европы въ это время происходили также явленія великой важности. Знаменитая роль Франкскаго племени и вождей его кончалась въ началѣ IX-го вѣка, когда оружіемъ Карла Великаго политическія идеи Рима и Римская церковь покорили себѣ окончательно варварскій Германскій міръ, и вождь Франковъ былъ провозглашенъ Императоромъ Римскимъ. Духовное единство западной Европы было скрѣплено окончательно, съ помощію Рима; теперь выступило на сцену другое, новое начало, принесенное варварами, Германцами, на почву Имперіи, теперь начинается матеріальное распаденіе Карловой монархіи, начинаютъ вырабатываться отдѣльныя національности, начинаютъ образовываться отдѣльныя государства, члены западноевропейской конфедераціи; IX-й вѣкъ есть вѣкъ образованія государствъ какъ для восточной, такъ и

для западной Европы, вѣкъ великихъ историческихъ опредѣленій, которыя дѣйствуютъ во все продолженіе новой европейской исторіи, дѣйствуютъ до сихъ поръ. Въ то время, когда на западѣ совершается трудный, болѣзненный процессъ разложенія Карловой монархіи и образованія новыхъ государствъ, новыхъ національностей, Скандинавія, старинная колыбель народовъ, высылаетъ многочисленныя толпы своихъ пиратовъ, которымъ нѣтъ мѣста на родной землѣ; но континентъ уже занятъ, Скандинавамъ уже нѣтъ болѣе возможности двигаться къ югу сухимъ путемъ, какъ двигались ихъ предшественники; имъ открыто только море, они должны довольствоваться грабежемъ, опустошеніемъ морскихъ и рѣчныхъ береговъ. Въ Византіи происходитъ также важное явленіе: богословскіе споры, волновавшіе ее до сихъ поръ, прекращаются: въ 842 году, въ годъ восшествія на престолъ Императора Михаила, съ котораго нашъ лѣтописецъ начинаетъ свое лѣтосчисленіе, прекращаются богословскіе споры, окончательно утверждается догматъ, который передается славянскимъ народамъ, начавшимъ въ то время принимать христіанство; тогда же является переводъ священнаго писанія на Славянскій языкъ, благодаря святой ревности Кирилла и Меѳодія. По слѣдамъ знаменитыхъ братьевъ обратимся къ нашимъ западнымъ и южнымъ соплеменникамъ, судьбы которыхъ должны обратить на себя наше особенное вниманіе. Исторія западныхъ Славянъ начинаетъ чуть-чуть проясняться со второй половины V-го вѣка, по смерти Аттилы и уничтоженія гунскаго могущества. Народныя преданія Чеховъ знаютъ также о переселеніи этого племени изъ краевъ южныхъ въ землю Кельтическихъ Бойевъ и Германскихъ Маркомановъ. По своему положенію Чехи должны были съ самаго начала войти во враждебныя столкновенія съ Германцами, сперва съ Турингами, а потомъ съ Франками, подчинившими себѣ Турунговъ. Не безопасные съ запада, Чехи были мало безопасны и съ востока: долина Дуная не переставала еще наполняться Азіатскими выходцами: Авары, которые оставили по себѣ такую черную память между нашими юговосточными Славянскими племенами, не

менѣе тяжки были и для Чеховъ; освободителемъ послѣднихъ отъ Аварскаго ига является Само, одинъ изъ загадочныхъ средневѣковыхъ героевъ, о которыхъ наука не можетъ произнести вѣрнаго приговора, которыхъ оспориваютъ другъ у друга разныя народности, тогда какъ въ эту эпоху броженія народныхъ элементовъ въ Европѣ всего менѣе обращалось вниманія на народность. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Само былъ Франкскій купецъ, торговавшій съ восточными племенами; извѣстіе очень согласное съ тогдашнимъ состояніемъ общества, когда купцами были всегда люди отважные, легко перемѣнявшіе характеръ купца на характеръ воина; этотъ первоначальный характеръ купца далъ Само средства сблизиться съ племенемъ, отвага указала въ немъ достойнаго предводителя противъ Аваровъ. Въ 627 году Славяне избрали освободителя Само въ короли; такъ основалось на западѣ первое Славянское владѣніе, сердцемъ котораго была земля Чешская. Уже при Само начинаются враждебныя столкновенія Чеховъ съ королями Франкскими; конецъ жизни и правленія Самова еще менѣе извѣстенъ, чѣмъ его происхожденіе и первые подвиги. Народныя преданія Чешскія знаютъ о Крокѣ, котораго золотой столъ стоялъ въ Вышеградѣ надъ Влтавою (Молдавою). Крокъ оставилъ по себѣ трехъ вѣщихъ дочерей; младшую изъ нихъ, Любушу народъ выбралъ на отцовское мѣсто; Любуша отдала руку свою и власть надъ Чехами Пршемыслу, который пахалъ, когда пришли къ нему послы отъ Любуши съ этимъ предложеніемъ. Пршемыслъ былъ родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ Чешскихъ; княженіе его относятъ къ первой четверти VIII вѣка. Изъ событій Чешской исторіи послѣ Пршемысла до самой половины IX-го вѣка мы не знаемъ ничего вѣрнаго, кромѣ враждебныхъ столкновеній Славянъ съ Нѣмцами, то-есть съ Имперіею Франковъ. Меровинговъ смѣнили Карловинги. Германскія племена соединились въ одну массу; духъ единства, принятый Германскими вождями на старинной почвѣ Римской Имперіи, не переставалъ одушевлять ихъ, руководить ихъ поступками; потомокъ Геристаля принялъ титулъ Римскаго Им-

ператора; располагая силами западной Европы, Карлъ Великій двинулся на восточную съ проповѣдію Римскихъ началъ, единства политическаго и религіознаго. Чтоже могла противопоставить ему восточная Европа? Народы, жившіе въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненные и враждебные другъ другу. Замѣтимъ, что нѣтъ никакого основанія дѣлать изъ разъединенія и несогласія Славянскихъ племенъ отличительную черту Славянской народности; разрозененность и вражда племенъ Славянскихъ были необходимыми слѣдствіями ихъ формы быта, быта родоваго, а эта форма быта не есть исключительная принадлежность Славянскаго племени; черезъ нее проходятъ всѣ народы съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ оставляетъ ее прежде, а другой послѣ, въ слѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ; такъ народы Германскаго племени оставили формы родоваго быта прежде въ слѣдствіе переселенія на Римскую почву, гдѣ они приняли идеи и формы государственныя, а Славяне, оставаясь на востокѣ, въ уединеніи отъ древняго историческаго міра, оставались и при прежнихъ, первоначальныхъ формахъ быта. Карлъ Великій, вождь Германскаго ополченія, носилъ титулъ Римскаго Императора, былъ единымъ владыкою соединенныхъ Германскихъ племенъ; но исторіи извѣстно, чего стоило Германскому племени это соединеніе! Покрытый кровію Саксонцевъ, Карлъ двинулся противъ Славянъ; легко было предвидѣть, что новый Цезарь получитъ такіе же успѣхи надъ младенчествующими народами восточной Европы, какіе старый Цезарь получилъ нѣкогда, при покореніи варварскаго народонаселенія Европы западной. Изъ Славянскихъ племенъ, соприкасавшихся съ Германцами, кромѣ Чеховъ, были Бодричи или Ободриты, жившіе въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ; потомъ южнѣе, между Одеромъ и Эльбою Лутичи или Велеты, между Лутичами и Чехами жили Сербы въ нынѣшней Саксоніи и Лузаціи. Между Лутичами и Бодричами шли сильныя усобицы; съ другой стороны, Бодричи были во враждѣ съ Саксонцами; это обстоятельство заставило ихъ войти въ союзъ съ Карломъ противъ послѣднихъ, какъ общихъ враговъ, и

помогать Франкамъ въ борьбѣ съ ними. Карлъ, въ благодарность за помощь, обратилъ свое оружіе противъ Лутичей подъ предлогомъ, что они обижаютъ союзниковъ его, Бодричей: такъ Германскій вождь началъ искусно пользоваться Славянскимъ бытомъ и его слѣдствіями. Бодричи и Сербы охотно помогали Нѣмцамъ покорять единоплеменниковъ своихъ, Лутичей, которые принуждены были признать себя данниками Карла. Это было въ концѣ VIII-го вѣка, въ началѣ IX-го уже видимъ войны Карла съ Чехами. Послѣдніе, подобно всѣмъ своимъ соплеменникамъ, не давали врагу битвъ въ чистомъ полѣ, но отбивались порознь въ лѣсахъ и горахъ; войска Карла, опустошивши страну, должны были возвращаться безъ рѣшительныхъ, какъ видно, успѣховъ. Не смотря однако на это, торжество Нѣмцевъ было вѣрно надъ разрозненными Славянами. Если извѣстія о дани Чеховъ Карлу Великому могутъ быть оспориваемы, то вѣрно, что Моравы уже были подчинены ему. Во второй четверти IX-го вѣка въ Моравіи мы видимъ князя Моймира, который принялъ христіанство, и считается основателемъ Моравскаго государства; въ то же время встрѣчаемъ извѣстіе о начаткахъ христіанства у Чеховъ: четырнадцать Леховъ, или знатныхъ пановъ Чешскихъ приняли христіанство въ Регенсбургѣ у короля Людовика Нѣмецкаго; но, въ борьбѣ двухъ племенъ, основнымъ различіемъ которыхъ была вѣра, для Славянина отвергнуть вѣру своего народа значило отложиться отъ послѣдняго, перейдти подъ знамена враговъ: вотъ почему Чешскіе Лехи, какъ скоро приняли христіанство, такъ уже оставили князя своего и поддались королю Нѣмецкому, изъ подъ власти котораго трудно было высвободиться. Такъ Людовикъ Нѣмецкій, подозрѣвая Моймира Моравскаго въ намѣреніи усилиться, свергнулъ его съ престола, который отдалъ племяннику его Ростиславу. Но Ростиславъ, не смотря на то, что обязанъ былъ властію Людовику, шелъ по слѣдамъ дяди Моймира, только шелъ съ бо́льшимъ успѣхомъ: ему удалось отбиться отъ Людовика; онъ могъ объявить себя прямо врагомъ послѣдняго, и принимать подъ свое покровительство всѣхъ недовольныхъ королемъ, даже собственныхъ сыновей

его. Но князь Моравскій долженъ былъ понимать, что для независимаго состоянія Славянскаго государства прежде всего была необходима назависимая Славянская церковь, что съ Нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости Славянъ, что съ Латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только со внѣшней, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князь Моравскій долженъ былъ обратиться къ Византійскому двору, который могъ прислать въ Моравію Славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на Славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить Славянское богослуженіе и основать независимую Славянскую церковь; близкій и недавній примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать Моравскому князю на этотъ путь; со стороны Византіи нечего было опасаться притязаній, подобныхъ Нѣмецкимъ: она была слишкомъ слаба для этого,—и вотъ Ростиславъ посылаетъ въ Константинополь къ Императору Михаилу съ просьбою о Славянскихъ учителяхъ, и въ Моравіи являются знаменитые братья — Кириллъ и Меѳодій, доканчиваютъ здѣсь переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и распространяютъ Славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи. Призывъ Кирилла и Меѳодія, полагаемый въ 862 году, совпадаетъ со временемъ основанія Русскаго государства, которому по преимуществу суждено было воспользоваться дѣломъ святыхъ братьевъ.

Ближайшими къ Россіи изъ западныхъ Славянскихъ племенъ были тѣ, которыя послѣ вошли въ составъ государства Польскаго. Область этихъ Ляшскихъ племенъ простиралась съ сѣвера къ югу отъ Балтійскаго моря до горъ Карпатскихъ, съ востока къ западу отъ рѣкъ Бобра, Нарева, Буга, Вислоки до Одера, Бобра (въ Селезіи) и Чешско-Моравскаго хребта; но главное гнѣздо государства Польскаго было на рѣкѣ Вартѣ около Гнѣзна и Познаня. Вѣроятная исторія Польши начинается въ одно время съ Русскою, то-есть, въ половинѣ IX-го вѣка: къ 860 году относятъ тотъ переворотъ, по которому Семовитъ,

сынъ земледѣльца Пяста, свергнулъ съ престола родъ Попела и самъ сталъ княжить; съ этихъ поръ начинается распространеніе Польскихъ владѣній. Но въ началѣ нашей исторіи гораздо ближе Польскихъ Славянъ были къ Руси Славяне Болгарскіе. Исторія находитъ Славянъ въ древней Мизіи, въ нынѣшней Болгаріи, во второй половинѣ VII-го вѣка, тогда какъ до сихъ поръ Восточная Имперія имѣла дѣло съ Славянами, нападавшими на нее съ сѣвернаго берега Дуная; въ 677 году Болгары, народъ единоплеменный съ Гуннами и Аварами, покорилъ семь Славянскихъ племенъ, жившихъ въ Мизіи, и утвердился здѣсь; скоро побѣдители такъ смѣшались съ побѣжденными, что составили съ ними одинъ народъ Славянскій; съ этихъ поръ начинается рядъ войнъ Болгарскихъ владѣтелей съ императорами Греческими до самой половины IX-го вѣка, когда Болгарскій князь Борисъ принялъ христіанство, крестившись подъ именемъ Михаила отъ руки Славянскаго апостола Меѳодія, который послѣ этого отправился съ братомъ Кирилломъ въ Моравію. Въ тѣсной связи съ исторіей Болгарскихъ Славянъ находится исторія Славянъ Сербскихъ. Къ VII-му вѣку относятъ переселеніе Славянъ изъ сѣверныхъ краевъ въ Иллирію: изъ послѣдующей исторіи этихъ племенъ до половины IX-го вѣка мы знаемъ только нѣсколько именъ Сербскихъ жупановъ или старѣйшинъ и нѣсколько извѣстій о войнахъ ихъ съ князьями Болгарскими.

ГЛАВА V.

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ — РЮРИКЪ, ОЛЕГЪ, ИГОРЬ.

До нашего начальнаго лѣтописца дошло очень мало преданій о княженіи Рюрика. Онъ знаетъ только, что по прошествіи двухъ лѣтъ отъ призванія, младшіе братья, Синеусъ и Труворъ, умерли, и всю власть принялъ одинъ старшій Рюрикъ; эта власть простиралась уже на Кривичей западно-Двинскихъ, то есть, Полочанъ на югѣ, на Мерю и Мурому на сѣверовостокѣ. Если Меря, платившая прежде дань Варягамъ, и неупомянутая въ разсказѣ о призваніи, точно въ немъ не участвовала, то должно быть, что ее снова покорилъ Синеусъ съ Бѣлаозера, по старому Варяжскому пути, а за Мерею впервые покорена и Мурома; на югѣ перейденъ волокъ между Ловатью и Западною Двиною, присоединенъ Полоцкъ. О войнахъ есть извѣстіе, что призванные князья начали воевать всюду; о правительственныхъ мѣрахъ читаемъ, что Рюрикъ роздалъ города мужамъ своимъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: «Раздая волости мужемъ своимъ и городы рубити»[164]. Такъ съ Рюрика началась уже эта важная дѣятельность нашихъ князей — построеніе городовъ, сосредоточеніе народонаселенія. Касательно опредѣленія отношеній между призваннымъ княземъ и призвавшими племенами сохранилось преданіе о смутѣ въ Новгородѣ, о недовольныхъ, которые жаловались на поведеніе Рюрика и его родичей или единоземцевъ, и въ главѣ которыхъ былъ какой-то Вадимъ; этотъ Вадимъ былъ убитъ Рюрикомъ вмѣстѣ со многими Новгородцами, его совѣт-

никами[165]. Сохранилось преданіе, что по смерти братьевъ Рюрикъ оставилъ Ладогу, пришелъ къ Ильменю, срубилъ городъ надъ Волховомъ, прозвалъ его Новгородомъ, и сѣлъ тутъ княжить. Это мѣсто лѣтописи прямо показываетъ, что собственный Новгородъ былъ основанъ Рюрикомъ; и такъ какъ здѣсь онъ остался жить, и послѣ него здѣсь же жили посадники княжескіе и князья, то изъ этого легко объясняется, почему Новгородъ затмилъ собою старый городъ, какъ бы тотъ ни назывался[166]. И послѣ переселенія Рюрика къ Ильменю, смуты, какъ видно, продолжались; такъ сохранилось преданіе, что отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ бѣжало много Новгородскихъ мужей[167]. Если и здѣсь обратимъ вниманіе на послѣдующія событія Новгородской исторіи, то найдемъ сходныя явленія: и послѣ почти каждый князь долженъ былъ бороться съ извѣстными сторонами, и если побѣждалъ, то противники бѣжали изъ Новгорода къ другимъ князьямъ — или на югъ въ Русь, или въ Суздальскую землю, смотря по обстоятельствамъ. Всего же лучше преданіе о неудовольствіи Новгородцевъ и поступкѣ Рюрика съ Вадимомъ и съ совѣтниками его объясняется разсказомъ лѣтописи о неудовольствіи Новгородцевъ на Варяговъ, нанятыхъ Ярославомъ, объ убійствѣ послѣднихъ и мести княжеской убійцамъ.

Преданіе говоритъ, что много людей перебѣжало изъ Новгорода въ Кіевъ: здѣсь на южномъ концѣ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки образовалось въ то же время другое Варягорусское владѣніе. Было, говоритъ преданіе, у Рюрика двое мужей, не родныхъ ему; они выпросились у него идти къ Царюграду съ родомъ своимъ, и когда шли внизъ по Днѣпру, то увидѣли на горѣ городокъ, и спросили у тамошнихъ жителей, чей онъ? Имъ отвѣчали, что были три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, построили этотъ городокъ и перемерли, а потомки ихъ платятъ теперь дань Козарамъ. Аскольдъ и Диръ остались въ городкѣ, собрали около себя много Варяговъ и начали владѣть землею Полянъ. Это преданіе совершенно согласно съ обстоятельствами описываемаго времени: Варягамъ былъ давно извѣстенъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное; давно они усажи-

вались между племенами, жившими у его начала; дѣло невоз-можное, чтобы, зная начало пути, Варяги не стали пробиратьс тотчасъ же по немъ внизъ къ Черному морю; лѣтописецъ ука зываетъ путь изъ Варягъ въ Греки, прежде нежели начинает разсказъ о событiяхъ, непосредственно за разсказомъ о разсе ленiи племенъ Славянскихъ; тутъ же у него вставлено сказан о путешествiи Апостола Андрея по этому пути; Аскольдъ Диръ прямо выпрашиваются у Рюрика въ Грецiю, и идутъ из вѣстною дорогою. Вотъ почему и прежде согласились мы допу стить, что Варяги-Русь, зная начало великаго воднаго пут ранѣе прихода Рюрикова, знали и конецъ его ранѣе этого вре мени, что шайки ихъ давно усаживались на берегахъ Чернаго Азовскаго морей, и оттуда опустошали окрестныя страны, что такъ ясно указываютъ свидѣтельства Арабовъ и нѣкотор другiя. Но, какъ видно, до сихъ поръ Варяги являлись на вел комъ водномъ пути изъ Балтiйскаго моря въ Черное только видѣ малочисленныхъ дружинъ, искавшихъ службы при дво Императора, или мелкой добычи на берегахъ Имперiи, безъ мыс и безъ средствъ основать прочное владѣнiе въ земляхъ, леж щихъ по восточному пути. Такъ Аскольдъ и Диръ отпросил у Рюрика въ Грецiю, съ родомъ своимъ только! Вотъ поче они не хотѣли, да и не могли утвердиться нигдѣ по восточно пути до самого того мѣста, начиная съ котораго Днѣпръ пов рачиваетъ на востокъ, въ степь. Здѣсь среди Славянскаго пл мени Полянъ, платившихъ данъ Козарамъ, въ городкѣ Кiе Аскольдъ и Диръ остановились. Какъ видно, Кiевъ въ то вре былъ притономъ Варяговъ, всякаго рода искателей приключен чѣмъ въ послѣдствiи были Тмутаракань и Берладъ; видно и тог какъ послѣ, во времена Константина Багрянороднаго, Кiе былъ сборнымъ мѣстомъ для Варяговъ, собиравшихся въ Чер море. Аскольдъ и Диръ здѣсь остановились: около нихъ собр лось много Варяговъ; сюда же, по нѣкоторымъ извѣстiямъ, пе ребѣжало изъ Новгорода много людей, недовольныхъ Рюрико Аскольдъ и Диръ стали вождями довольно многочисленной шайк окрестные Поляне должны были подчиниться имъ; есть извѣст

что они дрались съ степными варварами[168], съ сосѣдними славянскими племенами—Древлянами и Угличами[169], съ Дунайскими Болгарами[170]. Если примемъ извѣстіе, что Варяги Аскольдъ и Диръ засѣли въ Полянскомъ городкѣ Кіевѣ, то не имѣемъ права отвергать приведенныя извѣстія: владѣлецъ украинскаго городка необходимо долженъ былъ вести войны съ степными варварами и съ окольными Славянскими племенами: и прежде болѣе воинственные Древляне и Угличи обижали болѣе покойныхъ Полянъ[171]; наконецъ столкновенія съ Дунайскими Болгарами были естественны по самому пути, которымъ обыкновенно Русь ходила въ Грецію. Ставши вождями довольно многочисленной дружины, Аскольдъ и Диръ вздумали сдѣлать набѣгъ на Византію, исполнить завѣтную мысль Варяга, съ какою они отправились изъ Новгорода: на 200 ладьяхъ приплыла Русь къ Царюграду; но попытка не удалась: буря, вставшая, по Греческимъ свидѣтельствамъ, въ слѣдствіе чудеснаго заступленія Богородицы, разбила Русскія лодки, и немногіе изъ дружины Аскольдовой возвратились съ своими князьями назадъ въ Кіевъ. Въ слѣдъ за этимъ извѣстіемъ Византійцы сообщаютъ другое о принятіи христіанства Русскими, о посылкѣ къ нимъ епископа изъ Царяграда: такъ уже рано обнаружилось значеніе Кіева въ нашей исторіи, слѣдствіе столкновеній Кіевской Руси съ Византіею[172]. Даже прежде еще Аскольдова похода, обыкновенно относимаго къ 866 году, мы встрѣчаемъ извѣстія о нападеніяхъ Руси на Греческія области и о принятіи христіанства нѣкоторыми изъ Русскихъ вождей: таково извѣстіе, находящееся въ житіи Святаго Стефана Сурожскаго, о нападеніи на Сурожъ Русскаго князя Бравалина, и о крещеніи его тамъ; извѣстіе это относится къ началу IX вѣка; подобное же извѣстіе находимъ въ жизнеописаніи Святаго Георгія, епископа Амастрійскаго[173].

Но владѣніе, основанное Варяжскими выходцами въ Кіевѣ, не могло имѣть надлежащей прочности, ибо основано было сбродною шайкою искателей приключеній, которые могли храбро драться съ сосѣдями, могли сдѣлать набѣгъ на берега Имперіи, но не могли по своимъ средствамъ, да и не имѣли въ виду осно-

вать какой-нибудь прочный порядокъ вещей среди племенъ жив-шихъ по великому водному пути. Это могли сдѣлать толь сѣверные князья, имѣвшіе для того достаточную матеріальну силу и привязанные къ странѣ правительственными отношені къ племенамъ, ихъ призвавшимъ. Въ 869 году, по счету лѣто писца, умеръ Рюрикъ, оставивъ малолѣтнаго сына Игоря, кото раго отдалъ на руки родственнику своему Олегу. Послѣдні какъ старшій въ родѣ, а не какъ опекунъ малолѣтнаго княз получилъ всю власть Рюрика и удерживалъ ее до конца жизн своей. Если Рюрикъ уже сдѣлалъ шагъ впередъ на югъ по вос точному пути, перейдя изъ Ладоги въ Новгородъ, то преемни его двинулся гораздо далѣе и дошелъ до конца пути. Движені это было однако довольно медленно: три года, по счету лѣто писца, пробылъ Олегъ въ Новгородѣ до выступленія въ поход на югъ; потомъ онъ двинулся по водному восточному пути, со бравши войско изъ Варяговъ и изъ всѣхъ подвластныхъ е племенъ-Чуди, Славянъ (Ильменскихъ), Мери, Веси, Кривич Это обстоятельство есть самое важное въ нашей начальной ист ріи. Мы видѣли, что Варягамъ давно былъ извѣстенъ вели водный путь изъ Балтійскаго Моря въ Черное, давно ходили о по немъ, но ходили малыми дружинами, не имѣли ни желанія, и средствъ утвердиться на этомъ пути, смотрѣли на него, какъ и путь только, имѣя въ виду другую цѣль. Но вотъ на сѣверно концѣ этого пути изъ нѣсколькихъ племенъ составляется влад ніе, скрѣпленное единствомъ власти; повинуясь общему истор ческому закону, новорожденное владѣніе, въ слѣдствіе сосред точенія своихъ силъ чрезъ единство власти, стремится употр бить въ дѣло эти силы, подчинить своему вліянію другія общест другія племена, менѣе сильныя. Князь сѣвернаго владѣнія вы ступаетъ въ походъ, но это не вождь одной Варяжской шайк дружины; въ его рукахъ силы всѣхъ сѣверныхъ племенъ; он идетъ по обычному Варяжскому пути, но идетъ не съ цѣлію од ного грабежа, не для того только, чтобъ пробраться въ Византі пользуясь своею силою, онъ подчиняетъ себѣ всѣ встрѣчающі ему на пути племена, закрѣпляетъ себѣ на всегда всѣ наход

щіяся на немъ мѣста, города, его походъ представляетъ распространеніе одного владѣнія на счетъ другихъ, владѣнія сильнаго на счетъ слабѣйшихъ. Сила сѣвернаго князя основывается на его правительственныхъ отношеніяхъ къ сѣвернымъ племенамъ, соединившимся и призвавшимъ власть: отсюда видна вся важность призванія, вся важность тѣхъ отношеній, которыя утвердились на сѣверѣ между Варяжскими князьями и призвавшими племенами.

Перешедши волокъ и достигши Днѣпра, Олегъ утверждается въ землѣ Днѣпровскихъ Кривичей, закрѣпляетъ себѣ ихъ городъ Смоленскъ, сажаетъ здѣсь своего мужа, разумѣется не одного, но съ дружиною, достаточною для удержанія за собою новаго владѣнія [174]. Изъ Смоленска Олегъ пошелъ внизъ по Днѣпру, пришелъ въ землю Сѣверянъ, взялъ городъ ихъ Любечь, и прикрѣпилъ его къ своему владѣнію, посадивъ и здѣсь мужа своего. Какъ достались Олегу эти города, долженъ ли былъ онъ употреблять силу, или покорились они ему добровольно — объ этомъ нельзя ничего узнать изъ лѣтописи. Наконецъ Олегъ достигъ Кіева, гдѣ княжили Аскольдъ и Диръ; здѣсь, по преданію, онъ оставилъ большую часть своихъ лодокъ назади, скрылъ ратныхъ людей на тѣхъ лодкахъ, на которыхъ подплылъ къ Кіеву, и послалъ сказать Аскольду и Диру, что земляки ихъ, купцы, идущіе въ Грецію отъ Олега и княжича Игоря, хотятъ повидаться съ ними. Аскольдъ и Диръ пришли, но тотчасъ же были окружены ратными людьми, повыскакавшими изъ лодокъ; Олегъ будто бы сказалъ Кіевскимъ князьямъ: «Вы не князья, ни роду княжескаго, а я роду княжескаго,» и, указывая на вынесеннаго въ это время Игоря, прибавилъ: «вотъ сынъ Рюриковъ.» Аскольдъ и Диръ были убиты и погребены на горѣ. — Разумѣется, историкъ не имѣетъ обязанности принимать преданіе съ тѣми подробностями, въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ оно достигло до перваго лѣтописца и записано имъ. Въ этомъ преданіи видно какъ-будто намѣреніе оправить Олега, дать сѣвернымъ князьямъ Рюрикова рода право на владѣніе Кіевомъ, гдѣ засѣли мужи Рюрика, не князья, не имѣвшіе права владѣть городомъ независимо. Олегъ представ-

лемъ не завоевателемъ, но только княземъ, возстановляющимъ свое право, право своего рода, нарушенное дерзкими дружинниками. Быть можетъ, само преданіе о томъ, что Аскольдъ и Диръ были члены дружины Рюриковой, явилось въ слѣдствіе желанія дать Рюрикову роду право на Кіевъ[175]. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи встрѣчаемъ также подробности о непріязненныхъ отношеніяхъ Аскольда и Дира къ Рюрику: такъ есть извѣстіе, что они по неудовольствію оставили сѣвернаго князя, не давшаго имъ ни города, ни села[176]; что потомъ, утвердясь въ Кіевѣ, воевали Полочанъ и надѣлали имъ много зла[177]: очень вѣроятно, что они могли нападать на южные, ближайшіе къ нимъ предѣлы владѣній Рюриковыхъ. Также замѣчено было уже извѣстіе о бѣгствѣ Новгородцевъ, недовольныхъ Рюрикомъ, въ Кіевъ къ Аскольду и Диру.

Какъ бы то ни было, убивъ Аскольда и Дира, Олегъ утвердился въ Кіевѣ, сдѣлалъ его своимъ стольнымъ городомъ; по свидѣтельству лѣтописца, Олегъ сказалъ, что Кіевъ долженъ быть матерью городамъ Русскимъ[178]. Понятно въ смыслѣ преданія, что Олегъ не встрѣтилъ сопротивленія отъ дружины прежнихъ владѣльцевъ Кіева: эта дружина и при благопріятныхъ обстоятельствахъ была бы не въ состояніи помѣряться съ войсками Олега, тѣмъ болѣе, когда такъ мало ея возвратилось изъ несчастнаго похода Греческаго; часть ея могла пристать къ Олегу, недовольные могли уйдти въ Грецію. Понятно также, почему Олегъ остался въ Кіевѣ: кромѣ пріятности климата, красивости мѣстоположенія и богатства страны, сравнительно съ сѣверомъ, тому могли способствовать другія обстоятельства: Кіевъ, какъ уже было замѣчено, находится тамъ, гдѣ Днѣпръ, принявъ самые большіе притоки свои справа и слѣва, Припеть и Десну, поворачиваетъ на востокъ, въ степи, жилище кочевыхъ народовъ. Здѣсь, слѣдовательно, должна была утвердиться главная защита, главный острогъ новаго владѣнія со стороны степей; здѣсь же, при началѣ степей, должно было быть, и, вѣроятно, было прежде сборное мѣсто для Русскихъ лодокъ, отправлявшихся въ Черное море. Такимъ образомъ два конца великаго воднаго пути, на сѣверѣ и

стороны Ладожскаго озера и на югѣ со стороны степей, соединились въ одномъ владѣніи. Отсюда видна вся важность этого пути въ нашей исторіи: по его берегамъ образовалась первоначальная Русская государственная область; отсюда же понятна постоянная, тѣсная связь между Новгородомъ и Кіевомъ, какую мы видимъ въ послѣдствіи; понятно, почему Новгородъ всегда принадлежалъ только старшему князю, великому князю Кіевскому.

Первымъ дѣломъ Олега въ Украйнѣ было построеніе городовъ, острожковъ, сколько для утвержденія своей власти въ новыхъ областяхъ, столько же и для защиты со стороны степей. Потомъ нужно было опредѣлить отношенія къ старымъ областямъ, къ племенамъ, жившимъ на сѣверномъ концѣ воднаго пути, что было необходимо въ слѣдствіе новаго поселенія на югѣ; главная форма, въ которой выражались отношенія этихъ племенъ къ князю, была дань, и вотъ Олегъ уставилъ дани Славянамъ (Ильменскимъ), Кривичамъ и Мери; Новгородцы были особо обязаны платить ежегодно 300 гривенъ для содержанія наемной дружины изъ Варяговъ, которые должны были защищать сѣверныя владѣнія. Сперва, какъ видно, эта стража состояла исключительно изъ Варяговъ, потомъ, когда эта исключительность исчезла, то вмѣсто Варяговъ встрѣчаемъ уже общее названіе гридей; наемная плата увеличивалась по обстоятельствамъ, такъ послѣ раздавалось гридямъ уже тысяча гривенъ вмѣсто трехъ сотъ; прекратилась эта выдача денегъ со смертію Ярослава I, вѣроятно потому, что съ этого времени Новгородцы не могли болѣе опасаться нападеній ни съ которой стороны, а можетъ быть также между ними и князьями сдѣланы были другаго рода распоряженія относительно внѣшней защиты.

Построивъ города и установивъ дани у племенъ сѣверныхъ, Олегъ, по преданію, начинаетъ подчинять себѣ другія племена Славянскія, жившія къ востоку и западу отъ Днѣпра. Прежде всего Олегъ идетъ на Древлянъ, у которыхъ давно шла вражда съ Полянами; Древляне не поддались добровольно Русскому князю; ихъ нужно было примучить, чтобъ заставить платить дань, которая состояла въ черной куницѣ съ жилья. Въ слѣдующемъ,

по счету лѣтописца, году (884) Олегъ пошелъ на Сѣверя
побѣдилъ ихъ, и наложилъ дань легкую; эта легкость дол
объясняться малымъ сопротивленіемъ. Сѣверянъ, которые пл
тили дань Козарамъ и слѣдовательно могли легко согласить
платить ее Русскому князю; съ своей стороны Олегъ долже
былъ наложить на нихъ только легкую дань, чтобы показа
имъ выгоду Русской зависимости предъ Козарскою; онъ,
преданію, говорилъ Сѣверянамъ: «Я врагъ Козарамъ, а во
не вамъ.» Радимичи, платившіе также дань Козарамъ, въ сл
дующемъ году не оказали никакого сопротивленія Олегу; о
послалъ спросить у нихъ: «Кому даете дань?» тѣ отвѣчал
«Козарамъ. — «Не давайте Козарамъ, велѣлъ сказать и
Олегъ, а давайте лучше мнѣ,» и Радимичи стали платить Ру
скому князю тѣ же два шляга отъ рала, которые давали К
зарамъ. Но не такъ легко было справиться съ тѣми племена
которыя прежде были независимы, не платили никому дани,
хотѣли и теперь платить ее Руси: мы видѣли сопротивле
Древлянъ; потомъ, слишкомъ въ двадцать лѣтъ, по счету лѣт
писца, Олегу удалось покорить Дулѣбовъ, Хорватовъ и Тиве
цевъ, но Угличей не удалось [180]. Только въ 907 году Ол
собрался въ походъ на Грековъ: оставивъ Игоря въ Кіевѣ, о
пошелъ со множествомъ Варяговъ, Славянъ (Новгородцев
Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Ра
мичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцевъ, пошелъ на кон
и въ корабляхъ, кораблей было 2,000, на каждомъ корабл
40 человѣкъ. Разумѣется, историкъ не имѣетъ обязанности пр
нимать буквально этотъ счетъ; для него важенъ только то
преданія, съ какимъ оно хранилось въ народѣ, и изъ котор
видно, что предпріятіе было совершено соединенными сил
всѣхъ племенъ, подвластныхъ Руси, сѣверныхъ и южныхъ,
не было набѣговъ Варяжской шайки: отсюда объясняется робо
Грековъ, удача предпріятія. Когда Русскіе корабли явил
предъ Константинополемъ, говоритъ преданіе [181], то Греки за
кнули гавань, заперли городъ. Олегъ вышелъ безпрепятсве
на берегъ, корабли были выволочены, ратные разсѣялись

крестностямъ Царяграда, и начали опустошать ихъ: много по-
били Грековъ, много палатъ разбили и церквей пожгли; плѣн-
ныхъ сѣкли мечами, другихъ мучили, разстрѣливали, бросали
въ море. Преданіе прибавляетъ, что Олегъ велѣлъ поставить
лодки свои на колеса, и флотъ, при попутномъ вѣтрѣ, двинулся
на парусахъ по сушѣ къ Константинополю. Говоря просто,
Олегъ приготовился къ осадѣ города: Греки испугались, и по-
слали сказать ему: «Не губи городъ; мы беремся давать тебѣ
дань, какую хочешь.» Олегъ остановился; тоже преданіе раз-
сказываетъ, что Греки выслали ему кушанье и напитки съ от-
равою, что Олегъ догадался о коварствѣ и не коснулся прислан-
наго, и что тогда Греки въ испугѣ говорили: это не Олегъ, но
святый Димитрій, посланный на насъ Богомъ. Приведенный раз-
сказъ замѣчателенъ по тому представленію, которое имѣли о
характерѣ Грековъ и о характерѣ вѣщаго Олега: самый хитрый
изъ народовъ не успѣлъ обмануть мудраго князя! Олегъ, про-
должаетъ лѣтопись, отправилъ къ императору пословъ—Карла,
Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемира, которые вытребовали
по 12 гривенъ на корабль, да еще уклады на Русскіе города:
Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечь и
другіе, потому что въ тѣхъ городахъ сидѣли Олеговы мужи;
Олегъ требовалъ также, чтобъ Русь, приходящая въ Царьградъ
могла брать съѣстныхъ припасовъ, сколько хочетъ; гости (куп-
цы) имѣютъ право брать съѣстные припасы въ продолженіе шести
мѣсяцевъ, хлѣбъ, вино, мясо, рыбу, овощи; могутъ мыться въ
баняхъ сколько хотятъ; а когда пойдутъ Русскіе домой, то бе-
рутъ у Царя Греческаго на дорогу съѣстное, якори, канаты,
паруса, и все нужное. Императоръ и вельможи его приняли
условія, только съ слѣдующими измѣненіями: Русскіе, пришед-
шіе не для торговли, не берутъ мѣсячины; князь долженъ за-
претить своимъ Русскимъ грабить села въ странѣ греческой;
Русскіе, пришедши въ Константинополь, могутъ жить только у
св. Мамы, Императоръ пошлетъ переписать ихъ имена, и тогда
они будутъ брать свои мѣсячины — сперва Кіевляне, потомъ
Черниговцы, Переяславцы и другіе; входить въ городъ будутъ

они одними воротами, вмѣстѣ съ чиновникомъ императорским безъ оружія, не болѣе 50 человѣкъ, и пусть торгуютъ, ка имъ надобно, не платя никакихъ пошлинъ. Изъ этихъ усло видна недовѣрчивость Грековъ къ Русскимъ, которые люби при удобномъ случаѣ, перемѣнять характеръ купцовъ на хара теръ воиновъ. Императоры Леонъ и Александръ цѣловали крес въ соблюденіи договора; привели также къ присягѣ Олега мужей его; тѣ клялись по Русскому закону, оружіемъ, Пер номъ, богомъ своимъ, Волосомъ, скотьимъ богомъ, и таки образомъ утвердили миръ. Преданіе прибавляетъ, будто Ол велѣлъ Руси сшить паруса шелковые, а Славянамъ полотнян будто воины повѣсили щиты свои на воротахъ Цареградски въ знакъ побѣды и когда пошли они домой, то Русь под паруса шелковые, а Славяне полотняные; но вѣтеръ разод ихъ; тогда Славяне сказали: примемся за свои холстинные русы; не дано Славянамъ парусовъ полотняныхъ. Это пред любопытно потому, что въ немъ видно различіе между Ру и Славянами, различіе въ пользу первой. Подъ именемъ Р здѣсь должно принимать не Варяговъ вообще, но дружину к жескую, подъ Славянами остальныхъ ратныхъ людей изъ р ныхъ племенъ: естественно, что корабль княжескій и дру везшіе бояръ и слугъ княжескихъ, были красивѣе, чѣмъ ко ли простыхъ воиновъ. Олегъ, заключаетъ преданіе, возврат въ Кіевъ съ золотомъ, дорогими тканями, овощами, вина всякимъ узорочьемъ; народъ удивился такому успѣху, и п звалъ князя вѣщимъ, то есть, кудесникомъ, волхвомъ.

Допустивъ къ себѣ Русскихъ на продолжительное житье Константинополь, Греческій дворъ долженъ былъ урядитьс Кіевскимъ княземъ, какъ поступать при необходимыхъ ст новеніяхъ Русскихъ съ подданными Имперіи; вотъ почему 911 году, слѣдовательно, по счету лѣтописца, черезъ чет года, Олегъ послалъ въ Царьградъ мужей своихъ утвер миръ и положить рядъ между Греками и Русью, на основ прежняго ряда, заключеннаго тотчасъ послѣ похода[182]. Пос были отправлены тѣ же пять мужей, которые заключали и п

вый договоръ—Карлъ, Фарлофъ, Велмудъ (Веремудъ), Рулавъ, Стемиръ (Стемидъ), но съ прибавкою еще девяти: Инегельдъ, Гуды, Руальдъ, Карнъ, Фрелафъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Бидульфостъ. Не смотря на искаженіе именъ, легко замѣтить, что почти всѣ они звучатъ не по-славянски: славянскіе звуки можно уловить только въ двухъ—Велмудѣ (Велемудрѣ) и Стемирѣ. Причина такому явленію можетъ заключаться въ томъ, что большинство дружины Олеговой состояло въ это время еще изъ Скандинавовъ, или, быть-можетъ, означенные Варяги потому были отправлены въ Константинополь, что подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, уже бывали тамъ прежде, знали Греческіе обычаи, языкъ. Эти мужи посланы были отъ великаго князя Олега, отъ всѣхъ подручныхъ ему князей (знакъ, что, кромѣ Олега и Игоря, существовали еще другіе родичи Рюриковы), боаръ, и отъ всей подручной ему Руси. Послы заключили слѣдующій договоръ: 1) При каждомъ преступленіи должно основываться на ясныхъ показаніяхъ; но при заподозрѣніи свидѣтельства пусть сторона подозрѣвающая клянется въ томъ, что свидѣтельство ложно; пусть всякій клянется по своей вѣрѣ, и пусть приметъ казнь, если клялся ложно.—За этимъ слѣдуетъ исчисленіе преступленій и соотвѣтственныхъ имъ наказаній: 2) Если Русинъ убьетъ христіянина, то-есть Грека, или христіанинъ Русина, то преступникъ пусть умретъ на мѣстѣ; если же убѣжитъ и оставитъ имѣніе, то оно отдается родственникамъ убитаго, за исключеніемъ той части, которая, по закону, слѣдуетъ женѣ убійцы; если же преступникъ убѣжитъ, не оставивъ имѣнія, то считается подъ судомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ пойманъ и казненъ смертію. 3) За ударъ мечемъ или чѣмъ бы то ни было виноватый платитъ пять литръ серебра по Русскому закону; если будетъ не въ состояніи заплатить означенной суммы, то пусть дастъ сколько можетъ, пусть скинетъ съ себя то самое платье, которое на немъ, и клянется по обрядамъ своей вѣры, что не имѣетъ никого, кто бы могъ заплатить за него, и тогда искъ прекращается. 4) Если Русинъ украдетъ что-либо у христіанина, или христіанинъ у

Русина, и воръ будетъ пойманъ на кражѣ, то въ случаѣ со противленія, хозяинъ украденной вещи можетъ убить его бе наказанно и взять свое назадъ. Если же воръ отдается бе сопротивленія, то его должно связать и взять съ него втр за похищенное. 5) Если кто изъ христіанъ или Русски начнетъ мучить, допытываясь, гдѣ имущество, и насиліемъ ни возметъ что-нибудь, то долженъ заплатить втрое противъ вз таго. 6) Если корабль Греческій будетъ выброшенъ вѣтро на чужую землю, и случится при этомъ кто-нибудь изъ Ру скихъ, то они должны охранять корабль съ грузомъ, отосл его назадъ въ землю христіанскую, провожать его чрезъ вс кое страшное мѣсто, пока достигнетъ мѣста безопаснаго: ес же противные вѣтры или мели задержатъ корабль на одно мѣстѣ, то Русскіе должны помочь гребцамъ и проводить и съ товарами по здорову, если случится близко тутъ земля Гр ческая; если же бѣда приключится близь земли Русской, то к рабль проводятъ въ послѣднюю, грузъ продается, и выруч ное Русь принесетъ въ Царьградъ, когда придетъ туда для т говли или посольствомъ; если же кто на кораблѣ томъ буде прибитъ или убитъ Русью, или пропадетъ что-нибудь, то п ступники подвергаются вышеозначенному наказанію. 7) Е въ какой-нибудь странѣ будутъ держать Русскаго или Гр ческаго невольника, и случится въ той странѣ кто-нибудь и Русскихъ или изъ Грековъ, то послѣдній обязанъ выку невольника и возвратить его на родину, за что получитъ иску ную цѣну или общую цѣну невольника[183]; военноплѣнные та возвращаются на родину, плѣнившій получаетъ общую ц невольника. 8) Тѣ изъ Русскихъ, которые захотятъ слу Императору Греческому, вольны это сдѣлать. 9) Если случи что Русскіе невольники придутъ на продажу изъ какой-нибу страны къ христіанамъ, а христіанскіе невольники въ Ру то они продаются по 20 золотыхъ и отпускаются на род 10) Если рабъ будетъ украденъ изъ Руси, или уйдетъ са или будетъ насильственно проданъ, и если господинъ р начнетъ жаловаться, и справедливость жалобы будетъ подтве

дина самимъ рабомъ, то послѣдній возвращается въ Русь; также гости Русскіе, потерявшіе раба, могутъ искать его и взять обратно; если же кто не позволитъ у себя дѣлать обыска, то этимъ самымъ уже проигрываетъ свое дѣло. 11) Если кто изъ Русскихъ, служащихъ христіанскому царю, умретъ, не распорядившись имѣніемъ, и не будетъ около него никого изъ родныхъ, то имѣніе отсылается къ ближнимъ его въ Русь. Если же распорядится, то имѣніе идетъ къ назначенному въ завѣщаніи наслѣднику, который получитъ его отъ своихъ земляковъ, ходящихъ въ грецію. 12) Если взявшійся доставить это имѣніе, утаитъ его и не возвратится съ нимъ въ Русь, то, по жалобѣ Русскихъ, возвращается насильно въ отечество. Такъ точно должны поступать и Русскіе относительно Грековъ.

Императоръ одарилъ Русскихъ пословъ золотомъ, дорогими тканями, платьемъ и, по обычаю, приставилъ къ нимъ людей, которые должны были водить ихъ по церквамъ цареградскимъ, показывать богатства ихъ, также страсти Христовы, мощи святыхъ, при чемъ излагать ученіе вѣры. Послы возвратились къ Олегу въ 912 году; осенью этого года князь умеръ. Было преданіе, что передъ смертію Олегъ ходилъ на сѣверъ, въ Новгородъ и Ладогу: въ этомъ преданіи нѣтъ ничего невѣроятнаго; оно же прибавляетъ, что Олегъ и похороненъ въ Ладогѣ[184]; все указываетъ намъ на тѣсную связь сѣвера съ югомъ, связь необходимую. Сѣверъ хотѣлъ имѣть у себя могилу вѣщаго преемника Рюрикова, югъ у себя: по южному преданію, Олегъ похороненъ въ Кіевѣ, на горѣ Щековицѣ[185]; въ лѣтописи находимъ также преданіе о самой смерти Олега. Спрашивалъ онъ волхвовъ кудесниковъ, отъ чего ему умереть? И сказалъ ему одинъ кудесникъ: «умереть тебѣ, князь, отъ любимаго коня, на которомъ ты всегда ѣздишь.» Олегъ подумалъ: «такъ никогда же не сяду на этого коня и не увижу его,» — и велѣлъ кормить его, но не подводить къ себѣ, и такъ не трогалъ его нѣсколько лѣтъ, до самаго Греческаго похода. Возвратившись въ Кіевъ, жилъ Олегъ четыре года, на пятый вспомнилъ о конѣ, призвалъ конюшаго и спросилъ: «Гдѣ тотъ конь мой,

что я поставилъ кормить и беречь?» Конюшій отвѣчалъ: «Он
уже умеръ.» Тогда Олегъ началъ смѣяться надъ кудеснико
и бранить его: «Эти волхвы вѣчно лгутъ, говорилъ онъ: — вот
конь-то умеръ, а я живъ: поѣду-ка я посмотрѣть его кости.
Когда князь пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя кости ко
скія и черепъ голый, то сошелъ съ лошади и наступилъ н
гою на черепъ, говоря со смѣхомъ: «Такъ отъ этого-то ч
репа мнѣ придется умереть!» Но тутъ выползла изъ чере
змѣя, и ужалила Олега въ ногу: князь разболѣлся и умеръ[18

При разборѣ преданій объ Олегѣ мы видимъ, что въ народн
памяти представлялся онъ не столько храбрымъ воителе
сколько вѣщимъ княземъ, мудрымъ или хитрымъ, что, по тогда
нимъ понятіямъ, значило одно и тоже: хитростію Олегъ овлад
ваетъ Кіевомъ, ловкими переговорами подчиняетъ себѣ безъ на
силій племена, жившія на восточной сторонѣ Днѣпра; подъ Цар
градомъ хитростію пугаетъ Грековъ, не дается въ обманъ само
хитрому народу, и прозывается отъ своего народа вѣщимъ. В
преданіи онъ является также и княземъ-нарядникомъ земли: о
располагаетъ дани, строитъ города; при немъ впервые почти в
племена, жившія по восточному водному пути, собираются по
одно знамя, получаютъ понятіе о своемъ единствѣ, впервые с
единенными силами совершаютъ дальній походъ. Таково пред
ніе объ Олегѣ: историкъ не имѣетъ никакого права заподозри
это преданіе, отвергнуть значеніе Олега, какъ собирателя пл
менъ[187].

По счету лѣтописца, преемникъ Олеговъ Игорь, сынъ Рюр
ковъ, княжилъ 33 года (902—955), и только пять преданій за
писано въ лѣтописи о дѣлахъ этого князя; для княженія Оле
высчитано также 33 года (879—912). Въ лѣтописи сказан
что Игорь остался по смерти отца младенцемъ; въ преданіи
занятіи Кіева Олегомъ, Игорь является также младенцемъ, к
тораго не могли даже вывести, а вынесли на рукахъ; ес
Олегъ княжилъ 33 года, то Игорю, по смерти его, долж
было быть около 35 лѣтъ[188]. Подъ 903 годомъ упоминает
о женитьбѣ Игоря: Игорь выросъ, говоритъ лѣтописецъ, х

дилъ по Олегѣ, слушался его, и привели ему жену изъ Пскова, именемъ Ольгу. Во время похода Олегова подъ Царьградъ, Игорь оставался въ Кіевѣ. Первое преданіе объ Игорѣ, занесенное въ лѣтопись, говоритъ, что Древляне, примученные Олегомъ, не хотѣли платить дани новому князю, затворились отъ него[189], то есть не стали пускать къ себѣ за данью ни князя, ни мужей его. Игорь пошелъ на Древлянъ, побѣдилъ, и наложилъ на нихъ дань больше той, какую они платили прежде Олегу. Потомъ лѣтописецъ знаетъ русское преданіе и Греческое извѣстіе о походѣ Игоря на Константинополь: въ 941 году Русскій князь пошелъ моремъ къ берегамъ Имперіи, Болгары дали вѣсть въ Царьградъ, что идетъ Русь; высланъ былъ противъ нея протовестіарій Θеофанъ, который пожегъ Игоревы лодки Греческимъ огнемъ. Потерпѣвъ пораженіе на морѣ, Руссы пристали къ берегамъ Малой Азіи и, по обычаю, сильно опустошали ихъ; но здѣсь были застигнуты и разбиты патрикіемъ Вардою и доместикомъ Іоанномъ, бросились въ лодки и пустились къ берегамъ Θракіи; на дорогѣ были нагнаны, опять разбиты Θеофаномъ, и съ малыми остатками возвратились назадъ въ Русь[190]. Дома бѣглецы оправдывались тѣмъ, что у Грековъ какой-то чудесный огонь, точно молнія небесная, которую они пускали на Русскія лодки и жгли ихъ. Но на сухомъ пути что было причиною ихъ пораженія? Эту причину можно открыть въ самомъ преданіи, изъ котораго видно, что походъ Игоря не былъ похожъ на предпріятіе Олега, совершенное соединенными силами многихъ племенъ; это былъ скорѣе набѣгъ шайки, малочисленной дружины[191]. Что войска было мало, и этому обстоятельству современники приписывали причину неудачи, показываютъ слова лѣтописца, который тотчасъ, послѣ описанія похода, говоритъ, что Игорь, пришедши домой, началъ собирать большое войско, послалъ за море нанимать Варяговъ, чтобъ идти опять на Имперію. Второй походъ Игоря на Грековъ лѣтописецъ помѣщаетъ подъ 944 годомъ; на этотъ разъ онъ говоритъ, что Игорь, подобно Олегу, собралъ много войска, Варяговъ, Русь, Полянъ, Славянъ,

Кривичей, Тиверцевъ, нанялъ Печенеговъ, взявши у нихъ заложниковъ, и выступилъ въ походъ на ладьяхъ и коняхъ, чтобъ отомстить за прежнее пораженіе. Корсунцы послали сказать Императору Роману: «Идетъ Русь съ безчисленнымъ множествомъ кораблей, покрыли все море корабли.» Болгары послали также вѣсть: «Идетъ Русь; наняли и Печенѣговъ.» Тогда, по преданію, Императоръ послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ своихъ съ просьбою: «Не ходи, но возьми дань, которую бралъ Олегъ, придамъ и еще къ ней.» Императоръ послалъ и къ Печенегамъ дорогія ткани и много золота. Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину, и началъ съ нею думать о предложеніяхъ императорскихъ; дружина сказала: «если такъ говоритъ царь, то чего же намъ еще больше? не бившись, возмемъ золото, серебро и паволоки! Какъ знать, кто одолѣетъ, мы или они? вѣдь съ моремъ нельзя заранѣе уговориться, не по землѣ ходимъ, а по глубинѣ морской, одна смерть всѣмъ.» Игорь послушался дружины, приказалъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю, взялъ у Грековъ золото и паволоки на себя и на все войско, и пошелъ назадъ въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ 945 году былъ заключенъ договоръ съ Греками также, какъ видно, для подтвержденія краткихъ и, быть можетъ, изустныхъ условій, заключенныхъ тотчасъ по окончаніи похода [192]. Для этого, по обычаю, отправились въ Константинополь послы и гости: послы отъ великаго князя и отъ всѣхъ его родственниковъ и родственницъ [193]. Они заключили миръ вѣчный, до тѣхъ поръ пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ. Кто помыслитъ изъ Русскихъ нарушить такую любовь, сказано въ договорѣ, то крещенный приметъ месть отъ Бога Вседержителя, осужденіе на погибель въ сей вѣкъ и въ будущій; некрещенные же не получатъ помощи ни отъ Бога ни отъ Перуна, не ущитятся щитами своими, будутъ посѣчены мечами своими, стрѣлами и инымъ оружіемъ, будутъ рабами въ сей вѣкъ и въ будущій. Великій князь Русскій и бояре [194] его посылаютъ къ великимъ царямъ Греческимъ корабли, сколько хотятъ, съ послами и гостями, какъ постано

мено. Прежде послы носили печати золотыя, а гости серебряныя; теперь же они должны показать грамоту отъ князя своего, въ которой онъ долженъ написать, что послалъ столько-то кораблей: поэтому Греки и будутъ знать, что Русь пришла съ миромъ. А если придутъ безъ грамоты, то Греки будутъ держать ихъ до тѣхъ поръ, пока не обошлются съ княземъ Русскимъ; если же Русскіе будутъ противиться задержкѣ вооруженною рукою, то могутъ быть перебиты, и князь не долженъ взыскивать за это съ Грековъ; если же убѣгутъ назадъ въ Русь, то Греки отпишутъ объ этомъ къ Русскому князю и онъ поступитъ съ бѣглецами какъ ему вздумается. — Это ограниченіе новое, его нѣтъ въ Олеговомъ договорѣ. — После повторенія Олеговыхъ условій о мѣстѣ жительства и содержаніи Русскихъ пословъ и гостей, прибавлена слѣдующая статья: къ Русскимъ будетъ приставленъ человѣкъ отъ правительства Греческаго, который долженъ разбирать спорныя дѣла между Русскими и Греками. Русскіе купцы, вошедши въ городъ, не имѣютъ права покупать паволоки дороже 50 золотниковъ [195]; всѣ купленныя паволоки должны показывать Греческому чиновнику, который кладетъ на нихъ клеймо: этого ограниченія мы не находимъ въ договорѣ Олеговомъ. По этому договору, Русскіе не могли зимовать у Св. Мамы: въ Олеговомъ договорѣ этого условія также нѣтъ; впрочемъ и тамъ князь требовалъ содержанія гостямъ только на 6 мѣсяцевъ. — Если убѣжитъ рабъ изъ Руси, или отъ Русскихъ, живущихъ у Св. Мамы, и если найдется, то владѣльцы имѣютъ право взять его назадъ; если же не найдется, то Русскіе должны клясться, христіане и не-христіане — каждый по своему закону, что рабъ дѣйствительно убѣжалъ въ Грецію, и тогда, какъ постановлено прежде [196], возьмутъ цѣну раба — двѣ паволоки. Если рабъ Греческій уйдетъ къ Русскимъ съ покражею, то должно возвратить и раба и принесенное имъ въ цѣлости, за что возвратившіе получаютъ два золотника въ награду. Въ случаѣ покражи, воръ съ обѣихъ сторонъ будетъ строго наказанъ, по Греческому закону, и возвратитъ не только

украденное, но и цѣну его; если же украденная вещь отыщется въ продажѣ, то и цѣну должно отдать двойную. — Въ Олеговомъ договорѣ ничего не сказано о наказаніи вора, а только о возвращеніи украденнаго; въ Игоревомъ — Греки даютъ силу своему закону, требующему наказанія преступнику [197]. — Если Русскіе приведутъ плѣнниковъ христіанъ, то за юношу или дѣвицу добрую платятъ имъ 10 золотниковъ, за среднихъ лѣтъ человѣка 8, за старика и дитя 5; своихъ плѣнниковъ выкупаютъ Русскіе за 10 золотниковъ; если же Грекъ купилъ Русскаго плѣнника, то беретъ за него цѣну, которую заплатилъ, цѣлуя крестъ въ справедливости показанія. Князь Русскій не имѣетъ права воевать область Корсунскую и ея города: эта страна не покоряется Руси. — Въ случаѣ нужды съ обѣихъ сторонъ обязываются помогать войскомъ. Въ случаѣ, если Русскіе найдутъ Греческій корабль, выброшенный на какой-нибудь берегъ, то не должны обижать находящихся на немъ людей; въ противномъ случаѣ преступникъ повиненъ закону Русскому и Греческому: — здѣсь опять Греческій законъ подлѣ Русскаго; положительная обязанность Олегова договора замѣнена здѣсь отрицательною — только не трогать Грековъ. — Русскіе не должны обижать Корсунцевъ, ловящихъ рыбу въ устьѣ Днѣпровскомъ; Русскіе не могутъ зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ и у Св. Ѳеерія; но когда придетъ осень, должны возвращаться домой въ Русь. Греки хотятъ, чтобы Князь Русскій не пускалъ Черныхъ (Дунайскихъ) Болгаръ воевать страну Корсунскую. Если Грекъ обидитъ Русскаго, то Русскіе не должны самоуправствомъ казнить преступника; наказываетъ его Греческое правительство [198]. Слѣдующія за тѣмъ условія, какъ поступать въ уголовныхъ случаяхъ, сходны съ условіями Олегова договора.

Послы Игоревы пришли домой вмѣстѣ съ послами Греческими: Игорь призвалъ послѣднихъ къ себѣ и спросилъ: «что вамъ говорилъ царь?» Тѣ отвѣчали: «царь послалъ насъ къ тебѣ: онъ радъ миру, хочетъ имѣть любовь съ княземъ Русскимъ

твои послы водили нашихъ царей къ присягѣ, а царя послали насъ привести къ присягѣ тебя и мужей твоихъ». Игорь обѣщалъ имъ это. На другое утро онъ призвалъ пословъ и повелъ ихъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ; здѣсь Русскіе поклали оружіе свое, щиты, золото, и такимъ образомъ присягалъ Игорь и всѣ люди его, сколько было некрещеной Руси; христіанъ же приводили къ присягѣ въ церкви Св. Иліи: это была соборная церковь, потому что многіе Варяги уже были христіане. Игорь отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, рабами и воскомъ.

Такъ разсказываетъ лѣтописецъ о войнѣ и мирѣ съ Греками; для насъ договоръ Игоря и разсказъ лѣтописца замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что договоръ Игоря не такъ выгоденъ для Руси, какъ былъ прежде договоръ Олеговъ; ясно видѣнъ перевѣсъ на сторонѣ Грековъ; въ немъ больше стѣсненій, ограниченій для Русскихъ; подлѣ закона русскаго имѣетъ силу законъ греческій. Потомъ останавливаютъ насъ въ договорѣ чисто Славянскія имена между родичами князя и купцами Русскими. Далѣе встрѣчаемъ замѣчательное выраженіе — Русская земля, которое попадается здѣсь въ первый разъ: знакъ большей твердости въ отношеніяхъ къ странѣ, тѣснѣйшей связи съ нею. Наконецъ и въ договорѣ и въ разсказѣ лѣтописца ясно обнаруживаются слѣдствія походовъ на Византію, связи съ Греками: Русь раздѣляется на языческую и христіанскую; въ Кіевѣ видимъ соборную церковь Св. Иліи.

Кромѣ столкновеній съ Греками, въ лѣтопись занесено преданіе о столкновеніяхъ Игоря съ кочующими степными народами, съ Печенѣгами. Мы видѣли, что Олегъ утвердилъ столъ князей Русскихъ на степной границѣ; слѣдовательно постоянною обязанностію новаго владѣнія будетъ борьба съ степными варварами. Въ это время господствующимъ народомъ въ степяхъ Донскихъ и Волжскихъ были Козары, бравшіе дань со многихъ племенъ Славянскихъ; мы видѣли, что Олегъ заставилъ эти племена платить дань себѣ, а не Козарамъ, въ слѣд-

ствіе чего надобно было бы ожидать враждебнаго столкновенія Руси съ послѣдними; но, какъ видно, до лѣтописца не дошло преданіе объ немъ. Если въ самомъ дѣлѣ столкновенія не было, или было весьма слабое, то это должно приписать тому, что Козары были заняты тогда сильною борьбою съ Печенѣгами. Съ давнихъ поръ народы Турецкаго племени, подъ именемъ Хангаровъ, кочевали въ Средней Азіи и распространялись на западъ до Яика и Волги, гдѣ именно историческія извѣстія застаютъ ихъ подъ именемъ Печенѣговъ. Печенѣги граничили къ западу съ Козарами, а къ востоку съ другими Турецкими ордами, кочевавшими въ нынѣшнихъ Киргизъ-Кайсацкихъ степяхъ, и носившими названіе Узовъ или Гузовъ, то есть,. Свободныхъ. Какъ легко угадать, между Печенѣгами и западными сосѣдями ихъ, Козарами возникла кровавая борьба въ VIII и IX столѣтіи. Козары съ трудомъ оборонялись отъ ихъ нападеній; наконецъ заключивши союзъ съ Узами, напали съ двухъ сторонъ на Печенѣговъ. Тогда большая часть послѣднихъ оставила свое прежнее отечество, двинулась на западъ, ударила и погнала предъ собою Угровъ, подданныхъ Козарскихъ, которые и побѣжали далѣе на западъ. Немудрено, что при такихъ потрясеніяхъ, происходившихъ въ степяхъ, юная Русь могла оставаться нѣкоторое время спокойною на берегахъ Днѣпра; при Олегѣ палатки Венгровъ явились у Кіева; но о столкновеніяхъ этого народа съ Русью до лѣтописца не дошло преданій. Скоро впрочемъ по слѣдамъ Угровъ явились на границахъ Руси побѣдители ихъ Печенѣги, грозившіе большею опасностію преемникамъ Олега. Подъ 915 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ первое извѣстіе о появленіи Печенѣговъ въ предѣлахъ Руси; на этотъ разъ Игорь заключилъ съ ними миръ, и они отправились къ Дунаю; но черезъ пять лѣтъ Русскій князь долженъ былъ уже силою отражать варваровъ; потомъ видимъ Печенѣговъ союзниками его въ Греческомъ походѣ.

Подъ 946 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ послѣднее преданіе объ Игорѣ. Какъ пришла осень, разсказываетъ онъ, то дружина стала говорить князю: «Отроки Свѣнельда богаты ору-

жіемъ и платьемъ, а мы наги; пойди, князь, съ нами въ дань: и ты добудешь, и мы [199].» Послушался ихъ Игорь, пошелъ за данью къ Древлянамъ, началъ брать у нихъ больше прежняго, дѣлалъ имъ насилія и дружина его также. Взявши дань, Игорь пошелъ въ свой городъ; на дорогѣ, подумавъ, сказалъ дружинѣ: «Идите съ данью домой, а я возвращусь, похожу еще.» Отпустивъ большую часть дружины домой, Игорь съ небольшимъ числомъ ратниковъ возвратился, чтобъ набрать еще больше дани. Древляне, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали думать съ княземъ своимъ Маломъ: «Повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, пока не убьютъ его, такъ и этотъ: если не убьемъ его, то всѣхъ насъ раззоритъ.» Порѣшивши такъ, они послали сказать Игорю: «Зачѣмъ идешь опять? Вѣдь ты взялъ всю дань?» Но Игорь не послушался ихъ; тогда Древляне, вышедши изъ города Коростена, убили Игоря и всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Такъ, по преданію, погибъ Игорь [200].

Разсмотрѣвъ занесенныя въ лѣтопись преданія объ Игорѣ, мы видимъ, что преемникъ Олега представленъ въ нихъ княземъ недѣятельнымъ, вождемъ неотважнымъ. Онъ не ходитъ за данью къ прежде подчиненнымъ уже племенамъ, не покоряетъ новыхъ, дружина его бѣдна и робка, подобно ему: съ большими силами, безъ боя возвращаются они назадъ изъ Греческаго похода, потому что не увѣрены въ своемъ мужествѣ и боятся бури. Но къ этимъ чертамъ Игорева характера въ преданіи прибавлена еще другая—корыстолюбіе, недостойное, по тогдашнимъ понятіямъ, хорошаго вождя дружины, который дѣлилъ все съ нею: а Игорь, отпустивъ дружину домой, остался почти одинъ у Древлянъ, чтобъ взятою еще данью не дѣлиться съ дружиною; здѣсь также объясненіе, почему и первый походъ на Грековъ былъ предпринятъ съ малымъ войскомъ, да и во второмъ не всѣ племена участвовали.

Мы читали въ преданіи, что дружина Игорева указывала на свою бѣдность и на богатство отроковъ свѣнельдовыхъ; есть извѣстія, объясняющія намъ причину этого богатства: воевода

Свѣнельдъ взялъ на себя обязанность князя ходить за данью къ племенамъ, и воевать съ тѣми, которые не хотѣли платить ея. Такъ Свѣнельдъ кончилъ дѣло, начатое Олегомъ: ему удалось примучить Угличей; Игорь обложилъ ихъ данью въ пользу Свѣнельда. Война съ Угличами была не легка: подъ городомъ ихъ Пересѣченомъ Свѣнельдъ стоялъ три года, и едва взялъ его[201]. Но въ то время, какъ Свѣнельдъ продолжалъ дѣло Олегово, примучивалъ племена на берегахъ Днѣпра, нѣкоторые отряды Руссовъ, по Византійскимъ извѣстіямъ, бились, подъ императорскими знаменами, въ Италіи[202], а другіе, по восточнымъ преданіямъ, пустошили берега Каспійскаго моря[203]. Въ 913 или 914 году, 500 русскихъ судовъ, изъ которыхъ на каждомъ было по сту человѣкъ, вошли въ устье Дона и, приплывъ къ казарской стражѣ, послали къ Кагану съ просьбою о пропускѣ черезъ его владѣнія на Волгу и въ море, обѣщая ему за это половину добычи, какую они возьмутъ съ народовъ прикаспійскихъ. Получивъ позволеніе, они поплыли вверхъ по Дону, потомъ переволокли суда свои на Волгу, устьемъ ея вышли въ Каспійское море, и начали опустошать западные его берега до самойо бласти Адербайжанской, били мужчинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили богатства. Частыя битвы съ жителями не причиняли имъ большаго вреда; опустошивши берега, они обыкновенно искали убѣжища на островахъ. Наконецъ жители собрали силы и, сѣвъ на лодки и купеческія суда, отправились къ этимъ островамъ, но Руссы поразили ихъ. Проживъ много мѣсяцевъ на морѣ, награбивъ довольно добычи и плѣнницъ, Руссы отправились обратно къ устью Волги, и отсюда послали къ царю Козарскому условленную часть добычи. Но мусульмане, составлявшіе гвардію Кагана, и другіе, жившіе въ его странѣ, обратились къ нему съ просьбою: «Позволь намъ, говорили они, раздѣлаться съ этимъ народомъ: онъ вторгся въ землю братьевъ нашихъ, мусульманъ, проливалъ кровь ихъ, поплѣнилъ ихъ женъ и дѣтей.» Каганъ не въ силахъ былъ удержать ихъ; онъ могъ только извѣстить Русскихъ о враждебныхъ

замыслахъ мусульманъ. Последніе отправились въ походъ вмѣстѣ со многими христіанами, жителями Итиля; у нихъ было 15,000 войска; Руссы вышли изъ лодокъ къ нимъ на встрѣчу. Бой продолжался три дня сряду; наконецъ мусульмане побѣдили: изъ Руссовъ одни были побиты, другіе потонули, часть была истреблена Буртасами (Мордвою) и Болгарами волжскими. — Подъ 943 или 944 годомъ у восточныхъ писателей находимъ извѣстіе о другомъ походѣ Руссовъ: на этотъ разъ они поднялись вверхъ по рѣкѣ Куру и внезапно явились передъ Бердаа, столицею Аррана, или нынѣшняго Карабага. Бердаа, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ прикавказскихъ, принадлежалъ Армянамъ еще въ V вѣкѣ, былъ возобновленъ Арабами въ 704 году, а въ X вѣкѣ считался однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Халифата. Градоначальникъ Бердаа выступилъ противъ Руссовъ и былъ разбитъ ими. Вступивъ въ Бердаа, Руссы объявили, что жизнь гражданъ будетъ пощажена, и вели себя умѣренно. Войска мусульманскія собрались опять и вторично были разбиты. Во время сраженія чернь Бердаа, вышедши изъ города, стала бросать въ Руссовъ каменьями и ругать ихъ сильно. Послѣ такого поступка разсерженные Руссы объявили, чтобъ въ теченіе недѣли всѣ жители Бердаа вышли изъ города; но такъ какъ многіе остались послѣ срока, то Руссы часть ихъ перебили, часть взяли въ плѣнъ, и собравши самыхъ богатыхъ въ мечеть, объявили, что тѣ, которые не выкупятъ себя, будутъ преданы смерти; когда тѣ не хотѣли заплатить по двадцати драхмъ, то обѣщаніе и было исполнено. Потомъ Руссы разграбили городъ, взяли въ рабство женъ и дѣтей, разбили еще разъ тридцатитысячный мусульманскій отрядъ, и сдѣлали набѣгъ на окресности Мераги (недалеко отъ Тебриза). Но излишнее употребленіе плодовъ въ Бердаа произвело заразительную болѣзнь между Руссами, отъ которой погибло большое ихъ число. Наконецъ правителю Адербайджана, Мерзебану удалось побѣдить Руссовъ хитростію, заманивъ ихъ въ засаду, и остатокъ ихъ осадить въ крѣпости Бердаа, Шегристанѣ. Ослабленные болѣзнями, Руссы ночью вышли изъ крѣ-

пости, достигли береговъ Кура, сѣли на суда, и отправились назадъ. Враги не смѣли ихъ преслѣдовать. — Если примемъ извѣстія о давнемъ пребываніи части Руссовъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, то очень легко можемъ приписать имъ и означенные походы; сильныя пораженія, претерпѣнныя ими въ это время, объяснятъ намъ ихъ исчезновеніе, или, лучше сказать, ихъ подчиненіе князьямъ кіевскимъ.

ГЛАВА VI.

ОЛЬГА, СВЯТОСЛАВЪ; СОБЫТІЯ ПО СМЕРТИ СВЯТОСЛАВА ДО УТВЕРЖДЕНІЯ ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

(946 — 980.)

Древляне должны были ожидать мести отъ родныхъ Игоря, отъ Руси изъ Кіева. Игорь оставилъ сына младенца, Святослава, да жену Ольгу[204]; воспитателемъ (кормильцемъ) Святослава былъ Асмудъ, воеводою знаменитый Свѣнельдъ. Ольга не дожидалась совершеннолѣтія сына, и отомстила сама Древлянамъ, какъ требовалъ законъ. Народное преданіе, занесенное въ лѣтопись, такъ говоритъ о мести Ольгиной. Убивъ Игоря, Древляне стали думать: «Вотъ мы убили Русскаго князя; возьмемъ теперь жену его Ольгу за нашего князя Мала, а съ сыномъ его Святославомъ сдѣлаемъ, что̀ хотимъ.» Порѣшивши такимъ образомъ, Древляне послали двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ въ лодьѣ[205]. Узнавъ, что пришли Древляне, Ольга позвала ихъ къ себѣ и спросила: за чѣмъ они пришли? Послы отвѣчали: «Послала насъ Древлянская земля сказать тебѣ: мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ, какъ волкъ, а наши князья добры, распасли Древлянскую землю; что̀ бы тебѣ пойти за мужъ за нашего князя Мала?» Ольга сказала имъ на это: «Люба мнѣ ваша рѣчь; вѣдь въ самомъ дѣлѣ мнѣ мужа своего не воскресить! но мнѣ хочется почтить васъ завтра предъ своими людьми; теперь вы ступайте назадъ въ свою лодью и разлягтесь тамъ съ важностію; а какъ завтра утромъ я пришлю за вами, то вы скажете посланнымъ: не ѣдемъ на коняхъ, нейдемъ пѣшкомъ, а несите насъ

въ лодьѣ! Они васъ и понесутъ.» Когда Древляне ушли назадъ въ свою лодку, то Ольга велѣла на загородномъ теремномъ дворѣ выкопать большую, глубокую яму, и на другое утро послала за гостями, велѣвъ сказать имъ: «Ольга зоветъ васъ на великую честь.» Древляне отвѣчали: «Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, и пѣшкомъ нейдемъ, несите насъ въ лодьѣ!» Кіевляне сказали на это: «Мы люди невольные; князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочетъ замужъ за вашего князя,» — и понесли ихъ въ лодьѣ, а Древляне сидя важничали[206]. Когда принесли ихъ на теремный дворъ, то бросили въ яму, какъ есть въ лодьѣ. Ольга нагнулась къ нимъ и спросила: «Довольны ли вы честью?» Древляне отвѣчали: «Охъ, хуже намъ Игоревой смерти!» Княгиня велѣла засыпать ихъ живыхъ, и засыпали. Послѣ этого Ольга послала сказать Древлянамъ: «Если вы въ самомъ дѣлѣ меня просите къ себѣ, то пришлите мужей нарочитыхъ, чтобъ мнѣ придти къ вамъ съ великою честью, а то пожалуй Кіевляне меня и не пустятъ.» Древляне выбрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ землю, и послали въ Кіевъ. По пріѣздѣ новыхъ пословъ, Ольга велѣла вытопить баню, и когда Древляне вошли туда и начали мыться, то двери за ними заперли и зажгли избу: послы сгорѣли. Тогда Ольга послала сказать Древлянамъ: «Я уже на дорогѣ къ вамъ, наварите побольше медовъ въ городѣ, гдѣ убили мужа моего, я поплачу надъ его могилою и отпраздную тризну.» Древляне послушались, свезли много меду и заварили. Ольга съ небольшею дружиною, налегкѣ, пришла къ Игоревой могилѣ, поплакала надъ нею, и велѣла своимъ людямъ насыпать высокій курганъ, а когда насыпали, то велѣла праздновать тризну. Древляне сѣли пить, а Ольга велѣла отрокамъ своимъ служить имъ; когда Древляне спросили Ольгу: «А гдѣ же наша дружина, что посылали за тобою?» то она отвѣчала: «Идутъ за мной вмѣстѣ съ дружиною мужа моего.» Когда Древляне опьянѣли, то Ольга велѣла отрокамъ своимъ пить за ихъ здоровье[207], а сама отошла прочь, и приказала дружинѣ сѣчь Древлянъ. Перебили ихъ 5,000; Ольга возвратилась въ Кіевъ и начала пристроивать войско на остальныхъ Древлянъ.

На слѣдующій годъ Ольга собрала большое и храброе войско, взяла съ собою сына Святослава, и пошла на Древлянскую землю. Древляне вышли на встрѣчу; когда оба войска сошлись, то Святославъ сунулъ копьемъ въ Древлянъ, копье пролетѣло между ушей коня и ударило ему въ ноги, потому что Князь былъ еще ребенокъ. Свѣнельдъ и Асмудъ сказали тогда: «Князь уже началъ; потянемъ, дружина, за Княземъ!» Древляне были побѣждены, побѣжали и затворились по городамъ. Ольга съ сыномъ пошла на городъ Искоростень, потому что здѣсь убили мужа ея, и обступила городъ. Коростенцы бились крѣпко, зная, что они убили Князя, и потому не будетъ имъ милости, когда сдадутся. Цѣлое лѣто простояла Ольга подъ городомъ и не могла взять его; тогда она придумала вотъ что сдѣлать: послала сказать въ Коростень: «изъ чего вы сидите? Всѣ ваши города сдались мнѣ, взялись платить дань, и спокойно теперь обработываютъ свои поля; а вы одни хотите лучше помереть голодомъ, чѣмъ согласиться на дань.» Древляне отвѣчали: «Мы рады были бъ платить дань; но вѣдь ты хочешь истить за мужа?» Ольга велѣла имъ сказать на это: «Я уже отомстила за мужа не разъ, въ Кіевѣ, и здѣсь на тризнѣ, а теперь уже не хочу больше мстить, а хочу дань брать понемногу, и помирившись съ вами, пойду прочь.» Древляне спросили: «Чего же ты хочешь съ насъ? ради давать медомъ и мѣхами.» Ольга отвѣчала: «Теперь у васъ нѣтъ ни меду, ни мѣховъ, и потому требую отъ васъ немного: дайте мнѣ отъ двора по три голубя, да по три воробья; я не хочу накладывать на васъ тяжкой дани, какъ дѣлалъ мой мужъ, а прошу съ васъ мало, потому что вы изнемогли въ осадѣ.» Древляне обрадовались, собрали отъ двора по три голубя, и послали ихъ къ Ольгѣ съ поклономъ. Ольга велѣла имъ сказать: «Вы уже покорились мнѣ и моему дитяти; такъ ступайте въ свой городъ; а я завтра отступлю отъ него, и пойду назадъ къ себѣ домой.» Древляне охотно пошли въ городъ, и всѣ жители его очень обрадовались, когда узнали Ольгино намѣреніе. Между тѣмъ Ольга раздала каждому изъ своихъ ратныхъ людей по голубю, другимъ по воробью, и велѣла, завернувъ въ маленькія тряпочки

сѣру съ огнемъ, привязать къ каждой птицѣ, и какъ смеркнется, пустить ихъ на волю. Птицы, получивъ свободу, полетѣли въ свои гнѣзда, голуби по голубятнямъ, воробьи подъ стрѣхи, и вдругъ загорѣлись гдѣ голубятни, гдѣ клѣти, гдѣ вежи, гдѣ одрины[208], и не было ни одного двора, гдѣ бы не горѣло, а гасить было нельзя, потому что всѣ дворы загорѣлись вдругъ. Жители, испуганные пожаромъ, побѣжали изъ города, и были перехватаны воинами Ольги. Такимъ образомъ городъ былъ взятъ и выжженъ; старѣйшинъ городскихъ Ольга взяла себѣ; изъ остальныхъ нѣкоторыхъ отдала въ рабы дружинѣ, другихъ оставила на мѣстѣ платить дань. Дань наложена была тяжкая: двѣ части ея шли въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ къ Ольгѣ, потому что Вышгородъ принадлежалъ ей[209].

Таково преданіе объ Ольгиной мести: оно драгоцѣнно для историка, потому что отражаетъ въ себѣ господствующія понятія времени, поставлявшія месть за убійство близкаго человѣка священною обязанностію: видно, что и во времена составленія лѣтописи эти понятія не потеряли своей силы. При тогдашней неразвитости общественныхъ отношеній месть за родича была подвигомъ по преимуществу: вотъ почему разсказъ о такомъ подвигѣ возбуждалъ всеобщее, живое вниманіе, и потому такъ свѣжо и украшенно сохранился въ памяти народной. Общество всегда, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, питаетъ глубокое уваженіе къ обычаямъ, его охраняющимъ, и прославляетъ, какъ героевъ, тѣхъ людей, которые даютъ силу этимъ охранительнымъ обычаямъ. Въ нашемъ древнемъ обществѣ, въ описываемую эпоху его развитія, обычай мести былъ именно этимъ охранительнымъ обычаемъ, замѣнявшимъ правосудіе; и тотъ, кто свято исполнялъ обязанность мести, являлся необходимо героемъ правды, и чѣмъ жесточе была месть, тѣмъ больше удовлетворенія находило себѣ тогдашнее общество, тѣмъ больше прославляло мстителя, какъ достойнаго родича; а быть достойнымъ родичемъ значило тогда, въ переводѣ на наши понятія, быть образцовымъ гражданиномъ. Вотъ почему въ преданіи показывается, что месть Ольги была достойною местію. Ольга,

мудрѣйшая изъ людей, прославляется именно за то, что умѣла изобрѣсти достойную месть: она, говоритъ преданіе, подошла къ ямѣ, гдѣ лежали Древлянскіе послы, и спросила ихъ: «нравится ли вамъ честь?» Тѣ отвѣчали: «охъ, пуще намъ Игоревой смерти!» Преданіе, согласно съ понятіями времени, заставляетъ Древлянъ оцѣнивать поступокъ Ольги: «Ты хорошо умѣешь мстить; наша смерть лютѣе Игоревой смерти.» Ольга не первая женщина, которая въ средневѣковыхъ преданіяхъ прославляется неумолимою мстительностію: это явленіе объясняется изъ характера женщины, равно какъ изъ значенія мести въ тогдашнемъ обществѣ: женщина отличается благочестіемъ въ религіозномъ и семейномъ смыслѣ; обязанность же мести за родного человѣка была тогда обязанностію религіозною, обязанностію благочестія.

Характеръ Ольги, какъ онъ является въ преданіи, важенъ для насъ и въ другихъ отношеніяхъ: не въ однихъ только именахъ находимъ сходство Ольги съ знаменитымъ преемникомъ Рюрика, собирателемъ племенъ; какъ Олегъ, такъ и Ольга отличаются въ преданіи мудростію по тогдашнимъ понятіямъ, т. е. хитростію, ловкостію: Олегъ хитростію убиваетъ Аскольда и Дира, хитростію пугаетъ Грековъ, наконецъ перехитряетъ этотъ лукавѣйшій изъ народовъ: Ольга хитростію мститъ Древлянамъ, хитростію беретъ Коростенъ; наконецъ въ Царѣградѣ перехитряетъ Императора. Но не за одну эту хитрость Олегъ прослылъ вѣщимъ, Ольга мудрѣйшею изъ людей: въ преданіи являются они также какъ нарядники, заботящіеся о строѣ земскомъ; Олегъ установилъ дани, строилъ города, Ольга объѣхала всю землю, повсюду оставила слѣды своей хозяйственной распорядительности. Преданіе говоритъ, что немедленно послѣ мести надъ Древлянами, Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по ихъ землѣ, установляя уставы и уроки; на становища ея и ловища, т. е. на мѣста, гдѣ она останавливалась и охотилась, указывали еще во времена лѣтописца. Подъ именемъ устава должно разумѣть всякое опредѣленіе, какъ что нибудь дѣлать [210]; подъ именемъ урока всякую обязанность, которую

должны выполнять къ опредѣленному сроку, будетъ ли то уплата извѣстной суммы денегъ, извѣстнаго количества какихъ-нибудь вещей, или какая-нибудь работа. Послѣ распоряженій въ земли Древлянской, Ольга пошла на сѣверъ къ Новгороду, по рѣкѣ Мстѣ установила погосты и дани, по рѣкѣ Лугѣ оброки и дани; ловища ея, говоритъ лѣтописецъ, находятся по всей землѣ, вездѣ встрѣчаются слѣды ея пребыванія [211], мѣста, которыя отъ нея получили свое имя, погосты, ею учрежденные; такъ во времена лѣтописцапоказывали ея сани во Псковѣ, по Днѣпру и Деснѣ перевѣсища; село ея Ольжичи существовало также во времена лѣтописоа. Мы знаемъ, что Русскіе Князья въ Ноябрѣ мѣсяцѣ отправлялись съ дружиною къ подчиненнымъ племенамъ на полюдье, и проводили у нихъ зиму: обязанность племенъ содержать князя и дружину во время этого полюдья, называлась, кажется, оброкомъ. Обычай полюдья сохранился и послѣ: при тогдашнемъ состояніи общества это былъ для князя единственный способъ исполнять свои обязанности относительно народонаселенія, именно судъ и расправу; разумѣется, что для этого князь не могъ останавливаться при каждомъ жильѣ, онъ останавливался въ какомъ нибудь удобномъ для себя мѣстѣ, куда окружное народонаселеніе и позывалось къ нему для своихъ надобностей. Естественно, что для большаго удобства эти мѣста княжеской стоянки, гощенія, эти погосты могли быть опредѣлены навсегда, могли быть построены небольшіе дворы, гдѣ могли быть оставлены княжіе прикащики (тіуны), и такимъ образо этимъ погосты могли легко получить значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ, и передать свое имя округамъ; въ послѣдствіи здѣсь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги и т. д. Хотя лѣтописецъ упоминаетъ о распоряженіяхъ Ольги только въ землѣ Древлянской и въ отдѣленныхъ предѣлахъ Новгородской области; однако, какъ видно, путешествіе ея съ хозяйственною, распорядительною цѣлію обнимало всѣ тогдашнія Русскія владѣнія: по всей землѣ оставила она слѣды свои, повсюду виднѣлись учрежденные ею погосты [212].

Какъ женщина, Ольга была способнѣе ко внутреннему распорядку, хозяйственной дѣятельности: какъ женщина, она была способнѣе къ принятію Христіанства. Въ 955 году, по счету лѣтописца, вѣрнѣе въ 957 [213], отправилась Ольга въ Константинополь и крестилась тамъ, при Императорахъ Константинѣ Багрянородномъ и Романѣ и патріархѣ Поліевктѣ. При описаніи этого событія, лѣтописецъ основывается на томъ преданіи, въ которомъ характеръ Ольги остается до конца одинакимъ: и въ Константинополѣ, во дворцѣ императорскомъ, какъ подъ стѣнами Коростена, Ольга отличается ловкостію, находчивостію, хитростію; перехитряетъ Императора, какъ прежде перехитрила Древлянъ. Императоръ, говоритъ преданіе, предложилъ Ольгѣ свою руку; та не отреклась, но прежде требовала, чтобъ онъ былъ ея воспріемникомъ; Императоръ согласился, но когда послѣ таинства повторилъ свое предложеніе, то Ольга напомнила ему, что по Христіанскому закону, воспріемникъ не можетъ жениться на своей крестницѣ: «Ольга! ты меня перехитрила!» воскликнулъ изумленный Императоръ, и отпустилъ ее съ богатыми дарами. Императоръ Константинъ Багрянородный [214] оставилъ намъ описаніе пріемовъ, сдѣланныхъ Русской Княгинѣ при Византійскомъ дворѣ; церемоніи, соблюденныя при этихъ пріемахъ не могли польстить честолюбію Ольги: въ нихъ слишкомъ рѣзко давали чувствовать то разстояніе, которое существовало между особами Императорскаго дома и Русскою Княгинею; такъ напр. Ольгѣ давали мѣсто на-ряду съ знатными Гречанками: она сама должна была выгораживаться изъ ихъ среды, привѣтствуя Императрицу только легкимъ поклономъ, тогда какъ Гречанки падали ницъ. Изъ этихъ извѣстій о пріемѣ Ольги мы узнаемъ, что съ нею былъ племянникъ, знатныя женщины, служанки, послы, гости, переводчики и священникъ; вычислены и подарки, полученные Ольгою и ея спутниками: одинъ разъ подарили ей съ небольшимъ сорокъ, въ другой—около двадцати [215] червонцевъ. Извѣстія о подаркахъ очень важны: они могутъ показать намъ,

какъ мы должны понимать лѣтописныя извѣстія, гдѣ говорится о многихъ дарахъ, о множествѣ золота, серебра и проч.

О побужденіяхъ, которыя заставили Ольгу принять Христіанство и принять его именно въ Константинополѣ, не находимъ ничего ни въ извѣстныхъ спискахъ нашей лѣтописи, ни въ извѣстіяхъ иностранныхъ. Очень легко могло быть, что Ольга отправилась въ Царь-городъ язычницею, безъ твердаго еще намѣренія принять новую вѣру, была поражена въ Константинополѣ величіемъ Греческой религіи, и возвратилась домой Христіанкою. Мы видимъ, что вездѣ въ Европѣ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, варвары не смотря на то, что опустошали области Имперіи и брали дань съ повелителей обоихъ Римовъ, питали всегда благоговѣйное уваженіе къ Имперіи, къ блестящимъ формамъ ея жизни, которыя такъ поражали ихъ воображеніе; таковы бываютъ постоянно отношенія народовъ необразованныхъ къ образованнымъ. Это уваженіе варваровъ къ Имперіи способствовало также распространенію между ними Христіанства. Не одна надежда корысти могла привлекать нашу Русь въ Константинополь, но также и любопытство посмотрѣть чудеса образованнаго міра; сколько дивныхъ разсказовъ приносили къ своимъ очагамъ бывальцы въ Византіи! Какъ въ слѣдствіе этого возвышался тотъ, кто былъ въ Константинополѣ, и какъ у другихъ разгоралось желаніе побывать тамъ! Послѣ этого странно было бы, чтобъ Ольга, которая считалась мудрѣйшею изъ людей, незахотѣла побывать въ Византіи. Она отправляется туда. Что̀ же прежде всего должно было обратить ея вниманіе? Разумѣется то, что всего рѣзче отличало Грековъ отъ Руси — религія; извѣстно, что Греки обыкновенно сами обращали вниманіе варварскихъ князей и пословъ на свою религію, показывали имъ храмы, священныя сокровища; разумѣется, при этомъ и основные догматы вѣры были объясняемы искусными толковниками. Если многіе изъ мужчинъ, воиновъ Русскихъ, принимали Христіанство въ Греціи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что обратилась къ нему Ольга, во первыхъ какъ женщина, въ характерѣ которой было къ тому менѣе

препятствій, чѣмъ въ характерѣ Князей — воиновъ, во вторыхъ, какъ мудрѣйшая изъ людей, могшая слѣдовательно яснѣе другихъ понять превосходство Греческой вѣры предъ Русскою. Но кромѣ этого трудно отвергать, что Ольга была уже въ Кіевѣ знакома съ Христіанствомъ и предубѣждена въ его пользу: это предубѣжденіе въ пользу Христіанства могло сильно содѣйствовать къ принятію его въ Царѣ-градѣ; но отъ предубѣжденія въ пользу до рѣшительнаго шага еще далеко. Есть извѣстіе [216], что Ольга еще въ Кіевѣ была расположена къ Христіанству, видя добродѣтельную жизнь исповѣдниковъ этой религіи, даже вошла съ ними въ тѣсную связь и хотѣла креститься въ Кіевѣ, но не исполнила своего намѣренія, боясь язычниковъ. Принимая первую половину извѣстія, мы не можемъ допустить второй: опасность отъ язычниковъ не уменьшалась для Ольги и въ томъ случаѣ, когда она принимала крещеніе въ Константинополѣ; утаить обращеніе, по пріѣздѣ въ Кіевъ, было очень трудно, и при томъ Ольга, какъ видно, вовсе не хотѣла таиться: это было несовмѣстно ни съ ревностію новообращенной, ни съ характеромъ Ольги; не хотѣла она таиться и равнодушно смотрѣть, какъ сынъ ея, вся семья и весь народъ остаются въ язычествѣ, слѣдовательно, лишаются вѣчнаго спасенія. Такъ, по возвращеніи въ Кіевъ, Ольга начала уговаривать сына Святослава къ принятію Христіанства: но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ; впрочемъ, кто хотѣлъ креститься, тому не запрещали, а только смѣялись надъ нимъ. Въ этомъ извѣстіи мы находимъ прямое указаніе, что Христіанство распространялось въ Кіевѣ, тогда какъ прежніе Христіане изъ Варяговъ могли принимать Греческую вѣру въ Константинополѣ. Надъ принимавшими Христіанство начали смѣяться въ Кіевѣ; но на прежнихъ Христіанъ при Игорѣ, какъ видно, не обращали вниманія; слѣдовательно, хотя не было явнаго преслѣдованія, однако насмѣшки были уже началомъ преслѣдованія и знакомъ усиленія Христіанства, кого обращеніе Ольги могло быть и причиною и слѣдствіемъ; можно замѣтить, что новая религія начала принимать видное

положеніе, обратила на себя вниманіе древней религіи, и это враждебное вниманіе выразилось насмѣшками. Борьба начиналась: Славянское язычество, принятое и Руссами, могло противопоставить Христіанству мало положительнаго, и потому должно было скоро преклониться предъ нимъ; но Христіанство само по себѣ безъ отношенія къ Славянскому язычеству, встрѣтило сильное сопротивленіе въ характерѣ сына Ольгина, который не могъ принять христіанства по своимъ наклонностямъ, а не по привязанности къ древней религіи. Ольга, по свидѣтельству лѣтописи, часто говорила ему: «Я узнала Бога и радуюсь; если и ты узнаешь Его, то также станешь радоваться.» Святославъ не слушался и отвѣчалъ на это: «Какъ мнѣ одному принять другой законъ? Дружина станетъ надъ этимъ смѣяться.» Ольга возражала: «Если ты крестишься, то и всѣ станутъ то же дѣлать.» Святославу нечего было отвѣчать на это; не насмѣшекъ дружины боялся онъ; но собственный характеръ его противился принятію Христіанства: онъ не послушался матери, говоритъ лѣтописецъ, и жилъ по обычаю языческому (творилъ норовы поганскіе). Эта самая невозможность отвѣчать на возраженіе матери должна была раздражать Святослава, о чемъ свидѣтельствуетъ и лѣтопись, говоря, что онъ сердился на мать. Ольга даже ожидала большихъ опасностей со стороны язычниковъ, что видно изъ ея словъ Патріарху: «Народъ и сынъ мой въ язычествѣ: дай мнѣ Богъ уберечься отъ всякаго зла!»

Мы видѣли, что преданіе провожаетъ Ольгу въ Константинополь и заставляетъ мудрѣйшую изъ всѣхъ людей Русскихъ перехитрить Грека: тогда не знали лучшаго доказательства мудрости. Преданіе провожаетъ мудрую Княгиню и домой, въ Кіевъ, заставляетъ ее и здѣсь постыдить Греческаго Императора, охотника до даровъ и вспомогательнаго войска, и отомстить ему за то униженіе, которому подвергались Руссы въ Константинопольской гавани, и которое, какъ видно, лежало у нихъ на душѣ. Мы знаемъ изъ Игорева договора, что Греки, опасаясь буйства Русскихъ и воинскихъ хитростей съ ихъ

стороны, выговорили себѣ право не впускать ихъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока въ точности не узнаютъ характера новоприбывшихъ, имена которыхъ должны были находиться на княжескомъ листѣ; эти мѣры предосторожности, какъ видно, очень раздражали Русскихъ, и вотъ въ преданіи Ольга мститъ за нихъ Императору. Когда Ольга, говоритъ лѣтопись, возвратилась въ Кіевъ, то Царь Греческій прислалъ сказать ей: «Я тебя много дарилъ, потому что ты говорила мнѣ: возвращусь на Русь, пришлю тебѣ богатые дары—рабовъ, воску, мѣховъ, пришлю и войско на помощь.» Ольга велѣла отвѣчать ему: «Когда ты столько же постоишь у меня на Почайнѣ, сколько я стояла у тебя въ гавани Цареградской, тогда дамъ тебѣ обѣщанное [217].»

Ольга воспитывала сына своего до возраста и мужества его, говоритъ лѣтописецъ. Когда Князь Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ набирать воиновъ многихъ и храбрыхъ, ходя легко, какъ барсъ, много воевалъ. Идя въ походъ, возовъ за собой не возилъ, ни котловъ, потому что мяса не варилъ, но, изрѣзавъ тонкими ломтями конину, или звѣрину, или говядину, пекъ на угольяхъ; шатра у него не было, а спалъ онъ на конскомъ потникѣ, положивши сѣдло подъ голову; такъ вели себя и всѣ его воины. Онъ посылалъ въ разныя стороны, къ разнымъ народамъ, съ объявленіемъ: «хочу на васъ идти!» Начальныя слова преданія о Святославѣ показываютъ наборъ дружины, удальцовъ, которые, какъ обыкновенно тогда водилось, прослышавъ о храбромъ вождѣ, стекались къ нему отовсюду за славою и добычею. Поэтому Святославъ совершалъ свои подвиги съ помощію одной своей дружины, а не соединенными силами всѣхъ подвластныхъ Руси племенъ: и точно при описаніи походовъ его, лѣтописецъ не вычисляетъ племенъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Святославъ набиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ, которые были во всемъ на него похожи: такъ можно сказать объ отборной дружинѣ, а не о войскѣ многочисленномъ, составленномъ изъ разныхъ племенъ. Самый способъ веденія войны показываетъ, что она велась съ не-

большою отборною дружиною, которая позволяла Святославу обходиться безъ обозу и дѣлать быстрые переходы: онъ воевалъ, ходя легко, какъ барсъ, т. е. дѣлалъ необыкновенно быстрые переходы, прыжками, такъ сказать, подобно названному звѣрю.

При князьяхъ предшественникахъ Святослава не было тронуто одно только Славянское племя на востокъ отъ Днѣпра; то были Вятичи. Съ нихъ-то и началъ Святославъ свои походы; узнавъ, что это племя платило дань Козарамъ, Святославъ бросился на послѣднихъ, одолѣлъ ихъ Кагана, взялъ его главный городъ на Дону, Бѣлую Вѣжу; потомъ побѣдилъ Ясовъ и Касоговъ, жителей Прикавказья. Къ 968 году относятъ восточные писатели походъ Руссовъ на Волжскихъ Болгаръ, разграбленіе главнаго города ихъ (Болгаръ), который былъ складкою товаровъ, привозимыхъ изъ окрестныхъ странъ; потомъ Русь, внизъ по Волгѣ, спустилась до Казерана [218], разграбила и этотъ городъ, равно какъ Итиль и Семендеръ [219]. Все это согласно съ Русскимъ преданіемъ о походѣ Святослава на Волгу, и битвахъ его съ Козарами, Ясами и Касогами [220]. Такъ отомстилъ Святославъ Приволжскому народонаселенію за недавнія пораженія Руссовъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, ко времени этихъ походовъ Святослава относится подчиненіе Тмутаракани [221] Русскому Князю. На возвратномъ пути съ востока, Святославъ, говоритъ лѣтопись, побѣдилъ Вятичей и наложилъ на нихъ дань. Съ этого времени начинаются подвиги Святослава, мало имѣющіе отношенія къ нашей исторіи. Греческій Императоръ Никифоръ, угрожаемый войною съ двухъ сторонъ, и со стороны Арабовъ и со стороны Болгаръ, рѣшился, по обычаю, вооружить противъ варваровъ другихъ варваровъ, послалъ Патриція Калокира къ Русскому князю нанять его за 15 кентинарій золота [222], и привести воевать Болгарію. Калокиръ, говорятъ Греческіе историки [223], подружился съ Святославомъ, прельстилъ его подарками и обѣщаніями: уговорились — Святославу завоевать Болгарію, оставить ее за собою, и помогать Калокиру въ достиженіи Императорскаго престола, за что Калокиръ обѣщалъ Святославу несмѣтныя сокровища изъ Императорской казны.

Въ 967 году Святославъ съ своею дружиною, отправился въ Болгарію, завоевалъ ее, и остался жить тамъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ; онъ княжилъ въ Переяславцѣ, говоритъ лѣтописецъ, а Русь оставалась безъ князя; въ Кіевѣ жила престарѣлая Ольга съ малолѣтными внуками, а подлѣ была степь, откуда безпрестанно можно было ожидать нападенія кочевыхъ варваровъ. И вотъ пришли Печенѣги; оборонить было некому; Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками. Безчисленное множество Печенѣговъ оступило городъ, нельзя было ни выйдти изъ него, ни вѣсти послать, и жители изнемогали отъ голода и жажды. На противоположной сторонѣ Днѣпра, говоритъ преданіе, собрались ратные люди въ лодкахъ, но не смѣли напасть на Печенѣговъ, и не было сообщенія между ними и Кіевлянами. Тогда послѣдніе встужили и стали говорить: «нѣтъ ли кого, кто бъ могъ пройдти на ту сторону и сказать нашимъ, что если они завтра не нападутъ на Печенѣговъ, то мы сдадимся:» и вотъ вызвался одинъ молодой человѣкъ: «я, сказалъ онъ, пойду;» «иди!» закричали ему всѣ. Молодой человѣкъ вышелъ изъ города съ уздою, и, ходя между Печенѣгами, спрашивалъ: «не видалъ ли кто его лошади?» Онъ умѣлъ говорить по-Печенѣжски, и потому варвары приняли его за одного изъ своихъ. Когда онъ пошелъ къ рѣкѣ, то сбросилъ съ себя платье, и поплылъ; Печенѣги догадались объ обманѣ, начали стрѣлять по немъ, но не могли уже попасть, онъ былъ далеко, и Русскіе съ той стороны выѣхали въ лодкѣ къ нему на встрѣчу и перевезли на другой берегъ. Онъ сказалъ имъ: «Если не подступите завтра къ городу, то люди хотятъ сдаться Печенѣгамъ.» Воевода, именемъ Претичь, сказалъ на это: «Подступимъ завтра въ лодкахъ, какъ-нибудь захватимъ княгиню съ княжатами, и умчимъ ихъ на эту сторону; а не то Святославъ погубитъ насъ, какъ воротится.» Всѣ согласились, и на другой день, на разсвѣтѣ, сѣдши въ лодки, громко затрубили; люди въ городѣ радостно откликнулись имъ. Печенѣги подумали, что князь пришелъ, отбѣжали отъ города, а тѣмъ временемъ Ольга со внуками успѣла сѣсть въ лодку и

переѣхать на другой берегъ. Увидавъ это, Печенѣжскій князь возвратился одинъ къ воеводѣ Претичу, и спросилъ у него: «Кто это пришелъ?» Претичь отвѣчалъ: «люди съ той стороны.» Печенѣгъ опять спросилъ у Претича: «а ты Князь ли?» Воевода отвѣчалъ: «Я мужъ княжой, и пришолъ въ сторожахъ, а по мнѣ идетъ полкъ съ княземъ, безчисленное множество войска.» Онъ сказалъ это, чтобъ пригрозить ему. Тогда князь Печенѣжскій сказалъ воеводѣ: «Будь мнѣ другомъ.» Тотъ согласился. Оба подали другъ другу руки, и размѣнялись подарками: Князь Печенѣжскій подарилъ Претичу коня, саблю, стрѣлы; Претичь отдарилъ его бронею, щитомъ и мечемъ. Послѣ этого Печенѣги отступили отъ города, но стали не въ далекомъ разстояніи отъ него; лѣтописецъ говоритъ, что Русскимъ нельзя было коней напоить: на Лыбеди стояли Печенѣги [224]. Таково преданіе, внесенное въ лѣтопись; такъ народная память передавала это событіе. Изъ характеристическихъ чертъ времени въ этомъ преданіи мы замѣтимъ описаніе подарковъ, которыми обмѣнялись Претичь и Князь Печенѣжскій; въ различіи оружія рѣзко выразилось различіе между Европою и Азіею, между Европейскимъ и Азіатскимъ вооруженіемъ: степной кочевникъ, всадникъ по преимуществу, дарить коня и скиѳское оружіе — саблю, стрѣлы; воевода Русскій даритъ ему оружіе воина Европейскаго, большею частію оборонительное: броню, щитъ и мечь.

Кіевляне, продолжаетъ преданіе, послали сказать Святославу: «Ты, Князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, отъ своей же отрекся, чуть-чуть насъ не взяли Печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми: если не придешь, не оборонишь насъ, то опять возьмутъ; не ужели тебѣ не жалко отчины своей, ни матери старухи, ни дѣтей малыхъ?» Услыхавъ объ этомъ, Святославъ немедленно сѣлъ на коней съ дружиною, пришелъ въ Кіевъ, поздоровался съ матерью и дѣтьми, разсердился на Печенѣговъ, собралъ войско, и прогналъ варваровъ въ степь. Но Святославъ недолго нажилъ въ Кіевѣ: по преданію, онъ сказалъ матери своей и боярамъ: «Не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу

жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ средина земли моей; туда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе: отъ Грековъ золото, ткани, вина, овощи разныя; отъ Чеховъ и Венгровъ серебро и коней, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабовъ.» Ольга на это отвѣчала ему: «Ты видишь, что я уже больна, куда же это ты отъ меня уходишь? Когда похоронишь меня, то иди куда хочешь.» Черезъ три дня Ольга умерла, и плакались по ней сынъ, внуки и люди всѣ плачемъ великимъ. Ольга запретила праздновать по себѣ тризну, потому что у ней былъ священникъ, который и похоронилъ ее.

Здѣсь очень важно для насъ выраженіе Святослава о Переяславцѣ: «то-есть середа въ землѣ моей.» Какимъ образомъ Переяславецъ могъ быть срединою земли Святославовой. Это выраженіе можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ: 1) Переяславецъ въ землѣ моей есть серединное мѣсто, потому что туда изо всѣхъ странъ свозится все доброе; Переяславецъ слѣд. названъ серединою не относительно положенія своего среди владѣній Святослава, но какъ средоточіе торговли. 2) Второе объясненіе намъ кажется легче: Святославъ своею землею считалъ только одну Болгарію, пріобрѣтенную имъ самимъ, Русскую же землю считалъ, по понятіямъ того времени, владѣніемъ общимъ, родовымъ. Святославъ спѣшилъ окончить свое княженіе на Руси: онъ посадилъ старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, другаго Олега въ землѣ Древлянской. Это вовсе не значитъ, чтобъ этими волостями ограничивались владѣнія Русскихъ князей: уже при Олегѣ все теченіе Днѣпра до Кіева было въ Русскомъ владѣніи, въ Смоленскѣ и Любечѣ сидѣли мужи Кіевскаго Князя; Ольга ѣздила и рядила землю до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Новгородской области; слѣд. дѣленіе Святослава означаетъ, что у него было только двое способныхъ къ правленію сыновей, а не только двѣ волости — Кіевская и Древлянская; остальныя же волости оба брата должны были подѣлить между собою, какъ послѣ Ярославичи, усѣвшись около Днѣпра, подѣлили между собою волости отдаленнѣйшія. Какъ послѣ Ярославичи тѣснились всѣ въ привольной родинѣ своей,

около Днѣпра и Кіева, около собственной Руси, не любя волостей сѣверныхъ и восточныхъ, такъ и теперь оба сына Святославова садятся на югѣ, не далеко другъ отъ друга, и не хотятъ идти на сѣверъ. Но если Князья не любили сѣвера, то жители сѣверной области, Новгородцы не любили жить безъ Князя, или управляться посадникомъ изъ Кіева, особенно когда Древляне получили своего Князя. Новгородцы и послѣ любили, чтобъ у нихъ былъ свой князь, знавшій ихъ обычай; до сихъ поръ они терпѣли посадника Кіевскаго, потому что во всей Руси былъ одинъ Князь; но теперь, когда Древляне получили особаго Князя, Новгородцы также хотятъ имѣть своего. Послы ихъ, по преданію, пришли къ Святославу и стали просить себѣ князя: «Если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, говорили они, то мы найдемъ себѣ князя.» Святославъ отвѣчалъ имъ: «Если бы кто къ вамъ пошелъ, то я былъ бы радъ дать вамъ князя [225].» Ярополкъ и Олегъ были спрошены — хотятъ ли идти въ Новгородъ? и, по изложеннымъ выше причинамъ, отказались. Тогда Добрыня внушилъ Новгородцамъ: «Просите Владиміра.» Владиміръ былъ третій сынъ Святослава, рожденный отъ Малуши, ключницы Ольгиной, сестры Добрыни. Новгородцы сказали Святославу: «дай намъ Владиміра;» Князь отвѣчалъ имъ: «возьмите.» Новгородцы взяли Владиміра къ себѣ, и пошелъ Владиміръ съ Добрынею, дядею своимъ въ Новгородъ, а Святославъ въ Переяславецъ.

Здѣсь останавливаетъ насъ вопросъ: почему Святославъ не далъ никакой волости младшему сыну своему Владиміру самъ, сначала, и уже послѣ отправилъ его къ Новгородцамъ, по требованію послѣднихъ? Лѣтописецъ какъ будто спѣшитъ объяснить причину явленія; Владиміръ, говоритъ онъ, былъ сынъ Малуши, ключницы Ольгиной, слѣд. рабыни, ибо, по древнему уставу, человѣкъ и вольный, ставшій ключникомъ, по этому уже самому превращался въ раба. И такъ Владиміръ былъ не совсѣмъ равноправный братъ Ярополка и Олега. Многоженство не исключало неравноправности: если было различіе между женами (водимыми) и наложницами, то необходимо долженство-

ваю существовать различіе и между дѣтьми тѣхъ и другихъ. Но если многоженство не исключало неравноправности дѣтей, то, по крайней мѣрѣ, много ослабляло ее: было различіе между дѣтьми наложницъ — правда, но все не такое различіе, какое, по нашимъ понятіямъ, существуетъ между дѣтьми законными и незаконными. На это малое различіе указываетъ уже то явленіе, что Новгородцы приняли Владиміра, какъ Князя, и послѣ не полагается между нимъ и братьями никакого различія. Здѣсь, какъ естественно, имѣло силу не столько различіе между законностію и незаконностію матери, сколько знатность и низость происхожденія: разумѣется ключница, рабыня, полюбившаяся Святославу, не могла стать на ряду съ другою его женою, какою-нибудь княжною, или дочерью знатнаго боярина; отсюда низость матери падала и на сына, не отнимая впрочемъ у него родовскихъ правъ; Владиміръ былъ Князь, но при случаѣ, когда нужно было сравнить его съ остальными братьями, могли выставить на видъ низкое происхожденіе его матери; такъ послѣ, Полоцкая княжна Рогнѣда, выбирая между двумя женихами, Ярополкомъ и Владиміромъ, говоритъ, что она не хочетъ идти замужъ за Владиміра, какъ сына рабыни. Обращать вниманіе на это обстоятельство было очень естественно княгинѣ, ибо при многоженствѣ, женщины знатнаго происхожденія старались, какъ можно рѣзче, отдѣлить себяотъ наложницъ своихъ мужей, и презрѣніе, которое питали къ наложницамъ, старались переносить и на дѣтей ихъ. Святославъ сначала не далъ волости Владиміру, и потомъ отпустилъ его въ Новгородъ, могши въ самомъ дѣлѣ испугаться угрозы Новгородцевъ, что они откажутся отъ его рода и найдутъ себѣ другого князя. Добрыня хлопоталъ объ этомъ, надѣясь во время малолѣтства Владимірова занимать первое мѣсто въ Новгородѣ и надѣясь, чтобы послѣ старшіе братья дали младшему хорошую волость; Новгородцы же приняли малолѣтнаго Владиміра, потому что онъ все-таки былъ независимый князь, а не посадникъ, при томъ же надѣялись воспитать у себя Владиміра въ

своемъ обычаѣ: они и послѣ любили имѣть у себя такого Князя, который бы выросъ у нихъ.

Княженіе Святослава кончилось на Руси; онъ отдалъ всѣ свои владѣнія здѣсь сыновьямъ, и отправился въ Болгарію навсегда. Но на этотъ разъ онъ не былъ такъ счастливъ, какъ прежде: Болгары встрѣтили его враждебно; еще опаснѣйшаго врага нашелъ себѣ Святославъ въ Іоаннѣ Цимискіѣ, Византійскомъ Императорѣ. У нашего Лѣтописца читаемъ преданіе о подвигахъ Святослава въ войнѣ съ Греками; это преданіе, не смотря на невѣрный свѣтъ, который брошенъ имъ на событія, важно для насъ потому, что представляетъ яркую картину дружинной жизни, очерчиваетъ характеръ знаменитнаго вождя дружины, около котораго собралась толпа подобныхъ ему сподвижниковъ. По преданію, Святославъ пришелъ въ Переяславецъ; но Болгары затворились въ городѣ, и не пустили его туда. Мало того, они вышли на сѣчу противъ Святослава, сѣча была сильная, и Болгары стали было уже одолѣвать; тогда Святославъ сказалъ своимъ: «Уже намъ видно здѣсь погибнуть; потянемъ мужески, братья и дружина!» Къ вечеру Святославъ одолѣлъ, взялъ городъ копьемъ (приступомъ), и послалъ сказать Грекамъ: «хочу на васъ идти, хочу взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ.» Греки отвѣчали: «Намъ не совладѣть съ вами; возьми лучше съ насъ дань на себя и на дружину свою, да скажите, сколько васъ, такъ мы дадимъ на каждаго человѣка.» Греки говорили это, желая обмануть Русь, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что Греки лживы и до сихъ поръ. Святославъ отвѣчалъ: «Насъ 20,000;» десять-то тысячь онъ прибавилъ, потому что Русскихъ было всего 10,000: Греки собрали 100,000 на Святослава, и не дали дани; Святославъ пошелъ на нихъ, но Русь испугалась, видя множество вражьяго войска; тогда Святославъ сказалъ дружинѣ: «Намъ некуда дѣться; волею и неволею пришлось стать противъ Грековъ: такъ не посрамимъ Русской земли, но ляжемъ костями, мертвымъ не стыдно; если же побѣжимъ, то некуда будетъ убѣжать отъ стыда; станемъ же крѣпко, я пойду пе-

редъ вами, и если голова моя ляжетъ, тогда промышляйте о себѣ.» Дружина отвѣчала: «Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и свои головы сложимъ.» Русь ополчилась, была сѣча большая, и Святославъ обратилъ въ бѣгство Грековъ, послѣ чего пошелъ къ Константинополю, воюя и разбивая города, которые и до сихъ поръ лежатъ пусты, прибавляетъ лѣтописецъ. Царь созвалъ бояръ своихъ въ палату, и сказалъ имъ: «Что̀ намъ дѣлать: не можемъ стать противъ него!» Бояре отвѣчали: «Пошли къ нему дары, испытаемъ его, на что онъ больше польстится — на золото или на ткани дорогія?» Царь послалъ и золото и ткани, а съ ними мужа мудраго, которому наказали: «Смотри хорошенько ему въ лице.» Святославу объявили, что пришли Греки съ поклономъ; онъ велѣлъ ихъ ввести; Греки пришли, поклонились, разложили передъ нимъ золото и ткани; Святославъ, смотря по сторонамъ, сказалъ отрокамъ своимъ: «спрячьте это.» Послы возвратились къ царю, который созвалъ опять бояръ, и стали разсказывать: «Какъ пришли мы къ нему, и отдали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, а велѣлъ спрятать.» Тогда одинъ бояринъ сказалъ царю: «Поиспытай-ка его еще, пошли ему оружіе.» Послали Святославу мечь и разное другое оружіе; онъ принялъ, началъ хвалить и любоваться, и послалъ поклонъ царю. Послы возвратились съ этимъ къ послѣднему; и тогда бояре сказали: «Лютъ долженъ быть этотъ человѣкъ, что на богатство не смотритъ, а оружіе беретъ; дѣлать нечего, станемъ платить ему дань,» — и Царь послалъ сказать Святославу: «Не ходи къ Царю-городу, но возьми дань, сколько хочешь;» потому что Русскіе были уже недалеко отъ Царьграда. Греки прислали дань; Святославъ взялъ и за убитыхъ, говоря: «родъ ихъ возметъ.» Кромѣ дани Святославъ взялъ много даровъ, и возвратился въ Переяславецъ съ большою честію. Видя однако, что дружины осталось мало, Святославъ началъ думать: «Что̀ какъ обманомъ перебьютъ дружину мою и меня: пойду лучше въ Русь, приведу больше дружины.» Принявши такое намѣреніе, онъ отправилъ къ царю въ Доростолъ пословъ,

которые должны были сказать ему отъ имени своего князя: «хочу держать съ тобою миръ твердый и любовь.» Царь обрадовался и послалъ къ нему дары больше первыхъ. Святославъ, принявъ дары, началъ говорить дружинѣ: «Если не заключимъ мира съ царемъ, и царь узнаетъ, что насъ мало, и Греки оступятъ насъ въ городѣ, а Русская земля далеко, Печенѣги съ нами въ войнѣ, то кто намъ поможетъ? заключимъ лучше миръ съ царемъ. Греки уже взялись платить намъ дань, и того будетъ съ насъ; если же они перестанутъ платить дань, то собравши побольше войска, пойдемъ опять къ Царюгороду.» Рѣчь эта полюбилась дружинѣ, и лучшіе мужи отправились отъ Святослава къ Царю въ Доростолъ. Заключенъ былъ миръ и написанъ договоръ; договоръ этотъ также внесенъ въ лѣтопись: Святославъ обязался не воевать Греческихъ областей ни самъ, ни подучать на это другой какой-нибудь народъ, не воевать ни страны Корсунской, ни Болгарской; и если другой какой-нибудь народъ вздумаетъ идти на Грековъ, то Русскій Князь обязался воевать съ нимъ [226].

Преданіе, основанное безъ сомнѣнія, на разсказахъ Свѣнельда и немногихъ товарищей его, возвратившихся въ Кіевъ послѣ гибели Святославовой, согласно съ Византійскими лѣтописцами относительно гордаго вызова Святославова Грекамъ: «хочу на васъ идти, и взять вашъ городъ, какъ взялъ этотъ;» но эти слова у Византійцевъ Святославъ сказалъ въ отвѣтъ на мирныя предложенія Императора; очень согласно съ своимъ положеніемъ Святославъ велитъ сказать Цимисхію, что Русь не поденьщики, которые питаются трудами рукъ своихъ [227]. Самое начало войны было уже, по Византійцамъ, несчастливо для Руси: полководецъ Цимискія, Вардъ Склиръ разбилъ отрядъ Святославова войска, составленный, кромѣ Руси, изъ Венгровъ и Болгаръ. Не смотря однако на это, и по Византійцамъ видно, что Святославъ не думалъ унывать; Русскіе отряды сильно раззоряли области Имперіи, что означено у лѣтописца разрушеніемъ городовъ. Цимискій видѣлъ, что необходимо всѣми силами государства напасть на Святослава, и

вытѣснить его изъ Болгаріи. Онъ вступилъ съ огромными войсками въ эту землю, и началась война на жизнь и на смерть, какъ видно изъ словъ самихъ Византійцевъ, которые отдаютъ справедливость отчаянной храбрости Святославовой дружины[228]. Но эта храбрость не помогла противъ безмѣрно большаго числа враговъ, предводимыхъ полководцемъ искуснымъ и храбрымъ, среди враждебныхъ Болгаръ, противъ которыхъ Святославъ, по словамъ Византійцевъ, употреблялъ крайне насильственныя мѣры. Русскій князь принужденъ былъ просить мира у Императора съ условіемъ очистить Болгарію. Послѣ мира происходило свиданіе обоихъ вождей; для насъ важно описаніе Святославовой наружности, оставленное Львомъ Діакономъ: «Святославъ приплылъ на мѣсто свиданія въ лодкѣ по Дунаю, при чемъ дѣйствовалъ весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ плоскій носъ, глаза голубые, густыя брови, мало волосъ на бородѣ, и длинные, косматые усы. Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ, что означало его знатное происхожденіе. Шея у него была плотная, грудь широкая, и всѣ прочіе члены очень стройные. Вся наружность представляла что-то мрачное и свирѣпое. Въ одномъ ухѣ висѣла серьга, украшенная карбункуломъ и двумя жемчужинами. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ одежды прочихъ Русскихъ. — Изъ сличенія нашихъ лѣтописныхъ извѣстій съ извѣстіями Византійцевъ оказывается одно, что Святославъ потерпѣлъ неудачу, долженъ былъ заключить невыгодный для себя миръ съ Императоромъ, причемъ обязался оставить Болгарію и возвратиться въ Русь. Что же касается до противорѣчій между Русскими и Греческими извѣстіями, то ясно, что въ лѣтописное извѣстіе вошли разсказы Свѣнельда и его уцѣлѣвшихъ товарищей, которые, передавая объ однихъ подвигахъ своихъ, умолчали о неудачахъ[229].

Заключивъ миръ съ Греками, Святославъ пошелъ въ лодьяхъ къ Днѣпровскимъ порогамъ; отцовскій воевода Свѣнельдъ говорилъ ему: «Ступай, князь, въ обходъ на коняхъ, потому

что стоятъ Печенѣги въ порогахъ.» Святославъ не послушалъ его, и пошелъ въ лодьяхъ; между тѣмъ Переяславцы послали сказать Печенѣгамъ: «идетъ Святославъ въ Русь съ большимъ богатствомъ и малою дружиною.» Получивъ эту вѣсть, Печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ приплылъ къ нимъ, то уже нельзя было пройти. Князь сталъ зимовать въ Бѣлобережьѣ [230]; съѣстные припасы вышли, и сдѣлался большой голодъ, такъ что платили по полугривнѣ за лошадиную голову. Въ началѣ весны, Святославъ пошелъ опять въ пороги; но здѣсь былъ встрѣченъ Курею, княземъ Печенѣжскимъ, и убитъ; изъ черепа его сдѣлали чашу, оковали ее золотомъ, и пили изъ нея [231]. Свѣнельдъ пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку.

Это преданіе, какъ оно занесено въ лѣтопись, требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: почему Святославъ, который такъ мало былъ способенъ къ страху, испугался Печенѣговъ и возвратился назадъ зимовать къ Бѣлобережье; если испугался въ первый разъ, то какую надежду имѣлъ къ безпрепятственному возвращенію послѣ, весною; почему онъ могъ думать, что Печенѣги не будутъ сторожить его и въ это время; наконецъ, если испугался Печенѣговъ, то почему не принялъ совѣта Свѣнельдова, который указывалъ ему обходный путь степью? Другой вопросъ: какимъ образомъ спасся Свѣнельдъ? Во-первыхъ мы знаемъ, какимъ безчестіемъ покрывался дружинникъ, оставившій своего вождя въ битвѣ, пережившій его и отдавшій тѣло его на поруганіе врагамъ; этому безчестію наиболѣе подвергались самые храбрѣйшіе, т. е. самые приближенные къ вождю, князю, а кто былъ ближе Свѣнельда къ Святославу? Дружина обѣщала Святославу, что гдѣ ляжетъ его голова, тамъ и они всѣ головы свои сложатъ; дружина, не знавшая страха среди многочисленныхъ полчищъ греческихъ, дрогнула предъ Печенѣгами? и неужели Свѣнельдъ не постыдился бѣжать съ поля, не захотѣлъ лечь съ своимъ княземъ? Во-вторыхъ, какимъ образомъ онъ могъ спастись? мы знаемъ, какъ затруднительны бывали переходы Русскихъ черезъ пороги, когда они принуж-

дены бывали тащить на себѣ лодки и обороняться отъ враговъ, и при такой малочисленности Святославовой дружины трудно, чтобъ главный по Князѣ вождь могъ спастись отъ тучи облегавшихъ варваровъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы должны обратить вниманіе на характеръ и положеніе Святослава, какъ они выставлены въ преданіи. Святославъ завоевалъ Болгарію и остался тамъ жить; вызванный оттуда вѣстію объ опасности своего семейства, нехотя поѣхалъ въ Русь; здѣсь едва дождался смерти матери, отдалъ волости сыновьямъ и отправился навсегда въ Болгарію, свою страну. Но теперь онъ принужденъ снова ее оставить, и возвратиться въ Русь, отъ которой уже отрекся, гдѣ уже княжили его сыновья; въ какомъ отношеніи онъ находился къ нимъ, особенно къ старшему Ярополку, сидѣвшему въ Кіевѣ? Во всякомъ случаѣ ему необходимо было лишить послѣдняго данной ему власти, и занять его мѣсто; при томъ, какъ должны были смотрѣть на него Кіевляне, которые и прежде упрекали его за то, что онъ отрекся отъ Руси? Теперь онъ потерялъ ту страну, для которой пренебрегъ Русью, и пришелъ бѣглецомъ въ родную землю. Естественно, что такое положеніе должно было быть для Святослава нестерпимо; не удивительно, что ему не хотѣлось возвратиться въ Кіевъ, и онъ остался зимовать въ Бѣлобережьѣ, пославъ Свѣнельда степью въ Русь, чтобъ тотъ привелъ ему оттуда побольше дружины, съ которою можно было бы снова выступить противъ Болгаръ и Грековъ, что онъ именно и обѣщалъ сдѣлать передъ отъѣздомъ изъ Болгаріи. Но Свѣнельдъ волею и неволею мѣшкалъ на Руси, а голодъ не позволялъ Святославу медлить болѣе въ Бѣлобережьѣ; идти въ обходъ степью было нельзя: кони были всѣ съѣдены, по необходимости должно было плыть Днѣпромъ чрезъ пороги, гдѣ ждали Печенѣги. Что Святославъ самъ отправилъ Свѣнельда степью въ Кіевъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Іоакимова лѣтопись [232].

Таковы преданія о дѣятельности и смерти Святослава. Олегъ и Ольга соединены въ преданіи однимъ характеромъ: оба

представляются нарядниками земли, мудрыми, вѣщими; Игорь между ними является воиномъ неотважнымъ, княземъ недѣятельнымъ, вождемъ дружины корыстолюбивымъ. Святославъ представленъ образцомъ воина, и только воина, который съ своею отборною дружиною покинулъ Русскую землю для подвиговъ отдаленныхъ, славныхъ для него, и безполезныхъ для родной земли; эти отношенія Святослава къ Руси преданіе выставило въ рѣчахъ пословъ Кіевскихъ, отправленныхъ къ Святославу въ Болгарію. Можно сказать, что Святославъ никогда не имѣлъ на Руси значенія Князя: сначала это значеніе имѣла его мать, Ольга, потомъ сыновья его. Утвержденіе Святослава въ Болгаріи, успѣхи его въ войнѣ съ Греками могли имѣть важныя слѣдствія для новорожденной Руси; но историкъ не имѣетъ права разсуждать о томъ, что̀ могло быть; онъ имѣетъ право только сказать, что неудача Святославова проистекла отъ недостаточности его средствъ, отъ того, что онъ оторвался отъ Руси, дѣйствовалъ только съ одною отборною дружиною, а не устремилъ на Грецію соединенныя силы всѣхъ племенъ, подвластныхъ Руси; только въ послѣднемъ случаѣ предпріятіе Святослава могло имѣть важное, рѣшительное вліяніе на судьбы восточной Европы. Олегъ и Ольга преданія дѣйствуютъ преимущественно хитростію, и перехитряютъ самихъ Грековъ; Святославъ отличается поведеніемъ противоположнымъ; онъ не нападаетъ на враговъ хитростію, но посылаетъ сказать имъ: иду на васъ! И когда однажды онъ вздумалъ было схитрить съ Греками, то его неловкая хитрость обратилась во вредъ ему самому.

Каковы бы ни были причины и обстоятельства смерти Святославой, Ярополкъ остался старшимъ въ родѣ Княжескомъ, Свѣнельдъ при немъ въ большой силѣ. Для объясненія послѣдующихъ явленій, мы не должны упускать изъ виду возрас[illegible] дѣтей Святославовыхъ: Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ[23] слѣд. при немъ долженъ былъ находиться воспитатель; кто былъ этотъ воспитатель, въ какомъ отношеніи былъ къ нему Свѣнельдъ, и какъ получилъ важное значеніе — объ этомъ лѣто[illegible]

писецъ ничего не знаетъ. Мы не должны только забывать, что Ярополкъ былъ малолѣтенъ, слѣд. дѣйствовалъ подъ чужимъ вліяніемъ. Единственнымъ событіемъ Ярополкова Княженія, внесеннымъ въ лѣтопись, была усобица между сыновьями Святослава. Мы знаемъ, что охота, послѣ войны, была господствующею страстію средневѣковыхъ варваровъ: вездѣ князья предоставляли себѣ, касательно охоты, большія права, жестоко наказывая за ихъ нарушеніе. Это служитъ достаточнымъ объясненіемъ происшествія, разсказаннаго нашимъ лѣтописцемъ: сынъ Свѣнельда, именемъ Лютъ, выѣхалъ изъ Кіева на охоту, и, погнавшись за звѣремъ, въѣхалъ въ лѣса, принадлежавшіе къ волости Олега, князя Древлянскаго; по случаю, въ это же время охотился здѣсь и самъ Олегъ; онъ встрѣтился съ Лютомъ, спросилъ, кто это такой, и узнавъ, что имѣлъ дѣло съ сыномъ Свѣнельдовымъ, убилъ его. Здѣсь впрочемъ, не смотря на предложенное нами выше общее объясненіе поступка Олегова, насъ останавливаетъ одна частность: Олегъ, говоритъ преданіе, освѣдомился — кто такой позволяетъ себѣ охотиться вмѣстѣ съ нимъ, и узнавъ, что это сынъ Свѣнельдовъ, убилъ его. За чѣмъ преданіе связываетъ части дѣйствія такъ, что Олегъ убиваетъ Люта тогда, когда узнаетъ въ немъ сына Свѣнельдова? Если бы Олегъ простилъ Люту его дерзость, узнавъ, что онъ сынъ Свѣнельда, знаменитаго боярина старшаго брата, боярина отцовскаго и дѣдовскаго, тогда дѣло было бы ясно; но лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ убилъ Люта, именно узнавши, что онъ сынъ Свѣнельда; при этомъ вспомнимъ, что Древлянскому князю было не болѣе 13 лѣтъ! слѣд. воля его была подчинена вліянію другихъ, вліянію какого-нибудь сильнаго боярина, въ родѣ Свѣнельда. Какъ бы то ни было, за это возникла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ; Свѣнельдъ хотѣлъ отомстить Олегу за сына, и потому не переставалъ твердить Ярополку: «поди на брата и возьми волость его.» Черезъ два года, т. е. когда Ярополку было 16, а Олегу 15 лѣтъ, Кіевскій Князь пошелъ ратью на Древлянскаго: послѣдній вышелъ къ нему на встрѣчу съ вой-

скомъ, и Ярополкъ побѣдилъ Олега. Олегъ побѣжалъ въ городъ, называемый Овручь: на мосту, перекинутомъ черезъ ровъ къ городскимъ воротамъ, бѣглецы стѣснились и сталкивали другъ друга въ ровъ, при чемъ столкнули и Олега; людей попадало много, за ними попадали лошади, которыя и передавили людей. Ярополкъ вошелъ въ городъ Олега, взялъ на себя власть его, и послалъ искать брата. Долго искали князя, и не могли найти. Тогда одинъ Древлянинъ сказалъ: «Я видѣлъ, какъ вчера столкнули его съ моста.» Стали вытаскивать трупы изо рва съ утра до полудни, наконецъ нашли Олега подъ трупами, внесли въ княжій домъ, и положили на коврѣ. Пришелъ Ярополкъ, началъ надъ нимъ плакаться и сказалъ Свѣнельду: «порадуйся теперь, твое желаніе исполнилось». Заключали ли въ себѣ эти слова упрекъ, или Ярополкъ хотѣлъ ими просто объявить старику, что желаніе его удовлетворено, хотя первое правдоподобнѣе по связи съ плачемъ—во всякомъ случаѣ преданіе признаетъ, что дѣло совершено преимущественно подъ вліяніемъ Свѣнельда, и очень естественно, что князь не дѣйствовалъ самостоятельно: ему было только 16 лѣтъ!

Ярополкъ, какъ сказано выше, взялъ братнюю волость. Третій Святославичь, Владиміръ, узналъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался братняго властолюбія, и бѣжалъ за море, а Ярополкъ послалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ, и сталъ владѣть одинъ на Руси.

Черезъ три года Владиміръ возвратился съ Варягами въ Новгородъ, и прогналъ оттуда Ярополковыхъ посадниковъ, приказавъ имъ сказать брату: «Владиміръ идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ.» Наступательное движеніе Владиміра противъ Ярополка было естественно: Владиміръ не могъ надѣяться, чтобъ старшій братъ спокойно снесъ изгнаніе своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода; Владиміру нужно было предупредить его, тѣмъ болѣе, что у него теперь были наемные Варяги, а Ярополкъ не собрался съ силами; Варяговъ надобно было употребить въ дѣло, отпустить ихъ ни съ чѣмъ было

выгодно и опасно, оставить ихъ у себя въ Новгородѣ было невыгоднѣе и опаснѣе; отпустивши ихъ, дожидаться, пока рополкъ, собравши всѣ силы юга, двинется противъ Новгода — было безразсудно. Но прежде начатія борьбы обоимъ тьямъ было важно пріобрѣсти себѣ союзника во владѣтелѣ юцкомъ: въ это время въ Полоцкѣ сидѣлъ какой-то Рогвоъ, пришедшій изъ-за моря; каковы были отношенія этого волода къ правнукамъ Рюрика, изъ лѣтописи опредѣлить вольно трудно. Дочь этого Рогволода, Рогнѣда, была сговоза Ярополка. Владиміръ, чтобъ склонить Полоцкаго держца на свою сторону, чтобъ показать, что послѣдній ничего потеряетъ, если Кіевскій князь будетъ низложенъ, послалъ отъ себя свататься также за дочь Рогволодову. Лѣтописецъ рритъ, что Рогволодъ въ такихъ затруднительныхъ обстоельствахъ отдалъ дѣло на рѣшеніе дочери, и Рогнѣда отвѣа, что она не хочетъ выйти замужъ за сына рабы, т. е. адиміра, но хочетъ за Ярополка. Когда отроки Владиміра ресказали ему Рогнѣдинъ отвѣтъ, то онъ собралъ большое ско изъ Варяговъ, Новгородцевъ, Чуди и Кривичей, и поълъ на Полоцкъ. Здѣсь мы видимъ опять не набѣгъ дружины, однихъ Варяговъ, но походъ, въ которомъ участвовали, ъ въ походѣ Олега, всѣ сѣверныя племена. Въ то время, да Рогнѣду готовились вести за Ярополка, Владиміръ наъ на Полоцкъ, убилъ Рогволода съ двумя сыновьями, и нился на Рогнѣдѣ. При этомъ случаѣ, въ нѣкоторыхъ спихъ лѣтописи находимъ извѣстіе, что виновникомъ всѣхъ едпріятій былъ Добрыня, дядя Владиміровъ, что онъ посылъ сватать Рогнѣду за Владиміра, онъ послѣ гордаго отказа юцкой княжны повелъ племянника и войско противъ Рогвоа, позоромъ отомстилъ Рогнѣдѣ за ея презрительный отзывъ матери Владиміра, убилъ ея отца и братьевъ. Въ самомъ ѣ странно было бы предположить, чтобъ Владиміръ, будучи ь молодъ, по прямому указанію преданія [234], могъ дѣйовать во всемъ самостоятельно при жизни Добрыни, своего спитателя и благодѣтеля, потому что, какъ мы видѣли, онъ

ему преимущественно былъ обязанъ Новгородскимъ княженіемъ. И такъ, говоря о дѣйствіяхъ Владиміра, историкъ долженъ предполагать Добрыню. О характерѣ Добрыни мы имѣемъ право заключать по нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописи: видно, что это былъ старикъ умный, ловкій, рѣшительный, но жесткій; на его жесткость указываетъ приведенное свидѣтельство о поступкѣ съ Рогнѣдою и отцемъ ея; сохранилось также извѣстіе объ его жестокихъ, насильственныхъ поступкахъ съ Новгородцами при обращеніи ихъ въ христіанство, слѣд. если замѣчается жестокость и насильственность въ поступкахъ молодаго Владиміра, то мы никакъ не можемъ приписывать это одному его характеру, не обращая вниманія на вліяніе Добрыни. Что̀ же касается до поступка Добрыни съ Рогволодомъ и его дочерью, то онъ очень понятенъ: Рогнѣда, отказывая Владиміру, какъ сыну рабы, оскорбила этимъ сколько его, столько же и Добрыню, котораго сестра была именно эта раба: черезъ нее онъ былъ дядя князю; словами Рогнѣды была преимущественно опозорена связь, родство Владиміра съ Добрынею, и вотъ послѣдній мстить за этотъ позоръ жестокимъ позоромъ.

О дальнѣйшей судьбѣ Рогнѣды народная память сохранила слѣдующее преданіе. Когда Владиміръ утвердился въ Кіевѣ, то набралъ себѣ много другихъ женъ, а на Рогнѣду не обращалъ вниманія. Рогнѣда не могла перенести такого поведенія мужа, тѣмъ болѣе, что, по самому происхожденію своему, имѣла право если не на исключительность, то, по крайней мѣрѣ, на первенство. Однажды, когда Владиміръ пришелъ къ ней и заснулъ, она хотѣла зарѣзать его ножемъ, но онъ вдругъ проснулся и схватилъ ее за руку; тутъ она начала ему говорить: «Ужь мнѣ горько стало: отца моего ты убилъ и землю его полонилъ для меня; а теперь не любишь меня и младенца моего.» Въ отвѣтъ Владиміръ велѣлъ ей одѣться во все княжеское платье, какъ была она одѣта въ день свадьбы своей, сѣсть на богатой постели и дожидаться его: онъ хотѣлъ придти и убить жену. Рогнѣда исполнила его волю, но дала обнаженный мечь въ руки сыну своему Изяславу, и наказала ему:

«смотри, когда войдетъ отецъ, то ты выступи, и скажи ему: развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?» Владиміръ, увидавъ сына, и услышавъ его слова, сказалъ: «А кто жъ тебя зналъ, что ты здѣсь?» бросилъ мечь, велѣлъ позвать бояръ и разсказалъ имъ все какъ было. Бояре отвѣчали ему: «Ужъ не убивай ее ради этого ребенка, но возстанови ея отчину и дай ей съ сыномъ.» Владиміръ построилъ городъ и далъ имъ, назвавъ городъ Изяславлемъ. Съ тѣхъ поръ, заключаетъ преданіе, внуки Рогволодовы враждуютъ со внуками Ярославовыми.

Изъ Полоцка Владиміръ двинулся съ большимъ войскомъ на Ярополка; тотъ не былъ въ состояніи сопротивляться ему, и затворился въ Кіевѣ, а Владиміръ окопался на Дорогожичи, между Дорогожичемъ и Капичемъ[235]. Это безсиліе Ярополка легко объяснить: храбрая дружина ушла съ Святославомъ въ Болгарію, много ли возвратилось съ Свѣнельдомъ? Ярополкъ могъ и съ малою дружиною одержать верхъ въ сшибкѣ съ еще меньшею дружиною брата своего Олега; но ему нельзя было выйти съ нею противъ войска Владимірова, которое лѣтописецъ не одинъ разъ называетъ многочисленнымъ, состоявшимъ изъ наемныхъ Варяговъ и сѣверныхъ племенъ. Притомъ извѣстно, что народонаселеніе нашихъ древнихъ областей не охотно принимало участіе въ княжескихъ усобицахъ; далѣе надобно замѣтить, что сѣверное народонаселеніе — Новгородцы, Чудь и Кривичи, котораго ратники были подъ знаменами Владиміра, сражалось за этого князя по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ послѣ Новгородцы съ такимъ усердіемъ отстаивали Ярослава противъ Святополка; Владиміръ былъ ихъ Князь, у нихъ выросшій; съ его низложеніемъ они должны будутъ опять подчиниться посадникамъ Ярополка; но возвращеніе послѣднихъ не могло быть выгодно для Новгородцевъ, ибо трудно предположить, чтобъ Владиміръ выгналъ ихъ безъ вѣдома и согласія послѣднихъ, которые поэтому не могли быть въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Кіевскому князю; замѣтимъ еще и то, что сѣверное народонаселеніе — Новгородцы, Чудь и Кривичи — издавна было гораздо тѣснѣе соединено между собою, чѣмъ

южное: мы видимъ эти племена дѣйствующими за одно при изгнаніи Варяговъ, въ призваніи князей, слѣд. имѣемъ право думать, что они относительно яснѣе понимали свои выгоды и дружнѣе могли отстаивать своего Князя, чѣмъ племена южныя, недавно только оружіемъ князей приведенныя въ нѣкоторую связь и зависимость отъ одной общей власти. И такъ Ярополкъ, будучи не въ состояніи биться съ Владиміромъ на чистомъ полѣ, затворился въ Кіевѣ съ людьми своими и съ Блудомъ, воеводою. Этотъ Блудъ является главнымъ совѣтникомъ князя, главнымъ дѣйствователемъ во время событія; князь безпрекословно исполняетъ его внушенія, что и понятно, если вспомнимъ возрастъ Ярополка, если вспомнимъ, что и при Владимірѣ роль Блуда исполнялъ Добрыня. Слѣд. Владиміру или Добрынѣ нужно было имѣть дѣло съ Блудомъ, а не съ Ярополкомъ. И вотъ Блудъ отъ имени Новгородскаго Князя получилъ предложеніе покинуть Ярополка, предать его младшему брату. Переманить Блуда можно было только обѣщаніемъ, что онъ ничего не потеряетъ, что и при Владимірѣ онъ будетъ имѣть такое же значеніе, какое имѣлъ при Ярополкѣ, т. е. значеніе наставника, отца при молодомъ князѣ; Владиміръ велѣлъ сказать ему: «помоги мнѣ; если я убью брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца, и получишь отъ меня большую честь.» Въ лѣтописи помѣщены тутъ же слова Владиміра, въ которыхъ онъ оправдываетъ поведеніе свое относительно брата: «Не я, говоритъ онъ, началъ избивать братію, но онъ, я пришелъ на него, побоявшись такой же участи»[236]. Блудъ велѣлъ отвѣчать Владиміру, что онъ будетъ всѣмъ сердцемъ помогать ему. Лѣтописецъ старается сложить всю вину на Блуда. По его разсказу, Блудъ сталъ обманывать Ярополка, безпрестанно ссылаясь съ Владиміромъ, совѣтуя ему приступать къ городу, а самъ придумывалъ, какъ бы убить Ярополка; но посредствомъ гражданъ нельзя было убить его. Тогда Блудъ замыслилъ погубить князя лестью: онъ непускалъ его на вылазки изъ города, и говорилъ: «Кіевляне ссылаются съ Владиміромъ, зовутъ его на приступъ, обѣщаются предать

..бы ему; побѣги лучше за городъ.» Ярополкъ послушался, ..бѣжалъ изъ Кіева и затворился въ городѣ Роднѣ, на устьѣ ..ки Роси. Владиміръ вошелъ въ Кіевъ, и осадилъ Ярополка ..ъ Роднѣ, гдѣ сдѣлался большой голодъ, такъ что на долго ..алась пословица: бѣда какъ въ Роднѣ. Тогда Блудъ началъ ..орить Ярополку: «Видишь, сколько войска у брата твоего? ..ъ ихъ не перебороть, мирись съ братомъ.» Ярополкъ согла.. ..ся и на это; а Блудъ послалъ сказать Владиміру: «Твое ..аніе сбылось: приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, ..ъ бы убить его.» Владиміръ, получивши вѣсть, вышелъ ..отцовскій теремный дворъ, и сѣлъ тутъ съ дружиною; а ..удъ началъ посылать Ярополка: «Ступай къ брату, и скажи ..у: что мнѣ дашь, то и возьму.» Ярополкъ пошелъ, хотя ..ъ изъ дружины, именемъ Варяжко, говорилъ ему: «Не ..и, князь, убьютъ тебя; бѣги лучше къ Печенѣгамъ, и при.. ..и отъ нихъ войско.» Но Ярополкъ не послушалъ его, ..елъ къ Владиміру, и какъ сталъ входить въ двери, то два ..яга прокололи его мечами, а Блудъ затворилъ двери, и не ..ъ своимъ идти за нимъ. Такъ былъ убитъ Ярополкъ. ..яжко, видя, что князь убитъ, бѣжалъ съ двора къ Пече.. ..амъ, и много разъ приходилъ съ ними на Владиміра, такъ ..о тотъ едва успѣлъ перезвать его къ себѣ, поклявшись не ..ить ему никакого зла. Слѣдовательно изъ начальной Кіев.. ..й лѣтописи оказывается, что Владиміръ былъ одолженъ своею ..дою во первыхъ тому, что Ярополкъ не имѣлъ достаточно ..ска, чтобъ стать противъ него въ чистомъ полѣ; во вто.. ..ъ измѣнѣ Блуда, который, стращая князя вѣроломствомъ ..тянъ, непускалъ его на вылазки, и потомъ уговорилъ ..ршенно оставить Кіевъ.

..ри разказѣ объ этомъ событіи нельзя умолчать объ извѣст.. ..ъ отрывкѣ изъ Іоакимовой Новгородской лѣтописи, сохра.. ..омъ у Татищева; не заключая въ себѣ никакого противо.. ..й начальной Кіевской лѣтописи, лѣтопись Іоакимова глав.. ..о причиною Владимірова торжества выставляетъ борьбу хри.. ..ства съ язычествомъ; если бы даже это объясненіе было

выдумано, то и тогда нужно было бы упомянуть о немъ, какъ о догадкѣ, очень остроумной и вѣроятной. Извѣстно, что отецъ Владиміра, Святославъ, по своему характеру, не могъ склониться на увѣщанія св. Ольги, и что поклонники Христа при немъ подвергались ругательствамъ отъ поклонниковъ Перуна, хотя собственно гоненія не было. Но во время Греческой войны, по свидѣтельству Іоакима, Святославъ перемѣнилъ свое поведеніе относительно христіанъ: повѣривъ внушеніямъ окружавшихъ его язычниковъ, будто виновниками неудачъ военныхъ были христіане, находившіеся въ дружинѣ, князь воздвигъ на нихъ гоненіе, при чемъ не пощадилъ даже своего брата Глѣба[237], и послалъ въ Кіевъ приказъ раззорить христіанскіе храмы. Но, отказавшись отъ принятія христіанства самъ, Святославъ между тѣмъ оставилъ сыновей своихъ при бабкѣ христіанкѣ: ясно, какія внушенія должны были получить отъ нея молодые князья. Въ Іоакимовской лѣтописи читаемъ, что Ярополкъ былъ кротокъ и милостивъ, любилъ христіанъ, и если самъ не крестился, боясь народа, то, по крайней мѣрѣ, другимъ не препятствовалъ. Тѣ, которые при Святославѣ ругались надъ христіанствомъ, естественно не любили князя, приверженнаго къ враждебной религіи: этимъ нерасположеніемъ къ Ярополку воспользовался Владиміръ (т. е. Добрыня) и успѣлъ отнять жизнь и владѣніе у брата. Ярополкъ, по словамъ Іоакимовой лѣтописи, послалъ увѣщавать брата къ миру, и вмѣстѣ войско въ землю Кривскую. Владиміръ испугался и хотѣлъ было уже бѣжать къ Новгороду, но дядя его Добрыня, зная, что Ярополкъ не любимъ язычниками, удержалъ племянника, и послалъ въ Ярополковъ станъ съ дарами къ воеводамъ, перезывая ихъ на сторону Владиміра. Воеводы обѣщали передаться и исполнили свое обѣщаніе въ битвѣ при рѣкѣ Дручѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Смоленска. Послѣдующія событія описаны согласно съ начальною Кіевскою лѣтописью.

Если мы примемъ во вниманіе разсказъ Іоакимовской лѣтописи, то намъ объяснится поведеніе Владиміра въ первые го-

ю княженія: торжество Владиміра было торжествомъ язычей стороны надъ христіанскою; вотъ почему новый князь иненовываетъ начало своего правленія сильною ревностью язычеству, ставитъ кумиры на высотахъ Кіевскихъ; дядя его брыня поступаетъ точно также въ Новгородѣ. Судя по выженіямъ лѣтописца, никогда въ Русской землѣ не было видно кого гнуснаго идолослуженія, хотя, какъ кажется, не слѣтъ принимать этихъ выраженій буквально: началъ княжить диміръ въ Кіевѣ одинъ, говоритъ лѣтописецъ, и поставилъ иры на холмѣ, внѣ двора теремнаго: Перуна деревяннаго, голова у него серебряная, усъ золотой, Хорса Дажбога, рибога, Симаргла (Сима и Регла) и Мокоша. Приносили имъ ртвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей, и прили жертвы бѣсамъ, осквернилась кровью земля Русская и мъ тотъ. — Намъ извѣстно, что Славяне-язычники сильно годовали на христіанскую религію за то, что опа не донула многоженства[239]; въ ознаменованіе торжества языческой роны, князь, виновникъ этого торжества, предается необузному женолюбію: кромѣ пяти законныхъ женъ, было у него 0 наложницъ въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ, 200 въ селѣ рестовѣ. Онъ былъ несытъ блуда, по выраженію лѣтописца: водилъ къ себѣ замужнихъ женщинъ и дѣвицъ на растлѣніе, мъ словомъ, былъ женолюбивъ какъ Соломонъ.

Но въ то время, какъ Владиміръ угождалъ язычникамъ, буйо наемныхъ Варяговъ ставило его въ затруднительное поніе относительно Кіева. Мы видѣли, что торжество надъ полкомъ, во всякомъ, случаѣ, досталось ему дешево: если ыла битва въ странѣ Смоленской, то въ собственной Руси покорилось ему безъ сопротивленія. Не смотря на то, яги думали, что торжествомъ своимъ Владиміръ обязанъ имъ, оступали буйно съ гражданами, какъ съ завоеванными; они рили Владиміру: «Городъ-то нашъ, мы его взяли, такъ мы имъ брать окупъ на народѣ, по 2 гривны съ человѣка.» диміръ отвѣчалъ: «Пождите мѣсяцъ, пока соберутъ деньги.» яги ждали, ждали, и не получили денегъ. Тогда они ска-

зали князю: «обманулъ ты насъ: такъ отпусти въ Грецію.» Владиміръ согласился; онъ выбралъ изъ нихъ мужей добрыхъ, смышленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города, а прочіе пошли въ Константинополь. Но почему же Варяги не попробовали силою взять денегъ? историки догадываются, что Владиміръ именно назначилъ мѣсячный срокъ, дабы взять свои мѣры, увеличить собственно Русское войско; съ одной стороны это могло быть и такъ; съ другой, хорошимъ средствомъ для Владиміра сдѣлать Варяговъ безопасными было и то, о чемъ говоритъ лѣтописецъ, а именно: князь воспользовался срокомъ, чтобъ склонить на свою сторону лучшихъ Варяговъ, предводителей, привязавъ ихъ къ себѣ и къ Руси выгодами; толпа, худшіе люди, оставшись безъ предводителей, не смѣли предпринять ничего; такимъ образомъ Владиміръ ослабилъ Варяговъ, раздѣливши ихъ. Варяги просили Владиміра: «Покажи намъ путь въ Грецію.» Это могло значить, что Варяги просили у Князя пропускныхъ листовъ, безъ которыхъ Греческое правительство не принимало Варяговъ, по договорамъ. Владиміръ точно отправилъ посольство къ Императору на счетъ Варяговъ; послы должны были сказать ему: «Идутъ къ тебѣ Варяги, не держи ихъ въ городѣ; не то натворятъ они тебѣ бѣды, какъ и здѣсь; расточи ихъ въ разныя стороны, а сюда не пускай ни одного.» Выраженіе: надѣлаютъ они тебѣ бѣды, какъ и здѣсь, показываетъ, что Варяги буйствовали въ Кіевѣ.

Касательно внѣшнихъ отношеній при Ярополкѣ есть извѣстіе о побѣдѣ этого князя надъ Печенѣгами, о вступленіи Печенѣжскаго князя Илдея въ службу къ Ярополку, который далъ ему города и волости, о заключеніи мира съ Греками на условіяхъ отцовскихъ и дѣдовскихъ, о приходѣ пословъ папскихъ.

ГЛАВА VII.

ВЛАДИМІРЪ СВЯТЫЙ, ЯРОСЛАВЪ 1-Й.

(980—1054.)

ы видѣли, что торжество Владиміра надъ Ярополкомъ сопро-
далось торжествомъ язычества надъ христіанствомъ; но это
жество не могло быть продолжительно: Русское язычество
ю такъ бѣдно, такъ безцвѣтно, что не могло съ успѣхомъ
сти спора ни съ одною изъ религій, имѣвшихъ мѣсто въ
овосточныхъ областяхъ тогдашней Европы, тѣмъ болѣе съ
стіанствомъ; ревность Владиміра и Добрыни въ началѣ ихъ
сти, устроеніе изукрашенныхъ кумировъ, частыя жертвы
истекали изъ желанія поднять сколько-нибудь язычество,
ъ ему средства хотя что-нибудь противопоставить другимъ
игіямъ, подавляющимъ его своимъ величіемъ; но эти самыя
ытки, эта самая ревность и вела прямо къ паденію язычес-
а, потому что всего лучше показывала его несостоятель-
сть. У насъ на Руси, въ Кіевѣ произошло тоже самое, что
болѣе обширныхъ размѣрахъ произошло въ Имперіи, при
ліанѣ: ревность этого Императора къ язычеству всего болѣе
особствовала къ окончательному паденію послѣдняго, потому
о Юліанъ истощилъ всѣ средства язычества, извлекъ изъ
го все, что оно могло дать для умственной и нравственной
зни человѣка, и тѣмъ всего рѣзче выказалась его несосто-
ельность, его бѣдность предъ христіанствомъ. Такъ обыкно-
нно бываетъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, и въ жизни цѣ-

лыхъ обществъ: вотъ почему и не удивительно видѣть, какъ иногда самые страстные ревнители вдругъ, неожиданно покидаютъ предметъ своего поклоненія и переходятъ на враждебную сторону, которую защищаютъ съ удвоенною ревностію; это происходитъ именно отъ того, что въ ихъ сознаніи истощились всѣ средства прежняго предмета поклоненія.

Подъ 983 годомъ, въ началѣ княженія Владиміра, лѣтописецъ помѣщаетъ разсказъ о слѣдующемъ событіи: Владиміръ, послѣ похода на Ятвяговъ, возвратился въ Кіевъ, и приносилъ жертву кумирамъ вмѣстѣ съ своими людьми; старцы и бояре сказали: «Кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ: на кого падетъ, того принесемъ въ жертву богамъ.» Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ Варягъ, который пришелъ изъ Греціи и держалъ христіанскую вѣру; былъ у него сынъ, прекрасный лицемъ и душою: на этого-то молодаго Варяга и палъ жребі[й]. Посланные отъ народа (объ участіи Князя не говорится [ни] слова) пришли къ старому Варягу и сказали ему: «палъ жребій на твоего сына, богамъ угодно взять его себѣ, и мы хо[]тимъ принести его имъ въ жертву.» Варягъ отвѣчалъ: «у ва[съ] не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ, ни ѣдя[тъ] ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими [изъ] дерева; а Богъ одинъ, Которому служатъ Греки и кланяют[ся], Который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце[,] человѣка, далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сдѣла[ли?] сами дѣланные; не дамъ сына своего бѣсамъ!» Послан[ные] разсказали эти рѣчи народу; толпа взяла оружіе, пошла [къ] Варягову дому и разломала заборъ вокругъ него; Варягъ ст[о]ялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Народъ кричалъ ему: «дай сы[на] своего богамъ.» Онъ отвѣчалъ: «если они боги, то пусть [по]шлютъ какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы []чемъ хлопочете?» Яростный кликъ былъ отвѣтомъ толпы, [ко]торая бросилась къ Варягамъ, подсѣкла подъ ними сѣн[и и] убила ихъ. Не смотря на то, что смѣлый Варягъ палъ же[ртвою] торжествующаго, по видимому, язычества, событіе это [не] могло не произвести сильнаго впечатлѣнія: язычеству, ку[]

рамъ сдѣланъ былъ торжественный вызовъ, надъ ними торже-
ственно наругались; проповѣдь была произнесена громко; на-
родъ въ пылу ярости убилъ проповѣдника, но ярость прошла,
а страшныя слова остались: ваши боги дерево; Богъ одинъ,
Которому кланяются Греки, Который сотворилъ все, — и без-
отвѣтны стояли кумиры Владиміра передъ этими словами, и что
могла, въ самомъ дѣлѣ, Славянская религія сказать въ свою
пользу, что могла отвѣчать на высокіе запросы, заданные ей
проповѣдниками другихъ религій? Самые важные изъ нихъ
были вопросы о началѣ міра и будущей жизни. Что вопросъ
о будущей жизни дѣйствовалъ могущественно и на языческихъ
Славянъ, какъ на другихъ народовъ, видно изъ преданія о
томъ, какъ царь Болгарскій обратился въ христіанство вслѣд-
ствіе впечатлѣнія, произведеннаго на него картиною страшнаго
суда. По Русскому преданію, тоже самое средство употребилъ
у насъ Греческій проповѣдникъ и произвелъ также сильное
впечатлѣніе на Владиміра; послѣ разговора съ нимъ, Влади-
міръ, по преданію, созываетъ бояръ и городскихъ старцевъ,
говоритъ имъ, что приходили проповѣдники отъ разныхъ
народовъ, каждый хвалитъ свою вѣру; напослѣдокъ пришли и
Греки, хулятъ всѣ другіе законы, хвалятъ свой, много гово-
рятъ о началѣ міра, о бытіи его, говорятъ хитро, любо ихъ
слушать, и о другомъ свѣтѣ говорятъ: если кто въ ихъ вѣру
вступитъ, то, умерши, воскреснетъ, и не умретъ послѣ во
вѣки; если же въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ
будетъ въ огнѣ горѣть. Магометанскіе проповѣдники также
говорили о будущей жизни; но самое чувственное представле-
ніе ея уже подрывало довѣренность: въ душѣ самаго простаго
человѣка есть сознаніе, что тотъ свѣтъ не можетъ быть по-
хожъ на этотъ, при чемъ раздражала исключительность извѣст-
ныхъ сторонъ чувственности, противорѣчіе, по которому одно
наслажденіе допускалось неограниченно, другія совершенно за-
прещались. Владиміру, по преданію, нравился чувственный рай
Магометовъ, но онъ никакъ не соглашался допустить обрѣза-
ніе, отказаться отъ свинаго мяса и отъ вина: «Руси есть ве-

селье пить, говорилъ онъ, не можемъ быть безъ того.» Ч
вопросъ о началѣ міра и будущей жизни сильно занималъ в
языческіе народы сѣвера, и могущественно содѣйствовалъ ра
пространенію между ними христіанства, могшаго дать имъ удовл
творительное рѣшеніе на него, это видно изъ преданія о пр
нятіи христіанства въ Британіи: къ одному изъ королей Англ
Саксонскихъ явился проповѣдникъ христіанства; король позва
дружину на совѣтъ, и одинъ изъ вождей сказалъ при это
слѣдующія замѣчательныя слова: «Быть можетъ, ты припомни
князь, что случается иногда въ зимнее время, когда ты с
дишь за столомъ съ дружиною, огонь пылаетъ, въ комна
тепло, а на дворѣ и дождь, и снѣгъ, и вѣтеръ. И вотъ иног
въ это время быстро пронесется черезъ комнату маленьк
птичка, влетитъ въ одну дверь, вылетитъ въ другую; мгнов
ніе этого перелета для нея пріятно, она не чувствуетъ бол
ни дождя, ни бури; но это мгновеніе кратко, вотъ птица у
и вылетѣла изъ комнаты, и опять прежнее ненастье бьетъ н
счастную. Такова и жизнь людская на землѣ, и ея мгновен
теченіе, если сравнить его съ продолжительностію времен
которое предшествуетъ и послѣдуетъ. Это время и мрачно,
безпокойно для насъ; оно мучитъ насъ невозможностію позн
его; такъ если новое ученіе можетъ дать намъ какое-нибу
вѣрное извѣстіе объ этомъ предметѣ, то стоитъ принять его»
Отсюда понятно для насъ значеніе преданія о проповѣдника
разныхъ вѣръ, приходившихъ къ Владиміру, вѣрность эт
преданія времени и обществу [241]. Видно, что все было при
товлено для переворота въ нравственной жизни новорожденн
Русскаго общества на югѣ, что религія, удовлетворявшая р
сѣяннымъ, особо живущимъ племенамъ, не могла болѣе удов
творять Кіевлянамъ, познакомившимся съ другими религія
они употребили всѣ средства для поднятія своей старой в
въ уровень съ другими, и всѣ средства оказались тщетны
чужія вѣры и особенно одна тяготила явно своимъ превос
ствомъ; это обстоятельство и необходимость защищать стар
вѣру естественно должно было вести къ раздраженію, котор

въ свою очередь, влекло къ насильственнымъ поступкамъ, но и это не помогло. При старой вѣрѣ нельзя было оставаться, нужно было рѣшиться на выборъ другой. Послѣднее обстоятельство, т. е. выборъ вѣры, есть особенность Русской исторіи: ни одному другому Европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религіями, но не такъ было на востокѣ Европы, на границахъ ея съ Азіею, гдѣ сталкивались не только различные народы, но и различныя религіи, а именно магометанская, іудейская и христіанская; Казарское царство, основанное на границахъ Европы съ Азіею, представляетъ намъ это смѣшеніе разныхъ народовъ и религій; Казарскимъ Каганамъ, по преданію, также предстоялъ выборъ между тремя религіями [242]: они выбрали іудейскую: для Азіатцевъ былъ доступнѣе деизмъ послѣдней. Но Казарское царство пало, и вотъ на границахъ также Европы съ Азіею, но уже на другой сторонѣ, ближе къ Европѣ, образовалось другое владѣніе, Русское, съ Европейскимъ народонаселеніемъ; Кагану Русскому и его народу предстоялъ также выборъ между тремя религіями, и опять повторилось преданіе о проповѣдникахъ различныхъ вѣръ, и о выборѣ лучшей; на этотъ разъ лучшею оказались не іудейская: Европейскій смыслъ избралъ христіянство. Преданіе очень вѣрно выставило также причину отверженія Іудеевъ Владиміромъ: когда онъ спросилъ у нихъ: гдѣ ваша земля? и они сказали, что Богъ въ гнѣвѣ расточилъ ихъ по странамъ чужимъ, то Владиміръ отвѣчалъ: «какъ вы учите другихъ, будучи сами отвергнуты Богомъ и расточены?» Вспомнимъ, какъ у средневѣковыхъ Европейскихъ народовъ было вкоренено понятіе, что политическое бѣдствіе народа есть наказаніе Божіе за грѣхи, въ слѣдствіе чего питалось отвращеніе къ бѣдствующему народу.

Магометанство, кромѣ видимой бѣдности своего содержанія, не могло соперничать съ христіанствомъ по самой отдаленности своей. Христіанство было уже давно знакомо въ Кіевѣ въ слѣдствіе частыхъ сношеній съ Константинополемъ, который поражалъ Руссовъ величіемъ религіи и гражданственности. Бы-

вальцы въ Константинополѣ, послѣ тамошнихъ чудесъ, съ презрѣніемъ должны были смотрѣть на бѣдное Русское язычество и превозносить вѣру Греческую. Рѣчи ихъ имѣли большую силу, потому что это были обыкновенно многоопытные странствователи, бывшіе во многихъ различныхъ странахъ, и на востокѣ, и на западѣ, видѣвшіе много разныхъ вѣръ и обычаевъ, и, разумѣется, имъ нигдѣ не могло такъ нравиться, какъ въ Константинополѣ; Владиміру не нужно было посылать бояръ извѣдывать вѣры разныхъ народовъ: не одинъ Варягъ могъ удостовѣрить его о преимуществахъ вѣры Греческой передъ всѣми другими. Митрополитъ Иларіонъ, котораго свидѣтельство, какъ почти современное, не подлежитъ никакому сомнѣнію, Иларіонъ ни слова не говоритъ о посольствахъ для извѣдыванія вѣръ, но говоритъ, согласнѣе съ дѣломъ, что Владиміръ постоянно слышалъ о Греческой землѣ, сильной вѣрою, о величіи тамошняго богослуженія [243]; бывальцы въ Константинополѣ и другихъ разновѣрныхъ странахъ могли именно говорить то, чтѐ, по преданію, у лѣтописца говорятъ бояре, которыхъ Владиміръ посылалъ для извѣдыванія вѣръ: «Мы не можемъ забыть той красоты, которую видѣли въ Константинополѣ; всякій человѣкъ какъ отвѣдаетъ разъ сладкаго, уже не будетъ послѣ принимать горькаго; такъ и мы здѣсь въ Кіевѣ больше не останемся.» Эти слова находили подтвержденіе и между городскими старцами, и между тѣми изъ бояръ Владиміра, которые не бывали въ Константинополѣ: у нихъ было свое туземное доказательство въ пользу христіанства: «если бы дуренъ былъ законъ Греческій, говорили они, то бабка твоя Ольга не приняла бы его; а она была мудрѣе всѣхъ людей». Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Владиміръ былъ взятъ изъ Кіева малолѣтнымъ и воспитанъ въ Новгородѣ, на сѣверѣ, гдѣ было сильно язычество, а христіанство едва ли знакомо; онъ привелъ въ Кіевъ съ сѣвера тамошнее народонаселеніе — Варягъ, Славянъ Новгородскихъ, Чудь, Кривичей, все ревностнѣйшихъ язычниковъ, которые своимъ прибытіемъ легко дали перевѣсъ Кіевскимъ язычникамъ надъ христіанами, чтѐ и было причиною явленія

имѣвшихъ мѣсто въ началѣ княженія Владимірова; но потомъ [...]ри и мѣсто взяли свое: ближайшее знакомство съ христіанствомъ, съ Греціею, приплывъ бывальцевъ въ Константинополѣ, должны были ослабить языческую ревность и склонить [...]ю въ пользу христіанства. Такимъ образомъ все было готово [...] принятію новой вѣры, ждали только удобнаго случая: «по[...]жду еще немного», говорилъ Владиміръ, по свидѣтельству [...]альнаго лѣтописца Кіевскаго. Удобный случай представился [...] войнѣ съ Греками; преданіе тѣсно соединяетъ походъ на [...]ековъ съ принятіемъ христіанства, хочетъ выставить, что [...]рвый былъ предпринятъ для втораго: Владиміръ спросилъ у [...]ръ: «гдѣ принять намъ крещеніе?» тѣ отвѣчали: «гдѣ тебѣ [...]бо». И по прошествіи года, Владиміръ выступилъ съ войскомъ [...] Корсунь. Корсунцы затворились въ городѣ и крѣпко отби[...]лись, не смотря на изнеможеніе; Владиміръ объявилъ имъ, что [...] они не сдадутся, то онъ будетъ три года стоять подъ [...]родомъ. Когда эта угроза не подѣйствовала, Владиміръ ве[...]лъ дѣлать валъ около города; но Корсуняне подкопали го[...]дскую стѣну, и уносили присыпаемую Русскими землю къ [...]бѣ въ городъ; Русскіе сыпали еще больше, и Владиміръ [...] стоялъ. Тогда одинъ Корсунянинъ, именемъ Анастасъ, [...]сталъ въ Русскій станъ ко Владиміру стрѣлу, на которой [...]о написано: «за тобою, съ восточной стороны лежатъ ко[...]дцы, отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ, перекопай и [...]рейми ее». Владиміръ, услыхавъ объ этомъ, взглянулъ на [...]бо, и сказалъ: «если это сбудется, я крещусь». Извѣстіе [...]рно ходу событій: это не первый примѣръ, что князь язы[...]скаго народа принимаетъ христіанство при условіи побѣды, [...]торую долженъ получить съ помощію новаго божества. Вла[...]диміръ тотчасъ велѣлъ копать противъ трубъ, вода была пе[...]нята; Херсонцы изнемогли отъ жажды и сдались. Влади[...]міръ вошелъ въ городъ съ дружиною, и послалъ сказать [...]ческимъ императорамъ — Василію и Константину: «Я взялъ [...]шъ славный городъ; слышу, что у васъ сестра въ дѣви[...]цахъ; если не отдадите ее за меня, то и съ вашимъ горо-

домъ будетъ то же, что съ Корсунемъ.» Испуганные и огорченные такимъ требованіемъ императоры велѣли отвѣчать Владиміру: «Не слѣдуетъ христіанамъ отдавать родственницъ своихъ за язычниковъ; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать сестры своей за тебя.» Владиміръ отвѣчалъ на это царскимъ посланнымъ: «Скажите царямъ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ вашъ законъ, люба мнѣ ваша вѣра и служенье, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные нами мужи.» Цари обрадовались этимъ словамъ, умолили сестру свою Анну выдти за Владиміра, и послали сказать ему: «Крестись, и тогда пошлемъ къ тебѣ сестру.» Но Владиміръ велѣлъ отвѣчать: «Пусть тѣ священники, которые придутъ съ сестрою вашею, крестятъ меня.» Цари послушались и послали сестру свою вмѣстѣ съ нѣкоторыми сановниками и пресвитерами; Аннѣ очень не хотѣлось идти: «иду точно въ полонъ, говорила она, — лучше бы мнѣ здѣсь умереть»; братья утѣшали ее: «А что если Богъ обратитъ тобою Русскую землю въ покаяніе, а Греческую землю избавитъ отъ лютой рати; видишь, сколько зла надѣлала Русь Грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то же.» И едва уговорили ее идти. Анна сѣла въ корабль, простилась съ роднею, и поплыла съ горемъ въ Корсунь, гдѣ была торжественно встрѣчена жителями. Въ это время, продолжаетъ преданіе, Владиміръ разболѣлся глазами, ничего не могъ видѣть и сильно тужилъ; тогда царевна велѣла сказать ему: «если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣй, если же не крестишься, то и не вылечишься.» Владиміръ сказалъ на это: «если въ самомъ дѣлѣ такъ случится, то поистинѣ великъ будетъ Богъ христіанскій», и объявилъ, что готовъ къ крещенію. Епископъ Корсунскій, съ царевниными священниками, огласивъ, крестили Владиміра, и когда возложили на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ; удивясь такому внезапному исцѣленію, Владиміръ сказалъ; «теперь только я узналъ истиннаго

Бога!» Видя это, и изъ дружины его многіе крестились. Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ Владиміра съ Анною.

Все это преданіе очень вѣрно обстоятельствамъ въ своихъ подробностяхъ, и потому не можетъ быть отвергнуто. Прежняя вѣра была во Владимірѣ поколеблена, онъ видѣлъ превосходство христіанства, видѣлъ необходимость принять его, хотя по очень естественному чувству медлилъ, ждалъ случая, ждалъ знаменія; онъ могъ отправиться и въ Корсунскій походъ съ намѣреніемъ креститься въ случаѣ удачи предпріятія, могъ повторить обѣщаніе, когда Анастасъ открылъ ему средство къ успѣху, и потомъ опять медлилъ, пока увѣщанія царевны Анны не убѣдили его окончательно [244].

Владиміръ вышелъ изъ Корсуня съ царицею, взялъ съ собою Анастаса, священниковъ Корсунскихъ, мощи Св. Климента и Фива, сосуды церковные, иконы, взялъ два мѣдныхъ истукана [245], и четыре мѣдныхъ коня; Корсунь отдалъ Грекамъ назадъ въ вѣно за жену свою, по выраженію лѣтописца. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Корсунь же явился ко Владиміру и митрополитъ Михаилъ, назначенный управлять новою Русскою церковію,—извѣстіе очень вѣроятное, потому что Константинопольская церковь не могла медлить присылкою этого лица, столь необходимаго для утвержденія новаго порядка вещей на сѣверѣ [246]. По возвращеніи въ Кіевъ, Владиміръ прежде всего крестилъ сыновей своихъ [247] и людей близкихъ. Вслѣдъ за тѣмъ велѣлъ низпровергнуть идоловъ. Этимъ должно было приступить къ обращенію народа, ниспроверженіемъ прежнихъ предметовъ почитанія нужно было показать ихъ ничтожество; это средство считалось самымъ дѣйствительнымъ почти у всѣхъ проповѣдниковъ, и дѣйствительно было таковымъ; кромѣ того, ревность новообращеннаго не могла позволить Владиміру удержать хотя на нѣкоторое время идоловъ, стоящихъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ города и которымъ, вѣроятно, не переставали приносить жертвы; притомъ, если не всѣ, то бóльшая часть истукановъ напоминали Владиміру его собственный грѣхъ, потому что онъ самъ ихъ поставилъ. Изъ ниспровергну-

тыхъ идоловъ однихъ разсѣкли на части, другихъ сожгли[248], а главнаго Перуна привязали лошади къ хвосту и потащили съ горы, причемъ двѣнадцать человѣкъ били истукана палками: это было сдѣлано, прибавляетъ лѣтописецъ, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который этимъ идоломъ прельщалъ людей: такъ пусть же отъ людей приметъ и возмездіе. Когда волокли идола въ Днѣпръ, то народъ плакалъ; а когда Перунъ поплылъ по рѣкѣ, то приставлены были люди, которые должны были отталкивать его отъ берега, до тѣхъ поръ пока пройдетъ пороги. За тѣмъ приступлено было къ обращенію Кіевскаго народа: митрополитъ и священники ходили по городу съ проповѣдію; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, и самъ князь участвовалъ въ этомъ дѣлѣ[249]. Многіе съ радостію крестились; но больше оставалось такихъ, которые не соглашались на это; между ними были двоякаго рода люди: одни не хотѣли креститься не по сильной привязанности къ древней религіи, но по новости и важности дѣла, колебались точно такъ же, какъ, по преданію, колебался прежде и самъ Владиміръ[250]; другіе же не хотѣли креститься по упорной привязанности къ старой вѣрѣ: они даже не хотѣли и слушать о проповѣди[251]. Видя это, князь употребилъ средство посильнѣе: онъ послалъ повѣстить по всему городу, чтобъ на другой день всѣ некрещеные шли къ рѣкѣ, кто же не явится, будетъ противникомъ князю. Услыхавъ этотъ приказъ, многіе пошли охотою, именно тѣ, которые прежде медлили по нерѣшительности, колебались, ждали только чего нибудь рѣшительнаго, чтобъ креститься: не понимая еще сами превосходства новой вѣры предъ старою, они естественно должны были основывать превосходство первой на томъ, что она принята высшими: «Если бы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре не приняли бы ее», говорили они. Нѣкоторые шли къ рѣкѣ по принужденію[252], нѣкоторые же ожесточенные приверженцы старой вѣры, слыша строгій приказъ Владиміра, бѣжали въ степи и лѣса[253]. На другой день послѣ объявленія княжескаго приказа, Владиміръ вышелъ съ священниками

царицынами и Корсунскими на Днѣпръ, куда сошлось множество народа: всѣ вошли въ воду, и стояли одни по шею, другіе по грудь; несовершеннолѣтніе стояли у берега, возрастные держали на рукахъ младенцевъ, а крещенные уже бродили по рѣкѣ, вѣроятно уча некрещенныхъ, какъ вести себя во время совершенія таинства, а также и занимая мѣсто ихъ воспріемниковъ [254], священники на берегу читали молитвы [255].

Непосредственнымъ слѣдствіемъ принятія христіанства Владиміромъ и распространенія его въ Русской землѣ было разумѣется, построеніе церквей: Владиміръ тотчасъ послѣ крещенія велитъ строить церкви, и ставить ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли кумиры: такъ поставлена была церковь св. Василія на холмѣ, гдѣ стоялъ кумиръ Перуна и прочихъ боговъ [256]. Владиміръ велѣлъ ставить церкви и опредѣлять къ нимъ священниковъ также и по другимъ городамъ, и приводитъ людей къ крещенію по всѣмъ городамъ и селамъ. Здѣсь останавливаютъ насъ два вопроса — по какимъ городамъ и областямъ и въ какой мѣрѣ было распространено христіанство при Владимірѣ, и потомъ — откуда явились при церквахъ священнослужители? Есть извѣстія, что митрополитъ съ епископами, присланными изъ Царяграда, съ Добрынею, дядею Владиміровымъ и съ Анастасомъ, ходили на сѣверъ и крестили народъ; естественно, что они шли сначала по великому водному пути, вверхъ по Днѣпру, волокомъ и Ловатью, до сѣвернаго конца этого пути — Новгорода Великаго. Здѣсь были крещены многіе люди, построена церковь для новыхъ христіанъ; но съ перваго раза христіанство было распространено далеко не между всѣми жителями; изъ Новгорода, по всѣмъ вѣроятностямъ, путемъ воднымъ, Шекснинскимъ, проповѣдники отправились къ востоку, до Ростова. Этимъ кончилась дѣятельность перваго митрополита Михаила въ 990 году; въ 991 онъ умеръ; легко представить, какъ смерть его должна была опечалить Владиміра въ его новомъ положеніи; князя едва могли утѣшить другіе епископы и бояре; скоро впрочемъ былъ призванъ изъ Царяграда новый митрополитъ Леонъ; съ помощію поставленнаго

имъ въ Новгородъ епископа Іоакима Корсунянина, язычество здѣсь сокрушено окончательно; вотъ любопытное извѣстіе объ этомъ изъ такъ-называемой Іоакимовой лѣтописи: «Когда въ Новгородѣ узнали, что Добрыня идетъ крестить, то собрали вѣче, и поклялись всѣ не пускать его въ городъ, не давать идоловъ на низпроверженіе; и точно, когда Добрыня пришелъ, то Новгородцы разметали большой мостъ, и вышли противъ него съ оружіемъ; Добрыня сталъ было уговаривать ихъ ласковыми словами, но они и слышать не хотѣли, вывезли двѣ камнестрѣльныя машины (пороки) и поставили ихъ на мосту; особенно уговаривалъ ихъ не покоряться главный между жрецами, т. е. волхвами ихъ, какой-то Богомилъ, прозванный за краснорѣчіе Соловьемъ. Епископъ Іоакимъ съ священниками стояли на торговой сторонѣ; они ходили по торгамъ, улицамъ, учили людей сколько могли, и въ два дни успѣли окрестить нѣсколько сотъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ, Новгородскій тысяцкій Угоняй, ѣздя всюду, кричалъ: «лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе»; народъ на той сторонѣ Волхова разсвирѣпѣлъ, раззорилъ домъ Добрыни, разграбилъ имѣніе, убилъ жену и еще нѣкоторыхъ изъ родни. Тогда тысяцкій Владиміровъ, Путята, приготовивъ лодки и выбравъ изъ Ростовцевъ пять сотъ человѣкъ, ночью, перевезся выше крѣпости на ту сторону рѣки и вошелъ въ городъ безпрепятственно, ибо всѣ думали, что это свои ратники. Путята дошелъ до двора Угоняева, схватилъ его и другихъ лучшихъ людей и отослалъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Когда вѣсть объ этомъ разнеслась, то народа собралось до 5,000, обступили Путяту и начали съ нимъ злую сѣчу, а нѣкоторые пошли, разметали церковь Преображенія Господня и начали грабить домы христіанъ. На разсвѣтѣ приспѣлъ Добрыня со всѣми своими людьми, и велѣлъ зажечь нѣкоторые дома на берегу; Новгородцы испугались, побѣжали тушить пожаръ, и сѣча перестала. Тогда самые знатные люди пришли къ Добрынѣ просить мира. Добрыня собралъ войско, запретилъ грабежъ; но тотчасъ велѣлъ сокрушить идоловъ, деревянныхъ сжечь, а каменныхъ из-

ломавъ, побросать въ рѣку. Мущины и женщины, видя это, съ воплемъ и слезами просили за нихъ, какъ за своихъ боговъ. Добрыня съ насмѣшкою отвѣчалъ имъ: «нечего вамъ жалѣть о тѣхъ, которые себя оборонить не могутъ; какой пользы вамъ отъ нихъ ждать?» и послалъ всюду съ объявленіемъ, чтобъ шли креститься. Посадникъ Воробей, сынъ Стояновъ, воспитанный при Владимірѣ, человѣкъ краснорѣчивый, пошелъ на торгъ, и сильнѣе всѣхъ уговаривалъ народъ; многіе пошли къ рѣкѣ сами собою., а кто не хотѣлъ, тѣхъ воины тащили, и крестились, мущины выше моста, а женщины ниже. Тогда многіе язычники, чтобъ отбыть отъ крещенія, объявляли, что крещены; для этого Іоакимъ велѣлъ всѣмъ крещеннымъ надѣть на шею кресты, а кто не будетъ имѣть на себѣ креста, тому не вѣрить, что крещенъ, и крестить. Разметанную церковь Преображенія построили снова. Окончивъ это дѣло, Путята пошелъ въ Кіевъ; вотъ почему есть бранная для Новгородцевъ пословица. «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ [257].»

Такимъ образомъ христіанство при Владимірѣ, какъ видно, было распространено преимущественно по узкой полосѣ, прилегавшей къ великому водному пути изъ Новгорода въ Кіевъ; къ востоку же отъ Днѣпра, по Окѣ и верхней Волгѣ, даже въ самомъ Ростовѣ, не смотря на то, что проповѣдь доходила до этихъ мѣстъ, христіанство распространялось очень слабо; мы увидимъ въ послѣдствіи, что иноки Печерскаго монастыря будутъ проповѣдниками христіанства у Вятичей и Мери, и будутъ мучениками тамъ; лѣтописецъ прямо говоритъ, что въ его время Вятичи сохраняли еще языческіе обычаи, наконецъ Иларіонъ, современникъ сына Владимірова, называетъ Русскихъ христіанъ малымъ стадомъ Христовымъ [258]. Самому Князю принадлежитъ распространеніе христіанства на западъ отъ Днѣпра, въ странахъ, которыя онъ долженъ былъ посѣщать по отношеніямъ своимъ въ Польшѣ; есть извѣстіе, что въ 992 году онъ ходилъ съ Епископами на югозападъ, училъ, крестилъ людей, и въ землѣ Червенской построилъ въ свое имя городъ Владиміръ и деревянную церковь Богородицы [259].

Мы видѣли, по какимъ областямъ и городамъ было распространено христіанство при Владимірѣ; теперь обратимся къ другому вопросу: откуда первоначальная Русская церковь получила себѣ священнослужителей? Митрополитъ и епископы были присланы изъ Царяграда, въ Кіевѣ если прежде были христіяне, была церковь, то были разумѣется и священники; Владиміръ привелъ изъ Корсуня таминшнихъ священниковъ и священниковъ, пріѣхавшихъ съ царевною Анною. Но все этого числа было недостаточно для крещенія и наученія людей въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, и вотъ есть извѣстіе, совершенно согласное съ обстоятельствами, что присланы были священники изъ Болгаріи, которые были способны учить народъ на понятномъ для него языкѣ; есть даже извѣстіе, что и первые епископы и даже митрополитъ Михаилъ былъ изъ Болгаръ [260]. Но сколько бы ни пришло священниковъ Греческихъ и Болгарскихъ, все ихъ было мало для настоящей потребности; нужно было умножить число своихъ Русскихъ священниковъ, что не могло произойти иначе, какъ чрезъ распространеніе книжнаго ученія. Такое распространеніе было предпринято немедленно послѣ всенароднаго крещенія въ Кіевѣ, ибо въ немъ митрополитъ и Князь видѣли единственное средство утвердить вѣру. Отцы и матери были мало утверждены, оставить дѣтей при нихъ значило мало подвинуть христіанство, ибо они воспитывались бы болѣе въ языческихъ понятіяхъ и обычаяхъ; чтобъ сдѣлать ихъ твердыми христіанами, необходимо было ихъ на время оторвать отъ отцевъ плотскихъ и отдать духовнымъ; притомъ, какъ выше замѣчено, только однимъ этимъ средствомъ можно было пріобрѣсть и священниковъ изъ Русскихъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ велѣлъ [261] отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать ихъ въ книжное ученье: матери плакали по нихъ, какъ по мертвыхъ, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что еще не утвердились вѣрою. Дѣтей роздали учиться по церквамъ къ священникамъ и причту.

Въ непосредственномъ отношеніи къ принятію христіанства

находится также слѣдующее извѣстіе, сообщаемое лѣтописью: въ княженіе Владиміра умножились разбои, и вотъ епископы сказали В. Князю: «разбойники размножились, за чѣмъ не казнишь ихъ?» Владиміръ отвѣчалъ: «боюсь грѣха». Епископы возразили на это: «ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе; тебѣ должно казнить разбойника, только разобравъ дѣло». Владиміръ послушался, отвергъ виры, и началъ казнить разбойниковъ; но потомъ тѣже епископы, вмѣстѣ съ старцами, сказали ему: «рать сильная теперь; если придется вира, то пусть пойдетъ на оружіе и на коней». Владиміръ отвѣчалъ: «пусть будетъ такъ»; и сталъ онъ жить опять по устроенію отцовскому и дѣдовскому. Это извѣстіе показываетъ намъ вліяніе духовенства прямо уже на строй общественный: не въ церковныхъ дѣлахъ, не о средствахъ распространенія христіанства совѣтуется Владиміръ съ епископами; но о томъ, какъ наказывать преступниковъ; вмѣстѣ съ старцами епископы предлагаютъ Князю о томъ, куда употреблять виры, заботятся о внѣшней безопасности, и Князь соглашается съ ними.

Теперь обратимся ко внѣшней дѣятельности Владиміра. Къ его княженію относится окончательное подчиненіе Русскому Князю племенъ, жившихъ на востокъ отъ великаго воднаго пути. Олегъ наложилъ дань на Радимичей, Святославъ на Вятичей, но или не всѣ отрасли этихъ племенъ пришли въ зависимость отъ Русскаго князя, или, что̀ всего вѣроятнѣе, эти болѣе отдаленныя отъ Днѣпра племена воспользовались уходомъ Святослава въ Болгарію, малолѣтствомъ, а потомъ междоусобіемъ сыновей его, и перестали платить дань въ Кіевъ. Какъ бы то ни было, подъ 981 годомъ встрѣчаемъ у лѣтописца извѣстіе о походѣ на Вятичей, которые были побѣждены и обложены такою же данью, какую прежде платили Святославу — ясное указаніе, что послѣ Святослава они перестали платить дань. На слѣдующій годъ Вятичи снова заратились, и снова были побѣждены. Такая же участь постигла и Радимичей въ 986 году: лѣтописецъ говоритъ, что въ этомъ году Владиміръ

пошелъ на Радимичей, а передъ собой послалъ воеводу, прозваніемъ Волчій Хвостъ: этотъ воевода встрѣтилъ Радимичей на рѣкѣ Пищанѣ[262], и побѣдилъ ихъ; отъ чего, прибавляетъ лѣтописецъ, Русь смѣется надъ Радимичами, говоря: «Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ». Кромѣ означенныхъ походовъ на ближайшія Славянскія племена, упоминаются еще войны съ чужими народами: съ Ятвягами въ 953 году; лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ ходилъ на Ятвяговъ, побѣдилъ и взялъ землю ихъ; но послѣднія слова вовсе не означаютъ покоренія страны: Ятвяговъ трудно было покорить за одинъ разъ, и потомки Владиміра должны были вести постоянную, упорную, многовѣковую борьбу съ этими дикарями. Въ Скандинавскихъ сагахъ встрѣчаемъ извѣстіе, что одинъ изъ Норманскихъ выходцевъ, находившійся въ дружинѣ Владиміра, приходилъ, отъ имени этого князя, собирать дань съ жителей Эстоніи: не смотря на то, что сага смѣшиваетъ лица и годы, извѣстіе объ Эстонской дани, какъ нисколько не противорѣчащее обстоятельствамъ, можетъ быть принято; но нельзя рѣшить, когда Русскіе изъ Новгорода впервые наложили эту дань, при Владимірѣ ли, т. е. при Добрынѣ, или прежде[263]. Встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстія о войнахъ Владиміра съ Болгарами, съ какими — Дунайскими или Волжскими — на это разные списки лѣтописей даютъ разнорѣчивые отвѣты: вѣроятно было походы и къ тѣмъ и къ другимъ, и послѣ перемѣшаны по одинаковости народнаго имени. Подъ 987 годомъ находимъ извѣстіе о первомъ походѣ Владиміра на Болгаръ; въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи не упомянуто, на какихъ именно, въ другихъ прибавлено, что на Низовыхъ или Волжскихъ, въ сводѣ же Татищева говорится о Дунайскихъ и Сербахъ[264]. Какъ бы то ни было, для насъ важны подробности преданія объ этомъ походѣ, занесенныя въ лѣтопись. Владиміръ пошелъ на Болгаръ съ дядею своимъ Добрынею, въ лодкахъ, а Торки шли на коняхъ берегомъ; изъ этого видно, что Русь предпочитала лодки конямъ, и что конницу въ княжескомъ войскѣ составляли пограничные степные народцы, о которыхъ теперь въ

первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе, и которые потомъ постоянно являются въ зависимости или полузависимости отъ Русскихъ князей. Болгары были побѣждены; но Добрыня, осмотрѣвъ плѣнниковъ, сказалъ Владиміру: «такіе не будутъ намъ давать дани: они всѣ въ сапогахъ; пойдемъ искать лапотниковъ». Въ этихъ словахъ преданія выразился столѣтній опытъ. Русскіе князья успѣли наложить дань, привести въ зависимость только тѣ племена Славянскія и Финскія, которыя жили въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненныя, бѣдныя, что̀ выражается названіемъ лапотниковъ; изъ народовъ же болѣе образованныхъ, составлявшихъ болѣе крѣпкія общественныя тѣла, богатыхъ промышленностію, не удалося покорить ни одного: въ свѣжей памяти былъ неудачный походъ Святослава въ Болгарію. Въ преданіи видимъ опять важное значеніе Добрыни, который даетъ совѣтъ о прекращеніи войны, и Владиміръ слушается; оба народа дали клятву: «тогда только мы нарушимъ миръ, когда камень начнетъ плавать, а хмѣль тонуть». Подъ 994 и 997 годами упоминаются удачные походы на Болгаръ[265]: въ первый разъ не сказано на какихъ, во второй означены именно Волжскіе. Мы не будемъ отвергать извѣстій о новомъ походѣ на Болгаръ Дунайскихъ, если примемъ въ соображеніе извѣстія Византійцевъ о помощи противъ Болгаръ, которую оказалъ Владиміръ родственному двору Константинопольскому[266]. Важно также извѣстіе о торговомъ договорѣ съ Болгарами Волжскими въ 1006 году. Владиміръ, по ихъ просьбѣ, позволилъ имъ торговать по Окѣ и Волгѣ, давъ имъ для этого печати; Русскіе купцы, съ печатями отъ посадниковъ своихъ, также могли свободно ѣздить въ Болгарскіе города; но Болгарскимъ купцамъ позволено было торговать только съ купцами по городамъ, а не ѣздить по селамъ и не торговать съ тіунами, вирниками, огнищанами и смердами[267].

Ко временамъ Владиміровымъ относится первое столкновеніе Руси съ западными Славянскими государствами. Мы оставили послѣднія въ половинѣ IX вѣка, когда Моравскіе князья обнаружили попытку основать у себя народную церковь, и когда

исторія Польши начала проясняться съ появленіемъ новой княжеской династіи Пястовъ. Мёжду тѣмъ борьба Моравовъ съ Нѣмцами продолжалась еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ; Чехи и Сербы принимали въ ней также участіе; Моравы вели войну по старому Славянскому обычаю: они давали врагу свободно опустошать открытыя мѣста, и врагъ, опустошивъ землю и не покоривъ народа, долженъ былъ возвращаться безъ всякаго успѣха и гибнуть съ голоду на дорогѣ. Но Ростиславъ, непобѣжденный Нѣмцами, былъ схваченъ и выданъ Карломану, сыну и наслѣднику Людовика Нѣмецкаго, племянникомъ своимъ Святополкомъ, который, чтобъ имѣть себѣ опору и обезпеченіе, поддался Нѣмецкому королю; Ростиславу выкололи глаза и заперли въ одинъ Нѣмецкій монастырь. Гибель Ростислава однако не надолго перемѣнила ходъ дѣлъ; Святополкъ наслѣдовалъ его стремленія, и борьба возобновилась съ новою силою, при чемъ Святополкъ началъ уже наступательныя движенія на Нѣмецкія области. При Святополкѣ яснѣетъ и исторія Чеховъ, потому что въ это время принялъ христіанство князь Чешскій Буривой отъ Св. Меѳодія. Не Моравіи однако и не западнымъ Славянамъ вообще суждено бычо основать Славянскую имперію съ независимою Славянскою церковію. Въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка на границахъ Славянскаго міра явились Венгры. Политика дворовъ Византійскаго и Нѣмецкаго съ самаго начала обратила этотъ народъ въ оружіе противъ Славянъ: Греки обратили ихъ противъ Болгаръ, Нѣмцы противъ Моравской державы. Арнулфъ Каринтійскій, побочный сынъ Карломана, соединившись съ Венграми, пошелъ на Святополка; Моравы, по обычаю, засѣли въ укрѣпленіяхъ, и дали плѣнить землю свою врагамъ, которые и должны были только этимъ удовольствоваться. Но въ 894 г. умеръ Святополкъ, и съ нимъ рушилось могущество первой Славянской державы. Въ то время, когда западнымъ Славянамъ нужно было сосредоточить всѣ свои силы для отпора двумъ могущественнымъ врагамъ, Моравскія владѣнія раздѣлились на три части между тремя сыновьями Святополка. Братская вражда погубила дѣло

Иоймира, Ростислава и Святополка; сыновья Чешскаго Бурявоя отдѣлились отъ Моравіи и поддались Арнульфу Нѣмецкому, и съ 906 года прекращаются всѣ извѣстія о Моравіи: страна стала добычею Венгровъ; подробностей о паденіи перваго Славянскаго Государства нѣтъ нигдѣ. Разрушеніе Моравской державы и основаніе Венгерскаго государства въ Паннонія имѣли важныя слѣдствія для Славянскаго міра: Славяне южные были отдѣлены отъ сѣверныхъ; уничтожено было центральное владѣніе, которое начало соединять ихъ, гдѣ произошло столкновеніе, загорѣлась сильная борьба между востокомъ и западомъ, между Германскимъ и Славянскимъ племенемъ, гдѣ съ помощію Византіи основалась Славянская церковь; теперь Моравія пала, и связь Славянъ съ югомъ, съ Греціею рушилась: Венгры стали между ними, Славянская церковь не могла утвердиться еще, какъ была постигнута бурею, отторгнута отъ Византіи, которая одна могла дать питаніе и укрѣпленіе младенчествующей церкви. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ самой крѣпкой связи съ востокомъ, самой крѣпкой основы народной самостоятельности, западные Славяне должны были по необходимости примкнуть къ западу и въ церковномъ, и въ политическомъ отношеніи. Но мало того, Мадьярскимъ нашествіемъ прекращалась связь западныхъ Славянъ съ Византіею, прекращалась также и непосредственная связь ихъ съ Римомъ, и они должны были принимать христіанство и просвѣщеніе изъ рукъ Нѣмцевъ, которые оставались для нихъ теперь единственными посредниками; этимъ объясняется естественная связь западныхъ Славянъ съ Нѣмецкою имперіею, невозможность выпутаться изъ этой связи для государственной и народной независимости. Христіанское стало синонимомъ Нѣмецкому, Славянское языческому, варварскому; отсюда то явленіе, что ревностные христіане между западными Славянами являются вмѣстѣ ревностными гонителями своего, Славянскаго, и тянутъ народъ свой къ западному, т. е. Нѣмецкому; отсюда же обратное явленіе, что защитники своего являются свирѣпыми врагами христіанства, которое приносило съ собою подчиненіе Нѣмцамъ; отсюда несчастная борьба

Полабскихъ Славянъ противъ христіанства, т. е. противъ Нѣмцевъ, въ которой они не могли получить помощи отъ христіанскихъ единоплеменниковъ своихъ, и должны были пасть.

После паденія Моравской державы, на первомъ планѣ въ исторіи западныхъ Славянъ являются Чехи. Чехи были обязаны мирнымъ распространеніемъ христіанства у себя тому, что князь ихъ Буривой принялъ Евангеліе чрезъ Моравовъ отъ Св. Меѳодія, чрезъ своихъ Славянскихъ проповѣдниковъ. Славянская церковь слѣд. началась было и у Чеховъ, но, послѣ паденія Моравіи, не могла долѣе держаться. Чехи не могли высвободиться изъ подъ государственной зависимости отъ Нѣмецкой имперіи: внукъ Буривоя, Св. Вячеславъ обязался платить Генриху Птицелову ежегодно 500 гривенъ серебра и 120 воловъ; невозможность поддержать христіанство безъ помощи Нѣмецкаго духовенства, и невозможность успѣшной борьбы съ Мадьярами безъ помощи Нѣмецкаго императора, дѣлали зависимость Чеховъ отъ имперіи необходимою. Вячеславъ погибъ отъ брата своего Болеслава 1-го, который сначала думалъ было о возможности возвратить независимость Чехамъ отъ имперіи, но послѣ многолѣтней борьбы съ императоромъ Оттономъ I-мъ увидалъ необходимость подчиниться ему. Между тѣмъ, въ началѣ второй половины X вѣка, Венгры, потерпѣвшіе сильное пораженіе отъ Оттона при Лехѣ, и добитые Болеславомъ Чешскимъ, прекратили свои опустошительные набѣги на Европейскія государства, поселились въ предѣлахъ прежде занятыхъ ими земель и, принявъ христіанство, вошли въ общество Европейскихъ народовъ. Княженіе Болеслава I-го замѣчательно внутренними перемѣнами у Чеховъ, а именно, усиленіемъ власти верховнаго князя надъ остальными князьями, носившими названіе Леховъ; до сихъ поръ эти Лехи называются у писателей reguli или duces, и верховный князь изъ рода Пршемыслова являлся не болѣе, какъ старшимъ между ними; но при Болеславѣ I-мъ, какъ видно, отношенія перемѣнились въ пользу власти верховнаго князя; на средства, какими Болеславъ I-й достигъ этой перемѣны, можетъ намекать про-

званіе его Грозный или Укрутный. Подчиняясь на западѣ имперіи, Чешскія владѣнія начинають однако при Болеславѣ расширяться къ юговостоку, чему особенно способствуетъ обезсиленіе Мадьяровъ; такъ присоединяется къ Чехамъ нынѣшняя Моравія и земля Словаковъ, между Дунаемъ и Карпатами; на сѣверъ отъ Карпатъ также видимъ Чешскія владѣнія. Еще болѣе распространилась область Чеховъ въ княженіе Болеслава II Благочестиваго, сына Грознаго; никогда потомъ границы Чешскаго государства не были такъ обширны, ибо все государство Святополка принадлежало теперь Чехамъ. Не смотря однако на распространеніе Чешскихъ предѣловъ, въ церковномъ отношеніи Чехи принадлежали къ эпархіи Регенсбургскаго архіепископа: послѣ этого нечего удивляться политической зависимости Чеховъ отъ Нѣмецкой имперіи, ибо церковныя отношенія тогда господствовали надъ политическими. Только при Болеславѣ II, въ 973 году, основано было особое Пражское епископство, гдѣ первымъ епископомъ былъ Саксонскій монахъ Дитмаръ; преемникомъ его былъ знаменитый Войтехъ, родомъ изъ знатной Чешской фамиліи; не смотря однако на это, никто такъ не старался о скрѣпленіи Чешской церкви съ западомъ, никто такъ не старался объ искорененіи Славянскаго богослуженія, какъ Войтехъ. Такой характеръ дѣятельности условливался самою борьбою ревнителя христіанства, какимъ былъ Войтехъ съ языческими нравами и обычаями, которые въ его глазахъ были Славянскіе; въ подобной борьбѣ средина рѣдко соблюдается: отечествомъ для ревностнаго епископа была не Богемія, но западъ, страны христіанскія, тогда какъ Богемія была исполнена еще языческихъ воспоминаній, возбуждавшихъ только вражду Войтеха; церковная пѣснь на Славянскомъ языкѣ звучала въ его ушахъ языческою богослужебною пѣснію, и потому была противна; слово: Богъ напоминало ему Славянскаго идола, только слово Deus заключало для него понятіе истиннаго Бога. — Смертію Болеслава II-го (999 г.) кончилось могущество Чеховъ и перешло къ Ляхамъ. При распространеніи своихъ владѣній на западѣ Пясты

встрѣтились съ Нѣмцами, императоры которыхъ также распространяли свои владѣнія на счетъ Славянъ при-Эльбскихъ; легко было предвидѣть послѣдствія этого столкновенія: четвертый Пястъ, Мечиславъ или Мешко, уже является вассаломъ императора, платитъ ему дань; въ 965 году Мечиславъ женился на Дубравкѣ, дочери Чешскаго князя Болеслава I-го, и по ея старанію принялъ христіанство; но въ это время Славянская церковь никла у Чеховъ, и потому не могла укорениться въ Польшѣ; отсюда новыя крѣпкія узы связали Польшу съ Западомъ, съ Нѣмецкою имперіею: въ Познани была учреждена епископская каѳедра для Польши, и подчинена архіепископу Магдебургскому. Второй бракъ Мстислава на Одѣ, дочери Нѣмецкаго маркграфа Дитриха, еще болѣе укрѣпилъ Нѣмецкое вліяніе въ Польшѣ. Тѣсная связь этой страны съ западною церковію и имперіею отняла у сѣверныхъ Славянъ послѣдній оплотъ ихъ независимости отъ Нѣмецкаго ига: теперь Польскій князь въ союзѣ съ Нѣмцами начинаетъ наступательныя движенія противъ своихъ языческихъ единоплеменниковъ. При Мечиславѣ начинаются первыя враждебныя столкновенія Руси съ Польшею: подъ 981 годомъ лѣтописецъ нашъ говоритъ, что Владиміръ ходилъ къ Ляхамъ, и занялъ города ихъ — Перемышль, Червенъ и другіе. Чешскіе историки утверждаютъ, что эти города не могли быть отняты у Поляковъ, но у Чеховъ, потому что позднѣйшая земля Галицкая до Буга и Стыря къ востоку принадлежала въ это время Чехамъ[268]; они основываются на грамотѣ, данной Пражскому епископству при его заложеніи, гдѣ границами его къ востоку поставлены рѣки Бугъ и Стырь въ землѣ Хорватской. Но, во первыхъ, въ грамотѣ границы означены очень смутно; видно, что писавшій ее имѣлъ плохія географическія понятія о странѣ[269]; во вторыхъ, былъ обычай расширять какъ можно далѣе предѣлы епископствъ, заложенныхъ въ смежности съ языческими народами. Нѣкоторые ученые[270] справедливо замѣчаютъ также, что Русскій лѣтописецъ умѣетъ отличать Ляховъ отъ Чеховъ, и потому не могъ смѣшать ихъ, и принимаютъ, что Владиміръ отнялъ Червенскіе

города не у Чеховъ и не у Поляковъ, но покорилъ малочисленныя, до тѣхъ поръ свободныя Славянскія племена, и сталъ чрезъ это сосѣдомъ Чеховъ. Но разсуждать такимъ образомъ значитъ опять не принимать свидѣтельствъ нашего лѣтописца, который также хорошо умѣетъ отличать Хорватовъ отъ Ляховъ, какъ послѣднихъ отъ Чеховъ, и прямо говоритъ, что Владиміръ ходилъ къ Ляхамъ, и у нихъ взялъ Червенскіе города; всего вѣроятнѣе, что Чешскія владѣнія ограничивались областію, лежащею около Кракова, о чемъ твердитъ грамота, и не простирались за Вислокъ, что страна по Сану и далѣе на востокъ была занята Хорватами, которые были подчинены уже при Олегѣ, но при Игорѣ, Святославѣ и преимущественно при сыновьяхъ его имѣли возможность свергнуть съ себя подчиненность, подобно Радимичамъ и Вятичамъ; мы видимъ, что сначала главная дѣятельность Владиміра состоитъ въ подчиненіи тѣхъ племенъ, которыя прежде находились въ зависимости отъ Руси; Хорваты были въ томъ числѣ; но въ то время, какъ Русь, въ слѣдствіе недѣятельности Игоря, далекихъ походовъ Святослава на востокъ и югъ, малолѣтства и усобицы сыновей его, теряла племена, жившія вдалекѣ отъ Днѣпра, Польша при первыхъ Пястахъ распространяла свои владѣнія, слѣд. очень вѣроятно, что Пясты заняли земли Хорватовъ, свергнувшихъ съ себя зависимость отъ Руси, или сами Ляхи перемѣнили эту зависимость на зависимость отъ Польши; и такимъ образомъ Владиміръ, возвращая прежнее достояніе своихъ предшественниковъ, долженъ былъ имѣть дѣло уже съ Ляхами. Но завоеваніемъ Червенскихъ городовъ дѣло не кончилось на западѣ; лѣтописецъ упоминаетъ въ 992 году еще о походѣ Владиміра на Хорватовъ, а по нѣкоторымъ спискамъ въ это время Владиміръ воевалъ съ Мечиславомъ «за многія противности его», и одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду за Вислою: поводомъ къ раздору могли быть постоянно Хорваты и Червенскіе города. Война 990 — 992 года могла быть ведена въ союзѣ съ Болеславомъ II Чешскимъ, который также воевалъ съ Мечиславомъ. Какъ видно по нѣкоторымъ

извѣстіямъ, война продолжалась въ первый годъ княженія Болеслава Храбраго, наслѣдовавшаго отцу своему Мечиславу въ 992 г.[271]. При Болеславѣ Польша начала было усиливаться уже на счетъ сосѣднихъ народовъ; ей выпадалъ было жребій стать въ челѣ Славянскихъ государствъ для отпора Нѣмцамъ; но неумѣнье Поляковъ вести себя среди единоплеменныхъ народовъ и связь западныхъ Славянъ съ Германскою имперіею посредствомъ церкви не допустили Польшу принять значеніе Моравіи для Славянскаго міра. Послѣ Мечислава осталось пятеро сыновей: Болеславъ и Владивой отъ Дубровки Чешской, и трое отъ Оды—Мечиславъ, Святополкъ и Болеславъ. Первымъ дѣломъ Болеслава Старшаго было изгнаніе младшихъ братьевъ, съ которыми, по Славянскому обычаю, онъ долженъ былъ владѣть сообща, и ослѣпленіе двоихъ другихъ родственниковъ, съ цѣлію достигнуть единовластія. Потомъ Болеславъ распространилъ свои владѣнія на сѣверѣ до Балтійскаго моря чрезъ подчиненіе себѣ Поморянъ и Пруссовъ; между тѣмъ въ 999 году умеръ Чешскій князь Болеславъ II Благочестивый; Болеславъ Польскій воспользовался этимъ, чтобъ напасть на Краковъ и его область и присоединить ихъ къ Польшѣ; вѣроятно также, что онъ захватилъ въ это время Моравію и земли Словаковъ до Дуная: Войтехъ или Адальбертъ, не могшій ужиться съ Чехами, прибылъ къ Болеславу; тотъ отправилъ его на проповѣдь къ Пруссамъ, которые умертвили проповѣдника; но гробъ Войтеха принесъ Болеславу свою выгоду, ибо Императоръ Оттонъ III, другъ и чтитель Адальберта, явился въ Гнѣзно, чтобъ поклониться праху его, и основалъ здѣсь новое архіепископство, въ слѣдствіе чего Польша освобождалась отъ Нѣмецкой зависимости въ церковномъ отношеніи; но это освобожденіе не могло уже теперь принести пользы, Латинская церковь уже успѣла укорениться въ Польшѣ, а потому борьба съ имперіею, которую скоро послѣ началъ Болеславъ, также не могла принести плодовъ: Польскій князь, какъ видно, имѣлъ въ виду набрать сколько можно болѣе пограничныхъ волостей, а не утвердить независимость и равновѣсіе Славянскаго міра

съ Германскимъ. Между тѣмъ волненія у Чеховъ доставили Болеславу случай утвердить свою власть и въ этой странѣ. По смерти Болеслава II вступилъ на престолъ сынъ его, Болеславъ III Рыжій, князь, по отзыву современниковъ, чрезвычайно жестокій. Рыжій началъ свое княженіе тѣмъ же, чѣмъ и родственникъ его, Болеславъ Польскій: онъ велѣлъ одного изъ своихъ братьевъ скопить, другаго удушить въ банѣ; но обоимъ удалось бѣжать въ Баварію. Избавившись отъ братьевъ, Рыжій не могъ избавиться отъ могущественныхъ вельможъ, Леховъ, изъ которыхъ главными въ это время были Вршовцы; Вршовцамъ удалось при Болеславѣ II-мъ выгнать Войтеха, теперь они свергли Рыжаго, призвавъ на его мѣсто Владивоя, брата Болеслава Польскаго, который какъ сынъ Дубровки, принадлежалъ также къ дому Пршемыслову, и какъ видно, изгнанникомъ жилъ при дворѣ Чешскомъ. Чтобъ удержаться на престолѣ, Владивой отправился въ Регенсбургъ къ императору Генриху, и отдалъ ему Богемію, которую получилъ опять въ видѣ лена. Но Владивой княжилъ только нѣсколько мѣсяцевъ, и послѣ его смерти Чехи призвали изгнанныхъ Рыжимъ Болеславичей — Яромира и Олдриха. Однако Рыжій не думалъ уступать и обратился съ просьбою о помощи къ Храброму, который вторгся съ войскомъ въ Богемію, изгналъ Яромира и утвердилъ Рыжаго на престолѣ. Послѣдній, получивъ снова власть, думалъ только о томъ, какъ бы отомстить своимъ врагамъ. Чехи обратились съ просьбою о защитѣ опять къ Болеславу Польскому. Тотъ только этого и ждалъ: по извѣстіямъ современниковъ, онъ все это предвидѣлъ и нарочно велъ дѣло къ тому, чтобъ утвердить свою власть у Чеховъ. Подъ предлогомъ нужнаго совѣщанія, онъ заманилъ къ себѣ Рыжаго на границу, схватилъ его, ослѣпилъ и заточилъ внутрь своихъ владѣній. Вступивъ въ Прагу въ видѣ освободителя, Болеславъ Храбрый обнаружилъ намѣреніе утвердиться здѣсь. Такое усиленіе могущества Польскаго князя, разумѣется, должно было возбудить сильныя опасенія въ императорѣ, который послалъ требовать отъ Болеслава ленной присяги за Богемію. Боле-

славъ отвергнулъ требованіе и началъ войну. Неизвѣстно, какой исходъ имѣла бы борьба новаго Святополка съ Нѣмцами, если бы на этотъ разъ сами Поляки не ослабили могущество своего князя и съ тѣмъ вмѣстѣ единство и могущество западныхъ Славянъ: они позволяли себѣ поступать съ Чехами какъ съ побѣжденными врагами; вотъ почему, когда императоръ Генрихъ II послалъ въ Богемію войско, въ челѣ котораго находились Чешскіе князья-Яромиръ и Олдрихъ, то вся страна встала противъ Поляковъ и приняла съ радостію родныхъ князей изъ Нѣмецкихъ рукъ; Болеславъ храбрый принужденъ былъ бѣжать, и въ нѣсколько дней не осталось въ Богеміи ни одного Поляка. Такимъ образомъ Нѣмцамъ удалось разъединить два главныя западно-Славянскія владѣнія — Богемію и Польшу, и привязать первую еще тѣснѣе къ себѣ: въ послѣдующей борьбѣ съ Болеславомъ Польскимъ императоръ постоянно пользуется Чешскою помощію, и несмотря на всѣ старанія Болеслава, примиреніе между двумя народами было невозможно. Въ 1012 году Олдрихъ выгналъ брата Яромира, и сталъ единовластителемъ Чешской земли. Въ такомъ состояніи находились западныя Славянскія государства при смерти Владиміра Св. Мы видѣли, что въ первый годъ княженія Болеслава у него продолжалась война съ Владиміромъ, которая, однако, какъ видно, скоро кончилась [272], потому что Болеславъ, занятый отношеніями къ Нѣмцамъ и Чехамъ, не могъ съ успѣхомъ вести еще войну на востокѣ. Миръ съ Русью скрѣпленъ былъ даже родственнымъ союзомъ съ княземъ Кіевскимъ: дочь Болеслава вышла за Святополка, князя Туровскаго, сына Владимірова. Но этотъ первый родственный союзъ князей Польскихъ съ Русскими повелъ къ большему раздору между ними. Болеславъ, какъ видно, лучшимъ средствомъ для собственнаго усиленія считалъ внутреннія смуты у сосѣдей; какъ воспользовался онъ ими у Чеховъ, также хотѣлъ воспользоваться и на Руси. Вмѣстѣ съ дочерью Болеслава прибылъ ко двору Туровскаго князя Рейнбернъ, епископъ Колобрежскій (Колберскій), который сблизился съ Святополкомъ, и началъ, съ-вѣдома Боле-

слава, подучать его къ возстанію противъ отца Владиміра: успѣхъ этого возстанія былъ важенъ для Болеслава въ политическомъ и для западной церкви въ религіозномъ отношеніи, ибо съ помощію Святополка юная Русская церковь могла быть отторгнута отъ восточной. Но Владиміръ узналъ о враждебныхъ замыслахъ, и заключилъ Святополка въ темницу вмѣстѣ съ женою и Рейнберномъ[273]. Необходимымъ слѣдствіемъ должна была быть война съ Болеславомъ, который въ 1013 году поспѣшилъ заключить миръ съ Нѣмцами, и нанявши отрядъ войска у послѣднихъ, равно какъ и у Печенѣговъ, двинулся на Русь. Кромѣ опустошенія страны мы не имѣемъ никакихъ другихъ извѣстій о слѣдствіяхъ Болеславова похода, во время котораго возникла распря между Поляками и Печенѣгами, и Болеславъ велѣлъ истребить своихъ степныхъ союзниковъ. Вѣроятно это обстоятельство и воспрепятствовало продолженію войны, тѣмъ болѣе, что все вниманіе Болеслава было постоянно обращено на западъ, и онъ могъ удовольствоваться освобожденіемъ Святополка. Съ Чехами и Венграми были мирныя сношенія при Владимірѣ[274]. Были пересылки и съ папою, слѣдствія которыхъ однако неизвѣстны[275].

Гораздо съ большими подробностями дошли до насъ преданія о борьбѣ съ степными варварами, Печенѣгами: борьба эта занимала народъ гораздо сильнѣе, чѣмъ отдаленныя воинскія предпріятія, потому что въ ней дѣло шло о самыхъ близкихъ его интересахъ, о собственности, свободѣ, жизни. Въ 992 году пришли Печенѣги изъ-за Сулы; Владиміръ вышелъ къ нимъ навстрѣчу на Трубежъ подлѣ Переяславля; Русскіе стали на одной сторонѣ рѣки, Печенѣги на другой, но ни тѣ, ни другіе не смѣли перейдти на сторону противную. Тогда князь Печенѣжскій подъѣхалъ къ рѣкѣ, кликнулъ Владиміра и сказалъ ему: «выпусти своего мужа, а я своего, пусть борятся. Если твой мужъ ударитъ моимъ, то не будемъ воевать три года; если же нашъ ударитъ, то будемъ воевать три года.» Владиміръ согласился, и возвратясь въ станъ, послалъ биричей кликать кличь по всѣмъ палаткамъ (товарамъ): «нѣтъ ли кого, ктобъ

взялся биться съ Печенѣгомъ?» И никто нигдѣ не отозвался. На другой день пріѣхали Печенѣги и привели своего бойца, а съ Русской стороны никого не было. Началъ тужить Владиміръ, послалъ опять по всѣмъ ратникамъ, — и вотъ пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ: «Князь! есть у меня одинъ сынъ меньшой дома; съ четырьмя вышелъ я сюда, а тотъ дома остался; изъ дѣтства никому еще не удавалось имъ ударить; однажды я его журилъ, а онъ мялъ кожу: такъ въ сердцахъ онъ разорвалъ ее руками». Князь обрадовался, послалъ за силачемъ, и разсказалъ ему, въ чемъ дѣло; тотъ отвѣчалъ:» я не знаю, смогу ли сладить съ Печенѣгомъ; пусть меня испытаютъ: нѣтъ ли гдѣ быка большаго и сильнаго?» Нашли быка, разъярили его горячимъ желѣзомъ и пустили; когда быкъ бѣжалъ мило силача, тотъ схватилъ его рукою за бокъ, и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько могъ захватить рукою. Владиміръ сказалъ: «можешь бороться съ Печенѣгомъ». На другой день пришли Печенѣги и стали кликать: «гдѣ же вашъ боецъ, а нашъ готовъ»! Владиміръ велѣлъ вооружиться своему, и оба выступили другъ противъ друга. Выпустили Печенѣги своего, великана страшнаго, и когда выступилъ боецъ Владиміровъ, то Печенѣгъ сталъ смѣяться надъ нимъ, потому что тотъ былъ средняго роста; размѣрили мѣсто между обоими полками и пустили борцовъ: они схватились и стали крѣпко жать другъ друга; Русскій наконецъ сдавилъ Печенѣга въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ о землю; раздался крикъ въ полкахъ, Печенѣги побѣжали, Русскіе погнали за ними. Владиміръ обрадовался, заложилъ городъ на бродѣ, гдѣ стоялъ, и назвалъ его Переяславлемъ, потому что борецъ Русскій перенялъ славу у Печенѣжскаго; князь сдѣлалъ богатыря вмѣстѣ съ отцемъ знатными мужами.

Въ 995 году пришли Печенѣги къ Василеву; Владиміръ вышелъ противъ нихъ съ малою дружиною, не выдержалъ натиска, побѣжалъ и сталъ подъ мостомъ, гдѣ едва спасся отъ враговъ. Въ 997 году Владиміръ пошелъ къ Новгороду за войскомъ, потому что война, говоритъ лѣтописецъ, была сильная и безпрестанная; а Печенѣги, узнавъ, что князя нѣтъ,

пришли и стали около Бѣлгорода; въ лѣтописи сохранилось слѣдующее любопытное преданіе о спасеніи этого города, не единственное между преданіями разныхъ народовъ. Когда Печенѣги обступили Бѣлгородъ, то сдѣлался въ немъ большой голодъ; Владиміръ не могъ подать помощи, потому что у него не было войска, а Печенѣговъ было множество. Когда осада все продолжалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилился и голодъ, то Бѣлгородцы собрались на вѣче, и сказали: «намъ приходится помирать съ голоду, а отъ князя помощи нѣтъ; что жъ развѣ лучше намъ помирать? сдадимся Печенѣгамъ; кого убьютъ, а кого и въ живыхъ оставятъ; все равно—умираемъ же съ голода». На томъ и порѣшили. Но одного старика не было на вѣчѣ; когда онъ спросилъ, за чѣмъ сбирались, и ему сказали, что на другой день люди хотятъ сдаться Печенѣгамъ, то онъ послалъ за городскими старѣйшинами, и спросилъ у нихъ: «что это я слышалъ, вы хотите передаться Печенѣгамъ?» тѣ отвѣчали: «чтожъ дѣлать, не стерпятъ люди голода». Тогда старикъ сказалъ имъ: «послушайтесь меня, не сдавайтесь еще три дня, и сдѣлайте то, что я велю». Тѣ съ радостію обѣщались слушаться, и онъ сказалъ имъ: «сберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей;» все это сыскали. Старикъ велѣлъ женщинамъ сдѣлать кисельный растворъ, потомъ велѣлъ выкопать колодезь, вставить туда кадку и налить въ нее раствору; велѣлъ выкопать другой колодезь, и вставить въ него также кадку; велѣлъ потомъ искать меду, нашли лукошко меду въ княжей медушѣ, изъ него старикъ велѣлъ сдѣлать сыту и вылить въ кадки, что стояла въ другомъ колодцѣ. На другой день онъ велѣлъ послать за Печенѣгами; горожане пошли и сказали имъ: возьмите къ себѣ нашихъ заложниковъ, и пошлите своихъ человѣкъ десять къ намъ въ городъ, пусть посмотрятъ, что тамъ дѣлается. Печенѣги обрадовались, думая, что Бѣлгородцы хотятъ имъ сдаться, взяли у нихъ заложниковъ, а сами выбрали лучшихъ мужей и послали въ городъ посмотрѣть что тамъ такое. Когда они пришли въ городъ, то люди сказали имъ: «зачѣмъ вы себя губите, можно ли вамъ перестоять насъ?

Хотя десять лѣтъ стойте, такъ ничего намъ не сдѣлаете, потому что у насъ кормъ отъ земли идетъ, не вѣрите — смотри своими глазами». За тѣмъ привели ихъ къ одному колодцу почерпнули раствору, сварили кисель, пришли съ нимъ къ другому, почерпнули сыты, и начали есть, прежде сами, а потом дали отвѣдать и Печенѣгамъ. Тѣ удивились и сказали: «не повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ». Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали Печенѣгамъ; тѣ пришли и разсказали все что видѣли. Печенѣжскіе князья сварили кисель, отвѣдали, подивились, размѣнялись заложниками, отступили отъ города и пошли домой[276].

Безпрерывныя нападенія степныхъ варваровъ заставили Владиміра подумать объ укрѣпленіи Русскихъ владѣній съ востока и юга; «худо, что мало городовъ около Кіева», сказалъ онъ и велѣлъ строить города по рѣкамъ — Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ; но для насъ при этомъ извѣстіи важно еще другое, какъ составилось народонаселеніе этихъ новопостроенныхъ городовъ: Владиміръ началъ набирать туда лучшихъ мужей отъ Славянъ, т. е. Новгородцевъ, Кривичей, Чуди и Вятичей. Если мы обратимъ вниманіе на то, что эти новые города были въ началѣ не иное что, какъ военные остроги, подобные нашимъ линейнымъ укрѣпленіямъ, необходимые для защиты отъ варварскихъ нападеній, то намъ объяснится значеніе слова: лучшіе мужи, т. е. Владиміръ набралъ храбрѣйшихъ мужей, способныхъ для военнаго поселенія. Такимъ образомъ, во-первыхъ, мы видимъ, что пограничные города южной Руси получили народонаселеніе съ сѣвера, которое, какъ видно, считалось храбрѣйшимъ; слѣд. сѣверное народонаселеніе дало средство князьямъ къ подчиненію себѣ юга, оно же дало имъ средство и къ защитѣ южныхъ Русскихъ владѣній отъ степныхъ варваровъ; во-вторыхъ, эти извѣстія уясняютъ намъ характеръ народонаселенія восточной и южной окраины или украины: изначала это сбродное, созванное отовсюду народонаселеніе изъ самыхъ удалыхъ людей; отсюда объясняется отчасти и казачество на югѣ, и безпокойный духъ сѣверскаго

продонаселенія, ибо сюда безпрерывно подбавлялись новыя толпы подобныхъ людей. Изъ самыхъ близкихъ къ Кіеву городовъ были построены Владиміромъ Василевъ на Стугнѣ и Бѣлгородъ на Днѣпрѣ; Бѣлгородъ онъ особенно любилъ и населилъ его: «отъ иныхъ городовъ много людей свелъ въ него», говоритъ лѣтописецъ. Какъ происходило это населеніе и переселеніе? Вѣроятнѣе всего, жители привлекались на новыя мѣста особенными льготами; лучшіе, т. е. самые удалые, которымъ скучно было сидѣть дома безъ свойственнаго имъ занятія, разумѣется, привлекались на границу, кромѣ льготъ, еще надеждою безпрестанной борьбы; кромѣ того жителямъ бѣднаго сѣвера лестно было переселиться на житье въ благословенныя страны украинскія. Объ отношеніяхъ Владиміра къ Печенѣгамъ упоминаетъ также Нѣмецкій миссіонеръ Брунъ, бывшій у Печенѣговъ въ 1007 году: «Мы направили путь къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, Печенѣгамъ, пишетъ Брунъ. Князь Руссовъ, имѣющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяцъ, стараясь убѣдить, чтобъ я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго я не могъ снискать душъ Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могши убѣдить меня, онъ пошелъ провожать меня самъ до границъ, которыя онъ оградилъ отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послалъ старшину своего къ намъ съ такими словами: «я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя земля, начинается непріятельская. Ради Бога прошу тебя не погубить, къ моему безчестію, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра, прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть.» (Брунъ говоритъ, что Владиміръ имѣлъ какое-то видѣніе.) — Брунъ пять мѣсяцевъ пробылъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но успѣлъ крестить 30 человѣкъ и склонить старшинъ Печенѣжскихъ къ миру съ Русью; когда онъ возвратился въ Кіевъ, то Владиміръ, по его просьбѣ, отправилъ къ Печенѣгамъ сына

Хотя десять лѣтъ стойте, такъ ничего намъ не сдѣлаете, потому что у насъ кормъ отъ земли идетъ, не вѣрите — смотрите своими глазами». За тѣмъ привели ихъ къ одному колодцу, почерпнули раствору, сварили кисель, пришли съ нимъ къ другому, почерпнули сыты, и начали есть, прежде сами, а потомъ дали отвѣдать и Печенѣгамъ. Тѣ удивились и сказали: «не повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ». Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали Печенѣгамъ; тѣ пришли и разсказали все что видѣли. Печенѣжскіе князья сварили кисель, отвѣдали, подивились, разменялись заложниками, отступили отъ города и пошли домой[276].

Безпрерывныя нападенія степныхъ варваровъ заставили Владиміра подумать объ укрѣпленіи Русскихъ владѣній съ востока и юга; «худо, что мало городовъ около Кіева», сказалъ онъ и велѣлъ строить города по рѣкамъ — Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ; но для насъ при этомъ извѣстіи важно еще другое, какъ составилось народонаселеніе этихъ новопостроенныхъ городовъ: Владиміръ началъ набирать туда лучшихъ мужей отъ Славянъ, т. е. Новгородцевъ, Кривичей, Чуди и Вятичей. Если мы обратимъ вниманіе на то, что эти новые города были въ началѣ не иное что, какъ военные остроги, подобные нашимъ линейнымъ укрѣпленіямъ, необходимымъ для защиты отъ варварскихъ нападеній, то намъ объяснится значеніе слова: лучшіе мужи, т. е. Владиміръ набралъ храбрѣйшихъ мужей, способныхъ для военнаго поселенія. Такимъ образомъ, во-первыхъ, мы видимъ, что пограничные города южной Руси получили народонаселеніе съ сѣвера, которое, какъ видно, считалось храбрѣйшимъ; слѣд. сѣверное народонаселеніе дало средство князьямъ къ подчиненію себѣ юга, оно же дало имъ средство и къ защитѣ южныхъ Русскихъ владѣній отъ степныхъ варваровъ; во-вторыхъ, эти извѣстія уясняютъ намъ характеръ народонаселенія восточной и южной окраины или украины: изначала это сбродное, созванное отовсюду народонаселеніе изъ самыхъ удалыхъ людей; отсюда объясняется отчасти и казачество на югѣ, и безпокойный духъ сѣверска

нродонаселенія, ибо сюда безпрерывно подбавлялись новыя толпы подобныхъ людей. Изъ самыхъ близкихъ къ Кіеву городовъ были построены Владиміромъ Василевъ на Стугнѣ и Бѣлгородъ на Днѣпрѣ; Бѣлгородъ онъ особенно любилъ и населилъ его: «отъ иныхъ городовъ много людей свелъ въ него», говоритъ лѣтописецъ. Какъ происходило это населеніе и переселеніе? Вѣроятнѣе всего, жители привлекались на новыя мѣста особенными льготами; лучшіе, т. е. самые удалые, которымъ скучно было сидѣть дома безъ свойственнаго имъ занятія, разумѣется, привлекались на границу, кромѣ льготъ, еще надеждою безпрестанной борьбы; кромѣ того жителямъ бѣднаго сѣвера лестно было переселиться на житье въ благословенныя страны украинскія. Объ отношеніяхъ Владиміра къ Печенѣгамъ упоминаетъ также Нѣмецкій миссіонеръ Брунъ, бывшій у Печенѣговъ въ 1007 году: «Мы направили путь къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, Печенѣгамъ, пишетъ Брунъ. Князь Руссовъ, имѣющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяцъ, стараясь убѣдить, чтобъ я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго я не могъ снискать душъ Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могши убѣдить меня, онъ пошелъ провожать меня самъ до границъ, которыя онъ оградилъ отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послалъ старшину своего къ намъ съ такими словами: «я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя земля, начинается непріятельская. Ради Бога прошу тебя не погубить, къ моему безчестію, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра, прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть.» (Брунъ говоритъ, что Владиміръ имѣлъ какое-то видѣніе.) — Брунъ пять мѣсяцевъ пробылъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но успѣлъ крестить 30 человѣкъ и склонить старшинъ Печенѣжскихъ къ миру съ Русью; когда онъ возвратился въ Кіевъ, то Владиміръ, по его просьбѣ, отправилъ къ Печенѣгамъ сына

Хотя десять лѣтъ стойте, такъ ничего намъ не сдѣлаете, потому что у насъ кормъ отъ земли идетъ, не вѣрите — смотрите своими глазами». За тѣмъ привели ихъ къ одному колодцу, почерпнули раствору, сварили кисель, пришли съ нимъ къ другому, почерпнули сыты, и начали есть, прежде сами, а потомъ дали отвѣдать и Печенѣгамъ. Тѣ удивились и сказали: «не повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ». Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали Печенѣгамъ; тѣ пришли и разсказали все что видѣли Печенѣжскіе князья сварили кисель, отвѣдали, подивились, размѣнялись заложниками, отступили отъ города и пошли домой[276].

Безпрерывныя нападенія степныхъ варваровъ заставили Владиміра подумать объ укрѣпленіи Русскихъ владѣній съ востока и юга; «худо, что мало городовъ около Кіева», сказалъ онъ и велѣлъ строить города по рѣкамъ — Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ; но для насъ при этомъ извѣстіи важно еще другое, какъ составилось народонаселеніе этихъ новопостроенныхъ городовъ: Владиміръ началъ набирать туда лучшихъ мужей отъ Славянъ, т. е. Новгородцевъ, Кривичей, Чуди и Вятичей. Если мы обратимъ вниманіе на то, что эти новые города были въ началѣ не иное что, какъ военные остроги, подобные нашимъ линейнымъ укрѣпленіямъ, необходимые для защиты отъ варварскихъ нападеній, то намъ объяснится значеніе слова: лучшіе мужи, т. е. Владиміръ набралъ храбрѣйшихъ мужей, способныхъ для военнаго поселенія. Такимъ образомъ, во-первыхъ, мы видимъ, что пограничные города южной Руси получили народонаселеніе съ сѣвера, которое, какъ видно, считалось храбрѣйшимъ; слѣд. сѣверное народонаселеніе дало средство князьямъ къ подчиненію себѣ юга, оно же дало имъ средство и къ защитѣ южныхъ Русскихъ владѣній отъ степныхъ варваровъ; во-вторыхъ, эти извѣстія уясняютъ намъ характеръ народонаселенія восточной и южной окраины или украины: изначала это сбродное, созванное отовсюду народонаселеніе изъ самыхъ удалыхъ людей; отсюда объясняется отчасти и казачество на югѣ, и безпокойный духъ сѣверскаго

народонаселенія, ибо сюда безпрерывно подбавлялись новыя толпы подобныхъ людей. Изъ самыхъ близкихъ къ Кіеву городовъ были построены Владиміромъ Василевъ на Стугнѣ и Бѣлгородъ на Днѣпрѣ; Бѣлгородъ онъ особенно любилъ и населилъ его: «отъ иныхъ городовъ много людей свелъ въ него», говоритъ лѣтописецъ. Какъ происходило это населеніе и переселеніе? Вѣроятнѣе всего, жители привлекались на новыя мѣста особенными льготами; лучшіе, т. е. самые удалые, которымъ скучно было сидѣть дома безъ свойственнаго имъ занятія, разумѣется, привлекались на границу, кромѣ льготъ, еще надеждою безпрестанной борьбы; кромѣ того жителямъ бѣднаго сѣвера лестно было переселиться на житье въ благословенныя страны украинскія. Объ отношеніяхъ Владиміра къ Печенѣгамъ упоминаетъ также Нѣмецкій миссіонеръ Брунъ, бывшій у Печенѣговъ въ 1007 году: «Мы направили путь къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, Печенѣгамъ, пишетъ Брунъ. Князь Руссовъ, имѣющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяцъ, стараясь убѣдить, чтобъ я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго я не могъ снискать душъ Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могши убѣдить меня, онъ пошелъ провожать меня самъ до границъ, которыя онъ оградилъ отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послалъ старшину своего къ намъ съ такими словами: «я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя земля, начинается непріятельская. Ради Бога прошу тебя не погубить, къ моему безчестію, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра, прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть.» (Брунъ говоритъ, что Владиміръ имѣлъ какое-то видѣніе.) — Брунъ пять мѣсяцевъ пробылъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но успѣлъ крестить 30 человѣкъ и склонить старшинъ Печенѣжскихъ къ миру съ Русью; когда онъ возвратился въ Кіевъ, то Владиміръ, по его просьбѣ, отправилъ къ Печенѣгамъ сына

Хотя десять лѣтъ стойте, такъ ничего намъ не сдѣлаете, по тому что у насъ кормъ отъ земли идетъ, не вѣрите — смотри своими глазами». За тѣмъ привели ихъ къ одному колодцу почерпнули раствору, сварили кисель, пришли съ нимъ къ другому, почерпнули сыты, и начали есть, прежде сами, а потом дали отвѣдать и Печенѣгамъ. Тѣ удивились и сказали: «н повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ». Горожа налили корчагу раствора и сыты и дали Печенѣгамъ; тѣ при шли и разсказали все что видѣли Печенѣжскіе князья свари кисель, отвѣдали, подивились, размѣнялись заложниками, отсту пили отъ города и пошли домой[276].

Безпрерывныя нападенія степныхъ варваровъ заставили Вла диміра подумать объ укрѣпленіи Русскихъ владѣній съ восто и юга; «худо, что мало городовъ около Кіева», сказалъ он и велѣлъ строить города по рѣкамъ — Деснѣ, Остру, Трубеж Сулѣ и Стугнѣ; но для насъ при этомъ извѣстіи важно е другое, какъ составилось народонаселеніе этихъ новопостр енныхъ городовъ: Владиміръ началъ набирать туда лучши мужей отъ Славянъ, т. е. Новгородцевъ, Кривичей, Чуди Вятичей. Если мы обратимъ вниманіе на то, что эти нов города были въ началѣ не иное что, какъ военные остр подобные нашимъ линейнымъ укрѣпленіямъ, необходи защиты отъ варварскихъ нападеній, то намъ объяснится зн ченіе слова: лучшіе мужи, т. е. Владиміръ набралъ хра рѣйшихъ мужей, способныхъ для военнаго поселенія. Так образомъ, во-первыхъ, мы видимъ, что пограничные гор южной Руси получили народонаселеніе съ сѣвера, котор какъ видно, считалось храбрѣйшимъ; слѣд. сѣверное народ населеніе дало средство князьямъ къ подчиненію себѣ юга, о же дало имъ средство и къ защитѣ южныхъ Русскихъ влад ній отъ стейныхъ варваровъ; во-вторыхъ, эти извѣстія уяс ютъ намъ характеръ народонаселенія восточной и южной окра или украины: изначала это сбродное, созванное отовсюду н родонаселеніе изъ самыхъ удалыхъ людей; отсюда объясняе отчасти и казачество на югѣ, и безпокойный духъ сѣверска

народонаселенія, ибо сюда безпрерывно подбавлялись новыя толпы подобныхъ людей. Изъ самыхъ близкихъ къ Кіеву городовъ были построены Владиміромъ Василевъ на Стугнѣ и Бѣлгородъ на Днѣпрѣ; Бѣлгородъ онъ особенно любилъ и населилъ его: «отъ иныхъ городовъ много людей свелъ въ него», говоритъ лѣтописецъ. Какъ происходило это населеніе и переселеніе? Вѣроятнѣе всего, жители привлекались на новыя мѣста особенными льготами; лучшіе, т. е. самые удалые, которымъ скучно было сидѣть дома безъ свойственнаго имъ занятія, разумѣется, привлекались на границу, кромѣ льготъ, еще надеждою безпрестанной борьбы; кромѣ того жителямъ бѣднаго сѣвера лестно было переселиться на житье въ благословенныя страны украинскія. Объ отношеніяхъ Владиміра къ Печенѣгамъ упоминаетъ также Нѣмецкій миссіонеръ Брунъ, бывшій у Печенѣговъ въ 1007 году: «Мы направили путь къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, Печенѣгамъ, пишетъ Брунъ. Князь Руссовъ, имѣющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяцъ, стараясь убѣдить, чтобъ я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго я не могъ снискать душъ Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могши убѣдить меня, онъ пошелъ провожать меня самъ до границъ, которыя онъ оградилъ отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послалъ старшину своего къ намъ съ такими словами: «я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя земля, начинается непріятельская. Ради Бога прошу тебя не погубить, къ моему безчестію, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра, прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть.» (Брунъ говоритъ, что Владиміръ имѣлъ какое-то видѣніе.) — Брунъ пять мѣсяцевъ пробылъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но успѣлъ крестить 30 человѣкъ и склонить старшинъ Печенѣжскихъ къ миру съ Русью; когда онъ возвратился въ Кіевъ, то Владиміръ, по его просьбѣ, отправилъ къ Печенѣгамъ сына

въ заложники, и вмѣстѣ съ этимъ княземъ отправился епископъ, посвященный Бруномъ. Участь его неизвѣстна [276].

Вотъ всѣ преданія, дошедшія до насъ о дѣятельности Владиміра.

Въ 1014 году сынъ его Ярославъ, посаженный отцемъ въ Новгородѣ, отказался присылать въ Кіевъ ежегодно по двѣ тысячи гривенъ, какъ дѣлали всѣ посадники Новгородскіе, раздававшіе еще тысячу гривенъ гридямъ въ Новгородѣ. Владиміръ сказалъ: «исправляйте дороги и мостите мосты»; онъ хотѣлъ идти самъ на Ярослава; но разболѣлся и умеръ 15 Іюля слѣдующаго 1015 года. Дѣятельность Владиміра, какъ она высказывается въ преданіяхъ, отличается отъ дѣятельности его предшественниковъ. Онъ часто ведетъ войну, но онъ ведетъ ее для того, чтобъ подчинить Руси снова тѣ племена, которыя воспользовались удаленіемъ отца его, усобицами братьевъ, и перестали платить дань: такъ воюетъ онъ съ Радимичами, Вятичами, Хорватами. Онъ пользуется опытомъ отцовскимъ, совѣтомъ старика дяди, и отказывается отъ завоеванія народовъ далекихъ, сильныхъ своею гражданственностію. Онъ воюетъ съ Греками, но не пускается по-варяжски съ легкимъ флотомъ опустошать берега Имперіи: онъ хочетъ овладѣть ближайшимъ къ его волости городомъ Греческимъ, Корсунемъ, который такъ легко и безопасно было присоединить къ Русскимъ владѣніямъ; впрочемъ преданіе тѣсно связываетъ этотъ походъ съ намѣреніемъ принять христіанство. Но главная черта дѣятельности Владиміра состоитъ въ защитѣ Русской земли, въ постоянной борьбѣ съ степными варварами. Святославъ заслужилъ упрекъ, что для чужой земли покинулъ свою, которою едва было не овладѣли варвары: Владиміръ, на оборотъ, стоялъ всегда самъ насторожѣ противъ этихъ варваровъ, и устроилъ сторожевую линію изъ ряда городовъ или укрѣпленій по близкимъ къ степи рѣкамъ. Понятно, какое впечатлѣніе на народъ должна была произвести такая разница между поведеніемъ отца и сына. Но кромѣ того личный характеръ Владиміра былъ способенъ также возбудить сильную народную при-

вязанность. Владиміръ вовсе не былъ княземъ воинственнымъ, не отличался удалью, подобно отцу своему, въ крайности рѣшался на бѣгство передъ врагомъ, спѣшилъ укрыться въ безопасномъ мѣстѣ; преданіе, сохранившееся въ пѣсняхъ, также не приписываетъ ему личной отваги, выставляетъ его вовсе не охотникомъ до проявленій дикой силы. Но Владиміръ имѣлъ широкую душу, которая въ молодости могла повести его къ излишествамъ, освященнымъ впрочемъ языческими понятіями, и которая въ лѣтахъ зрѣлыхъ, особенно подъ вліяніемъ христіанскимъ, сдѣлала его краснымъ солнцемъ для народа. Владиміръ не любилъ жить одинъ; онъ любилъ дружину, говоритъ лѣтописецъ, думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; любя думать съ дружиною, Владиміръ любилъ пировать съ нею; о пирахъ его остались преданія и въ лѣтописяхъ, и въ пѣсняхъ. Такъ, празднуя освященіе церкви Преображенія въ Василевѣ и вмѣстѣ избавленіе свое отъ Печенѣговъ, Владиміръ велѣлъ сварить триста варь меду, созвалъ бояръ, посадниковъ, старшинъ изо всѣхъ городовъ, всякихъ людей множество, и бѣднымъ роздалъ 300 гривенъ; праздновавъ съ Преображенья 8 дней, князь возвратился въ Кіевъ къ Успенькеву дню, и здѣсь опять задалъ большой праздникъ, созвалъ безчисленное множество народа. Такіе праздники по случаю торжествъ религіозныхъ имѣли тогда важное значеніе: они замѣняли для народа празднества языческія, очень много содѣйствовали къ тому, что новая религія входила въ жизнь народа; вмѣсто Коледы народъ сходился теперь праздновать Преображеніе и освященіе церкви; кто приходилъ на это торжество, тотъ былъ христіаниномъ; вотъ почему лѣтописецъ прибавляетъ послѣ описанія праздника: «Видя людей христіанами, Владиміръ радовался душею и тѣломъ, и дѣлалъ такіе праздники по всѣ годы.» Праздники имѣли еще другое значеніе: на нихъ сзывались старѣйшины изо всѣхъ городовъ, и такимъ образомъ скрѣплялась связь, единство, общеніе между Русскими волостями. Для дружины и старшинъ Кіевскихъ были устроены на дворѣ княжескомъ пирыкаждую не-

дѣлю, былъ ли самъ князь въ городѣ или нѣтъ; приходили на дворъ княжескій, въ гридницу пировать бояре и гриди, сотскіе и десятскіе и нарочитые мужи. Бывало тутъ множество мяса, отъ скота и звѣрины, было много всего. И вотъ бывало, какъ подопьютъ, разсказываетъ лѣтописецъ, то начнутъ роптать на князя, говоря: «какое житье наше горькое: кормитъ насъ съ деревянныхъ ложекъ, а не съ серебряныхъ!» Владиміръ, услыхавъ ропотъ, велѣлъ исковать ложки серебряныя для дружины, и сказалъ: «серебромъ и золотомъ не найду дружины, а съ дружиною найду серебро и золото, какъ доискались его дѣдъ мой и отецъ». Какое вліяніе христіанство имѣло на широкую душу Владиміра, видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: Владиміръ любилъ слова книжныя, и услыхавъ однажды какъ читали въ Евангеліи: блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ, и потомъ: продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ; далѣе: не скрывайте себѣ сокровищь на землѣ, идѣже тля тлитъ и татье подкапываютъ, но скрывайте себѣ сокровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татье крадутъ; и слыша псаломъ: блаженъ мужъ милуя и дая, а у Соломона: вдаяй нищему, Богу взаимъ даетъ, — услыхавъ это, Владиміръ велѣлъ всякому нищему и убогому приходить на княжой дворъ, брать кушанье и питье, и деньги изъ казны. Но этого мало; онъ сказалъ: «дряхлые и больные не могутъ доходить до моего двора», и велѣлъ сдѣлать телѣги, куда клали хлѣбъ, мясо, рыбу, овощь разный, медъ въ бочкахъ, квасъ, и возили по городу, спрашивая: «гдѣ больные и нищіе, которые не могутъ ходить?» такимъ и раздавали. Есть извѣстіе, что въ господскіе праздники Владиміръ ставилъ три трапезы: одну духовенству, другую нищимъ, третью себѣ и боярамъ.

Обыкновенное содержаніе старинныхъ пѣсенъ составляютъ пиры Владиміра, на которые собирались богатыри. Время Владиміра было благопріятно для богатырства: дружина не уходила съ княземъ въ далекія страны искать славы и добычи; при Святославѣ напр. трудно было выказаться богатырямъ, и внести свои подвиги въ народную память, потому что князь

былъ въ челѣ дружины, и былъ самъ богатырь изъ богатырей, дружинники были только похожи на него; притомъ подвиги ихъ совершались въ далекихъ странахъ: если и были пѣвцы въ дружинѣ при князьяхъ, то пѣсни ихъ мало могли найти сочувствія въ народѣ, для котораго ихъ содержаніе было чуждо. Но при Владимірѣ другое дѣло: дружина была храбрая, дѣла ей было много, шла безпрестанная борьба съ варварами, и эта борьба происходила на глазахъ Русскаго народа и шла за самые близкіе его интересы: отраженіе Печенѣговъ, поимка какого нибудь страшнаго разбойника была для него поважнѣе блистательныхъ подвиговъ Святослава въ Болгаріи; при томъ же самъ князь Владиміръ не былъ богатыремъ изъ богатырей; отсюда богатырство дружинниковъ выказывалось рѣзче, отдѣльныя предпріятія часто поручались мужамъ изъ дружины княжеской, которые такимъ образомъ могли выказаться. Предметъ пѣсенъ по большей части борьба богатырей съ степными варварами, Печенѣгами, которые послѣ получили въ пѣсняхъ имя Татаръ. Упоминаются еще подвиги богатырей противъ разбойниковъ; лѣтопись также говоритъ объ умноженіи разбойниковъ, и сохранилось имя одного изъ нихъ, Могута, который былъ пойманъ въ 1008 году и покаялся въ домѣ у Митрополита [277]. Можно думать, что разбойники умножились въ слѣдствіе бѣгства тѣхъ закоренѣлыхъ язычниковъ, которые не хотѣли принимать христіанства; разумѣется они должны были бѣжать въ отдаленные лѣса и жить на счетъ враждебнаго имъ общества; отсюда можетъ объясниться религіозное уваженіе, соединенное съ памятью о нѣкоторыхъ богатыряхъ Владимірова времени, напр. объ Ильѣ Муромцѣ, которому приписываются подвиги противъ разбойниковъ на отдаленномъ Финскомъ сѣверѣ, гдѣ язычество долго находило себѣ убѣжище. Въ лѣтописи сохранились имена слѣдующихъ богатырей Владимірова времени: Яна Усмовича или Усмошвеца (кожевника, отъ усніе — кожа и шью). который убилъ Печенѣжскаго богатыря, и потомъ упоминается также подъ 1004 годомъ, какъ побѣдитель Печенѣговъ; Александра Поповича, разбившаго Печенѣговъ, приведенныхъ ка-

кимъ-то измѣнникомъ Володаремъ, котораго лѣтопись упрекаетъ въ забвеніи благодѣяній князя своего Владиміра [278]; потомъ Поповичь разбилъ Печенѣговъ вмѣстѣ съ Усмошвецемъ въ 1001 и 1004 году; Рагдая удалаго, ходившаго на триста воиновъ: его смерть показана подъ 100 годомъ [279]; Андриха Добрянкова, отравленнаго слугами въ 1004 году [280].

Въ лѣтописи находимъ имена двѣнадцати сыновей Владиміра, но безъ опредѣленія, въ какомъ порядкѣ они одинъ за другимъ слѣдовали по старшинству: въ одномъ мѣстѣ, при исчисленіи женъ Владиміровыхъ, молодые князья поставлены по матерямъ; въ другомъ, гдѣ говорится о разсылкѣ сыновей по областямъ, они слѣдуютъ въ другомъ порядкѣ. Постараемся, по нѣкоторымъ даннымъ, опредѣлить порядокъ старшинства между ними.

Въ Новгородъ былъ отправленъ Вышеславъ: мы знаемъ, что сюда посылался обыкновенно старшій въ семьѣ великаго князя; изъ этого можемъ заключить, что Вышеславъ былъ старшій сынъ Владиміра, тѣмъ болѣе, что въ извѣстіи о разсылкѣ по областямъ онъ поставленъ первымъ [281]. Но въ предшествующемъ исчисленіи женъ Владиміровыхъ [282] Вышеславъ поставленъ послѣ сыновей Рогнѣдиныхъ и Гречанки, вдовы Ярополковой, и названъ сыномъ Чехини: если Вышеславъ былъ старшій, то долженъ былъ родиться отъ перваго брака Владимірова, заключеннаго или въ Новгородѣ или во время пребыванія Владиміра въ Скандинавіи, когда ему было лѣтъ 18; но странно, что Чехиня зашла такъ далеко на сѣверъ; Іоакимовская лѣтопись и здѣсь объясняетъ дѣло удовлетворительно, а именно: мать Вышеслава называетъ Оловою, женою Варяжскою [283]. Потомъ слѣдуетъ сынъ Рогнѣды, Изяславъ, получившій волость дѣда своего по матери, Полоцкъ. Тотчасъ послѣ брака на Рогнѣдѣ Владиміръ женился на вдовѣ брата своего Ярополка, и потому рожденнаго отъ послѣдней Святополка имѣемъ право поставить въ третьихъ послѣ Вышеслава и Изяслава; этотъ Святополкъ получилъ Туровскую волость, и по смерти Вышеслава и Изяслава оставался старшимъ въ родѣ, на что ясно указываютъ слова Св. Бориса:

«Не подниму я рукъ на брата старшаго [284].» За Святополкомъ мы должны дать мѣсто Ярославу, также, по лѣтописямъ, сыну Рогнѣды; Ярославъ получилъ сперва Ростовъ, а потомъ, по смерти старшаго Вышеслава, переведенъ въ Новгородъ. — Этотъ переводъ Ярослава въ Новгородъ мимо старшаго Святополка Туровскаго объясняется свидѣтельствомъ Дитмара, что Святополкъ въ это время былъ подъ гнѣвомъ отца и даже въ заключеніи. Всеволодъ, также сынъ Рогнѣды, получилъ Владиміръ Волынскій; Святославъ и Мстиславъ, которыхъ мать въ начальной Кіевской лѣтописи названа Чехинею другою, въ отличіе отъ мнимой матери Вышеслава [285], получили—первый землю Древлянскую, второй Тмуторакань. Мать Святослава Іоакимовская лѣтопись называетъ Малфридою; что это имя одной изъ женъ Владиміровыхъ не вымышлено, доказательствомъ служитъ извѣстіе начальной Кіевской лѣтописи подъ 1002 годомъ о смерти Малфриды, которая здѣсь соединена съ Рогнѣдою [286]; мать же Мстислава Іоакимъ называетъ Аделью или Адилью. Втораго сына Адели, Станислава этотъ же лѣтописецъ, равно какъ и нѣкоторые другіе, отсылаетъ въ Смоленскъ, а Судислава во Псковъ [287]. Теперь остается опредѣлить мать и возрастъ Бориса и Глѣба. Въ начальной Кіевской лѣтописи матерью ихъ названа Болгарыня, волостью перваго Ростовъ, втораго Муромъ. Но ясно, что здѣсь упоминается уже второе распоряженіе, потому что при первомъ распредѣленіи волостей Ростовъ былъ отданъ Ярославу; поэтому въ нѣкоторыхъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ у Татищева, прибавлено [288], что сначала Борисъ получилъ Муромъ, а Глѣбъ Суздаль. Не смотря на это, молчаніе древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи о первоначальныхъ волостяхъ Бориса и Глѣба, равно какъ ихъ молчаніе о волостяхъ Станислава, Судислава и Позвизда ведетъ насъ къ заключенію, что во время первой разсылки сыновей Владиміровыхъ по волостямъ, всѣ эти князья или были очень малы, или нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, еще не родились [289]. Любопытно, что въ лѣтописи Іоакима матерью Бориса и Глѣба названа Анна Царевна, при чемъ Татищевъ соглашаетъ

свидѣтельство Кіевскаго лѣтописца о Болгарскомъ происхожденіи матери Борисовой тѣмъ, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою Императоровъ Василія и Константина, которыхъ тетка, дочь Романа была въ супружествѣ за царемъ Болгарскимъ [290]. Если бъ такъ было, то для насъ уяснилось бы предпочтеніе, которое оказывалъ Владиміръ Борису, какъ сыну царевны и рожденному въ Христіанскомъ супружествѣ, на которое онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на единственное законное. Отсюда уяснилось бы и поведеніе Ярослава, который, считая себя при невзгодѣ Святополка, старшимъ, и видя предпочтеніе, которое оказывалъ отецъ Борису, не хотѣлъ быть посадникомъ послѣдняго въ Новгородѣ, и потому спѣшилъ объявить себя независимымъ. Какъ бы то ни было, Борисъ единогласно описывается человѣкомъ въ самой цвѣтущей юности: «аки цвѣтъ въ юности своей..... брада мала и усъ, младъ бо бѣ еще.» Если предположимъ, что онъ былъ первымъ плодомъ брака Владимірова съ Анною, то въ годъ отцовой смерти ему было 25 лѣтъ; но по описанію можно судить, что онъ былъ гораздо моложе. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Борисъ свѣтился царски, желая, быть-можетъ, указать на его царственное происхожденіе по матери. Отецъ любилъ его болѣе другихъ сыновей и держалъ при себѣ, въ чемъ видно было намѣреніе передать ему старшій столъ Кіевскій. Мы должны сказать также нѣсколько словъ о волостяхъ сыновей Владиміровыхъ; сравнивъ эти волости съ волостями сыновей Ярославовыхъ, мы замѣчаемъ, что такъ какъ у Владиміра было вдвое болѣе сыновей, чѣмъ у Ярослава, то и волости первыхъ должны быть гораздо болѣе размельчены: Новгородская волость была раздѣлена на двѣ — Новгородскую и Псковскую; здѣсь начало отдѣленія Пскова отъ Новгорода. Ростовъ является самостоятельнымъ столомъ, Муромъ также; въ Кіевскомъ княжествѣ являются двѣ особыя волости — Древлянская земля и Туровъ. Но странно, что размельчая такъ волости на сѣверѣ и западѣ, Владиміръ не далъ волостей на востокъ отъ Днѣпра, ибо не упоминается ни о Черниговѣ, ни о Переяславлѣ, какъ особыхъ волостяхъ. Мстиславъ сидѣлъ въ

Тмуторакани, но Черниговъ не могъ принадлежать ему, онъ его завоевалъ въ послѣдствіи уже при Ярославѣ.

Владиміръ умеръ на Берестовѣ; окружающіе скрыли его смерть, потому что Святополкъ былъ въ Кіевѣ; и въ ночь уже, проломавъ полъ между двумя клѣтьми, на канатахъ спустили на землю тѣло, обвернутое въ коверъ, положили на сани, привезли въ Кіевъ, и поставили въ Десятинной церкви. Когда въ городѣ узнали объ этомъ, то безчисленное множество народа сошлось въ церковь, и начали плакаться по немъ — знатные[291], какъ по заступникѣ земли своей, убогіе какъ о заступникѣ и кормителѣ своемъ; положили тѣло въ мраморный гробъ, и съ плачемъ похоронили. По всѣмъ вѣроятностямъ, хотѣли утаить смерть Владиміра для того, чтобъ Святополкъ узналъ объ ней не прежде гражданъ Кіевскихъ, ибо тогда ему труднѣе было дѣйствовать. Какъ скоро въ Кіевѣ разнеслась вѣсть о кончинѣ Владиміра, то Святополкъ сѣлъ на отцовскомъ мѣстѣ, созвалъ Кіевлянъ и началъ раздавать имъ подарки — это уже служило знакомъ, что онъ боялся соперничества и желалъ пріобрѣсть расположеніе гражданъ; граждане принимали подарки, говоритъ лѣтописецъ, но сердце ихъ не было съ Святополкомъ, потому что братья ихъ находились на войнѣ съ Борисомъ. Слѣд. граждане были равнодушны; они опасались одного, что̀ какъ вдругъ братья ихъ провозгласятъ княземъ Бориса, а Святополкъ потребуетъ отъ нихъ помощи противъ послѣдняго? ихъ пугало это междоусобіе. Борисъ, не нашедши Печенѣговъ, былъ уже на возвратномъ пути, и стоялъ на рѣкѣ Альтѣ, когда пришла къ нему вѣсть о смерти отцовской. Бывшая съ Борисомъ дружина Владимірова, бояре, старые думцы предпочитали Бориса всѣмъ его братьямъ, потому что онъ постоянно находился при нихъ, привыкъ съ ними думать думу, тогда какъ другіе князья привели бы съ собой другихъ любимцевъ, что и сдѣлалъ Святополкъ, если обратимъ вниманіе на намекъ лѣтописца о поведеніи послѣдняго: «Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми совѣтниками.» Вотъ почему отцовская дружина уговаривала Бориса идти на столъ

Кіевскій; но молодой князь отвѣчалъ, что не подниметъ руки на старшаго брата, который будетъ ему вмѣсто отца: тогда войско разошлось, оставя Бориса съ малымъ числомъ приближенныхъ служителей. Святополкъ очень хорошо понималъ опасность, могущую грозить ему со стороны Бориса, и потому на первыхъ порахъ хотѣлъ и съ нимъ поступить также какъ съ гражданами, послалъ сказать ему, что хочетъ имѣть съ нимъ любовь, и придастъ еще къ волости, которую тотъ получилъ отъ отца; узнавъ же, что войско разошлось отъ Бориса, онъ рѣшился на убійство послѣдняго. Мы не станемъ объяснять этого поступка Святополкова желаніемъ отомстить за смерть отца своего Ярополка, во первыхъ уже потому, что это объясненіе кажется намъ натянутымъ само по себѣ; во вторыхъ основывается на странномъ толкованіи словъ лѣтописца, который, желая объяснить себѣ звѣрскій поступокъ Святополка, предполагаетъ, что онъ былъ отъ двоихъ отцовъ, тогда какъ кромѣ этого предположенія нѣтъ въ разсказѣ ни малѣйшаго намека на то, чтобъ Святополкъ не былъ сыномъ Владиміра; вводить какое-то усыновленіе для предотвращенія мести странно, когда мы знаемъ, что дядя безъ всякаго усыновленія считался отцомъ племяннику; потомъ еще новое предположеніе, что это усыновленіе охраняло Владиміра отъ мести, но не охраняло отъ нея сыновей его и проч.! Давняя ненависть Святополка къ Борису, какъ сопернику, которому отецъ хотѣлъ оставить старшій столъ мимо его; явное расположеніе дружины и войска къ Борису, который могъ воспользоваться имъ при первомъ случаѣ, хотя теперь и отказался отъ старшинства; наконецъ что, быть-можетъ, важнѣе всего, примѣръ сосѣднихъ государей, съ однимъ изъ которыхъ Святополкъ находился въ тѣсной связи, объясняютъ какъ нельзя легче поведеніе Святополка: вспомнимъ, что незадолго предъ тѣмъ въ сосѣднихъ Славянскихъ странахъ— Богеміи и Польшѣ обнаружилось стремленіе старшихъ князей отдѣлываться отъ родичей насильственными средствами; первымъ дѣломъ Болеслава Храбраго Польскаго, по восшествіи на престолъ, было изгнаніе младшихъ братьевъ, ослѣпленіе другихъ

родичей; первомъ дѣломъ Болеслава Рыжаго въ Богеміи—было ослѣпленіе одного брата, покушеніе на жизнь другаго, а Святополкъ былъ зять Болеслава Польскаго; почему же то, что объясняется само собою въ Польской и Чешской исторіи, въ Русской требуетъ для своего объясненія какого-то кодекса родовыхъ правъ?

Лѣтописецъ такъ разсказываетъ объ убіеніи Бориса. Святополкъ ночью пришелъ въ Вышгородъ, тайно призвалъ какого-то Путшу и Вышегородскихъ боярцевъ — Тальца, Еловита и Лешька, и спросилъ ихъ: «привержены ли они къ нему всѣмъ сердцемъ»? Путша съ Вышегородцами отвѣчали: «можемъ головы свои сложить за тебя». Тогда онъ сказалъ имъ: «не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса». Тѣ обѣщались исполнить его желаніе какъ можно скорѣе. Здѣсь останавливаетъ насъ одно обстоятельство: почему Святополкъ обратился къ Вышгородскимъ боярцамъ съ предложеніемъ убить Бориса? Намъ кажется очень вѣроятнымъ, что, по освобожденіи изъ темницы, Владиміръ уже не отдалъ Святополку волости Туровской, какъ ближайшей къ границамъ Польскимъ, а посадилъ его гдѣ-нибудь подлѣ Кіева, чтобъ удобнѣе наблюдать за его поведеніемъ, и что новая волость была именно Вышгородъ, куда теперь Святополкъ и обратился къ старымъ своимъ слугамъ, которые были готовы сложить за него свои головы.

Путша съ товарищами пришли ночью на Альту и, подошедши къ шатру Борисову, услыхали, что князь поетъ заутреню: не смотря на осторожность, Святополкъ не могъ утаить своихъ замысловъ, и Борисъ зналъ, что сбираются погубить его. Убійцы дождались, пока князь, помолившись легъ въ постель, и тогда бросились на шатеръ, начали тыкать въ него копьями, пронзили Бориса и вмѣстѣ слугу его, который хотѣлъ защитить господина собственнымъ тѣломъ; этотъ отрокъ былъ родомъ Венгръ, именемъ Георгій; Борисъ его очень любилъ и далъ ему большую золотую гривну, въ которой тотъ и служилъ ему; убили тутъ же и другихъ многихъ отроковъ

Борисовыхъ, а у этого Георгія отсѣкли голову, потому что не могли скоро снять гривны съ шеи; Бориса, еще дышавшаго, убійцы завернули въ шатерное полотно, положили на возъ и повезли; но Святополкъ, узнавъ, что Борисъ еще дышетъ, послалъ двухъ Варяговъ прикончать его, что̀ тѣ и сдѣлали, пронзивъ его мечемъ въ сердце; тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ, и положили въ церкви Св. Василія. За этимъ убійствомъ слѣдовало другое; у Бориса оставался единоутробный братъ Глѣбъ, сидѣвшій въ Муромѣ. «Бориса я убилъ; какъ бы убить Глѣба?» говоритъ Святополкъ въ разсказѣ лѣтописца; но Глѣбъ былъ далеко, и потому Святополкъ послалъ сказать ему: «пріѣзжай поскорѣй сюда: отецъ тебя зоветъ, онъ очень боленъ». Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиною. Когда онъ пришелъ на Волгу, къ устью Тмы, то конь его споткнулся на полѣ во рвѣ и намялъ ему немного ногу; послѣ чего князь пришелъ къ Смоленску, и отсюда поплылъ въ баркѣ и остановился въ виду города на Смядынѣ. Въ это время настигъ его посланный отъ брата Ярослава изъ Новгорода: «Не ходи, велѣлъ сказать ему Ярославъ: отецъ умеръ, а брата твоего Святополкъ убилъ». Глѣбъ сильно тужилъ по отцѣ, но еще больше по братѣ. Между тѣмъ явились и убійцы, посланные отъ Святополка; они овладѣли Глѣбовою баркою, и обнажили оружіе; Глѣбовы отроки потеряли духъ; тогда главный изъ убійцъ Горясѣръ велѣлъ немедленно зарѣзать Глѣба, что̀ и было исполнено поваромъ послѣдняго; этого повара звали Торчинъ: имя указываетъ на происхожденіе. Сперва тѣло Глѣба бросили на берегъ между двумя колодами, потомъ свезли въ Вышгородъ и положили вмѣстѣ съ братомъ, уже въ княженіе Ярослава[292]. Страдальческая кончина и прославленіе двухъ братьевъ-друзей не остались безъ сильнаго вліянія въ послѣдующей исторіи. Русская земля и преимущественно родъ княжескій пріобрѣли святыхъ покровителей «молитвенниковъ за новыя люди христіанскія и сродники своя, земля благословилась ихъ кровію!» Но кто же эти новые свѣтильники? это два князя, погибшіе

отъ роднаго брата, который хотѣлъ единовластія! Можно думать, что святость Бориса и Глѣба и проклятіе, тяготѣвшее надъ Святополкомъ, не разъ удерживали въ послѣдствіи братоубійственныя руки; мы увидимъ, какъ послѣ стѣсненный князь останавливалъ притѣснителя напоминаніемъ, что онъ хочетъ быть вторымъ Святополкомъ. Святые Борисъ и Глѣбъ и проклятый убійца ихъ Святополкъ были безпрестанно въ памяти князей, и разумѣется, духовенство не пропускало случая напоминать имъ объ нихъ[293]. Съ другой стороны, Борисъ палъ жертвою уваженія къ родовымъ понятіямъ, погибъ отъ того, что не хотѣлъ поднять руки на старшаго брата, и своею смертію освятилъ эти родовыя понятія: примѣръ его долженъ былъ сдерживать попытки младшихъ пользоваться обстоятельствами и вооружаться противъ старшихъ для отнятія у нихъ этого старшинства[294].

Ближайшій къ Кіеву князь, Святославъ, сидѣвшій въ землѣ Древлянской, узнавъ о гибели Бориса и Глѣба, не сталъ спокойно дожидаться такой же участи, и бѣжалъ въ Венгрію; но Святополкъ посладъ за нимъ въ погоню, и Святославъ былъ убитъ въ Карпатскихъ горахъ. Тогда, по словамъ лѣтописца, Святополкъ началъ думать: «Перебью всѣхъ братьевъ, и приму одинъ всю власть на Руси.» Но гроза пришла на него съ сѣвера. Ярославъ Новгородскій для защиты отъ отца призвалъ къ себѣ заморскихъ Варяговъ; тѣ стали обижать Новгородцевъ и женъ ихъ: тогда Новгородцы встали и перебили Варяговъ на дворѣ какого-то Парамона. Ярославъ разсердился и задумалъ отомстить хитростію главнымъ изъ убійцъ; онъ послалъ сказать имъ, что на нихъ не сердится болѣе, позвалъ ихъ къ себѣ и велѣлъ умертвить; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, убито было 1000 человѣкъ, а другіе убѣжали. Но въ ту же ночь пришла къ нему вѣсть изъ Кіева отъ сестры Предславы: «Отецъ умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ Бориса, послалъ и на Глѣба, берегись его.» Ярославъ сталъ тужить по отцѣ, по братѣ и по Новгородцамъ, которыхъ перебилъ вовсе не во время. На другой день онъ собралъ остальныхъ Новгородцевъ

на вѣче въ полѣ и сказалъ: «Ахъ, любимая моя дружина, что вчера избилъ, а нынче была бы надобна, золотомъ бы купилъ», и утерши слезы, продолжалъ: «отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ и убиваетъ братьевъ, помогите мнѣ на него.» Новгородцы отвѣчали: «Хотя, князь, братья наши и перебиты, однако можемъ по тебѣ бороться.» Причину такаго рѣшенія Новгородцевъ объяснить легко. Предпріятіе Ярослава противъ Владиміра было въ выгодѣ Новгородцевъ, освобождавшихся отъ платежа дани въ Кіевъ: отказаться помочь Ярославу, принудить его къ бѣгству, значило возобновить прежнія отношенія къ Кіеву, принять опять посадника Кіевскаго князя, простаго мужа, чего очень не любили города, а между тѣмъ Ярославъ, если убѣжитъ, то можетъ возвратиться съ Варягами, какъ Владиміръ прежде, и уже конечно не будетъ благосклоненъ къ гражданамъ, выгнавшимъ его отъ себя, тогда какъ въ случаѣ побѣды Ярослава надъ Святополкомъ, они были въ правѣ ожидать, что Ярославъ не заставитъ ихъ платить дани въ Кіевъ, уже потому, что самъ прежде отказался платить ее. Что же касается до поступка Ярославова съ убійцами Варяговъ, то мы должны смотрѣть на его слѣдствія по отношеніямъ и понятіямъ того времени: изъ лѣтописнаго разсказа мы видимъ уже всю неопредѣленность этихъ отношеній: Новгородцы ссорятся съ Варягами; дѣло доходитъ до драки, въ которой граждане бьютъ Варяговъ, князь хитростію зазываетъ къ себѣ виновниковъ убійства и бьетъ ихъ въ свою очередь. Въ понятіяхъ Новгородцевъ слѣд. все это было очень естественно, и потому трудно было имъ за это много сердиться; у насъ нѣтъ никакого основанія принимать убійство Варяговъ за дѣло цѣлаго города. это была частная ссора и схватка, на что указываетъ опредѣленіе мѣста — дворъ Парамоновъ; число жертвъ мести Ярославовой явно преувеличено: трудно было обманомъ зазвать такое количество людей, еще труднѣе перерѣзать ихъ безъ сопротивленія въ оградѣ княжескаго двора; мы видимъ, что не всѣ знатные Новгородцы были перерѣзаны, оставались бояре и старосты, которые послѣ собираютъ деньги для найма Варяговъ.

Отвѣчали на вѣчѣ тѣ, которые остались въ живыхъ; остались въ живыхъ тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ, а тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ, были по этому самому равнодушны къ дѣлу. Поступокъ Ярослава былъ совершенно въ понятіяхъ того времени: князь долженъ былъ какимъ бы то ни было способомъ схватить убійцъ Варяжскихъ и отдать ихъ на месть Варягамъ, родственникамъ убитыхъ. И такъ если это было частное дѣло и обыкновенное, то цѣлому городу не для чего было много обращать на него вниманія; Ярославъ жалѣетъ не о томъ, что перебилъ Новгородцевъ, но о томъ только, что этимъ убійствомъ отнялъ у себя воиновъ, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ были ему очень нужны, и Новгородцы отвѣчаютъ въ этомъ же смыслѣ: «хотя наши братья и перебиты, но у насъ все еще достаточно народа, чтобъ биться за тебя.» И этотъ отвѣтъ можетъ также служить объясненіемъ дѣлу: откажись Новгородцы сражаться за Ярослава, онъ принужденъ былъ бы призвать новыя толпы Варяговъ, слѣд. Новгородцы должны были подвергнуться новымъ непріятностямъ со стороны послѣднихъ, и потому они предпочитаютъ уже сами идти съ Ярославомъ на Святополка. Сюда должно прибавить, что поведеніе Святополка также не могло возбудить къ нему расположенія въ гражданахъ: съ Ярославомъ легко было помириться; Новгородцы разсердились на Варяговъ и побили ихъ, Ярославъ имѣлъ полное право разсердиться на Новгородцевъ за это и перебить ихъ — дѣло обоюдное; но трудно было доброжелательствовать князю, который началъ свое правленіе убійствомъ родныхъ братьевъ. Впрочемъ это мѣсто лѣтописи нуждается еще въ другомъ объясненіи: почему Ярославъ такъ испугался слѣдствій своего поступка съ Новгородцами? для чего такъ жалѣлъ объ избитіи дружины? вѣдь она была нужна ему и прежде, ибо онъ готовился къ войнѣ съ отцемъ; для чего же онъ не подумалъ объ этомъ прежде убіенія Новгородцевъ? Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ зналъ о медленныхъ сборахъ Владиміра, о его болѣзни, которая мѣшала ему спѣшить походомъ, могъ надѣяться на борьбу Святополка съ Борисомъ, которая надолго

оставила бы его въ покоѣ. Но теперь дѣла перемѣнились: Владиміръ умеръ, Святополкъ началъ княжить, убилъ Бориса, посылалъ убить Глѣба, хочетъ бить всѣхъ братьевъ, подобно сосѣднимъ государямъ; опасность слѣд. наступила страшная для Ярослава; сестра писала: берегись; оставаться въ бездѣйствіи значило жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ убійцъ, нужно было или бѣжать за море, или выступить немедленно противъ Святополка, предупредить его, однимъ словомъ, поступить по примѣру отца своего Владиміра.

Послѣ того какъ Новгородцы рѣшились выступить въ походъ, Ярославъ собралъ оставшихся у него Варяговъ, по однимъ извѣстіямъ тысячу, по другимъ шесть тысячъ, да Новгородцевъ 40,000, и пошелъ на Святополка, призвавши имя Божіе; онъ говорилъ: «не я началъ избивать братьевъ, но Святополкъ; да будетъ Богъ отместникъ крови братьевъ моихъ, потому что безъ вины пролита кровь праведныхъ Бориса и Глѣба; пожалуй и со мной тоже сдѣлаетъ.» Мы слышимъ здѣсь тѣже самыя слова, которыя лѣтописецъ влагаетъ и въ уста Владиміру, шедшему противъ Ярополка, съ тѣмъ только различіемъ, что христіанинъ Ярославъ призываетъ Бога въ мстители неповинной крови и отдаетъ свое дѣло на судъ Божій. Святополкъ, узнавъ, что Ярославъ идетъ на него, собралъ множество войска изъ Руси и Печенѣговъ, и вышелъ къ Любечу; онъ сталъ по ту сторону Днѣпра, а Ярославъ по эту. Ярославъ безъ сомнѣнія прибылъ въ лодкахъ, а Святополкъ пришелъ изъ-за Десны съ Печенѣгами. Въ третій разъ Днѣпръ видѣлъ враждебное движеніе сѣверной Руси на южную; оба первые раза при Олегѣ и Владимірѣ сопротивленія было мало со стороны юга, но теперь онъ собралъ свои силы, и какъ сѣверъ явился съ естественными своими союзниками Варягами, такъ югъ соединился съ Печенѣгами. Три мѣсяца, а по другимъ извѣстіямъ только три недѣли [295] стояли враги по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; ни тѣ, ни другіе не смѣли перевезтись и напасть. Былъ въ то время обычай поддразнивать враговъ, чтобъ побудить ихъ начать дѣло къ своей невыгодѣ: видя, что главная сила Ярослава

состояла изъ Новгородцевъ, горожанъ и сельчанъ, воевода Святополковъ [296], ѣздя подлѣ берега, бранилъ Новгородцевъ, называлъ ихъ ремесленниками, а не воинами. «Эй вы плотники, кричалъ онъ имъ, за чѣмъ пришли сюда съ хромымъ своимъ княземъ? вотъ мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы.» Новгородцевъ сильно разсердила насмѣшка, и они сказали Ярославу: «завтра перевеземся на нихъ, а если кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ.»

Въ лагерѣ у Святополка Ярославъ имѣлъ пріятеля, къ которому послалъ ночью спросить «что дѣлать? меду мало варено, а дружины много;» тотъ отвѣчалъ, что пусть Ярославъ къ вечеру отдастъ медъ дружинѣ; Новгородскій князь догадался, что ночью должно сдѣлать нападеніе. Была заморозь; Святополкъ стоялъ между двумя озерами, и всю ночь пилъ съ дружиною; а Ярославъ передъ разсвѣтомъ исполчилъ свое войско, и перевезся на другой берегъ, при чемъ Новгородцы, высадившись изъ лодокъ, оттолкнули ихъ отъ берега, чтобъ отнять у себя всякую возможность къ побѣгу; Ярославъ приказалъ дружинѣ повязать головы платками, чтобъ въ сѣчѣ узнавать своихъ. Враги сошлись, была сѣча злая; Печенѣги, стоявшіе за озеромъ не могли помочь Святополку, который былъ притиснутъ съ своею дружиною къ озеру, принужденъ вступить на ледъ, ледъ обломился, и Ярославъ одолѣлъ. Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ, проживя на сѣверѣ 28 лѣтъ [297]. Новгородцы были отпущены домой и одѣлены щедро: старосты получили по 10 гривенъ, смерды по гривнѣ, а горожане всѣ по 10).

Но Святополкъ былъ живъ, и потому Ярославъ не могъ успокоиться. Для Болеслава Польскаго открылись такіе же теперь виды на востокъ, какіе онъ имѣлъ прежде на западъ; на Руси, какъ прежде у Чеховъ, семейные раздоры приглашали его къ посредничеству и къ утвержденію своего вліянія, тѣмъ болѣе, что теперь Болеславъ долженъ былъ помочь своему зятю. Онъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ: по

его наущенію Печенѣги напали на Кіевъ: подъ самымъ городомъ была злая сѣча; едва къ вечеру Ярославъ могъ прогнать варваровъ [298]. Съ своей стороны, Ярославъ выступилъ къ Польскимъ границамъ, заключивъ союзъ съ врагомъ Болеславовымъ, Императоромъ Генрихомъ II-мъ; но походъ Русскаго князя кончился неудачною осадою Бреста[299]; походъ Императора противъ Болеслава также не удался, онъ принужденъ былъ заключить съ нимъ миръ, и желая избавиться отъ опаснаго врага, обратить его дѣятельность на востокъ, самъ совѣтовалъ ему вооружиться противъ Русскаго Князя. Въ 1017 году Болеславъ выступилъ въ походъ, усиливъ свое войско 300 Нѣмцевъ, 500 Венгровъ, и 1000 Печенѣговъ, и 22 Іюля достигъ береговъ Буга, раздѣлявшаго Польскія владѣнія отъ Русскихъ; Ярославъ ждалъ его на другомъ берегу съ Русью (жителями южной Руси), Варягами и Славянами (Новгородцами). Здѣсь повторилось тоже явленіе, какое видѣли на берегахъ Днѣпра у Любеча; воевода Ярославовъ Будый, ѣздя по берегу, началъ смѣяться надъ Болеславомъ; онъ кричалъ ему: «вотъ мы тебѣ проткнемъ палкою брюхо твое толстое!» Былъ Болеславъ, говоритъ лѣтопись, великъ и тяжелъ, такъ что и на конѣ съ трудомъ могъ сидѣть; но за то былъ смышленъ. Не вытерпѣлъ онъ насмѣшки, и обратившись къ дружинѣ своей, сказалъ: «если вамъ это ничего, такъ я одинъ погибну» — сѣлъ на коня, и бросился въ рѣку, а за нимъ и все войско. Полки Ярослава, вовсе не ожидая такого внезапнаго нападенія, не успѣли приготовиться и обратились въ бѣгство; Ярославъ ушелъ въ Новгородъ только самъ-пятъ; а Болеславъ съ Святополкомъ почти безпрепятственно вошли въ Кіевъ, 14 Августа [300]. Въ городѣ нашли они мачиху, жену и сестеръ Ярославовыхъ, изъ которыхъ за одну (Преславу) сватался прежде Болеславъ, получилъ отказъ и теперь въ отмщеніе взялъ ее къ себѣ въ наложницы [301]. Часть своего войска онъ отпустилъ назадъ, другую велѣлъ развести по Русскимъ городамъ на покормъ. Но и въ Кіевѣ повторились тѣже явленія, какія мы видѣли въ Прагѣ у Чеховъ, и, какъ видно,

по тѣмъ же причинамъ. Русскіе вооружились противъ Поляковъ и стали убивать ихъ; лѣтописецъ приписываетъ это приказу Святополка, но очень вѣроятно извѣстіе [302], что Поляки вели себя и на Руси также, какъ въ Богеміи, и возбудили противъ себя возстаніе; очень вѣроятно также, что и Святополкъ, наскучивъ непріятнымъ гостемъ, слишкомъ долго зажившимся въ Кіевѣ на его счетъ, не былъ противъ народной мести Полякамъ. Это заставило Болеслава уйти изъ Кіева; примѣръ Чешскихъ событій научилъ его быть осторожнѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ: половину войска онъ отослалъ домой, разосланные по Русскимъ городамъ Поляки истреблены, трудно было противиться, если бы вспыхнуло возстаніе; притомъ же вѣроятно онъ слышалъ уже о новыхъ приготовленіяхъ Ярослава. Но Болеславъ ушелъ не безъ выгоды: онъ захватилъ себѣ все имущество Ярослава, къ которому приставилъ Анастаса: хитрый Грекъ умѣлъ подольститься къ каждому сильному и мѣнялъ отечество, смотря по выгодамъ; Болеславъ ему ввѣрился лестью, говоритъ лѣтопись. Польскій Князь повелъ также съ собою бояръ Ярославовыхъ, двухъ сестеръ его, и множество плѣнниковъ взятыхъ въ бою [303], на дорогѣ Болеславъ захватилъ и Червенскіе города, пріобрѣтеніе Владиміра Св.; впрочемъ вѣроятно, что эти города были уступлены ему Святополкомъ въ награду за помощь.

Между тѣмъ Ярославъ, явивившись въ Новгородъ безъ войска, хотѣлъ бѣжать за море; но граждане вмѣстѣ съ посадникомъ Константиномъ, сыномъ Добрыни, разсѣкли княжескія лодки, приготовленныя для бѣгства, и объявили: «хотимъ еще биться съ Болеславомъ и Святополкомъ.» Такая рѣшительность понятна: имъ нечего было теперь ожидать хорошаго отъ Святополка, а защищаться отъ него безъ князя было также невыгодно. Они начали сбирать деньги—съ простаго человѣка по 4 куны, со старостъ по 10 гривенъ, съ бояръ по 18 гривенъ, привели Варяговъ, дали имъ эти деньги, и такимъ образомъ у Ярослава набралось много войска [305], и онъ двинулся противъ Святополка; тотъ былъ разбитъ, бѣжалъ къ

Печенѣгамъ, и привелъ огромныя толпы ихъ противъ Ярослава въ 1019 году. Ярославъ вышелъ навстрѣчу, и сошлись на рѣкѣ Альтѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Мѣсто благопріятствовало Ярославу по воспоминанію о преступленіи Святополка; лѣтописецъ говоритъ, что Ярославъ молилъ Бога объ отмщеніи новому Каину. Онъ же говоритъ, что сѣча была зла, какой еще не бывало на Руси; сѣклись схватываясь руками, трижды сходились биться, по удольямъ текла кровь ручьями; къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ въ пограничный польскій городъ Брестъ, гдѣ, вѣроятно, умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ; по скандинавскимъ преданіямъ, онъ палъ отъ руки Варяга Эймунда, служившаго въ войскѣ Ярослава, а по русскимъ, погибъ злою смертію въ пустынѣ между Польшею и Богеміею[306]. Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, утеръ потъ съ дружиною, по выраженію лѣтописца, показавъ побѣду и трудъ великій.

Такимъ образомъ сѣверное народонаселеніе въ четвертый разъ доставило побѣду своему князю надъ югомъ. Съ Святополкомъ дѣло было кончено; но были еще другія братья и родственники у Ярослава; изъ 12 сыновей Владиміра въ живыхъ оставались теперь только Ярославъ, Мстиславъ, Судиславъ, да племянникъ Брячиславъ, сынъ Изяслава Полоцкаго. Соперниковъ у Ярослава по старшинству не могло быть: Брячиславъ Полоцкій, хотя внукъ отъ старшаго сына Владимірова, никогда не могъ надѣяться на старшинство, потому что отецъ его умеръ, не будучи старшимъ; Мстиславъ и Судиславъ были младшіе братья Ярославу; но всѣ они, какъ члены одного рода, имѣли право на равное распредѣленіе волостей; мы увидимъ, что до самаго прекращенія родовыхъ отношеній между князьями, младшіе изъ нихъ настаиваютъ на право общаго наслѣдства всѣхъ родичей послѣ каждаго умершаго князя, то есть, на новое распредѣленіе волостей; теперь 8 сыновей Владиміра умерло, и старшій изъ живыхъ Ярославъ не далъ изъ ихъ волостей ничего младшимъ. Имъ надобно было самимъ поискать, какъ обыкновенно выражались князья,

и вотъ явился опасный искатель волостей съ юговостока, изъ Тмуторакани, Мстиславъ. Изъ всѣхъ сыновей Владиміра Мстиславъ больше другихъ похожъ былъ на дѣда своего Святослава, былъ князь-вождь дружины по преимуществу; жизнь ли въ Тмуторакани и постоянная борьба съ окрестными варварскими народами развила такой характеръ въ Мстиславѣ, или уже волость приходилась по нраву—Мстиславъ явился богатыремъ, который любилъ только свою дружину, ничего не щадилъ для нея, до остальнаго же народонаселенія ему не было дѣла. Онъ былъ славенъ въ народныхъ преданіяхъ, какъ князь богатырь, единоборецъ. Однажды, говоритъ лѣтопись, пошелъ онъ войною на Касоговъ; Касожскій князь Редедя вышелъ къ нему навстрѣчу съ войскомъ и сказалъ ему: «за чѣмъ губить дружину, схватимся мы сами бороться; одолѣешь ты, возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей и землю мою;—я одолѣю, возьму все твое.» Мстиславъ согласился, и сталъ бороться съ Редедею; боролись крѣпко и долго, Редедя былъ великъ и силенъ. Мстиславъ уже началъ изнемогать, и видя бѣду, сказалъ: «Пречистая Богородица! помоги мнѣ; если я его одолѣю, то построю церковь въ твое имя.» Сказавши это, онъ ударилъ Редедю объ землю, вынулъ ножъ и зарѣзалъ его, потомъ пошелъ въ его землю, взялъ его имѣніе, жену, дѣтей, и наложилъ дань на Касоговъ. Обѣтъ былъ также исполненъ: церковь Богородицы, построенная Мстиславомъ, стояла въ Тмуторакани еще во времена лѣтописца. Такой то князь, въ 1023 г. явился въ Русскихъ предѣлахъ искать волостей послѣ умершихъ братьевъ; говорятъ, что онъ уже и прежде требовалъ ихъ у Ярослава, и тотъ давалъ ему Муромъ, но Мстиславу было этого мало. Ярославъ былъ въ Новгородѣ, когда Мстиславъ пришелъ къ Кіеву; Кіевляне однако не приняли его, и онъ принужденъ былъ сѣсть въ Черниговѣ. Между тѣмъ Ярославъ, управившись на Сѣверѣ, волнуемомъ остатками язычества, послалъ по заморскихъ Варяговъ, и къ нему пришелъ слѣпой Якунъ съ дружиною. Ярославъ отправился съ Якуномъ на Мстислава, и встрѣтился съ нимъ у Листвена[307].

Мстиславъ съ вечера исполчилъ свое войско: поставилъ Сѣверянъ въ срединѣ противъ Варяговъ Ярославовыхъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по крыламъ. Ночь была темная и бурная, съ дождемъ и грозою; Мстиславъ сказалъ дружинѣ: «пойдемъ на нихъ»; Сѣверяне сошлись съ Варягами, и когда Варяги уже истомились въ битвѣ съ Сѣверянами, то Мстиславъ вдругъ напалъ на нихъ съ своею свѣжею дружиною; битва усилилась: какъ блеснетъ молнія, такъ и освѣтитъ оружіе; и гроза была велика, и сѣча сильная и страшная, по словамъ лѣтописи. Наконецъ Ярославъ побѣжалъ съ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ: онъ пришелъ въ Новгородъ, а Якунъ пошелъ за море, потерявши у Листвена и золотую свою луду, или верхнюю одежду[308]. Утромъ, на другой день битвы, Мстиславъ объѣхалъ поле, и сказалъ своимъ: «какъ не порадоваться? вотъ лежитъ Сѣверянинъ, вотъ Варягъ[309], а дружина моя цѣла.» Эта дружина состояла изъ Козаръ и Касоговъ!

Не смотря на побѣду, Мстиславъ не хотѣлъ добывать Кіева мимо старшаго брата; онъ послалъ сказать Ярославу: «садись въ своемъ Кіевѣ, ты старшій братъ, а мнѣ будетъ эта сторона,» т. е. восточный берегъ Днѣпра. Но Ярославъ не смѣлъ идти въ Кіевъ на этотъ зовъ и держалъ тамъ своихъ посадниковъ, а самъ жилъ въ Новгородѣ. Только въ слѣдующемъ 1025 году, собравши большое войско, пришелъ онъ къ Кіеву и заключилъ миръ съ Мстиславомъ у Городца[310]; братья раздѣлили Русскую землю по Днѣпръ, какъ хотѣлъ Мстиславъ: онъ взялъ себѣ восточную сторону съ главнымъ столомъ въ Черниговѣ, а Ярославъ западную съ Кіевомъ. «И начали жить мирно, въ братолюбствѣ, говоритъ лѣтопись, перестала усобица и мятежъ, и была тишина великая въ землѣ.»

Въ 1032 году умеръ сынъ Мстислава, Евстаѳій, котораго имя странно выдается между славянскими именами князей, а въ 1035 году умеръ и самъ Мстиславъ на охотѣ: лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ дебелъ тѣломъ, красноватъ лицемъ, съ большими глазами, храбръ на рати, милостивъ, очень любилъ дружину; имѣнья, питья и кушанья не щадилъ для нея. Видно,

что этотъ князь своимъ богатырствомъ поразилъ вниманіе народа, и долго жилъ въ его памяти; ни объ одномъ изъ князей въ дошедшихъ до насъ спискахъ не встрѣчаемъ мы такихъ подробностей, на примѣръ о наружномъ видѣ.

По смерти Мстислава, Ярославъ взялъ всю его волость, и былъ самовластцемъ въ Русской землѣ, по выраженію лѣтописца. Но видно Судиславу Псковскому не нравилось, что Ярославъ не дѣлится съ нимъ выморочными волостями братьевъ, или, по крайней мѣрѣ, Ярославу казалось, что не нравится: въ самый годъ Мстиславовой смерти Ярославъ посадилъ Судислава въ тюрьму во Псковѣ; лѣтописи прибавляютъ, что его оклеветали предъ старшимъ братомъ.

Счастливѣе былъ племянникъ Ярослава, Брячиславъ Полоцкій. Въ 1021 году онъ нечаянно напалъ на Новгородъ, побралъ въ плѣнъ гражданъ, взялъ ихъ имѣнье, и пошелъ назадъ къ Полоцку. Но Ярославъ узналъ о замыслахъ его, выступилъ поспѣшно изъ Кіева и, настигнувъ племянника на рѣкѣ Судомири, обратилъ его въ бѣгство, отнявши всѣхъ плѣнниковъ Новгородскихъ[311]. Не смотря однако на эту побѣду, Ярославъ видѣлъ, что надобно что-нибудь прибавить Брячиславу къ его волости, иначе Новгородъ никогда не будетъ безопасенъ: онъ далъ ему два города—Витебскъ[312] и Усвятъ, если только онъ не далъ ихъ за жену свою, похищенную извѣстнымъ Эймундомъ, какъ говорятъ скадинавскія преданія.

Такъ кончились отношенія Ярослава къ братьямъ и племяннику; обратимся теперь къ отношеніямъ внѣшнимъ. Съ Скандинавіею продолжалась по прежнему тѣсная связь; враждебныхъ отношеній не могло быть: съ 1024 года царствовалъ въ Швеціи Король Олофъ (Schoskönig), котораго упрекали тѣмъ, что онъ потерялъ завоеванія Упсальскаго Короля Эриха, сына Эймундова, на восточномъ берегу Балтійскаго моря, въ Финляндіи, Кареліи, Эстляндіи, Курляндіи[313]. По Скандиванскимъ преданіямъ, на дочери этого Олофа, Ингигердѣ, былъ женатъ нашъ Ярославъ. По смерти Олофа Королемъ въ Швеціи былъ Анундъ[314] Яковъ, котораго все вниманіе обращено было на

отношенія Датскія и Норвежскія. Онъ поддерживалъ въ Норвегіи родственника своего Олофа Святаго противъ могущественнаго Кнута, Короля Датскаго и Англійскаго; ревность Олофа къ распространенію Христіанства возбудила противъ него много враговъ, и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ отечества; въ изгнаніи онъ жилъ одно время при дворѣ Ярослава, и сынъ его, Магнусъ Добрый былъ здѣсь воспитанъ. Родственникъ Ингигерды, пріѣхавшій съ нею въ Русь, и сдѣланный посадникомъ вѣноваго ея города Альдейгаборга (быть-можетъ Ладоги), Ярлъ Рагнвальдъ имѣлъ двухъ сыновей — Ярловъ-Ульфа и Ейлифа, которые наслѣдовали отцовскую должность; третій сынъ его Стенкиль былъ королемъ Шведскимъ, равно какъ и сынъ послѣдняго Инге, проведшій часть своей молодости въ Россіи у дяди Ейлифа. Къ княженію Ярослава относятя первыя положительныя извѣстія о столкновеніяхъ Русскихъ съ Финскими племенами: подъ 1032 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что какой то Улѣбъ (очень быть можетъ, что Ульфъ, сынъ Рагнвальда), ходилъ изъ Новгорода на Желѣзныя ворота[315]; но, какъ видно, походъ былъ неудаченъ, потому что изъ дружины Улѣбовой мало возвратилось народу. 80 верстъ къ югу отъ Устьсысольска, у села Водча, находится городокъ, по Зырянски К а р и л ъ, т. е. городовой холмъ; преданіе и теперь называетъ это мѣсто Желѣзными воротами[316]. Въ 1042 году Владиміръ, сынъ Ярослава, посаженный отцемъ въ Новгородѣ, ходилъ на Ямь, побѣдилъ это племя, но потерялѣ коней въ дорогѣ отъ мора. Приведя въ связь это извѣстіе съ предыдущимъ, можно думать, что походъ Владиміра былъ предпринятъ по слѣдамъ Улѣбовымъ въ ту же сторону, на сѣверовостокъ, къ берегамъ сѣверной Двины; такимъ образомъ мы получимъ вѣрное извѣстіе о началѣ утвержденія Русскихъ владѣній въ этихъ странахъ[317]. Еще ранѣе, въ 1030 году самъ Ярославъ утвердилъ свою власть на западномъ берегу Чудскаго озера; это утвержденіе произошло обычнымъ образомъ, построеніемъ города: основанъ былъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ. Изъ походовъ на западные дикіе народы упоминается походъ

на Ятвяговъ, и въ первый разъ походъ на Литву: эти походы были предприняты, какъ видно, съ цѣлію не покоренія, а только отраженія набѣговъ.

Важнѣе были отношенія къ Польшѣ: въ 1025 году, послѣ королевской коронаціи своей, умеръ Болеславъ Храбрый. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Мечиславъ II-й, неспособный удержать отцовскія пріобрѣтенія. Мечиславъ, по обычаю, началъ тѣмъ, что выгналъ брата своего Оттона или Безпрема; тотъ обратился къ сосѣднимъ государямъ съ просьбою о помощи, въ слѣдствіе чего Венгры отняли у Польши землю Словаковъ и часть Моравіи; скоро потеряна была и вся Моравія. Мы видѣли, что у Чеховъ младшій князь Олдрихъ выгналъ старшаго брата Яромира и сталъ единовластителемъ. Сынъ Олдриха, Брячиславъ въ 1028 году выступилъ противъ Поляковъ, и отнялъ у нихъ остальную часть Моравіи, прогналъ изъ другой, и соединилъ снова Моравію съ Богеміею. Мечиславъ принужденъ былъ уступить Чехамъ Моравію, Нѣмцамъ Лужичей и подѣлиться съ братомъ Польшею; но этотъ братъ не былъ такъ уживчивъ, какъ Русскій Мстиславъ: онъ выгналъ Мечислава въ свою очередь, но скоро былъ убитъ своими за тиранство. Мечиславъ возвратился на престолъ, однако не могъ поправить своихъ дѣлъ, и призналъ себя вассаломъ Императора Конрада II. Если западные сосѣди воспользовались смертію Храбраго, чтобъ отнять у Польши его завоеванія, то и Русскій Князь долженъ былъ также воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Еще при жизни Болеслава, въ 1022 году, управившись съ Брячиславомъ Полоцкимъ, Ярославъ ходилъ осаждать Брестъ, удачно, или нѣтъ — неизвѣстно: возгорѣвшаяся въ это время борьба съ Мстиславомъ Тмутораканскимъ не могла позволить Ярославу продолжать свои непріязненныя движенія на Польшу; но помирившись съ Мстиславомъ въ 1030 году, Ярославъ снова предпринимаетъ походъ на Польшу, и беретъ Бѣльзъ [318]. Въ слѣдующемъ 1031 году оба брата — Ярославъ и Мстиславъ собрали много войска и выступили въ Польшу, взяли опять города Червенскіе, и повоевали Поль-

скую землю, много Ляховъ привели и раздѣлили между собою», говоритъ лѣтописецъ. Дурно было положеніе Польши при Мечиславѣ II, но еще хуже стало по его смерти, послѣдовавшей въ 1034 году. Дружина княжеская имѣла возможность усилиться при слабомъ Мечиславѣ, и еще болѣе по смерти послѣдняго, когда вдова его, Рикса, урожденная принцесса Пфальцская, приняла опеку надъ малолѣтнымъ сыномъ своимъ, Казиміромъ. Рикса не имѣла силы дать значеніе ослабленной при Мечиславѣ княжеской власти, сдерживать стремленія вельможъ, и окружила себя своими единоплеменниками, которымъ дала большое значеніе въ государствѣ, въ ущербъ природнымъ Полякамъ. Это оскорбило народное чувство послѣднихъ; Рикса была изгнана, и опека надъ малолѣтнымъ Княземъ перешла въ руки вельможъ, по неимѣнію другихъ родичей. Здѣсь мы видимъ начало того значенія Польскаго вельможества, съ какимъ оно является во всей послѣдующей исторіи этой страны. Когда Казиміръ выросъ, и вельможи стали бояться, чтобъ онъ, взявши власть въ руки, не отомстилъ имъ за мать и вообще не уменьшилъ бы пріобрѣтеннаго ими значенія, то они выгнали и его. Польша увидала въ челѣ своемъ олигархію; знатнѣйшіе роды изгнали слабѣйшіе или подчинили ихъ себѣ; но не могли ужиться между собою въ мирѣ, и тѣмъ погубили свое дѣло, произвели анархію, которой слѣдствіемъ было то, что нисшее народонаселеніе, смерды или кметы возстали противъ шляхты, начали истреблять господъ своихъ, брать ихъ женъ и имущество себѣ. Но возстаніе противъ шляхты было вмѣстѣ и возстаніемъ противъ Христіанства, которое не успѣло пустить въ народѣ глубокихъ корней, а между тѣмъ десятины и другія церковныя подати, строгость, съ какою духовенство требовало немедленной перемѣны древнихъ, языческихъ обычаевъ на новые, раздражали кметовъ и заставляли ихъ стремиться къ сверженію и этого ига; епископы, священники были изгнаны или убиты, монастыри и церкви сожжены, церковныя сокровища разграблены. Такимъ страшнымъ положеніемъ Польши воспользовались опять сосѣди; у Чеховъ по смерти Ол-

дриха (1037 г.) вступилъ на престолъ сынъ его, уже извѣстный прежними счастливыми войнами съ Польшею, Брячиславъ I-й, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и дѣятельныхъ князей Чешскихъ. Брячиславъ напалъ на Польшу, и бралъ города ея и цѣлыя области безъ сопротивленія. Но это усиленіе Чеховъ на счетъ Польши спасло послѣднюю; политика Германскихъ Императоровъ не могла допустить усиленія одного Славянскаго владѣнія на счетъ другаго, ей нужно было раздѣленіе и вражда между ними, и потому Императоръ Генрихъ III объявилъ войну Брячиславу и принялъ въ свое покровительство Казимира. Послѣ упорнаго сопротивленія, Брячиславъ принужденъ былъ признать свою подчиненность Имперіи, отказаться отъ дальнѣйшихъ видовъ на Польшу, но удержалъ свое завоеваніе—землю Вратиславскую (Бреславскую) въ Силезіи. Между тѣмъ Казимиръ, вошедши съ нѣмецкимъ отрядомъ въ Польшу, былъ съ радостію принятъ тою частію народонаселенія, которая утомилась смутами анархіи и жаждала возстановленія порядка: порядокъ былъ возстановленъ по ту сторону Вислы, но въ Мазовіи Моиславъ, одинъ изъ дружинниковъ прежняго князя Мечислава, пользуясь анархіею, объявилъ себя независимымъ, вооружился противъ Казимира, призвавъ на помощь языческихъ Пруссовъ, Литву и Славянъ Поморскихъ; этотъ союзъ намекаетъ, что въ борьбѣ Моислава противъ Казимира боролось язычество съ христіанствомъ. Но Казимиръ въ этой борьбѣ нашелъ себѣ сильнаго союзника въ Русскомъ Князѣ. Еще въ 1041 году, вслѣдъ за походомъ противъ Литвы, Ярославъ предпринималъ походъ въ Мазовію на лодкахъ. Быть можетъ уже тогда былъ заключенъ союзъ съ Казимиромъ, но можно полагать также, что походъ въ Мазовію былъ предпринятъ въ слѣдствіе союза Моиславова съ Литовцами, врагами Ярослава, и уже союзъ съ Казимиромъ былъ слѣдствіемъ вражды противъ Моислава. Въ 1043 году Казимиръ вступилъ въ родство съ Ярославомъ, женился на сестрѣ его, Доброгнѣвѣ или Маріи, получилъ за нею богатое приданое, но вмѣсто вѣна отдалъ Ярославу 800 плѣнниковъ, взятыхъ Болеславомъ изъ

Руси. Слѣдствіемъ такого тѣснаго союза было то, что въ томъ же году упоминается о двукратномъ походѣ Ярослава въ Мазовію[319]; въ 1047 году Русскій Князь оправился опять съ войскомъ на помощь Казиміру противъ Моислава; послѣдній былъ разбитъ и убитъ, Мазовія подчинилась снова Пястамъ. Союзъ съ Польшею былъ скрѣпленъ еще бракомъ Изяслава, одного изъ сыновей Ярославовыхъ, на сестрѣ Казиміровой. Есть извѣстія, болѣе или менѣе вѣроятныя, о брачныхъ союзахъ Ярославова семейства съ другими владѣльческими домами въ Европѣ, о бракѣ Гаральда Норвежскаго на Ярославовой дочери Елисаветѣ, Короля Венгерскаго Андрея на Анастасіи, Генрихаго 1-го Французскаго на Аннѣ; о бракѣ Всеволода Ярославича на царевнѣ греческой, дочери Константина Мономаха; также о бракѣ двоихъ неизвѣстныхъ по имени сыновей Ярославовыхъ на двухъ Нѣмецкихъ княжнахъ.

Ко времени Ярослава относится послѣднее враждебное столкновеніе съ Византіею[320]. Греческая торговля была очень важна для Руси, была однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія народа и казны княжеской; ея поддержаніе и послѣ было одною изъ главныхъ заботъ нашихъ князей, должно было быть и одною изъ главныхъ заботъ Ярослава. Греки поссорились съ Русскими купцами, и одинъ изъ послѣднихъ былъ даже убитъ въ этой ссорѣ. Русскій Князь не могъ позволить подобныхъ поступковъ, и въ 1043 году отправилъ на Грековъ старшаго сына своего Владиміра, давши ему много войска, и воеводу или тысяцкаго своего, Вышату. Владиміръ пошелъ въ лодкахъ, но на пути отъ Дуная въ Царьградъ[321] поднялась буря, разбила Русскіе корабли, и между прочимъ корабль князя Владиміра, такъ что послѣдній долженъ былъ пересѣсть уже на корабль одного изъ воеводъ Ярославовыхъ, Ивана Творимирича. Остальные воины, числомъ 6,000, кромѣ дружины, были выкинуты на берегъ; они хотѣли возвратиться въ Русь, но никто изъ дружины не хотѣлъ идти съ ними въ начальникахъ. Тогда Вышата сказалъ: «Я пойду съ ними; живъ ли останусь, погибну ли — все лучше вмѣстѣ съ своими.» Когда

Греки узнали, что Русскіе корабли разбиты бурею, то Императоръ Константинъ Мономахъ послалъ за ними погоню; Владиміръ возвратился, разбилъ Греческіе корабли, и пришелъ назадъ въ Русь. Но не такъ былъ счастливъ Вышата: его отрядъ былъ окруженъ Греками при городѣ Варнѣ, взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Константинополь, гдѣ многихъ Русскихъ ослѣпили; только черезъ три года, когда заключили миръ, отпущенъ былъ Вышата въ Русь къ Ярославу. Чѣмъ обнаруживалась вражда въ продолженіи трехъ лѣтъ, неизвѣстно. Вѣроятно Ярославъ поспѣшилъ прекратить вражду съ Греками, занятый болѣе важнымъ предпріятіемъ относительно Польши; вѣроятно также, что слѣдствіемъ и условіемъ прекращенія вражды былъ бракъ сына Ярославова Всеволода на царевнѣ Греческой: въ 1053 году лѣтописецъ упоминаетъ о рожденіи сына Всеволодова Владиміра отъ царицы Грекини.

О набѣгахъ Печенѣжскихъ, кромѣ упомянутыхъ выше при борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, древнѣйшіе списки лѣтописи сообщаютъ извѣстіе подъ 1036 годомъ. Находясь въ это время въ Новгородѣ, Ярославъ узналъ, что Печенѣги осаждаютъ Кіевъ; онъ собралъ много войска, Варяговъ и Новгородцевъ и вступилъ въ Кіевъ. Печенѣговъ было безчисленное множество; Ярославъ вышелъ изъ города и расположилъ свое войско такъ: Варяговъ поставилъ по серединѣ, Кіевлянъ на правомъ крылѣ, а Новгородцевъ на лѣвомъ; и началась битва передъ крѣпостью. Послѣ злой сѣчи едва къ вечеру успѣлъ Ярославъ одолѣть Печенѣговъ, которыхъ погибло множество отъ меча и перетонуло въ рѣкахъ во время бѣгства [322]. Послѣ этого пораженія имя Печенѣговъ хотя и не исчезаетъ совершенно въ лѣтописи, однако нападенія ихъ на Русь прекращаются.

Относительно внутренней дѣятельности Ярослава упоминаются распоряженія въ Новгородѣ. Самъ Ярославъ, княжа здѣсь, отказался платить дань въ Кіевъ, ясно, что онъ не могъ установить снова этотъ платежъ, ставши княземъ Кіевскимъ, тѣмъ болѣе, что Новгородцы оказали ему такія услуги; вотъ почему онъ далъ имъ финансовую льготную грамоту, на которую они

ссылаются въ послѣдствіи при столкновеніяхъ съ князьями. Вмѣсто себя Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ сначала сына своего Илью, а потомъ, по смерти его, другаго сына Владиміра, и по смерти послѣдняго третьяго сына Изяслава. Въ связи съ этими распоряженіями Ярослава находится извѣстіе о заточеніи и смерти Константина, сына Добрыни: Ярославъ, сказано въ лѣтописи, разсердился на него, заточилъ въ Ростовъ, и потомъ на третій годъ велѣлъ убить въ Муромѣ. Быть можетъ, Константинъ хотѣлъ большаго для Новгородцевъ за ихъ услугу, чѣмъ сколько давалъ Ярославъ; быть можетъ также, Константинъ, какъ дядя в. князя, какъ сынъ Добрыни, хотѣлъ большаго для себя [323].

Изъ дѣлъ церковныхъ въ княженіе Ярослава замѣчательно поставленіе митрополита Иларіона Русина, независимо отъ Византійскаго патріарха, соборомъ Русскихъ епископовъ, что было слѣдствіемъ недавней вражды съ Греками. Какъ видно, поведеніе прежняго митрополита Ѳеопемта во время этой вражды было таково, что Ярославъ хотѣлъ на будущее время предохранить себя отъ подобнаго въ случаѣ новаго разрыва [324].

Въ 1054 году умеръ Ярославъ. Онъ, какъ видно, не заслужилъ такой пріятной памяти въ народѣ, какъ отецъ его; не смотря на то и его дѣятельность имѣетъ важное значеніе въ нашей начальной исторіи; въ Скандинавскихъ сагахъ Ярослава называютъ скупымъ, но этотъ отзывъ можетъ служить ему только въ похвалу: и отецъ его, который вовсе не былъ скупъ, не любилъ однако удовлетворять жадности норманскихъ наемниковъ, которые особенно любили пріобрѣтать; раздача большой суммы денегъ Новгородцамъ скорѣе будетъ свидѣтельствовать о щедрости Ярослава. По отзыву лѣтописи, Ярославъ былъ на своемъ мѣстѣ: «онъ былъ хромоногъ, но умъ у него былъ добрый, и на рати былъ храбръ;» прибавлена еще замѣчательная черта, что былъ онъ христіанинъ и самъ книги читалъ [325]. Послѣднее обстоятельство было чрезвычайно важно для преемника Владимірова. Въ приведенномъ извѣстіи значеніе христіанина тѣсно связано въ Ярославлѣ съ чтеніемъ книгъ; Вла-

диміръ не читалъ самъ книгъ, онъ могъ только слушать Св. Писаніе; сынъ его Ярословъ самъ читалъ книги, былъ представителемъ новаго поколѣнія грамотныхъ христіанъ, выученныхъ при Владимірѣ, которые могли находить для себя утвержденіе въ вѣрѣ въ книгахъ священныхъ. Уже при Владимірѣ Греческое духовенство единственнымъ средствомъ распространенія и утвержденія христіанства считало грамотность, ученіе книгамъ: сынъ Владиміра самъ читалъ книги, самъ былъ утвержденнымъ христіаниномъ, и потому, разумѣется, въ его княженіе христіанство и грамотность должны были распространяться. И точно, по свидѣтельству лѣтописи, христіанство начало преимущественно распространяться при Ярославѣ; при немъ начали также умножаться монахи. Ярославъ, говоритъ лѣтопись, любилъ церковные уставы, очень любилъ поповъ, но больше всего монаховъ; книги читалъ часто, ночью и днемъ, собралъ много писцовъ: они переводили книги съ Греческаго на Славянскій, и переписали много книгъ, много онъ и купилъ ихъ. Отецъ его Владиміръ распахалъ землю и умягчилъ, т. е. просвѣтилъ крещеніемъ, Ярославъ насѣялъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы, прибавляетъ лѣтописецъ, пожинаемъ, принимая книжное ученіе. Сравненіе очень важное: въ немъ ясно указано значеніе дѣятельности Владиміра и Ярослава и постепенность движенія: при одномъ имѣло мѣсто крещеніе, при другомъ надлежащее наставленіе въ вѣрѣ [326]. При книгахъ нужны были особенно церкви и грамотные священники, которые могли бы учить народъ неграмотный. Ярославъ строилъ церкви по городамъ и мѣстамъ неогороженнымъ, ставилъ при нихъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе изъ собственнаго имущества, приказывая имъ учить людей и приходить часто къ церквамъ. При Ярославѣ въ Новгородѣ было сдѣлано тоже, что при Владимірѣ въ Кіевѣ: князь велѣлъ собрать у старостъ и священниковъ дѣтей (300 человѣкъ) и учить ихъ книгамъ.

Кромѣ этой дѣятельности княженіе Ярослава важно еще въ другихъ отношеніяхъ: подобно отцу Владиміру, Ярославъ не

былъ княземъ только въ значеніи вождя дружины, который стремится въ дальнія стороны за завоеваніями, славою и добычею; Ярославъ, какъ видно, былъ болѣе княземъ-нарядникомъ страны. Онъ любилъ церковные уставы, былъ знакомъ съ ними: неудивительно, что къ его времени относится и первый писанный уставъ гражданскій, такъ называемая Русская Правда. Подобно отцу Владиміру, Ярославъ слѣдовалъ совѣту Добрыни, что народы, ходящіе въ сапогахъ, не будутъ охотно давать дани, и потому не любилъ войны съ ними, а преимущественно обращалъ свое оружіе на варваровъ — Чудь, Литву, Ятвяговъ [327]. Мы не знаемъ, какими собственно расчетами руководился Ярославъ въ Польскихъ отношеніяхъ; но знаемъ, что онъ, возвративъ свое, принялъ сторону порядка и христіанства, не захотѣлъ усиливать варварства, и побѣдою надъ Моиславомъ Мазовецкимъ нанесъ послѣднему сильный ударъ. Наконецъ Ярославъ, подобно отцу своему и вѣщему Олегу, населялъ пустынныя пространства, строилъ города: отъ языческаго имени его получилъ названіе Ярославль на Волгѣ, отъ христіанскаго Юрьевъ (Дерптъ) въ землѣ Чудской; онъ огородилъ острожками южную границу Руси со степью: въ 1031 поселилъ плѣнныхъ Поляковъ по рѣкѣ Роси, въ слѣдующемъ началъ ставить здѣсь города.

ГЛАВА VIII.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Мы видѣли въ началѣ нашего разсказа, какъ среди сѣверныхъ племенъ явился князь, призванный для установленія наряда въ землѣ, взволнованной родовыми усобицами; теперь предстоитъ намъ вопросъ: въ какихъ же отношеніяхъ нашелся призванный къ призвавшимъ, какъ опредѣлилось значеніе князя? Для рѣшенія этого вопроса мы должны обратиться къ понятіямъ племенъ, призвавшихъ власть.—Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общею жизнію въ слѣдствіе усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ; племена знали по опыту, что миръ возможенъ только тогда, когда всѣ живущіе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ; и вотъ они хотятъ возстановить это прежнее единство, хотятъ, чтобы всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, княземъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего можно было достичь только тогда, когда этотъ старшина, князь не принадлежалъ ни къ одному роду, былъ изъ чужаго рода. Они призвали князя, не имѣя возможности съ этимъ именемъ соединять какое либо другое, новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ. Изъ этого значенія князя уяснится намъ кругъ его власти,

его отношенія къ призвавшимъ племенамъ. Князь долженъ былъ княжить и владѣть по буквальному смыслу лѣтописи; онъ думалъ о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; вождь на войнѣ, онъ былъ судьею во время мира; онъ наказывалъ преступниковъ, его дворъ — мѣсто суда, его слуги — исполнители судебныхъ приговоровъ; всякая перемѣна, всякій новый уставъ проистекалъ отъ него; такъ Владиміръ, по предложенію епископовъ, а потомъ епископовъ и старцевъ, дѣлаетъ постановленіе относительно виръ; Ярославъ даетъ грамоты Новгородцамъ — Правду и уставъ относительно податей; князь собираетъ дань, распоряжается ею. Но если кругъ власти призваннаго князя былъ такой же, какой былъ кругъ власти у прежняго родоначальника, то въ первое время на отношеніяхъ князя къ племенамъ отражалась еще вся неопредѣленность прежнихъ родовыхъ отношеній, которой слѣдствія мы увидимъ послѣ въ отношеніяхъ городовыхъ общинъ къ князю, о чемъ и будетъ рѣчь въ свое время. Теперь же мы должны обратиться къ вопросу: что стало съ прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племенъ? Соединеніе многихъ родовъ въ одну общину, въ главѣ которой стоялъ одинъ общій князь, необходимо должно было поколебать значеніе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властію одного старшины не была уже теперь болѣе необходима въ присутствіи другой высшей, общей власти. Само собою разумѣется, что это пониженіе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно, что тѣ члены родовъ, которымъ, по извѣстнымъ счетамъ, принадлежало старшинство, долгое время пользовались еще большимъ уваженіемъ и представительствомъ; такъ долго мы видимъ городскихъ старцевъ на первомъ планѣ во всѣхъ важныхъ случаяхъ; они рѣшаютъ дѣла на вѣчѣ, съ ними совѣтуется князь. Но въ концѣ разсмотрѣннаго періода жизнь общинная получила уже такое развитіе, что необходимо условливала распаденіе родовъ на отдѣльныя семьи, при чемъ прежнее представительное значеніе старшинъ въ цѣломъ родѣ исчезаетъ, и когда князю нужно

объявить, предложить что нибудь общинѣ, то собираются не одни старцы, собирается цѣлая община, является общенародное вѣче. Первое общенародное вѣче мы видимъ въ Новгородѣ, когда князю Ярославу нужно было объявить гражданамъ о смерти Владиміра и поведеніи Святополка. Тѣ изслѣдователи, которые предполагаютъ долговременное существованіе прежнихъ Славянскихъ князей или родоначальниковъ, и тѣ, которые предполагаютъ переходъ этихъ старшинъ въ бояръ съ земскимъ значеніемъ, забываютъ, что родовой бытъ Славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наслѣдственно въ одной линіи, переходило отъ отца къ сыну, тогда какъ у нашихъ Славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, всѣ линіи рода были равны относительно старшинства, каждый членъ каждой линіи могъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физическому старшинству: слѣдовательно одна какая нибудь линія не могла выдвинуться впередъ передъ другими, какъ скоро родовая связь между ними рушилась; ни одна линія не могла получить большаго значенія по своему богатству, потому что при родовой связи имѣніе было общее, какъ же скоро эта связь рушилась, то имущество раздѣлялось поровну между равными въ правахъ своихъ линіями; ясно, слѣдовательно, что боярскіе роды не могли произойти отъ прежнихъ Славянскихъ старшинъ, родоначальниковъ, по ненаслѣдственности этого званія; если старшина рода переходилъ въ дружину княжескую, то онъ сохранялъ свое родовое значеніе только при жизни, сынъ его не наслѣдовалъ этого значенія, оно переходило къ какому-нибудь четвероюродному дядѣ его, и если онъ выдѣлялся изъ рода, то доля имущества его была равна долѣ каждаго другаго родича. Вотъ почему славянскіе князья исчезаютъ съ приходомъ князей Варяжскихъ: нельзя искать ихъ и въ боярахъ по той же самой причинѣ, то есть потому, что достоинство старшинъ у Славянъ не было наслѣдственнымъ въ одной родовой линіи. Отсюда объясняется и то явленіе, что въ слѣдующемъ періодѣ мы увидимъ непосредственныя отношенія князей

къ городскому народонаселенію, къ общинѣ. Мѣсто князя, во время его отсутствія, или въ тѣхъ городахъ, гдѣ князь не жилъ, заступалъ посадникъ, мужъ изъ дружины княжеской. Этотъ намѣстникъ княжескій, въ мнѣніи народа, не замѣнялъ вполнѣ князя, уваженія и послушанія къ нему было меньше и на войнѣ, и въ мирѣ, слѣдовательно цѣль установленія наряда достигалась не вполнѣ; отсюда стремленіе имѣть своего князя, замѣчаемое въ Новгородѣ.

Не должно думать, чтобы во все продолженіе періода отношенія племенъ къ князю были всегда и вездѣ одинакія. Сознаніе о необходимости новаго порядка вещей, власти одного общаго князя изъ чужаго рода явилось на сѣверѣ; сѣверныя племена призвали князя какъ нарядника; здѣсь слѣдовательно новый порядокъ вещей долженъ былъ приняться и развиться преимущественно; здѣсь должно было начаться опредѣленіе княжескихъ отношеній; вотъ почему въ Новгородѣ мы видимъ и нѣкоторое движеніе въ слѣдствіе этого начавшагося опредѣленія. Потомъ мѣстопребываніе князя переносится на югъ, въ Кіевъ; на сѣверѣ остаются посадники до самаго Владимира. Мы видимъ, что большему вліянію княжеской власти подчинена сначала только озерная Новгородская область и потомъ довольно узкая полоса земли по берегамъ Днѣпра, гдѣ въ городахъ Смоленскѣ и Любечѣ еще со временъ Олега сидѣли мужи княжіе. Отношенія къ князю племенъ, жившихъ далѣе къ востоку и западу отъ Днѣпра, какъ видно, ограничивались вначалѣ платежемъ дани, для собиранія которой самъ князь съ дружиною ѣздилъ къ нимъ. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, Русскіе князья съ своею дружиною выходили изъ Кіева при наступленіи Ноября мѣсяца, и отправлялись на полюдье, или уѣзжали въ земли подчиненныхъ имъ племенъ Славянскихъ, и тамъ проводили зиму [328]. Обычай полюдья удержался надолго послѣ: князь объѣзжалъ свою волость, вершилъ дѣла судныя, оставленныя до его пріѣзда и бралъ дары, обогащавшіе казну его. Такой обычай княжескихъ объѣздовъ для вершенія судебныхъ дѣлъ необходимо условливается самымъ

состояніемъ юнаго общества: такъ мы встрѣчаемъ его въ древней Скандинавской и въ древней Польской исторіи[329]; ясно слѣдовательно, что это обычай общій, а не частный Скандинавскій, принесенный Варягами въ Русь. Любопытно, что въ приведенномъ свидѣтельствѣ Багрянороднаго, полюдье отдѣлено отъ зимняго пребыванія князя и дружины его у Славянскихъ племенъ: изъ этого различія видно уже, что къ нѣкоторымъ ближайшимъ и болѣе подчиненнымъ племенамъ князь отправлялся для суда, къ другимъ же, отдаленнѣйшимъ только для собранія дани мѣхами и другими сырыми произведеніями, составлявшими предметъ заграничной торговли; что князь самъ ходилъ за данью къ племенамъ, это ясно показываетъ преданіе о судьбѣ Игоря у Древлянъ. Болѣе отдаленныя племена принуждены были платить дань Русскому князю, и платили ее тогда, когда тотъ приходилъ за нею съ войскомъ; но этимъ, какъ видно, и ограничивались всѣ отношенія; племена еще жили по прежнему, особыми родами, каждый родъ имѣлъ своего старшину или князя, который владѣлъ у него, судилъ и рядилъ; у Древлянъ были свои князья въ то время, когда они платили дань Кіевскому князю; изъ этихъ князей одинъ былъ Малъ, котораго они прочили въ мужья Ольгѣ.

Дань, за которою ходилъ самъ князь, была первоначальнымъ видомъ подчиненности племени одной общей власти, связи съ другими соподчиненными племенами. Но при такомъ видѣ подчиненности, сознаніе объ этой связи, разумѣется, было еще очень слабо: племена платили дань и Козарамъ, и все оставались по прежнему въ разъединеніи другъ съ другомъ. Гораздо важнѣе для общей связи племенъ и для скрѣпленія связи каждаго племени съ общимъ средоточіемъ, была обязанность возить повозы, обязанность, въ слѣдствіе которой сами племена должны были доставлять дань въ опредѣленное княземъ мѣсто, ибо съ этимъ подчиненность племенъ, участіе ихъ въ общей жизни принимали болѣе дѣятельный характеръ. Но еще болѣе способствовала сознанію о единствѣ та обязанность племенъ, по которой они должны были участвовать въ походахъ княже-

скихъ на другія племена, на чужіе народы: здѣсь члены ра
личныхъ племенъ, находившихся до того времени въ весь
слабомъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, участвовали в
одной общей дѣятельности подъ знаменами Русскаго кня
составляли одну дружину; здѣсь наглядныиъ образомъ пріобр
тали они понятіе о своемъ единствѣ и, возвратясь домой, пер
давали это понятіе своимъ родичамъ, разсказывая имъ о том
что̀ они сдѣлали вмѣстѣ съ другими племенами подъ предво
тельствомъ Русскаго князя. Наконецъ выходу племенъ изъ особ
наго, родоваго быта, сосредоточенію каждаго изъ нихъ око
извѣстныхъ центровъ, и болѣе крѣпкой связи всѣхъ ихъ с
единымъ, общимъ для всей земли средоточіемъ способство
построеніе городовъ князьями, умноженіе народонаселенія, пер
водъ его съ сѣвера на югъ.

Мы коснулись непосредственнаго вліянія княжеской власти н
образованіе юнаго общества; но это вліяніе сильно обнару
лось еще посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ кня
ями. Съ самаго начала мы видимъ около князя людей, котор
сопровождаютъ его на войну, во время мира составляютъ е
совѣтъ, исполняютъ его приказанія, въ видѣ посадниковъ з
ступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ кн
люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ
образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду е
новое начало, сословное, въ противоположность прежнему р
довому. Является общество, члены котораго связаны ме
собою не родовою связью, но товариществомъ; дружина, пр
шедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущэственно и
Варяговъ, но въ нее открытъ свободный доступъ храбр
людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, р
зумѣется, по самой близости, туземцамъ; съ появленіемъ др
жины среди Славянскихъ племенъ, для ихъ членовъ откры
свободный и почетный выходъ изъ родоваго быта въ быт
основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получили во
можность, просторъ развивать свои силы, обнаруживать св
личныя достоинства, получили возможность личною доблест

пріобрѣтать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось извѣстною степенью на родовой лѣствицѣ; въ дружинѣ члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; съ появленіемъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлялись изъ толпы людей темныхъ, неизвѣстныхъ, черныхъ; явилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу ихъ; темный, безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, разграничительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ князю и землѣ? Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и землѣ на западѣ и тѣже самыя отношенія у насъ на Руси. На западѣ около доблестнаго вождя собиралась толпа отважныхъ людей съ цѣлію завоеванія какой-нибудь страны, пріобрѣтенія земель во владѣніе. Здѣсь вождь зависѣлъ болѣе отъ дружины, чѣмъ дружина отъ него; дружина нисколько не находилась къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ, вождь былъ только первый между равными: «Мы выбираемъ тебя въ вожди, говорила ему дружина[330], и куда ведетъ тебя твоя судьба, туда пойдемъ и мы за тобою; но что будетъ пріобрѣтено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всѣми нами, смотря по достоинству каждаго», и проч. И дѣйствительно, когда дружина овладѣвала какою-нибудь страною, то каждый членъ варварскаго ополченія пріобрѣталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его обработанія[331]. Но подобныя отношенія моглиʼли имѣть мѣсто у насъ на Руси съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ нарядникъ земли; въ значеніи князя извѣстной страны онъ расширяетъ свои владѣнія; съ нимъ приходитъ дружина, которая постоянно наполняется новыми членами, пришельцами и туземцами; но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ

западныхъ: они не могли явиться для того, чтобъ дѣлить земл ими незавоеванную, они могли явиться только для того, чтоб служить князю извѣстныхъ племенъ, извѣстной страны; тѣ и нихъ, которые приходили за тѣмъ, чтобъ получать города села, какъ напримѣръ Аскольдъ и Диръ, обманывались въ сво надеждѣ, и отправлялись искать лучшаго въ другомъ мѣст Рюрикъ раздаетъ города мужамъ своимъ; Олегъ сажаетъ м жей своихъ въ занятыхъ имъ городахъ — Смоленскѣ и Л бечѣ: они здѣсь начальники отрядовъ, они заступаютъ мѣс князя; но при этомъ должно строго отличать характеръ прав тельственный отъ характера владѣльческаго: мы и послѣ бу демъ постоянно видѣть вездѣ княжихъ посадниковъ, намѣс никовъ, но вездѣ только съ характеромъ правительственны Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорялъ нов племена, то это покореніе было особаго рода: покоренныя п мена были разсѣяны на огромномъ пустынномъ пространст волею или неволею соглашались они платить дань — и толь ихъ нельзя было подѣлить между членами дружины; мы зн емъ, какъ покорялъ Олегъ племена: одни добровольно сог шались платить ему дань, какую прежде платили Казарамъ, другихъ накладывалъ онъ дань легкую; нѣкоторыхъ прину валъ, то есть, силою заставлялъ платить себѣ дань, но опя только дань. Большое различіе, когда дружина займетъ стра цивилизованнаго народа, покрытую городами и селеніями, и когда займетъ страну пустынную, рѣдко населенную, постро итъ острожекъ, и станетъ ходить изъ него къ племенамъ мѣхами. Земли было много у Русскаго князя, онъ могъ, ес хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ, но дѣло въ то выгодно ли были дружинникамъ брать ее безъ народонасе нія[332]; имъ гораздо выгоднѣе было оставаться при князѣ, х дить съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще непо реннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать дань чужимъ народамъ, однимъ словомъ, получать отъ кн содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князья принимали въ свою дружину вс

каго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ: такъ между послами Игоря мы встрѣчаемъ Ятвяга; Святославъ отовсюду собиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ; Владиміръ выбралъ изъ наемныхъ Варяговъ мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города; сѣверныя саги говорятъ о знатныхъ витязяхъ Скандинавскихъ, которые служили въ дружинахъ нашихъ князей; каждый пришлецъ получалъ мѣсто, смотря по своей извѣстности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей слѣдующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати [333].

Въ сагахъ читаемъ, что при Владимірѣ княгиня жена его имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь: мужъ и жена соперничали, у кого будетъ больше знаменитыхъ витязей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину [334]. Подтвержденіе этому извѣстію находимъ также въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ: такъ Владиміръ, посылая богатыря на подвигъ, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

Гой еси, Иванъ Годиновичь!
Возьми ты у меня Князя сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У Княгини ты бери другое сто [335].

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе были его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина: дружина Игорева говорила: «Кто съ моремъ совѣтенъ»? и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были всѣ похожи на него: «Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы головы свои сложимъ», говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потерявши князя, считалось ужаснымъ позоромъ для добраго дружинника [336]. И хорошій вождь считалъ постыднымъ покинуть войско въ опасности; такъ во время похода Владиміра Ярославича на Грековъ, тысяцкій Вышата со-

шелъ на берегъ къ выброшеннымъ бурею воинамъ, и сказалъ: «Если буду живъ, то съ ними; если погибну, то съ дружиною [337]». Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя — пищу, одежду, коней и оружіе; дружина говоритъ Игорю: «отроки Свѣнельдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдемъ съ нами въ дань [338]. Хорошій князь не жалѣлъ ничего для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда пріобрѣсть богатую добычу; такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обильные пиры дружинѣ; такъ о сынѣ его Мстиславѣ говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣнія не щадилъ, въ питьѣ и пищѣ ей не отказывалъ [339]. Лѣтописецъ, съ сожалѣніемъ вспоминая о старомъ времени, говоритъ о прежнихъ князьяхъ [340]: «Тѣ князья не собирали много имѣнія, виръ и продажъ неправедныхъ не налагали на людей; но если случится правая вира, ту брали и тотчасъ отдавали дружинѣ на оружіе. Дружина этимъ кормилась, воевала чужія страны; въ битвахъ говорили другъ другу: «Братья! потянемъ по своемъ князѣ и по Русской землѣ»! Не говорили князю: «мало мнѣ ста гривенъ»; не наряжали женъ своихъ въ золотые обручи, ходили жены ихъ въ серебрѣ; — и вотъ они расплодили землю Русскую». — При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кругу, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что онъ не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; такъ о Владимірѣ говорится: Владиміръ любилъ дружину, и думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ [341]. Святославъ не хочетъ принимать христіанства, потому что дружина станетъ смѣяться. Бояре вмѣстѣ съ городскими старцами рѣшаютъ, что должно принести человѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтоваться о перемѣнѣ вѣры.

Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что одни бояре, одни старшіе члены дружины были совѣтниками Князя: два послѣднія извѣстія ограничиваютъ первое, показываютъ, съ какою дружиною думалъ Владиміръ. Какъ же раздѣлялась дружина [342],

какъ назывались младшіе ея члены, не бояре? — Для означенія отдѣльнаго члена дружины, дружинника, безъ различія степеней, употреблялось слово мужъ. Мужъ, мужи значило человѣкъ, люди, но преимущественно съ почетнымъ значеніемъ; мужъ съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ, относящимся къ князю, означалъ дружинника: мужъ свой, мужъ его [345]. Но, какъ видно, слово мужъ имѣло и болѣе тѣсное значніе, означало дружинниковъ втораго разряда, низшихъ, младшихъ членовъ дружины, въ противоположность боярамъ; это видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи, хотя относящагося къ позднѣйшему времени: Князь Игорь Сѣверскій, попавшись въ плѣнъ къ Половцамъ, такъ горюетъ объ истребленіи своего войска: «Гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный?» И такъ бояре были лучшіе, старшіе въ дружинѣ, совѣтники, думцы Князя по преимуществу; мужи были воины по преимуществу; другое, болѣе опредѣленное названіе для этого разряда дружинниковъ было гриди [346], гридь, гридьба, что означаетъ также сборище, толпу, дружину. Комната во дворѣ княжескомъ, гдѣ собиралась дружина, называлась гридницею: такъ говорится о Владимірѣ: «Онъ учредилъ на дворѣ въ гридницѣ пиры, куда приходили бояре и гриди, соцкіе и десяцкіе, и нарочитые мужи, при Князѣ и безъ Князя [347].» Мужи княжіе, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ разныя должности, въ отличіе отъ бояръ, жившихъ при Князѣ, въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ болярцы [348]. Въ Русской Правдѣ и въ Новгородской лѣтописи мы встрѣчаемъ названіе огнищанина, подававшее поводъ къ различнымъ объясненіямъ. Единственное средство объяснить это названіе — посмотрѣть, какъ оно замѣняется въ другихъ спискахъ Правды и въ другихъ лѣтописяхъ: въ другихъ спискахъ Правды оно замѣняется постоянно выраженіемъ: княжъ мужъ, и въ этомъ значеніи противополается смерду; въ лѣтописи Новгородской читаемъ: «Позвалъ (Ростиславъ) Новгородцевъ на порядъ: огнищанъ, гридь [349].» Въ другой, не Новгородской лѣтописи читаемъ: «Князь Мстиславъ, со-

бравъ Ростовцевъ — бояръ, гридьбу [350].» Слѣдовательно то, что въ Новгородѣ были огнищане, въ другихъ мѣстахъ были бояре, то есть, старшіе члены дружины, которыхъ мѣсто прежде гридей; при этомъ должно замѣтить, что названіе огнищанинъ было обширнѣе, чѣмъ бояринъ: огнищанинъ нѣкоторыхъ списковъ Правды совмѣщаетъ мужа княжа и тіуна княжа другихъ списковъ, а потому и въ Новгородѣ существовало также названіе бояринъ. Объясненіе того, почему огнищананъ соединялъ и боярина и тіуна княжа, равно какъ объясненіе корня слову: огнищанинъ найдетъ также въ Русской Правдѣ; здѣсь читаемъ: «За убійство тіуна огнищнаго и конюшаго платить 80 гривенъ.» Если тіунъ конюшій означаетъ смотрителя за конюшнею княжескою: то тіунъ огнищный долженъ означать смотрителя за огнищемъ или домомъ княжескимъ; огнищанинъ же долженъ означать человѣка, который живетъ при огнищѣ княжескомъ, домочадца княжескаго, человѣка, близкаго къ князю, его думца, боярина, въ переводѣ на наши понятія придворнаго человѣка [351]. Объясненіемъ слова огнищанинъ служитъ также позднѣйшее дворянинъ, означающее человѣка, принадлежащаго ко двору, дому княжескому, а не имѣющаго свой дворъ или домъ, слѣдовательно и подъ огнищаниномъ нѣтъ нужды разумѣть человѣка, имѣющаго свое огнище. Эти-то домочадцы или огнищане княжескіе имѣли то преимущество предъ остальнымъ народонаселеніемъ, что за ихъ голову убійца платилъ двойную пеню, или виру, именно 80 гривенъ вмѣсто 40. Подъ огнищаниномъ разумѣлся только мужъ княжъ высшаго разряда, бояринъ, думецъ княжескій, но не гридь, не простой членъ дружины, который собственно не принадлежалъ къ огнищу или двору княжескому. Къ огнищанамъ, какъ видно изъ Правды, принадлежалъ тіунъ княжъ, но не вообще, а только огнищный и конюшій. Тіунъ въ готскомъ переводѣ Библіи Улфилы является въ формѣ dius и въ значеніи οἰκέτης — домочадецъ, слуга, рабъ. Званіе тіуна, какъ оно является въ нашихъ древнихъ памятникахъ, можно означить словомъ приставникъ, съ неопредѣ-

леннымъ значеніемъ: приставникъ, который смотрѣлъ за домомъ, за конюшнею, за судомъ [352], за сборомъ доходовъ княжихъ, за селомъ княжимъ; тіуны могли быть у князя и боярина; они могли быть и свободные, если примутъ на себя эту должность съ рядомъ, но это было уже исключеніе. Сельскій тіунъ княжій или ратайный, если былъ холопъ, то за него положена была вира въ 12 гривенъ, если же былъ свободный человѣкъ, но рядовичь, то есть такой тіунъ, который, вступая въ должность, не вошелъ въ холопство, но порядился, вошелъ съ рядомъ, то за такого вира была только въ 5 гривенъ, потому что для Князя было гораздо важнѣе потерять своего холопа, чѣмъ вольнаго рядовича; тѣже самыя виры брались за тіуновъ холопей и рядовичей боярскихъ. Вообще Князь увеличивалъ виру за своего служителя, смотря по важности послѣдняго. Что касается до отроковъ Князя, то они составляли его домашнюю прислугу; они, по лѣтописямъ, служатъ за столомъ Князю и гостямъ его [353]; убираютъ вещи по княжому приказу [354]; Князь посылаетъ ихъ съ порученіями [355], и т. п.

Кромѣ дружины, войско составлялось также изъ жителей городовъ и селъ, набиравшихся по случаю похода: эти полки явственно отличаются отъ дружины подъ именемъ воиновъ (воевъ) въ тѣсномъ смыслѣ; такъ читаемъ въ разсказѣ о убіеніи святаго Бориса: Сказала ему отцовская дружина: «вотъ у тебя дружина отцовская и воины (вои) [356].» Другое мѣсто, изъ котораго также видѣнъ двойственный составъ княжескаго войска, встрѣчаемъ въ разсказѣ о походѣ Владиміра Ярославича на Грековъ: «Прочіе воины Владиміра были выкинуты на берегъ, числомъ 6000, и хотѣли возвратиться въ Русь, но не пошелъ съ ними никто изъ дружины княжеской [357].» Но мы недолжны ожидать отъ лѣтописца постоянно рѣзкаго различія въ названіяхъ — дружина и вои: если онъ говоритъ, что Князь взялъ съ собою много воевъ изъ разныхъ племенъ, то онъ не прибавитъ, что онъ взялъ съ собою дружину и воевъ: подразумѣвается, что дружина должна идти съ княземъ, и въ такихъ случаяхъ вездѣ дружина включается въ число воевъ;

съ другой стороны, отъ дружины не было производнаго дружинникъ, дружинники, и потому вмѣсто этого производнаго употреблялось также вои; вои значило вообще всѣ военные, вооруженные люди. На оборотъ, дружина означала въ обширномъ смыслѣ совокупность всѣхъ военныхъ, вооруженныхъ людей, войско, и въ тѣсномъ смыслѣ приближенныхъ къ князю людей, которыхъ военное дѣло было постояннымъ занятіемъ. Это двоякое значеніе дружины всего виднѣе въ разсказѣ о войнѣ Мстислава Тмутараканскаго съ Ярославомъ: «Мстиславъ съ вечера исполчилъ дружину, и поставилъ Сѣверянъ въ челю противъ Варяговъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по крыламъ....» Мстиславъ, на другое утро, увидя лежащіе трупы Сѣверянъ и Варяговъ, сказалъ: «Какъ не радоваться? вотъ лежитъ Сѣверянинъ, вотъ Варягъ, а дружина моя цѣла[358].» Кромѣ собирательнаго дружина въ смыслѣ войска, арміи употреблялось еще слово: полкъ[359]. Слово дружина имѣла еще не военное значеніе, въ которомъ можетъ переводиться словомъ: свои, наши; напримѣръ Древляне спросили Ольгу: «Гдѣ же наша дружина?» то есть послы, которыхъ они прежде отправили въ Кіевъ[360].

Было сказано, что вои, то есть недружина, набирались изъ народонаселенія городскаго и сельскаго: такъ набирали войско изъ племенъ Олегъ, Игорь, Владиміръ; такъ Ярославъ вывелъ противъ Святополка горожанъ Новгородскихъ и сельскихъ жителей съ ихъ старостами. Видно и въ этотъ періодъ, какъ въ послѣдующій, Князь объявлялъ о походѣ въ городѣ, народу, собравшемуся на вѣчѣ; здѣсь рѣшали выступить — и сельское народонаселеніе выступало по рѣшенію городоваго вѣча. Какъ видно, отецъ выходилъ въ походъ со старшими сыновьями, сколько бы ихъ ни было, а младшій (также взрослый уже) оставался дома для охраненія семейства[361]. По окончаніи похода, войско, набранное изъ городскаго и сельскаго народонаселенія, распускалось; оно пользовалось добычею; князья выговаривали у побѣжденныхъ дань въ его пользу: Олегъ требуетъ съ Грековъ по 12 гривенъ на ключь, то есть на каждую лодку;

безъ различія между дружиной и воями, набранными изъ разныхъ племенъ. Дружина, разумѣется, имѣла ту выгоду, что участвовала въ ежегодныхъ даняхъ съ Грековъ и съ своихъ племенъ вообще во всѣхъ доходахъ княжескихъ. Ярославъ, побѣдивъ Святополка, наградилъ щедро помогшихъ ему Новгородцевъ, сельчанъ однако меньше, чѣмъ горожанъ: горожанинъ былъ сравненъ съ сельскимъ старостою. Но ясно, что когда народонаселеніе призывалось не къ далекой наступательной войнѣ, а къ защитѣ своей земли отъ нападенія враговъ, напримѣръ Печенѣговъ, то не могло быть рѣчи о награжденіи; воины могли довольствоваться только добычею, если, прогнавъ врага, отбили обозъ, брали плѣнниковъ; дань съ побѣжденныхъ бралась и на долю убитыхъ ратниковъ, и шла къ ихъ родственникамъ. Сельчане приходили въ походъ съ своими старостами; горожане, относительно военной службы, раздѣлялись, какъ видно, на десятки, сотни: таково было обыкновенно военное дѣленіе у народовъ. Въ лѣтописи упоминаются десяцкіе, соцкіе; безъ всякаго сомнѣнія, былъ высшій начальникъ надъ этими отдѣлами, долженствовавшій носить соотвѣтственное названіе тысяцкаго; этого названія мы не встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописей въ описываемое время, встрѣчаемъ одно неопредѣленное названіе воеводы; но въ слѣдующемъ періодѣ мы встрѣтимъ, что тысяцкій называется также воеводою [362], въ слѣдствіе чего подъ воеводою перваго періода можно разумѣть тысяцкаго. Тысяцкій, по соображеніи всѣхъ извѣстій объ этомъ санѣ, былъ воеводою земскихъ, гражданскихъ полковъ, выбиравшійся княземъ изъ дружины. Если Янъ, сынъ Вышаты, былъ тысяцкимъ въ Кіевѣ, въ 1089 году; то нѣтъ сомнѣнія, что отецъ его Вышата занималъ туже должность прежде, при Ярославѣ; подтвержденіе этому находимъ въ лѣтописи [363]: въ 1037 году послалъ Ярославъ сына своего Владиміра на Грековъ, и далъ ему много войска, а воеводство поручилъ Вышатѣ отцу Янову; когда поднялась буря, и прочіе воины, то есть земскіе полки были выброшены на берегъ, то никто изъ дружины княже-

ской не хотѣлъ идти съ ними; одинъ Вышата вызвался: «я пойду съ ними, сказалъ онъ: останусь живъ — съ ними вмѣстѣ, погибну — вмѣстѣ съ своими (съ дружиною).» Поступокъ Вышаты объяснится, если обратимъ вниманіе на то, что этотъ воевода былъ тысяцкій, что ему было поручено отъ Князя воеводство надъ земскими полками, и онъ, по совѣсти, не могъ оставить ихъ безъ предводителя. Изъ этого же извѣстія видимъ, что земское ополченіе нуждалось въ предводителѣ изъ членовъ дружины.

При святомъ Владимірѣ мы видимъ, что во время тяжкой оборонительной войны противъ Печенѣговъ, князь отправился разъ на сѣверъ, чтобъ набрать полки изъ тамошняго народонаселенія, ходилъ по верховные вои, какъ говорится въ лѣтописи[364]. Кромѣ дружины и земскихъ полковъ, составленныхъ изъ городскаго и сельскаго народонаселенія, были еще наемныя войска, составлявшіяся изъ Варяговъ, Печенѣговъ и Торковъ; Варяги обыкновенно составляли пѣхоту, Печенѣги и Торки конницу; въ борьбахъ сѣверныхъ князей съ южными Варяги нанимались первыми, Печенѣги вторыми, слѣдовательно первымъ помогала Европа, вторымъ Азія. Дружина Мстислава Тмутороканскаго состояла изъ Козаръ и Касоговъ. Надобно замѣтить, что Печенѣги ни разу не дали побѣды князьямъ, нанимавшимъ ихъ. Новгородцы и Варяги дали торжество Владиміру надъ Ярополкомъ, Ярославу надъ Святополкомъ; южно-Русское, Кіевское народонаселеніе не дало побѣды Святополку при Любечѣ; но сѣверное народонаселеніе дало торжество Мстиславу надъ Варягами Ярослава, выдержавши натискъ послѣднихъ; при этомъ не забудемъ, что въ пограничныхъ сѣверскихъ городкахъ со временъ Владиміра жили сѣверные переселенцы. Дружина не могла быть многочисленна; дружина Игоря, если была даже многочисленна, то пострадала много отъ греческаго похода, а потомъ, безъ сомнѣнія, большая часть ея ушла съ Святославомъ; этотъ князь долженъ былъ кончить войну съ Греками по недостатку дружины, которой очень не много должно было

возвратиться съ Свѣнельдомъ въ Кіевъ; что у Ярополка было мало дружины, доказываетъ также торжество Владиміра. Ярославъ перебилъ свою Новгородскую дружину за Варяговъ; Кіевская дружина должна была слѣдовать за Святополкомъ; нельзя предполагать, чтобъ много ея осталось послѣ пораженій послѣдняго; при Ярославѣ слѣдовательно имѣлъ мѣсто новый наборъ дружины. Дружина жила при князѣ, другаго постояннаго войска не было, а между тѣмъ предстояла безпрестанная нужда въ защитѣ границъ, угрожаемыхъ врагами: для этого также нанимались Варяги. Такъ Новгородцы со временъ Олега держатъ мира дѣля отрядъ Варяговъ, которымъ даютъ опредѣленную сумму денегъ; послѣ, какъ видно, этотъ отрядъ уже перестаетъ набираться изъ Варяговъ, или, по крайней мѣрѣ, исключительно изъ нихъ, и слыветъ подъ именемъ гридей; по Скандинавскимъ сагамъ извѣстно, что изгнанникъ Олафъ былъ у Кіевскаго князя начальникомъ войска, посылаемаго для защиты границъ [365]; такое значеніе имѣлъ вѣроятно Ярлъ Рагнвальдъ на сѣверѣ при Ярославѣ [366]. — Войска въ битвахъ располагались обыкновенно тремя отдѣленіями; большой полкъ или чело, и два крыла; въ челѣ ставили Варяговъ наемниковъ [367]; если не было наемниковъ, то земскіе полки, а дружину по крыламъ, сохраняя ее для рѣшительнаго нападенія. Когда рѣка раздѣляла враждебныя войска, и ни одно изъ нихъ не хотѣло первое переправиться, то употреблялись поддразниванія: такъ Святополковъ воевода поддразнивалъ Новгородцевъ, воевода Ярославовъ Польскаго Болеслава. Передъ выступленіемъ въ походъ трубили. Войска сходились (сступались) и расходились по нѣскольку разъ въ битвахъ, въ ожесточенныхъ схваткахъ брали другъ друга за руки и сѣклись мечами. Было въ обычаѣ рѣшать войны единоборствомъ; боролись въ собственномъ смыслѣ слова, безъ оружія, схватывали другъ друга руками, и старались задушить противника, или повалить, ударить имъ о землю. Естественно, что въ пустынной, малонаселенной странѣ, наполненной непроходимыми лѣсами, болотами, озерами, рѣками, самый удобный путь для войскъ былъ водный;

водою ходили на ближайшія племена Славянскія, на Грековъ, на Болгаръ, на Мазовшанъ. Если говорится, что Святославъ ходилъ въ походъ безъ возовъ, то разумѣется, что въ сухопутныхъ походахъ обыкновенно возили возы съ припасами и шатрами, потому что одинъ Святославъ съ своими богатырями спалъ на открытомъ воздухѣ, подостлавши подъ себя конскій потникъ и положивши сѣдло подъ голову. Когда въ походъ шли на лодьяхъ по рѣкамъ, то лошадей не брали, а конница, обыкновенно наемная, шла берегомъ; въ сухопутныхъ походахъ употреблялись лошади: Святославъ спалъ на конскомъ потникѣ, клалъ сѣдло въ головы, слѣдовательно, онъ ходилъ въ походъ на лошади, равно какъ и вся дружина его; иначе трудно объяснить ту быстроту, съ какою онъ, по лѣтописцу, ходилъ на враговъ. Во время сраженія Ярополка съ Олегомъ дрались на лошадяхъ [368]. Въ 1042 году Владиміръ Ярославичь ходилъ на Ямь на лошадяхъ же [369]. Но при этомъ очень вѣроятно, что Русскіе, привыкши ходить въ лодьяхъ и биться пѣши, не были отличными всадниками, какъ свидѣтельствуютъ Византійцы. О трудностяхъ сухопутныхъ походовъ можно судить по тому, что нужно было гораздо заранѣе исправлять дороги и мостить мосты. Города брали съ большимъ трудомъ, обыкновенно принуждали къ сдачѣ голодомъ или хитростію: Ольга цѣлый годъ стояла подъ Коростеномъ, и взяла его только хитростію; Владиміръ осадилъ Ярополка въ Роднѣ, но не бралъ города, а полагался на голодъ и предательство Блуда; Владиміръ не могъ взять Корсуня, грозился стоять три года, и принудилъ жителей къ сдачѣ, отнявши у нихъ воду. Только разъ Святославу удалось взять копьемъ (приступомъ) Переяславецъ Дунайскій. Оружіе состояло изъ мечей, копій, стрѣлъ, ножей, сабель, броней, щитовъ. Объ камнестрѣльныхъ машинахъ упоминаетъ Іоакимова лѣтопись въ разсказѣ о сраженіи Новгородцевъ съ Добрынею при Владимірѣ; но Византійцы также упоминаютъ объ нихъ. Употреблялись при войскѣ знамена, или стяги.

Обратимся къ остальному народонаселенію, городскому и

льскому. Мы видѣли, что прежніе города Славянскихъ племъ были не иное что, какъ огороженныя села, жители которыхъ занимались земледѣліемъ [370]. Это занятіе всего болѣе способствуетъ сохраненію родоваго быта: по смерти общаго родоначальника сыновьямъ его и внукамъ выгодно поддерживать родовую связь, чтобъ соединенными силами обработывать землю. Какъ же скоро среди народонаселенія являются другіе промыслы, мѣна, торговля, какъ скоро для членовъ рода является возможность избирать то или другое занятіе по своимъ склонностямъ, является возможность посредствомъ собственной, самостоятельный дѣятельности пріобрѣсть больше другихъ членовъ рода, то съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо должно являться стремленіе выдѣлиться изъ рода для самостоятельной дѣятельности; слѣдовательно, если въ концѣ описываемаго періода мы видимъ различныя занятія, торговлю въ городахъ, то необходимо должны предположитъ ослабленіе родоваго быта. Различіе занятій и мѣна условливались уже тѣмъ, что среди городовъ явился новый элементъ народонаселенія — воинскіе отряды, дружины князей; въ некоторыхъ городахъ поселились князья, въ другихъ — мужи княжіе съ воинскими отрядами: этотъ приплывъ народонаселенія съ средствами къ жизни, но не промышленнаго само по себѣ, необходимо долженъ былъ породить торговлю и промышленность. Но замѣтимъ, что мы говоримъ все это о городахъ и именно о такихъ, гдѣ наиболѣе развивались промышленность и торговля; въ селахъ же и городахъ, сохранявшихъ по прежнему характеръ огороженныхъ селъ, безъ всякаго сомнѣнія, формы прежняго быта удерживались еще очень и очень долго. Ослабленію родоваго быта въ новыхъ городахъ, построенныхъ князьями, содѣйствовало то, что эти города обыкновенно наполнялись народонаселеніемъ, собраннымъ изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно съ сѣвера; переселенцы эти были вообще доступнѣе для принятія новыхъ формъ быта, новыхъ условій общественной жизни, чѣмъ живущее разсѣянно, отдѣльными родами сельское народонаселеніе; въ городахъ сталкивались чужеродцы, для которыхъ необходимы были новыя правительствен-

ныя отношенія, новая гражданская связь. Наконецъ, ослабленію и паденію родоваго быта въ городахъ вообще должно было много содѣйствовать новое военное дѣленіе на десятки и сотни, надъ которыми поставлялись независимые отъ родовыхъ старшинъ начальники — десятскіе, соцкіе; что эти начальники сохраняли свое вліяніе и во время мира, доказательствомъ служитъ важное вліяніе, гражданское значеніе тысяцкаго: эти новыя формы соединенія, новыя чисто гражданскія отношенія необходимо должны были наносить ударъ старымъ формамъ быта. Появленіе города пробуждало жизнь и въ ближайшемъ къ нему сельскомъ народонаселеніи: въ городѣ образовывался правительственный центръ, къ которому должно было тянуть окружное сельское народонаселеніе; сельчане, которые прежде разъ въ годъ входили въ сношенія съ княжескою властію при платежѣ дани, теперь входили въ сношенія съ нею гораздо чаще, потому что въ ближайшемъ городѣ сидѣлъ мужъ княжъ, посадникъ; потомъ, какъ скоро городское народонаселеніе получило другой характеръ, чѣмъ прежде, то между нимъ и окружнымъ сельскимъ народонаселеніемъ необходимо должна была возникнуть торговля, въ слѣдствіе различія занятій. Съ другой стороны, подлѣ городовъ начали появляться села съ народонаселеніемъ инаго рода: князья, ихъ дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя ихъ рабами, купленными, или взятыми въ плѣнъ, также наймитами. Прибавимъ, что сосредоточенію народонаселенія около городовъ спосособствовало также церковное управленіе, учрежденіе въ городахъ епископскихъ каѳедръ, которымъ были подвѣдомственны всѣ церкви въ окружности. Такъ посредствомъ городовъ, этихъ правительственныхъ колоній, наносился ударъ родовой особности, въ какой прежде жили племена, и вмѣсто племенныхъ названій, въ концѣ періода, мы встрѣчаемъ уже областныя, заимствованныя отъ главныхъ городовъ. Города въ описываемый періодъ упоминаются слѣдующіе: Новгородъ, Ладога, Бѣлозерскъ, Изборскъ, Псковъ, Юрьевъ, Ростовъ, Ярославль, Муромъ, Суздаль, Смоленскъ, Полоцкъ, Любечь, Черниговъ, Лиственъ, Городецъ, Переяславль,

Родня, Вышгородъ, Бѣлгородъ, Василевъ, Витичевъ, Искоростень, Овручь, Туровъ, Владимиръ Волынскій, Курскъ Тмуторакань, Перемышль, Червенъ и другіе безъименные. Изъ этихъ городовъ Псковъ, Юрьевъ, Владимиръ Волынскій, Ярославль достовѣрно построены князьями; многіе изъ остальныхъ, по всей вѣроятности, построены также ими; нѣтъ сомнѣнія, что и кромѣ означенныхъ городовъ нѣкоторые, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ, получили начало въ описываемый періодъ.

Въ противоположность князю, все остальное народонаселеніе носило названіе смердовъ. Въ Русской Правдѣ все княжеское, княжіе люди, княжая собственность постоянно противополагается смердьему. Но какъ въ названіи мужа и дружины, такъ и въ названіи смерда мы не можемъ съ самаго начала искать точности, опредѣленности; смердъ означалъ простаго человѣка, и слѣдовательно это названіе могло употребляться относительно ко всякому высшему разряду; такъ смердъ противополагается мужу княжому; такъ сельское народонаселеніе, подъ именемъ смердовъ, противополагается городскому. Въ противуположность мужу княжому простой человѣкъ назывался также людинъ. Вообще сельское народонаселеніе въ описываемое время считалось ниже городскаго; это прямо видно изъ свидѣтельства о томъ, какъ Ярославъ одѣлялъ своихъ воиновъ послѣ побѣды надъ Святополкомъ: старостамъ (сельскимъ) далъ по 10 гривенъ, смердамъ по гривнѣ, а Новгородцамъ всѣмъ по десяти: сельскій староста приравненъ къ простому горожанину [371]. Подлѣ свободныхъ людей, горожанъ и сельчанъ, находимъ рядъ людей зависимыхъ. Первая степень зависимости было закупничество или наймитство. Закупнемъ или наймитомъ назывался работникъ, нанимавшійся на извѣстный срокъ и за извѣстную плату, которую, какъ видно, онъ получалъ впередъ, въ видѣ займа. Если наймитъ бѣжалъ отъ господина до срока, то становился за это ему полнымъ (обельнымъ) холопомъ, Обелью. Наймитъ былъ обязанъ платить господину за всякій вредъ въ хозяйствѣ, причиненный его нерадѣніемъ; господинъ могъ бить наймита за вину; но если прибьетъ безъ

вины, то платитъ за обиду какъ свободному, наймитъ въ этом случаѣ воленъ идти къ князю или судьямъ жаловаться. Ес бы господинъ вздумалъ продать наймита какъ обель, то най митъ получалъ полную свободу безъ обязанности выплати господину взятое впередъ, а послѣдній долженъ былъ еще пла тить за обиду опредѣленную сумму. За преступленія найми передъ правительствомъ отвѣчалъ господинъ, при чемъ заку пень становился ему обельнымъ холопомъ. Полное или обел ное холопство проистекало кромѣ того слѣдующими способам рожденіемъ отъ холопа; если кто купитъ холопа за какую б то ни было цѣну, хотя бы даже за полгривну, поставитъ сви дѣтелей при куплѣ и отдастъ деньги предъ самимъ холопом если кто женится на рабѣ безъ ряду, безъ условій съ госп диномъ ея, то поступаетъ къ послѣднему въ полные холо если же женится съ условіями, то они имѣютъ силу; если н пойдетъ къ кому въ тіуны или ключники также безъ ряд наконецъ невозможность заплатить долгъ вела должника та въ рабство къ заимодавцу. Значеніе холопа увеличивалось, смот по значенію господина и по той пользѣ, какую онъ приносил такъ за убійство сельскаго старосты или тіуна княжескаго боярскаго платилось по 12 гривенъ, за простаго холопа, ра какъ за холопа, принадлежащаго простому человѣку, смер платилось только пять гривенъ; за ремесленника и за ремесле ницу, за пѣстуна и за кормилицу платилось опять 12 гривен за женщину-рабу шесть. За вредъ, причиненный холопо отвѣчалъ господинъ; если холопъ осмѣливался бить свобод человѣка, то, по уставу Ярославову, лишался жизни. Въ Ру ской Правдѣ находимъ положеніе, что за убійство чужаго хол безъ вины убійца платилъ господину цѣну убитаго, а кн 12 гривенъ продажи, пени, какъ за всякую порчу, истребл ніе чужой собственности; какъ видно, господинъ имѣлъ пр безнаказанно убить своего холопа, какъ безнаказанно мо истребить всякую другую свою собственность. Произвед или пріобрѣтенія раба составляли собственность его господи Холопъ не могъ быть свидѣтелемъ при слѣдствіи дѣла; пр

нуждѣ позволялось сослаться назакупа.—Кромѣ означенныхъ состояній, встрѣчаемъ еще особый разрядъ людей подъ именемъ изгоевъ. Изъ одного позднѣйшаго свидѣтельства [372] узнаемъ, какіе люди принадлежали къ этому разряду: сынъ священника, не умѣющій грамотѣ, холопъ, выкупившійся изъ холопства, наконецъ задолжавшій купецъ. Изъ этого видимъ, что изгоемъ вообще былъ человѣкъ, почему-либо не могущій оставаться въ прежнемъ состояніи, и не примкнувшій еще ни къ какому новому.

Князья были призваны для правды, въ слѣдствіе того, что особные роды не могли безпристрастно разбирать дѣла при враждебныхъ столкновеніяхъ своихъ членовъ; не было у нихъ правды, говоритъ лѣтописецъ. Какъ разбирались роды, намъ неизвѣстно, но безъ всякаго сомнѣнія между ними бывали случаи мирнаго разбирательства и соглашенія, и эти случаи служили примѣромъ; но эти случаи, какъ видно, были довольно рѣдки, большею же частію столкновенія оканчивались враждебно, возстаніемъ рода на родъ, что̀ и повело къ мысли о необходимости третьяго судьи. Если поэтому главное значеніе князя было значеніе судьи, разбирателя дѣлъ, исправителя кривдъ, то одною изъ главныхъ заботъ его былъ уставъ земскій, о которомъ онъ думалъ съ дружиною, старцами городскими, а послѣ принятія христіанства съ епископами,—и вотъ Ярославу первому приписывается подобный писанный уставъ, подъ именемъ Русской Правды. Названіе Русской Правды получилъ этотъ уставъ, какъ видно, для отличія отъ уставовъ греческихъ, которые, по принятіи христіанства, имѣли такое сильное вліяніе на юридическій бытъ Руси [373]. Русская Правда первыми строками своими напоминаетъ намъ о древнемъ бытѣ племенъ, какъ представляетъ его лѣтописецъ; но въ то же время указываетъ и на измѣненія, происшедшія въ этомъ быту послѣ призванія князей. При родовомъ, особномъ бытѣ главная обязанность родичей состояла въ защитѣ другъ друга, въ мести другъ за друга; и если цѣлый родъ, какъ бы онъ ни былъ обширенъ и

развѣтвленъ, составлялъ одно, одинъ союзъ, подъ властію одного родоначальника, то всѣ члены его, въ какихъ бы ни было степеняхъ, имѣли одинаково эту обязанность. Въ Русской Правдѣ установлено, что въ случаѣ убійства родственникъ убитаго долженъ мстить убійцѣ; но эта обязанность ограничена извѣстными ближайшими степенями родства—знакъ, что родовой бытъ началъ уже ослабѣвать, что распространенію родовыхъ отношеній уже положена преграда. По Ярославову уставу, въ случаѣ убійства, братъ долженъ былъ мстить за брата, отецъ за сына и на оборотъ, дядя за племянника съ братней и сестриной стороны. Въ случаѣ, если не было местника въ означенныхъ степеняхъ родства, то убійца платилъ князю пеню, виру, смотря по значенію убитаго, былъ ли то мужъ княжъ, или слуга княжій, котораго способности князь дорого цѣнилъ[374], или простой человѣкъ: въ первомъ случаѣ убійца платилъ двойную виру (80 гривенъ), во второмъ простую (40 гривенъ); за женщину платилось полвиры. Такъ спустя полтора вѣка послѣ призванія князей, въ судномъ уставѣ еще сохранена месть, родовое самоуправство; остатокъ родовой особности, самостоятельности; но при этомъ мы видимъ во первыхъ, что родовая месть ограничена ближайшими степенями родства, во вторыхъ, что въ случаѣ отсутствія родича-мстителя, убійца долженъ вознаградить общество за убійство одного изъ его членовъ. Но если правительство брало съ убійцы денежную пеню, денежное вознагражденіе, то было ли въ обычаѣ, что родичъ-мститель могъ отказаться отъ своего права мстить убійцѣ, взявъ съ него денежное вознагражденіе? На этотъ вопросъ Русская Правда не даетъ намъ отвѣта; изъ ея молчанія позволительно предположить, что подобныя соглашенія были мало употребительны, могли считаться постыдными для родичей; у Германцевъ они употреблялись, но не всегда: такъ въ одной сагѣ читаемъ, что отецъ, отвергая денежный окупъ за убійство сына своего, говоритъ: «Я не хочу моего убитаго сына носить въ денежномъ кошелькѣ»[375]. Обративъ вниманіе на бо́льшую крѣпость родовой связи у нашихъ племенъ въ опи-

сываемое время, чѣмъ у Германцевъ, можно допустить, что подобныя чувства были у насъ господствующими.

Мы видѣли, что послѣ родовой мести существовала также общественная пеня въ томъ случаѣ, когда не будетъ мстителя; но если при послѣднемъ обстоятельствѣ убійство будетъ совершено, и убійца скроется, то правительство чрезъ это лишается виры; для предотвращенія такого лишенія въ означенномъ случаѣ вира платилась цѣлымъ округомъ, вервью[376], гдѣ совершенно убійство; такая вира называлась общею или дикою вирою. Вервь не платила въ томъ случаѣ, когда находили въ ней только кости, свидѣтельствовавшія о давности преступленія, не платила также за мертвеца, о которомъ никто не зналъ. Это установленіе дикой виры встрѣчаемъ мы и въ другихъ новорожденныхъ обществахъ, въ которыхъ правительственный организмъ еще незрѣлъ; при такомъ состояніи общества, полицейскія обязанности обыкновенно поручаются отдѣльнымъ округамъ, которые и отвѣчаютъ за всякій безпорядокъ, въ нихъ случившійся. Подъ дикою вирою разумѣлось также общее поручительство, по которому всѣ или нѣкоторые жители верви обязывались, въ случаѣ, если одинъ изъ нихъ совершитъ убійство, помогать ему въ платежѣ виры. Существовалъ ли обычай дикой виры въ описываемое время, или явился позднѣе? Обязанность верви схватить и представить убійцу, или платить за него виру въ случаѣ, если не отыщутъ его, безспорно явилась вмѣстѣ съ опредѣленіемъ о вирахъ; труднѣе рѣшить, когда явился обычай дикой виры въ видѣ сотоварищества для вспоможенія убійцѣ платить виру; если этотъ обычай существовалъ въ описываемое время, то долженъ былъ особенно усилиться послѣ Ярослава, когда месть была окончательно замѣнена вирами. Правда различаетъ разбойничество, когда человѣкъ убилъ другаго безъ всякой вражды, отъ убійства по враждѣ, въ пылу ссоры, драки. Дикая вира относительно разбойника не могла имѣть мѣста; за разбойника люди не платили, но отдавали его съ женою и дѣтьми князю на потокъ (изгнаніе), домъ его отдавался на разграбленіе. Различіе разбойничества отъ убій-

ства въ ссорѣ, но враждѣ, должно было существовать въ описываемое время: трудно себѣ представить, чтобъ безразличность между этими двумя дѣйствіями могла удержаться долго послѣ принятія христіанства, когда уже при Владимірѣ мы видимъ, что епископы настаиваютъ на необходимость казнить разбойниковъ, съ испытаніемъ однако: уже этотъ совѣтъ духовенства испытыватъ, обращать вниманіе на обстоятельства и побужденія, велъ необходимо къ означенному въ Правдѣ различенію между разбоемъ и убійствомъ въ ссорѣ, на пиру, въ нетрезвомъ видѣ: кромѣ того еетественно было для общины требовать, чтобъ человѣкъ явно вредный, грозящій каждому гибелью, былъ исключаемъ изъ общины, не могъ въ ней долѣе оставаться. Также должна была община изначала смотрѣть и на зажигательтво двора или гумна: зажигатель долженъ былъ заплатить за вредъ, причиненный пожаромъ, и потомъ осуждался также на потокъ, а домъ его отдавался на разграбленіе.

Относительно увѣчій такое же постановленіе, какъ и относительно убійства: обиженный можетъ отомстить за себя обидчику тѣмъ же, ударъ за ударъ, увѣчье за увѣчье; если же не можетъ истить, то беретъ себѣ денежное вознагражденіе и плату лѣкарю; въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляется, что князь получаетъ при этомъ пеню или продажу. Увѣчье и вознагражденіе за него различались смотря потому, какимъ образомъ оно будетъ нанесено; также смотря потому, могъ ли излѣчиться поврежденный членъ или нѣтъ, и по важности члена; обидою считалось дѣйствіе, въ которомъ обнаруживалось намѣреніе нанести побои или увѣчье.— Относительно, кражи похитившій обязанъ былъ возвратить похищенное, и платить извѣстную сумму за обиду, смотря по цѣнности украденнаго; исключеніе составляетъ въ нѣкоторыхъ спискахъ коневый тать, котораго міръ выдавалъ князю на потокъ. Въ числѣ похищеній чужой собственности полагался уводъ, укрывательство бѣглаго холопа, помощь, оказанная ему во время бѣгства, нерадѣніе при поимкѣ. Упоминаются случаи порчи, истребленія

чужой собственности. Большую пеню платили за поврежденіе межевыхъ знаковъ. Убійство вора не считалось убійствомъ, если было совершенно при самомъ воровствѣ, когда воръ еще не былъ схваченъ; но считалось убійствомъ, если воръ былъ убитъ связанный или во время бѣгства.

Правда (слѣдованіе дѣла, исправленіе зла) происходила слѣдующимъ образомъ: обиженный долженъ былъ представить свидѣтелей своей обиды; но ясные знаки побоевъ, увѣчья признавались достаточнымъ свидѣтельствомъ; свидѣтель долженъ былъ говорить слово въ слово, какъ самъ жалующійся; прежде всего спрашивалось, кто первый началъ драться, и зачинщикъ платилъ пеню. Если придетъ жаловаться человѣкъ съ ясными признаками побоевъ, но явятся свидѣтели, которые покажутъ, что онъ самъ былъ зачинщикомъ драки, то онъ ничего не получаетъ съ противника, и самъ не платитъ: побои вмѣняются ему въ платежъ. Свидѣтель долженъ быть человѣкъ свободный; если не будетъ свободнаго, то по нуждѣ можно сослаться на боярскаго тіуна; въ маломъ искѣ по нуждѣ можно сослаться на закупня; впрочемъ истецъ могъ взять и холопа въ свидѣтели, но въ такомъ случаѣ, если отвѣтчикъ, послѣ испытанія желѣзомъ оправдается, то истецъ платитъ ему за то, что поклепалъ его по рѣчамъ холопа. Если не найдется свидѣтель, а обвиненіе будетъ въ убійствѣ, то обвиненный долженъ былъ подвергнуться испытанію желѣзомъ; это испытаніе употреблялось при обвиненіи въ воровствѣ, если поличнаго не было, и если цѣна украденной вещи была не менѣе полгривны золота: если же меньше, то употреблялось испытаніе водою; если же цѣна похищеннаго была менѣе двухъ гривенъ серебра, то обвиненный присягалъ въ своей невинности. Обычай испытанія желѣзомъ и водою у сосѣднихъ Руси народовъ существовалъ съ незапамятныхъ временъ, въ слѣдствіе чего мы и рѣшились отнести этотъ обычай къ описываемому времени. Какъ у насъ, такъ и у сосѣднихъ народовъ желѣзо предписывалось только въ тяжкихъ обвиненіяхъ[377]. Въ Богеміи подсудимый обязанъ былъ простоять извѣстное время на

раскаленномъ железѣ, либо держать на немъ два пальца д
тѣхъ поръ, пока совершитъ предписанную присягу. У Сербо
обвиненный долженъ быдъ опустить руку въ раскаленный ко
телъ, либо, выхвативъ железо изъ огня при дверяхъ хра
отнести его къ алтарю. Подвергшійся испытанію водою долж
былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки; если о
при этомъ робѣлъ и мѣшался, то проигрывалъ дѣло. Зд
начало пытки[378]. Когда обокраденный объявитъ немедленно
своей пропажѣ во всеуслышаніе на торгу, то по отыска
своей вещи имѣлъ право взять ее у кого нашелъ безъ всяк
судебныхъ формъ, и тотъ, у кого найдена вещь, обязанъ запл
тить хозяину за обиду, а князю продажу. Если же обокраден
не повѣститъ о своей пропажѣ на торгу, и увидитъ ее у к
го-нибудь другаго, то не можетъ сказать ему: «это мое,»
обязанъ вести его на сводъ, чтобъ тотъ указалъ, гдѣ вз
вещь. Сводъ въ одномъ городѣ продолжался до конца, ес
же переходилъ черту города, то останавливался на треть
отвѣтчикѣ, который долженъ былъ платить истцу деньгами,
самъ бралъ вещь и отыскивалъ снова похитителя; при отыск
ваніи раба сводъ шелъ во всякомъ случаѣ только до треть
отвѣтчика, который отдавалъ истцу своего раба вмѣсто ук
деннаго, а самъ отыскивалъ настоящаго вора. Свода изъ с
его города въ чужую землю не было; но отвѣтчикъ могъ то
ко представить свидѣтелей или мытника (сборщика торговы
податей), при которыхъ купилъ искъ, послѣ чего истецъ бр
свою вещь, неполучая никакого вознагражденія за то, что вм
съ нею пропало, а отвѣтчикъ терялъ свои деньги. Тоже с
мое происходило, когда отвѣтчикъ хотя и могъ посредств
двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника доказать, что о
дѣйствительно купилъ вещь или раба, но не знаетъ, у к
именно; по отысканіи же своего продавца, онъ могъ взять
него свои деньги, и послѣдній обязанъ былъ удовлетвор
перваго истца за то, что у него пропало вмѣстѣ съ кра
нымъ. Если хозяинъ замѣтитъ покражу, а воръ уже убѣжа
то съ свидѣтелями и съ чужими людьми онъ гонится по с

дитъ вора; если слѣдъ приведетъ къ селу или шатру (товару), и жители села или владѣтели шатра не отведутъ отъ ссбя слѣду, не пойдутъ на слѣдъ или станутъ отбиваться, то должны платить и цѣну украденной вещи и продажу князю; если же слѣдъ исчезнетъ на большой дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни людей, ни жилищъ ихъ, то никто не платитъ. Въ разныхъ спискахъ Правды встрѣчаемъ уставы о процентахъ (рѣзѣ), существовавшіе до Владиміра Мономаха и при немъ изданные, о поклажѣ (отдачѣ имущества на сохраненіе); о долговыхъ взысканіяхъ: если заимодавецъ станетъ требовать съ должника своихъ денегъ, а тотъ запрется, что не бралъ, то заимодавецъ выводитъ свидѣтелей которые, если присягнутъ, что искъ его правый, то должникъ платитъ взятыя деньги и кромѣ того за обиду; въ нѣкоторыхъ же спискахъ говорится: «если кто чего взыщетъ на другомъ, и послѣдній начнетъ запираться, то идти ему на сводъ предъ 12 мужей». Если купецъ, взявши въ долгъ деньги, потерпитъ убытокъ отъ кораблекрушенія, рати или огня, то заимодавцы не имѣютъ права требовать съ него денегъ вдругъ: онъ выплачиваетъ имъ по немногу; если же должникъ пропьется или пробьется (вѣроятно если истеряетъ имущество на виры и платежи за побои), или своимъ нерадѣніемъ погубитъ чужое имущество, то отъ заимодавцевъ зависитъ — ждать уплаты или продать должника. Если послѣдній будетъ долженъ многимъ, то заимодавцы могутъ вести его на торгъ и продать; вырученными деньгами прежде всего удовлетворяются иностранные купцы, гости, остальное дѣлятъ свои заимодавцы; если же на должникѣ будутъ княжія деньги, то князь удовлетворяется прежде всѣхъ.

О наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ слѣдующія статьи: если умретъ простой человѣкъ, смердъ, и сыновей у него не будетъ, то имущество его переходитъ къ князю; если останутся у него дочери, то давать часть на нихъ, какую — не сказано: впрочемъ она зависѣла отъ князя; если же дочери будутъ за мужемъ, то не давать имъ части. Если умретъ бояринъ или дружинникъ, то имѣніе нейдетъ къ князю; но если не бу-

детъ сыновей, то дочери возьмутъ. Послѣ призванія князей въ городахъ община замѣнила родъ, родоначальника замѣнилъ князь—Рюриковичь, имѣніе бездѣтнаго смерда переходило къ общинѣ, въ распоряженіе князя, дочь наслѣдовала по старому обычаю, ибо ея назначеніе было оставить свой родъ для чужаго, незамужняя женщина не могла быть самостоятельною владѣлицею, самостоятельнымъ членомъ общины, какъ прежде не могла быть самостоятельнымъ членомъ рода. Что имѣніе могло идти только къ сыновьямъ, а не въ боковыя линіи, это было необходимо въ описываемое время: родичь, выдѣлившійся изъ рода, прерывалъ съ послѣднимъ всякую связь: ни онъ не имѣлъ права вступаться въ общую родовую собственность, ни остальные родичи также не имѣли права вступаться въ его имущество. Такое рѣзкое выдѣленіе было необходимымъ слѣдствіемъ твердости родовой связи: кто нарушалъ эту связь, тотъ нарушалъ ее совершенно, становился совершенно чужимъ, ничего средняго быть не могло. Такимъ образомъ означенное положеніе Русской Правды о наслѣдствѣ служитъ признакомъ только-что начавшагося перехода отъ родоваго быта, когда еще не выработались отношенія по одной кровной связи, безъ всякаго отношенія къ единству рода, и къ общему владѣнію родовою собственностью: можно выразиться такъ, что это положеніе Русской Правды знаменуетъ переходъ отъ родовыхъ отношеній къ родственнымъ. Такъ какъ выдѣлы изъ родовъ по означеннымъ выше причинамъ должны были происходить въ описываемый періодъ, преимущественно въ городахъ, то мы и почли приличнымъ упомянуть здѣсь о положеніи Русской Правды относительно наслѣдства, тѣмъ болѣе, что положеніе ея о наслѣдствѣ послѣ дружинника безспорно носитъ признаки глубокой древности. Мы замѣтили, что имущество простаго человѣка, смерда, шло къ князю, потому что князь Рюриковичь замѣнилъ для смерда прежняго князя — родоначальника: но вовсе не таково было отношеніе дружинника къ князю. Дружинникъ былъ вольный слуга князя: первоначальную дружину составляли пришлецы, Варяги, которые могли оставаться въ службѣ князя

сколько хотѣли; они получали содержаніе отъ князя за свою службу; они не входили вмѣстѣ со смердами въ составъ общины, они составляли особое отъ общины тѣло, которое община содержала для собственной защиты; отсюда община, казна общественная или княжеская не могла брать имущества умершаго дружинника, которое представляло не иное что̀ какъ жалованье, полученное дружинникомъ за службу князю и землѣ; вольный дружинникъ, вступая въ службу къ князю, никакъ не могъ согласиться, чтобъ добытое имъ имущество на службѣ по его смерти отнималось у его дочерей и переходило къ общинѣ, къ которой онъ могъ имѣть только временное отношеніе; при этомъ очень часто могло случаться, что имущество это было имъ накоплено въ другихъ странахъ, на службѣ другому князю, другой землѣ. Мы назвали этотъ обычай, относительно боярскаго наслѣдства, древнимъ, отнесли его къ описываемому періоду именно потому, что онъ предполагаетъ особность дружинника, какъ пришлеца, могущаго быть только временнымъ слугою княжескимъ: это же отношеніе особенно было сильно въ началѣ нашей исторіи. Изъ остальныхъ положеній о наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ читаемъ о правѣ отца при смерти дѣлить домъ свой дѣтямъ; если же умретъ безъ завѣщанія (безъ ряда), то имѣніе идетъ всѣмъ дѣтямъ, которыя обязаны дать часть по душѣ умершаго; дворъ отцовскій всегда идетъ меньшому сыну. Сестра при братьяхъ не получала наслѣдства, но послѣдніе обязывались выдать ее замужъ. Жена, если остается жить съ дѣтьми, имѣетъ право на часть наслѣдства; но когда мужъ назначилъ или далъ ей особый участокъ изъ своего имущества, то она уже не наслѣдуетъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Мать можетъ раздѣлить свое имущество между всѣми сыновьями, или же отдать его какому-нибудь одному, даже одной дочери; но если она умретъ, не распорядившись, то наслѣдство послѣ нея получаетъ тотъ, у кого она жила въ домѣ, кто ее кормилъ, и у кого она умерла. Изъ дѣтей отъ двухъ разныхъ отцовъ тѣ и другія получаютъ только наслѣдство послѣ своего отца; а если они отъ разныхъ матерей, то наслѣдство послѣ своей матери. Если мать мало-

лѣтныхъ сиротъ пойдетъ замужъ, то они съ наслѣдствомъ сво имъ поступаютъ въ опеку къ ближайшему родственнику; отчим также могъ быть опекуномъ. Опекунъ бралъ имѣніе мало лѣтныхъ передъ добрыми людьми и въ послѣдствіи обязан былъ возвратить его въ цѣлости, вмѣстѣ съ приплодомъ, от скота и челяди, имѣя право удержать у себя только процент или торговую прибыль, въ награду за свои попеченія. Если жена, давши слово сидѣть по смерти мужа съ дѣтьми, растеря етъ имущество послѣднихъ и пойдетъ за-мужъ, то должна вы платить дѣтямъ все ею потерянное. Жена имѣетъ право оставаться по смерти мужа въ его домѣ съ дѣтьми, и послѣднія не смѣютъ этому противиться. О незаконныхъ дѣтяхъ встрѣчаем слѣдующее положеніе: «если будутъ у мужа дѣти отъ рабы, то они не имѣютъ доли въ наслѣдствѣ, но получаютъ свободу вмѣ стѣ съ матерью.» Очень важно было бы знать время появлені этого устава. Вѣроятно духовенство съ самаго начала старалось полагать различіе между законными и незаконными дѣтьми; но сомнительно, соблюдалось ли строго это различіе во времен Ярослава. Любопытно, что уставъ обращаетъ вниманіе на дѣ тей отъ рабы, признаетъ ихъ, хотя несовершенно; хотя лишает ихъ наслѣдства, однако даетъ имъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Полное признаніе незаконности ихъ не допустило бы устав обратить на нихъ вниманіе.

На комъ лежала обязанность приводить судебный приговор въ исполненіе, то есть, подвергать виновнаго наказанію, со бирать пени, получать судебныя пошлины, взыскивать частное вознагражденіе, и какія средства можно было употреблять въ случаѣ сопротивленія со стороны осужденнаго? — на все это нѣтъ достаточныхъ указаній въ Русской Правдѣ. Но изъ дру гихъ источниковъ мы узнаемъ о важномъ значеніи при судѣ тіуна княжескаго, отъ котораго зависѣло рѣшить дѣло право или неправо, наложить справедливую или несправедливую пе ню, откуда заключаемъ, что тіунъ былъ приставникомъ кня жескимъ при судѣ, обязаннымъ смотрѣть за исполненіемъ устава. Кромѣ того при судопроизводствѣ упоминаются еще слуги кня-

жеские съ разными названіями — ябедника, вирника, метельника, мечника (кажется одно и тоже), дѣтскаго, отрока (кажется одно и тоже); встрѣчаемъ и писца; въ пользу этихъ лицъ установлены были особыя судныя пошлины; кромѣ того во время слѣдствія дѣла они получали содержаніе на счетъ жителей того мѣста, гдѣ производилось слѣдствіе. Наконецъ въ Правдѣ встрѣчаемъ статьи, которыми опредѣляется пеня за то, если подвергнутъ мукѣ, тѣлесному истязанію огнищанина, тіуна, мечника или простаго человѣка, смерда, безъ княжескаго приказанія, слѣдовательно эти люди могли подвергаться тѣлесному истязанію по приказу княжескому. Какъ поступалъ князь съ людьми, входившими въ столкновеніе съ его властію, видно изъ поведенія Ярослава съ дядею его, Новгородскимъ посадникомъ Константиномъ Добрыничемъ.

Разсмотрѣвъ содержаніе Русской Правды, во сколько при настоящей, очень неудовлетворительной обработкѣ этого памятника, можно имъ воспользоваться, мы обратимся теперь къ нравамъ эпохи, какъ они представляются намъ Правдою и лѣтописью. Кровавая месть, частая возможность убійства въ ссорѣ, на пирахъ, поступки Игоря съ Древлянами и Древлянъ съ нимъ, мщеніе Ольги, умноженіе разбоевъ при Владимірѣ, поступки Добрыни въ Полоцкѣ съ семьею Рогволода, потомъ съ Ярополкомъ, поведеніе Святополка — вотъ нравы языческаго общества. Скорость къ обидѣ и скорость къ мести, преобладаніе физическихъ стремленій, мало сдерживаемыхъ религіозными и нравственными законами; сила физическая на первомъ планѣ — ей весь почетъ, всѣ выгоды; богатырь, котораго сила доведена въ народномъ воображеніи до чудовищныхъ размѣровъ — вотъ герой эпохи. Въ битвахъ личная, матеріальная сила преобладаетъ, отсюда видимъ частыя единоборства, въ которыхъ оружіе не употребляется: борются обыкновенно схватывая другъ друга, желая раздавить и ударить объ землю: оружіе — это уже человѣческое, искусственное, замѣняющее животненную силу; при владѣніи оружіемъ требуется ловкость, искусство. Съ выдѣлкою оружія въ древности соединяли всегда

12*

понятіе о мудрости, хитрости; въ сѣверныхъ преданіяхъ оружіе куютъ обыкновенне карлы волшебники: эти существа лишены матеріальной силы, и не смотря на то, оружіе, произведеніе ихъ искусства, ихъ духовной дѣятельности, дѣлаетъ героевъ непобѣдимыми. Но должно замѣтить, что одну животненную силу и единоборство любятъ употреблять преимущественно восточные варвары: такъ Печенѣги вызываютъ на единоборство Русскаго; такъ Редедя, князь Касожскій, вызываетъ Мстислава; азіатскія понятія высказываются въ томъ, что вожди въ поединкахъ рискуютъ счастіемъ, свободою семейства и подданныхъ. Высшую богатырскую природу, высшія стремленія выставляетъ Европа, Русь въ лицѣ Святослава. Преданіе не говоритъ объ его страшной физической силѣ, оно говоритъ о крѣпости духа, которая заставляла тѣло переносить всякаго рода лишенія; это герой дѣятельности, движенія: онъ ходитъ легко, какъ барсъ; онъ противоположенъ тѣмъ сказочнымъ богатырямъ, которые не двигаются отъ избытка матеріальной силы. Святославъ собственно не богатырь; онъ вождь дружины, которая похожа на него; онъ любитъ оружіе, онъ отказывается отъ поединка съ Цимисхіемъ: онъ первый между дружинниками, бьется въ челѣ ихъ, но не отдѣляется отъ нихъ, не существуетъ безъ нихъ, живетъ и умираетъ съ ними. Святославу вторитъ Вышата: «Живъ ли буду — съ дружиною; погибну ли — вмѣстѣ съ нею». — Вообще въ преданіяхъ, занесенныхъ въ лѣтопись, безъ труда можетъ замѣтить эту борьбу Востока съ Западомъ, Азіи съ Европою: борьба происходитъ за Дономъ, часто за Днѣпромъ, подлѣ самаго Кіева; но вездѣ видимъ характеристическія черты борющихся сторонъ: со стороны Азіи выходитъ громадный Печенѣгъ, со стороны Руси — Янъ Усмошвецъ, человѣкъ по наружности очень обыкновенный, незначительностію своего вида возбуждаетъ насмѣшки великана; но побѣждаетъ его. Редедя, князь Касожскій вызываетъ Мстислава на поединокъ; Мстиславъ чувствуетъ уже, что противникъ одолѣваетъ его, и однако Русскій князь побѣждаетъ Азіатца, побѣждаетъ духовною силою, вѣрою. — Но какъ бы

то ни было, мы видимъ повсюду проявленія матеріальной силы, ей первое мѣсто, ей почетъ отъ князя до простолюдина; чрезъ нее простолюдинъ можетъ сдѣлаться великимъ мужемъ, какъ сдѣлался Янъ Усмошвецъ, она вѣрное средство для пріобрѣтенія славы и добычи. При господствѣ матеріальной силы, при необузданности страстей, при стремленіи юнаго общества къ расширенію, при жизни въ постоянной борьбѣ, въ постоянномъ употребленіи матеріальной силы — нравы не могли быть мягки; когда силою можно взять все, когда право силы есть высшее право, то конечно сильный не будетъ сдерживаться предъ слабымъ: «съ дружиною пріобрѣту серебро и золото», говоритъ Владиміръ, и тѣмъ указываетъ на главное, вѣрнѣйшее средство къ пріобрѣтенію серебра и золота; они пріобрѣтались оружіемъ, пріобрѣтались сильнымъ на счетъ слабаго. Князья идутъ на Грековъ, чтобъ взять золото, драгоцѣнности; если съ дружиною можно было пріобрѣсть богатство, то богатство необходимо было для содержанія дружины; хорошимъ княземъ считался тотъ, который ничего не щадилъ для дружины; дружина Игоря требуетъ, чтобъ князь шелъ съ нею въ дань; Игорь и дружина его прямо объявляютъ, что цѣль ихъ похода — золото, что если Греки дадутъ имъ его, то имъ больше ничего не нужно; дружина Владиміра жалуется, что князь кормитъ ее съ деревянныхъ ложекъ. Славные подвиги нужны были для богатства, богатство нужно было для совершенія славныхъ подвиговъ: обѣ страсти питали одна другую. Но при этомъ мы видимъ однако, что въ образцѣ тогдашняго героя чистое корыстолюбіе, страсть къ богатству для богатства было осуждено: такъ Сватославъ не обращаетъ вниманія на богатые подарки императора, и любуется однимъ оружіемъ; простота, презрѣніе къ роскоши выставлены въ Святославѣ какъ достоинство; добрый князь не можетъ быть скупымъ, онъ не щадитъ ничего для дружины: таковъ Владиміръ и сынъ его Мстиславъ. — Несмотря на уваженіе къ силѣ, она не считалась единственно позволеннымъ средствомъ къ торжеству; хитрость цѣнилась также высоко, считалась мудростію; перехитрить, переклю-

кать было тоже подвигъ. — Легко понять, что всѣ природны стремленія сильнаго не знали границъ при возможности удовлетворить имъ: таково женолюбіе язычника Владиміра.. Богатыри послѣ подвиговъ силы не знали другихъ наслажде кромѣ матеріальныхъ: «Руси есть веселіе пити», говоритъ Владиміръ; въ преданіи съ восторгомъ говорится о количествѣ блюд на пирахъ этого князя.

Мы видѣли, какъ законъ слабо сдерживалъ проявленія матеріальной силы, позволяя частную месть или выкупъ деньга Представляла ли славянская языческая религія какое-нибу противоборство имъ? кажется никакого. Одно только нравствен ное противоборство могла представить власть родительская; лю бопытенъ разсказъ старика, отца Усмошвецова: однажды, го воритъ онъ, я бранилъ своего младшаго сына, и тотъ въ сер цахъ разорвалъ воловью кожу. Вотъ вѣрная картина быт богатырь принужденъ выслушать укоры стараго отца; мате ріальная сила кипитъ, просится вонъ, но сдерживается, и ока зывается только въ безсмысленномъ гнѣвѣ на невинную вещ Игорь покорствуетъ Олегу, ходитъ по немъ, какъ сынъ; Свя тославъ сердится на мать за совѣты принять христіанство, н отговаривается дружиною; Владиміръ повинуется дядѣ Добрын посылаетъ сказать Блуду, что будетъ имѣть его вмѣсто отца — бóльшаго выраженія для чести и власти не было. — Преобладаніе матеріальной силы, разумѣется, не могло условливат уваженія къ слабѣйшему полу вообще; но при отсутствіи опре дѣленій, женщина могла, пользуясь иногда своимъ преимуще ствомъ духовнымъ, а иногда даже и силою матеріальною, играт важную роль; мудрѣйшею изъ людей въ описываемый період является женщина — Ольга, которая правитъ Русью во врем малолѣтства Святослава, да и послѣ совершеннолѣтія. Женщин провожаютъ мужей своихъ на битвы; пѣсни, содержаніе кото рыхъ относится ко временамъ Владиміра, упоминаютъ о жен щинахъ чародѣйкахъ. По свидѣтельству тѣхъ же пѣсенъ, жен щины участвовали вмѣстѣ съ мущинами въ пирахъ княжескихъ, похваляясь своею хитростію, мудростію; стыдливости мал

въ ихъ бесѣдахъ, выходки матеріальной силы и тутъ на первомъ планѣ[379].— Владиміръ совѣтуется съ своею женою Анною о церковномъ уставѣ; княгини имѣютъ свои волости, содержатъ свою дружину, спорятъ съ мужьями, кто наберетъ храбрѣйшихъ дружинниковъ. Рогволодъ Полоцкій отдаетъ дочери на рѣшеніе, за кого она хочетъ выдти замужъ; Предслава переписывается съ Ярославомъ о поступкахъ Святополковыхъ.— Въ такомъ состояніи застало нравы новорожденнаго Русскаго общества христіанство, о вліяніи котораго будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ обычаямъ. Мы не знаемъ, какіе обряды совершались при рожденіи ребенка; знаемъ изъ лѣтописи и изъ Правды, что къ дѣтямъ приставлялись кормильцы или воспитатели, упоминаются также кормилицы; трудно рѣшить, въ какомъ значеніи принимались послѣднія, въ одномъ ли нашемъ тѣсномъ значеніи женщинъ, кормящихъ грудью ребенка, или въ обширномъ значеніи нянекъ, точно такъ какъ воспитатели, пѣстуны мущины назывались кормильцами. Князья женились рано: Владиміръ, будучи очень молодъ, сватался на Рогнѣдѣ, но уже прежде былъ женатъ на матери Вышеслава. Изъ подробностей брачныхъ обычевъ мы знаемъ только четыре: сватовство —женихъ обращался къ отцу невѣсты съ предложеніемъ; невѣста въ день свадьбы одѣвалась въ лучшее платье, княжна во всю утварь царскую; упоминается объ обычаѣ разуванія мужа молодою женою, обычаѣ, который находимъ одинаково у племенъ Славянскихъ и Литовскихъ; наконецъ знаемъ, что за жену платилось вѣно.—Мертвыхъ пегребали на горахъ, насыпали курганы надъ могилами, совершали тризны. Византійскій историкъ такъ описываетъ погребеніе воиновъ Святославовыхъ[380]: «Ночью, при появленіи полной луны, непріятели (Руссы) вышли изъ города на поле сраженія, собрали тѣла своихъ убитыхъ и сожгли ихъ на многихъ кострахъ, расположенныхъ у стѣны; въ тоже время они умертвили, по своему обычаю, множество плѣнныхъ мущинъ и женщинъ, утопили въ Дунаѣ грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ. Арабскіе писатели говорятъ, что Сла-

вяне и Руссы жгли своихъ мертвецовъ съ разными пожитками, животными и женами. — Жилища носили разныя названія, упоминаются терема: такъ въ Кіевѣ былъ каменный теремъ княжескій съ дворомъ; онъ состоялъ изъ разныхъ покоевъ, между которыми была гридница, комната, куда собиралась дружина для пировъ и, вѣроятно, для совѣта. Подъ именемъ терема въ обширномъ смыслѣ разумѣли, какъ видно, то, что мы теперь называемъ дворцомъ, большое, видное по своей красотѣ зданіе. Общее названіе для дома было хоромы, состоявшія изъ теплаго жилья — избъ (истба, истопка) и холодныхъ, лѣтнихъ покоевъ — клѣтей. Загородные, лѣтніе дворы, какъ напримѣръ Берестовскій Святаго Владиміра, состояли, разумѣется, изъ однихъ холодныхъ покоевъ, или клѣтей. Клѣти соединялись другъ съ другомъ сѣнями, переходами или помостами, какъ видно изъ описанія кончины Святаго Владиміра [381]; въ хоромахъ напереди придѣлывались сѣни или крыльца на столпахъ, что̀ видно изъ описанія мученической кончины двухъ Варяговъ [382]. Около хоромъ были дворы, огороженные заборомъ [383]. Кромѣ клѣтей упоминаются одрины, спальни (отъ одръ; ложе), вежи (чердаки, вышки), голубятни (голубники [384]); изъ службъ упоминаются бани и медуши (гдѣ берегли медъ). Изъ утварей встрѣчаемъ названія — одръ (кровать); столъ въ значеніи княжескаго сѣдалища, что теперь престолъ; обыкновенно лавки въ пѣсняхъ называются бесѣдами; въ лѣтописи упоминается Пасынча бесѣда. Упоминаются ковры, которыми, вѣроятно, покрывали болѣе столы и лавки, чѣмъ полы. Изъ названій платья встрѣчаемъ порты въ обширномъ и тѣсномъ значеніи: изъ верхняго платья упоминаются корзны и луды (епанчи); къ одеждамъ отнесли мы перегибы и сустуги, въ которыхъ величались древлянскіе послы; упоминаются убрусы — платки. Обувь употреблялась таже, что и теперь — сапоги и лапти. Матеріаломъ для одежды служили ткани, паволоки греческія, льняныя и шерстяныя самодѣльныя, мѣха. По описанію Льва Діакона, Святославъ, при свиданіи съ Цимисхіемъ, какъ видно, былъ въ одной рубашкѣ; въ одномъ ухѣ вдѣта была золотая

серьга съ двумя жемчужинами и рубиномъ; о корзнѣ, плащѣ или кафтанѣ, который надѣвался въ одинъ рукавъ, а на другое плечо только накидывался, говоритъ Арабскій писатель Ибнъ-Фоцланъ; такъ носить верхнюю одежду любитъ до сихъ поръ нашъ народъ. По свидѣтельству Арабовъ, Русскія женщины носили на груди маленькія коробочки изъ разныхъ дорогихъ и недорогихъ металловъ, смотря по достатку мужа; на коробочкѣ было кольцо, къ кольцу привязывался большой ножъ; на шеѣ женщины носили золотыя и серебряныя цѣпи, также ожерелья изъ зеленаго бисера. Носить усы и бороду было въ обычаѣ: Русская Правда упоминаетъ о ихъ поврежденіи; о святомъ Борисѣ говорится, что у него, какъ у юноши, усъ и борода были малые. — Изъ конской сбруи упоминаются въ лѣтописи сѣдла и узды. Для ѣзды употреблялись возы въ смыслѣ нынѣшнихъ повозокъ, и кола въ смыслѣ нынѣшнихъ дрогъ или дровенъ. Названіе сани употреблялось одинаково для зимне-и лѣтней повозки [385]. — Въ пищу употребляли хлѣбъ, мясо дикихъ животныхъ и домашняго скота, между прочимъ конское, рыбу, овощи, сыры, кисели изъ пшеницы, отрубей, овса, кисельный растворъ назывался цѣжью (отъ цѣдить [386]); кисель ѣли съ сытою. У князей были повара; мясо варили въ котлахъ, пекли на угольяхъ; посуда была: кади, лукна (лукошки), ведра, котлы [387], корчаги, бочки, ложки (деревянныя и серебряныя), ножи; упоминаются колодцы. Пили вино, медъ, квасъ. Изъ увеселеній упоминаются охота, рыбная ловля и пиры. Если принимать свидѣтельство Русской Правды для описываемаго времени, то охота была псовая, ястребиная и соколиная; животныя эти дорого цѣнились. Любили бани, преимущественно, какъ видно, на сѣверѣ; южные жители смѣялись надъ пристрастіемъ сѣверныхъ къ банямъ [388].

Занятія жителей составляли: земледѣліе [389]; жители городовъ воздѣлывали нивы и земли свои. На скотоводство указываютъ слова Древлянъ: «если повадится волкъ къ овцамъ, то выноситъ стадо»; Константинъ Багрянородный говоритъ, что Руссы покупаютъ рогатый скотъ, лошадей и овецъ у Печенѣговъ, по-

тому что эти животныя не разводятся въ Россіи. Слова эти можно понимать такъ, что количество рогатаго скота и овецъ, питаемыхъ племенами, было недостаточно для потребленія собственно Руссовъ, которые должны были покупать скотъ у Печенѣговъ. Въ Русской Правдѣ упоминаются: кони, волы, бараны, козы, свиньи; мясо послѣднихъ животныхъ, какъ видно, особенно любили [390]. Птицеводство: въ Русской же Правдѣ упоминаются цѣнныя птицы: голуби, куры, утки, гуси, журавли, лебеди. Упоминаются овощи,—слѣдовательно можно заключать объ огородничествѣ. Рыболовство, звѣроловство, пчеловодство подразумѣваются. Изъ ремеслъ встрѣчаемъ указаніе на плотничество, которымъ занимались особенно Новгородцы и вообще жители сѣверныхъ областей, рубившіе лодки въ лѣсахъ своихъ, и привозившіе ихъ на продажу въ Кіевъ; о рубленіи городовъ, мощеніи мостовъ упоминаетъ и лѣтопись, и Правда; о кожевничествѣ упоминаетъ лѣтопись въ разсказѣ о Янѣ Усмошвецѣ; безъ сомнѣнія, разныя грубыя ткани для обыкновенной одежды выдѣлывались также дома, равно какъ необходимая посуда, деревянная и глиняная, напримѣръ о дѣланіи горшковъ въ Новгородѣ есть прямое указаніе [391]. Касательно искусствъ въ до-христіанское время упоминается только объ одномъ каменномъ зданіи, теремѣ княжескомъ въ Кіевѣ, построенномъ безъ сомнѣнія Греческими мастерами, потому что и послѣ каменьщики и зодчіе выписывались изъ Византіи; неизвѣстно, дома или на чужбинѣ дѣлались истуканы Владиміровы. Собственно же говоря, искусство начинается на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ: Владиміръ послалъ въ Грецію за мастерами, которые построили въ 989 году Десятинную церковь въ Кіевѣ. По извѣстію лѣтописей, изъ Греціи пришли каменосѣчцы и зиждители палатъ каменныхъ [392]. Ярославъ построилъ каменную крѣпость въ Кіевѣ и соборную церковь Святой Софіи (митрополію), которую украсилъ золотомъ, серебромъ и сосудами; сынъ его Владиміръ въ Новгородѣ построилъ также крѣпость и соборъ Святой Софіи; при Ярославѣ же въ Кіевѣ построены монастыри Святаго Георгія и Святой Ирины [393].

Дитмаръ говоритъ, что въ его время въ Кіевѣ было 400 церквей и 8 торговъ [394]; Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя [395], число церквей крайне преувеличено или цифра искажена [396]; но общаго впечатлѣнія и отзывовъ нельзя отвергнуть.

Кіевъ былъ обязанъ своимъ благосостояніемъ тому, что служилъ складкою товаровъ между южною и сѣверною Европою; обратимся же теперь къ торговлѣ, путемъ которой были Русскія области въ описываемое время. Мы видѣли занятія племенъ: была ли въ числѣ ихъ торговля? существовала ли мѣна произведеній между племенами до появленія среди нихъ Варяговъ-Руси? Повсемѣстная почти одинаковость произведеній въ странѣ, обитаемой Славянскими племенами, сильно препятствовала мѣнѣ: что̀ могли вымѣнивать другъ у друга Поляне и Сѣверяне, Древляне и Дреговичи, Кривичи и Радимичи? Образъ жизни ихъ былъ одинаковъ; одинакія занятія, одинакія потребности, одинакія средства къ ихъ удовлетворенію: у Древлянъ былъ хлѣбъ, медъ, воскъ, звѣриныя кожи; тоже было у Полянъ и другихъ племенъ. Но съ призваніемъ Варяжскихъ князей, съ появленіемъ ихъ дружины, дѣла начали перемѣняться; среди земледѣльческаго народонаселенія, добывавшаго все нужное безъ раздѣленія занятій, сосредоточенныхъ въ семьѣ, явилась воинская дружина, образовались, слѣдовательно, два различныхъ слоя народонаселенія, съ различными занятіями — и является мѣна: Константинъ Багрянородный говоритъ, что Славянскія племена, подчиненныя Руссамъ, зимою рубятъ въ лѣсахъ своихъ лодки — однодеревки; отдѣлываютъ ихъ, и весною, какъ ледъ растаетъ, спускаютъ въ ближнія озера, и потомъ далѣе по Днѣпру въ Кіевъ; здѣсь вытаскиваютъ ихъ на берегъ и продаютъ Руссамъ, которые покупаютъ только однѣ лодки и весла, уключины же и другія снасти дѣлаютъ сами изъ старыхъ судовъ. Вотъ начало внутренней торговли! Но любопытно, какъ и здѣсь еще раздѣленіе занятій было неполно: Руссы покупали только остовы лодокъ у Славянъ, снасти же дѣлали сами. Не смотря на то, это явленіе очень важно для

историка: сѣверныя Славянскія племена, эти знаменитые плотники уже промышляютъ, рубятъ лодки, сплавляютъ ихъ, доходятъ до Кіева; Днѣпръ связываетъ сѣверъ и югъ Русскихъ владѣній; сѣверныя племена двигаются, воспитываютъ въ себѣ духъ предпріимчивости; они сперва только помогаютъ внѣшней торговлѣ, приготовляютъ лодки для торговцевъ; но это приготовленіе скоро повлечетъ ихъ самихъ къ торговлѣ болѣе дѣятельной и внѣшней.

Если внутренняя торговля явилась съ прибытіемъ Варяговъ-Руси, то и внѣшняя должна была явиться вмѣстѣ съ ними же. Жилища Славянскихъ племенъ—Новгородцевъ, Кривичей, Сѣверянъ, Полянъ находились на пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, изъ Варягъ въ Греки: здѣсь и основалось главное Русское владѣніе, концами котораго и вмѣстѣ главными пунктами, соединяющими сѣверъ и югъ, были Новгородъ и Кіевъ; Русское владѣніе тогда только получило полноту, когда Новгородскіе князья овладѣли и Кіевомъ; Кіевъ и Новгородъ не могли долгое время существовать отдѣльно; природа неразрывно соединила эти два города, и во все продолженіе нашей древней исторіи они находились въ неразрывномъ союзѣ; разстояніе между ними было путемъ; огромность этого разстоянія уменьшалась при удобствѣ сообщенія, потому что этотъ путь былъ водный. Новгородъ и Кіевъ—двѣ главныя стоянки на оконечностяхъ этого пути; историческая жизнь народовъ всегда загарается тамъ, на тѣхъ концахъ ихъ областей, гдѣ они сталкиваются съ другими народами историческими; для Славянскихъ племенъ мѣстомъ столкновенія съ историческими народами были концы великаго воднаго пути на сѣверѣ и югѣ—Новгородъ и Кіевъ; посредниками этого столкновенія были Варяги-Русь: они-то были первыми посредниками между сѣверомъ и югомъ Европы и въ торговомъ отношеніи; другимъ, побочнымъ путемъ, была Западная Двина,—и здѣсь другое, менѣе важное Русское владѣніе—Полоцкое княжество.—Но какой же характеръ носила первоначально эта торговля? Разумѣется, мы не можемъ перенести на нее понятія настоящаго времени о

торговлѣ. Торговля въ тѣ времена была тѣсно связана съ пиратствомъ: Варягъ являлся на извѣстный берегъ подъ видомъ торговли, и дѣйствительно начиналъ торговать съ жителями; но при первомъ удобномъ случаѣ изъ купца онъ становился пиратомъ, и грабилъ тѣхъ, съ которыми прежде велъ мѣну. На этотъ двойственный характеръ древнихъ Русскихъ купцовъ лучше всего указываютъ договоры Грековъ съ нашими первыми князьями: въ нихъ Византійское правительство постоянно выговариваетъ для себя мѣры противъ буйства Руссовъ. Но, каковъ бы ни былъ характеръ послѣднихъ, они торговали съ Греціею, привозили туда товары сѣвера, и брали въ обмѣнъ товары юга.

Чѣмъ же торговали Руссы въ Константинополѣ? Главнымъ предметомъ торговли, съ ихъ стороны, были невольники; ихъ скованныхъ вели они во время труднаго перехода черезъ пороги; о невольникахъ находимъ особыя статьи въ договорахъ[397]. Кромѣ рабовъ Русскими товарами въ Константинополѣ считались воскъ и мѣха[398]; тѣ же товары — рабы, воскъ, медъ и мѣха, шли изъ Руси въ Болгарію, привозились въ Переяславецъ Дунайскій; на нихъ Русь вымѣнивала въ Константинополѣ и Переяславцѣ — Греческія паволоки, вино, плоды, золото (какъ товаръ), серебро и лошадей, приводимыхъ изъ Венгріи. Теперь слѣдуетъ вопросъ: какъ добывали Руссы свои сѣверные товары? Конечно, они могли вымѣнивать ихъ у туземцевъ на какія-нибудь произведенія Греческой промышленности, малоцѣнныя для Грека, драгоцѣнныя для Радимича; но главнымъ источникомъ пріобрѣтенія были дани, и потомъ охота, которою дружина княжеская могла заниматься зимою во время пребыванія своего у племенъ. Мы знаемъ, что дань туземныхъ племенъ изначала состояла въ шкурахъ пушныхъ звѣрей; въ Ноябрѣ князья съ дружиною выходили на полюдье, или отправлялись къ подчиненнымъ племенамъ, разумѣется за данью: мы это знаемъ изъ исторіи Игоря; въ этихъ походахъ добывали и князь, и дружина. Возвратясь въ Апрѣлѣ въ Кіевъ, князь и дружина привозили съ собою множество мѣховъ, ко-

торые надлежало сбыть съ рукъ, и вотъ немедленно послѣ пріѣзда въ Кіевъ часть дружины отправлялась въ лодкахъ по Днѣпру и морю въ Константинополь и въ Болгарію. Воскъ и медъ могли получаться тѣмъ же путемъ: мы знаемъ, что Древляне обязывались давать Ольгѣ медъ. Рабовъ могла получать Русь съ сѣвера: Скандинавскіе пираты, опустошали берега почти всей Европы, могли доставлять большое количество невольниковъ въ Новгородъ, мѣнять ихъ Руссамъ на товары Греческіе и восточные, а безспорно и сами, въ видѣ гостей, спускались по восточному водному пути въ Константинополь. Рабовъ собственнымъ Руссамъ для торговли могли доставлять войны ихъ съ разными народами и съ племенами Славянскими въ томъ случаѣ, когда они должны были примучивать послѣднія: такъ Ольга отдала Древлянъ въ рабство мужамъ своимъ; но мы знаемъ, что такіе случаи бывали рѣдко. Разумѣется, что за раздачею дружинѣ, у князя оставалось еще много мѣховъ, меду, воску, и что значительнѣйшую часть товаровъ, которыми торговали Руссы, составляло имущество княжеское.

Не въ одинъ Константинополь или Переяславецъ отправлялись Руссы съ означенными товарами; они ѣздили съ ними также на востокъ, въ города Козарскіе. Руссы входили изъ Азовскаго моря въ устье Дона, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ до пограничной Козарской крѣпости Серкель или Бѣлой Вѣжи[399], перетаскивали здѣсь суда на сушу, и, пройдя съ ними небольшой волокъ до Волги, спускались по этой рѣкѣ къ Итилю, столицѣ Козарской, находившейся около нынѣшней Астрахани. Главнымъ товаромъ, который Руссы привозили въ Итиль, были также мѣха. Потребность въ мѣхахъ усиливалась на востокѣ съ распространеніемъ богатства и роскоши въ блестящее царствованіе Гаруна-аль-Решида. Шубы стали почетною одеждою и покупались дорого; до насъ дошло извѣстіе, что Зобейда, жена Гаруна, первая ввела въ моду шубы, подбитыя Русскими горностаями или соболями; кромѣ мѣховъ, Руссы привозили на Волгу также и рабовъ. Въ обмѣнъ за означенные товары, Руссы могли брать у Арабовъ дорогіе камни, бисеръ,

особенно зеленаго цвѣта (нитки его составляли любимое ожерелье Русскихъ женщинъ, которыхъ мужья раззорялись, платя нерѣдко по диргему — отъ 15 до 20 копѣекъ серебромъ за каждую бисеринку), золотыя и серебряныя издѣлія, цѣпочки, ожерелья, запястья, кольца, булавки, рукоятки, пуговки, бляхи для украшенія одежды и конской сбруи, быть-можетъ также шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, овощи, пряности и вино. Но, какъ видно, Руссы сильно желали вымѣнивать на свои товары Арабскія монеты, диргемы, которые вездѣ и во всякомъ значеніи имѣли большую цѣнность. Посредствомъ этого пути, Арабскія монеты распространялись по разнымъ мѣстамъ тогдашнихъ Русскихъ областей; какъ рѣдкія, всегда цѣнныя вещи, какъ украшенія, переходили онѣ изъ рода въ родъ, изъ рукъ въ руки, закапывались въ землю вмѣстѣ съ мертвецами, зарывались въ видѣ кладовъ, и такимъ образомъ дошли до насъ[400]. По не однимъ путемъ мѣны могло дойдти въ Россію большое количество монетъ[401]; значительное количество ихъ должно было достаться Руссамъ во время счастливаго похода Святославова на Козаръ, Буртасовъ и Болгаръ Волжскихъ и вообще на востокъ, когда раззорены были тамошнія торговыя мѣста; Арабскія монеты могли быть завозимы въ Русскія области также Болгарами. Мы замѣтили уже, что значительнѣйшая часть товаровъ должна была принадлежать князю, слѣдовательно, значительнѣйшая часть вымѣненнаго на эти товары должна была возвратиться въ казну княжескую; отсюда монеты могли переходить къ дружинѣ; дружинники были люди вольные, хотѣли — служили князю, не хотѣли — шли домой, если родомъ были изъ Скандинавіи, и уносили съ собою служебную плату; они же были и купцами. Мы знаемъ также, что князья наши часто нанимали Варяговъ для одного какого-нибудь похода; разумѣется, наемники брали плату свою преимущественно серебромъ, и такимъ образомъ диргемы изъ казны княжеской переходили къ наемнымъ Варягамъ: отсюда, кромѣ торговли, объясняется, почему на Скандинавскомъ берегу и на прилежащихъ къ нему островахъ находятъ такъ много кладовъ съ

восточными монетами. Одною торговлею объяснить этого нельзя, ибо какъ предположить, чтобъ количество и цѣнность товаровъ Скандинавскихъ такъ превышали количество и цѣнность товаровъ Русскихъ, Греческихъ и восточныхъ, шедшихъ чрезъ Россію, что лишекъ долженъ былъ оплачиваться деньгами? Замѣтимъ также, что кромѣ зарытія монетъ въ могилы, клады въ понятіяхъ народа обыкновенно соединяются съ представленіемъ о разбойникахъ, зарывшихъ въ землю награбленное; что разбои въ описываемый періодъ были сильны, на это имѣемъ ясное свидѣтельство въ лѣтописяхъ и преданіяхъ; такимъ образомъ можетъ объясниться происхожденіе большихъ кладовъ, какъ напримѣръ близъ Великихъ Лукъ найденъ кладъ въ семь слишкомъ тысячъ цѣлковыхъ. Предполагая разбойничество какъ одно изъ средствъ накопленія большихъ кладовъ, мы не отвергаемъ возможности накопленія значичельныхъ капиталовъ и посредствомъ торговли; но здѣсь замѣтимъ, что никакъ нельзя утверждать, будто клады, въ которыхъ находятся куфическія монеты, напримѣръ X вѣка, непремѣнно были зарыты въ этомъ вѣкѣ; монеты X-го вѣка, могли зайдти на Русь въ этомъ вѣкѣ, но могли оставаться здѣсь въ обращеніи и въ сохраненіи и въ послѣдующіе вѣка, переходить изъ рода въ родъ, наконецъ скопляться разными средствами въ однѣхъ рукахъ и зарываться въ землю чрезъ много вѣковъ спустя послѣ ихъ перваго появленія: такимъ образомъ, отъ большихъ кладовъ съ куфическими монетами X-го вѣка никакъ еще нельзя заключать о большихъ торговыхъ капиталахъ въ этомъ вѣкѣ на Руси.

Кромѣ Руссовъ, посредниками торговли между Европою и Азіею въ описываемое время были Болгары Волжскіе. Въ рукахъ этихъ Болгаръ была торговля съ сосѣдними народами сѣверовостока и сѣверозапада; чтобъ не допускать Арабскихъ купцовъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ послѣдними, они представляли ихъ Арабамъ людоѣдами[402]. Болгарскіе купцы ѣздили въ страну Веси на лодьяхъ, вверхъ по Волгѣ и Шекснѣ, для закупки мѣховъ; любопытны подробности, находимыя у Арабскихъ писателей о мѣновой торговлѣ Болгаръ съ Весью:

Болгары пріѣзжали въ опредѣленное мѣсто, оставляли тамъ товары, помѣтивъ ихъ какими-нибудь знаками, и удалялись. Въ это время туземцы раскладывали рядомъ свои произведенія, которыя считали равноцѣнными, и также удалялись. Если Болгарскіе купцы, по возвращеніи, находили мѣну выгодною, то брали съ собой туземные товары и оставляли свои, въ противномъ случаѣ они опять уходили на время, и это значило, что они требовали прибавки; туземцы подбавляли того или другаго товара до тѣхъ поръ, пока не удовлетворяли Болгаръ. У Арабовъ такая торговля слыла нѣмою. Разсказъ Арабовъ замѣчателенъ для насъ потому еще, что объясняетъ разсказъ Новгородскаго купца, Гюряти Роговича, занесенный въ лѣтопись [403]. Такъ и позднѣе торговали Болгары съ Югрою [404]. Но кромѣ Веси, по извѣстію Арабскихъ писателей, Болгарскіе купцы доходили до Кіева черезъ Мордовскую землю. Это извѣстіе подтверждается извѣстіями нашихъ лѣтописей о приходѣ Болгарскихъ проповѣдниковъ Магометанства въ Кіевъ, подтверждается и важнымъ извѣстіемъ, сохранившимся у Татищева, о договорѣ, заключенномъ при Владимірѣ съ Болгарами: это извѣстіе драгоцѣнно для насъ потому, что въ немъ находится первое положительное упоминовеніе о купцахъ, какъ отдѣльномъ разрядѣ людей, и городахъ, какъ торговыхъ средоточіяхъ. Примѣръ Византіи и стеченіе иностранныхъ купцовъ въ Кіевъ дали понять выгоду торговли для казны княжеской, въ которую собирались торговыя пошлины, и вотъ Кіевскій князь обязываетъ Болгаръ не покупать товаровъ въ селахъ у тіуновъ и другихъ лицъ, но покупать ихъ въ городахъ. Здѣсь ясно видимъ два рода торговли, первоначальную, по которой всякій сбывалъ всякому излишекъ своей собственности, и торговлю въ настоящемъ смыслѣ, которая, въ слѣдствіе правительственныхъ распоряженій, начинаетъ вытѣснять первоначальную [405]. Русская Правда знаетъ купцовъ также, какъ отдѣльный разрядъ людей. — Кромѣ Грековъ, Арабовъ, Болгаръ Волжскихъ и Дунайскихъ, Русскіе производили мѣну съ ближайшими сосѣдями своими, степными народами, Печенѣгами, которые доста-

вляли рогатый скотъ, лошадей, овецъ. Изъ словъ Святослава видно, что въ Переяславцѣ Дунайскомъ Русскіе купцы могли производить мѣну съ купцами Чешскими и Венгерскими. Нѣтъ сомнѣнія, что торговля изъ Новгорода съ сѣверовосточными Финскими племенами существовала уже въ описываемое время, и что изъ Новгорода же купцы съ мѣхами, восточными и Греческими товарами начали являться и въ городахъ Балтійскихъ Славянъ. — Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связанъ вопросъ о деньгахъ, одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ нашихъ древностяхъ; по недостатку точныхъ извѣстій, мы отлагаемъ его рѣшеніе до слѣдующаго періода.

Обозрѣвъ матеріальныя силы новорожденнаго Русскаго общества, обратимся теперь къ новому, духовному началу, явившемуся въ концѣ описываемаго періода, началу, богатому нравственнымъ и гражданскимъ вліяніемъ. Какъ слабо было прежде въ языческомъ обществѣ вліяніе волхвовъ, такъ могущественно явилось теперь вліяніе христіанскаго духовенства. Немедленно послѣ принятія новой вѣры, мы видимъ уже епископовъ совѣтниками князя, истолкователями воли Божіей; но христіанство принято отъ Византіи; Русская земля составляетъ одну изъ епархій, подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; для Русскаго духовенства единственнымъ образцомъ всякаго строя служитъ устройство Византійское: отсюда понятно и гражданское вліяніе Имперіи на юное Русское общество. — Мы видѣли, какъ было принято христіанство и какъ распространялось; видѣли, что оно, принялось скоро въ Кіевѣ, на югѣ, гдѣ было уже и прежде давно знакомо, но медленно, съ большими препятствіями распространялась оно на сѣверѣ и востокѣ: первые епископы Ростова — Ѳеодоръ и Ларіонъ, принуждены были бѣжать отъ ярости язычниковъ [406]; въ концѣ описываемаго періода язычество нисколько не уступало и ревности третьяго епископа Ростовскаго, Святаго Леонтія, который, видя невозможность дѣйствовать на взрослое поколѣніе, окрѣпшее въ язычествѣ, обратился къ дѣтямъ, сталъ привлекать ихъ къ себѣ лаской и учить вѣрѣ. Мы видимъ язычество господ-

ствующихъ и у племенъ средней Руси, на Окѣ до самыхъ ея низовьевъ. Оставаясь глухими къ увѣщаніямъ христіанскихъ проповѣдниковъ, жители сѣвера тѣмъ легче слушали старыхъ волхвовъ своихъ: такъ читаемъ въ лѣтописи, что въ 1024 году встали волхвы въ Суздальской землѣ во время голода, и начали убивать старыхъ женщинъ, говоря, что они скрываютъ у себя въ тѣлѣ съѣстные припасы. Былъ мятежъ большой по всей той странѣ, такъ что самъ великій князь Ярославъ принужденъ былъ туда отправиться: онъ переловилъ волхвовъ, однихъ разослалъ по разнымъ мѣстамъ, другихъ казнилъ, говоря: «Богъ за грѣхи наказываетъ землю голодомъ, моромъ, засухую, или какою-нибудь другою казнью, а человѣкъ не знаетъ ничего [307].» И на югѣ языческіе обычаи, преданія, новѣрья еще очень сильны между христіанами; такъ читаемъ въ лѣтописи подъ 1044 годомъ: «Въ этотъ годъ умеръ Брячиславъ, князь Полоцкій, и Всеславъ, сынъ его, сѣлъ на столѣ; этого Всеслава мать родила отъ волхвованья, потому что когда она родила его, то была у него язва на головѣ, и волхвы сказали ей: навяжи ты на эту язву волшебную повязку, которую пусть носитъ онъ до смерти своей; Всеславъ точно носитъ ее до сихъ поръ; поэтому онъ такъ и кровожаденъ [408].»

Самымъ лучшимъ средствомъ къ торжеству новой вѣры надъ старою признано было — дѣйствовать на новое, молодое поколѣніе: такъ при Владимірѣ и при Ярославѣ отбирали дѣтей у лучшихъ гражданъ, учили ихъ грамотѣ и догматамъ новой вѣры; мы видѣли, что такъ дѣйствовалъ и святый Леонтій на сѣверѣ; возможность выучиться грамотѣ существовала и въ другихъ городахъ, что̀ видно изъ житіе святаго Ѳеодосія [409]. Эта мѣра скоро принесла свои плоды, скоро обозначилась дѣятельность молодаго, грамотнаго поколѣнія, получившаго изъ книгъ яснѣйшее понятіе о новой вѣрѣ. Представителями этого молодаго, грамотнаго поколѣнія въ семьѣ княжеской были сыновья святаго Владиміра — Борисъ, Глѣбъ Ярославъ. Христіанство прежде всего должно было подѣйствовать на самыя мягкія, нѣжныя отношенія, отношенія родственныя; это всего яснѣе можно

видѣть на Борисѣ и Глѣбѣ. Изъ дѣтей Владиміровыхъ они больше всѣхъ были похожи на отца своего мягкостію природы: по этому одному уже не удивительно, что у Владиміра было къ нимъ болѣе сочувствія, что онъ особенно любилъ Бориса; и вотъ эта мягкая природа двухъ братьевъ легко воспринимаетъ вліяніе христіанства, они являются образцами братской любви. «Не хочу поднять руки на старшаго брата», говоритъ Борисъ, и падаетъ жертвою уваженія своего къ родственнымъ отношеніямъ, освященнымъ религіею. Отсюда понятно значеніе Бориса и Глѣба въ нашей исторіи: они были первомучениками въ этой нравственной борьбѣ новаго христіанскаго общества съ старымъ языческимъ. Братъ ихъ Ярославъ является представителемъ новаго поколѣнія въ другихъ отношеніяхъ: онъ самъ любитъ читать книги, собираетъ ихъ, распространяетъ грамотность въ землѣ, является просвѣщеннымъ христіаниномъ въ борьбѣ своей съ язычествомъ, что̀ видно изъ приведеннаго отзыва его о волхвахъ. Послѣ сыновей Владиміровыхъ представителемъ новаго, грамотнаго поколѣнія является первый Русскій митрополитъ Иларіонъ, который умѣлъ понять превосходство новаго порядка вещей предъ старымъ и умѣлъ показать другимъ это превосходство. Какъ молодое поколѣніе оцѣнило новое сокровище, пріобрѣтенное имъ съ христіанствомъ, и какъ было̀ благода́рно людямъ, которые способствовали ему къ пріобрѣтенію этого сокровища — видно изъ отзыва лѣтописца о дѣятельности Владиміра и Ярослава: «Подобно тому, какъ еслибы кто-нибудь распахалъ землю, а другой посѣялъ, а иные стали бы пожинать и ѣсть пищу обильную: такъ и князь Владиміръ распахалъ и умягчилъ сердца людей, просвѣтивши ихъ крещеніемъ; сынъ его Ярославъ насѣялъ ихъ книжными словами, а мы теперь пожинаемъ, принимая книжное ученіе. Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго; изъ книгъ учимся путямъ покаянія, въ словахъ книжныхъ обрѣтаемъ мудрость и воздержаніе: это рѣки, напояющія вселенную, это исходища мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина, ими утѣшаемся въ печали, онѣ узда воздержанія. [410]»

дѣйствія книжнаго ученія, ближайшаго знакомства съ новою рою не замедляли обнаружиться въ цѣломъ рядѣ христіанхъ подвижниковъ. Для упроченія христіанства мало было ть дѣтей изъ домовъ полуязыческихъ родителей; нужно было, бъ нѣкоторые изъ новаго поколѣнія отторглись совершенно общества, сильно пропитаннаго язычествомъ; для упроче- христіанства нужно было, чтобъ оно распространилось не вомъ только, но самымъ дѣломъ; нужно было, чтобъ въ нѣорыхъ избранныхъ обнаружилось дѣйствіе новаго ученія, и пошли бы на проповѣдь не съ огнемъ и мечемъ, какъ брыня или Путята; но съ величіемъ подвига христіанскаго. господствѣ матеріальной силы, предъ которою все преялось, нуженъ былъ рядъ подвижниковъ, которые показали подвиги, превышавшіе подвиги богатырей, которые показали господство духа надъ плотію, показали бы чудеса мужества гаго рода, борьбу, болѣе изумительную, и пріобрѣли бы ими подвигами благоговѣніе къ себѣ и къ тому ученію, кое даетъ силы къ подобнымъ подвигамъ. Монашество, по которымъ извѣстіямъ, явилось на Руси очень рано: такъ есть даніе, что еще первый Кіевскій митрополитъ Михаилъ поилъ въ Кіевѣ монастырь на горѣ противъ холма Перунова; также иностранное извѣстіе, что Кіевскій митрополитъ рѣчалъ Святополка и Болеслава Храбраго въ монастырѣ свя- Софіи [411]; при Ярославѣ построены монастыри Георгіевскій рининскій. Но эти монастыри не были такіе, какіе надобны тогда для упроченія христіанства, ихъ монахи не были тоящими подвижниками. «Много монастырей, говоритъ лѣтоцъ, поставлено отъ царей и бояръ на богатомъ иждивеніи, не таковы эти монастыри, какъ тѣ, которые поставлены ами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ [412].» Когда новое покоіе короче познакомилось съ новою вѣрою, тогда между нѣорыми изъ него обнаружилось то же самое стремленіе, какое о сильно и между язычниками Русскими, стремленіе посѣь Грецію, съ тою однако разницею, что прежніе Руссы ычники ходили въ Грецію для выгодной службы въ полкахъ

Имперіи, для торговли, для грабежа, а теперь Русскіе христіане стали ходить не для матеріальныхъ выгодъ, но для того, чтобы получить утвержденіе въ вѣрѣ. Такъ явился на Аѳонѣ одинъ изъ Русскихъ христіанъ, житель города Любеча, по имени Антипа, и постригся въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей подъ именемъ Антонія: недалеко отъ монастыря Есфигмена, подлѣ морскаго берега, показываютъ пещеру перваго Русскаго инока [413]. Греческій Игуменъ понялъ всю пользу, какую подвиги Антонія могутъ принести на Руси, и отпустилъ его назадъ на родину. Антоній пришелъ въ Кіевъ, обошелъ всѣ тамошніе монастыри, и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ такой жизни, къ какой привыкъ на Аѳонѣ; онъ былъ одинокъ среди Кіевскихъ монаховъ, и рѣшился жить одинъ. На берегу Днѣпра, на высокой горѣ, покрытой лѣсомъ, Антоній нашелъ пещеру, выкопанную Иларіономъ, первымъ митрополитомъ изъ Русскихъ, когда еще онъ былъ священникомъ въ ближнемъ княжескомъ селѣ Берестовѣ; Иларіонъ уединялся въ пещеру временно, Антоній навсегда поселился въ ней; но онъ не долго пробылъ одинъ. Прославленіе подвиговъ Антонія и собраніе къ нему другихъ подвижниковъ не относится къ описываемому времени; но къ нему относится юность другаго знаменитаго подвижника, преемника Антоніева; подробности жизни этого новаго Русскаго человѣка драгоцѣнны для пополненія картины тогдашняго быта новорожденной Руси. Этотъ подвижникъ, прославившійся послѣ подъ именемъ Ѳеодосія, былъ также родомъ изъ Приднѣпровья, изъ города Василева; но родители его скоро перешли въ Курскъ, гдѣ и протекла его юность. Мальчикъ нашелъ себѣ здѣсь человѣка, у котораго могъ выучиться грамотѣ, сталъ читать книги, переселился мыслями въ другой міръ, и нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобъ немедленно начать приложеніе читаннаго къ дѣлу: онъ не пропускалъ службы церковной, дома работалъ вмѣстѣ съ рабами. Но въ домѣ у богатой матери ему было скучно, тѣсно; его томила жажда подвижничества, желаніе видѣть тѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ постоянно мыслію, мѣста, гдѣ происходило то, о чемъ онъ читалъ въ

книгахъ, о чемъ слышалъ въ церкви. Разъ, тайкомъ отъ матери, присталь онъ къ паломникамъ и ушелъ съ ними изъ города. Мать Өеодосія была похожа на тѣхъ Русскихъ матерей, которыя, по словамъ лѣтописца, плакали по сыновьяхъ своихъ, какъ по мертвыхъ, когда Владиміръ велѣлъ отдавать ихъ въ ученье; борьбу двухъ поколѣній — стараго, полуязыческаго и новаго, христіянскаго, просвѣщеннаго книжнымъ ученіемъ, всего лучше показываютъ намъ отношенія святаго Өеодосія къ матери. Послѣдняя, узнавъ о побѣгѣ сына, догнала его, прибила, и держала нѣкоторое время въ оковахъ, чтобъ не вздумалъ уйти опять. Өеодосій остался, и по прежнему ходилъ въ церковь; но въ церкви обѣдню служили не такъ часто, какъ-бы ему хотѣлось, — по недостатку просвиръ: Өеодосій сталъ печь просвиры. Мать оскорбилась такимъ занятіемъ сына, бранила, била его, и заставила уйти въ другой городъ: здѣсь онъ пріютился у священника, и по прежнему пекъ просвиры. Мать нашла его и тутъ, и взяла назадъ домой; но другіе съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на дивное поведеніе молодаго человѣка: городской посадникъ далъ ему средство удовлетворять своей благочестивой склонности, позволилъ ему жить у своей церкви. Өеодосію было мало безпрепятственной молитвы, мало рубища, въ которомъ онъ постоянно ходилъ, отдавая лучшее платье нищимъ: онъ надѣлъ вериги. Мать увидала по случаю кровь на бѣльѣ сына, нашла, что это отъ веригъ и сорвала ихъ съ яростію съ плечь Өеодосія, который уже послѣ не могъ надѣвать ихъ. Наконецъ борьба между стремленіемъ къ христіанскому подвижничеству и уваженіемъ къ родительской власти кончилась; пораженный евангельскими словами: «Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ,» Өеодосій рѣшился, во что бы то ни стало, покинуть материнскій домъ, и ушелъ въ Кіевъ, чтобъ вступить въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей. Но какіе это были монастыри, видно изъ того' что ни въ одинъ изъ нихъ не приняли Өеодосія, явившагося въ видѣ бѣднаго скитальца; не такіе монастыри нужны были Өеодосію и новорожденной Руси. Өеодосій нашелъ наконецъ

убѣжище по своему желанію: онъ нашелъ пещеру Антонія.» «Сынъ! говорилъ ему Антоній: трудно будетъ тебѣ жить со мною въ этой тѣсной пещерѣ; ты еще молодъ.» Но подъ видомъ юноши передъ нимъ стоялъ мужъ, окрѣплый въ борьбѣ, претерпѣвшій столько тѣсноты въ просторѣ, столько лишеній въ довольствѣ, что никакая тѣснота и никакія лишенія не были для него болѣе страшными. Антоній принялъ Өеодосія: подвиги обоихъ мы еще увидимъ въ слѣдующемъ періодѣ.

Показавъ, какъ юная Русская церковь приготовлялась дѣйствовать въ лицѣ представителей новаго поколѣнія, уже воспитаннаго въ христіанствѣ, мы обратимся теперь ко внѣшнему образу церкви, ея управленію и средствамъ. Еще во времена Олега Греки полагали въ Россіи особую епархію, шестидесятую, въ числѣ подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; съ принятія христіанства святымъ Владиміромъ въ челѣ церковнаго управленія стоялъ митрополитъ; первые митрополиты были избраны и поставлены патріархомъ Константинопольскимъ, послѣдній, Иларіонъ, соборомъ Русскихъ епископовъ. Кромѣ митрополита упоминаются епископы; какъ видно, епископы были въ Новгородѣ, Ростовѣ, Черниговѣ, Бѣлгородѣ, Владимірѣ Волынскомъ, вѣроятно были и въ другихъ городахъ. Ближайшіе къ Кіеву епископы собирались въ этотъ городъ: нужно было ихъ присутствіе около новообращенной власти, дѣятельность которой они должны были теперь направлять согласно съ новыми потребностями общества. Мы видѣли сильное вліяніе епископовъ относительно земскаго устава при Владимірѣ; митрополитъ Иларіонъ прямо говоритъ о частыхъ совѣтахъ Владиміра съ епископами, говоритъ, что князь съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ установить законъ среди людей, недавно познавшихъ Господа. При такомъ значеніи духовенства, когда Епископы являлись необходимыми совѣтниками князя во всемъ, касающемся наряда въ странѣ, при такомъ ихъ вліяніи трудно предположить, чтобы кругъ дѣятельности ихъ оставался не опредѣленнымъ, и чтобъ это опредѣленіе не послѣдовало по образцу Византійскому; вотъ

чему такъ трудно отвергнуть уставы о церковныхъ судахъ, приписываемые святому Владиміру и сыну его Ярославу [414]. Эти уставы естественно должны быть составлены по образцу церковныхъ уставовъ Греко-Римскихъ; но такъ какъ состояніе обоихъ обществъ — Греко-Римскаго и Русскаго въ описываемое время было различно, то и въ церковныхъ уставахъ Русскихъ мы должны необходимо встрѣтить различіе отъ церковныхъ уставовъ Греко-Римскихъ: въ обществѣ Греко-Римскомъ отношенія семейныя издавна подчинялись гражданскимъ законамъ, тогда какъ въ Русскомъ новорожденномъ обществѣ родство оставалось еще неприкосновеннымъ; но церковь, по главной задачѣ своей дѣйствовать на нравственность, должна была прежде всего обратить вниманіе на отношенія семейныя, которыя по этому самому и подчинились церковному суду. Такъ напримѣръ нарушеніе святости власти родительской въ Римскомъ правѣ предоставлено мірскому суду, а въ уставѣ святаго Владиміра церковному, равно тяжбы между сыновьями умершаго о наслѣдствѣ и тяжбы между мужемъ и женою объ имѣніи. Справедливо замѣчаютъ также, что статьи объ опекѣ и наслѣдствѣ, находящіяся въ Русской Правдѣ, большею частію заимствованы изъ Греко-Римскаго законодательства, перешедшаго въ наше мірское законодательство посредствомъ духовенства. Поврежденіе церквей и могилъ въ томъ видѣ, какъ это опредѣлено уставомъ святаго Владиміра, мы не найдемъ въ Греческихъ законахъ, ни въ гражданскихъ, ни въ церковныхъ, потому что такого рода преступленія были только мѣстныя Русскія [415]. Въ слѣдствіе также юности общества церковь на себя взяла подъ свое покровительство и судъ надъ людьми, которыхъ значеніе было тѣсно связано съ религіею, напримѣръ, просвирню, паломника, прощенника (человѣка, исцѣленнаго чудомъ), людей, которые содержались при церквахъ и монастыряхъ для поданія помощи страждущимъ, пришлецовъ, которые, вѣроятно, пользовались гостепріимствомъ при церквахъ и монастыряхъ, людей, отпущенныхъ на волю господами ради

спасенія души, увѣчныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, которые таки преимущественно жили при церквахъ.

Справедливо замѣчаютъ, что какъ вообще утвержденіе христіанства на Руси послѣдовало только постепенно, то и утвержденіе суда церковнаго по дѣламъ семейнымъ могло совершиться также въ теченіе извѣстнаго времени; но начал утверженія того и другаго мы должны необходимо отнести к описываемому періоду. Легко понять, какое вліяніе долж была оказать церковь, подчинивъ своему суду отношенія семейныя, оскорбленія чистоты нравственной и преступленія, совершавшіяся по языческимъ преданіямъ[416]. Духовенство с своимъ судомъ вооружилось противъ всѣхъ прежнихъ языче скихъ обычаевъ, противъ похищенія дѣвицъ, противъ многоженства, противъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства. Церковь взяла женщину подъ свое покровительство, и блюла особенно за ея нравственностію, возвысила ея значеніе, поднявш мать въ уровень съ отцемъ, что ясно видно изъ отношен женщины по имуществу[417]. Духовенство блюло, чтобъ роди тели не женили сыновей, не отдавали дочерей замужъ насиль преслѣдовало преступленія, которыя унижаютъ человѣка, пр равниваютъ его къ звѣрю[418]. Лѣтописецъ жалуется, что у язы ческихъ Славянъ позволялось срамословіе въ семейномъ круг духовенство начинаетъ преслѣдоватъ срамословіе. Семья, сихъ поръ замкнутая и независимая, подчиняется надзору чу жой власти, христіанство отнимаетъ у отцовъ семействъ жре скій характеръ, который они имѣли во времена языческія; по отцовъ природныхъ являются отцы духовные; что прежде по лежало суду семейному, теперь подлежитъ суду церковно Но понятно, что древнее языческое общество не вдругъ уст пило новой власти свои права, что оно боролось съ нею и б ролось долго; долго, какъ увидимъ, христіане только по име не хотѣли допускать новую власть вмѣшиваться въ свои се мейныя дѣла; долго требованія христіанства имѣли силу толь въ верхнихъ слояхъ общества, и съ трудомъ проникали вни въ массу, гдѣ язычество жило еще на дѣлѣ, въ своихъ обы

чаяхъ. Мы видѣли, что въ слѣдствіе родоваго быта у восточныхъ Славянъ не могло развиться общественное богослуженіе, не могло образоваться жреческое сословіе; не имѣя ничего противопоставить христіанству, язычество легко должно было уступить ему общественное мѣсто; но, будучи религіею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здѣсь. Язычникъ Русскій, не имѣя ни храма, ни жрецовъ, безъ сопротивленія допустилъ строиться новымъ для него храмамъ, оставаясь въ тоже время съ прежнимъ храмомъ-домомъ, съ прежнимъ жрецомъ-отцемъ семейства, съ прежними законными обѣдами, съ прежними жертвами у колодца, въ рощѣ. Борьба, вражда древняго языческаго общества противъ вліянія новой религіи и ея служителей, выразилась въ суевѣрныхъ примѣтахъ, теперь безсмысленныхъ, но имѣвшихъ смыслъ въ первые вѣка христіанства на Руси: такъ появленіе служителя новой религіи закоренѣлый язычникъ считалъ для себя враждебнымъ, зловѣщимъ, потому что это появленіе служило знакомъ къ прекращенію нравственныхъ безпорядковъ, къ подчиненію его грубаго произвола нравственно-религіозному закону. Бѣжалъ закоренѣлый язычникъ, увидавъ издали служителя церкви, врага его прежняго языческаго быта, врага его прежнихъ боговъ, врага его домашнихъ духовъ покровителей. Не имѣя силы дѣйствовать положительно противъ новой религіи, язычество дѣйствовало отрицательно, удаленіемъ отъ ея служителей; это удаленіе, разумѣется, поддерживалось стариками, ревнивыми къ своей власти, отъ которой они должны были отказаться въ пользу старцевъ церкви, пресвитеровъ и епископовъ.

Касательно содержанія церкви въ лѣтописи находимъ извѣстіе, что святый Владиміръ далъ въ пользу Богородичной церкви въ Кіевѣ отъ имѣнія своего и отъ доходовъ десятую часть, отъ чего и церковь получила назнаніе Десятинной [419]; о Ярославѣ говорится, что онъ строилъ церкви и опредѣлялъ къ нимъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе изъ казны своей: это уже можетъ показывать, что приношенія прихожанъ не могли быть достаточны для содержанія церквей въ то время

стадо было малое, по словамъ Иларіона. Изъ житія святаго Ѳеодосія узнаемъ, что въ Курской церкви служба не могла часто совершаться по недостатку просвиръ; изъ того же источника узнаемъ, что градоначальникъ или посадникъ въ Курскѣ имѣлъ свою церковь. Пособіемъ для церковнаго содержанія могли служить пени, взимаемыя за преступленія по церковному суду, какъ это означено въ уставѣ Ярослава. Отъ средствъ, находившихся въ распоряженіи церквей и монастырей, зависѣло призрѣніе, которое находили около нихъ бѣдные, увѣчные и странники; о частной благотворительности, которая условливалась христіанствомъ, находимъ ясныя указанія въ преданіяхъ о дѣлахъ Владиміровыхъ.

Мы видѣли тѣсную связь грамотности съ христіанствомъ, слышали отзывъ инока лѣтописца о пользѣ книжнаго ученія, слѣдили за дѣятельностію новаго, грамотнаго поколѣнія христіанъ: теперь посмотримъ, не обнаружилась ли эта дѣятельность въ словѣ, и не дошло ли до насъ какихъ-нибудь литературныхъ памятниковъ изъ разсматриваемаго періода? Дошли до насъ отъ этого времени, сочиненія перваго Кіевскаго митрополита изъ Русскихъ—Иларіона; его сочиненія заключаются въ Словѣ о законѣ, данномъ чрезъ Моисея, и благодати и истинѣ, явившихся чрезъ Іисуса Христа, съ присовокупленіемъ Похвалы Кагану нашему Владиміру и Изложенія Вѣры. Кромѣ того въ сборникѣ XIV или XV вѣка открыто слово святаго Иларіона, митрополита Кіевскаго[420]. Для насъ особенно важны два первыхъ сочиненія, какъ непосредственно относящіяся къ нашему предмету. Естественно ожидать, что первымъ словомъ церковнаго пастыря послѣ введенія христіанства будетъ прославленіе новаго порядка вещей, указаніе тѣхъ благъ, которыя народъ пріобрѣлъ посредствомъ новой вѣры. И точно, въ словѣ Иларіона мы находимъ указаніе на это превосходство новой вѣры предъ старою: «Уже не зовемся болѣе идолослужителями, но христіанами, говоритъ онъ, мы болѣе уже не безнадежники, но уповаемъ въ жизнь вѣчную; не строимъ болѣе капищъ, но

зиждемъ церкви Христовы; не закалаемъ бѣсамъ другъ друга, но Христосъ закалается за насъ и дробится въ жертву Богу и Отцу.» Но эта противоположность христіанства съ прежнимъ Русскимъ язычествомъ не составляетъ главнаго содержанія слова, въ которомъ преимущественно показывается противоположность и превосходство христіанства предъ іудействомъ, благодати Христовой предъ закономъ Моисеевымъ, какъ истины предъ тѣнью, сыновства предъ рабствомъ, общаго, всечеловѣческаго предъ частнымъ, народнымъ. Такое содержаніе Иларіонова сочиненія объясняется тѣмъ, что онъ, по собственнымъ словамъ его, писалъ не къ невѣдущимъ людямъ, но къ насытившимся сладости книжныя: обращаясь же къ новому поколѣнію грамотныхъ христіанъ, Иларіонъ не имѣлъ нужды выставлять много превосходство христіанской религіи предъ старымъ Русскимъ язычествомъ: это превосходство было для нихъ ясно; Иларіону надобно было приступить къ другому, болѣе важному вопросу объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому, о винѣ пришествія Христова на землю; первый вопросъ, предложенный Владиміромъ Греческому проповѣднику, былъ: «для чего Богъ сошелъ на землю, и принялъ страсть?» Этотъ же вопросъ нужно было прежде всего уяснить и новому поколѣнію. Основываясь на приведенныхъ словахъ: «не къ невѣдущимъ бо пишетъ, но преизлиха насыщшемся сладости книжныя», мы даже позволимъ себѣ догадку, что слово Иларіона о законѣ и благодати есть посланіе митрополита къ самому великому князю Ярославу, потому что о послѣднемъ всего приличнѣе можно было сказать, что онъ насытился сладости книжныя, если сравнимъ отзывы лѣтописей объ этомъ князѣ: «И бѣ Ярославъ любя церковные уставы, и пресвитеры любяше повелику, и книги прочитая». Или: «Ярославъ же сей любяше книги зѣло». Объяснивши превосходство христіанской вѣры надъ іудейскою и языческою, Иларіонъ естественно переходитъ къ прославленію того князя, которому суждено было быть апостоломъ на Руси: такимъ образомъ оба сочиненія Слово о

законѣ и благодати и Похвала Владиміру составляютъ одно цѣлое.

Но кромѣ приведеннаго памятника мы должны обратить вниманіе на изустно сохранившіяся произведенія народной фантазіи, которыхъ начала, первый древнѣйшій складъ относится къ описываемому времени; таковы наши древнія народныя пѣсни и сказки, въ которыхъ упоминается о Владимірѣ, о подвигахъ его богатырей. Главное содержаніе этихъ пѣсень и сказокъ составляютъ подвиги богатырей, защищавшихъ Русскую землю отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ: первыми являются степные кочевники, приходящіе съ востока на Русскую землю, на стольный городъ Владиміра, вторыми разбойники. По характеру своему эти пѣсни и сказки раздѣляются на такія, въ которыхъ преобладаетъ древній языческій элементъ, и на такія, въ которыхъ уже видны слѣды христіанскаго вліянія. Характеръ перваго изъ означенныхъ отдѣловъ соотвѣтствуетъ вполнѣ характеру эпохи, какъ онъ изображенъ нами въ своемъ мѣстѣ. Герой пѣсни или сказки — богатырь, обладающій страшною матеріальною силою: вотъ онъ является ко двору княжескому, всѣ глядятъ на молодца, дивуются, ему наливаютъ чару зелена вина въ полтора ведра, онъ принимаетъ чару единой рукой, выпиваетъ ее единымъ духомъ; броситъ онъ горсть песку по высокому терему — полтерема сшибетъ; закричатъ богатыри зычнымъ голосомъ — съ теремовъ верхи повалятся, съ горницъ охлопья попадаютъ, въ погребахъ питья всколеблются. Вотъ подвиги любимаго народнаго богатыря Ильи Муромца [421]: Илья идетъ въ послахъ отъ князя Владиміра къ хану кочевой орды, и заводитъ съ нимъ ссору; ханъ велитъ связать ему руки бѣлыя, плюетъ ему въ ясны очи:

И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ (ханъ) въ ясны очи;
Вскочилъ въ полдрева стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ,
Не допустятъ Илью до добра коня,

И до его-то до палицы тяжкія,
До мѣдны литы въ три тысячи.
Схватилъ Илья Татарина за ноги,
Которой ѣздилъ въ Кіевъ градъ,
И зачалъ Татариномъ помахивати:
Куда ни махнетъ, тутъ и улицы лежатъ,
Куда отвернетъ съ — переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
А жиловатъ, собака, не изорвется.....»

Но не одна чудовищная, матеріальная сила дѣйствуетъ въ богатыряхъ; въ нихъ дѣйствуетъ также сила чародѣйская. Мы видѣли занесенное въ лѣтопись преданіе о томъ, что Полоцкій князь Всеславъ Брячиславичь родился отъ волшебства (волхованья); пѣсня разсказываетъ въ подробности это преданіе[422], какъ родился богатырь Волхъ Всеславьевичь отъ лютаго змѣя. Когда минуло Волху десять годовъ, сталъ учиться онъ премудростямъ: первой мудрости учился — обертываться яснымъ соколомъ; другой мудрости учился — обертываться сѣрымъ волкомъ; третьей мудрости учился онъ — обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога. На двѣнадцатомъ году начинаетъ онъ набирать дружину; живо и согласно съ лѣтописью представляетъ намъ пѣсня дружинный бытъ: сталъ себѣ Волхъ прибирать дружину, прибиралъ три года, и набралъ себѣ дружины семь тысячь; самъ онъ, Волхъ, въ пятнадцать лѣтъ, и вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.... Волхъ поилъ, кормилъ дружину храбрую, обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцевъ. — Особенно отличаются мудростью, хитростью, то есть чародѣйствомъ, вѣдовствомъ женщины, знаменитыя вѣдьмы Кіевскія: такова Марина Игнатьевна[423], которая водится съ Змѣемъ Горынчищемъ. Осердясь на богатыря Добрыню, Марина привораживаетъ его къ себѣ:

Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дровца въ печку муравленную

Со тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
«Сколь жарко дрова разгараются
Со тѣми слѣды молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое.»

Чары дѣйствуютъ на Добрыню: онъ влюбляется въ вѣдьму, прогоняетъ отъ нея соперника своего, Змѣя Горынчища, за что Марина обертываетъ его гнѣдымъ туромъ. — Такова Авдотья Лиховидьевна, которая искала мудрости надъ мужемъ своимъ, Потокомъ Михайлою Ивановичемъ: она взяла съ него слово, что если она умретъ прежде него, то ему зарыться съ нею въ могилу живому; и вотъ черезъ полтора года Лиховидьевна умираетъ, и Потокъ, вѣрный своему слову,

Съ конемъ и збруею ратною
Опустился въ тое жъ могилу глубокую,
И заворочали потолокомъ дубовымъ
И засыпали песками желтыми,
А надъ могилою поставили деревянный крестъ, —
Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
Которая была привязана къ колоколу соборному.
И стоялъ онъ, Потокъ Михайло Ивановичъ,
Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
Съ полудни до полуночи.
И для страху, добывъ огня,
Зажигалъ свѣчи воску яраго.
И какъ пришла пора полуночная
Собиралися къ нему всѣ гады змѣиные,
А потомъ пришелъ большой змѣй,
Онъ жжетъ и палитъ пламемъ огненнымъ:
А Потокъ Михайло Ивановичъ
На то-то не робокъ былъ,
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И ссѣкаетъ ему голову,
И тою головою змѣиною

Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
Втѣпоры она еретница
Изъ мертвыхъ пробуждалася.

Такъ отразился матеріальный, языческій бытъ юной Руси на произведеніяхъ народной фантазіи; теперь посмотримъ, какъ отразилось на нихъ вліяніе христіанства. Это вліяніе замѣтно отразилось въ пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ; противникомъ Алеши является Тугаринъ Змѣевичь, богатырь съ чудовищною матеріальною силою и чародѣй: отечество Змѣевичь, способность палить огнемъ и склонность къ сладострастію указываютъ на его нечистое происхожденіе. Алеша Поповичь не отличается чудовищною матеріальною силою, но ловко владѣетъ оружіемъ. За столомъ княжескимъ Тугаринъ Змѣевичь ѣстъ и пьетъ по-богатырски: по цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ, глотаетъ цѣликомъ по лебедю, по цѣлой чашѣ охлестываетъ, которая чаша въ полтретья ведра, и безстыдно ведетъ себя съ женщинами; все это не нравится Алешѣ, онъ сравниваетъ Тугарина съ прожорливымъ животнымъ; здѣсь уже природа человѣческая вооружается противъ животненной. Приготовляясь къ битвѣ съ Тугариномъ, Алеша не спитъ всю ночь, молится со слезами, чтобъ Богъ послалъ ему въ помощь тучу грозную съ дождемъ и градомъ; Алешины молитвы доходны ко Христу: Богъ посылаетъ тучу съ дождемъ и градомъ, крылья у Тугарина обмокли, и онъ свалился на землю, принужденъ бороться обыкновеннымъ способомъ; Алеша побѣждаетъ его, но побѣждаетъ не матеріальною силою, а хитростью: сошедшись съ Тугариномъ, Алеша говоритъ ему: «ты хочешь драться со мною одинъ на одинъ, а между тѣмъ ведешь за собою силу несмѣтную;» Тугаринъ оглянулся назадъ; этимъ мгновеніемъ воспользовался Алеша, подскочилъ и отрубилъ ему голову. Любопытно видѣть, какъ подъ вліяніемъ христіанства передѣлывались преданія о любимомъ народномъ богатырѣ, Ильѣ Муромцѣ: мы встрѣтили уже разъ Илью въ борьбѣ съ кочевою ордою, когда онъ, вмѣсто оружія, человѣкомъ билъ

людей; но вотъ слышится объ немъ же другое преданіе, составившееся подъ новымъ вліяніемъ: тридцать лѣтъ сидитъ Илья сиднемъ, не владѣетъ ни руками, ни ногами, и получаетъ богатырскую силу чудомъ, какъ даръ Божій за христіанскій подвигъ, за желаніе утолить жажду двухъ странниковъ[424]; дальнѣйшіе подвиги его отмѣчены также смиреніемъ, благодушіемъ. Противъ языческаго поклоненія матеріальной силѣ христіанство выставило поклоненіе силѣ духовной, небесной, предъ которою матеріальная, земная сила ничто, противъ которой не устоитъ никакой богатырь. Мы видѣли, какъ это понятіе отразилось въ преданіи объ Алешѣ Поповичѣ и Ильѣ Муромцѣ; но всего рѣзче высказалось оно въ преданіи о томъ, какъ богатыри, побѣдивъ несмѣтную басурманскую силу, обезумѣли отъ гордости, и вызвали на бой силу небесную, которая росла все болѣе и болѣе подъ ударами богатырей, и наконецъ заставила ихъ окаменѣть отъ ужаса[425]. Такъ подъ вліяніемъ христіанства начало упраздняться поклоненіе матеріальной силѣ.

Мы уже имѣли случай упоминать о томъ, какъ въ древнихъ богатырскихъ пѣсняхъ нашихъ, сквозь позднѣйшіе слои проглядываетъ слой древній, отражающій въ себѣ бытъ первоначальнаго періода нашей исторіи; мы видимъ, какъ въ нихъ отразился особенно бытъ дружины; справедливо замѣчаютъ[426], что старинные богатыри Русскіе принадлежатъ разнымъ сословіямъ, сходятся ко двору княжескому съ разныхъ концовъ Руси: таковъ постоянно характеръ дружины, который долго держался у насъ въ чистотѣ. Укажемъ еще на нѣкоторыя черты, напоминающія время: извѣстенъ древній обычай давать кораблямъ видъ разныхъ звѣрей, драконовъ и т. п.; и вотъ въ пѣснѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ такъ, между прочимъ, описанъ его корабль:

Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.

Эта же пѣсня напоминаетъ о Греческой торговлѣ, о судахъ, приходившихъ въ Кіевъ съ греческими товарами:

Говорилъ Соловей таково слово:
«Гой еси вы, гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ въ Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати?»
Отвѣчаютъ гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые:
«Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ!
Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ [427] лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка — узоръ хитеръ:
Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья Будимировича;
На златѣ, серебрѣ не погнѣваться.»
Прибѣжали корабли подъ славный Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ....[428]

Мы знаемъ изъ лѣтописи, что Новгородцы славились плотничествомъ; пѣсня говоритъ, что они славились умѣньемъ строгать стрѣлы:

....тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты они были изъ трость-дерева,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ[429].

Лѣтописецъ знаетъ о Дунайскомъ городкѣ Кіевцѣ, который основанъ будто бы нашимъ же Кіемъ Полянскимъ; пѣсня знаетъ также Кіевецъ:

Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже малаго Кіевца [430].

Мы знаемъ, что дружинники переходили отъ одного владѣльца къ другому, служили то въ одной, то въ другой странѣ; та-

ковы и богатыри пѣсни, таковъ знаменитый Дунай Ивановичъ, который говоритъ о себѣ:

Служилъ я, Дунай, во семи Ордахъ,
Въ семи Ордахъ, семи королямъ[431].

Въ Галицкой Руси теперь еще поется объ этихъ дружинникахъ, о нашихъ старинныхъ Руссахъ, которые сбирались идти на тихій Дунай, служить Царю Болгарскому, или въ Константинополь къ Императору:

«Въ чистомъ полѣ шатеръ стоитъ; въ шатрѣ сидятъ добры молодцы, сидятъ они, думу думаютъ: какъ пойдемъ мы къ кузнецу доброму, покуемъ себѣ мѣдные челна, мѣдные челна. золотыя весла; какъ пустимся мы на тихій Дунай, вдоль Дуная подъ Царьгородъ. Ой чуемъ тамъ добраго пана, чтò платитъ щедро за службу молодецкую: даетъ, чтò годъ, по сту червонныхъ; по сту червонныхъ, да по вороному коню; по вороному коню, да по сабелькѣ; по сабелькѣ, да по кафтанчику; по кафтанчику, да по шапочкѣ; по шапочкѣ, да по красной дѣвицѣ·[432]».

Мы видѣли вліяніе христіанства на древнія наши богатырскія преданія, видѣли, какъ подъ этимъ вліяніемъ передѣлывался характеръ богатырей, характеръ ихъ поступковъ. Но есть еще цѣлый рядъ произведеній народной фантазіи, которыя отзываются также глубокою древностію, и которыя своимъ существованіемъ обязаны уже почти исключительно новой религіи: мы говоримъ о духовныхъ нашихъ пѣсняхъ или стихахъ, которые обыкновенно поются слѣпыми нищими. Мы видѣли въ преданіи о принятіи Владиміромъ христіанства, что Князя всего болѣе поразилъ разсказъ Греческаго проповѣдника о началѣ и концѣ міра; мы видѣли также, что эти вопросы занимали сильно языческіе народы сѣвера; и вотъ народная фантазія овладѣваетъ этими вопросами и рѣшаетъ ихъ по своему, подъ непосредственнымъ однако вліяніемъ христіанства. Такъ произошли важнѣйшіе стихи — о Голубиной книгѣ и о Страшномъ судѣ. Въ первой пѣсни говорится, какъ изъ грозной тучи

вышла исполинская книга, какъ изъ многочисленнаго собора всякаго рода людей никто не могъ разогнуть ее, какъ могъ это сдѣлать одинъ Царь Давидъ, совопросникомъ котораго о тайнахъ творенія является нашъ Владиміръ. Здѣсь можно видѣть связь пѣсни съ преданіемъ о томъ, какъ Владиміръ спрашивалъ у Греческаго проповѣдника о содержаніи Ветхаго и Новаго Завѣта [433].

Разсмотрѣвъ событія начальнаго періода и внутреннее состояніе общества въ это время, постараемся вникнуть въ главныя, характеристическія черты эпохи. Прежде всего представляются намъ племена, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ и живущія подъ формами родоваго быта. На сѣверѣ племена эти, по всѣмъ вѣроятностямъ въ слѣдствіе столкновенія съ другими историческими народами, сознаютъ необходимость выйдти изъ родоваго быта, для чего призываютъ власть извнѣ, призываютъ князя изъ чужаго рода. Соединенныя посредствомъ новаго начала силы дѣйствуютъ; князь сѣверныхъ племенъ пользуется силами послѣднихъ, и подчиняетъ себѣ остальныя племена на всемъ огромномъ пространствѣ великой восточной равнины. Племена эти, въ слѣдствіе означеннаго подчиненія, сосредоточенія, постепенно переходятъ изъ родоваго быта въ областной; въ городахъ, въ слѣдствіе дѣятельности правительственнаго начала, въ слѣдствіе переселеній и новаго раздѣленія жителей, родовой бытъ ослабѣваетъ. Между тѣмъ является новое могущественное начало — церковь: князья сѣверныхъ племенъ движутся на югъ, по великому водному пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, утверждаютъ свое пребываніе въ Кіевѣ, откуда начинаются частыя сношенія съ Византіею; въ слѣдствіе этихъ сношеній является на Руси христіанство, торжествуетъ надъ язычествомъ въ Кіевѣ, и отсюда мало-по-малу распространяется во всѣ стороны. Вліяніе церкви, духовенства, на общественный строй оказывается немедленно, особенно при необходимомъ столкновеніи съ семейнымъ началомъ; ясно на-

чинаютъ обнаруживаться дѣйствія новой религіи въ концѣ періода, когда выступаетъ новое поколѣніе грамотныхъ христіанъ.—Главныя условія, которыя опредѣляли при этомъ дальнѣйшій ходъ Русской исторіи, были, во первыхъ, природа страны, во вторыхъ, бытъ племенъ, вошедшихъ въ составъ новаго общества, въ третьихъ, состояніе сосѣднихъ народовъ и государствъ. Равнинность страны, а главное — величина и обиліе рѣкъ условили быстрое очертаніе огромной государственной области, первоначальныя основы которой положены по великому водному пути изъ сѣверной Европы въ южную, изъ Балтійскаго моря въ Черное; путь шелъ, по выраженію лѣтописца, отъ Варяговъ къ Грекамъ: этимъ условились два явленія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на жизнь Русскаго общества: отъ Варяговъ пришло правительственное начало, отъ Грековъ—христіанство.—Бытъ племенъ родовой условилъ явленія, побудившія къ призванію князей, онъ условилъ и отношенія между призваннымъ началомъ и призвавшими его; князь могъ явиться не иначе, какъ въ значеніи родоначальника; по отсутствію наслѣдственности родоваго старшинства въ одной линіи, старшины родовъ не могли выдвинуться на первый планъ съ ограничивающимъ княжескую власть значеніемъ, и дружина необходимо получаетъ характеръ только служебный [434]. Природа страны и бытъ племенъ условили и особенную форму распространенія Русской государственной области, именно колонизацію, которую мы замѣчаемъ съ самаго начала; при этомъ замѣчаемъ также, что движеніе отправляется преимущественно съ сѣвера на югъ, замѣчаемъ бóльшій приливъ жизненныхъ началъ на сѣверѣ: три раза вступаетъ сѣверъ въ борьбу съ югомъ, и три раза остается побѣдителемъ; но сѣверъ не только даетъ побѣду князьямъ своимъ надъ князьями юга, онъ посылаетъ часть своего народонаселенія на постоянную защиту юга отъ степныхъ варваровъ.—Третьимъ главнымъ условіемъ, опредѣлившимъ изначала ходъ Русской исторіи, назвали мы отношенія къ сосѣднимъ государствамъ и народамъ. Русское государство образовалось на дѣвственной почвѣ, на которой исто-

рія, цивилизація другаго народа не оставила никакихъ слѣдовъ; никакихъ преданій, никакихъ учрежденій не досталось въ наслѣдство юному Русскому обществу, которое должно было начать свою историческую жизнь съ одними собственными средствами. Но при такихъ обстоятельствахъ важно было то, что новорожденное общество, находясь на краю восточной Европы, въ слѣдствіе отдаленности, уединенія своего, избѣгло чуждыхъ сильныхъ вліяній со стороны народовъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя обстоятельства относительно гражданственности. Западныя Славянскія государства основались также на дѣвственной почвѣ, но они немедленно должны были подчиниться вліянію чужаго племени, Германскаго, которое дѣйствовало съ помощію Римскихъ началъ, усвоенныхъ имъ на почвѣ имперіи. Это могущественное вліяніе чуждой народности, противъ котораго Славянская народность не могла выставить сильнаго сопротивленія, нанесло при самомъ началѣ рѣшительный ударъ самостоятельности западныхъ Славянъ во всѣхъ отношеніяхъ, при самомъ началѣ условило ихъ будущую судьбу. Но вліяніе Германскаго племени прекратилось Польшею, не могло достигнуть Россіи въ слѣдствіе самой ея отдаленности, уединенія; свободная отъ вліянія чуждыхъ племенъ, Русь могла сохранить свою Славянскую народность; она приняла христіанство отъ Византіи, которая въ слѣдствіе этого обнаружила сильное вліяніе на жизнь юнаго Русскаго общества, но это вліяніе не было нисколько вредно для Славянской народности послѣдняго, потому что Восточная Имперія, по самой слабости своей, не могла насильственно втѣснять Русскую жизнь въ формы своего быта, навязывать Русскимъ свой языкъ, высылать къ нимъ свое духовенство, свои колоніи; Византійская образованность дѣйствовала не чрезъ свой собственный органъ, но чрезъ органъ Русской народности, чрезъ Русскій языкъ, и такимъ образомъ, вмѣсто утушенія, содѣйствовала только къ утвержденію Славянской народности на Руси; Греція обнаруживала свое вліяніе на Русь не во столько, во сколько сама хотѣла обнаруживать его, но во столько, и въ такихъ фор-

махъ, въ какихъ сами Русскіе хотѣли принимать ея вліяніе; ни свѣтская, ни духовная власть Восточной Имперіи не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на явленія древней Русской жизни, не могли выставить начала, равносильнаго господствовавшимъ въ ней началамъ, которыя потому и развивались свободно и независимо; Византійскія государственныя понятія, проводимыя на Руси чрезъ духовенство, могли только тогда способствовать окончательному сокрушенію нѣкоторыхъ формъ жизни, когда эти формы были уже рѣшительно поколеблены въ слѣдствіе внутреннихъ причинъ. Безопасная отъ насильственнаго вліянія имперій Римско-Греческой и Римско-Германской, древняя Русь была безопасна отъ насильственнаго вліянія и другихъ сосѣднихъ народовъ: Польша, и во времена могущества своего, постоянно сдерживалась Западомъ, принуждена была постоянно смотрѣть въ ту сторону, при томъ же силы двухъ юныхъ государствъ были одинаковы: Польшѣ не удалось утвердить своего вліянія на востокѣ и при Болеславѣ Храбромъ, тѣмъ менѣе она могла имѣть средствъ къ тому послѣ его смерти. Дикіе Литовцы и Ятвяги могли только безпокоить Русскія границы своими набѣгами. Въ Швеціи, въ слѣдствіе появленія тамъ христіанства, началось разложеніе древнихъ языческихъ формъ жизни, сопровождаемое внутренними волненіями, уничтожившими для народа и князей его возможность дѣйствовать наступательно на сосѣднія страны. Съ востока, отъ степей Азіи, нѣтъ также сильныхъ напоровъ, могущихъ вырвать съ корнемъ основы новорожденнаго общества, какъ нѣкогда наплывъ Гунскій уничтожилъ въ этихъ странахъ владѣніе Готѳовъ. Такъ съ самаго начала уже оказывалось, что изъ всѣхъ Славянскихъ государствъ одному Русскому суждено было самостоятельное существованіе въ Европѣ.

Въ заключеніе мы должны обратиться къ вопросу, который такъ долго господствовалъ въ нашей исторической литературѣ, именно къ вопросу о Норманскомъ вліяніи. Участіе Скандинавскихъ племенъ, или Варяговъ, въ начальномъ періодѣ нашей исторіи несомнѣнно, ясно съ перваго взгляда. Первоначальною

областію Русскаго государства былъ путь отъ Варяговъ въ Грецію, и безспорно, что этотъ путь открытъ Варягами задолго до половины IX вѣка; безспорно также, что явленіе, знаменующее въ исторіи сѣверо-восточной Европы половину IX вѣка, соединеніе сѣверныхъ племенъ Славянскихъ и Финскихъ подъ одну власть, произошло въ слѣдствіе столкновенія этихъ племенъ съ племенемъ Скандинавскимъ, въ слѣдствіе владычества Варяговъ въ этихъ странахъ. Первые призванные князья были изъ рода Варяжскаго, первая дружина состояла преимущественно изъ ихъ соплеменниковъ; путемъ Варяжскимъ движутся сѣверныя князья на югъ; въ борьбѣ съ югомъ, съ Греками, восточными степными варварами, Польшею, Русскіе князья постоянно пользуются Варяжскою помощію; Варяги первые купцы, первые посредники между сѣверною и южною Европою и Азіею, между Славянскими племенами и Греками, они же главнымъ образомъ посредничаютъ и при введеніи христіанства въ Русь. Но при этомъ должно строго отличать вліяніе народа отъ вліянія народности: вліяніе Скандинавскаго племени на древнюю нашу исторію было сильно, ощутительно, вліяніе Скандинавской народности на Славянскую было очень незначительно. При столкновеніи двухъ народовъ, при опредѣленіи степени ихъ вліянія одного на другой, должно обратить прежде всего вниманіе на слѣдующія обстоятельства: одинъ народъ господствуетъ ли надъ другимъ, одинъ народъ стоитъ ли выше другаго на ступеняхъ общественной жизни, наконецъ формы быта одного народа, его религія, нравы, обычаи рѣзко ли отличаются отъ формъ быта другаго, религіи, нравовъ, обычаевъ?

Мы видимъ, что у насъ Варяги не составляютъ господствующаго народонаселенія относительно Славянъ, не являются какъ завоеватели послѣднихъ, слѣдовательно не могутъ надать Славянамъ насильственно своихъ формъ быта, сдѣлать ихъ господствующими, распоряжаться, какъ полновластные хозяева, въ землѣ. Мы видимъ, что при Владимірѣ въ совѣтахъ о строѣ земскомъ подлѣ бояръ являются старцы, слѣдовательно, если мы даже предположимъ, что сначала, тотчасъ послѣ призванія,

дружина преимущественно состояла изъ Варяговъ, то ея вліяніе не могло быть исключительно, потому что перевѣшивалось вліяніемъ старцевъ, представителей Славянскаго народонаселенія; что̀ было въ стольномъ городѣ княжескомъ, то̀ самое должно было быть и въ другихъ городахъ, гдѣ мѣсто князя занимали мужи княжіе. Варяги, составлявшіе первоначально дружину князя, жили около послѣдняго, такъ сказать, стояли подвижнымъ лагеремъ въ странѣ, а не врѣзывались сплошными колоніями въ туземное народонаселеніе; многіе изъ нихъ находились только во временной службѣ у Русскихъ князей, уходили отъ нихъ на службу къ императору Греческому или возвращались назадъ домой; наконецъ, по самому характеру дружинниковъ, они не могли переходить въ Русь съ женами; тѣ изъ нихъ, которые оставались здѣсь навсегда, женились на Славянкахъ, дѣти ихъ были уже полу-Варягами только, внуки совершенно Славянами.

Варяги не стояли выше Славянъ на ступеняхъ общественной жизни, слѣдовательно не могли быть среди послѣднихъ господствующимъ народомъ въ духовномъ, нравственномъ смыслѣ; наконецъ, что всего важнѣе, въ древнемъ языческомъ бытѣ Скандинаво-Германскихъ племенъ мы замѣчаемъ близкое сходство съ древнимъ языческимъ бытомъ Славянъ; оба племени не успѣли еще выработать тогда рѣзкихъ отмѣнъ въ своихъ народностяхъ, и вотъ горсть Варяговъ, поселившись среди Славянскихъ племенъ, не находитъ никакихъ препятствій слиться съ большинствомъ.

Такъ должно было быть, такъ и было. Въ чемъ можно замѣтить сильное вліяніе Скандинавской народности на Славянскую? Въ языкѣ? По послѣднимъ выводамъ, добытымъ филологіею, оказывается, что въ Русскомъ языкѣ находится не болѣе десятка словъ происхожденія сомнительнаго или дѣйствительно Германскаго[435]. Послѣ того какъ древнѣйшій памятникъ нашего законодательства, такъ называемая Русская Правда сличена была съ законодательными памятниками другихъ Славянскихъ народовъ, не можетъ быть рѣчи не только о томъ,

Русская Правда есть Скандинавскій законъ, но даже о ...ьномъ вліяніи въ ней Скандинавскаго элемента. Даже тѣ ...слѣдователи-юристы, которые предполагаютъ нѣсколько зна...тельное вліяніе Скандинавскаго элемента въ Русской Правдѣ, ...дятъ однако въ послѣдней собраніе обычаевъ преимущественно ...вянскихъ и частію только Германскихъ[436]. Но для яснаго ...ниманія событій перваго періода нашей исторіи, мало еще ...редѣлить, что степень вліянія народности пришлаго элемента ... народность туземнаго была незначительна; нужно тотчасъ ... обратить вопросъ, и слѣдить, какому вліянію съ самаго ...чала сталъ подвергаться пришлый элементъ отъ туземнаго, ...ъ новой среды, въ которой онъ нашелся, надобно слѣдить ... обоими элементами въ ихъ взаимнодѣйствіи, а небрать каж...й порознь, заставляя ихъ дѣйствовать отъ начала до конца ... полной особности, съ ихъ первоначальнымъ, чистымъ ха...ктеромъ, какой они имѣли до своего соединенія. Если Рю...ъ былъ Скандинавъ, морской король, то слѣдуетъ ли от...да, что внуки и правнуки его, князья многихъ племенъ, вла...льцы обширной страны, должны также носить характеръ мор...хъ королей? Развѣ новая среда, въ которой они стали ...щаться, нисколько не могла содѣйствовать къ измѣненію ...ъ характера? Говорятъ, что наши князья, отъ Рюрика до ...рослава включительно были истые Норманны; но въ чемъ же ...стоитъ ихъ норманство? Въ томъ, что они обнаруживаютъ за...воевательный духъ? Но такимъ духомъ обыкновенно отличаются ...язья новорожденныхъ обществъ: одновременно съ Русскимъ ...разуется другое Славянское государство—Польское; первые ...асты не Норманны, не смотря на то они обнаруживаютъ свою ...ятельность тѣмъ же, чѣмъ и первые Рюриковичи, распро...страненіемъ первоначальной области посредствомъ завоеванія. ...рвые Рюриковичи обнаруживаютъ свое Норманское про...исхожденіе, быть можетъ, тѣмъ, что совершаютъ походы пре...имущественно водою, на лодьяхъ? Но причина этого явленія ...заключается не въ Норманскомъ происхожденіи князей, а въ ...природѣ страны, малонаселенной, покрытой непроходимыми лѣ-

сами, болотами, въ которой слѣдовательно самый удобный путь былъ водный; дружины, распространявшія Русскія владѣнія за Уральскимъ хребтомъ въ XVII вѣкѣ, не были Норманны, но по природѣ страны дѣйствовали также, какъ послѣдніе, совершали свои походы воднымъ путемъ. Обычай нашихъ князей ходить на полюдье не есть Норманскій, онъ необходимъ и всѣхъ новорожденныхъ обществахъ: такъ мы видимъ его и въ Польшѣ. Военное дѣленіе на десятки, сотни и т. д. есть общее у народовъ различнаго происхожденія. Дружинная жизнь не есть исключительная принадлежность Германскаго племени; Болеславъ Польскій живетъ съ своею дружиною точно также, какъ Владиміръ Русскій съ своею.

Сдѣлавши всѣхъ первыхъ князей нашихъ морскими королями, назвавши ихъ всѣхъ истыми Норманнами, опредѣливши такимъ образомъ ихъ общій характеръ, точку зрѣнія на нихъ изслѣдователи необходимо должны были оставить въ сторонѣ ихъ главное значеніе относительно той страны, относительно тѣхъ племенъ, среди которыхъ они призваны были дѣйствовать, должны были оставить въ сторонѣ различіе характеровъ каждаго изъ нихъ, и какое вліяніе это различіе производило на судьбу страны. Обративъ преимущественно вниманіе на элементъ пришлый, на Варяговъ, изъ характера ихъ отношеній къ князю и землѣ исключительно старались опредѣлить главный характеръ нашей исторіи, позабывъ, что характеръ дружины условился отношеніями призванныхъ князей къ призвавшему народонаселенію, и что эти отношенія условливались бытомъ послѣдняго. Утверждая, что у насъ имѣло мѣсто призваніе, а не завоеваніе, не замѣтили противорѣчія, когда Варягамъ дали характеръ завоевательный, заставивъ всѣ явленія отражать на себѣ исключительно ихъ народность, заставивъ дѣйствовать одно пришлое начало, поразивъ совершеннымъ бездѣйствіемъ туземное. Таковы вредныя слѣдствія того односторонняго взгляда, по которому Варяги были исключительными дѣйствователями въ начальномъ періодѣ нашей исторіи[437].

Но если вліяніе Норманской народности было незначительно, если, по признанію самыхъ сильныхъ защитниковъ норманства, вліяніе Варяговъ было болѣе наружное, если такое наружное вліяніе могли одинаково оказать и дружины Славянъ Поморскихъ, столько же храбрыя и предпріимчивыя, какъ и дружины Скандинавскія, то ясно, что вопросъ о національности Варяговъ-Руси теряетъ свою важность въ нашей исторіи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей Т. I, стр. 9: «И раздая (Рюрикъ) мужемъ своимъ волости и городы рубити». Тамъ же стр. 10: «Се же Олегъ нача городы ставити». Тамъ же: «И нача (Владиміръ) ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и нача нарубати мужи лучьшіѣ отъ Словенъ, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады» Стр. 65: Ярославъ Польскими плѣнниками населяетъ мѣста по рѣкѣ Рси; стр. 113: Василько хочетъ покорить Болгаръ Дунайскихъ и посадить ихъ у себя. Исторія Россійская Татищева, кн. III, стр. 76: «Зачалъ (Юрій) строить во области своей многіе города.... созывая людей отовсюда, которымъ не малую ссуду давалъ, и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ, въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ кромѣ Русскихъ селились, и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли». Новымъ поселенцамъ вездѣ давались большія льготы, см. Акты Истор. 1, №№ 13, 25, 28, 36, 49, 81, 88 и проч.

2) Herodot. Halic. l. IV, c. 82.

3) Полн. Собр. Русск. лѣтоп. I, стр. 108: «Ярославъ же стояше на Медвѣдици въ сторожихъ». Ярославъ Святославичь долженъ былъ сторожить границу Ростовской области отъ прихода Мстислава Новгородскаго.

4) См. сводную Новгородскую грамоту въ моемъ изслѣдованіи: Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ: «А что ти, княже, пошлю на Торжку и на Волоцѣ тивунъ свой дьржати, на своей чясти дьржати; а Новгородьцъ на своей чясти дьржати».

5) Легко замѣтить, что первоначальная граница Новгородской и Ростовской области именно шла по водораздѣлу между Мстою, Тверцою, Медвѣдицею и Мологою, и что движеніе, переходъ Новгородскаго народонаселенія и владѣній въ область Волги совершился съ сѣверозапада, тамъ, гдѣ волоки такъ ничтожны, между Пашею, Соминою, Сясью. Движеніе шло Чагодощею, и потомъ Мологою вверхъ до водораздѣла и внизъ до Весьегонска. На эти границы областей всего лучше указываютъ границы Новгородскаго нарѣчія.

6) См. ниже въ главѣ о Финнахъ.

7) См. Ходаковскаго «Пути Сообщенія въ древней Россіи» (Русскій Историческій Сборникъ, Т. I. стр. 13 и слѣд.).

8) Воскресен. лѣтоп. годъ 1021. Впрочемъ послѣ, при ослабленіи Полоцкихъ князей, Витебскъ подпадалъ опять власти Ростиславичей.

9) Полн. Собр. Русск. лѣтоп. Т. II, стр 7: «Приходи Володимеръ (Мономахъ) на Глѣба (князя Минскаго): Глѣбъ бо бяше воевалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ.

10) Какъ видно, до впаденія въ Бугъ рѣки Нура на сѣверѣ.

11) Г. Погодинъ (Розыск. о гор. и пред. древн. русск. Княж. Ж. М. В. Д.) несправедливо отчисляетъ Курскъ къ Переяславскому княжеству: этотъ городъ былъ при Великихъ Князьяхъ Мстиславѣ и Ярополкѣ Владиміровичахъ только во временномъ владѣніи у Мономаховичей, прежде же и послѣ принадлежалъ Черниговскимъ Ольговичамъ. Время, въ которое овладѣли Мономаховичи Курскомъ и другими Посемскими городами, означено въ Лаврентьевскомъ спискѣ, стр. 130: «Мстиславъ же съ Ярополкомъ совокуписта воѣ, хотяще ити на Всеволода (Ольговича, Черниговскаго) про Ярослава; и Всеволодъ послася по Половцѣ. И приде ихъ 7 тысящь съ Селукомъ (и съ Ташемъ), и сташа у Ратьмірѣ Дубровы за Выремъ. Послали бо бяхуть послы ко Всеволоду, и не пропустиша ихъ опять, Ярополчи бо бяхуть посадницы по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадилъ Курьскѣ». Потомъ, когда начались усобицы между Мономаховичми, Ольговичи, пользуясь случаемъ, стали требовать у Ярополка Курска и Посемскихъ городовъ (Ипатьев. 13): «Ольговичи начаша просити у Ярополка: что ны отець держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ». Ярополкъ, проигравъ Супойскую битву, принужденъ былъ уступить Ольговичамъ требуемое; что здѣсь дѣло шло именно о Курскѣ съ Посемьемъ, доказываетъ то, что съ этихъ поръ Курскъ находится во власти Черниговскихъ князей; такъ въ Новгор. 1-й стр. 7, читаемъ; «Святославъ Олговиць съвкупи всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глѣба, Куряны съ Половцы»; въ Ипатьев. стр. 17: «Иде Святославъ Курьску». Что Курскъ съ Посемьемъ принадлежалъ Ольговичамъ, свидѣтельствуетъ также слѣдующее мѣсто (Ипатьев. 45): «И посла (Юрій Долгорукій) по Володимира по Давидовича Чернигову, и пріѣха Володимиръ къ Гюргеви и поклонися ему? и Святославъ Ольговичь нача ему молвити: «держиши отчину мою, и тогда взя Курскъ и съ Посемьемъ». См. въ моемъ сочин. Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома, стр. 144, 145, примѣч. Послѣ г. Погодинъ (И. З. и Л. Т. IV, стр. 441) старался доказать принадлежность Курска къ Переяславскому княжеству извѣстіемъ подъ 1096 годомъ, что Изяславъ Владиміровичь Мономашичь пришелъ въ Муромъ изъ Курска; но изъ ближайшаго разсмотрѣнія обстоя-

...стиъ, открывается, что Изяславъ долженъ былъ занять и Курскъ, ...сть Святославичей, точно также, какъ занялъ Муромъ, потому что, ... извѣстію Татищева (II, 157), онъ былъ выгнанъ Давидомъ Святосла... ...емъ изъ Смоленска; въ такомъ случаѣ, разумѣется, онъ долженъ ...ъ броситься на волости Святославичей, сперва на Курскъ, потомъ ...Муромъ. Я не могу, какъ дѣлаетъ г. Погодинъ, допустить, чтобъ ...Любецкомъ съѣздѣ могли быть еще какія-нибудь другія распоряже... ..., кромѣ означенныхъ въ лѣтописи, ибо основаніемъ распорядка прямо ...ставлены — отчинность и распоряженія в. кн. Всеволода, и если ...рскъ отданъ былъ тогда Святославичамъ, то ясно, что онъ ихъ отчин... ... городъ, иначе это прямо противорѣчило бы основанію распорядка; ...Смоленскъ Курска давать было также не для чего, ибо Смоленскъ ...еходилъ къ Мономаху, какъ отцовскій городъ, на основаніи распо...дка; вознаграждать Олега было также не для чего, потому что по...жденный, лишенный всѣхъ своихъ волостей, князь доволенъ былъ и ...ъ, что его вводили въ отцовское владѣніе.

...2) Великій, въ отличіе отъ Малаго Ростова, или Ростовца. См. Полн. ...р. русск. лѣтоп. Т. I, стр. 75.

...3) П. с. р. лѣтоп. Т. I, стр. 75.

...4) Отъ сѣверной части средняго Урала, къ сѣверозападу, между ...очниками Печоры и притоками верхней Камы, идетъ холмистая ...на, которая называется Увалами. Увалы раздѣляются на двѣ части, ...дную и сѣверную. Сѣверная тянется къ сѣверозападу, раздѣляетъ ... рѣчныя системы — Печоры и Двины, и теряется въ болотахъ у ...витаго океана. Западная часть Уваловъ идетъ между истоками ...оры и Камы, раздѣляетъ область Сѣверной Двины отъ области верх... Волги, и тянется на сто миль къ западу между городами — Волог... на сѣверѣ и Костромою съ Ярославлемъ на югѣ. Увалы прости...тся до Бѣлоозера, потомъ поворачиваютъ къ югозападу, и на ...востокѣ отъ Новгорода примыкаютъ къ Валдайскимъ возвышенно...ъ.

...5) Изъ Рязанскихъ городовъ на Донской системѣ до половины XIII ... упоминается только Воронежъ, подъ 1177 годомъ; но сомнительно, ...инается ли здѣсь городъ: въ Лаврентьевскомъ спискѣ стоитъ: ...авше (Рязанцы) въ Вороножъ»; но въ древнѣйшемъ Ипатьевскомъ: ...авше Воронажь»: неизвѣстно слѣдовательно, какой предлогъ былъ ... подлинникѣ — въ или на, причемъ послѣдній означалъ бы только ...у Воронежъ, на которой князь Ярополкъ могъ стоять съ Рязанскимъ ...ядомъ для наблюденія за Половцами, тѣмъ болѣе, что для означе... движенія къ городу употребительнѣе былъ мѣстный падежъ безъ ...длога: «Ѣхавше Воронажю». Въ концѣ XIII вѣка упоминаются на

Донской системѣ два княжества, принадлежавшія Святославичамъ Черниговскимъ.

16) Ливны, Лебедянь, Елецъ, Воронежъ называются въ XVII вѣкѣ степными или польскими городами.

17) Говоря о важномъ значеніи рѣкъ въ нашей исторіи, мы должны замѣтить еще одно обстоятельство, а именно, что рѣки, теперь мелководныя и несудоходныя, въ древности были многоводны и способны къ судоходству; такъ напр. Стугна, теперь небольшая рѣка въ 60 верстъ длины, впадающая въ Днѣпръ съ правой стороны у Триполя, въ настоящее время совершенно не судоходна, но прежде была очень важна: по ней св. Владиміръ строилъ города, и въ ней находятъ остатки большихъ судовъ. И въ другихъ малороссійскихъ рѣкахъ, которыя теперь несудоходны, находятъ остатки большихъ судовъ изъ глубокой древности, напр. въ Сулѣ, Ворсклѣ, Хоролѣ и другихъ. Утверждаютъ, что рѣка Трубежъ въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ пересохла на десять верстъ; въ Трубежѣ также находятъ остатки большихъ судовъ, хотя теперь эта рѣка и несудоходна.

18) Geographie der Griechen und Römer von F. A. Ukert, 111, 18.

19) Геродотъ, IV, 12, 13.

20) Полн. собр. р. лѣтоп. I, стр. 107: «Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородець, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра-же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдятъ съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рѣкоша отроку моему: дивьно мы находимъ чюдо, его же нѣсмы слышали преже сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти. Суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота, яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножь ли, или сѣкиру, дають скорою противу».

21) Ukert, III, 28. — Въ Аѳинахъ былъ полицейскій отрядъ изъ Скиѳовъ.

22) Ap. Athen. 1, p. 6.

23) XI, 493.

24) .... regio; pars ultima mundi, quam fugere homines Dique. Ovid. Trist. IV; 4, 38.

25) См. книгу IV-ю вообще.

26) Что касается хронологіи Геродота, то на нее нельзя обращать большаго вниманія (См. Ukert, 5, 268).

27) Strabo, VII, 306.

28) Діодоръ Сицилійскій говоритъ (II, 43), что Сарматы были мидійская колонія, выведенная скиѳскими царями на берега Дона. Плиній (Hist. nat. VI, c. 7 § 19) подтверждаетъ это извѣстіе — Sarmatae Medorum, ut ferunt, soboles. Бёкъ подтверждаетъ это теперь лингвистически. Inscript. gr. 11, pars XI, p. 110.

29) Dionis. Chrysostomi Orationes, LXXX..

30) Гротъ въ своей Греческой Исторіи (History of Greece, vol. IV, p. 362) произнесъ, думаемъ, вполнѣ вѣрное сужденіе объ этомъ походѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Here (на берегахъ Дуная) we reenter the world of reality, at the north bank of the Danube, the place where we before quitted it. All that is reported to have passed in the interval, if tried by the teste of historicol matter of fact, can be received as nothing better than a perplexing dream. It only acquires value when we consider it as an illustrative fiction, including, doubtless, some unknown matter of fact, but framed chiefly to exbibit in action those unattackalbe Nomads who formed the northeastern barbarous world of a Greek, and with whose manners Herodotus was profoundly struck. The protracted and unavailing chase ascribed to Darius who can neither overtake his game nor use his arms, and who hardly even escapes in safety, embodies in detail this formidable attribute of the Scythian Nomads. That Darius actually marched into the country, there can be no doubt. Nothing else is certain, except his ignominious retreat out of it to the Danube; for of the many different guesses, by which critics have attempted to cut down the gigantic sketch of Herodotus in to a march with definite limits and direction, not one rests upon anny positive grounds, or carries the least convction. We can trace the pervading idea in tha mind of the historian, but cannot find out what were his substantive data.»

31) См. Шафар. Слав. Древн. переводъ О. Бодянскаго, T. I, кн. 1, стран. 104.

32) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1. 3: «По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Морава, и прозвашася Морава: а друзіи Чеси нарѣкошася; а се тиже Словѣни Хровате Бѣліи, и Сербь, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же они пришедши сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣни пришедше и сѣдоша по Днѣпру и проч.

33) Plinii Hist. Nat. l. IV. c. 13; VI, c. 7. Taciti Germ.

34) Ptolem. Geogr. l. III, c. 5; l. V, c. 9. Marciani peripl. in Geogr. veter. script. graec. minor. ed. Hudson, 1, 54 — 57.

35) De Gethar. orig. et reb. ges. c. 5.

36) Procop. Caesariensis, de bello gothico, l. III, c. 14; l. IV, c. 4, 5.

37) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 3.

38) Тамъ же, стр. 5.

39) Тамъ же.

40) Тамъ же, стр. 4: «Ини жё не свѣдуще рекоша, якъ Кій есть перевозникъ былъ: у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра, тѣмѣ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ.» Мы не рѣшаемся ничего сказать о словѣ Кіевъ; замѣтимъ только на счетъ производства Щековицы и Хоревицы: Щекъ, отсюда Щекова (гора), и отсюда уже Щековица; по этому же образцу должно быть производимо и слово Хоревица: Хорь, Хорева, Хоревица, но Х о р напоминаетъ божество Хорса.

41) Тамъ же.

42) Шафар. Слов. Древн. II, 1, стр. 184; 185.

43) Зябловскаго — Землеопис. Росс. Импер. III. 37 — Сходство имени Кривичей съ именемъ литовскаго первосвященника Криве есть случайное, и не можетъ вести ни къ какимъ сближеніямъ. Литовское: K i r b a, топь, трясина. Отсюда вѣроятно произошло названіе Кривичей. Лѣтописецъ говоритъ: «разидошася по землѣ, и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ.» Стало быть Дреговичи и Кривичи получили названіе свое отъ мѣстности, ими занятой. Мѣстность эта и теперь обильна топями, трясинами, а топь, трясина называется въ западной Россіи д р е г в а, д р я г в а, по-Литовски K i r b a. Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Импер. Академіи Наукъ листъ 7-й.

44) Нельзя согласиться съ Шафарикомъ, который непремѣнно хочатъ помѣстить между Русскими Славянами Сербовъ, остновываясь на свидѣтельствѣ Константина Порфиророднаго; но очевидно, что Σέρβιοι Константина суть Сѣверяне, ибо какъ предположить, чтобъ нашъ лѣтописецъ ничего не зналъ о Сербахъ, а Константинъ о Сѣверянахъ? — Ясно, что Константинъ, зная также о Сербахъ, какъ о Славянскомъ племени, по легкости и созвучью слова, назвалъ этимъ именемъ нашихъ Сѣверянъ. — Шафарикъ говоритъ: «Σέρβιοι не были и не могутъ быть инымъ народомъ, какъ только Сербами.» Но если такъ, то и Константиновъ М и л и н и с к а не можетъ быть другимъ городомъ, какъ только Милинискою, тогда какъ мы знаемъ, что это — Смоленскъ.

45) Никон. Лѣт. 1, 41: «И бѣ у него (у Игоря) воевода именемъ Свентелдъ, и премучи Угличи, и возложи на ня дань Игорь, и даде Свентелду: и не дадеся ему единъ градъ именемъ Пересѣченъ, и седе около его три лѣта, и едва взятъ его. И бѣша седяще Угличи по Днепру внизъ, и посемъ придоша межи воинъ дестръ, и седоша тамо.» — Г. Надеждинъ (Записки Одес. Истор. Общ. I, стр. 235), нашедши въ Бессарабской области, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, деревню Пересѣчени или Пересѣчину, думаетъ, что отыскалъ мѣсто жительства древнихъ Угличей или Уличей; онъ основывается на томъ, что берегъ Чернаго моря, между устьями Днѣпра и Дуная, представляетъ своею географическою фигурою настоящій уголъ, и даже до нынѣ называется Угломъ по преимуществу: турецко-татарское имя Буджакъ, которое означаетъ теперь всю нижнюю или степную часть Бессарабской области, значитъ именно уголъ; славянскіе туземцы называли это мѣсто угломъ еще въ VII вѣкѣ, по свидѣтельству Византійцевъ. Для объясненія приведеннаго извѣстія о при-Днѣпровскихъ жилищахъ Угличей, г. Надеждинъ прибѣгаетъ къ слѣдующему предположенію (стр. 253): «Угличи были жители нынѣшней Бессарабіи, именно нижней, степной ея части, называвшейся угломъ. Но, подобно своимъ преемникамъ Печенѣгамъ, Половцамъ и Татарамъ, они не ограничивались этимъ угломъ; они простирались по Днѣстру и за Днѣстръ далеко въ глубь степей, до Буга по крайней мѣрѣ, какъ указываетъ ясно лѣтописецъ. Но Бугъ, какъ извѣстно, соединяется съ Днѣпромъ, слѣдовательно справедливы слова разсматриваемаго нами мѣста, что они «бѣша сѣдяще внизь по Днѣпру,» гдѣ ихъ должны были въ первый разъ замѣтить Кіевскіе Руссы, путешествовавшіе Днѣпромъ до Греціи.» — Но, не прибѣгая къ предположеніямъ вспомнимъ, что въ старину изгибы морскихъ береговъ, заливы, лиманы обыкновенно назывались луками или углами, лукоморьемъ, такъ напр. Лукоморскіе Половцы суть приморскіе Половцы, слѣдовательно подъ именемъ Угличей разумѣлось племя, жившее въ лукоморьѣ, у морскаго залива, будь то въ низовьяхъ Днѣпра, или другой какой-нибудь рѣки; что Угличи были именно лукоморскіе жители, на это указываетъ другая форма ихъ имени — Улучи, какъ читается въ Лаврентьевскомъ спискѣ. — Г. Надеждинъ понимаетъ приведенное мѣсто о бѣгствѣ Угличей съ Днѣпра на Днѣстръ такъ: «И бѣша сѣдяще Угличи по Днѣпру внизъ (до нашествія Печенѣговъ, бывшаго при Олегѣ) и посемъ преидоша вежи свои (т. е. передвинули свои вежи, свои жилища) на Днѣстръ и сѣдоша тамо.» — Но такое толкованіе намъ кажется слишкомъ вольно: изъ словъ лѣтописца нельзя предположить никакого печенѣжскаго движенія, бывшаго причиною переселенія Угличей съ Днѣпра на Днѣстръ:

онъ прямо говоритъ, что Угличи были примучены Свѣнельдомъ и осаждены въ Пересѣченѣ, по взятіи котораго они удалились за Днѣстръ и поселились тамъ. — Для соображенія при именахъ — Уличи и Тиверцы г. Микуцкій сообщилъ мнѣ Литовскія слова: ула–скала и тирай–степь.

46) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 4.

47) Семья (отъ со–имаю) означала первоначально жену, супругу (со–прягаю, со–имаю), потомъ уже стала означать и происшедшихъ отъ супружества, живущихъ вмѣстѣ; жены въ письмахъ къ мужьямъ обыкновенно подписывались: семьица твоя такая–то; семьяниться значило соединяться: въ крестоприводныхъ грамотахъ налагается обязанность не семьяниться ни съ кѣмъ на государя.

48) Изъбрашася три братья съ роды своими, т. е. родственниками своими.

49) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 10: «Приплу подъ Угорское (Олегъ), похоронивъ вои своя, и присла ко Аскольду и Дирови, глаголя: «яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ къ родамъ своимъ.»

50) Отъ рода Русскаго, отъ рода Варяжска.

51) См. Изслѣдов. А. Тюрина: Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси, стр. 28.

52) Слово князь или конязь происходитъ отъ корня конъ, предѣлъ, граница, вершина, начало; корень же кон есть санскритскій — джан — рождать, и князь въ Санскрит. имѣетъ себѣ соотвѣтственные: джанака, джанатри, откуда Латинское genitor (См. изслѣдов. Ѳ. Буслаева о вліяніи Христ. на Слав. яз. стр. 164). — Отсюда древнее названіе новобрачныхъ князь и княгиня, потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода Варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр. «Се Кій княжаше въ родѣ своемъ.... И по сихъ братьи держати начаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ.» Или: «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю.»

53) Гельмольда lib. 11, cap. XII: Statim enim ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas, aut decrepitum aetas, haeredis curae delegatur, plena humanitate fovendus.

54) Краледворская рукопись, Snem.

55) Les Slaves de Turquie, par M. Cyprien Robert, 1, p. 78, 79. См. также въ словарѣ Юнгмана подъ словемъ Starosta, и въ словарѣ Вука Стефановича.

56) О родовомъ бытѣ у Славянъ, кромѣ своихъ писателей, свидѣ-

ствуютъ также иностранные: Прокопій говоритъ, что они не пови-
нуются одному властителю, но изъ начала живутъ при народномъ пра-
вленіи; это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикія, кото-
рый говоритъ, что у Славянъ много царьковъ, ибо, съ одной стороны,
князья, старшины родовъ могутъ являться съ характеромъ правителей,
а другой—равенство этихъ родоначальниковъ другъ передъ другомъ,
общія ихъ сходки, или вѣча, представлялись для Грека демократіею;
тотъ Маврикій, упоминая о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что
Славяне не знаютъ правительства; Прокопій прибавляетъ, что у Сла-
вянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ. Арабскіе пи-
сатели о Славянахъ подтверждаютъ показанія Греческихъ. — Ср. мою
статью: Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимуще-
ственно восточныхъ, во времена языческія, помѣщ. въ 1-й книгѣ Архива
историко-юридич. свѣд., изд. Н. Калачевымъ; равно изслѣдованіе А.
...рина: Обществ. жизнь и проч.

57) Мономахъ говоритъ въ поученіи (Полн. Собр. Р. Л. 1, стр. 102):
«...лѣ же чтите гость, откуду же къ вамъ придеть, или простъ, или
...ръ, или солъ. аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ; ти бо
...походячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ,
...о злымъ».

58) Гельмольдъ, который оставилъ намъ это извѣстіе (lib. I, cap.
...XXII), смотритъ на это, какъ на кражу; но очень вѣроятно, что въ
...ніи Славянскомъ, часто состоявшемъ изъ одного рода, вовсе не
было здѣсь кражи, ибо каждый родичь считалъ себя въ правѣ уго-
...ть странника, на общій счетъ цѣлаго рода.

59) Имя раба смѣшивалось съ именемъ младшаго члена семьи;
... рабъ значило малый, юный, доказательствомъ служитъ произ-
...ное робенокъ или ребенокъ, также производный глаголъ отъ
...ъ, или рабъ — робѣю, умаляюсь духомъ; отрокъ означаетъ маль-
...а и раба. Въ древнемъ родовомъ обществѣ, сирота былъ самое
...частное существо, сирота былъ первый нищій, первый рабъ.
...сюда сирота значитъ рабъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ, а
...нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ и теперь сирота означаетъ
...щаго.

60) Полн. Собр. Р. Л. 1, стр. 6.

61) См. томъ III, примѣч. 29.

62) Бытъ русскаго народа, соч. А. Терещенки, ч. II, стр. 517, 518.
...ень любопытно сравнить понятія племенъ, живущихъ и теперь при
...тъ же формахъ быта, при какихъ исторія застаетъ Славянъ; такъ
...пр. читаемъ въ отчетѣ г. Кастрена (Bericht an die Kaiserliche Aka-
demie, Bulletin, T. IV, 1847): «Fragen wir den Samojedischen Sänger,

wie er das so tief verachtete Weib das Ziel einer edlen Unternehmung (похищеніе) werden lässt, so antwortet er ohne Bedenken mit folgenden Worten: «Schon seit den Zeiten der Väter ist bei uns die Sitte in Ehren gehalten worden, dass wir uns Frauen nie aus unserem eigenen, sondern aus einem anderen, fremden, nicht verwandten Stamme nehmen. Nun lebten die verschiedenen Stämme früher gewöhnlich in einem feindlichen Verhältnisse zu einander, und daher hielt es oft schwer, auf gütlichem Wege in den Besitz einer Frau zu gelangen. Dies konnte wenigstens nicht ohne ein Brautgeld geschehen, welches ausserordentlich hoch war, in Folge der ehemals gebräuchlichen Vielweiberei und des dadurch verursachten Mangels an unverheiratheten Weibern. Um sich besonders diesen Tribut zu entziehen, hat der Starke bei uns sich ein Weib mit dem Recht der Faust genommen».

63) См. о состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В. соч. В. Шульгина, выпускъ 1-й, стр. 18, примѣч. 30. — Мы не можемъ согласиться съ авторомъ этого сочиненія, что у насъ вѣно не могло означать цѣну за невѣсту, которая давалась женихомъ отцу послѣдней. Онъ ссылается на чтеніе Лаврентьевскаго списка лѣтописи, въ которомъ, как было замѣчено прежде и мною (см. Архивъ Калачова, Очеркъ правовъ и проч.), ясно указывается на приданое: вечеромъ приводили невѣсту къ жениху «а завътра приношаху по ней, что вдадуче»; но есть другое чтеніе Ипатьевскаго, древнѣйшаго списка, которое скорѣе указываетъ на куплю, чѣмъ на приданое: «А завътра приношаху что на ней вдадуче». Кромѣ этой разности въ чтеніи мы находимъ в лѣтописи прямое указаніе на вѣно, какъ на цѣну дѣвушки, платимую женихомъ роднымъ невѣсты: Владиміръ (женясь на Аннѣ) «вдасть за вѣно Грекомъ Корсунь царицы дѣля»; Казимиръ (женясь на сестрѣ Ярослава) «вдасть за вѣно людіе 800». Г. Шульгинъ хочетъ видѣть въ этихъ дѣйствіяхъ только дружелюбное расположеніе государей, дареніе, которое Владиміръ и Казимиръ могли дѣлать и не дѣлать, ни чуть не обязанные къ тому брачнымъ обычаемъ: «Если и предположить, говоритъ г. Шульгинъ, что Владиміръ заплатилъ Корсунемъ за жену, то в такомъ случаѣ Императоры Василій и Константинъ являются продавцами свой сестры, и если покупку женъ мы признаемъ за обычай русскій, то продажу ихъ должны будемъ признать обычаемъ христіанской Греціи. Набожный Ярославъ также не могъ продать свою сестру какъ язычникъ, но Казимиръ, породнясь съ нимъ, въ знакъ дружбы и родства, возвратилъ ему плѣнныхъ такъ точно, какъ Ярославъ, съ своей стороны помогалъ ему усмирять мятежи въ Мазовіи». Но для насъ важно не то, какъ смотрѣли на означенныя дѣйствія сами дѣйствующія лица, но то, какъ смотрѣлъ на нихъ лѣтописецъ, который въ отдачѣ Владиміромъ

рсуня, а Казимиромъ плѣнныхъ, видитъ вѣно, слѣдовательно вѣно значало то, что̀ женихъ давалъ за невѣсту роднымъ послѣдней. Значе вѣна какъ цѣны объясняется производнымъ глаголомъ вѣнити — ndere, напр. «Не пять ли птицъ вѣниться пѣнязема двѣма». Mikich, Radices lingvae slovenicae, p. 14. См. также въ Архивѣ Каова дополненіе, сдѣланное Буслаевымъ къ Сказаніямъ Русскаго наа, изд. Сахаровымъ, 1, стр. 5 и слѣд. — Наконецъ, что вѣно означаетъ куплю, видно изъ слѣдующаго мѣста въ переводѣ правилъ Іоанна иастика: «Одьждьнуующихъ любодѣянія и прелюбодѣянія епитиміею учитися, и въсхищеніемъ, ли нужею съ женами живущихъ. и о ствахъ и о рабыняхъ дающихся самѣмъ чрезъ вѣно владущихъ ». См. у Розенкампфа о Кормчей книгѣ, стр. 111.

64) Въ азбуковникахъ толкуется: «Вѣно, написаніе: егда кто обручитъ себѣ невѣсту и творитъ писаніемъ крѣпость промежъ себя, и писаніе наричется вѣно».

5) На обычай похищать дѣвицъ на игрищахъ указываетъ разсказъ лана о древнемъ украинскомъ обычаѣ похищенія дѣвицъ на праздахъ (Description d'Ukranie, p. 63). На это же указываетъ обычай кольниковъ: между нѣкоторыми расколами бракъ не считается дѣйтельнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. ое обыкновеніе было въ употребленіи еще не давно въ нѣкоторыхъ дахъ Витебской губерніи между раскольниками. Тамъ молодые парни дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, ываемое Кирмашъ, плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали, чему клонилось веселье, потому что оно былъ обрядное. Молодой рень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кирмаша и посивъ на сани, отправлялся въ лѣсъ къ завѣтному дубу: объѣзжалъ три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье. Въ Люценскомъ уѣздѣ одится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священ: мужчины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, и бракъ ъ дѣйствителенъ.» (Терещенко — Бытъ русск. нар. II, 28). На этотъ языческій обрядъ, сохраненный раскольниками, указываетъ извѣстіе азинѣ, который будто бы на Дону велѣлъ вѣнчать людей около деевъ (Ригельманъ — Исторія Донскаго войска, въ Чтеніяхъ Моск. . Общ.). Слова лѣтописца: «Брака у нихъ не бываше, но умыкиу у воды дѣвиця», находится въ связи съ словами митрополита ила: «Въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ и ѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемѣ». (Воова — Описаніе Румянц. муз. стр. 321). На употребленіе воды при ческихъ бракахъ указываютъ также правила Іоанна митрополита, говорится объ языческомъ обрядѣ плесканія, употреблявшемся

при свадьбахъ простыхъ людей (Русск. Достоп. I, 101). Указаніе на обычай похищенія цѣлою толпою пріятелей похитителя, съ присягою стоять другъ за друга, братъ за брата, см. въ Этногр. Сбор. I, 255.

66) Митрополитъ Іоаннъ въ правилахъ говоритъ: «То же створи, иже безъ труда и бе–сраха и бе–срама двѣ женѣ имѣють». Рус. Дост. 1, 91.

67) Срамословіе въ нихъ предъ отци и предъ снохами.

68) На основаніи восточныхъ свидѣтельствъ думаютъ, будто Славяне вѣрили, что женщина вступала въ рай только посредствомъ мужчины: если умиралъ холостой Славянинъ, то его женили послѣ смерти, и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, чтобы души ихъ могли войти въ рай. — Мы должны, кажется, принимать это извѣстіе обратно, т. е. что мужчина нуждался въ женской душѣ для входа въ рай: иначе для чего было женить мертвеца? Дѣвушка могла выйти за другаго и войти въ рай вмѣстѣ съ послѣднимъ.

69) «Если бы сожженіе вдовъ строго соблюдалось, замѣчаетъ г. Шульгинъ (стр. 66), то почему наши лѣтописи молчатъ объ немъ? почему наше духовенство не нападаетъ на него?» — Впрочемъ г. Шульгинъ напрасно думаетъ, что у Норманновъ самосожженіе вдовъ требовалось закономъ.

70) Въ рукописныхъ бесѣдахъ Іоанна Лѣствичника слово тризна переведено подвигъ (Востокова Опис. Рум. Муз. № СС). Въ новгородскомъ словарѣ XV вѣка тризна переведено: страдальство, подвигъ (Сахар. Сказ. Р. Н. т. II). У западныхъ Славянъ слово тризна въ смыслѣ поминовенія по усопшемъ, употребляется только у Вацерада; собственно это слово означало также бой, поединокъ; тризнище — мѣсто боя, тризникъ — подвижникъ; тризнити по–чешски значитъ бить, а тризновать — не только бить, но и насмѣхаться — тоже слѣдовательно, что наше трунить; въ Словацкомъ — трузнитися, тризнитися значитъ веселиться. Отъ Литовскаго слова trïesti — ристать происходитъ древне Литовское triesina, тризна, т. е. скачка, ристаніе. — Статья Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II–го Отдѣленія Академіи листъ 7–й.

71) Ѳеофилактъ (Stritt. Mem. pop. 11, 61), описывая впаденіе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Дуная, говоритъ, что онъ напалъ на князя ихъ врасплохъ, когда тотъ, празднуя поминки по братѣ своемъ, былъ пьянъ и народъ его забавлялся пѣснями; см. также у нашего лѣтописца описаніе тризны Ольги по Игорѣ.

72) Въ житіи Св. Константина Муромскаго: «Невѣрніи людіе видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю погребеніе творятъ, яко погребаему благовѣрному князю Михаилу въ знакъ на востокъ лицемъ, а но

гилы холмомъ не сыпаху, но равно со землею; ни тризница; ни дыни (?) не дѣяху, ни битвы, ни ножи кроенія не творяху, ни лица дранія».

73) Не должно думать, чтобъ этотъ обычай былъ чуждъ племенамъ Славянскимъ, былъ занесенъ Варягами изъ Скандинавіи: приведенное мѣсто изъ житія Константина Муромскаго ясно указываетъ на него у Финновъ; онъ существовалъ и у Славянскихъ племенъ, не знавшихъ Варяговъ, напр. у Поляковъ (Dlugossi Histor. Polon. T. I, p. 53, 57); въ Краледворской рукописи упоминается также закапываніе въ могилы.

74) Сварогъ, индѣйское сварга, сложено изъ двухъ частей: свар — небо, свѣтъ, и изъ окончанія га, означающаго хожденіе; слѣд. сварга имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ или хожденія по небу (см. Ѳ. Буслаева — О вліяніи христ. на Слав. языкъ, стр. 50). — Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи читаемъ слѣдующее о Сварогѣ: «И бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, поча царствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія. по немъ Феоста, иже и Саварога нарекоша Егуптяне; царствующу сему Феостѣ въ Египтѣ, во время царства его, спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье». Славянскій Сварогъ объясняется здѣсь отождествленіемъ его съ древиемъ Ѳеостомъ или Ефестомъ, Вулканомъ, египетскимъ Фтасъ; Ефестъ есть богъ молніи, ковачь небеснаго, божественнаго оружія, въ его царствованіе «спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье»; но богъ молніи, богъ оружія есть Перунъ. — Что Сварогъ — Перунъ, богъ молніи, былъ верховнымъ богомъ, распорядителемъ, раздаятелемъ всего, на это ясно указываетъ одна сербская пѣсня, въ которой такъ говорится о могуществѣ молніи:

«Стаде муня даре дијелити:
Даде Богу небеспе висине,
Свѣтом Петру Петровске врутине,
А Іовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а Илији муніе и стријеле».

На связь Сварога-Перуна съ оружіемъ, указываетъ обычай клясться предъ Перуномъ, полагая оружіе (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 23); вмѣстѣ съ оружіемъ клали и золото, приговаривая: «Аще ли отъ тихъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ: да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ». Слова: «да будемъ золоти яко золото» объясняютъ такъ: «изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня». (См. Буслаева О вл. христ. стр. 13). Сварогъ-Перунъ въ народномъ воображеніи представлялся божествомъ воителемъ, котораго оружіе особенно было направлено противъ злыхъ духовъ:

вѣроятно дѣйствію послѣднихъ приписывали сгущеніе атмосферы, прекращавшееся послѣ грозы. Такъ и теперь простолюдины, во время грозы, затворяютъ окна, опрокидываютъ сосуды, даже чайныя чашки и рюмки, увѣряя, что злые духи, гонимые молніею, стараются скрыться въ какое нибудь отверстіе. Такъ точно воителемъ представляется Индійскій Индра громовержецъ, низпосылающій дождь на землю; воюетъ онъ противъ злыхъ духовъ, которые небесную воду скрываютъ въ густыхъ облакахъ; Индра разсѣкаетъ эти черныя облака и такимъ образомъ спусьаетъ дождь. См. подробн. въ Dunker's Geschichte des Alterthums t. II, p. 17. Касательно происхожденія слова: Перунъ, замѣчаютъ, что Литовскій глоголъ perieti означаетъ: производить посредствомъ теплоты, рождать. Отъ Санскритскаго корня par произошли у Славянъ дві формы: дѣйствительная Перунъ, и страдательная парень, рожденный, сынъ. — Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Академіи, листъ 7-й.

75) Въ приведенномъ выше мѣстѣ Ипатьевскаго списка лѣтописи читаемъ далѣе: «И по семъ (т. е. по Сварогѣ) царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ.... Солнце царь сынъ Свароговъ, иже есть Дажьбогъ». Братомъ Солнца, сыномъ Свароговымъ, называется также и огонь: «Огневи моляться, зовуть его Сварожичемъ». (Востокова Опис. Рум. Муз. 228).

76) Очень естественно, имя Лада и Лады давалось также любовникамъ и супругамъ, которыхъ небесная чета — Ладо и Лада (солнце и луна) были первообразомъ; употребляется же ласкательное: мой свѣтъ!

77) По-древански дѣдъ lgölga, т. е. ljolja; отсюда Богъ называется nos lgolga, т. е. нашъ дѣдъ. См. Добровскаго Slovanka, 1, 13. На значеніе солнца, какъ отца народа, указываетъ извѣстная пѣсня:

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ,
Пить, ѣсть просятъ.

По-литовски didis или didelis, по-латышски lels значитъ великій. Кромѣ божества эпитетомъ великій вѣроятно означался и родоначальникъ; съ Литовскимъ didis и Латышскимъ lels совпадаютъ Славянскія слова: дѣдъ, дядя; лёля у Полабцевъ отецъ, лѣла по-церковнославянски тетка. — Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Академіи, листъ 7-й. У Арійцевъ Солнце (Surja) представляется также какъ производитель и питатель людей. См. означ. соч. Дункера, стр. 20.

78) О тождествѣ Хорса и Дажбога см. статью О. Бодянскаго въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1846, № 2.

79) См. статью профессора Срезневскаго — объ обожаніи Солнца у

древнихъ Славянъ (Жур. Мин. Нар. Просвѣщ. 1846, 51) — Волосъ первоначально могъ быть божествомъ солнца, но какъ объяснить, что онъ является подлѣ двухъ именъ божествъ солнца (Хорса и Дажбога), съ совершенно особымъ характеромъ, какъ скотій богъ въ противуположность Перуну, богу людей? Намъ кажется, что Волосъ принялъ преимущественно характеръ скотьяго бога, потерявъ значеніе солнца, въ слѣдствіе финскаго вліянія: у Финновъ есть божество, которое считается господиномъ надъ животнымъ царствомъ, кромѣ человѣка; это божество носитъ общее имя Сторъ-юнкара, что значитъ Великій господинъ (Mone Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa, 1, 36); Самоѣды и теперь боятся называть свое верховное божество его настоящимъ именемъ (Num, Nom, Nap), и охотнѣе употребляютъ эпитотъ Jileumbaertje, т. е. хранитель скота (Кастрена—Отчетъ Академія. Bullet. t. IV, 1847). У Финновъ животное пользовалось особеннымъ уваженіемъ, какого не замѣчаемъ у Славянъ и другихъ Европейскихъ народовъ, слѣд. у Финновъ скорѣе могло образоваться понятіе объ особомъ божествѣ для скотовъ. Замѣтимъ также, что св. Аврамій разрушилъ кумиръ Велесовъ на Финскомъ сѣверѣ, въ Ростовѣ; св. Власій, смѣнившій въ народныхъ понятіяхъ Волоса, особенно почитается теперь на Финскомъ же сѣверѣ (Снегирева Р. простонар. пр. 111, 156); наконецъ въ Словѣ о полку Игоревѣ мы находимъ, что пѣвецъ Боянъ называется волосовымъ внукомъ, изъ чего можно заключить, что пѣвцы находились подъ особеннымъ покровительствомъ этого божества; здѣсь замѣтимъ, что по-фински runa значитъ и пѣснь и письмо, и матерія, и символъ, что витія въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ пѣснотворецъ; витьство употреблялось въ смыслѣ колдовства (Буслаева — О вліяніи христ. 172 и слѣд.), колдовствомъ же особенно отличались Финны.

80) См. Кеппена — Библіогр. листы, № 7, стр. 88. — Кромѣ Перуна и Хорса-Дажбога, въ Кіевѣ, во времена Владиміра, стояли кумиры Стрибога, Симарглы (Сима и Регла) и Мокоша. О первомъ какъ богѣ вѣтровъ, можно заключать изъ Слова о полку Игореву, гдѣ вѣтры называются Стрибоговыми внуками; объ остальныхъ же двухъ мы, въ настоящее время, не можемъ предложить ничего вѣрнаго. По мнѣнію покойнаго Прейса (См. Донесеніе его г. Министру Нар. Просвѣщ. изъ Праги, отъ 26 Декабря 1840, Ж. М. Н. Пр. 1841, часть XXIX), чтеніе Сема (Сима) и Регла должно быть предпочтено чтенію Симарглы; Сима и Регла Прейсъ считаетъ за одно съ Ассирійскими божествами Εργὲλ и Ἀσιμαθ, какъ они читаются въ Библіи (кн. Царствъ IV, 17. 30). Симъ оказывается божествомъ огня. Мокошъ считаетъ Прейсъ божествомъ женскаго рода, Астартою, при чемъ указываетъ

на древнее слово мокачный, употребленное нѣсколько разъ у Даніила Паломника.

81) Это видно изъ того, что въ Хорутанскомъ нарѣчіи колдовати колядовати) до сихъ поръ значитъ приносить жертву, калдовавцъ — жрецъ, калдовница — жертвенникъ (см. Срезнев. Свят. и обр. яз. богослуж. древ. Слав. стр. 66). Во время коляды на столъ кладутъ рукоять плуга, для того чтобъ мыши и кроты не портили нивы; этимъ обрядомъ объясняется старинное преданіе о плугѣ: въ навечеріи Богоявленія кликали плугу. Сообщ. пр. Буслаев.

82) Dlugossi Hist. Pol. 1, 36. — Изъ пѣсенъ колядныхъ замѣчательна слѣдующая:

Уродилась коляда
Накануне Рождества
За рѣкою за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коледушки;
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатной ножъ,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати

83) На отношеніе масляницы къ солнцу указываетъ слѣдующее обыкновеніе: на огромныхъ саняхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на колесѣ вверху столба, утвержденнаго посреди саней (см. Снег. Русск. пр. пр. 11, 127, 128); колесо же было у языческихъ народовъ изображеніемъ солнца (Grimm. D. Mythol. 1, 578); притомъ на сѣверѣ во время масляницы поютъ также коляду, что указываетъ на отношеніе масляницы къ зимнему празднику солнца.

84) См. подробности у Снегирева Р. П. П. 111, 28, и Терещенки: Б. Р. Н. V, 16.

85) Ср. Гримма D. Mythol. 1, 583 и слѣд. — Что касается названія Купалы, то проф. Буслаевъ сообщилъ намъ слѣдующее словопроизводство: «Корень куп имѣетъ значеніе бѣлаго, яраго, откуда купавый—бѣлый. Какъ ярый соединяетъ въ себѣ понятіе бѣлаго и кипучаго: такъ и при купалѣ оказывается глаголъ кыпѣти, кыпати (звуки у и ы чередуются). Какъ съ смысломъ яраго соединяется понятіе желанія: такъ и при нашемъ кыпѣти находимъ Латинское

сиріо; наконецъ какъ буй, ярый- дикій, переходитъ въ значеніе неукротимаго, грознаго, бѣшенаго, гнѣвнаго, такъ и сир въ Санскритѣ имѣетъ значеніе: яриться, злиться; кромѣ того сир въ Санскритѣ имѣетъ значеніе: блистать.

86) Терещенко Б. Р. Н. V, 79.

87) Естественно ожидать, что у народа, потерявшаго уже смыслъ совершаемыхъ имъ обрядовъ, должно происходить, съ теченіемъ времени, смѣшеніе послѣднихъ; такъ чучело Мары смѣшивается уже съ чучеломъ Купалы, хотя пѣсня обличаетъ различіе:

Ходыли дивочки около Мореночки,
Коло мое водыло Купала;
Гратыми сонечко на Ивана и проч.

88) Купало между чернью называется Ярилою въ Ярославской, Тверской и Рязанской губерніяхъ. См. Снегирева Р. П. П. 1, 179.

89) Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкиваху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся.» Игра горѣлки всего лучше напоминаетъ это умыкиваніе «съ нею же съвѣщашеся.» Въ Стоглавѣ (вопросъ 24) читаемъ: «Русалии о Іоаннѣ днѣ, въ навечеріи Рождества Христова и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, и на безчиный говоръ, и на плясаніе и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе, и егда нощь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсніи, умываются водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ домы своя, и падаютъ аки мертвіи отъ великаго хлохотанія.» О праздновании купальской ночи см. Посланіе игумена Елизаровской обители Памфила въ 1505 г. въ Дополнен. къ Актамъ историч. Т. I, № 22; также въ Чтеніяхъ Моск. Ист. Общ. № 4, 1846 года. Указаніе на сговоръ между молодыми людьми см. въ Этногр. Сбор. 1, 49.

90) «Молятся роду и рожаницамъ....» — «беззаконная трапеза, мнимая роду и рожаницамъ,» читаемъ въ древнихъ христіанскихъ поученіяхъ (Востокова Опис. Рум. Муз. № CLXXXI). Хорутане вѣрятъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженицу. Важное мѣсто о родѣ и роженицахъ найдено профессоромъ Шевыревымъ въ одномъ сборникѣ въ библіотекѣ Кириллова монастыря. (См. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь, 11, 33): «Оттуда же ізвыкоша елени класти требы, артемиду і артемидѣ. рекше роду і рожаницѣ. таціи же егуптяне. Тако і до Словѣнъ доіде се слово і ти начаша требы класти. роду и роженицамъ преже Перуна бога ихъ. а переже того клали требу упиремъ і берегинямъ.» — Изъ этого извѣстія видимъ, что поклоненіе роду

и рожаницамъ смѣнило поклоненіе Упырямъ и Берегинямъ; перемѣнилось названіе, значеніе осталось одно и тоже: Упырь соотвѣтствуетъ роду, Берегиня — рожаницѣ; но извѣстно, что упырь есть мертвецъ. Изъ этого же извѣстія видно, что треба, покормъ, жертва, преимущественно назначалась для душъ умершихъ людей, и что отъ обычая покорма упырямъ и берегинямъ уже перешли къ жертвѣ Перуну; — «И бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ.» Сборникъ Рум. Муз. № CCCLXXIV.

91) Дѣти бѣгаютъ рода.

92) См. мою статью въ 1-й кн. Архива, изд. Калачовымъ; там же подробнѣе о Домовомъ, изслѣдованія гг. Буслаева и Аѳанасьева. — Къ доказательствамъ связи между домовымъ и душею усопшаго предка прибавимъ, что домовой въ видѣ Бадняка является у южныхъ Славянъ въ домъ вечеромъ 24 Декабря, когда въ первый праздникъ новорожденнаго солнца мертвые уже вставали изъ гробовъ. Для сравненія и объясненія приведемъ Финикійскую генеалогію Санхоніатона, какъ сохранилась она у Евсевія: отъ Вѣтра и жены его Ночи произошли Αἰών καὶ Πρωτογόνος первые смертные люди, а отъ нихъ родъ и рожаница — γένος καὶ γένεα, которые населили Финикію. Ясно слѣд., что родъ и рожаница у Финикіянъ были предки, первая чета, отъ которой пошло племя. У насъ при раздробленіи родовъ и при особности каждаго, каждый родъ имѣлъ и чтилъ своего особаго рода и рожаницу или рожаницъ, потому что у каждаго родоначальника было по нѣскольку женъ; потомъ, при дальнѣйшемъ дробленіи родовъ, при образованіи семей, домовъ, родъ перешелъ естественно въ домоваго. Колѣно значитъ родъ, племя, и старшій въ семьѣ, что вполнѣ объясняетъ таковое же значеніе рода. Опытъ Обл. Сл. стр. 88.

93) На это указываетъ слѣд. причитаніе: «Ужь ты солнце, солнце, ясное! ты взойди, взойди съ полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки; чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужь ты мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди, взойди съ вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ,» и проч. См. Сахарова Сказ. Русск. Нар. 11, 23.

94) Въ старину первый блинъ отдавался нищимъ на поминъ усопшимъ. Въ степныхъ селеніяхъ первый блинъ кладутъ на слуховое окно для душъ родительскихъ, при чемъ приговариваютъ: «Честные наши родители! вотъ для вашей душки блинокъ.» (Снегирева 11, 120; Сахарова 11, 72.) — Обряды, какіе наблюдаютъ въ приготовленіи бли-

новъ, указываютъна религіозное значеніе этого кушанья: выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣчки, колодези и озера, когда появятся звѣзды; приготовленіе первой опары содержится въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и посторонних; призывается мѣсяцъ выглянуть въ окно и подуть на опару. У Арійцевъ роды имѣли священную обязанность предлагать трапезы своимъ мертвецамъ по-крайней-мѣрѣ въ каждое новомѣсячіе. Дункеръ II, стр. 25 и 26.

95) Ср. Литовское Rauda погребальная пѣсня. — Праздникъ поминовенія усопшихъ по-литовски — Chautury; слово халтура осталось у насъ до сихъ поръ съ тѣмъ же значеніемъ. Ст. Kraszewskiego — Litwa, starozytne dziejè.

96) Зарываютъ красныя яйца въ выкопанныя надъ могилой ямки; въ Бѣлоруссіи на могилѣ, политой медомъ и водою, раскладываютъ кушанья и привѣтствуютъ покойниковъ: «Святые радзицели! хадзице къ намъ хлѣба и соли кушать». Ср. Полн. Собр. Р. Л. II, 104: «Михалка князя (Юрьевича) удариша ратніи двѣма копьи въ стегно, а третьимъ въ руку, но Богъ молитвою отца его избави отъ смерти.» Князь Юрій Долгорукій никогда не былъ причтенъ церковію къ лику святыхъ. — У другихъ народовъ тоже: въ «Indiculus superstitionum et paganiarum ad consilium Liptinense» читаемъ объ обычаѣ считать всѣхъ умершихъ святыми. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ называютъ прадѣда праведникомъ. Этногр. Сбор. I, 178, 290.

97) Буслаева — О вл. христ. на Слав. яз. стр. 15, 20.

98) Мура у славянскаго народонаселенія Турецкой Имперіи есть душа младенца, умершаго безъ крещенія, или безъ обрѣзанія. См. статью Княжескаго — Болгарскія повѣрья, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 годъ.

99) Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ есть уважаемый народомъ родникъ Заручайская Криница, или Сухомлинская, иначе родникъ Ярославовъ, впадающій въ Десну: на срубѣ этой Криницы, на разсвѣтѣ, въ зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ Криницы, прекрасныя дѣвушки съ русыми волосами, которые онѣ расчесываютъ (Снегирева 1, 172). Касательно связи душъ усопшихъ съ водою въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ очень важны замѣчанія Ходаковскаго (см. Русск. Ист. Сборн. т., 191, стр. 370 и слѣд.). Авторъ, говоря о сопкахъ или древнихъ могилахъ, замѣчаетъ: «Сколько я могъ видѣть оныхъ, всѣ насыпаны по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, и даже параллельно по излучинамъ и изгибамъ оныхъ. Въ поляхъ, удаленныхъ отъ воды, нигдѣ не случалось мнѣ замѣтить оныхъ. Можетъ быть причиною тому, что первѣйшія осѣдлости были только на порѣчьяхъ и на озерьяхъ; во-вторыхъ, что совершеніе похоронныхъ обрядовъ не могло обойтись

тогда безъ воды, которая по такому жь случаю была потребна въ Доростолѣ Святославу Игоревичу, и которая служитъ путемъ для усопшихъ въ вѣчное обиталище, по мнѣнію, сохранившемуся въ разныхъ странахъ славянскихъ у простаго народа». Тамъ же читаемъ: «Въ южной Руси праздникъ: Навьскій день заключается тѣмъ, что бросаютъ на воду шелуху отъ крашеныхъ яицъ для донесенія покойнымъ о торжествѣ св. Пасхи». Въ связи замѣтимъ, что въ народѣ есть мнѣніе, будто не надобно оставлять въ цѣлости яичной скорлупы: иначе русалки сдѣлаютъ изъ нея себѣ лодки и будутъ плавать на зло людямъ. — Вспомнимъ о приготовленіи блинной опары у воды. Въ сказкѣ о трехъ побратимахъ говорится о русалкѣ, которая живетъ на томъ особенномъ свѣтѣ, куда путь или чрезъ широкое море, или чрезъ нору сквозь землю. — Русская Бесѣда, III, Смѣсь, стр. 100. Днемъ, посвященнымъ памяти усопшихъ, какъ видно, была пятница. См. Этногр. Сборн. I, 215. Отсюда новыя повѣрья относительно пятницы, стр. 326.

100) Maciejowski–Perwotne dzieje Polski i Litwy, стр. 465. О пребываніи душъ на деревьяхъ см. Краледворскую рукопись. — Въ житіи Муромскаго князя Константина читаемъ (Карамз. 1, примѣч. 236): «Кони закалающе, и по мертвыхъ ременныя плетенія древолазная съ ними въ землю погребающе».

101) «Се же есть первое, тѣло свое хранить мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятломъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ». Калайдовича, Іоан. Екс. Болгар. с. 211.

102) Cosm. prag. p. 197.

103) Мы упоминали уже о томъ, что масляница была также праздникомъ въ честь умершимъ; доказательствомъ этому, кромѣ употребленія блиновъ, служитъ еще связь семика съ масляницей, связь, сохранившаяся у народа: Семикъ считается пріятелемъ масляницы; на лубочныхъ картинахъ онъ принимаетъ ее и величаетъ. Очень вѣроятно, что до христіанства радуница соединялась съ масляницей. Въ семикъ погребали и поминали убогихъ; изъ Стоглава (вопросъ 23) видно, что въ Троицкую субботу (на русальной недѣлѣ) по селамъ и погостамъ сходились мужи и жены на жальникахъ и плакались по гробамъ съ великимъ кричаньемъ, «и егда учнутъ скоморохи, и гудцы, и прегудницы играти, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити». Битье въ ладони есть обычай русалокъ.

104) Пѣсня говоритъ:

«Русалочки, земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли
Свалилися, забилися».

...сь важно выраженіе земляночки, указывающее на русалокъ, какъ ... жительницъ земныхъ нѣдръ.

105) «Женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ жен... ...ъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись ... двѣ половины, и тихими хороводами приближались къ концу улицъ. ...сь распѣвались попеременно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія ...оводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. ...сь открывалась война. Соломенную чучелу, русалку, дѣвицы при... ...али на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, на... ...али на другой хороводъ, или защищались сами отъ нападенія. Бойцы ... улицы переселялись на поле, гдѣ оканчивалось побоище растер... ...іемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣ... ...цы причитывали похоронныя завыванія, а отчаянныя, распу... ...въ косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ». Сахар. ... 94.

106) Подъ 1092 годомъ въ лѣтописи: «Предивно бысть Полотьскѣ: ...нечтѣ ны бываше въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци ...рыще бѣси; аще кто вылѣзяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье ...енъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и ... смяху излазити изъ хоромъ. По семь же начаша въ дне являтися ... конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и ... уязвляху люди Полотьскыя и его область; тѣмъ и человѣци гла... ...ху: яко навье бьютъ Полочаны». Изъ послѣднихъ словъ видно, ... въ понятіяхъ народа злые духи, бѣсы, преимущественно представ... ...сь мертвецами. — О связи мертвеца съ карликомъ, навья съ nâr... ...n см. у Буслаева О вліяніи Христ. стр. 64. Изъ этого сближенія ...ъ мы видимъ, что духи въ видѣ карликовъ, славянскіе людки, были ...ное что, какъ души умершихъ; это представленіе, что души умер... ...ъ имѣютъ форму человѣка, только въ уменьшенномъ видѣ, осталось ...сихъ поръ въ живописи.

107) Такъ было и у народовъ италійскихъ и азіатскихъ: Юпитеръ ...лся иногда женскаго пола, Венера мужескаго. Creuzer's Sumbolik, ... 835.

108) Ср. образцовое разсужденіе объ этомъ митрополита Платона въ ... Церковной Исторіи.

109) Во время Игоря стоялъ въ Кіевѣ Перунъ на холмѣ, но не въ ...мѣ, ибо лѣтописецъ прямо говоритъ: «Заутра призва Игорь слы, и ...де на холмъ, кде стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты ...олото». Нельзя было не сказать лѣтописцу, что они вошли въ храмъ ...руна, тѣмъ болѣе, что христіанская церковь св. Иліи должна была ...помнить ему о храмѣ. О Владимірѣ говорится, что онъ поставилъ

кумиры на холму внѣ двора теремнаго, и нисколько не говорится [illegible]
храмахъ. Въ разсказѣ о введеніи христіанства читаемъ: «Яко прид[illegible]
(Владиміръ), повелѣ кумиры испровреци, овы осѣчи, а другіе огнем[illegible]
предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи с[illegible]
горы, и проч.» — Ни слова о разореніи храмовъ. — Въ Новгород[illegible]
Добрыня поставилъ кумира надъ Волховомъ, но не храмъ. Слова тр[illegible]
бище и капище, употребленныя въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, древни[illegible]
сочиненіяхъ и житіяхъ святыхъ, не могутъ означать храмовъ; тр[illegible]
бище — мѣсто, гдѣ приносилась жертва, треба; капище происходи[illegible]
отъ капь, образъ (по капи нашею и по образу, см. Miklosich, Ra[illegible]
l. sl. p. 117); слѣдовательно можетъ означать и самого идола, и так[illegible]
вмѣстилище идола, навѣсъ, шатеръ; что капище не могло означа[illegible]
храма, видно изъ словъ лѣтописца о принесеніи Владиміромъ съ собо[illegible]
двухъ мѣдныхъ капищъ изъ Херсона.

110) Какъ это происходило, показываетъ и теперь еще существу[illegible]
щій обычай: въ Малороссіи, въ щедрый или богатый вечеръ, 31 де[illegible]
кабря, каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пи[illegible]
роговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу пред[illegible]
образами, накуривъ ладаномъ, проситъ мужа исполнить закон[illegible]
отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за грудой всякаго печен[illegible]
Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «Дежь нашъ батько?» [illegible]
онъ спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «Хибажь вы мене не бачите[illegible]
и на слова ихъ: «Не бачимо, тату,» говоритъ: «Дай же Боже, щобъ и [illegible]
той рокъ не побачили.» Этими словами онъ выражаетъ желаніе, что[illegible]
и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ насто[illegible]
щемъ (Срезневскій Свят. и Обр. стр. 77, 78). У западныхъ Славян[illegible]
гдѣ, при бóльшемъ развитіи общественнаго богослуженія, существова[illegible]
храмы и жрецы, роль отца семейства въ описанномъ обрядѣ зани[illegible]
маетъ жрецъ. Саксонъ Грамматикъ (824, 825), описавъ праздни[illegible]
въ честь Святовида, когда жрецъ перемѣняетъ вино въ рогѣ идол[illegible]
прибавляетъ: «Къ этому же возношенію принадлежалъ и пирогъ сла[illegible]
кій, круглый (коровай) и величиною почти въ ростъ человѣка. Жрецъ[illegible]
поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянъ — видят[illegible]
ли они его? Когда тѣ отвѣчали, что видятъ, то онъ изъявлялъ желаніе,
чтобъ на слѣдующій годъ его вовсе не было видно за пирогомъ.

111) См. Constant. Por. de Adm. imp. стр. 9. Карамз. I, примѣч. 21[illegible]
Касторскаго Начерт. Слав. Миѳ. 134. Полн. Собр. Р. Лѣт. II, 234. Па[illegible]
мятн. Слов. XII в. стр. 19. Краледвор. рукоп.

112) Кеппена — Библіогр. листы № 7; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. II[illegible]
257; Полное Собр. Законовъ № 3771; Левъ Діак. IX, 8; Памятн. Сло[illegible]
XII в.

113) Продож. Древ. Росс. Вивл. I: «Ты, рече, Перунище, доситипилъ и ялъ.»

114) И тако покладываютъ имъ требы и короваи имъ ломятъ, моле- то брашно даютъ и ѣдятъ, ставятъ кумиромъ трапезы котѣйныя и ...ьнаго обѣда иже нарицаеться беззаконьная трапеза, мѣнимая роду ...оженицамъ.» — У западныхъ Славянъ также находимъ извѣстія о ...бныхъ законныхъ обѣдахъ; думаемъ, что здѣсь должно искать ...ла братчинъ или братовщинъ.

115) Можно думать, что средне-вѣковый обычай сожигать еретиковъ ... также остатокъ языческихъ понятій. Мы не согласны приписывать ...чай человѣческихъ жертвъ у Славянъ чуждому вліянію, ибо ду...мъ, что этотъ обычай общъ всѣмъ языческимъ народомъ при извѣ...ыхъ обстоятельствахъ; разумѣется, человѣческія жертвы должны ...ть въ большемъ употребленіи у народовъ воинственныхъ, чѣмъ у ...ныхъ, потому что, какъ уже сказано, въ жертву приносились взя... въ плѣнъ непріятели; такъ мы видимъ человѣческія жертвы у воин...енныхъ сѣверозападныхъ племенъ Славянскихъ, особенно когда раз...лась религіозная борьба съ христіанами; такъ и въ Кіевѣ мы ви...ъ человѣческую жертву при Владимірѣ, во время борьбы двухъ ...ргій. — Видятъ также указаніе на человѣческія жертвы въ слѣдую...ихъ словахъ лѣтописца: «Привожаху сыны своя и дщери, и жряху ...омъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля ...сская и холмъ отъ» (Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 34). — Но здѣсь лѣто...сецъ повторилъ тѣже слова, которыя вложилъ въ уста философу, ...шедшему для обращенія Владиміра: «Посемъ же дьяволъ въ боль...е прельщеніе вверже человѣки, и начаша кумиры творити, ови ...евяны, ови мѣдяны, а друзіи мраморяны, а иные златы и сребряны; ...яхуся и привожаху сыны своя и дъщери, и закалаху предъ ними, ...ѣ вся земля осквернена.» (Тамъ же, 39). — Ср. Гельмольда: «Conve...nt viri et mulieres cum parvulis mactantque diis suis hostias de bo... et ovibus plerique etiam de hominibus christianis.»

116) О словопроизводствѣ волхвъ и жрецъ см. у Буслаева: О вл. ...ст. стр. 22, 23. — Miklosich, Rad. l. sl. p. 10.

117) Финны знаютъ двѣ магіи — бѣлую и черную; черная, адское ...усство, отклоняющее людей отъ свѣта солнечнаго, враждебное Байвѣ, ...нѣ солнца; этимъ объясняется слѣдующее мѣсто лѣтописи: «Прик...чися нѣкоему Новгородцю прити въ Чудь, и приде къ кудеснику, хотя ...лхованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы ... храмину свою. Новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоя же храмины, ...удесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибе имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ ...рече Новгородцю: бози не смѣютъ прити, нѣчто имаши на собѣ, его же

боятся. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тое; онъ же начатъ опять призывати бѣсы, бѣси же метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. По семъ же поча прашати его: что ради боятся его, его же се.носимъ на собѣ креста? Онъ же рече: то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся. Онъ же рече: то каци суть бози ваши, гдѣ живутъ? Онъ же рече, въ безднахъ; суть же образомъ черни, крылаты, хвосты имуще, всходять же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ, ваши бо Ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людей, то възносимъ суть на небо, аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ къ нашимъ богамъ въ бездну». На это же Финское вѣрованіе указываетъ другое извѣстіе лѣтописца о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области; они говорили, что человѣкъ созданъ слѣдующимъ образомъ: «Богъ мывься въ мовницы и вспотивъся, отерься ветъхомъ и верже съ небесе на землю, и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ не вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу». Доброе или бѣлое волшебство проистекаетъ изъ существа женщины, тогда какъ чернокнижіе, по своему характеру, есть мужеское.

118) Шафар. Древ. Т. I, кн. II, стр. 45 и слѣд.

119) Germ. cap. 46.

120) III, c. 5.

121) De reb. Get. c. 23: Thiudos, Vasina, Broncas (Beormas), Merens, Mordens, Sremniscans.

122) Sjögren. — Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen, s. 272, 339.

123) Geijer — Geschichte Schwedens, 1. 95.

124) Tac. Germ. c. XLVI.

125) Kruse — Ur-Geschichte des esthnischen Volksstammes, s. 24 et squ. — Объ обычаяхъ Финскаго народонаселенія, имѣющихъ необыкновенное сходство съ Русскими, см. Sjögren — Ueber die finnische Bevölkerung des St. Peterb. Gouvernements. И здѣсь, и тамъ, напримѣръ, выкупъ приданаго, одинакія повѣрья и предосторожности противъ вліянія колдуновъ при свадьбѣ, также свекровь встрѣчаетъ молодую въ вывороченной шубѣ; въ такомъ же употребленіи баня; молодой называется княземъ или королемъ; умершимъ волшебникамъ также втыкаютъ колъ въ спину; вѣрятъ въ домовыхъ, русалокъ, недавно еще приносились жертвы подъ деревьями. — Такое сходство обычаевъ съ осторожностію должно приписывать заимствованію у одного племени другимъ, хотя взаимное вліяніе двухъ сосѣднихъ племенъ другъ на друга безспорно. Съ такою же осторожностію должно обходиться и съ языкомъ, утверждать о заимствованіяхъ, тогда какъ и здѣсь всего легче может имѣть

мѣсто общее сродство; сравнимъ, напримѣръ Славянскій кумиръ съ Чудскимъ Kummardama, Kumartaas — adorare; капь (forma, idolum), капище съ мадьярскимъ Kép, bàlvànr — Kép (imago idolum); гобина съ мадьярскимъ габона (fruges), одерень, дерноватый съ Финскимъ deren (firmus).

126) Древн. Шафарика, Т. I, кн. II, стр. 276 и слѣд.

127) Lappenberg — Urkund. 1, 105. Письмо папы Григорія VII къ датскому королю Гаральду 1080 году: «Vos intemperiem temporum, corruptiones aeris, quascunque molestias corporum, ad sacerdotum culpas transferre. Praeterea in mulieres ob eandem causam simili immanitate barbari ritus damnatas, quidquam impietatis faciendi vobis fas esse nolite putare.» Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 44: И въздвиже (діяволъ) на Арсенія мужа кротка и смѣрена крамолу велику, простую чядь; и створше вѣче на Ярославли дворѣ, и поидоша на владыцьнь дворъ, рекуче: того дѣля стоить тепло дълго,» и проч. — Тамъ же, IV, 198: «А тогда бяше моръ въ Псковѣ великъ, и тогда отрекошася Псковичи князю Данилу Александровичу: «тебе ради моръ сей у насъ.» и выѣха Князь Данило изо Пскова.» — О поступкахъ волхвовъ съ женщинами см. выше.

128) См. о Литовскомъ племени подробнѣе: Voigt—Geschichte Preussens, t. I;—Narbutt Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. 1.

129) Точнѣйшее опредѣленіе границъ Галиндіи см. у Фойгта, т. I, стр. 495.

130) Voigt — I, 611.

131) Шафар. Т. I, кн. II, стр. 125.

132) Таково мнѣніе Шафарика; впрочемъ это мнѣніе высказалъ уже и Татищевъ, II, примѣч. 167.

133) Iordanis, c. 17.

134) Ibid. c. 23.

135) Ibid c. 24; Ammiani Marcell. XXXI, 2; Sidonii Apollin. Carm. II, v. 245 — 262.

136) Iordanis, de reb. Get. c. 48.

137) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1. 5.

138) Stritter, Memor. Popul. 1.

139) Fraehn — De Chasaris, p. 15: Duplex eorum genus exstat. Alteri nomen est Kara Chasar (i. e. Chasari nigri); hi fusco colore sunt, sed propter fusci intensionem ad nigredinem vergente, ita ut species Indorum esse videantur. Genus alterum albo colore est atque pulchritudine et forma insigne. Доказательства, взятыя отъ языка, свидѣтельствуютъ преимущественно въ пользу смѣшенія турецкаго съ финскимъ племенемъ; см. Клапрота (Memoires relatifs à l'Asie, p. 155); Френа (Mémoir. de l'Aca-

demie de S.-Petersb. 1832, p. 548); Григорьева — Обзоръ политической исторіи Хозаровъ, 1835; Языкова — Опытъ исторіи Козаровъ (въ Трудахъ Императорской Россійской Академіи, ч. I, 1840 года); Kunik — Die Berufung der Schwedischen Rodsen, II, s. 247 et squ. — Въ религіозномъ отношеніи замѣчателенъ слѣдующій поступокъ Кагана (Fraehn — de Chas. p. 18): «Anno trecentesimo decimo (= 922 p. C.) Rex, accepto nuncio Muhammedanos ecclesiam (Christianam), quae in terra Babundsch erat, diruisse, turrim (templi muhammedani) destrui praeconesque sacros morte affici jussit, addens: nisi timerem, ut in Muhammedanorum terris ulla superstes relinqueretur ecclesia, ipsum hoc templum etiam destruerem.»

140) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 2, 3. — Fraehn-Ibn-Fozlans und anderer Araber Berichte, s. 182, 183, 198. Арабскій писатель Бируни (X — XI в.) продолжаетъ Варяжское море до области Булгаръ, а Дшардшани (1409 г.) до Китайскихъ границъ.

141) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 8. — Что касается земли Англійской, то ея названіе не можетъ вводить въ сомнѣніе, ибо съ одной стороны Варяги-Норманны живутъ собственно до Англійской земли; но съ другой стороны, они издавна поселились на берегахъ Англіи, завоевывали ее, наконецъ завоевали окончательно изъ Нормандіи Французской; наконецъ, чтó кажется намъ всего вѣроятнѣе, лѣтописецъ смѣшиваетъ древнія жилища Англовъ съ новыми въ Британіи, смѣшиваетъ и Датчанъ съ Англичанами въ слѣдствіе тѣсной, постоянной связи, которая издавна существовала между этими двумя народами.

142) Говорю на приведенныхъ мѣстахъ только, потому что изъ другихъ мѣстъ лѣтописи, гдѣ упоминаются Варяги, нѣкоторыя важны только для показанія, что Варяги жили на берегахъ Балтійскаго моря, но нисколько не могутъ противорѣчить тому мнѣнію, что подъ Варягами разумѣются всѣ Прибалтійскіе жители, слѣдовательно и Славяне.

143) Новгородцы, сносясь съ Шведскимъ королемъ объ избраніи брата его на Русскій престолъ, говорили: «А прежніе государи наши и корень ихъ царской отъ ихъ же Варяжскаго княженья, отъ Рюрика и до великаго государя Ѳедора Ивановича былъ». Дополн. къ акт. истор. т. I, № 162.

144) Annal. Bertin, an. 8 — 39; ap. Murator. Scriptor. reг. Ital., t. II, p. 525.

145) Histor. c. 46.

146) См. у Fraehn-Ibn-Fozlans etc.

147) Извѣстія другихъ Византійцевъ только не противорѣчатъ мнѣнію о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ: Варягами въ Византіи назывались дружины изъ пришлецовъ съ далекаго сѣвера, съ острова

Туле; это впрочемъ не противорѣчитъ мнѣнію, что у другихъ народовъ Варягами могли называться и другіе жители Сѣвера, иного происхожденія, чѣмъ Скандинавы; если въ дружинахъ съ Туле были Славяне сѣверные, то Византіецъ не имѣлъ обязанности упоминать объ этомъ обстоятельствѣ: мы знаемъ неточность Византійцевъ относительно этнографическихъ опредѣленій, и знаемъ различіе между южными, извѣстными Византійцамъ, Славянами, и сѣверными. — Позднѣйшія извѣстія нашихъ лѣтописей, гдѣ подъ Варягами разумѣются Скандинавы, Нѣмцы также не противорѣча мнѣнію о Скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ, не противорѣчатъ мнѣнію и о Славянскомъ: сперва подъ Варягами могли разумѣться всѣ жители Балтійскаго прибрежья; потомъ, съ принятія христіанства, начало господствовать различіе религіозное, и Варягами на сѣверѣ начали называть тѣхъ, кого на югѣ разумѣли подъ Латинами, то есть, всѣхъ не Греческаго закона, всѣхъ безъ различія происхожденія; наконецъ онѣмеченіе Славянъ Прибалтійскихъ заставило считать Нѣмцами всѣ народы сѣверо-западной Европы, носившіе прежде имя Варяговъ.

148) Warg, иначе wrag въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ означалъ изгнанника, изверженника изъ извѣстнаго округа, exul, pago expulsus; подобный человѣкъ у Англо-Саксовъ назывался wraecca, въ законѣ салическомъ wargus. Послѣ это названіе начало означать изгнанника и преступника вмѣстѣ: отсюда у Готѳовъ — wargjan condemnare, exterminare, tractare ut sceleratum; у Шведовъ werg значитъ волкъ, какъ разбойникъ между звѣрями; wrang trux, ferox. Итакъ wrag, wraec, wrang древнихъ Германцевъ, warg, frec, franc новыхъ было однозначительно съ англосаксонскимъ utlagh; warg, wrag значилъ волкъ, разбойникъ или изгнанникъ на всѣхъ языкахъ Сѣвера (ср. Славянское врагъ, Финское waras). Будемъ ли смотрѣть на Варяговъ какъ на Φραγγοι-φοιδεράτοι, Waeringar; будемъ ли производить слово отъ var война, или отъ Славянскаго варяю и сравнивать съ Δρομῖται — заключеніе будетъ одно, что Варягъ означалъ дружинника, воина по преимуществу, а извѣстно, что въ средніе вѣка дружины составлялись преимущественно изъ людей, носившихъ названіе wargus; слѣдовательно, еслибы даже между этими двумя слова не было связи филологической, то есть историческая. — Кругъ производитъ Варяговъ отъ варяю и сравниваетъ съ Δρομῖται; Тредіаковскій уже давно производилъ отъ варяю, только въ смыслѣ предварители, старожилы. Максимовичь считаетъ warang русскимъ врагъ, но объ этомъ сближеніи уже давно писалъ монахъ Кульчинскій въ своемъ сочиненіи: Specimen ecclesiae Ruthenicae. Отъ значенія изгнанника легкій переходъ къ значенію скитальца, пришлеца, чужаго: «Omnes warengangi. qui de exte-

ris finibus in regni nostri finibus advenerint, seque sub scuto potestati nostrae subdiderint, legibus nostris Langobardorum vivere debeant, ni legem suam a piétate nostra meruerint.» Edict. regis Rotharis. стр. 390

149) Византіецъ Симеонъ Логоеетъ объясняетъ прямо слово: Ῥῶς словомъ Δρομῖται, а δρομῖται происходитъ отъ δρόμων корабль. Корень слова съ приведеннымъ значеніемъ найдемъ въ языкахъ Славянскомъ, Германскомъ, Финскомъ и другихъ многихъ; мѣстныхъ названій, подобнымъ образомъ звучащихъ, найдемъ много: но не думаемъ, чтобы изслѣдователь имѣлъ право выводить дружину Рюрика непремѣнно изъ какого-нибудь подобнаго мѣста.

150) Арабскій писатель Табари (Dorn, Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, Mémoires de l'Académie des sciences de S. Petersbourg. t. IV, 1841; t. VI, 1844) упоминаетъ о Руссахъ вмѣстѣ съ Козарами подъ 642 годомъ по Р. Хр. — Обыкновенно думаютъ, что Греки въ первый разъ познакомились съ Руссами только послѣ Аскольдова похода; но могъ ли патріархъ Фотій, въ окружномъ посланіи своемъ 867 года, отзываться о Руссахъ такимъ образомъ: τὸ καὶ πολλοῖς πολλάκις θρυλλούμενον? Въ Паралипоменонѣ Зонары жительство Руссовъ полагается на берегахъ Чернаго моря (Чтенія Москов. Истор. Общ. годъ третій, № 1); тамъ же полагаютъ Русь и Арабскіе писатели (Fraehn, Ibn-Foszlan Berichte): по Муккадези, Руссы живутъ на островѣ Вабія; число ихъ простирается до 100,000, у нихъ нѣтъ ни хлѣбопашества, ни скотоводства. По словамъ Димешки, Руссы получили свое имя отъ города Руси (Rusija), находящагося на сѣверномъ берегу названнаго отъ нихъ моря, то есть Чернаго. На этомъ морѣ семь острововъ, обитаемыхъ разбойниками Руссами. Едризи упоминаетъ также о городѣ Русѣ: «Отъ города Матерхы до города Руси 27 миль; послѣдній лежитъ на большой рѣкѣ, вытекающей изъ горы Кукайя.» По Али-бенъ-Саидъ-Махреби Русія, главный городъ Руссовъ, находится на берегахъ Азовскаго моря. Ибнъ-ель-Варди, при исчисленіи городовъ на Черномъ морѣ, называетъ Русія. Такія согласныя свидѣтельства оспаривать трудно, а главное — нѣтъ нужды: древнее пребываніе Руссовъ на Черномъ морѣ только объясняетъ намъ нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія, не противорѣча ни одному изъ нихъ.

151) Въ лѣтописи: «Имаху дань Варязи изъ заморья на Чуди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ.» Вмѣсто всѣхъ Кривичѣхъ я читаю Веси и Кривичѣхъ, ибо если Меря платила дань, то не могла не платить Весь; что Весь платила дань и потомъ участвовала въ призваніи князей, доказательствомъ служитъ поселеніе у нея на Бѣлѣозерѣ одного изъ братьевъ — Синеуса; потомъ, какъ видно,

всѣ племена, платившія дань Варягамъ, вошли въ составъ Рюрикова владѣнія; но не всѣ Кривичи вошли сюда, ибо Смоленскъ былъ взятъ только при Олегѣ. Что касается до Чуди, то подъ этимъ именемъ должно разумѣть Вотъ или Водь, жителей древней Вожской Пятины въ Новгородской области, которыхъ и теперь Русскіе сосѣди ихъ не иначе называютъ, какъ Чудья. См. Koeppen, Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St. Petersburgischen Gouvernements въ Mélanges russes, T. 1, 2 livr. 1849.

152) Г. П. Савельевъ справедливо замѣтилъ: «Слово бѣлка показываетъ, что оно только въ позднѣйшее время перенесено на звѣря, котораго мы теперь такъ называемъ и который никогда не бываетъ бѣлымъ; говоря, что «Хозары имаху на Полянѣхъ и на Сѣверехъ и на Вятичехъ по бѣлѣ и веверицѣ отъ дыма», Несторъ разумѣлъ конечно бѣлкѣ, а не горностаевъ.» — Мухаммедан. Нумизмат. стр. CCVII.

153) Дымъ означаетъ обитаемое жилище, гдѣ топятъ, слѣдовательно живутъ; домъ просто еще ничего не значилъ; нужно, чтобъ онъ былъ обитаемъ, важенъ былъ признакъ обитаемости — дымъ. Былъ обычай для наказанія или вынужденія чего-нибудь разламывать печь, и такимъ образомъ дѣлать домъ неудобнымъ къ обитанію; отсюда важность печи, очага въ домѣ.

154) См. мое изслѣдованіе: Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 7, 8. См. также Studien zur gründlich. Kenntniss der Vorzeit Russlands, S. 304. — Пиша мое изслѣдованіе о Новгородѣ, я не могъ достать изслѣдованія Неймана о томъ же предметѣ, помѣщеннаго въ названной книгѣ, которая составляетъ библіографическую рѣдкость. Послѣ, доставши книгу, я нашелъ, что во многомъ сошелся со мнѣніями Неймана, и потому теперь спѣшу возвратить ему честь первенства.

155) Никон. 1, 14. «Потомъ же Славяне, Чудь и Кривичи и проч. видяще великое нестроеніе въ землѣ своей, пріидоша въ чувство и совѣтъ сотвориша, еже избрати себѣ князя отъ иного рода.»

154) Полн. Собр. Р. Лѣт. II, стр. 17.

157) Тамъ же.

158) Тамъ же, Т. III. стр. 11. Возражаютъ: если бы Новгородцы призвали первыхъ князей для наряда внутренняго, какъ судей, то Рюрикъ не сѣлъ бы въ Ладогѣ. — Но какое право имѣетъ историкъ непремѣнно предполагать, что Новгородъ въ это время имѣлъ тоже значеніе, какое послѣ? Лѣтописецъ, говоря о призваніи князей, упоминаетъ постоянно названіе племени — Словене, не говоря ни слова о Новгородѣ, чего не могъ бы онъ сдѣлать, еслибъ Новгородъ и тогда уже имѣлъ первенствующее значеніе. См. стр. 98.

159) Можно было бы объяснить явленіе такимъ образомъ: въ выраженіи: всталъ родъ на родъ, подъ родомъ разумѣть отдѣльныя племена — Чудь, Славянъ Ильменскихъ, Кривичей; эти племена, покорныя Варягамъ, какъ скоро освободились, то завели усобицы, для прекращенія которыхъ не нашли другаго средства, какъ подчиниться князю изъ чужаго рода, ибо въ противномъ случаѣ Варяги снова могли бы легко подчинить себѣ враждующія племена. — Но, во первыхъ, странно было бы предположить, чтобъ отдѣльныя племена, имѣя крѣпкое, удовлетворительное внутреннее устройство, захотѣли подчиниться чуждой власти потому только, что не могли сладить съ сосѣдями. Это было бы дѣйствительно примѣръ, неслыханный въ исторіи; если Новгородцы поссорились съ Чудью, напримѣръ, и начали усобицу, положимъ даже, что въ одно время они начали усобицу съ Кривичами, то соединенные Кривичи и Чудь конечно могли заставить Новгородцевъ уступить ихъ желанію и безъ призыва чуждой силы; далѣе, могли ли племена, говоря о взаимныхъ войнахъ своихъ другъ съ другомъ, сказать, что во всей ихъ землѣ нѣтъ наряда, если бы внутри каждаго племени онъ былъ? наконецъ, что всего важнѣе, мы видимъ изъ послѣдующей исторіи, что въ Новгородѣ напримѣръ князь былъ необходимъ для установленія внутренняго наряда, а не для соглашенія съ сосѣдями; замѣтимъ, что относительно послѣднихъ и вообще чужихъ народовъ Новгородцы вели себя обыкновенно очень осторожно, миролюбиво, старались сколько можно болѣе избѣгать враждебныхъ столкновеній. — Предполагать новое завоеваніе историкъ не имѣетъ никакого права, ибо это значило бы строить исторію, не обращая никакого вниманія на свидѣтельство лѣтописца. — Нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ призваніе необходимостію внѣшней защиты для призывавшихъ племенъ; такъ г. Погодинъ, согласно съ Миллеромъ и Шлецеромъ, говоритъ (Изсл., Зам. и Лекц. III, стр. 57): «Главная цѣль Новгородцевъ была — имѣть защитниковъ отъ Варяговъ, которые всегда могли грозить ихъ землѣ. Доказательство: къ нимъ пошло цѣлое колѣно — войско. Для чего бы Новгородцамъ въ противномъ случаѣ брать себѣ на содержаніе столько народа? Звать цѣлое войско княжить — нелѣпость. Еслибъ имъ нуженъ былъ только князь, то взяли бы его одного безъ его племени.. Но они звали князей въ слѣдствіе междоусобія? Междоусобіе началось у нихъ по изгнаніи Варяговъ, въ слѣдствіе перваго общаго дѣйствія, какъ догадывался и Шлецеръ, потому, можетъ быть, что всякое племя желало первенствовать; прекратить междоусобіе — это была временная нужда, а безопасность — всегдашняя.» Отвѣчаемъ: къ нимъ пошло цѣлое колѣно — войско, говоритъ г. Погодинъ; но извѣстно ли намъ число людей, пришедшихъ съ Рюрикомъ? развѣ можно принимать буквально извѣстіе: пояша по себѣ всю Русь?

лѣтописецъ XI вѣка естественно долженъ былъ предположить, что Рюрикъ вывелъ съ собою всю Русь, зная, что Русь были Варяги; и въ тоже время не будучи въ состояніи отыскать между Варяжскими народами особеннаго народа Руси, подобнаго Шведамъ, Норвежцамъ, Готамъ. — «Еслибъ имъ нуженъ былъ только князь, говоритъ г. Погодинъ, то взяли бы его одного безъ его племени». — Но если бы князья одни не пошли къ чужому народу, на кротость котораго, какъ видно изъ нѣкоторыхъ извѣстій, вовсе не надѣялись? «Онижъ бояхусь звѣринаго ихъ обычая и нрава, и едва избрашась три браты,» читаемъ въ Никоновомъ спискѣ (1, 15). — «Прекратить междоусобіе — это была временная нужда,» говоритъ г. Погодинъ. — Выше было показано, что усобицы среди Славянъ не были случайнымъ явленіемъ, но были характеристическою чертою ихъ быта. Любопытно, что г. Погодинъ въ другомъ мѣстѣ (II, стр. 371, 373), слѣдуя Шафарику, представляетъ сварливость Славянъ, неумѣнье ужиться другъ съ другомъ. Но еслибъ даже междоусобіе и было случайнымъ явленіемъ, да было такъ сильно, что прекратить его не предвидѣлось никакихъ средствъ, то и тогда призваніе князей для одной цѣли внутренняго наряда будетъ понятно. Правда, что разрозненный родовой бытъ и вражда между родами препятствовали племенамъ не только дружно нападать, но даже и съ успѣхомъ защищаться отъ чуждыхъ нападеній; но это было слѣдствіемъ вражды между родами; нужно было прежде всего уничтожить эту вражду, эти усобицы, утвердить нарядъ, — тогда при общемъ согласіи и спокойствіи необходимо являлась возможность дружной и успѣшной защиты; нужно было уничтожить причину, слѣдствіе уничтожалось само собою.

160) См. объ этомъ статью въ Сѣверн. Арх. 1826 года.

161) I, 8: «И придоша къ Словеномъ первѣе, и срубиша городъ Ладогу, и сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ.»

162) Нѣкоторые изслѣдователи не хотятъ признавать всей важности этого событія, не хотятъ называть его всероссійскимъ. Такъ г. Погодинъ говоритъ (Изсл. З. Л. III, 69): «Событіе это, каково оно бы ни было, какую бы оно ни имѣло связь съ другими, принадлежитъ одному Новгороду. Еще болѣе: преемникъ Рюрика оставилъ тотчасъ Новгородъ, оставилъ совершенно, и всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, то есть, Новгородцы остались платить дань Варягамъ, какъ они платили ее въ 859 году; Варяги-Русь ушли въ другую сторону, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ удержали право новгородской дани; Новгородъ, напротивъ, отдѣлился съ самаго начала, и составилъ особое цѣлое, отъ котораго черезъ сто лѣтъ отпирался уже самъ Святославъ. Это почти отрѣзанный ломоть, островъ въ русской исторіи. Въ Новѣгородѣ, какъ въ одной части будущаго русскаго государства, мы видимъ те-

перь, при Рюрикѣ, новую гражданскую форму, и то на время, точно какъ подобная форма тогда же показалась въ Кіевѣ, или послѣ во Владимірѣ. Вотъ и все. Слѣдовательно началомъ государства этого событія съ Карамзинымъ назвать нельзя. Какъ же вѣрнѣе назвать это происшествіе? По моему, въ слѣдствіе предложенныхъ изысканій, это происшествіе должно быть названо, всего приличнѣе-вѣрнѣе: прибытіе Норманновъ въ нашу Славянскую землю, Норманновъ, которые въ послѣдствіи, въ теченіе шести вѣковъ, ославяниваясь, будутъ давать, по мѣрѣ своего размноженія, гражданскую форму поселеніямъ племенъ Славянскихъ. Чѣмъ же соединяется оно, хотя нѣсколько, съ послѣдующими происшествіями? Почему начинаютъ имъ Россійскую исторію? Какую долю имѣетъ это происшествіе въ основаніи русскаго государства? Главная, существенная связь этого происшествія, связь съ будущей исторіей, есть не Новгородъ, а Рюрикъ, какъ родоначальникъ будущей династіи, государь, добровольно приглашенный, слѣдовательно пришедшій съ чувствами дружелюбными, а не враждебными. Здѣсь начало династіи, — и вотъ почему преимущественно это особое событіе безсмертно въ Русской исторіи, есть часть ея. Это въ нѣкоторомъ отношеніи начало начала. Воздадимъ здѣсь честь и Новгороду, старшему сыну Россіи: онъ призвалъ того князя, котораго роду предназначено было великое дѣло — преобразовать въ гражданскомъ отношеніи весь этотъ славянскій патріархальный міръ, сообщить исподоволь гражданскую форму всѣмъ частямъ Россіи, довести ее до нынѣшняго состоянія, и составить величайшее государство въ мірѣ».

Мы привели это мнѣніе для того, чтобъ его опроверженіемъ подкрѣпить наше собственное мнѣніе, высказанное въ текстѣ. Во первыхъ, событіе призванія принадлежитъ не одному Новгороду. Если странно давать здѣсь главную роль Финнамъ, то также странно приписывать все одному Новгороду, одному племени Ильменскихъ Славянъ, не обращая вниманія ни на Чудь, ни на Кривичей, которые имѣли въ призваніи одинакое участіе. Событіе принадлежитъ слѣдовательно не Новгороду, а, съ одной стороны, тремъ племенамъ, сосредоточившимся около призванной власти, и посредствомъ своего сосредоточенія, давшимъ этой власти средства къ сосредоточенію остальныхъ племенъ; съ другой стороны, это событіе всероссійское, потому что здѣсь положено начало сосредоточенію и наданію гражданскихъ формъ, что съ этого времени и мѣста непрерывно продолжается въ теченіе вѣковъ. Г. Погодинъ вооружается противъ этой непрерывности, но вооружается вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ. Онъ говоритъ, что Олегъ оставилъ Новгородъ совершенно, и всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе. Отвѣчаемъ: вы признаете фактъ призванія, какъ онъ разсказывается въ лѣтописи, при-

знаете, что князь былъ необходимъ призывавшимъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, положимъ какъ защитникъ только? Но если князь былъ необходимъ для извѣстнаго народа, и князь покинулъ этотъ народъ, то что долженъ дѣлать послѣдній? Или подвергнуться всѣмъ невыгодамъ прежняго состоянія, или призвать другаго князя; Новгородъ не призываетъ новаго князя, а такъ какъ князь для него необходимъ, то слѣдовательно въ Новгородѣ остается прежній князь или его намѣстникъ. Это со стороны призвавшихъ племенъ. Теперь со стороны Олега: онъ не могъ, удаляясь на югъ, оставить сѣверный конецъ своего пути не закрѣпленнымъ для себя, слѣдовательно онъ не могъ отказаться отъ Новгорода. Мы до сихъ поръ довольствовались одними соображеніями, теперь обратимся къ свидѣтельствамъ. Олегъ оставилъ совершенно Новгородъ, сѣверныя племена, которыми владѣлъ Рюрикъ, а между тѣмъ идя на югъ, онъ собираетъ войско изъ этихъ племенъ, Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей; утвердившись на югѣ, Олегъ налагаетъ дань на эти племена, на Славянъ, Кривичей, Мерю, — на Новгородцевъ налагаетъ особую дань въ пользу Варяговъ; идя въ походъ на Грековъ, собираетъ войско опять изъ этихъ же племенъ; заключая миръ съ Греками, требуетъ укладовъ на сѣверные города; Игорь собираетъ войско также изъ этихъ племенъ; Ольга ходила къ Новгороду, и установила погосты въ его области. — Г. Погодинъ видитъ въ событіи только приходъ Норманновъ въ нашу Славянскую землю: но здѣсь дѣло не въ Норманнахъ, не въ народности пришлецовъ, но въ характерѣ, съ какимъ они пришли. Г. Погодинъ говоритъ, что Норманны, пришедши въ Новгородъ, дали ему новую гражданскую форму, и потомъ ославяниваясь и размножаясь, будутъ давать гражданскую форму поселеніямъ племенъ Славянскихъ; но въ такомъ случаѣ поселеніе Норманновъ у сѣверныхъ, первыхъ племенъ и сообщеніе имъ гражданской формы развѣ не будетъ начало исторіи и начало государства? — На стр. 74 г. Погодинъ говоритъ: «Олегъ оставилъ Новгородъ, кажется, навсегда, безъ мысли о возвращеніи. Въ противномъ случаѣ на что бы увозить ему съ собою младенца Игоря?» — Но какъ бы онъ, въ противномъ случаѣ, выполнилъ родственную обязанность, возложенную на него Рюрикомъ, отдавшимъ ему сына на руки? — Сказавши на стр. 74, что Святославъ воспитывался въ Новгородѣ, показавши слѣдовательно тѣсную связь Новгорода съ Кіевомъ, тѣсную связь рода Русскихъ князей съ Новгородомъ, на стр. 75 и 76 г. Погодинъ утверждаетъ, что Святославъ не хотѣлъ знать Новгорода, съ презрѣніемъ говорилъ: Кто къ вамъ пойдетъ?» Г. Погодинъ утверждаетъ тамъ же, что при Святославѣ Новгородъ, кромѣ дани, нисколько не принадлежалъ ему: но развѣ дань не есть самое лучшее доказательство принадлежности? Князь распоряжается въ городѣ,

налагаетъ дань, говоритъ: столько-то платите мнѣ, столько-то Варягамъ, — и городъ однако не принадлежитъ ему?! Да и что намъ извѣстно объ отношеніяхъ другихъ городовъ, кромѣ дани? Потому и Кіевъ не принадлежалъ князю, ибо о Кіевѣ мы ничего не знаемъ, даже относительно дани.

163) П. С. Р. Л. I, стр. 8.

164) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 9, вар.

165) Никон. 1, 16: «Того же лѣта (863) оскорбишася Новгородцы глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ совѣтниковъ его.» — Степ. кн. 1, 79. Вадимъ, водимъ можетъ быть и нарицательное имя: въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ оно означаетъ коноводъ, передовой, проводникъ. См. Опытъ Областнаго Словаря, стр. 26.

166) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 9. вар. «И пришедъ ко Илмерю, и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва и Новгородъ, и сѣде ту княжа.» — Объ Ярославѣ сказано: «заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ» (1, 65); о самомъ Рюрикѣ прежде сказано, что онъ срубилъ городъ Ладогу, при чемъ должно разумѣть одни укрѣпленія въ городахъ, давно существовавшихъ; но въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ не сказано, что князья давали имена городамъ Кіеву и Ладогѣ, чтò прямо сказано о Новгородѣ: «И прозва и Новъгородъ.» — Скажутъ, что прежде лѣтописецъ говоритъ о построеніи Новгорода Славянами. Но въ томъ же лѣтописцѣ находимъ и извѣстіе о построеніи Новгорода Рюрикомъ. Единственное средство согласить противорѣчія — это предположить, что старый городъ былъ построенъ Славянами, а новый получилъ бытіе и названіе при Рюрикѣ.

167) Никон. I, 17.

168) Тамъ же: «Избиша множество Печенѣгъ Оскольдъ и Диръ.» — Отрицать возможность появленія Печенѣговъ въ Приднѣпровьѣ во время Аскольда и Дира нѣтъ основанія.

169) См. Воскресен. и др. списки.

170) Никон. 1, 16: «Убіенъ бысть отъ Болгаръ Оскольдовъ сынъ.»

171) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 7: «По смерти братьѣ сея быша обидимы (Поляне) Древлями, инѣми околними.

172) См. подробности и указанія источниковъ у арх. Макарія въ его Исторіи Христіанства въ Россіи, стр. 261 и слѣд.

173) Подробности и разборъ сказаній см. въ приведенной выше книгѣ арх. Макарія, стр. 166 и слѣд., стр. 169 и слѣд. — Принимать извѣстіе о чудѣ св. Стефана за позднѣйшее и заимствованное непремѣнно изъ сказанія о чудѣ св. Георгія, мы не видимъ достаточнаго основанія: не

всегда сходныя сказанія заимствуются другъ отъ друга; въ противномъ случаѣ надобно было бы допустить, что нашъ начальный лѣтописецъ читалъ Геродота, и взялъ изъ него разсказъ объ извѣстной хитрости, которую приписалъ нашимъ Бѣлгорожанамъ; потомъ въ подробностяхъ сказаній о случившемся въ Сурожѣ и Амасгридѣ мы находимъ большое различіе; наконецъ главное, что заставляетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей отвергать самостоятельность извѣстія о сурожскомъ происшествіи, это предположеніе, что Русскихъ набѣговъ на Припонтійскія страны не могло быть раньше 866 года; но мы не можемъ принять этого предположенія.

174) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 10: «И приде къ Смоленьску, съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой.» — Вмѣсто съ Кривичи должно читать въ Кривичи: переписчикъ не понялъ, что значитъ въ Кривичи, тогда какъ прежде сказано, что Олегъ уже шелъ съ Кривичами, и потому написалъ: съ Кривичи.

175) Стараніе связать Кіевъ съ сѣверомъ и Новгородомъ, видно также въ другомъ преданіи, по которому основатели Кіева — Кій, Щекъ и Хоривъ, были разбойники въ Новгородской области; Новгородцы посадили ихъ съ сестрою Лыбедью и 27–ю товарищами въ темницу и хотѣли повѣсить, но князь изъ жалости далъ имъ свободу и проч. Синодал. Библіот. Книга о древности Россійскаго государства, № 529. — Какъ видно, сказка эта произошла отъ смѣшенія двухъ преданій — объ основателяхъ Кіева и о первыхъ Варяжскихъ князьяхъ его.

176) Архангел. стр. 4.

177) Никон. 1, 16.

178) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 10: «Се буди мати градомъ Рускимъ.» «Бѣша у него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася Русью.» — Любопытно, что по смыслу этого извѣстія, Варяги и Славяне прозываются Русью только по утвержденіи въ Кіевѣ.

179) Тамъ же стр. 56: «Ярославу же сущу Новѣгородѣ, и урокомъ дающю Кіеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху: а тако даяху посадници Новъгородстіи, а Ярославъ сего не даяше отцю своему.»

180) Любопытно, что въ числѣ покоренныхъ Олегомъ племенъ не упоминаются Дреговичи; не упоминаются они съ Полочанами и при исчисленіи племенъ, ходившихъ съ Олегомъ въ Грецію; по всѣмъ вѣроятностямъ Дреговичи были еще прежде покорены изъ Полоцка тамошнимъ державцемъ, по крайней мѣрѣ сѣверная ихъ половина; вотъ почему княжество Минское, образовавшееся въ ихъ странѣ, принадлежало къ Полоцкому. Въ Іоакимов. Лѣтоп. Дреговичи упомянуты въ числѣ племенъ, призвавшихъ Рюрика съ братьями.

*
* *

181) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 12. Означимъ спивку въ лѣтописи: «И стави Олегъ вои» — до: «дабы не воевалъ Грецькой земли.» Вставка эта ясна, потому что содержитъ тоже самое извѣстіе, которое опять повторяется въ текстѣ съ противорѣчіемъ: сперва говорится, что Олегъ потребовалъ по 12 гривенъ на человѣка, а потомъ, что по 12 гривенъ на ключь, что гораздо правдоподобнѣе. (Ключь вм. лодка, корабль; ключемъ назывался багоръ, или крюкъ, которымъ привлекали лодки къ берегу; въ житіи Бориса и Глѣба Румян. Муз. сказано: «Имше корабль ключи и привлекоша къ себѣ»). Думаемъ, что можно согласиться со мнѣніемъ проф. Срезневскаго, который во второмъ извѣстіи объ условіяхъ видитъ цѣлую грамоту, занесенную въ лѣтопись (Извѣстія II-го Отдѣл. Академіи, л. 20). Только не думаемъ, чтобъ грамота была занесена въ лѣтопись самимъ начальнымъ лѣтописцемъ: во 1) по противорѣчію двухъ извѣстій; во 2) вставка договоровъ въ лѣтопись съ уничтоженіемъ разсказа начальнаго лѣтописца, ясна изъ словъ, помѣщенныхъ подъ 6420 годомъ: «Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью; и посла, глаголя равно другаго свѣщанія» и проч. Для насъ очевидно, что здѣсь послѣ глаголя слѣдовалъ разказъ начальнаго лѣтописца о томъ, что говорилъ Олегъ своимъ посламъ, но этотъ разсказъ прерванъ насильственно вставкою договора. — Г. Срезневскій думалъ также, что слово: Равьно въ выраженіи: равно другаго свѣщанія есть переводъ Греческаго τὸ ἴσον, paricula charta, copia, противень. Это мнѣніе развито особенно г. Лавровскимъ въ сочиненіи: О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками. Это объясненіе равно можетъ быть принято вполнѣ; но жаль, что филологи не обратили вниманія на слова: «при тѣхъ же царехъ,» которыя оставляютъ въ полной силѣ прежнее мнѣніе, что наши договоры предполагаютъ другіе договоры, старые.

182) Тамъ же, стр. 13: Равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царехъ.

183) «Отъ тѣхъ аще полоняникъ обою страну держимъ есть или отъ Руси или отъ Грекъ, проданъ въ ину страну, оже обрящется или Русинъ или Гречинъ, да не купять (искупять) и възратять и скупленое (искупленное) лице въ свою страну.» — Предъ этимъ рѣчь шла о корабляхъ, застигнутыхъ бѣдою въ чужой землѣ; на Русскихъ и на Грековъ, которые могли случиться въ это время тутъ, налагалась обязанность охранять и провожать корабль изъ чужой земли домой; теперь говорится о плѣнникахъ Русскихъ и Греческихъ, проданныхъ въ чужую землю: на Русскихъ и Грековъ, которые могли случиться въ этой землѣ, налагается также обязанность выкупать невольниковъ союзнаго народа и

возвращать ихъ въ отечество. Смыслъ ясенъ изъ самой связи пунктовъ.

184) Архангел. 10: «По семъ иде Ольгъ къ Новугороду, оттудѣ въ Ладогу.» Стр. 11: «и есть могила его въ Ладозѣ.»

185) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 16.

186) Тамъ же.

187) Въ Іоакимовой лѣтописи Олегъ названъ княземъ урманскимъ или норвежскимъ; въ Скандинавскихъ сагахъ онъ является подъ именемъ Оддра Норвежскаго витязя, который прославился своими подвигами на востокѣ, княжилъ на Руси, умеръ, по предсказанію колдуньи, отъ любимаго коня.... См. Antiquités russes, t. I, p. 93 et sqq.

188) Въ Воскресен. спискѣ о рожденіи Игоря упомянуто подъ 866 годомъ, въ Никон. подъ 865; но о 13 или 14–лѣтнемъ мальчикѣ нельзя сказать: дѣтескъ вельми! Степенная книга даетъ Игорю два года во время отцовской смерти.

189) Я предпочитаю чтеніе затворишася чтенію заратишася, которое есть очевидно позднѣйшее, на что прямо указываетъ предлогъ отъ, идущій къ затворишася и неидущій къ заратишася; притомъ же затворишася гораздо вѣрнѣе изображаетъ тогдашнія отношенія племенъ къ князю.

190) См. Византійцевъ Симеона Логоѳета, Льва Грамматика съ неизвѣстнымъ продолжателемъ Багрянороднаго, Григоріемъ монахомъ Кедриномъ и Зонарою. Memor. popul. — Russica.

191) По лѣтописи Болгары послали сказать Императору, что Русь идетъ на 10,000 скедій; но Ліутпрандъ показываетъ число лодокъ — 1000 (V, 6), а Левъ Грамматикъ число войска въ 10,000 (Memor. popul. II. 967); но можемъ ли мы принять и послѣднее показаніе безошибочнымъ?

192) И въ договорѣ Игоря, какъ въ Олеговомъ, видимъ выраженіе: «Равно другаго свѣщанья.»

193) Иворъ, посолъ Игоря великаго князя; Вуеѳастъ Святослава сына Игорева; Искусеви — Ольги княгини; Слуды Игоря, племянника великаго князя отъ сестры (см. Карамз. I, примѣч. 347); Улѣбъ — Владислава; Каницаръ — Предславинъ; Шихбернъ — Сѳандры, жены Улѣбовой (вѣроятно вдовы, ибо имя Улѣба не упомянуто); Прастѣнъ — Турдовъ; Либіаръ Фастовъ; Гримъ Сѳирновъ; Прастѣнъ — Акуна, племянника Игорева отъ сестры; Кары — Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріевлисковъ, Воиковъ; Истръ — Аминодовъ; Прастѣнъ — Берновъ; Ятвягъ — Гунаревъ; Шибридъ — Алдановъ, Колклековъ, Стеггіетоиовъ, Сѳирковъ; Алвадъ — Гудовъ; Фудри — Туадовъ; Мутуръ — Утинъ. Потомъ слѣдуютъ гости или купцы: Адунь, Адулбъ, Иггиваадъ, Олѣбъ,

Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурстенъ, Бруны, Роальдъ, Гунастръ, Фрастенъ, Игельдъ, Турбернъ, Моны, Руальдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубьксарь, Вузлѣвъ, Синко, Боричь. — Между именами людей, отъ которыхъ идутъ послы, мы не видимъ ни Свѣнѣльда, ни Асмуда, тогда какъ Свѣнѣльдъ играетъ первую роль; это ведетъ къ заключенію, что всѣ поименованные въ договорѣ были изъ княжья, то есть, изъ рода Игорева въ разныхъ степеняхъ и линіяхъ, мужеской и женской.

194) Въ договорахъ названія — князь и бояринъ употребляются безъ различія одно вмѣсто другаго; списки, въ свою очередь, также смѣшиваютъ оба названія; гдѣ въ одномъ стоитъ: князья, тамъ въ другомъ боляре.

195) Да не имѣютъ волости, купити паволоки лише по 50 золотникъ. — По свидѣтельству Ліутпранда, самыя дорогія ткани было запрещено вывозить изъ Константинополя иностранцамъ. — Карамзинъ, приводя самъ свидѣтельство Ліутпранда (I, примѣч. 350), не смотря на то, переводитъ статью договора такъ: «Всякая ткань, купленная Русскими цѣною выше 50 золотниковъ (или червонцевъ), должна быть ему (чиновнику) показана, чтобы онъ приложилъ къ ней печать свою.»

196) Еще указаніе на прежнія условія, на которыхъ помирился Игорь.

197) Я здѣсь не принимаю чтенія Лавр. списка: «По уставу и по закону Русскому», ибо въ Русскомъ законѣ нѣтъ наказанія вору. Другіе списки имѣютъ только: «По уставу Грецкому».

198) Ци аще ключится проказа никака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имать (да не имате) власти казнити я, но повелѣньемъ царства нашего да пріиметъ, якоже будетъ створилъ.» — И въ слѣдъ за этимъ слѣдуетъ условіе, что въ случаѣ убійства, родственники убитаго не имѣютъ права умертвить убійцу, но держать его только, чтобы потомъ правительство имѣло возможность казнить его смертію: «Аще убьетъ хрестеянинъ Русина, или Русинъ хрестеянина, и да держимъ будетъ створивый убійство отъ ближнихъ убьенаго, да убьютъ.» Тогда какъ въ Олеговомъ договорѣ прямо сказано, что убійца долженъ умереть на мѣстѣ.

199) За годъ только Игорь возвратился изъ Греческаго похода, взявши съ Грековъ золото и поволоки и на вся воя, а между тѣмъ дружинники его жалуются, что они наги. Или распредѣленіе событій по годамъ у лѣтописца не вѣрно, или описаніе похода и его слѣдствій не вѣрно, а можетъ быть, и то и другое.

200) Византіецъ Левъ Діаконъ говоритъ, что Древляне, привязавъ Игоря къ двумъ деревьямъ, разорвали его.

201) Никон. 1, 41.

202) Memor. popul. t. II, p. 973.

203) См. статьи Григорьева — о древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1835, 5). — Также статьи Куника въ Bulletin de l'Acad. de Pétersb.: sur la première expédition Caspienne des Russes Normands en 914, d'après la chronique inédite de l'Arménien Mosè Caghancatovatsi. — Sur l'expédition des Russes Normands en 944 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne d'après Nizâmî, Ibn-ab-Athir et Ainy.

204) Изъ преданій о происхожденіи Ольги можно принять за вѣрное только одно — что она была родомъ изъ сѣверныхъ областей. Это обстоятельство опять указываетъ намъ на тѣсную связь сѣвера съ югомъ при первыхъ князьяхъ.

205) Коростень, нынѣ Искорость, мѣстечко на рѣкѣ Ушѣ; Ушь впадаетъ въ Днѣпръ у Чернобыля.

206) Они же сѣдяху въ перегъ-бѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся. — Карамзинъ (I, примѣч. 370): «Перегибами назывались, кажется, нѣкоторыя особенныя лодки. Сустуги могутъ значить кривлянье.» — Но въ лѣтописи нѣсколько разъ повторено, что Древляне пріѣхали въ одной лодьѣ; что сустугъ можетъ значить кривлянье, нельзя заключить ни изъ чего. Гораздо скорѣе оба слова могутъ означать одежду, отъ перегибаю и стягиваю.

207) На стр. 71 перваго тома Полн. Собр. Р. Лѣт. читаемъ: «Единою же пьющу Ростиславу съ дружиною своею, рече Котопанъ: «княже! хочу на тя пити.» Слѣдовательно пить на кого-нибудь значитъ пить за чье-нибудь здоровье, и слѣдовательно приказаніе Ольги отрокамъ пить за здоровье Древлянъ, которыхъ готовились умертвить, означало также насмѣшку.

208) См. ниже описаніе жилищъ въ главѣ о народномъ бытѣ.

209) Здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе объ обычаѣ давать княгинямъ въ посмертное владѣніе города, обычай, употребительный послѣ. Какъ видно, былъ обычай также, что дань (или нѣкоторая ея часть) съ покореннаго племени шла тому князю или тому мужу княжескому, который наложилъ ее: такъ извѣстно, что Угличи платили дань въ пользу Свѣнѣльда, ихъ примучившаго. Ольга, принимавшая такое сильное участіе въ окончательномъ покореніи Древлянъ, имѣла полное право и на дань Древлянскую: а если удовольствовалась третьею частію, такъ потому, что распоряжалась именемъ своего малолѣтнаго сына. Далѣе насъ останавливаютъ выраженія: «двѣ части дани идета Кіеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ.» Для чего вмѣсто лицъ мѣста? почему не: князю Святославу, княгинѣ Ольгѣ? — Естественно употребить имя стольнаго города, вмѣсто имени князя, ибо князья мѣняются,

столицы же остаются, слѣдовательно именами ихъ гораздо удобнѣе выражать извѣстную, постоянную подчиненность, извѣстныя постоянныя отношенія; такъ послѣ напримѣръ сказано, что всѣ посадники Новгородскіе платили ежегодно извѣстную сумму денегъ въ Кіевъ, то-есть великимъ князьямъ Кіевскимъ. Но въ разбираемомъ мѣстѣ показывается отношеніе не постоянное, а временное, условленное личностію Ольги, и не смотря на то, дань шла въ Вышгородъ, хотя извѣстно, что Ольга жила въ Кіевѣ: такъ послѣ во время нашествія Печенѣговъ, мы видимъ ее въ этомъ городѣ съ внучатами; слѣдовательно должно предположить, что казна Ольги хранилась въ Вышгородѣ. Какъ послѣ видимъ, что князья имѣютъ свои дворы въ разныхъ мѣстахъ, куда собираютъ много всякаго добра; такъ, вѣроятно, и въ Вышгородѣ у Ольги былъ подобный дворъ, куда собирались запасы изъ мѣстъ, ей принадлежавшихъ; тамъ же должна была складываться и Древлянская дань; а въ чемъ состояла эта дань, намъ извѣстно: въ мѣхахъ и медѣ.

210) Эверсъ (Recht der Rus. стр. 59) думаетъ, что подъ именемъ уставовъ разумѣются здѣсь вообще всѣ учрежденія, предпринятыя Ольгою въ землѣ Древлянской, гдѣ, по отведеніи старшинъ въ плѣнъ, по уничтоженіи слѣдовательно всѣхъ прежнихъ отношеній, нужно было установить совершенно новый порядокъ вещей, дать новый уставъ, какъ жить, какъ дѣлать. — Но здѣсь должно замѣтить, что мщеніе Ольги постигло собственно одинъ Искоростень, тогда какъ у Древлянъ были другіе города, предавшіеся добровольно, и нетронутые Ольгою: «Посла ко граду (Ольга) глаголюще: что хочете досѣдѣти? а всѣ гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и земли своя.» — Итакъ слова Эверса могутъ относиться только къ Искоростеню, но не къ цѣлой Древлянской землѣ.

211) Такъ, по смыслу извѣстія, перевожу я слово: знаменія.

212) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 25: Иде Вольга Новгороду и устави по Мстѣ повосты (погосты) и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей землѣ; знаменья и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ.» Слово: повосты читается только въ Лаврентіевскомъ спискѣ, въ остальныхъ погосты. Есть еще другой варіантъ: въ Архангел. спискѣ вмѣсто: по Мстѣ, читается: помости и погости. Эверсъ (Recht der Rus. 62) даетъ предпочтеніе послѣднему чтенію: «Въ высочайшей степени невѣроятно, говоритъ онъ, чтобы великая княгиня предприняла означенныя учрежденія по Лугѣ, такъ далеко на сѣверѣ,» и потому принимаетъ по Лузѣ за позднѣйшее прибавленіе. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ Луги, Эверсъ обра-

щается ко Мстѣ, и спрашиваетъ: почему именно берега этой рѣки долженствовали быть одни предметомъ законодательныхъ заботъ Ольги; почему той же чести не удостоились берега другихъ рѣкъ, напримѣръ, Ловати и Великой? — Но, во-первыхъ, нельзя выбрасывать такъ легко цѣлыя извѣстія изъ лѣтописи, какъ выбросилъ Эверсъ о Лугѣ, потому только, что оно затрудняло; лучшіе списки имѣютъ: по Мстѣ и Лугѣ, и нельзя найти причины, почему бы это извѣстіе вставлено было позже; слѣдовательно историку остается только объяснить, почему распоряженія Ольги коснулись береговъ этихъ двухъ рѣкъ? Взглянувши на карту, мы видимъ, что Луга съ своими берегами составляетъ крайнее владѣніе Новгородской области на сѣверозападѣ, а Мста въ противоположную сторону на сѣверовостокѣ: вспомнимъ, что верховье Мсты и слѣдующій за нимъ волокъ, отдѣлявшій озерную область отъ области верхней Волги, былъ по этому самому границею Новгородской и Ростовской областей, предѣломъ Новгородскихъ владѣній; вспомнимъ, что дѣятельность первыхъ князей до Ольги должна была касаться преимущественно великаго восточнаго пути изъ Варягъ въ Греки; до странъ, лежащихъ къ западу и востоку, она мало могла касаться. Олегъ установилъ дани на сѣверѣ у Славянъ, Кривичей и Мери; но вѣроятно, эти дани удобно сбирались только съ народонаселенія, живущаго близь великаго пути, которое, такъ сказать, находилось подъ руками у Руси; народонаселеніе же дальнѣйшихъ странъ къ востоку и западу могло пользоваться большею независимостію и отбывать отъ дани, и здѣсь слѣдовательно нужно было сдѣлать для нея точнѣйшія опредѣленія. Наконецъ можетъ быть и то, что эти мѣста при низовьяхъ Луги и при верховьѣ Мсты были недавно заняты Русскими изъ Новгорода, и потому требовали уряженія. — Въ извѣстіи объ Ольгиныхъ учрежденіяхъ на сѣверѣ останавливаетъ насъ также варіантъ: погосты и повосты, очень легко могшій произойти: полустертая буква *в* образуетъ легко *г*, нѣсколько замаранное *г*, легко можетъ показаться за *в*. Монахъ Лаврентій самъ признается, что ему трудно было разбирать рукопись, съ которой онъ списывалъ, потому что книги были ветшаны; окончаніе погосты прямо указываетъ на то, что это слово испорчено изъ повосты; другое дѣло, еслибъ было повозы: повозомъ называлась обязанность подчиненныхъ племенъ доставлять дань или оброкъ въ назначенное отъ князя мѣсто: такъ читаемъ у лѣтописца о Радимичахъ: «и платятъ дань Руси, повозъ везутъ и до сего дне.» Но это слово, очень легко объясняясь въ первой половинѣ извѣстія: устави по Мстѣ повозы и дани, остается безъ смысла во второй половинѣ: «ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повозы.» Итакъ остается принять: погосты. Къ извѣстіямъ объ Ольгиныхъ уставахъ относится также слѣдующее,

находимое только въ сводѣ лѣтописей Татищева (II, 45, 329): «Тогда жъ отрѣши княжее, а уложила брать отъ жениха по чернѣ кунѣ какъ князю, такъ боярину, отъ его подданнаго.» Обыкновенно объясняютъ княжее чрезъ jus primae noctis. — Противъ этого объясненія возражаютъ, что подобный обычай не согласовался съ извѣстными нравственными понятіями Славянскихъ племенъ. — Но здѣсь прежде всего нужно обратить вниманіе на то, надъ кѣмъ имѣлось это право? надъ народонаселеніемъ княжескихъ и боярскихъ земель, народонаселеніемъ, составленнымъ изъ военоплѣнныхъ или купленныхъ рабовъ: могли ли Славянскія воззрѣнія дѣйствовать на отношенія этого народонаселенія?

213) Истор. Христ., арх. Макар. стр. 312.

214) Memor. popul. II, 976 — 979.

215) Карамз. I, примѣч. 380.

216) Татищ. II, стр. 41 прим. 130.

217) Въ западныхъ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что послы отъ Ольги, княгини русской, крестившейся въ Константинополѣ, приходили къ Императору Оттону I-му съ просьбою прислать епископа и пресвитеровъ для обращенія Руси; Оттонъ послалъ въ Русь епископа Адальберта, который однако былъ изгнанъ съ безчестіемъ. (См. Шлёцеров. Нестор. III, 469.) Много было разныхъ толковъ и объясненій этому извѣстію; но дѣло ясно изъ самыхъ словъ свидѣтельства: «Legati Helenae, reginae Rugorum, quae sub Romano Imperatore Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est, ficte, ut post claruit, ad regem venientes, episcopum et presbyteros eidem genti petebant.» — Послы обманули, какъ послѣ оказалось; ясно, что они принадлежали къ числу такихъ Варяговъ, которые по нѣскольку разъ принимали крещеніе для того только, чтобы получать дары; на этотъ разъ, чтобъ получить хорошій пріемъ и дары отъ ревностнаго къ распространенію вѣры Оттона, они объявили себя послами Елены Русской и просили епископа и священниковъ для Русскаго народа.

218) Moitié de la ville d'Itil située à l'Est du Volga. Charmoy, Relation de Masoudy etc. p. 323.

219) Семендеръ находился между Дербентомъ и Волгою, около нынѣшняго Тарху. Онъ не уступалъ обширностію Итилю, окруженъ былъ плодовитыми садами и виноградниками. Въ самомъ городѣ находились мечети для мусульманъ, христіанскія церкви и синагоги Евреевъ. См. Мухам. Нумизмат. стр. LVII.

220) Въ преданіяхъ Атыхейцевъ есть слѣды извѣстій о походахъ Святослава на Ясовъ и Касоговъ. См. газету Кавказъ 1849 года.

221) Мѣсто этого княжества безспорно должно искать на берегахъ

Чернаго и Азовскаго морей, тамъ, гдѣ восточные писатели указываютъ древнее обиталище Руси.

222) Около 132,600 голландскихъ червонцевъ. См. Черткова — описаніе войны Великаго князя Святослава Игоревича, примѣч. 39.

223) Левъ Діаконъ, кн. V, стр. 77 — 81.

224) Это объясняется послѣдующимъ извѣстіемъ, что Святославъ, возвратясь, прогналъ Печенѣговъ въ степь; значитъ они находились не въ степи, а гдѣ-нибудь подлѣ Кіева.

225) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 29: Въ се же время придоша людье Ноугородьстіи, просяще князя собѣ: «Аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ»; и рече къ нимъ Святославъ: «а бы пошелъ кто къ вамъ.» И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. — Въ словахъ Святослава нѣтъ никакого презрительнаго смысла, какой хотятъ видѣть нѣкоторые изслѣдователи; за что́ Святославу было презирать Новгородцевъ? Онъ просто отвѣчалъ имъ: «да гдѣжь мнѣ взять вамъ князя; у меня только двое сыновей: еслибъ который изъ нихъ пошелъ къ вамъ?» На такой естественный смыслъ Святославовыхъ словъ прямо указываетъ слѣдующее извѣстіе, что Ярополкъ и Олегъ отказались: значитъ, Святославъ ихъ спросилъ — не хочетъ ли кто изъ нихъ идти въ Новгородъ? Мстиславъ Храбрый вовсе не презиралъ Новгородъ, однако братья насилу уговорили его идти туда княжить, и оставить любимый югъ. Любопытно дополнительное извѣстіе Никон. списка. «Володимеръ бо бѣ отъ Малки, ключницы Ольгины. И бѣ рожденіе Володимеру въ Будутинѣ веси; тамо бо въ гнѣвѣ отслала ея Ольга, село бо бяше ея тамо, и умираючи даде его св. Богородицѣ. Но чье было село Будутино: Ольгино или Малушино? Если Малушино, то нѣтъ ничего удивительнаго, что, умирая, она отдала его св. Богородицѣ, ибо она могла умереть послѣ крещенія земли.

226) Договоръ начинается: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣнальдѣ, писано при Ѳеофилѣ сикелѣ.» Здѣсь можно думать, что слова: «Равно другаго свѣщанья,» означаютъ договоръ, заключенный Святославомъ съ Никифоромъ.

227) Leo Diac. I. VI, p. 102—111. — Cedreni hist. compendium. t. II; Zonarae Annales, t. II, l. XVII.

228) Левъ Діак. кн. VIII: «Руссы сражались храбро и отчаянно; они давно пріобрѣли славу побѣдителей надъ всѣми сосѣдними народами, и почитали величайшимъ несчастіемъ быть побѣжденными императоромъ и лишиться этой славы.» — Слѣдовательно показаніе Византійца согласно съ лѣтописнымъ очеркомъ Святославова характера.

229) Нѣкоторые думаютъ, что въ нашей лѣтописи былъ разсказъ

о неудачахъ, начиная со вступленія Цимисхія въ Болгарію, но что этотъ разсказъ намѣренно выпущенъ позднѣйшими переписчиками, и полагаютъ пропускъ между словами: «Возвратися въ Переяславець съ похвалою великою» и — «Видѣвъ же мало дружины,» и проч. (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 30). Но позднѣйшихъ переписчиковъ нашихъ никакъ нельзя упрекнуть въ обычаѣ выпускать разсказы о неудачахъ своихъ соотечественниковъ: они такъ благоговѣли къ труду переписыванія лѣтописей, что не могли позволить себѣ подобныхъ выпусковъ, да и странно предполагать въ нихъ сильное сочувствіе къ подвигамъ такого отдаленнаго и языческаго князя, когда они не жертвовали истиною и для славы князей, болѣе любимыхъ, напримѣръ Владиміра. Потомъ, на какомъ основаніи обвинять позднѣйшихъ переписчиковъ въ выпускѣ, и начальнаго составителя лѣтописи заставлять вписывать разсказъ о пораженіяхъ? Въ разсказѣ лѣтописца есть пропускъ, безспорно: но кому же принадлежитъ онъ? позднѣйшимъ переписчикамъ или начальному составителю, или наконецъ первоначальнымъ разсказчикамъ, изъ словъ которыхъ образовалось преданіе? Разумѣется, сравнивъ интересы всѣхъ троихъ, мы должны будемъ заключить, что пропускъ долженствовалъ быть сдѣланъ первоначальными разсказчиками — Свѣнѣльдомъ съ товарищи, а не лѣтописцами, составителями или переписчиками. Внѣшній составъ разсказа нисколько не обличаетъ выпуска: Святославъ, возвратясь въ Переяславецъ съ побѣдою и богатыми дарами, начинаетъ разсуждать: «что если изобьютъ дружину мою нечаянно, хитростію? лучше мириться и идти домой?» Какъ бы онъ могъ разсуждать такимъ образомъ послѣ страшныхъ пораженій и при голодѣ, который онъ терпѣлъ? Какая тутъ хитрость, когда Греки нанесли ему явно сильное пораженіе? Ясно, что вторая половина лѣтописнаго разсказа тѣсно связана съ первою, и выпуска никакого быть не можетъ. Наконецъ пристрастнаго разсказа во второй половинѣ мы должны ожидать уже по первой: если въ первой половинѣ выставляются одни побѣды Руссовъ и умалчивается о пораженіяхъ, то ясно, что будетъ умолчано о нихъ и во второй.

230) Подлѣ Килійскаго устья Дуная. См. статью Венелина — О соляномъ озерѣ Halmiris, въ чтеніяхъ Моск. Истор. Общ. № 6, годъ 1847.

231) И пиша по немъ. — Если мы предпочтемъ это чтеніе, какъ труднѣйшее, то должны будемъ предположить какой-нибудь языческій обычай.

232) Татищ. I, стр. 37.

233) По преданію, Святославъ по смерти отца остался малюткою (дѣтескъ); въ лѣтописи годомъ рожденія Святослава означенъ 942-й

Полн. Собр. Р. Л. I, 19); слѣдовательно въ 946 году, въ годъ смерти Игоревой, Святославу было 4 года; не имѣемъ права отвергать преданіе, съ которымъ, какъ видно, сообразовался лѣтописецъ. Такъ совершеннолѣтіе Святослава и начало подвиговъ онъ полагаетъ въ 964 году, то есть, на 22-мъ году возраста — самая пора! Положимъ, что Святославъ могъ имѣть сына, будучи 19 лѣтъ, слѣдовательно въ 970 году, въ годъ распредѣленія волостей, Ярополку могло быть 9 лѣтъ, Олегу 8; что Владиміръ былъ малъ въ то время, объ этомъ имѣемъ опредѣленное извѣстіе: онъ былъ, какъ малолѣтный, посланъ съ дядею Добрынею въ Новгородъ; такимъ образомъ съ кормильцами могли быть посажены и другіе братья. Слѣдовательно въ годъ смерти Святославовой, въ 972 году, Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ. Противъ этого вывода возражаютъ, приводя извѣстіе лѣтописи, что Святославъ привелъ Ярополку жену, плѣнную Греческую монахиню, слѣд. въ 970 году Ярополку не могло быть только 9 лѣтъ. — Но если мы встрѣчаемъ въ источникахъ два противорѣчивыя свидѣтельства, то должно или выбрать одно изъ двухъ, или, если можно, согласить ихъ; если бы не было возможности согласить двухъ вышеприведенныхъ извѣстій лѣтописи, то все мы предпочли бы преданіе о малолѣтствѣ Святослава по смерти отца, и о томъ, что онъ родился въ 942 году, ибо на этомъ преданіи основываются извѣстія о правленіи Ольги; возражатели не подумали, что, отвергая основаніе нашего вывода, они тѣмъ самымъ отвергаютъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ извѣстій; но дѣло въ томъ, что выборъ не нуженъ, ибо извѣстія легко согласить: изъ послѣдующихъ извѣстій мы знаемъ, что князья женили малолѣтныхъ дѣтей своихъ; и Святославъ очень могъ назначить для Ярополка Греческую плѣнницу, необыкновенной красоты, ибо если даже предположимъ ее совершеннолѣтнею въ 970 году, то разница лѣтъ при многоженствѣ ничего не значила. Мы взяли обыкновенный, общій возрастъ — 19 лѣтъ; но возьмемъ теперь исключеніе, самый меньшій возрастъ, въ который Святославъ могъ имѣть сына, возьмемъ 15 лѣтъ, тогда въ годъ распредѣленія волостей Ярополку будетъ 13, въ годъ отцовой смерти — 15 лѣтъ, другимъ братьямъ еще меньше—все еще необходимы кормильцы.

234) Полн. Собр. Р. Л. I, 131: яко Роговолоду держащю и владѣющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущу Новѣгородѣ, дѣтьску сущю еще и погану, и бѣ у него Добрыня воевода, и храборъ, и нарядѣнъ мужь. и сь посла къ Роговолоду и проси у него дщере за Володимѣра.... Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, оже рече: «не хочю я за робичича,» пожалися Добрыня и исполнися ярости.... и Добрыня поноси ѳму (Рогволоду) и дщери его, на-

рекъ ей робичица. и повелѣ Володимеру быти съ нею предъ отцемъ ея и матерью.

235) Дорогожичи между Вышгородомъ и Кіевомъ; см. Полн. Собр. Р. Л. II, 100: Сняшася братья Вышегородѣ, и пришедше сташа на Дорогожичи подъ святымъ Кириломъ.—«Кириловскій монастырь съ 1787 года составляетъ казенный домъ для содержанія увѣчныхъ и престарѣлыхъ инвалидовъ» (Берлинскаго—описаніе Кіева, 116).

236) Эверсъ предполагаетъ, что Владиміръ считалъ своею обязанностію отомстить Ярополку за смерть Олега. Но знаменитый изслѣдователь, обращая вниманіе только на отношенія Владиміра къ Олегу, упустилъ изъ виду отношеніе Владиміра къ Ярополку. Точно, по понятіямъ того времени Владиміръ долженъ былъ мстить за смерть брата, но кому? Принимая въ расчетъ родовыя отношенія, мы должны обращать вниманіе на совокупность этихъ отношеній, и не брать каждое порознь. Здѣсь дѣло идетъ между родными братьями, членами одной семьи; на каждаго родича была возложена обязанность мести, ибо месть была единственнымъ средствомъ защиты отъ насилій въ то время, когда каждый родъ смотрѣлъ на себя, какъ на отдѣльное цѣлое, когда каждый зналъ только свой родъ, и соблюдалъ только одни его интересы; но если обязанность мести была естественна и необходима между членами разныхъ родовъ, то ясно, что она не могла существовать между членами одного и того же рода, ибо каждый родъ составлялъ одно нераздѣльное цѣлое, съ своимъ главою, будь то отецъ, дядя, старшій братъ; здѣсь сынъ не могъ мстить отцу, племянникъ дядѣ, братъ брату, ни за собственную обиду, ни за обиду, нанесенную другому родичу; здѣсь всѣ дѣла рѣшились властію родоначальника или общимъ родовымъ судомъ. Такъ напримѣръ, когда Святополкъ Изяславичъ, по наговорамъ Давида Игоревича, согласился на ослѣпленіе Василька, то цѣлый родъ вооружился противъ него, родичи говорили, что если Василько дѣйствительно виноватъ, то Святополкъ долженъ былъ доказать предъ цѣлымъ родомъ его вину, и потомъ наказать.— Но могъ ли Владиміръ, оставшись вдвоемъ съ Ярополкомъ представителями рода, взять на себя право судить и наказывать старшаго брата? уже самая исключительность положенія не допускала опредѣленности правъ; Владиміръ могъ дѣйствовать только по чувству самосохраненія, если бы могъ дѣйствовать самостоятельно; но дѣйствовалъ Добрыня, который, выставивъ со стороны Владиміра чувство самосохраненія, стремился убить Ярополка, чтобъ сдѣлать своего племянника и питомца княземъ всей Русской земли. — Вотъ почему преданіе, говоря о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ, молчитъ о правѣ или обязанности перваго отомстить за смерть Олега, тогда какъ прямо говоритъ, что Свѣнѣльдъ уго-

...валъ Ярополка къ войнѣ съ Олегомъ, желая отомстить за смерть ...оего сына. — Противъ нашего мнѣнія приводятъ слова Ярослава, ...занныя имъ о Святополкѣ: «Не язъ почахъ избивати братью, но онъ; ... будетъ отместьникъ Богъ крове братья моея..., но суди ми Господи ... правдѣ.» Но здѣсь Ярославъ руководится другими, новыми хри...скими понятіями: съ своей стороны онъ, подобно Владиміру, вы...вляетъ только право защищаться, предупреждаетъ собственную по...бель и считаетъ свое дѣло правымъ, молитъ Бога, какъ Мстителя за ...винную кровь, Карателя преступленій, помочь ему въ правомъ дѣлѣ. ...водятъ также событіе изъ конца XII вѣка, гдѣ братъ убійствомъ ...тилъ за убійство роднаго брата другому родичу; но конецъ XIII ...а былъ уже временемъ распаденія родоваго быта. Приводятъ на...нецъ желаніе князя Святослава Черниговскаго отомстить Всеволоду ...здальскому за обиду; но здѣсь нѣтъ никакого соотношенія съ нашимъ ...ытіемъ: линіи Святослава и Всеволода (Ольговичи и Мономаховичи) ...но уже находились въ открытой борьбѣ, родовая связь давно была ...жду ними расторгнута; здѣсь дѣло шло между двумя независимыми ...дѣльцами, и дѣло шло не объ убійствѣ (см. Изслѣдов. А. Тюрина— ...ществ. жизнь и проч. стр. 46, 47.)

237) Что у Святослава были если не родные, то двоюродные братья, ...зываетъ упоминовеніе племянниковъ Игоря въ договорѣ съ Греками, ...мянника Ольги при описаніи угощеній ея Константиномъ Багряно...днымъ; всего легче допустить, что этотъ племянникъ послѣдовалъ въ ...ьградѣ примѣру тетки, принявъ христіанство.

238) Татищ. I, стр. 38.

239) См. Краледв. рукоп. Zaboj, Slavoj, Ludiek.

240) Bedae Hist. l. II, c. 13.

241) Время письменнаго составленія преданія можно опредѣлить. ...ды говорятъ Владиміру: «Разъгнѣвася Богъ на отцы наши, и рас...я вы по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша ...стеяномъ.» Палестина была предана не христіанамъ, но язычни...мъ Римлянамъ, а въ описываемое время находилась во владѣніи Магоме...мъ; слѣдовательно преданіе составлено окончательно и занесено въ ...опись въ то время, когда крестоносцы владѣли Іерусалимомъ. О ...мъ, откуда заимствованы мѣста, не находящіяся въ Библіи, см. о ...вней Русской Лѣтописи, соч. Сухомлинова, стр. 54 и слѣд.

242) См. Іудейско-Казарское преданіе въ отвѣтѣ Казарскаго царя ...сѣа Испанскому Еврею Равви Хисдай. — Чтенія Истор. Общ. 1847, ... 6.

243) Илар. въ прибавл. къ Твор. Св. Отц. 240. Паче же слышано ... ему всегда о благовѣрней земли Гречьстѣй, христолюбивѣй же и

сильнѣй вѣрою, какъ единаго Бога въ Троици чтутъ и кланяются; како въ нихъ дѣются силы и чудеса и знаменія; како церкви людей исполнени, како веси и гради благовѣрни вси въ молитвахъ прилѣжать; вси Богови предстоять.

244) Внося въ лѣтопись это преданіе, которое, какъ видно, составляло одно цѣлое съ преданіемъ о проповѣдникахъ и объ извѣдываніи вѣръ (Владиміръ говоритъ императорамъ, что онъ уже испыталъ ихъ вѣру чрезъ посыланныхъ отъ него мужей), лѣтописецъ выбралъ его изъ нѣсколькихъ другихъ преданій, основываясь на свидѣтельствѣ достовѣрныхъ людей, стариковъ, помнившихъ событіе, какъ напримѣръ старецъ Янъ. Другія преданія говорили, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ, иныя, что въ Василевѣ, а нѣкоторыя указывали на другія мѣста. Въ Торжественникѣ Румянц. Муз. подъ № CCCCXXXV находится слѣдующее извѣстіе, котораго нѣтъ въ лѣтописяхъ: «Шедъ (Владиміръ) вза Корсунь градъ, князя и княгиню уби, и дщерь ихъ за Жидьберномъ. Не распутивъ полковъ и посла Ольга воеводу своего съ Жидьберномъ въ Царьградъ къ царемъ просить за себя сестры ихъ.»

245) Никон. I, 92. И два болвана мѣдяны. Лѣтоп. Переясл. Суздал.: Яко жены образомъ медяны суще.

246) Тамъ же, I, 91.

247) Разумѣется, что Владиміръ, какъ отецъ, которому дорого было спасеніе дѣтей своихъ, прежде всего долженъ былъ озаботиться тѣмъ, чтобъ семейство его было просвѣщено христіянствомъ; да и во всякомъ случаѣ естественно было Владиміру начать обращеніе съ своего семейства, и потомъ перейти къ остальнымъ; вотъ почему мы принимаемъ извѣстіе Татищевскаго свода (II, 74): «Какъ скоро Владиміръ къ Кіеву пришелъ, немедленно учинилъ совѣтъ съ Митрополитомъ, крестилъ 12 сыновей своихъ и вельможъ.» Съ этимъ согласны и Никон. и Степ. кн. Но въ Никон. ниспровеженіе идоловъ поставлено прежде крещенія сыновей, а у Татищева послѣ. Въ такъ называемой Тверской лѣтописи, находящейся въ Импер. Публич. Библіот., читаемъ слѣдующее преданіе о Рогнѣдѣ: «Посла (Владиміръ послѣ крещенія) къ женѣ своей Рогнѣдѣ, глаголя сице: азъ убо нынѣ крещенъ есмь, и пріяхъ вѣру и законъ Христіанскій, подобааше ми едину жену имѣти, ею же поялъ въ христіанствѣ. Избери убо себѣ отъ вельможъ моихъ его же хощеши, да съчетаю тя ему. Она же отвѣщавши рече ему: или ты единъ хощеши царствіе земное и небесное въсціяти, а мнѣ мало временныхъ сихъ и будущаго дати не хощеши. Ты бо отступи отъ идольскія прелести въ сыновленіе Божіе, азъ же бывъ царицею, не хощю раба быти земному царю, ни князю, но уневѣститися хощю Христови, и въспріиму ангельскій образъ. Сынъ же ея Ярославъ сѣдяше у

нея, бѣ бо естествомъ таковъ отъ роженія. И слыша глаголы и отвѣты матери своея къ Володимеру, и въздохнувъ съ плачемъ глагола матери своей: О мати моя! воистину царица еси царицамъ и госпожа госпожамъ.... И отъ сего словесе Ярославъ вста на ногу своею, а прежде бо бѣ не ходилъ.» Рогнѣда постриглась и названа Анастасіею.

248) Повелѣ кумиры испровреци, овы осѣчи, а другія огневи предати (Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. 1, 50). — Осѣчи относится, думаемъ, къ каменнымъ кумирамъ, огневи предати къ деревяннымъ.

249) Татищ. II, 74; Никон. I, 92. Я принимаю здѣсь извѣстія позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ по естественности разсказа: всякій согласится, что такъ должно было быть, что прежде надобно было предложить народу крещеніе, объяснить ему сколько-нибудь, въ чемъ состоитъ перемѣна, во что онъ долженъ отнынѣ вѣровать, и потомъ уже, когда явились упрямые, употребить приказъ съ угрозою, а не прямо заставлять идти всѣхъ къ рѣкѣ и дѣлать неизвѣстно что, какъ описывается въ сокращенныхъ лѣтописяхъ, хотя и дошедшихъ до насъ въ древнѣйшихъ спискахъ.

250) Тат. II, 74: Множайшіе, размышляя, отлагали день за день.

251) Тамъ же.

252) Иларіонъ, стр. 241: И не бысть ни единогожь противящася благочестному его повелѣнію. Да аще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго крещахуся: понеже бѣ благовѣріе его со властію спряжено. — Въ Никон. стр. 92 почти тоже: И бѣ слово его со властію.

253) Какъ аспиды глухіе, затыкая уши свои, по выраженію лѣтописца. Тат. II, 75.

254) Иначе, думаемъ, нельзя понимать этихъ словъ: свершеніи же бродяху. Совершенъ въ вѣрѣ есть обычное выраженіе для крестившихся уже. Свершеніе не можетъ относиться къ возрасту, ибо прежде было сказано, что одни стояли по шею, другіе по грудь; надъ которыми совершалось таинство, должны были стоять, а не бродить.

255) На берегу — прибавлено въ Никон.: и несомнѣнно такъ.

256) Выраженіе, что князь велѣлъ строить церкви тамъ, гдѣ прежде стояли кумиры, и потомъ одинъ только примѣръ построенія на холму Перуновомъ, показываетъ, что лѣтописецъ не знаетъ другихъ мѣстъ въ Кіевѣ, гдѣ еще стояли кумиры.

257) Мы, согласно съ Никон. лѣт. (1, 103, 105), приняли двѣ проповѣди для Новгорода: первую митрополита Михаила, вторую уже при митрополитѣ Леонѣ, Іоакима Корсунянина. Подробное сказаніе Іоакима нисколько не противорѣчитъ извѣстіямъ Никон. лѣтоп., хотя Іоакимъ разсказываетъ только объ одномъ обращеніи; но изъ его разсказа ясно, что онъ предполагаетъ другую проповѣдь, о которой молчитъ, ибо въ ней

не участвовалъ. На первую проповѣдь указываетъ прямо извѣстіе о христіанахъ въ Новгородѣ и о церкви Преображенія. Ясно также, что Добрыня съ Путятою явились во второй разъ въ Новгородъ изъ Ростова, на что̀ указываетъ ростовскій полкъ у Тысяцкаго Путяты.

258) Стр. 241: Не взгнушайся, аще и мало стадо.

259) Татищ. II, 78. Въ Никон. (1, 104) Владимиръ Волынскій смѣшанъ съ Клязменскимъ. — Татищ. въ примѣч. 196 говоритъ: «О построеніи Владимира манускрипты № 1, 3 и 4 сказуютъ, что построенъ на Волыни, или въ Червенской Руси, но въ другихъ, не зная онаго, написали, яко бы на Клязьмѣ, которой отъ Георгія сына Мономахова построенъ, и есть доказательство, что его Симонъ въ 1175 году пригородомъ Суздальскимъ именуетъ. На Волыни же во Владимирѣ епископія при Владимірѣ была, а на Клязьмѣ до Георгія нигдѣ не упоминается, особливо въ войнѣ Мстислава съ Ольгомъ, если бы былъ, то бъ конечно надлежало мимо идти, и его упомянуть.»

260) Татищ. I, 38; II, 79. Іоакимов. лѣтопись называетъ Михаила Болгариномъ, Никон. —.Сириномъ (1, 92).

261) См. Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, стр. 89 и слѣд. Авторъ вооружается противъ Карамзина за то, что послѣдній представляетъ это дѣло какъ заведеніе училищъ съ болѣе обширною цѣлію, именно для распространенія просвѣщенія въ народѣ. Обвиненіе, по нашему мнѣнію, несправедливое: во-первыхъ, Карамзинъ имѣлъ полное право сказать, что Владиміръ, введя грамотность, положилъ тѣмъ начало народному просвѣщенію въ Россіи; во-вторыхъ, авторъ приводитъ только и разсматриваетъ конецъ разсужденія Карамзина, опустивъ начало, гдѣ содержится мысль, вполнѣ вѣрная: «Язычество господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго XII вѣка, говоритъ Карамзинъ. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти (?); но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій: онъ старался просвѣтить Христіянъ. Чтобъ утвердить вѣру на знаніи книгъ божественныхъ, Великій князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи.» Автору статьи, помѣщенной въ Studien, непремѣнно хочется ограничить мѣру Владиміра одною цѣлію — приготовленіемъ священниковъ: но такое одностороннее толкованіе будетъ противно всѣмъ извѣстіямъ лѣтописей, ибо они говорятъ именно, что митрополитъ присовѣтовалъ эту мѣру для утвержденія вѣры, не упоминая о приготовленіи священнослужителей. Мысль просвѣщать книжнымъ ученіемъ для утвержденія въ вѣрѣ не могла быть нова для митрополита, присланнаго изъ Царьграда, который является главнымъ дѣйствователемъ въ этомъ случаѣ. Авторъ означенной статьи воору-

жется противъ Карамзина за то, что послѣдній говоритъ объ училищѣ, тогда какъ, по его мнѣнію, училища заведено не было, а дѣтей роздали учиться по церквамъ у священниковъ; это мнѣніе справедливо, тѣмъ болѣе, что у Татищева (II, 76) читаемъ прямо то же самое: «Владиміръ повелѣлъ брать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священникамъ со причетники въ наученіе книжное.» Здѣсь же читаемъ, что нѣкоторыя матери старались дарами откупать дѣтей своихъ отъ ученія.

262) Пищань рѣчка, въ 6 верстахъ отъ мѣстечка Пропойска; течетъ отъ запада къ востоку, и впадаетъ въ Сожь. — Щекатова Геогр. Словарь.

263) Antiquités Russes, I, 276, 278.

264) Карамз. I, примѣч. 436; Арцыбаш. I, примѣч. 206; Татищ. II, стр. 63. У Татищ.: «Владиміръ собралъ воинство великое, и Добрыню уя своего призвавъ съ Новгородцы, пошелъ на Болгаръ и Сербы; а иныя войска русскія, Торковъ, Волынянъ и Червенскихъ послалъ прямо въ землю Болгарскую, объявить имъ многія ихъ нарушенія прежнихъ отца и брата договоровъ, — и причиненныя подданнымъ его обиды, требуя отъ нихъ награжденія. Болгары же, не хотя платить ничего, но совокупившись со Сербы, вооружились противо ему, и по жестокомъ сраженіи побѣдилъ Владиміръ Болгаровъ и Сербовъ, и попленил землю ихъ; но по просьбѣ ихъ учинилъ миръ съ ними, возвратился со славою въ Кіевъ, взятое же раздѣлилъ на войско, и отпустилъ въ домы ихъ.» — Самыя подробности разсказа не позволяютъ намъ отвергать его, особенно если мы поостережемся отвергнуть свидетельство Іоакимовой лѣтописи о крещеніи Владиміра, непосредственно послѣ похода въ Болгарію и о содѣйствіи Болгаръ этому дѣлу; замѣтимъ, что и въ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописи, разсказъ объ крещеніи Владиміра начинается непосредственно послѣ разсказа о походѣ на Болгаръ. Замѣтимъ также, что слова — **Низовые** или **Волжские** обличаютъ составителя или переписчика лѣтописи, живущаго на сѣверѣ, слѣдовательно позднѣйшаго, знавшаго только сосѣдей своихъ Волжскихъ Болгаръ.

265) Никон. I, 106, 107.

266) Тамъ же, 110; Татищ. II, 87. Memor. Popul. II, 1009, 1010.

267) Татищ. II, 89: «А по селамъ не ѣздить тіуномъ, вѣрникомъ, невѣсти и смердинѣ продавать и отъ нихъ не купить.» — Вѣрность этого извѣстія не можетъ подлежать сомнѣнію: печати прямо указываютъ на греческій обычай, къ которому Русскіе привыкли въ Византіи; подробности указываютъ на древность.

268) Palacky, Dějiny narodu českého, I, 260.

269) Тамъ же стр. 255: Deinde ad aquilonalem hi sunt termini: Psovane, Chrovati et altera Chrovati (слѣдовательно Хорваты составляютъ границу).... Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Krakova civitate, provinciaqne cui Vag nomen est, cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Krakova est.

270) Roepell, Geschichte Polens, I, 144.

271) Татищ. II, 77. Здѣсь, быть можетъ, кому-нибудь покажется подозрительнымъ извѣстіе, что разбитый Мечиславъ едва ушелъ въ Краковъ, тогда какъ этотъ городъ еще не принадлежалъ ему; но онъ могъ захватить его временно, ибо въ то же время шла у него война съ Болеславомъ Чешскимъ. Извѣстіе, находящееся у Татищева, подтверждается иностранными свидѣтельствами: Annal. Hildesh. ap. Leibnitz, Scriptor. rer. brunsvic. I, 720, anno 992: «Otto rex cum valida suorum manu iterum Braunanburg adiit.... Bolizlaus vero Misachonis filius per se ipsum ad dominum regem venire nequaquam valens (imminebat quippe illi grande contra Ruscianos bellum) suos satis fideliter milites in ministerium regis direxerat.

272) Въ Никон. (I, 104) подъ 922 годомъ упоминается о послахъ къ Владиміру отъ Болеслава.

273) Dithmari ep. Merseburg. Chronic. VII, 244.

274) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 54. Никон. I, 105.

275) Никон. I, 92, 106, 111. — У Татищева (II, 78) сказано, что патріархъ цареградскій, узнавъ о сношеніяхъ съ папою, увѣщевалъ Владиміра прекратить ихъ, указывая на безнравственность папъ и отступленіе ихъ отъ обычаевъ вселенской церкви. — Есть извѣстіе, что Императоръ Оттонъ III присылалъ въ Русь миссіонера Бруно, который будто бы склонилъ къ своему ученію нѣкоторыхъ Русскихъ; но прибывшій греческій епископъ совершенно уничтожилъ его успѣхи. См. Макарія — Исторія Христіанства въ Россіи, стр. 342, 343.

276) Кромѣ того въ Никон. спискѣ упоминается о набѣгахъ Печенѣжскихъ въ 990 году: Печенѣги надѣлали много зла, но Владиміръ побѣдилъ ихъ; подъ 992 также побѣда; подъ 1001 побѣда богатырей. Видно, что въ сокращенныхъ спискахъ упомянуты только набѣги, по чему-нибудь особенно замѣчательные: одинъ по битвѣ богатыря, другой по основанію церкви, третій по чудесному избавленію Бѣлгорода. Есть также извѣстія въ Никоновскомъ спискѣ, что нѣкоторые печенѣжскіе и болгарскіе князья приходили креститься ко Владиміру (I, 92, 95, 103); есть извѣстіе о смерти Печенѣжскаго князя Темира, убитаго родственниками (I, 112). Наконецъ во всѣхъ спискахъ упоминается о набѣгѣ Печенѣговъ въ самое время Владиміровой кончины. — О Брунѣ и его извѣстіи см. Русская Бесѣда, 1856, № 1.

277) Никон. I, 112. Христіан. Чтен. 1849, II, 323.
278) Тамъ же, 110.
279) Тамъ же, 111.
280) Тамъ же, 112.
281) Полн. Собр. Р. Л. I, 52.
282) Тамъ же, стр. 34.
283) Татищ. I, 40.
284) Полн. Собр. Р. Л. I, 57.
285) Тамъ же, стр. 34: Отъ Чехинѣ Вышеслава, а отъ другое Свя... ва и Мьстислава.
286) Тамъ же, стр. 55: Преставися Малъфредь. Въ се же лѣто пре...нся и Рогънѣдь, мать Ярославля. — Ясно, что здѣсь говорится о ...ухъ женщинахъ, женахъ Владиміра. Татищ. II, 87: Преставися Мал...да, Чехиня, мать Святославля.
287) Соф. Врем. I, 87; Никон. I, 93; Соф. 80.
288) II, примѣч. 191.
289) Лѣтоп., содерж. Росс. Ист. отъ 852 — 1598 г. стр. 40: А трехъ ...бя остави: бѣ бо млади, Станиславъ, Судиславъ, Позвиздъ.
290) II, примѣч. 184. Извѣстіе о томъ, что Борисъ и Глѣбъ были ...овья царевны Анны, находится не въ одной Іоакимовой лѣтописи. ...о находится въ такъ называемой Тверской лѣтописи, хранящейся ...Император. Публич. Библіотекѣ: «Бышa у него (Владиміра) води... рекше болшiа: Рогнѣдь иже посади на Либеды въ селцѣ идеже ... нынѣ словеть селце Предславино.... а отъ другіе Чехини Свято...а и Станислава, Судислава, Болеслава. А отъ царевны отъ Анны ...са и Глѣба».
291) Такъ перевожу я здѣсь слово боляре, ибо здѣсь ясно, что они ...ивополагаются убогимъ, и потому означаютъ вообще не убогихъ, ...тыхъ и знатныхъ.
292) Никон. I, 128.
293) Въ одномъ сборникѣ XV вѣка находится слѣдующее слово на ... Св. Бориса и Глѣба: «Слышите, князи, противящеся старѣйшей ...ьи, и рать въздвижуща и поганыя на свою братью возводяще! Не ...чилъ ти есть Богъ на страшнемъ судищи, како Святый Борисъ и ...ъ претерпѣсте брату своему нетокмо отъятие власти, но отъятие ...та. Вы же до слова брату стерпѣти не можете, и за малу обиду ...ду смертоносную въздвижете; помощь приемлете отъ поганыхъ ...вою братью.» См. въ Москвит. № 12, годъ 1843. Или: «Видители, ...ііи, коль высоко покореніе еже стежаста святая къ старѣйшему ...ту, си аще бо быста супротивилася ему едва быста такому дару ...десному сподоблена отъ Бога, мнози бо суть нынѣ дѣтески князи не

покаряющися старѣйшимъ и супротивящися имъ и убиваеми суть ти не суть такой благодати сподоблени якоже святая сія. (Опис. Рум. Муз. стр. 201).

294) Повѣсть о смерти Бориса и Глѣба явно вставлена въ лѣтопись послѣ; иначе лѣтописецъ не сталъ бы снова повторять (въ концѣ стр. 60): Святополкъ же оканны нача княжити Кыевѣ и проч.

295) Татищ. II, 97.

296) По нѣкоторымъ лѣтописямъ это былъ старинный воевода Владиміровъ, Волчій Хвостъ, побѣдитель Радимичей. Полн. Собр. Русс. Лѣт. III, 209.

297) И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28 (Лавр.); бѣже тогда Ярославъ лѣтъ 28 (въ прочихъ спискахъ). — Ярославъ не могъ быть тогда (въ 1016 г.) 28 лѣтъ отъ роду, ибо это значило бы, что онъ родился въ 988 году, въ годъ принятія Владиміромъ христіанства и женитьбы на Аннѣ, тогда какъ мы знаемъ, что у Ярослава было много младшихъ братьевъ, рожденныхъ не отъ Анны, слѣдовательно рожденныхъ до принятія христіанства; онъ не могъ жить 28 лѣтъ въ Новгородѣ, ибо это значило бы, что онъ былъ отправленъ въ Новгородъ въ 988 году, но мы знаемъ, что въ этомъ году онъ былъ посланъ въ Ростовъ, а не въ Новгородъ, гдѣ княжилъ старшій братъ его Вышеславъ, умершій по Татищеву, въ 1010 году (II, 89), слѣдовательно лѣтописецъ подъ пребываніемъ въ Новгородѣ считалъ все время его пребыванія на сѣверѣ, начиная отъ 988 года, подъ которымъ онъ помѣстилъ разсылку сыновей Владиміровыхъ по волостямъ, полагаемую преданіемъ тотчасъ послѣ крещенія. Счетъ лѣтъ всей жизни Ярославовой (76 лѣтъ) также невѣренъ, ибо если бы онъ умеръ въ 1054 году 76 лѣтъ, то онъ долженъ былъ бы родиться въ 978 году; но въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы быть сыномъ Рогнѣды, а главное, былъ бы старше Святополка, въ слѣдствіе чего признаніе Св. Борисомъ послѣдняго старшимъ не имѣло бы смысла.

298) Dithmar. Mers. VII; 264, 265: «Urbs autem Kitava nimis valide ab hostibus Pedeneis hortatu Bolizlaui crebra impugnatione concutitur et incendio gravi minoratur.» — О Кіевскомъ пожарѣ упоминаютъ наши лѣтописи подъ 1017 годомъ (Полн. Собр. Р. Л. I, 62): подъ тѣмъ же годомъ упоминается о приходѣ Печенѣговъ подъ Кіевъ и злой сѣчѣ съ ними. (Тамъ же, III, 210).

299) Карамз. II, примѣч. 10.

300) Одну изъ женъ Владиміровыхъ, неизвѣстно какую: Анна умерла прежде Владиміра, въ 1011 году.

301) О сватовствѣ за дочерей Владиміровыхъ см. Татищ. II, 90.

302) Татищ. II, 99.

303) Принимаю древнѣйшее чтеніе Ипат. сп. съ бою вмѣсто позднѣйшаго съ собою. Здѣсь говорится о плѣнникахъ, взятыхъ при Бугѣ и въ томъ городѣ, который, по Дитмару, былъ взятъ приступомъ и жители его отданы въ рабство.

304) Мы слѣдовали въ своемъ разсказѣ Русскимъ лѣтописямъ и Дитмару. О распространенныхъ и украшенныхъ разсказахъ Польскихъ лѣтописцевъ см. у Карамзина II, примѣч. 10 и слѣд.; также у Roepell, Geschichte Polens, I, 7 Beilage.

305) Въ Новгородской лѣтописи сказано, что Ярославъ послѣ первой побѣды надъ Святополкомъ отпустилъ всѣхъ Новгородцевъ домой; въ Кіевской (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 62) говорится, что въ походѣ противъ Болеслава были и Славяне, то есть Новгородцы; но ясно, что это не могли быть тѣ самые, которые привели Ярослава въ Кіевъ: старосты, смерды и собственно граждане Новгородскіе не могли такъ долго оставаться на югѣ, вдали отъ семействъ своихъ, слѣд. если извѣстіе справедливо, то это былъ небольшой отрядъ верхнихъ воевъ, вытребованный Ярославомъ на помощь, или отрядъ охотниковъ, оставшихся на югѣ, чтобъ участвовать въ войнѣ Ярослава съ Польшею.

306) Полн. Собр. Р. Л. 1, 62, 63. Какъ видно, это преданіе распространено и украшено въ послѣдствіи.

307) Теперь село на рѣчкѣ Руднѣ, впадающей въ Сновъ съ правой стороны, къ сѣверовостоку отъ Чернигова, верстахъ въ 40; верстахъ въ 25 отъ него есть другое село Малый Листвинъ (Арцыб. I, 16, 86).

308) Луда. Это слово принадлежитъ столько же Славянскому, сколько Германскому языку: въ Хорват. значитъ покровъ; luditi покрывать. См. Срезневск. Мысли объ исторіи Русскаго языка.

309) Ясно слѣдовательно, что у Ярослава были только одни Варяги, а Славянъ (Новгородцевъ) не было.

310) Былъ Городецъ подлѣ Кіева; былъ и недалеко отъ Чернигова (въ 26 верстахъ); вѣрнѣе, что миръ былъ заключенъ въ Кіевскомъ. См. Арцыб. I, 16, 89.

311) Указываютъ на рѣку Судому или Судиму въ Псковской губерніи Порховскаго уѣзда. См. Арцыб. I, 15, 81.

312) Никон. I, 129: «А Брячиславъ бѣжаше къ Полотску.» И оттолѣ исъ Киева призва его къ себѣ, и вда ему два града; Свячь и Вибдескъ, и рече ему: буди же со мною одинъ.» — Выраженіе «буде же со мною одинъ» — можетъ показывать желаніе Ярослава заключить союзъ съ Брячиславомъ противъ Мстислава.

313) Geijer, Geschichte Schwedens, I, стр. 124, 126.

314) Думаютъ, что это лице могло быть тождественно съ Якуномъ Слѣпымъ Русскаго преданія. Вѣроятнѣе однако, что это былъ простой

переводъ Скандинавскаго Накии, Након; Наадеи — одноглазый, ибо странно было бы въ самомъ дѣлѣ видѣть слѣпаго въ вождѣ Варяжской дружины. См. Kunik, die Beruf. der Schwed. Rodsen, II, 172.

315) Воскрес. 1, 184; Никон. 1, 132; Соф. Врем. 1, 152.

316) Sjögren, Mèm. de l'Acad. de S.-Pétersb. VI Série, t. I, livr. 6, 1832. p. 513.

317) Тамъ же, 2 livr. Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. стр. 272. На границѣ Устюжскаго уѣзда, въ сѣверо-восточномъ углу его, при устьѣ Вычегды въ Двину, жилъ, по народнымъ преданіямъ, народъ Гамъ или Емь.

318) Бельзъ — въ Сѣверовосточной Галиціи, при рѣкѣ Солокіѣ, впад. въ Бугъ.

319) Никон. I, 138.

320) Византійскія извѣстія говорятъ, что по смерти Владиміра Св., какой-то родственникъ его прибылъ на лодкахъ въ Византію, сперва объявилъ намѣреніе вступить въ императорскую службу, потомъ тайно ушелъ изъ гавани, разбилъ Греческое войско, но былъ истребленъ Греками съ 800 товарищей. Быть можетъ, это былъ одинъ изъ сыновей Владиміровыхъ, изъ которыхъ многіе пропали безъ вѣсти; одинъ, Всеволодъ, погибъ въ Скандинавіи, по тамошнимъ извѣстіямъ.

321) По Греческимъ извѣстіямъ, императоръ два раза предлагалъ Владиміру миръ, обѣщаясь вознаградить за оскорбленіе, но Владиміръ слишкомъ много запрашивалъ (по 3 фунта золота на человѣка). Тогда Греки вступили въ морскую битву съ Русскими и зажгли ихъ корабли; къ этому несчастію присоединилась еще буря.

322) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 65: «Исступишася на мѣстѣ, идеже стоитъ нынѣ святая Софья, митрополія русьская, бѣ бо тогда поле внѣ града.» — Слѣд. въ 1036 году церкви Св. Софіи еще не было, и подъ слѣдующимъ 1037 годомъ читаемъ: «Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ, у него же града суть златая врата; заложи и церковь Св. Софью, митрополью,» и проч. — Но въ другихъ спискахъ (Никон., Соф. врем. Воскрес. и др.) заложеніе церкви Св. Софіи отнесено къ 1017 году, послѣ перваго нашествія Печенѣговъ и битвы подъ Кіевомъ. Ясно, что это извѣстіе происходитъ отъ смѣшенія двухъ извѣстій о набѣгѣ Печенѣговъ, послѣ котораго была заложена крѣпость и церковь Св. Софіи. Теперь вопросъ: было ли два набѣга Печенѣжскихъ и двѣ битвы подъ Кіевомъ, или одинъ только, и если одинъ, то въ какое время — въ 1017 или въ 1036 году? По внимательномъ разсмотрѣніи двухъ извѣстій мы пришли къ мысли, что составители лѣтописныхъ сборниковъ, напримѣръ Никоновскаго, имѣли передъ глазами двѣ лѣтописи совершенно разныхъ редакцій, изъ которыхъ въ одной было

помѣщено извѣстіе о набѣгѣ Печенѣговъ въ 1017 году и построеніе послѣ того крѣпости и церкви, а въ другой, какъ въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ спискахъ, помѣщенъ былъ набѣгъ только подъ 1036 годомъ: составители позднѣйшихъ сборниковъ внесли въ нихъ и то и другое извѣстіе, не замѣтивъ противорѣчія, что во второмъ извѣстіи говорится о несуществованіи церкви Св. Софіи во время битвы. Теперь изъ двухъ древнихъ лѣтописей, которая правильнѣе помѣщаетъ свое извѣстіе? та ли, которая помѣщаетъ набѣгъ Печенѣжскій въ 1017, или та, которая помѣщаетъ его въ 1036 году? Надобно думать, что первая, потому что съ нею согласенъ Дитмаръ относительно Печенѣжскаго набѣга. Въ Никон. (I, 129) еще подъ 1020 годомъ упоминается о набѣгѣ Печенѣжскомъ.

323) Владиміръ, старшій сынъ Ярослава, родился въ 1020 году, но Ярославу было тогда около 40 лѣтъ; не можетъ быть, чтобъ онъ не былъ женатъ до Ингигерды; ясно, что Илья былъ отъ перваго брака и былъ уже въ 1019 году въ такомъ возрастѣ, въ какомъ могъ быть посаженъ на столѣ Новгородскомъ, тѣмъ болѣе, что Владиміръ сажалъ малолѣтныхъ дѣтей своихъ: посаженіе Ильи могло оскорбить Константина. Мы замѣтимъ также, что въ лѣтописи не упоминается объ участіи Новгородцевъ въ борьбѣ Ярослава съ Мстиславомъ.

324) Никон. I, 139, 140. Здѣсь прямо говорится, что Ярославъ поставилъ Русскаго митрополита «соблюдающеся отъ вражды и лукавства, якоже быша тогда.» Карамзинъ (II, примѣч. 49) неправильно толкуетъ слова Никонов. Сборника, какъ будто бы Русинъ былъ поставленъ потому, что въ то время была война съ Греками, и указываетъ, что во время поставленія войны не было. Въ лѣтописи нѣтъ ни слова о современности поставленія Иларіонова и войны съ Греками; здѣсь просто сказано, что были съ Греками брани и нестроенія при Ярославѣ, и потому этотъ князь рѣшился поставить своего митрополита, чтобъ на будущее время избѣжать тѣхъ непріятностей, которыя были во время войны.

325) Это выраженіе лѣтописи отзывается глубокою древностію.

326) Нельзя заключать, чтобъ Ярославъ самъ писалъ или умѣлъ писать, прямо сказано только, что онъ умѣлъ читать. Единственное число прекладаше (книги) замѣняется въ спискахъ множественнымъ прекладаша, но и единственное число нисколько еще не доказательство, что онъ самъ переводилъ и писалъ: оно могло быть очень легко употреблено вмѣсто: велѣлъ переводить и писать; мы говоримъ, что такой-то построилъ домъ, зная, что не самъ онъ строилъ, но архитекторъ и плотники.

327) Кромѣ походовъ на Чудь, Литву и Ятвяговъ, Никонов. упоминаетъ о походѣ на Ясовъ.

328) De administr. imper. c. IX Memor. popul. II, 985. Egrediuntur Ciabo, et in Oppida (?) proficiscuntur quae Gyra appellantur (ἀπέρχονται εἰς τὰ πολίδια ἃ λέγεται Γῦρα) aut in sclabica loca Berbianorum Druugubitarum etc. У Дюканжа: Γῦραι — Circulationes, Circuitiones; въ частности Гирою называли выѣздъ чиновника изъ главнаго мѣста его служенія въ другія мѣста его же вѣдомства, собственно по дѣламъ службы, напр. объѣздъ провинціальнымъ начальникомъ городовъ своей провинціи. См. статью проф. Неволина — о значеніи слова Гира, въ Финскомъ Вѣстн. 1847 № 8. Любопытно выраженіе въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго при исчисленіи народовъ, платящихъ дань Руси: «исконніи данници и конокръмци.»

329) Bandtkie — Historia prawa Polskiego, стр. 47.

330) Такъ говорили Мадьяры при избраніи своего вождя Алмоса — Anonymus Belae R. notarius, c. V. VI. Ap. Schwandtner, Script. rer. Hung. I, 9.

331) См. Gaupp, die Germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen.

332) Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы члены княжей дружины вовсе не могли имѣть селъ, населенныхъ военноплѣнными, купленными рабами, или наймитами.

333) Древн. Русск. стихотвор. Кирши Данил. стр. 187.

334) Antiquités Russes t. I, p. 279. — Тоже видимъ у Польскихъ князей: каждый гость, хотѣвшій вступить въ службу къ князю, принимался съ радостію. См. Gallus p. 75.

335) Древ. Русск. стихотвор. стран. 138.

336) Ср. у Тацита: (Germ.) jam vero infame in omnem vitam et probrosum superstitem principi suo ex acie secessisse.

337) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 66.

338) Срав. Тацита: Exigunt enim principis sui liberalitate illum bellatorem equum, illam cruentam victricemque frameam. — Тоже явленіе и въ дружинѣ Польскихъ князей; срав. Gallus, p. 71: не слугою, но сыномъ княжескимъ называлъ Болеславъ Храбрый дружинника, пришедшаго служить ему изъ чужой страны, и если дружинникъ терялъ лошадь или другую какую-нибудь вещь, то князь снабжалъ его съ лихвою.

339) Gallus, p. 64. 39. У Болеслава Храбраго кромѣ столовъ для мелкихъ дворянъ ежедневно накрывалось 40 столовъ для знатнѣйшихъ дружинниковъ. Всѣ они, даже самые мелкіе дружинники являлись съ тяжелыми золотыми кольцами.

340) Соф. Врем. 1, 10.

341) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 90.

342) Слово дружина происходитъ отъ другъ, а другъ отъ Санскритскаго дру — иду, слѣдую (удрать — убѣжать), см. Бусл. о вліяніи христ. на Славянскій языкъ, стр. 194. Слѣд. дружина есть товарищество, сборъ людей, идущихъ вмѣстѣ, по одной дорогѣ, откуда дорога или драга значитъ не только via, но и толпа, собирающаяся куда-нибудь, множество, свита (см. тамъ же стр. 51). Мы прибавимъ, что и Французское route въ древнемъ языкѣ значитъ дружина, отрядъ. Если наша дружина происходитъ отъ дру идти, то нѣтъ препятствія и Польское шляхта привести въ связь съ стариннымъ словомъ шляхъ — дорога, путь.

343) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 9: «и бяста у него два мужа, не племени его, но боярина.» Изъ этого ясно, что подъ мужами вообще разумѣлись и бояре. Или: «и посади мужъ свой,» значитъ посадилъ одного изъ своихъ, одного изъ дружины (I, 13); «А Ольга водиша и мужій его на роту» (1, 19); «посла Игорь мужи своя къ Роману,» и т. д.

344) Слово бояринъ Славянское; о бояраxъ Болгарскихъ упоминаетъ Ѳеофанъ подъ 764 годомъ. У Сербовъ и другихъ племенъ находимъ также это слово. См. Срезнев. мысли объ исторіи Русск. языка стр. 131, и слѣд. съ Греческаго словомъ бояринъ или боляринъ переводится ἄρχων, см. древній переводъ Греческаго Василикона, изъ библ. Гр. Толстаго, привед. у Розенкампфа: О кормчей книгѣ, стр. 133.

345) Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 131.

346) Гридь слово Славянское, Хорутанское грида значитъ громада, сборище, толпа, слѣд. дружина, см. у Срезнев. въ приведенномъ сочиненіи, стр. 139.

347) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 54.

348) Тамъ же, I, 57: Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и Вышегородскыѣ болярцѣ.

349) Тамъ же III, 14.

350) Тамъ же I, 161.

351) У западныхъ Славянъ огнищанинъ означалъ отпущенника (libertus), слѣд. въ обширномъ смыслѣ это слово означало первоначально домочадца, но не раба, а свободнаго, какими именно были древніе отпущенники, находившіеся въ тѣсной связи съ домомъ прежняго господина, и однако переставшіе быть рабами.

352) Что тіунъ не былъ исключительно казначеемъ, какъ того хотятъ нѣкоторые, довольно привести слѣдующее: «Константинъ князь Полотскии, нарицаимыи безрукии.... молвитъ попу: тиунъ неправду судитъ, мзду имѣетъ, люди продаетъ (продажа имѣетъ чисто судебное значеніе), мучитъ.... И рече попъ.... избираетъ (князь) тиуна или

кого волостеля мужа добра, праведна, по закону Божию вся творяща и судъ вѣдуща.» См. Розенкампфа: О кормчей книгѣ, стр. 217.

353) «По семъ сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними.» (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 24.) Тамъ же: «Яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне.» Здѣсь прямо отличаются отроки — слуги отъ дружины.

354) Тамъ же I, 30: «Придоша (Греческіе послы) и поклонишася ему (Святославу), положиша предъ нимъ злато и паволоки; и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: схороните».

355) Тамъ же I, 32: «И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину«. — Еще прямыя указанія, что отроки составляли домашнюю прислугу князя I, 57 и слѣд. «и се слышавше вои, разыдошася отъ него (св. Бориса), Борисъ же стояше съ отроки своими.... И прободоша Бориса и слугу его, падша на немъ, прободоша съ нимъ; бѣ бо се любимъ Борисомъ. Бяше отрокъ съ родомъ сынъ угрескъ».

356) Тамъ же I, 55.

357) Тамъ же I, 66.

358) Тамъ же I, 64.

359) Тамъ же I, 98.

360) Тамъ же I, 19.

361) Тамъ же I, 53: «И приде единъ старъ мужъ ко князю и рече ему: княже!, суть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома».

362) Подъ 1089 годомъ: «Воеводство держащу Кыевскыя тысяща Яневи.»

363) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 66.

364) Тамъ же I, 54. Что подъ именемъ верховныхъ или верхнихъ воевъ разумѣлись не Варяги (какъ думаетъ г. Погодинъ), но жители Русскихъ сѣверныхъ (относительно) земель, показываютъ извѣстія позднѣйшія, напр. подъ 1185 годомъ читаемъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 132): «и Великій князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть въ Корачевъ, и сбирашеть отъ верхънихъ земель вои.» Или подъ 1148 годомъ (стр. 39): «А Ростиславъ да дары Изяславу что отъ верхънихъ земель и отъ Варягъ.» Здѣсь прямо верхнія земли отличаются отъ Варягъ.

365) Antiquités russes I, 278. Rex Valdimar eum praefectum constituit copiarum, quas ad regnum suum tuendum dimittere solebat.

366) Тамъ же, стр. 333.

367) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 64, 65.

368) Тамъ же I, 32: «падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци».

369) Тамъ же I, 66: «И потроша кони у вой Володимеръ».

370) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. 25. Ольга говоритъ Древлянамъ: «А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы свои и землѣ своя.»

371) Тамъ же III: — Смердъ слово Славянское: въ Польскомъ Кошубскомъ Smird значитъ бѣдный селянинъ.

372) Мѣсто, найденное г. Бѣляевымъ въ уставѣ Великаго Князя Всеволода, хранящемся въ библіотекѣ г. Погодина. См. Изслѣдованія М. Погодина т. III стр. 408.

373) См. подробности въ сочиненіи профессора Калачова — Изслѣдованіе о Русской правдѣ, 1846 г.

374) Такъ напр. Великій Князь Изяславъ взялъ двойную виру за убійство своего стараго конюха, что записано въ Правдѣ уже какъ правило на будущее время: «А конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, егоже убилѣ Дорогобудьцы.

375) Müller — Sagabibliothek, I, 344.

376) Вервь — слово Славянское, означаетъ и физически и нравственно связь, вервь, веревка, союзъ, въ Сербскомъ връвникъ значитъ родной, въ хорут. сватъ Смотр. Срезнев. Мысли объ исторіи Русскаго языка. Връвникъ происходитъ отъ физич. вервь, веревка, какъ ужикъ отъ уже — веревка. Мы думаемъ, что наше общинное вервь получило названіе отъ верви, веревки, которую обыкновенно употребляли при земельномъ измѣреніи: «отняли, государь, у насъ деревенку въ карзинѣ курьи, дворъ и дворище; а пашни, государь, въ ней пять веревокъ» (Акты Юридическіе № 23); или въ правой грамотѣ 1535 года: «Ставъ предъ судьями, старецъ Іона и отвѣтчики Панкратъ и его товарищи тако рекли: дайте господине намъ цѣловальника Гаврина Ивойлова земли вервити.... и старецъ Іона Панкрата и ево товарыщовъ вдву третехъ въ ихъ увервилъ: а во се господине память веревная передъ нами.... Память веревщикомъ вывервили въ Архангельской деревни полдругинадцаты веревки Горнихъ земель и Юрмолскихъ земель всихъ.» — Подобный обычай былъ въ употребленіи у многихъ народовъ: Израильтяне, Греки, Германцы, Скандинавы мѣрили земли также вервями: Іис. Навин. 17, 5, 14; Herod. I, 66, Strinnholm — Wikingszuge, I, 125. Какъ у насъ имя орудія мѣры вервь перешло и къ отмѣренной землѣ, такъ точно видимъ и у Евреевъ; въ книгѣ Іисуса Навина читаемъ (17, 14): «Противу рѣша же сынове Іосифовы Іисусу, глаголюще: почто наслѣдствовалъ еси насъ жребіемъ единымъ и ужемъ единымъ.» То же самое видимъ и у Римлянъ: у нихъ для измѣренія земель употреблялся шестъ или жердь — pertica (perche), pertica же означаетъ и отмѣренную землю. — Вира также слово Славянское: въ Хорутанскомъ вира зна-

читъ вольная оцѣнка, вольный переходъ, завирити — обязать задаткомъ; вировати — обвинить.

377) См. переводъ статьи Палацкаго — Сравненіе законовъ царя Стефана Душана, въ чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1846, № 2.

378) Рядъ земскаго Чешскаго права говоритъ ясно: Credo quod jus recipiendi candens ferrum plus fuit institutum propter terrorem et poenam quam propter aliquam temptationem Dei, ut a talibus (criminibus) eo perterriti facilius cessarent.

379) Древнія Росс. стихотворенія К. Данилова, стр. 67.

У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы....
Промежду собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя, —
Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилась съ дитятами княженецкими,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
«Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,
А и я де обернула десять молодцовъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей, гнѣдыми турами» и проч.

Или, стр. 148.

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударь, князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье почестной столъ,
Много было у князя Владиміра
И князей и бояръ и княженецкихъ женъ.

380) Leo Diac. I. IX. Тѣло Владиміра спустили на землю на канатахъ, проломавши полъ; такой обычай видимъ въ древней Скандинавіи. См. Weinhold's Altnordisches Leben, 476.

381) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 54: «Ночью же межю (двѣма) клѣти проимавше помостъ, и ужи свѣсиша на землю».

382) Тамъ же, стр. 35: «Онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ.... и кликнуша и посѣкоша сѣни подъ ними».

383) Тамъ же: «И роъяша дворъ около его».

384) Тамъ же стр. 25: «Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, воробьеве же подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины».

385) Въ разсказѣ о кончинѣ Св. Владиміра говорится, что тѣло его повезли на саняхъ въ Кіевъ — 15 Іюля.

386) А цѣжь не составляла особаго кушанья, какъ думаютъ нѣкоторые.

387) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 55: «И приведоша я къ кладязю, идѣ же цѣжь и почерпоша ведромъ и льяша въ латки.» — Въ другихъ спискахъ правильнѣе: «и льяша въ котлы», ибо въ латкахъ нельзя варить киселя.

388) И приде въ Словѣни, идѣже нынѣ Новгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыютъ, хвощются, и удивися имъ.... и рече: «Дивно видѣхъ Словеньскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ бани древены, и пережьгуть е рамяно, совлокуться и будутъ нази, и облѣются квасомъ усніянымъ, и возмуть на ся прутье младое, бьються сами и того ся добьютъ, егда влѣзуть ли живи, и облѣются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни не мучими никимъ же, но сами ся мучать, и то творять не мовенье себѣ, а мученье.»

389) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 25; «Дѣлаютъ нивы своя и земли своя.»

390) Тамъ же, стр. 36: «Но се ему (Владиміру) бѣ не любо обрѣзанье удовъ, и неяденье мясъ свиныхъ.»

391) Соф. Врем. I, 88: «Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци вести въ городъ.»

392) Никон. I, 130.

393) Любопытно извѣстіе о построеніи церкви Св. Георгія: «Блаженный и приснопаматны всея Рускыя земля князь Ярославъ, нареченный во святѣмъ крещеньи Георьгий, сынъ Владимѣрь крестившаго землю Рускую, братъ же святаго мученика Бориса и Глѣба: се всхотѣ создати церковь въ свое имя Святого Георьгия, да еже всхотѣ и створи; и яко начаша здати ю, и не бѣ многа дѣлатель у нея; и се видѣвъ князь призва тиуна: почто не много у церкве стражущихъ? Тиунъ же рече: понеже дѣло властелское, боятся людье трудъ подъимше наима лишени будуть. И рече князь: да аще тако есть, то азъ сице створю. И повелѣ куны возити на телѣгахъ въ коморы златыхъ вратъ, и возвѣстиша на торгу людемъ да возмутъ кождо по ногатѣ на день. И бысть множество дѣлающихъ.» См. Кіевлянинъ, кн. III, стр. 66. Печатный Прологъ, 26 Ноября.

394) Chron. p. 426: «in magna hac civitate.... plus quam quadringenta habentur ecclesiae et mercatus VIII; у Annalista Saxo, ann. 1018 означено только 300 церквей.

395) Hist. Eccles. l. II, c. 13.

396) Никон. 1, 124. И погорѣ градъ и церквей много, яко до седми

сотъ. Здѣсь также явное преувеличеніе. — И въ Москвѣ говорятъ сорокъ сороковъ церквей, и точно считаютъ церкви сороками, но сороковъ вовсе не сорокъ.

397) О торговлѣ Русскихъ рабами въ Константинополѣ читаемъ въ чудесахъ Св. Николая: «И вземъ литру злата, 70 и два златникъ, и всѣдъ на конь доѣха до торгу, идѣже Русьстіи купци приходяще челядь продаютъ.» См. Москвитянинъ 1845 г. № 12, статью: Нѣкоторые памятники Славянской письменности.

398) Ихъ требуетъ Императоръ отъ Ольги.

399) Мухам. Нумизматика Савельева, стр. XXIII.

400) Fraehn, Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischem Gelde in Russland, въ русскомъ переводѣ у Савельева Мухам. Нумизматика.

401) Авторъ Мухам. Нумизматики говоритъ: «За всѣ исчисленные товары (привозимые Руссами и Булгарами) Арабы, Персіяне и Харезмцы платили имъ наличными монетами царствующей династіи, или произведеніями своего края. Монеты были исключительно серебряныя, величиною отъ нашего двухъ-злотаго до пяти-алтыннаго. Привозимыхъ товаровъ Азіи не доставало на обмѣнъ за мѣстныя произведенія, и денежный балансъ оставался на сторонѣ Волги.» Можно сомнѣваться еще въ томъ, чтобъ товаровъ Азіи не доставало на обмѣнъ за произведенія, привозимыя Русскими и Булгарами: въ обмѣнъ за мѣха, невольниковъ, янтарь и цыновки, представлялся цѣлый рядъ Азіатскихъ товаровъ, имѣвшихъ всегда и вездѣ высокую цѣну (см. перечисленіе ихъ въ текстѣ); самъ авторъ приводитъ при этомъ извѣстіе, что за каждую бисерину зеленаго бисера Русскіе платили по диргему, и раззорялись такимъ образомъ въ угоду женъ своихъ. Далѣе, послѣ исчисленія Азіатскихъ товаровъ, авторъ говоритъ: «Все это, какъ видимъ, преимущественно предметы роскоши, тогда мало извѣстной на сѣверовостокѣ Европы, и поэтому нисколько не удивительно, что потребленіе ихъ въ Россіи и прибалтійскомъ краѣ далеко уступало цѣнности мѣховъ, потребныхъ для Азіи.» — Но прежде самъ авторъ сказалъ, что и мѣха на Востокѣ составляли также предметъ роскоши, что шубы были почетнымъ одѣяніемъ владѣтельныхъ и знатныхъ лицъ; не думаемъ, чтобы Азіатскія драгоцѣнности были мало извѣстны на сѣверовостокѣ Европы: самъ авторъ приводитъ извѣстіе, что Руссы раззорялись на зеленый бисеръ, другое извѣстіе говоритъ, что на мертвецѣ Русскомъ была парчевая одежда; если въ кладахъ вмѣстѣ съ Арабскими монетами находятъ и выше исчисленныя вещи, то ясно, что онѣ были столько же извѣстны. Замѣтимъ также, что Руссы относительно мѣховой торговли не пользовались монополіею, но имѣли сильныхъ соперниковъ въ Булгарахъ и

Буртасахъ: самъ авторъ говоритъ, что дороже всего цѣнились мѣха черныхъ или чернобурыхъ лисицъ, которыя называли Буртасскими по имени народа Буртасовъ; слѣд. чрезъ руки Руссовъ шли не самые дорогіе мѣха.

402) Мухам. Нумизмат. XVII,

403) См. примѣчан. 20.

404) Мухам. Нумизм. CXXX и слѣд. Авторъ замѣчаетъ, что Весь Бѣлозерская была такъ образована, что не имѣла нужды вести нѣмую торговлю. Но мы не имѣемъ основанія предполагать, что она была образованнѣе нынѣшнихъ Зырянъ, которые сохраняютъ тотъ же обычай (см. тамъ же); по незнанію языковъ другъ друга, необходимо должна была ввестись нѣмая торговля.

405) На торговую связь съ Болгарами указываетъ лѣтописное извѣстіе подъ 1024 годомъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 64): «Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ (Суздальской), идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша.» Здѣсь указаніе и на путь по Волгѣ; впрочемъ здѣсь о купцахъ говорить нельзя, ибо прямо сказано: вси людье.

406) Исторія Русск. Церкви епископа Рижскаго Филарета, періодъ I-й, стр. 30.

407) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 64.

408) Тамъ же стр. 67. — О волшебныхъ повязкахъ или наузахъ см. статью Проф. Буслаева, въ Архивѣ историко-юридич. свѣд. изд. Н. Калачовымъ, стр. 2, отдѣлен. IV.

409) «Къ симъ же и датися веля на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учитель.»

410) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 66.

411) См. о началѣ монашества въ Россіи; въ прибавленіи къ Твореніямъ Св. Отцевъ, годъ VIII, кн. 4.

412) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 69.

413) См. о началѣ монашества въ Россіи въ приведенномъ выше мѣстѣ.

414) См. статью Проф. Неволина о церковномъ судѣ въ Россіи. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1847 года.

415) «Крестъ посѣкуть или на стѣнахъ рѣжють»; варіантъ: «или на стѣнахъ трески емлють, и со креста.» Объясненіе въ переводѣ Герберштейна: Et qui ad incantandum de imaginibus sanctorum aut statua Crucis quicquam avulserint.

416) Тайные роды убійствъ посредствомъ волшебства, зелейничества.

417) Отношенія матери къ дѣтямъ всего лучше указаны въ отно-

шеніяхъ матери Св. Өеодосія къ сыну: по смерти мужа она наслѣдовала всю его власть надъ сыномъ.

418) Такъ напр. если онъ кусается.

419) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 53. Въ церковномъ уставѣ: «Создахъ церковь Св. Богородица десятинную и дахъ ей десятину по всей землѣ Русьстѣй: изъ княженія въ Соборную церковь отъ всего княжа суда десятую вѣкшю, а и съ торгу десятую недѣлю, а и съ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита.»

420) Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцевъ, годъ 2-й, книга 2.

421) Древн. Рос. стихотв. стр. 249.

422) Тамъ же стр. 45.

423) Тамъ же стр. 62.

424) См. это преданіе въ исторіи Русской Словесности Проф. Шевырева, вып. I, стр. 193.

425) Тамъ же стр. 199.

426) Тамъ же стр. 216.

427) Не Буртасскихъ ли?

428) Древн. Рос. стихотвор. стр. 3, 4.

429) Тамъ же стр. 24.

430) Тамъ же стр. 159.

431) Тамъ же стр. 96.

432) См. у Мацѣевскаго въ Polska. — Я въ своемъ вольномъ переводѣ соединилъ двѣ пѣсни, сходныя другъ съ другомъ въ главныхъ чертахъ; вотъ онѣ:

1.

Iszly molodci rano zcercowci
Oj iszly iszly radu radyly,
Radu radyly ne jednakoju,
Ne jednakoju, a trojakoju:
Oj chodmoz my do kowalczyka
Do kowalczyka do zolotnika,
Pokujmoz sobi midiani czowna,
Midiani czowna, zoloti wesla,
Oj pustimeż na tychyj Dunaj
Doliw Dunajem pid Carchorod,
Oj czuemo tam dobroho pana
Szczo platyt dobre za zasłużenku
Oj daje na rik po sto czerwonych
Po sto czerwonych po konykowy,
Po konykowy, taj po szabelci
Taj po szabelci, po pari sukon,
Po pari sukon, tai po szapoczi,
Taj po szapoczi, taj po panoczci.

2.

Oj w czystim poly blysko dorohy
Stajal namet, bili szowkowi:
A w tych nametach wse hromadowe
Radonku radiat koby wradyly:
Oj ne sprawlaimo na żony szuby
Na żony szuby na doczky zloto
Ale sprawlajmo midiani czowna,
Midiani czowna sribrnij wesla,
Ta puskajmo na kraja Dunaja,
Czuiemoż my tam dobroho pana,
Dobroho pana, a pana Petra
Szczo platyt dobre za zaslużenku,
Oj daje na rik po stu czerwonych,
Po konykowy po woronomu,
Po żupanowy po kitajewu,
Po jasni strilci po krasny diwci.

Въ прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Академіи Наукъ напечатана были- на про Василису Даниловую, въ которой можно найти намекъ на поведеніе Владиміра до крещенія, какъ объ немъ свидѣтельствуетъ лѣтопись; потомъ можно найти слѣды смутнаго преданія объ усобицахъ между Кіевомъ и Черниговомъ; любопытно, что Кіевская рать называется силою Русскою.

433) Подробности о духовныхъ стихахъ см. въ исторіи Русской Словесности Проф. Шевырева, вып. 1-й, стр. 235 и слѣд.

434) Много говорятъ о завоеваніи и незавоеваніи, полагаютъ главное отличіе исторіи Русской отъ исторіи западныхъ европейскихъ государствъ въ томъ, что тамъ было завоеваніе одного племени другимъ. У насъ его не было. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, односторонень: проводя параллель между западными европейскими Государствами и нашимъ Русскимъ, преимущественно обращаютъ вниманіе на Францію, Англію, упуская изъ виду Германію, Скандинавскія государства и ближайшія къ намъ государства Славянскія: здѣсь одно племя не было завоевано другимъ, и между тѣмъ исторія этихъ государствъ столько же различна отъ исторіи нашего, сколько различна отъ нея исторія Франціи и Англіи. Ясно, слѣдовательно, что въ одномъ отсутствіи завоеванія нельзя искать объясненій главному различію; прежде всего должно искать его въ первоначальныхъ отношеніяхъ призваннаго начала къ призвавшимъ, отношеніяхъ, условленныхъ первоначальнымъ бытомъ племенъ: дойди эти племена въ родовомъ бытѣ до кланскаго устройства, явись наслѣдственное старшинство, стань эти наслѣдственные старшины родовъ съ земскимъ значеніемъ около князя — исторія приняла бы

совершенно другой видъ, хотя бы также не было завоеванія. Дружина имѣла у насъ другой характеръ, чѣмъ на Западѣ, но этотъ характеръ могъ бы измѣниться, если бы у насъ на Руси произошли такія же явленія, какія имѣли мѣсто въ Польшѣ послѣ Болеслава Храбраго, если бы Русскіе дружинники пріобрѣли скоро значеніе богатыхъ земельныхъ владѣльцевъ и областныхъ правителей: а это значеніе они могли пріобрѣсть и безъ завоеванія, въ слѣдствіе одного служебнаго своего характера, въ слѣдствіе пожалованій княжескихъ. И такъ рѣзкое различіе нашей исторіи отъ исторіи западныхъ государствъ, различіе ощутительное въ самомъ началѣ, не можетъ объясняться только отсутствіемъ завоеванія, но многими различными причинами, дѣйствующими и въ началѣ, и во все продолженіе исторіи: на всѣ эти причины историкъ долженъ обращать одинакое вниманіе, если не хочетъ заслужить упрека за односторонность.

435) См. Срезневскаго — Мысли объ исторіи Русскаго языка. Слова, которыя до сихъ поръ считались Скандинавскими, оказываются чисто Славянскими, таковы: безмѣнъ, вервь, вира, верста, Господь, гость, гридь, дума, Князь, луда, людъ, мечь, мыто, навь, нети, обѣль, огнищанинъ, смердъ, теремъ, якорь.

436) Михайлова — Исторія образованія и развитія системы Русскаго гражданскаго судопроизводства, стр. 22.

437) Такъ какъ подобный взглядъ преимущественно выраженъ въ изслѣдованіяхъ г. Погодина, то мы не можемъ здѣсь не обратить на нихъ вниманія. Въ послѣсловіи къ третьему тому своихъ Изслѣдованій г. Погодинъ говоритъ слѣдующее: «Варяги, въ продолженіи періода, разсмотрѣннаго нами (862—1054), были почти совершенно отдѣльнымъ племенемъ отъ Славянъ — они жили вмѣстѣ, но не сплавлялись, не составляли одного народа; это были двѣ рѣки, которыя пали одна въ другую, и еще не слили водъ своихъ. Варяги имѣютъ свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляютъ ее. Такъ я и разсматривалъ ихъ. Вліяніе Варяговъ на Славянъ было болѣе наружное: они образовали государство. Укажу для пояснительнаго сравненія на нынѣшнихъ Нѣмцевъ и Латышей съ Чудью въ остзейскихъ губерніяхъ. Славяне платили дань, работали и только, а впрочемъ жили по прежнему. Вліяніе Славянъ на Варяговъ было болѣе внутреннее, которое обнаружилось вполнѣ уже въ слѣдующемъ періодѣ. Тогда оба эти племени соединились въ одинъ народъ, т. е. Варяги сдѣлались Славянами, приняли ихъ языкъ, хотя и оставались ихъ правительствомъ. Тогда получаютъ они одну общую исторію.»

Варяги имѣютъ свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляютъ ее. Славяне платили дань, работали только, а впрочемъ

жили по прежнему: вотъ основная мысль г. Погодина! Начальная Русская исторія есть Исторія Варяговъ, по его мнѣнію; посмотримъ, вѣренъ ли этотъ взглядъ. Начальная Русская исторія открывается тѣмъ, что нѣсколько племенъ Славянскихъ и Финскихъ соединяются и призываютъ князя изъ Варяговъ, князь приходитъ съ дружиною, составленною изъ его соплеменниковъ. Кто соединился, кто положилъ основы государству, кто призвалъ правительственное начало? Славяне и Финны, или Варяги? чья же исторія начинается здѣсь? Самъ г. Погодинъ утверждаетъ, что Варяги явились у насъ съ характеромъ не завоевательнымъ, а служебнымъ, кому же они пришли служить? Князю племенъ Славянскихъ и Финскихъ, они пришли служить исторіи этихъ племенъ, участвовать только въ ней, а не составлять ее исключительно. Князь племенъ сѣверныхъ—Славянскихъ и Финскихъ движется на югъ, подчиняетъ себѣ, сосредоточиваетъ тамъ живущія племена; чьими же силами совершаетъ онъ это? Силами однихъ Варяговъ? Нѣтъ, силами всѣхъ сѣверныхъ племенъ; князь идетъ на Византію — съ одними Варягами? нѣтъ, со всѣми Славянскими племенами. Въ борьбахъ сѣверныхъ князей съ южными при Владимірѣ и Ярославѣ, сѣверныя племена даютъ торжество своимъ князьямъ надъ южными; Варяги участвуютъ въ этой борьбѣ какъ наемники только, такъ такъ съ другой стороны участвуютъ въ ней Печенѣги. Во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ— нужно ли перемѣнить вѣру, нужно ли измѣнить законъ, туземное народонаселеніе чрезъ своихъ старцевъ дѣйствуетъ наравнѣ съ дружиною; значитъ ли это, что Славяне только работали и платили дань? однимъ словомъ и въ событіяхъ внѣшнихъ, въ походахъ, завоеваніяхъ, и въ жизни внутренней, Славяне составляютъ свою исторію, Варяги являются въ ней только участниками, служебниками. Славяне только работали и платили дань, а впрочемъ жили по прежнему, говоритъ г. Погодинъ. Какъ! бытъ Славянскихъ племенъ не измѣнился нисколько послѣ призванія князя въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ? За чѣмъ же они призывали князя, какъ не за тѣмъ, чтобы выйти изъ прежняго быта въ новый. Вся перемѣна ограничилась тѣмъ, по словамъ г. Погодина, что прежде одни Славяне платили дань Варягамъ, а другіе Козарамъ, теперь же всѣ начали платить однимъ Варягамъ. Далѣе г. Погодинъ говоритъ, что слитіе Варяговъ съ Славянами произошло уже въ слѣдующемъ періодѣ. Но вопросъ состоитъ въ томъ, кому было сливаться, много ли было этихъ Варяговъ, которые величаются племенемъ и противополагаются племени Славянскому? Варяги находились въ дружинѣ княжеской, но самъ г. Погодинъ (III стр. 404) говоритъ, что первоначальная дружина, первые бояре, внуки Варяговъ, пришедшихъ съ Рюрикомъ, положили головы свои въ войнахъ Свято-

слава; Владиміръ привелъ съ сѣвера толпу наемныхъ Варяговъ, изъ которыхъ выбралъ только нѣсколько мужей, давши имъ держать пограничные острожки (такъ обыкновенно употребляли Варяговъ для пограничной стражи), остальныхъ выпроводилъ въ Грецію; но при князѣ должна была находиться дружина, которая противополагалась наемнымъ Варягамъ; изъ кого же набрана была эта новая дружина, эти знаменитые богатыри Владиміровы? Что эта новая дружина состояла преимущественно изъ туземцевъ, указываютъ имена богатырей, какъ они занесены въ лѣтопись, какъ сохранились въ пѣсняхъ и сказкахъ; при Ярославѣ видимъ двухъ главныхъ воеводъ — Вышату, имя славянское, Ивана Творимирича, у этого даже и отечество Славянское.

Отправившись отъ невѣрной мысли объ исключительной дѣятельности Варяговъ во все продолженіе первыхъ двухъ вѣковъ нашей Исторіи, г. Погодинъ естественно старается объяснить всѣ явленія изъ Норманскаго быта. Посылаетъ Рюрикъ мужей своихъ рубить города, чтобъ удобнѣе держать въ подчиненіи окружныя племена — это Норманскій обычай, какъ будто всѣ народы не поступали одинаково при подобныхъ обстоятельствахъ, Русскіе въ Сибири, Испанцы въ Америкѣ и проч. Сажаетъ князь вмѣсто себя мужей по городамъ — это ярлы Скандинавскіе, посаженные творить судъ и сбирать дань: какъ будто славянскіе князья не могли точно также распорядиться. Рюрику наслѣдуетъ сынъ или родственникъ — Скандинавскій обычай: въ Скандинавіи благородство уважалось очень много, какъ будто въ другихъ странахъ оно не уважалось, и какъ будто призвавшимъ племенамъ не необходима была наслѣдственность въ одномъ родѣ Рюрика для избѣжанія прежнихъ усобицъ? При желаніи видѣть вездѣ только однихъ Варяговъ, г. Погодину естественно не нравится частое упоминовеніе лѣтописца объ участіи Славянскихъ племенъ въ походахъ княжескихъ, и потому онъ, въ слѣдъ за Полевымъ, не хочетъ принимать словъ лѣтописца въ строгомъ смыслѣ; но спрашивается, что тутъ въ извѣстіи лѣтописца невѣроятнаго, не естественнаго для всякаго, кто будетъ смотрѣть прямо, безпристрастно на ходъ событій, безъ упорства видѣть вездѣ только однихъ Варяговъ? На какомъ основаніи можно осмѣлиться не принимать этихъ извѣстій лѣтописца въ строгомъ смыслѣ? Г. Погодинъ говоритъ, что нигдѣ болѣе въ древней лѣтописи нѣтъ слѣдовъ заключать, чтобъ туземцы, т. е. земледѣльцы употреблялись на войну: но мы въ текстѣ показали противное на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Пропустивъ безъ вниманія мѣсто Русской лѣтописи, гдѣ говорится о томъ, что войско Ярослава состояло и изъ смердовъ, г. Погодинъ не захотѣлъ умолчать о тождественномъ извѣстіи Скандинавскаго источника, Эймундовой Саги, гдѣ говорится, что

ъ Ярославу собралась ближняя рать изъ вольныхъ поселянъ; какъ же ъ? Г. Погодинъ не усумнился утвердить, что если у насъ были ные поселяне, то разумѣется Варяги-Русь, которые поселились у съ и заняли пустопорожнюю землю. Но откуда взято, что Варяги ились у насъ въ качествѣ земледѣльцевъ, и какъ предположить, бы не было свободнаго сельскаго народонаселенія у Славянъ? по- этого нужно предположить, что все народонаселеніе страны Иль- скихъ Славянъ сосредоточивалось въ одномъ Новгородѣ? Важное удненіе для г. Погодина представляло также то обстоятельство, Варяги-Скандинавы кланяются Славянскимъ божествамъ, и вотъ, бы быть послѣдовательнымъ, онъ дѣлаетъ Перуна, Волоса и дру- Славянскія божества — Скандинавскими. Благодаря той же послѣ- вательности Русская Правда является Скандинавскимъ закономъ, нравы и обычаи Русскіе объясняются нравами и обычаями Скан- навскими.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

1862.

(Печатано съ изданія 1856 года.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 19 Октября, 1861 года.

Ценсоръ *И. Безсомыкинъ.*

ГЛАВА I.

О КНЯЖЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ВООБЩЕ.

Завѣщаніе Ярослава I-го. Нераздѣльность рода. Значеніе старшаго въ родѣ или Великаго Князя. Права на старшинство. Потеря этихъ правъ. Отчина. Отношеніе волостнаго младшаго князя къ старшему.

По смерти Ярослава I-го осталось пять сыновей, да внукъ отъ старшаго сына его Владиміра; въ Полоцкѣ княжили потомки старшаго сына Владиміра Святаго, Изяслава; всѣ эти князья получаютъ извѣстныя волости, размножаются; отношенія ихъ другъ къ другу являются на первомъ мѣстѣ въ разсказѣ лѣтописца; какого же рода были эти отношенія?

Въ западной Латино-Германской Европѣ господствовали въ это время феодальныя отношенія; права и обязанности феодальныхъ владѣльцевъ относительно главнаго владѣльца въ странѣ, намъ извѣстны; въ другихъ Славянскихъ странахъ между старшими князьями и меньшими господствуютъ тѣже самыя отношенія, какія и у насъ на Руси; но ни у насъ, ни въ другихъ Славянскихъ земляхъ не осталось памятника, въ которомъ бы изложены были всѣ права и обязанности князей между собою и къ главному князю; намъ остается одно средство узнать что-нибудь о междукняжескихъ отношеніяхъ: искать въ лѣтописяхъ — нѣтъ ли тамъ какихъ-нибудь указаній на эти права и обязанности князей, послушать, не скажутъ ли намъ чего-нибудь сами князья о тѣхъ правахъ, которыми они руководились во взаимныхъ отношеніяхъ.

Общимъ родоначальникомъ почти всѣхъ княжескихъ племенъ (линій) былъ Ярославъ I-й, которому приписываютъ пер-

вый письменный уставъ гражданскій, такъ называемую Русскую правду; посмотримъ, не далъ ли онъ какого-нибудь устава и дѣтямъ своимъ, какъ вести себя относительно другъ друга? Къ счастію лѣтописецъ исполняетъ наше желаніе, у него находимъ предсмертныя слова, завѣщаніе Ярослава своимъ сыновьямъ. По словамъ лѣтописца, Ярославъ передъ смертію сказалъ имъ слѣдующее: «Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои! любите другъ друга, потому что вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами, онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, слушаясь другъ друга; свой столъ—Кіевъ поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу: слушайтесь его, какъ меня слушались, пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня.—Раздавши остальныя волости другимъ сыновьямъ, онъ наказалъ имъ не выступать изъ предѣловъ этихъ волостей, не выгонять изъ нихъ другъ друга, и обратясь къ старшему сыну, Изяславу, прибавилъ: «Если кто захочетъ обидѣть брата, то ты помогай обиженному.»

Вотъ всѣ наставленія, всѣ права и обязанности! Князья должны любить другъ друга, слушаться другъ друга, слушаться старшаго брата, какъ отца; ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ Государя всей страны; выставляются на видъ одна связь родственная, одни обязанности родственныя; о государственной связи, государственной подчиненности нѣтъ помину. Любите другъ друга и не ссорьтесь, говоритъ Ярославъ сыновьямъ, потому что вы дѣти одного отца и одной матери; но когда князья не будутъ больше дѣтьми одного отца и одной матери, когда они будутъ двоюродные, троюродные, четвероюродные и т. д. братья, то по какимъ побужденіямъ будутъ они любить другъ друга и не ссориться? Когда связь кровная, родственная ослабѣетъ, исчезнетъ, то чѣмъ замѣнится она? Замѣны нѣтъ, но за то родовая связь крѣпка: не забудемъ, что Ярославичи владѣютъ среди тѣхъ племенъ, которыя такъ долго жили подъ формами родоваго

быта, такъ недавно стали освобождаться отъ этихъ формъ. Пройдетъ вѣкъ, полтора вѣка, князья размножатся, племена (линіи) ихъ разойдутся, и, не смотря на то, всѣ они будутъ называть себя братьями, безъ различія степеней родства; въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о княжескихъ отношеніяхъ мы не встрѣтимъ названій: двоюродный или троюродный братъ, Русскій языкъ до сихъ поръ не выработалъ особыхъ названій для этихъ степеней родства, какъ выработали языки другихъ народовъ. Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ, слѣдовательно каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ родъ князей Русскихъ, не смотря на все свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью — отца съ дѣтьми, внуками, и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописца, изъ словъ самихъ князей, какъ они у него записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей[1], имѣлъ право судить и наказывать младшихъ[2], раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ замужъ[3]. Младшіе князья обязаны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду[4], и ходить въ его послушаньи, являться къ нему по первому зову[5], выступать въ походъ когда велитъ[6]. Для обозначенія отношеній младшихъ князей къ старшему употреблялись слѣдующія выраженія: младшій ѣздилъ подлѣ стремени старшаго[7], имѣлъ его господиномъ, былъ въ его волѣ[8], смотрѣлъ на него[8].

Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава: младшій долженъ былъ имѣть старшаго отцемъ въ правду, слушаться его какъ отца, старшій обязанъ былъ любить младшаго какъ сына, имѣть весь родъ какъ душу свою[10]; всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовію съ обѣихъ сторонъ, родственною любовію между

четвероюродными напримѣръ! Но какъ скоро это условіе исчезало, то вмѣстѣ рушилась всякая связь, всякая подчиненность, потому что никакого другаго отношенія, кромѣ родоваго, не было; младшіе слушались старшаго до тѣхъ поръ, пока имъ казалось, что онъ поступаетъ съ ними какъ отецъ; если же замѣчали противное, то вооружались: «Ты намъ братъ старшій, говорили они тогда:—но если ты насъ обижаешь, не даешь волостей, то мы сами будемъ искать ихъ [11]»; или говорили: «онъ всѣхъ насъ старше, но съ нами не умѣетъ жить [12].» Однажды старшій князь, раздраженный непослушаніемъ младшихъ, приказалъ имъ выѣхать изъ волостей, отъ него полученныхъ; тѣ послали сказать ему: «Ты насъ гонишь изъ Русской земли безъ нашей вины... Мы до сихъ поръ чтили тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, но какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣми [13]», — и прибѣгаютъ къ суду Божію, т. е. къ войнѣ, къ открытому сопротивленію. Въ этихъ словахъ выразилось ясно сознаніе тѣхъ отношеній, какихъ наши древніе князья хотѣли между собою и своимъ старшимъ, потому что здѣсь они противополагаютъ эти отношенія другимъ, какихъ они не хотятъ: обращайся съ нами, какъ отецъ съ дѣтьми, а не какъ верховный владѣтель съ владѣтелями подчиненными себѣ, съ подручниками; — здѣсь прямо и ясно родовыя отношенія противополагаются государственнымъ. Такъ высказывали сами князья сознаніе своихъ взаимныхъ отношеній; теперь посмотримъ, какъ выражалось понятіе о княжескихъ отношеніяхъ въ остальномъ народонаселеніи, какъ выражалъ его лѣтописецъ, представитель своихъ грамотныхъ современниковъ: однажды младшій князь не послушался старшаго, завелъ съ нимъ вражду; лѣтописецъ, осуждая младшаго, говоритъ, что онъ не исполнилъ своихъ обязанностей; но какъ же понимаетъ онъ эти обязанности: «дурно поступилъ этотъ князь, говоритъ онъ, поднявши вражду противъ дяди своего, и потомъ противъ тестя своего [14]». Въ глазахъ лѣтописца князь дурно поступилъ, потому что нарушилъ родственныя обязанности относительно дяди и тестя, — и только.

Въ случаяхъ, когда выгоды младшихъ не затрогивались, то они обходились очень почтительно съ старшимъ; если старшій

спрашивалъ совѣту младшаго, то послѣдній считалъ это для себя большою честію, и говорилъ: «Брате! ты меня старѣе: какъ рѣшишь, такъ пусть и будетъ, я готовъ исполнять твою волю; если же ты даешь мнѣ честь, спрашиваешь моего мнѣнія, то вотъ я какъ думаю [14], и проч. Но другое дѣло, когда затрогивались выгоды младшихъ князей, еслибъ старшій вздумалъ сказать: вы назвали меня отцемъ и я, какъ отецъ, имѣю право наказывать васъ,—то, разумѣется, младшій отвѣчалъ бы ему: развѣ хорошій отецъ наказываетъ безъ вины дѣтей своихъ? объяви вину, и тогда накажи. Такъ, узнавши объ ослѣпленіи Василька, Мономахъ и Святославичи послали сказать Святополку, своему старшему: «зачѣмъ ты ослѣпилъ своего брата? еслибъ даже онъ былъ виноватъ, то и тогда ты долженъ былъ обличить его передъ нами и, доказавъ вину, наказать его» [15]. Старшій раздавалъ волости младшимъ; когда онъ былъ дѣйствительно отецъ, то распоряжался этою раздачею по произволу, распоряжался при жизни, завѣщавалъ, чтобъ и по смерти его было такъ, а не иначе; но когда старшій былъ только отецъ названный, то онъ не могъ распоряжаться по произволу, потому что при малѣйшей обидѣ младшій считалъ себя въ правѣ вооруженною рукою доставить себѣ должное; вообще старшій не предпринималъ ничего безъ совѣта съ младшими, по крайней мѣрѣ съ ближайшими къ себѣ по старшинству; этимъ объясняются множественныя формы въ лѣтописи: посадили, выгнали и проч., которыми означаются распоряженія старшаго рода; обыкновенно старшій князь, по занятіи главнаго стола, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею касательно распредѣленія волостей [17]. Князья собирались также думать вмѣстѣ о земскихъ уставахъ [18], опредѣляли извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться въ своемъ поведеніи [19]. Послѣ, когда права разныхъ князей на старшинство запутались, то иногда князья условливались: если кто-нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то долженъ отдать другому какую-нибудь волость [20].

Единство княжескаго рода поддерживалось тѣмъ, что каждый членъ этого рода, въ свою очередь, надѣялся достигнуть старшинства и соединеннаго съ старшинствомъ владѣнія главнымъ столомъ Кіевскимъ. Основаніемъ старшинства было старшин-

ство физическое, при чемъ дядя имѣлъ преимущество предъ племянниками, старшій братъ предъ младшими, тесть передъ зятемъ, мужъ старшей сестры передъ младшими шурьями, старшій шуринъ предъ младшими зятьями [21]; и хотя во время господства родовыхъ отношеній между князьями, встрѣчаемъ борьбу племянниковъ отъ старшаго брата съ младшими дядьми, однако племянники при этомъ никогда не смѣли выставлять своихъ родовыхъ правъ, и притязанія ихъ, основывавшіяся на случайныхъ обстоятельствахъ, должны были, исключая только одного случая, уступать правамъ дядей самыхъ младшихъ. Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣлыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родоваго старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотрѣть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему? Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ; онъ становился отцемъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было болѣе дѣда, старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ: и точно дядья называютъ ихъ братьями; но другіе ихъ двоюродные братья оставались по прежнему внуками малолѣтными (внукъ–унукъ, юнукъ, малолѣтный по преимуществу), потому что надъ ними по прежнему стояли двѣ степени: старшій дядя считался отцемъ ихъ отцамъ, слѣдовательно для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда; умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцемъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственныя дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтныхъ въ совершеннолѣтніе, и такимъ образомъ, мало по малу, всѣ молодые князья чрезъ старшинство своихъ отцовъ, достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ для своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, несовершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда теперь понятно, почему сынъ не могъ

достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству; они говорили: «какъ прадѣды наши лѣствицею восходили на великое княженіе Кіевское, такъ и намъ должно достигать его лѣствичнымъ восхожденіемъ [21]». Но когда въ этой лѣстницѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ изгоевъ [22].

Каждый членъ рода княжескаго, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ достигать старшинства, получать старшій столъ Кіевскій, который такимъ образомъ находился въ общемъ родовомъ владѣніи; но другія волости оставались ли постоянно въ наслѣдственномъ владѣніи извѣстныхъ племенъ княжескихъ, или, соотвѣтствуя различнымъ степенямъ старшинства, переходили къ князьямъ различныхъ племенъ, при ихъ движеніи къ старшинству лѣствичнымъ восхожденіемъ? Для рѣшенія этого вопроса посмотримъ, какъ поступали князья въ началѣ, когда различныя случайныя обстоятельства не нарушали еще чистоты ихъ отношеній. Когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей, и движенія князей изъ одной волости въ другую по старшинству, лѣствичнымъ восхожденіемъ; потомъ, когда Святославъ Ярославичь по изгнаніи брата получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ Кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ. Извѣстная волость могла сдѣлаться наслѣдственнымъ достояніемъ какой-нибудь одной княжеской линіи только въ томъ случаѣ, когда князь, по вышеизложеннымъ причинамъ, терялъ возможность двигаться къ старшинству лѣствичнымъ восхожденіемъ: тогда, получивъ отъ родичей какую-нибудь волость, онъ и потомство его принуждены были навсегда ею ограничиться, потому что переходъ изъ одной волости въ другую условливался возможностію движенія къ старшинству, несуществовавшею для изгоевъ; такъ образовались особыя волости Полоцкая, Галицкая, Рязанская, послѣ Туровская; линія втора-

го Ярославича, Святослава, известная больше подъ племеннымъ названіемъ Ольговичей, также вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, подверглась было тяжкой для князей участи изгойства, и по этому самому Черниговская волость принимала было характеръ особнаго, выдѣленнаго княжества, но Ольговичамъ удалось наконецъ принудить Мономаховичей признать свои права на старшинство, и необходимымъ слѣдствіемъ этого признанія было возстановленіе родовой общности приднѣпровскихъ волостей для обѣихъ линій: Ольговичь сѣлъ въ Кіевѣ, а Мономаховичь на его мѣсто въ Черниговѣ.

Не смотря на то однако, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи слово: отчина: князья, неисключенные изъ старшинства, употребляютъ это слово для означенія отдѣльныхъ волостей: въ какомъ же смыслѣ они употребляютъ его? Въ настоящемъ ли его смыслѣ, какъ наслѣдственнаго владѣнія, или въ другомъ какомъ-либо? Въ 1097 году князья, внуки Ярославовы собрались вмѣстѣ и рѣшили, чтобъ каждый изъ нихъ держалъ свою отчину: Святополкъ волость отца своего Изяслава — Кіевъ, Владиміръ Мономахъ отцовскую волость Переяславль, Святославичи — Черниговъ: но мы никакъ не поймемъ этого распоряженія, если станемъ принимать слово отчина въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія для одной линіи, потому что Кіевъ былъ столько же отчиною Святополка, сколько и отчиною всѣхъ остальныхъ князей: и Всеволодъ и Святославъ княжили въ немъ; но если здѣсь Кіевъ называется отчиною Святополка не въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія исключительно для него и для потомства его, то не имѣемъ никакого права и Переяславль и Черниговъ считать отчинами Мономаха и Святославичей въ другомъ смыслѣ. Еще примѣръ на восточной сторонѣ Днѣпра: въ 1151 году Ольговичи—дядя Святославъ Ольговичь и племянникъ Святославъ Всеволодовичь говорятъ Изяславу Давыдовичу: «У насъ двѣ отчины, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда; ты, братъ, Давыдовичь, а я Ольговичь: такъ ты, братъ, возьми отца своего Давыдово, а что Ольгово, то намъ дай, мы тѣмъ и подѣлимся»,—вслѣдствіе чего, Давыдовичь остался въ Черниговѣ, а Ольговичамъ отдалъ Сѣверскую область. Но для Святослава Всеволодовича Черниговъ былъ точно также отчиною, какъ и для Давыдовича; потому что отецъ его, Всеволодъ Оль-

говичь княжилъ въ Черниговѣ, и когда Давыдовичь получилъ Кіевъ, то Черниговъ, отчину свою, уступилъ Святославу Ольговичу. И такъ, что же такое разумѣлось подъ отчиною? Отчиною для князя была та волость, которою владѣлъ отецъ его и владѣть которою онъ имѣетъ право, если на родовой лѣствицѣ занимаетъ ту же степень, какую занималъ отецъ его, владѣя означенною волостью, потому что владѣніе волостями условливалось степенью на родовой лѣствицѣ, родовыми счетами.

Теперь остается вопросъ: въ какомъ отношеніи находились волости младшихъ князей къ старшему? Мы видѣли, что отношенія между старшимъ и младшими были родовыя, младшіе князья хотѣли быть названными сыновьями и нисколько не подручниками старшаго, а такое воззрѣніе должно было опредѣлять и отношенія ихъ къ послѣднему по волостямъ: не допуская подручничества, они никакъ не могли допустить дани, какъ самаго явственнаго знака его, не могли допустить никакого государственнаго подчиненія своихъ областей старшему въ родѣ князю; послѣдній по этому не могъ имѣть значенія главы государства, верховнаго владыки страны, князя всея Руси, который выдѣлялъ участки земли подчиненнымъ владѣльцамъ во временное или наслѣдственное управленіе. Волости находятся въ совершенной независимости одна отъ другой и отъ Кіева, являются отдѣльными землями, и въ то же время составляютъ одно нераздѣльное цѣлое вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, вслѣдствіе того, что князья считаютъ всю землю своею отчиною, нераздѣльнымъ владѣніемъ цѣлаго рода своего [24].

ГЛАВА II.

СОБЫТІЯ ПРИ ЖИЗНИ СЫНОВЕЙ ЯРОСЛАВА I-ГО.

(1054—1093).

Линія Рюрикова рода, Изяславичи и Ярославичи. Распоряженія послѣднихъ на счетъ своихъ волостей. Движенія Ростислава Владиміровича и гибель его. Движенія Всеслава Полоцкаго и плѣнъ его. Нашествіе Половцевъ. Пораженіе Ярославичей. Возстаніе Кіевлянъ и бѣгство В. Князя Изяслава изъ Кіева. Возвращеніе его и вторичное изгнаніе. Вторичное возвращеніе Изяслава и смерть его въ битвѣ противъ обдѣленныхъ племянниковъ. Характеръ первыхъ усобицъ. Княженіе Всеволода Ярославича въ Кіевѣ. Новыя движенія обдѣленныхъ князей. Усобицы на Волыни. Борьба съ Всеславомъ Полоцкимъ. Смерть В. Князя Всеволода Ярославича. Печальное состояніе Руси. Борьба съ Половцами, Торками, Финскими и Литовскими племенами, Болгарами, Поляками. Дружина Ярославичей.

По смерти Ярослава I-го [25] княженіе цѣлымъ родомъ на долго утвердилось въ Руси; въ это время области, занятыя первыми Варяго-Русскими Князьями, раздѣлялись между двумя линіями, или **племенами** Рюрикова рода: первую линію составляло потомство Изяслава, старшаго сына Св. Владиміра. Мы видѣли, что этому Изяславу отецъ отдалъ Полоцкое княжество, волость дѣда его по матери Рогволода. Изяславъ умеръ при жизни отца, не будучи старшимъ въ родѣ, или В. княземъ, слѣдовательно потомство его не могло двигаться къ старшинству, мѣнять волость, и потому должно было ограничиться одною Полоцкою волостью, которая утверждена за нимъ при Ярославѣ. Вторую линію составляло потомство Ярослава Владиміровича, которое и начало владѣть всѣми остальными Русскими областями. По смерти Ярослава осталось пять сыновей: старшій изъ нихъ,

Изяславъ сталъ къ прочимъ братьямъ въ отца мѣсто; младшіе братья были: Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь; у нихъ былъ еще племянникъ Ростиславъ, сынъ старшаго Ярославича, Владиміра; этотъ Ростиславъ, также вслѣдствіе преждевременной смерти отца, не могъ надѣяться получить старшинство; онъ самъ и потомство его должны были ограничиться одною какою-нибудь волостью, которую дастъ имъ судьба или старшіе родичи. Ярославичи распорядились такъ своими родовыми волостями: четверо старшихъ помѣстились въ области Днѣпровской; трое на югѣ: Изяславъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Переяславлѣ; четвертый, Вячеславъ поставилъ свой столъ въ Смоленскѣ, пятый, Игорь во Владимірѣ Волынскомъ [27]. Что касается до отдаленнѣйшихъ отъ Днѣпра областей на сѣверѣ и востокѣ, то видимъ, что окончательно Новгородъ сталъ въ зависимости отъ Кіева; вся область на востокъ отъ Днѣпра, включительно до Мурома съ одной стороны и Тмутаракани съ другой, стала въ зависимости отъ князей Черниговскихъ; Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволжье отъ князей Переяславскихъ [28]. Мы сказали окончательно, потому что Бѣлоозеро напр. принадлежало одно время Святославу [29]; Ростовъ также не вдругъ достался Всеволоду Переяславскому: Ярославичи отдали его сперва племяннику своему, Ростиславу Владиміровичу.—Такъ владѣло Русскими областями Ярославово потомство. Но еще былъ живъ одинъ изъ сыновей Св. Владиміра, Судиславъ, 22 года томившійся въ темницѣ [30], куда былъ посаженъ братомъ Ярославомъ. Племянники въ 1058 году освободили забытаго, какъ видно, бездѣтнаго и потому неопаснаго старика, взявши однако съ него клятву не затѣвать ничего для нихъ предосудительнаго. Судиславъ воспользовался свободою для того только, чтобъ постричься въ монахи, послѣ чего скоро и умеръ, въ 1063 году.

Ярославъ, завѣщавая сыновьямъ братскую любовь, долженъ былъ хорошо помнить поступки брата своего Святополка, и какъ будто приписывалъ вражду между Владиміровичами тому, что они были отъ разныхъ матерей: послѣднее обстоятельство заставило Владиміра предпочитать младшихъ сыновей, а это предпочтеніе и повело къ ненависти и братоубійству. Ярославичи были всѣ отъ одной матери; Ярославъ не далъ предпочтенія лю-

бимцу своему, третьему сыну Всеволоду, увѣщавалъ его дожидаться своей очереди, когда Богъ дастъ ему получить старшій столъ послѣ братьевъ, правдою, а не насиліемъ [31],—и точно у братьевъ долго не было повода къ ссорѣ. Въ 1056 году умеръ Вячеславъ: братья перевели на его мѣсто въ Смоленскъ Игоря изъ Владимира; а во Владимиръ перевели изъ Ростова племянника Ростислава Владиміровича [32]. Въ 1059 году умеръ въ Смоленскѣ Игорь Ярославичь; какъ распорядились братья его столомъ — не извѣстно; извѣстно только то, что не былъ доволенъ ихъ распоряженіями племянникъ ихъ изгой, Ростиславъ Владиміровичь. Безъ надежды получить когда-либо старшинство, Ростиславъ, быть можетъ, тяготился всегдашнею зависимостію отъ дядей; онъ былъ добръ на рати, говоритъ лѣтописецъ; его манила Тмутаракань, то застепное приволье, гдѣ толпились остатки разноплеменныхъ народовъ, изъ которыхъ храброму вождю всегда можно было набрать себѣ храбрую дружину, гдѣ княжилъ знаменитый Мстиславъ, откуда съ воинственными толпами прикавказскихъ народовъ приходилъ онъ на Русь и заставилъ старшаго брата подѣлиться половиною отцовскаго наслѣдства. Заманчива была такая судьба для храбраго Ростислава, изгоя, который только оружіемъ могъ достать себѣ хорошую волость, и нигдѣ кромѣ Тмутаракани не могъ онъ добыть нужныхъ для того средствъ. По смерти Вячеслава, Ярославичи перевели Игоря въ Смоленскъ, а на его мѣсто во Владимиръ Волынскій перевели племянника Ростислава; но теперь Игорь умеръ въ Смоленскѣ; Ростиславъ могъ надѣяться, что дядья переведутъ его туда, но этого не послѣдовало; Ростиславъ могъ оскорбиться. Какъ-бы то ни было, въ 1064 году онъ убѣжалъ въ Тмутаракань, и не одинъ: съ нимъ бѣжали двое родовитыхъ, извѣстныхъ людей — Порѣй и Вышата, сынъ Остромира, посадника Новгородскаго: Изяславъ, оставляя Новгородъ, посадилъ здѣсь вмѣсто себя этого Остромира [33]. Порѣй и Вышата были самыя извѣстныя лица; но, какъ видно, около Ростислава собралось не малое число искателей счастія, или недовольныхъ; онъ имѣлъ возможность, пришедши въ Тмутаракань, изгнать оттуда двоюроднаго брата своего, Глѣба Святославича, и сѣсть на его мѣсто. Отецъ Глѣба, Святославъ пошелъ на Ростислава; тотъ не хотѣлъ поднять рукъ на дядю, и вышелъ изъ города, куда Святославъ ввелъ опять сына свое-

го; но какъ скоро дѣда ушелъ домой, Ростиславъ вторично выгналъ Глѣба, и на этотъ разъ утвердился въ Тмутаракани. Онъ сталъ ходить на сосѣдніе народы, Касоговъ и другихъ, и брать съ нихъ дань. Греки испугались такого сосѣда, и подослали къ нему Корсунскаго начальника (котопана). Ростиславъ принялъ котопана безъ всякаго подозрѣнія и честилъ его, какъ мужа знатнаго и посла. Однажды Ростиславъ пировалъ съ дружиною; котопанъ былъ тутъ, и, взявши чашу, сказалъ Ростиславу: «князь! хочу пить за твое здоровье;» тотъ отвѣчалъ: «пей.» Котопанъ выпилъ половину, другую подалъ князю, но прежде дотронулся до края чаши, и выпустилъ въ нее ядъ, скрытый подъ ногтемъ: по его расчету князь долженъ былъ умереть отъ этого яда въ осьмой день. Послѣ пира котопанъ отправился назадъ въ Корсунь, и объявилъ, что въ такой-то день Ростиславъ умретъ, что и случилось: лѣтописецъ прибавляетъ, что этого котопана корсунцы побили камнями [34]. Ростиславъ, по свидѣтельству того же лѣтописца, былъ добръ на рати, высокъ ростомъ, красивъ лицемъ и милостивъ къ убогимъ [35]. Мѣсто его въ Тмутаракани занялъ опять Глѣбъ Святославичь.

Греки и Русскіе князья избавились отъ храбраго изгоя; но когда нечего было бояться съ юго-востока, встала рать съ сѣверо-запада: тамъ поднялся также потомокъ изгоя, Всеславъ, князь Полоцкій, немилостивый на кровопролитье, о которомъ шла молва, что рожденъ былъ отъ волхвованья. Еще при жизни Ростислава, быть можетъ, пользуясь тѣмъ, что вниманіе дядей было обращено на югъ, Всеславъ началъ враждебныя дѣйствія: въ 1065 году осаждалъ безуспѣшно Псковъ; въ 1066 году, по примѣру отца, подступилъ подъ Новгородъ, полонилъ жителей, снялъ и колокола у св. Софіи: «велика была бѣда въ тотъ часъ!» прибавляетъ лѣтописецъ: «и паникадила снялъ [36]!» Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрали войско и пошли на Всеслава, въ страшные холода. Они пришли къ Минску, жители котораго затворились въ крѣпости: братья взяли Минскъ, мужчинъ изрубили, женъ и дѣтей отдали на щитъ (въ плѣнъ) ратникамъ, и пошли къ рѣкѣ Нѣмизѣ [37], гдѣ встрѣтили Всеслава въ началѣ Марта [38]; не смотря на сильный снѣгъ, произошла злая сѣча, въ которой много пало народу; наконецъ

Ярославичи одолѣли, и Всеславъ бѣжалъ. Лѣтомъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, Изяславъ Святославъ и Всеволодъ послали звать Всеслава къ себѣ на переговоры, поцѣловавши крестъ, что не сдѣлаютъ ему зла; Всеславъ повѣрилъ, переѣхалъ Днѣпръ, вошелъ въ шатеръ Изяслава—и былъ схваченъ, Изяславъ привелъ его въ Кіевъ и посадилъ въ заключеніе вмѣстѣ съ двумя сыновьями [39].

Казалось, что Ярославичи, избавившись отъ Ростислава и Всеслава, на долго останутся теперь спокойны; но вышло иначе. На небѣ явилась кровавая звѣзда, предвѣщавшая кровопролитіе, солнце стало, какъ мѣсяцъ, изъ рѣки Сѣтомли выволокли рыбаки страшнаго урода: не къ добру все это, говорилъ народъ, и вотъ пришли иноплеменники. Въ степяхъ къ востоку отъ Днѣпра произошло въ это время обычное явленіе: господство одной кочевой орды смѣнилось господствомъ другой: Узы, Куманы или Половцы [40], народъ Татарскаго происхожденія и языка [41], заняли мѣсто Печенѣговъ, поразивши послѣднихъ. Въ первый годъ по смерти Ярослава Половцы съ ханомъ своимъ Болушемъ показались въ предѣлахъ Переяславскаго княжества; но на первый разъ заключили миръ со Всеволодомъ и ушли назадъ въ степи. Ярославичи, безопасные пока съ этой стороны, и незанятые еще усобицами, хотѣли нанести окончательное пораженіе пограничнымъ варварамъ, носившимъ названіе Торковъ; до смерти Ярослава I-го лѣтописецъ не упоминалъ о непріязненныхъ столкновеніяхъ нашихъ князей съ ними; разъ только мы видѣли наемную конницу ихъ въ походѣ Владиміра на Болгаръ. Но въ 1059 году Всеволодъ уже ходилъ на Торковъ и побѣдилъ ихъ [42]; потомъ въ 1060 году трое Ярославичей, вмѣстѣ съ Всеславомъ Полоцкимъ, собрали, по выраженію лѣтописца, войско безчисленное, и пошли на коняхъ и въ лодьяхъ на Торковъ. Торки, услыхавши объ этомъ, испугались и ушли въ степь; князья погнались за бѣглецами, многихъ побили, другихъ плѣнили, привели въ Русь и посадили по городамъ; остальные погибли въ степяхъ отъ сильной стужи, голода и мора [43]. Но степи скоро выслали мстителей за Торковъ. Въ слѣдующій же годъ пришли Половцы воевать на Русскую землю; Всеволодъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, Половцы побѣдили его, повоевали землю и ушли. То было первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ враговъ говоритъ лѣтописецъ. Въ 1068 году опять множество Половцевъ пришло на Русскую землю:

въ этотъ разъ всѣ три Ярославича вышли къ нимъ на встрѣчу, на рѣку Альту, потерпѣли пораженіе и побѣжали — Изяславъ и Всеволодъ въ Кіевъ, Святославъ въ Черниговъ. Кіевляне, возвратившись въ свой городъ, собрали (15-го сентября) вѣче на торгу, и послали сказать князю: «Половцы разсѣялись по землѣ: дай намъ, князь, оружіе и коней, хотимъ еще биться съ ними.» Изяславъ не послушался; тогда народъ всталъ противъ тысяцкаго Коснячка: воевода городскихъ и сельскихъ полковъ, онъ не умѣлъ дать имъ побѣды; теперь не принимаетъ ихъ стороны, не хочетъ идти съ ними на битву, отговариваетъ князя дать имъ оружіе и коней [44]. Толпа отправилась съ вѣча на гору, пришла на дворъ Коснячковъ, но не нашла тысяцкаго дома; отсюда пошли ко двору Брячиславову [45], остановились здѣсь подумать, сказали: «пойдемъ, высадимъ своихъ [46] изъ тюрьмы,» и пошли, раздѣлившись на двое: половина отправилась къ тюрьмѣ, а другая по мосту ко двору княжескому. Изяславъ сидѣлъ на сѣняхъ съ дружиною, когда толпа народу подошла и начала споръ съ княземъ; народъ стоялъ внизу, а Изяславъ разговаривалъ съ нимъ изъ окна. Какъ видно слышались уже голоса, что надобно искать себѣ другаго князя, который бы повелъ народъ биться съ Половцами, потому что одинъ изъ бояръ-Туки, братъ Чудиновъ, сказалъ Изяславу: «видишь, князь, люди взвыли: пошли-ка, чтобъ покрѣпче стерегли Всеслава.» Въ это время другая половина народа, отворивши тюрьму, пришла также ко двору княжескому; тогда дружина начала говорить: «худо, князь! пошли къ Всеславу, чтобъ подозвали его обманомъ къ окошку, и закололи.» Изяславъ на это не согласился, — и чего боялась дружина, то исполнилось: народъ съ крикомъ двинулся къ Всеславовой тюрьмѣ. Изяславъ, увидавъ это, побѣжалъ съ братомъ Всеволодомъ съ своего двора; а народъ, выведши Всеслава изъ тюрьмы, поставилъ его середи двора княжескаго, т. е. провозгласилъ княземъ, при чемъ имѣніе Изяслава все пограбили, взяли безчисленное [47] множество золота и серебра. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу.

Между тѣмъ Половцы опустошали Русь, дошли и до Чернигова; Святославъ собралъ нѣсколько войска и выступилъ на нихъ къ Сновску [48]; Половцевъ было очень много; но Святославъ не оробѣлъ, выстроилъ полки и сказалъ имъ: «Пойдемте

въ битву! намъ некуда больше дѣться». Черниговцы ударили, и Святославъ одолѣлъ, хотя у него было только три тысячи, а у Половцевъ 12,000; одни изъ нихъ были побиты, другіе потонули въ рѣкѣ Сновѣ, а князя ихъ Русскіе взяли руками.

Уже семь мѣсяцевъ сидѣлъ Всеславъ въ Кіевѣ, когда весною 1069 года явился Изяславъ вмѣстѣ съ Болеславомъ, королемъ Польскимъ, въ Русскихъ предѣлахъ. Всеславъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу; но изъ Бѣлгорода ночью, тайкомъ отъ Кіевлянъ, бѣжалъ въ Полоцкъ, вѣроятно, боясь стать между двухъ огней, потому что остальные Ярославичи не могли ему благопріятствовать въ борьбѣ съ Изяславомъ. Такъ этому чародѣю удалось только дотронуться копьемъ до золотаго стола Кіевскаго, и обернувшись волкомъ, побѣжалъ онъ ночью изъ Бѣлгорода, закутанный въ синюю мглу [1]. Кіевляне, оставшись безъ князя, возвратились въ свой городъ, собрали вѣче, и послали сказать Святославу и Всеволоду [50] Ярославичамъ: «Мы дурно сдѣлали, что прогнали своего князя, а вотъ онъ теперь ведетъ на насъ Польскую землю; ступайте въ городъ отца вашего! если же не хотите, то намъ нечего больше дѣлать: зажжемъ городъ и уйдемъ въ Греческую землю». Святославъ отвѣчалъ имъ: «Мы пошлемъ къ брату: если пойдетъ съ Ляхами губить васъ, то мы пойдемъ противъ него ратью, не дадимъ изгубить отцовскаго города; если же хочетъ придти съ миромъ, то пусть приходитъ съ малою дружиною». Кіевляне утѣшились; а Святославъ и Всеволодъ послали сказать Изяславу: «Всеславъ бѣжалъ: такъ не води Ляховъ къ Кіеву, противника у тебя нѣтъ; если же не перестанешь сердиться и захочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола». Выслушавши рѣчи братьевъ, Изяславъ повелъ съ собою только Болеслава да не большой отрядъ Поляковъ, а впередъ послалъ въ Кіевъ сына своего Мстислава. Мстиславъ, вошедши въ городъ, велѣлъ избить тѣхъ, которые освободили Всеслава, всего семдесятъ человѣкъ, другихъ ослѣпить, нѣкоторые при этомъ погибли невинно. Когда самъ Изяславъ приближался къ городу, то Кіевляне встрѣтили его съ поклономъ, и опять сѣлъ онъ на своемъ столѣ (2 Мая). Поляки Болеслава II-го подверглись такой же участи, какъ и предки ихъ, приходившіе въ Русь съ Болеславомъ I-мъ: ихъ распустили на покормъ по волостямъ, гдѣ жители начали тайно

губилъ ихъ; вслѣдствіе чего Всеславъ возвратился въ свою землю[51]. Съ извѣстіемъ о возвращеніи Изяслава, лѣтописецъ, повидимому, связываетъ извѣстіе о томъ, что этотъ князь перевелъ торгъ съ Подола на гору[52].

Казнивши тѣхъ Кіевлянъ, которые вывели изъ тюрьмы Всеслава, Изяславъ не медлилъ вооружиться противъ послѣдняго: выгналъ его изъ Полоцка, посадилъ тамъ сына своего Мстислава, а когда этотъ умеръ, то послалъ на его мѣсто другаго сына Святополка. Всеславъ, сказано въ лѣтописи, бѣжалъ, но не прибавлено, куда; впрочемъ это объясняется изъ слѣдующаго извѣстія, что Всеславъ въ 1069 году явился передъ Новгородомъ, съ людьми Финскаго племени Води или Вожанъ[53], среди которыхъ слѣдовательно нашелъ убѣжище и помощь[54]. Въ это время въ Новгородѣ княжилъ Глѣбъ, сынъ Святослава Черниговскаго, котораго мы видѣли въ Тмутаракани. Новгородцы поставили противъ Вожанъ полкъ, и Богъ пособилъ Новгородцамъ: они задали Вожанамъ страшную сѣчу, послѣднихъ пало множество, а самого князя Всеслава Новгородцы отпустили ради Бога[55]. И послѣ этого пораженія Всеславъ не отказался отъ борьбы; къ храброму князю Полоцкому стекались богатыри; онъ успѣлъ набрать дружину, выгналъ Святополка изъ Полоцка, и хотя былъ побѣжденъ другимъ Изяславичемъ у Голотичьска[56], однако, какъ видно, успѣлъ удержаться на отцовскомъ столѣ. Изяславъ завелъ съ нимъ переговоры — о чемъ, неизвѣстно; извѣстно только то, что эти переговоры послужили поводомъ ко вторичному изгнанію Изяслава, теперь уже родными братьями. Это вторичное изгнаніе необходимо имѣетъ связь съ первымъ: Изяславъ возвратился въ Кіевъ подъ условіями, которыя предписали ему братья; въ городѣ не могли любить Изяслава, и въ тоже время не могли не питать расположенія къ Святославу, который сдерживалъ гнѣвъ брата, который съ горстью дружины умѣлъ поразить толпы Половцевъ, очистить отъ нихъ Русь. Сынъ Изяслава, Мстиславъ казнилъ Кіевлянъ, освободившихъ Всеслава, виновныхъ вмѣстѣ съ невинными, но тѣмъ дѣло еще не кончилось; гоненія продолжались, и гонимые находили убѣжище въ Черниговѣ у Святослава. Такъ св. Антоній, основатель Печерскаго монастыря, подвергнувшійся гнѣву великаго князя, какъ пріятель Всеслава, былъ ночью взятъ и

укрытъ въ Черниговѣ Святославомъ. Если бы даже Святославъ дѣлалъ это единственно изъ любви и уваженія къ святомужу, то Изяславъ, съ своей стороны, не могъ не оскорбиться пріязнію брата къ человѣку, въ которомъ онъ видѣлъ врага своего. Эти обстоятельства должны были возбуждать въ Святославѣ властолюбивые замыслы, питать надежду на ихъ успѣхъ, а въ Изяславѣ возбуждать вражду къ брату: и вотъ между Ярославичами началась вражда, они не ходятъ уже вмѣстѣ въ походы, какъ ходили прежде; Изяславъ одинъ воюетъ съ Всеславомъ, одинъ вступаетъ съ нимъ на переговоры; по самой природѣ отношеній между князьями, послѣдній поступокъ Изяслава долженъ былъ возбудить негодованіе и подозрѣніе въ братьяхъ; Святославъ началъ говорить Всеволоду: «Изяславъ сносится съ Всеславомъ на наше лихо; если не предупредимъ его, то прогонитъ онъ насъ»,—и успѣлъ возбудить Всеволода на Изяслава. Лѣтописецъ обвиняетъ во всемъ Святослава, говоритъ, что онъ хотѣлъ больше власти, обманулъ Всеволода; какъ бы то ни было, младшіе братья вооружились противъ старшаго; Изяславъ въ другой разъ принужденъ былъ выйти изъ Кіева, гдѣ сѣлъ Святославъ, отдавши Всеволоду Черниговскую волость; что въ Кіевѣ всѣ были за Святослава, доказываетъ удаленіе Изяслава безъ борьбы; лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ и Всеволодъ сѣли сперва на столѣ въ селѣ Берестовѣ, и потомъ уже, когда Изяславъ выѣхалъ изъ Кіева, Святославъ перешелъ въ этотъ городъ.

Изяславъ съ сыновьями отправился опять въ Польшу; какъ видно, на этотъ разъ онъ вышелъ изъ Кіева не торопясь, успѣлъ взять съ собою много имѣнія; онъ говорилъ: «съ золотомъ найду войско;» позабывши слова дѣда Владиміра, что съ дружиною добываютъ золото, а не съ золотомъ дружину. Изяславъ роздалъ Польскимъ вельможамъ богатые подарки; они подарки взяли, но помощи не дали никакой [57], и даже выслали его изъ своей страны. Чтобъ объяснить себѣ это явленіе, мы должны бросить взглядъ на состояніе западныхъ Славянскихъ государствъ въ это время. Мы видѣли, что вмѣшательство Болеслава Храбраго въ дѣла Богеміи кончилось также неудачно для него какъ и вмѣшательство въ споры между Русскими князьями. Поляки были изгнаны изъ Богеміи, родные князья—Яромиръ и Олдрихъ стали

княжить въ странѣ, но не долго княжили мирно. Олдрихъ, по словамъ старой Чешской пѣсни, былъ «воинъ славный, въ которого Богъ вложилъ мочь и крѣпость, въ буйную голову далъ разумъ свѣтлый.» Въ 1012 году онъ выгналъ Яромира: за что— не знаетъ ни пѣсня, ни лѣтопись. Императору Конраду II-му не нравилось однако единовластіе у Чеховъ: не разъ вызывалъ онъ Олдриха къ себѣ, и когда тотъ наконецъ явился къ нему, то былъ заточенъ въ Регенсбургъ. Яромиръ началъ опять княжить въ Богеміи сообща съ племянникомъ Брячиславомъ, сыномъ Олдриховымъ: а между тѣмъ императоръ предложилъ своему плѣннику возвратиться на родину и княжить тамъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ; Олдрихъ присягнулъ, что уступитъ брату половину земли, но, какъ скоро возвратился домой, то велѣлъ ослѣпить Яромира.—По смерти Олдриха единовластителемъ земли сталъ сынъ его, Брячиславъ I-й. Мы видѣли, какъ этотъ дѣятельный князь воспользовался невзгодою Польши по смерти Болеслава Храбраго и расширилъ свои владѣнія на счетъ Пястовъ, за что и слыветъ возстановителемъ Чешской славы. По смерти Брячислава I-го въ Богеміи мы встрѣчаемъ такія же явленія, какія видимъ и у насъ на Руси съ того же самаго времени, именно съ 1054 года, со смерти Ярослава I-го: мы видимъ, что и въ Богеміи начинаетъ владѣть цѣлый родъ княжескій съ переходомъ главнаго стола къ старшему въ цѣломъ родѣ. По смерти Брячислава I-го, Великимъ княземъ, т. е. старшимъ въ родѣ (Dux principalis) становится старшій сынъ его, Спитигнѣвъ II-й; остальные Брячиславичи были: Вратиславъ, Конрадъ, Яромиръ и Оттонъ. Какъ у насъ Ярославичи, такъ и въ Богеміи Брячиславичи не долго жили въ согласіи: второй Брячиславичь, Вратиславъ долженъ былъ сначала искать убѣжища въ Венгріи отъ преслѣдованій старшаго брата; однако послѣ, помирившись съ послѣднимъ, возвратился на родину и въ 1061 году наслѣдовалъ въ старшинствѣ Спитигнѣву. По смерти Вратислава II-го, по извѣстному обычаю, мимо сыновей его, наслѣдовалъ старшинство братъ его Конрадъ I-й, но княжилъ только восемь мѣсяцевъ: это былъ послѣдній изъ Брячиславичей, и по смерти его, въ 1092 году, выступаетъ второе поколѣніе, внуки Брячислава I-го. Въ Польшѣ Казиміру Возстановителю (Restaurator) наслѣдовалъ въ 1058 году сынъ его, Болеславъ

ній Смѣлый. За два года передъ тѣмъ умеръ императоръ Генрихъ III-й; смуты, послѣдовавшія во время малолѣтства сына и преемника его Генриха IV-го, потомъ борьба этого государя съ нѣмецкими князьями — все это надолго освободило Польшу отъ вліянія имперіи, и Болеславъ Смѣлый, пользуясь этою свободою, имѣлъ возможность съ честью и выгодою для Польши установить свои отношенія къ сосѣднимъ странамъ. Мы видѣли, что съ его помощію Изяславъ получалъ опять Кіевъ; съ помощію же Болеслава успѣлъ овладѣть престоломъ и Венгерскій король Бела, сыновья котораго удержались въ Венгріи, также благодаря Польскому оружію. Съ Чехами Болеславъ велъ почти постоянную войну; въ то время какъ Изяславъ вторично явился къ Польскому двору (1075 г.), Болеславъ воевалъ съ Вратиславомъ Чешскимъ, который находился въ тѣсномъ союзѣ съ императоромъ Генрихомъ IV-мъ; очень вѣроятно, что эти обстоятельства не позволяли Болеславу подать помощь Русскому князю, который, будучи принужденъ оставить Польшу, принялъ совѣтъ Дѣда, Маркграфа Саксонскаго и поѣхалъ въ Майнцъ просить заступленія у врага Болеславова, императора Генриха IV-го [58]. Такимъ образомъ княжескія междоусобія на Руси доставляли случай Нѣмецкому императору распространить свое вліяніе и на эту страну; но, во-первыхъ, благодаря отдаленности Руси, это вліяніе никогда не могло быть очень сильно; во-вторыхъ, обстоятельства, въ которыхъ находился теперь императоръ, были такого рода, что помогли даже и Польшѣ освободиться изъ-подъ его вліянія. Принявъ отъ Изяслава богатые дары, Генрихъ IV-й послалъ къ Святославу съ требованіемъ возвратить Кіевъ старшему брату, и съ угрозою войны въ случаѣ сопротивленія. Разумѣется, что дѣло должно было и ограничиться одною угрозою. Лѣтописецъ говоритъ, что когда Нѣмецкіе послы пришли къ Святославу, то онъ, желая похвастать передъ ними, показалъ имъ свою казну, и будто бы послы, увидавъ множество золота, серебра и дорогихъ тканей, повторили старыя слова Владиміра Святаго: «это ничего не значитъ, потому что лежитъ мертво; дружина лучше; съ нею можно доискаться и больше этого.» Лѣтопись прибавляетъ, что богатство Святослава, подобно богатству Езекіи, царя Іудейскаго, разсыпалось разно по смерти владѣльца. Изъ этихъ словъ лѣтописца

можно видѣть, что современники и ближайшіе потомки съ неудовольствіемъ смотрѣли на поведеніе старшихъ Ярославичей, которые не слѣдовали примѣру дѣда и копили богатства, полагая на нихъ всю надежду, тогда какъ добрый князь, по господствовавшему тогда мнѣнію, не долженъ былъ ничего сберегать для себя, но все раздавать дружинѣ, при помощи которой онъ никогда не могъ имѣть недостатка въ богатствѣ.

Если Изяславъ обратился за помощію къ императору Генриху IV-му, врагу Болеслава Смѣлаго, то Святославъ, по единству выгодъ, долженъ былъ спѣшить заключеніемъ союза съ Польскимъ княземъ: и точно мы видимъ, что молодые князья — Олегъ Святославичь и Владиміръ Всеволодовичь ходили на помощь къ Полякамъ и воевали Чеховъ, союзниковъ императорскихъ[59]. Изяславъ, не получивъ успѣха при дворѣ Генриха, обратился къ другому владыкѣ запада, папѣ Григорію VII-му, и отправилъ въ Римъ сына своего съ просьбою возвратить ему столъ властію св. Петра: какъ въ Майнцѣ Изяславъ обѣщалъ признать зависимость свою отъ императора, такъ въ Римѣ сынъ его обѣщалъ подчиниться апостольскому престолу. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что Григорій писалъ къ Болеславу съ увѣщаніемъ отдать сокровища, взятыя у Изяслава[60]. Быть можетъ папа уговаривалъ также Польскаго князя подать помощь Изяславу противъ братьевъ, которую тотъ наконецъ и дѣйствительно подалъ. Для объясненія этого поступка мы не нуждаемся впрочемъ въ предположеніи о папскихъ увѣщаніяхъ: есть извѣстіе, которое одно объясняетъ его совершенно удовлетворительно. По этому извѣстію[61], Чешскій князь Вратиславъ, узнавъ о союзѣ Болеслава съ младшими Ярославичами, о движеніи Олега и Владиміра къ Чешскимъ границамъ, прислалъ къ Болеславу просить мира, и получилъ его за 1,000 гривенъ серебра. Болеславъ послалъ сказать объ этомъ Олегу и Владиміру; но тѣ велѣли отвѣчать ему, что не могутъ безъ стыда отцамъ своимъ и земли возвратиться назадъ ничего не сдѣлавши, пошли впередъ взять свою честь, и ходили въ землѣ Чешской четыре мѣсяца, то есть опустошали ее; Вратиславъ Чешскій прислалъ къ нимъ самъ съ предложеніемъ о мирѣ; Русскіе князья взяли свою честь и 1000 гривенъ серебра, и помирились. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ поступокъ разсердилъ Болеслава, который

потому и рѣшился помочь въ другой разъ Изяславу. Между тѣмъ умеръ Святославъ въ 1076 году. Всеволодъ сѣлъ на его мѣсто въ Кіевѣ зимою, а на лѣто долженъ былъ выступить противъ Изяслава, который шелъ съ Польскими полками; на Волыни встрѣтились братья, и заключили миръ: Всеволодъ уступилъ Изяславу старшинство и Кіевъ, а самъ остался по прежнему въ Черниговѣ. Помощь Поляковъ не могла быть безкорыстна, и потому очень вѣроятны извѣстія, по которымъ Изяславъ поплатился за нее Червенскими городами.

Миръ между Ярославичами не принесъ мира Русской землѣ: было много племянниковъ, которые хотѣли добыть себѣ волостей. Всеславъ Полоцкій не хотѣлъ сидѣть спокойно на своемъ столѣ, началъ грозить Новгороду, какъ видно, пользуясь смертію Святослава и предполагаемою усобицею между Изяславомъ и Всеволодомъ. Сынъ послѣдняго Владиміръ ходилъ зимою 1076 года къ Новгороду на помощь его князю Глѣбу, безъ сомнѣнія противъ Всеслава [62]. Лѣтомъ, послѣ примиренія и ряда съ Изяславомъ, Всеволодъ вмѣстѣ съ сыномъ Владиміромъ ходилъ подъ Полоцкъ; а на зиму новый походъ: ходилъ Мономахъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Святополкомъ Изяславичемъ, подъ Полоцкъ и обожгли этотъ городъ; тогда же Мономахъ съ Половцами опустошилъ Всеславову волость до Одрьска [63]; здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о наемномъ войскѣ изъ Половцевъ для междоусобной войны.

На сѣверозападѣ нужно было постоянно сторожить чародѣя Всеслава; а съ юго-востока начали грозить новыя войны, и не отъ однихъ степныхъ варваровъ, но отъ обдѣленныхъ князей, которые приводили послѣднихъ. Мы видѣли, что кромѣ Владиміра Новгородскаго умерли еще двое младшихъ Ярославичей, Вячеславъ и Игорь, оставя сыновей, которымъ, по обычаю, отчинъ не дали и другими волостями не надѣлили; изгои подросли, и стали сами искать себѣ волостей. Въ то время, какъ Святославъ умеръ, а Всеволодъ выступилъ противъ Изяслава, Борисъ, сынъ Вячеслава Смоленскаго, воспользовался удаленіемъ дяди, и сѣлъ въ Черниговѣ; но могъ держаться тамъ только 8 дней и убѣжалъ въ Тмутаракань, гдѣ княжилъ одинъ изъ Святославичей, Романъ. Послѣ Святослава осталось пять сыновей: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ. При жизни

отца Глѣбъ сидѣлъ въ Новгородѣ, Олегъ во Владимирѣ Волынскомъ, Романъ въ Тмутаракани, о Давидѣ не извѣстно, Ярославъ былъ очень молодъ[64]. Романъ Тмутараканскій принялъ Бориса Вячеславича; но за нимъ долженъ былъ дать убѣжище и роднымъ братьямъ, потому что Изяславъ не хотѣлъ дать волостей дѣтямъ Святославовымъ. Глѣбъ былъ изгнанъ изъ Новагорода[65], Олегъ выведенъ изъ Владимира; Глѣбъ погибъ далеко на сѣверѣ, въ странахъ Чуди Заволоцкой; Олегъ ушелъ сначала было въ Черниговъ, къ дядѣ Всеволоду, отъ котораго могъ ждать больше милости, чѣмъ отъ Изяслава; но и Всеволодъ или не хотѣлъ, или не могъ надѣлить Святославича волостью, и тотъ отправился къ братьямъ въ Тмутаракань, извѣстное убѣжище для всѣхъ изгнанниковъ, для всѣхъ недовольныхъ. Выгнавши племянниковъ, Ярославичи распорядились волостями въ пользу своихъ дѣтей: Святополка Изяславича посадили въ Новгородѣ, брата его Ярополка въ Вышгородѣ, Владиміра Всеволодовича Мономаха въ Смоленскѣ. Но изгнанные князья не могли жить праздно въ Тмутаракани: въ 1078 году Олегъ и Борисъ привели Половцевъ на Русскую землю и пошли на Всеволода; Всеволодъ[66] вышелъ противъ нихъ на рѣку Сожицу (Оржицу), и Половцы побѣдили Русь, которая потеряла много знатныхъ людей: убитъ былъ Иванъ Жирославичь, Тукій, Чудиновъ братъ, Порѣй и многіе другіе. Олегъ и Борисъ вошли въ Черниговъ, думая, что одолѣли; Русской землѣ они тутъ много зла надѣлали, говоритъ лѣтописецъ. Всеволодъ пришелъ къ брату Изяславу въ Кіевъ и разсказалъ ему свою бѣду; Изяславъ отвѣчалъ ему: «Братъ! не тужи, вспомни, что со мною самимъ случилось! во первыхъ развѣ не выгнали меня и имѣнья моего не разграбили? потомъ въ чемъ я провинился, а былъ же выгнанъ вами братьями своими? не скитался ли я по чужимъ землямъ ограбленный, а зла за собою не зналъ никакого. И теперь, братъ, не станемъ тужить: будетъ ли намъ часть въ Русской землѣ, то обоимъ, лишимся ли ея, то оба же вмѣстѣ: я сложу свою голову за тебя». Такими словами онъ утѣшилъ Всеволода, и велѣлъ собирать войско отъ мала до велика; другаго не осталось больше ничего дѣлать, потому что Святославичи конечно не оставили бы въ покоѣ Изяслава, главнаго врага своего. Изяславъ выступилъ въ по-

ходъ съ сыномъ своимъ Ярополкомъ, Всеволодъ съ сыномъ Владиміромъ. Послѣдній находился въ Смоленскѣ, когда узналъ о вторженіи изгнанныхъ князей; поспѣшилъ на помощь къ отцу и оружіемъ проложилъ себѣ путь сквозь Половецкіе полки къ Переяславлю, гдѣ нашелъ Всеволода, пришедшаго съ битвы на Сожицѣ. Ярославичи съ сыновьями пошли къ Чернигову, жители котораго затворились отъ нихъ, хотя Олега и Бориса не было въ городѣ; есть извѣстіе, что они ѣздили въ Тмутаракань собирать новое войско [67]. Черниговъ имѣлъ двойныя стѣны; князья приступили къ внѣшней оградѣ (городу); Мономахъ отбилъ восточныя ворота [68], и внѣшній городъ былъ сожженъ, послѣ чего жители убѣжали во внутренній. Но Ярославичи не имѣли времени приступить къ послѣднему, потому что пришла вѣсть о приближеніи Олега и Бориса; получивши ее, Изяславъ и Всеволодъ рано утромъ отошли отъ Чернигова и отправились на встрѣчу къ племянникамъ, которые совѣтовались, что имъ дѣлать? Олегъ говорилъ Борису: «Нельзя намъ стать противъ четырехъ князей; пошлемъ лучше къ дядьямъ съ просьбою о мирѣ»; Борисъ отвѣчалъ: «Ты стой—смотри только, я одинъ пойду на нихъ на всѣхъ». Пошли и встрѣтились съ Ярославичами у села на Нѣжатинѣ Нивѣ [69]; полки сошлись, и была сѣча злая: во-первыхъ убили Бориса, сына Вячеславова; Изяславъ стоялъ съ пѣшими полками, какъ вдругъ наѣхалъ одинъ изъ непріятельскихъ воиновъ, и ударилъ его въ плечо копьемъ: рана была смертельная. Не смотря на убіеніе двухъ князей съ обѣихъ сторонъ, битва продолжалась; наконецъ Олегъ побѣжалъ и едва могъ уйти въ Тмутаракань (3-го октября 1078 года). Тѣло Изяслава взяли, привезли въ лодкѣ и поставили противъ Городца, куда на встрѣчу вышелъ весь городъ Кіевъ; потомъ положили тѣло на сани и повезли, священники и монахи провожали его съ пѣніемъ; но нельзя было слышать пѣнія за плачемъ и воплемъ великимъ, потому что плакалъ по немъ весь городъ Кіевъ; Ярополкъ шелъ за тѣломъ и причиталъ съ дружиною: «батюшка, батюшка! не безъ печали ты пожилъ на этомъ свѣтѣ; много напасти принялъ отъ людей и отъ своей братьи; и вотъ теперь погибъ не отъ брата, а за брата сложилъ голову». Принесли и положили тѣло въ церкви Богородицы, въ гробѣ мраморномъ [70]. По словамъ лѣтопи-

сца, Изяславъ былъ красивъ лицемъ, высокъ и полонъ, нравомъ незлобивъ, кривду ненавидѣлъ, правду любилъ; лести въ немъ не было, прямой былъ человѣкъ и не мстительный. Сколько зла сдѣлали ему Кіевляне! самого выгнали, домъ разграбили, а онъ не заплатилъ имъ зломъ за зло; если же кто скажетъ: онъ казнилъ Всеславовыхъ освободителей—то вѣдь не онъ это сдѣлалъ, а сынъ его. Потомъ братья прогнали его, и ходилъ, блуждалъ онъ по чужой землѣ; а когда сѣлъ на своемъ столѣ, и Всеволодъ прибѣжалъ къ нему побѣжденный, то Изяславъ не сказалъ ему: «А вы что мнѣ сдѣлали?» не заплатилъ зломъ за зло, а утѣшилъ, сказалъ: «ты, братъ, показалъ ко мнѣ любовь, ввелъ меня на столъ мой и назвалъ старшимъ: такъ и я теперь не помяну первой злобы; ты мнѣ братъ, а я тебѣ, и положу голову свою за тебя», что и случилось; не сказалъ ему: «Сколько вы мнѣ зла сдѣлали, а вотъ теперь пришла и твоя очередь»! не сказалъ: «ступай куда хочешь», но взялъ на себя братнюю печаль и показалъ любовь великую.—Смерть за брата, прекрасный примѣръ для враждующихъ братій, заставилъ лѣтописца, и, можетъ быть, всѣхъ современниковъ, умилиться надъ участью Изяслава при господствѣ непосредственныхъ чувствъ. Однако и лѣтописецъ спѣшитъ опровергнуть возраженіе на счетъ казни виновниковъ Всесловова освобожденія, и складываетъ всю вину на сына Изяславова, Мстислава: значитъ это возраженіе существовало въ его время; монахъ Кіевопечерскаго монастыря долженъ былъ знать и о послѣдующихъ гоненіяхъ, напр. на св. Антонія; Всеволоду Изяславъ простилъ, потому что и прежде, какъ видно, этотъ Ярославичь былъ мало виноватъ, да и послѣ загладилъ свою вину; наконецъ собственная безопасность принуждала Изяслава вооружиться противъ племянниковъ; но дѣтямъ Святославовымъ, конечно невиннымъ въ дѣлѣ отца, Изяславъ не могъ простить и отнялъ у нихъ волости, себѣ и Русской землѣ на бѣду.

Какъ бы ни было, первый старшій или Великій князь послѣ Ярослава палъ въ усобицѣ. Всѣ усобицы, которыя мы видимъ при старшинствѣ Изяслава, происходили отъ того, что осиротѣлые племянники не получали волостей. При отсутствіи отчиннаго права относительно отдѣльныхъ волостей, дядья смотрѣли на осиротѣлыхъ племянниковъ какъ на изгоевъ, обязанныхъ, по

своему сиротскому положенію, жить изъ милости старшихъ, быть довольными всѣмъ, что дадутъ имъ послѣдніе, и потому или недавали имъ вовсе волостей, или давали такія, какими тѣ не могли быть довольны. Но если дядья считали для себя выгоднымъ отсутствіе отчиннаго права, то не могли находить для себя это выгоднымъ осиротѣлые племянники, которые, лишась преждевременною смертію отцевъ надежды на старшинство въ родѣ, хотѣли, по крайней мѣрѣ, достать то, чѣмъ владѣли отцы, или хотя другую, но болѣе или менѣе значительную волость, чтобъ не быть лишенными Русской земли. Такимъ образомъ мы видимъ, что первыя усобицы на Руси произошли отъ отсутствія отчиннаго права въ отдѣльныхъ волостяхъ, отъ стремленія осиротѣлыхъ князей—изгоевъ установить это право, и отъ стремленія старшихъ недопустить до его установленія. Князьямъ изгоямъ легко было доискиваться волостей: Русь граничила съ степью, а въ степи скитались разноплеменныя варварскія орды, среди которыхъ легко было набрать войско обѣщаніемъ добычи; вотъ почему застепный Тмутаракань служитъ постояннымъ убѣжищемъ для изгоевъ, которые возвращаются оттуда съ дружинами отыскивать волостей.

Мы видѣли дѣятельность изгоя Ростислава, сына Владимірова; у него остались сыновья въ томъ же положеніи, слѣдовательно съ тѣми же стремленіями; мы видѣли судьбу изгоя—Бориса Вячеславича; у него, какъ видно, не было ни братьевъ, ни сыновей; но были сыновья у Игоря Ярославича — тоже изгои; къ числу ихъ Изяславъ захотѣлъ присодинить еще и дѣтей Святославовыхъ, тогда какъ послѣдніе имѣли основаніе не считать себя изгоями: ихъ отецъ былъ старшимъ, умеръ на главномъ столѣ. Если Изяславъ могъ считать это старшинство незаконнымъ, и мстить дѣтямъ своего гонителя отнятіемъ у нихъ волостей, то Всеволодъ не имѣлъ на это никакого права: Изяславъ былъ изгнанъ не однимъ Святославомъ, но Святославомъ и Всеволодомъ вмѣстѣ; Всеволодъ признавалъ изгнаніе Изяслава справедливымъ, признавалъ старшинство Святослава до самой смерти послѣдняго: на какомъ же основаніи онъ могъ считать сыновей Святославовыхъ изгоями, лишить ихъ волостей? Не смотря на то, Всеволодъ, враждуя съ Святославичами за недавнее изгнаніе, и пользуясь правомъ побѣды, не думалъ пригла-

шать ихъ въ Русь, и тѣмъ готовилъ для себя и для потомковъ своихъ новую усобицу [71].

Всеволодъ, сѣвъ въ Кіевѣ, на столѣ отца своего и брата, взялъ себѣ всѣ волости Русскія, посадилъ сына своего Владиміра въ Черниговѣ, а племянника Ярополка Изяславича во Владимирѣ Волынскомъ, придавъ къ нему Туровъ. Но обдѣленные князья не могли долго оставить его въ покоѣ. Въ 1079 году явился Романъ Святославичь съ Половцами у Воина [72]; Всеволодъ вышелъ на встрѣчу, сталъ у Переяславля и успѣлъ заключить миръ съ Половцами, разумѣется, давши имъ вѣрное вмѣсто невѣрнаго, обѣщаннаго Романомъ. Половцы не только не сдѣлали для Романа того, зачѣмъ пришли, но даже убили его на возвратномъ пути вслѣдствіе ссоры, которую завелъ Романъ съ ихъ князьями за обманъ, какъ говоритъ одно очень вѣроятное извѣстіе. Впрочемъ изъ послѣдующихъ извѣстій лѣтописи видно, что виновниками убійства Романова были собственно не Половцы, а Козары, знакъ, что Романово ополченіе были сбродное изъ разныхъ народовъ, и что Козары, послѣ разрушенія своего царства, существовали еще какъ особый народъ и играли нѣкоторую роль на степныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Убивъ Романа, Козары и Половцы, разумѣется, не могли жить въ мирѣ съ братомъ его Олегомъ, и потому, какъ сказано въ лѣтописи, они заточили его за море, въ Царьградъ, откуда его отправили на островъ Родосъ; нѣтъ сомнѣнія, что Козары и Половцы могли сдѣлать это неиначе какъ съ согласія императора, для котораго вѣроятно Русскіе изгои были также опасными сосѣдями: это ясно видно изъ судьбы Ростиславовой; очень вѣроятно, что заточеніе Олега произошло и не безъ вѣдома Всеволода, который воспользовался имъ, и послалъ въ Тмутаракань своего посадника Ратибора.

Но Тмутаракань недолго оставалась безъ изгоевъ; черезъ годъ бѣжали туда изъ Владимиро-Волынскихъ волостей сынъ Игоря Ярославича Давидъ, и сынъ извѣстнаго уже намъ Ростислава Владиміровича—Володарь; они выгнали Ратибора и сѣли въ Тмутаракани; но сидѣли недолго: чрезъ годъ возвратился туда изъ изгнанія Олегъ, схватилъ Давида и Володаря, сѣлъ опять въ Тмутаракани, перебилъ Козаръ, которые были совѣтниками на убіеніе Романа и на его собственное изгнаніе, а Давида

и Володаря отпустилъ. Лишенные убѣжища въ Тмутаракани, эти князья должны были думать о другихъ средствахъ какъ бы добыть себѣ волостей. Въ 1084 году Ростиславичи [76], по словамъ лѣтописца, выбѣжали отъ Ярополка, слѣдовательно ясно, что они жили у него во Владимирѣ безъ волостей; выбѣжали, не сказано куда, потомъ возратились съ войскомъ, и выгнали его изъ Владимира [77]. Съ кѣмъ возвратились Ростиславичи, откуда взяли дружину, какъ могли безземельные князья выгнать Ярополка изъ его волости? На всѣ эти вопросы не даетъ отвѣта лѣтопись; но и ея краткія извѣстія могутъ показать намъ, какъ легко было тогда добыть дружину; ясно также, что Ростиславичи не могли выгнать Ярополка, не пріобрѣтя себѣ многочисленныхъ и сильныхъ приверженцевъ во Владимирѣ. Всеволодъ послалъ противъ Ростиславичей сына своего Мономаха, который прогналъ ихъ изъ Владимира и посадилъ здѣсь опять Ярополка. Въ лѣтописи объ этомъ сказано такъ, какъ будто бы все сдѣлалось вдругъ; но изъ собственныхъ словъ Мономаха видно, что борьба съ Ростиславичами кончилась не скоро, потому что онъ ходилъ къ Изяславичамъ за Микулинъ, въ нынѣшнюю Галицію и потомъ два раза ходилъ къ Ярополку на Броды, весною и зимою [78]. Счастливѣе Ростиславичей былъ Давидъ Игоревичь: онъ ушелъ съ своею дружиною въ Днѣпровскія устья, захватилъ здѣсь Греческихъ купцовъ, отнялъ у нихъ всѣ товары; но отъ Греческой торговли зависѣло богатство и значеніе Кіева, слѣдовательно богатство казны великокняжеской, и вотъ Всеволодъ принужденъ былъ прекратить грабежи Давида обѣщаніемъ дать волость, и точно назначилъ ему Дорогобужъ [79] на Волыни. Но этимъ распоряженіемъ Всеволодъ не прекратилъ, а еще болѣе усилилъ княжескія распри: Ярополкъ Изяславичь, князь Волынскій, въ отдачѣ Дорогобужа Давиду видѣлъ обиду себѣ, намѣреніе Всеволода уменьшить его волость, и потому началъ злобиться на Всеволода [80], собирать войско, по наущенью злыхъ совѣтниковъ, прибавляетъ лѣтописецъ [81]. Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ послалъ противъ него сына своего Владиміра, и Ярополкъ, оставя мать въ Луцкѣ [82], бѣжалъ въ Польшу. Луцкъ сдался Мономаху, который захватилъ здѣсь мать, жену Ярополкову, дружину его и все имѣнье, а во Владимирѣ посадилъ Давида Игоревича. Вѣроятно въ это время Червенскіе города,

область послѣдующаго Галицкаго княжества были утверждены за Ростиславичами, потому что послѣ мы видимъ старшаго изъ нихъ Рюрика княземъ въ Перемышлѣ; очень вѣроятно также, что эта область была отнята Ростиславичами у Поляковъ, союзниковъ Ярополковыхъ [83], не безъ согласія Всеволода. Но въ слѣдующемъ году Ярополкъ пришелъ изъ Польши, заключилъ миръ съ Мономахомъ и сѣлъ опять въ Владимирѣ; вѣроятно такому обороту дѣлъ много содѣйствовала прежняя дружба Мономахова къ Ярополку; благодарность стараго Всеволода къ отцу его Изяславу, и нежеланіе ссориться съ сыновьями послѣдняго, изъ которыхъ старшій долженъ былъ получить старшинство по смерти Всеволодовой. Ярополкъ однако недолго пользовался возвращенною волостію: посидѣвъ нѣсколько дней во Владимирѣ, онъ поѣхалъ въ Звенигородъ [84], одинъ изъ городовъ Галицкихъ; когда князь дорогою лежалъ на возу, то какой-то Нерадецъ, какъ видно находившійся въ дружинѣ и ѣхавшій подлѣ на лошади, ударилъ его саблею; Ярополкъ приподнялся, вынулъ изъ себя саблю, и громко закричалъ: «охъ, этотъ врагъ меня покончилъ!» Нерадецъ бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу, а Ярополкъ умеръ отъ раны; отроки взяли его тѣло, и повезли сперва во Владимиръ, а потомъ въ Кіевъ, гдѣ и погребли его въ церкви св. Петра, которую самъ началъ строить. Въ Кіевѣ сильно плакали на похоронахъ Ярополка; лѣтописецъ также жалѣетъ объ этомъ князѣ, говоритъ, что онъ много принялъ бѣдъ, безъ вины былъ изгнанъ братьями, обиженъ, разграбленъ, и наконецъ принялъ горькую смерть; былъ онъ, по словамъ лѣтописца, тихъ, кротокъ, смиренъ, братолюбивъ, давалъ каждый годъ десятину въ Богородичную Кіевскую церковь отъ всего своего имѣнія, и просилъ у Бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глѣба; Богъ услышалъ его молитву, заключаетъ лѣтописецъ. О причинѣ убійства лѣтописецъ говоритъ глухо: Нерадецъ, по его словамъ, убилъ Ярополка, будучи наученъ отъ дьявола и отъ злыхъ людей; вспомнимъ сказанное нами прежде, что Ростиславичи могли овладѣть Владимиромъ только съ помощію приверженцевъ своихъ, слѣд. людей непріязненныхъ Ярополку; люди, желавшіе прежде его изгнанія, теперь не могли охотно видѣть его возстановленіе. Но убійца бѣжалъ къ Ростиславичу въ Перемышль: это одно обстоятельство

могло заставить современниковъ сильно заподозрить Ростиславичей, если они и не были совершенно убѣждены въ дѣйствительномъ участіи послѣднихъ въ дѣлѣ Нерадца; послѣ Давидъ Игоревичь прямо говорилъ, что Ярополкъ былъ убитъ Ростиславичами. Съ перваго разу кажется, что Ростиславичи или одинъ изъ нихъ, Рюрикъ, не имѣли достаточнаго основанія рѣшиться на подобное дѣло; скорѣе казалось бы можно было заподозрить Давида Игоревича, и по характеру послѣдняго, да и потому, что онъ больше всѣхъ терялъ съ возстановленіемъ Ярополка на Владимирскомъ столѣ. Но объ участіи Давида нѣтъ ни малѣйшаго намека въ лѣтописи; самъ Давидъ послѣ, говоря Святополку объ убіеніи брата его, не могъ выдумать объ участіи Ростиславичей и объявить объ этомъ Святополку за новость; если бы современники подозрѣвали Давида, то и лѣтописецъ самъ, и Святополкъ Изяславичь, и Кіевляне на вѣчѣ, и князья на съѣздѣ непреминули бы упомянуть объ этомъ по случаю злодѣйства Давидова надъ Василькомъ. Если лѣтописецъ не указываетъ прямо на Ростиславичей, то это доказываетъ, что у современниковъ не было достаточныхъ уликъ противъ нихъ; но не безъ намѣренія лѣтописецъ выставляетъ бѣгство Нерадца къ Рюрику въ Перемышль. Что касается до побужденій, то мы не знаемъ подробностей: знаемъ только то, что Ростиславичи жили у Ярополка, пріобрѣли средства выгнать его изъ Владимира, но потомъ сами были выгнаны въ его пользу; здѣсь очень легко могло быть положено начало смертельной вражды; Ростиславичи могли думать, что никогда не будутъ безопасны въ своей волости, пока врагъ ихъ будетъ сидѣть во Владимирѣ; обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство: посидѣвши мало времени во Владимирѣ, Ярополкъ отправился къ Звенигороду; мы не знаемъ, за чѣмъ предпринялъ онъ это путешествіе? мы не знаемъ еще, кому принадлежалъ въ это время Звенигородъ? очень вѣроятно, что Ростиславичамъ; очень вѣроятно, что выраженіе лѣтописца: «Иде Звенигороду» означаетъ походъ воинскій. Наконецъ, что касается до характера Рюрика Ростиславича, то мы знаемъ объ немъ только то, что онъ выгналъ Ярополка изъ Владимира, и потомъ принялъ къ себѣ его убійцу: эти два поступка нисколько не ручаются намъ за его нравственность [85].

Въ томъ же 1046 году Всеволодъ самъ предпринималъ походъ къ Перемышлю на Ростиславичей, и походъ этотъ не могъ быть безъ связи съ предшествовавшими событіями. Но съ Ростиславичами, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, трудно было воевать: походъ кончился ничѣмъ, потому что Ростиславичи остались по прежнему въ своей волости[86]. Такъ кончились пока смуты на Волыни; но, кромѣ этихъ смутъ и борьбы на востокѣ съ Святославичами, шла еще борьба со Всеславомъ Полоцкимъ. По принятіи Всеволодомъ старшинства, Всеславъ обжегъ Смоленскъ, т. е. пожегъ посады около крѣпости или города; Мономахъ изъ Чернигова погнался за нимъ наспѣхъ о двухъ коняхъ (т. е. дружина взяла съ собою по парѣ коней для перемѣны); но чародѣя Всеслава трудно было настигнуть: Мономахъ не засталъ его подъ Смоленскомъ, и пошелъ по его слѣдамъ въ Полоцкую волость, повоевалъ и пожегъ землю[87]. Потомъ въ другой разъ пошелъ Мономахъ съ Черниговцами и Половцами къ Минску, нечаянно напалъ на городъ, и не оставилъ у него ни челядина, ни скотины, по его собственному выраженію.

Въ 1093 году умеръ послѣдній изъ Ярославичей, Всеволодъ, 64 лѣтъ. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ князь былъ измлада боголюбивъ, любилъ правду, былъ милостивъ къ нищимъ, чтилъ епископовъ и священниковъ, но особенно любилъ монаховъ, давалъ имъ все потребное; былъ также воздерженъ, и за то любимъ отцемъ своимъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что въ Кіевѣ Всеволоду было гораздо больше хлопотъ, чѣмъ въ Переяславлѣ; хлопоталъ онъ все съ племянниками, которые просили волостей: одинъ просилъ той, другой этой, онъ все ихъ мирилъ и раздавалъ волости. Къ этимъ заботамъ присоединились болѣзни, старость, и сталъ онъ любить молодыхъ, совѣтоваться съ ними, а молодые старались отдалять его отъ прежней, старой дружины; до людей перестала доходить княжая правда, тіуны начали грабить, брать несправедливо пени при судѣ; а Всеволодъ ничего этого не зналъ въ своихъ болѣзняхъ. — Намъ нѣтъ нужды разумѣть здѣсь подъ молодыми именно молодыхъ лѣтами: трудно предположить, что Всеволодъ, на старости лѣтъ, покинулъ своихъ ровесниковъ, и окружилъ себя юношами; если обратимъ вниманіе на послѣдующія явленія, то можемъ легче объяснить

смыслъ словъ лѣтописца: подъ молодыми людьми разумѣются у него люди новые; новая дружина, приведенная изъ Переяславля и Чернигова противополагается дружинѣ первой; князья, перемѣщаясь изъ одной волости въ другую, съ младшаго стола на старшій, приводили съ собою свою дружину, которую, разумѣется, предпочитали дружинѣ, найденной въ новомъ княжествѣ, оставшейся послѣ прежняго князя; отсюда проистекала невыгода во-первыхъ для народа, потому что пришлецы не соблюдали чуждой для нихъ области, и старались наживаться на счетъ гражданъ; во-вторыхъ, для старыхъ бояръ, которыхъ пришлецы отстраняли отъ важныхъ должностей, отъ княжескаго расположенія, заѣзжали ихъ, по мѣстническому позднѣйшему выраженію. Каково было грабительство тіуновъ княжескихъ при Всеволодѣ, свидѣтельствуютъ слова лучшихъ Кіевлянъ, что земля ихъ оскудѣла отъ рати и отъ продажъ. —Такъ сошло съ поприща первое поколѣніе Ярославичей: при первомъ уже изъ нихъ начались усобицы вслѣдствіе изгнанія о сиротѣлыхъ племянниковъ; при первомъ уже изъ нихъ былъ нарушенъ порядокъ преемства, и это нарушеніе увеличило число изгоевъ и слѣдовательно усилило усобицы, жертвою которыхъ пало три князя; переходы князей изъ волости въ волость, —вслѣдствіе родовыхъ счетовъ, показали уже народу всю невыгоду такого порядка вещей, особенно въ княженіе Всеволода, когда новые дружинники разорили Кіевскую землю, земля раззорялась также ратью, набѣги степныхъ варваровъ не прекращались, и въ челѣ Половцевъ народъ видѣлъ Русскихъ князей, приходившихъ искать волостей въ Русской землѣ, которую безнаказанно пустошили ихъ союзники; начались тѣ времена, когда по землѣ сѣялись и росли усобицы, и въ княжихъ крамолахъ сокращался вѣкъ людской, когда въ Русской землѣ рѣдко слышались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля себѣ трупы, часто говорили свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу [88].

Изъ внѣшнихъ отношеній на первомъ планѣ, какъ прежде, такъ и теперь, была борьба съ степными варварами, изъ которыхъ главное мѣсто занимали Половцы. Мы упоминали о войнахъ съ ними по поводу княжескихъ усобицъ; но кромѣ того они часто набѣгали и безъ всякаго повода [89]. Въ удачныхъ битвахъ съ этими варварами за Русскую землю началъ славится и

пріобрѣтать народную любовь сынъ Всеволода, знаменитый Мономахъ: 12 удачныхъ битвъ выдержалъ онъ съ Половцами въ одно княженіе отца своего; если Половцы помогали Русскимъ князьямъ въ ихъ усобицахъ, за то и Мономахъ иногда ходилъ на варваровъ, ведя съ собою варваровъ же изъ другихъ племенъ [90]. Мы видѣли, что Ярославичи, свободные еще отъ усобицъ, нанесли сильнее пораженіе Торкамъ, заставили часть ихъ поселиться въ предѣлахъ Руси, и признать свою зависимость отъ нея; но въ 1080 году Торки, поселенные около Переяславля и потому названные въ лѣтописи Переяславскими, вздумали возвратить себѣ независимость и заратились; Всеволодъ послалъ на нихъ сына своего Мономаха, и тотъ побѣдилъ Торковъ. На сѣверѣ шла борьба съ Финскими и Литовскими племенами. Къ первымъ годамъ княженія Изяславова относится побѣда его надъ Голядами; слѣдовательно народонаселеніе нынѣшняго Можайскаго и Гжатскаго уѣздовъ не было еще подчинено до этого времени, и неудивительно: оно оставалось въ сторонѣ отъ главныхъ путей, по которымъ распространялись Русскія владѣнія [91]. Въ 1055 году Посадникъ Остромиръ ходилъ съ Новгородцами на Чудь и овладѣлъ тамъ городомъ Осекъ Декипивъ, т. е. Солнечная рука; въ 1060 году самъ Изяславъ ходилъ на Сосоловъ и заставилъ ихъ платить дань; но скоро они выгнали Русскихъ сборщиковъ дани, пожгли городъ Юрьевъ и окольныя селенія до самаго Пскова; Псковичи и Новгородцы вышли къ нимъ на встрѣчу, сразились и потеряли 1000 человѣкъ, а Сосоловъ пало безчисленное множество. На сѣверовостокѣ было враждебное столкновеніе съ Болгарами, которые въ 1088 году взяли Муромъ.

На западѣ Ростиславичи боролись съ Поляками; особенно въ этой борьбѣ сталъ знаменитъ третій братъ—Василько. Мы видѣли, что Болеславъ II-й Смѣлый, пользуясь смутами въ имперіи, умѣлъ возстановить прежнее значеніе Польши, которое потеряла она по смерти Болеслава I-го Храбраго; но, будучи счастливъ въ борьбѣ со внѣшними врагами, Болеславъ Смѣлый не могъ осилить внутреннихъ: принятіе королевскаго титула, стремленіе усилить свою власть на счетъ пановъ, строгіе поступки съ ними, умерщвленіе Краковскаго епископа Станислава, возбудили ненависть пановъ и духовенства, слѣдствіемъ чего было

изгнаніе Болеслава Смѣлаго, и возведеніе на престолъ брата его, слабаго Владислава Германа. Владиславъ ввѣрился во всемъ Палатину Сецеху, который корыстолюбіемъ и насильственными поступками возбудилъ всеобщее негодованіе. Недовольные встали подъ предводительствомъ побочнаго сына Владиславова. Збигнева; въ эту усобицу вмѣшались Чехи, и съ другой стороны Владиславъ долженъ былъ вести упорную борьбу съ Поморскими Славянами. Легко понять, что при такихъ обстоятельствахъ Польша не только не могла обнаружить своего вліянія на дѣла Руси, но даже не могла съ успѣхомъ бороться противъ Василька Ростиславича, который съ Половцами пустошилъ ея области.

Мы разсмотрѣли внутреннія и внѣшнія отношенія на Руси при первомъ поколѣніи Ярославичей, видѣли дѣятельность князей; въ заключеніе обратимъ вниманіе на другихъ дѣятелей, на мужей изъ дружины княжеской, имена которыхъ кое-гдѣ попадаются въ лѣтописи. Прежде всего мы встрѣчаемъ имя Остромира, посадника Новгородскаго; сынъ его, Вышата убѣжалъ съ Ростиславомъ Владиміровичемъ въ Тмутаракань; объ немъ больше нѣтъ извѣстій. Но вмѣстѣ съ Вышатою спутникомъ Ростислава названъ также какой-то Порѣй; Порѣй былъ убитъ на Сожицѣ противъ Половцевъ въ 1078 году; если это тотъ самый Порѣй, то значитъ, что по смерти Ростислава, онъ перешелъ въ дружину Всеволода. Мы видѣли, что въ 1067 году въ Кіевѣ при Изяславѣ былъ тысяцкимъ Коснячько, вѣроятно бѣжавшій вмѣстѣ съ Изяславомъ; этотъ же Коснячько былъ съ Изяславомъ при установленіи Правды; состороны Святослава, изъ Чернигова былъ при этомъ дѣлѣ Перенѣгъ, со стороны Всеволода изъ Переяславля Никифоръ; если Коснячько былъ тысяцкимъ въ Кіевѣ, то можемъ заключать, что Перенѣгъ имѣлъ въ то время такую же должность въ Черниговѣ, Никифоръ въ Переяславлѣ; если такъ, то любопытно, что для установленія Правды собираются тысяцкіе, имѣвшіе близкое отношеніе къ городскому народонаселенію. Не знаемъ, кто былъ тысяцкимъ въ Кіевѣ послѣ перваго возвращенія Изяслава, при Святославѣ, и послѣ втораго возвращенія Изяслава; но при Всеволодѣ (въ 1089 г.) эту должность занималъ Янъ, сынъ Вышаты, знаменитаго тысяцкаго во времена Ярослава; какъ видно, этотъ же самый Янъ ходилъ при

Святославѣ за данью на сѣверъ. Потомъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописи имена двухъ братьевъ Чудина и Тукы; имена указываютъ на Финское происхожденіе; Чудинъ послѣ перваго возвращенія Изяславова держалъ Вышгородъ (1072 г.); Тукы является дѣйствующимъ во время перваго изгнанія Изяславова: онъ совѣтовалъ Изяславу стеречь крѣпче Всеслава; изъ этого видно, какъ будто онъ принадлежалъ къ дружинѣ Кіевскаго князя; но потомъ, послѣ втораго возвращенія Изяславова, мы видимъ его въ дружинѣ Всеволода : онъ выходитъ вмѣстѣ съ этимъ княземъ противъ Половцевъ и погибаетъ въ битвѣ при Сожицѣ, значитъ онъ перешелъ изъ дружины Изяслава въ дружину Всеволода; впрочемъ могло быть, что онъ явился дѣйствующимъ лицемъ въ означенномъ Кіевскомъ событіи, принадлежа къ дружинѣ Всеволода, который прибѣжалъ въ Кіевъ съ поля битвы вмѣстѣ съ Изяславомъ; въ такомъ случаѣ любопытно, что одинъ братъ служилъ Изяславу, а другой Всеволоду. Въ битвѣ при Сожицѣ былъ убитъ еще Иванъ Жирославичь, также мужъ изъ дружины Всеволода. При послѣднемъ, во время княженія его въ Кіевѣ, видимъ Ратибора, котораго онъ назначилъ посадникомъ въ Тмутаракань. Къ чьей дружинѣ принадлежалъ Бернъ, упоминаемый при перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба — трудно рѣшить; вѣроятно къ дружинѣ Святослава Черниговскаго.

ГЛАВА III.

СОБЫТІЯ ПРИ ВНУКАХЪ ЯРОСЛАВА І-ГО

(1093 — 1125).

Прежнія причины усобицъ. Характеръ Владиміра Мономаха. Онъ уступаетъ старшинство Святополку Изяславичу. Характеръ послѣдняго. Нашествіе Половцевъ. Олегъ Святославичь въ Черниговѣ. Борьба съ нимъ Святополка и Владиміра. Неудача Олега на Сѣверѣ. Посланіе Мономаха къ Олегу. Съѣздъ князей въ Любечѣ и прекращеніе борьбы на востокѣ. Новая усобица на западѣ вслѣдствіе ослѣпленія Василька Ростиславича. Прекращеніе ея на Витичевскомъ съѣздѣ. Распоряженія на счетъ Новгорода Великаго. Судьба Ярослава Ярополковича, племянника В. Князя. Событія въ Полоцкомъ княжествѣ. Войны съ Половцами. Борьба съ другими сосѣдними варварами. Связь съ Венгріею. Смерть В. Князя Святополка. Кіевляне избираютъ Мономаха въ князья себѣ. Война съ Минскимъ княземъ Глѣбомъ и съ Волынскимъ Ярославомъ. Отношенія къ Грекамъ и Половцамъ. Смерть Мономаха. Дружина при внукахъ Ярослава 1-го.

Не прошло полвѣка по смерти Ярослава Стараго, какъ уже первое поколѣніе въ потомствѣ его смѣнилось вторымъ, сыновья внуками. Мы видѣли начало усобицъ при первомъ поколѣніи, видѣли ихъ причины въ стремленіи осиротѣлыхъ князей добыть себѣ часть въ Русской землѣ, которой не давали имъ дядья; усобицы усилились, когда Изяславъ былъ изгнанъ братьями, когда, возвратившись по смерти Святослава, онъ отнялъ прежнія волости у сыновей послѣдняго, которые должны были искать убѣжища въ отдаленномъ Тмутаракани, и, если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Муромѣ. Съ выступленіемъ на поприще внуковъ Ярославовыхъ, причины усобицъ оставались прежнія, и потому должно было ожидать тѣхъ же самыхъ явленій, какими ознаменовано и правленіе сыновей Ярославовыхъ.

Владиміръ Мономахъ [93] съ братомъ Ростиславомъ были въ Кіевѣ во время смерти и погребенія отца своего; лѣтописецъ говоритъ, что Мономахъ началъ размышлять: «если сяду на столѣ отца своего, то будетъ у меня война съ Святополкомъ, потому что этотъ столъ былъ прежде отца его»; и размысливъ, послалъ заСвятополкомъ въ Туровъ, самъ пошелъ въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ въ Переяславль. Если Мономахъ единственнымъ препятствіемъ къ занятію Кіевскаго стола считалъ старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что онъ не видалъ никакихъ другихъ препятствій, именно не предполагалъ препятствія со стороны гражданъ Кіевскихъ, былъ увѣренъ въ ихъ желаніи имѣть его своимъ княземъ [94]. Нѣтъ сомнѣнія, что уже и тогда Мономахъ успѣлъ пріобрѣсть народную любовь, которою онъ такъ славенъ въ нашей древней исторіи. Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лице съ характеромъ чисто охранительнымъ. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ на перекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей: но личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Общество, взволнованное княжескими усобицами, столько потерпѣвшее отъ нихъ, требовало прежде всего отъ князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои родственныя обязанности, не которовался (не спорилъ) съ братьею, мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ умными совѣтами нарядъ въ семью: и вотъ Мономахъ во время злой вражды между братьями умѣлъ заслужить названіе братолюбца. Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образцомъ благочестія: по свидетельству современниковъ, всѣ дивились, какъ онъ исполнялъ обязанности, требуемыя церковію [95]. Для сдержанія главнаго зла, усобицъ, нужно было, чтобъ князья соблюдали клятву, данную другъ другу: Мономахъ ни подъ какимъ предлогомъ не соглашался переступать крестнаго цѣлованія. Народъ испыталъ уже при другихъ князьяхъ бѣдствіе отъ того, что людямъ не доходила княжая правда, тіуны и отроки грабили безъ

вѣдома князя: Мономахъ не давалъ сильнымъ обижать ни худаго смерда, ни убогой вдовицы, самъ оправливалъ (давалъ правду, судъ) людей. При грубости тогдашнихъ нравовъ, люди сильные не любили сдерживать своего гнѣва, при чемъ подвергнувшійся ему платилъ жизнію: Мономахъ наказывалъ дѣтямъ своимъ, чтобъ они не убивали ни праваго, ни виноватаго, не губили душъ христіанскихъ. Другіе князья позволяли себѣ невоздержаніе: Мономахъ отличался цѣломудріемъ. Обществу сильно не нравилось въ князѣ корыстолюбіе; съ неудовольствіемъ видѣли, что внуки и правнуки Св. Владиміра отступаютъ отъ правилъ этого князя, копятъ богатство, сбирая его съ тягостію для народа: Мономахъ и въ этомъ отношеніи былъ образцомъ добрыхъ князей: съ ранней молодости рука его простиралась ко всѣмъ, по свидѣтельству современниковъ **; никогда не пряталъ онъ сокровищъ, никогда не считалъ денегъ, но раздавалъ ихъ обѣими руками; а между тѣмъ казна его была всегда полна, потому что при щедрости онъ былъ образцемъ добраго хозяина, не смотрѣлъ на служителей, самъ держалъ весь нарядъ въ домѣ. Больше всѣхъ современныхъ князей Мономахъ напоминалъ прадѣда своего, ласковаго князя Владиміра: «Если поѣдете куда по своимъ землямъ (наказываетъ Мономахъ дѣтямъ), не давайте отрокамъ обижать народъ ни въ селахъ, ни на полѣ, чтобъ васъ потомъ не кляли. Куда пойдете, гдѣ станете, напойте, накормите бѣдняка; больше всего чтите гостя, откуда бы къ вамъ ни пришелъ, добрый или простой человѣкъ или посолъ; не можете одарить его, угостите хорошенько, напойте, накормите: гость по всѣмъ землямъ прославляетъ человѣка либо добрымъ, либо злымъ». Что дѣтямъ наказывалъ, то и самъ дѣлалъ: позвавши гостей, самъ служилъ имъ, и когда они ѣли и пили досыта, онъ только смотрѣлъ на нихъ. Кромѣ усобицъ княжескихъ, земля терпѣла отъ безпрестанныхъ нападеній Половцевъ: Мономахъ съ ранней молодости стоялъ на сторожѣ Русской земли, бился за нее съ погаными, пріобрѣлъ имя добраго страдальца (труженика) за Русскую землю по преимуществу. Въ тотъ вѣкъ народной юности богатырскіе подвиги Мономаха, его изумительная дѣятельность не могли не возбудить сильнаго сочувствія, особенно когда эти подвиги совершались на пользу землѣ. Большую часть жизни провелъ онъ

внѣ дома, большую часть ночей проспалъ на сырой землѣ; однихъ дальнихъ путешествій совершилъ онъ 83; дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ дѣлалъ все самъ, не давалъ себѣ покою ни ночью, ни днемъ, ни въ холодъ, ни въ жаръ; до свѣта подымался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, оправливалъ (судилъ) людей, ѣздилъ на охоту, или такъ куда-нибудь, въ полдень ложился спать, и потомъ снова начиналъ туже дѣятельность. Дитя своего вѣка, Мономахъ сколько любилъ пробовать свою богатырскую силу на Половцахъ, столько же любилъ пробовать ее и на дикихъ звѣряхъ, былъ страстный охотникъ: дикихъ коней въ пущахъ вязалъ живыхъ своими руками; туръ не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топтала ногами, вепрь на боку мечь оторвалъ, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ лошадью: «Не бѣгалъ я для сохраненія живота своего, не щадилъ головы своей», говоритъ онъ самъ: «Дѣти! не бойтесь ни рати, ни звѣря, дѣлайте мужеское дѣло; ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ; а отъ Бога будетъ смерть, такъ ни отецъ, ни мать, ни братья не отнимутъ; Божье блюденье лучше человѣческаго!» Но съ этою отвагою, удалью, ненасытною жаждою дѣятельности, въ Мономахѣ соединялся здравый смыслъ, смѣтливость, умѣнье смотрѣть на слѣдствіе дѣла, извлекать пользу; изъ всего можно замѣтить, что онъ былъ сынъ добраго Всеволода и вмѣстѣ сынъ царевны Греческой. Изъ родичей Мономаха были и другіе не менѣе храбрые князья, не менѣе дѣятельные, какъ напр. чародѣй Всеславъ Полоцкій, Романъ и Олегъ Святославичи; но храбрость, дѣятельность Мономаха всегда совпадала съ пользою для Русской земли; народъ привыкъ къ этому явленію, привыкъ вѣрить въ доблести, благоразуміе, благонамѣренность Мономаха, привыкъ считать себя спокойнымъ за его щитомъ, и потому питалъ къ нему сильную привязанность, которую перенесъ и на все его потомство. Наконецъ послѣ личныхъ доблестей не безъ вліянія на уваженіе къ Мономаху было и то, что онъ происходилъ по матери отъ царской крови; особенно, какъ видно, это было важно для Митрополитовъ Грековъ [97], и вообще для духовенства.

Кіевляне должны были желать, чтобъ Мономахъ занялъ отцовское мѣсто; они могли желать этого тѣмъ болѣе, что Моно-

махъ былъ имъ хорошо извѣстенъ, и извѣстенъ съ самой лучшей стороны, тогда какъ Святополкъ Изяславичь жилъ постоянно на отдаленномъ сѣверѣ, и только недавно, по смерти брата Ярополка, перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, безъ сомнѣнія для того, чтобъ быть поближе къ Кіеву, на случай скорой смерти Всеволода. Но мы видѣли причины, которыя заставляли Мономаха отказаться отъ старшаго стола: онъ опасался, что Святополкъ не откажется отъ своихъ правъ и будетъ доискиваться ихъ оружіемъ; Мономахъ долженъ былъ хорошо знать, къ чему ведутъ подобныя нарушенія правъ; долженъ былъ также опасаться, что если Святополкъ будетъ грозить ему съ запада, то съ востока Святославичи также не оставятъ его въ покоѣ. Кіевляне не могли не уважить основаніе, на которомъ Владиміръ отрекся отъ ихъ стола, не могли не сочувствовать уваженію къ старшинству и притомъ не имѣли права отвергать Святополка, потому что еще не знали его характера; и когда онъ явился изъ Турова въ Кіевъ, по приглашенію Мономаха, то граждане вышли къ нему съ поклономъ, и приняли его съ радостію. Но радость ихъ не могла быть продолжительна: характеръ сына Изяславова представлялъ разительную противоположность съ характеромъ сына Всеволодова: Святополкъ былъ жестокъ, корыстолюбивъ и властолюбивъ безъ ума и твердости; сыновья его были похожи на отца. Кіевляне немедлено испытали неспособность своего новаго князя [98]. Въ это время пошли Половцы на Русскую землю; услыхавши, что Всеволодъ умеръ, они отправили пословъ къ Святополку съ предложеніемъ мира, т. е. съ предложеніемъ купить у нихъ миръ: Мономахъ говоритъ дѣтямъ, что онъ въ свою жизнь заключилъ съ Половцами девятнадцать мировъ, при чемъ передавалъ имъ много своего скота и платья. Святополкъ, по словамъ лѣтописца, посовѣтовался при этомъ случаѣ не съ большею дружиною отца и дяди своего, т. е. не съ боярами Кіевскими, но съ тѣми, которые пришли съ нимъ, т. е. съ дружиною, которую онъ привелъ изъ Турова или, вѣроятнѣе, изъ Новгорода; мы видимъ здѣсь слѣдовательно опять ясную жалобу на з а ѣ з д ъ старыхъ бояръ пришлою дружиною новаго князя, явленіе необходимое при отсутствіи отчинности, наслѣдственности волостей; по совѣту своей дружины, Святополкъ велѣлъ посадить Половецкихъ пословъ въ тюрь-

му: или жалѣли скота и платья на покупку мира, или стыдились начать новое княженіе этою покупкою. Половцы, услыхавши о заключеніи пословъ своихъ, стали воевать, пришло ихъ много, и обступили Торческій городъ [99], т. е. городъ заселенный Торками. Святополкъ испугался, захотѣлъ мира, отпустилъ Половецкихъ пословъ; но уже теперь сами Половцы не хотѣли мира и продолжали воевать. Тогда Святополкъ началъ собирать войско; умные люди говорили ему: «не выходи къ нимъ, мало у тебя войска»; онъ отвѣчалъ: «у меня 800 своихъ отроковъ, могутъ противъ нихъ стать»; несмысленные подстрекали его: «ступай князь»! а смышленые говорили: «хотя бы ты пристроилъ и восемь тысячь, такъ и то было бы только въ пору; наша земля оскудѣла отъ рати и отъ продажъ; пошли-ка лучше къ брату своему Владиміру, чтобъ помогъ тебѣ». Святополкъ послушался и послалъ къ Владиміру; тотъ собралъ войско свое, послалъ и къ брату Ростиславу въ Переяславль, веля ему помогать Святополку, а самъ пошелъ въ Кіевъ. Здѣсь, въ Михайловскомъ монастырѣ, свидѣлся онъ съ Святополкомъ и начались у нихъ другъ съ другомъ распри да которы; смышленные мужи говорили имъ «что вы тутъ спорите, а поганые губятъ Русскую землю; послѣ уладитесь, а теперь ступайте противъ поганыхъ, либо съ миромъ, либо съ войною». Владиміръ хотѣлъ мира, а Святополкъ хотѣлъ рати; наконецъ уладились, поцѣловали крестъ, и пошли втроемъ — Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ, къ Треполю [100]. Когда они пришли къ рѣкѣ Стугнѣ, то прежде чѣмъ переходить ее, созвали дружину на совѣтъ, и начали думать. Владиміръ говорилъ: «Врагъ грозенъ; остановимся здѣсь и будемъ съ нимъ мириться». Къ совѣту этому пристали смышленые мужи, Янъ и другіе; но Кіевляне говорили: «хотимъ биться, пойдемъ на ту сторону рѣки»; они осилили и рать перешла рѣку, которая тогда сильно наводнилась. Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ, исполчивши дружину, пошли: на правой сторонѣ шелъ Святополкъ, на лѣвой Владиміръ, по срединѣ Ростиславъ; минули Треполь, прошли и валъ, и вотъ показались Половцы, съ стрѣльцами впереди. Наши стали между двумя валами, поставили стяги (знамена) и пустили стрѣльцовъ своихъ впередъ изъ валовъ; а Половцы подошли къ валу, поставили также стяги свои, налегли прежде всего на Святополка, и сломили отрядъ

его. Святополкъ стоялъ крѣпко; но когда побѣжали люди, то побѣжалъ и онъ. Потомъ Половцы наступили на Владиміра; была у нихъ брань лютая; наконецъ побѣжалъ и Владиміръ съ Ростиславомъ; прибѣжавъ къ рѣкѣ Стугнѣ, стали переправляться въ бродъ, и при этой переправѣ Ростиславъ утонулъ передъ глазами брата, который хотѣлъ было подхватить его, но едва самъ не утонулъ; потерявши брата и почти всю дружину, печальный Владиміръ пришелъ въ Черниговъ, а Святополкъ сперва вбѣжалъ въ Треполь, затворился, пробылъ тутъ до вечера, и ночью пришелъ въ Кіевъ. Половцы, видя, что одолѣли, пустились воевать по всей землѣ, а другіе возвратились къ Торческому городу. Торки противились, боролись крѣпко изъ города, убивали много Половцевъ; но тѣ не переставали налегать, отнимали воду, и начали изнемогать люди въ городѣ отъ голода и жажды; тогда Торки послали сказать Святополку: «если не пришлешь хлѣба, то сдадимся»; Святополкъ послалъ; но обозу нельзя было прокрасться въ городъ отъ Половцевъ. Девять недѣль стояли они подъ Торческомъ, наконецъ раздѣлились: одни остались продолжать осаду, а другіе пошли къ Кіеву; Святополкъ вышелъ противъ нихъ на рѣку Желань[101]; полки сошлись, и опять Русскіе побѣжали; здѣсь погибло ихъ еще больше, чѣмъ у Треполя; Святополкъ пришелъ въ Кіевъ самъ третей только, а Половцы возвратились къ Торческу. Лукавые сыны Измаиловы, говоритъ лѣтописецъ, жгли села и гумна, и много церквей запалили огнемъ; жителей били, оставшихся въ живыхъ мучили, уводили въ плѣнъ; города и села опустѣли; на поляхъ, гдѣ прежде паслись стада коней, овецъ и воловъ, теперь все стало пусто, нивы поросли—на нихъ живутъ звѣри. Когда Половцы съ побѣдою возвратились къ Торческу, то жители, изнемогши отъ голода, сдались имъ. Половцы, взявши городъ, запалили его, а жителей, раздѣливши, повели въ вежи къ сердоболямъ и сродникамъ своимъ, по выраженію лѣтописца. Печальные, изнуренные голодомъ и жаждою, съ осунувшимися лицами, почернѣвшимъ тѣломъ, нагіе, босые, исколотые терновникомъ, шли Русскіе плѣнники въ степи, со слезами разсказывая другъ другу, откуда кто родомъ—изъ какого города или изъ какой веси.

Святополкъ, видя, что нельзя ничего взять силою, помирился съ Половцами, разумѣется, заплативши имъ сколько хотѣли, и женился на дочери хана изъ Тугоркана. Но въ томъ же 1094 году Половцы явились опять, и на этотъ разъ ими предводительствовалъ Олегъ Святославичь изъ Тмутаракани: жестокое пораженіе, потерпѣнное двоюродными братьями въ прошломъ году отъ Половцевъ, дало Олегу надежду получить не только часть въ Русской землѣ, но и всѣ отцовскія волости, на которыя онъ съ братьями имѣлъ полное право: внуки Ярослава находились теперь другъ къ другу по роду и слѣдовательно по волостямъ, точно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находились прежде сыновья, а считать себя изгоемъ Олегъ не хотѣлъ. Онъ пришелъ къ Чернигову, гдѣ осадилъ Мономаха, въ острогѣ; окрестности города, монастыри были выжжены; восемь дней билась съ Половцами дружина Мономахова, и не пустила ихъ въ острогъ; наконецъ Мономахъ пожалѣлъ христіанской крови, горящихъ селъ, монастырей, сказалъ: «не хвалиться поганымъ» и отдалъ Олегу Черниговъ, столъ отца его, а самъ пошелъ на столъ своего отца, въ Переяславль. Такъ описываетъ самъ Мономахъ, свои побужденія; намъ трудно рѣшить, на сколько присоединялся къ нимъ еще расчетъ на невозможность долгаго сопротивленія съ маленькою дружиною, въ которой, по выѣздѣ его изъ Чернигова, не было и ста человѣкъ, считая вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; мы видѣли, что большую часть дружины потерялъ онъ въ битвѣ при Стугнѣ, гдѣ пали всѣ его бояре; попавшихся въ плѣнъ онъ послѣ выкупилъ [108], но ихъ было, какъ видно, очень мало. Съ этою-то небольшою дружиною ѣхалъ Мономахъ изъ Чернигова въ Переяславль черезъ полки Половецкіе; варвары облизывались на нихъ какъ волки, говоритъ самъ Мономахъ, но напасть не смѣли. Олегъ сѣлъ въ Черниговѣ, а Половцы пустошили окрестную страну: князь не противился, онъ самъ велѣлъ имъ воевать, ибо другимъ нечѣмъ ему было заплатить союзникамъ, доставившимъ ему отцовскую волость. «Это уже въ третій разъ, говоритъ лѣтописецъ, навелъ онъ поганыхъ на Русскую землю; прости Господи ему этотъ грѣхъ, потому что много христіанъ было погублено, а другіе взяты въ плѣнъ и расточены по разнымъ землямъ.» На Руси Олегу этого не простили, и сколько любили Мономаха, какъ добраго страдальца за Рус-

скую землю, защищавшаго ее отъ поганыхъ, столько же не любили Олега, опустошавшаго ее съ Половцами; видѣли гибельныя слѣдствія войнъ Олеговыхъ, забыли обиду ему нанесенную, забыли, что онъ принужденъ былъ самъ добывать себѣ отцовское мѣсто, на которое не пускали его двоюродные братья [103].

Незавидно было житье Мономаха въ Переяславлѣ: «три лѣта и три зимы, говоритъ онъ, прожилъ я въ Переяславлѣ съ дружиною, и много бѣдъ натерпѣлись мы отъ рати и отъ голода». Половцы не переставали нападать на Переяславскую волость, и безъ того уже раззоренную; Мономаху удалось разъ побить ихъ, и взять плѣнниковъ [104]. Въ 1095 году пришли къ нему два Половецкихъ Хана, Итларь и Китанъ на миръ, т. е. торговаться, много ли Переяславскій князь дастъ за этотъ миръ? Итларь съ лучшими людьми вошелъ въ городъ, а Китанъ сталъ съ войскомъ между валами, и Владиміръ отдалъ ему сына своего Святослава въ заложники за безопасность Итларя, который стоялъ въ домѣ болрина Ратибора. Въ это время пришелъ къ Владиміру изъ Кіева отъ Святополка бояринъ Славата за какимъ-то дѣломъ; Славата подучилъ [105] Ратибора и его родню [106] пойти къ Мономаху и убѣдить его согласиться на убійство Итларя. Владиміръ отвѣчалъ имъ: «Какъ могу я это сдѣлать, давши имъ клятву?» Тѣ сказали ему на это «Князь: не будетъ на тебѣ грѣха: Половцы всегда даютъ тебѣ клятву, и все губятъ Русскую землю,—льютъ кровь Христіанскую». Владиміръ послушался, и ночью послалъ отрядъ дружины и Торковъ къ валамъ: они выкрали сперва Святослава, а потомъ перебили Китана и всю дружину его. Это было въ субботу вечеромъ; Итларь ночевалъ на дворѣ Ратиборовомъ, и не зналъ, что сдѣлалось съ Китаномъ. На другой день въ воскресенье, рано утромъ, Ратиборъ приготовилъ вооруженныхъ отроковъ, и велѣлъ имъ вытопить избу, а Владиміръ прислалъ отрока своего сказать Итларю и дружинѣ его: «Обувшись и позавтракавши въ теплой избѣ у Ратибора, пріѣзжайте ко мнѣ». Итларь отвѣчалъ: «хорошо!» Половцы вошли въ избу и были тамъ заперты; а между тѣмъ Ратиборовцы влѣзли на крышку, проломали ее, и Ольбегъ Ратиборовичь, натянувъ лукъ, ударилъ Итларя стрѣлою прямо въ сердце; перестрѣляли и всю дружину его. Тогда Святополкъ и Владиміръ послали въ Черниговъ къ Олегу звать его съ собою вмѣстѣ на По-

ловцевъ; Олегъ обѣщался идти съ ними и пошелъ, но не вмѣстѣ: ясно было, что онъ не довѣрялъ имъ[107]; быть можетъ, поступокъ съ Итларемъ былъ одною изъ причинъ этого недовѣрія. Святополкъ и Владиміръ пошли къ Половцамъ на вежи, взяли ихъ, поплѣнили скотъ, лошадей, верблюдовъ, рабовъ, и привели ихъ въ свою землю [108]. Недовѣріе Олега сильно разсердило двоюродныхъ братьевъ; послѣ похода они послали сказать ему: «ты не шелъ съ нами на поганыхъ, которые сгубили Русскую землю; а вотъ теперь у тебя сынъ Итларевъ; убей его, либо отдай намъ: онъ врагъ Русской землѣ.» Олегъ не послушался, и встала между ними ненависть. Вѣроятно въ связи съ этими событіями было движеніе на сѣверѣ брата Олегова, Давида, о которомъ до сихъ поръ дошедшіе до насъ списки лѣтописи ничего не говорили; только въ сводѣ лѣтописей Татищева читаемъ, что остальные Святославичи при Всеволодѣ имѣли волость въ Муромѣ—извѣстіе очень вѣроятное; по смерти же Всеволода, какъ видно, Мономахъ принужденъ былъ отречься не отъ одного Чернигова въ пользу Олега, но долженъ былъ уступить также и Смоленскъ Давиду. Въ концѣ 1095 года, когда загорѣлась снова вражда между Олегомъ и братьями его, Святополкомъ и Владиміромъ, послѣдніе отправились къ Смоленску, вывели оттуда Давида, и дали ему Новгородъ [109], откуда сынъ Мономаха, Мстиславъ, посаженный дѣдомъ Всеволодомъ еще по удаленіи Святополка, былъ переведенъ въ Ростовъ: вѣроятно они не хотѣли, чтобъ волости Святославичей соприкасались другъ съ другомъ, при чемъ братья могли легко дѣйствовать соединенными силами; въ Смоленской волости, которая должна была раздѣлять волости Святославичей, Святополкъ и Владиміръ должны были посадить кого-нибудь изъ своихъ, и вотъ есть извѣстіе, что Владиміръ посадилъ здѣсь сына своего Изяслава [110]. Но Давидъ, можетъ быть по соглашенію съ братомъ, не долго жилъ въ Новгородѣ, и отправился опять въ Смоленскъ, впрочемъ, какъ видно, съ тѣмъ, чтобъ оставить и Новгородъ за собою же, потому что когда Новгородцы, въ его отсутствіе, послали въ Ростовъ за Мстиславомъ Владиміровичемъ, и посадили его у себя, то Давидъ немедленно выступилъ опять изъ Смоленска къ Новгороду; но на этотъ разъ Новгородцы послали сказать ему: «не ходи къ намъ,» и онъ принужденъ былъ возвратиться съ дороги опять

въ Смоленскъ. Изгнанный имъ отсюда Изяславъ бросился на волости Святославичей, сперва на Курскъ, а потомъ на Муромъ, гдѣ схватилъ посадника Олегова, и утвердился съ согласія граждан. Въ слѣдующемъ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали сказать Олегу: «пріѣзжай въ Кіевъ, урядимся о Русской землѣ, предъ епископами, игуменами, мужами отцевъ нашихъ, и людьми городскими, чтобъ послѣ намъ можно было сообща оборонять Русскую землю отъ поганыхъ.» Олегъ велѣлъ отвѣчать: «Не пойду на судъ къ епископамъ, игуменамъ да смердамъ.» Если прежде онъ боялся идти въ походъ вмѣстѣ съ братьями, то могъ ли онъ рѣшиться ѣхать въ Кіевъ, гдѣ зналъ, что духовенство, дружина и граждане дурно расположены къ нему? могъ ли онъ отдать свое дѣло на ихъ рѣшеніе? При томъ князь, который привыкъ полагаться во всемъ на одинъ свой мечь, имъ доставать себѣ управу, считалъ унизительнымъ идти на судъ предъ духовенство и простыхъ людей. Какъ бы то ни было, гордый отвѣтъ Олега возбудилъ къ нему еще сильнѣйшее нерасположеніе въ Кіевѣ: лѣтописецъ сильно укоряетъ Черниговскаго князя за смыслъ буйный, за слова величавыя, укоряетъ и злыхъ совѣтниковъ Олега. Святополкъ и Владиміръ послали послѣ этого объявить ему войну. «Ты нейдешь съ нами на поганыхъ, велѣли они сказать ему, нейдешь къ намъ на совѣтъ: значитъ мыслишь на насъ недоброе и поганымъ помогать хочешь: пусть же Богъ разсудитъ насъ!» Князья выступили противъ Олега къ Чернигову; Святославичь выбѣжалъ передъ ними и заперся въ Стародубѣ, вѣроятно для того, чтобы быть ближе къ братнимъ волостямъ и получить оттуда скорѣе помощь. Святополкъ и Владиміръ осадили Стародубъ, и стояли подъ нимъ 33 дня; приступы были сильные, но изъ города крѣпко отбивались; наконецъ осажденные изнемогли; Олегъ вышелъ изъ города, запросилъ мира, и получилъ его отъ братьевъ, которые сказали ему: «ступай къ брату своему Давыду, и пріѣзжайте оба вмѣстѣ въ Кіевъ, къ столу отцовъ и дѣдовъ нашихъ: тѣ старшій городъ во всей землѣ, въ немъ слѣдуетъ собираться намъ и улаживаться.» Олегъ обѣщался пріѣхать, цѣловалъ крестъ и отправился изъ Стародуба въ Смоленскъ; но Смолняне не захотѣли принять его, и онъ принужденъ былъ ѣхать въ Рязань.

Видя, что Святославичи не думают пріѣзжать въ Кіевъ на уряженіе, Святополкъ съ Владиміромъ пошли было къ Смоленску на Давида, но помирились съ нимъ; а между тѣмъ Олегъ съ Давыдовыми полками пошелъ изъ Рязани къ Мурому на Изяслава, сына Мономахова. Изяславъ, узнавши что Олегъ идетъ на него, послалъ за Суздальцами, Ростовцами, Бѣлозерцами, и собралъ много войска. Олегъ послалъ сказать ему: «ступай въ волость отца своего, въ Ростовъ, а это волость моего отца, хочу здѣсь сѣсть, и урядиться съ твоимъ отцемъ; онъ выгналъ меня изъ отцовскаго города, а ты неужели и здѣсь не хочешь дать мнѣ моего же хлѣба [111]?» Изяславъ не послушался его, надѣясь на множество войска; Олегъ же, прибавляетъ лѣтописецъ, надѣялся на свою правду, потому что былъ онъ теперь правъ. Это замѣчаніе лѣтописца очень любопытно: Олегъ лишился Чернигова и Мурома вслѣдствіе войны, которую начали противъ него двоюродные братья, слѣд. по понятіямъ современниковъ, самая война была несправедлива: въ противномъ случаѣ лѣтописецъ не оправилъ бы Олега, потому что тогда отнятіе волости было бы только достойнымъ наказаніемъ за его неправду. Передъ стѣнами Мурома произошла битва между Олегомъ и Изяславомъ; въ лютой сѣчи Изяславъ былъ убитъ, войско его разбѣжалось — кто въ лѣсъ, кто въ городъ. Олегъ вошелъ въ Муромъ, былъ принятъ гражданами, перехваталъ Ростовцевъ, Бѣлозерцовъ, Суздальцевъ, поковалъ ихъ, и устремился на Суздаль; Суздальцы сдались; Олегъ усмирилъ городъ: однихъ жителей взялъ въ плѣнъ, другихъ разсѣялъ по разнымъ мѣстамъ, имѣнье у нихъ отнялъ. Изъ Суздаля пошелъ къ Ростову: и Ростовцы сдались; такимъ образомъ онъ захватилъ всю землю Муромскую и Ростовскую, посажалъ посадниковъ по городамъ и началъ брать дани. Въ это время пришелъ къ нему посолъ отъ Мстислава Владиміровича изъ Новгорода: «ступай изъ Суздаля въ Муромъ, велѣлъ сказать ему Мстиславъ: въ чужой волости не сиди; а я съ дружиною пошлемъ къ отцу моему, и помирю тебя съ нимъ; хотя ты и брата моего убилъ—что же дѣлать! въ битвахъ и цари и бояре погибаютъ». Олегъ не захотѣлъ мириться, онъ думалъ взять и Новгородъ, и послалъ брата своего Ярослава въ сторожахъ, на рѣку Медвѣдицу, а самъ сталъ на полѣ у Ростова. Мстиславъ, посовѣтовавшись съ Новгородцами, послалъ

отъ себя въ сторожахъ Добрыню Рагуйловича, который прежде всего перехваталъ Олеговыхъ данниковъ (сборщиковъ дани). Когда Ярославъ узналъ, что данники перехвачены, то въ ту же ночь бросился бѣжать къ Олегу съ извѣстіемъ, что Мстиславъ идетъ. Олегъ отступилъ къ Ростову, Мстиславъ за нимъ; Олегъ двинулся къ Суздалю, Мстиславъ пошелъ за нимъ и туда; Олегъ зажегъ Суздаль, и побѣжалъ къ Мурому; Мстиславъ пришелъ въ Суздаль, и, остановившись здѣсь, послалъ опять съ миромъ къ Олегу, велѣлъ сказать ему: «я моложе тебя; пересылайся съ отцемъ моимъ, да выпусти дружину, а я во всемъ тебя послушаю». Причина такой скромности со стороны Мстислава заключалась въ томъ, что онъ былъ крестный сынъ Олегу. Послѣдній видѣлъ, что ему трудно одолѣть Мстислава силою, и потому рѣшился дѣйствовать хитростію: послалъ къ Мстиславу съ мирнымъ отвѣтомъ, и когда тотъ, понадѣявшись на миръ, распустилъ дружину по селамъ, Олегъ неожиданно явился на Клязьмѣ; Мстиславъ обѣдалъ въ то время, когда ему дали знать о приближеніи Олега, который думалъ, что племянникъ, застигнутый въ расплохъ, побѣжитъ; однако Мстиславъ не побѣжалъ: къ нему въ два дня собралась дружина—Новгородцы, Ростовцы и Бѣлозерцы; онъ выстроилъ ее передъ городомъ, и когда явился Олегъ, то ни тотъ, ни другой не хотѣли начать нападеніе, и стояли другъ передъ другомъ четыре дня; а между тѣмъ Мономахъ прислалъ на помощь къ Мстиславу другаго сына своего, Вячеслава съ Половцами. На пятый день Олегъ выстроилъ дружину и двинулся къ городу; Мстиславъ пошелъ къ нему на встрѣчу, и отдавъ стягъ (знамя) Мономаховъ Половчину Кунуй, отдалъ ему также пѣшій полкъ и поставилъ его на правомъ крылѣ. Сошлись биться: полкъ Олеговъ противъ полка Мстиславова, полкъ Ярославовъ противъ полка Вячеславова. Мстиславъ съ Новгородцами перешелъ пожаръ, схватился съ врагами на рѣкѣ Колакчѣ и началъ одолѣвать, а между тѣмъ Кунуй съ пѣшими зашелъ въ тылъ Олегу и поднялъ стягъ Владиміровъ: ужасъ напалъ тогда на Олега и на все войско его, которое брасилось бѣжать. Олегъ прибѣжалъ въ Муромъ, затворилъ здѣсь брата Ярослава, а самъ пошелъ въ Рязань. Мстиславъ по его слѣдамъ пришелъ къ Мурому, заключилъ миръ съ жителями, взялъ своихъ людей, Ростовцевъ и Суздальцевъ, захвачен-

ныхъ прежде Олегомъ, и пошелъ на послѣдняго къ Рязани; Олегъ выбѣжалъ и отсюда, а Мстиславъ договорился и съ Рязанцами, которые выдали ему также плѣнниковъ. Изъ Рязани послалъ онъ въ третій разъ къ Олегу съ мирными предложеніями: «Не бѣгай, но шли къ братьи съ просьбою о мирѣ: не лишатъ тебя Русской земли; а я пошлю къ отцу своему просить за тебя». Олегъ обѣщалъ послушаться его; Мстиславъ возвратился къ Суздалю, оттуда въ Новгородъ, и точно послалъ къ Мономаху просить за своего крестнаго отца.

Мономахъ, получивъ письмо отъ сына, написалъ къ Олегу: «Пишу къ тебѣ, потому что принудилъ меня къ тому сынъ твой крестный: прислалъ ко мнѣ мужа своего и грамоту; пишетъ: уладимся и помиримся, а братцу моему судъ пришелъ; не будемъ за него местники, но положимся во всемъ на Бога: они станутъ на судъ передъ Богомъ, а мы Русской земли не погубимъ. Увидавъ такое смиреніе сына своего, я умилился и устрашился Бога, подумалъ: сынъ мой въ юности своей и въ безуміи такъ смиряется, на Бога все возлагаетъ; а я что дѣлаю? грѣшный я человѣкъ, грѣшнѣе всѣхъ людей! послушался я сына своего, написалъ къ тебѣ грамоту: примешь ли ея добромъ или съ поруганьемъ—увижу по твоей грамотѣ. Я первый написалъ къ тебѣ, ожидая отъ тебя смиренья и покаянья. Господь нашъ не человѣкъ, а Богъ всей вселенной, что хочетъ—все творитъ въ мгновенье ока; а претерпѣлъ же хулѣнье, и плеванье, и удареніе, и на смерть отдался, владѣя животомъ и смертью; а мы что люди грѣшные? нынѣ живы, а завтра мертвы; нынѣ въ славѣ и въ чести, а завтра въ гробѣ и безъ памяти: другіе раздѣлятъ по себѣ собранное нами. Посмотри, братъ, на отцевъ нашихъ: много ли взяли съ собою, кромѣ того что сдѣлали для своей души? Тебѣ бы слѣдовало, братъ, прежде всего прислать ко мнѣ съ такими словами. Когда убили дитя мое и твое[112] предъ тобою, когда ты увидалъ кровь его и тѣло увянувшее, какъ цвѣтокъ только что распустившійся, какъ агнца заколеннаго, подумать бы тебѣ, стоя надъ нимъ: «увы, что я сдѣлалъ! для неправды свѣта сего суетнаго взялъ грѣхъ на душу, отцу и матери причинилъ слезы! сказать бы тебѣ было тогда по Давидовски: азъ знаю грѣхъ мой, предо мной есть выну! Богу бы тебѣ тогда покаяться, а ко мнѣ написать грамоту утѣшную,

да сноху прислать, потому что она ни въ чемъ не виновата, ни въ добрѣ, ни въ злѣ: обнялъ бы я ее и оплакалъ мужа ея и свадьбу ихъ вмѣсто пѣсенъ брачныхъ; не видалъ я ихъ первой радости, ни вѣнчанья, за грѣхъ мой; ради Бога пусти ее ко мнѣ скорѣе: пусть сидитъ у меня какъ горлица на сухомъ деревѣ жалуючись, а меня Богъ утѣшитъ. Такимъ ужь видно путемъ пошли дѣти отцевъ нашихъ: судъ ему отъ Бога пришелъ. Если бы ты тогда сдѣлалъ по своей волѣ, Муромъ взялъ бы, а Ростова не занималъ, и послалъ ко мнѣ, то мы уладились бы; но разсуди самъ: мнѣ ли было первому къ тебѣ посылать, или тебѣ ко мнѣ; а что ты говорилъ сыну моему: «шли къ отцу», такъ я десять разъ посылалъ. Удивительно ли, что мужъ умеръ на рати, умирали такъ и прежде наши прадѣды: не искать было ему чужаго, и меня въ стыдъ и въ печаль не вводить [113]: это научили его отроки, для своей корысти, а ему на гибель. Захочешь покаяться предъ Богомъ, и со мною помириться, то напиши грамоту съ правдою и пришли съ нею посла или попа: такъ и волость возмешь добромъ, и наше сердце обратишь къ себѣ и лучше будемъ жить, чѣмъ прежде: я тебѣ ни врагъ, ни местникъ. Не хотѣлъ я видѣть твоей крови у Стародуба; но не дай мнѣ Богъ видѣть крови и отъ твоей руки, и ни отъ котораго брата, по своему попущенію; если я лгу, то Богъ меня вѣдаетъ и крестъ честной. Если тотъ мой грѣхъ, что ходилъ на тебя къ Чернигову за дружбу твою съ погаными, то каюсь. Теперь подлѣ тебя сидитъ сынъ твой крестный съ малымъ братомъ своимъ, ѣдятъ хлѣбъ дѣдовскій [114], а ты сидишь въ своей волости: такъ рядись, если хочешь, а если хочешь ихъ убить, они въ твоей волѣ; а я не хочу лиха, добра хочу братьи и Русской землѣ. Что ты хочешь теперь взять насильемъ, то мы смиловавшись давали тебѣ и у Стародуба, отчину твою [115]; Богъ свидѣтель, что мы рядились съ братомъ твоимъ, да онъ не можетъ рядиться безъ тебя; мы не сдѣлали ничего дурнаго, но сказали ему: посылай къ брату, пока не уладимся; если же кто изъ васъ не хочетъ добра и мира христіанамъ, то пусть душа его на томъ свѣтѣ не увидитъ мира отъ Бога. Я къ тебѣ пишу не по нуждѣ: нѣтъ мнѣ никакой бѣды; пишу тебѣ для Бога, потому что мнѣ своя душа дороже цѣлаго свѣта.»

Изъ этого письма видно, что Мономахъ первый писалъ къ Олегу. Крайность, до которой былъ доведенъ послѣдній оружіемъ Мстислава и смыслъ письма Мономахова должны были наконецъ показать Олегу необходимость искренно сблизиться съ двоюродными братьями, и вотъ въ 1097 г. князья: Святополкъ, Владиміръ, Давидъ Игоревичь, Василько Ростиславичь, Давидъ Святославичь и братъ его Олегъ съѣхались на устроенье мира въ городѣ Любечѣ, слѣд. въ Черниговской волости, по ту сторону Днѣпра: быть можетъ, это была новая уступка подозрительности Олеговой. Князья говорили: «зачѣмъ губимъ Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? а Половцы землю нашу несутъ розно, и ради, что между нами идутъ усобицы; теперь же съ этихъ поръ станемъ жить въ одно сердце и блюсти Русскую землю.» Кромѣ Василька Ростиславича сидѣли все двоюродные братья, внуки Ярославовы; урядиться имъ было легко: стоило только раздѣлить между собою волости точно также, какъ онѣ были раздѣлены между ихъ отцами, которыхъ мѣста они теперь занимали; вся вражда пошла оттого, что Святославичамъ не дали тѣхъ волостей, какими они имѣли полное право владѣть по своему положенію въ родѣ, какъ сыновья втораго Ярославича. И вотъ князья объявили, что пусть каждое племя (линія) держитъ отчину свою: Святополкъ—Кіевъ вмѣстѣ съ тою волостію, которая изначала и до сихъ поръ принадлежала его племени, съ Туровымъ; Владиміръ получилъ всѣ волости Всеволодовы, т. е. Переяславль, Смоленскъ, Ростовскую область, Новгородъ также остался за сыномъ его Мстиславомъ; Святославичи—Олегъ, Давидъ и Ярославъ—Черниговскую волость; теперь остались изгои—Давидъ Игоревичь и Ростиславичи; относительно ихъ положено было держаться распоряженій Великаго князя Всеволода: за Давидомъ оставить Владиміръ Волынскій, за Володаремъ Ростиславичемъ Перемышль, за Василькомъ—Теребовль. Уладившись, князья цѣловали крестъ: «Если теперь кто-нибудь изъ насъ поднимется на другаго, говорили они, то мы всѣ встанемъ на зачинщика и крестъ честной будетъ на него же; всѣ повторяли: «Крестъ честной на него и вся земля Русская.» Послѣ этого князья поцѣловались и разъѣхались по домамъ.

Мы видѣли, что отсутствіе отчинности, непосредственной наслѣдственности волостей было главною причиною усобицъ, возникшихъ при первомъ поколѣніи Ярославичей и продолжавшихся при второмъ; на Любецкомъ съѣздѣ князья отстранили эту главную причину, стараясь ввести каждаго родича во владѣніе тѣми волостями, которыя при первомъ поколѣніи принадлежали отцу его. И точно борьба на востокѣ съ Святославичами за волость Черниговскую прекратилась Любецкимъ съѣздомъ; не кончилась борьба на западѣ, на Волыни: тамъ сидѣли вмѣстѣ изгои —Ростиславичи и Давидъ Игоревичь. Младшій изъ Ростиславичей, Василько, князь Теребовльскій отличался необыкновенно предпріимчивымъ духомъ; онъ уже былъ извѣстенъ своими войнами съ Польшею, на опустошеніе которой водилъ Половцевъ; теперь онъ затѣвалъ новые походы: на его зовъ шли къ нему толпы Берендѣевъ, Печенѣговъ, Торковъ; онъ хотѣлъ идти съ ними на Польшу, повоевать и отмстить ей за Русскую землю, за походы обоихъ Болеславовъ; потомъ хотѣлъ идти на Болгаръ Дунайскихъ, и заставить ихъ переселиться на Русь; наконецъ хотѣлъ идти на Половцевъ, и либо найти себѣ славу, либо голову свою сложить за Русскую землю. Понятно, что сосѣдство такого князя не могло нравиться Давиду, особенно когда послѣдній не зналъ настоящихъ намѣреній Василька, слышалъ только о его военныхъ приготовленіяхъ, слышалъ о приближеніи варварскихъ полковъ, и могъ думать, что воинственный Василько прежде всего устремитъ ихъ на его волости: извѣстна была вражда Ростиславичей къ прежнему Волынскому князю, Ярополку, извѣстно было подозрѣніе, которое лежало на нихъ въ смерти послѣдняго. Нашлись люди, которые возможность перемѣнили въ дѣйствительность; странно могло казаться, что двое доблестнѣйшихъ князей, Мономахъ и Василько не воспользуются своею доблестію, своею славою для возвышенія, усиленія себя на счетъ князей менѣе достойныхъ, и вотъ трое мужей изъ дружины Давидовой, Турякъ, Лазарь и Василь начали говорить своему князю, что Мономахъ сговорился съ Василькомъ на него и на Святополка, что Мономахъ хочетъ сѣсть въ Кіевѣ, а Василько на Волыни. Давидъ испугался: дѣло шло о потери волости, объ изгнаніи, которое онъ уже испыталъ; вѣроятность была въ словахъ мужей его; притомъ же мы не знаемъ, какія еще

доказательства приводили они, не знаемъ, въ какой степени поведеніе Мономаха и Василька въ самомъ Любечѣ могло подать поводъ къ толкамъ: въ то время, когда князья мирились и рядились, дружинники ихъ наблюдали и толковали, и Богъ вѣсть, до чего могли дотолковаться. Какъ бы то ни было, лѣтописецъ, и какъ видно, вообще современники складывали главную вину на мужей Давидовыхъ, а его обвиняли только за то, что, поддавшись страху, поспѣшилъ повѣрить лживымъ словамъ. Онъ пріѣхалъ изъ Любеча въ Кіевъ вмѣстѣ съ Святополкомъ, и разсказалъ ему за вѣрное, что̀ слышалъ отъ мужей своихъ: «Кто убилъ брата твоего Ярополка? говорилъ онъ ему, а теперь мыслитъ и на тебя и на меня, сговорился съ Владиміромъ, промышляй о своей головѣ!» Святополкъ смутился, не зналъ, вѣрить или нѣтъ; онъ отвѣчалъ Давиду: «если правду говоришь, то Богъ тебѣ будетъ свидѣтель, если же изъ зависти, то Богъ тебѣ судья.» Потомъ жалость взяла Святополка по братѣ, да и о себѣ сталъ думать: «Ну какъ это правда?» Давидъ постарался увѣрить его, что правда, и стали вмѣстѣ думать о Василькѣ; тогда какъ Василько съ Владиміромъ не имѣли ни о чемъ понятія. Давидъ началъ говорить Святополку: «Если не схватимъ Василька, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимирѣ.» Святополкъ согласился. Въ это время пріѣхалъ Василько въ Кіевъ, и пошелъ помолиться въ Михайловскій монастырь, гдѣ и поужиналъ, а вечеромъ возвратился въ свой обозъ. На другой день утромъ прислалъ къ нему Святополкъ съ просьбою чтобъ не ходилъ отъ его имянинъ [116]; Василько велѣлъ отвѣчать, что не можетъ дожидаться, боится не было бы рати дома. Давидъ прислалъ къ нему съ тѣмъ же приглашеніемъ: «Не ходи, не ослушайся старшаго брата!» Но Василько и тутъ не согласился. Тогда Давидъ сказалъ Святополку: «Видишь: не хочетъ тебя знать, находясь въ твоей волости; что же будетъ, когда придетъ въ свою землю? увидишь, что займетъ города твои Туровъ, Пинскъ и другіе, тогда помянешь меня; созови Кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ.» Святополкъ послушался, и послалъ сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до имянинъ, то зайди хотя нынче, повидаемся и посидимъ вмѣстѣ съ Давидомъ.» Василько обѣщался придти, и уже сѣлъ на лошадь и поѣхалъ, какъ встрѣтился одинъ ему изъ слугъ его и сказалъ

«не ѣзди, князь: хотятъ тебя схватить.» Василько не повѣрилъ, думалъ—«какъ меня схватить? а крестъ то мнѣ цѣловали, обѣщались, что если кто на кого первый поднимется, то всѣ будутъ на зачинщика и крестъ честной;» подумавъ такимъ образомъ, онъ перекрестился, сказалъ: «воля Господня да будетъ!» и продолжалъ путь. Съ малою дружиною прiѣхалъ онъ на княжiй дворъ; Святополкъ вышелъ къ нему но встрѣчу, ввелъ въ избу; пришелъ Давидъ, и сѣли. Святополкъ сталъ опять упрашиватъ Василька: «останься на праздникъ.» Василько отвѣчалъ: «никакъ не могу, братъ; я уже и обозъ отправилъ впередъ.» А Давидъ во все время сидѣлъ какъ нѣмой. Потомъ Святополкъ началъ упрашивать Василька хотя позавтракать у него; позавтракать Василько согласился, и Святополкъ вышелъ, сказавши: «посидите вы здѣсь, а я пойду, распоряжусь;» Василько сталъ разговаривать съ Давидомъ: но у того не было ни языка, ни ушей: такъ испугался! и посидѣвши немного, спросилъ слугъ: «гдѣ братъ Святополкъ?» ему отвѣчали: «стоитъ на сѣняхъ.» Тогда онъ сказалъ Васильку: «я пойду за нимъ; а ты братъ, посиди.» Но только что Давидъ вышелъ, какъ Василька заперли, заковали въ двойные оковы, и приставили сторожей на ночь. На другой день утромъ Святополкъ созвалъ бояръ и Кiевлянъ, и разсказалъ имъ все, что слышалъ отъ Давида, что вотъ Василько брата его убилъ, а теперь сговорился съ Владимiромъ, хотятъ его убить, а города его побрать себѣ. Бояре и простые люди отвѣчали: «тебѣ, князь, надобно беречь свою голову; если Давидъ сказалъ правду, то Василька должно наказать; если же сказалъ неправду, то пусть отвѣчаетъ передъ Богомъ.» Узнали объ этомъ игумены, и начали просить Святополка за Василька; Святополкъ отвѣчалъ имъ: «вѣдь это все Давидъ;» а Давидъ, видя, что за Василька просятъ и Святополкъ колеблется, началъ подучать на ослѣпленье. «Если ты этого не сдѣлаешь,» говорилъ онъ Святополку, отпустишь его, то ни тебѣ ни княжить, ни мнѣ.» Святополкъ, по свидѣтельству лѣтописца, хотѣлъ отпустить Василька, но Давидъ никакъ не хотѣлъ, потому что сильно опасался Теребовльскаго князя. Кончилось тѣмъ однако, что Святополкъ выдалъ Давиду Василька. Въ ночь перевезли его изъ Кiева въ Бѣлгородъ на телѣгѣ, въ оковахъ, ссадили съ телѣги, ввели въ маленькую избу и посадили; оглядѣвшись, Василько

увидалъ, что овчарь Святополковъ, родомъ Торчинъ, именемъ Беренди, точитъ ножъ; князь догадался, что хотятъ ослѣпить его, и «возопилъ къ Богу съ плачемъ великимъ и стономъ.» И вотъ вошли посланные отъ Святополка и Давида, Сновидъ Изечевичь, конюхъ Святополковъ, да Димитрій, конюхъ Давидовъ и начали разстилать коверъ, потомъ схватили Василька и хотѣли повалить; но тотъ боролся съ ними крѣпко, такъ что вдвоемъ не могли съ нимъ сладить, и позвали другихъ, тѣмъ удалось повалить его и связать. Тогда сняли доску съ печи и положили ее на грудь, а по концамъ ея сѣли Сновидъ и Димитрій, и все не могли удержаться, подошло двое другихъ, взяли еще доску съ печи и сѣли: кости затрещали въ груди у Василька; тогда подошелъ Торчинъ съ ножемъ, хотѣлъ ударить въ глазъ, и не попалъ, перерѣзалъ лице; наконецъ вырѣзалъ оба глаза одинъ за другимъ, и Василько обезпамятѣлъ. Его подняли вмѣстѣ съ ковромъ, положили на телѣгу какъ мертваго, и повезли во Владиміръ; переѣхавши Вздвиженскій мостъ, Сновидъ съ товарищами остановились, сняли съ Василька кровавую сорочку и отдали попадьѣ вымыть, а сами сѣли обѣдать; попадья, вымывши сорочку, надѣла ее опять на Василька, и стала плакаться надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Василько очнулся и спросилъ: «гдѣ я?» попадья отвѣчала: «въ городѣ Вздвиженскѣ [117].» Тогда онъ спросилъ воды, и напившись, опамятовался совершенно; пощупалъ сорочку и сказалъ: «зачѣмъ сняли ее съ меня; пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ смерть принялъ и сталъ передъ Богомъ.» Между тѣмъ Сновидъ съ товарищами пообѣдали, и повезли Василька скоро во Владиміръ, куда пріѣхали на шестой день. Пріѣхалъ съ нимъ туда и Давидъ, какъ будто поймалъ какую добычу, по выраженію лѣтописца; къ Васильку приставили стеречь 30 человѣкъ съ двумя отроками княжескими.

Мономахъ, узнавъ, что Василька схватили и ослѣпили, ужаснулся, заплакалъ и сказалъ: «такого зла никогда не бывало въ Русской землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ [118]», и тотчасъ послалъ сказать Давиду и Олегу Святославичамъ: «Приходите къ Городцу, исправимъ зло, какое случилось теперь въ Русской землѣ и въ нашей братьи: бросили между насъ ножъ; если это оставимъ такъ, то большее зло встанетъ, начнетъ уби-

вать братъ брата и погибнетъ земля Русская: враги наши Половцы придутъ и возьмутъ ее». Давидъ и Олегъ также сильно огорчились, плакали, и, собравши немедленно войско, пришли къ Владиміру. Тогда отъ всѣхъ троихъ послали они сказать Святополку: «зачѣмъ это ты сдѣлалъ такое зло въ Русской землѣ, бросилъ ножъ между нами? зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? если бы онъ былъ въ чемъ виноватъ, то ты обличилъ бы его передъ нами, и тогда по винѣ наказалъ его; а теперь скажи, въ чемъ онъ виноватъ, что ты ему это сдѣлалъ?» Святополкъ отвѣчалъ: «Мнѣ сказалъ Давидъ Игоревичь, что Василько брата моего убилъ Ярополка, хотѣлъ и меня убить, волость мою занять, сговорился въ Владиміромъ, чтобъ сѣсть Владиміру въ Кіевѣ, а Васильку на Волыни; мнѣ по неволѣ было свою голову беречь, да и не я ослѣпилъ его, а Давидъ: онъ повезъ его къ себѣ, да и ослѣпилъ на дорогѣ». Послы Мономаха и Святославичей возражали: «Нечего тебѣ оправдываться тѣмъ, что Давидъ его ослѣпилъ: не въ Давидовѣ городѣ его взяли и ослѣпили, а въ твоемъ», и поговоривъ такимъ образомъ, ушли. На другой день князья хотѣли уже переходить Днѣпръ и идти на Святополка, и тотъ уже думалъ бѣжать изъ Кіева; но Кіевляне не пустили его, а послали къ Владиміру мачиху его, жену покойнаго В. Князя Всеволода, да Митрополита Николая; тѣ отъ имени гражданъ стали умолять князей не воевать съ Святополкомъ: «Если станете воевать другъ съ другомъ, говорили отъ, то поганые обрадуются, возьмутъ землю Русскую, которую пріобрѣли дѣды и отцы ваши; они съ великимъ трудомъ и храбростью поборали по Русской землѣ, да и другія земли пріискивали, а вы хотите погубить и свою землю». Владиміръ расплакался, и сказалъ: «Въ самомъ дѣлѣ отцы и дѣды наши соблюли землю Русскую, а мы хотимъ погубить ее», и склонился на просьбу. Княгиня и Митрополитъ возвратились назадъ и объявили въ Кіевѣ, что миръ будетъ [119]: и точно князья начали пересылаться и уладились; Владиміръ и Святославичи сказали Святополку: «Такъ какъ это все Давидъ надѣлалъ, то ступай ты, Святополкъ на Давида, либо схвати его, либо выгони». Святополкъ взялся исполнить ихъ волю.

Между тѣмъ Василька все держали подъ стражею во Владимірѣ; тамъ же находился въ это время и лѣтописецъ, именемъ

Василій, оставившій намъ извѣстія объ этихъ событіяхъ. Въ одну ночь, говоритъ онъ, прислалъ за мною князь Давидъ; я пришелъ и засталъ около него дружину; князь велѣлъ мнѣ сѣсть, и началъ говорить: «Этой ночью промолвилъ Василько сторожамъ своимъ: «слышу, что идетъ Владиміръ и Святополкъ на Давида; если бы меня Давидъ послушалъ, то я бы послалъ боярина своего къ Владиміру, и тотъ бы возвратился»; — такъ сходи-ка ты, Василій, къ тескѣ своему Васильку, и скажи ему, что если онъ пошлетъ своего мужа и Владиміръ воротится, то я дамъ ему городъ какой ему любъ: либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемышль [120]». Я пошелъ къ Васильку и разсказалъ ему всѣ рѣчи Давидовы; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Я этого не говорилъ, но надѣюся на Бога, пошлю, чтобъ не проливали ради меня крови; одно мнѣ удивительно: даетъ мнѣ свой городъ, а мой городъ Теребовль, вотъ моя волость»! Потомъ сказалъ мнѣ: «Иди къ Давиду и скажи ему, чтобъ прислалъ ко мнѣ Кульмѣя, я его хочу послать ко Владиміру.» Но, какъ видно, Давидъ побоялся поручить переговоры человѣку, котораго выбралъ Васлько, и послалъ того же Василія сказать ему, что Кульмѣя нѣтъ. Въ это свиданіе Василько выслалъ слугу, и началъ говорить Василію. «Слышу, что Давидъ хочетъ отдать меня Ляхамъ; видно мало еще насытился моей крови, хочетъ больше, потому что я Ляхамъ много зла надѣлалъ, и хотѣлъ еще больше надѣлать, отомстить имъ за Русскую землю; если онъ выдастъ меня Ляхамъ, то смерти не боюсь; но вотъ что скажу тебѣ: въ правду Богъ навелъ на меня эту бѣду за мое высокоумье: пришла ко мнѣ вѣсть, что идутъ ко мнѣ Берендѣи, Печенѣги и Торки; вотъ я и началъ думать: какъ придутъ они ко мнѣ, то скажу братьямъ, Володарю и Давиду: дайте мнѣ дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь; думалъ я пойти зимою на Польскую землю, а лѣтомъ взятъ ее и отомстить за Русскую землю; потомъ хотѣлъ перенять Болгаръ Дунайскихъ, и посадить ихъ у себя, а потомъ хотѣлъ проситься у Святополка и у Владиміра на Половцевъ, и либо славу себѣ найти, либо голову свою сложить за Русскую землю; а другаго помышленія въ сердцѣ моемъ не было ни на Святополка, ни на Давида; клянусь Богомъ и его пришествіемъ, что не мыслилъ зла братьи ни въ чемъ, но за мое высокоумье низложилъ меня Богъ и смирилъ.»

Весною, передъ Свѣтлымъ днемъ, Давидъ выступилъ въ походъ, чтобъ взять Василькову волость; но у Бужска [131] на границѣ былъ встрѣченъ Володаремъ, братомъ Васильковымъ; Давидъ не посмѣлъ стать противъ него, и заперся въ Бужскѣ; Володарь осадилъ его здѣсь, и послалъ сказать ему: «зачѣмъ сдѣлалъ зло и не каешься, опомнись, сколько зла ты надѣлалъ?» Давидъ началъ складывать вину на Святополка: «Да развѣ я это сдѣлалъ, развѣ въ моемъ городѣ? я и самъ боялся, чтобъ и меня несхватили, и не сдѣлали со мною того же; я по неволѣ долженъ былъ пристать, потому что былъ въ его рукахъ.» Володарь отвѣчалъ: «Про то вѣдаетъ Богъ, кто изъ васъ виноватъ: а теперь отпусти мнѣ брата, и я помирюсь съ тобою.» Давидъ обрадовался, выдалъ Василька Володарю, помирились и разошлись. Но миръ не былъ продолжителенъ: Давидъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [132], не хотѣлъ возвратить Ростиславичамъ городовъ, захваченныхъ въ ихъ волости тотчасъ по ослѣпленіи Василька, вслѣдствіе чего тою же весною они пришли на Давида къ Всеволожу, а Давидъ заперся во Владимирѣ; Всеволожъ былъ взятъ копьемъ (приступомъ) и зажженъ, и когда жители побѣжали отъ огня, то Василько велѣлъ ихъ всѣхъ перебить; такъ онъ отомстилъ свою обиду на людяхъ неповинныхъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Потомъ Ростиславичи двинулись ко Владимиру, осадили здѣсь Давида, и послали сказать гражданамъ: «Мы пришли не на городъ вашъ, и не на васъ, а на враговъ своихъ—Туряка, Лазаря и Василя, которые наустили Давида: послушавшись ихъ, онъ сдѣлалъ такое зло; выдайте ихъ, а если хотите за нихъ биться, то мы готовы.» Граждане собрали вѣче и сказали Давиду: «Выдай этихъ людей, не бьемся за нихъ, а за тебя станемъ биться; если же не хочешь, то отворимъ городскіе ворота, и тогда промышляй о себѣ.» Давидъ отвѣчалъ: «нѣтъ ихъ здѣсь:» онъ послалъ ихъ въ Луцкъ; Владимирцы послали за ними туда; Турякъ бѣжалъ въ Кіевъ, а Лазарь и Василь возвратились въ Турійскъ [133]. Владимирцы, узнавши, что они въ Турійскѣ, закричали Давиду: «Выдай ихъ Ростиславичамъ, а не то сейчасъ же сдадимся.» Давидъ послалъ за Василемъ и Лазаремъ, и выдалъ ихъ; Ростиславичи заключили миръ, и на другое утро велѣли повѣсить и разстрѣлять выданныхъ, послѣ чего отошли отъ города. Лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ: «это уже во второй разъ отомстилъ Василько, чего не слѣдовало дѣлать: пусть бы Богъ былъ мстителемъ.»

Осенью 1097 года обѣщался Святополкъ братьямъ идти на Давида и прогнать его, и только черезъ годъ (1099) отправился въ Брестъ на границу для совѣщанія съ Поляками: имѣемъ право принять извѣстіе [124], что прежде онъ боялся напасть на Давида, и рѣшился на это тогда только, когда увидалъ, что Владимирскій князь побѣжденъ Ростиславичами; но и тутъ прежде хотѣлъ заключить союзъ съ Поляками; заключилъ договоръ и съ Ростиславичами, поцѣловалъ къ-нимъ крестъ на миръ и любовь. Давидъ, узнавъ о прибытіи Святополка въ Брестъ, отправился и самъ къ Польскому князю Владиславу Герману за помощью; такимъ образомъ Поляки сдѣлались посредниками въ борьбѣ. Они обѣщались помогать и Давиду, взявши съ него за это обѣщаніе 50 гривенъ золота, причемъ Владиславъ сказалъ ему: «Ступай съ нами въ Брестъ, зоветъ меня Святополкъ на сеймъ; тамъ и помиримъ тебя съ нимъ.» Давидъ послушался, и пошелъ съ нимъ; но союзъ съ Святополкомъ показался Владиславу выгоднѣе: Кіевскій князь далъ также ему богатые дары, договорился выдать дочь свою за его сына; поэтому Владиславъ объявилъ Давиду, что онъ никакъ не могъ склонить Святополка къ миру, и совѣтовалъ ему идти въ свою волость, обѣщаясь впрочемъ прислать къ нему на помощь войско, если онъ подвергнется нападенію отъ двоюродныхъ братьевъ. Давидъ сѣлъ во Владимирѣ, а Святополкъ, уладившись съ Поляками, пришелъ сперва въ Пинскъ, откуда послалъ собирать войска; потомъ въ Дорогобужъ, гдѣ дождался полковъ своихъ, съ ними вмѣстѣ двинулся на Давида ко Владимиру, и стоялъ подъ городомъ семь недѣль; Давидъ все не сдавался, ожидая помощи отъ Поляковъ; наконецъ, видя, что ждать нечего, сталъ проситься у Святополка, чтобъ тотъ выпустилъ его изъ города. Святополкъ согласился, и они поцѣловали другъ другу крестъ, послѣ чего Давидъ выѣхалъ въ Червень, а Святополкъ въѣхалъ во Владимиръ. Изъ этого разсказа видно, что Давидъ при договорѣ уступилъ Владимиръ Святополку, а самъ удовольствовался Червенемъ [125]. Выгнавши Давида изъ Владимира, Святополкъ началъ думать на Володаря и на Василька; говорилъ: «они сидятъ въ волости отца моего и брата,» и пошелъ на нихъ. Ходъ этой войны очень хорошо обнаруживаетъ передъ нами характеръ Святополка: сначала онъ долго боялся напасть на Давида; пошелъ, когда тотъ

потерпѣлъ неудачу въ войнѣ съ Ростиславичами, но прежде обезопасилъ себя со стороны Поляковъ; доставши наконецъ Владиміръ, вспомнилъ, что все Волынское княжество принадлежало къ Кіевскому, при отцѣ его Изяславѣ, и что послѣ здѣсь сидѣлъ братъ его Ярополкъ, а на Любецкомъ съѣздѣ положено всѣмъ владѣть отчинами: и вотъ Святополкъ идетъ на Ростиславичей, забывши недавній договоръ съ ними и клятву. Но Ростиславичей трудно было вытѣснить изъ ихъ волости: они выступили противъ Святополка, взявши съ собою крестъ, который онъ цѣловалъ къ нимъ, и встрѣтили его на границахъ своихъ владѣній, на Рожни полѣ [126]; передъ началомъ битвы Василько поднялъ крестъ и закричалъ Святополку: «Вотъ что ты цѣловалъ; сперва ты отнялъ у меня глаза, а теперь хочешь взять и душу; такъ пусть будетъ между нами этотъ крестъ,» и послѣ ходила молва, что многіе благочестивые люди видѣли, какъ надъ Василькомъ возвышался крестъ. Битва была сильная, много пало съ обѣихъ сторонъ, и Святополкъ, увидавши наконецъ, что брань люта, побѣжалъ во Владиміръ; а Володарь и Василько, побѣдивши, остановились и сказали: «довольно съ насъ, если стоимъ на своей межѣ,» и не пошли дальше [127]. Святополкъ между тѣмъ прибѣжалъ во Владиміръ съ двумя сыновьями—Мстиславомъ и Ярославомъ, съ двумя племянниками, сыновьями Ярополка, и Святославомъ, или Святошею, сыномъ Давида Святославича; онъ посадилъ во Владимірѣ сына своего Мстислава, другаго сына, Ярослава послалъ въ Венгрію, уговаривать короля идти на Ростиславичей, а самъ поѣхалъ въ Кіевъ. Ярославу удалось склонить Венгровъ къ нападенію на волость Володаря: король Коломанъ пришелъ съ двумя епископами, и сталъ около Перемышля, по рѣкѣ Вагру, а Володарь заперся въ городѣ. Въ это время возвратился Давидъ изъ Польши, куда бѣжалъ изъ Червена передъ началомъ непріятельскихъ дѣйствій Святополка съ Ростиславичами; какъ видно, онъ не нашелъ помощи въ Польшѣ; общая опасность соединила его теперь съ Ростиславичами, и потому, оставивши жену свою у Володаря, онъ отправился нанимать Половцевъ; на дорогѣ встрѣтился съ знаменитымъ ханомъ ихъ Бонякомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ на Венгровъ. Въ полночь, когда все войско спало, Бонякъ всталъ, отъѣхалъ отъ стана, и началъ выть по-волчьи, и вотъ откликнулся ему одинъ волкъ, за нимъ много дру-

ихъ; Бонякъ пріѣхалъ и сказалъ Давиду: «завтра будетъ намъ побѣда надъ Венграми.» Утромъ на другой день Бонякъ выстроилъ свое войско: у него было 300 человѣкъ, да у Давида 100; онъ раздѣлилъ всѣхъ на три полка, и пустилъ впередъ Алтунопу на Венгровъ съ отрядомъ изъ 50 человѣкъ, Давида поставилъ подъ стягомъ, а свой полкъ раздѣлилъ на двѣ половины, по 50 человѣкъ въ каждой. Венгры расположились заступами или заставами, т. е. отрядами, стоявшими одинъ за другимъ; отрядъ Алтунопы пригналъ къ первому заступу, пустилъ стрѣлы и побѣжалъ; Венгры погнались за нимъ, и когда бѣжали мимо Боняка, тотъ ударилъ имъ въ тылъ; Алтунопа въ это время также вернулся; такимъ образомъ Венгры очутились между двумя непріятельскими отрядами и не могли возвратиться къ своимъ; Бонякъ сбилъ ихъ въ мячь, точно такъ какъ соколъ сбиваетъ галокъ, по выраженію лѣтописца. Венгры побѣжали, много ихъ потонуло въ рѣкахъ Вагрѣ и Санѣ, потому что бѣжали горою подлѣ Сана и спихивали другъ друга въ рѣку; Половцы гнались за ними и сѣкли ихъ два дня, убили епископа и многихъ бояръ [128]. Ярославъ, сынъ Святополка, убѣжалъ въ Польшу, а Давидъ, пользуясь побѣдою, занялъ города: Сутѣйскъ, Червенъ [129], пришелъ внезапно на Владимиръ, и занялъ посады; но Мстиславъ Святополчичь заперся въ крѣпости засадою или заставою (гарнизономъ), состоявшеюизъ Берестьянъ, Пинянъ, Выгошевцевъ [130]. Давидъ осадилъ крѣпость, и часто приступалъ къ ней; однажды, когда осажденные перестрѣливались съ осаждающими, и летѣли стрѣлы какъ дождь, князь Мстиславъ хотѣлъ также выстрѣлить, но въ это время стрѣла, пройдя въ скважину стѣннаго досчатаго забрала, ударила ему подъ пазуху, отъ чего онъвъ ту же ночь умеръ. Три дня таили его смерть, въ четвертый объявили на вѣчѣ; народъ сказалъ: «вотъ князя убили; если теперь сдадимся, то Святополкъ погубитъ всѣхъ насъ;» и послали сказать ему: «сынъ твой убитъ, а мы изнемогаемъ отъ голода; если не придешь, то народъ хочетъ передаться.» Святополкъ послалъ къ нимъ воеводу своего Путяту; когда тотъ пришелъ съ войскомъ въ Луцкъ, гдѣ стоялъ Святоша Давыдовичь, то засталъ у него посланцевъ Давида Игоревича: Святоша поклялся послѣднему, что дастъ знать, когда пойдетъ на него Святополкъ; но теперь, испугавшись Путяты, схватилъ пословъ Давидовыхъ, и самъ

пошелъ на него съ Кіевскимъ воеводою. Въ полдень пришли Святоша и Путята ко Владиміру, напали на соннаго Давида, начали рубить его дружину [131], а Владимирцы сдѣлали вылазку изъ крѣпости съ другой стороны; Давидъ побѣжалъ съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ, а Святоша и Путята взяли городъ, посадили въ немъ посадника Святополкова Василя, и разошлись, Святоша въ Луцкъ, а Путята въ Кіевъ. Между тѣмъ Давидъ побѣжалъ къ Половцамъ, опять встрѣтился на дорогѣ съ Бонякомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пришелъ осаждать Святошу въ Буцкѣ; Святоша заключилъ съ ними миръ, и ушелъ къ отцу въ Черниговъ; а Давидъ взялъ себѣ Луцкъ, оттуда пошелъ ко Владиміру, выгналъ изъ него Святополкова посадника Василя и сѣлъ опять на прежнемъ столѣ своемъ, отпустивши племянника Мстислава на море перенимать купцовъ.

Подъ 1100 годомъ сообщаетъ лѣтописецъ это извѣстіе объ отправленіи Мстислава на море, и тотчасъ же говоритъ о новомъ съѣздѣ всѣхъ князей въ Увѣтичахъ или Витичевѣ [132]: собрались — Святополкъ, Владиміръ, Олегъ и Давидъ Святославичи; пришелъ къ нимъ и Давидъ Игоревичь, и сказалъ: «зачѣмъ меня призвали? вотъ я! кому на меня жалоба»? Владиміръ отвѣчалъ ему: «ты самъ присылалъ къ намъ: хочу, говорилъ, братья, притти къ вамъ и пожаловаться на свою обиду; теперь ты пришелъ и сидишь съ братьею на одномъ коврѣ, что жь не жалуешься? на кого тебѣ изъ насъ жалоба»? Давыдъ не отвѣчалъ на это ничего. Тогда всѣ братья встали, сѣли на коней и разъѣхались: каждый сталъ особо съ своею дружиною, а Давидъ сидѣлъ одинъ: никто не допустилъ его къ себѣ, особо думали о немъ. Подумавши, послали къ нему мужей своихъ — Святополкъ Путяту, Владиміръ Орогоста и Ратибора, Давидъ и Олегъ — Торчина; посланцы сказали Давиду отъ имени всѣхъ князей: «не хотимъ тебѣ дать стола Владимирскаго, потому что ты бросилъ ножъ между нами, чего прежде не бывало въ Русской землѣ; мы тебя ни заключимъ, ни сдѣлаемъ тебѣ никакого другаго зла, ступай садись въ Бужскѣ и въ Острогѣ, Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно и Чарторыйскъ [133], Владиміръ двѣсти гривенъ, Давидъ и Олегъ также двѣсти гривенъ». Послѣ этого рѣшенія, князья послали сказать Володарю Ростиславичу: «возьми брата своего Василька къ себѣ и пусть будетъ вамъ одна во-

лость — Перемышль; если же не хочешь, то отпусти Василька къ намъ, мы его будемъ кормить; а холоповъ нашихъ и смердовъ выдайте». Но Ростиславичи не послушались и каждый изъ нихъ остался при своемъ. Князья хотѣли было идти на нихъ и силою принудить согласиться на общее рѣшеніе; но Мономахъ отрекся идти съ ними, не захотѣлъ нарушить клятвы, данной прежде Ростиславичамъ на Любецкомъ съѣздѣ [124].

Здѣсь должно дополнить опущенную лѣтописцемъ связь событій: мы видѣли, что Давидъ остался побѣдителемъ надъ Святополкомъ, удержалъ за собою Владиміръ; Святополкъ, не имѣя возможности одолѣть его, долженъ былъ обратиться къ остальнымъ двоюроднымъ братьямъ, поручившимъ ему наказать Давида, который, съ своей стороны, вѣроятно прежде, при неблагопріятныхъ для себя обстоятельствахъ, присылалъ также къ нимъ съ просьбою о защитѣ отъ Святополка. Въ Витичевѣ, 10-го августа, какъ сказано въ лѣтописи, братья заключили миръ между собою, т. е. какъ видно, посредствомъ мужей своихъ рѣшили собраться всѣмъ въ томъ же мѣстѣ, и дѣйствительно собрались 30-го августа [125]. Къ Давиду было послано приглашеніе явиться: онъ не смѣлъ ослушаться, потому что не могъ надѣяться восторжествовать надъ соединенными силами всѣхъ князей, какъ прежде восторжествовалъ надъ Святополкомъ; притомъ же, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, князья посылали къ нему съ любовію, обѣщаясь утвердить за нимъ Владиміръ [126]; и точно надъ нимъ произнесли мягкій приговоръ: схватить князя, добровольно явившагося на братское совѣщаніе, было бы вѣроломствомъ, которое навсегда могло уничтожить возможность подобныхъ съѣздовъ; отпустить его безъ волости значило продолжать войну: Давидъ доказалъ, что онъ умѣлъ изворачиваться при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и потому рѣшили дать ему достаточную волость, наказавши только отнятіемъ Владимірскаго стола, который былъ отданъ Святополку, какъ отчина, на основаніи Любецкаго рѣшенія, при чемъ Святополкъ далъ еще Давиду Дорогобужъ, гдѣ тотъ и умеръ. Такъ кончилась посредствомъ двухъ княжескихъ съѣздовъ борьба, начавшаяся при первомъ преемникѣ Ярослава, и продолжавшаяся почти полвѣка; изгои и потомки изгоевъ нигдѣ не могли утвердиться на цѣлыхъ отчинахъ; изъ нихъ только одни Ростиславичи успѣли укрѣпить

за собою отдѣльную волость и въ послѣдствіи дать ей важное историческое значеніе; но потомство Вячеслава Ярославича сошло со сцены при первомъ поколѣніи; потомство Игоря при второмъ: послѣ оно является въ видѣ князьковъ не значительныхъ волостей безъ самостоятельной дѣятельности; полноправными родичами явились только потомки трехъ старшихъ Ярославичей, послѣ тщетной попытки включить въ число изгоевъ потомство втораго изъ нихъ, Святослава; его дѣти послѣ долгой борьбы получили отцовское значеніе, отцовскую волость. Но легко было усмотрѣть неравенство въ распредѣленіи волостей между тремя линіями, преимущество, которое получилъ сынъ Всеволода и вслѣдствіе личныхъ достоинствъ, и вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ: Мономахъ держалъ въ своей семьѣ Переяславскую, Смоленскую, Ростовскую и Новгородскую волости; Святополкъ только послѣ Витическаго съѣзда получилъ Владимиръ Волынскій; но Великій Новгородъ, который былъ всегда такъ тѣсно связанъ съ Кіевомъ, Новгородъ принадлежалъ не ему; всѣхъ меньше была волость Святославичей: они ничего не получили въ прибавокъ къ первоначальной отцовской волости, при томъ же ихъ было три брата. Святополку, какъ видно, очень не нравилось, что Новгородъ не находится въ его семьѣ; но отнять его у Мономаха безъ вознагражденія было не льзя; вотъ почему онъ рѣшился пожертвовать Волынью для пріобрѣтенія Новгорода, и уговорился съ Мономахомъ, что сынъ послѣдняго Мстиславъ перейдетъ во Владимиръ Волынскій, а на его мѣстѣ, въ Новгородѣ сядетъ Ярославъ, сынъ Святополковъ, княжившій до сихъ поръ во Владимирѣ. Но тутъ Новгородцы въ первый разъ воспротивились волѣ князей: зависимость Новгорода отъ Кіева была тѣмъ невыгодна для жителей перваго, что всѣ перемѣны и усобицы, происходившія на Руси, должны были отражаться и въ ихъ стѣнахъ: мы видѣли, что изгнаніе Изяслава изъ Кіева необходимо повлекло перемѣну и въ Новгородѣ: здѣсь является княземъ сынъ Святослава—Глѣбъ, но послѣдній, въ свою очередь, долженъ былъ оставить Новгородъ вслѣдствіе вторичнаго торжества Изяслава, который послалъ туда сына своего Святополка. Святополкъ, въ концѣ княженія Всеволодова, покинулъ Новгородъ для Турова, чтобъ быть ближе къ Кіеву; и Всеволодъ послалъ въ Новгородъ внука своего Мстислава. Потомъ

Святополкъ и Мономахъ выводятъ Мстислава и посылаютъ на его мѣсто Давида Святославича; Давидъ также оставилъ Новгородъ, и на его мѣсто пріѣхалъ туда опять Мстиславъ. Такимъ образомъ, въ продолженіи 47 лѣтъ, отъ 1054 до 1101 г., въ Новгородѣ шесть разъ смѣнялись князья: двое изъ нихъ ушли сами, остальные выводились вслѣдствіе смѣны Великихъ князей или ряду ихъ съ другими. Теперь, въ 1102 году, князья опять требуютъ у Новгородцевъ, чтобъ они отпустили отъ себя Мстислава Владиміровича и приняли на его мѣсто сына Святополкова; Новгородцы рѣшительно отказываются; при этомъ вѣроятно они знали, что не исполняя волю Святополкову, они тѣмъ самымъ исполняютъ волю Мономахову, въ противномъ случаѣ они не могли противъ воли послѣдняго удержать у себя его сына, не могли поссориться съ двумя сильнѣйшими князьями Руси, и сидѣть въ это время безъ князя. Въ Кіевѣ, на княжомъ дворѣ, въ присутствіи Святополка, произошло любопытное явленіе: Мстиславъ Владиміровичь пришелъ туда въ сопровожденіи Новгородскихъ посланцевъ; посланцы Мономаха объявили Святополку: «вотъ Владиміръ прислалъ сына своего, а вотъ сидятъ Новгородцы; пусть они возьмутъ сына твоего и ѣдутъ въ Новгородъ, а Мстиславъ пусть идетъ во Владиміръ». Тогда Новгородцы сказали Святополку: «Мы, князь, присланы сюда, и вотъ что намъ велѣно сказать: не хотимъ Святополка, ни сына его: если у твоего сына двѣ головы, то пошли его; этого (т. е. Мстислава) далъ намъ Всеволодъ, мы его вскормили себѣ въ князья, а ты ушелъ отъ насъ». Святополкъ много спорилъ съ ними; но они поставили на своемъ, взяли Мстислава и повели его назадъ въ Новгородъ. Указаніе на распоряженіе Всеволода вѣроятно имѣло тотъ смыслъ въ устахъ Новгородцевъ, что сами князья на Любецкомъ съѣздѣ рѣшили сообразоваться съ послѣдними распоряженіями его; слова, что они вскормили себѣ Мстислава, показываютъ желаніе имѣть постояннаго князя, у нихъ выросшаго, до чего именно не допускали ихъ родовые счеты и усобицы князей; наконецъ выраженіе: «а ты ушелъ отъ насъ»—показываетъ неудовольствіе Новгородцевъ на Святополка за предпочтеніе Турова ихъ городу, и указаніе, что, оставивъ добровольно Новгородъ, онъ тѣмъ самымъ лишился на него всякаго права.

Послѣ Витичевскаго съѣзда прекратились старыя усобицы вслѣдствіе изгойства; но немедленно же начались новыя, потому что и второе поколѣніе Ярославичей имѣло уже своихъ изгоевъ: у Святополка былъ племянникъ—Ярославъ, сынъ брата его Ярополка. Въ 1101 году онъ затворился въ Брестѣ отъ дяди Святополка—ясный знакъ, что дядя не хотѣлъ давать ему волостей, и Ярославъ насильно хотѣлъ удержать за собою хотя Брестъ. Святополкъ пошелъ на него, заставилъ сдаться и въ оковахъ привелъ въ Кіевъ. Митрополитъ и игумены умолили Святополка оставить племянника ходить на свободѣ, взявши съ него клятву при гробѣ Бориса и Глѣба, вѣроятно въ томъ, что онъ не будетъ больше посягать на дядины волости, и станетъ жить спокойно въ Кіевѣ. Но въ слѣдующемъ году Ярославъ ушелъ отъ дяди; за нимъ погнался двоюродный братъ его, Ярославъ Святополчичъ, обманомъ схватилъ его также за Брестомъ, на Польскихъ границахъ[137], и въ оковахъ привелъ къ отцу: на этотъ разъ Ярополковича уже не выпускали на свободу, и онъ умеръ въ заточеніи въ томъ же году[138].

Знаменитый чародѣй, Всеславъ Полоцкій на старости уже не безпокоилъ Ярославичей, и далъ имъ возможность управиться съ своими дѣлами; онъ умеръ въ 1101 г. Съ его смертію кончилась сила Полоцкаго княжества: между сыновьями его (ихъ было человѣкъ семь), тотчасъ же, какъ видно, начались несогласія, въ которыя вмѣшались Ярославичи: такъ въ 1104 году встрѣчаемъ извѣстіе, что Святополкъ посылалъ на Минскъ, на Глѣба, воеводу своего Путяту, Владиміръ сына своего Ярополка, а Олегъ самъ ходилъ вмѣстѣ съ Давидомъ Всеславичемъ, знакъ, что походъ былъ предпринятъ для выгоды послѣдняго, котораго и прежде видимъ въ связи съ Ярославичами: походъ впрочемъ кончился ничѣмъ.

Таковы были междукняжескія отношенія при первомъ старшемъ князѣ изъ втораго поколѣнія Ярославичей. Теперь взглянемъ на отношенія внѣшнія. Мы видѣли, какъ народъ на Руси боялся княжескихъ усобицъ болѣе всего потому, что ими могутъ воспользоваться поганые, Половцы; видѣли, что и для самихъ князей этотъ страхъ служилъ также главнымъ побужденіемъ къ миру. Южная Русь, какъ Европейская Украйна, должна была, подобно Греческимъ припонтійскимъ колоніямъ

древности, стоять всегда на сторожѣ вооруженною. Мы видѣли, какъ несчастно въ этомъ отношеніи началось княженіе Святополка, который первый подалъ примѣръ брачныхъ союзовъ съ Ханами Половецкими. Послѣ убіенія Итларя и удачнаго похода Русскихъ князей въ степи, Половцы въ томъ же 1095 г. явились на рѣкѣ Рси, границѣ собственной Руси съ степью, и осадили Юрьевъ, одинъ изъ городовъ, основанныхъ здѣсь Ярославомъ Первымъ, и названный по его имени; варвары цѣлое лѣто стояли подъ городомъ и едва его не взяли; Святополкъ омирилъ ихъ, сказано въ лѣтописи, т. е. заплатилъ имъ за миръ; не смотря на то, они все оставались въ предѣлахъ Руси, не уходили за Рось въ степи; Юрьевцы видя это, и наскучивъ жить въ безпрестанномъ страхѣ, выбѣжали изъ своего города, и пришли въ Кіевъ, а Половцы сожгли пустой Юрьевъ — явленіе замѣчательное, показывающее тогдашнее состояніе Украйны или южной Руси. Святополкъ велѣлъ строить новый городъ на Витичевскомъ холму, въ 56 верстахъ отъ Кіева, при Днѣпрѣ, назвалъ его Святополчемъ и велѣлъ сѣсть въ немъ Юрьевцамъ съ своимъ епископомъ; нашлись и другіе охотники селиться здѣсь изъ разныхъ близкихъ къ степи мѣстъ, которыхъ также гналъ страхъ Половецкій. Въ слѣдующемъ 1096 году, пользуясь отсутствіемъ Святополка и Мономаха, воевавшихъ на сѣверѣ съ Святославичами, Половцы уже не ограничились опустошеніемъ пограничныхъ городковъ, но ханъ ихъ, Бонякъ, пріобрѣтшій черную знаменитость въ нашихъ лѣтописяхъ, явился подъ Кіевомъ, опустошилъ окрестности, сжегъ княжескій загородный домъ на Берестовѣ; а на восточной сторонѣ Днѣпра другой ханъ Куря пустошилъ окрестности Переяславля [139]. Успѣхъ Боняка и Кури прельстилъ и тестя Святополкова, Тугоркана: онъ также пришелъ къ Переяславлю и осадилъ его; но въ это время князья уже возвратились изъ похода; они выступили противъ Половцевъ къ Переяславлю и поразили ихъ, причемъ Тугорканъ съ сыномъ и другими князьями былъ убитъ: Святополкъ велѣлъ поднять тѣло Тугорканово и погребсти въ селѣ Берестовѣ. Но въ то время, какъ Русскіе князья были заняты на восточной сторонѣ Днѣпра, шелудивый хищникъ Бонякъ явился опять нечаянно передъ Кіевомъ; Половцы едва не въѣхали въ самый городъ, сожгли ближнія деревни, пона-

стыри, въ томъ числѣ и монастырь Печерскій: «Пришли, говоритъ лѣтописецъ-очевидецъ, къ намъ въ монастырь, а мы всѣ спали по кельямъ послѣ заутрени; вдругъ подняли крикъ около монастыря, и поставили два стяга передъ воротами; мы бросились бѣжать задомъ [140] монастыря, другіе взобрались на полати; а безбожныя дѣти Измаиловы высѣкли ворота и пошли по кельямъ, выламывая двери, вынося изъ келій все, что ни попадалось; потомъ выжгли Богородичную церковь, вошли въ притворъ у Ѳеодосіева гроба, взяли иконы; зажгли двери, ругались Богу и закону нашему.» Тогда же зажгли дворъ Красный, что поставилъ В. Князь Всеволодъ на холму Выдубецкомъ.

Послѣ Витичевскаго съѣзда, покончившаго усобицы, князья получили возможность дѣйствовать наступательно противъ Половцевъ: въ 1101 году Святополкъ, Мономахъ, и трое Святославичей собрались на рѣкѣ Золотчѣ, на правомъ берегу Днѣпра, чтобъ идти на Половцевъ; но тѣ прислали пословъ отъ всѣхъ хановъ своихъ ко всей братьи, просить мира; Русскіе князья сказали имъ: «если хотите мира, то сойдемся у Сакова [141];» Половцы явились въ назначенное мѣсто, и заключили миръ, при чемъ взяты были съ обѣихъ сторонъ заложники. Но заключивши миръ, Русскіе князья не переставали думать о походѣ на варваровъ; мысль о походѣ на поганыхъ лѣтописецъ называетъ обыкновенно мыслію доброю, внушеніемъ Божіимъ. Въ 1103 году Владиміръ сталъ уговаривать Святополка идти весною на поганыхъ [142]; Святополкъ сказалъ объ этомъ дружинѣ, дружина отвѣчала: «не время теперь отнимать поселянъ отъ поля», послѣ чего Святополкъ послалъ сказать Владиміру: «Надобно намъ гдѣ-нибудь собраться и подумать съ дружиною;» согласились съѣхаться въ Долобскѣ (при озерѣ того же имени), выше Кіева, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, съѣхались и сѣли въ одномъ шатрѣ—Святополкъ съ своею дружиною, а Владиміръ съ своею; долго сидѣли молча, наконецъ Владиміръ началъ: «Братъ! ты старшій, начни же говорить, какъ бы намъ промыслить о Русской землѣ?» Святополкъ отвѣчалъ: «лучше ты, братецъ, говори первый?» Владиміръ сказалъ на это: «Какъ мнѣ говорить? противъ меня будетъ и твоя и моя дружина, скажутъ: хочетъ погубить поселянъ и пашни; но дивлюсь я одному, какъ вы поселянъ жалѣете и лошадей ихъ, а того не подумаете, что

станетъ поселянинъ весною пахать на лошади, и пріѣдетъ Половчинъ, ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ; объ этомъ вы не подумаете!» Дружина отвѣчала: «Въ самомъ дѣлѣ такъ;» Святополкъ прибавилъ: «Я готовъ,» и всталъ; а Владиміръ сказалъ ему: «Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты Русской землѣ!» Они послали также и къ Святославичамъ звать ихъ въ походъ: «Пойдемъ на Половцевъ, либо живы будемъ, либо мертвы;» Давидъ послушался ихъ, но Олегъ велѣлъ сказать, что не здоровъ. Кромѣ этихъ старыхъ князей пошли еще четверо молодыхъ: Давидъ Всеславичъ Полоцкій, Мстиславъ, племянникъ Давида Игоревича Волынскаго (изгой), Вячеславъ Ярополчичъ, племянникъ Святополка (также изгой) и Ярополкъ Владиміровичъ, сынъ Мономаха. Князья пошли съ пѣхотою и конницею: пѣшіе ѣхали въ лодкахъ по Днѣпру, конница шла берегомъ. Прошедши пороги, у Хортицкаго острова пѣшіе высадились на берегъ, конные сѣли на лошадей, и шли степью четыре дня. Половцы, услыхавъ, что идетъ Русь, собрались во множествѣ и начали думать; одинъ изъ хановъ, Урусоба, сказалъ: «пошлемъ просить мира у Руси; они станутъ съ нами биться крѣпко, потому что мы много зла надѣлали ихъ землѣ». Молодые отвѣчали ему: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся; избивши этихъ, пойдемъ въ ихъ землю, возьмемъ ихъ города, и кто тогда защититъ ихъ отъ насъ?» А Русскіе князья и всѣ ратники въ это время молились Богу, давали обѣты, кто кутью поставить, кто милостыню раздать нищимъ, кто въ монастырь послать нужное для братіи. Половцы послали впереди въ сторожахъ Алтунопу, который славился у нихъ мужествомъ; Русскіе выслали также передовой отрядъ провѣдать непріятеля: онъ встрѣтился съ отрядомъ Алтунопы, и истребилъ его до одного человѣка; потомъ сошлись главные полки, и Русскіе побѣдили, перебили 20 хановъ, одного Белдюза взяли живьемъ и привели къ Святополку; Белдюзъ началъ давать за себя окупъ — золото и серебро, коней и скотъ; Святополкъ послалъ его ко Владиміру, и тотъ спросилъ плѣнника: «Сколько разъ вы клялись не воевать, и потомъ все воевали Русскую землю? Зачѣмъ же ты не училъ сыновей своихъ и родичей соблюдать клятву, а все проливалъ кровь христіанскую? такъ будь же кровь твоя

на головѣ твоей»; и велѣлъ убить его; Белдюза разсѣкли на части. Потомъ собрались всѣ братья, и Владиміръ сказалъ: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь: Господь избавилъ насъ отъ враговъ, покорилъ ихъ намъ, сокрушилъ главы зміевы, и далъ ихъ брашно людямъ Русскимъ». Взяли тогда наши много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, вежи со всякою рухлядью и рабами, захватили Печенѣговъ и Торковъ, находившихся подъ властію Половцевъ, и пришли въ Русь съ полономъ великимъ, славою и побѣдою. Святополкъ думалъ, что надолго избавились отъ Половцемъ, и велѣлъ возобновить городъ Юрьевъ, сожженный ими передъ тѣмъ.

Но живъ былъ страшный Бонякъ: черезъ годъ онъ подалъ о себѣ вѣсть, пришелъ къ Зарубу, находившемуся на западной сторонѣ Днѣпра, противъ Трубежскаго устья, побѣдилъ Торковъ и Берендѣевъ. Въ слѣдующемъ 1106 году Святополкъ долженъ былъ выслать троихъ воеводъ своихъ противъ Половцевъ, опустошавшихъ окрестности Зарѣчьска; воеводы отняли у нихъ полонъ. Въ 1107 году Бонякъ захватилъ конскіе табуны у Переяславля; потомъ пришелъ со многими другими ханами, и сталъ около Лубенъ [143], на рѣкѣ Сулѣ. Святополкъ, Владиміръ, Олегъ, съ четырьмя другими князьями ударили на нихъ внезапно съ крикомъ; Половцы испугались, отъ страха немогли и стяга поставить, и побѣжали: кто успѣлъ схватить лошадь — на лошади, а кто пѣшкомъ; наши гнали ихъ до рѣки Хорола и взяли станъ непріятельскій; Святополкъ пришелъ въ Печерскій монастырь къ заутренѣ на Успеньевъ день и съ радостію здоровался съ братіею послѣ побѣды. Не смотря однако на эти успѣхи, Мономахъ и Святославичи — Олегъ и Давидъ въ томъ же году имѣли съѣздъ съ двумя ханами, и взяли у нихъ дочерей замужъ за сыновей своихъ. Походъ троихъ князей — Святополка, Владиміра и Давида въ 1110 году кончился ничѣмъ: они возвратились отъ города Воина [144], по причинѣ стужи и конскаго падежа [145]; но въ слѣдующемъ году, думою и похотѣніемъ Мономаха, князья вздумали навѣстить Половцевъ на Дону, куда еще прежде, въ 1109 году Мономахъ посылалъ воеводу своего Дмитра Иворовича, который и захватилъ тамъ Половецкія вежи. Пошли—Святополкъ, Владиміръ и Давидъ съ сыновьями, пошли они во второе воскресенье Великаго поста,

въ пятницу дошли до Сулы, въ субботу были на Хоролѣ, гдѣ бросили сани; въ крестопоклонное Воскресенье пошли отъ Хорола и достигли Псела; оттуда пошли и стали на рѣкѣ Голтѣ, гдѣ дождались остальныхъ воиновъ, и пошли къ Ворсклѣ; здѣсь въ середу цѣловали крестъ со многими слезами, и двинулись далѣе, перешли много рѣкъ, и во вторникъ на шестой недѣлѣ достигли Дона. Отсюда, надѣвши брони и выстроивши полки, пошли къ Половецкому городу Шаруканю, при чемъ Владиміръ велѣлъ священникамъ своимъ ѣхать передъ полками и пѣть молитвы; жители Шаруканя вышли на встрѣчу князьямъ, поднесли имъ рыбу и вино; Русскіе переночевали тутъ, и на другой день въ среду, пошли къ другому городу, Сугрову и зажгли его; въ четвергъ пошли съ Дона, а въ пятницу, 24-го Марта собрались Половцы, изрядили полки свои и двинулись противъ Русскихъ. Князья наши возложили всю надежду на Бога, говоритъ лѣтописецъ, и сказали другъ другу: «помереть намъ здѣсь; станемъ крѣпко!» перецѣловались, и, возведши глаза на небо, призывали Бога вышняго. И Богъ помогъ Русскимъ князьямъ: послѣ жестокой битвы Половцы были побѣждены, и пало ихъ много. Весело на другой день праздновали Русскіе Лазарево Вокресенье и Благовѣщеніе, а въ Воскресенье пошли дальше. Въ Страстной понедѣльникъ собралось опять множество Половцевъ, и обступили полки Русскіе на рѣкѣ Салницѣ. Когда полки Русскіе столкнулись съ полками Половецкими, то раздался точно громъ, брань была лютая, и много падало съ обѣихъ сторонъ; наконецъ выступили Владиміръ и Давидъ съ своими полками; увидавши ихъ, Половцы бросились бѣжать, и падали предъ полкомъ Владиміровымъ невидимо поражаемые ангеломъ: многіе люди видѣли, какъ головы ихъ летѣли, ссѣкаемыя невидимою рукою. Святополкъ, Владиміръ и Давидъ прославили Бога, давшаго имъ такую побѣду на поганыхъ; Русскіе взяли полона много—скота, лошадей, овецъ; и колодниковъ много побрали руками. Побѣдители спрашивали плѣнныхъ: «какъ это васъ была такая сила, и вы не могли бороться съ нами, а тотчасъ побѣжали?» тѣ отвѣчали: «какъ намъ съ вами биться? другіе ѣздятъ надъ вами въ броняхъ свѣтлыхъ и страшныхъ и помогаютъ вамъ». Это ангелы, прибавляетъ лѣтописецъ, отъ Бога посланные помогать Христіанамъ; ангелъ вло-

жилъ въ сердце Владиміру Мономаху возбудить братьевъ своихъ на иноплеменниковъ. Такъ, съ Божіею помощію, пришли Русскіе князья домой, къ своимъ людямъ со славою великою, и разнеслась слава ихъ по всѣмъ странамъ дальнимъ, дошла до Грековъ, Венгровъ, Ляховъ, Чеховъ, дошла даже до Рима.

Мы привели извѣстіе лѣтописца о Донскомъ походѣ князей на Половцевъ со всѣми подробностями, чтобъ показать, какое великое значеніе имѣлъ этотъ походъ для современниковъ. Времена Святослава Стараго вышли изъ памяти, а послѣ никто изъ князей не ходилъ такъ далеко на востокъ, и на кого же? на тѣхъ страшныхъ враговъ, которыхъ Кіевъ и Переяславль не разъ видѣли подъ своими стѣнами, отъ которыхъ бѣгали цѣлые города; Половцы побѣждены не въ волостяхъ Русскихъ, не на границахъ, но въ глубинѣ степей своихъ; отсюда понятно религіозное одушевленіе, съ какимъ разсказано событіе въ лѣтописи: только ангелъ могъ внушить Мономаху мысль о такомъ важномъ предпріятіи, ангелъ помогъ Русскимъ князьямъ побѣдить многочисленныя полчища враговъ; слава похода разнеслась по дальнимъ странамъ; понятно, какъ она разнеслась на Руси, и какую славу заслужилъ главный герой предпріятія, тотъ князь, которому ангелъ вложилъ мысль возбудить братьевъ къ этому походу; Мономахъ явился подъ особеннымъ покровительствомъ неба; предъ его полкомъ, сказано, падали Половцы, невидимо поражаемые ангеломъ. И надолго остался Мономахъ въ памяти народной, какъ главный и единственный герой Донскаго похода, долго ходило преданіе о томъ, какъ пилъ онъ Донъ золотымъ шеломомъ, какъ загналъ окаянныхъ Агарянъ за Желѣзныя ворота [146].

Такъ славно воспользовались князья, т. е. преимущественно Мономахъ прекращеніемъ усобицъ. Мы видѣли, что для Руси борьба съ Половцами и отношенія княжескія составляли главный интересъ; но изъ отдаленныхъ концевъ, съ сѣвера, запада и востока доходилъ слухъ о борьбѣ Русскихъ людей съ другими варварами, окружавшими ихъ со всѣхъ сторонъ. Новгородцы съ княземъ своимъ Мстиславомъ ходили на Чудь, къ западу отъ Чудскаго озера [147]. Полоцкіе и Волынскіе князья боролись съ Ятвягами и Латышами; иногда поражали ихъ, иногда терпѣли пораженіе [148]; наконецъ на востокѣ младшій Святославичь Ярославъ бился несчастно съ Мордвою [149]; какъ видно, онъ княжилъ въ Муромѣ.

При Святополкѣ начинается связь нашей исторіи съ исторіею Венгріи. Мы видѣли, какое значеніе для западныхъ Славянскихъ народовъ имѣло вторженіе Венгровъ и утвержденіе ихъ въ Панноніи на развалинахъ Моравскаго государства. Любопытно читать у императора Льва Мудраго описаніе, какимъ образомъ Венгры вели войну, потому что здѣсь находимъ мы объясненіе нашихъ лѣтописныхъ извѣстій о Венграхъ, равно какъ и о Половцахъ: «Венгры, говоритъ Левъ, съ младенчества привыкаютъ къ верховой ѣздѣ, и не любятъ ходить пѣшкомъ; на плечахъ носятъ они длинныя копья, въ рукахъ луки, и очень искусны въ употребленіи этого оружія. Привыкши стрѣляться съ непріятелемъ, они не любятъ рукопашнаго боя; больше нравится имъ сражаться издали. Въ битвѣ раздѣляютъ они свое войско на малые отряды, которые становятъ въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга». Мы видѣли, что именно такъ, з а с т у п а м и расположили они свое войско въ битвѣ съ Давидомъ Игоревичемъ и Бонякомъ Половецкимъ. Въ концѣ X вѣка прекращаетъ эта кочевая орда свои опустошительные набѣги на сосѣдей, и начинаетъ привыкать къ осѣдлости, гражданственности, которая проникла къ Венграмъ вмѣстѣ съ Христіанствомъ: въ 994 году князь Гейза вмѣстѣ съ сыномъ своимъ принялъ крещеніе; этотъ сынъ его, св. Стефанъ хотѣлъ дать новой религіи окончательное торжество, для чего повѣстилъ, чтобъ всякій Венгерецъ немедленно крестился; но слѣдствіемъ такого приказа было сильное возстаніе язычниковъ, которое кончилось только послѣ пораженія, претерпѣннаго ими въ кровопролитной битвѣ противъ войска княжескаго. По смерти бездѣтнаго Стефана, перваго короля Венгріи, начинаются усобицы между разными князьями изъ Арпадовой династіи: этими усобицами пользуются императоры Нѣмецкіе, чтобъ сдѣлать Венгерскихъ королей своими вассалами; пользуются вельможи, чтобъ усилить свою власть на счетъ королевской, наконецъ пользуется язычество, чтобъ возстать еще нѣсколько разъ противъ христіанства. Только въ концѣ XI вѣка, при короляхъ Владиславѣ Святомъ и Коломанѣ, Венгрія начинаетъ отдыхать отъ внутреннихъ смутъ и вмѣстѣ усиливаться на счетъ сосѣдей, вмѣшиваться въ ихъ дѣла: вотъ почему мы видѣли Коломана въ союзѣ съ Святополкомъ противъ Давида и Ростиславичей. Союзъ Коломана съ Святополкомъ былъ даже

скрѣпленъ бракомъ одного изъ королевичей Венгерскихъ на Предславѣ, дочери князя Кіевскаго. Самъ Коломанъ, не задолго предъ смертію, женился на дочери Мономаховой, Евфиміи; но черезъ годъ молодая королева была обвинена въ невѣрности и отослана къ отцу въ Русь, гдѣ родила сына Бориса, такъ долго послѣ безпокоившаго Венгрію своими притязаніями. Коломанъ умеръ въ началѣ 1114 года, оставивъ престолъ сыну своему, Стефану II-му.

Въ началѣ 1113 года видѣли въ Кіевѣ солнечное затмѣніе: небесное знаменіе предвѣщало смерть Святополкову, по словамъ лѣтописца: князь умеръ 16 апрѣля, не долго переживши Давида Игоревича, умершаго въ маѣ 1112. По Святополкѣ плакали бояре и дружина его вся, говоритъ лѣтописецъ, но о плачѣ народномъ не упоминаетъ ни слова; княгиня его раздала много богатства по монастырямъ, попамъ, нищимъ, такъ что всѣ дивились: никогда не бывало такой милостыни; Святополкъ былъ благочестивъ: когда шелъ на войну или куда-нибудь, то заходилъ прежде въ Печерскій монастырь поклониться гробу св. Θеодосія и взять молитву у игумена; не смотря на то лѣтописецъ не прибавилъ ни слова въ похвалу его, хотя любитъ сказать что-нибудь доброе о каждомъ умершемъ князѣ. Въ житіяхъ святыхъ Печерскихъ находимъ дополнительныя извѣстія, которыя объясняютъ намъ причину молчанія лѣтописца: однажды вздорожала соль въ Кіевѣ; иноки Печерскаго монастыря помогали народу въ такой нуждѣ; Святополкъ, узнавъ объ этомъ, пограбилъ соль у монаховъ, чтобъ продавать ее самому дорогою цѣною; игуменъ Іоаннъ обличалъ ревностно его корыстолюбіе и жестокость: князь заточилъ обличителя, но потомъ возвратилъ изъ опасенія вооружить противъ себя Мономаха. Сынъ Святополка Мстиславъ былъ похожъ на отца: однажды разнеслась вѣсть, что двое монаховъ нашли кладъ въ пещерѣ; Мстиславъ мучилъ безъ пощады этихъ монаховъ, выпытывая у нихъ, гдѣ кладъ. Этотъ Мстиславъ былъ рожденъ отъ наложницы [150], которая, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [151], имѣла сильное вліяніе на безхарактернаго Святополка. При немъ, говоритъ авторъ житій, много было насилія отъ князя людямъ; домы вельможъ безъ вины искоренилъ, имѣніе у многихъ отнялъ; великое было тогда нестроеніе и грабежъ беззаконный [152].

Таково было княженіе Святополка для Кіевлянъ. Легко понять, что племя Изяславово потеряло окончательно народную любовь на Руси; дѣти Святослава никогда не пользовались ею: мы видѣли, какую славу имѣлъ Олегъ Гориславичь въ народѣ; въ послѣднее время онъ не могъ поправить ее, не участвуя въ самыхъ знаменитыхъ походахъ другихъ князей. Старшій братъ его, Давидъ [153] былъ лице незначительное; если онъ сдѣлалъ менѣе зла Русской землѣ, чѣмъ братъ его, то, какъ видно, потому, что былъ менѣе его дѣятеленъ; но если бы даже Давидъ и имѣлъ большое значеніе, то оно исчезало предъ значеніемъ Мономаха, который во все княженіе Святополка стоялъ на первомъ планѣ; отъ него одного только народъ привыкъ ждать всякаго добра; мы видѣли, что въ лѣтописи онъ является любимцемъ неба, дѣйствующимъ по его внушенію и главнымъ зачинателемъ добрыхъ предпріятій; онъ былъ старшимъ на дѣлѣ; любопытно, что лѣтописецъ, при исчисленіи князей, постоянно даетъ ему второе мѣсто послѣ Святополка, впереди Святославичей: могли ли они послѣ того надѣяться получить старшинство по смерти Святополковой? При тогдашнихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, когда княжилъ цѣлый родъ, странно было бы ожидать, чтобъ Святополково мѣсто занято было кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ Мономаха. Мы видѣли, какъ поступили Новгородцы, когда князья хотѣли вывести изъ ихъ города любимаго ими Мстислава; также поступаютъ Кіевляне по смерти Святополка, желая видѣть его преемникомъ Мономаха. Они собрали вѣче, рѣшили, что быть княземъ Владиміру и послали къ нему объявить объ этомъ [154]: «ступай, князь, на столъ отцовскій и дѣдовскій», говорили ему послы. Мономахъ, узнавъ о смерти Святополка, много плакалъ, и не пошелъ въ Кіевъ: если по смерти Всеволода онъ не пошелъ туда, уважая старшинство Святополка, то ясно, что и теперь онъ поступалъ по тѣмъ же побужденіямъ, уважая старшинство Святославичей. Но у Кіевлянъ были свои расчеты: они разграбили дворъ Путяты Тысяцкаго за то, какъ говоритъ одно извѣстіе [155], что Путята держалъ сторону Святославичей, потомъ разграбили дворы соцкихъ и жидовъ: эти слова лѣтописи подтверждаютъ то извѣстіе, что Святополкъ изъ корыстолюбія далъ большія льготы жидамъ, которыми они пользовались въ ущербъ народу, и тѣмъ возбудили противъ себя

всеобщее негодованіе. Послѣ грабежа Кіевляне послали опять къ Владиміру съ такими словами: «Приходи, князь, въ Кіевъ; если же не придешь, то знай, что много зла сдѣлается: ограбятъ уже не одинъ путяниинъ дворъ или соцкихъ и жидовъ, но пойдутъ на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ». Владиміръ, услыхавши объ этомъ, пошелъ въ Кіевъ; навстрѣчу къ нему вышелъ митрополитъ съ епископами и со всѣми Кіевлянами, принялъ его съ честью великою, всѣ люди были рады, и мятежъ утихъ.

Такъ послѣ перваго же старшаго князя во второмъ поколѣніи нарушенъ уже былъ порядокъ первенства вслѣдствіе личныхъ достоинствъ сына Всеволодова; племя Святославово потеряло старшинство, должно было ограничиться одною Черниговскою волостію, которая такимъ образомъ превращалась въ отдѣльную отъ остальныхъ Русскихъ владѣній отчину, подобно Полоцкой отчинѣ Изяславичей. На первый разъ усобицы не было: Святославичамъ нельзя было спорить съ Мономахомъ; но они затаили обиду свою только на время.

Въ непосредственной связи съ приведенными обстоятельствами избранія Мономахова находится извѣстіе, что Владиміръ тотчасъ по вступленіи на старшій столъ, собралъ мужей своихъ, Олегъ Святославичь прислалъ также своего мужа, и порѣшили ограничить росты [156]: очень вѣроятно, что жиды, съ позволенія Святополкова, пользовались неумѣренными ростами, за что и всталъ на нихъ народъ [157].

Святославичи не предъявляли своихъ правъ, съ ними не было войны; не смотря на то и княженіе Мономаха не обошлось безъ усобицъ. Мы видѣли еще при Святополкѣ походъ князей на Глѣба Всеславича Минскаго; этотъ князь, какъ видно, наслѣдовалъ духъ отца своего и дѣда и вражду ихъ съ Ярославичами: онъ не побоялся подняться на сильнаго Мономаха, опустошилъ часть земли Дреговичей, принадлежавшую Кіевскому княжеству, сжегъ Слуцкъ [158], и когда Владиміръ посылалъ къ нему съ требованіемъ, чтобъ унялся отъ насилій, то онъ не думалъ раскаиваться и покоряться, но отвѣчалъ укоризнами. Тогда Владиміръ, въ 1116 году, надѣясь на Бога и на правду, по выраженію лѣтописца, пошелъ къ Минску съ сыновьями своими, Дави-

домъ Святославичемъ и сыновьями Олеговыми. Сынъ Мономаха, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, взялъ Оршу и Копысь; Давидъ съ другимъ сыномъ Мономаховымъ, Ярополкомъ, княжившимъ въ Переяславлѣ, на отцовскомъ мѣстѣ, взяли Друцкъ приступомъ, а самъ Владиміръ пошелъ къ Минску и осадилъ въ немъ Глѣба. Мономахъ рѣшился взять Минскъ, сколько бы ни стоять подъ нимъ, и для того велѣлъ у стана строить теплое жилье (избу); Глѣбъ, увидасъ приготовленіе къ долгой осадѣ, испугался и началъ слать пословъ съ просьбами; Владиміръ, не желая, чтобъ христіанская кровь проливалась великимъ постомъ, далъ ему миръ: Глѣбъ вышелъ изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился Владиміру и обѣщался во всемъ его слушаться; тотъ, давши ему наставленіе, какъ впередъ вести себя, возвратилъ ему Минскъ, и пошелъ назадъ въ Кіевъ; но сынъ его Ярополкъ Переяславскій не думалъ возвращать свой плѣнъ, жителей Друцка; тяготясь болѣе другихъ князей малонаселенностію своей степной волости, такъ часто опустошаемой Половцами, онъ вывелъ ихъ въ Переяславское княжество, и срубилъ для нихъ тамъ городъ Желни [159]. Минскій князь, какъ видно, не долго исполнялъ наказъ Владиміровъ: въ 1120 году у Глѣба отняли Минскъ и самого привели въ Кіевъ, гдѣ онъ въ томъ же году и умеръ [160].

Другая усобица происходила на Волыни. Мы видѣли, что Владиміръ жилъ дружно съ Святополкомъ; послѣдній хотѣлъ еще болѣе скрѣпить эту дружбу, которая могла быть очень выгодна для сына его Ярослава, и женилъ послѣдняго на внукѣ Мономаховой, дочери Мстислава Новгородскаго. Но самый этотъ бракъ, если не былъ единственною, то по крайней мѣрѣ, одною изъ главныхъ причинъ вражды между Ярославомъ и Мономахомъ. Подъ 1118 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Мономахъ ходилъ войною на Ярослава къ Владимиру Волынскому, вмѣстѣ съ Давидомъ Святославичемъ, Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами. Послѣ двухмѣсячной осады, Ярославъ покорился, ударилъ челомъ передъ дядею; тотъ далъ ему наставленіе, велѣлъ приходить къ себѣ по первому зову, и пошелъ назадъ съ миромъ въ Кіевъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи прибавлено, что причиною похода Мономахова на Ярослава было дурное обращеніе послѣдняго съ женою своею [161], извѣстіе очень вѣроятное,

если у Ярослава были наследственныя отъ отца наклонности. Но есть еще другое извѣстіе, также очень вѣроятное, что Ярославъ былъ подучаемъ Поляками ко враждѣ съ Мономахомъ и особенно съ Ростиславичами. Мы видѣли прежде вражду послѣднихъ съ Поляками, которые не могли простить Васильку его опустошительныхъ нападеній и завоеваній; Ярославъ, подобно отцу, не могъ забыть, что волость Ростиславичей составляла нѣкогда часть Волынской волости: интересы слѣд. были одинакіе и у Польскаго и у Волынскаго князя; но кромѣ того ихъ соединяла еще родственная связь. Мы видѣли, что еще на Брестскомъ съѣздѣ между Владиславомъ Германомъ и Святополкомъ было положено заключить брачный союзъ: дочь Святополкову Сбыславу выдать за сына Владиславова, Болеслава Кривоустаго; но бракъ былъ отложенъ по малолѣтству жениха и невѣсты. Въ 1102 году умеръ Владиславъ Германъ, еще при жизни своей раздѣливши волости между двумя сыновьями — законнымъ Болеславомъ, и незаконнымъ Збигнѣвомъ. Когда вельможи спрашивали у него, кому же изъ двоихъ сыновей онъ даетъ старшинство, то Владиславъ отвѣчалъ: «Мое дѣло раздѣлить волости, потому что я старъ и слабъ; но возвысить одного сына передъ другимъ или дать имъ правду и мудрость можетъ только одинъ Богъ. Мое желаніе—чтобъ вы повиновались тому изъ нихъ, который окажется справедливѣе другаго и доблестнѣе при защитѣ родной земли». Эти слова, приводимыя Польскимъ лѣтописцемъ, очень замѣчетельны: они показываютъ всю неопредѣленность въ понятіяхъ о порядкѣ наслѣдства, какая господствовала тогда въ Славянскихъ государствахъ. Лучшимъ между братьями оказался Болеславъ, который вовсе не былъ похожъ на отца, отличался мужествомъ, дѣятельностію. Болеславъ остался вѣренъ отцовскому договору съ Святополкомъ, женился на дочери послѣдняго — Сбыславѣ [162], и вслѣдствіе этого родственнаго союза Ярославъ Волынскій постоянно помогалъ Болеславу въ усобицѣ его съ братомъ Збигнѣвомъ [163]; нѣтъ ничего страннаго, слѣдовательно, что князья Польскій и Волынскій рѣшились дѣйствовать вмѣстѣ противъ Ростиславичей. Но могъ ли Мономахъ спокойно смотрѣть на это, тѣмъ болѣе, что онъ находился съ Ростиславичами въ родственной связи: сынъ его Романъ былъ женатъ на дочери Володаря: ясно, что онъ долженъ былъ вступиться

за послѣдняго и за брата его; сначала, говоритъ то же извѣстіе, онъ посылалъ уговаривать Ярослава, потомъ звалъ его на судъ предъ князей [164], наконецъ, когда Ярославъ не послушался, пошелъ на него войною, исходъ которой мы изложили по дошедшимъ до насъ лѣтописямъ. Въ нихъ встрѣчаемъ еще одно важное извѣстіе, что передъ походомъ на Ярослава, Мономахъ перезвалъ изъ Новгорода старшаго сына своего Мстислава и посадилъ его подлѣ себя, въ Бѣлгородѣ: это могло заставить Ярослава думать, что Мономахъ хочетъ по смерти своей передать старшинство сыну своему, тогда какъ Мономахъ могъ это сдѣлать именно вслѣдствіе непріязненнаго поведенія Ярослава. Принужденная покорность послѣдняго не была продолжительна: скоро онъ прогналъ свою жену, за что Мономахъ выступилъ вторично противъ него: разумѣется Ярославъ могъ рѣшиться на явный разрывъ только собравши значительныя силы, и въ надеждѣ на помощь Польскую и Венгерскую, потому что и съ королемъ Венгерскимъ онъ былъ также въ родствѣ; но собственные бояре отступили отъ Волынскаго князя; и онъ принужденъ былъ бѣжать сперва въ Венгрію, потомъ въ Польшу. Мономахъ посадилъ во Владимирѣ сперва сына своего Романа, а потомъ, по смерти его, другаго сына Андрея. Что эти событія были въ связи съ Польскою войною, доказательствомъ служитъ походъ новаго Владимирскаго князя Андрея съ Половцами въ Польшу, въ 1120 году. Въ слѣдующемъ году Ярославъ съ Поляками подступилъ было къ Червеню; Мономахъ принялъ мѣры для безопасности пограничныхъ городовъ: въ Червени сидѣлъ знаменитый мужъ его Ѳома Ратиборовичь, который и заставилъ Ярослава возвратиться ни съ чѣмъ. Для Поляковъ, какъ видно, самымъ опаснымъ врагомъ былъ Володарь Ростиславичь, который не только водилъ на Польшу Половцевъ, но былъ въ союзѣ съ другими опасными ея врагами, Поморянами и Прусаками. Не будучи въ состояніи одолѣть его силою, Поляки рѣшились схватить его хитростію. Въ то время при дворѣ Болеслава находился знаменитый своими похожденіями Петръ Властъ, родомъ, какъ говорятъ, изъ Даніи. Въ совѣтѣ, который держалъ Болеславъ по случаю вторженій Володаря, Властъ объявилъ себя противъ открытой войны съ этимъ княземъ, указывалъ на связь его съ Половцами, Поморянами, Прусаками, которые всѣ въ одно вре-

мя могли напасть на Польшу, и совѣтовалъ схватить Ростиславича хитростію, при чемъ предложилъ свои услуги. Болеславъ принялъ предложеніе, и Властъ отправился къ Володарю въ сопровожденіи тридцати человѣкъ, выставилъ себя изгнанникомъ, заклятымъ врагомъ Польскаго князя, и успѣлъ пріобрѣсть полную довѣренность Ростиславича. Однажды оба они выѣхали на охоту; князь, погнавшись за звѣремъ, удалился отъ города, дружина его разсѣялась по лѣсу, подлѣ него остался только Властъ съ своими; они воспользовались благопріятною минутою, бросились на Володаря, схватили и умчали къ Польскимъ границамъ [103]. Болеславъ достигъ своей цѣли: Василько Ростиславичь отдалъ всю свою и братнюю казну, чтобъ освободить изъ плѣна Володаря; но, что было всего важнѣе, Ростиславичи обязались дѣйствовать за одно съ Поляками противъ всѣхъ враговъ ихъ: иначе мы не можемъ объяснить присутствія обоихъ братьевъ въ Польскомъ войскѣ, во время похода его на Русь въ 1123 году. Въ этотъ годъ Ярославъ пришелъ подъ Владимиръ съ Венграми, Поляками, Чехами, обоими Ростиславичами — Володаремъ и Василькомъ; было у него множество войска, говоритъ лѣтописецъ. Во Владимирѣ сидѣлъ тогда сынъ Мономаховъ Андрей, самъ Мономахъ собиралъ войска въ Кіевской волости, отправивъ напередъ себя ко Владимиру старшаго сына Мстислава съ небольшимъ отрядомъ; но и тотъ не успѣлъ придти, какъ осада была снята. Въ воскресенье, рано утромъ подъѣхалъ Ярославъ самътретей къ городскимъ стѣнамъ, и началъ кричать Андрею и гражданамъ: «это мой городъ; если не отворитесь, не выдете съ поклономъ, то увидите: завтра приступлю къ городу и возьму его». Но въ то время, когда онъ еще ѣздилъ подъ городомъ, изъ послѣднаго вышли тихонько два Поляка, безъ сомнѣнія находившіеся въ службѣ у Андрея [104], что тогда было дѣло обыкновенное, и спрятались при дорогѣ; когда Ярославъ возвращался отъ города мимо ихъ, то они вдругъ выскочили на дорогу и ударили его копьемъ; чуть-чуть живаго успѣли примчать его въ станъ, и въ ночь онъ умеръ. Король Венгерскій Стефанъ II-й рѣшился было продолжать осаду города; но вожди отдѣльныхъ отрядовъ его войска воспротивились этому, объявили, что не хотятъ безъ цѣли проливать крови своихъ воиновъ, вслѣдствіе чего всѣ союзники Ярославовы разошлись по домамъ,

отправивъ пословъ ко Владиміру съ просьбою о мирѣ и съ дарами. Лѣтописецъ распространяется объ этомъ событіи: «такъ умеръ Ярославъ, говоритъ онъ, одинокъ при такой силѣ; погибъ за великую гордость, потому что не имѣлъ надежды на Бога, а надѣялся на множество войска; смотри теперь, что взяла гордость? Разумѣйте, дружина и братья, по комъ Богъ: по гордомъ или по смиренномъ? Владиміръ, собирая войско въ Кіевѣ, плакался передъ Богомъ о насильи и гордости Ярославовой; и была великая помощь Божія благовѣрному князю Владиміру, за честное его житіе и за смиреніе; а тотъ молодой гордился противъ дѣда своего, и потомъ опять противъ тестя своего Мстислава.» Эти слова замѣчательны во-первыхъ потому, что въ нихъ высказывается современный взглядъ на междукняжескія отношенія: Ярославъ, въ глазахъ лѣтописца, виноватъ тѣмъ, что, будучи молодъ, гордился передъ дядею и тестемъ — чисто родовыя отношенія, за исключеніемъ всякихъ другихъ. Во-вторыхъ, очень замѣчательны слова объ отношенія Ярослава къ Мстиславу: Ярославъ выставляется молодымъ предъ Мстиславомъ, порицается за гордость предъ нимъ: не заключаютъ ли эти слова намека на столкновеніе правъ тестя и зятя на старшинство: не заключалась ли гордость Ярослава преимущественно въ томъ, что онъ, будучи молодъ и зять Мстиславу, вздумалъ выставлять права свои передъ нимъ, какъ сынъ старшаго изъ внуковъ Ярославовыхъ? Намъ кажется это очень вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было однако, и самая старшая линія въ Ярославовомъ потомствѣ потеряла право на старшинство смертію Ярослава; если и послѣдній, по мнѣнію лѣтописца, былъ молодъ предъ Мстиславомъ, то могли ли соперничать съ нимъ младшіе братья Ярославовы, Изяславъ и Брячиславъ: оба они умерли въ 1127 году[167]; потомство Святополково вмѣстѣ съ Волынью лишилось и Турова, который также отошелъ къ роду Мономахову; за Святополковичами остался здѣсь, какъ увидимъ послѣ, одинъ Клецкъ. Наконецъ замѣтимъ, что Мономаху и племени его вездѣ благопріятствовало народное расположеніе: Ярославъ не могъ противиться Мономаху во Владимірѣ: бояре отступили отъ него, и когда онъ пришелъ съ огромнымъ войскомъ подъ Владиміръ, то граждане не думали отступить отъ сына Мономахова.

Такъ кончились при Владимірѣ междукняжескія отношенія и соединенныя съ ними отношенія Польскія. Касательно другихъ Европейскихъ государствъ при Мономахѣ останавливаютъ насъ лѣтописныя извѣстія объ отношеніяхъ Греческихъ. Дочь Мономаха, Марія была въ замужствѣ за Леономъ, сыномъ императора Греческаго Діогена; извѣстны обычные въ Византіи перевороты, которые возвели на престолъ домъ Комненовъ въ ущербъ дома Діогенова. Леонъ, безъ сомнѣнія, не безъ совѣта и помощи тестя своего, Русскаго князя, вздумалъ въ 1116 году вооружиться на Алексѣя Комнена и добыть себѣ какую-нибудь область; нѣсколько Дунайскихъ городовъ уже сдались ему; но Алексѣй подослалъ къ нему двухъ Арабовъ, которые коварнымъ образомъ умертвили его въ Доростолѣ. Владиміръ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, удержать для внука своего Василія пріобрѣтенія Леоновы, и послалъ воеводу Ивана Войтишича, который посажалъ посадниковъ по городамъ Дунайскимъ; но Доростолъ захваченъ былъ уже Греками: для его взятія ходилъ сынъ Мономаховъ Вячеславъ съ воеводою Ѳомою Ратиборовичемъ на Дунай; но припужденъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха [168]. По другимъ извѣстіямъ, Русское войско имѣло успѣхъ во Ѳракіи, опустошило ее, и Алексѣй Комненъ, чтобъ избавиться отъ этой войны, прислалъ съ мирными продложеніями къ Мономаху Неофита, Митрополита Ефесскаго и другихъ знатныхъ людей, которые поднесли Кіевскому князю богатые дары — Крестъ изъ Животворящаго древа, вѣнецъ царскій, чашу сердоликовую, принадлежавшую императору Августу, золотыя цѣпи и проч., при чемъ Неофитъ возложилъ этотъ вѣнецъ на Владиміра и назвалъ его царемъ [169]. Мы видѣли, что царственное происхожденіе Мономаха по матери давало ему большое значеніе, особенно въ глазахъ духовенства; въ памятникахъ письменности XII-го вѣка его называютъ царемъ [170]: какую связь имѣло это названіе съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ—было ли его причиною или слѣдствіемъ—рѣшить трудно; замѣтимъ одно, что извѣстіе это не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; очень вѣроятно также, что въ Кіевѣ воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ дать любимому князю и дѣтамъ его еще болѣе правъ на то значеніе, которое они пріобрѣли въ ущербъ старшимъ линіямъ. Какъ бы то ни было, мы не видимъ послѣ возоб-

новленія военныхъ дѣйствій съ Греками, и подъ 1122 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ брачномъ союзѣ внуки Мономаховой, дочери Мстислава съ однимъ изъ князей династіи Комненовъ [171].

Мы въ правѣ ожидать, что Половцамъ и другимъ степнымъ ордамъ стало не легче, когда Мономахъ сѣлъ на старшемъ столѣ Русскомъ. Узнавши о смерти Святополка, Половцы явились было на восточныхъ границахъ [172]; но Мономахъ, соединившись съ Олегомъ, сыновьями своими и племянниками, пошелъ на нихъ и принудилъ къ бѣгству. Въ 1116 году видимъ опять наступательное движеніе Русскихъ: Мономахъ послалъ сына своего Ярополка, а Давидъ сына своего Всеволода на Донъ, и князья эти взяли у Половцевъ три города. Рядъ удачныхъ походовъ Русскихъ князей, какъ видно, ослабилъ силы Половцевъ, и далъ подчиненнымъ Торкамъ и Печенѣгамъ надежду освободиться отъ ихъ зависимости: они встали противъ Половцевъ и страшная рѣзня происходила на берегахъ Дона: варвары сѣклись два дни и двѣ ночи, послѣ чего Торки и Печенѣги были побѣждены, прибѣжали въ Русь, и были поселены на границахъ. Но движенія въ степяхъ не прекращались: въ слѣдующемъ году пришли въ Русь Бѣловѣжцы, также жители Донскихъ береговъ; такъ Русскія границы населялись варварскими народами разныхъ названій, которые будутъ играть важную роль въ нашемъ дальнѣйшемъ разсказѣ; но сначала, какъ видно, эти гости были очень безпокойны, не умѣли отвыкнуть отъ своихъ степныхъ привычекъ и уживаться въ ладу съ осѣдлымъ народонаселеніемъ: въ 1120 г. Мономахъ принужденъ былъ выгнать Берендѣевъ изъ Руси, а Торки и Печенѣги бѣжали сами. Ярополкъ послѣ того ходилъ на Половцевъ за Донъ, но не нашелъ ихъ тамъ: не даромъ преданіе говоритъ, что Мономахъ загналъ ихъ на Кавказъ.—Новгородцы и Псковичи продолжали воевать съ Чудью на западъ отъ Чудскаго озера: въ 1116 г. Мстиславъ взялъ городъ Оденпе, или Медвѣжью голову, погостовъ побралъ безчисленное множество, и возвратился домой съ большимъ полономъ; сынъ его Всеволодъ въ 1122 году ходилъ на Финское племя Ямь, и побѣдилъ его; но дорога была трудна по дороговизнѣ хлѣба [173]. На сѣверо-востокѣ борьба съ иноплеменниками шла также удачно: прежде мы встрѣчали извѣстія о поражені-

ихъ, которыя претерпѣвали Муромскія волости отъ Болгаръ и Мордвы; но теперь подъ 1120 годомъ читаемъ, что сынъ Мономаховъ, Юрій, посаженный отцемъ въ Ростовской области, ходилъ по Волгѣ на Болгаръ, побѣдилъ ихъ полки, взялъ большой полонъ, и пришелъ назадъ съ честью и славою.

Такъ во всѣхъ концахъ Русскихъ волостей оправдались надежды народа на благословенное княженіе Мономаха. Послѣ двѣнадцатилѣтняго правленія въ Кіевѣ, въ 1125 году умеръ Мономахъ, просвѣтившій Русскую землю, какъ солнце, по выраженію лѣтописца: слава его прошла по всѣмъ странамъ, особенно же былъ онъ страшенъ поганымъ; былъ онъ братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый страдалецъ (труженикъ) за Русскую землю. Духовенство плакало по немъ, какъ по святомъ и добромъ князѣ: потому что много почиталъ онъ монашескій и священническій чинъ, давалъ имъ все потребное, церкви строилъ и украшалъ; когда входилъ въ церковь и слышалъ пѣніе, то не могъ удерживаться отъ слезъ; потому-то Богъ и исполнялъ всѣ его прошенія и жилъ онъ въ благополучіи; весь народъ плакалъ по немъ, какъ плачутъ дѣти по отцѣ или по матери [174].

Разсмотрѣвши дѣятельность втораго поколѣнія Ярославичей, взглянемъ и на дѣятельность дружинниковъ княжескихъ. Мы видѣли, что съ приходомъ Святополка изъ Турова въ Кіевъ, въ послѣднемъ городѣ явились двѣ дружины: старая, бывшая при Изяславѣ и Всеволодѣ, и новая, приведенная Святополкомъ. Мы замѣтили, что лѣтописецъ явно отдаетъ предпочтеніе старой предъ новою: члены первой являются у него людьми разумными, опытными, члены второй называются несмысленными. Любопытно замѣтить также при этомъ, что члены старой дружины, люди разумные держатся постоянно Мономаха и его думы. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ у лѣтописца является Янъ Вышатичь, котораго дѣятельность видѣли мы при первомъ поколѣніи; въ послѣдній разъ является Янъ подъ 1106 годомъ, когда онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Путятою и Иваномъ Захарьичемъ, прогналъ Половцевъ и отнялъ у нихъ полонъ. Въ слѣдъ за этимъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Яна, старца добраго, жившаго лѣтъ 90: «жилъ онъ по закону Божію, говоритъ лѣтописецъ, не хуже первыхъ праведниковъ, отъ него и я слышалъ много разсказовъ, которые и внесъ въ лѣтопись.» Трудно рѣшить, разу-

мѣлъ ли здѣсь лѣтописецъ нашего Вышатича, или другаго какого—нибудь Яна: кажется въ первомъ случаѣ онъ прибавилъ бы что—нибудь и о его гражданскихъ подвигахъ. Гораздо чаще упоминается имя брата Янова, Путяты, который былъ тысяцкимъ при Святополкѣ въ Кіевѣ; мы видѣли, что при Всеволодѣ былъ Кіевскимъ тысяцкимъ Янъ: какимъ образомъ эта должность перешла къ младшему брату отъ старшаго при жизни послѣдняго — мы не знаемъ; любопытно одно, что это званіе сохраняется въ семьѣ Вышаты, тысяцкаго Ярославова. Дѣятельность Путяты мы видѣли въ войнѣ Святополка съ Давидомъ Волынскимъ, на Витичевскомъ съѣздѣ, въ походѣ на Половцевъ въ 1106 году; наконецъ по смерти Святополка видимъ, что народъ грабитъ домъ Путяты за приверженность его къ Святославичамъ; можно думать, что не столько личная привязанность къ этому роду могла руководить поведеніемъ Путяты, сколько привязанность къ обычному порядку старшинства, нарушеніе котораго неминуемо влекло за собою смуту и усобицы. Кромѣ братьевъ Вышатичей—Яна и Путяты, изъ мужей Святополковыхъ, бояръ Кіевскихъ, упоминаются: Василь, Славата, Иванко Захарьичь, Козаринъ. Послѣ Всеволода мужъ его Ратиборъ, котораго мы видѣли посадникомъ въ Тмутаракани, не остался въ Кіевѣ, но перешелъ къ Мономаху, у котораго въ Переяславлѣ пользовался большимъ значеніемъ, что видно изъ разсказа объ убійствѣ Половецкихъ хановъ; потомъ мы видимъ его на Витичевскомъ съѣздѣ; наконецъ, когда Мономахъ занялъ старшій столъ, Ратиборъ сдѣлался тысяцкимъ въ Кіевѣ, на мѣсто Путяты: въ этомъ званіи онъ участвуетъ въ перемѣнѣ устава о ростахъ вмѣстѣ съ Прокопіемъ Бѣлогородскимъ тысяцкимъ, Станиславомъ (Тукіевичемъ) Переяславскимъ, и еще двумя мужами — Нажиромъ и Мірославомъ; здѣсь въ другой разъ замѣчаемъ, что перемѣна въ земскомъ уставѣ дѣлается въ совѣтѣ тысяцкихъ разныхъ городовъ. Встрѣчаемъ имена двоихъ сыновей Ратиборовыхъ — Ольбега и Ѳомы; кромѣ нихъ еще имена двоихъ воеводъ Мономаховыхъ — Дмитра Иворовича и Ивана Войтишича, перваго въ походѣ на Половцевъ за Донъ, втораго на Грековъ къ Дунаю; наконецъ Орогоста, дѣйствовавшаго вмѣстѣ съ Ратиборомъ на Витичевскомъ съѣдѣ. Изъ Черниговскихъ бояръ Святославичей встрѣчаемъ имена: Торчина при разсказѣ о Вити-

чевскомъ съѣздѣ, и Иванка Чудиновича, бывшаго при перемѣнѣ устава о ростахъ; если этотъ Иванко сынъ Чудина, боярина Изяславова, то любопытно, что сынъ очутился въ дружинѣ Святославичей. Изъ волынскихъ бояръ встрѣчаемъ имена Туряка, Лазаря и Василя, выставленныхъ главными виновниками ослѣпленія Василька. Что касается до происхожденія членовъ княжеской дружины, то имена Торчина, боярина Святославичей Черниговскихъ и Козарина, боярина Святополкова, ясно на него указываютъ; имена прислуги княжеской — Торчина, овчаря Святополкова, Бяндука, отрока Мономахова, Кульмѣя, Улана и Колчка, отроковъ Давида Волынскаго, могутъ указывать также на варварское происхожденіе.

ГЛАВА IV.

СОБЫТІЯ ПРИ ПРАВНУКАХЪ ЯРОСЛАВА I-го. БОРЬБА ДЯДЕЙ СЪ ПЛЕМЯННИКАМИ ВЪ РОДѢ МОНОМАХА, И БОРЬБА СВЯТОСЛАВИЧЕЙ СЪ МОНОМАХОВИЧАМИ—ДО СМЕРТИ ЮРІЯ ВЛАДИМІРОВИЧА ДОЛГОРУКАГО.

(1125 — 1157).

Сыновья Мономаха; Мстиславъ В. Князь. Усобица между Святославичами Черниговскими. Княжество Муромское. Присоединеніе Полоцка къ волостямъ Мономаховичей. Войны съ Половцами, Чудью и Литвою. Смерть В. Князя Мстислава Владиміровича. Братъ его Ярополкъ Великимъ княземъ. Начало борьбы дядей съ племянниками въ племени Мономаховомъ. Святославичи Черниговскіе вмѣшиваются въ эту борьбу. Событія въ Новгородѣ Великомъ. Смерть Ярополка Владиміровича. Всеволодъ Ольговичь Черниговскій изгоняетъ Вячеслава Владиміровича изъ Кіева и утверждается здѣсь. Отношенія между Мономаховичами; война съ ними Всеволода Ольговича. Отношенія его къ роднымъ и двоюроднымъ братьямъ. Ростиславичи Галицкіе. Война В. Князя Всеволода съ Владимиркомъ Володаревичемъ Галицкимъ. Князья Городенскіе, Полоцкіе, Муромскіе. Событія въ Новгородѣ Великомъ. Вмѣшательство Русскихъ князей въ дѣла Польскія. Морской разбой Шведовъ. Борьба Русскихъ съ Финнами и Половцами. Предсмертныя распоряженія В. Князя Всеволода Ольговича. Смерть его. Изгнаніе изъ Кіева Игоря Ольговича. Изяславъ Мстиславичь Мономашичь княжитъ въ Кіевѣ. Плѣнъ Игоря Ольговича. Раздоръ между Святославичами Черниговскими. Союзъ Изяслава Мстиславича съ Давидовичами Черниговскими; союзъ Святослава Ольговича съ Юріемъ Владиміровичемъ Мономашичемъ, княземъ Ростовскимъ противъ Изяслава Мстиславича. Первое упоминовеніе о Москвѣ. Отступленіе Давидовичей Черниговскихъ отъ Изяслава Мстиславича. Кіевляне убиваютъ Игоря Ольговича. Миръ Изяслава Мстиславича съ Святославичами Черниговскими. Сынъ Юрія Ростовскаго, Ростиславъ переходитъ къ Изяславу Мстиславичу. Изяславъ въ Новгородѣ Великомъ; походъ его на волости дяди Юрія. Изгнаніе Ростислава Юрьевича изъ Кіева. Движеніе отца его Юрія на югъ. Побѣда Юрія надъ племянникомъ Изяславомъ и занятіе Кіева. За Изяслава вступаются Венгры и Поляки; Галицкій князь Владимірко за Юрія. Подвиги сына Юріева, Андрея. Онъ хлопочетъ о мирѣ между отцомъ своимъ и Изяславомъ Мстиславичемъ. Непродолжительность

мира. Изяславъ изгоняетъ Юрія изъ Кіева, но долженъ уступить старшинство другому дядѣ, Вячеславу. Война Изяслава съ Владиміркомъ Галицкимъ. Юрій изгоняетъ Вячеслава и Изяслава изъ Кіева. Изяславъ съ Венграми опять изгоняетъ Юрія изъ Кіева и опять отдаетъ старшинство Вячеславу, подъ именемъ котораго княжитъ въ Кіевѣ. Продолженіе борьбы Изяслава съ Юріемъ. Битва на рѣкѣ Рутѣ и пораженіе Юрія, который принужденъ оставить югъ. Два другихъ неудачныхъ похода его на югъ. Война Изяслава Мстиславича въ союзѣ съ Венгерскимъ королемъ противъ Владимірка Галицкаго. Клятвопреступленіе и смерть Владимірка. Война Изяслава съ сыномъ Владиміркովымъ, Ярославомъ. Смерть Изяслава; его характеръ. Вячеславъ вызываетъ къ себѣ въ Кіевъ брата Изяславова, Ростислава изъ Смоленска. Смерть Вячеслава. Ростиславъ уступаетъ Кіевъ Изяславу Давыдовичу Черниговскому. Юрій Ростовскій заставляетъ Давыдовича выѣхать изъ Кіева и самъ окончательно утверждается здѣсь. Усобицы между Святославичами въ Черниговской волости и Мономаховичами на Волыни. Союзъ князей противъ Юрія. Смерть его. Событія Полоцкія, Муромскія и Рязанскія, Новгородскія. Борьба съ Половцами и Финскими племенами. Дружина.

По смерти Мономаха на Кіевскомъ столѣ сѣлъ старшій сынъ его Мстиславъ; соперниковъ ему быть не могло: Олегъ и Давидъ Святославичи умерли еще при жизни Мономаха; въ Черниговѣ сидѣлъ младшій братъ ихъ Ярославъ; но этотъ незначительный князь не могъ удержать старшинства и въ собственномъ родѣ; еще менѣе могъ спорить съ Мстиславомъ Брячиславъ Святополковичь, княжившій неизвѣстно въ какомъ городкѣ въ Пинскихъ волостяхъ. Но и болѣе сильные соперники не могли быть страшны Мстиславу при народномъ расположеніи къ роду Мономахову, тѣмъ болѣе, что Мстиславъ походилъ во всемъ на знаменитаго отца своего. Не даромъ лѣтописецъ, начиная разсказъ о княженіи Мстислава, говоритъ, что этотъ князь еще въ молодости побѣдилъ дядю своего Олега [175]: такимъ образомъ въ личныхъ достоинствахъ Мономахова сына старались находить оправданіе тому, что онъ отстранялъ старшее племя Святославово [176].

Кромѣ Мстислава, послѣ Мономаха оставалось еще четверо сыновей: Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, Андрей; Ярополкъ еще при отцѣ получилъ столъ Переяславскій [177] и остался на немъ при братѣ; Ярополкъ былъ на своемъ мѣстѣ, потому что отличался храбростію, необходимою для Переяславскаго князя, обязаннаго постоянно биться съ степными варварами. Третій братъ Вячеславъ княжилъ сперва въ Смоленскѣ, а потомъ переведенъ былъ въ Туровъ; Георгій издавна княжилъ въ Ростовской области [178]; Андрей во Владимирѣ на Волыни. Въ Новго-

родѣ сидѣлъ старшій сынъ Мстислава Всеволодъ; въ Смоленскѣ третій сынъ его Ростиславъ; гдѣ же былъ второй, Изяславъ? должно думать, что гдѣ нибудь подлѣ Кіева: онъ также отличался храбростію и потому нуженъ былъ отцу для рати: скоро нашлась ему и волость и дѣятельность.

Въ Черниговѣ произошло важное явленіе: сынъ Олега, Всеволодъ напалъ въ расплохъ на дядю своего Ярослава, согналъ его съ старшаго стола, дружину его перебилъ и разграбилъ. Въ самомъ занятіи Кіевскаго стола Мстиславомъ мимо Ярослава Святославича, который приходился ему дядею, Всеволодъ могъ уже видѣть примѣръ и оправданіе своего поступка: если Ярославъ потерялъ старшинство въ цѣломъ родѣ, то могъ ли онъ сохранять его въ своей линіи? Какъ бы то ни было, Мстиславъ не хотѣлъ сначала терпѣть такого нарушенія старшинства дядей, тѣмъ болѣе, что, какъ видно, онъ обязался клятвеннымъ договоромъ поддерживать Ярослава въ Черниговѣ. Вмѣстѣ съ братомъ Ярополкомъ Мстиславъ собралъ войско, чтобъ идти на Всеволода; тотъ не могъ одинъ противиться Мономаховичамъ и послалъ за Половцами; а дядю Ярослава отпустилъ изъ неволи въ Муромъ. Половцы явились на зовъ Всеволода въ числѣ 7000, и стали за рѣкою Выремъ [179] у Ратимировой Дубравы: но послы ихъ, отправленные къ Всеволоду, были перехвачены на рѣкѣ Локнѣ [180] и приведены къ Ярополку, потому что послѣдній успѣлъ захватить все теченіе рѣки Сейма, посадилъ по всѣмъ городамъ своихъ посадниковъ, а въ Курскѣ племянника Изяслава Мстиславича. Половцы, не получая вѣсти изъ Чернигова, испугались и побѣжали назадъ; это извѣстіе очень замѣчательно: оно показываетъ, какъ варвары стали робки послѣ Задонскихъ походовъ Мономаха, сыновей и воеводъ его. Послѣ бѣгства Половцевъ Мстиславъ еще больше началъ стѣснять Всеволода: «Что взялъ? говорилъ онъ ему: навелъ Половцевъ, что же, помогли они тебѣ?» Всеволодъ сталъ упрашивать Мстислава, подучивалъ его бояръ, подкупалъ ихъ дарами, чтобъ просили за него, и такимъ образомъ провелъ все лѣто. Зимою пришелъ Ярославъ изъ Мурома въ Кіевъ, и сталъ также кланяться Мстиславу и упрашивать. «Ты мнѣ крестъ цѣловалъ, пойди на Всеволода»; а Всеволодъ, съ своей стороны, еще больше упрашивалъ. Въ это время въ Кіевскомъ Андреевскомъ

монастырѣ былъ игумномъ Григорій, котораго очень любилъ Владиміръ Мономахъ, да и Мстиславъ и весь народъ очень почиталъ его. Этотъ-то Григорій все не давалъ Мстиславу встать ратью на Всеволода за Ярослава; онъ говорилъ: «Лучше тебѣ нарушить клятву, чѣмъ пролить кровь христіанскую.» Мстиславъ не зналъ, что ему дѣлать? Митрополита тогда не было въ Кіевѣ, такъ онъ созвалъ соборъ изъ священниковъ, и передалъ дѣло на ихъ рѣшеніе: тѣ отвѣчали: «На насъ будетъ грѣхъ клятвопреступленія». Мстиславъ послушался ихъ, не исполнилъ своего обѣщанія Ярославу, и послѣ раскаявался въ томъ всю жизнь. На слова Григорія и на приговоръ собора можно смотрѣть какъ на выраженіе общаго народнаго мнѣнія: граждане не терпѣли княжескихъ усобицъ и вообще войнъ, неприносившихъ непосредственной пользы, не имѣвшихъ цѣлію защиты края; но какая охота была Кіевлянамъ проливать свою кровь за нелюбимаго Святославича? Со стороны же Мстислава, кромѣ рѣшенія духовенства, побужденіемъ къ миру со Всеволодомъ могла служить также и родственная связь съ нимъ: за нимъ была дочь его. Какъ бы то ни было, племянникъ удержалъ за собою старшій столъ вопреки правамъ дяди: но эта удача была, какъ увидимъ, первою и послѣднею въ нашей древней исторіи. Для Мономаховичей событіе это не осталось впрочемъ безъ матеріальной выгоды: они удержали Курскъ и все Посемье, и это пріобротеніе было для нихъ очень важно, потому что затруднило сообщеніе Святославичей съ Половцами. Ярославъ долженъ былъ идти назадъ въ Муромъ, и остаться тамъ навсегда; потомки его явились уже изгоями относительно племени Святославова, потеряли право на старшинство, должны были ограничиться одною Муромскою волостію, которая, вслѣдствіе этого, отдѣлилась отъ Черниговской. Такимъ образомъ и на востокѣ отъ Днѣпра образовалась отдѣльная княжеская волость, подобная Полоцкой и Галицкой на западѣ.

Покончивши съ Черниговскими, въ томъ же 1127 году Мстиславъ послалъ войско на князей Полоцкихъ: есть извѣстіе, что они не переставали опустошать пограничныя волости Мономаховичей [181]. Мстиславъ послалъ войска четырьмя путями: братьевъ—Вячеслава изъ Турова, Андрея изъ Владиміра; сына Давида Игоревича, Всеволодка [182], зятя Мономахова изъ Городна

и Вячеслава Ярославича [183] изъ Клецка: этимъ четверымъ князьямъ велѣлъ идти къ Изяславлю; Всеволоду Ольговичу Черниговскому велѣлъ идти съ братьями на Стрѣжевъ къ Борисову, туда же послалъ извѣстнаго воеводу своего Ивана Войтишича съ Торками; свой полкъ отправилъ подъ начальствомъ сына Изяслава къ Лагожску [184], а другаго сына, Ростислава съ Смолянами на Друцкъ. Въ Полоцкѣ сидѣлъ въ это время тотъ самый Давидъ Всеславичь, котораго прежде мы видѣли въ союзѣ съ Ярославичами противъ Глѣба Минскаго; за сыномъ его Брячиславомъ, княжившимъ какъ видно, въ Изяславлѣ, была дочь Мстислава Кіевскаго. Минскъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, отошелъ къ Ярославичамъ еще при Мономахѣ, который отвелъ въ неволю князя его Глѣба; иначе Мстиславъ не направилъ бы войско свое мимо Минска на города дальнѣйшіе; быть можетъ Всеславичи не могли забыть потери Минска, и это было главнымъ поводомъ къ войнѣ. Мстиславъ всѣмъ отправленнымъ князьямъ назначилъ срокомъ одинъ день, въ который они должны были напасть на указанныя мѣста. Но Изяславъ Мстиславичь опередилъ одинъ всю братью и приблизился къ Лагожску; зять его Брячиславъ, князь Изяславскій, велъ въ это время Лагожскую дружину на помощь отцу своему Давиду; но, узнавъ на серединѣ пути, что Изяславъ у города, такъ перепугался, что не зналъ что̀ дѣлать, куда идти, и пошелъ прямо въ руки къ шурину, которому привелъ и Лагожскую дружину; Лагожане, видя своихъ въ рукахъ у Изяслава, сдались ему; пробывъ здѣсь два дня, Изяславъ отправился къ дядьямъ своимъ, Вячеславу и Андрею, которые осаждали Изяславль. Жители этого города, видя, что князь ихъ и Лагожане взяты Изяславомъ, и не терпятъ никакой бѣды, объявили Вячеславу, что сдадутся, если онъ поклянется не давать ихъ на щитъ (на разграбленіе) воинамъ. Вячеславъ согласился, и вечеромъ Вратиславъ, тысяцкій князя Андрея и Иванко, тысяцкій Вячеславовъ, послали въ городъ своихъ отроковъ: но когда на разсвѣтѣ остальные ратники узнали объ этомъ, то бросились всѣ въ городъ и начали грабить: едва князья съ своими дружинами успѣли уберечь имѣніе дочери Великаго князя Мстислава, жены Брячиславовой, и то должны были биться съ своими. Между тѣмъ, съ другой стороны, шелъ къ Полоцку старшій сынъ Мстислава, Всеволодъ, князь Новгородскій [185]; тогда Полочане

выгнали отъ себя Давида съ сыновьями, взяли брата его Рогволода [186], и послали просить Мстислава, чтобъ онъ утвердилъ его у нихъ княземъ; Мстиславъ согласился. Не даромъ однако современники не умѣли объяснить себѣ этой наслѣдственной и непримиримой вражды Полоцкихъ князей къ потомству Ярослава, и прибѣгали къ помощи преданія о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ: какъ при Мономахѣ, такъ и теперь при сынѣ его дѣло могло кончиться только изгнаніемъ Изяславичей изъ волостей ихъ. Во время Половецкаго нашествія въ 1129 году Мстиславъ, собирая князей, послалъ звать и Полоцкихъ на помощь противъ варваровъ; Рогволода, пріятнаго Ярославичамъ, какъ видно, не было уже въ это время въ живыхъ, и старшинство, по прежнему, держалъ Давидъ, который съ братьями и племянниками далъ дерзкій, насмѣшливый отвѣтъ на зовъ Мстислава [187]. Половецкая война помѣшала Великому князю немедленно наказать Всеславича; но когда Половцы были прогнаны, то онъ вспомнилъ обиду, и послалъ за Кривскими князьями, какъ продолжали еще называть Полоцкихъ владѣльцевъ: Давида, Ростислава и Святослава Всеславичей, вмѣстѣ съ племянниками ихъ Рогволодовичами, посадили въ три лодки и заточили въ Царьградъ: безъ всякаго сомнѣнія Полочане выдали князей своихъ, не желая подвергать страны своей опустошеніямъ. По городамъ Полоцкимъ, говоритъ лѣтописецъ, Мстиславъ посажалъ своихъ посадниковъ, но послѣ мы видимъ тамъ сына его Изяслава, переведеннаго изъ Курска [188].

Изъ внѣшнихъ событій, по прежнему, записана въ лѣтописи борьба съ Половцами и другими сосѣдними варварами. Половцы обрадовались смерти Мономаховой и немедленно явились въ предѣлахъ Переяславскаго княжества. Мы видѣли, что Русскіе князья, во время счастливыхъ походовъ своихъ въ степи, взяли у Половцевъ часть подвластныхъ имъ Торковъ и Печенѣговъ; видѣли, что эти варвары послѣ сами убѣжали отъ Половцевъ въ Русскіе предѣлы, и были поселены здѣсь. Разумѣется, Половцамъ хотѣлось возвратить ихъ назадъ, и вотъ лѣтописецъ говоритъ, что они именно являлись для того, чтобъ перехватить Русскихъ Торковъ. Но въ Переяславлѣ сидѣлъ Ярополкъ, достойный по храбрости сынъ Мономаха, привыкшій подъ отцовскимъ стягомъ громить варваровъ въ степяхъ ихъ: узнавши о впаденіи и

мѣреніи Половцевъ, Ярополкъ велѣлъ вогнать Торковъ и все остальное народонаселеніе въ города; Половцы пріѣхали, но ничего не могли сдѣлать, и, узнавъ, что Ярополкъ въ Переяславлѣ, пошли воевать Посулье (мѣста по рѣкѣ Сулѣ). Ярополкъ, благовѣрнаго князя корень и благовѣрная отрасль, по выраженію лѣтописца, не дожидаясь помощи отъ братьевъ, съ одними Переяславцами пошелъ въ слѣдъ за Половцами, настигъ ихъ на правомъ берегу рѣки Удая [189], призвалъ имя Божіе и отца своего, ударилъ на поганыхъ и одержалъ побѣду: помогъ ему Богъ и молитвы отца его, продолжаетъ лѣтописецъ. Послѣ этого нападенія Половцевъ мы встрѣтили извѣстіе объ нихъ при описаніи Черниговскихъ и потомъ Полоцкихъ происшествій. — Мстиславъ не забылъ той борьбы, которую велъ онъ сидя на столѣ Новгородскомъ, именно борьбы съ Чудью, и въ 1130 году послалъ на нее сыновей своихъ—Всеволода, Изяслава и Ростислава; лѣтописецъ говоритъ подробно, въ чемъ состоялъ походъ: самихъ враговъ перебили, хоромы пожгли, женъ и дѣтей привели домой. Но не такъ былъ счастливъ Чудскій походъ одного Всеволода Новгородскаго въ слѣдующемъ году: сотворилась пакость великая, говоритъ лѣтописецъ: перебили много добрыхъ мужей Новгородскихъ въ Клину: Клинъ — это Русскій переводъ Эстонскаго слова Waija или Wagja, какъ называлась часть нынѣшняго Дерптскаго уѣзда въ XIII вѣкѣ [190]. — Что Половцы были для юго-восточной Руси, то Литва была для западной, преимущественно для княжества Полоцкаго. Присоединивши къ волостямъ своего рода и это княжество, Мстиславъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ его врагами; вотъ почему въ послѣдній годъ его княженія лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ на Литву: Мстиславъ ходилъ съ сыновьями своими, съ Ольговичами и зятемъ Всеволодомъ Городенскимъ. Походъ былъ удаченъ: Литву ожгли, по обыкновенію; но на возвратномъ пути Кіевскіе полки пошли отдѣльно отъ княжеской дружины; Литовцы настигли ихъ и побили много народу.

Въ 1132 году умеръ Мстиславъ: его княженіе, бывшее совершеннымъ подобіемъ отцовскаго, утвердило въ народѣ вѣру въ достоинство племени Мономахова. Этотъ Мстиславъ великій, говоритъ лѣтописецъ, наслѣдовалъ потъ отца своего, Владиміра Мономаха великаго. Владиміръ самъ собою постоялъ на Дону,

и много пота утеръ за землю Русскую, а Мстиславъ мужей своихъ послалъ, загналъ Половцевъ за Донъ, за Волгу и за Яикъ; и такъ избавилъ Богъ Русскую землю отъ поганыхъ. Здѣсь также видимъ выраженіе главнаго современнаго интереса—борьбы съ степными варварами. Народъ могъ надѣяться, что долго будетъ спокоенъ отъ ихъ нашествій, потому что Мстиславу наслѣдовалъ по всѣмъ правамъ братъ его Ярополкъ, благовѣрная отрасль, который былъ извѣстенъ своею храбростью, своими счастливыми походами въ степи. У Ярополка не было соперниковъ: онъ былъ единственный князь, который могъ сѣсть на старшій столъ по отчинѣ и дѣдинѣ; онъ крѣпко сидѣлъ въ Кіевѣ и потому еще, что люди Кіевскіе послали за нимъ [191]. Но ихъ надежды на Ярополка не сбылись: спокойствіе Руси кончилось смертію Мстислава; съ начала княженія Ярополкова начались усобицы, усобицы въ самой семьѣ знаменитаго князя братолюбца; Святославичи воспользовались ими, и Кіевляне должны были терпѣть на своемъ столѣ князя недобраго племени. Усобица, начавшаяся по смерти Мстислава великаго, носитъ характеръ, отличный отъ прежнихъ усобицъ. Прежнія усобицы проистекали главнымъ образомъ отъ изгойства, отъ того, что осиротѣлые при жизни дѣдовъ или старшихъ дядей князья исключались не только изъ старшинства, не только не получали отцовскихъ волостей, но даже часто и никакихъ. Этимъ исключеніемъ изъ старшинства лучше всякихъ поэтическихъ преданій объясняется непримиримая вражда Полоцкихъ Изяславичей къ потомкамъ Ярослава, объясняются движенія Ростислава Владиміровича, судьба и поведеніе сыновей его: борьбы съ изгоями на востокѣ и на западѣ, съ Вячеславичемъ, Игоревичами, Святославичами—наполняютъ время княженія Изяславова, Всеволодова, Святополкова. Всѣ эти борьбы, благодаря послѣднимъ распоряженіямъ князей — родичей на съѣздахъ, прекратились; но теперь начинается новая борьба, борьба племянниковъ, сыновей отъ старшаго брата съ младшими дядьми. Мы видѣли первый примѣръ этой борьбы въ Черниговѣ, гдѣ сынъ Олеговъ, Всеволодъ согналъ дядю своего Ярослава съ старшаго стола. Мстиславъ допустилъ такое нарушеніе права дядей, хотя раскаявался въ этомъ во всю жизнь; по смерти его одно опасеніе подобнаго явленія произвело сильную усобицу въ собственномъ племени его.

Мстиславъ оставилъ княженіе брату своему Ярополку, говоритъ лѣтописецъ; ему же передалъ и дѣтей своихъ съ Богомъ на руки; Ярополкъ былъ бездѣтенъ и тѣмъ удобнѣе могъ заботиться о порученныхъ ему сыновьяхъ старшаго брата. Мстиславъ при жизни своей уговорился съ братомъ, чтобъ тотъ, немедленно по принятіи старшаго стола, перевелъ на свое мѣсто въ Переяславль старшаго племянника, Всеволода Мстиславича изъ Новгорода; старшіе Мономаховичи, какъ видно изъ словъ лѣтописца, выставляли основаніемъ такого распоряженія волю отца своего, а объ этой волѣ заключали они изъ того, что Мономахъ далъ имъ Переяславль обоимъ вмѣстѣ [192]; — но при тогдашнихъ понятіяхъ это еще не значило, чтобъ они имѣли право оставить этотъ городъ въ наслѣдство сыновьямъ своимъ мимо другихъ братьевъ. Переяславль былъ стольнымъ городомъ Всеволода и Мономаха, и по выдѣленіи Чернигова въ особую, непремѣнную волость Святославичей, считался старшимъ столомъ послѣ Кіева для Мономахова племени: съ Переяславскаго стола Мономахъ, Мстиславъ и Ярополкъ перешли на Кіевскій. Точно ли хотѣли старшіе Мономаховичи переводомъ Всеволода въ Переяславль дать ему преимущество передъ дядьми, возможность наслѣдовать Ярополку въ Кіевѣ, для чего, кромѣ занятія старшаго Переяславскаго стола нужно было познакомить, сблизить его съ южнымъ народонаселеніемъ, котораго голосъ былъ такъ важенъ, рѣшителенъ въ то время — на это историкъ не имѣетъ права отвѣчать утвердительно. Какъ бы то ни было, младшіе Мономаховичи, по крайней мѣрѣ, видѣли въ переводѣ племянника на Переяславскій столъ шагъ къ старшинству мимо ихъ, особенно когда передъ глазами былъ примѣръ Ярослава Святославича Черниговскаго, согнаннаго съ старшаго стола племянникомъ, при видимомъ потворствѣ старшихъ Мономаховичей — Мстислава и Ярополка. Вступились въ дѣло младшіе Мономаховичи, Юрій Ростовскій и Андрей Волынскій, потому что старшій по Ярополкѣ братъ ихъ, Вячеславъ Туровскій былъ неспособенъ дѣйствовать впереди другихъ по безхарактерности и недалекости умственной. По словамъ лѣтописца, Юрій и Андрей прямо сказали: «братъ Ярополкъ хочетъ по смерти своей дать Кіевъ Всеволоду, племяннику своему,» и спѣшили предупредить послѣдняго: утромъ въѣхалъ Всеволодъ въ Переяславль, и до обѣда

еще былъ выгнанъ дядею Юріемъ, который однако сидѣлъ въ Переяславлѣ не болѣе восьми дней, потому что Ярополкъ, помня клятвенный уговоръ свой съ покойнымъ братомъ, вывелъ Юрія изъ Переяславля и посадилъ здѣсь другаго Мстиславича, Изяслава, княжившаго въ Полоцкѣ, давши ему клятву поддержать его на новомъ столѣ [193]: вѣроятно Всеволодъ уже не хотѣлъ въ другой разъ мѣнять вѣрную волость на невѣрную. Въ Полоцкѣ, вмѣсто Изяслава, остался третій Мстиславичь — Святополкъ; но Полочане, не любившіе, подобно Новгородцамъ, когда князь покидалъ ихъ волость для другой, сказали: «А! Изяславъ бросаетъ насъ!» — выгнали брата его Святополка и взяли себѣ одного изъ прежнихъ своихъ князей, Василька Святославича, внука Всеславова, неизвѣстно, какимъ образомъ оставшагося на Руси или возвратившагося изъ заточенія. Тогда Ярополкъ, видя, что Полоцкое княжество, оставленное храбрымъ Изяславомъ, умѣвшимъ вездѣ пріобрѣсть народную любовь, отходитъ отъ Мономахова рода, уладился съ братьями: перевелъ Изяслава неволею опять въ Минскъ, единственную волость, оставшуюся у Мономаховичей отъ Полоцкаго княжества; потомъ, чтобъ утѣшить его, придалъ ему еще Туровъ и Пинскъ, далъ ему много даровъ богатыхъ; а Вячеслава изъ Турова перевелъ въ Переяславль.

Такимъ образомъ младшіе Мономаховичи были удовлетворены: Переяславль перешелъ по порядку къ самому старшему брату по Ярополкѣ, законному его преемнику и въ Кіевѣ. Но спокойствіе въ семьѣ Мономаха и на Руси было скоро нарушено Вячеславомъ: нашелъ ли онъ, или лучше сказать, бояре его, Переяславскую волость невыгодною для себя, стало ли страшно ему сидѣть на Украйнѣ, подлѣ Торковъ и Половцевъ, — только онъ покинулъ новую волость; на первый разъ однако, дошедши до Днѣпра [195], возратился назадъ; говорятъ, будто Ярополкъ посылалъ сказать ему: «что ты все скитаешься, не посидишь на одномъ мѣстѣ, точно Половчинъ [196]?» Но Вячеславъ не послушался старшаго брата: бросилъ Переяславль въ другой разъ, пошелъ въ Туровъ, выгналъ отсюда Изяслава, и сѣлъ на его мѣсто. Тогда Ярополкъ долженъ былъ рѣшиться на новый рядъ: онъ склонился на просьбу Юрія Ростовскаго и далъ ему Переяславль, съ тѣмъ однако, чтобы тотъ уступилъ ему свою прежнюю волость;

Юрій согласился уступить Ростовскую область, но не всю: вѣроятно онъ оставлялъ себѣ на всякій случай убѣжище на сѣверѣ; вѣроятно также, что Ярополкъ для того бралъ Ростовскую землю у Юрія, чтобъ отдать ее Изяславу. Этою сдѣлкою онъ могъ надѣяться успокоить братьевъ, помѣстя ихъ всѣхъ около себя на Руси, и отдавъ племянникамъ, какъ младшимъ, отдаленную сѣверную область. Но онъ уже не былъ болѣе въ состояніи исполнить свое намѣреніе: вражда между дядьми и племянниками разгорѣлась; Изяславъ, дважды изгнанный, рѣшился не дожидаться болѣе никакихъ новыхъ сдѣлокъ между дядьми, а отдать дѣло, по тогдашнимъ понятіямъ, на судъ Божій, т. е. покончить его оружіемъ [197]. Онъ ушелъ въ Новгородъ къ брату Всеволоду, и уговорилъ его идти съ Новгородцами на область Юрія. Тогда-то Святославичи увидѣли, что пришла ихъ пора: они заключили союзъ съ недовольными Мстиславичами (сами предложили имъ его или приняли отъ нихъ предложеніе—изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей неизвѣстно [198], послали за Половцами и начали вооружаться противъ Мономаховичей: «Вы первые начали насъ губить,» говорили они имъ. Тогда народъ увидалъ, что прошло счастливое время Мономаха и Мстислава; встала опять усобица; Черниговскіе, по отцовскому обычаю, привели Половцевъ на Русскую землю, и что всего хуже, съ ними пришли сыновья Мстислава Великаго—Изяславъ съ братомъ Святополкомъ. Ярополкъ съ братьями — Юріемъ и Андреемъ выступилъ противъ Всеволода Ольговича, переправился чрезъ Днѣпръ, взялъ села около Чернигова. Всеволодъ не вышелъ противъ нихъ биться, потому что Половцы еще не пришли къ нему; Ярополкъ, постоявъ нѣсколько дней у Чернигова, возвратился въ Кіевъ и распустилъ войско, не уладившись со Всеволодомъ: вѣроятно онъ думалъ, что довольно напугать его. Но вышло иначе: когда ко Всеволоду пришли съ юга Половцы, а съ сѣвера Мстиславичи, то онъ вошелъ съ ними въ Переяславскую волость, началъ воевать села и города, бить людей, дошелъ до Кіева, зажегъ Городецъ [199]. Половцы опустошили все на восточномъ берегу Днѣпра, перебивъ и перехватавъ народъ, который не могъ перевезтись на другой, Кіевскій берегъ, потому что Днѣпръ покрытъ былъ пловучими льдинами; взяли и скота безчисленное множество; Ярополку, по причинѣ тѣхъ же льдовъ, нельзя было пере-

везтись на ту сторону и прогнать ихъ. Три дня стоялъ Всеволодъ за Городцемъ въ бору, потомъ пошелъ въ Черниговъ, откуда началъ пересылаться съ Мономаховичами и заключилъ миръ; гораздо вѣроятнѣе впрочемъ то извѣстіе, по которому заключено было только перемиріе до общаго съѣзда [200], потому что немедленно за этимъ лѣтописецъ начинаетъ говорить о требованіяхъ Ольговичей, чтобъ Ярополкъ возвратилъ имъ то, что ихъ отецъ держалъ при его отцѣ: «Что нашъ отецъ держалъ при вашемъ отцѣ, того и мы хотимъ; если же не дадите, то не жалѣйте послѣ; если что случится, вы будете виноваты, на васъ будетъ кровь». Безъ сомнѣнія Ольговичи просили города Курска и всего Посемья, взятыхъ у нихъ Мономаховичами тотчасъ послѣ изгнанія Ярослава Всеволодомъ. Въ отвѣтъ на это требованіе Ярополкъ собралъ войско Кіевское, а Юрій Переяславское и 50 дней стояли у Кіева; потомъ помирились со Всеволодомъ, и отдали Переяславль младшему брату своему Андрею Владиміровичу, а прежнюю его волость — Владиміръ Волынскій племяннику Изяславу Мстиславичу. По всему видно впрочемъ, что это распоряженіе было не слѣдствіемъ, но причиною мира съ Ольговичами: дядья, чтобъ отвлечь племянниковъ отъ Святославичей, отнять у послѣднихъ предлогъ къ войнѣ и правду въ глазахъ народа, удовлетворили Изяслава, отдавши ему Волынь; Юрій Ростовскій, видя вѣроятно, какъ спорны Русскіе столы и какъ незавидна Переяславская волость, безпрестанно подвергавшаяся нападеніямъ Ольговичей и Половцевъ, не хотѣлъ болѣе мѣнять на нее своей сѣверной, вѣрной волости; занятіе же Переяславля младшимъ братомъ не могло быть для него опасно: никогда еще младшій братъ не возставалъ противъ правъ старшаго, тогда какъ былъ примѣръ, что племянникъ отъ старшаго брата возставалъ противъ младшаго дяди. (1134 годъ).

Что Ольговичи принуждены были мириться по неволѣ, будучи оставлены Мстиславичами, доказательствомъ служитъ ихъ нападеніе на Переяславскую область въ слѣдующемъ 1135 году. Всеволодъ со всею братьею пришелъ къ Переяславлю, стоялъ подъ городомъ три дня, бился у воротъ; но узнавши, что Ярополкъ идетъ на помощь къ брату, отступилъ къ верховью рѣки Супоя, и тамъ дождался Кіевскаго князя. Мы замѣтили уже, что Ярополкъ былъ въ отца отвагою: завидя врага, не могъ удер-

жаться и ждать, пока подойдутъ другіе полки на помощь, но бросался на него съ одною своею дружиною; мы видѣли, что такая удаль сошла для него благополучно, принесла даже большую славу въ битвѣ съ Половцами при началѣ Мстиславова княженія. Точно также вздумалъ онъ поступить и теперь: не дождавшись Кіевскихъ полковъ, съ одною своею дружиною и съ братьею, даже не выстроившись хорошенько, ударилъ на Ольговичей, думая, «гдѣ имъ устоять противъ нашей силы!» Сначала бились крѣпко съ обѣихъ сторонъ; но скоро побѣжали Всеволодовы Половцы, и лучшая дружина Мономаховичей съ тысяцкимъ Кіевскимъ погналась за ними, оставя князей своихъ биться съ Ольговичами на мѣстѣ. Послѣ злой сѣчи Мономаховичи должны были уступить Черниговскимъ поле битвы и когда тысяцкій съ боярами, поразивши Половцевъ, пріѣхали назадъ, то уже не застали князей своихъ и попались въ руки побѣдителямъ Ольговичамъ, обманутые Ярополковымъ стягомъ, который держали послѣдніе [201]. Кромѣ лучшихъ мужей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ, Ярополкъ потерялъ въ числѣ убитыхъ племянника Василька Леоновича, Греческаго Царевича, внука Мономахова по дочери. Возвратясь за Днѣпръ, Кіевскій князь началъ набирать новое войско, а Всеволодъ перешелъ Десну и сталъ противъ Вышгорода [202]; но, постоявши 7 дней у Днѣпра, не рѣшился переправиться, пошелъ въ Черниговъ, откуда сталъ пересылаться съ Кіевскимъ княземъ о мирѣ, безъ всякаго однако успѣха. Это было въ концѣ лѣта; зимою Ольговичи съ Половцами перешли Днѣпръ и начали опустошать всю Кіевскую область, доходили до самаго Кіева, стрѣлялись черезъ Лыбедь; изъ городовъ впрочемъ удалось имъ взять только два, да и тѣ пустые: мы видѣли уже обычай Украинскихъ жителей покидать свои города при нашествіи непріятелей [203]. Ярополкъ, по словамъ лѣтописца, собралъ множество войска изо всѣхъ земель, но не вышелъ противъ враговъ, не началъ кровопролитія; онъ побоялся суда Божія, смирился предъ Ольговичами, хулу и укоръ принялъ на себя отъ братьи своей и отъ всѣхъ, исполняя заповѣдь: любите враги ваша; онъ заключилъ съ Ольговичами миръ, отдалъ имъ то, чего прежде просили, т. е. отчину ихъ, города по Сейму. Трудно рѣшить, что̀ собственно заставило Ярополка склониться на уступку: былъ ли онъ изъ числа тѣхъ людей, на которыхъ неу-

дача послѣ продолжительныхъ успѣховъ сильно дѣйствуетъ, или въ самомъ дѣлѣ духовенство и преимущественно митрополитъ Михаилъ [204], постарались прекратить войну, столь гибельную для края [205], и Ярополкъ дѣйствительно заслужилъ похвалы лѣтописца за Христіанскій подвигъ смиренія для блага народа; быть можетъ то и другое вмѣстѣ; не забудемъ также, что успѣхъ битвы не могъ быть вѣренъ: мы знаемъ, что Всеволодъ Ольговичь вовсе не отличался безрасчетною отвагою, уступалъ, когда видѣлъ превосходство силъ на сторонѣ противника, и если теперь не уступилъ, то это значило, что силы Ярополка вовсе не были такъ велики, какъ выставляетъ ихъ лѣтописецъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ силами Ольговичей. (1135 г.).

Миръ не могъ быть продолжителенъ: главная причина вражды Ольговичей къ Мономаховичамъ—исключеніе изъ старшинства, существовала во всей силѣ, и при этомъ еще Черниговскіе испытали возможность успѣшной войны съ Мономаховичами, особенно при раздѣленіи послѣднихъ. Изгнаніе брата Всеволодова, Святослава изъ Новгорода было поводомъ къ новой войнѣ въ 1138 году. Ольговичи опять призвали Половцевъ и начали воевать Переяславскую волость по рѣкѣ Сулѣ; Андрей Владиміровичь не могъ имъ сопротивляться, и, не видя помощи отъ братьевъ, хотѣлъ уже бѣжать изъ Переяславля. Но Ольговичи, узнавъ, что Андрею нѣтъ помощи отъ братьевъ, успокоили его льстивыми словами, по выраженію лѣтописца: изъ этого извѣстія имѣемъ право заключать, что Ольговичи хотѣли поссорить Андрея съ братьями и привлечь на свою сторону, показывая ему, какъ мало заботятся объ немъ братья. Вѣсть о задержкѣ Святослава Ольговича въ Смоленскѣ, на дорогѣ его изъ Новгорода, еще болѣе усилила войну; братъ его Всеволодъ призвалъ множество Половцевъ, взялъ Прилукъ, и собирался уже старымъ путемъ къ Кіеву, какъ узналъ объ огромныхъ приготовленіяхъ Мономаховичей, и поспѣшилъ отступить въ свою волость, къ Чернигову. Ярополкъ созвалъ братьевъ и племянниковъ, собралъ кромѣ Кіевлянъ и Переяславцевъ, также рать изъ верхнихъ земель, Суздальцевъ, Ростовцевъ, Полочанъ и Смольнянъ; Ростиславичи Галицкіе и Король Венгерскій прислали ему также помощь, наконецъ присоединились къ нему многочисленныя толпы пограничныхъ варваровъ, Бере-

идѣевъ; съ такими силами Ярополкъ уже не сталъ дожидаться Ольговича въ Кіевской волости, но отправился къ нему въ Черниговскую; Всеволодъ испугался, и хотѣлъ было уже бѣжать къ Половцамъ, какъ Черниговцы остановили его: «Ты хочешь бѣжать къ Половцамъ, говорили они, а волость свою погубить: но къ чему жъ ты тогда послѣ воротишься? лучше отложи свое высокоумье и проси мира; мы знаемъ Ярополково милосердіе: онъ не радуется кровопролитію, Бога ради онъ помирится, онъ соблюдаетъ Русскую землю». Всеволодъ послушался, и сталъ просить мира у Ярополка: тотъ, по выраженію лѣтописца, будучи добръ, милостивъ нравомъ, богобоязливъ подобно отцу своему, поразмыслилъ о всемъ хорошенько, и не захотѣлъ кровопролитья, а заключилъ миръ у Моравска[206], на правомъ берегу Десны. Потомъ заключенъ былъ новый договоръ между нимъ и Ольговичами, неизвѣстно, на какихъ условіяхъ[207] (1136—1139).

Такъ кончились усобицы на югѣ при старшинствѣ Ярополковомъ; но эти усобицы сильно отозвались также на сѣверѣ, въ Новгородѣ Великомъ. Мы видѣли, какъ при Святополкѣ Новгородцы настояли на томъ, чтобы княземъ у нихъ оставался выросшій въ Новгородѣ Мстиславъ Владиміровичъ. Однако они недолго жили съ этимъ любимымъ княземъ: Мономахъ въ 1116 году вызвалъ его на югъ, и въ Новгородѣ остался сынъ его Всеволодъ. Молодость князя и смерть двухъ посадниковъ, случившаяся почти въ одинъ годъ[208], какъ видно, подали поводъ къ смятеніямъ въ городѣ; нѣкоторые бояре и сотскій Ставръ ограбили какихъ-то двухъ гражданъ; неизвѣстно впрочемъ, какого рода былъ этотъ грабежъ, потому что иногда грабежъ происходилъ вслѣдствіе суднаго приговора, и потому трудно рѣшить, виновны ли были Ставръ и бояре въ насиліи, или только въ несправедливости. Какъ бы то ни было, Мономахъ и Мстиславъ вызвали всѣхъ бояръ Новгородскихъ въ Кіевъ: товарищи Ставра были заточены, другіе отпущены назадъ въ Новгородъ, послѣ того какъ дали клятву, вѣроятно въ томъ, что впередъ не будетъ подобныхъ происшествій. Кѣмъ былъ избранъ въ то время посадникъ Константинъ Моисѣевичъ, неизвѣстно: вѣроятно Кіевскимъ княземъ, если обратимъ вниманіе на обстоятельства. На

слѣдующій годъ онъ умеръ, и на его мѣсто пришелъ посадничать изъ Кіева Борисъ, разумѣется, присланный Мономахомъ [209]. По смерти послѣдняго, въ Кіевѣ посадили сына его Мстислава, а въ Новгородѣ внука Всеволода: относительно обоихъ въ лѣтописи употребляется одинаковое выраженіе: посадиша, въ смыслѣ: граждане хотѣли, просили, призвали. Новгородцы посадили у себя Всеволода вторично, потому что по вступленіи своемъ на старшій столъ Мстиславъ могъ перевести его куда-нибудь поближе къ себѣ въ Русь, по примѣру отцовскому; какъ видно въ это время Новгородцы взяли со Всеволода клятву не разлучатьея съ ними. На слѣдующій годъ Всеволодъ ходилъ къ отцу въ Кіевъ, но пришелъ опять въ Новгородъ на столъ; въ тотъ же годъ дали посадничество Мірославу Гюрятиничу, при чемъ лѣтописецъ неупоминаетъ о смерти прежняго посадника Бориса; къ кому относится выраженіе: въ даша посадничество—къ князьямъ ли—Мстиславу и Всеволоду, или къ гражданамъ—рѣшить трудно. Черезъ годъ, неупоминая о смерти Мірослава, лѣтопись говоритъ о назначеніи ему преемника, Давида Дмитріевича, шурина Великаго князя Мстислава [210], и сына прежде бывшаго посадника. Этотъ посадникъ умеръ въ томъ же 1128 году, и на его мѣсто въ 1129 г., пришелъ изъ Кіева Даніилъ; но въ 1130 опять лѣтопись упоминаетъ о назначеніи новаго посадника Петрилы, съ выраженіемъ: даша, и въ тоже время говоритъ о походѣ Всеволода на Чудь, и о поѣздкѣ его въ Кіевъ къ отцу: имѣла ли связь смѣна посадника съ этими событіями — рѣшить трудно. Такъ было при старшинствѣ Мстислава. Тотчасъ по смерти его начались смуты. Всеволодъ, не смотря на клятву не разлучаться съ Новгородцами, прельстился столомъ Переяславскимъ, и уѣхалъ въ Русь, не оставивши, какъ видно, князя въ Новгородѣ. Мы уже видѣли разъ, какъ Новгородцы обижались, когда князья мѣняли ихъ городъ на другой; кромѣ того, что перемѣна князя нарушала нарядъ въ городѣ, Новгородцевъ должно было оскорблять и то, что князь, отдавая преимущество какому-нибудь Турову или Переяславлю, тѣмъ самымъ унижалъ значеніе стола Рюрикова, ибо и между самими князьями, какъ увидимъ, не исчезала память, что Новгородъ былъ старѣйшимъ столомъ въ Русской землѣ. Легко понять теперь, что когда Всеволодъ, прогнанный

Юріемъ изъ Переяславля, явился назадъ въ Новгородъ, то нашелъ здѣсь сильное волненіе—встань великую въ людяхъ, по выраженію лѣтописца; пришли Псковичи и Ладожане въ Новгородъ, и Всеволодъ долженъ былъ выѣхать изъ него [211]; потомъ однако граждане скоро одумались, и возвратили его назадъ. Можно впрочемъ съ вѣроятностію полагать, что Всеволодъ былъ принятъ не такъ уже какъ прежде, что здѣсь положено начало условіямъ или рядамъ Новгородцевъ съ князьями; вѣроятно также съ этого времени и посадникъ перемѣняетъ свой характеръ чиновника княжескаго на характеръ чиновника народнаго, отъ вѣча избираемаго, хотя и не безъ участія князя; въ это время, по крайней мѣрѣ, избрали посадниковъ для пригородовъ—Мірослова для Пскова и Рагуила для Ладоги; это извѣстіе можетъ навести на мысль, что Псковичи и Ладожане затѣмъ и приходили въ Новгородъ, чтобъ требовать назначенія себѣ новыхъ посадниковъ. Есть также прямое извѣстіе, что съ этихъ поръ Всеволодъ неимѣлъ надлежащаго значенія въ Новгородѣ, не могъ заставить его жителей выслать въ Кіевъ обычную Печерскую дань, за которою великой князь Ярополкъ долженъ былъ послать другаго племянника Изяслава: послѣднему удалось взять дань [212].

Между тѣмъ дѣла на югѣ запутывались все болѣе и болѣе. Въ 1134 году явился въ Новгородъ Изяславъ Мстиславичь, съ тѣмъ чтобъ уговаривать брата и гражданъ идти войною на дядю Юрія, добыть для Мстиславичей хотя Ростовскую волость, если имъ нѣтъ части въ Русской землѣ. Начали толковать о Суздальской войнѣ Новгородцы, и убили мужей своихъ, свергнули ихъ съ моста, говоритъ лѣтописецъ. Изъ этихъ словъ видно, что послѣ предложенія, сдѣланнаго Всеволодомъ о Суздальскомъ походѣ, вѣче было самое бурное: одни хотѣли защищать Мстиславичей, достать имъ волость, другіе нѣтъ; большинство оказалось на сторонѣ первыхъ, положено идти въ походъ, а несогласное меньшинство отвѣдало Волхова. Мстиславичи съ посадникомъ Петрилою отправились на войну; но едва достигли они до рѣки Дубны [213], какъ несогласія городскаго вѣча повторились въ полкахъ: противники похода противъ дядей въ пользу племянниковъ, противъ сына Мономахова въ пользу внуковъ его—опять подняли голосъ, и на этотъ разъ

пересилили, заставили князя возвратиться, и тутъ же, отнявъ посадничество у Петрила, какъ видно желавшаго войны, отдали его Ивану Павловичу. Такъ посадники уже начали смѣняться вслѣдствіе перевѣса той или другой враждебной стороны; видно также, что къ противникамъ войны принадлежали люди вообще нерасположенные ко Всеволоду, нехотѣвшіе принять его по возвращеніи изъ Переяславля. Но въ Новгородѣ ждало ихъ пораженіе: здѣсь противники ихъ опять пересилили, и опять Всеволодъ со всею Новгородскою областью пошелъ на Ростовскую землю въ жестокіе морозы и мятели, не смотря на увѣщанія митрополита Михаила, который пришелъ тогда въ Новгородъ: «Не ходите, грозилъ имъ митрополитъ, меня Богъ послушаетъ;» Новгородцы задержали его и отправились: на Ждановой горѣ встрѣтились они съ Ростовскими полками, и потерпѣли пораженіе, потеряли храбраго посадника своего Ивана, также Петрилу Николаича, быть можетъ его предшественника, и много другихъ добрыхъ мужей, а Суздальцевъ пало больше, прибавляетъ Новгородскій лѣтописецъ; но Ростовскій говоритъ, что его земляки побѣдили Новгородцевъ, побили ихъ множество и возвратились съ побѣдою великою. Новгородцы, возвратясь домой, выпустили митрополита, и выбрали посадникомъ стараго Мірослова Гюрятинича.

Испытавъ вредныя для себя слѣдствія княжескихъ усобицъ, Новгородцы въ 1135 году отправили посадника своего Мірослава въ Русь мирить Мономаховичей съ Ольговичами: но онъ возвратился, не сдѣлавъ ничего, потому что сильно взмялась вся земля Русская, по выраженію лѣтописца. Князья не помирились при посредничествѣ Новгородцевъ, но каждый сталъ переманивать ихъ на свою сторону, давать имъ слѣдовательно право выбора. Новгородцы не замедлятъ воспользоваться этимъ правомъ, но кого же выберутъ они? кому Богъ поможетъ, на чьей сторонѣ останется побѣда. Богъ помогъ Ольговичамъ при Супоѣ, и противники Мономаховича Всеволода воспользовались этимъ, чтобъ возстать противъ него. Въ 1136 году, Новгородцы призвали Псковичей и Ладожанъ и стали думать, какъ бы выгнать князя своего Всеволода; подумавши, посадили его въ епископскомъ дворѣ съ женою, дѣтьми и тещею, приставили сторожей стеречь его день и ночь съ оружіемъ, по 30 человѣкъ

на день, и не выпускали до тѣхъ поръ, пока пріѣхалъ новый князь, Святославъ Ольговичь изъ Чернигова. Вины Всеволода такъ означены въ лѣтописи: 1) не блюдетъ смердовъ; 2) зачѣмъ хотѣлъ сѣсть въ Переяславлѣ? 3) въ битвѣ при Ждановой горѣ прежде всѣхъ побѣжалъ изъ полку; 4) вмѣшиваетъ Новгородъ въ усобицы: сперва велѣлъ приступить къ Ольговичамъ, а теперь велитъ отступить.—Но изгнаніе сына Мстиславова и принятіе Ольговича не могли пройти спокойно въ Новгородѣ, потому что оставалась сильная сторона, приверженная въ Мстиславичамъ: Новгородъ разодрался, какъ разодралась Русская земля, по выраженію лѣтописца. Въ годъ прибытія Святослава Ольговича (1136) уже встрѣчаемъ извѣстіе о смутѣ: какого-то Юрія Жирославича, вѣроятно приверженца Всеволодова, сбросили съ моста. Но у Мстиславича оставалось много другихъ приверженцевъ: они рѣшились умертвить Святослава, стрѣляли въ него, но безъ успѣха. Тогда нѣсколько добрыхъ мужей и въ томъ числѣ посадникъ Константинъ, (избранный на мѣсто Мірослава Гюрятинича, умершаго въ 1135 году) [214], побѣжали ко Всеволоду въ Вышгородъ, гдѣ пріютилъ его дядя Ярополкъ; вмѣсто Константина избрали посадникомъ Якуна Мірославича, вѣроятно сына прежняго посадника, Мірослава Гюрятинича. Новгородскіе бѣглецы сказали Всеволоду, что у него много пріятелей въ Новгородѣ и Псковѣ, которые ждутъ только его появленія: «Ступай, князь, хотятъ тебя опять». Всеволодъ отправился съ братомъ Святополкомъ, и точно былъ принятъ въ Псковѣ; когда онъ ѣхалъ мимо Полоцка, то Василько, тамошній князь, самъ вышелъ къ нему на встрѣчу и проводилъ съ честію, ради заповѣди Божіей забылъ все зло, которое сдѣлалъ отецъ Всеволодовъ Мстиславъ всему роду ихъ; Всеволодъ былъ въ его рукахъ теперь, но онъ и не подумалъ мстить ему за отцовское зло; оба цѣловали другъ другу крестъ не поминать прошлаго. Когда въ Новгородѣ узнали, что Всеволодъ во Псковѣ, хочетъ сѣсть и у нихъ, то всталъ сильный мятежъ; большинство не захотѣло Мстиславича, пріятели его принуждены были бѣжать къ нему во Псковъ; большинство разграбило ихъ домы, стали искать между оставшимися боярами, нѣтъ ли между ними пріятелей Всеволодовыхъ, съ заподозрѣнныхъ взяли полторы тысячи гривенъ, и дали эти деньги купцамъ на

сборы къ войнѣ; между виноватыми пострадали и невинные. Можно замѣтить, что къ сторонѣ Всеволодовой преимущественно принадлежали бояре, между которыми искали и находили его пріятелей; а къ противникамъ его преимущественно принадлежали простые люди, что видно также изъ главнаго обвиненія: не блюдетъ смердовъ. Святославъ Ольговичь собралъ всю землю Новгородскую, призвалъ на помощь брата Глѣба съ жителями города Курска и съ Половцами, и пошелъ выгонять Всеволода изо Пскова: но Псковичи съ перваго раза уже показали стойкость, какою отличались послѣ, тѣмъ болѣе, что выгодно было для нихъ получить особаго князя и освободиться такимъ образомъ отъ вліянія старшаго города; они не покорились Новгородцамъ, не выгнали отъ себя Всеволода, но приняли мѣры предосторожности на случай нападенія, сдѣлали повсюду засѣки. Святославъ и Новгородцы увидали, что война будетъ трудная, успѣхъ не вѣрный, и потому возвратились съ дороги, говоря: «Не хотимъ проливать крови братьевъ своихъ; пусть Богъ все управитъ своимъ промысломъ[215].» Всеволодъ умеръ въ томъ же 1137 году; Псковичи взяли на его мѣсто брата его Святополка, а между тѣмъ Новгородцы испытывали большія непріятности: Мономаховичи и союзники ихъ сердились на нихъ за то, что они держали у себя Ольговича, и потому прекратили съ ними торговлю: не было мира ни съ Суздалемъ, ни съ Смоленскомъ, ни съ Кіевомъ, ни съ Полоцкомъ; отъ прекращенія подвозовъ сдѣлалась дороговизна въ съѣстныхъ припасахъ Но и здѣсь враждебное раздѣленіе, происшедшее въ княжескомъ родѣ, помогло Новгороду выйти изъ затруднительнаго положенія. Мы видѣли, что причиною торжества Ольговичей было раздѣленіе въ самой семьѣ Мономаха, раздвоеніе между старшими племянниками и младшими дядьми; пользуясь этимъ раздвоеніемъ, Ольговичи будутъ имѣть случай давать силу своимъ утраченнымъ правамъ, получать старшинство и Кіевъ. Это тройное раздѣленіе потомства Ярославова очень важно относительно Новгородской исторіи: съ одной стороны частая смѣна Великихъ князей изъ трехъ враждебныхъ линій заставляла Новгородцевъ, признававшихъ зависимость свою всегда отъ старшаго Ярославича, сообразоваться съ этою смѣною и также перемѣнять своихъ князей, что усиливало внутренніи

волненія, производимыя приверженцами изгоняемыхъ князей и врагами ихъ; съ другой стороны, давала Новгороду возможность выбора изъ трехъ линій, что необходимо усиливало произволъ вѣча, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало его значеніе, его требованія, давало Новгородцамъ видъ народа вольнаго. Такъ Новгородъ, сообразуясь съ перемѣною, послѣдовавшею на югѣ въ пользу Ольговичей, смѣняетъ Мономаховича; будучи приведенъ этого смѣною въ затруднительное положеніе, онъ находитъ средство выйти изъ него безъ вреда себѣ и униженія: онъ можетъ примириться съ Мономаховичами, не имѣя нужды принимать опать Мстиславича; онъ можетъ отдаться въ покровительство Юрія Ростовскаго, взять себѣ въ князья его сына: Юрій защититъ его отъ Ольговичей, какъ ближайшій сосѣдъ, и примиритъ съ Мономаховичами, избавивъ отъ униженія принять Святополка, т. е. признать торжество Псковичей: наконецъ признаніе Юрьевича примиряло въ Новгородѣ всѣ стороны: для приверженцевъ племени Мономахова онъ былъ внукъ его, для враговъ Всеволода онъ не былъ Мстиславичемъ; разсчетъ былъ вѣренъ, и Ростиславъ Юрьевичь призванъ на столъ Новгородскій, а Святославу Ольговичу указанъ путь изъ Новгорода.

Усобицы заняли все вниманіе князей въ княженіе Ярополково, и не было походовъ на враговъ внѣшнихъ: Половцы опомнились отъ ударовъ, нанесенныхъ ими при Мономахѣ и Мстиславѣ, и опять получили возможность пустошить Русскую землю; въ 1138 г., они опустошили Курскую волость; союзные отряды ихъ являлись даже въ области Новгородской. Чудь также воспользовалась смутами, возникшими въ Новгородѣ, и не только перестала платить дань, но, собравшись, овладѣла Юрьевымъ и перебила тамошнихъ жителей. Въ 1133 году Всеволодъ, по вторичномъ утвержденіи въ Новгородѣ, предпринималъ походъ на Чудь и отнялъ у ней опять Юрьевъ [214].

Въ 1139 году умеръ Ярополкъ. Въ лѣтописи замѣчаемъ сильную привязанность къ этому князю, который напоминалъ народу отца своего мужествомъ, славою удачныхъ походовъ на Половцевъ и, какъ видно, нравственными качествами. Мы видѣли, что излишняя отвага, самонадѣянность были гибельны при Сулѣ для Ярополка и всего его племени; мы видѣли также, что несчастный уговоръ его съ старшимъ братомъ былъ причи-

ною усобицъ, раздиравшихъ Русскую землю во все время его старшинства; но прежде нежели станемъ обвинять Ярополка въ недостаткѣ умѣнья или твердости, вспомнимъ о неопредѣленности родовыхъ отношеній, о слабой подчиненности младшихъ членовъ рода старшему, особенно когда старшій былъ не отецъ и даже не дядя, но братъ, и то не самый уже старшій; младшіе братья и племянники считали себя въ полномъ правѣ вооруженною рукою противиться распоряженіямъ старшаго, если имъ казалось, что эти распоряженія клонятся къ ихъ невыгодѣ; мы видѣли всю затруднительность положенія Ярополка: что ему было дѣлать съ страннымъ Вячеславомъ, который двигался изъ одной волости въ другую, и сталъ, по лѣтописи, главнымъ виновникомъ усобицы? Въ народѣ видѣли это несчастное положеніе великаго князя, его благонамѣренность и потому не утратили прежней любви къ благовѣрной отрасли знаменитаго Мономаха.

По смерти Ярополка преемникомъ его на старшемъ столѣ былъ, по всѣмъ правамъ, братъ его Вячеславъ, который вступилъ въ Кіевъ безпрепятственно. Но какъ скоро Всеволодъ Ольговичь узналъ о смерти Ярополка, и что въ Кіевѣ на его мѣстѣ сидитъ Вячеславъ, то немедленно собралъ небольшую дружину, и съ братьями, роднымь Святославомъ и двоюроднымъ Владиміромъ Давидовичемъ, явился на западной сторонѣ Днѣпра и занялъ Вышгородъ; отсюда, выстроивъ полки, пошелъ къ Кіеву, сталъ въ Копыревѣ концѣ, и началъ зажигать дворы въ этой части города, пославши сказать Вячеславу: «Иди добромъ изъ Кіева». Вячеславъ отправилъ къ нему митрополита съ такимъ отвѣтомъ: «Я, братъ, пришелъ сюда на мѣсто братьевъ своихъ, Мстислава и Ярополка, по завѣщанію нашихъ отцевъ; если же ты, братъ, захотѣлъ этого стола, оставя свою отчину, то пожалуй я буду меньше тебя, пойду въ прежнюю свою волость, а Кіевъ тебѣ[217]». И Всеволодъ вошелъ въ Кіевъ съ честію и славою великою, говоритъ лѣтописецъ. Такимъ образомъ Ольговичу, мимо стараго, отцовскаго обычая, удалось овладѣть старшимъ столомъ. Какія же были причины такого страннаго явленія? Какимъ образомъ Мономаховичи позволили Святославову внуку занять Кіевъ не по отчинѣ? Въ это время племя Мономахово было въ самомъ затруднительномъ положеніи, именно было безъ главы, и вражда

шла между его членами. Старшимъ въ этомъ племени оставался Вячеславъ; но мы видѣли его характеръ, дѣлавшій его неспособнымъ блюсти выгоды рода, поддерживать въ немъ единство, нарядъ. Дѣятельнѣе, способнѣе его былъ слѣдующій братъ, Юрій Ростовскій; но, какъ младшій, онъ не могъ дѣйствовать отъ своего имени, мимо Вячеслава; притомъ его мало знали на югѣ; а это было очень важно относительно народонаселенія; да и когда узнали его, то нашли, что онъ мало похожъ на отца своего и двухъ старшихъ братьевъ. Добрымъ княземъ слылъ послѣдній Мономаховичь—Андрей, но какъ самый младшій онъ также не могъ дѣйствовать въ челѣ племени. Князь, который по своимъ личнымъ доблестямъ одинъ могъ быть представителемъ Мономахова племени для народа—это былъ Изяславъ Мстиславичь Владимиро-Волынскій, теперь старшій сынъ старшаго изъ Мономаховичей: необыкновенно храбрый, щедрый къ дружинѣ, привѣтливый ка народу, Изяславъ былъ образцемъ князя, по тогдашнимъ понятіямъ, напоминалъ народу своего знаменитаго дѣда, и былъ потому въ его глазахъ единственною отраслію добраго племени. Но мы видѣли, какъ Изяславъ былъ поставленъ во враждебныя отношенія къ старшимъ членамъ рода, къ дядьямъ своимъ, отъ которыхъ не могъ ждать ничего хорошаго ни для себя, ни для дѣтей своихъ. Находясь, съ одной стороны, во враждѣ съ родными дядьми, съ другой Изяславъ былъ въ близкомъ свойствѣ со Всеволодомъ Ольговичемъ, который былъ женатъ на старшей его сестрѣ, и, по тогдашнимъ понятіямъ, какъ старшій зять, заступалъ мѣсто старшаго брата и отца. Всеволодъ видѣлъ, что только вражда между членами Мономахова племени могла доставать ему старшинство, и потому спѣшилъ привлечь на свою сторону самаго доблестнаго изъ нихъ, Изяслава, что̀ ему было легко сдѣлать по близкому свойству и по прежнимъ связямъ: онъ могъ хвалиться передъ Изяславомъ, что только благодаря ему, тотъ могъ помириться съ дядьми и получить отъ нихъ хорошую волость. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Всеволодъ послалъ сказать Изяславу: «Послѣ отца твоего Кіевъ принадлежитъ тебѣ (это могъ сказать Всеволодъ, выгнавшій дядю); но дядья твои не дадутъ тебѣ въ немъ сѣсть: самъ знаешь, что и прежде васъ отовсюду выгоняли, и еслибъ не я, то никакой волости вамъ бы не досталось: поэтому теперь я

хочу Кіевъ взять, а васъ буду держать какъ родныхъ братьевъ, и не только теперь дамъ вамъ хорошія волости, но по смерти моей Кіевъ отдамъ тебѣ; только вы не соединяйтесь съ дядьми своими на меня». Изяславъ согласился, и утвердили договоръ крестнымъ цѣлованіемъ. Этимъ только извѣстіемъ можно объяснить равнодушіе Кіевлянъ при занятіи Ольговичемъ ихъ города, тогда какъ они могли съ успѣхомъ сопротивляться его малой дружинѣ. Безъ сомнѣнія Всеволодъ явился къ Кіеву съ такими ничтожными силами, зная, что сопротивленія не будетъ. Но уладивши дѣло относительно шурьевъ своихъ, Мстиславичей, Всеволодъ долженъ былъ улаживаться съ собственнымъ племенемъ, родными и двоюродными братьями — Ольговичами и Давидовичами. Чтобъ имѣть себѣ и въ тѣхъ и въ другихъ помощь при овладѣніи Кіевомъ, Всеволодъ, по извѣстіямъ лѣтописи [219], родному Игорю и двоюродному Владиміру обѣщалъ послѣ себя Черниговъ, но сѣвши въ Кіевѣ, отдалъ Черниговъ Владиміру Давидовичу; и такимъ образомъ перессорилъ родныхъ братьевъ съ двоюродными. Но по другимъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ [220], онъ обѣщалъ, что какъ скоро овладѣетъ Кіевомъ, то выгонитъ Мономаховичей изъ ихъ волостей, которыя отдастъ роднымъ братьямъ, а двоюродные останутся въ Черниговѣ; боясь же теперь дѣйствовать противъ Мономаховичей, чтобъ не заставить ихъ соединиться противъ себя, онъ не могъ сдержать обѣщанія роднымъ братьямъ, и радъ былъ, перессоривъ ихъ съ двоюродными: иначе трудно себѣ представить, чтобы онъ могъ съ успѣхомъ обмануть братьевъ, обѣщая всѣмъ одно и то же.

Не смотря однако на всѣ хитрости Всеволода и на то, что онъ хотѣлъ сначала щадить Мономаховичей, только разъединяя ихъ, послѣдніе не хотѣли спокойно уступать ему старшинства. Первый, какъ слѣдовало ожидать, началъ Юрій: онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ къ племяннику Ростиславу Мстиславичу, который былъ всегда почтителенъ къ дядьямъ, и потому могъ быть посредникомъ между ними и братьями своими. Изъ лѣтописи можно заключить, что переговоры между Мономаховичами сначала шли успѣшно; потому что когда Всеволодъ сталъ дѣлать имъ мирныя предложенія, а Изяслава Мстиславича звалъ къ себѣ въ Кіевъ на личное свиданіе, то Мономаховичи не захотѣли вступить съ нимъ ни въ какія соглашенія, продолжали пересы-

яться между собою, сбираясь идти на него ратью [221]. Тогда Всеволодъ рѣшился предупредить ихъ. напасть на каждаго по одиночкѣ, отнять волости и раздать ихъ братьямъ по уговору: онъ надѣялся на свою силу, говоритъ лѣтописецъ, самъ хотѣлъ всю землю держать. — Пославши двоюроднаго брата своего, Изяслава Давидовича, и Галицкихъ князей, внуковъ Ростиславовыхъ съ Половцами на Изяслава Волынскаго и дядю его Вячеслава Туровскаго, Всеволодъ самъ съ роднымъ братомъ Святославомъ пошелъ къ Переяславлю на Андрея. Онъ хотѣлъ посадить здѣсь Святослава, и, ставши на Днѣпрѣ, послалъ сказать Андрею: «ступай въ Курскъ». Согласиться Андрею на это требованіе, взять незначительную; отдаленную Черниговскую волость, и отдать во враждебное племя Переяславль, столъ дѣдовскій и отцовскій, значило не только унизить себя, но и нанести безчестье цѣлому племени, цѣлой линіи Мономаховой, отнять у ней то значеніе, тѣ преимущества и волости, которыя были утверждены за нею Владиміромъ и двумя старшими его сыновьями; Ольговичи были исключены изъ старшинства, должны были ограничиться одними Черниговскими волостями, вслѣдствіе чего всѣ остальныя Русскія волости стали исключительною отчиною Мономаховичей, а теперь Ольговичи насиліемъ, мимо отцовскаго обычая, хотятъ отнять у нихъ полученныя отъ отца волости, и дать вмѣсто ихъ свои Черниговскія, худшія! вспомнимъ, какъ послѣ члены родовъ боялись занять какое-нибудь мѣсто, котораго не занимали ихъ старшіе, чтобъ не нанести порухи роду, и для насъ не удивителенъ будетъ отвѣтъ Андрея; подумавши съ дружиною, онъ велѣлъ сказать Всеволоду: «Лучше мнѣ умереть съ дружиною на своей отчинѣ и дѣдинѣ, чѣмъ взять Курское княженіе; отецъ мой сидѣлъ не въ Курскѣ, а въ Переяславлѣ, и я хочу на своей отчинѣ умереть; если же тебѣ, братъ, еще мало волостей, мало всей Русской земли, а хочешь взять и эту волость, то убей меня и возьми ее, а живой не пойду изъ своей волости. Это не въ диковину будетъ нашему роду; такъ и прежде бывало: развѣ Святополкъ не убилъ Бориса и Глѣба за волость? но самъ долго ли пожилъ? и здѣсь жизни лишился, да и тамъ вѣчно мучится». Всеволодъ не пошелъ самъ къ Переяславлю, но послалъ туда брата Святослава, который встрѣтился на дорогѣ съ дружиною Андреевою и былъ разбитъ:

побѣдители гнались за ними до мѣста Корани [222], далѣе Андрей не велѣлъ преслѣдовать. На другой день Всеволодъ помирился съ Переяславскимъ княземъ—на какихъ условіяхъ неизвѣстно; вѣроятно Андрей обѣщался отстать отъ союза съ своими, признать старшинство Всеволода, а тотъ оставить его въ Переяславлѣ. Андрей уже поцѣловалъ крестъ, но Всеволодъ еще не успѣлъ, какъ въ ночь загорѣлся Переяславль. Всеволодъ не воспользовался этимъ несчастіемъ, и послалъ на другой день сказать Андрею: «Видишь, я еще креста не цѣловалъ, такъ еслибъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ зло, могъ бы: Богъ мнѣ давалъ васъ въ руки, сами зажгли свой городъ; что мнѣ было годно, тобъ я и могъ сдѣлать; а теперь ты цѣловалъ крестъ; исполнишь свою клятву—хорошо, не исполнишь—Богъ тебѣ будетъ судья». Помирившись съ Андреемъ, Всеволодъ пошелъ назадъ въ Кіевъ.

Между тѣмъ война шла на западѣ: сначала войско, посланное противъ Изяслава ко Владиміру, дошедши до рѣки Горыни, испугалось чего-то, и возвратилось назадъ; потомъ Галицкіе князья призвали къ себѣ Изяслава Мстиславича для переговоровъ, но не могли уладиться: быть можетъ они хотѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Волынскаго князя и распространить свою волость на его счетъ. Поляки, помогая Всеволоду, повоевали Волынь; Изяславъ Давидовичь Туровскую волость; но дѣло этимъ и кончилось: и дядя и племянникъ остались на своихъ столахъ. Съ сѣвера однако не было сдѣлано никакихъ движеній въ ихъ пользу, ни изъ Суздаля, ни изъ Смоленска; Юрій, будучи въ послѣднемъ городѣ, послалъ къ Новгородцамъ звать ихъ на Всеволода; но тѣ не послушались, и сынъ его Ростиславъ прибѣжалъ изъ Новгорода къ отцу въ Смоленскъ; тогда Юрій, разсердившись, возвратился назадъ въ Суздальскую область и оттуда захватилъ у Новгородцевъ Торжокъ: вотъ единственная причина, которую находимъ въ лѣтописи для объясненія недѣятельности Юрія; Ростиславъ одинъ не отважился идти на помощь къ своимъ, которые, будучи предоставлены собственнымъ силамъ, принуждены были отправить пословъ къ Всеволоду съ мирными предложеніями; Всеволодъ сперва было не хотѣлъ заключать мира на предложенныхъ ими условіяхъ; но потомъ разсудилъ, что ему нельзя быть безъ Мономаховичей, согласился на ихъ условія и цѣловалъ крестъ. Какія были эти условія, лѣто-

писецъ не говоритъ; какъ видно договорились, чтобы каждому изъ Мономаховичей остаться при своихъ волостяхъ. Почему Всеволодъ думалъ, что ему нельзя обойтись безъ Мономаховичей, довольно ясно: при Черниговской, Галицкой и Польской помощи ему не удалось силою лишить волости ни одного изъ нихъ, не смотря на то, что южные были оставлены сѣверными, дѣйствовали порознь, только оборонительно: народное расположенiе было на ихъ сторонѣ.

Мономаховичи были разъединены враждою, чѣмъ единственно и держался Всеволодъ въ Кiевѣ; но за то и между Ольговичами была постоянная размолвка. Святославъ Ольговичь, призванный въ другой разъ въ Новгородъ, опять не могъ ужиться съ его жителями, и бѣжалъ оттуда въ Стародубъ; Всеволодъ вызвалъ его къ себѣ въ Кiевъ, но братья не уладились о волостяхъ; Святославъ пошелъ въ Курскъ, которымъ владѣлъ вмѣстѣ съ Новгородомъ Сѣверскимъ; чѣмъ владѣлъ Игорь—неизвѣстно; потомъ скоро Всеволодъ далъ Святославу Бѣлгородъ [223]. Игорь продолжалъ враждовать съ Давыдовичемъ за Черниговъ, ходилъ на него войною, но заключилъ миръ. Смерть Андрея Владимiровича Переяславскаго, случившаяся въ 1142 г., подала поводъ къ новымъ перемѣщенiямъ и смутамъ: Всеволоду, какъ видно, не ловко было сидѣть въ Кiевѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ волостями Мономаховичей; и потому онъ послалъ сказать Вячеславу Туровскому: «Ты сидишь въ Кiевской волости, а она мнѣ слѣдуетъ: ступай въ Переяславль, отчину свою». Вячеславъ не имѣлъ никакого предлога нейти въ Переяславль, и пошелъ; а въ Туровѣ посадилъ Всеволодъ сына своего Святослава. Это распоряженiе должно было озлобить Ольговичей: тяжко стало у нихъ на сердцѣ, говоритъ лѣтописецъ: волости даетъ сыну, а братьевъ ничѣмъ не надѣлилъ. Тогда Всеволодъ позвалъ къ себѣ радиться всѣхъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ; они пришли и стали за Днѣпромъ: Святославъ Ольговичь, Владимiръ и Изяславъ Давидовичи въ Ольжичахъ, а Игорь у Городца; прямо въ Кiевъ слѣдовательно не поѣхали, вели переговоры черезъ Днѣпръ; Святославъ поѣхалъ къ Игорю, и спросилъ: «Что тебѣ даетъ братъ старшiй?» Игорь отвѣчалъ: «даетъ намъ по городу: Брестъ и Дрогичинъ [224], Черторыйскъ и Клецкъ, а отчины своей, земли Вятичей, не даетъ». Тогда Святославъ по-

цѣловалъ крестъ съ Игоремъ, а на другой день цѣловали и Давидовичи на томъ, чтобы стоять всему племени за одно противъ неправды старшаго брата; сказали при этомъ: «Кто изъ насъ отступится отъ крестнаго цѣлованія, тому крестъ отомститъ». Когда послѣ этого Всеволодъ прислалъ звать ихъ на обѣдъ, то они не поѣхали и велѣли сказать ему: «Ты сидишь въ Кіевѣ; а мы просимъ у тебя Черниговской и Новгородской (Сѣверской) волости, Кіевской не хотимъ». Всеволодъ никакъ не хотѣлъ уступить имъ Вятичей, вѣрно приберегалъ ихъ на всякой случай своимъ дѣтямъ, а все давалъ имъ тѣ четыре города, о которыхъ было прежде сказано. Братья велѣли сказать ему на это: «Ты намъ братъ старшій: но если не дашь, такъ мы сами будемъ искать»; и, разсорившись со Всеволодомъ, поѣхали ратью къ Переяславлю на Вячеслава: вѣрно надѣялись также легко выгнать его изъ этого города, какъ братъ ихъ Всеволодъ выгналъ его изъ Кіева; но обманулись въ надеждѣ, встрѣтили отпоръ у города, а между тѣмъ Всеволодъ послалъ на помощь Вячеславу воеводу Лазаря Саковскаго съ Печенѣгами и Кіевлянами; съ другой стороны Изяславъ Мстиславичь, услыхавъ, что Черниговскіе пришли на его дядю, поспѣшилъ отправиться съ полкомъ своимъ къ Переяславлю и разбилъ ихъ: четверо князей не могли устоять противъ одного, и побѣжали въ свои города; а между тѣмъ явился Ростиславъ съ Смоленскимъ полкомъ и повоевалъ Черниговскую волость по рѣкѣ Сожѣ [225]; тогда Изяславъ, услыша, что братъ его выгналъ Черниговскихъ, бросился на волость ихъ отъ Переяславля, повоевалъ села по Деснѣ и около Чернигова, и возвратился домой съ честью великою. Игорь съ братьями хотѣлъ отомстить за это: поѣхали въ другой разъ къ Переяславлю, стали у города, бились три дня и опять, ничего не сдѣлавши, возвратились домой. Тогда Всеволодъ вызвалъ изъ монастыря брата своего двоюроднаго, Святошу (Святослава-Николая Давидовича, постригшагося въ 1106 году) и послалъ къ братьямъ, велѣвъ сказать имъ: «Братья мои! возьмите у меня съ любовію, что̀ вамъ даю — Городецъ [226], Рогачевъ, Брестъ, Дрогичинъ, Клецкъ; не воюйте больше съ Мстиславичами». На этотъ разъ, потерявши смѣлость отъ неудачь подъ Переяславлемъ, они исполнили волю старшаго брата, и когда онъ позвалъ ихъ къ себѣ въ Кіевъ, то всѣ явились на зовъ. Но Всеволоду,

который сохранилъ свое пріобрѣтеніе только вслѣдствіе разъединенія, вражды между остальными князьями, не нравился союзъ между братьями; чтобъ разсорить ихъ, онъ сказалъ Давидовичамъ: «отступите отъ моихъ братьевъ, я васъ надѣлю»; тѣ прельстились обѣщаніемъ, нарушили клятву, и перешли отъ Игоря и Святослава на сторону Всеволода. Всеволодъ обрадовался ихъ разлученью, и такъ распорядился волостями: Давидовичамъ далъ Брестъ, Дрогичинъ, Вщижъ и Ормину[227], а роднымъ братьямъ далъ — Игорю — Городецъ Остерскій и Рогачевъ, а Святославу—Клецкъ и Черторыйскъ. Ольговичи помирились поневолѣ на двухъ городахъ, и подняли снова жалобы, когда Вячеславъ, по согласію съ Всеволодомъ, помѣнялся съ племянникомъ своимъ Изяславомъ: отдалъ ему Переяславль, а самъ взялъ опять прежнюю свою волость Туровъ, откуда Всеволодъ вывелъ своего сына во Владиміръ; понятно, что Вячеславу не нравилось въ Переяславлѣ, гдѣ уже его не разъ осаждали Черниговскіе, тогда какъ храбрый Изяславъ могъ отбиться отъ какого угодно врага. Не понравилось это перемѣщеніе Ольговичамъ; стали роптать на старшаго брата, что поблажаетъ шурьямъ своимъ Мстиславичамъ: «это наши враги, говорили они, а онъ осажался ими около, намъ на безголовье и безмѣстье, да и себѣ». Они наскучивали Всеволоду просьбами своими идти на Мстиславичей; но тотъ не слушался: это все показываетъ, что прежде точно Всеволодъ обѣщалъ братьямъ помѣстить ихъ въ волостяхъ Мономаховскихъ; но теперь Ольговичи должны были видѣть, что исполненіе этого обѣщанія вовсе не легко, и настаиваніе на это можетъ показывать только ихъ нерасчетливость, хотя очень понятны ихъ раздражительность и досада на старшаго брата. Изяслава Мстиславича однако, какъ видно, безпокоила вражда Ольговичей; изъ поведенія Всеволода съ братьями онъ очень ясно видѣлъ, что̀ это за человѣкъ, можно ли на него въ чемъ-нибудь положиться? могъ ясно видѣть, что Всеволодъ только по нуждѣ терпитъ Мономаховичей въ хорошихъ волостяхъ, и потому рѣшился попытаться, нельзя ли помириться съ дядею Юріемъ. Онъ самъ отправился къ нему въ Суздаль; но не могъ уладиться, и поѣхалъ изъ Суздаля сперва къ брату Ростиславу въ Смоленскъ, а потомъ къ брату Святополку въ Новгородъ, гдѣ и зимовалъ.

Таковы были отношенія между двумя главными линіями Ярославова потомства, при старшинствѣ внука Святославова; обратимся теперь къ другимъ. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ Ростиславичи, которые начали тогда носить названіе князей Галицкихъ. Извѣстные намъ Ростиславичи—Володарь и Василько умерли оба въ 1124 году; послѣ Володаря осталось два сына — Ростиславъ [228] и Владиміръ, извѣстный больше подъ уменьшительнымъ именемъ Владимірка; послѣ Василька — Григорій и Иванъ. Изъ князей этихъ самымъ замѣчательнымъ явился второй Володаревичь, Владимірко: не смотря на то, что отовсюду былъ окруженъ сильными врагами, Владимірко умѣлъ не только удержаться въ своей волости, но и успѣлъ оставить ее своему сыну могущественнымъ княжествомъ, котораго союзъ или вражда получили большую важность для народовъ сосѣднихъ. Будучи слабымъ между многими сильными, Владимірко не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли: большею частію дѣйствовалъ ловкостію, хитростію, не смотрѣлъ на клятвы. Призвавъ на помощь Венгровъ, онъ всталъ на старшаго брата своего Ростислава въ 1127 году; но Ростиславу помогали двоюродные братья Васильковичи и Великій князь Кіевскій—Мстиславъ Владиміровичь. Съ Ростиславомъ ему неудалось сладить; но когда умеръ Ростиславъ, равно какъ оба двоюродные братья Васильковичи, то Владимірко взялъ себѣ обѣ волости — Перемышльскую и Теребовльскую, и не подѣлился съ племянникомъ своимъ, Иваномъ Ростиславичемъ, княжившимъ въ Звенигородѣ. Усобицы, возникшія на Руси по смерти Мстислава Великаго, давали Владиміру полную свободу дѣйствовать. Мы видѣли, что въ войнѣ Всеволода Ольговича съ Мономаховичами, Владимірко съ однимъ изъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, Иваномъ Васильковичемъ [229], помогалъ Всеволоду; но отношенія перемѣнились, когда на столѣ Волынскомъ, вмѣсто Изяслава Мстиславича, сѣлъ сынъ Всеволодовъ—Святославъ; князь съ такимъ характеромъ и стремленіями, какъ Владимірко, не могъ быть хорошимъ сосѣдомъ; Святославъ и отецъ его также не были уступчивы, и потому не удивительно читать въ лѣтописи подъ 1144 годомъ, что Всеволодъ разсорился съ Владимірком за сына, начали искать другъ на другѣ вины, и Владимірко отослалъ въ Кіевъ крестную грамоту. Всеволодъ пошелъ на него съ обоими

родными братьями, съ двоюроднымъ Владиміромъ Давидовичемъ, Мономаховичами — Вячеславомъ Туровскимъ, двумя Мстиславичами — Изяславомъ и Ростиславомъ, съ сыномъ Святославомъ, двумя сыновьями Всеволода Городенскаго, съ Владиславомъ Польскимъ княземъ; нудили многоглаголиваго Владимірка неволею пріѣхать ко Всеволоду поклониться; но тотъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, и привелъ къ себѣ на помощь Венгровъ. Всеволодъ пошелъ къ Теребовлю; Владимірко вышелъ къ нему на встрѣчу, но биться не могли, потому что между ними была рѣка Сереть, и оба пошли по берегамъ рѣки къ Звенигороду [220]. Всеволодъ, къ которому пришелъ двоюродный братъ, Изяславъ Давидовичь съ Половцами, сталъ объ одну сторону Звенигорода, а Владимірко по другую; мелкая рѣка раздѣляла оба войска. Тогда Всеволодъ велѣлъ чинить гати; войска его перешли рѣку и зашли въ тылъ Владимірку, отрѣзавъ его отъ Перемышля и Галича. Видя это, Галичане встосковались: «Мы здѣсь стоимъ, говорили они, а тамъ женъ нашихъ возьмутъ» Тогда ловкій Владимірко нашелся, съ какой стороны начать дѣло: онъ послалъ сказать брату Всеволодову Игорю: «Если помиришь меня съ братомъ, то по его смерти помогу тебѣ сѣсть въ Кіевѣ.» Игорь прельстился обѣщаніемъ и началъ хлопотать о мирѣ, приступая къ брату то съ мольбою, то съ сердцемъ: «Не хочешь ты мнѣ добра, за чѣмъ ты мнѣ назначилъ Кіевъ послѣ себя, когда не даешь друга сыскать.» Всеволодъ послушался его, и заключилъ миръ. Владимірко выѣхалъ къ нему изъ стана, поклонился и далъ за трудъ 1,400 гривенъ серебра: прежде онъ много поговорилъ, а послѣ много заплатилъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Всеволодъ, поцѣловавшись съ Владимірко мъ, сказалъ ему: «Се цѣлъ еси, къ тому не согрѣшай;» и отдалъ ему назадъ два города, Ушицу и Микулинъ, захваченные Изяславомъ Давидовичемъ. Серебра себѣ Всеволодъ не взялъ одинъ всего, но раздѣлилъ со всею братьею. Неудача Владимірка ободрила внутреннихъ враговъ его, приверженцевъ племянника, Ивана Ростиславича. Когда зимою Всеволодъ отправился на охоту [221], то жители Галича послали въ Звенигородъ, за Иваномъ и ввели его къ себѣ въ городъ [222]. Владимірко, услыхавъ объ этомъ, пришелъ съ дружиною къ Галичу, бился съ осажденными три недѣли и все не могъ взять

города, какъ однажды ночью Иванъ вздумалъ сдѣлать вылазку, но зашелъ слишкомъ далеко отъ города, и былъ отрѣзанъ отъ него полками Владимірковыми; потерявъ много дружины, онъ пробился сквозь вражье войско, и бросился къ Дунаю, а оттуда степью въ Кіевъ къ Всеволоду; Владиміръ вошелъ въ Галичъ, многихъ людей перебилъ, а иныхъ показнилъ казнью злою, по выраженію лѣтописца. Быть можетъ, покровительство, оказанное Всеволодомъ Ростиславичу послужило поводомъ къ новой войнѣ между Кіевскимъ и Галицкимъ князьями: въ 1146 году Владимірко взялъ Прилукъ [222], пограничный Кіевскій городъ. Всеволодъ опять собралъ братьевъ и шурьевъ, соединился съ Новгородцами, которые прислали отрядъ войска подъ воеводою Неревиномъ, съ Поляками и дикими Половцами, и осадилъ Звенигородъ со множествомъ войска; на первый день осады пожженъ былъ острогъ, на другой Звенигородцы собрали вѣче и рѣшили сдаться, но не хотѣлъ сдаваться воевода, Владимірковъ бояринъ, Иванъ Халдѣевичь; чтобъ настращать граждань, онъ схватилъ у нихъ три человѣка, убилъ ихъ, и разсѣкши каждаго по поламъ, выбросилъ вонъ изъ города. Онъ достигъ своей цѣли: Звенигородцы испугались, и съ тѣхъ поръ начали биться безъ лести. Видя это, Всеволодъ рѣшился взять городъ приступомъ; на третій день все войско двинулось на городъ; бились съ зари до позднягo вечера, зажгли городъ въ трехъ мѣстахъ; но граждане утушили пожаръ. Всеволодъ принужденъ былъ снять осаду и возвратился въ Кіевъ; какъ видно впрочемъ, продолженію войны много помѣшала болѣзнь его.

Относительно другихъ княжескихъ линій встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Всеволода Давидовича Городенскаго, въ 1141 году; послѣ него осталось двое сыновей, Борисъ и Глѣбъ, и двѣ дочери, изъ которыхъ одну великій князь Всеволодъ отдалъ за двоюроднаго брата своего Владиміра Давидовича, а другую за Юрія Ярославича. Здѣсь въ первый разъ упоминается этотъ Юрій, сынъ Ярослава Святополчича, слѣдовательно представитель Изяславовой линіи; гдѣ онъ княжилъ, неизвѣстно. Полоцкіе князья воспользовались смутами, ослабившими племя Мономахово, и возвратились изъ изгнанія въ свою волость. Мы видѣли, что при Ярополкѣ княжилъ въ Полоцкѣ Василько Святославичь; о возвращеніи двоихъ другихъ князей Полоцкихъ изъ изгнанія лѣ-

лѣтописецъ упоминаетъ подъ 1139 годомъ. Ярославичи обѣихъ линій—Мономаховичи и Ольговичи теперь вмѣсто вражды входили въ родственные союзы съ Полоцкими: такъ Всеволодъ женилъ сына своего Святослава на дочери Василька; а Изяславъ Мстиславичь отдалъ дочь свою за Рогволода Борисовича. Въ линіи Ярослава Святославича Муромскаго, умеръ сынъ его Святославъ въ 1144 году; его мѣсто заступилъ братъ его Ростиславъ, пославши сына своего Глѣба княжить въ Рязань.

Что касается до Новгорода, то легко предвидѣть, что при усобицахъ между Мономаховичами и Ольговичами въ немъ не могло быть спокойно. По изгнаніи Вячеслава Всеволодомъ изъ Кіева, при торжествѣ Ольговичей, Новгородцы опять стали между двухъ огней, опять вовлекались въ междоусобіе, должны были поднять оружіе противъ великаго князя Кіевскаго, отъ котораго обязаны были зависѣть. Мы видѣли, что Юрій Ростовскій, собравшись на Всеволода, потребовалъ войска у Новгородцевъ: граждане отказались поднять руки на великаго князя, какъ прежде отказались идти противъ Юрія; отказъ на требованіе отца послужилъ знакомъ къ отъѣзду сына: Ростиславъ уѣхалъ въ Смоленскъ, Новгородъ остался безъ князя; а между тѣмъ разсерженный Юрій взялъ Торжокъ. Въ такой крайности Новгородцы обратились ко Всеволоду, должны были принять снова Святослава Ольговича, прежде изгнаннаго, т. е. поднять опять у себя всѣ потухшія было вражды. Новгородцы принуждены были дать клятву Святославу [224]; въ чемъ она состояла, неизвѣстно; но еще до пріѣзда Святослава въ Новгородъ лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, произведенномъ безъ сомнѣнія врагами Святослава, приверженцами Мономаховича. Святославъ не забылъ также враговъ своихъ, бывшихъ причиною его изгнанія, вслѣдствіе чего Новгородцы начали вставать на него на вѣчахъ, за его злобу, по выраженію лѣтописца. Святославу самому скоро наскучило такое положеніе; онъ послалъ сказать Всеволоду: «Тяжко мнѣ, братъ, съ этими людьми, не могу съ ними жить; кого хочешь, того и пошли сюда.» Всеволодъ рѣшился отправить сына своего Святослава, и послалъ сказать объ этомъ Новгородцамъ извѣстнаго уже намъ Ивана Войтишича; но, вѣроятно для того, чтобъ ослабить сторону Мономаховскую и приготовить сыну спокойное княженіе,

велѣлъ Войтишичу выпросить у Новгородцевъ лучшихъ мужей и прислать ихъ въ Кіевъ, что и было исполнено: такъ заточенъ былъ въ Кіевъ Константинъ Микулиничь, который былъ посадникомъ прежде при Святославѣ и потомъ бѣжалъ къ Всеволоду Мстиславичу; въ слѣдъ за Константиномъ отосланы были въ оковахъ въ Кіевъ еще шестеро гражданъ. Но эти мѣры, какъ видно, только усилили волненія. На вѣчахъ начали бить Святославовыхъ пріятелей за его насилія; кумъ его, тысяцкій далъ ему знать, что сбираются схватить и его; тогда Святославъ тихонько ночью убѣжалъ изъ Новгорода вмѣстѣ съ посадникомъ Якуномъ; но Якуна схватили, привели въ Новгородъ вмѣстѣ съ братомъ Прокопіемъ, чуть не убили до смерти, раздѣли до нага, и сбросили съ моста. Ему посчастливилось однако прибресть къ берегу; тогда уже больше его не стали бить, но взяли съ него 1000 гривенъ, да съ брата его сто гривенъ, и заточили обоихъ въ Чудь, приковавши руки къ шеѣ; но послѣ перевелъ ихъ къ себѣ Юрій Ростовскій и держалъ въ милости. Между тѣмъ епископъ Новгородскій съ другими послами пріѣхалъ въ Кіевъ и сказалъ Всеволоду: «Дай намъ сына твоего, а Святослава брата твоего не хотимъ.» Всеволодъ согласился и отправилъ къ нимъ сына Святослава; но когда молодой князь былъ уже на дорогѣ въ Черниговѣ, Новгородцы перемѣнили мнѣніе, и объявили Всеволоду: «Не хотимъ ни сына твоего, ни брата и никого изъ вашего племени, хотимъ племени Владимірова; дай намъ шурина твоего Мстиславича.» Всеволодъ, услыхавъ это требованіе, воротилъ епископа съ послами, и задержалъ ихъ у себя. Не желая передать Новгорода Владимірову племени, Всеволодъ призвалъ къ себѣ шурьевъ своихъ—Святополка и Владиміра, далъ имъ Брестъ, и сказалъ: «О Новгородѣ не хлопочите, пусть ихъ сидятъ одни, пусть берутъ себѣ князя, какого хотятъ.» 9 мѣсяцевъ сидѣли Новгородцы безъ князя, чего они не могли терпѣть, по выраженію лѣтописца; притомъ же сдѣлалась дороговизна, хлѣбъ не шелъ къ нимъ ни откуда. При такихъ обстоятельствахъ естественно упала сторона, такъ сильно дѣйствовавшая противъ Святослава, и восторжествовала сторона противная; но эта сторона перемѣнила теперь направленіе: мы видѣли, что Юрій Ростовскій принялъ къ себѣ Якуна и держалъ его въ милости; въ Суздаль

до бѣжали и другіе пріятели Святослава и Якуна — Судила, Нежата, Страшко; ясно, что Юрій милостивымъ пріемомъ привлекъ ихъ всѣхъ на свою сторону; теперь, когда сторона ихъ усилилась, и они были призваны въ Новгородъ, а Судила былъ избранъ даже посадникомъ, то легко понять, что они стали дѣйствовать въ пользу своего благодѣтеля Юрія, тѣмъ болѣе, что теперь не оставалось другаго средства, какъ обратиться къ послѣднему и вотъ Новгородцы послали за Юріемъ; тотъ самъ къ нимъ не поѣхалъ, а отправилъ сына своего Ростислава. Тогда Всеволодъ увидалъ, что ошибся въ своемъ расчетѣ, сильно разсердился на Юрія, захватилъ его городъ, Городецъ на Острѣ и другіе, захватилъ коней, рогатый скотъ, овецъ, всякое добро, какое только было у Юрія на югѣ; а между тѣмъ Изяславъ Мстиславичь послалъ сказать сестрѣ своей, женѣ Всеволодовой: «выпроси у зятя Новгородъ Великій брату своему Святополку». Она стала просить мужа, и тотъ наконецъ согласился: разумѣется, не одна просьба жены заставила его согласиться на это: ему выгоднѣе было видѣть въ Новгородѣ шурина своего Мстиславича, чѣмъ сына Юрьева; притомъ изгнаніе послѣдняго въ пользу перваго усиливало еще больше вражду между Юріемъ и племянниками, что было очень выгодно для Всеволода.—Когда въ Новгородѣ узнали, что изъ Кіева идетъ къ нимъ Святополкъ Мстиславичь съ епископомъ и лучшими людьми, задержанными прежде Всеволодомъ, то сторона Мстиславичей поднялась опять, тѣмъ болѣе, что теперь надобно было выбрать изъ двухъ одно: удержать сына Юріева, и войти во вражду съ великимъ княземъ и Мстиславичами, или принять Святополка и враждовать съ однимъ Юріемъ. Рѣшились на послѣднее: Святополкъ былъ принятъ, Ростиславъ отправленъ къ отцу, и Новгородъ успокоился.

Таковы были внутреннія отношенія во время старшинства Всеволода Ольговича; обратимся теперь ко внѣшнимъ. Мы оставили Польшу подъ правленіемъ Болеслава III Кривоустаго; княженіе Болеслава было одно изъ самыхъ блистательныхъ въ Польской исторіи по удачнымъ войнамъ его съ Поморянами, Чехами, Нѣмцами. Мы видѣли также постоянную борьбу его съ братомъ Збигнѣвомъ, противъ котораго онъ пользовался Русскою помощію. Очень важно было для Руси, что дѣятельность такого энергическаго князя отвлекалась преимущественно на

западъ, сдерживалась домашнею борьбою съ братомъ, и что со-
временниками его на Руси были Мономахъ и сынъ его Мсти-
славъ, которые могли дать всегда сильный отпоръ Польшѣ въ
случаѣ вражды съ ея княземъ: такъ кончилось ничѣмъ вмѣша-
тельство Болеслава въ дѣла Волынскія, когда онъ принялъ сто-
рону Изяславовой линіи, ему родственной. По смерти Мстислава
Великаго, когда начались смуты на Руси, герой Польскій у-
старѣлъ, да и постоянно отвлекался западными отношеніями,
а по смерти Болеслава усобицы между сыновьями его не только
помѣшали имъ воспользоваться Русскими усобицами, но дали
заставили ихъ дать мѣсто вмѣшательству Русскихъ князей въ
свои дѣла. Болеславъ умеръ въ 1139 году, оставивъ пятерыхъ
сыновей, между которыми начались тѣ же самыя родовыя отно-
шенія, какія мы видѣли до сихъ поръ между князьями Русскими
и Чешскими. Старшій изъ Болеславичей сидѣлъ на главномъ
столѣ въ Краковѣ; меньшіе братья имѣли свои волости и на-
дились къ старшему только въ родовыхъ отношеніяхъ. Легко
понять, какое слѣдствіе для Польши должны были имѣть подоб-
ныя отношенія между князьями, когда значеніе вельможъ усиѣ-
ло уже такъ усилиться. Владиславъ II, старшій между Болесла-
вичами былъ самъ человѣкъ кроткій и миролюбивый; но не та-
кова была жена его, Агнесса, дочь Леопольда, герцога Австрій-
скаго. Нѣмецкой принцессѣ казались дикими родовыя отношенія
между князьями, ея гордость оскорблялась тѣмъ, что мужъ ея
считался только старшимъ между братьями; она называла его
полукняземъ и полумужчиною за то, что онъ терпѣлъ подлѣ себя
столько равноправныхъ князей. Владиславъ поддался увѣщані-
ямъ и насмѣшкамъ жены: онъ началъ требовать дани съ воло-
стей, принадлежавшихъ братьямъ, забирать города послѣднихъ
и обнаруживалъ намѣреніе совершенно изгнать ихъ изъ Поль-
ши. Но вельможи и прелаты встали за младшихъ братьевъ;
Владиславъ принужденъ былъ бѣжать въ Германію; старшин-
ство принялъ второй послѣ него братъ, Болеславъ IV, Кудрявый.
Въ этихъ усобицахъ принималъ участіе Всеволодъ Ольговичъ,
по родству съ Владиславомъ, за старшимъ сыномъ котораго,
Болеславомъ, была дочь его Звенислава или Велеслава ²⁴⁶. Въ
1142 году Всеволодъ посылалъ сына своего Святослава, двою-
роднаго брата Изяслава Давыдовича и Владимірка Галицкаго

лѣтописецъ упоминаетъ подъ 1139 годомъ. Ярославичи обѣихъ линій—Мономаховичи и Ольговичи теперь вмѣсто вражды входили въ родственные союзы съ Полоцкими: такъ Всеволодъ женилъ сына своего Святослава на дочери Василька; а Изяславъ Мстиславичь отдалъ дочь свою за Рогволода Борисовича. Въ линіи Ярослава Святославича Муромскаго, умеръ сынъ его Святославъ въ 1144 году; его мѣсто заступилъ братъ его Ростиславъ, пославши сына своего Глѣба княжить въ Рязань.

Что касается до Новгорода, то легко предвидѣть, что при усобицахъ между Мономаховичами и Ольговичами въ немъ не могло быть спокойно. По изгнаніи Вячеслава Всеволодомъ изъ Кіева, при торжествѣ Ольговичей, Новгородцы опять стали между двухъ огней, опять вовлекались въ междоусобіе, должны были поднять оружіе противъ великаго князя Кіевскаго, отъ котораго обязаны были зависѣть. Мы видѣли, что Юрій Ростовскій, собравшись на Всеволода, потребовалъ войска у Новгородцевъ: граждане отказались поднять руки на великаго князя, какъ прежде отказались идти противъ Юрія; отказъ на требованіе отца послужилъ знакомъ къ отъѣзду сына: Ростиславъ уѣхалъ въ Смоленскъ, Новгородъ остался безъ князя; а между тѣмъ разсерженный Юрій взялъ Торжокъ. Въ такой крайности Новгородцы обратились ко Всеволоду, должны были принять снова Святослава Ольговича, прежде изгнаннаго, т. е. поднять опять у себя всѣ потухшія было вражды. Новгородцы принуждены были дать клятву Святославу [224]; въ чемъ она состояла, неизвѣстно; но еще до пріѣзда Святослава въ Новгородъ лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, произведенномъ безъ сомнѣнія врагами Святослава, приверженцами Мономаховича. Святославъ не забылъ также враговъ своихъ, бывшихъ причиною его изгнанія, вслѣдствіе чего Новгородцы начали вставать на него на вѣчахъ, за его злобу, по выраженію лѣтописца. Святославу самому скоро наскучило такое положеніе; онъ послалъ сказать Всеволоду: «Тяжко мнѣ, братъ, съ этими людьми, не могу съ ними жить; кого хочешь, того и пошли сюда.» Всеволодъ рѣшился отправить сына своего Святослава, и послалъ сказать объ этомъ Новгородцамъ извѣстнаго уже намъ Ивана Войтишича; но, вѣроятно для того, чтобъ ослабить сторону Мономаховскую и приготовить сыну спокойное княженіе,

Ярополка: такъ и я, если Богъ меня возьметъ, отдаю Кіевъ по себѣ брату своему Игорю». Преемство Мстислава послѣ Мономаха и преемство Ярополка послѣ Мстислава нарушило въ глазахъ Ольговича старый порядокъ, по которому старшинство и Кіевъ принадлежали всегда самому старшему въ родѣ; такъ какъ Мономаховичи первые нарушили этотъ обычай въ пользу своего племени, то теперь онъ, Всеволодъ считаетъ себя въ правѣ поступить точно также, отдать Кіевъ послѣ себя брату, хотя Игорь и не былъ послѣ него самымъ старшимъ въ цѣломъ родѣ Ярославовомъ. Изяславъ Мстиславичь сильно вооружился противъ этого распоряженія; но дѣлать было нечего, по нуждѣ цѣловалъ онъ крестъ, что признаетъ старшинство Игоря. Когда всѣ братья, продолжаетъ лѣтописецъ, сѣли у Всеволода на сѣняхъ, то онъ началъ говорить: «Игорь! цѣлуй крестъ, что будешь любить братьевъ; а вы, Владиміръ, Святославъ и Изяславъ, цѣлуйте крестъ Игорю, и будьте довольны тѣмъ, что вамъ дастъ по своей волѣ, а не по нуждѣ.» И всѣ братья цѣловали крестъ. Когда въ 1146 году Всеволодъ больной возвратился изъ Галицкаго похода, то остановился подъ Вышгородомъ на островѣ, велѣлъ позвать къ себѣ лучшихъ Кіевлянъ, и сказалъ имъ: «я очень боленъ; вотъ вамъ братъ мой Игорь, возьмите его себѣ въ князья;» тѣ отвѣчали: «возьмемъ съ радостію.» Игорь отправился съ ними въ Кіевъ, созвалъ всѣхъ гражданъ, и всѣ цѣловали ему крестъ, говоря, «ты намъ князь;» но они обманывали его, прибавляетъ лѣтописецъ. На другой день поѣхалъ Игорь въ Вышгородъ, и Вышгородцы также цѣловали ему крестъ. Всеволодъ былъ еще все живъ: онъ послалъ зятя своего Болеслава Польскаго къ Изяславу Мстиславичу, а боярина Мірослава Андреевича къ Давидовичамъ спросить: стоятъ ли онѣ въ крестномъ цѣлованіи Игорю? и тѣ отвѣчали, что стоятъ. 1-го Августа умеръ Всеволодъ, князь умный, дѣятельный, гдѣ дѣло шло объ его личныхъ выгодахъ, умѣвшій пользоваться обстоятельствами, но не разбиравшій средствъ при достиженіи цѣли [204].

Послѣ братнихъ похоронъ Игорь поѣхалъ въ Кіевъ, опять созвалъ всѣхъ Кіевлянъ на гору, на дворъ Ярославовъ, и опять всѣ присягнули ему. Но потомъ вдругъ собрались всѣ у Туровой божницы и послали сказать Игорю: «Князь! пріѣзжай къ намъ». Игорь, вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ, поѣхалъ, оста-

лѣтописецъ упоминаетъ подъ 1139 годомъ. Ярославичи обѣихъ линій—Мономаховичи и Ольговичи теперь вмѣсто вражды входили въ родственные союзы съ Полоцкими: такъ Всеволодъ женилъ сына своего Святослава на дочери Василька; а Изяславъ Мстиславичь отдалъ дочь свою за Рогволода Борисовича. Въ линіи Ярослава Святославича Муромскаго, умеръ сынъ его Святославъ въ 1144 году; его мѣсто заступилъ братъ его Ростиславъ, пославши сына своего Глѣба княжить въ Рязань.

Что касается до Новгорода, то легко предвидѣть, что при усобицахъ между Мономаховичами и Ольговичами въ немъ не могло быть спокойно. По изгнаніи Вячеслава Всеволодомъ изъ Кіева, при торжествѣ Ольговичей, Новгородцы опять стали между двухъ огней, опять вовлекались въ междоусобіе, должны были поднять оружіе противъ великаго князя Кіевскаго, отъ котораго обязаны были зависѣть. Мы видѣли, что Юрій Ростовскій, собравшись на Всеволода, потребовалъ войска у Новгородцевъ: граждане отказались поднять руки на великаго князя, какъ прежде отказались идти противъ Юрія; отказъ на требованіе отца послужилъ знакомъ къ отъѣзду сына: Ростиславъ уѣхалъ въ Смоленскъ, Новгородъ остался безъ князя; а между тѣмъ разсерженный Юрій взялъ Торжокъ. Въ такой крайности Новгородцы обратились ко Всеволоду, должны были принять снова Святослава Ольговича, прежде изгнаннаго, т. е. поднять опять у себя всѣ потухшія было вражды. Новгородцы принуждены были дать клятву Святославу [224]; въ чемъ она состояла, неизвѣстно; но еще до пріѣзда Святослава въ Новгородъ лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, произведенномъ безъ сомнѣнія врагами Святослава, приверженцами Мономаховича. Святославъ не забылъ также враговъ своихъ, бывшихъ причиною его изгнанія, вслѣдствіе чего Новгородцы начали вставать на него на вѣчахъ, за его злобу, по выраженію лѣтописца. Святославу самому скоро наскучило такое положеніе; онъ послалъ сказать Всеволоду: «Тяжко мнѣ, братъ, съ этими людьми, не могу съ ними жить; кого хочешь, того и пошли сюда.» Всеволодъ рѣшился отправить сына своего Святослава, и послалъ сказать объ этомъ Новгородцамъ извѣстнаго уже намъ Ивана Войтишича; но, вѣроятно для того, чтобъ ослабить сторону Мономаховскую и приготовить сыну спокойное княженіе,

важны: они показываютъ, что современники не были знакомы съ понятіями о наслѣдственности въ одной линіи. Изяславъ собралъ все свое войско въ степи, христіанъ и поганыхъ, и сказалъ имъ: «Братья! Всеволода я считалъ по правдѣ братомъ старшимъ, потому что старшій братъ и зять мнѣ какъ отецъ; а съ этими какъ меня Богъ управитъ и сила крестная: либо голову свою положу передъ вами, либо достану столъ дѣдовскій и отцовскій». Сказавши это, онъ двинулся къ Кіеву, а между тѣмъ Игорь послалъ къ двоюроднымъ братьямъ своимъ, Давыдовичамъ, спросить у нихъ, стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи? Тѣ хотѣли дорого продать свою вѣрность клятвѣ, и запросили у него волостей много; Игорь, въ крайности, далъ имъ все, лишь бы только шли къ нему на помощь; и они отправились. Но еще важнѣе было для Игоря уладиться съ дружиною, привязать ее къ себѣ: онъ призвалъ къ себѣ главныхъ бояръ: Улѣба, Ивана Войтишича, Лазаря Саковскаго, и сказалъ имъ: «Какъ были у брата моего, такъ будете и у меня»; а Улѣбу сказалъ: «держи ты тысячу (т. е. будь тысяцкимъ), какъ у брата моего держалъ». Изъ этого видно, что при каждой перемѣнѣ князя бояре боялись лишиться прежняго значенія, и теперь Игорь спѣшитъ увѣрить ихъ, что они ничего не потеряютъ при немъ. Но Ольговичь опоздалъ: эти бояре уже передались Изяславу; они могли видѣть всеобщее нерасположеніе къ Игорю, видѣть, что вся Русь становится подъ стягъ Мономахова внука, и спѣшили отстать отъ проиграннаго дѣла. Они послали сказать Изяславу: «Ступай, князь, скорѣе: идутъ Давидовичи Игорю на помощь». Кромѣ означенныхъ бояръ въ Святославовомъ полку передались на сторону Мстиславича Василь Полочанинъ и Мірославъ (Андреевичь) внукъ Хиличь; они впятеромъ собирали Кіевлянъ и совѣтовались, какъ бы обмануть Игоря; а къ Изяславу послали сказать: «Ступай, князь: мы уговорились съ Кіевлянами; бросимъ стягъ Ольговича, и побѣжимъ съ полкомъ своимъ въ Кіевъ». Изяславъ подошелъ къ Кіеву и сталъ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ у вала, подлѣ Надова озера; а Кіевляне стояли особо у Ольговой могилы огромною толпою. Скоро Игорь и все войско его увидали, что Кіевляне послали къ Изяславу и взяли у него тысяцкаго со стягомъ; а вслѣдъ за тѣмъ Берендѣи переѣхали чрезъ Лыбедь,

и захватили Игоревъ обозъ передъ Золотыми воротами и подъ огородами. Видя это, Игорь сказалъ брату Святославу и племяннику Святославу Всеволодичу: «Ступайте въ свои полки, и какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ»; велѣлъ ѣхать въ свои полки также и Улѣбу тысяцкому съ Иваномъ Войтишичемъ. Но какъ скоро пріѣхали они въ свои полки, то бросили стяги, и поскакали къ Жидовскимъ воротамъ. Ольговичь съ племянникомъ не смутились отъ этого, и пошли противъ Изяслава; но имъ нельзя было проѣхать къ нему Надовымъ озеромъ; они пошли вéрхомъ и попали въ самое невыгодное мѣсто между двумя канавами изъ озера и изъ сухой Лыбеди: Берендѣи заѣхали имъ въ задъ, и начали сѣчь ихъ саблями; а Изяславъ съ сыномъ Мстиславомъ и дружиною заѣхали съ боку; Ольговичи побѣжали, Игорь заѣхалъ въ болото, конь подъ нимъ увязъ, а идти онъ немогъ, потому что былъ боленъ ногами; братъ его Святославъ бѣжалъ на устье Десны, за Днѣпръ, а племянникъ Святославъ Всеволодичь прибѣжалъ въ Кіевъ, и спрятался въ Иринимскомъ монастырѣ, гдѣ его и взяли; дружину Ольговича гнали до самаго Днѣпра, до устья Десны и до Кіевскаго перевоза.

Изяславъ съ великою славою и честью въѣхалъ въ Кіевъ; множество народа вышло къ нему на встрѣчу; игумены съ монахами и священниками со всего Кіева въ ризахъ; онъ пріѣхалъ къ св. Софіи, поклонился Богородицѣ и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ. Когда привели къ нему Святослава Всеволодовича, то онъ сказалъ ему: «Ты мнѣ родной племянникъ», и началъ водить его подлѣ себя; бояръ, вѣрныхъ Ольговичамъ, перехватали много—Данила Великаго, Юрья Прокопьича, Ивора Юрьевича, внука Мірославова и другихъ, и пустили ихъ, взявши окупъ. Черезъ четыре дня схватили въ болотѣ Игоря и привели къ Изяславу, который сначала послалъ его въ Выдубицкій монастырь, а потомъ, сковавши, велѣлъ посадить въ Переяславскій Ивановскій; тогда же Кіевляне съ Изяславомъ разграбили домы дружины Игоревой и Всеволодовой, села, скотъ, взяли много имѣнья въ домахъ и монастыряхъ. Такимъ образомъ старшій столъ перешелъ опять въ родъ Мономаха, но перешелъ къ племяннику мимо двухъ дядей; причины этого явленія мы уже видѣли прежде: племянникъ Изяславъ личною доблестію превосходилъ дядей, былъ представителемъ Мономахова пле-

мени въ глазахъ народа. Самъ Изяславъ сначала не хотѣлъ нарушать право дяди Вячеслава; отправившись въ походъ противъ Игоря Ольговича, онъ объявилъ, что идетъ возвратить старшій столъ Вячеславу. Но дѣла перемѣнились, когда онъ дѣйствительно овладѣлъ Кіевомъ; если жители этого города заставили Мономаха нарушить старшинство Святославичей, то нѣтъ сомнѣнія, что они же заставили и внука его Изяслава нарушить старшинство дяди Вячеслава: желая избавиться отъ Ольговичей, они прямо послали къ Изяславу, ему говорили: «ты нашъ князь!» Послѣ увидимъ, что призывая его вторично къ себѣ, они прямо скажутъ ему, что не хотятъ Вячеслава; когда Юрій хотѣлъ было также уступить Кіевъ Вячеславу, то бояре сказали, что онъ напрасно это дѣлаетъ, ибо Вячеславу все равно не удержать же Кіева: таково было общее мнѣніе о старшемъ изъ Мономаховичей; Юрій подчинился этому общему мнѣнію, долженъ былъ подчиниться ему и племянникъ его Изяславъ. Но если Русь не хотѣла Вячеслава, признавая его неспособнымъ, то не такъ смотрѣли на дѣло собственные бояре Вячеславовы, которые управляли слабымъ княземъ, и хотѣли управлять Кіевомъ при его старшинствѣ. Послушавши бояръ, Вячеславъ сталъ распоряжаться какъ старшій: захватилъ города, которые отняты были у него Всеволодомъ[241]; захватилъ и Владиміръ Волынскій, и посадилъ въ немъ племянника, Владиміра Андреевича, сына покойного Переяславскаго князя. Но Изяславъ поспѣшилъ увѣрить его, что не онъ старшій: онъ послалъ на дядю брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича; тѣ взяли у Вячеслава Туровъ, схватили въ немъ епископа Іоакима и посадника Жирослава. Въ Туровѣ посадилъ Изяславъ сына своего Ярослава, старшій сынъ его Мстиславъ сѣлъ въ Переяславлѣ. Такое распоряженіе могло оскорбить братьевъ Изяславовыхъ, особенно старшаго Рослислава Смоленскаго: но вѣроятно этотъ князь не хотѣлъ мѣнять вѣрное на невѣрное и самъ отказался отъ Переяславля: здѣсь онъ безпрестанно долженъ былъ отбиваться отъ Черниговскихъ и отъ Половцевъ: притомъ украинское Переяславское княжество вѣроятно было бѣднѣе Смоленскаго; наконецъ въ предшествовавшія смуты Переяславль много потерялъ изъ прежняго своего значенія: мы видѣли, что Юрій Ростовскій отказался отъ него въ пользу млад-

шаго брата Андрея; дядя Вячеславъ въ пользу племянника Изяслава.—У племянника отъ сестры, Святослава Всеволодича, Изяславъ взялъ Владимиръ Волынскій, и вмѣсто того далъ ему пять городовъ на Волыни[242]. Города въ землѣ южныхъ Дреговичей, которые Всеволодъ Ольговичь роздалъ по братьямъ своимъ, остались за Давидовичами.

Такъ устроились дѣла въ собственной Руси; между тѣмъ Святославъ Ольговичь съ малою дружиною прибѣжалъ въ Черниговъ, и послалъ спросить у двоюродныхъ братьевъ, Давидовичей, хотятъ ли они сдержать клятву, которую дали пять дней тому назадъ? Давидовичи отвѣчали, что хотятъ. Тогда Святославъ, оставя у нихъ мужа своего Коснятка, поѣхалъ въ свои волости уставливать людей, то есть взять съ нихъ присягу въ вѣрности, сперва въ Курскъ, а потомъ въ Новгородъ Сѣверскій. Но какъ скоро Святославъ уѣхалъ, Давидовичи начали думать втайнѣ отъ его боярина; Коснятко, узнавъ, что они замышляютъ схватить Святослава, послалъ сказать ему: «Князь! думаютъ о тебѣ, хотятъ схватить: когда они за тобой пришлютъ, то не ѣзди къ нимъ.» Давидовичи боялись, что теперь Ольговичи, лишенные надежды получить волости на западной сторонѣ Днѣпра, будутъ добиваться волостей Черниговскихъ, и положили соединиться съ Мстиславичемъ противъ двоюродныхъ братьевъ; они послали сказать Изяславу: «Игорь какъ до тебя былъ золъ, такъ и до насъ: держи его крѣпко;» а къ Святославу послали сказать: «Ступай прочь изъ Новгорода Сѣверскаго въ Путивль, а отъ брата Игоря отступись.» Святославъ отвѣчалъ: «Не хочу ни волости, ничего другаго, только отпустите мнѣ брата;» но Давидовичи все настаивали: «цѣлуй крестъ, что не будешь ни просить, ни искать брата, а волость держи.» Святославъ заплакалъ и послалъ къ Юрію въ Суздаль: «Брата моего Всеволода Богъ взялъ, а Игоря Изяславъ взялъ; пойди въ Русскую землю въ Кіевъ, помилосердуй, сыщи мнѣ брата; а я здѣсь, съ помощію Божіею, буду тебѣ помогать.» Въ самомъ дѣлѣ Святославъ дѣйствовалъ: послалъ къ Половецкимъ ханамъ, дядьямъ жены своей[243], за помощью, и тѣ прислали ему немедленно 300 человѣкъ. Въ тоже время прибѣжалъ къ нему отъ дяди изъ Мурома Владиміръ Святославичь, внукъ Ярославовъ: мы видѣли, что по смерти Святослава Ярославича

въ Муромѣ сѣлъ братъ его Ростиславъ, а въ Рязань послалъ сына своего Глѣба; это уже самое распоряженіе обижало сына Святославова Владиміра, который, неполучивъ, быть можетъ, и вовсе волостей, прибѣжалъ теперь къ Святославу Ольговичу: въ слѣдъ за нимъ прибылъ въ Новгородъ Сѣверскій и другой изгнанникъ—Иванъ Ростиславичь Галицкій, который носитъ названіе Берладника: Молдавскій городъ Берладъ былъ, подобно Тмутаракани, притономъ всѣхъ бѣглецовъ, князей и простыхъ людей; Иванъ также находилъ въ немъ убѣжище и дружину [244]. Между тѣмъ Давидовичи спѣшили кончить дѣло съ опаснымъ Ольговичемъ; по словамъ лѣтописца, они говорили: «Мы начали злое дѣло; такъ уже окончимъ братоубійство: пойдемъ, искоренимъ Святослава, и переймемъ волость его;» они видѣли, что Святославъ употребитъ всѣ средства для освобожденія брата; помнили, что и при жизни Всеволода Игорь съ братомъ недавали имъ покоя, требуя Чернигова и волостей его, и сдерживались только обѣщаніемъ Кіева и волостей задиѣпровскихъ: а теперь-что будетъ ихъ сдерживать? отсюда понятна раздражительность Давидовичей. Они стали проситься у Изяслава идти на Святослава къ Новгороду Сѣверскому. Изяславъ ходилъ къ нимъ на съѣздъ, гдѣ порѣшили—Давидовичамъ вмѣстѣ съ сыномъ Изяславовымъ Мстиславомъ, Переяславцами и Берендѣями идти къ Новгороду Сѣверскому; Изяславъ сказалъ имъ: «Ступайте; если Святославъ не выбѣжитъ передъ вами изъ города, то осадите его тамъ; когда вы устанете, то я съ свѣжими силами приду къ вамъ, и стану продолжать осаду, а вы пойдете домой». Давидовичи отправились къ Новгороду, стали у вала и два раза приступали къ двумъ воротамъ; бились у нихъ сильно, какъ вдругъ получили вѣсть отъ Мстислава Изяславича, чтобъ не приступали безъ него къ городу, потому что такъ отецъ его велѣлъ. Давидовичи послушались, дождались Мстислава, и всѣ вмѣстѣ пустили стрѣльцовъ своихъ къ городу, христіанъ и Берендѣевъ; и сами стали полками и начали биться; граждане были сильно стѣснены: ихъ втиснули въ острожные ворота, при чемъ они много потеряли убитыми и ранеными. Бой продолжался до самаго вечера, но городъ не былъ взятъ; осаждающіе отступили, стали въ селѣ Мелтековѣ, и пославши отсюда, заграбили стада Игоревы и Святославовы въ лѣсу по

рѣкѣ Рахнѣ, кобылъ 3,000, да коней 1.000; послали и по окрестнымъ селамъ жечь хлѣбъ и дворы.

Въ это время пришла вѣсть, что Юрій Ростовскій заключилъ союзъ съ Святославомъ и идетъ къ нему на помощь. Услыхавъ, что дядя поднялся на него, Изяславъ Мстиславичь отправилъ степью гонца въ Рязань къ Ростиславу Ярославичу съ просьбою, чтобъ напалъ на Ростовскую область, и такимъ образомъ отвлекъ бы Юрія; Ростиславъ согласился: мы видѣли, что враждебный ему племянникъ находился у Святослава Ольговича, союзника Юріева, и ему слѣдовало вступить въ союзъ съ врагами послѣдняго; да и безъ того Ярославичи Муромскіе едва ли могли быть въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Ольговичамъ, изгнавшимъ отца ихъ изъ Чернигова. Юрій былъ уже въ Козельскѣ, когда узналъ, что Ростиславъ Рязанскій воюетъ его волость: это извѣстіе заставило его возратиться, и отпустить къ Святославу только сына Ивана; когда тотъ пришелъ въ Новгородъ къ Святославу, то послѣдній далъ ему Курскъ съ волостями по рѣкѣ Сейму: какъ видно Ольговичь рѣшился не щадить ничего, отдавать послѣднее, лишь бы только удержать въ союзѣ Юрія, и съ его помощію достигнуть своей цѣли, освободить брата. Отдавши половину волости Юрьевичу, Святославъ, по думѣ бояръ своихъ, попробовалъ еще разъ разжалобить Давидовичей, и послалъ священника своего сказать имъ: «Братья! землю мою вы повоевали, стада мои и братнія взяли, хлѣбъ пожгли и всю жизнь мою (все имѣнье, всѣ животы) погубили: теперь вамъ остается убить меня.» Давидовичи отвѣчали по прежнему, чтобъ оставилъ брата; Святославъ на это отвѣчалъ также по прежнему: «Лучше мнѣ помереть, чѣмъ оставить брата; буду искать его, пока душа въ тѣлѣ.» Давидовичи продолжали пустошить волости Ольговичей; взяли сельцо Игорево, гдѣ онъ устроилъ себѣ дворъ добрый; было тутъ въ погребахъ наготовлено много вина и меду и всякаго тяжелаго товару, желѣза и мѣди, такъ что нельзя было всего и вывезти; Давидовичи велѣли все это покласть на возы и потомъ велѣли зажечь дворъ и церковь св. Георгія и гумно, гдѣ было 900 стоговъ. Потомъ услыхавъ, что Изяславъ Мстиславичь идетъ къ нимъ на помощь изъ Кіева, они пошли къ Путивлю, и приступили къ городу, пославши сказать жителямъ: «Не бейтесь; кля-

немся св. Богородицею, что недадимъ васъ въ полонъ.» Но Путивльцы не послушались и крѣпко бились до тѣхъ поръ, пока пришелъ Изяславъ Мстиславичь съ силою Кіевскою; тогда Путивльцы послали къ нему сказать съ поклономъ: «Мы тебя только дожидались, князь: цѣлуй намъ крестъ.» Изяславъ поцѣловалъ крестъ, и только вывелъ отъ нихъ прежняго посадника и посадилъ своего: этотъ поступокъ Путивльцевъ очень замѣчателенъ: онъ показываетъ довѣренность ко внуку Мономахову и недовѣріе ко внукамъ Святославовымъ у самихъ жителей Черниговскихъ волостей; неудивительно, что на той сторонѣ Днѣпра такъ не любили Святославичей. Въ Путивлѣ Изяславъ и Давидовичи взяли дворъ Святославовъ, и все добро, какое нашли тамъ, раздѣлили на четыре части, взяли 500 берковцевъ меду, 80 корчагъ вина; взяли всю утварь изъ церкви Вознесенія, и 700 человѣкъ рабовъ. Узнавши, что Путивль взятъ, имѣнье его пограблено, и что Изяславъ идетъ на него, хочетъ осадить въ Новгородѣ, Святославъ позвалъ на совѣтъ князей Ивана Юрьича, Ивана Ростиславича Берладника, дружину, Половцевъ дикихъ, дядей своихъ, и спрашивалъ, что дѣлать? Тѣ отвѣчали ему: «Князь! ступай отсюда, не мѣшкая; здѣсь тебѣ не при чемъ оставаться: нѣтъ ни хлѣба, ничего; ступай въ лѣсную землю: тамъ тебѣ близко будетъ пересылаться съ отцемъ своимъ Юріемъ.» Святославъ послушался и побѣжалъ изъ Новгорода въ Корачевъ съ женою и дѣтьми и съ женою брата своего Игоря; изъ дружины—одни пошли за нимъ, другіе оставили его.

Новгородцы Сѣверскіе дали знать Изяславу и его союзникамъ, что Святославъ убѣжалъ отъ нихъ; это извѣстіе сильно раздосадовало Давидовичей: они знали, что пока Святославъ будетъ на свободѣ, до тѣхъ поръ не перестанетъ отыскивать свободы брату; въ сердцахъ Изяславъ Давидовичь сказалъ братьямъ: «Пустите меня за нимъ; если ему самому удастся уйти отъ меня, то жену и дѣтей у него отниму, имѣніе его возьму!»—и, взявши съ собою три тысячи конной дружины, безъ возовъ, на легкѣ отправился въ погоню за Ольговичемъ, которому не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ или семью и дружину свою отдать въ плѣнъ, или голову свою сложить. Подумавъ съ союзными князьями. Половцами и дружиною, онъ вышелъ на встрѣчу къ Дави-

довичу, и разбилъ его. Изяславъ Мстиславичь и Владиміръ Давидовичь шли съ полками въ слѣдъ за Изяславомъ Давидовичемъ, и, остановившись въ лѣсу, сѣли было обѣдать, какъ вдругъ пригналъ къ нимъ одинъ мужъ съ вѣстію, что Изяславъ разбитъ Ольговичемъ. Эта вѣсть сильно раздосадовала Изяслава Мстиславича, который, по выраженію лѣтописца, былъ храбръ и крѣпокъ на рать; онъ выстроилъ свое войско и пошелъ на Святослава къ Корачеву; на дорогѣ встрѣчали его бѣглецы изъ дружины Изяслава Давидовича и присоединялись къ войску; самого Давидовича долго не было, наконецъ и онъ явился въ полдень; князья шли весь этотъ день до ночи, и остановились ночевать не далеко отъ Корачева: а Святославъ, узнавъ о ихъ приходѣ, ушелъ за лѣсъ въ землю Вятичей. Тогда Изяславъ Мстиславичь сказалъ Давидовичамъ: «Какихъ хотѣли вы волостей, тѣ я вамъ добылъ: вотъ вамъ Новгородъ Сѣверскій и всѣ Святославовы волости; что же будетъ въ этихъ волостяхъ Игорево — рабы, или товаръ какой, то мое; а что̀ будетъ Святославовыхъ рабовъ и товара, то раздѣлимъ на части». — Урядившись такимъ образомъ, Изяславъ возвратился въ Кіевъ; а между тѣмъ Игорь Ольговичь сильно разболѣлся въ тюрьмѣ, и прислалъ сказать ему: «Братъ! я очень болѣнъ, и прошу у тебя постриженія; хотѣлъ я этого, когда еще былъ княземъ; а теперь въ нуждѣ я сильно разболѣлся, и не думаю, что останусь въ живыхъ». Изяславъ сжалился и послалъ сказать ему: «Если была у тебя мысль о постриженіи, то ты воленъ; а я тебя и безъ того выпускаю для твоей болѣзни». Надъ Игоремъ розняли верхъ тюрьмы, и вынесли больнаго въ келью; восемь дней онъ не пилъ, ни ѣлъ, но потомъ ему полегчѣло, и онъ постригся въ Кіевскомъ Ѳедоровскомъ монастырѣ въ схимѣ.

Между тѣмъ въ землѣ Сѣверской и у Вятичей по прежнему шла война между Давидовичами и Ольговичами. Изяславъ Мстиславичь, уходя въ Кіевъ, имѣлъ не осторожность оставитъ съ Давидовичами Святослава Всеволодовича, роднаго племянника Святославова, котораго выгоды были тѣсно связаны съ выгодами дяди, съ выгодами племени Ольговичей: окончательное пораженіе дяди Святослава, окончательное торжество Давидовичей отнимало у него навсегда надежду княжить въ Черниговѣ, на что онъ имѣлъ со временемъ полное право, какъ сынъ старшаго изъ Оль-

говичей. Вотъ почему онъ долженъ былъ поддерживать дядю, и точно вмѣсто преслѣдованія увѣдомлялъ его о движеніяхъ непріятельскихъ [246]. Не смотря на отступленіе Ивана Берладника, который, взявши у Святослава 200 гривенъ серебра и 12 золота, перешелъ къ Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, дѣла Ольговича поправились, потому что Юрій Ростовскій прислалъ ему на помощь Бѣлозерскую дружину. Святославъ уже хотѣлъ идти съ нею на Давидовичей, какъ вдругъ опасно занемогъ сынъ Юрьевъ, Иванъ; Ольговичь не поѣхалъ отъ больнаго, и дружины не отпустилъ. Давидовичи, съ своей стороны, услыхавъ, что Святославъ получилъ помощь отъ Юрія, не посмѣли идти на него, но созвавши лучшихъ Вятичей, сказали имъ: «Святославъ такой же врагъ и вамъ, какъ намъ: старайтесь убить его какъ нибудь обманомъ и дружину его перебить, а имѣнье его вамъ»,— послѣ чего сами пошли назадъ. Двое сыновей Юрьевыхъ—Ростиславъ и Андрей дѣйствовали успѣшно съ другой стороны: заставили Рязанскаго князя Ростислава бѣжать къ Половцамъ: но въ это время умеръ братъ ихъ Иванъ у Святослава, который послѣ того перешелъ на устье рѣки Протвы. Сюда прислалъ утѣшать его Юрій: «Не тужи о моемъ сынѣ, велѣлъ онъ сказать ему; если этого Богъ взялъ, то другаго къ тебѣ пришлю»; тогда же прислалъ онъ и богатые дары Святославу—ткани и мѣха, дарилъ и жену его и дружину. (1146 г.)

Весною Юрій съ союзникомъ своимъ началъ наступательное движеніе: самъ вошелъ въ область Новгородскую, взялъ Торжокъ и землю по Мстѣ; а Святославъ пошелъ на Смоленскую волость, взялъ Голядей, на верховьяхъ Протвы, и обогатилъ дружину свою полономъ, послѣ чего получилъ зовъ отъ Юрія пріѣхать къ нему въ Москву, имя которой здѣсь впервые упомянуто. Святополкъ поѣхалъ къ нему съ сыномъ Олегомъ, княземъ Владиміромъ Рязанскимъ и съ небольшою дружиною; Олегъ поѣхалъ напередъ и подарилъ Юрію барса (вѣроятно кожу этого звѣря). Дружески поздоровались Юрій съ Ольговичемъ, и начали пировать; на другой день Юрій сдѣлалъ большой обѣдъ для гостей, богато одарилъ Святослава, сына его, Владиміра Рязанскаго и всю дружину. Но одними дарами дѣло не ограничилось: Юрій обѣщалъ Святославу прислать сына на помощь, и обѣщаніе было исполнено. Получивши также наемное войско отъ По-

ловцевъ, Святославъ началъ съ успѣхомъ наступательныя движенія: послалъ Половцевъ воевать Смоленскую волость, и они опустошили земли у верховьевъ Угры; тогда посадники Давидовичей бросились бѣжать изъ городовъ Вятичскихъ, и Святославъ занялъ послѣдніе; а между тѣмъ изъ степей пришли къ нему новыя толпы Половцевъ, да съ Сѣвера Глѣбъ, сынъ Юрія Ростовскаго. Изяславъ Давидовичь не смѣлъ долѣе оставаться въ Новгородѣ Сѣверскомъ, ушелъ къ брату Владиміру въ Черниговъ, и Давидовичи вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ отправили къ Ольговичу пословъ, которые должны были сказать ему: «Не жалуйся на насъ, будемъ всѣ за одно, позабудь нашу злобу; цѣлуй къ намъ крестъ, и возьми свою отчину, а что̀ мы взяли твоего, то все отдадимъ назадъ». Изъ этого видно, что Святославъ Всеволодовичъ уже успѣлъ снестись съ Давидовичами; безъ сомнѣнія онъ былъ здѣсь главнымъ дѣйствователемъ, тѣмъ болѣе, что прежнее усердіе его къ дядѣ Ольговичу давало ему возможность быть посредникомъ. Какъ видно, уже тогда между Давидовичами и Всеволодовичемъ положено было заманить Изяслава Мстиславича на восточный берегъ Днѣпра, потому что, прося мира и союза у Ольговича, Давидовичи въ то же время послали сказать Изяславу: «Братъ! Святославъ Ольговичь занялъ нашу волость Вятичи: пойдемъ на него; когда его прогонимъ, то пойдемъ на Юрія въ Суздаль, и либо помиримся тамъ съ нимъ, либо будемъ биться». Изяславъ согласился; но Всеволодовичу нужно было прежде него быть на восточномъ берегу Днѣпра, чтобъ окончательно устроить свое дѣло; для этого онъ пріѣхалъ къ Изяславу и сталъ проситься у него въ Черниговъ: «Батюшка, говорилъ онъ, отпусти меня въ Черниговъ, тамъ у меня вся жизнь; хочу просить волости у братьевъ, у Изяслава и Владиміра». — «И прекрасно ты это придумалъ, отвѣчалъ ему Изяславъ: ступай скорѣе». Всеволодовичь поѣхалъ, и дѣло было окончательно улажено: уговорились перезвать Изяслава Кіевскаго на ту сторону Днѣпра и схватить его обманомъ, послѣ чего, видя медленность Кіевскаго князя, Давидовичи послали торопить его: «Земля наша погибаетъ, а ты нейдешь», велѣли сказать ему. Изяславъ созвалъ бояръ своихъ, всю дружину и Кіевлянъ, и сказалъ имъ: «Я уговорился съ братьями своими Давидовичами и Святославомъ Всеволодови-

чемъ: хотимъ пойти на дядю Юрія и на Святослава Ольговича къ Суздалю, за то, что дядя принялъ врага моего Святослава. Братъ Ростиславъ придетъ также къ намъ съ Смолнянами и Новгородцами». Кіевляне отвѣчали на это: «Князь! не ходи съ Ростиславомъ на дядю своего, лучше уладься съ нимъ; Ольговичамъ [246] не вѣрь и въ путь съ ними вмѣстѣ не ходи». Изяславъ отвѣчалъ: «Не льзя: они мнѣ крестъ цѣловали, я съ ними вмѣстѣ думу думалъ, не могу никакъ отложить похода; собирайтесь». Тогда Кіевляне сказали: «Ну, князь, ты на насъ не сердись, а мы не можемъ на Владимірово племя рукъ поднять; вотъ еслибъ на Ольговичей, то пошли бы и съ дѣтьми». Изяславъ отвѣчалъ на это: «Тотъ будетъ добрый человѣкъ, кто за мною пойдетъ»; набралось много такихъ добрыхъ людей, и онъ выступилъ съ ними въ походъ, оставивъ въ Кіевѣ брата Владиміра. Переправившись за Днѣпръ и ставши между Черниговскою и Переяславскою волостію, Изяславъ послалъ въ Черниговъ боярина своего Улѣба разузнать, что тамъ дѣлается. Улѣбъ скоро возвратился съ вѣстію, что Давидовичи и Всеволодовичъ оступили отъ него и соединились съ Ольговичемъ; тогда же Черниговскіе пріятели Изяслава прислали сказать ему: «Князь! не двигайся никуда съ мѣста: ведутъ тебя обманомъ, хотятъ убить, либо схватить вмѣсто Игоря; цѣловали крестъ Ольговичу, послали и къ Юрію съ крестомъ: задумали и съ нимъ на тебя».

Изяславъ возвратился, и отправилъ пословъ въ Черниговъ сказать Давидовичамъ: «Мы замыслили путь великій, и утвердились крестнымъ цѣлованіемъ, по обычаю дѣдовъ и отцевъ нашихъ; утвердимся еще, чтобъ въ походѣ послѣ не было никакой ссоры, никакого препятствія». Тѣ отвѣчали: «Что это намъ безъ нужды еще крестъ цѣловать? вѣдь мы уже поклялись Изяславу; въ чемъ же провинились?» Посолъ сказалъ на это: «Какой же тутъ грѣхъ еще крестъ поцѣловать по любви? то намъ на спасеніе». Но Давидовичи никакъ не соглашались; Изяславъ, отпуская посла, наказалъ ему, что если Черниговскіе не станутъ въ другой разъ крестъ цѣловать, то скажи имъ все, что мы слышали; и вотъ посолъ объявилъ Давидовичамъ отъ имени своего князя: «Дошелъ до меня слухъ, что ведете меня обманомъ: поклялись Святославу Ольговичу схватить меня на дорогѣ, либо убить за Игоря; такъ, братья, было дѣло, или не такъ?» Давидовичи не

нали ничего отвѣчать на это; только молча переглядывались другъ съ другомъ; наконецъ Владиміръ сказалъ послу: «выйди вонъ, посиди; мы тебя опять позовемъ». Долго они думали вмѣстѣ, потомъ позвали посла и велѣли ему передать Изяславу: «Братъ! точно мы цѣловали крестъ Святославу Ольговичу; жаль намъ стало брата нашего Игоря; онъ уже чернецъ и схимникъ, выпусти его, тогда будемъ подлѣ тебя ѣздить; развѣ тебѣ было бы любо, еслибъ мы брата твоего держали?» Въ отвѣтъ на это Изяславъ послалъ бросить имъ договорныя грамоты, при чемъ велѣлъ сказать: «Вы клялись быть со мною до самой смерти, и я отдалъ вамъ волости обоихъ Ольговичей; прогналъ съ вами Святослава, волость его вамъ добылъ, далъ вамъ Новгородъ и Путивль, имѣнье его мы взяли и раздѣлили на части, Игорево я взялъ себѣ; а теперь, братья, вы клятву свою нарушили, привели меня сюда обманомъ, хотѣли убить; да будетъ со мною Богъ и сила животворящаго креста, стану управляться какъ мнѣ Богъ дастъ». Тогда же Изяславъ послалъ сказать брату своему Ростиславу въ Смоленскъ: «Братъ! Давидовичи крестъ намъ цѣловали и думу думали идти вмѣстѣ на дядю нашего; но все обманывали, хотѣли убить меня; Богъ и сила крестная объявили ихъ умыселъ; а теперь уже, братъ, гдѣ было мы думали идти на дядю, то уже не ходи, ступай сюда ко мнѣ; а тамъ наряди Новгородцевъ и Смолянъ, пусть сдерживаютъ Юрія, и къ присяжникамъ своимъ пошли, въ Рязань и всюду». Распорядясь на счетъ брата Ростислава, Изяславъ послалъ въ Кіевъ къ другому брату Владиміру, къ митрополиту Климу и къ Лазарю тысяцкому, чтобъ они созвали Кіевлянъ на дворъ къ св. Софіи, и пусть тамъ посолъ его скажетъ народу княжеское слово и объявитъ обманъ Черниговскихъ. Кіевляне сошлись всѣ отъ мала до велика, и когда стали на вѣчѣ, то посолъ Изяславовъ началъ говорить имъ: «Князь вашъ вамъ кланяется и велѣлъ вамъ сказать: я вамъ прежде объявлялъ, что задумалъ съ братомъ Ростиславомъ и Давидовичами идти на дядю Юрія, и звалъ васъ съ собою въ походъ; но вы мнѣ тогда сказали, что не можете на Владимірово племя рукъ поднять, на Юрія, а на Ольговичей однихъ пошли бы и съ дѣтьми; такъ теперь вамъ объявляю: Давидовичи и Всеволодичь Святославъ, которому я много добра сдѣлалъ, цѣловали тайкомъ отъ меня крестъ Святославу Ольговичу, послали

и къ Юрію, а меня хотѣли или схватить, или убить за Игоря; но Богъ меня заступилъ и крестъ честной, что ко мнѣ цѣловали. Такъ теперь, братья Кіевляне, чего сами хотѣли, что мнѣ обѣщали, то и сдѣлайте: ступайте ко мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, сбирайтесь всѣ отъ мала до велика: у кого есть конь, тотъ на конѣ, у кого нѣтъ, тотъ въ лодьѣ. Вѣдь они не меня одного хотѣли убить, но и васъ всѣхъ искоренить». Кіевляне отвѣчали на это: «Ради, что Богъ сохранилъ тебя намъ отъ большой бѣды[213]; идемъ за тобой и съ дѣтьми». Но въ это самое время кто-то изъ толпы сказалъ: «По князѣ-то мы своемъ пойдемъ съ радостію; но прежде надобно вотъ о чемъ промыслить: какъ прежде при Изяславѣ Ярославичѣ злые люди выпустили изъ заточенія Всеслава, и поставили княземъ себѣ, и за то много зла было нашему городу; а теперь Игорь, врагъ нашего князя и нашъ не въ заточеніи, а въ Ѳедоровскомъ монастырѣ; убьемъ его и пойдемъ къ Чернигову за своимъ княземъ; покончимъ съ ними». Народъ, услыхавши это, бросился къ Ѳедоровскому монастырю. Напрасно говорилъ имъ князь Владиміръ: «братъ мой не велѣлъ вамъ этого дѣлать, Игоря стерегутъ крѣпко; пойдемъ лучше къ брату, какъ онъ намъ велѣлъ». Кіевляне отвѣчали ему: «Мы знаемъ, что добромъ не кончить съ этимъ племенемъ, ни вамъ, ни намъ». Митрополитъ также ихъ удерживалъ, и Лазарь тысяцкій, и Рагуйло, Владиміровъ тысяцкій; но они никого не послушали, и съ воплемъ кинулись на убійство. Тогда князь Владиміръ сѣлъ на коня и погналъ къ Ѳедоровскому монастырю; на мосту не могъ онъ проѣхать за толпами народа, и поворотилъ направо мимо Глѣбова двора; но этотъ крюкъ заставилъ его потерять время; Кіевляне пришли прежде его въ монастырь, бросились въ церковь, гдѣ Игорь стоялъ у обѣдни и потащили его съ криками: «побейте! побейте!» Въ монастырскихъ воротахъ встрѣтился имъ Владиміръ; Игорь, увидавъ его, спросилъ: «Охъ, братъ! куда это меня ведутъ?» Владиміръ бросился съ лошади, и одѣлъ Игоря своимъ корзномъ, уговаривая Кіевлянъ: «Братья мои! не дѣлайте этого зла, не убивайте Игоря!» Но толпа не слушала, и начали бить Ольговича; нѣсколько ударовъ пришлось и на долю Владиміра, который держался близко послѣдняго, защищая его. Владиміру однако, съ помощію боярина Михаила, удалось ввести Игоря въ дворъ своей матери, и затво-

рыть за собою ворота. Но толпа, избивши Михаила, оторвавши на немъ крестъ съ цѣпями, выломала ворота, и, увидавши Игоря на сѣняхъ, разбила сѣни, стащила съ нихъ Игоря и повергла его безъ чувствъ на землю; потомъ привязали ему веревку къ ногамъ и потащили съ Мстиславова двора, чрезъ Бабинъ торжокъ на княжъ дворъ, и тамъ его прикончали; отсюда, положивши на дровни, повезли на Подолъ и бросили на торгу. Владиміръ, услыхавъ, что тѣло Игоря лежитъ на торгу, послалъ туда двоихъ тысяцкихъ, Лазаря и Рагуйла; тѣ пріѣхали и сказали Кіевлянамъ: «Вы уже убили Игоря, такъ похоронимъ тѣло его». Кіевляне отвѣчали: «Не мы его убили; убили его Давидовичи и Всеволодичь, которые замыслили зло на нашего князя, хотѣли убить его обманомъ; но Богъ за нашего князя и св. Софія». Тогда Лазарь велѣлъ взять Игоря и положить въ Михайловской церкви, въ Новгородской божницѣ; а на другой день похоронили его въ Семеновскомъ монастырѣ.

Изяславъ стоялъ на верховьяхъ Супоя, на границахъ Черниговскаго княжества, когда пришла къ нему вѣсть объ убійствѣ Игоря; онъ заплакалъ и сказалъ дружинѣ: «Если бы я зналъ, что это случится, то отослалъ бы его подальше, и сберегъ бы его; теперь мнѣ неуйти отъ людскихъ рѣчей: станутъ говорить, что я велѣлъ убить его; но Богъ свидѣтель, что я не приказывалъ и не научалъ; Богъ разсудитъ дѣло». Дружина отвѣчала: «Нечего тебѣ заботиться о людскихъ рѣчахъ; Богъ знаетъ, да и всѣ люди знаютъ, что не ты его убилъ, а братья его; крестъ къ тебѣ цѣловали и потомъ нарушили клятву, хотѣли убить тебя». Изяславъ сказалъ на это: «Если уже такъ случилось, то дѣлать нечего: всѣмъ намъ тамъ быть и судиться предъ Богомъ»; но все не переставалъ жаловаться на Кіевлянъ. — Между тѣмъ война продолжалась. Изяславъ, какъ видно, прежде всего поспѣшилъ овладѣть Курскомъ и городами по Сейму, чтобъ прервать связь Черниговскихъ съ Половцами: въ Курскѣ уже сидѣлъ сынъ его Мстиславъ, когда къ этому городу пришелъ Святославъ Ольговичь съ Глѣбомъ Юрьичемъ. Мстиславъ объявилъ жителямъ Курска, что непріятель близко; тѣ отвѣчали точно также, какъ прежде Кіевляне отвѣчали отцу его: «ради биться и съ дѣтьми за тебя противъ Ольговичей, но на племя Владимірово, на Юрьевича не можемъ поднять рукъ». Услыхавъ

такой отвѣтъ, Мстиславъ уѣхалъ къ отцу, а жители Курска послали къ Глѣбу Юрьевичу и взяли у него себѣ посадника; какъ видно, Ольговичь уступилъ и Глѣбу ту самую волость, т. е. Курскъ съ Посемьемъ, которую прежде отдалъ брату его Ивану; вотъ почему Глѣбъ посадилъ своихъ посадниковъ также по рѣкамъ Сейму и Вырю, гдѣ заключилъ союзъ со многими Половецкими ордами. Впрочемъ нѣкоторые города по Вырю остались вѣрны Изяславу, не смотря на угрозы Черниговскихъ, что они отдадутъ ихъ въ плѣнъ Половцамъ; одинъ изъ этихъ городовъ Вьяхань съ успѣхомъ выдержалъ осаду; другой — Попашь былъ взятъ. Услыхавъ о движеніи Черниговскихъ и Юрьевича, Изяславъ собралъ большое войско, полки дяди Вячеслава и Волынскіе, и пошелъ къ Переяславлю, гдѣ пришла къ нему вѣсть отъ брата Ростислава, что тотъ уже на походѣ: «Подожди меня, велѣлъ сказать ему Ростиславъ: я Любечь пожегъ, много воевалъ и зла Ольговичамъ много надѣлалъ; сойдемся вмѣстѣ, и посмотримъ, что намъ дальше дѣлать». Получивъ эту вѣсть, Изяславъ пошелъ потихоньку, поджидая брата, и сталъ на урочищѣ Черная Могила, куда пришелъ къ нему Ростиславъ съ полками Смоленскими. Оба брата стали думать съ дружиною и Черными Клобуками, куда бы имъ пойти теперь. Ростиславъ говорилъ: «Теперь Богъ насъ соединилъ въ одномъ мѣстѣ, а тебя избавилъ отъ великой бѣды: такъ медлить намъ нечего, пойдемъ прямо къ нимъ, гдѣ будетъ ближе, и какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ». Мнѣніе было принято, и князья пошли на Сулу. Когда въ станѣ Черниговскихъ князей узнали, что Изяславъ идетъ на нихъ, то большая часть Половцевъ покинула ночью станъ и ушла въ степь; оставленные Давидовичи и Ольговичи пошли къ Чернигову; Изяславъ хотѣлъ пересѣчь имъ дорогу у города Всеволожа [248], но уже не засталъ здѣсь Черниговскихъ: они прошли Всеволожъ. Мстиславичи не пошли за ними дальше, но взяли на щитъ (разграбили) Всеволожъ, въ которомъ находились тогда жители изъ двухъ другихъ городовъ, какъ видно менѣе укрѣпленныхъ: мы уже видѣли этотъ обычай на украйнѣ, по которому вдругъ города пустѣли при вѣсти о приближеніи непріятеля. Когда въ другихъ городахъ узнали, что Всеволожъ взятъ, то и они вдругъ опустѣли: жители ихъ бросились бѣжать къ Чернигову [249]; Мсти-

славичи послали за ними въ погоню и нѣкоторыхъ перехватали, а другіе ушли; пустые города Изяславъ велѣлъ зажечь. Только жители города Глѣбля не успѣли убѣжать, и счастливо отбились отъ Мстиславичей, которые пошли оттуда въ Кіевъ, сказавши дружинѣ своей—Кіевлянамъ и Смолнянамъ: «Собирайтесь всѣ; когда рѣки установятся, тогда пойдемъ къ Чернигову, и какъ насъ съ ними Богъ управитъ». Поживши весело нѣкоторое время въ Кіевѣ, Мстиславичи рѣшили разлучиться; Изяславъ говорилъ Ростиславу: «Братъ! тебѣ Богъ далъ верхнюю землю: ты тамъ и отупай противъ Юрія; тамъ у тебя Смолняне, Новгородцы и другіе присяжники, удерживай съ ними дядю; а я здѣсь останусь, и буду управляться съ Ольговичами и Давидовичами». Ростиславъ отправился въ Смоленскъ.

Когда рѣки стали, то Черниговскіе начали наступательное движеніе: они послали дружину свою съ Половцами, и повоевали мѣста на правомъ берегу Днѣпра [250]; а союзникъ ихъ Глѣбъ Юрьевичь занялъ Городецъ Остерскій, принадлежавшій прежде отцу его [251]. Изяславъ послалъ звать его къ себѣ въ Кіевъ, и Глѣбъ сначала было обѣщался пріѣхать, но потомъ раздумалъ, потому что вошелъ въ сношенія съ Переяславцами, часть которыхъ была почемуто недовольна Изяславомъ или сыномъ его Мстиславомъ, княжившимъ у нихъ, и звала Глѣба, обѣщаясь предать ему городъ. Глѣбъ немедленно пошелъ на ихъ зовъ; на разсвѣтѣ, когда Мстиславъ съ дружиною еще спалъ, пригнали къ нему сторожа и закричали: «Вставай, князь! Глѣбъ пришелъ на тебя»! Мстиславъ вскочилъ, собралъ дружину и выступилъ изъ города противъ Юрьича; оба, увидавъ другъ друга, не рѣшились вступить въ битву; Глѣбъ стоялъ до утра другаго дня, и возвратился; Мстиславъ же, соединясь съ остальною дружиною и Переяславцами, погнался за нимъ, настигъ, захватилъ часть его войска; но самому Глѣбу удалось уйти въ Городецъ. Изяславъ, услыхавъ объ этихъ попыткахъ противъ Переяславля, собралъ дружину, Берендѣевъ, и пошелъ къ Городцу; Юрьичь послалъ объявить объ этомъ въ Черниговъ: «Идетъ на меня Изяславъ, помогите мнѣ»! велѣлъ онъ сказать тамошнимъ князьямъ; а между тѣмъ Изяславъ пришелъ и осадилъ Городецъ; не видя ни откуда помощи, Юрьичь черезъ три дня поклонился Изяславу, и помирился съ нимъ: какъ видно, тотъ оставилъ за нимъ отцов-

скій городъ. Но Глѣбъ не былъ за это ему благодаренъ: какъ скоро Изяславъ возвратился въ Кіевъ, онъ опять послалъ сказать Черниговскимъ: «Я по неволѣ цѣловалъ крестъ Изяславу: онъ обступилъ меня въ городѣ, а отъ васъ не было помощи; но теперь опять хочу быть вмѣстѣ съ вами [252]». Въ 1148 году Изяславъ наконецъ собралъ всю свою силу, взялъ полкъ у дяди Вячеслава и полкъ Владимирскій, призвалъ отрядъ Венгровъ на помощь, соединился съ Берендѣями, перешелъ Днѣпръ и сталъ въ осьми верстахъ отъ Чернигова [253]. Три дня стоялъ онъ подъ городомъ, дожидаясь, не выйдутъ ли Ольговичи и Давыдовичи на битву, но никто не выходилъ; а онъ между тѣмъ пожегъ всѣ ихъ села [254]. Наскучивъ дожидаться, Изяславъ сталъ говорить дружинѣ: «Вотъ мы села ихъ пожгли всѣ, имѣнье взяли, а они къ намъ не выходятъ; пойдемъ лучше къ Любечу, гдѣ у нихъ вся жизнь». Когда Изяславъ подошелъ къ Любечу, то Давидовичи и Ольговичи съ Рязанскими князьями и Половцами явились также сюда и оба войска стали другъ противъ друга по берегамъ рѣки; Изяславъ выстроилъ войско и пошелъ было противъ Черниговскихъ, но рѣка помѣшала; только стрѣльцамъ съ обѣихъ сторонъ можно было стрѣляться черезъ нее. Ночью пошелъ сильный дождь, и Днѣпръ началъ вздуваться. Тогда Изяславъ началъ говорить дружинѣ и Венграмъ: «здѣсь эта рѣка мѣшаетъ биться, а тамъ Днѣпръ разливается: пойдемъ лучше за Днѣпръ». Только что успѣли перейти Днѣпръ, какъ на другой день ледъ тронулся; Изяславъ дошелъ благополучно до Кіева, но Венгры обломились на озерѣ и нѣсколько ихъ потонуло.

Не смотря однако на то, что походъ Изяслава, предпринятый съ такими большими сборами, кончился, повидимому, ничѣмъ, Черниговскіе не могли долго вести борьбы: опустошая села ихъ, Изяславъ дѣйствительно отнималъ у нихъ всю жизнь, по тогдашнему выраженію; нечѣмъ было содержать дружину, нечѣмъ было платить Половцамъ; жители городовъ не охотно помогали князьямъ въ ихъ усобицахъ; Юрій ограничился только присылкою сына, самъ не думалъ идти на югъ, а безъ него силы Черниговскихъ вовсе не были въ уровень съ силами Мстиславичей. Въ такихъ обстоятельствахъ они послали сказать Юрію: «Ты крестъ цѣловалъ, что пойдешь съ нами на Изясла-

ва, и не пошелъ; а Изяславъ пришелъ, за Десною города наши пожегъ и землю повоевалъ; потомъ въ другой разъ пришелъ къ Чернигову, и села наши пожегъ до самаго Любеча, и всю жизнь нашу повоевалъ; а ты ни къ намъ не пошелъ, ни на Ростислава не наступилъ; теперь, если хочешь идти на Изяслава, такъ ступай, и мы съ тобою; если же не пойдешь, то мы будемъ правы въ крестномъ цѣлованіи: нельзя намъ однимъ гибнуть отъ рати». Не получивъ отъ Юрія благопріятнаго отвѣта, они обратились къ Изяславу Мстиславичу съ мирными предложеніями, послали сказать ему: «То бывало и прежде при дѣдахъ и при отцахъ нашихъ; миръ стоитъ до рати, а рать до мира; не жалуйся на насъ, что мы первые встали на рать: жаль было намъ брата нашего Игоря; мы того только и хотѣли, чтобъ ты выпустилъ его; а такъ какъ теперь онъ убитъ, пошелъ къ Богу, гдѣ и всѣмъ намъ быть, то Богъ всѣхъ насъ и разсудитъ; а здѣсь намъ до какихъ поръ губить Русскую землю? чтобъ намъ уладиться»? Изяславъ отвѣчалъ имъ: «Братья! доброе дѣло Христіанъ блюсти; но вы всѣ вмѣстѣ совѣтовались, такъ и я пошлю къ брату Ростиславу, подумаемъ, и тогда пришлемъ отвѣтъ». — Немедленно отправилъ Изяславъ пословъ къ брату съ такими словами: «Присылали ко мнѣ братья — Давидовичи, Святославъ Ольговичь и Святославъ Всеволодовичь: мира просятъ; а я съ тобою хочу посовѣтоваться, какъ намъ обоимъ будетъ годно; хочешь мира? хотя они и зло намъ сдѣлали, но теперь мира просятъ у насъ; но если хочешь войны—скажи, какъ хочешь, я на тебя во всемъ полагаюсь». Уже изъ этихъ словъ Ростиславъ могъ понять, что самъ старшій братъ хочетъ мира и потому велѣлъ отвѣчать ему: «Братъ! кланяюсь тебѣ; ты меня старше, ты какъ хочешь, такъ и дѣлай, а я всюду готовъ съ тобою; но если ты уже мнѣ дѣлаешь такую честь, спрашиваешь моего совѣта, то я бы такъ думалъ: ради Русскихъ земель и ради Христіанъ — миръ лучше; они встали на рать, но что взяли? а теперь, братъ, ради Христіанъ и всей Русской земли помирись, если только обѣщаютъ, что за Игоря всякую вражду отложатъ, и впередъ не задумаютъ сдѣлать съ тобою того, что хотѣли прежде сдѣлать; если же не перестанутъ злобиться за Игоря, то лучше съ ними воевать, какъ Богъ управитъ». Получивъ этотъ отвѣтъ, Изяславъ послалъ къ Черни-

говскимъ епископа Бѣлгородскаго Θеодора и Печерскаго игумена Θеодосія съ боярами сказать имъ: «Вы мнѣ крестъ цѣловали, что вамъ брата Игоря не искать, но клятву свою нарушили, и много надѣлали мнѣ досадъ; но теперь я все это забываю для Русской земли и Христіанъ; если вы сами ко мнѣ прислали просить мира, и раскаеваетесь въ томъ, что хотѣли сдѣлать, то цѣлуйте крестъ, что отложите всякую вражду за Игоря, и не задумаете впередъ того, что прежде хотѣли сдѣлать со мною». Черниговскіе поклялись отложить вражду за Игоря, блюсти Русскую землю, быть всѣмъ за одинъ братъ; Курскъ съ Посемьемъ остались за Владиміромъ Давидовичемъ.

Въ это время явился къ Изяславу старшій изъ сыновей Юрія, Ростиславъ, котораго мы видѣли въ Новгородѣ; Ростиславъ объявилъ, что онъ разсорился съ отцемъ, который не хотѣлъ дать ему волости въ Суздальской землѣ, и потому онъ пришелъ къ Изяславу съ поклономъ: «Отецъ меня обидѣлъ, говорилъ Юрьевичь Кіевскому князю, волости мнѣ не далъ: и вотъ я пришелъ сюда, поручивши себя Богу да тебѣ; потому что ты старше всѣхъ насъ между внуками Владиміра; хочу трудиться за Русскую землю и подлѣ тебя ѣздить». Изяславъ отвѣчалъ ему: «всѣхъ насъ старше отецъ твой [255], но онъ не умѣетъ съ нами жить; а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою всю и весь родъ свой имѣть въ правду, какъ душу свою; если отецъ тебѣ волости не далъ, такъ я тебѣ даю». И далъ ему тѣ пять городовъ, которые прежде держалъ Святославъ Всеволодичь; кромѣ того Ростиславъ получилъ Городецъ Остерскій, гдѣ Изяславъ не хотѣлъ видѣть брата его Глѣба, которому послалъ сказать: «Ступай къ Ольговичамъ; ты къ нимъ пришелъ, такъ пусть тебѣ и дадутъ волость [256]». У этого Городца Остерскаго съѣхался осенью Изяславъ Мстиславичь съ Давидовичами; Ростиславъ Юрьевичь пріѣхалъ вмѣстѣ съ Кіевскимъ княземъ; Ольговичи — ни дядя, ни племянникъ не пріѣхали. Изяславъ сказалъ Давидовичамъ: «вотъ братъ Святославъ и племянникъ не пріѣхали, а вы всѣ клялись мнѣ, что кто будетъ до меня золъ, на того вамъ быть вмѣстѣ со мною; дядя мой Юрій изъ Ростова обижаетъ мой Новгородъ, дани у Новгородцевъ поотнималъ, по дорогамъ проѣзду имъ нѣтъ; хочу пойти и управиться съ нимъ либо миромъ, либо ратью; а вы крестъ цѣловали, что будете вмѣстѣ со мною».

Владиміръ Давидовичь отвѣчалъ: «Это ничего, что братъ Святославъ и племянникъ твой не пріѣхали, все равно, мы здѣсь [287]; а мы всѣ клялись, что гдѣ твои будутъ обиды, такъ намъ быть съ тобою». Князья уладились, что какъ скоро ледъ станетъ на рѣкахъ, идти на Юрія къ Ростову: Изяславъ пойдетъ изъ Смоленска, а Давидовичи и Ольговичь изъ земли Вятичей, и всѣмъ сойтись на Волгѣ. Послѣ ряду князья весело пообѣдали вмѣстѣ и разъѣхались. Возвратясь въ Кіевъ, Изяславъ сказалъ Ростиславу Юрьичу: «Ступай въ Бужскъ и побудь тамъ, постереги Русскую землю, пока я схожу на отца твоего, и помирюсь съ нимъ или какъ-нибудь иначе съ нимъ управлюсь».

Въ Кіевѣ оставилъ Изяславъ брата Владиміра, въ Переяславлѣ сына Мстислава, и пошелъ въ Смоленскъ къ брату Ростиславу, куда велѣлъ полкамъ идти за собою. Въ Смоленскѣ Мстиславичи провели вмѣстѣ время весело, пируя съ дружиною и Смолнянами, дарили другъ друга богатыми дарами: Изяславъ дарилъ Ростислава товарами, которые идутъ изъ Русской земли и изъ всѣхъ царскихъ (греческихъ) земель, а Ростиславъ Изяслава товарами, которые шли изъ верхнихъ (сѣверныхъ) земель и отъ Варяговъ. Готовясь къ войнѣ, братья пытались однако кончить дѣло мирными переговорами, и отправили посла къ дядѣ Юрію; но тотъ, вмѣсто отвѣта, задержалъ посла. Тогда, приказавши брату Ростиславу идти съ полками по Волгѣ и дожидаться при устьѣ Медвѣдицы, Изяславъ пошелъ съ небольшою дружиною въ Новгородъ. Новгородцы услыхавъ, что Изяславъ идетъ къ нимъ, сильно обрадовались, и вышли къ нему на встрѣчу, одни за день, другіе за три дня пути отъ города. Въ это время княжилъ въ Новгородѣ уже не братъ Изяславовъ Святополкъ, но сынъ Ярославъ: Изяславъ велѣлъ имъ помѣняться волостями, вывелъ Святополка во Владимиръ Волынскій изъ Новгорода «злобы его ради», какъ говоритъ Новгородскій лѣтописецъ. Въ воскресенье въѣхалъ Изяславъ въ Новгородъ съ великою честію; встрѣченъ былъ сыномъ Ярославомъ и боярами, и поѣхалъ съ ними къ св. Софіи къ обѣдни; послѣ обѣдни, князья послали подвойскихъ и биричей кликать кличь по улицамъ, звать къ князю на обѣдъ всѣхъ отъ мала до велика: обѣдали весело, и съ честью разошлись по домамъ. На другой день въ понедѣльникъ послалъ Изяславъ на Ярославовъ дворъ,

велѣлъ звонить къ вѣчу, и когда сошлись Новгородцы и Псковичи на вѣче, то онъ сказалъ имъ: «Братья! сынъ мой и вы присылали ко мнѣ жаловаться, что дядя мой Юрій обижаетъ васъ; и вотъ я, оставя Русскую землю, пришелъ сюда на него, для васъ, ради вашихъ обидъ; думайте, гадайте, братья, какъ на него пойти, и какъ — мириться ли съ нимъ, или ратью покончить дѣло?» Народъ отвѣчалъ: «Ты нашъ князь, ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ! рады съ тобою идти всюду мстить за свои обиды; пойдемъ всѣ; только одни духовные останутся Бога молить». И въ самомъ дѣлѣ Новгородцы собрали въ походъ всю свою волость, пошли Псковичи и Корѣла. Пришедши на устье Медвѣдицы, Изяславъ ждалъ брата Ростислава четыре дни; потомъ, когда Ростиславъ пришелъ съ полками Русскими и Смоленскими, то всѣ вмѣстѣ пошли внизъ по Волгѣ, пришли къ городу Константинову на устьѣ большой Нерли, и, не получая вѣстей отъ Юрія, стали жечь его города и села, и воевать по обѣимъ сторонамъ Волги; оттуда пошли къ Угличу и потомъ на устье Мологи. Здѣсь получили они вѣсть, что Владиміръ Давидовичь и Святославъ Ольговичь стоятъ въ землѣ Вятичей, ожидая, что̀ будетъ между Юріемъ и Изяславомъ, и нейдутъ къ устью Медвѣдицы, какъ обѣщали; Изяславъ сказалъ при этомъ брату: «Пусть ихъ къ намъ нейдутъ; былъ бы съ нами Богъ», и отпустилъ Новгородцевъ и Русь воевать къ Ярославлю; когда тѣ возвратились съ большою добычею, то уже стало тепло, была Вербная недѣля, вода на Волгѣ и Мологѣ поднялась по брюхо лошади; оставаться долѣе было не льзя, и Мстиславичи пошли назадъ: Ростиславъ въ Смоленскъ, а Изяславъ въ Новгородъ, и оттуда въ Кіевъ; изъ дружины Русской одни пошли съ Ростиславомъ, а другіе куда кому угодно [258]: этотъ походъ стоилъ Ростовской землѣ 7000 жителей, уведенныхъ въ плѣнъ войсками Мстиславичей. (1149 г.)

Въ Кіевѣ ждали Изяслава непріятныя вѣсти: бояре донесли ему на Ростислава Юрьича, будто тотъ много зла замыслилъ, подговорилъ противъ него Берендѣевъ и Кіевлянъ; если бы Богъ помогъ его отцу, то онъ пріѣхалъ бы въ Кіевъ, взялъ Изяславовъ домъ и семью: «отпусти его къ отцу, говорили бояре князю: это твой врагъ, держишь его на свою голову». Изяславъ немедленно послалъ за Юрьевичемъ, и когда тотъ

пріѣхалъ, то пришли къ нему Изяславовы бояре и сказали отъ имени своего князя: «Братъ! ты пришелъ ко мнѣ отъ отца, потому что отецъ тебя обидѣлъ, волости тебѣ не далъ; я тебя принялъ какъ брата, и волости тебѣ далъ, чего и родной отецъ тебѣ не далъ, да еще велѣлъ Русскую землю стеречь; а ты, братъ, за это хотѣлъ, если бы отцу твоему Богъ помогъ, въѣхать въ Кіевъ, взять мой домъ и семью?» Ростиславъ велѣлъ отвѣчать ему: «Братъ и отецъ! Ни на умѣ, ни на сердцѣ у меня того не было; если же кто донесъ на меня тебѣ, князь ли который, то я готовъ съ нимъ перевѣдаться; мужъ ли который изъ христіанъ или поганыхъ, то ты старше меня, ты меня съ нимъ и суди». Изяславъ велѣлъ сказать ему на это: «Суда у меня ты не проси; я знаю, ты хочешь меня поссорить съ христіанами или съ погаными; ступайка къ отцу своему». Ростислава посадили въ барку только съ четырьмя отроками, и отправили вверхъ по Днѣпру; дружину его взяли, а имѣнье отняли. Ростиславъ, пришедши къ отцу въ Суздаль, ударилъ передъ нимъ челомъ, и сказалъ: «Я слышалъ, что хочетъ тебя вся Русская земля и Черные Клобуки; жалуются, что Изяславъ и ихъ обезчестилъ, ступай на него». Эти слова могутъ показывать, что доносъ на Ростислава былъ основателенъ, что Ростиславъ сносился съ недовольными, или, по крайней мѣрѣ, они сносились съ нимъ. Юрія сильно огорчилъ позоръ сыновній; онъ сказалъ: «Такъ ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ нѣтъ части въ Русской землѣ!» собралъ силу свою, наналъ Половцевъ и выступилъ въ походъ на племянника. Это рѣшеніе можно объяснить и не однимъ гнѣвомъ на позорное изгнаніе сына: мы видѣли, какъ медленно, нерѣшительно дѣйствовалъ до сихъ поръ Юрій, не смотря на то, что могъ надѣяться на успѣхъ, будучи въ союзѣ съ Черниговскими; теперь же могъ онъ спѣшить на югъ, въ полной увѣренности, что найдетъ тамъ болѣе сильныхъ союзниковъ, послѣ того какъ Ростиславъ обстоятельно увѣдомилъ его о неудовольствіи гражданъ и варварскаго пограничнаго народонаселенія на Изяслава, если даже предположимъ, что самъ Ростиславъ и не былъ главнымъ виновникомъ этого неудовольствія.

Какъ бы то ни было, Юрій былъ уже въ землѣ Вятичей, когда Владиміръ Давидовичь Черниговскій прислалъ сказать Изяславу: «дядя идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ». Изяславъ сталъ

собирать войско, и вмѣстѣ съ Давидовичами отправилъ пословъ въ Новгородъ Сѣверскій къ Святославу Ольговичу напомнить ему о договорѣ. Святославъ не далъ посламъ сначала никакого отвѣта, и задержалъ на цѣлую недѣлю, приставивъ сторожей къ ихъ шатрамъ, чтобъ никто не приходилъ къ нимъ; а самъ между тѣмъ послалъ спросить Юрія: «Въ правду ли ты идешь? скажи навѣрное, чтобъ мнѣ не погубить понапрасну своей волости». Юрій велѣлъ отвѣчать ему: «Какъ мнѣ нейти въ правду? племянникъ приходилъ на меня, волость мою повоевалъ и пожегъ, да еще сына моего выгналъ изъ Русской земли, волости ему не далъ, осрамилъ меня; либо стыдъ этотъ съ себя сложу, за землю свою отомщу и честь свою добуду, либо голову сложу». Получивъ отъ Юрія такой отвѣтъ, Святославъ не хотѣлъ прямо нарушить клятвы, данной прежде Изяславу, и чтобъ найти предлогъ, велѣлъ сказать ему чрезъ его же пословъ: «Возврати мнѣ братнино имѣніе, тогда буду съ тобою». Изяславъ немедленно отвѣчалъ ему: «Братъ! крестъ честный ты цѣловалъ ко мнѣ, что вражду всякую за Игоря и имѣнье его отложишь; а теперь, братъ, ты опять вспомнилъ объ этомъ, когда дядя идетъ на меня? либо соблюди клятву вполнѣ, будь со мною;—а не хочешь, такъ ты уже нарушилъ крестное цѣлованіе. Я безъ тебя и на Волгу ходилъ, да развѣ мнѣ худо было? Такъ и теперь былъ бы со мною Богъ, да крестная сила». Святославъ соединился съ Юріемъ; они послали и къ Давидовичамъ звать ихъ на Изяслава; но тѣ отвѣчали Юрію: «Ты клялся быть съ нами, а между тѣмъ Изяславъ пришелъ, землю нашу повоевалъ и города наши пожегъ; теперь мы цѣловали крестъ къ Изяславу: не можемъ душею играть».

Юрій, видя, что Давидовичи не хотятъ быть съ нимъ, пошелъ на старую Бѣлувѣжу, и стоялъ тамъ мѣсяцъ, дожидаясь Половцевъ и покоренія отъ Изяслава; но, не получивъ отъ послѣдняго никакой вѣсти, пошелъ къ рѣкѣ Супою. Сюда пріѣхалъ къ нему Святославъ Всеволодичь, по неволѣ, какъ говоритъ лѣтописецъ, не желая отступить отъ роднаго дяди, Святослава Ольговича; сюда же пришло къ Юрію и множество Половцевъ дикихъ. Тогда Изяславъ послалъ въ Смоленскъ сказать брату Ростиславу: «Мы съ тобой уговорились, что когда Юрій минуетъ Черниговъ, то тебѣ идти ко мнѣ; теперь Юрій Черниговъ уже миновалъ:

приходи, посмотримъ оба вмѣстѣ, что намъ Богъ дастъ». Ростиславъ двинулся съ полками къ брату; а Юрій подступилъ къ Переяславлю, все дожидаясь, что тутъ по крайней мѣрѣ Изяславъ пришлетъ къ нему съ поклономъ. Но тотъ не хотѣлъ кланяться дядѣ: «Если бъ онъ пришелъ только съ дѣтьми, говорилъ онъ, то взялъ бы любую волость; но когда привелъ на меня Половцевъ и враговъ моихъ Ольговичей, то хочу съ нимъ биться». Изъ этихъ словъ ясно видно, что Изяславъ придумывалъ только предлоги; предлоги были нужны, потому что Кіевляне не хотѣли сражаться съ сыномъ Мономаховымъ и теперь, какъ прежде: если бъ даже и не было на югѣ того неудовольствія на Изяслава, о которомъ объявлялъ отцу Ростиславъ Юрьевичь, то и тогда трудно было Кіевлянамъ поднять руки на Юрія, во-первыхъ, какъ на сына Мономахова, во-вторыхъ, какъ на дядю, старшаго, который по общему современному сознанію имѣлъ болѣе права, чѣмъ Изяславъ; притомъ же Кіевляне до сихъ поръ не имѣли сильныхъ причинъ враждовать противъ Юрія, и потому говорили Изяславу: «Мирись, князь, мы нейдемъ». Изяславъ все уговаривалъ ихъ: «Пойдемте со мною; ну хорошо ли мнѣ съ съ нимъ мириться, когда я не побѣжденъ, когда у меня есть сила [259]?» Кіевляне пошли наконецъ, но, разумѣется, не охотно, что не могло предвѣщать добра Изяславу, хотя силы его и были значительны: къ нему пришелъ Изяславъ Давидовичь на помощь, пришелъ и братъ Ростиславъ съ большимъ войскомъ. Изяславъ рѣшился перейти Днѣпръ и приблизиться къ Переяславлю, подъ которымъ и встрѣтился съ дядиными полками; передовые отряды — Черные Клобуки и молодая дружина Изяслава имѣли дѣло съ Половцами Юрія, и отогнали ихъ отъ города; когда же сошлись главные полки, то цѣлый день стояли другъ противъ друга; только стрѣльцы съ обѣихъ сторонъ бились между ними; а въ ночь Юрій прислалъ сказать племяннику: «Братъ [260]! ты на меня приходилъ, землю мою повоевалъ, и старшинство снялъ съ меня; а теперь, братъ и сынъ, ради Русской земли и христіанъ, не станемъ проливать христіанской крови, но дай мнѣ посадить въ Переяславлѣ сына своего, а ты сиди себѣ царствуя въ Кіевѣ; если же не хочешь такъ сдѣлать, то Богъ насъ разсудитъ». Изяславу не понравилось это предложеніе, онъ задержалъ посла, и вывелъ все войско свое изъ города на поле.

На другой день, когда онъ отслушалъ обѣдню въ Михайловской церкви и уже хотѣлъ выйти изъ нея, епископъ Евеимій со слезами стал упрашивать его: «князь! помирись съ дядею; много спасенія примешь отъ Бога, и землю свою избавишь отъ великой бѣды». Но Изяславъ не послушался; онъ надѣялся на множество войска, и отвѣчалъ епископу: «своею головою добылъ я и Кіевъ и Переяславль», и выѣхалъ изъ города. Опять до самыхъ вечеренъ стояли противные полки другъ противъ друга, раздѣленные рѣкою Трубежомъ; Изяславъ съ братьями, Ростиславомъ и Владиміромъ, и съ сыновьями, Мстиславомъ и Ярополкомъ, созвали бояръ и всю дружину, и начали думать, переправиться ли первымъ за Трубежъ и ударить на Юрія? Мнѣнія раздѣлились: одни говорили Изяславу: «князь! не переправляйся за рѣку; Юрій пришелъ отнимать твои земли, трудился, трудился, и до сихъ поръ ни въ чемъ не успѣлъ, и теперь уже оборотился назадъ, въ ночь непремѣнно уйдетъ; а ты, князь, не ѣзди за нимъ». Другіе говорили противное: «Ступай, князь! Богъ тебѣ отдаетъ врага въ руки, нельзя же упускать его». Къ несчастію Изяславъ прельстился послѣднимъ мнѣніемъ, выстроилъ войско и перешелъ рѣку. Въ полдень на другой день переметчикъ поскакалъ изъ войска Юрьева, оттуда погнались за ними; сторожа Изяславовы переполошились, закричали: «рать»! и Мстиславичи повели полки свои впередъ; Юрій съ Ольговичами, увидавъ это движеніе, также пошли къ нимъ на встрѣчу, и, пройдя валъ, остановились; остановились и Мстиславичи, и опять дѣло кончилось одною перестрѣлкою, потому что когда наступилъ вечеръ, то Юрій оборотилъ полки, и пошелъ назадъ въ свой станъ. Изяславъ опять началъ думать съ братьями и дружиною, и опять мнѣнія раздѣлились; одни говорили: «не ходи, князь! пусти ихъ въ станъ; теперь вѣрно, что битвы не будетъ»; но другіе говорили: «уже они бѣгутъ передъ тобою; ступай скорѣе за ними!» И на этотъ разъ Изяславъ принялъ послѣднее мнѣніе, и двинулся впередъ; тогда Юрій съ Ольговичами возвратились, и устроили войска: сыновей своихъ Юрій поставилъ по правую, Ольговичей по лѣвую сторону. На разсвѣтѣ 23-го августа полки сошлись, и началась злая сѣча: первые побѣжали Поршане (жители городовъ Пороссkихъ, къ которымъ должно относить и Черныхъ Клобуковъ), за ними Изяславъ Давидовичь, а за Давидовичемъ и Кіе-

вляне; Переяславцы измѣнили: мы видѣли, что они и прежде сносились съ сыномъ Юрьевымъ, теперь снеслись съ отцемъ, и во время битвы, не вступили въ дѣло, крича: «Юрій намъ князь свой, его было намъ искать издалека [261]». Видя измѣну и бѣгство, дружины Мстиславичей смялись: въ началѣ дѣла Изяславъ съ дружиною схватился съ Святославомъ Ольговичемъ и съ половиною полка Юріева, проѣхалъ сквозь нихъ, и, будучи уже за ними, увидалъ, что собственные полки его бѣгутъ; тутъ онъ побѣжалъ и самъ, переѣхалъ Днѣпръ у Канева, и самъ-третей явился въ Кіевъ. Измѣна Переяславцевъ и бѣгство Поршанъ всего лучше показываютъ справедливость извѣстія, принесеннаго отцу Ростиславомъ Юрьичемъ; да и кромѣ того несчастный исходъ битвы для Изяслава можно было предвидѣть: этотъ князь вступилъ въ борьбу за свои личныя права противъ всеобщаго нравственнаго убѣжденія; Кіевляне, уступая этимъ личнымъ правамъ, пошли за сыномъ Мстиславовымъ противъ Юрія, но пошли неохотно, съ видимымъ колебаніемъ, съ видимою внутреннею борьбою, а такое расположеніе не могло дать твердости и побѣды.

На другое утро Юрій вошелъ въ Переяславль, и пробывъ здѣсь три дня, отправился къ Кіеву, и сталъ противъ Михайловскаго монастыря, по лугу. Мстиславичи объявили Кіевлянамъ: «Дядя пришелъ: можете ли за насъ биться»? Тѣ отвѣчали: «Господа наши князья! не погубите насъ до конца: отцы наши и братья и сыновья, одни взяты въ плѣнъ, другіе избиты и оружіе съ нихъ снято, возьмутъ и насъ въ полонъ; поѣзжайте лучше въ свою волость; вы знаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться; гдѣ потомъ увидимъ ваши стяги, будемъ готовы съ вами». Услыхавъ такой отвѣтъ, Мстиславичи разъѣхались—Изяславъ во Владиміръ, Ростиславъ въ Смоленскъ; а дядя ихъ Юрій въѣхалъ въ Кіевъ: множество народа вышло къ нему на встрѣчу, съ радостью великою, и сѣлъ онъ на столѣ отца своего, хваля и славя Бога, какъ говоритъ лѣтописецъ. Прежде всего Юрій наградилъ своего союзника — Святослава Ольговича: онъ послалъ въ Черниговъ за Владиміромъ Давидовичемъ, и велѣлъ ему отдать Святославу Курскъ съ Посемьемъ, а у Изяслава Давидовича Ольговичь взялъ землю южныхъ Дреговичей. Потомъ Юрій началъ раздавать волости сыновьямъ своимъ: старшаго сына Рости-

слава посадилъ въ Переяславлѣ, Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлгородѣ, Глѣба въ Каневѣ, Василька въ Суздалѣ.

Между тѣмъ Изяславъ Мстиславичь, пріѣхавъ во Владиміръ, послалъ за помощью къ роднѣ [262] своей — королю Венгерскому, князьямъ Польскимъ и Чешскимъ, прося ихъ, чтобъ сѣли на коней сами и пошли къ Кіеву, а если самимъ нельзя, то чтобъ отпустили полки свои съ меньшею братіею или съ воеводами. Король Венгерскій, Гейза II-й сначала отказался, велѣлъ сказать Изяславу: «теперь у меня рать съ Императоромъ Греческимъ; когда буду свободенъ, то самъ пойду къ тебѣ на помощь, или полки свои отпущу». Польскіе князья велѣли отвѣчать: «Мы не далеко отъ тебя; одного брата оставимъ стеречь свою землю, а вдвоемъ къ тебѣ поѣдемъ»; Чешскій князь также отвѣчалъ, что готовъ самъ идти съ полками. Но Изяславу было мало однихъ обѣщаній; онъ опять отправилъ пословъ въ Венгрію, Польшу и Богемію, съ большими дарами; послы должны были говорить князьямъ: «Помоги вамъ Богъ за то, что взялись мнѣ помогать; садитесь, братья, на коней съ Рождества Христова». Тѣ обѣщались; и король Венгерскій послалъ десятитысячный вспомогательный отрядъ, велѣвъ сказать Изяславу: «отпускаю къ тебѣ полки свои, а самъ хочу идти на Галицкаго князя, чтобъ не дать ему на тебя двинуться; ты между тѣмъ управляйся съ тѣми, кто тебя обидѣлъ; когда у тебя войско истомится, то я пришлю новое, еще больше, или и самъ сяду на коня»; Болеславъ Польскій самъ поѣхалъ съ братомъ Генрихомъ, а Мечислава оставили стеречь землю отъ Пруссовъ. Между тѣмъ Изяславъ, приготовляясь къ войнѣ, и зная теперь, какъ трудно идти противъ общаго убѣжденія въ правахъ дядей предъ племянниками, обратился къ старику Вячеславу, который сидѣлъ тогда въ Пересопницѣ [263], и послалъ сказать ему: «Будь мнѣ вмѣсто отца, ступай, садись въ Кіевѣ, а съ Юріемъ не могу жить; если же не хочешь принять меня въ любовь, и не пойдешь въ Кіевъ на столъ, то я пожгу твою волость». Вячеславъ испугался угрозъ, и послалъ сказать брату Юрію: «Венгры уже идутъ; Польскіе князья сѣли на коней; самъ Изяславъ готовъ выступить: либо мирись съ нимъ, дай ему, чего онъ хочетъ, либо приходи ко мнѣ съ полками, защити мою волость; пріѣзжай, братъ, посмотримъ на мѣстѣ, что намъ Богъ дастъ — добро или зло; а если, братъ, не поѣдешь, то на меня

не жалуйся». Юрій собралъ свое войско и выступилъ изъ Кіева съ дикими Половцами; а Изяславъ съ своими союзниками двинулся изъ Владимира. Въ Пересопницу къ Вячеславу собрались сперва племянники его—Ростиславъ и Андрей Юрьичи, потомъ пришелъ самъ Юрій, Владимірко Галицкій прислалъ свои полки, самъ также подвинулся къ границѣ, и тѣмъ напугалъ Поляковъ и Венгровъ; страхъ Польскихъ князей еще увеличился, когда они получили вѣсть отъ брата, что Пруссы идутъ на ихъ землю. Изяславу эта вѣсть была очень не по сердцу, потому что Поляки не могли теперь оставаться долѣе; положено было отъ имени союзныхъ князей послать къ Вячеславу и Юрію съ такими словами: «Вы намъ всѣмъ вмѣсто отцовъ; теперь вы заратились съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ, а мы по Богѣ всѣ христіане, братья между собою, и намъ всѣмъ надобно быть вмѣстѣ за одно; такъ мы хотимъ, чтобъ вы уладились съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ, вы бы сидѣли въ Кіевѣ — сами знаете, кому изъ васъ приходится тамъ сидѣть, а Изяславу пусть останется Владимиръ да Луцкъ, и что еще тамъ его городовъ, да пусть Юрій возвратитъ Новгородцамъ всѣ ихъ дани». Вячеславъ и Юрій велѣли отвѣчать имъ: «Богъ помоги нашему зятю королю, и нашему брату Болеславу, и нашему сыну Генриху, за то что между нами добра хотите; но если вы велите намъ мириться, то не стойте на нашей землѣ, животовъ нашихъ и селъ не губите; но пусть Изяславъ идетъ въ свой Владимиръ и вы всѣ ступайте также въ свои земли; тогда мы будемъ вѣдаться съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ». Союзники поспѣшили исполнить это требованіе, разъѣхались въ свои земли, а Мономаховичи начали улаживаться съ племянникомъ; дѣло остановилось за тѣмъ, что Изяславъ непремѣнно хотѣлъ возвращенія всѣхъ даней Новгородцамъ, на что Юрій никакъ не соглашался: особенно уговаривалъ его не мириться Юрій Ярославичь, правнукъ Изяслава I-го, котораго имя мы уже разъ прежде встрѣтили: не извѣстно, былъ ли этотъ Юрій обиженъ какъ-нибудь Изяславомъ, или просто думалъ найти свою выгоду въ изгнаніи Мстиславичей изъ Волыни. Какъ бы то ни было, дядя Юрій слушался его совѣтовъ, тѣмъ болѣе, что теперь союзники Изяславовы ушли и ему казалось, что не трудно будетъ управиться съ племянникомъ: «Прогоню Изясла-

ва, возьму всю его волость», говорилъ онъ, и двинулся съ братомъ Вячеславомъ и со всѣми своими дѣтьми къ Луцку. Двое старшихъ сыновей его, Ростиславъ и Андрей шли впередъ съ Половцами, и остановились ночевать у Муравицы [264]; вдругъ ночью Половцы отъ чего-то переполошились, и побѣжали назадъ; но Андрей Юрьичь, который находился на передп, не испугался и устоялъ на своемъ мѣстѣ, не послушался дружины, которая говорила ему: «Что это ты дѣлаешь, князь! поѣзжай прочь, осрамимся мы». Дождавшись разсвѣта, и видя, что всѣ Половцы разбѣжались, Андрей отступилъ къ Дубну къ братьямъ и Половцамъ, ожидавшимъ подмоги отъ Юрія; потомъ услыхавъ, что Юрій идетъ, подступили всѣ къ Луцку, гдѣ затворился братъ Изяславовъ, Владиміръ. Когда они приближались къ городу, то изъ воротъ его вышелъ отрядъ пѣхоты, и началъ съ ними перестрѣливаться; остальные Юрьичи никакъ не думали, что Андрей захочетъ ударить на эту пѣхоту, потому что и стягъ его не былъ поднятъ: не величавъ былъ Андрей на ратный чинъ, говоритъ лѣтописецъ, — искалъ онъ похвалы отъ одного Бога; и вотъ вдругъ онъ въѣхалъ прежде всѣхъ въ непріятельскую толпу, дружина его за нимъ, и началась жаркая схватка. Адрей переломилъ копье свое, и подвергся величайшей опасности: непріятельскіе ратники окружили его со всѣхъ сторонъ; лошадь подъ нимъ была ранена двумя копьями, третье попало въ сѣдло, а со стѣнъ городскихъ сыпались на него камни, какъ дождь; уже одинъ Нѣмецъ хотѣлъ просунуть его рогатиною; но Богъ спасъ его. Самъ Андрей видѣлъ бѣду, и думалъ: «будетъ мнѣ такая же смерть, какъ Ярославу Святополчичу»; помолился Богу, призвалъ на помощь св. Ѳеодора, котораго память праздновалась въ тотъ день, вынулъ мечь и отбился. Отецъ, дядя и всѣ братья обрадовались, увидя его въ живыхъ, а бояре отцовскіе осыпали его похвалами, потому что онъ дрался храбрѣе всѣхъ въ томъ бою. Конь его, сильно раненый, только успѣлъ вынести своего господина, и палъ: Андрей велѣлъ погребсти его надъ рѣкою Стыремъ.—Шесть недѣль потомъ стоялъ Юрій у Луцка; осажденные изнемогли отъ недостатка воды; Изяславъ хотѣлъ идти къ нимъ на помощь изъ Владимира, но Галицкій князь загородилъ ему дорогу. Однако послѣднему, какъ видно, хотѣлось продолженія борьбы между Мономаховичами, а не окончательнаго торжества

одного соперника надъ другимъ; ему выгоднѣе было, чтобъ сосѣдняя Владимирская волость принадлежала особому князю; вотъ почему когда Изяславъ прислалъ сказать ему: «Помири меня съ дядею Юріемъ, я во всемъ виноватъ передъ Богомъ и передъ нимъ», то Владимірко сталъ просить Юрія за Изяслава. Юрій Ярославичь и старшій сынъ Юрія Долгорукаго, Ростиславъ питавшій ненависть къ Изяславу за изгнаніе изъ Руси, не давали мириться; но второй Юрьичь, Андрей взялъ сторону мира, и началъ говорить отцу: «Не слушай Юрія Ярославича, помирись съ племянникомъ, не губи отчины своей». Вячеславъ также хлопоталъ о мирѣ; у этого были свои причины: «Братъ! говорилъ онъ Юрію, мирись; ты непомирившись прочь пойдешь, а Изяславъ мою волость пожжетъ!» Юрій наконецъ согласился на миръ: племянникъ уступилъ ему Кіевъ, а онъ возвратилъ ему всѣ дани Новгородскія. Изяславъ пріѣхалъ къ дядьямъ въ Пересопницу, и здѣсь уговорились возвратить другъ другу все захваченное послѣ Переяславской битвы, какъ у князей, такъ и у бояръ ихъ. Послѣ этого Юрій возвратился въ Кіевъ, и хотѣлъ было уступить этотъ столъ по старшинству Вячеславу; но бояре отсовѣтовали ему: «Брату твоему не удержать Кіева, говорили они: не достанется онъ ни тебѣ, ни ему». Тогда Юрій вывелъ изъ Вышгорода сына своего Андрея, и посадилъ тамъ Вячеслава.

Между тѣмъ (1150 г.) Изяславъ отправилъ бояръ своихъ и тіуновъ искать въ Кіевѣ у Юрія имѣнья и стадъ, пограбленныхъ на войнѣ; бояре также поѣхали отыскивать свое — одни сами, другіе послали тіуновъ своихъ; но когда посланные опознали свое, и начали требовать его назадъ, то Юрій не отдалъ, и возвратились они ни съ чѣмъ къ Изяславу. Тотъ послалъ къ дядьямъ съ жалобою: «Исполните крестное цѣлованіе, а не хотите, такъ я не могу оставаться въ обидѣ». Дядья не отвѣчали, и Мстиславичь снова вооружился, призываемый, какъ говорятъ, Кіевлянами. Въ Пересопницѣ сидѣлъ въ это время вмѣсто Вячеслава сынъ Юрія Глѣбъ, который стоялъ тогда выше города на рѣкѣ Стублѣ въ шатрахъ; Изяславъ неожиданно пришелъ на него, взялъ станъ, дружину, лошадей; Глѣбъ едва успѣлъ убѣжать въ городъ, и послалъ съ поклономъ къ Изяславу: «Какъ мнѣ Юрій отецъ, такъ мнѣ и ты отецъ, и я тебѣ кланяюсь: ты съ моимъ отцемъ самъ вѣдаешься, а меня пусти къ отцу и клянись

Богородицей, что не схватишь меня, а отпустишь къ отцу: такъ я къ тебѣ самъ пріѣду и поклонюсь». Изяславъ поклялся, и велѣлъ сказать ему: «Вы мнѣ свои братья, объ васъ и рѣчи нѣтъ; обижаетъ меня отецъ твой и съ нами не умѣетъ жить». Угостивъ Глѣба обѣдомъ, Изяславъ отправилъ его съ сыномъ своимъ Мстиславомъ, который, проводивъ его за Корческъ, сказалъ ему: «Ступай, братъ, къ отцу; а эта волость отца моего и моя, по Горынь». Глѣбъ поѣхалъ къ отцу, а Изяславъ въ слѣдъ за нимъ отправился къ Чернымъ Клобукамъ, которые съѣхались къ нему всѣ съ большею радостью. Юрій до сихъ поръ ничего незналъ о движеніяхъ Изяслава, и услыхавъ, что онъ уже у Черныхъ Клобуковъ, побѣжалъ изъ Кіева, переправился за Днѣпръ и сѣлъ въ своемъ городкѣ Остерскомъ; только что успѣлъ Юрій выѣхать изъ Кіева, какъ на его мѣсто явился старый Вячеславъ, и расположился на дворѣ Ярославовомъ. Но Кіевляне, услыхавъ, что Изяславъ идетъ къ нимъ, вышли къ нему на встрѣчу большою толпою и сказали: «Юрій вышелъ изъ Кіева, а Вячеславъ сѣлъ на его мѣсто; но мы его не хотимъ; ты нашъ князь, поѣзжай къ св. Софіи, сядь на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ». Изяславъ, слыша это, послалъ сказать Вячеславу: «Я тебя звалъ на Кіевскій столъ, но ты тогда не захотѣлъ; а теперь, когда братъ твой выѣхалъ, такъ ты садишься? Ступай теперь въ свой Вышгородъ». Вячеславъ отвѣчалъ: «хоть убей меня на этомъ мѣстѣ, не съѣду». Изяславъ въѣхалъ въ Кіевъ, поклонился св. Софіи, оттуда поѣхалъ на дворъ Ярославовъ со всѣми своими полками и со множествомъ Кіевлянъ; Вячеславъ въ это время сидѣлъ на сѣняхъ, и многіе начали говорить Изяславу: «князь! возьми его и съ дружиной»; а другіе уже начали кричать: «Подсѣчемъ подъ нимъ сѣни»; но Изяславъ остановилъ ихъ: «Сохрани меня Богъ, говорилъ онъ: я не убійца своей братьи; дядя мнѣ вмѣсто отца, я самъ пойду къ нему»,—и, взявши съ собою немного дружины, пошелъ на сѣни къ Вячеславу, и поклонился ему. Вячеславъ всталъ, поцѣловался съ племянникомъ и когда оба сѣли, то Изяславъ сталъ говорить: «Батюшка! кланяюсь тебѣ, нельзя мнѣ съ тобою рядиться, видишь, какая сила стоитъ народу, много лиха противъ тебя замышляютъ; поѣзжай въ свой Вышгородъ, оттуда и будемъ рядиться». Вячеславъ отвѣчалъ: «Ты меня самъ, сынъ,

звалъ въ Кіевъ, а я цѣловалъ крестъ брату Юрію; теперь уже если такъ случилось, то Кіевъ тебѣ, а я поѣду въ свой Вышгородъ», и, сошедши съ сѣней, уѣхалъ изъ Кіева, а Изяславъ сѣлъ здѣсь, и послалъ сына Мстислава въ Каневъ, велѣвъ ему оттуда добыть Переяславля. Мстиславъ послалъ на ту сторону Днѣпра къ дружинѣ и къ варварскому пограничному народонаселенію, которое называлось Турпѣями, перезывая ихъ къ себѣ. Въ Переяславлѣ сидѣлъ въ это время Ростиславъ Юрьичь; онъ послалъ къ отцу въ Городокъ за помощью, и когда тотъ прислалъ къ нему брата Андрея, то оставивъ послѣдняго въ Переяславлѣ, погнался за Турпѣями, настигъ ихъ у Днѣпра, перехваталъ и привелъ назадъ въ Переяславль. Между тѣмъ Юрій соединился съ Давидовичами и Ольговичами; а съ запада явился къ нему на помощь сватъ его [266] Владимірко Галицкій. Услыхавъ о приближеніи Владимірка, Изяславъ послалъ сказать сыну, чтобъ ѣхалъ къ нему скорѣе съ Берендѣями, а самъ съ боярами поѣхалъ въ Вышгородъ къ Вячеславу, и сказалъ ему: «Ты мнѣ отецъ; вотъ тебѣ Кіевъ, и какую еще хочешь волость возьми, а остальное мнѣ дай». Вячеславъ сначала отвѣчалъ на это съ сердцемъ: «А зачѣмъ ты мнѣ не далъ Кіева тогда, заставилъ меня со стыдомъ изъ него выѣхать; теперь, когда одно войско идетъ изъ Галича, и другое изъ Чернигова, такъ ты мнѣ Кіевъ даешь». Изяславъ говорилъ на это: «Я къ тебѣ посылалъ, и Кіевъ отдавалъ тебѣ, объявлялъ, что съ тобою могу быть, только съ братомъ твоимъ Юріемъ мнѣ нельзя управиться; но тебя люблю какъ отца, и теперь тебѣ говорю: ты мнѣ отецъ и Кіевъ твой, поѣзжай туда». Размягчили старика эти слова, любо стало, и онъ поцѣловалъ крестъ на гробѣ Бориса и Глѣба, что будетъ имѣть Изяслава сыномъ, а Изяславъ поклялся имѣть его отцемъ; цѣловали крестъ и бояре ихъ, что будутъ хотѣть добра между обоими князьями, честь ихъ беречь и не ссорить ихъ. Изяславъ поклонился св. мученикамъ Борису и Глѣбу, потомъ отцу своему Вячеславу, и сказалъ ему: «Я ѣду къ Звенигороду противъ Владиміра; а ты, батюшка, самъ не трудись, отпусти только со мною дружину свою, самъ же поѣзжай въ Кіевъ, коли тебѣ угодно». Вячеславъ отвѣчалъ: «Всю дружину свою отпускаю съ тобою.»

Уладивши дѣло съ дядею, Изяславъ поѣхалъ опять въ Кіевъ, ударилъ въ трубы, созвалъ Кіевлянъ и пошелъ противъ Влади-

мірка: «кто ко мнѣ ближе, на того и пойду прежде», говорилъ онъ. Сначала Изяславъ сталъ у Звенигорода; потомъ, слыша о приближеніи Галичанъ, перешелъ къ Тумащу, куда пришли къ нему Черные Клобуки, затворивши женъ и дѣтей своихъ въ городахъ на Пороськи. На другой день на разсвѣтѣ Изяславъ выстроилъ войско и повелъ его противъ Владимірка, который стоялъ у верховьевъ рѣки Ольшаницы; стрѣльцы начали уже перестрѣливаться черезъ рѣку, какъ вдругъ Черные Клобуки, увидавъ, что Галичанъ очень много, испугались, и стали говорить Изяславу: «Князь! сила у Владимірка велика, а у тебя дружины мало; какъ вздумаетъ онъ перейти черезъ рѣку, то намъ плохо придется; не погуби насъ, да и самъ не погибни; ты нашъ князь; когда силенъ будешь, и мы тогда съ тобою, а теперь не твое время, поѣзжай прочь». Изяславъ отвѣчалъ имъ: «Лучше намъ, братья, померeть здѣсь, чѣмъ такой стыдъ взять на себя»; но Кіевляне начали тоже говорить, и побѣжали; Черные Клобуки бросились за ними къ своимъ вежамъ; оставшись съ одною дружиною, Изяславъ также пошелъ назадъ въ Кіевъ. Къ счастію его, Владимірко никакъ не могъ подумать, что противное войско побѣжало безъ битвы, счелъ это хитростію, и не велѣлъ своимъ гнаться за Изяславомъ, который поэтому благополучно доѣхалъ до Кіева; пострадалъ только заднiй отрядъ дружины, часть котораго была захвачена, а другая перебита Галичанами. Изяславъ засталъ въ Кіевѣ дядю Вячеслава; потолковавши другъ съ другомъ, они сѣли вмѣстѣ обѣдать, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Юрій со всѣми Черниговскими у Кіева, и уже множество Кіевлянъ поѣхали въ лодкахъ къ Юрію, а другіе стали перевозить его дружину на эту сторону. Видя это, Вячеславъ и Изяславъ сказали: «Теперь не наше время», и поѣхали изъ Кіева—Вячеславъ въ Вышгородъ, а Изяславъ во Владиміръ, занявши мѣста по рѣкѣ Горынѣ, и посадивши сына Мстислава въ Дорогобужѣ.

На другой день Владимірко Галицкій подошелъ къ Кіеву, и сталъ у Ольговой могилы; сюда пріѣхалъ къ нему Юрій со всѣми Черниговскими, и здоровались не сходя съ коней. Введя Юрія въ Кіевъ, Владимірко объѣхалъ всѣ святыни Кіевскія, былъ и въ Вышгородѣ у Бориса и Глѣба, и потомъ, разставшись пріятельски съ Юріемъ въ Печерскомъ монастырѣ, отправился назадъ въ Галичь. Услыхавъ объ его приближеніи, Мсти-

славъ Изяславичь бросился бѣжать изъ Дорогобужа въ Луцкъ къ дядѣ Святополку; Владимірко, побравши города по Горынѣ, и отдавши ихъ Мстиславу Юрьичу, котораго взялъ съ собою изъ Кіева [367], подошелъ было къ Луцку, но не могъ взять его, и ушелъ въ Галичь, а Мстиславъ Юрьичь остался въ Пересопницѣ; но скоро потомъ Юрій отдалъ этотъ городъ вмѣстѣ съ Туровомъ и Пинскомъ сыну Андрею, который и сѣлъ въ Пересопницѣ; цѣль этого перемѣщенія и предпочтенія Пересопницы Турову ясна: Андрей, самый храбрый изъ Юрьевичей, долженъ былъ оберегать границу со стороны Волыни, откуда Юрій ждалъ нападенія отъ племянника. Зимою Изяславъ прислалъ въ Пересопницу просить Андрея: «Братъ! помири меня съ отцемъ: мнѣ отчины нѣтъ ни въ Венгріи, ни въ Польшѣ, а только въ Русской землѣ; выпроси мнѣ у отца волость по Горынь». Онъ послалъ въ Пересопницу какъ будто за этимъ, а между тѣмъ наказалъ послу разсмотрѣть хорошенько весь нарядъ Андреевъ и какъ городъ стоитъ: ему уже удалось разъ напасть здѣсь въ расплохъ на брата Андреева Глѣба, тоже хотѣлось теперь сдѣлать и съ Андреемъ; но у этого было все крѣпко, и дружина большая. Не подозрѣвая хитрости, Андрей сталъ опять просить отца за Изяслава, но Юрій не хотѣлъ ничего дать племяннику; тогда Изяславъ сталъ думать: «дядя мнѣ волости не даетъ, не хочетъ меня въ Русской землѣ, а Владиміръ Галицкій, по его приказу, волость мою взялъ, да еще сбирается придти на меня къ Владимиру», и, подумавъ такимъ образомъ, послалъ брата Владиміра сказать зятю своему, королю Венгерскому: «Ты мнѣ самъ говорилъ, что Владимірко не смѣетъ головы высунуть; но я выгналъ Юрія изъ Кіева, Юрій передо мною бѣгаетъ, а Владиміръ, согласившись съ Ольговичами, пришелъ, да погналъ меня изъ Кіева; теперь, братъ, исполни свое обѣщаніе, сядь на коня». Король немедленно собралъ всю свою силу и сѣлъ на коня, пославши сказать Изяславу: «Я ужъ выступилъ съ братомъ твоимъ Владиміромъ, выступай и ты; узнаетъ Владимірко, кого затронулъ!»

Но у Владимірка были пріятели въ Венгріи; они дали ему знать, что король идетъ на него, и Галицкій князь, бросивъ обозъ свой у Бѣльза, гдѣ стоялъ тогда, поскакалъ съ дружиною въ Перемышлю, гдѣ уже король началъ воевать. Владимірко

видѣлъ, что ему не льзя бороться съ Венграми, и началъ посылать къ архіепископу, да еще къ двумъ епископамъ Венгерскимъ и къ боярамъ съ просьбою, чтобъ уговорили короля возвратиться, не жалѣлъ золота, и достигъ своей цѣли. Король послушался подкупленныхъ епископовъ и бояръ, и сталъ говорить: «Теперь уже не время воевать, рѣки замерзаютъ; когда рѣки установятся, тогда пойдемъ опять». Отпуская Владиміра Мстиславича въ Кіевъ, король наказалъ ему: «Отцу ему и своему брату Изяславу поклонись и скажи ему: царь на меня Греческій встаетъ ратью, и потому этою зимою и весною не льзя мнѣ сѣсть на коня для тебя; но твой щитъ и мой не будутъ розно: если мнѣ самому не льзя, то помощь пошлю 10,000, больше ли, сколько хочешь; а лѣтомъ, Богъ дастъ, въ твоей волѣ буду, отомстимъ за свои обиды».—Изяславъ, выслушавъ эти рѣчи отъ Владиміра, отправилъ его назадъ въ Венгрію: «Братъ! говорилъ онъ ему: Богъ тебѣ помоги, что потрудился для моей и своей чести; ты былъ въ Венгріи у зятя своего короля, вѣдаешь тамъ всю мысль ихъ и думу; такъ потрудиться бы тебѣ, братъ, и теперь, поѣхать туда опять для моей чести и своей». Владиміръ отвѣчалъ: «Я, братъ, этимъ не тягочусь; для твоей чести и для чести брата Ростислава съ радостію поѣду». Владиміру было наказано говорить королю: «Если царь всталъ ратью и тебѣ самому нельзя пріѣхать ко мнѣ, то отпусти помощь, какъ обѣщался, а мнѣ Богъ поможетъ на Юрія, на Ольговичей и на Галицкаго князя; твоя обида—моя, а моя—твоя». Король отпустилъ съ Владиміромъ десятитысячный отрядъ, съ которымъ Изяславъ и отправился опять къ Кіеву, потому что звали его бояре Вячеславовы, Берендѣи и Кіевляне. На дорогѣ у Пересопницы получивъ вѣсть, что Владимірко Галицкій идетъ за нимъ съ войскомъ, Изяславъ собралъ на совѣтъ дружину: «Князь! говорили бояре: самъ видишь, что намъ пришлось плохо: ты идешь на Юрія, а сзади за тобою идетъ Владиміръ; очень трудно будетъ намъ справиться!» Изяславъ отвѣчалъ имъ: «Вы за мною изъ Русской земли вышли, селъ своихъ и животовъ лишились, да и я своей дѣдины и отчины не могу покинуть: либо голову свою сложу, либо отчину свою добуду и ваши всѣ животы; если нагонитъ меня Владиміръ, то значитъ Богъ даетъ мнѣ съ нимъ судъ; встрѣтитъ ли

... Юрій, и съ тѣмъ судъ Божій вижу; какъ Богъ разсудитъ, ...ъ и будетъ.»

Отпустивъ брата Святополка оберегать Владимиръ, Изяславъ ...шелъ впередъ къ Дорогобужу съ братомъ Владиміромъ, сы...ъ Мстиславомъ, съ княземъ Борисомъ Городенскимъ, вну...ъ извѣстнаго Давида Игоревича, и съ Венграми. Дорого...цы вышли къ нему на встрѣчу, съ крестами и поклонились; ...славъ сказалъ имъ: «вы люди дѣда моего и отца, Богъ вамъ ...очь»; Дорогобужцы сказали на это: «Съ тобою, князь, чу...емцы, Венгры; какъ бы они не надѣлали зла нашему горо...?» Изяславъ отвѣчалъ: «я вожу Венгровъ и всякихъ другихъ ...земцевъ не на своихъ людей, а на враговъ; не бойтесь ...чего». Миновавъ Дорогобужъ, Изяславъ перешелъ Горынь; ...тели Корсуни вышли къ нему также съ радостію и съ покло...ъ; Изяславъ миновалъ и ихъ городъ, не желая, какъ видно, ...гать жителей приводомъ иноземной рати, и подавать поводъ ... враждебнымъ столкновеніямъ. Между тѣмъ Владимірко Га...цкій соединился съ Андреемъ Юрьичемъ, котораго вызвалъ ... Пересопницы, и скоро къ Изяславу пришла вѣсть, что князь ...лицкій, Андрей Юрьичь и Владиміръ Андреевичь (изгой, ...ъ младшаго изъ Мономаховичей) переправляются съ боль...ми силами черезъ Горынь; когда Мстиславичи переправи...сь черезъ рѣки Случь и Ушу, то на противоположномъ берегу ...слѣдней уже показались непріятельскіе стрѣльцы, и стали ...ться объ рѣку; а иные поудалѣе перебирались даже съ одно... берега на другой; одинъ изъ Галицкихъ стрѣлковъ былъ ...хваченъ, приведенъ къ Изяславу, и на спросъ: «Гдѣ твой ...язь?» отвѣчалъ: «Вотъ за городомъ Ушескомъ первый лѣсъ, ...ъ онъ остановился; узнавъ, что ты близко, непосмѣлъ пойти ...резъ лѣсъ, говоритъ: какъ пойдемъ сквозь лѣсъ, то нападутъ ... насъ, а сила наша далеко назади, подождемъ ее здѣсь».— ...ыхавъ это, Изяславъ сказалъ своимъ: «пойдемъ на него ...задъ». Но дружина отвѣчала: «Князь! не льзя тебѣ на него ...ти, передъ тобою рѣка, да еще злая, какъ же ты хочешь на ...его ѣхать? онъ же стоитъ лѣсомъ заложившись! Это уже ...ставь теперь, а поѣзжай къ своимъ въ Кіевъ; гдѣ насъ Влади...рко нагонитъ, тамъ и будемъ биться; самъ же ты такъ преж... говорилъ, что если и Юрій встрѣтится, то и съ нимъ будемъ

биться. А теперь, князь, не мѣшкай, ступай: когда будешь на Тетеревѣ, то вся тамошняя дружина къ тебѣ пріѣдетъ; а если Богъ дастъ, дойдешь до Бѣлгорода, то еще больше дружины тебѣ пріѣдетъ, больше будетъ у тебя силы.»

Изяславъ послушался, пошелъ впередъ, Владимірко за нимъ; когда Изяславъ сталъ у Святославовой криницы, то его сторожа видѣли Галицкіе огни; Изяславъ велѣлъ раскласть большой огонь, чтобъ обмануть непріятеля, а самъ въ ночь двинулся къ городу Мичьску, гдѣ встрѣтило его множество народа, съ береговъ Тетерева, съ криками: «Ты нашъ князь!» Перешедъ Тетеревъ, Изяславъ далъ себѣ и конямъ отдыхъ, и потомъ пошелъ ко Вздвиженску, гдѣ держалъ совѣтъ съ дружиною: «Владимірко ѣдетъ за нами, говорилъ онъ, такъ скажите, здѣсь ли намъ остановиться и ждать его, или уже не жалѣть силъ, выступить въ ночь дальше? если здѣсь остановимся и будемъ дожидаться Владиміра, то не дождаться бы намъ съ другой стороны Юрія: тогда будетъ намъ трудно; лучше уже по мѣсяцу, не давать себѣ отдыха, ѣхать; какъ будемъ въ Бѣлгородѣ, то Юрій непремѣнно побѣжитъ; тогда мы поѣдемъ въ свой Кіевъ, а какъ въ сильный Кіевскій полкъ въѣдемъ, то уже я знаю, будутъ за меня биться; если же нельзя будетъ ѣхать на Бѣлгородъ, то поѣдемъ къ Чернымъ Клобукамъ, а какъ пріѣдемъ къ Чернымъ Клобукамъ и съ ними соединимся, то уже нечего намъ будетъ бояться ни Юрія, ни Владиміра». Венгры отвѣчали ему на это: «Мы у тебя гости; если надѣешься на Кіевлянъ, то тебѣ лучше знать своихъ людей; лошади подъ нами; доброе дѣло, когда другъ прибудетъ и новая сила, поѣдемъ въ ночь». Тогда Изяславъ сказалъ брату Владиміру: «Ступай ты напередъ къ Бѣлгороду; мы всѣ отпустимъ съ тобою свою младшую дружину, и пойдемъ за вами въ слѣдъ; если придешь къ Бѣлгороду и станутъ съ тобою биться, то ты дай намъ знать, а самъ бейся съ утра до обѣда; я же между тѣмъ либо переѣду на Абрамовъ мостъ, либо въѣду къ Чернымъ Клобукамъ, и, соединясь съ ними, пойду на Юрія къ Кіеву; а если ты займешь Бѣлгородъ, то дай намъ также знать, и мы къ тебѣ поѣдемъ». Владиміръ пріѣхалъ къ Бѣлгороду, а тамошній князь Борисъ Юрьичь спокойно пировалъ на сѣнницѣ съ дружиною, да съ попами Бѣлгородскими: если бы мытникъ (сборщикъ податей) не устерегъ,

не развелъ моста, то князя захватили бы. Владиміpова дружина, подъѣхавъ къ мосту, затрубила въ трубы; Борисъ вскочилъ въ испугѣ и ускакалъ съ дружиною изъ города, а горожане побѣжали къ мосту, кланяясь Владиміру и крича: «Ступай, князь, Борисъ бѣжалъ», и тотчасъ же опять навели мостъ. Въѣхавъ въ Бѣлгородъ, Владиміръ послалъ, какъ было улажено, гонца къ брату: «Я въ Бѣлгородъ въѣхалъ, а Борисъ выбѣжалъ; онъ ничего не зналъ о моемъ приходѣ, и Юрій ничего не знаетъ: ступай скорѣе». Изяславъ тотчасъ же поѣхалъ къ нему, до свѣта переправилъ полки черезъ мостъ, и оставивъ въ Бѣлгородѣ Владиміра на случай пріѣзда Галицкаго князя, самъ съ Венграми отправился къ Кіеву. Между тѣмъ Борисъ прибѣжалъ къ отцу съ вѣстью, что рать идетъ; Юрій былъ въ это время на Красномъ дворѣ, въ испугѣ не нашелся за что принятся, сѣлъ въ лодку, переплылъ на другой берегъ и спрятался въ Городкѣ, Кіевляне вышли съ радостію на встрѣчу къ Изяславу. Есть одно вѣроятное извѣстіе, что Юрій поведеніемъ своимъ возбудилъ у нихъ сильное негодованіе, разсердилъ и Черныхъ Клобуковъ, которые вмѣстѣ съ Кіевлянами и стали звать къ себѣ Мстиславича. Перехвативши дружину Юрьеву, Изяславъ поѣхалъ къ св. Софіи, а оттуда на Ярославовъ дворъ, куда позвалъ на обѣдъ Венгровъ и Кіевлянъ; было тутъ большое веселье: послѣ обѣда Венгры, славные всадники, удивляли Кіевскій народъ своимъ искусствомъ въ ристаніи.

Между тѣмъ Владимірко и Андрей Юрьичь, ничего не зная, стояли у Мичьска, какъ вдругъ пришла имъ вѣсть, что Юрій въ Городкѣ, а Изяславъ въ Кіевѣ; сильно раздосадовало это Владимірка, онъ сказалъ князьямъ Андрею и Владиміру Андреевичу: «Не понимаю, какъ это княжитъ сватъ мой: рать идетъ на него съ Волыни, какъ объ этомъ не узнать? и вы, сыновья его, сидите одинъ въ Пересопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ — какъ же вы не устерегли? если такъ княжите съ отцемъ своимъ, то управляйтесь сами, какъ хотите, а я не могу одинъ идти на Изяслава; онъ хотѣлъ вчера со мною биться, идучи на вашего отца, а на меня оборачиваясь; теперь же у него вся Русская земля, я немогу одинъ на на него ѣхать!» Причина изумительного въ самомъ дѣлѣ успѣха Изяславова заключалась не столько въ оплошности Юрія и сыновей его, сколько во всеобщемъ не-

расположенія къ нимъ народа, и въ стараніи многихъ
вводить ихъ въ эту оплошность [268].

Владимірко выполнилъ свою угрозу, оставилъ дѣло Ю
пошелъ назадъ въ Галичь; онъ хотѣлъ однако чѣмъ-
вознаградить себя за походъ, и потому объявилъ жителя
рода Мичьска: «дайте мнѣ серебра, сколько хочу, а не то
васъ на щитъ»; у нихъ не было столько серебра, сколь
запрашивалъ, и потому они принуждены были вынимать
изъ ушей женъ и дочерей своихъ, снимать ожерелья съ
слили все это и отдали Владимірку, который пошелъ отъ
дальше и по всѣмъ городамъ на дорогѣ бралъ также серебр
самой своей границы; а сынъ Юрьевъ Андрей и племян
Владиміръ Андреевичь поѣхали на устье Припети, и оттуд
отцу въ Городецъ Остерскій. Между тѣмъ Изяславъ, на дру
же день, какъ въѣхалъ въ Кіевъ, послалъ сказать дядѣ В
славу: «Батюшка! кланяюсь тебѣ; если Богъ отца моего М
слава взялъ, то ты у меня отецъ, кланяюсь тебѣ; согрѣш
предъ тобою сначала тогда, а теперь каюсь; и снова, когда
Богъ далъ побѣдить Игоря у Кіева, то я на тебѣ чести не по
жилъ же, и потомъ опять у Тумащна; но теперь, батюшка,
всемъ томъ каюсь передъ Богомъ и передъ тобою: если ты
батюшка, простишь, то и Богъ проститъ; отдаю тебѣ, батю
Кіевъ, поѣзжай, сядь на столѣ дѣда и отца своего!» Этими с
вами Изяславъ призналъ полное господство права по родов
старшинству, право дядей предъ сыновьями старшаго бра
право, противъ котораго ничего ни могли сдѣлать ни лич
достоинстава, ни уваженіе и любовь народа. Вячеславъ ве
отвѣчать племяннику: «Сынъ! Богъ тебѣ помоги, что на
честь положилъ, давно бы тебѣ такъ сдѣлать; если ты мнѣ ч
воздалъ то и Богу честь воздалъ; ты говоришь, что я
отецъ, а я тебѣ скажу, что ты мой сынъ; у тебя отца нѣтъ,
меня сына нѣтъ, ты мой сынъ, ты мой и братъ». Здѣсь ста
дядя ясно также выразилъ господствующее представленіе,
сыновья отъ старшаго брата считаются братьями дядьямъ с
имъ, хотя и младшими. Дядя и племянникъ цѣловали крестъ
не разлучаться ни въ добрѣ, ни въ злѣ (1150 г.).

Послѣ ряду съ племянникомъ Вячеславъ въѣхалъ въ К
(1151 г.), и поклонившись св. Софіи, позвалъ къ себѣ на обѣ

на своего Изяслава, всѣхъ Кіевлянъ и Венгровъ: и дядя и племянникъ оказали большую честь послѣднимъ, богато одарили ихъ сосудами, платьемъ, лошадьми, паволоками, и всякими дарами. На другой день послѣ пира Вячеславъ послалъ сказать Изяславу: «Сынъ! Богъ тебѣ помоги, что воздалъ мнѣ честь, какъ отцу; а я вотъ тебѣ скажу: я уже старъ, и всѣхъ рядовъ не могу рядить; останемся оба въ Кіевѣ; а какой намъ придется рядъ рядить, между христіанами или погаными, то пойдемъ оба къ мѣсту; дружина и полки будутъ у насъ общіе, ты ими ряди; гдѣ намъ можно будетъ обоимъ ѣхать, оба поѣдемъ, а гдѣ нельзя, тамъ ты одинъ поѣдешь, съ моимъ полкомъ и съ своимъ». Изяславъ съ великою радостію и съ великою честію поклонился отцу своему, и сказалъ: «Батюшка, кланяюсь тебѣ; какъ мы уговорились, такъ намъ дай Богъ и быть до конца жизни». На третій день оба князя отпустили Венгровъ домой, и вслѣдъ за ними отправили сына Изяславова Мстислава, который долженъ былъ сказать королю: «Ты намъ то сдѣлалъ, что можетъ сдѣлать только братъ родному брату, или сынъ отцу; дай намъ Богъ быть съ тобою неразлучно во всемъ; гдѣ будетъ твоя обида, тамъ дай намъ Богъ быть самимъ и мстить за твою обиду, или, если не самимъ, такъ братьямъ нашимъ и сыновьямъ, а намъ тебѣ нечѣмъ больше заплатить за твое добро, какъ только своею головою; теперь же докончи доброе дѣло: самого тебя не зовемъ, потому что у тебя война съ Греками; но отпусти къ намъ войско на помощь, или такое же, какое теперь было, а хорошо если и побольше, потому что Юрій силенъ: Давыдовичи и Ольговичи съ нимъ, и Половцы дикіе, которыхъ призываютъ золотомъ; теперь, братъ, этою весною помоги намъ; если этою же весною мы управимся съ своимъ дѣломъ, то, пойдемъ съ войскомъ къ тебѣ на помощь, а если ты управишься съ Греческимъ царемъ, то будь намъ помощникъ; остальное все скажутъ тебѣ твои мужи и братъ твой Мстиславъ, какъ намъ Богъ помогъ, какъ встала за насъ вся Русская земля и Черные Клобуки». Отрядивъ Мстислава въ Венгрію, Вячеславъ послалъ въ тоже время бояръ своихъ въ Смоленскъ сказать Ростиславу Мстиславичу: «Братъ! Богъ соединилъ насъ съ твоимъ братомъ, а съ моимъ сыномъ Изяславомъ; добывъ Русскую землю, онъ на мнѣ честь положилъ, посадилъ меня въ Кіевѣ; а

я, сынъ, тебѣ скажу: какъ мнѣ сынъ братъ твой Изяславъ, такъ и ты; потрудись пріѣхать сюда къ намъ, чтобъ всѣмъ вмѣстѣ подумать о томъ, что впередъ дѣлать». Изяславъ, съ своей стороны, послалъ сказать Ростиславу: «Ты меня, братъ, понуждалъ положить честь на дядѣ и на отцѣ; и вотъ нынѣ Богъ привелъ меня опять въ Русскую землю, то я посадилъ дядю нашего въ Кіевѣ, для тебя и для всей Русской земли; теперь я скажу тебѣ: тамъ у тебя въ Новгородѣ сынъ мой, твой сынъ же крестный Ярославъ, тамъ же у тебя и Смоленскъ; такъ урядивши все въ верхнихъ земляхъ у себя, пріѣзжай къ намъ сюда, посмотримъ вмѣстѣ, что намъ Богъ дастъ».

Изяславъ съ дядею не ошибались, призывая къ себѣ отовсюду союзниковъ: Юрій не думалъ оставлять ихъ въ покоѣ, и велѣлъ сказать Давидовичамъ и Ольговичамъ: «Изяславъ уже въ Кіевѣ, ступайте ко мнѣ на помощь». Святославъ Ольговичъ выступилъ немедленно, соединился въ Черниговѣ съ Владиміромъ Давидовичемъ и на лодкахъ приплыли вмѣстѣ въ Городецъ къ Юрію. Но другой Давидовичь, Изяславъ перешелъ на сторону Вячеслава и Изяслава: какъ видно этотъ Давидовичь по неволѣ былъ до сихъ поръ съ Юріемъ, на котораго сердился за отнятіе Дреговичскихъ земель въ пользу Святослава Ольговича. Скоро пріѣхалъ въ Кіевъ и Ростиславъ Мстиславичь съ полками Смоленскими; а между тѣмъ Юрій выступилъ съ союзниками изъ Городка, и сталъ у Днѣпра, при устьѣ рѣчки Радуни, куда пришло къ нему на помощь много дикихъ Половцевъ. На этотъ разъ Изяславъ былъ остороженъ, недалъ непріятельскому войску переправиться чрезъ Днѣпръ, и потому съ обѣихъ сторонъ начали биться въ лодкахъ, отъ Кіева до устья Десны. Въ этой рѣчной битвѣ Юрій не могъ получить успѣха, потому что Изяславъ, по выраженію лѣтописца, дивно исхитрилъ свои лодки: гребцовъ на нихъ не было видно, видны были только одни весла, потому что лодки были покрыты досками, и на этой крышкѣ стояли ратники въ броняхъ и стрѣляли, а кормчихъ было по двое на каждой лодкѣ: одинъ на носу, а другой на кормѣ: куда хотятъ, туда и пойдутъ, необорачивая лодокъ. Видя, что нельзя переправиться черезъ Днѣпръ противъ Кіева, Юрій съ союзниками рѣшили идти внизъ къ Витичевскому броду; но, не смѣя пустить лодокъ мимо Кіева, пустили ихъ въ

Долобское озеро, оттуда волокли берегомъ въ рѣку Золотчу, и по Золотчѣ уже впустили ихъ въ Днѣпръ, а Половцы шли по лугу. Но Мстиславичи съ дядею Вячеславомъ, съ Изяславомъ Давыдовичемъ, съ Городенскимъ княземъ Борисомъ, съ Кіевлянами и Черными Клобуками шли рядомъ съ ними по западной сторонѣ Днѣпра, по нагорному берегу, а лодки плыли по рѣкѣ, такъ что когда войско Юрія достигло Витичевскаго брода, то уже тамъ стояла Кіевская рать, и опять началась рѣчная битва за переправу. Тогда Юрій позвалъ къ себѣ союзниковъ и сказалъ: «Стоимъ мы здѣсь, и чего достоимся? лучше постараемся перехватить у нихъ Зарубскій бродъ и перейти на ту сторону». Всѣ согласились, и отпустили къ броду сыновей Юрьевыхъ съ Половцами, да Святослава Всеволодовича; а сами, выстроивши полки, пошли подлѣ лодокъ берегомъ. Между тѣмъ передовой отрядъ ихъ пріѣхалъ къ Зарубскому броду, который стерегъ бояринъ Изяславовъ Шварнъ съ небольшою дружиною: Половцы, видя, что сторожей мало, бросились на лошадяхъ и въ одномъ вооруженіи въ рѣку, подъ ихъ прикрытіемъ переѣхали и Русскіе въ лодьяхъ; а Шварнъ испугался, и побѣжалъ къ своему князю; по замѣчанію лѣтописца, вся бѣда произошла отъ того, что при бродѣ былъ не князь, а бояринъ, тогда какъ боярина не всѣ слушались. Переправившись чрезъ Днѣпръ, Юрьевичи послали сказать отцу: «Ступай скорѣе, мы уже перешли Днѣпръ; чтобъ не ударилъ на насъ однихъ Изяславъ»? Юрій пришелъ немедленно къ Зарубу, и также переправился. Получивъ вѣсть объ этой переправѣ, Мстиславичи возвратились въ Кіевъ, и начали думать, что теперь дѣлать? Оба Мстиславича хотѣли идти на встрѣчу къ дядѣ и биться; но дружина всѣхъ князей не соглашалась; особенно отговаривали отъ этого Черные Клобуки, они говорили Изяславу: «Князь! нельзя намъ ѣхать къ нимъ, потому что наши ратники не всѣ на коняхъ; ты къ нимъ поѣдешь, а они передъ тобою поѣдутъ къ Роси; тогда тебѣ надобно будетъ оставить свою пѣхоту, и ѣхать за ними съ одною конницею. По нашему надобно вотъ что сдѣлать: ступайте вы всѣ въ Кіевъ, а къ намъ приставьте брата своего Владиміра: мы поѣдемъ съ нимъ къ своимъ вежамъ, заберемъ женъ, дѣтей, стада, и пойдемъ тогда къ Кіеву; побудьте тамъ только до вечера, мы къ вамъ придемъ непремѣнно, хо-

тимъ за отца вашего Вячеслава, за тебя, за брата твоего Ростислава и за вашу братью головы свои сложить; либо добудемъ вашу отыщемъ, либо изомремъ съ вами, а Юрія не хотимъ». Мстиславичи съ дядею послушались дружины, Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ, отрядили брата Владиміра за вежами съ Торками, Коуями, Берендѣями и Печенѣгами (имена варварскихъ народцевъ, слывшихъ подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ), а сами пошли къ Треполю, и, переночевавши здѣсь, на солнечномъ восходѣ отправились къ Кіеву; въ городъ не вошли, а стали около него—Изяславъ Мстиславичь передъ Золотыми воротами, Изяславъ Давидовичь между Золотыми и Жидовскими воротами; Ростиславъ съ сыномъ Романомъ передъ Жидовскими воротами, Борисъ Городенскій у Лядскихъ воротъ; Кіевляне конные и пѣшіе, стали между князьями. Скоро пришелъ и Владиміръ съ Черными Клобуками, съ вежами и стадами ихъ; эти союзники надѣлали вреда не меньше враговъ, вламывались въ монастыри, жгли села, огороды всѣ посѣкли; Мстиславичи велѣли Владиміру пойти съ Берендѣями, вежами и стадами ихъ къ Ольговой могилѣ и стать отъ нея до Ивановскаго огорода, и потомъ до Щековицы; а Коуи, Торки и Печенѣги стали отъ Золотыхъ воротъ до Лядскихъ, и потомъ до Клова, Берестова, Угорскихъ воротъ и Днѣпра. Такимъ образомъ князья, дружина, Кіевляне и Черные Клобуки рѣшили не ходить къ непріятелю на встрѣчу, но подпустить его къ себѣ и биться подъ Кіевомъ; Изяславъ говорилъ: «Если Богъ намъ поможетъ, отобьемъ ихъ, то вѣдь они не птицы: перелетѣвши Днѣпръ, должны сѣсть гдѣ-нибудь; а когда поворотятъ отъ насъ, тогда уже какъ Богъ насъ съ ними управитъ».

Но старикъ Вячеславъ прежде битвы хотѣлъ попытаться кончить дѣло миромъ; онъ сказалъ племянникамъ: «Теперь, братья, мы готовы биться; но вѣдь Юрій мнѣ братъ, хотя и младшій; хотѣлось бы мнѣ послать къ нему и свое старшинство оправить; когда намъ будетъ съ нимъ Божій судъ, то Богъ на правду призритъ.» Племянники согласились, и Вячеславъ, позвавши къ себѣ своего боярина, сказалъ ему: «ступай къ брату Юрію, кланяйся ему отъ меня; а вы, братья и сыновья, Изяславъ и Ростиславъ, слушайте, передъ вами отряжаю; такъ ты вотъ что скажи отъ меня Юрію: я вамъ обоимъ, Изяславу и

тебѣ много разъ говорилъ: не проливайте крови христіанской, не губите Русской земли; васъ удерживалъ отъ войны, о себѣ не заботился, что меня оба вы обидѣли, и не одинъ разъ; а вѣдь у меня полки есть и сила есть, Богъ мнѣ далъ; но я для Русской земли и для Христіанъ не поминалъ того, какъ Изяславъ, ѣдучи биться съ Игоремъ, говорилъ: я Кіева не себѣ ищу, но отцу моему Вячеславу, онъ старшій братъ; а какъ Богъ ему помогъ, то онъ Кіевъ себѣ, да еще Туровъ и Пинскъ у меня отнялъ, — это меня Изяславъ обидѣлъ; а ты, братъ, ѣдучи къ Переяславлю биться съ племянникомъ, тоже говорилъ: я Кіева не себѣ ищу, есть у меня старшій братъ Вячеславъ, все равно мнѣ, что и отецъ, ему ищу Кіева; а какъ Богъ тебѣ помогъ, то и ты Кіевъ себѣ, да еще Пересопницу и Дорогобужъ у меня отнялъ, обидѣлъ меня, одинъ Вышгородъ мнѣ далъ; а я во всемъ томъ не искалъ управы, для Русской земли и для христіанъ, не передо мною въ васъ правды не было, а передъ Богомъ; я еще и васъ удерживалъ отъ войны, но вы меня не слушали; ты мнѣ тогда говорилъ: младшему не могу поклониться; но вотъ Изяславъ, хотя два раза слова своего не сдерживалъ, но то теперь, добывши Кіевъ, поклонился мнѣ, честь мнѣ воздалъ, въ Кіевѣ меня посадилъ, и отцомъ себѣ назвалъ, а я его сыномъ; ты говорилъ: младшему не поклонюсь; а я тебя старше не мало, а много: я уже былъ бородатъ, когда ты родился [260]; если же хочешь на мое старшинство поѣхать, то какъ насъ Богъ разсудитъ.» Юрій отвѣчалъ на это: «я тебѣ, братъ, кланяюсь, рѣчи твои правыя: ты мнѣ вмѣсто отца; но если хочешь со мною рядиться, то пусть Изяславъ поѣдетъ во Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ, тогда мы съ тобою урядимся.» Вячеславъ послалъ опять сказать ему: «У тебя семеро сыновей, и я ихъ отъ тебя не отгоняю, а у меня только два — Изяславъ и Ростиславъ, да еще другіе младшіе; я, братъ, тебѣ вотъ что скажу: для Русской земли и для христіанъ, ступай въ свой Переяславль и въ Курскъ, съ сыновьями, а тамъ у тебя еще Ростовъ Великій, Ольговичей отпусти домой, тогда и станемъ рядиться, а крови христіанской не будемъ проливать; если же хочешь пойти по своему замыслу, то этой Пречистой Госпожѣ съ Сыномъ Своимъ и Богомъ нашимъ судить насъ въ этотъ вѣкъ и въ будущій.» Говоря эти слова, Вячеславъ показывалъ на об-

разъ Богородицы, висѣвшій на Золотыхъ воротахъ. Юрій, не давши на это никакого отвѣта, на другой день явился съ войскомъ у Кіева и сталъ по ту сторону Лыбеди. Начали перестрѣливаться объ рѣку, и перестрѣливались до вечера, а нѣкоторые изъ войска Юрьева переѣхали Лыбедь; Андрей Юрьевичъ здѣсь, какъ прежде у Луцка, занесся впередъ и проскакалъ почти до самыхъ непріятельскихъ полковъ; одинъ Половецъ схватилъ подъ нимъ коня и воротилъ назадъ, браня своихъ, зачѣмъ всѣ отстали отъ князя. Изяславъ видя, что непріятельскіе отряды переѣзжаютъ Лыбедь, велѣлъ ударить на нихъ выборной изъ всѣхъ полковъ дружинѣ, которая и вмяла непріятеля въ рѣку, гдѣ онъ потерялъ много убитыми и взятыми въ плѣнъ; между прочими убили и Савенча Боняковича, дикаго Половчина, который хвастался: «хочу ударить мечемъ въ Золотыя ворота, какъ отецъ мой въ нихъ ударилъ»; послѣ этого ни одинъ человѣкъ уже не переѣзжалъ больше чрезъ Лыбедь. и Юрій, оборотя полки, пошелъ прочь: дали ему вѣсть, что сватъ его Владимірко идетъ къ нему на помощь изъ Галича; такъ онъ и пошелъ къ нему на встрѣчу. Мстиславичи подъѣхали къ дядѣ Вячеславу и сказали: «они прочь поѣхали, пойдемъ за ними;» но Вячеславъ удержалъ ихъ: «это уже начало намъ Божіей помощи, говорилъ онъ; они сюда пріѣхали и ничего не успѣли сдѣлать, только стыда добыли; а вамъ нечего спѣшить; Богъ дастъ выступимъ вечеромъ, а пожалуй даже и завтра, подумавши.» Тогда Изяславъ обратился къ Борису Городенскому и сказалъ ему «Они вѣрно пойдутъ къ Бѣлгороду, ступайка, братъ, туда же боромъ;» и Борисъ отправился.

Юрій въ самомъ дѣлѣ подошелъ къ Бѣлгороду, и послалъ сказать гражданамъ: «вы мои люди: отворите мнѣ городъ.» Бѣлгородцы отвѣчали: «А Кіевъ тебѣ развѣ отворилъ ворота? наши князья Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ.» Услыхавъ такой отвѣтъ, Юрій пошелъ дальше; а между тѣмъ Мстиславичи съ дядею Вячеславомъ выступили за нимъ изъ Кіева, чтобъ предупредить соединеніе его съ Владимірковъ; равнодушіе Кіевлянъ или нежеланіе ихъ поднимать руки на Мономаховичей прошли; они сказали Мстиславичамъ: «пусть идутъ всѣ, кто можетъ хоть что-нибудь взять въ руки; а кто не пойдетъ, выдай намъ того, мы его сами побьемъ:» — такая ревность сту-

вить знаком сильнаго нерасположенія къ Юрію. Всѣ пошли съ радостію по своимъ князьямъ, говоритъ лѣтописецъ, на конихъ и пѣши, многое множество. На дорогѣ Изяславъ получилъ вѣсть отъ сына Мстислава, который прислалъ сказать ему: «король, твой зять, отпустилъ къ тебѣ помощь, какой прежде не бывало, многое множество; я уже съ ними прошелъ горы; если мы будемъ тебѣ скоро надобны, то дай знать, мы скорѣе пойдемъ.» Изяславъ велѣлъ отвѣчать ему: «мы уже идемъ на судъ Божій, а вы намъ всегда нужны; ступайте, какъ можно скорѣе.» У рѣки Рута настигли Мстиславичи Юрія; мирные переговоры, начатые было снова, остались тщетными, потому что Ольговичи и Половцы не дали мириться: понятно, что тѣ и другіе много теряли съ примиреніемъ всѣхъ Мономаховичей. Юрію не хотѣлось вступить въ битву до прихода Владимірковa: та же самая причина заставляла Изяслава какъ можно скорѣе начать сраженіе. Когда всѣ уже были готовы, вдругъ мгла покрыла все поле, такъ что можно было видѣть только до конца копья, потомъ пошелъ дождь, къ полудню туманъ разсѣялся, и враги увидали, что озеро раздѣляетъ ихъ; Юрій отступилъ, перешелъ рѣчку Малый Рутецъ, и остановился на ночь; Мстиславичи съ идею не отставали отъ него, и остановились ночевать на перелетъ стрѣлы отъ непріятельскихъ шатровъ. На другой день на зарѣ въ станѣ у Юрія ударили въ бубны, затрубили въ трубы, полки стали готовиться къ бою; скоро тѣ же звуки раздались и въ станѣ Мстиславичей. Выстроивши полки, Юрій съ сыновьями и союзниками пошелъ на верхъ Рутца, Мстиславичи также двинулись противъ него; но Юрій, дошедши до верховьевъ Рутца, поворотилъ полки и пошелъ къ Большому Руту: онъ не хотѣлъ биться, но хотѣлъ зайдти за Рутъ, и тамъ дожидаться Владимірка. Мстиславичи, увидавъ его отступленіе, послали въ слѣдъ за нимъ стрѣльцовъ своихъ, Черныхъ Клобуковъ и Русь, которые начали наѣзжать на задніе отряды, стрѣляться съ ними и отнимать возы. Тогда Юрій, видя, что непріятель не даетъ ему перейти за Рутъ, принужденъ былъ остановиться и вступить въ битву. Сынъ его Андрей, какъ старшій между братьями, (Ростиславъ умеръ въ 1150 году въ Переяславлѣ), началъ рядить отцовскіе полки; на другой сторонѣ Мстиславичи подъѣхали къ дядѣ Вячеславу, и сказали ему: «ты много хотѣлъ добра, но

братъ твой не согласился; теперь, батюшка, хотимъ голову сложить за тебя, или честь твою найти.» Вячеславъ отвѣчалъ имъ: «Братья и сыновья! отъ роду неохотникъ я былъ до кровопролитія; братъ мой довелъ до того, что вотъ стоимъ на этомъ мѣстѣ, Богъ насъ разсудитъ.» Племянники поклонились ему и поѣхали въ свои полки; Изяславъ разослалъ повѣстить по всѣмъ войскамъ: «смотрите на мой полкъ! какъ онъ пойдетъ, такъ и вы всѣ ступайте.» Лишь только съ обѣихъ сторонъ начали сходиться на битву, Андрей Юрьевичъ, схвативъ копье, поѣхалъ на переди и прежде всѣхъ столкнулся съ непріятелями; копье его было изломано, щитъ оторванъ, шлемъ спалъ съ головы, конь, раненый въ ноздри, началъ соваться подъ нимъ въ разныя стороны; съ противной стороны тоже самое сдѣлалъ Изяславъ Мстиславичь и подвергся той же опасности: онъ въѣхалъ прежде всѣхъ въ непріятельскіе полки, изломалъ копье, получилъ рану въ руку и въ стегно, и слетѣлъ съ павшаго коня. Послѣ общей схватки и злой сѣчи войска Мстиславичей побѣдили; степные союзники Юрьевы, Половцы любили пускать тучи стрѣлъ издали, и мало приносили пользы въ схваткахъ: не вынувши ни одной стрѣлы изъ колчановъ, они пустились бѣжать первые, за ними Ольговичи, а за Ольговичами побѣжали и Юрій съ дѣтьми; много дружины ихъ было побито, взято въ плѣнъ, потонуло въ топкомъ Рутѣ; въ числѣ убитыхъ былъ Владиміръ Давидовичь, князь Черниговскій, въ числѣ плѣнныхъ много князей Половецкихъ. Когда побѣдители возвратились съ погони на поле битвы, то изъ кучи раненыхъ одинъ началъ привставать; толпа пѣшихъ Кіевлянъ подбѣжала къ нему и хотѣла убить, какъ вдругъ онъ сказалъ: «я князь!» — «ну такъ тебя-то намъ и надобно» отвѣчалъ одинъ изъ Кіевлянъ, думая, что это Юрьевичь или Ольговичь, и началъ сѣчь его мечемъ по шлему; тогда раненый сказалъ: «я Изяславъ, князь вашъ,» и снялъ шлемъ: Кіевляне узнали его, схватили съ радостію на руки, какъ царя и князя своего, по выраженію лѣтописца, и воскликнули: «Киріеелеисонъ!» И во всѣхъ полкахъ была большая радость, когда при побѣдѣ узнали еще, что и князь живъ. Мстиславичь былъ очень слабъ, изошелъ кровію; но услыша, что Изяславъ Давидовичь плачется надъ братомъ своимъ Владиміромъ, собралъ силы, сѣлъ на-коня и поѣхалъ туда: поплакали

вмѣстѣ; долго плакавши, онъ сказалъ Давидовичу: «уже намъ его не воскресить; такъ взявши тѣло, поѣзжайка лучше въ Черниговъ, я тебѣ помощь дамъ.» Мстиславичи отпустили съ нимъ Романа, сына Ростиславова съ дружиною; до вечера Давидовичь съ Романомъ были уже въ Вышгородѣ, въ ночь перевезлись черезъ Днѣпръ, а утромъ на другой день пріѣхали въ Черниговъ, гдѣ Изяславъ, похоронивши брата, сѣлъ на столѣ. Между тѣмъ Юрій съ сыновьями переѣхалъ Днѣпръ у Треполя и остановился въ Переяславлѣ; Половцы ушли въ степи, а Ольговичи переправились за Днѣпръ выше Заруба и бѣжали въ Городецъ. Святославъ Ольговичь былъ очень толстъ, сильно усталъ; потому, пріѣхавши въ Городецъ, не могъ уже ѣхать дальше, и отправилъ къ Чернигову одного племянника, Святослава Всеволодича; тотъ, пріѣхавши къ перевозу на Десну, узналъ, что Изяславъ Давидовичь уже въ Черниговѣ, и поскакалъ тотчасъ же назадъ, пославъ сказать дядѣ, чтобъ ѣхалъ въ Новгородъ Сѣверскій, а Черниговъ уже занятъ. Съ другой стороны Владимірко Галицкій шелъ къ свату своему Юрію на помощь, но узнавши на дорогѣ, что Юрій разбитъ, поспѣшно пошелъ назадъ. Такъ Мстиславичамъ нечего было бояться съ запада, и они съ торжествомъ вступили съ дядею въ Кіевъ, гдѣ начали жить очень весело и очень дружно.

Но дядя Юрій все сидѣлъ въ Переяславлѣ; Изяславу нельзя было позволить ему оставаться въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, и онъ съ дядею Вячеславомъ сталъ сбираться на него, а брата Ростислава отпустилъ въ Смоленскъ. Въ это время пришла къ нему непріятная новость съ запада: Владимірко Галицкій, возвращаясь домой, узналъ, что Мстиславъ Изяславичь ведетъ отрядъ Венгровъ на помощь отцу своему, и рѣшился напасть на него. Мстиславъ, ничего не зная, сталъ у Сапогиня близъ Дорогобужа, откуда Владиміръ Андрѣевичь (посаженный здѣсь, какъ видно Владимірkомъ[270]) прислалъ къ нему много вина, и велѣлъ сказать, что Владимірко идетъ на него; Мстиславъ сталъ пить съ Венграми, и во время пира объявилъ имъ о приближеніи Галицкаго князя; пьяные Венгры отвѣчали: «пусть его приходитъ! мы съ нимъ побьемся.» Въ полночь, когда все улеглось въ станѣ, сторожа прибѣжали къ Мстиславу съ вѣстію, что идетъ Владимірко. Мстиславъ съ дружиною сѣли на коней, и начали

будить Венгровъ, но тѣ послѣ попойки лежали какъ мертвые; нельзя было никакъ ихъ добудиться; на разсвѣтѣ Владимірко напалъ на станъ и перебилъ почти всѣхъ Венгровъ, немного только взялъ въ плѣнъ, а Мстиславъ съ дружиною убѣжалъ въ Луцкъ. Когда Изяславъ въ Кіевѣ получилъ вѣсть, что сынъ его побѣжденъ, и Венгры перебиты, то сказалъ поговорку, которую лѣтописецъ и прежде слыхалъ отъ него: «Не идетъ мѣсто къ голове, а голова къ мѣсту; но далъ бы только Богъ здоровье мнѣ и королю; а Владимірку будетъ месть.» Но прежде надобно было раздѣлаться съ Юріемъ, и Вячеславъ съ племянниками — Изяславомъ и Святополкомъ и съ Берендѣями пошли къ Переяславлю, бились здѣсь два дня, на третій пѣхота ворвалась въ городъ и зажгла предмѣстья. Тогда Вячеславъ съ Изяславомъ послали сказать Юрію: «Кланяемся тебѣ; иди въ Суздаль, а сына посади здѣсь въ Переяславлѣ: съ тобою не можемъ быть здѣсь, приведешь на насъ опять Половцевъ.» Юрій въ это время не могъ ждать скоро ни откуда помощи, хотя пересылался и съ Владимíркомъ и съ Половцами: изъ дружины его одни были убиты, другіе взяты въ плѣнъ; и потому онъ послалъ сказать брату и племяннику: «пойду въ Городокъ, и побывъ тамъ, пойду въ Суздаль;» тѣ велѣли отвѣчать ему, что можетъ оставаться въ городкѣ мѣсяцъ, а потомъ чтобъ шелъ въ Суздаль; если же не пойдетъ, то они осадятъ его въ Городкѣ точно также, какъ теперь въ Переяславлѣ. Юрію было нечего дѣлать, неволею цѣловалъ крестъ съ сыновьями, что пойдетъ черезъ мѣсяцъ въ Суздаль, и не будетъ искать Кіева подъ Вячеславомъ и Изяславомъ; долженъ былъ также отказаться отъ союза съ Святославомъ Ольговичемъ, и не могъ включить его въ договоръ. Оставивъ въ Переяславлѣ сына Глѣба, онъ пошелъ въ Городокъ, а старшій сынъ его Андрей отпросился идти напередъ въ Суздаль: «намъ здѣсь, батюшка; говорилъ онъ, нечего больше дѣлать, уйдемъ за тепло.» Святославъ Ольговичь, слыша, что Юрій уладился съ братомъ и племянникомъ, послалъ въ Черниговъ къ Изяславу Давидовичу сказать ему отъ своего имени и отъ имени племянника Святослава Всеволодича: «Братъ! миръ стоитъ до рати, и рать до мира; вѣдь мы тебѣ братья, прими насъ къ себѣ; отчины у насъ двѣ: одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давида, — ты Давидовичь, а я Ольговичь; такъ ты,

ратъ, возьми отцовское Давидовское, а что Ольгово, то отдай вамъ, мы тѣмъ и подѣлимся.» Изяславъ поступилъ по-христіански, говоритъ лѣтописецъ, принялъ братьевъ и отчину имъ тдалъ, но, какъ видно, съ условіемъ, отстать отъ Юрія и быть мѣстѣ съ Мстиславичами. Юрій не могъ разстаться съ Русскою эмлею, нарушилъ клятву, пробылъ въ Городкѣ болѣе мѣсяца; о Изяславъ хотѣлъ сдержать свое слово, и явился осаждать го въ Городкѣ съ Берендѣями, Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ, Святославомъ Всеволодовичемъ и вспомогательымъ отрядомъ Святослава Ольговича; послѣдній не пошелъ днако самъ противъ своего стараго союзника. Юрій затворился въ Городкѣ и долго отбивался; наконецъ стало ему тяжко, омощи не было ни откуда; онъ долженъ былъ цѣловать крестъ, то пойдетъ въ Суздаль, и на этотъ разъ дѣйствительно поелъ, оставивъ въ Городкѣ сына Глѣба: Переяславль, какъ идно, былъ у него отнятъ за прежнее нарушеніе клятвы; Изяславъ посадилъ въ немъ послѣ сына своего Мстислава. Юрій ошелъ въ Суздаль на Новгородъ Сѣверскій, заѣхалъ къ стаому пріятелю Святославу Ольговичу, принятъ былъ отъ него ъ честію, и получилъ все нужное для дороги.

Быть можетъ это пріятельское свиданіе Юрія съ Ольговичемъ было одною изъ причинъ, заставившихъ Изяслава Мстиславича съѣхаться въ 1152 году съ Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ и Святославомъ Всеволодичемъ. На этомъ съѣздѣ рѣшено было избавиться отъ опаснаго притона [271], который былъ у Юрія на Руси между Черниговскою и Переяславскою волостію, вслѣдствіе чего князья разрушили Городокъ и сожгли его вмѣстѣ съ Михайловскою церковію. Услыхавъ объ этомъ, Юрій вздохнулъ отъ сердца, по выраженію лѣтописца, и началъ собирать войско; пришелъ къ нему Рязанскій князь Ростиславъ Ярославичь съ братьею, съ полками Рязанскими и Муромскими; соединился съ нимъ и Святославъ Ольговичь Сѣверскій; наконецъ пришло множество Половцевъ, всѣ орды, что между Волгою и Дономъ; Юрій сказалъ: «Они мой Городецъ пожгли и церковь, такъ я имъ отожгу за это», и пошелъ прямо къ Чернигову. Между тѣмъ, услыхавъ о дядиномъ походѣ, Изяславъ Мстиславичь послалъ сказать брату Ростиславу въ Смоленскъ: «Тамъ у тебя Новгородъ сильный и Смоленскъ; собравшись, постереги

свою землю; если Юрій пойдетъ на тебя, то я къ тебѣ пойду, а если минуетъ твою волость, то приходи ты сюда ко мнѣ». Когда Ростиславъ узналъ, что дядя миновалъ Смоленскую область и пошелъ прямо на Черниговъ, то отправился немедленно и самъ туда же, опередилъ Юрія, и вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодичемъ затворился въ Черниговѣ, къ которому скоро явились Юрьевы Половцы, и стали жечь окрестности. Осажденные князья, видя множество Половцевъ, велѣли жителямъ всѣмъ перебраться въ ночь изъ острога въ кремль (дѣтинецъ); а на другое утро подошли къ городу Юрій и Святославъ Ольговичь со всѣми своими полками; Половцы бросились къ городу, разломали острогъ, зажгли всѣ предмѣстія и начали биться съ Черниговцами, которые держались крѣпко. Видя это, осаждающіе князья стали думать: «не крѣпко станутъ биться дружина и Половцы, если не поѣдемъ съ ними сами»; Андрей Юрьичь, по обычаю своему, вызвался первый идти впередъ: «я начну день свой», сказалъ онъ, взялъ дружину, поѣхалъ подъ городъ, ударилъ на осажденныхъ, которые вздумали сдѣлать вылазку, и втопталъ ихъ въ городъ; другіе князья, ободренные примѣромъ Андрея, также стали ѣздить подлѣ города, и напуганные Черниговцы уже не смѣли болѣе дѣлать вылазокъ. Уже 12 дней стоялъ Юрій подъ Черниговомъ, какъ пришла къ нему вѣсть о приближеніи Изяслава Мстиславича съ дядею Вячеславомъ; Половцы, храбрые когда надобно было жечь Черниговскія предмѣстія и стрѣляться издали съ осажденными, теперь первые струсили, и начали отъѣжать прочь. Юрій и Ольговичь, видя бѣгство Половцевъ, принуждены были также отступить отъ Чернигова; Юрій пошелъ на Новгородъ Сѣверскій, оттуда къ Рыльску, изъ Рыльска хотѣлъ идти уже въ Суздаль, какъ былъ остановленъ Святославомъ Ольговичемъ: «Ты хочешь идти прочь, говорилъ ему Святославъ, а меня оставить, погубивши мою волость, потравивши Половцами весь хлѣбъ; Половцы теперь ушли, а за ними въ слѣдъ явится Изяславъ, и погубитъ остальную мою волость за союзъ съ тобою», Юрій обѣщался оставить ему помощь, и оставилъ сына Василька съ 50 человѣкъ дружины! Ольговичь не обманулся въ своихъ опасеніяхъ: Изяславъ Мстиславичь стоялъ уже на рѣкѣ Альтѣ со всѣми своими силами; отпустивши старика Вячеслава въ Кіевъ, а сына Мстислава съ

Черными Клобуками на Половцевъ, вѣроятно для того, чтобъ отвлечь ихъ отъ поданія помощи Сѣверскому князю, Изяславъ самъ отправился къ Новгороду Сѣверскому, гдѣ соединились съ нимъ Изяславъ Давидовичь, Святославъ Всеволодовичь и Романъ, сынъ Ростислава Смоленскаго. Когда острогъ былъ взятъ и осажденные вбиты въ крѣпость, то на третій день послѣ осады Святославъ Ольговичь прислалъ къ Изяславу съ поклономъ и съ просьбою о мирѣ; Изяславъ сначала не хотѣлъ слушать его просьбы, но потомъ раздумавъ, что время уже подходитъ къ веснѣ, помирился [272], и пошелъ назадъ къ Чернигову, гдѣ получилъ вѣсть отъ сына Мстислава, что тотъ разбилъ Половцевъ на рѣкахъ Углѣ и Самарѣ, самихъ прогналъ, вежи ихъ, лошадей, скотъ побралъ, и множество душъ христіанскихъ избавилъ изъ неволи и отпустилъ по домамъ. Послѣ этого, въ 1154 г., Юрій еще разъ собрался на Русскую землю, и опять неудачно; на дорогѣ открылся въ его войскѣ сильный конскій падежъ; пришедши въ землю Вятичей, онъ остановился, не доходя Козельска; здѣсь пришли къ нему Половцы; онъ подумалъ, и, отпустивъ сына Глѣба къ Половцамъ въ степь, самъ возвратился въ Суздаль. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Юрій принужденъ былъ къ возвращенію тѣмъ, что Половцевъ пришло гораздо меньше, чѣмъ сколько онъ ожидалъ, и вотъ онъ отправилъ сына Глѣба въ степи для найма еще другихъ варваровъ [273].

Такъ кончилась борьба Юрія съ Изяславомъ. Мы видѣли, что въ этой борьбѣ главнымъ союзникомъ Ростовскаго князя на востокѣ былъ Святославъ Ольговичь, который теперь долженъ былъ принять миръ на всей волѣ Изяславовой; но еще болѣе дѣятельнаго союзника имѣлъ Юрій на западѣ въ сватѣ своемъ, князѣ Галицкомъ Владимиркѣ: на этого Изяславъ долженъ былъ еще болѣе сердиться, чѣмъ на Ольговича; мы видѣли, какъ онъ обѣщался отомстить ему за пораженіе Венгровъ. Еще въ 1151 году, сбираясь выгнать Юрія изъ Городка, Изяславъ послалъ сказать королю Венгерскому: «Владиміръ Галицкій дружину мою и твою избилъ; такъ теперь, братъ, тебѣ надобно подумать объ этомъ; не дай Богъ намъ этого такъ оставить, дай Богъ намъ отомстить за дружину; собирайся, братъ, у себя, а я здѣсь, и какъ намъ съ нимъ Богъ дастъ». Король отвѣчалъ, что онъ уже собирается; но Изяславъ боялся, чтобъ сборы не были долги,

и послалъ сына Мстислава въ Венгрію торопить зятя; Гейза назначилъ срокъ, когда сбираться, и послалъ сказать Изяславу: «Я уже сажусь на коня, и сына твоего Мстислава беру съ собою; садись и ты на коня». Изяславъ тотчасъ собралъ дружину, взялъ съ собою весь полкъ Вячеславовъ, всѣхъ Черныхъ Клобуковъ, лучшихъ Кіевлянъ, всю Русскую дружину, и пошелъ на Галичь; на дорогѣ у Дорогобужа соединился съ нимъ родной братъ Владиміръ, у Пересопницы двоюродный Владиміръ Андреевичь и другой родной Святополкъ изъ Владимира [274]; Изяславъ велѣлъ Святополку оставаться въ своемъ городѣ, и, взявъ его полкъ, пошелъ далѣе. Перешедши рѣку Санъ, онъ встрѣтилъ королевскаго посла, который пріѣхалъ съ сотнею ратныхъ и сказалъ Изяславу: «Зять твой король тебѣ кланяется и велѣлъ сказать, что онъ уже пятый день дожидается тебя, ступай скорѣе». Изяславъ пошелъ немедленно впередъ, и на другой день послѣ обѣда подошелъ къ Венгерскому стану, расположенному за Ярославлемъ. Король съ дружиною выѣхалъ къ нему навстрѣчу: они обнялись, говоритъ лѣтописецъ, съ великою любовію и съ великою честію, и, вошедши въ королевскій шатеръ, стали думать, какъ бы на другой день рано ѣхать биться къ рѣкѣ Сану. На разсвѣтѣ король ударилъ въ бубны, выстроилъ полки и послалъ сказать Изяславу: «Ступай съ своими полками подлѣ моего полку; гдѣ я стану, тамъ и ты становись, чтобъ намъ вмѣстѣ можно было обо всемъ думать». Союзники пришли къ Сану ниже Перемышля; на противопожномъ берегу уже стоялъ Владимірко, нос коро долженъ былъ отодвинуться дальше отъ натиска Венгровъ; передъ началомъ битвы Изяславъ сказалъ своей дружинѣ: «Братья и дружина! Богъ никогда Русской земли и Русскихъ сыновъ въ безчестьи не оставлялъ; вездѣ они честь свою брали; теперь, братья, поревнуемъ тому: дай намъ Богъ въ этихъ земляхъ и передъ чужими народами честь свою взять». Сказавши это, Изяславъ бросился со всѣми своими полками въ бродъ; Венгры, видя, что Русскіе уже переправляются, бросясь также въ бродъ, съ разныхъ сторонъ въѣхали въ полки Галицкіе и обратили ихъ въ бѣгство; самъ Владимірко, убѣгая отъ Венгровъ, попался было къ Чернымъ Клобукамъ, и едва самъ-другъ успѣлъ скрыться въ Перемышлѣ; этотъ городъ былъ бы тогда непремѣнно взятъ, потому что некому было отстаи-

вать его, но къ счастію для Владимірка, за городомъ на лугу находился княжій дворъ, гдѣ было много всякаго добра: туда ринулось все войско, а о городѣ позабыли. Владимірко между тѣмъ, видя бѣду, сталъ посылать къ королю, просить мира; ночью послалъ, по старому обычаю, къ архіепископу и къ воеводамъ королевскимъ, притворился, что жестоко раненъ, лежитъ при смерти, и потому велѣлъ сказать имъ: «Просите за меня короля: я жестоко раненъ, каюсь предъ нимъ, что тогда огорчилъ его, перебивши Венгровъ, и что теперь опять сталъ противъ него; Богъ грѣхи отпускаетъ, пусть и король проститъ меня, и не выдаетъ Изяславу, потому что я очень боленъ; если меня Богъ возьметъ, то отдаю королю сына моего на руки; я королеву отцу много послужилъ своимъ копьемъ и своими полками, за его обиду и съ Ляхами бился; пусть король припомнитъ это и проститъ меня». Много даровъ, золота, серебра, сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, платья выслалъ Владимірко архіепископу и вельможамъ Венгерскимъ, чтобъ просили короля не губить его, не исполнять желаніе королевы, сестры Изяславовой. На другой день Гейза съѣхался съ Изяславомъ и сказалъ ему: «Батюшка! кланяюсь тебѣ: Владиміръ присылалъ ко мнѣ: молится и кланяется, говоритъ, что сильно раненъ и не останется живъ; что ты скажешь на это»? Изяславъ отвѣчалъ: «Если Владиміръ умретъ, то это Богъ убилъ его за клятвопреступленіе намъ обоимъ; исполнилъ ли онъ тебѣ хотя что-нибудь изъ того, что обѣщалъ? мало того, опозорилъ насъ обоихъ; такъ какъ ему теперь вѣрить? два раза онъ нарушалъ клятву; а теперь самъ Богъ отдалъ намъ его въ руки, такъ возьмемъ его вмѣстѣ съ волостью». Особенно говорилъ противъ Владимірка и выставлялъ всѣ вины его Мстиславъ Изяславичь, который былъ сердитъ на Галицкаго князя за Дорогобужское дѣло. Но король непослушался ихъ, потому что былъ уже уговоренъ архіепископомъ и вельможами, подкупленными Владимірскомъ; онъ отвѣчалъ Изяславу: «Не могу его убить: онъ молится и кланяется, и въ винѣ своей прощенья проситъ; но если теперь, поцѣловавъ крестъ, нарушитъ еще разъ клятву, тогда уже либо я буду въ Венгерской землѣ, либо онъ въ Галицкой». Владимірко прислалъ и къ Изяславу съ просьбою: «Братъ! кланяюсь тебѣ и во всемъ каюсь, во всемъ я виноватъ; а теперь, братъ, прими меня къ

себѣ и прости, да и короля понудь, чтобъ меня принялъ; а мнѣ дай Богъ съ тобою быть». Изяславъ самъ по себѣ не хотѣлъ и слышать о мирѣ; но одному ему нельзя было противиться королю и его вельможамъ, поневолѣ долженъ былъ начать переговоры: король требовалъ отъ Владимірка клятвы въ томъ, что онъ возвратитъ всѣ захваченные имъ Русскіе города Изяславу, и будетъ всегда въ союзѣ съ послѣднимъ, при всякихъ обстоятельствахъ, счастливыхъ или несчастныхъ; когда король хотѣлъ послать бояръ своихъ къ Владимірку съ крестомъ, который тотъ долженъ былъ поцѣловать, то Изяславъ говорилъ, что не для чего заставлять цѣловать крестъ человѣка, который играетъ клятвами; на это король отвѣчалъ: «Это самый тотъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ Богъ нашъ; Богу угодно было, чтобъ онъ достался предку моему св. Стефану; если Владимірко поцѣлуетъ этотъ крестъ, нарушитъ клятву и останется живъ, то я тебѣ, батюшка, говорю, что либо голову свою сложу, либо добуду Галицкую землю; а теперь не могу его убить». Изяславъ согласился, но сынъ его Мстиславъ сказалъ: «вы поступаете какъ должно по-христіански, честному кресту вѣрите и съ Владиміркомъ миритесь; но я вамъ передъ этимъ честнымъ крестомъ скажу, что онъ непремѣнно нарушитъ свою клятву; тогда ты, король, своего слова не забудь, и приходи опять съ полками къ Галичу»; король отвѣчалъ: «ну право же тебѣ говорю, что если Владимірко нарушитъ клятву, то какъ до сихъ поръ отецъ мой Изяславъ звалъ меня на помощь, такъ тогда уже я позову его къ себѣ на помощь». Владимірко цѣловалъ крестъ, что исполнитъ королевскія требованія; цѣловалъ онъ крестъ лежа, показывая видъ, что изнемогъ отъ ранъ, тогда какъ ранъ на немъ никакихъ не было.

Простившись съ королемъ, Изяславъ пошелъ назадъ въ Русскую землю, и когда былъ во Владимірѣ, то послалъ посадниковъ [275] своихъ въ города, которые Владимірко обѣщалъ ему возвратить; но посадники пришли назадъ: Владимірко не пустилъ ихъ ни въ одинъ городъ. Изяславъ продолжалъ путь въ Кіевъ, только послалъ сказать королю: «ни тебѣ, ни мнѣ теперь уже не ворочаться назадъ, я только объявляю тебѣ, что Владимірко нарушилъ клятву; такъ не забудь своего слова». Владимірко спѣшилъ нарушить и другое условіе мира: узнавъ, что сватъ его

Юрій идетъ на племянника; онъ также выступилъ противъ Изяслава, но возвратился, когда дали ему вѣсть, что тотъ идетъ къ нему на встрѣчу. Управившись съ дядею, Изяславъ послалъ въ Галичь боярина своего Петра Бориславича, который былъ свидѣтелемъ клятвы Владимірковой предъ крестомъ св. Стефана. Петръ долженъ былъ сказать Галицкому князю отъ имени Изяслава: «ты намъ съ королемъ крестъ цѣловалъ, что возвратишь Русскіе города, и не возвратилъ; теперь я всего того не поминаю; но если хочешь исполнить свое крестное цѣлованіе и быть съ нами въ мирѣ, то отдай мнѣ города мои; а не хочешь отдать, то клятву свою ты нарушилъ, и мы съ королемъ будемъ перевѣдываться съ тобою, какъ намъ Богъ дастъ». Владимірко отвѣчалъ на это послу: «скажи отъ меня Изяславу вотъ что: «ты нечаянно напалъ на меня самъ и короля навелъ; такъ если буду живъ, то либо голову свою сложу, либо отомщу тебѣ за себя». Петръ сказалъ ему на это: «Князь! вѣдь ты крестъ цѣловалъ Изяславу и королю, что все исправишь и будешь съ ними въ союзѣ; такъ ты нарушилъ крестное цѣлованіе». Владимірко отвѣчалъ: «Вотъ еще: что мнѣ этотъ маленькій крестикъ!»—«Князь! возразилъ ему Кіевскій бояринъ: хотя крестъ и малъ, да сила его велика на небеси и на землѣ; вѣдь тебѣ король объявлялъ, что это самый тотъ крестъ, на которомъ Христосъ былъ распятъ: да и то было тебѣ говорено, что если поцѣлуешь этотъ крестъ, ты слова своего не сдержишь, то живъ не останешься; слышалъ ли ты обо всемъ этомъ отъ королевскаго посла?» Владимірко отвѣчалъ: «Да, помню, досыта вы тогда наговорились; а теперь ступай вонъ, поѣзжай назадъ къ своему князю». Петръ, положивъ предъ нимъ крестныя грамоты, пошелъ вонъ, и когда собрался ѣхать, то не дали ему ни повозки, ни корма, такъ что онъ принужденъ былъ отправиться на своихъ лошадяхъ. Петръ съѣзжалъ съ княжего двора, а Владимірко шелъ въ то время въ церковь къ вечернѣ, и видя, что Петръ уѣзжаетъ, сталъ смѣяться надъ нимъ: «смотрите-ка, Русскій-то бояринъ поѣхалъ, побравши всѣ волости!» Когда вечерня отошла, и Владимірко, возвращаясь изъ церкви, дошелъ то того самаго мѣста, гдѣ смѣялся надъ Петромъ, то вдругъ сказалъ: «что это какъ будто кто меня ударилъ по плечу!» и не могъ двинуть больше ногами: еслибъ не подхватили его, то упалъ бы съ лѣстни-

цы; понесли его въ горенку, положили въ укропъ; къ вечеру стало ему хуже, а къ ночи умеръ. Между тѣмъ Петръ Бориславичь, выѣхавши изъ Галича, остановился ночевать въ селѣ Большовѣ [276]: вдругъ на разсвѣтѣ скачетъ къ нему гонецъ изъ Галича: «Князь не велѣлъ тебѣ ѣхать дальше, дожидайся пока пришлетъ за тобою». Петръ, ничего не зная о Владимірковой смерти, сталъ тужить, что ему надобно ѣхать назадъ въ городъ и вѣрно придется вытерпѣть тамъ разныя притѣсненія; и точно еще до обѣда прискакалъ къ нему новый гонецъ съ приказомъ отъ князя ѣхать въ городъ; Петръ отправился, и когда въѣхалъ на княжій дворъ, то къ нему на встрѣчу вышли изъ сѣней слуги княжіе всѣ въ черномъ; онъ удивился—что бы это такое значило? вошелъ на сѣни, смотритъ—на княжомъ мѣстѣ сидитъ сынъ Владимірковъ Ярославъ въ черномъ платьѣ и въ черной шапкѣ, также и всѣ бояре въ черномъ. Петру поставили стулъ, и когда онъ сѣлъ, то Ярославъ, взглянувши на него, залился слезами. Петръ сидѣлъ въ недоумѣніи, смотря на всѣ стороны; наконецъ спросилъ: да что же это такое значитъ? тутъ ему объявили, что ночью князь умеръ. «Какъ умеръ? возразилъ Петръ: когда я поѣхалъ, онъ былъ совсѣмъ здоровъ!» Ему отвѣчали, что былъ здоровъ, да вдругъ схватился за плечо, началъ съ того изнемогать и умеръ. «Воля Божія», сказалъ на это Петръ, «намъ всѣмъ тамъ быть». Тогда Ярославъ началъ говорить Петру: «Мы позвали тебя для того, что вотъ Богъ сотворилъ волю свою; поѣзжай ты теперь къ отцу моему Изяславу, поклонись ему отъ меня и скажи: Богъ взялъ моего отца, такъ ты будь мнѣ вмѣсто него; ты съ покойникомъ самъ вѣдался, что тамъ между васъ было, уже Богъ разсудилъ васъ; Богъ отца моего къ себѣ взялъ, а меня оставилъ на его мѣсто, полкъ и дружина его у меня, только одно копье поставлено у его гроба, да и то въ моихъ рукахъ; теперь кланяюсь тебѣ, батюшка! прими меня какъ сына своего Мстислава: пусть Мстиславъ ѣздитъ подлѣ твоего стремени съ одной стороны, а я буду ѣздить по другой сторонѣ со всѣми своими полками». Петръ съ этимъ и отправился.

Ярославъ, или по нѣкоторымъ извѣстіямъ [277] бояре его, только манили Изяслава, чтобъ выиграть время, а въ самомъ дѣлѣ и не думали возвращать ему городовъ, захваченныхъ Владимірковъ. Это заставило Кіевскаго князя пойти въ другой разъ на

Галичь (1153 г.); съ нимъ пошли сынъ его Мстиславъ съ Переяславцами, полкъ Изяслава Давидовича Черниговскаго и всѣ Черные Клобуки; а на дорогѣ присоединились къ нему братья— Владиміръ изъ Дорогобужа, Святополкъ изъ Владиміра, Владиміръ Андреичь изъ Бреста [278]. У Теребовля встрѣтился Изяславъ съ полками Ярославовыми, и передъ битвою Галицкіе бояре сказали своему князю: «Ты, князь, молодъ, отъѣзжай прочь и смотри на насъ: отецъ твой насъ кормилъ и любилъ, такъ мы хотимъ за честь твоего отца и за твою сложить свои головы; ты у насъ одинъ; если съ тобой что случится, то что намъ тогда дѣлать? такъ ступай-ка, князь, къ городу, а мы станемъ биться съ Изяславомъ, и кто изъ насъ останется живъ, тотъ прибѣжитъ къ тебѣ, и затворится съ тобою въ городѣ. Злая сѣча продолжалась уже отъ полудня до вечера, когда сдѣлалось въ обѣихъ ратяхъ смятеніе: не видно было, которые побѣдили. Изяславъ гналъ Галичанъ, а братья его бѣжали отъ нихъ; Изяславъ побралъ въ плѣнъ Галицкихъ бояръ, а Галичане Изяславовыхъ. Время шло уже къ ночи, когда Кіевскій князь остановился съ небольшою дружиною на мѣстѣ боя, и поднялъ Галицкіе стяги; Галичане побѣжали къ нимъ, думая, что тутъ свои, и были перехватаны; но въ ночь Изяславу стало страшно: дружины у него осталось мало, плѣнниковъ было больше чѣмъ дружины, а между тѣмъ изъ Теребовля Ярославъ могъ напасть на него; подумавши, Изяславъ велѣлъ перебить плѣнниковъ, оставя только лучшихъ мужей, и выступилъ назадъ къ Кіеву, потому что братья и дружина его разбѣжалась, не съ кѣмъ было продолжать походъ. Былъ послѣ этого плачь великій по всей землѣ Галицкой, говоритъ лѣтописецъ.

Этимъ печальнымъ походомъ заключилась дѣятельность Изяслава. Въ 1154 году, женившись во второй разъ на царевнѣ Грузинской, Изяславъ схоронилъ брата Святополка, а потомъ скоро самъ занемогъ и умеръ. Лѣтописецъ называетъ его честнымъ, благовѣрнымъ, христолюбивымъ, славнымъ; говоритъ, что плакала по немъ вся Русская земля и всѣ Черные Клобуки, какъ по царѣ и господинѣ своемъ, а больше какъ по отцѣ; причина такой любви народной ясна: при необыкновенной храбрости (въ которой равнялся съ нимъ, быть можетъ, изъ князей одинъ Андрей Юрьевичь), не уступая никому перваго мѣста въ

битвѣ, гоня враговъ и въ то время, когда полки его бывали разбиты, Изяславъ отличался также искусствомъ, былъ хитеръ на воинскія выдумки; но будучи похожъ на знаменитаго дѣда своего храбростію, отвагою, онъ напоминалъ его также ласковостію къ народу: мы видѣли, какъ онъ обращался съ нимъ въ Кіевѣ, въ Новгородѣ; непріятное правленіе дяди Юрія только оттѣнило добрыя качества Изяслава, заставило смолкнуть всякое нерасположеніе, какое у кого было къ нему, и мы видѣли, какъ ревностно бились за него и граждане и Черные Клобуки, прежде равнодушные. Поговорка его: «Не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту», показываетъ его стремленіе, его положеніе, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, служила для него оправданіемъ этихъ стремленій и происшедшей отъ нихъ новизны положенія его: поговорка эта оправдываетъ стремленіе дать личнымъ достоинствамъ силу предъ правомъ старшинства. Дѣйствительно Изяславъ въ сравненіи съ своими старшими, дядьями, былъ въ родѣ Мономаховомъ единственною головою, которая шла къ мѣсту. Но мы видѣли, что Изяславъ долженъ былъ уступить; ему не удалось дать преимущества личнымъ достоинствамъ своимъ и даже другому праву своему, праву завоевателя, перваго пріобрѣтателя старшей волости; не смотря на то, что онъ головою добылъ Кіевъ, онъ принужденъ былъ наконецъ признать старшинство и права дяди Вячеслава, котораго голова уже никакъ не шла къ мѣсту; а преждевременная смерть Изяслава нанесла окончательный ударъ притязаніямъ племянниковъ и Мстиславовой линіи: изъ братьевъ Изяславовыхъ ни одинъ не былъ способенъ замѣнить его; дѣятельнѣе, предпріимчивѣе дядей былъ сынъ его Мстиславъ, но онъ не могъ дѣйствовать одинъ мимо родныхъ дядей и противъ нихъ; его положеніе было одинаково съ положеніемъ отца, только гораздо затруднительнѣе; замѣтимъ еще, что преждевременная смерть отца Изяслава, отказавшагося отъ старшинства въ пользу дяди, въ глазахъ многихъ должна была отнимать у молодаго Мстислава право считаться отчичемъ на столѣ Кіевскомъ.

Старый дядя Вячеславъ плакалъ больше всѣхъ по племянникѣ, за щитомъ котораго онъ только что успокоился: «Сынъ! причиталъ старикъ надъ его гробомъ: это было мое мѣсто; но видно передъ Богомъ ничего не сдѣлаешь»! Въ Кіевѣ всѣ пла-

вали, а на той сторонѣ Днѣпра сильно радовались смерти Изяславовой и не тратили времени. Изяславъ Давидовичь Черниговскій немедленно поѣхалъ въ Кіевъ; но на перевозѣ у Днѣпра встрѣтилъ его посолъ отъ старика Вячеслава, съ вопросомъ: «Зачѣмъ пріѣхалъ, кто тебя звалъ? ступай назадъ въ свой Черниговъ». Изяславъ отвѣчалъ: «Я пріѣхалъ плакаться надъ братомъ покойникомъ, я не былъ при его смерти, такъ позволь теперь хотя на гробѣ его поплакать». Но Вячеславъ, по совѣту съ Мстиславомъ Изяславичемъ и боярами своими, не пустилъ его въ Кіевъ. Трудно рѣшить, на сколько было справедливо подозрѣніе Мстислава и Кіевскихъ бояръ; для оправданія ихъ мы должны припомнить, что въ 1153 году Изяславъ Давидовичь имѣлъ съѣздъ съ Святославомъ Ольговичемъ, гдѣ двоюродные братья обѣщали другъ другу стоять за одно. Въ Кіевѣ съ нетерпѣніемъ дожидались пріѣзда Ростислава Мстиславича изъ Смоленска, и между тѣмъ рѣшились разъединить Черниговскихъ, привлекши на свою сторону Святослава Всеволодича, которому легче всего было стать на сторонѣ Мстиславичей и по родству, да и потому, что изъ всѣхъ Черниговскихъ онъ одинъ былъ отчичь относительно старшинства и Кіева. Къ нему-то старикъ Вячеславъ послалъ сказать: «Ты Ростиславу сынъ любимый, также и мнѣ; пріѣзжай сюда, побудь въ Кіевѣ, пока пріѣдетъ Ростиславъ, а тогда всѣ вмѣстѣ урядимся о волостяхъ». Всеволодичь, не сказавшись дядьямъ своимъ, поѣхалъ въ Кіевъ, и дождался тамъ Ростислава, которому всѣ очень обрадовались, по словамъ лѣтописца: и старикъ Вячеславъ, и вся Русская земля и всѣ Черные Клобуки. Вячеславъ, увидавъ племянника, сказалъ ему: «Сынъ! я уже старъ, всѣхъ рядовъ не могу рядить; даю ихъ тебѣ, какъ братъ твой держалъ и рядилъ; а ты почитай меня, какъ отца и уважай, обходись, какъ братъ твой со мною обходился; вотъ мой полкъ и дружина моя, ты ихъ ряди». Ростиславъ поклонился и сказалъ: «Очень радъ, господинъ батюшка, почитаю тебя, какъ отца господина, и буду уважать тебя, какъ братъ мой Изяславъ уважалъ тебя и въ твоей волѣ былъ». Кіевляне, посадивши у себя Ростислава, также сказали ему: «Какъ братъ твой Изяславъ обходился съ Вячеславомъ, такъ и ты обходись, а до твоей смерти Кіевъ твой».

Первымъ дѣломъ Ростислава было урядиться съ сестричичемъ своимъ (племянникомъ отъ сестры), Святославомъ Всеволодичемъ; онъ сказалъ ему: «Даю тебѣ Туровъ и Пинскъ за то, что ты пріѣхалъ къ отцу моему Вячеславу и волости мнѣ сберегъ, за то и надѣляю тебя волостію»; Святославъ принялъ это надѣленіе съ радостію. Нужно было богатою волостію привязать къ себѣ сына Всеволодова, потому что на той сторонѣ Днѣпра дядья его уже дѣйствовали заодно съ Юріемъ Суздальскимъ; еще до пріѣзда Ростислава въ Кіевъ, они стали пересылаться съ Юріемъ, слѣдствіемъ чего было движеніе сына Юрьева Глѣба съ множествомъ Половцевъ на Переяславль: мы видѣли, что этотъ князь былъ посланъ отцемъ въ кочевья привесть какъ можно болѣе варваровъ. Переяславля взять Глѣбу не удалось; но онъ взялъ Пиратинъ на рѣкѣ Удаѣ. Ростиславъ и Святославъ Всеволодичь выступили къ Днѣпру и стали собирать дружину, какъ пригналъ къ нимъ посолъ отъ Мстислава Изяславича Переяславскаго съ вѣстію, что Половцы уже у города, и стрѣляются съ жителями; тогда Ростиславъ немедленно отрядилъ сына своего Святослава въ Переяславль, куда тотъ и успѣлъ пробраться. На другой день Половцы начали крѣпче приступать къ городу; но когда узнали, что къ Мстиславу пришла подмога, то испугались, и ушли за Сулу. Узнавъ о бѣгствѣ Половцевъ, Ростиславъ, по совѣту съ братьею, рѣшился, не заходя въ Кіевъ, идти прямо на Изяслава Давидовича Черниговскаго: «Нужно намъ, говорилъ Ростиславъ, предупредить Юрія, либо прогнать его, либо миръ заключить». Кіевскіе полки и Торки, подъ начальствомъ трехъ князей — Ростислава, Святослава Всеволодича и Мстислава Изяславича перешли уже Днѣпръ у Вышгорода и хотѣли идти къ Чернигову, какъ вдругъ прискакалъ къ Ростиславу гонецъ изъ Кіева, и объявилъ: «Отецъ твой Вячеславъ умеръ». «Какъ умеръ»? сказалъ Ростиславъ: «когда мы поѣхали, онъ былъ здоровъ»? Гонецъ отвѣчалъ: «Въ эту ночь пировалъ онъ съ дружиною и пошелъ спать здоровъ; но какъ легъ, такъ больше уже не вставалъ». Ростиславъ тотчасъ же поскакалъ въ Кіевъ, похоронилъ дядю, роздалъ все имѣніе его духовенству и нищимъ, и поручивъ остальныя дѣла всѣ матери своей, вдовѣ Мстиславовой, отправился опять на ту сторону Днѣпра. Пріѣхавши къ войску, онъ началъ думать съ племянниками и дружи-

нею — идти или нѣтъ на Черниговъ? бояре совѣтовали не ходить: «Дядя твой Вячеславъ умеръ, говорили они, а ты еще съ людьми Кіевскими не утвердился; лучше поѣзжай въ Кіевъ, утвердись тамъ съ людьми, и тогда если дядя Юрій придетъ на тебя, то захочешь помириться съ нимъ, помиришься, а не захочешь, будешь воевать». Любопытно, что Кіевскіе бояре хотятъ, чтобъ Ростиславъ ѣхалъ въ Кіевъ и урядился съ его жителями, тогда какъ послѣдніе уже прежде объявили ему, что Кіевъ принадлежитъ ему до самой смерти; притомъ Ростиславъ только что пріѣхалъ изъ Кіева; если бы граждане хотѣли объявить ему что-нибудь новое, то объявили бы послѣ похоронъ Вячеславовыхъ. Должно думать, что боярамъ самимъ хотѣлось возвратиться въ Кіевъ, и урядить тамъ свои дѣла по смерти стараго князя; быть можетъ имъ хотѣлось заставить Кіевлянъ утвердиться съ Ростиславомъ на счетъ новой дружины его Смоленской. Какъ бы то ни было, Ростиславъ не послушался бояръ, и пошелъ къ Чернигову, пославши напередъ сказать Изяславу Давидовичу: «Цѣлуй крестъ, что будешь сидѣть въ своей отчинѣ, въ Черниговѣ, а мы будемъ въ Кіевѣ». Изяславъ отвѣчалъ: «Я и теперь вамъ ничего не сдѣлалъ; не знаю, зачѣмъ вы на меня пришли; а пришли, такъ уже какъ намъ Богъ дастъ». Но вѣдь онъ подвелъ Глѣба Юрьевича съ Половцами, и былъ съ нимъ вмѣстѣ у Переяславля, замѣчаетъ лѣтописецъ. На другой день Давидовичь соединился съ Глѣбомъ и Половцами, и вышелъ противъ Мстиславичей; Ростиславъ, увидавъ множество враговъ, а у себя небольшую дружину, испугался, и сталъ пересылаться съ Изяславомъ на счетъ мира, отдавалъ ему подъ собою Кіевъ, а подъ племянникомъ Мстиславомъ Переяславль. Такое недостойное поведеніе, трусость, неумѣнье блюсти выгоды племени сильно раздосадовали Мстислава Изяславича: «Такъ не будетъ же ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева», сказалъ онъ дядѣ, и поворотилъ коня въ Переяславль; Ростиславъ, оставленный племянникомъ, былъ обойденъ Половцами, и послѣ двухдневной битвы, обратился въ бѣгство; преслѣдуемый врагами, онъ потерялъ коня, сынъ Святославъ отдалъ ему своего, а самъ сталъ отбиваться отъ Половцевъ, итакимъ образомъ далъ отцу время уйдти.

Ростиславъ переправился за Днѣпръ ниже Любеча и поѣхалъ въ Смоленскъ; Мстиславъ Изяславичь съ двоюроднымъ братомъ

Святославомъ Ростиславичемъ ускакалъ въ Переяславль, здѣсь взялъ жену и уѣхалъ въ Луцкъ; а Святославъ Всеволодичь былъ захваченъ Половцами; Изяславъ Давидовичь съ женою выручили его изъ плѣна, и другихъ Русскихъ много выручили, много добра сдѣлали, говоритъ лѣтописецъ: если кто изъ плѣнниковъ убѣгалъ въ городъ, тѣхъ не выдавали назадъ. Быть можетъ Давидовичь съ намѣреніемъ поступалъ такъ, желая пріобрѣсть расположеніе жителей Русской земли, которыхъ нелюбовь къ всему его племени онъ долженъ былъ знать хорошо. Онъ послалъ сказать Кіевлянамъ: «хочукъ вамъ поѣхать». Кіевляне были въ самомъ затруднительномъ положеніи: покинутые Ростиславомъ, они видѣли приближеніе Половцевъ, отъ которыхъ могло спасти ихъ только немедленное принятіе Давидовича, и они послали сказать ему: «Ступай въ Кіевъ, чтобъ насъ не взяли Половцы, ты нашъ князь, пріѣзжай». Изяславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ на столѣ, а Глѣба Юрьевича послалъ княжить въ Переяславль, окрестности котораго были сильно опустошены союзниками ихъ Половцами. Но Юрія Ростовскаго не льзя было удовлетворить однимъ Переяславлемъ: только что услыхалъ онъ о смерти Изяславовой и о пріѣздѣ другаго Мстиславича въ Кіевъ, какъ уже выступилъ въ походъ и приблизился къ Смоленску, имѣя теперь дѣло преимущественно съ тамошнимъ княземъ; тутъ пришла къ нему вѣсть, что Вячеславъ умеръ, Ростиславъ побѣжденъ, Давидовичь сидитъ въ Кіевѣ, а Глѣбъ въ Переяславлѣ. Ростиславъ между тѣмъ, прибѣжавши въ Смоленскъ, успѣлъ собрать войско и вышелъ противъ дяди; но мы видѣли, что Ростиславъ не былъ похожъ на брата отвагою, видѣли также, что онъ не былъ охотникомъ и до споровъ съ дядьми, и потому послалъ къ Юрію просить мира: «Батюшка! велѣлъ онъ сказать ему: кланяюсь тебѣ: ты и прежде до меня былъ добръ и я до тебя; и теперь кланяюсь тебѣ, дядя мнѣ вмѣсто отца». Юрій отвѣчалъ: «Правду говоришь, сынъ: съ Изяславомъ я не могъ быть; но ты мнѣ свой братъ и сынъ». Послѣ этой пересылки дядя съ племянникомъ поцѣловали крестъ на всей любви, по выраженію лѣтописца, и Юрій отправился къ Кіеву, а Ростиславъ въ Смоленскъ; вѣроятно, что необходимость спѣшить въ Кіевъ и большое войско Ростислава также имѣли вліяніе на миролюбіе дяди. Не далеко отъ Стародуба встрѣтилъ Юрія сватъ

Его и старый союзникъ Святославъ Ольговичь, пріѣхалъ къ нему и Святославъ Всеволодичь съ повинною: «Совсѣмъ обезумѣлъ я, говорилъ онъ Юрію, прости». По просьбѣ дяди Ольговича Юрій помирился съ Всеволодовичемъ, заставивъ его поклясться не отступать отъ себя и отъ дяди, послѣ чего всѣ трое пошли къ Чернигову. Не доходя еще до города, Святославъ Ольговичь посылалъ въ Кіевъ сказать Давидовичу: «Ступай, братъ, изъ Кіева, идетъ на тебя Юрій; вѣдь мы оба съ тобою позвали его». Но Давидовичь не слушался; тогда Святославъ въ другой разъ посылалъ къ нему изъ Чернигова: «Ступай изъ Кіева, идетъ туда Юрій; а я тебѣ Черниговъ уступаю ради христіанскихъ душъ». Изяславъ все не хотѣлъ выйти изъ Кіева, потому что этотъ городъ сильно понравился ему, говоритъ лѣтописецъ. Наконецъ самъ Юрій послалъ сказать ему: «Мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ». Безъ права и безъ особеннаго народнаго расположенія Давидовичь не могъ болѣе оставаться въ Кіевѣ; и потому послалъ сказать Юрію: «развѣ я самъ поѣхалъ въ Кіевъ? посадили меня Кіевляне; Кіевъ твой, только не дѣлай мнѣ зла».

Юрій помирился съ нимъ (1156 г.) и вошелъ въ Кіевъ съ четырьмя старшими сыновьями, которыхъ посажалъ около себя: Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, Василька на Поросьѣ. На Волыни сидѣли Мстиславичи: Владиміръ съ племянниками—Мстиславомъ и Ярославомъ: первый, какъ видно, успѣлъ помириться съ Юріемъ, обѣщаясь дѣйствовать за одно съ нимъ противъ племянниковъ, на которыхъ Юрій послалъ стараго союзника своего и врага Мстиславичей, Юрія Ярославича съ внуками брата его Вячеслава [279]; они прогнали Мстислава изъ Пересопницы въ Луцкъ; но и здѣсь онъ не могъ долго оставаться спокойнымъ: Юрій велѣлъ идти на Луцкъ зятю своему Ярославу Галицкому; тогда Мстиславъ, оставивъ брата Ярослава въ Луцкѣ, самъ ушелъ въ Польшу за помощью; Галицкій князь вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ подошелъ къ Луцку, но, постоявши нѣсколько времени подъ городомъ, ушелъ, ничего не сдѣлавъ ему. Юрій не могъ продолжать войны съ Изяславичами, потому что Черниговскій Давидовичь, въ надеждѣ на вражду Юрія съ остальными Мономаховичами и на нерасположеніе къ нему народа въ Руси, не оставлялъ своихъ притязаній: немедленно по пріѣздѣ въ

Черниговъ онъ уже началъ уговаривать Святослава Ольговича къ войнѣ съ Юріемъ; но тотъ удовольствовался тѣмъ, что отобралъ у племянника Святослава Всеволодовича три города (Сновскъ, Корачевъ, Воротынскъ), давши ему въ замѣнъ какіе-то три похуже, и не захотѣлъ вооружиться противъ стараго союзника; Юрій вѣроятно зналъ о замыслахъ Давыдовича; съ другой стороны безпокоили его Половцы; и потому онъ посылалъ въ Смоленскъ сказать Ростиславу Мстиславичу: «Сыну! пріѣзжай сюда, а то мнѣ не съ кѣмъ удержать Русской земли», Ростиславъ пріѣхалъ къ нему и устроилъ миръ между дядею и племянниками своими, причемъ Владиміръ Мстиславичь и Ярославъ Изяславичь имѣли личное свиданіе съ Юріемъ; но Мстиславъ Изяславичь не поѣхалъ изъ страха, что Кіевскій князь схватитъ его. Уладившись теперь съ своими, Юрій послалъ сказать Давидовичу рѣшительно: «Приходи къ намъ на миръ, а не придешь, такъ мы къ тебѣ придемъ». Давидовичь, видя, что всѣ Мономаховичи въ соединеніи, испугался, и пріѣхалъ вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ на съѣздъ, гдѣ уладились: Юрій далъ имъ по городу на западной сторонѣ Днѣпра: Давидовичу Корецкъ на Волыни, Ольговичу Мозырь въ Туровской области; кромѣ того Юрій женилъ сына своего Глѣба на дочери Изяслава Черниговскаго.

Казалось, что послѣ этого миръ долженъ былъ водвориться во всѣхъ волостяхъ Русскихъ; но вышло иначе: въ разныхъ концахъ обнаружилась борьба съ тѣмъ же характеромъ, съ какимъ велась оно незадолго прежде, обнаружились усобицы между племянниками и дядьми: такъ въ Черниговской волости племянникъ Изяславовъ Святославъ, сынъ старшаго брата его Владиміра, вѣроятно будучи недоволенъ волостію, полученною отъ дяди, выбѣжалъ изъ Березаго (въ окрестностяхъ Чернигова) во Вщижь, захватилъ всѣ города по Деснѣ, и отступивъ отъ роднаго дяди, отдался въ покровительство Ростислава Мстиславича Смоленскаго; Святославъ Всеволодовичь также всталъ противъ дядей; послѣдніе пошли было противъ племянниковъ, но заключили съ нимъ миръ, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Въ то же время подобное явленіе обнаружилось на Волыни: мы видѣли, что здѣсь сидѣлъ Владиміръ Мстиславичь съ двумя племянниками — Мстиславомъ и Ярославомъ Изяславичами: Мсти-

мая, по примѣру отца, думалъ, что голова Владиміра пойдетъ къ старшему мѣсту, ибо Владиміръ хотя былъ ему и дядя, но вѣроятно даже моложе его лѣтами [280], и притомъ былъ сыномъ мачихи Изяславовой, второй жены Мстислава Великаго, почему называется въ лѣтописи относительно Изяславичей не дядею (стрыемъ), но мачешичемъ. Какъ бы то нибыло впрочемъ, Мстиславъ напалъ нечаянно на дядю во Владимирѣ, захватилъ его жену, мать, все имѣніе, а самого прогналъ въ Венгрію. Юрій, самъ будучи младшимъ дядею, долженъ былъ вступиться за Владиміра, и дѣйствительно пошелъ на Мстислава (1157 г.) съ зятемъ своимъ Ярославомъ Галицкимъ, сыновьями, племянникомъ Владиміромъ Андреевичемъ, княжившимъ, какъ мы видѣли въ Брестѣ, и съ Берендѣями; Черниговскіе также хотѣли съ нимъ идти, но, по совѣту Ярослава Галицкаго, Юрій не взялъ ихъ съ собою. Скоро оказалось, что Юрій началъ эту войну не за Владиміра Мстиславича, но за другаго племянника своего, Владиміра Андреевича, потому что далъ клятву покойному брату своему Андрею, и потомъ сыну его — добыть для послѣдняго Владимиръ Волынскій. Взять нечаянно этотъ городъ Юрію не удалось; онъ началъ осаду, во время которой Владиміръ Андреевичь отпросился у Юрія воевать другіе города, и когда подъѣхалъ къ Червеню, то началъ говорить жителямъ: «Я пришелъ къ вамъ не ратью, потому что вы были люди милые отцу моему, и я вамъ свой княжичь, отворитесь». Въ отвѣтъ одинъ изъ жителей пустилъ стрѣлу и угодилъ въ горлю Владиміру; рана была впрочемъ не опасна, и Владиміръ успѣлъ отомстить Червенцамъ страшнымъ опустошеніемъ ихъ волости. Десять дней стоялъ Юрій у Владимира, не видя ни малѣйшаго успѣха; есть даже извѣстіе, что Мстиславъ сдѣлалъ вылазку, и нанесъ сильное пораженіе Галицкимъ полкамъ [281]; тогда Юрій, посовѣтовавшись съ сыновьями и дружиною, пошелъ назадъ въ Кіевъ, а Ярославъ въ Галичь; Мстиславъ шелъ въ слѣдъ за Юріемъ до самаго Дорогобужа, пожигая села, и много зла надѣлалъ, говоритъ лѣтописецъ. Пришедши въ Дорогобужъ, Юрій сказалъ въ утѣшеніе Владиміру Андреевичу: «Сынъ! мы цѣловали крестъ съ твоимъ отцемъ, что кто изъ насъ останется живъ, тотъ будетъ отцемъ для дѣтей умершаго, и волости за ними удержитъ, а потомъ я и тебѣ поклялся имѣть тебя сыномъ

и Владимира искать тебѣ; теперь, если Владимира недобылъ, то вотъ тебѣ волость — Дорогобужъ, Пересопница и всѣ Погорынскіе города».

Нападеніе Юрія на племянниковъ и не въ пользу брата отнятіе у нихъ волости въ пользу Владиміра Андреевича должно было разсердить Ростислава Смоленскаго, обязаннаго заботиться о выгодахъ племени Мстиславова. Это помогло Изяславу Давидовичу Черниговскому уговорить его начать войну противъ Юрія; разумѣется, что Мстислава Волынскаго не нужно было уговаривать къ союзу противъ дѣда. Давидовичь попытался было уговорить къ тому же и Святослава Ольговича, но понапрасну, тотъ отвѣчалъ: «Я крестъ цѣловалъ Юрію, не могу безъ причины встать на него». Отказъ Ольговича не помѣшалъ однако союзникамъ порѣшить походомъ противъ Юрія: Изяславъ долженъ былъ выступить съ полками Черниговскими и Смоленскими, которыми начальствовалъ Романъ, сынъ Ростиславовъ; въ тоже время Мстиславъ Изяславичь долженъ былъ ударить на Юрія съ запада; но въ тотъ самый день, когда Давидовичь хотѣлъ двинуться къ Кіеву, оттуда прискакалъ къ нему гонецъ съ вѣстію: «Ступай, князь, въ Кіевъ: Юрій умеръ» — это посольство отъ Кіевлянъ служитъ доказательствомъ, что они знали о намѣреніи союзниковъ и были готовы къ принятію Давидовича; иначе не послали бы прямо къ нему съ вѣстію о смерти Юрія и съ приглашеніемъ пріѣхать княжить у нихъ. Изяславъ, получивъ эту вѣсть, заплакалъ и сказалъ: «Благословенъ еси, Господи, что разсудилъ меня съ нимъ смертію, а не кровопролитіемъ». 10-го мая (1157 г.) Юрій пировалъ у осменика Петрилы [382], въ ночь занемогъ, и черезъ пять дней умеръ. Въ день похоронъ (16-го мая) надѣлалось много зла, говоритъ лѣтописецъ: разграбили дворъ Юрьевъ Красный, и другой дворъ его за Днѣпромъ, который онъ самъ звалъ раемъ, также дворъ Василька сына его въ городѣ; перебили Суздальцевъ по городамъ и селамъ, имѣніе ихъ разграбили: эти дѣйствія Кіевлянъ служатъ яснымъ знакомъ нерасположенія ихъ къ Юрію и его Суздальской дружинѣ, которую онъ привелъ съ сѣвера [383].

Смертію Юрія кончилось третье поколѣніе Ярославичей. Главнымъ характеромъ княжескихъ отношеній въ ихъ время, была, какъ мы видѣли, борьба младшихъ дядей съ племянника-

ми отъ старшаго брата, кончившаяся торжествомъ дядей, т. е. торжествомъ права всѣхъ родичей на старшинство; въ это же время успѣли возстановить свое право на старшинство обѣ линіи Святославичей — Ольговичи и Давидовичи. Изъ событій въ отдѣльныхъ княжествахъ мы упоминали о дѣятельности Владимірка Галицкаго и сына его Ярослава; видѣли дѣятельность потомковъ Изяслава Ярославича — Юрія Ярославича и внуковъ Вячеслава Ярославича, при чемъ однако ничего не знаемъ о ихъ волостяхъ; изъ потомковъ Давида Игоревича встрѣчали извѣстія о внукѣ его Борисѣ Всеволодовичѣ, князѣ Городенскомъ. Мы видѣли, что Изяславичи Полоцкіе по смерти Мстислава возвратились изъ изгнанія въ свою волость, успѣли овладѣть и Минскомъ: послѣ Василька Святославича, княжилъ въ Полоцкѣ Рогволодъ Борисовичь, женатый на дочери Изяслава Мстиславича; во все продолженіе борьбы въ Днѣпровской области не слышно о Полоцкихъ князьяхъ, хотя по родственному союзу Рогволодъ и могъ бы помогать Изяславу Мстиславичу, знакъ, что онъ не имѣлъ къ тому или средствъ, или времени. Въ 1151 году Полочане, не безъ участія князей, схватили Рогволода, отослали въ Минскъ, держали его здѣсь въ большей нуждѣ, а къ себѣ приняли, вѣроятно изъ Минска, Ростислава, сына извѣстнаго намъ Глѣба Всеславича; но, какъ видно, Полочане боялись, чтобы торжествующій тогда Изяславъ Мстиславичь не вступился за зятя своего Рогволода, и потому отдались въ покровительство Изяславова врага, Святослава Ольговича Сѣверскаго: Глѣбовичь поклялся Святославу почитать его отцемъ и ходить въ его послушаньи. Быть можетъ, этотъ союзъ Ольговича съ Полоцкимъ княземъ, врагомъ зятя Изяславова Рогволода, былъ не безъ вліянія на враждебныя дѣйствія Изяслава противъ Юрія, пріятеля Святославова: мы видѣли, что тотчасъ послѣ этого союза Изяславъ раззоряетъ Городецъ Юрія. — Въ областяхъ Муромскихъ и Рязанскихъ мы видѣли борьбу между дядею Ростиславомъ Ярославичемъ и племянникомъ Владиміромъ Святославичемъ: племянникъ дѣйствовалъ за одно съ Ольговичемъ и Юріемъ, дядя съ Мстиславичами противъ Юрія, за что и былъ изгнанъ въ степи къ Половцамъ сыновьями послѣдняго; когда онъ возвратился, не знаемъ; знаемъ только то, что въ 1147 году князья Рязанскіе являются р о т н и-

ками Ростислава Мстиславича Смоленскаго, т. е. признают его за отца и ходятъ въ его послушаніи [284]; но въ 1152 году тотъ же самый Ростиславъ Ярославичь Муромскій съ братьею шелъ вмѣстѣ съ Юріемъ на его племянниковъ; въ 1154 году видимъ опять вражду Юрія съ Ростиславомъ: возвратясь изъ-подъ Козельска, Юрій выгналъ Ростислава изъ его волости и отдалъ ее сыну своему Андрею: но Ростиславъ скоро явился опять съ Половцами; напалъ на Андрея ночью, перебилъ его дружину; самъ Андрей объ одномъ сапогѣ бѣжалъ изъ Рязани въ Муромъ, а оттуда въ Суздаль; наконецъ въ 1155 году опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Ростиславъ Мстиславичь Смоленскій цѣловалъ крестъ съ Рязанскими князьями на всей любви: они всѣ смотрѣли на Ростислава, имѣли его себѣ отцемъ.—Въ Новгородѣ мы оставили княземъ Святополка Мстиславича, посадникомъ, какъ видно, оставался по прежнему Судила: Святополкъ, принявши Новгородомъ изъ рукъ Всеволода Ольговича, не могъ свергнуть стараго пріятеля Ольговичей; только черезъ годъ или больше, въ 1144 году читаемъ извѣстіе, что посадничество было дано Нѣжатѣ Твердятичу, также товарищу Судилину. Смерть Всеволода Ольговича и утвержденіе въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича не могло перемѣнить хода дѣлъ въ Новгородѣ: Святополкъ оставался по прежнему тамъ княземъ; только отняли посадничество у Нѣжаты, стараго пріятеля Ольговичей, и дали его Константину Микулиничу, старому приверженцу Мстиславичей, за что онъ и страдалъ въ заточеніи у Ольговича въ Кіевѣ. Въ 1147 году, по смерти Константина, посадникомъ избранъ опять Судила Ивановичь, какъ видно успѣвшій примириться со стороною Мономаховичей. Между тѣмъ шла война у Новгорода съ сосѣдомъ Юріемъ Ростовскимъ: въ 1147 году Святополкъ со всею областію Новгородскою выступилъ противъ дяди, но возвратился отъ Торжка за распутьемъ. Въ слѣдующемъ году архіепископъ Нифонтъ отправился въ Суздаль къ Юрію за миромъ: Юрій принялъ его съ любовію, освободилъ по его просьбѣ всѣхъ Новоторжцевъ и гостей, и отпустилъ ихъ съ честію въ Новгородъ, но мира не далъ. Въ томъ же году, какъ мы видѣли, Изяславъ вывелъ изъ Новгорода брата Святополка, злобы его ради, и прислалъ на его мѣсто сына Ярослава. По нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ [285],

Изяславъ вывелъ Святополка за то, что тотъ позволилъ Новгородцамъ безъ его вѣдома сноситься съ Юріемъ о мирѣ; быть можетъ это желаніе Новгородцевъ помириться съ Юріемъ было въ связи съ избраніемъ Судилы, пріятеля Ростовскаго князя. Мы видѣли подробности пріѣзда Изяславова въ Новгородъ и и похода его съ Новгородцами на Ростовскую землю. Должно быть пребываніе ласковаго Мстиславича надолго оставило въ Новгородѣ пріятную память, потому что во время борьбы его съ дядею Юріемъ на югѣ, не смотря на неоднократное торжество послѣдняго, Новгородцы продолжали держать Ярослава Изяславича и враждовать, въ ущербъ себѣ, съ Ростовскимъ княземъ: такъ въ 1149 году небольшой отрядъ Новгородцевъ пошелъ за данью въ Двинскую область; Юрій, узнавши, что Новгородцевъ не много, послалъ перехватать ихъ извѣстнаго Ивана Берладника, находившагося тогда, какъ видно, въ его службѣ, но Ивану не удалось перехватить Новгородцевъ: они отбились, при чемъ много легло съ обѣихъ сторонъ, впрочемъ Суздальцевъ гораздо больше, по замѣчанію Новгородскаго лѣтописца. Но, держа Изяславича во время неудачь отца его, Новгородцы вдругъ выгнали его въ 1154 году; о причинахъ лѣтописецъ молчитъ; видно только одно, что Ярославъ нарушилъ нарядъ, т. е. былъ причиною борьбы сторонъ, для примиренія которыхъ Новгородцы призываютъ изъ Смоленска Ростислава Мстиславича—знакъ, что они не хотѣли разрывать съ Мстиславичами и Кіевскимъ княземъ: не могъ Ростиславъ безъ согласія старшаго брата занять Новгородъ. Но и Ростиславъ не установилъ наряда; позванный въ Кіевъ по смерти Изяславовой, онъ оставилъ въ Новгородѣ сына Давида при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, при сильномъ неудовольствіи на послѣднія его распоряженія; Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, разсердились на Ростислава за то, что онъ не установилъ у нихъ порядка, но еще больше надѣлалъ смуты, и показали по немъ путь сыну его, взявши къ себѣ въ князья Мстислава, сына Юріева; утвержденіе самого Юрія на столѣ Кіевскомъ утвердило и сына его на столѣ Новгородскомъ. Но мы видѣли, что Юрій не долго было спокоенъ въ Кіевѣ, не долго спокойствіе могло сохраняться и въ Новгородѣ: союзъ всѣхъ Мстиславичей и Давидовича противъ Юрія, какъ видно, послу-

жилъ знакомъ къ возстанію стороны Мстиславичей и въ Новгородѣ; еще въ 1156 году отнято былъ посадничество у Судилы, и отдано старому Якуну Міроcлавичу; въ 1157 году, встала злая распря между жителями Новгорода, вооружились противъ князя Мстислава Юрьевича, и начали выгонять его, но Юрьевичь успѣлъ уже пріобрѣсти приверженцевъ: торговая сторона вооружилась за него, и едва дѣло не дошло до кровопролитія. Пріѣздъ двоихъ Ростиславичей, Святослава и Давида и бѣгство Юрьевича дало торжество сторонѣ Мстиславичей. Черезъ три дня пріѣхалъ въ Новгородъ самъ Ростиславъ изъ Смоленска, и на этотъ разъ успѣлъ примирить стороны: зла не было никакого, говоритъ лѣтописецъ: уѣзжая изъ Новгорода, Ростиславъ оставилъ здѣсь сына Святослава, а Давида посадилъ въ Торжкѣ, какъ видно для обереганія границы со стороны Суздальской.

Касательно внѣшнихъ отношеній по прежнему продолжалась борьба съ пограничными варварами, на югѣ съ Половцами, на сѣверѣ съ Финскими племенами. Усобица Юрія съ племянникомъ Изяславомъ давала Половцамъ средства жить на счетъ Руси. Мы видѣли, что по утвержденіи Юрія въ Кіевѣ, въ 1155 году, Поросье получило особаго князя, сына его Василька; Половцы не замедлили навѣстить послѣдняго въ новой волости; но Василько съ Берендѣями разбилъ ихъ, и пріѣхалъ къ отцу со славою и честью, по выраженію лѣтописца. Скоро послѣ этого Юрій отправился къ Каневу на съѣздъ съ ханами Половецкими: они начали просить освобожденія плѣнниковъ своихъ, взятыхъ Берендѣями въ послѣдней битвѣ; но Берендѣи не отдали, и сказали Юрію: «Мы умираемъ за Русскую землю съ твоимъ сыномъ, и головы свои складываемъ за твою честь». Юрій не захотѣлъ насильно взять у нихъ плѣнниковъ, потому что опасно было раздражить эту пограничную стражу; онъ обдарилъ Половцевъ и отпустилъ ихъ; это любопытное извѣстіе показываетъ намъ отношенія пограничныхъ варваровъ къ князьямъ, за честь которыхъ они складывали свои головы. Въ томъ же году Половцы опять пришли на границу за миромъ; Юрій пошелъ толковать съ ними о мирѣ такъ, какъ обыкновенно ходили на добрую войну: взялъ съ собою обоихъ Мстиславичей Ростислава и Владиміра, Ярослава Изяславича, отрядъ Галицкаго войска, и по-

лалъ сказать Половцамъ: «Ступайте ко мнѣ на миръ». Половцы пріѣхали сначала въ небольшомъ числѣ, поглядѣть только, много ли у Русскихъ войска, и сказали Юрію: «Завтра придемъ къ тебѣ всѣ»; но въ ночь всѣ убѣжали.—На сѣверѣ въ 1149 году Финны (Ямь) пришли ратью на Новгородскую волость, на Водскую пятину; Новгородцы съ Водью вышли къ нимъ на встрѣчу въ числѣ 500 человѣкъ, и не упустили ни одного человѣка изъ непріятелей: всѣхъ перебили или побрали въ плѣнъ.

Что касается бояръ, дѣйствовавшихъ въ разсмотрѣнный періодъ времени, то изъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли у Мономаха, Иванъ Войтишичь продолжалъ служить и сыну Мономахову Мстиславу, ходилъ съ Торками на Полоцкихъ князей; оставался въ Кіевѣ и при Всеволодѣ Ольговичѣ, который посылалъ его устанавливать нарядъ въ Новгородѣ, но вмѣстѣ съ другими главными боярами, дѣйствовалъ противъ брата его Игоря въ пользу внука Мономахова. Мы видѣли при Мономахѣ Переяславскимъ тысяцкимъ Станислава; въ разсказѣ о Супойской битвѣ при Ярополкѣ, лѣтописецъ говоритъ, что въ числѣ убитыхъ бояръ находился Станиславъ Добрый Тукіевичь: имѣемъ право принять этого Станислава за прежняго Переяславскаго тысяцкаго и считать его сыномъ Тукія, Чудинова брата, извѣстнаго намъ прежде. Вмѣстѣ съ Станиславомъ въ Супойской битвѣ палъ и тысяцкій Кіевскій Ярополковъ—Давидъ Яруновичь; по его смерти неизвѣстно, кто былъ тысяцкимъ; при Всеволодѣ Ольговичѣ эту должность исправлялъ Улѣбъ, дѣйствовавшій противъ Игоря Ольговича въ пользу Изяслава Мстиславича, и потомъ ѣздившій посломъ отъ Изяслава Мстиславича къ Давидовичамъ въ 1147 году; вмѣстѣ съ Улѣбомъ дѣйствовали за одно и Лазарь Саковскій, бывшій Тысяцкимъ послѣ Улѣба, Василій Полочанинъ и Мірославъ (Андреевичь) Хиличь внукъ; мы встрѣчали имя Василя при Святополкѣ, извѣстное время Василь былъ посадникомъ этого князя во Владимірѣ Волынскомъ; если это тотъ самый, то ему могло быть въ 1146 году лѣтъ 75, 80; имя Мірослава видѣли мы въ числѣ бояръ, участвовавшихъ въ составленіи устава Мономахова. Послѣ торжества Изяславова надъ Игоремъ, взяты были бояре, преданные Ольговичимъ; нѣтъ права утверждать, что эти бояре были именно Черниговскіе бояре Ольговичей, они могли быть и старин-

ные Кіевскіе, но преданные Ольговичамъ; ихъ имена: Давидъ Великій, Юрій Прокопьичь, Иворъ Юрьевичь, внукъ Мірославовъ. Что касается до отчества втораго изъ нихъ—Юрія Прокопьича, то мы видѣли Прокопія, Бѣлгородскаго тысяцкаго участникомъ при составленіи Мономахова устава о ростахъ. Въ 1146 году при осадѣ Новгорода Сѣверскаго Давидовичами и Мстиславомъ Изяславичемъ, упоминаются въ числѣ убитыхъ Димитрій Жирославичь и Андрей Лазаревичь; если послѣдній былъ съ Мстиславомъ, то могъ быть сыномъ Лазаря Саковскаго. Въ 1147 году, по случаю убіенія Игоря Ольговича, упоминаются въ Кіевѣ извѣстный уже Лазарь Саковскій, имѣвшій теперь должность тысяцкаго, и Рагуило Добрыничь (быть можетъ сынъ Добрыни или Добрынка, боярина въ дружинѣ Изяслава Мстиславича), тысяцкій Владиміра Мстиславича, и другой бояринъ его Михаилъ, помогавшій своему князю защищать Игоря отъ убійцъ; послами отъ Изяслава въ Кіевъ съ вѣстью объ измѣнѣ Черниговскихъ князей были—Добрынко и Радило. Любопытно, что Лазарь былъ тысяцкимъ еще при жизни прежняго тысяцкаго Улѣба, который находился въ это время въ войскѣ вмѣстѣ съ княземъ Изяславомъ; быть можетъ отказъ Кіевлянъ идти съ Изяславомъ противъ Юрія былъ причиною отреченія Улѣбова отъ должности тысяцкаго. Подъ 1151 годомъ упоминается воевода Изяслава Мстиславича—Шварно, который не умѣлъ уберечь Зарубскаго брода; подъ слѣдующимъ годомъ видимъ Изяславова боярина Петра Борисовича, который ѣздилъ посломъ къ Владиміру Галицкому. Наконецъ по случаю смерти Юрія Долгорукаго лѣтопись упоминаетъ о нѣкомъ-то Петрилѣ-Осменикѣ, у котораго Юрій пировалъ передъ кончиною.—Изъ бояръ Вячеслава Владиміровича Туровскаго упоминается подъ 1127 годомъ тысяцкій его Иванко, ходившій вмѣстѣ съ своимъ княземъ на Полоцкую волость при В. князѣ Мстиславѣ. Быть можетъ это лице тождественно съ извѣстнымъ намъ прежде Иванкомъ Захарьичемъ, потомъ не разъ упоминается имя сына этого Иванка, Жирослава Ивановича; въ 1146 году Вячеславъ, по наученью бояръ своихъ, началъ распоряжаться какъ старшій, не обращая вниманія на племянника Изяслава,—послѣдній отнялъ у него за это Туровъ, гдѣ вмѣстѣ съ епископомъ Іоакимомъ захваченъ былъ посадникъ

Жирославъ: по связи разсказа можно заключать, что этотъ Жирославъ былъ однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Вячеслава; послѣ, неизвѣстно какимъ образомъ, Жирославъ освободился изъ плѣна, и мы видимъ уже его въ дружинѣ Юрія Ростовскаго; онъ пришелъ вмѣстѣ съ сыномъ послѣдняго, Глѣбомъ на югъ, и подучалъ его захватить Переяславль, представлялъ, что Переяславцы охотно передадутся ему; быть можетъ онъ же былъ воеводою Половецкаго отряда въ войнѣ Юрія съ Изяславомъ въ 1149 году; наконецъ въ 1155 году Юрій посылалъ Жирослава выгнать Мстислава Изяславича изъ Пересопницы.—Изъ Волынскихъ бояръ Андрея Владиміровича упоминается тысяцкій его Вратиславъ. Изъ Галицкихъ бояръ упоминаются Иванъ Халдѣевичъ, такъ дѣятельно защищавшій Звенигородъ отъ Всеволода Ольговича, въ 1146 году; потомъ Избыгнѣвъ Ивачевичъ, съ которымъ самъ-другъ бѣжалъ Владимірко съ поля битвы въ Перемышль въ 1152 году; наконецъ Кснятинъ или Константинъ Сѣрославичъ подъ 1157 годомъ въ посольствѣ отъ Ярослава къ Юрію Долгорукому. Изъ бояръ Святослава Ольговича Сѣверскаго упомянутъ Коснятко, хлопотавшій по дѣламъ своего князя у Давидовичей въ Черниговѣ въ 1146 году; потомъ Петръ Ильичь, бывшій бояриномъ еще у Олега Святославича; онъ умеръ въ 1147 году 90 лѣтъ, не будучи въ состояніи уже отъ старости садиться на коня; лѣтописецъ называетъ его добрымъ старцемъ[306], тіунами Всеволода Ольговича были въ Кіевѣ Ратша, а въ Вышгородѣ Тудоръ, которые такъ раздражили народъ своими грабительствами. Изъ Ростовскихъ бояръ упоминается подъ 1130 годомъ Ростовскій тысяцкій Юрій. Въ битвѣ Глѣба Юрьевича съ Мстиславомъ Изяславичемъ у Переяславля въ 1148 году послѣдній взялъ въ плѣнъ какого-то Станиславича, который былъ казненъ казнью злою, вѣроятно за крамолу съ Переяславцами; быть можетъ это былъ сынъ Переяславскаго тысяцкаго Станислава Тукіевича, о которомъ мы говорили выше; Станиславичь въ это время передался на сторону Юрія, за что и былъ казненъ казнью злою.

ГЛАВА V.

СОБЫТІЯ ОТЪ СМЕРТИ ЮРІЯ ВЛАДИМІРОВИЧА ДО ВЗЯТІЯ КІЕВА ВОЙСКАМИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО.

(1157—1169).

Изяславъ Давидовичь вторично княжитъ въ Кіевѣ; причины этого явленія. Перемѣщенія въ Черниговской волости. Неудачный походъ князей на Туровъ. Изяславъ Давидовичь заступается за Галицкаго изгнанника Ивана Берладника. Это вооружаетъ противъ него многихъ князей. Неудачный походъ Изяслава на князей Ярослава Галицкаго и Мстислава Изяславича Волынскаго. Онъ принужденъ оставить Кіевъ, куда Мстиславъ Изяславичь Волынскій перезываетъ дядю своего Ростислава Мстиславича изъ Смоленска. Уговоръ дяди и племянника на счетъ двоихъ митрополитовъ-соперниковъ. Война съ Изяславомъ Давидовичемъ. Смерть послѣдняго Ссора В. Князя Ростислава съ племянникомъ, Мстиславомъ Волынскимъ. Смерть Святослава Ольговича Черниговскаго и смута по этому случаю на восточной сторонѣ Днѣпра. Смерть В. Князя Ростислава; характеръ его. Мстиславъ Изяславичь княжитъ въ Кіевѣ. Неудовольствіе князей на него. Войско Андрея Боголюбскаго изгоняетъ Мстислава изъ Кіева и опустошаетъ этотъ городъ. Смерть Ивана Берладника. Смуты Полоцкія. Событія въ Новгородѣ Великомъ. Борьба Новгородцевъ со Шведами. Война Андрея Боголюбскаго съ Камскими Болгарами. Борьба съ Половцами. Дружина.

Въ другой разъ Святославичь, теперь племени Давидова получилъ родовое старшинство и Кіевъ; успѣхомъ своимъ Изяславъ Давидовичь былъ обязанъ тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ, какія дали возможность получить Кіевъ и двоюродному брату его Всеволоду Ольговичу: старшимъ въ племени Мономаховомъ былъ Ростиславъ Мстиславичь, нисколько не похожій на доблестнаго брата своего, могшій съ успѣхомъ дѣйствовать только при послѣднемъ, и рѣзко обнаружившій свою незначительность, когда пришлось дѣйствовать одному, въ челѣ родичей; бѣгство его предъ полками Изяслава Давидовича по

смерти Вячеславовой могло ли ручаться за успѣхъ вторичной его борьбы съ тѣмъ же княземъ? нѣтъ сомнѣнія, что заключая союзъ противъ Юрія съ Черниговскимъ княземъ, Ростиславъ отказался отъ старшинства въ пользу послѣдняго, который, по родовымъ счетамъ, точно приходился ему дядею; Мстиславъ Изяславичь, самый даровитый и дѣятельный князь въ племени Мстиславичей, не могъ дѣйствовать одинъ ни въ пользу дяди противъ воли послѣдняго, тѣмъ менѣе въ свою собственную пользу: примѣръ отца показывалъ ему, что нельзя затрогивать господствующихъ понятій о правахъ дядей, особенно старшихъ. И вотъ вслѣдствіе этихъ-то причинъ Изяславъ Давидовичь въ другой разъ въѣхалъ въ Кіевъ, теперь уже по согласію всѣхъ Мономаховичей: о сынѣ Юрія, Андреѣ Боголюбскомъ не было, по крайней мѣрѣ, ничего слышно. Но перемѣщеніе Давидовича на столъ Кіевскій не могло не повлечь за собою перемѣщеній въ Черниговской волости: по родовымъ счетамъ Черниговъ долженъ былъ перейти къ Святославу Ольговичу, не только старшему по Изяславѣ въ племени Святославовомъ, но и въ цѣломъ родѣ Ярославичей, и вотъ Ольговичь, съ племянникомъ своимъ Святославомъ Всеволодичемъ явился передъ Черниговомъ, но не былъ впущенъ туда роднымъ племянникомъ Изяслава, Святославомъ Владиміровичемъ, котораго дядя, отъѣзжая въ Кіевъ, оставилъ здѣсь со всѣмъ полкомъ своимъ; лѣтописецъ говоритъ оставилъ, а не посадилъ —знакъ, что Изяславъ не передалъ ему Чернигова во владѣніе, но не хотѣлъ только, какъ видно, впускать туда Ольговича, съ которымъ былъ не въ ладахъ, потому что послѣдній не согласился идти съ нимъ вмѣстѣ на Юрія. Ольговичи, не впущенные въ Черниговъ, отступили отъ города, и стали за Свиною рѣкою, на противоположномъ берегу которой скоро показались полки Изяслава Давидовича, пришедшаго вмѣстѣ съ Мстиславомъ Изяславичемъ. Дѣло не дошло однако до битвы: Давидовичу трудно было удержать Черниговъ за собою, странно отдать племяннику вмѣсто дяди: оба дѣйствія одинаково сильно противорѣчили современнымъ понятіямъ; вотъ почему Давидовичь сталъ пересылаться съ Ольговичемъ, и положили на томъ, что Черниговъ достанется послѣднему, а Сѣверская область Святославу Всеволодовичу; но Святославу Ольговичу досталось не

вся Черниговская волость: большую часть ея удержалъ Изяславъ за собою и за роднымъ племянникомъ Святославомъ Владиміровичемъ; Мозырь, уступленный прежде Юріемъ Святославу, также отошелъ къ Кіевской волости.

На западѣ, въ области Туровской произошло также любопытное явленіе: мы видѣли, что Юрій, утвердившись въ Кіевѣ, отдалъ Туровъ сыну своему Борису; по смерти отца, при всеобщемъ нерасположеніи къ нему на югѣ, Борисъ не могъ удержаться въ Туровѣ, и былъ смѣненъ здѣсь извѣстнымъ Юріемъ Ярославичемъ, представителемъ Изяславовой линіи; очень вѣроятно даже, что Юрій выгналъ Бориса [287]. Но ни Давидовичь, ни Мстиславичи не хотѣли позволить этому изгою владѣть такою важною волостію, тѣмъ болѣе что, какъ видно, они прежде уговорились отдать ее младшему Мстиславичу—Владиміру, не имѣвшему стола. Вслѣдствіе этого Изяславъ отправился на Ярославича къ Турову; съ нимъ пошелъ Владиміръ Мстиславичь, Ярославъ Изяславичь изъ Луцка, Ярополкъ Андреевичь отъ брата изъ Дорогобужа, Рюрикъ Ростиславичь отъ отца изъ Смоленска, пошли Полоцкій и Галицкій отряды; не пошелъ Мстиславъ Изяславичь Волынскій: вѣрно не хотѣлъ онъ добывать сильной волости враждебному дядѣ, который въ случаѣ удачи похода долженъ былъ сдѣлаться опаснымъ ему сосѣдомъ. Туровская и Пинская волость были опустошены; но Юрій бился крѣпко на вылазкахъ изъ Турова. Не смотря на то, онъ видѣлъ, что ему одному не устоять противъ союзниковъ и посылалъ съ просьбою къ Изяславу: «Братъ! прими меня къ себѣ въ любовь!» Изяславъ не соглашался, хотѣлъ непремѣнно взять Туровъ и Пинскъ, но, простоявши 10 недѣль понапрасну, принужденъ былъ отступить, потому что въ войскѣ открылся конскій падежъ; изгой Ярославичь остался спокойно княжить въ Туровѣ, а Владиміръ Мстиславичь по прежнему безъ волости.

Въ слѣдующемъ 1158 году встала смута въ Галичѣ, подавшая поводъ къ изгнанію Изяслава Давидовича изъ Кіева, и переходу послѣдняго опять въ родъ Мономаховъ. Не разъ упоминали мы объ изгнанномъ Галицкомъ князѣ, Иванѣ Ростиславичѣ Берладникѣ, который принужденъ былъ служить разнымъ князьямъ Русскимъ; въ послѣдній разъ мы видѣли его на сѣверѣ, въ службѣ Юрія Долгорукаго, который посылалъ его перехватывать

Новгородцевъ. Когда Юрій окончательно утвердился въ Кіевѣ, то, нуждаясь въ помощи зятя своего, Ярослава Галицкаго, согласился выдать ему несчастнаго Берладника, котораго уже и привели въ оковахъ изъ Суздаля въ Кіевъ, гдѣ дожидались его послы отъ Ярослава съ большою дружиною. Но духовенство вооружилось противъ такого гнуснаго поступка; митрополитъ и всѣ игумены сказали Юрію: «Грѣшно тебѣ, цѣловавши крестъ, держать Ивана въ такой нуждѣ, да еще теперь хочешь выдать его на убійство». Юрій послушался, не выдалъ Берладника Галичанамъ, только отправилъ его назадъ въ Суздаль въ оковахъ. Но Изяславъ Давидовичь Черниговскій, узнавъ, что Берладника ведутъ опять въ Суздаль, послалъ перехватить его на дорогѣ и привести къ себѣ. По смерти Юрія, когда Изяславъ занялъ его мѣсто въ Кіевѣ, Берладникъ оставался здѣсь на свободѣ, имѣлъ полную возможность сноситься съ недовольными Галичанами. Легко понять, что Ярославъ не могъ оставаться при этомъ покойнымъ: онъ началъ искать двоюроднаго брата своего Ивана, говоритъ лѣтописецъ, и подмолвилъ всѣхъ князей Русскихъ, короля Венгерскаго, Польскихъ князей, чтобъ были ему помощниками на Ивана; трудно теперь объяснить, что заставило всѣхъ этихъ князей и короля согласиться на просьбу Ярослава? что возбуждало ихъ ненависть противъ несчастнаго Берладника? развѣ то, что взявши деньги у одного князя, онъ переходилъ къ другому, потомъ къ третьему; быть можетъ также Ярославъ, подобно отцу, дѣйствовалъ хитро, каждому князю умѣлъ обѣщать что-нибудь выгодное. Какъ бы то ни было, одинъ Изяславъ Давидовичь продолжалъ защищать Берладника, и когда явились къ нему послы отъ всѣхъ почти князей Русскихъ (Ярослава Галицкаго, Святослава Ольговича, Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Ярослава Изяславича, Владиміра Андреевича, Святослава Всеволодовича), отъ Венгерскаго короля и князей Польскихъ съ требованіемъ выдачи Берладника, то Изяславъ пересцорилъ ихъ всѣхъ, и отпустилъ съ рѣшительнымъ отказомъ. Берладникъ однако испугался почти всеобщаго союза князей противъ себя, убѣжалъ въ степь къ Половцамъ, занялъ съ ними подунайскія города, перехватилъ два судна Галицкія, взялъ много товару, и началъ преслѣдовать Галицкихъ рыболововъ. Собравши много Половцевъ, присоединивши къ нимъ

еще 6000 Берладниковъ, такихъ же изгнанниковъ, бродниковъ, какъ онъ самъ. Иванъ вошелъ съ ними въ Галицкую область, захватилъ городъ Кучельмину, и осадилъ Ушицу; засада (гарнизонъ) Ярославова крѣпко билась изъ города, но смерды начали перескакивать черезъ стѣну къ Ивану, и перебѣжало ихъ 300 человѣкъ; Половцы хотѣли взять городъ, но Иванъ не позволилъ, за что варвары озлобились на него и ушли, а между тѣмъ Изяславъ прислалъ звать его съ остальнымъ войскомъ въ Кіевъ, готовясь къ войнѣ. Мономаховичамъ южнымъ, главнымъ изъ которыхъ на дѣлѣ былъ Мстиславъ Изяславичъ Волынскій, открылся теперь удобный случай изгнать Давидовича изъ Кіева, и опять перевести этотъ городъ въ свое племя: всѣ князья были сердиты на Изяслава за отказъ выдать Берладника, и вотъ Мстиславъ и Владиміръ Андреевичъ согласились съ Ярославомъ Галицкимъ идти на Кіевскаго князя. Изяславъ, видя бѣду, спѣшилъ, по крайней мѣрѣ, примириться съ собственнымъ племенемъ, и послалъ сказать Святославу Ольговичу, что уступаетъ ему два города, Мозырь и Чичерскъ въ Кіевской волости. Святославъ велѣлъ отвѣчать ему: «Правду сказать, братъ, я сердился на тебя за то, что не отдаешь мнѣ всей Черниговской волости, но лиха тебѣ не хотѣлъ; а если теперь хотятъ на тебя идти, то избави меня Богъ волоститися (помогать тебѣ изъ волости): ты мнѣ братъ, дай мнѣ Богъ съ тобою пожить въ добрѣ». Въ Лутавѣ (4 версты отъ Остра) съѣхались всѣ Святославичи — Ольговичъ, съ сыновьями и роднымъ племянникомъ Всеволодовичемъ, Давидовичъ съ своимъ племянникомъ, Владиміровичемъ, была любовь великая между ними три дня и дары большіе, по выраженію лѣтописца; они немедленно отправили пословъ въ Галичъ и на Волынь объявить тамошнимъ князьямъ о своемъ тѣсномъ союзѣ, и это объявленіе достигло цѣли: Ярославъ и Мстиславъ отложили походъ. Но Изяславъ видѣлъ, что онъ можетъ быть покоенъ только на короткое время; вѣсти приходили къ нему изъ Владиміра, что Ярославъ Галицкій и Мстиславъ Волынскій все думаютъ идти къ Кіеву, и потому онъ рѣшился предупредить ихъ; обстоятельства были благопріятны, потому что Берладникъ получилъ приглашеніе отъ Галичанъ: «Только покажутся твои знамена, то мы тотчасъ же отступимъ отъ Ярослава», приказывали они го-

верить ему. Только свергнувши Ярослава, и посадивши на его мѣсто Бердядника, Давидовичь могъ спокойно сидѣть въ Кіевѣ, и потому послалъ сказать Ольговичамъ, чтобъ шли къ нему съ войскомъ на помощь. Но Черниговскій князь не умѣлъ или не хотѣлъ понять необходимости войны для Изяслава, и посылалъ не разъ говорить послѣднему: «Братъ! кому ищешь волости — брату или сыну? лучшебъ тебѣ не начинать первому; а если пойдутъ на тебя съ похвальбою, то и Богъ будетъ съ тобою, и я, и племянники мои». Мало того, когда Изяславъ, не послушавшись этихъ увѣщаній, выступилъ въ походъ, то въ Василевѣ явился къ нему посолъ отъ Святослава съ такими словами: «Братъ не велитъ тебѣ начинать рати, велитъ тебѣ возвратиться». Справедливо раздосадованный, Изяславъ не удержался, и съ сердцемъ отвѣчалъ послу: «Скажи брату, что не возвращусь, когда уже пошелъ, да прибавь еще: если ты самъ нейдешь со мною и сына не отпускаешь, то смотри: когда, Богъ дастъ, успѣю въ Галичѣ, то уже не жалуйся тогда на меня, какъ начнешь ползти изъ Чернигова къ Новгороду Сѣверскому». Святославъ сильно разобидѣлся этими словами: «Господи! говорилъ онъ: Ты видишь мое смиреніе: я на свои выгоды не смотрѣлъ, хотѣлъ только одного, чтобъ кровь христіанская не лилась, и отчина моя не гибла, взялъ Черниговъ съ семью городами пустыми, въ которыхъ сидятъ только псари да Половцы, а всю волость Черниговскую онъ за собою держитъ, да за своимъ племянникомъ; и того ему мало: велитъ мнѣ изъ Чернигова выйти; ну, братъ, Богъ разсудитъ насъ и крестъ честный, который ты цѣловалъ, что не искать подо мною Чернигова никакимъ образомъ; а я тебѣ не лиха хотѣлъ, когда запрещалъ идти на войну, хотѣлъ я добра и тишины Русской землѣ».

Между тѣмъ Изяславъ, отойдя немного отъ Кіева, остановился, чтобъ дождаться племянника, котораго послалъ за Половцами, и когда тотъ пришелъ, то двинулся къ Бѣлгороду, уже занятому союзными князьями, Волынскимъ и Галицкимъ. Изяславъ осадилъ ихъ въ городѣ, и не сомнѣвался въ успѣхѣ, имѣя 20,000 Половцевъ, какъ измѣна Берендѣевъ перемѣнила все дѣло: или надѣясь выиграть съ перемѣною, или дѣйствительно доброхотствуя сыну любимаго князя своего Изяслава, они вошли въ сношенія съ осажденными, послали сказать Мстиславу: «Отъ

насъ теперь зависитъ, князь, и добро твое и зло; если хочешь насъ любить, какъ любилъ насъ отецъ твой, и дашь намъ по городу лучшему, то мы отступимъ отъ Изяслава [267]». Мстиславъ обрадовался такому предложенію, и въ ту же ночь поцѣловалъ крестъ, что исполнитъ всѣ ихъ желанія, послѣ чего Берендѣи не стали медлить, и въ полночь поскакали съ крикомъ къ Бѣлгороду. Изяславъ понялъ, что варвары затѣяли недоброе, сѣлъ на коня и поскакалъ къ ихъ стану; но увидавъ, что станъ горитъ, возвратился назадъ, взялъ племянника Святослава Владиміровича съ беззeмельнымъ Владиміромъ Мстиславичемъ, и побѣжалъ къ Днѣпру на Вышгородъ; въ Гомелѣ дождался жены, и бросился въ землю Вятичей, которую занялъ за то, что Святославъ Всеволодовичь ни самъ не пришелъ къ нему на помощь, ни сына не отпустилъ; Святославъ отомстилъ дядѣ на боярахъ его, велѣлъ побрать всюду ихъ имѣніе, женъ и взялъ на нихъ окупъ.

Освобожденный Берендѣями отъ осады, Мстиславъ съ двумя союзниками вошелъ въ Кіевъ, захватилъ имѣніе дружины Изяславовой, отправилъ его къ себѣ во Владиміръ Волынскій, и послалъ въ Смоленскъ звать дядю Ростислава на старшій столъ, потому что прежде похода еще союзники цѣловали крестъ — искать Кіева Ростиславу. Но послѣдній понималъ затруднительность своего положенія въ Кіевѣ, гдѣ его, послѣ бѣгства передъ Давидовичемъ, не могли много любить и много уважать; на первомъ мѣстѣ здѣсь стоялъ дѣятельный и храбрый племянникъ, который теперь, подобно отцу своему, добылъ головою Кіева, и только по необходимости уступаетъ его дядѣ; Ростиславъ могъ думать, что племянникъ захочетъ смотрѣть на него, какъ прежде Изяславъ смотрѣлъ на стараго дядю Вячеслава: оказывать наружное уваженіе, называть отцемъ, и между тѣмъ на дѣлѣ быть настоящимъ княземъ-правителемъ; вотъ почему Ростиславъ послалъ сказать союзнымъ князьямъ: «Если зовете меня въ правду съ любовію, то я пойду въ Кіевъ на свою волю, чтобъ вы имѣли меня отцемъ себѣ въ правду и въ моемъ послушаніи ходили; и прежде всего объявляю вамъ: не хочу видѣть Клима митрополитомъ, потому что онъ не взялъ благословенія отъ св. Софіи и отъ Патріарха». Но Мстиславъ крѣпко держался за Клима и никакъ не хотѣлъ признать митрополитомъ Грека

Константина, за то, что последній проклиналъ отца его, Изяслава. Тогда Ростиславъ послалъ въ Вышгородъ старшаго сына своего Романа, уговариваться съ Мстиславомъ на счетъ митрополита: послѣ долгихъ и крѣпкихъ рѣчей князья положили — свести обоихъ, и Клима и Константина, и принять новаго митрополита изъ Константинополя.

Уладившись съ племянникомъ, Ростиславъ въѣхалъ въ Кіевъ въ 1159 году, и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ; а Мстиславъ получилъ изъ Кіевскихъ волостей Бѣлгородъ, Торческъ, Триполь. Имѣя одного врага въ Изяславѣ Давидовичѣ, князья Кіевскіе и Черниговскіе должны были необходимо соединиться, и дѣйствительно скоро съѣхались въ Моравскѣ на великую любовь, по выраженію лѣтописца; князья обѣдали другъ у друга безо всякаго извѣта и дарились: Ростиславъ дарилъ Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, бѣлыми волками, рыбьими зубьями; Святославъ отдарилъ Ростислава барсомъ и двумя борзыми конями въ кованыхъ сѣдлахъ; лѣтописецъ счелъ нужнымъ прибавить, что князья — Мономаховичь и Ольговичь угощали другъ друга безо всякаго извѣта; страненъ и подозрителенъ казался этотъ союзъ въ Кіевѣ, не ждали здѣсь ничего добраго отъ Святослава Ольговича, постояннаго врага Мстиславичей, постояннаго союзника Юрьева, не думали, чтобъ онъ могъ забыть убійство брата своего Игоря. Чтобъ успокоить Кіевлянъ и Берендѣевъ, Ростиславъ долженъ былъ взять къ себѣ Всеволода, сына Святослава Всеволодовича [266], въ замѣнъ своего сына Рюрика, котораго отправилъ къ Святославу, въ Черниговъ на помощь противъ Давидовича. Послѣдній не остался сидѣть спокойно въ землѣ Вятичей: онъ набралъ множество Половцевъ, и сталъ съ ними по Деснѣ; но принужденъ былъ ограничиться однимъ опустошеніемъ селъ, потому что войска Ольговича не пустили его черезъ рѣку. Не смотря на то однако оба Святослава — и дядя и племянникъ видѣли недостаточность своихъ силъ, и послали въ Кіевъ за новою помощію: Ростиславъ отправилъ къ нимъ Ярослава Изяславича Луцкаго, Владиміра Андреевича Дорогобужскаго и Галицкій отрядъ; Давидовичь испугался и ушелъ съ Половцами въ степь; но на дорогѣ догналъ его гонецъ отъ Черниговскихъ пріятелей, которые велѣли сказать ему: «Не уходи, князь, ни-

куда: братъ твой Святославъ боленъ, а племянникъ его пошелъ въ Новгородъ Сѣверскій, отпустивши дружину». Получивъ эту вѣсть, Изяславъ немедленно поскакалъ къ Чернигову, а Святославъ Ольговичъ ничего не зналъ, и стоялъ спокойно передъ городомъ въ палаткахъ съ женою и дѣтьми, какъ вдругъ пришли сказать ему, что Изяславъ уже переправляется черезъ Десну, и Половцы жгутъ села; Святославъ тотчасъ же выстроилъ полки, послалъ возвратить съ дороги Владиміра Андреевича и Рюрика, и тѣ явились въ тотъ же день, вмѣстѣ съ Галичанами. Такимъ образомъ Изяславу не удалось напасть въ расплохъ на Ольговича: тотъ ждалъ съ многочисленными и выстроенными полками, а Берендѣи между тѣмъ напали на Половцевъ и побили ихъ; видя, что Половцы бѣгутъ раненые, а другіе тонутъ въ Деснѣ, Изяславъ спросилъ: «что это значитъ»? и, получивъ въ отвѣтъ, что у города стоятъ сильные полки, бросился опять за Десну и потомъ въ степь, а союзники стали опустошать занятыя имъ волости; но Изяславъ скоро опять явился съ толпами Половцевъ, изъ Черниговской прошелъ въ Смоленскую волость, и страшно опустошилъ ее. Половцы повели въ плѣнъ болѣе 10,000 человѣкъ, не считая убитыхъ.

Видя противъ себя и Мстиславича и Ольговича, Изяславъ обратился къ сѣверному князю, Андрею Юрьевичу, сидѣвшему во Владимірѣ Клязменскомъ: Изяславъ послалъ просить у него дочери въ замужство за племянника своего Святослава Владиміровича, князя Вщижскаго, и вмѣстѣ помощи, потому что женихъ былъ осажденъ въ своемъ городѣ Ольговичами, дядею и племянникомъ, и Рюрикомъ Ростиславичемъ. Андрей отправилъ къ нему на помощь сына своего Изяслава со всѣми своими полками и муромскою помощію; вѣсть о приближеніи большой Ростовской силы заставила сначала Ольговича отступить отъ Вщижа; но когда Андреевы полки ушли назадъ въ Ростовскую землю, то Ольговичи съ союзниками опять обступили Вщижъ, стояли около него пять недѣль и заставили Владиміровича отстать отъ союза съ роднымъ дядею, признать старшинство двоюроднаго, Ольговича, имѣть его вмѣсто отца и ходить въ его волѣ.

Не смотря однако на всѣ неудачи, Изяславъ не думалъ еще уступать; въ Кіевѣ и въ степной Украйнѣ смотрѣли съ неудовольствіемъ и подозрительностію на тѣсный союзъ Ростислава

гъ Ольговичемъ; этимъ нерасположеніемъ могъ воспользоваться Давидовичь, чтобъ разорвать союзъ Кіевскаго князя съ Черниговскимъ, союзъ, отнимавшій у него всякую надежду на успѣхъ; есть извѣстіе, что онъ дѣйствительно воспользовался имъ, успѣлъ подкупить бояръ Кіевскихъ и Черниговскихъ, которые взялись перессорить князей своихъ; но сначала имъ это не удалось: князья не вѣрили навѣтамъ, переслались между собою, и еще крѣпче утвердили союзъ свой [289]. Чтобъ сблизить, помирить Ольговича съ Кіевлянами и пограничнымъ варварскимъ народонаселеніемъ, принимавшимъ такое важное участіе въ дѣлахъ южной Руси, Ростиславъ послалъ сказать Черниговскому князю: «Отпусти ко мнѣ сына своего Олега, пусть ознакомится съ лучшими Кіевлянами, Берендѣями и Торками». Святославъ, ничего не подозрѣвая, отпустилъ сына, который былъ принятъ очень хорошо Ростиславомъ, два дня сряду обѣдалъ у него; но на третій день, выѣхавши изъ стана на охоту [290], Олегъ встрѣтилъ одного Кіевскаго боярина, который сказалъ ему: «Князь! есть у меня до тебя важное дѣло: поклянись, что никому ничего не скажешь»; Олегъ поклялся, и бояринъ объявилъ ему, чтобъ онъ остерегался, потому что хотятъ его схватить. Олегъ повѣрилъ, и, подъ предлогомъ материнской болѣзни, сталъ проситься у Ростислава назадъ въ Черниговъ; тотъ сначала не хотѣлъ отпустить его, но потомъ отпустилъ; надобно замѣтить, что лѣтописецъ совершенно оправдываетъ Ростислава, и складываетъ всю вину на бояръ: князь, говоритъ онъ, не имѣлъ на сердцѣ никакаго злаго умысла; все это сдѣлали злые люди, не хотѣвшіе видѣть добра между братьею [291]. Когда Олегъ пріѣхалъ назадъ въ Черниговъ, то не сказалъ ничего отцу, но втайнѣ сердился на него, и сталъ проситься въ Курскъ; Святославъ ничего не зная, отпустилъ его туда; на дорогѣ Олега встрѣтили послы Давидовича съ дружелюбными рѣчами, съ приглашеніемъ вступить въ союзъ съ ихъ княземъ, съ извѣстіемъ, что двоюродные братья его, Святославъ и Ярославъ Всеволодовичи уже приступили къ этому союзу. Олегъ объявилъ обо всемъ этомъ своимъ боярамъ, и тѣ отвѣчали: «Князь! развѣ это хорошо, что хотѣли схватить тебя въ Кіевѣ, а Черниговъ отдаютъ подъ отцомъ твоимъ; послѣ этого вы оба правы въ крестномъ цѣлованіи къ нимъ». Олегъ послушался, и вступилъ въ союзъ съ Изяславомъ, безъ отцовскаго совѣта.

Когда старикъ Святославъ узналъ, что племянники Всеволодовичи и родной сынъ его Олегъ соединились съ Изяславомъ, то съ большимъ горемъ разсказалъ объ этомъ боярамъ своимъ; но тѣ отвѣчали ему: «удивительно намъ, князь, что жалуешься на племянниковъ и на Олега, а жизни своей не бережешь; уже это не ложь: Романъ Ростиславичь изъ Смоленска посылалъ попа своего сказать Изяславу: отдаетъ тебѣ батюшка Черниговъ, живи со мною въ мирѣ; а потомъ самъ Ростиславъ хотѣлъ схватить сына твоего въ Кіевѣ; ты, князь, волость свою погубилъ, держась за Ростислава, а онъ тебѣ очень лѣниво помогаетъ». Такимъ образомъ Святославъ по неволѣ отведенъ былъ отъ Ростиславовой любви къ Изяславу, говоритъ лѣтописецъ. Давидовичь спѣшилъ пользоваться выгоднымъ оборотомъ дѣлъ, собралъ большія толпы Половцевъ, соединился со Всеволодовичами сѣверскими, съ роднымъ племянникомъ Владиміровичемъ, съ Олегомъ Святославичемъ; но отецъ послѣдняго, не смотря ни на что, не поѣхалъ вмѣстѣ съ Изяславомъ, остался въ Черниговѣ. Давидовичу хотелось поднять на Ростислава и зятя своего, Глѣба Юрьевича, жившаго въ Переяславлѣ; но тотъ не поѣхалъ съ нимъ, вслѣдствіе чего союзники подошли къ Переяславлю, простояли подъ нимъ двѣ недѣли, и ничего не сдѣлали. Этимъ временемъ воспользовался Ростиславъ, собралъ большое войско, выступилъ къ Днѣпру и находился въ Триполѣ, когда Изяславъ, узнавши о его приближеніи, обратился въ бѣгство, и всѣ Половцы его ушли въ степь; вѣроятно бѣгство Половцевъ, которые не любили сражаться съ многочисленными войсками, и заставило Давидовича бѣжать предъ Ростиславомъ. Но какъ скоро послѣдній, возвратясь въ Кіевъ, распустилъ войско, то Изяславъ опять собралъ союзныхъ себѣ князей и Половцевъ, перешелъ замерзшій Днѣпръ за Вышгородомъ, и явился у Кіева. Здѣсь съ Ростиславомъ былъ только одинъ двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ; послѣ кровопролитной схватки, которая показалась лѣтописцу скорымъ пришествіемъ, Изяславъ началъ одолѣвать, и Половцы пробивались уже сквозь частоколъ въ городъ, когда дружина Ростиславова сказала своему князю: «Князь! братьевъ твоихъ еще нѣтъ, нѣтъ ни Берендѣевъ, ни Торковъ, а у непріятеля сила большая; ступай лучше въ Бѣлгородъ, и тамъ подожди помощи». Ростиславъ послушался, поѣхалъ въ Бѣлгородъ съ

полками и съ княгинею, и въ тотъ же день пришелъ къ нему племянникъ Ярославъ Изяславичь Луцкій съ братомъ Ярополкомъ, а Владиміръ Андреевичь отправился въ Торческъ за Торками и Берендѣями. Давидовичь вошелъ въ третій разъ въ свой любимый Кіевъ, простилъ всѣхъ гражданъ, попавшихся въ плѣнъ, и пошелъ немедленно осаждать Бѣлгородъ Ростиславовъ; но Святославъ Черниговскій опять прислалъ ему сказать, чтобъ мирился: «Если даже и не помирятся съ тобою, во всякомъ случаѣ ступай за Днѣпръ; когда будешь за Днѣпромъ, то вся твоя правда будетъ». Изяславъ велѣлъ отвѣчать ему: «Братья мои, возвратившись за Днѣпръ, пойдутъ въ свои волости; а мнѣ куда возвращаться? Къ Половцамъ нельзя мнѣ идти, а у Выря не хочу помирать съ голоду; лучше мнѣ здѣсь умереть». Четыре недѣли понапрасну простоялъ онъ около Бѣлгородскаго кремля; а между тѣмъ Мстиславъ Изяславичь изъ Владимира шелъ на выручку къ дядѣ, съ Галицкою помощію; съ другой стороны шелъ Рюрикъ Ростиславичь съ Владиміромъ Андреевичемъ и Васильковъ Юрьичемъ изъ Торческа, ведя съ собою толпы пограничныхъ варваровъ — Берендѣевъ, Коуевъ, Торковъ, Печенѣговъ; у Котельницы соединились они съ Мстиславомъ, и пошли вмѣстѣ къ Бѣлгороду [392]. На дорогѣ Черные Клобуки стали проситься у Мстислава ѣхать напередъ: «Мы посмотримъ, князь, говорили они, велика ли рать»? Мстиславъ отпустилъ ихъ, а между тѣмъ дикіе Половцы Изяславовы съ своей стороны также подстерегали непріятельское войско, и, прискакавши къ Изяславу, сказали ему что идетъ рать огромная. Давидовичь испугался и, не видавши самъ Мстиславовыхъ полковъ, побѣжалъ отъ Бѣлгорода; осажденные князья вышли тогда изъ города, и дождавшись своихъ избавителей, погнались вмѣстѣ за Черниговскими; Торки нагнали ихъ, стали бить и брать въ плѣнъ; одинъ изъ Торковъ, Воиборъ Негечевичь [393], нагналъ самого Изяслава, и ударилъ его по головѣ саблею; другой Торчинъ прокололъ его въ стегно, и повалилъ съ лошади; при послѣднемъ издыханіи уже нашелъ его Мстиславъ и отправилъ въ Кіевскій Семеновскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ; тѣло его отослали въ Черниговъ [394]. (1160—1161 г.).

Въ другой разъ Ростиславъ получилъ Кіевъ, благодаря племяннику своему Мстиславу, и это уже самое обстоятельство могло

вести къ ссорѣ между князьями: Мстиславъ могъ считать себя въ правѣ предъявлять большія требованія за свои услуги, тѣмъ болѣе, что онъ, подобно отцу, держась пословицы: нейдетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту, не отличался сыновнею покорностію передъ дядьями; мы видѣли, какъ прежде поступилъ онъ съ Ростиславомъ, когда тотъ вздумалъ было, ему въ ущербъ, мириться съ Давидовичемъ. Ростиславъ, съ своей стороны, не хотѣлъ походить на дядю своего Вячеслава: мы видѣли, что онъ пошелъ въ Кіевъ только на условіи быть настоящимъ старшимъ въ родѣ. Вотъ почему неудивительно намъ читать въ лѣтописи, что скоро послѣ вторичнаго вступленія Ростислава въ Кіевъ, Мстиславъ выѣхалъ изъ этого города въ сердцахъ на дядю, и что между ними были крупныя рѣчи. Въ тоже время одинъ изъ сыновей Ростиславовыхъ, Давидъ, безъ отцовскаго впрочемъ приказа, поѣхалъ въ Торческъ и схватилъ тамъ посадника Мстиславова, котораго привелъ въ Кіевъ: было необходимо занять Торческъ, для того чтобъ отрѣзать Мстиславу сообщеніе съ Черными Клобуками; въ Бѣлгородъ Ростиславъ отправилъ другаго сына своего Мстислава. Волынскому князю трудно было одному бороться съ дядею; онъ хотѣлъ пріобрѣсть союзниковъ, но придумалъ для этого странное средство: съ войскомъ двинулся къ Пересопницѣ, приказывая Владиміру Андреевичу отступить отъ Ростислава; Владиміръ не послушался, и Мстиславъ принужденъ былъ возвратиться назадъ [295]; а между тѣмъ Ростиславъ помирился съ Ольговичами, и дядею и племянниками [296], помирился и съ Юріемъ Ярославичемъ, которому, благодаря враждѣ и слабости Мономаховичей, удалось утвердиться въ Туровѣ. Оставался еще одинъ беземельный князь, младшій братъ Ростислава, Владиміръ Мстиславичь; мы видѣли, что онъ былъ прогнанъ изъ Волыни племянникомъ Мстиславомъ, потомъ находился въ войскѣ Изяслава Давидовича и вмѣстѣ съ послѣднимъ бѣжалъ отъ Бѣлгорода за Днѣпръ; что случилось съ нимъ послѣ того, неизвѣстно; но подъ 1162 годомъ лѣтописецъ говоритъ о походѣ князей—Рюрика Ростиславича, Святополка, сына Юрія Туровскаго, обоихъ Всеволодовичей Сѣверскихъ—Святослава и Ярослава, Святослава Владиміровича Вщижскаго, Олега Святославича и Полоцкихъ князей къ Слуцку [297] на Владиміра Мстиславича; когда и какъ послѣдній овладѣлъ этимъ городовъ—неиз-

вѣстно. Видя, что нельзя противиться такому большому войску, Владимiръ отдалъ городъ союзнымъ князьямъ, а самъ отправился къ брату Ростиславу въ Кiевъ: тотъ далъ ему Триполь съ четырьмя городами. Наконецъ въ слѣдующемъ 1163 году Ростиславъ заключилъ миръ и съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ: вѣроятно послѣднiй, видя, что всѣ остальные князья въ дружбѣ съ дядею, сталъ посговорчивѣе; Ростиславъ возвратилъ ему Торческъ и Бѣлгородъ, а за Триполь далъ Каневъ.

Но въ то время, какъ все успокоилось на западной сторонѣ Днѣпра, встала смута на восточной по случаю смерти Святослава Ольговича, послѣдовавшей въ 1164 году. Черниговъ, по всѣмъ правамъ, принадлежалъ послѣ него племяннику отъ старшаго брата, Святославу Всеволодовичу; но вдова Ольговича, по согласiю съ епископомъ Антонiемъ и лучшими боярами мужа своего, три дня таила смерть послѣдняго, чтобъ имѣть время послать за сыномъ своимъ Олегомъ и передать ему Черниговъ; Олегу велѣли сказать: «Ступай, князь, поскорѣе, потому что Всеволодовичь не ладно жилъ съ отцемъ твоимъ и съ тобою, не замыслилъ бы какого лиха?» Олегъ успѣлъ прiѣхать прежде Святослава, который узналъ о дядиной смерти отъ епископа Антонiя: мы видѣли, что этотъ Антонiй былъ въ заговорѣ съ княгинею и даже цѣловалъ Спасителевъ образъ съ клятвою, что никому не откроетъ о княжеской смерти, при чемъ еще тысяцкiй Юрiй сказалъ: «Негодилось бы намъ давать епископу цѣловать Спасовъ образъ, потому что онъ святитель, а подозрѣвать его было намъ нельзя, потому что онъ любилъ своихъ князей»; и епископъ отвѣчалъ на это: «Богъ и его Матерь мнѣ свидѣтели, что самъ не пошлю къ Всеволодовичу никакимъ образомъ, да и вамъ, дѣти, запрещаю, чтобъ не погинуть вамъ душею и не быть предателями, какъ Iуда». Такъ говорилъ онъ на словахъ, а въ сердцѣ затаилъ обманъ, потому что былъ родомъ Грекъ, прибавляетъ лѣтописецъ: первый поцѣловалъ онъ Спасовъ образъ, первый и нарушилъ клятву, послалъ къ Всеволодовичу грамоту, въ которой писалъ: «Дядя твой умеръ; послали за Олегомъ; дружина по городамъ далеко; княгиня сидитъ съ дѣтьми безъ памяти, а имѣнья у нея множество; ступай поскорѣе, Олегъ еще не прiѣхалъ, такъ ты урядишься съ нимъ на всей своей волѣ». Святославъ, прочтя грамоту, немедленно от-

правилъ сына въ Гомель, по другимъ городамъ послалъ посадниковъ, а самъ сбирался ѣхать въ Черниговъ, но, услыхавъ, что Олегъ предупредилъ его, сталъ пересылаться съ нимъ, уживаясь насчетъ волостей; Олегъ уступилъ ему Черниговъ, а себѣ взялъ Новгородъ Сѣверскій; Всеволодовичь цѣловалъ также крестъ, что надѣлитъ изъ своихъ волостей братьевъ Олеговыхъ, Игоря и Всеволода, но не исполнилъ клятвы. Олегъ, какъ видно, на первый разъ смолчалъ; но скоро представился новый случай къ ссорѣ: въ 1167 году умеръ князь Вщижскій Святославъ Владиміровичь, представитель старшей линіи въ Святославовомъ родѣ, имѣвшій по этому болѣе Ольговичей права на Черниговъ, но, какъ видно, не хотѣвшій вступать въ споръ по болѣзни или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ. Выморочную волость должны были подѣлить между собою остальные родичи ***; но Святославъ не далъ ничего Олегу, отдалъ лучшую волость родному брату своему Ярославу, а во Вщижѣ посадилъ сына. Тогда Ростиславъ Кіевскій, видя, что Святославъ обижаетъ Олега, вступился за послѣдняго, тѣмъ болѣе, что за нимъ была его дочь ***, и нѣсколько разъ посылалъ уговаривать Всеволодовича, чтобъ надѣлилъ Олега какъ слѣдуетъ; а между тѣмъ Стародубцы, недовольные почему-то Всеволодовичемъ, послали также звать къ себѣ Олега; тотъ было поѣхалъ, но былъ предупрежденъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, и гражданамъ нельзя было исполнить своего намѣренія; тогда Олегъ, въ сердцахъ на неудачу, побралъ въ плѣнъ множество сельскихъ жителей около Стародуба. Святославъ хотѣлъ отомстить ему тѣмъ, что послалъ брата Ярослава съ Половцами къ Новгороду Сѣверскому; но это войско, не дошедши 15 верстъ отъ города, возвратилось назадъ. Олегъ не могъ самъ продолжать военныхъ дѣйствій, потому что сильно занемогъ, и потому легко согласился на предложеніе Ростислава помириться съ Черниговскимъ княземъ, взявши у послѣдняго четыре города.

Такимъ образомъ Ростиславу удалось умирить всѣхъ князей и на восточной и на западной сторонѣ Днѣпра; оставалось уладить дѣла на сѣверѣ. Въ 1168 году онъ отправился туда, заѣхавши напередъ къ зятю своему, Олегу Сѣверскому; Смоляне, лучшіе люди начали встрѣчать его еще за 300 верстъ отъ своего города, потомъ встрѣтили его внуки, за ними сынъ Романъ,

пископъ, тысяцкій и мало не весь городъ вышелъ къ нему на встрѣчу: такъ всѣ обрадовались его приходу, и множество даровъ надавали ему. Изъ Смоленска Ростиславъ отправился въ Горопецъ, откуда послалъ въ Новгородъ къ сыну Святославу, чтобъ пріѣзжалъ съ лучшими гражданами къ нему въ Великія Луки, потому что болѣзнь не позволяла ему ѣхать дальше. Урядившись съ Новгородцами, взявши много даровъ у нихъ и у сына, онъ возвратился въ Смоленскъ совсѣмъ больной; сестра Рогнѣда начала просить его, чтобъ остался въ Смоленскѣ и легъ въ построенной имъ церкви, но Ростиславъ отвѣчалъ: «Не могу здѣсь лечь, везите меня въ Кіевъ; если Богъ пошлетъ по душу на дорогѣ, то положите меня въ отцовскомъ благословеніи у св. Ѳеодора; а если, Богъ дастъ, выздоровлю, то постригусь въ Печерскомъ монастырѣ». Передъ смертію онъ говорилъ духовнику своему, священнику Семену: «Отдашь ты отвѣтъ Богу, что не допустилъ меня до постриженія». Ростиславъ постоянно имѣлъ эту мысль, часто и говорилъ Печерскому игумену Поликарпу: «Тогда мнѣ пришла мысль о постриженіи, какъ получилъ я вѣсть изъ Чернигова о смерти Святослава Ольговича». Съ тѣхъ поръ онъ все твердилъ игумену: «Поставь мнѣ келью добрую, боюсь напрасной смерти». Но Поликарпъ отговаривалъ ему: «Вамъ Богъ такъ велѣлъ быть, говорилъ игуменъ: правду блюсти на этомъ свѣтѣ, судъ судить праведный и стоять въ крестномъ цѣлованіи». Ростиславъ отвѣчалъ на это. «Отецъ! княженіе и міръ не могутъ быть безъ грѣха, а я уже не мало пожилъ на этомъ свѣтѣ, такъ хотѣлось бы поревновать святымъ». Поликарпъ не хотѣлъ больше противиться, и отвѣчалъ: «Если уже ты такъ сильно этого хочешь, князь, то да будетъ воля Божія». Ростиславъ сказалъ на это: «Подожду еще не много; есть у меня коекакія дѣла». — Теперь всѣ дѣла были устроены, и больной Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы лечь тамъ или постричься, какъ на дорогѣ изъ Смоленска, будучи въ сестриномъ селѣ Зарубѣ, почувствовалъ приближеніе смерти и послалъ за духовникомъ; самъ прочелъ отходную, и умеръ въ полной памяти, отирая платкомъ слезы.—И этотъ Мстиславичь представляетъ также замѣчательное явленіе между древними князьями нашими: далеко уступая старшему брату своему Изяславу въ дѣятельности, отвагѣ и распорядительности ратной, Ростиславъ

отличался охранительнымъ характеромъ: постоянно почтительный предъ старшимъ братомъ, покорный его волѣ, онъ былъ почтителенъ и передъ дядьми, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на борьбу съ ними старшаго брата, уговаривалъ его уступить имъ; и когда самому пришла очередь быть старшимъ въ родѣ, то потребовалъ отъ младшихъ такого же повиновенія, какое самъ оказывалъ своимъ старшимъ. Принявши старшинство, онъ не уступилъ пылкому племяннику своему Мстиславу въ требованіяхъ, какъ по всему видно, неумѣренныхъ; но и его послѣ, и всѣхъ остальныхъ младшихъ родичей ни въ чемъ не обидѣлъ, всѣхъ старался примирить, всѣхъ надѣлилъ волостями, такъ что при концѣ его жизни повсюду водворилось спокойствіе (1168 г.).

По смерти Ростислава старшинство въ родѣ принадлежало прежде всего Святославу Всеволодовичу Черниговскому по старшинству племени; но Мономаховичи не хотѣли признавать этого старшинства; въ племени Мономаховомъ старшимъ по линіи былъ послѣдній сынъ Мстислава Великаго, Владиміръ Мстиславичь; но этотъ князь, какъ мы видѣли, былъ мачешичь и вѣроятно моложе своего племянника лѣтами, былъ изгнанъ Мстиславомъ даже изъ Волыни: могъ ли онъ надѣяться, что послѣдній уступитъ ему Кіевъ; наконецъ послѣ Владиміра на старшинство въ родѣ имѣлъ право сынъ Юрія Долгорукаго, Андрей Боголюбскій; но сѣверныхъ князей вообще не любили на югѣ, и Андрей поведеніемъ своимъ относительно братьевъ не могъ нисколько уменьшить этого нерасположенія. Вотъ почему, по смерти Ростислава, взоры всѣхъ обратились на смѣлаго племянника его, князя Владимирскаго на Волыни, который два раза уже овладѣвалъ Кіевомъ, два раза уступалъ его родному и старшему дядѣ, но кромѣ послѣдняго не могъ уступить никому другому. Не смотря однако на это, спорность правъ Мстислава, спорность самой отчинности его (ибо отецъ его умеръ не будучи собственно старшимъ въ родѣ), давала родичамъ его надежду, что Изяславичь щедро наградитъ ихъ за уступку ему старшинства, дастъ имъ все, чего они сами захотятъ; но они ошиблись въ своемъ разсчетѣ: Мстиславъ, подобно дядѣ Ростиславу, хотѣлъ быть старшимъ на дѣлѣ, а не по имени только. Получивъ приглашеніе ѣхать въ Кіевъ отъ братьи—Владиміра Мстиславича, Рюрика и Давида Ростиславичей, также особое приглашеніе отъ Кіев-

ъ и особое отъ Черныхъ Клобуковъ, Мстиславъ отправилъ едленно въ Кіевъ племянника Василька Яроволчича съ сво- тіуномъ. Здѣсь въ Кіевѣ пріятели Мстислава разсказали илько, что князья Владиміръ Мстиславичь и Андреевичь, так- Ярославъ Изяславичь Луцкій и Ростиславичи цѣловали стъ, что будутъ стоять за одно и возьмутъ у Мстислава во- ги по своей волѣ: Владиміръ Мстиславичь возьметъ въ при- укъ Триполю Торческъ со всѣмъ Поросьемъ, Владиміръ Анд- вичь Брестъ, Ярославъ Владимиръ. Василько немедленно ь знать объ этомъ дядѣ Мстиславу, и тотъ, передавши вѣсть со- никамъ своимъ—Ярославу Галицкому, Всеволодовичамъ Горо- скимъ и князьямъ Польскимъ, выступилъ съ своими полками и Галицкою помощію къ Кіеву. Какъ видно, главою княжескаго овора былъ Владиміръ Мстиславичь, давній врагъ своего пле- нника; вотъ почему, услыхавъ о приближеніи послѣдняго къ ву, онъ бросился бѣжать съ семьею изъ Триполя въ Вышго- ъ, гдѣ и затворился вмѣстѣ съ Ростиславичами. Мстиславъ ду тѣмъ вошелъ въ Кіевъ, урядился съ братьями, дружиною іевлянами, и въ тотъ же день отправился осаждать Вышго- ъ; послѣ крѣпкихъ схватокъ между осаждающими и осаж- ными, князья начали пересылаться, и уладились наконецъ на ъ волостей, послѣ чего Мстиславъ вторично вошелъ въ Кі- и сѣлъ на столѣ Ярославовомъ, на столѣ отца своего и дѣ- ь своихъ.

о легко понять, что князья, особенно старые, обманувшись воихъ надеждахъ, затаили горечь въ сердцѣ; особенно зло- я на племянника Владиміръ Мстиславичь, и тотчасъ послѣ уже началъ затѣвать новые замыслы противъ Мстислава; нъ Давида Ростиславича, Василь Настасьичь, узнавши объ замыслахъ, объявилъ объ нихъ своему князю, а тотъ раз- лъ все Мстиславу. Когда Владиміръ увидалъ, что умыселъ его лся, то пріѣхалъ въ Кіевъ оправдываться предъ племян- ъ. Почти въ одно время съѣхались они въ Печерскомъ тырѣ; Мстиславъ вошелъ въ игуменскую келью, а Вла- велѣлъ сѣсть въ экономской, и послалъ спросить его: ъ! зачѣмъ ты пріѣхалъ? я за тобой не посылалъ.» Вла- ь велѣлъ отвѣчать: «Братъ! слышалъ я, что злые люди на- или тебѣ на меня.» — «Говорилъ мнѣ братъ Давидъ,» —

велѣлъ отвѣчать на это Мстиславъ. Послали къ Давиду въ Вышгородъ; Давидъ прислалъ Василя для улики, приставили къ нему тысяцкаго и еще другаго боярина, и начался судъ. Черезъ три дня Мстиславъ опять пріѣхалъ въ Печерскій монастырь; Владиміръ прислалъ двоихъ бояръ своихъ, которые начали спорить съ Василемъ; но за послѣдняго явился новый свидѣтель. Дѣло это наконецъ наскучило Мстиславу; онъ сказалъ дядѣ: «Брать! ты крестъ цѣловалъ и еще губы у тебя не обсохли; вѣдь это отцовское и дѣдовское утвержденіе; кто нарушаетъ клятву, тому Богъ будетъ судья; такъ теперь, если ты не думалъ никакого зла и не думаешь, то цѣлуй крестъ.» Владиміръ отвѣчалъ: «Съ радостію, братецъ, поцѣлую; все это на меня выдумали ложь,»— поцѣловалъ крестъ, и поѣхалъ въ Котельницу. Но въ томъ же году сталъ онъ опять сноситься съ Черными Клобуками, подучать ихъ на племянника; и когда варвары дали ему слово дѣйствовать за одно, то онъ объявилъ объ этомъ своимъ боярамъ; но дружина отвѣчала ему: «Ты, князь, задумалъ это самъ собою: такъ не ѣдемъ по тебѣ, мы ничего не знали.» Владиміръ разсердился и, взглянувъ на молодыхъ дружинниковъ, сказалъ: «вотъ у меня будутъ бояре,» и поѣхалъ къ Берендѣямъ, съ которыми встрѣтился ниже Ростовца. Но варвары, увидавши, что онъ пріѣхалъ одинъ, встрѣтили его словами: «Ты намъ сказалъ, что всѣ братья съ тобою за одно: гдѣ же Владиміръ Андреевичъ, гдѣ Ярославъ и Давидъ? да и дружины-то у тебя нѣтъ; ты насъ обманулъ: такъ и намъ лучше въ чужую голову, чѣмъ въ свою»— и начали пускать во Владиміра стрѣлы, изъ которыхъ двѣ и попали въ него. Владиміръ сказалъ тогда: «Сохрани Богъ вѣрить поганому, а я уже погибъ и душою и жизнію,» и побѣжалъ къ Дорогобужу, потерявъ своихъ отроковъ, которыхъ перебили Черные Клобуки. Но Владиміръ Андреевичь раззорилъ мостъ на рѣкѣ Горынѣ и не пустилъ къ себѣ Мстиславича, который принужденъ былъ обратиться къ востоку, и чрезъ землю Радимичей пустился въ Суздальскую область къ Андрею Боголюбскому; и послѣдній не принялъ его къ себѣ, а послалъ сказать ему: «ступай въ Рязань къ тамошнему князю, а я тебя надѣлю [300].» Владиміръ послушался, и отправился въ Рязань. Мстиславъ Кіевскій не хотѣлъ послѣ того терпѣть, чтобъ и мать Владимірова оставалась гдѣ-нибудь на Руси, и велѣлъ сказать ей: «ступай за

Днѣпръ въ Городокъ, а оттуда иди куда хочешь; не могу жить съ тобою въ одномъ мѣстѣ, потому что сынъ твой всегда ловитъ головы моей, вѣчно нарушаетъ клятвы.» Она отправилась въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу.

Казалось, что съ удаленіемъ дяди Владиміра на дальній сѣверовостокъ, Мстиславъ долженъ былъ успокоиться; но вышло иначе. Мы видѣли, что князья не могли распорядиться волостями такъ, какъ имъ хотѣлось при вступленіи на старшій столъ Мстислава; это оставило горечь во всѣхъ сердцахъ, которая должна была обнаруживаться при всякомъ удобномъ случаѣ. Послѣ удачнаго похода на Половцевъ въ 1168 году князья разсердились на Мстислава за то, что онъ тайкомъ отъ нихъ отпускалъ слугъ своихъ раззорять Половецкія вежи; скоро послѣ этого Мстиславъ снова собралъ всю братью въ Кіевѣ и предложилъ новый походъ въ степи. Рѣчь его полюбилась всѣмъ князьямъ, они выступили въ походъ и остановились у Канева. Въ это время двое изъ дружины, Бориславичи, родные братья, Петръ и Несторъ, начали говорить Давиду Ростиславичу злыя рѣчи на Мстислава: послѣдній прогналъ ихъ отъ себя за то, что холопы ихъ покрали его лошадей изъ стада, и положили на нихъ свои пятна (клейма): такъ теперь Бориславичи хотѣли отомстить ему клеветою. Давидъ повѣрилъ имъ и началъ говорить брату Рюрику: «Братъ! пріятели говорятъ мнѣ, что Мстиславъ хочетъ насъ схватить.» «А за что? за какую вину? отвѣчалъ Рюрикъ;—давно ли онъ къ намъ крестъ цѣловалъ?» чтобъ увѣрить больше Ростиславичей, клеветники сказали имъ: «Мстиславъ положилъ схватить васъ у себя за обѣдомъ; такъ если онъ начнетъ звать васъ на обѣдъ, то значитъ, что мы сказали правду». И точно Мстиславъ, ничего не зная, позвалъ на обѣдъ Рюрика и Давида. Тѣ послали сказать ему въ отвѣтъ на зовъ: «Поцѣлуй крестъ, что не замыслишь на насъ никакого лиха, такъ поѣдемъ къ тебѣ.» Мстиславъ ужаснулся, и сказалъ дружинѣ: «Что это значитъ? братья велятъ мнѣ крестъ цѣловать, а я не знаю за собою никакой вины!» дружина отвѣчала: «Князь! нелѣпо велятъ тебѣ братья крестъ цѣловать; это вѣрно какіе-нибудь злые люди, завидуючи твоей любви къ братьи, пронесли злое слово. Злой человѣкъ хуже бѣса; и бѣсу того не выдумать, что злой человѣкъ замыслитъ; а ты правъ предъ Богомъ и предъ людьми:

вѣдь тебѣ безъ насъ нельзя было ничего замыслить, ни сдѣлать, а мы всѣ знаемъ твою истинную любовь ко всей братьѣ; пошли сказать имъ, что ты крестъ цѣлуешь, но чтобъ они выдали тѣхъ, кто васъ ссоритъ.» Давидъ не согласился выдать Бориславичей: «Кто жъ мнѣ тогда что-нибудь скажетъ послѣ, если я этихъ выдамъ,» говорилъ онъ. Не смотря на то, Мстиславъ цѣловалъ крестъ, и Ростиславичи оба поцѣловали; однако сердце ихъ не было право съ нимъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Въ тоже самое время Владиміръ Андреевичь началъ припрашивать волости у Мстислава; тотъ понялъ, что Владиміръ припрашиваетъ нарочно, чтобъ имѣть только случай къ ссорѣ, и послалъ сказать ему: «Братъ Владиміръ! давно ли ты крестъ цѣловалъ ко мнѣ и волость взялъ?» Владиміръ въ сердцахъ уѣхалъ въ свой Дорогобужъ. Этимъ всеобщимъ нерасположеніемъ южныхъ князей къ Мстиславу воспользовался Андрей Боголюбскій, чтобъ предъявить права свои на старшинство и на Кіевъ: онъ также не любилъ Мстислава, какъ отецъ его Юрій не любилъ отца Мстиславова Изяслава, и точно также, какъ прежде отецъ его, началъ открытую войну, удостовѣрившись, что найдетъ союзниковъ на югѣ. Ждали только повода; поводъ открылся, когда Мстиславъ исполнилъ просьбу Новгородцевъ, и отправилъ къ нимъ на княженіе сына своего Романа; тогда всѣ братья стали сноситься другъ съ другомъ и утвердились крестомъ на Мстислава, объявивши старшимъ въ родѣ Андрея Юрьевича. Боголюбскій выслалъ сына своего Мстислава и воеводу Бориса Жидиславича съ Ростовцами, Владимирцами, Суздальцами; къ этому ополченію присоединилось 11 князей: Глѣбъ Юрьевичь изъ Переяславля, Романъ изъ Смоленска, Владиміръ Андреевичь изъ Дорогобужа, Рюрикъ Ростиславичь изъ Овруча, братья его — Давидъ и Мстиславъ изъ Вышгорода; Сѣверскіе — Олегъ Святославичь съ братомъ Игоремъ; наконецъ младшій братъ Боголюбскаго, знаменитый въ послѣдствіи, Всеволодъ Юрьевичь и племянникъ отъ старшаго брата, Мстиславъ Ростиславичь. Не пошелъ Святославъ Всеволодовичь Черниговскій, не желая, какъ видно, отнимать Кіевъ у Мстислава въ пользу князя, старшинства котораго не могъ онъ признать; не пошелъ и одинъ изъ родныхъ братьевъ Боголюбскаго, Михаилъ Юрьевичь; его Мстиславъ отправилъ съ Черными Клобуками въ Новгородъ на

помощь сыну своему Роману; но Ростиславичи—Рюрикъ и Давидъ, узнавши, что рать Боголюбскаго и роднаго брата ихъ Романа уже приближается, послали въ погоню за Михаиломъ и схватили его, не далеко отъ Мозыря, благодаря измѣнѣ Черныхъ Клобуковъ.

Зналъ ли Мстиславъ о сбиравшейся на него грозѣ, или нѣтъ, трудно рѣшить; скорѣе можно предположить, что не зналъ, иначе не послалъ бы онъ Черныхъ Клобуковъ съ Юрьевичемъ въ Новгородъ. Въ Вышгородѣ соединились всѣ князья—непріятели Мстислава и отсюда пошли и обступили Кіевъ. Мстиславъ затворился въ городѣ и крѣпко бился изъ него: любовь къ сыну Изяславову, и еще больше, быть можетъ, нелюбовь къ Юріеву, заставила Кіевлянъ въ первый разъ согласиться выдержать осаду; лѣтописецъ не говоритъ, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ, какъ прежде, вышелъ на встрѣчу къ осаждавшимъ князьямъ, или всѣ вѣчемъ говорили Мстиславу: «Ступай, князь, теперь не твое время;» одни только Черные Клобуки, по обычаю, начали предательствовать. Послѣ трехъ-дневной осады, дружины осаждавшихъ князей успѣли ворваться въ городъ; тогда дружина Мстиславова сказала своему князю: «Что стоишь? поѣзжай изъ города; намъ ихъ не перемочь;» Мстиславъ послушался, и побѣжалъ на Василевъ; отрядъ Черныхъ Клобуковъ гнался за нимъ, стрѣлялъ въ задъ, побралъ въ плѣнъ много дружины; но самому Мстиславу удалось соединиться съ братомъ Ярославомъ и пробраться вмѣстѣ съ нимъ во Владимиръ Волынскій. Въ первый разъ [301] Кіевъ былъ взятъ вооруженною рукою, при всеобщемъ сопротивленіи жителей, и въ первый разъ мать городовъ Русскихъ должна было подвергнуться участи города, взятаго на щитъ; два дни побѣдители грабили городъ, не было никому и ничему помилованія: церкви жгли, жителей — однихъ били, другихъ вязали, женъ разлучали съ мужьями и вели въ плѣнъ, младенцы рыдали, смотря на матерей своихъ; богатства непріятели взяли множество, церкви всѣ были пограблены; Половцы зажгли было и монастырь Печерскій, но монахамъ удалось потушить пожаръ; были въ Кіевѣ тогда, говоритъ лѣтописецъ, на всѣхъ людяхъ стонъ и тоска, печаль неутѣшная и слезы непрестанныя.—Но не старшій сынъ Юрія, во имя котораго совершенъ былъ походъ, взятъ и раззоренъ стольный городъ

отцовъ, не Боголюбскій сѣлъ въ Кіевѣ; сынъ его Мстиславъ посадилъ здѣсь дядю, Глѣба Переяславскаго, который отдалъ Переяславль сыну своему Владиміру; старшій въ родѣ князь остался жить на сѣверѣ, въ далекомъ Владимірѣ Клязменскомъ, и сынъ его Мстиславъ пошелъ назадъ къ отцу съ великою честію и славою, говоритъ лѣтописецъ; но въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ: съ проклятіемъ.

Изъ событій въ особыхъ княжествахъ по смерти Юрія Долгорукаго мы упоминали, какъ потомству Изяслава Ярославича удалось утвердиться въ Туровѣ; потомство Игоря Ярославича продолжало княжить въ Городнѣ. Ярославъ Галицкій освободился наконецъ отъ опаснаго соперника своего, Ивана Берладника: подъ 1161 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Берладникъ умеръ въ Солунѣ; есть слухъ, прибавляетъ онъ, что смерть приключилась ему отъ отравы. Въ Полоцкѣ происходили большія смуты. Мы видѣли, что въ 1151 году Полочане выгнали князя Рогволода Борисовича и взяли на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, который вошелъ въ сыновнія отношенія къ Святославу Ольговичу. Но, какъ видно, Ростиславъ въ послѣдствіи позабылъ о своихъ обязанностяхъ относительно Черниговскаго князя, потому что послѣдній принялъ къ себѣ изгнанника Рогволода, и даже въ 1158 году далъ ему свои полки для отысканія волостей. Пріѣхавши въ Слуцкъ, Рогволодъ началъ пересылаться съ жителями Друцка; тѣ обрадовались ему, стали звать къ себѣ: «Пріѣзжай, князь, не мѣшкай, рады мы тебѣ; если придется, станемъ биться за тебя и съ дѣтьми». И въ самомъ дѣлѣ больше трехъ сотъ лодокъ выѣхало къ нему на встрѣчу, съ честью ввели его Дручане въ свой городъ, а Глѣба Ростиславича выгнали, дворъ и дружину его разграбили. Когда Глѣбъ пришелъ къ отцу Ростиславу въ Полоцкъ, и когда узнали здѣсь, что Рогволодъ сидитъ въ Друцкѣ, то сильный мятежъ всталъ между Полочанами, потому что многіе изъ нихъ захотѣли Рогволода, и съ большимъ трудомъ могъ Ростиславъ установить людей. Одаривши ихъ богато и приведя ко кресту, онъ пошелъ со всею братьею на Рогволода къ Друцку, но встрѣтилъ сильный отпоръ: Дручане бились крѣпко, и много падало людей со обѣихъ сторонъ; тогда Ростиславъ, видя, что не возьметъ ничего силою, помирился съ Рогволодомъ, придалъ ему

волостей, и возвратился домой. Но дѣло этимъ не кончилось: въ томъ же году Полочане сговорились выгнать Ростислава, позабывши, что говорили ему при крестномъ цѣлованіи: «Ты нашъ князь, и дай намъ Богъ съ тобою пожить». Они послали тайкомъ въ Друцкъ сказать Рогволоду Борисовичу: «князь нашъ! согрѣшили мы предъ Богомъ и предъ тобою, что встали на тебя безъ вины, имѣнье твое и дружины твоей все разграбили, а самаго схвативши, выдали Глѣбовичамъ на великую муку; если ты позабудешь все то, что мы тебѣ сдѣлали своимъ безуміемъ, и поцѣлуешь къ намъ крестъ, то мы твои люди, а ты нашъ князь; Ростислава отдадимъ тебѣ въ руки, дѣлай съ нимъ что хочешь». Рогволодъ поклялся, что забудетъ все прошлое; но, какъ обыкновенно водилось въ городахъ, у Ростислава между Полочанами были также пріятели, которые дали ему знать, что остальные сбираются схватить его. Положено было позвать его обманомъ на братовщину къ Святой Богородицѣ къ Старой, на Петровъ день, и тутъ его схватить; но Ростиславъ предувѣдомленный, какъ сказано выше, пріятелями, поддѣлъ броню подъ платье, и заговорщики не смѣли напасть на него тутъ, но на другой день опять послали звать его къ себѣ на вѣче: «Пріѣзжай къ намъ, князь! велѣли они сказать ему: намъ съ тобою нужно кой о чемъ переговорить». Ростиславъ отвѣчалъ посламъ: «Вѣдь я вчера былъ у васъ: чтожъ вы со мною ни о чемъ не говорили?» Не смотря однако на прежнее предувѣдомленіе, онъ поѣхалъ на этотъ разъ въ городъ, (а жилъ онъ тогда на загородномъ дворѣ въ Бѣлчицѣ, въ трехъ верстахъ отъ Полоцка, на другомъ берегу Двины). Но не успѣлъ Ростиславъ еще доѣхать до города, какъ встрѣтилъ отрока своего, который сказалъ ему: «Не ѣзди, князь! въ городѣ на тебя вѣче, уже дружину твою бьютъ, и тебя хотятъ схватить». Ростиславъ возвратился, собралъ дружину на Бѣлчицѣ, и пошелъ полкомъ въ Минскъ, къ брату Володарю, опустошая Полоцкую волость, забирая скотъ и челядь. Рогволодъ, по зову Полочанъ, пріѣхалъ княжить на его мѣсто, и не хотѣлъ оставить Глѣбовичей въ покоѣ: собралъ большое войско изъ Полочанъ, выпросилъ у Ростислава Смоленскаго на помощь двухъ сыновей его, Романа и Рюрика съ бояриномъ Внѣздомъ, полками Смоленскими, Новгородскими и Псковскими, и пошелъ

сперва къ Изяславлю гдѣ затворился Всеволодъ Глѣбовичъ; этотъ Всеволодъ прежде былъ большимъ пріятелемъ Рогволоду, и потому, понадѣявшись на старую дружбу, поѣхалъ въ станъ къ Борисовичу и поклонился ему; Рогволодъ принялъ его хорошо, но не отдалъ назадъ Изяславля, который слѣдовалъ, какъ отчина, Брячиславу Васильковичу, а далъ вмѣсто того Стрежевъ; потомъ Рогволодъ отправился къ Минску; но, простоявши подъ городомъ 10 дней безъ успѣха, заключилъ съ Ростиславомъ миръ и возвратился домой. Глѣбовичи, уступя на время силѣ, скоро начали опять дѣйствовать противъ остальныхъ двоюродныхъ братьевъ: въ 1159 году овладѣли опять Изяславлемъ, схватили тамъ двоихъ Васильковичей, Брячислава и Володаря, и заключили ихъ въ Минскѣ. Это заставило Рогволода опять идти на Минскъ, Ростиславъ Мстиславичь изъ Кіева прислалъ ему на помощь 600 Торковъ; Рогволодъ шесть недѣль стоялъ около города и заключилъ миръ на всей своей волѣ, т. е. заставилъ освободить Васильковичей; но Торки, потерявши лошадей и сами помирая съ голоду, возвратились пѣшкомъ на югъ, не дождавшись мира. Потомъ лѣтописецъ опять упоминаетъ о новомъ походѣ Рогволода на Ростислава къ Минску и о новомъ мирѣ. Въ 1161 году Рогволодъ предпринималъ новый походъ на одного изъ Глѣбовичей, Володаря, княжившаго теперь въ Городцѣ; Володарь не сталъ биться съ нимъ днемъ, но сдѣлалъ вылазку ночью и съ Литвою нанесъ осаждавшимъ сильное пораженіе; Рогволодъ убѣжалъ въ Слуцкъ и, пробывъ здѣсь три дня, пошелъ въ старую свою волость—Друцкъ, а въ Полоцкъ не посмѣлъ явиться, погубивши столько тамошней рати подъ Городцемъ; Полочане посадили на его мѣсто одного изъ Васильковичей, Всеслава. Изъ Полоцкихъ волостей мы встрѣчаемъ упоминовеніе о Минскѣ, Изяславлѣ, Друцкѣ, Городцѣ, какъ объ отдѣльныхъ столахъ княжескихъ; мы видѣли выше, что Ярославъ І-й уступилъ Полоцкому князю Брячиславу Витепскъ [302]; теперь подъ 1165 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Витепскѣ сѣлъ Давидъ Ростиславичь Смоленскій, отдавши прежнему Витепскому князю Роману два Смоленскихъ города — Васильевъ и Красный. Между тѣмъ Глѣбовичи не могли равнодушно видѣть, что Полоцкъ вышелъ изъ ихъ племени, и отъ Борисовича перешелъ къ Васильковичу; въ 1167 году Во-

лодарь Глѣбовичъ Городецкій пошелъ на Полоцкъ; Всеславъ Васильковичъ вышелъ къ нему на встрѣчу; но Володарь, не давши ему собраться и выстроить хорошенько полки, ударилъ внезапно на Полочанъ, многихъ убилъ, другихъ побралъ руками, и заставилъ Всеслава бѣжать въ Витепскъ, а самъ пошелъ въ Полоцкъ, и уладился съ тамошними жителями, цѣловалъ съ ними крестъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Утвердившись здѣсь, Володарь пошелъ къ Витепску на Давида и Всеслава, сталъ на берегу Двины и началъ биться объ рѣку съ непріятелями; Давидъ не хотѣлъ вступать съ нимъ въ рѣшительное сраженіе, поджидая брата своего Романа съ Смолнянами, какъ вдругъ въ одну ночь ударилъ страшный громъ, ужасъ напалъ на все войско Полоцкое, и дружина стала говорить Володарю: «чего стоишь, князь, не ѣдешь прочь? Романъ переправляется черезъ рѣку, а съ другой стороны ударитъ Давидъ». Володарь испугался и побѣжалъ отъ Витепска; на другое утро, узнавъ о бѣгствѣ врага, Давидъ послалъ за нимъ погоню, которая однако не могла настичь самого князя, а переловила только многихъ ратниковъ его, заблудившихся въ лѣсу; Всеславъ впрочемъ отправился по слѣдамъ Володаревымъ къ Полоцку и опять успѣлъ занять этотъ городъ.

Мы видѣли, что въ Новгородѣ нарядъ былъ установленъ Ростиславомъ, который въ 1158 году посадилъ здѣсь сына своего Святослава, а въ Торжкѣ другаго сына Давида. Скоро самъ Ростиславъ былъ позванъ племянникомъ на столъ Кіевскій, и слѣдовало ожидать, что это обстоятельство упрочитъ тишину въ Новгородѣ; но вышло противное. Андрей Боголюбскій, вступившись за Изяслава Давидовича, вошедши съ нимъ въ родственную связь, захотѣлъ нанести Ростиславу чувствительный ударъ на сѣверѣ, и послалъ сказать Новгородцамъ: «Будь вамъ вѣдомо: хочу искать Новгорода и добромъ и лихомъ[202]». Услыхавъ грозное слово, Новгородцы не знали, что̀ дѣлать; начались волненія и частыя вѣча. Не желая оскорбить Кіевскаго князя, они начали сперва дѣйствовать полумѣрами, надѣясь, что Святославъ догадается и самъ выѣдетъ отъ нихъ. Такъ они стали просить его, чтобъ вывелъ брата Давида изъ Торжка, потому что содержаніе двухъ князей тяжко для ихъ области. Святославъ исполнилъ ихъ требованіе, но разсердился и не оставилъ города.

Тогда надобно было приступить къ мѣрамъ рѣшительнымъ; не должно забывать также, что въ Новгородѣ существовала сторона, противная Мстиславичамъ, и которая должна была теперь сильно дѣйствовать при этихъ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Святославъ сидѣлъ на Городищѣ, у св. Благовѣщенія, какъ вдругъ пригналъ къ нему вѣстникъ и сказалъ: «Князь! большое зло дѣлается въ городѣ, хотятъ тебя люди схватить.» Святославъ отвѣчалъ: «А какое я имъ зло сдѣлалъ? развѣ они не цѣловали крестъ отцу моему, что будутъ держать меня княземъ пока я живъ, да вчера и мнѣ самому всѣ цѣловали образъ Богородицы?» Не успѣлъ онъ еще сказать этого, какъ толпа народа нахлынула, схватили его, заперли въ избѣ, княгиню послали въ монастырь, дружину поковали, имѣніе разграбили; потомъ отправили Святослава въ Ладогу, приставивши къ нему крѣпкую стражу. Когда Ростиславъ въ Кіевѣ узналъ, что сына его схватили въ Новгородѣ, то велѣлъ перехватать всѣхъ Новгородцевъ и пометать ихъ въ Пересѣченское подземелье, гдѣ въ одну ночь померло ихъ четырнадцать человѣкъ; узнавши объ этомъ несчастіи, Ростиславъ сталъ сильно тужить, и велѣлъ остальныхъ выпустить изъ подземелья и развести по разнымъ городамъ. Между тѣмъ Новгородцы послали къ Андрею просить у него сына къ себѣ на княженіе; онъ не далъ имъ сына, давалъ брата своего Мстислава, а Новгородцы не хотѣли Мстислава, потому что онъ уже прежде у нихъ княжилъ; наконецъ уладились такъ, что въ Новгородъ поѣхалъ Мстиславъ Ростиславичь, племянникъ Андреевъ отъ старшаго брата; а Святославу удалось бѣжать изъ Ладоги въ Полоцкъ, откуда Рогволодъ Борисовичь проводилъ его къ роднымъ въ Смоленскъ. Смѣна князя, какъ обыкновенно бывало, повлекла смѣну посадника: вмѣсто Якуна Мірославича выбранъ былъ Нѣжата. Но это не положило конца Новгородскимъ смутамъ: скоро Андрей урядился съ Ростиславомъ; князья уговорились, чтобы Новгородъ опять перешелъ къ сыну Кіевскаго князя—Святославу. Мы видѣли, что Новгородцы не любили брать князей, которые прежде были у нихъ, по очень естественной причинѣ: такой князь не могъ установить наряда, доброхотствуя своимъ прежнимъ пріятелямъ, преслѣдуя враговъ, усиліями которыхъ былъ изгнанъ. Но что они могли сдѣлать теперь противъ согласной воли двухъ

сильнейших князей на Руси? Они принуждены были принять Святослава на всей волѣ его. Это выраженіе въ первый разъ упомянуто здѣсь лѣтописцемъ: если Святославъ былъ принятъ на всей волѣ его, то мы должны прямо заключить, что предшественники его были принимаемы на всей волѣ Новгородской, т. е. что прежде Святослава начали заключаться между Новгородомъ и князьями условія, изложеніе которыхъ мы видимъ въ послѣдующихъ грамотахъ. Иначе и быть не могло въ смутное время, послѣдовавшее за смертію Мстислава Владиміровича; вторичное принятіе Всеволода Мстиславича, послѣ бѣгства его изъ Переяславля, можно считать временемъ, когда возникли первыя условія, первый рядъ Новгородцевъ съ княземъ; вторичное принятіе Святослава, когда онъ данъ былъ Новгородцамъ противъ воли ихъ силою двухъ соединенныхъ князей, нарушало установившійся было обычай; это лишеніе пріобрѣтенныхъ льготъ произвело сильную ненависть Новгородцевъ къ Святославу, которая видна будетъ изъ послѣдующихъ событій. Первымъ слѣдствіемъ перемѣны князя была смѣна посадника: Нѣжата былъ избранъ послѣ изгнанія Святослава, вслѣдствіе торжества непріязненной послѣднему стороны; теперь, послѣ вторичнаго принятія Святослава, Нѣжата былъ свергнутъ, и должность его отдана Захаріи. Но, какъ надобно было ожидать, силою посаженный князь не могъ сидѣть спокойно въ Новгородѣ. Мы видѣли, что Ростиславъ Кіевскій еще при концѣ жизни своей долженъ былъ отправиться на сѣверъ для установленія спокойствія въ Новгородѣ: онъ зналъ, что Новгородцы дурно живутъ съ его сыномъ. Въ Великихъ Лукахъ имѣлъ Ростиславъ свиданіе съ лучшими Новгородцами, и взялъ съ нихъ клятву не искать другаго князя кромѣ сына его Святослава, только смертью разлучиться съ нимъ[304]. Но въ самый годъ смерти Ростислава, недовольные уже начали собирать тайныя вѣча на сына его. Пріятели послѣдняго пріѣхали къ нему на городище и сказали: «Князь! народъ сбирается на вѣча по ночамъ, хотятъ тебя схватить; промышляй о себѣ.» Святославъ объявилъ объ этомъ дружинѣ; та отвѣчала: «Только что теперь цѣловали всѣ они тебѣ крестъ послѣ отцовской смерти; но что же съ ними дѣлать? кому изъ князей были они вѣрны? станемъ промышлять о себѣ, не то начнутъ объ насъ другіе промышлять». Святославъ выѣхалъ изъ

города, засѣлъ въ Великихъ Лукахъ, и послалъ отсюда сказать Новгородцамъ, что не хочетъ у нихъ княжить. Тѣ въ отвѣтъ поцѣловали образъ Богородицы съ клятвою не хотѣть Святослава, и пошли прогонять его изъ Лукъ; Святославъ выѣхалъ въ Торопецъ, оттуда отправился на Волгу, и, получивъ помощь отъ Андрея Суздальскаго, пожегъ Новый Торгъ; братья его, Романъ и Мстиславъ пожгли Луки, изъ Лучанъ одни заперлись въ крѣпости, другіе ушли во Псковъ; собрался на Новгородъ Андрей Суздальскій съ Смолнянами и Полочанами, пути всѣ заняли, пословъ перехватали, не дали имъ послать вѣсти въ Кіевъ къ тамошнему князю Мстиславу Изяславичу, чтобъ отпустилъ къ нимъ сына; Андрей съ Ростиславичами хотѣли силою помѣстить опять Святослава въ Новгородѣ: «нѣтъ вамъ другаго князя, кромѣ Святослава», говорили они. Это извѣстіе лѣтописца показываетъ намъ, что Новгородцы входили въ переговоры съ Андреемъ и просили себѣ князя отъ его руки, только не Святослава. Но упорство Андрея пуще ожесточило Новгородцевъ: они убили пріятелей Святославовыхъ: Захарію посадника, Неревина, знатнаго боярина, котораго мы видѣли уже разъ воеводою, Незду бирича, обвинивши всѣхъ троихъ въ перевѣтѣ къ Святославу; наконецъ отыскали путь на югъ чрезъ владѣнія Полоцкихъ князей, Глѣбовичей, враждебныхъ Ростиславичамъ Смоленскимъ по вышеописаннымъ отношеніямъ, и Даниславъ Лазутиничь съ дружиною отправился въ Кіевъ къ Мстиславу за сыномъ его, а другой воевода Якунъ (вѣроятно Мірославичь, старый посадникъ) отправился на встрѣчу къ Святославу, шедшему къ Русѣ съ братьями, Смолнянами и Полочанами. Непріятели не дошли до Русы, возвратились назадъ, ничего не сдѣлавши, а Новгородцы выбрали Якуна въ посадники, и стали съ нимъ дожидаться прихода Романа Мстиславича съ юга. Въ 1168 году Романъ пришелъ, и рады были Новгородцы своему хотѣнію, говоритъ ихъ лѣтописецъ. Получивъ желаннаго князя, Новгородцы пошли съ нимъ мстить за свои обиды: пошли сперва съ Псковичами къ Полоцку, опустошили всю волость и возвратились не дойдя тридцати верстъ до города; потомъ Романъ ходилъ въ Смоленскую волость, къ Торопцу, пожегъ домы, взялъ множество плѣнниковъ. Но мы видѣли, какъ посылка Романа въ Новгородъ ускорила грозу, сбиравшуюся надъ отцемъ его Мстисла-

номъ, какъ заставила раздраженныхъ Ростиславичей тѣсно соединиться съ Андреемъ, чтобъ отомстить Кіевскому князю, вытѣснявшему ихъ сыномъ изъ Новгорода; изгнаніе отца изъ Кіева не могло предвѣщать сыну долгаго княженія въ Новгородѣ.

При сильныхъ внутреннихъ волненіяхъ, происходившихъ во время вторичнаго княженія Святослава Ростиславича, Новгородцы должны были выдержать довольно значительную внѣшнюю борьбу съ Шведами. Со временъ Рюрика Шведы не безпокоили Русскихъ владѣній[205] и было замѣчено[206], что такою безопасностью сѣверозападныя Русскія волости были обязаны внутреннимъ волненіямъ, происходившимъ въ Швеціи вслѣдствіе принятія христіанства, которое повело къ разложенію древнихъ языческихъ формъ жизни. Тесть Ярослава I-го, король Олофъ (Schosskönig), принявши христіанство, не могъ болѣе называться Упсальскимъ королемъ, потому что это названіе означало верховнаго жреца; такимъ образомъ онъ потерялъ свое значеніе въ верхней Швеціи, жители которой большею частію были язычники. По прекращеніи рода Упсальскихъ королей, происходившихъ отъ знаменитаго Сигурда Ринга, избранъ былъ королемъ Стенкиль, сынъ извѣстнаго намъ ярла Рагнвальда, ревностный христіанинъ; его избраніе показывало уже господство христіанской стороны; не смотря на то, когда христіанскіе проповѣдники убѣждали его раззорить языческій храмъ въ Упсалѣ, то онъ отвѣчалъ имъ, что слѣдствіемъ такого поступка будетъ ихъ смерть, а его изгнаніе. По смери Стенкиля, послѣдовавшей въ 1066 году, въ Швеціи встала сильная усобица: два короля, оба носившіе одно имя — Ериха, стали спорить о престолѣ, и оба пали въ этой войнѣ вмѣстѣ со всѣми знатнѣйшими Шведами; язычество опять такъ усилилось во время усобицы, что ни одинъ епископъ не хотѣлъ ѣхать въ Швецію, боясь преслѣдованій. Борьба продолжалась до половины XII вѣка (1150 г.), т. е. до вступленія на престолъ Ериха Святаго, который далъ окончательное торжество христіанству. Но усобицы между разными претендентами на престолъ продолжались: Ерихъ св. лишился жизни въ битвѣ съ Датскимъ принцемъ Магнусомъ, который имѣлъ притязанія на Шведскій престолъ по родству съ домомъ Стенкиля; Магнусъ черезъ годъ былъ также убитъ, и ему наслѣдовалъ Готскій король Карлъ Сверкерсонъ, первый, который

носитъ названіе короля Шведовъ и Готовъ; онъ оставилъ по себѣ память короля мудраго и благонамѣреннаго, при немъ не было усобицъ, вслѣдствіе чего Шведы получили возможность къ наступательному движенію на сосѣдей; подъ 1164 годомъ лѣтописецъ Новгородскій говоритъ:, что они пришли подъ Ладогу; Ладожане пожгли свои хоромы, затворились въ кремлѣ съ посадникомъ Нѣжатою, и послали звать князя Святослава съ Новгородцами на помощь. Шведы приступили къ крѣпости, но были отражены съ большимъ урономъ, и отступили къ рѣкѣ Воронай[307], а на пятый день пришелъ князь Святославъ съ Новгородцами и посадникомъ Захаріею, ударилъ на Шведовъ и разбилъ ихъ: изъ 55 шнекъ Шведы потеряли 43; мало ихъ спаслось бѣгствомъ, да и то раненые.

Въ томъ самомъ году, какъ Новгородцы такъ счастливо отбились отъ Шведовъ, Андрей Боголюбскій съ сыномъ Изяславомъ, братомъ Ярославомъ и Муромскимъ княземъ Юріемъ удачно воевалъ съ Камскими Болгарами, перебилъ у нихъ много народу, взялъ знамена, едва съ малою дружиною успѣлъ убѣжать князь Болгарскій въ Великій городъ; послѣ этой побѣды Андрей взялъ славный городъ Болгарскій Брахимовъ и пожегъ три другіе города. На юговостокѣ по прежнему продолжалась борьба съ Половцами. Въ началѣ княженія Ростислава они понесли пораженіе отъ Волынскихъ князей и Галичанъ; неудачно кончилось въ 1162 году нападеніе ихъ подъ Юрьевымъ на Черныхъ Клобуковъ, у которыхъ сначала побрали они много вежъ, но потомъ Черные Клобуки собрались всѣ и побили ихъ на берегахъ Роси, отняли весь полонъ и самихъ взяли больше 500 человѣкъ съ нѣсколькими княжичами. Не смотря на то, въ слѣдующемъ году Ростиславъ почелъ за нужное заключить съ ними миръ и женить сына своего Рюрика на дочери Хана Белука. Общаго продолжительнаго мира не могло быть съ этими варварами, раздѣлявшимися на многія орды подъ начальствомъ независимыхъ хановъ: въ 1165 году племянникъ Ростислава, Василько Ярополковичь побилъ Половцевъ на рѣкѣ Роси, много взялъ плѣнниковъ, которыхъ далъ на выкупъ за дорогую цѣну; дружина его обогатилась оружіемъ и конями. Въ слѣдующемъ году Половцы потерпѣли пораженіе въ Черниговскихъ предѣлахъ отъ Олега Святославича; но другимъ Половцамъ въ томъ

время за Переяславлемъ удалось разбить Шварна, перебить его дружину; Шварнъ долженъ былъ заплатить за себя большой окупъ. Одни извѣстія говорятъ, что этотъ Шварнъ былъ воевода князя Глѣба Переяславскаго[308], другіе, что богатырь[309]. Послѣ этого, въ лютую зиму, Ольговичи—Олегъ Святославичь и двоюродный братъ его Ярославъ Всеволодовичь ходили удачно на Половцевъ, взяли ихъ вежи. Но варвары были опасны не одними только прямыми опустошеніями своими: они вредили торговлѣ Руси съ Греками, которая была главною причиною благосостоянія Кіева, обогащенія казны великокняжеской. Мы знаемъ изъ свидѣтельства Константина Богрянороднаго, какъ опасно было въ старину плаваніе Русскихъ въ низовьяхъ Днѣпра, въ степи, гдѣ ждали ихъ обыкновенно толпы Печенѣговъ; эти затрудненія не прекратились и теперь, когда въ степяхъ приднѣпровскихъ господствовали кочевые варвары съ новымъ только именемъ; торговыя лодки не могли безопасно плавать внизъ и вверхъ по Днѣпру; въ 1166 году Половцы засѣли въ порогахъ и начали грабить Гречниковъ, т. е. купцовъ греческихъ, или вообще купцовъ, производящихъ торговлю съ Греціею; Ростиславъ послалъ боярина своего, Владислава Ляха съ войскомъ, подъ прикрытіемъ котораго Гречники безопасно прошли пороги и поднялись до Кіева. Какъ важна была Греческая торговля для Русскихъ князей и какъ важна была опасность для этой торговли отъ Половцевъ, доказываетъ извѣстіе лѣтописца подъ 1166 годомъ: Ростиславъ послалъ къ братьямъ и сыновьямъ своимъ съ приказомъ собираться имъ у себя со всѣми своими полками, и пришли: Мстиславъ Изяславичь изъ Владимира съ братьями—Ярославомъ изъ Луцка и Ярополкомъ изъ Бужска, Владиміръ Андреевичь, Владиміръ Мстиславичь, Глѣбъ Юрьевичь, Глѣбъ Городенскій, Иванъ Юрьевичь Туровскій, сыновья Ростислава — Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ, Галицкая помощь, и всѣ стояли у Канева долгое время, дожидаясь до тѣхъ поръ, пока поднялись торговыя суда: тогда всѣ князья разошлись по домамъ. При наслѣдникѣ Ростислава, Мстиславѣ, походы на Половцевъ съ тою же цѣлію продолжались: въ 1167 году вложилъ Богъ въ сердце Мстиславу мысль добрую о Русской земле, говоритъ лѣтописецъ: созвалъ онъ братью свою и началъ имъ говорить: «Братья! пожалѣйте о

Русской землѣ, о своей отчинѣ и дѣдинѣ: ежегодно Половцы уводятъ христіанъ въ свои вежи; клянутся намъ не воевать, и вѣчно нарушаютъ клятву; а теперь уже у насъ всѣ торговые пути отнимаютъ [210]; хорошо было бы намъ, братья, возложивши надежду на помощь Божію и на молитву святой Богородицы, поискать отцовъ и дѣдовъ своихъ пути и своей чести». Рѣчь Мстислава была угодна Богу, всей братьи и мужамъ ихъ; князья отвѣчали: «Помоги тебѣ Богъ, братъ, за такую добрую мысль; а намъ дай Богъ за христіанъ и за всю Русскую землю головы свои сложить и къ мученикамъ быть причтенными». Мстиславъ послалъ и за Черниговскими князьями, и всѣмъ была угодна его дума: собрались въ Кіевъ съ полками—два Ростиславича Рюрикъ и Давидъ, четверо Черниговскихъ—Всеволодовичи Святославъ и Ярославъ, Святославичи—Олегъ и Всеволодъ, Изяславичи Волынскіе—Ярославъ и Ярополкъ, Мстиславъ Всеволодковичь Городенскій, Святополкъ Юрьевичь Туровскій, Юрьевичи—Глѣбъ Переяславскій съ братомъ Михаиломъ. Уже девять дней шли князья изъ Кіева по Каневской дорогѣ, какъ одинъ изъ ихъ войска далъ знать Половцамъ о приближеніи Русскихъ полковъ, и варвары побѣжали, бросивши своихъ женъ и дѣтей; князья Русскіе погнались за ними на легкѣ, оставивши за собою у обоза Ярослава Всеволодовича: по рѣкамъ Углу и Снопороду захвачены были вежи, у Чернаго лѣса настигли самихъ Половцевъ, притиснули къ лѣсу, много перебили, еще больше взяли въ плѣнъ; всѣ Русскіе воины обогатились добычею, колодниками, женами и дѣтьми, рабами, скотомъ, лошадьми; отполоненныхъ христіанъ отпустили всѣхъ на свободу, при чемъ изъ Русскихъ полковъ было только двое убитыхъ и одинъ взятъ въ плѣнъ. Мстиславъ впрочемъ не думалъ успокоиваться послѣ такой удачи; скоро онъ созвалъ опять князей и сталъ говорить имъ: «Мы, братья, Половцамъ много зла надѣлали, вежи ихъ побрали, дѣтей и стада захватили: такъ они будутъ мстить надъ нашими Гречниками и Залозниками; надобно намъ будетъ выйти на встрѣчу къ Гречникамъ». Братьѣ полюбилась эта рѣчь, они всѣ отвѣчали: «Пойдемъ; вѣдь это будетъ выгодно и намъ, и всей Русской землѣ». По прежнему, какъ при Ростиславѣ, князья дошли до Канева и здѣсь дожидались Гречниковъ. Не одни только Половцы мѣшали

Греческой торговлѣ: въ 1159 году Берладники овладѣли Олешьемъ; Великій князь Ростиславъ отправилъ на нихъ Днѣпромъ двухъ воеводъ, которые настигли разбойниковъ, перебили ихъ и отняли награбленное.

Изъ дружины княжеской въ описанное время упоминаются слѣдующія имена: въ Кіевѣ при Изяславѣ Давидовичѣ былъ Глѣбъ Ракошичь, котораго князь посылалъ къ двоюродному брату своему Святославу Черниговскому; послѣ при Изяславѣ, во время борьбы его съ Ростиславомъ, видимъ Шварна, быть можетъ того самаго, который былъ воеводою при Изяславѣ Мстиславичѣ, двоихъ братьевъ Милятичей—Степана и Якуна, и Нажира Переяславича; всѣ они были захвачены въ плѣнъ въ той битвѣ, гдѣ погибъ Изяславъ; потомъ при Ростиславѣ упоминаются Юрій Нестеровичь и Якунъ, ходившій на Берладниковъ, которые взяли Олешье, и Жирославъ Нажировичь, ходившій съ Торками изъ Кіева на помощь Рогволоду Полоцкому; Гюрата Семковичь, посланный Ростиславомъ въ Константинополь къ императору по дѣламъ церковнымъ; Владиславъ Вратиславичь, Ляхъ, посыланный Ростиславомъ для охраны Гречниковъ отъ Половцевъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, тысяцкимъ въ Кіевѣ при Ростиславѣ былъ Жирославъ Андреевичь [311]; близкими людьми къ этому князю были также покладникъ, или спальникъ его Иванко Фроловичь, и Борисъ Захарьичь. Изъ дружины Мстислава Изяславича, когда еще онъ сидѣлъ на Волыни, упоминаются — Жирославъ Васильевичь, котораго онъ отправлялъ посломъ къ Изяславу Давидовичу, по дѣлу Берладника; потомъ, во время войны его съ Изяславомъ, Кузьма Сновидичь и Олбырь Шерошевичь (происхожденіе котораго явно не русское); посадникомъ его въ Торческѣ былъ Вышко, котораго схватилъ Давидъ Ростиславичь; Владиславъ Вратиславичь, Ляхъ, котораго Мстиславъ посылалъ предъ собою въ Кіевъ, позванный туда братьями и гражданами; но мы видѣли этого Владислава бояриномъ и воеводою Ростислава въ Кіевѣ: можно думать, что немедленно по смерти Ростислава, Владиславъ явился къ Мстиславу въ послахъ отъ Кіевлянъ съ приглашеніемъ на столъ; наконецъ при бѣгствѣ Мстислава изъ Кіева, упоминаются дружинники, взятые въ плѣнъ врагами: Димитрій Храбрый, Алексѣй Дворскій, Сбыславъ Жирославичь, быть мо-

жетъ сынъ упомянутаго Жирослава Васильевича, Иванко Творимиричь, Родъ или Родіонъ. Изъ Галицкихъ упоминаются извѣстный уже намъ прежде Избигнѣвъ Ивачевичь, отправленный въ послахъ къ Изяславу Давидовичу; въ войнѣ съ послѣднимъ воеводою Галицкаго отряда упоминается Тудоръ Елцичь. Изъ бояръ другихъ юго-западныхъ князей упоминаются бояре Владиміра Мстиславича Трепольскаго—Рагуйло Добрыничь и Михаилъ, которые спорили съ Василемъ Настасьичемъ, обвинившимъ ихъ князя во враждебныхъ замыслахъ противъ Мстислава Изяславича; потомъ эти Рагуйло и Михаилъ вмѣстѣ съ третьимъ бояриномъ Завидомъ отъѣхали отъ него, когда онъ безъ нихъ замыслилъ опять вражду на Кіевскаго князя; обоихъ первыхъ Рагуила и Михаила мы видѣли прежде: они вмѣстѣ съ своимъ княземъ старались защитить Игоря Ольговича отъ убійцъ; Рагуилъ былъ тогда въ санѣ тысяцкаго при Владимірѣ; упоминаются Луцкій бояринъ Онофрій и Дорогобужскій Гаврило Васильевичь въ послахъ отъ князей своихъ къ Изяславу Давидовичу. Изъ Черниговскихъ бояръ Святослава Ольговича упоминается извѣстный намъ Жирославъ Иванковичь, старый бояринъ Вячеслава и Юрія; естественно, что по смерти послѣдняго Жирославъ отъѣхалъ къ Святославу Ольговичу, постоянному и единственному пріятелю Юріеву; потомъ упоминается Георгій Ивановичь, братъ Шакушановъ, котораго Святославъ отправлялъ въ послахъ къ Давидовичу въ Кіевъ, съ увѣщаніемъ не вступаться за Берладника; по всѣмъ вѣроятностямъ онъ же и былъ тысяцкимъ въ Черниговѣ во время смерти Святославовой; у сына Святославова, Олега упоминается бояринъ Иванъ Радиславичь. Изъ Сѣверскихъ бояръ Святослава Всеволодовича упоминается Кіянинъ; имя указываетъ въ немъ выходца изъ Кіева. Изъ Переяславскихъ бояръ въ битвѣ съ Половцами упоминается Шварнъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ воевода князя Глѣба, по другимъ богатырь. Изъ Смоленскихъ бояръ Ростислава Мстиславича упоминается Иванъ Ручечникъ въ послахъ отъ своего князя къ южнымъ князьямъ, звавшимъ Ростислава на столъ Кіевскій; потомъ Внѣздъ, какъ видно тысяцкій Смоленскій, занимающій мѣсто послѣ князя и епископа [312]; его видимъ также вмѣстѣ съ Смоленскими князьями въ походѣ на помощь Полоцкому князю Рогволоду противъ

одичей. Изъ Вышегородскихъ бояръ Давида Ростиславича упоминаются Василь Настасьичь, тысяцкій Вышегородскій Радило [218], можетъ, тотъ самый, котораго мы видѣли прежде въ дружинѣ Изяслава Мстиславича, и Василій Волковичь; потомъ, какъ ... но, двое братьевъ Бориславичей отъѣхали отъ Мстислава ...вскаго также къ Давиду; имя одного изъ нихъ, Петръ можетъ указывать намъ въ немъ одно лицо съ упомянутымъ прежде бояриномъ Изяславовымъ, Петромъ Борисовичемъ или Бориславичемъ. Изъ Суздальскихъ бояръ Андрея Боголюбскаго упоминается воевода Борисъ Жидиславичь, участвовавшій во взятіи ...ева; взявши въ соображеніе перемѣну его отчества Жидиславичь на Жирославичь, можно предположить, что это былъ сынъ извѣстнаго Жирослава Иванковича. Наконецъ упоминаются ...ена лицъ, неизвѣстно къ чьей дружинѣ принадлежавшихъ, ...пр. Давидъ Борыничь, который подтверждалъ извѣстіе Василя Настасьича на счетъ замысловъ Владиміра Мстиславича; потомъ въ битвѣ съ Половцами убитъ былъ Константинъ Васильевичь, ...руновъ братъ, и Константинъ Хотовичь взятъ въ плѣнъ.

ГЛАВА VI.

ОТЪ ВЗЯТІЯ КІЕВА ВОЙСКАМИ БОГОЛЮБСКАГО ДО СМЕРТИ МСТИСЛАВА МСТИСЛАВИЧА ТОРОПЕЦКАГО.

(1169—1228).

Андрей Боголюбскій остается на Сѣверѣ: значеніе этого явленія. Характеръ Андрея и его поведеніе на Сѣверѣ. Владиміръ на Клязьмѣ. Братъ Андрея, Глѣбъ княжитъ въ Кіевѣ. Война его съ Мстиславомъ Изяславичемъ. Смерть обоихъ соперниковъ. Андрей Боголюбскій отдаетъ Кіевъ Роману Ростиславичу Смоленскому. Ссора Ростиславичей съ Андреемъ. Мстиславъ Ростиславичь Храбрый. Неудачный походъ рати Андреевой противъ Ростиславичей. Ярославъ Изяславичъ княжитъ въ Кіевѣ. Борьба его съ Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ. Убіеніе Андрея Боголюбскаго и слѣдствія этого событія. Соперничество Ростова и Владиміра; соперничество дядей Юрьевичей и племянниковъ Ростиславичей Сѣверныхъ. Торжество Михаила Юрьевича надъ племянниками и Владиміра подъ Ростовомъ. Возобновленіе борьбы по смерти Михаила. Торжество Всеволода Юрьевича надъ племянниками и окончательное паденіе Ростова. На Югѣ усобица между Мономаховичами и Ольговичами. Походъ Святослава Всеволодовича Черниговскаго на Всеволода Юрьевича Суздальскаго. Святославъ утверждается въ Кіевѣ. Слабость Кіевскаго князя передъ Суздальскимъ. Борьба Ярослава Галицкаго съ боярами. Смерть его. Усобица между его сыновьями, Владиміромъ и Олегомъ. Бояре изгоняютъ Владиміра и принимаютъ къ себѣ Романа Мстиславича Волынскаго. Венгерскій король Бела III вмѣшивается въ эту усобицу и сажаетъ въ Галичѣ сына своего Андрея. Гибель Берладникова сына Ростислава. Насилія Венгровъ въ Галичѣ. Владиміръ Ярославичь съ помощію Поляковъ утверждается здѣсь. Смерть Святослава Всеволодовича Кіевскаго. Рюрикъ Ростиславичь занимаетъ его мѣсто по волѣ Всеволода Суздальскаго. Послѣдній ссоритъ Рюрика съ зятемъ его Романомъ Волынскимъ. Участіе Романа въ Польскихъ усобицахъ Война Мономаховичей съ Ольговичами Романъ Волынскій утверждается въ Галичѣ по смерти Владиміра Ярославича. Онъ изгоняетъ Рюрика Ростиславича изъ Кіева. Рюрикъ опять въ Кіевѣ и отдаетъ его на разграбленіе Половцамъ. Романъ постригаетъ Рюрика въ монахи. Романъ гибнетъ въ битвѣ съ Поляками; его характеръ. Малолѣтные сыновья его Даніилъ и Василько окружены врагами. Рюрикъ снова въ Кіевѣ, и воюетъ противъ Романовичей. Послѣдніе должны бѣжать изъ Галича. Галицкіе бояре призываютъ къ себѣ на княженіе

ревичей Сѣверскихъ. Бѣдственная судьба маленькихъ Романовичей. Венгры адѣваютъ Галичемъ и свирѣпствуютъ здѣсь. Игоревичи Сѣверскіе изгоняютъ гровъ, но вооружаютъ противъ себя бояръ, которые, съ помощію Венгровъ, дятъ на престолъ Даніила Романовича. Новыя волненія бояръ и бѣгство ила. Бояринъ Владиславъ княжитъ въ Галичѣ. Венгры и Поляки дѣлятъ ду собою Галичъ. Продолженіе усобицы между Мономаховичами и Ольгови- за Кіевъ. Ольговичь въ Кіевѣ, Мономаховичь въ Черниговѣ. Усиленіе Все- да III Юрьевича на Сѣверѣ. Отношенія его къ Рязани, Смоленску и Нов- ду Великому. Дѣятельность Мстислава Храбраго на Сѣверѣ. Смерть его. ыны въ Новгородѣ Великомъ. Мстиславъ Мстиславичь Торопецкій, сынъ браго, избавляетъ Новгородъ отъ Всеволода III. Предсмертныя распоряженія волода III. Кончина его. Усобица между его сыновьями Константиномъ и емъ. Мстиславъ Торопецкій вмѣшивается въ эту усобицу и Липецкою побѣ- даетъ торжество Константину. Смерть послѣдняго. Юрій опять великимъ емъ во Владимирѣ. Событія Рязанскія и Новгородскія. Дѣятельность Мсти- а Торопецкаго въ Галичѣ. Перемѣны въ Кіевѣ, Черниговѣ и Переяславлѣ. кина. Нѣмцы въ Ливоніи. Смуты въ Новгородѣ и Псковѣ. Войны Новгород- съ Ямью. Ихъ Заволоцкіе походы. Борьба Суздальскихъ князей съ Болга- . Основаніе Нижняго Новгорода. Войны съ Литвою, Ятвягами и Половцами. рское нашествіе. Общій обзоръ событій отъ кончины Ярослава 1-го до кон- Мстислава Торопецкаго.

Казалось, что по смерти Ростислава Мстиславича событія на и примутъ точно такой же ходъ, какой приняли они прежде смерти Всеволода Ольговича: старшій столъ, Кіевъ занялъ иславъ Изяславичь вопреки правамъ дяди своего Андрея дальскаго, точно также какъ отецъ Мстислава, Изяславъ за- ь Кіевъ вопреки правамъ отца Андреева, Юрія; какъ пос- ній вооружился за это на племянника и нѣсколько разъ изго- ь его изъ Кіева, такъ теперь и Андрей вооружается противъ ислава, изгоняетъ его, беретъ старшинство — имѣемъ право дать продолженія борьбы, которая опять можетъ быть ведена еремѣннымъ счастіемъ, смотря потому, поддержится ли со- Андрея съ одиннадцатью князьями, удовлетворитъ ли онъ желаніямъ, или нѣтъ. Но мы обманываемся совершенно въ ихъ ожиданіяхъ: Андрей не самъ привелъ войска свои къ у, не пришелъ въ стольный городъ отцовъ и дѣдовъ и послѣ лъ его опустошенный младшему брату, а самъ остался на рѣ, въ прежнемъ мѣстѣ своего пребыванія, во Владимирѣ Клязьмѣ. Этотъ поступокъ Андрея былъ событіемъ величай- важности, событіемъ поворотнымъ, отъ котораго исто- принимала новый ходъ, съ котораго начинался на Руси новый док вещей. Это не было перенесеніе столицы изъ одного

мѣста въ другое, потому что на Руси не было единаго государя; въ ней владѣлъ большой княжескій родъ, единство котораго поддерживалось тѣмъ, что ни одна линія въ немъ не имѣла первенствующаго значенія и не подчиняла себѣ другія въ государственномъ смыслѣ; но каждый членъ рода въ свою очередь, вслѣдствіе старшинства физическаго, имѣлъ право быть старшимъ, главнымъ, Великимъ княземъ, сидѣть на главномъ столѣ, въ лучшемъ городѣ Русскомъ — Кіевѣ: отсюда для полноправныхъ князей — родичей отсутствіе отдѣльныхъ волостей, отчинъ: отчиною для каждаго была цѣлая Русская земля; отсюда общность интересовъ для всѣхъ князей, понятіе объ общей, одинаковой для всѣхъ обязанности защищать Русскую землю, эту общую отчину, складывать за нее свои головы; отсюда то явленіе, что во все продолженіе описанныхъ выше княжескихъ усобицъ предѣлы ни одной волости, ни одного княжества неувеличивались, по крайней мѣрѣ примѣтно, на счетъ другихъ, потому что князю не было выгоды увеличивать волость, которой онъ былъ только временнымъ владѣльцемъ; мы видѣли напримѣръ, что Изяславъ Мстиславичь перемѣнилъ въ свою жизнь шесть волостей: какую надобность имѣлъ онъ заботиться объ увеличеніи предѣловъ, объ усиленіи каждой изъ нихъ, когда главная забота всей его жизни состояла въ борьбѣ съ дядьми за право старшинства, за возможность быть старшимъ и княжить въ Кіевѣ? или какая надобность была князю Новгорода Сѣверскаго заботиться о своей волости, когда онъ зналъ, что по смерти дяди своего, князя Черниговскаго, онъ перейдетъ въ Черниговъ, и прежнюю свою волость Сѣверскую долженъ будетъ уступить двоюродному брату, сыну прежняго князя Черниговскаго? потомъ онъ зналъ, что и въ Черниговѣ долго не останется, умретъ княземъ Кіевскимъ, а сына своего оставитъ въ Туровѣ, или на Волыни, или въ Новгородѣ Великомъ; слѣд. главная цѣль усобицъ была поддержать свое право на старшинство, свое мѣсто въ родовой лѣствицѣ, отъ чего зависѣло владѣніе тою или другою волостію. Но если верховнымъ желаніемъ, главною, завѣтною цѣлію для каждаго полноправнаго князя-родича было достиженіе первой степени старшинства въ цѣломъ родѣ, и если съ этою степенью старшинства необходимо связывалось владѣніе лучшимъ городомъ на Руси, матерію городовъ Русскихъ, Кіевомъ, то понятно ве-

ликое значеніе этого города для князей. Самою крѣпкою основою для родоваго единства княжескаго было отсутствіе отдѣльности владѣній, отсутствіе отдѣльной собственности для членовъ рода, общее право на главный столъ; къ Кіеву стремились самыя пламенныя желанія князей, около Кіева сосредоточивалась ихъ главная дѣятельность; Кіевъ былъ представителемъ единства княжескаго рода и единства земскаго, наконецъ единства церковнаго, какъ мѣстопребываніе верховнаго пастыря Русской церкви; Кіевъ, по словамъ самихъ князей, былъ Старшимъ городомъ во всей землѣ[214]; Изяславъ Давидовичь не хотѣлъ выйти изъ Кіева, «потому что, говоритъ лѣтописецъ[215], сильно полюбилось ему Великое княженіе Кіевское; да и кто не полюбитъ Кіевскаго княженія? вѣдь здѣсь вся честь и слава и величіе, глава всѣмъ землямъ Русскимъ Кіевъ; сюда отъ многихъ дальнихъ царствъ стекаются всякіе люди и купцы, и всякое добро отъ всѣхъ странъ собирается въ немъ».

И вотъ нашелся князь, которому не полюбилось Кіевское княженіе, который предпочелъ славному и богатому Кіеву бѣдный, едва только начавшій отстраиваться городъ на сѣверѣ, Владимиръ Клязменскій. Легко понять слѣдствіе переворота, произведеннаго такимъ поступкомъ Боголюбскаго: еслибъ перемѣна въ мѣстопребываніи старшаго князя произошла съ согласія всѣхъ князей родичей, если бы Кіевъ для всѣхъ нихъ утратилъ совершенно свое прежнее значеніе, передалъ его Владимиру Клязменскому, еслибъ всѣ князья, и сѣверные и южные, и Мономаховичи и Ольговичи стали теперь добиваться Владимира, какъ прежде добивались Кіева,— то и тогда произошли бы большія перемѣны въ отношеніяхъ княжескихъ, и тогда велики были бы слѣдствія этого перенесенія главной сцены дѣйствія на новую почву, имѣвшую свои особенности. Но этого не было и быть не могло: для всѣхъ южныхъ князей, и для Мономаховичей, и для Ольговичей, Кіевъ не потерялъ своего прежняго значенія; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ предпочитать далекой и бѣдной Суздальской земли той благословенной сторонѣ, которая по преимуществу носила названіе земли Русской; Кіевъ остался по прежнему старшимъ городомъ Русской земли, и между тѣмъ самый старшій и самый могущественный князь не живетъ въ немъ, но, оставаясь на отдаленномъ сѣверѣ, располагаетъ

Кіевомъ, отдаетъ его старшему послѣ себя князю; такимъ образомъ сѣверный Суздальскій князь, несмотря на то, что, подобно прежнимъ Великимъ князьямъ, признается только старшимъ въ родѣ, является внѣшнею силою, тяготѣющею надъ южною Русью, силою отдѣльною, независимою; и прежде было нѣсколько отдѣльныхъ волостей — Галицкая, Полоцкая, Рязанская, Городенская, Туровская: но эти волости обособились вслѣдствіе изгойства князей ихъ, которые были относительно такъ слабы, что не могли обнаруживать рѣшительнаго вліянія на дѣла Руси; но сѣверная Ростовская или Суздальская область обособилась не вслѣдствіе изгойства своихъ князей; князь ея признается первымъ, старшимъ въ цѣломъ родѣ и, кромѣ того, матеріально сильнѣйшимъ, обладающимъ, слѣдовательно, двойною силою; сознаніе этой особности, независимости и силы побуждаетъ его перемѣнить обращеніе съ слабѣйшими, младшими князьями, требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія, къ чему не привыкли князья при господствѣ неопредѣленныхъ, исключительно родовыхъ отношеній между старшимъ и младшими; такимъ образомъ родовымъ отношеніямъ впервые наносится ударъ, впервые сталкиваются они съ отношеніями другаго рода, впервые выказывается возможность перехода родовыхъ отношеній въ государственныя. Если бъ сѣверные князья могли постоянно удерживать свое господствующее положеніе относительно южныхъ, то судьба послѣднихъ, разумѣется, скоро стала бы зависѣть отъ произвола первыхъ, отъ чего произошло бы необходимо измѣненіе въ цѣломъ бытѣ южной Руси, въ отношеніяхъ ея къ сѣверной. Если же сѣверные князья потеряютъ на время свою силу, свое вліяніе на судьбу южной Руси, то отсюда необходимо произойдетъ окончательное раздѣленіе обѣихъ половинъ Руси, имѣющихъ теперь каждая свое особое средоточіе, свою особую сферу. Не легко понять, что это отдѣленіе сѣверной Руси отъ южной будетъ гораздо богаче послѣдствіями, чѣмъ, напримѣръ, отдѣленіе небольшихъ волостей—Галицкой, Полоцкой или Рязанской; теперь отдѣлится обширная область съ особымъ характеромъ природы, народонаселенія, съ особыми стремленіями, особыми гражданскими отношеніями. То важное явленіе, которое послужило поводомъ къ раздѣленію южной и сѣверной Руси,

именно поступокъ Боголюбскаго, когда онъ не поѣхалъ въ Кіевъ, остался на сѣверѣ и создалъ себѣ тамъ независимое, могущественное положеніе, давшее ему возможность перемѣнить прежнее поведеніе старшаго князя относительно младшихъ, — это явленіе будетъ ли имѣть слѣдствія, повторится ли оно, станутъ ли старшіе князья подражать Боголюбскому, станетъ ли каждый оставаться въ своей прежней волости, ее увеличивать, усиливать, создавать для себя въ ней независимое, могущественное положеніе, и, пользуясь этимъ могуществомъ, измѣнять родовыя отношенія къ младшимъ или слабѣйшимъ князьямъ въ государственныя? и въ какой именно части Руси, въ южной или сѣверной примѣръ Боголюбскаго окажется плодотворнымъ, найдетъ подражателей?

Въ южной половинѣ Руси онъ не нашелъ подражателей; здѣсь не умѣли и не хотѣли понять важности этого явленія, не могли подражать ему; здѣсь самые доблестные князья обнаружили отчаянное сопротивленіе ему; здѣсь старыя преданія были слишкомъ сильно укоренены; здѣсь ни одинъ князь не обладалъ достаточною матеріальною силою, для того чтобъ создать для себя независимое и могущественное положеніе въ своей волости: здѣсь при борьбѣ разныхъ племенъ (линій) Ярославова потомства за старшинство, это старшинство и столъ Кіевскій обыкновенно доставались старшему въ томъ племени, которое одерживало верхъ; власть великаго князя была крѣпка не количествомъ волостей, но совокупною силою всей родовой линіи, которой онъ былъ старшимъ; онъ поддерживался этою совокупною силою, и раздавалъ ближайшіе къ Кіеву города своимъ сыновьямъ, братьямъ, племянникамъ, что̀ было для него все равно, или даже еще выгоднѣе, чѣмъ раздавать ихъ посадникамъ: посадникъ скорѣе могъ отъѣхать къ чужому князю, чѣмъ князь измѣнить своему племени и его старшему; наконецъ утвержденію новаго порядка вещей на югѣ препятствовали разныя другія отношенія, основанныя, или, по крайней мѣрѣ развивавшіяся, укрѣплявшіяся въ силу родовыхъ отношеній княжескихъ: мы говоримъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ, городамъ, войску, составленному изъ пограничнаго варварскаго народонаселенія, извѣстнаго подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ и т. п. Но другое дѣло на сѣверѣ: здѣсь была почва новая, дѣвственная, на кото-

рой новый порядокъ вещей могъ приняться гораздо легче, и точно принялся, какъ увидимъ въ послѣдствіи; здѣсь не было укорененныхъ старыхъ преданій о единствѣ рода княжескаго; сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ князя своего къ новому порядку вещей; Всеволодъ III-й наслѣдуетъ стремленія брата своего; всѣ князья сѣверные происходятъ отъ этого Всеволода III-го, слѣдовательно между ними новое преданіе о княжескихъ отношеніяхъ есть преданіе родовое, преданіе отцовское и дѣдовское; но главное обстоятельство здѣсь было то, что новымъ стремленіямъ князей на сѣверѣ открывалось свободное поприще, они не могли встрѣтить себѣ препятствій въ другихъ отношеніяхъ, въ отношеніяхъ къ народонаселенію страны. Мы видѣли, какое значеніе имѣли города при родовыхъ счетахъ и усобицахъ княжескихъ, какое вліяніе оказывали они на исходъ этихъ усобицъ, на измѣненія въ этихъ счетахъ; мы видѣли значеніе Кіева при нарушеніи правъ Святославова племени въ пользу Мономаха и сыновей его, видѣли, какъ, по смерти Всеволода Ольговича, Кіевляне объявили, что не хотятъ переходить къ его брату, какъ будто по наслѣдству, слѣдовательно, зовя Мономаха къ себѣ на столъ, и передавая этотъ столъ сыновьямъ его мимо Черниговскихъ, Кіевляне не хотѣли утвердить правъ наслѣдства въ одномъ какомъ-нибудь племени, вообще были противъ наслѣдства; въ Полоцкѣ мы видѣли также явленія въ этомъ родѣ, увидимъ такія же явленія и въ Смоленскѣ; слѣдовательно, еслибы на югѣ какой нибудь князь захотѣлъ ввести новый порядокъ вещей относительно счетовъ по волостямъ, то встрѣтилъ бы сильное сопротивленіе въ городахъ, которое, вмѣстѣ съ сопротивленіемъ многочисленной толпы князей-родичей,— помѣшало бы ему достигнуть своей цѣли. Но существовало ли это препятствіе на сѣверѣ? господствовали ли тамъ тѣ неопредѣленныя отношенія между князьями и гражданами, какія существовали въ старыхъ городахъ, старыхъ общинахъ, какія были остаткомъ прежнихъ родовыхъ отношеній народонаселенія къ старшинамъ и поддерживались родовыми отношеніями, безпрестанными переходами и усобицами князей Рюриковичей? Здѣсь на сѣверѣ, въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Святославичей, а съ другой соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Нов-

города, въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находился только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ: то былъ Ростовъ Великій, отъ котораго вся окружная страна получила названіе земли Ростовской. Скоро начали возникать около него города новые; сынъ Мономаха, Юрій особенно прославилъ себя какъ строитель неутомимый[216]; но мы знаемъ, что города новопостроенные входили къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, становились ихъ пригородами, и должны были находиться въ ихъ волѣ; отсюда младшіе города или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тіуна; эта зависимость выражается въ лѣтописи такъ: «на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ». Ясно, что если въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, князь утвердитъ свой столъ, то власть его будетъ развиваться гораздо свободнѣе; при этомъ не забудемъ, что въ Ростовской области всѣ эти новые города были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностію. Такимъ образомъ на сѣверѣ, въ области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, вокругъ одинокаго Ростова, князь создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ, считалъ эти города своею собственностію, которою могъ распоряжаться: неудивительно послѣ того, что здѣсь явился первый князь, которому лѣтописецъ приписываетъ стремленіе къ единовластію, неудивительно, что здѣсь впервые явились понятія объ отдѣльной собственности княжеской, которую Боголюбскій поспѣшилъ выдѣлить изъ общей родовой собственности Ярославичей, оставивъ примѣръ своимъ потомкамъ, могшимъ безпрепятственно имъ воспользоваться. Если вникнемъ въ свидѣтельство лѣтописи о различіи старыхъ и новыхъ городовъ, о торжествѣ послѣднихъ надъ единственными изъ первыхъ на сѣверѣ, если вникнемъ въ ту противоположность и враждебность, какая обнаружилась въ послѣдствіи между городами сѣверовосточной и городами западной Россіи, если вникнемъ въ бытъ западно-Русскихъ городовъ въ періодъ Литовскаго владычества, бытъ, явно носящій слѣды

древности и несходный съ бытомъ городовъ сѣверовосточныхъ: то конечно не усумнимся уступить этому различію важное вліяніе на бытъ сѣверовосточной и потомъ на бытъ Россіи вообще; если намъ укажутъ въ началѣ и на сѣверовостокѣ такія же явленія, какія видимъ на западѣ и югѣ, то мы спросимъ: почему же эти явленія, происходившія на сѣверовостокѣ вслѣдствіе извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, не повторились, остались безъ слѣдствій? Ясно, что почва здѣсь была не по нихъ. Наконецъ не забудемъ обратить вниманіе на указанное выше[317] различіе между сѣверною и южною Русью, различіе въ характерѣ ея народонаселенія; это различіе необходимо содѣйствовало также установленію новаго порядка вещей на сѣверѣ, содѣйствовало тому значенію, какое имѣла сѣверная, Суздальская волость для остальныхъ частей Россіи.

Мы видѣли втораго сына Юріева, Андрея во время борьбы отца его съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ за старшинство, за Кіевъ; онъ выдавался здѣсь своею необыкновенною храбростію, любилъ начинать битву впереди полковъ, заноситься на ретивомъ конѣ въ середину вражьяго войска, пренебрегать опасностями; но въ то же время видно было въ немъ какое-то нерасположеніе къ югу, къ собственной Руси, влеченіе къ сѣверу, что рѣзко отличало его отъ отца и другихъ братьевъ, раздѣлявшихъ со всѣми остальными Ярославичами любовь къ Кіеву; когда Юрій, проигравши свое дѣло на югѣ, все еще не хотѣлъ разстаться съ нимъ, медлилъ исполнить требованія брата и племянника, объявившихъ, что не могутъ жить съ нимъ вмѣстѣ, Андрей спѣшилъ впереди отца на сѣверъ, утверждая, что на югѣ уже больше дѣлать нечего. Потомъ, когда Юрій, по смерти старшаго брата и племянника, окончательно утвердился въ Кіевѣ, и посадилъ Андрея подлѣ себя въ Вышгородѣ[318], то онъ не просидѣлъ и году въ своей южной волости, безъ отцовскаго позволенія ушелъ на сѣверъ, который послѣ никогда уже не оставлялъ. Для объясненія этого явленія замѣтимъ, что Андрей, безспорно и родившійся на сѣверѣ[319], провелъ тамъ большую половину жизни, и ту именно половину, впечатлѣнія которой ложатся крѣпко на душу человѣка и никогда его не покидаютъ; Юрій жилъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздалѣ, городѣ относительно новомъ, подчиненномъ; Андрей, какъ видно, полу-

лъ отъ отца въ волость Владиміръ на Клязьмѣ; слѣдовательно ъ воспитался и окрѣпъ въ новой средѣ, при тѣхъ отношені-ъ, которыя господствовали въ новыхъ городахъ, или пригоро-хъ Ростовскихъ. Уже только въ 1149 году, лѣтъ 30 слишкомъ ь рожденія, пришелъ Андрей на югъ, въ Русь, съ полками да своего; онъ привыкъ къ сѣверу, къ тому порядку вещей, торый тамъ господствовалъ: не мудрено, что не понравился у югъ, что чуждъ, непонятенъ и враждебенъ показался ему рядокъ вещей, здѣсь существовавшій. На югѣ всѣ князья съ нней молодости привыкали жить въ общемъ родовомъ кругу, дѣться другъ съ другомъ въ челѣ полковъ и во время мирныхъ вѣщаній; живя въ близи другъ отъ друга, находясь въ безпре-вныхъ сношеніяхъ, съ ранней молодости привыкали дѣятельно аствовать во всѣхъ родовыхъ столкновеніяхъ, и принимать къ сердцу всѣ родовые счеты и распри, находя въ этомъ самый главный, самый живой интересъ. Но Андрей 30 слишкомъ лѣтъ прожилъ на сѣверѣ, въ одной своей семьѣ, въ удаленіи отъ осталь-ныхъ племенъ (линій) княжескихъ, рѣдко видясь, мало зная въ лице остальныхъ князей — родственниковъ своихъ, близкихъ и дальнихъ; издали только доносились до него слухи о событіяхъ изъ этого чуждаго для него міра; такимъ образомъ вслѣдствіе долговременнаго удаленія, для Андрея необходимо должна была ослабѣть связь, соединявшая его съ остальными родичами, по-чему приготовлялась для него возможность явиться въ послѣд-ствіи такимъ старшимъ княземъ, который станетъ поступать съ младшими не по родственному; но мало одного удаленія: Андрея отдѣляла отъ южныхъ родичей, и самыхъ близкихъ, отъ двою-родныхъ братьевъ Мстиславичей, вражда; онъ привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на заклятыхъ враговъ, которые старались отнять у отца его и у всей семьи Юрія должное ей значеніе. Это отчуж-деніе, холодность относительно всѣхъ родичей, вражда къ Мсти-славичамъ и отчужденіе отъ юга вообще не могли измѣниться, когда Андрей явился на Руси, гдѣ, какъ мы видѣли, отецъ и вся семья его не могли пріобрѣсти народнаго расположенія, когда вслѣдствіе этого было такъ мало надежды скоро или даже когда-нибудь занять старшій столъ и удержать его. Послѣ всего этого неудивительно покажется намъ удаленіе Андрея изъ Выш-города на сѣверъ; здѣсь онъ утвердился въ своей прежней воло-

сти, Владимирѣ Клязменскомъ [220], и во все остальное время отцовской жизни не былъ княземъ главныхъ сѣверныхъ волостей, ни Ростова, ни Суздаля, потому что всѣ сѣверныя волости вообще Юрій хотѣлъ оставить младшимъ сыновьямъ своимъ, а старшихъ и спомѣстить на югѣ, въ собственной Руси, и, какъ видно, города при жизни Юрія не хотѣли прямо возстать противъ его распоряженія. Но какъ скоро Юрій умеръ, то Ростовцы и Суздальцы, посовѣтовавшись вмѣстѣ, взяли къ себѣ въ князья Андрея и посадили его въ Ростовѣ на отцовскомъ столѣ и въ Суздалѣ [221]. Изъ этого извѣстія лѣтописца мы видимъ ясно, что жители Ростова, какъ жители другихъ старыхъ городовъ, не считали своею обязанностію исполнить волю покойнаго князя, отдавшаго ихъ волость младшимъ сыновьямъ своимъ; думали, что имѣютъ право выбирать кого хотятъ въ князья. Андрей принялъ столъ Ростовскій и Суздальскій; но утвердилъ свое пребываніе въ прежней волости, Владимирѣ [222], его украшалъ по преимуществу, въ немъ хотѣлъ даже учредить особую митрополію для сѣверной Руси, чтобъ дать ей независимость отъ южной и въ церковномъ отношеніи, зная, какое преимущество будетъ сохранять Кіевъ, если въ немъ будетъ по прежнему жить верховный пастырь Русской церкви. Такое поведеніе Андрея не могло нравиться Ростовцамъ; его поведеніе не нравилось, какъ видно, почему то и старымъ боярамъ отцовскимъ; какъ видно Андрей не жилъ съ ними по товарищески, не объявлялъ имъ всѣхъ своихъ думъ, къ чему привыкли бояре въ старой Руси; предлогъ къ смутѣ недовольные могли найти легко: Андрей овладѣлъ волостью вопреки отцовскому распоряженію; младшіе Юрьевичи, которымъ отецъ завѣщалъ Суздальскую землю, жили тамъ, ихъ именемъ недовольные могли дѣйствовать: и вотъ Андрей гонитъ съ сѣвера своихъ младшихъ братьевъ, этихъ опасныхъ соперниковъ, Мстислава, Василька и Всеволода, которые отправились въ Грецію [223]; мы видѣли, что двое другихъ Юрьевичей имѣли волости на югѣ: Глѣбъ княжилъ въ Переяславлѣ, Михаилъ, какъ видно, въ Торческѣ; скоро Всеволодъ Юрьевичь съ племянниками Ростиславичами возвратился также изъ Греціи и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [224], княжилъ въ Городцѣ Остерскомъ. Вмѣстѣ съ братьями Андрей выгналъ племянниковъ своихъ отъ старшаго брата Ростислава; наконецъ выгналъ старыхъ отцовскихъ бо-

яръ, мужей отца своего переднихъ, по выраженію лѣтописца; онъ это сдѣлалъ, продолжаетъ лѣтописецъ, желая быть самовластцемъ во всей Суздальской землѣ. Но при этомъ необходимо рождается вопросъ: если Ростовцы и Суздальцы были недовольны, если передніе мужи были недовольны, если братья княжескіе были недовольны, то какая же сила поддерживала Андрея, дала ему возможность, несмотря на неудовольствіе Ростовцевъ и Суздальцевъ, выгнать братьевъ, выгнать бояръ и сдѣлаться самовластцемъ? Необходимо должно предположить, что сила его утверждалась на повиновеніи младшихъ, новыхъ городовъ или пригородовъ. Андрей, какъ видно, хорошо понималъ, на чемъ основывается его сила, и не оставилъ этихъ новыхъ городовъ, когда войска его взяли самый старшій и самый богатый изъ городовъ Русскихъ — Кіевъ.

Глѣбъ Юрьевичь, посаженный племянникомъ въ Кіевѣ, не могъ княжить здѣсь спокойно, пока живъ былъ изгнанный Мстиславъ Изяславичь. Послѣдній началъ съ ближайшаго сосѣда своего, Владиміра Андреевича Дорогобужскаго, который, какъ мы видѣли, былъ союзникомъ Юрьевичей при его изгнаніи; съ братомъ Ярославомъ и съ Галичанами приступилъ Мстиславъ къ Дорогобужу, сталъ биться около города, но, не смотря на болѣзнь Владиміра Андреевича, который не могъ лично распоряжаться своимъ войскомъ, не смотря на то, что Глѣбъ Кіевскій, вопреки своему обѣщанію, не далъ ему никакой помощи, Мстиславу не удалось взять Дорогобужа: онъ долженъ былъ удовольствоваться опустошеніемъ другихъ, менѣе крѣпкихъ городовъ Владиміровыхъ и возвратился къ себѣ домой. Скоро Владиміръ Андреевичь умеръ, какъ видно, не оставивъ дѣтей: но волости его уже дожидался безземельный князь, Владиміръ Мстиславичь, пріѣхавшій съ сѣверовостока и жившій теперь въ Волынскомъ городѣ Полонномъ, который принадлежалъ Кіевской Десятинной церкви. Узнавъ о смерти Андреевича, онъ явился передъ Дорогобужемъ; но дружина покойнаго князя не пустила его въ городъ; тогда онъ послалъ сказать ей: «Цѣлую крестъ вамъ и княгинѣ вашей, что ни вамъ, ни ей не сдѣлаю ничего дурнаго»; поцѣловалъ крестъ, вошелъ въ городъ, и тотчасъ же позабылъ свою клятву, потому что, говоритъ лѣтописецъ, былъ онъ вертлявъ между всею братьею; онъ накинулся на имѣніе, на стада и на

села покойнаго Андреевича, и погналъ княгиню его изъ города. Взявши тѣло мужа своего, она отправилась въ Вышгородъ, откуда хотѣла ѣхать въ Кіевъ, но князь Давидъ Ростиславичъ не пустилъ ее: «Какъ я могу отпустить тебя», говорилъ онъ: «ночью пришла мнѣ вѣсть, что Мстиславъ въ Василевѣ; пусть кто-нибудь пойдетъ съ тѣломъ изъ дружины». Но дружина Дорогобужская отвѣчала ему на это: «Князь! самъ ты знаешь, что мы надѣлали Кіевлянамъ, не льзя намъ идти, убьютъ насъ». Тогда игуменъ Поликарпъ сказалъ Давиду: «Князь! дружина его не ѣдетъ съ нимъ: такъ отпусти кого-нибудь изъ своей, чтобъ было кому коня повести, и стягъ (знамя) понести». Но Давиду не хотѣлось отпускать своей дружины въ такое опасное время; онъ отвѣчалъ Поликарпу: «Его стягъ и почесть отошли вмѣстѣ съ душею; возьми поповъ Борисоглѣбскихъ и ступайте одни». Поликарпъ отправился и вмѣстѣ съ Кіевлянами похоронилъ Владиміра въ Андреевскомъ монастырѣ.

Между тѣмъ Мстиславъ съ большою силою, братомъ Ярославомъ, полками Галицкими, Туровскими и Городенскими, пошелъ къ Чернымъ Клобукамъ; соединившись съ ними, отправился къ Триполю, оттуда къ Кіеву, и безпрепятственно вошелъ въ него, потому что Глѣбъ былъ въ это время въ Переяславлѣ по дѣламъ Половецкимъ. Первымъ дѣломъ Мстислава по занятіи Кіева былъ рядъ съ союзниками своими, которые помогли ему овладѣть опять старшимъ столомъ; тутъ же договорился онъ и съ Владиміромъ Мстиславичемъ: какъ видно изъ послѣдующихъ извѣстій, Владиміръ отказался искать Кіева не только подъ Мстиславомъ, но и подъ братомъ его Ярославомъ и подъ сыновьями, за что племянники позволили ему остаться въ Дорогобужѣ; о содержаніи договоровъ съ другими союзниками ничего неизвѣстно; заключенъ былъ рядъ и съ Кіевлянами, также съ Черными Клобуками; но послѣдніе, по обычаю, только обманывали князей. Урядившись со всѣми, Мстиславъ пошелъ къ Вышгороду, и сталъ крѣпко биться съ осажденными; тѣ не уступали, потому что у князя ихъ Давида было много своей дружины, да братья прислали ему помощь, князь Глѣбъ прислалъ также тысяцкого своего съ отрядомъ; кромѣ того были у него Половцы дикіе и свои Берендѣи, тогда какъ союзники Мстислава начали расходиться; первый ушелъ Галицкій воевода Константинъ съ своими

олками: онъ послалъ сказать Мстиславу: «Князь Ярославъ велѣлъ мнѣ только пять дней стоять подъ Вышгородомъ, а потомъ итти домой». Мстиславъ велѣлъ отвѣчать ему на это: «Братъ Ярославъ мнѣ такъ говорилъ: «пока не уладишься съ братьею, до тѣхъ поръ не отпускай полковъ моихъ отъ себя». Тогда Константинъ написалъ ложную грамоту, въ которой будто бы князь Ярославъ приказывалъ ему возвратиться, и ушелъ съ Галичанами; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Константинъ былъ подкупленъ Давидомъ Вышегородскимъ [335]; иначе трудно объяснить причину его поступка. По удаленіи Галичанъ, Мстиславъ отступилъ къ Кіеву, и сталъ передъ Золотыми воротами, въ огородахъ, а изъ Вышгорода выѣзжали Половцы съ Берендѣями и наносили большой вредъ его полкамъ. Видя, что союзники его всѣ расходятся, изнемогли отъ упорнаго боя, и слыша съ другой стороны, что Глѣбъ съ Половцами переправляется черезъ Днѣпръ, а къ Давиду пришли еще вспомогательные отряды, Мстиславъ созвалъ на совѣтъ братью; тѣ сказали: «у насъ войско расходится, а къ тѣмъ приходитъ свѣжее, Черные Клобуки насъ обманываютъ: не льзя намъ дольше стоять, поѣдемъ лучше въ свои волости, и, отдохнувши немного, возвратимся назадъ». Мстиславъ видѣлъ, что князья говорятъ правду, и пошелъ на Волынь, выдержавши на дорогѣ перестрѣлку съ Половцами, которыхъ Давидъ послалъ за нимъ въ погоню. Половцы не могли нанести большаго вреда Мстиславу, но за то сильно опустошили страну, чрезъ которую проходили; племянникъ Мстислава, Василько Ярополковичь, сидѣвшій въ Михайловѣ, одномъ изъ городовъ Поросскихъ, хотѣлъ было ударить на нихъ нечаянно, но потерялъ только дружину, и едва самъ успѣлъ убѣжать въ свой городъ, гдѣ скоро былъ осажденъ Глѣбомъ съ тремя Ростиславичами: Рюрикомъ, Давидомъ и Мстиславомъ; союзники сожгли Михайловъ, раскопали ровъ, а Василька отпустили въ Черниговъ.

Мстиславъ обѣщалъ, отдохнувши немного, возвратиться опять къ Кіеву; но не могъ исполнить своего обѣщанія: въ августѣ 1170 года онъ сильно разболѣлся и послалъ за братомъ Ярославомъ, чтобъ урядиться съ нимъ на счетъ дѣтей своихъ; Ярославъ обязался ему, что не отниметъ у нихъ волости, послѣ чего Мстиславъ скоро умеръ [336], не успѣвши, подобно отцу, удержать

старшинства предъ дядьми. Неизвѣстно, что заставило Ярослава отказаться отъ Владимира въ пользу племянниковъ и остаться въ прежней волости своей Луцкѣ, хотя старшинство въ племени осталось за нимъ: мы увидимъ послѣ, что онъ располагалъ силами всей Волынской земли и являлся представителемъ племени, удерживая свое право на Кіевъ; мы видѣли примѣры, какъ волости перемѣняли иногда свое значеніе смотря по обстоятельствамъ, какъ, напримѣръ, Кіевскій князь сажалъ старшаго сына въ Вышгородѣ или Бѣлгородѣ, а младшаго въ Переяславлѣ; съ другой стороны Мстиславъ добылъ силою себѣ Владиміръ и отстоялъ его отъ Юрія и его союзниковъ, слѣдовательно имѣлъ полное право требовать отъ брата, чтобъ онъ уже не отнималъ у племянниковъ волости, которую отецъ ихъ добылъ головою. — Глѣбъ Юрьевичь Кіевскій не долго пережилъ своего соперника: онъ умеръ въ слѣдующемъ 1171 году, оставивъ по себѣ добрую память братолюбца, свято сохранявшаго клятвы. Преемникомъ его въ Кіевѣ былъ князь, отличавшійся противоположнымъ свойствомъ, именно Владиміръ Мстиславичь. Трое Ростиславичей, сидѣвшихъ около Кіева, послали звать его, какъ дядю, на старшій столъ; всѣ Ростиславичи, слѣдуя отцовскому примѣру, уважали старшинство, притомъ не имѣли предъ Владиміромъ того преимущества, какое имѣлъ Мстиславъ, т. е. старшинства физическаго, наконецъ имъ выгоднѣе было видѣть въ Кіевѣ Владиміра, чѣмъ Изяславича, съ которымъ были въ явной враждѣ. Такимъ образомъ Владиміръ, такъ долго беззаемельный, изгнанный отовсюду, вдругъ, благодаря обстоятельствамъ, получилъ возможность сѣсть въ Кіевѣ; тайкомъ отъ остальныхъ Волынскихъ князей — Ярослава съ племянниками, которымъ прежде поклялся не искать старшинства, Владиміръ уѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ Дорогобужъ сыну Мстиславу; но счастіе его и тутъ было непродолжительно: Кіевъ былъ уже теперь въ зависимости отъ сѣвернаго князя Андрея Боголюбскаго, которому, говоритъ лѣтописецъ, было нелюбо, что Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ; онъ послалъ сказать ему, чтобъ шелъ оттуда, а на его мѣсто приказывалъ идти Роману Ростиславичу Смоленскому; онъ могъ сердиться на Владиміра и за то, что тотъ вступилъ въ союзъ съ Изяславичами Волынскими, и за то, что сѣлъ безъ его позволенія въ Кіевѣ; родныхъ младшихъ братьевъ своихъ онъ не любилъ

по извѣстнымъ причинамъ, и былъ расположенъ къ однимъ Ростиславичамъ, которые признали его старшинство и крѣпко до сихъ поръ держались его: «Вы назвали меня отцемъ, велѣлъ онъ сказать имъ: такъ я хочу вамъ добра, и даю брату вашему Роману Кіевъ». Такъ скоро обнаружились уже тѣ слѣдствія, какія должны были произойти для южной Руси отъ усиленія сѣверной, которой самовластецъ вмѣсто всѣхъ родовыхъ правъ поставлялъ свой произволъ, и такимъ образомъ перепутывалъ всѣ прежніе родовые счеты: по родовымъ правамъ Кіевъ прежде всего принадлежалъ Владиміру Мстиславичу, потомъ младшимъ братьямъ Андрея, если онъ самъ не хотѣлъ сидѣть въ немъ, наконецъ Ярославу Изяславичу Луцкому: но Андрей, мимо всѣхъ этихъ князей отдаетъ его Ростиславичу. Смерть избавила Владиміра отъ изгнанія: онъ умеръ въ Кіевѣ, побывши только четыре мѣсяца старшимъ княземъ: «Много перенесъ онъ бѣдъ, говоритъ лѣтописецъ, бѣгая отъ Мстислава то въ Галичь, то въ Венгрію, то въ Рязань, то къ Половцамъ, но все по своей винѣ, потому что неустойчивъ былъ въ крестномъ цѣлованіи».

Романъ, по приказу Андрея, пріѣхалъ въ Кіевъ и былъ принятъ всѣми людьми съ радостію; но радость эта не могла быть продолжительна: мы видѣли, какъ самовластно началъ обходиться Андрей съ младшими, южными князьями, изгоняя одного изъ Кіева, посылая другаго на его мѣсто, не разбирая правъ ихъ. Ростиславичи молчали, когда это самовластіе было въ ихъ пользу; но скоро и они должны были увидать необходимость или безпрекословно исполнять всѣ приказанія Андрея, или вступить съ нимъ въ отчаянную борьбу за старыя права родичей. Въ этой борьбѣ Ростиславичей съ Юрьевичами высказалась противоположность характеровъ сѣверныхъ и южныхъ князей, противоположность ихъ стремленій. До сихъ поръ мы были свидѣтелями борьбы или вслѣдствіе изгойства, когда князья - сироты, по отсутствію отчинности, лишались волостей и принуждены бывали добывать ихъ силою; или борьба шла за старшинство между различными племенами (линіями), или въ одномъ племени между дядьми и племянниками. Борьба за старшинство въ племени Мономаховомъ, во время которой нельзя не замѣтить также борьбы между сѣверною и южною Русью, оканчивается собственно взятіемъ Кіева войсками Боголюбскаго, торжествомъ

сѣверной Руси надъ южною; съ этихъ поръ потомство старшаго сына Мстислава Великаго, Изяслава сходитъ со сцены въ борьбѣ за старшинство, въ которой до этого времени играло главную роль, и удаляется на западъ, гдѣ начинаетъ играть другую роль, не менѣе блестящую. Ему на смѣну въ борьбѣ съ князьями сѣверными, или Юрьевичами, выступаетъ потомство втораго сына Мстислава Великаго, Ростислава; но эта третья борьба нашихъ князей носитъ опять новый характеръ: здѣсь борются не безземельные князья, изгои, для того чтобъ получить волости; борьба идетъ и не за старшинство; но князья южные, или Ростиславичи борются за старый порядокъ вещей, за старую Русь, за родовыя отношенія, которыя хотятъ упразднить Юрьевичи. Въ этой многозначительной борьбѣ оба враждебныя племени или, лучше сказать, обѣ Руси выставляютъ каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи выставляютъ двоихъ Мстиславовъ— отца и сына; новая, сѣверная Русь имѣетъ представителями двоихъ братьевъ Юрьевичей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III–го.

Андрею дали знать, что братъ его Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ насильственною смертію и указали убійцъ: Григорія Хотовича, бывшаго, какъ мы видѣли, тысяцкимъ у Глѣба, потомъ какого-то Степанца и Олексу Святославича; Андрей могъ легко повѣрить извѣту, зная, какъ не терпѣли Юрьевичей на югѣ [327], и потому прислалъ сказать Ростиславичамъ: «Выдайте мнѣ Григорія Хотовича, Степанца и Олексу Святославича: это враги всѣмъ намъ, они уморили брата моего Глѣба.» Ростиславичи, считая, какъ видно, доносъ на бояръ неосновательнымъ, не послушались Андрея, но только отпустили отъ себя Григорія Хотовича. Тогда Андрей послалъ сказать Роману: «Не ходишь въ моей волѣ съ братьями своими: такъ ступай вонъ изъ Кіева, Давидъ изъ Вышгорода, Мстиславъ изъ Бѣлгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ, и дѣлитесь тамъ какъ хотите». Сильно обидѣлись Ростиславичи, что Андрей гонитъ ихъ изъ Русской земли, и отдаетъ Кіевъ брату своему Михаилу; старшій изъ нихъ Романъ не хотѣлъ противиться, и выѣхалъ въ Смоленскъ; но остальные братья не выѣзжали изъ своихъ волостей; боясь, какъ видно, ихъ, и Михаилъ не ѣхалъ изъ Торческа въ Кіевъ, а послалъ туда младшаго брата Всеволода съ племянникомъ Ярополкомъ Ростисла-

вичемъ. Уже пять недѣль сидѣлъ Всеволодъ въ Кіевѣ, когда Ростиславичи — Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ послали сказать Андрею: «Братъ! мы назвали тебя отцемъ себѣ, крестъ тебѣ цѣловали, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотимъ тебѣ добра; но вотъ теперь брата нашего Романа ты вывелъ изъ Кіева, и намъ путь кажешь изъ Русской земли безъ нашей вины: такъ пусть разсудитъ насъ Богъ и сила крестная». Не получивши на это никакого отвѣта, Ростиславичи, сговорившись, въѣхали тайно ночью въ Кіевъ, схватили Всеволода Юрьевича, племянника его Ярополка, всѣхъ бояръ ихъ, и посадили въ Кіевѣ брата своего Рюрика. Потомъ отправились они къ Торческу на Михаила: тотъ держался шесть дней, а на седьмой помирился съ Ростиславичами, обѣщалъ быть съ ними за одно противъ Андрея и Святослава Черниговскаго, за что Ростиславичи обѣщали добыть ему къ Торческу Переяславль, гдѣ сидѣлъ молодой племянникъ его, Владиміръ, сынъ покойнаго Глѣба; братъ Михаиловъ, Всеволодъ былъ выпущенъ изъ плѣна, но племянникъ Ярополкъ удержанъ и братъ его, Мстиславъ выгнанъ изъ своей волости, Треполя [328].

Услышавъ объ этихъ происшествіяхъ на югѣ, Андрей сильно разсердился, чему очень обрадовались Ольговичи Черниговскіе: они послали къ Андрею подущать его на Ростиславичей, велѣли сказать ему: «Кто тебѣ врагъ, тотъ и намъ; мы готовы идти съ тобою». Андрей, говоритъ лѣтописецъ, принялъ совѣтъ ихъ, исполнился высокоумія, сильно разсердился, надѣясь на плотскую силу, огородившись множествомъ войска, разжегся гнѣвомъ, призвалъ мечника своего Михна и наказалъ ему: «Поѣзжай къ Ростиславичамъ и скажи имъ: не ходите въ моей волѣ: такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину; Давиду скажи: ты ступай въ Берладъ, въ Русской землѣ не велю тебѣ быть; а Мстиславу молви: ты всему зачинщикъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ». Мстиславъ, по словамъ лѣтописца, съ молоду привыкъ не бояться никого, кромѣ одного Бога: онъ велѣлъ Андрееву послу остричь передъ собою голову и бороду, и отослалъ его назадъ къ Андрею съ такими словами: «Ступай къ своему князю и скажи отъ насъ ему: «Мы до сихъ поръ почитали тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князю, но какъ къ под-

ручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ насъ разсудитъ». Роковое слово: подручникъ въ противоположность князю было произнесено; южные князья поняли перемѣну въ обхожденіи съ ними сѣвернаго самовластца, поняли, что онъ хочетъ прежнія родственныя отношенія старшаго къ младшимъ замѣнить новыми, подручническими, не хочетъ болѣе довольствоваться только тѣмъ, чтобъ младшіе имѣли его какъ отца по любви, но хочетъ, чтобъ они безусловно исполняли его приказанія, какъ подданные.—Андрей опалъ въ лицѣ, когда услыхалъ отъ Михна отвѣтъ Мстиславовъ, и велѣлъ тотчасъ же собирать войско: собрались Ростовцы, Суздальцы, Владимирцы, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, Новгородцы и Рязанцы; Андрей счелъ ихъ и нашелъ 50,000; онъ послалъ съ ними сына своего Юрія, да воеводу Бориса Жидиславича съ такимъ наказомъ: «Рюрика и Давида выгоните изъ моей отчины, а Мстислава схватите, и, не дѣлая ему ничего, приведите ко мнѣ.» Уменъ былъ князь Андрей, говоритъ лѣтописецъ, во всѣхъ дѣлахъ, и доблестенъ; но погубилъ смыслъ свой невоздержаніемъ, и распалившись гнѣвомъ, сказалъ такія дерзкія слова [339]. Когда рать Андреева шла мимо Смоленска, то князь тамошній Романъ принужденъ былъ отпустить съ нею свои полки и сына на родныхъ братьевъ, потому что былъ въ рукахъ Андреевыхъ; князьямъ Полоцкимъ, Туровскимъ, Пинскимъ и Городенскимъ также велѣно было идти всѣмъ; въ землѣ Черниговской присоединились къ Андреевой рати Ольговичи; потомъ подошли Юрьевичи Михаилъ и Всеволодъ, племянники ихъ Мстиславъ и Ярополкъ [340] Ростиславичи, Владиміръ Глѣбовичь изъ Переяславля, Берендѣи, Поросье; всѣхъ князей было больше двадцати. Они перешли Днѣпръ и въѣхали въ Кіевъ безпрепятственно, потому что Ростиславичи не затворились въ этомъ городѣ, но разъѣхались каждый въ свои прежнія волости: Рюрикъ затворился въ Бѣлгородѣ, Мстислава съ Давидовымъ полкомъ затворили въ Вышгородѣ, а самъ Давыдъ поѣхалъ въ Галичь просить помощи у князя Ярослава. Старшимъ лѣтами и племенемъ между всѣми союзными князьями былъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, почему и получилъ главное начальство надъ всею ратью; онъ отрядилъ сперва къ Вышгороду Всеволода Юрьевича съ Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ и другими младшими князьями.

ıгда они подошли къ городу, то Мстиславъ Ростиславичь выроилъ свои полки и выѣхалъ противъ непріятеля; съ обѣихъ эронъ сильно желали боя, и стрѣльцы уже начали свое дѣло; ндреева рать была расположена тремя отдѣлами: съ одной эроны стояли Новгородцы, съ другой Ростовцы, а въ серединѣ ъ Всеволодъ Юрьевичъ съ своимъ полкомъ; Мстиславъ, видя, о его стрѣльцы смѣшались уже съ непріятельскими ратниками, гналъ вслѣдъ за ними, закричалъ дружинѣ: «Братья! ударимъ Божіею помощію и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба». ни смяли средній полкъ Всеволодовъ, и смѣшались съ непріялемъ, который обхватывалъ со всѣхъ сторонъ малочисленную ужину; встало страшное смятеніе, говоритъ лѣтописецъ: слыались стоны, крики, какіе-то странные голоса, раздавался ескъ копій, звукъ мечей, въ густой пыли нельзя было разлить ни коннаго, ни пѣшаго; наконецъ, послѣ сильной схватки, йска разошлись; много было раненыхъ, но мертвыхъ немно-. Послѣ этой битвы младшихъ князей, подступили къ Вышгоду всѣ остальные старшіе съ своими полками; каждый день лались приступы; Мстиславъ много терялъ своихъ добрыхъ иновъ убитыми и ранеными, но не думалъ о сдачѣ. Такимъ разомъ девять недѣль стояли уже князья подъ Вышгородомъ, гда явился Ярославъ Изяславичъ Луцкій съ всею Волынскою млею; онъ пришелъ искать себѣ старшинства; но Ольговичи хотѣли уступить ему Кіева. Тогда онъ завелъ переговоры Ростиславичами: тѣ уступили ему Кіевъ, и онъ отправился Рюрику въ Бѣлгородъ. Страхъ напалъ на Андреевыхъ союиковъ; они говорили, что Ростиславичи непремѣнно соединтся съ Галичанами и Черными Клобуками и нападутъ на ıхъ; въ войскѣ наступило страшное смятеніе и, недождавшись ѣта, все бросилось переправляться черезъ Днѣпръ, при чемъ ного людей перетонуло. Мстиславъ, увидавши всеобщее бѣгво, выѣхалъ съ дружиною изъ Вышгорода и ударилъ на неэіятельскій станъ, гдѣ взялъ много плѣнниковъ. Такъ возвраılась вся сила Андрея князя Суздальскаго, говоритъ лѣтопицъ: собралъ онъ всѣ земли и войску его не было числа; прили они съ высокомысліемъ, и со смиреніемъ отошли въ домы юи. Причина такого неожиданнаго успѣха Ростиславичей ясна зъ разсказа лѣтописца. Огромная рать пришла въ надеждѣ на

вѣрный успѣхъ, и съ перваго же раза увидала, что успѣхъ этотъ долженъ быть купленъ большимъ трудомъ: это уже одно обстоятельство должно было произвести упадокъ духа въ войскѣ осаждающихъ; извѣстно изъ послѣдующихъ событій, что сѣверное народонаселеніе вовсе не отличалось воинскимъ духомъ; Смоленскіе полки бились по неволѣ; не льзя думать, чтобъ и Новгородцы сражались съ большою охотою, равно какъ и князья Полоцкіе, Туровскіе, Пинскіе, Городенскіе, которымъ рѣшительно было все равно, кто побѣдитъ—Андрей или Ростиславичи; Юрьевичи не могли усердно сражаться въ угоду брату, съ которымъ вовсе не были въ дружескихъ отношеніяхъ, особенно когда видѣли, что двое князей—Черниговскій и Волынскій спорятъ, кому долженъ достаться Кіевъ; можно думать, что Андрей обѣщалъ Кіевъ Святославу Черниговскому, а если не обѣщалъ никому, если ни одинъ изъ князей не зналъ, кто воспользуется побѣдою Суздальскаго князя надъ Ростиславичами, на кого изъ нихъ сѣверный самовластецъ броситъ благосклонный взглядъ, то ясно, какъ это незнаніе должно было ослаблять усердіе князей, и вотъ, когда увидали, что Волынскій князь перешелъ на сторону Ростиславичей, когда слѣдовательно онъ съ Рюрикомъ могъ ударить на осаждающихъ съ одной стороны отъ Бѣлгорода, Мстиславъ изъ Вышгорода, Давидъ могъ явиться съ Галицкою помощію, и Черные Клобуки перейти на сторону Ростиславичей,—то неудивительно, что ужасъ напалъ на сборную Андрееву рать, и она бросилась бѣжать за Днѣпръ [331].

Ростиславичи послѣ побѣды исполнили свое обѣщаніе, положили старшинство на Ярослава и дали ему Кіевъ; но онъ не долго сидѣлъ здѣсь спокойно: Святославъ Всеволодовичь Черниговскій прислалъ сказать ему: «Вспомни прежній нашъ уговоръ, на чемъ ты мнѣ цѣловалъ крестъ; ты мнѣ говорилъ: если я сяду въ Кіевѣ, то я тебя надѣлю, если же ты сядешь въ Кіевѣ, то ты меня надѣли; теперь ты сѣлъ—право ли, криво ли—надѣли же меня». Ярославъ велѣлъ отвѣчать ему: «зачѣмъ тебѣ наша отчина? тебѣ эта сторона не надобна.» Святославъ прислалъ опять сказать ему на это: «Я не Венгерецъ и не Ляхъ, мы всѣ одного дѣда внуки, и сколько тебѣ до него, столько же и мнѣ (т. е. я имѣю одинакую съ тобою степень старшинства на родовой лѣствицѣ); если не хочешь исполнять стараго договора, то твоя

воля.» Въ то время, когда Мстиславичи боролись съ новыми стремленіями, явившимися на сѣверѣ, отстаивали родовыя отношенія между старшимъ княземъ и младшими, въ то самое время, съ другой стороны, они должны были вести борьбу съ княземъ, для котораго они сами являлись нововводителями, нарушителями стараго порядка вещей, съ княземъ, который стоитъ не только за родовыя отношенія между старшимъ и младшими князьями, но напоминаетъ объ единствѣ всего потомства Ярославова, борется за общность владѣнія всею Русскою землею, тогда какъ Мстиславичи хотятъ удержать Кіевъ навсегда за собою. Черниговскій князь, видя, что Ярославъ не хочетъ вспоминать старинныхъ уговоровъ, рѣшился, по примѣру отца и дяди, попытаться силою овладѣть Кіевомъ; время было благопріятное: Андрей утратилъ свое вліяніе на югъ; Ростиславичи, силою обстоятельствъ вынужденные признать старшинство Ярослава, равнодушны къ нему, Юрьевичи также; и вотъ Святославъ, соединясь съ братьею, явился нечаянно подъ Кіевомъ; Ярославъ, боясь затвориться въ городѣ одинъ, побѣжалъ въ Луцкъ, а Черниговскій князь въѣхалъ въ Кіевъ, захватилъ все имѣніе Ярославово, жену его, сына, всю дружину, и отослалъ въ Черниговъ. Но онъ самъ не могъ долго оставаться въ Кіевѣ, потому что двоюродный братъ его, Олегъ Святославичь напалъ на Черниговскую волость, желая, какъ видно, быть здѣсь преемникомъ Святослава. Но послѣдній, занявши Кіевъ нечаянно (изъѣздомъ), не надѣялся окончательно утвердиться здѣсь, боялся судьбы Изяслава Давидовича, и потому не хотѣлъ уступить прежней волости двоюродному брату: онъ пошелъ на Олега, пожегъ его волость, надѣлалъ, по обычаю, много зла; а между тѣмъ Ярославъ, узнавъ, что Кіевъ стоитъ безъ князя, пріѣхалъ опять, и въ сердцахъ задумалъ взять на Кіевлянахъ то, что отнято было у него Святославомъ: «Вы подвели на меня Святослава, сказалъ онъ имъ: такъ промышляйте, чѣмъ выкупить княгиню и сына». Когда Кіевляне не знали, что ему на это отвѣчать, то онъ велѣлъ грабить весь Кіевъ, игуменовъ, поповъ, монаховъ, монахинь, иностранцевъ, гостей, даже кельи затворниковъ. Святослава было ему нечего бояться: тотъ, сбираясь идти на Олега, помирился съ Ярославомъ, чтобъ свободнѣе защищать свою вѣрную волость. Въ это время Ростиславичи вошли опять въ сношенія

съ Андреемъ: они вѣроятно знали, или, по крайней мѣрѣ, должны были догадываться, какъ непріятно смотрѣлъ онъ на то, что Кіевъ достался опять враждебному племени Изяславичей, которое не думало признавать его старшинства, и потому рѣшились послать къ нему съ просьбою, чтобъ помогъ овладѣть Кіевомъ опять брату ихъ Роману, противъ котораго онъ не могъ питать вражды: «Подождите немного, велѣлъ отвѣчать имъ Андрей: послалъ я къ братьѣ своей въ Русь; какъ придетъ мнѣ отъ нихъ вѣсть, тогда дамъ вамъ отвѣтъ». Изъ этихъ словъ видно, что Андрей не хотѣлъ оставлять въ покоѣ юга, сносился съ братьями, вѣроятно замышляя тамъ новыя перемѣны, и Ростиславичи спѣшили хлопотать о томъ, чтобъ эти перемѣны были къ ихъ выгодѣ. Но Андрей не дождался вѣстей отъ братьевъ.

Мы видѣли, что Андрей выгналъ изъ своей волости старыхъ бояръ отцовскихъ, и окружилъ себя новыми; видѣли также, какимъ повелительнымъ тономъ говорилъ Андрей даже и съ князьями: можемъ заключить, что онъ былъ повелителенъ и строгъ съ окружавшими его; такъ онъ казнилъ смертью одного изъ ближнихъ родственниковъ своихъ по женѣ, Кучковича; тогда братъ казненнаго, Якимъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Петромъ и нѣкоторыми другими слугами княжескими, рѣшился злодѣйствомъ освободиться отъ строгаго господина. Мы знаемъ также, что Русскіе князья принимали къ себѣ въ службу пришлецовъ изъ разныхъ странъ и народовъ; Андрей подражалъ въ этомъ отношеніи всѣмъ князьямъ, охотно принималъ пришлецовъ изъ земель христіанскихъ и нехристіанскихъ, латиновъ и православныхъ, любилъ показывать имъ свою великолѣпную церковь Богоматери во Владимирѣ, чтобъ иновѣрцы видѣли истинное христіанство и крестились, и многіе изъ нихъ крестились дѣйствительно. Въ числѣ этихъ новокрещенныхъ иноземцевъ находился одинъ Ясъ, именемъ Анбалъ: онъ пришелъ къ Андрею въ самомъ жалкомъ видѣ, былъ принятъ въ княжескую службу, получилъ мѣсто ключника и большую силу во всемъ домѣ; въ числѣ приближенныхъ къ Андрею находился также какой-то Ефремъ Моизичь, котораго отечество — Моизичь или Моисеевичъ указываетъ на жидовское происхожденіе. Двое этихъ-то восточныхъ рабовъ выставлены лѣтописцемъ вмѣстѣ съ Кучковичемъ и зятемъ его, какъ зачинщики дѣла, всѣхъ же заговорщи-

ковъ было двадцать человѣкъ; они говорили: «нынче казнилъ онъ Кучковича, а завтра казнитъ и насъ; такъ промыслимъ объ этомъ князѣ!» Кромѣ злобы и опасенія за свою участь, заговорщиковъ могла побуждать и зависть къ любимцу Андрееву, какому-то Прокопію. 28 іюня 1174 года, въ пятницу, въ обѣденную пору, въ селѣ Боголюбовѣ, гдѣ обыкновенно жилъ Андрей, собрались они въ домѣ Кучкова зятя Петра, и порѣшили убить князя на другой день, 29 числа ночью. Въ условленный часъ заговорщики вооружились и пошли къ Андреевой спальнѣ; но ужасъ напалъ на нихъ, они бросились бѣжать изъ сѣней, зашли въ погребъ, напились вина, и ободрившись имъ, пошли опять на сѣни. Подошедши къ дверямъ спальни, одинъ изъ нихъ началъ звать князя: «Господинъ! Господинъ!» чтобъ узнать, тутъ ли Андрей. Тотъ, услыхавши голосъ, закричалъ: «кто тамъ?» ему отвѣчали: «Прокопій».—«Мальчикъ!» сказалъ тогда Андрей спавшему въ его комнатѣ слугѣ: «вѣдь это не Прокопій?» Между тѣмъ убійцы, услыхавши Андреевъ голосъ, начали стучать въ двери и выломили ихъ. Андрей вскочилъ, хотѣлъ схватить мечъ, который былъ всегда при немъ (онъ принадлежалъ св. Борису); но меча не было: ключникъ Анбалъ укралъ его днемъ изъ спальни. Въ это время, когда Андрей искалъ меча, двое убійцъ вскочили въ спальню, и бросились на него; но Андрей былъ силенъ, и уже успѣлъ одного повалить, какъ вбѣжали остальные, и, не различивъ сперва въ потьмахъ, ранили своего, который лежалъ на землѣ, потомъ бросились на Андрея; тотъ долго отбивался, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ сѣкли его мечами, саблями, кололи копьями: «Нечестивцы! кричалъ онъ имъ: зачѣмъ хотите сдѣлать тоже, что Горясѣръ (убійца св. Глѣба)? Какое я вамъ зло сдѣлалъ? если прольете кровь мою на землѣ, то Богъ отомститъ вамъ за мой хлѣбъ». Наконецъ Андрей упалъ подъ ударами; убійцы, думая, что дѣло кончено, взяли своего раненаго, и пошли вонъ изъ спальни, дрожа всѣмъ тѣломъ; но какъ скоро они вышли, Андрей поднялся на ноги и пошелъ подъ сѣни, громко стоная; убійцы услыхали стоны и возвратились назадъ; одинъ изъ нихъ говорилъ: «Я самъ видѣлъ, какъ князь сошелъ съ сѣней»; «ну такъ пойдемте искать его», отвѣчали другіе; войдя въ спальню, и видя, что его тутъ нѣтъ, начали говорить: «Погибли мы теперь! станемъ искать поско-

рѣе». Зажгли свѣчи и нашли князя по кровавому слѣду: Андрей сидѣлъ за лѣстничнымъ столпомъ; на этотъ разъ борьба не могла быть продолжительна съ ослабѣвшимъ отъ ранъ княземъ: Петръ отсѣкъ ему руку, другіе прикончали его.

Порѣшивши съ княземъ, заговорщики пошли—убили любимца его, Прокопія; потомъ пошли на сѣни, вынули золото, дорогіе камни, жемчугъ, ткани и всякое имѣніе, навьючили на лошадей и до свѣта отослали къ себѣ по домамъ, а сами разобрали княжое оружіе и стали набирать дружину, боясь, чтобъ Владимирцы не ударили на нихъ; для отнятія у послѣднихъ возможности къ этому, они придумали также завести смуту въ городѣ, произвести рознь, вражду между гражданами, для чего послали сказать имъ: «не сбираетесь ли вы на насъ? такъ мы готовы принять васъ и покончить съ вами; вѣдь не одною нашею думою убитъ князь, есть и между вами наши сообщники». Владимирцы отвѣчали: «Кто съ вами въ думѣ, тотъ пусть при васъ и остается, а намъ не надобенъ». Убійцы впрочемъ боялись напрасно: Владимирцы не двинулись на нихъ: безъ князя, въ неизвѣстности о будущей судьбѣ, не привыкши дѣйствовать самостоятельно, они не могли ничего предпринять рѣшительнаго, дожидались, что начнутъ старшіе города, а между тѣмъ безначаліе вездѣ произвело волненія, грабежи; мы видѣли, что убійцы начали расхищеніе казны княжеской; въ слѣдъ за ними явились на княжій дворъ жители Боголюбова и остальные дворяне, пограбили, что осталось отъ заговорщиковъ, потомъ бросились на церковныхъ и палатныхъ строителей, призванныхъ Андреемъ въ Боголюбовъ, пограбили ихъ [383]; грабежи и убійства происходили по всей волости: пограбили и побили посадниковъ княжескихъ, тіуновъ, дѣтскихъ, мечниковъ; надежда добычи подняла и сельскихъ жителей: они приходили въ города и помогали грабить; грабежи начались и во Владимирѣ, но прекратились, когда священники съ образомъ Богородицы стали ходить по городу. По словамъ лѣтописца, народъ грабилъ и билъ посадниковъ и тіуновъ, не зная, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много; эти слова показываютъ, что при Боголюбскомъ точно было много обидъ на сѣверѣ.

Во время этихъ смутъ тѣло убитаго князя оставалось непогребеннымъ; въ первый же день послѣ убійства преданный ко-

койному слуга, Кузьма Кіевлянинъ пошелъ на княжій дворъ, и видя, что тѣла нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Андрей, сталъ спрашивать: «гдѣ же господинъ?» Ему отвѣчали: «Вонъ лежитъ выволоченъ въ огородъ; да ты не смѣй брать его: всѣ хотятъ выбросить его собакамъ; а если кто за него примется, тотъ намъ врагъ, убьемъ и его». Кузьма пошелъ къ тѣлу и началъ плакать надъ нимъ: «Господинъ мой, Господинъ мой! какъ это ты не почуялъ скверныхъ и нечестивыхъ враговъ, когда они шли на тебя? какъ это ты не съумѣлъ побѣдить ихъ: вѣдь ты прежде умѣлъ побѣждать полки поганыхъ Болгаръ?» Когда Кузьма плакался надъ тѣломъ, подошелъ къ нему ключникъ Анбалъ; Кузьма, взглянувши на него, сказалъ: «Анбалъ, вражій сынъ! дай хоть коверъ или что нибудь подослать и прикрыть господина нашего».—«Ступай прочь, отвѣчалъ Анбалъ, мы хотимъ бросить его собакамъ».—«Ахъ ты еретикъ, сказалъ ему на это Кузьма: собакамъ выбросить? да помнишь ли ты, жидъ, въ какомъ платьѣ пришелъ ты сюда? теперь ты стоишь въ бархатѣ, а князь нагой лежитъ; но прошу тебя честью, сбрось мнѣ что нибудь». Анбалъ усовѣстился и сбросилъ коверъ и корзно; Кузьма обвертѣлъ тѣло и понесъ его въ церковь, но когда сталъ просить, чтобъ отворили ему ее, то ему отвѣчали: «Брось тутъ въ притворѣ; вотъ носится, нечего дѣлать»; — уже всѣ были пьяны. Кузьма сталъ опять плакаться: «Уже тебя, господинъ, и холопы твои знать не хотятъ; бывало придетъ гость изъ Царягорода, или изъ иной какой страны, изъ Руси ли, латынецъ, христіанинъ или поганый, прикажешь: поведите его въ церковь, въ ризницу, пусть посмотритъ на истинное христіанство и крестится, что и бывало, крестилось много; Болгары и Жиды и всякая погань, видѣвши славу Божію и украшеніе церковное, сильно плачутъ по тебѣ, а эти не пускаютъ тебя и въ церковь положить». Поплакавши, Кузьма положилъ тѣло въ притворѣ, покрывъ корзномъ, и здѣсь оно пролежало двое сутокъ. На третій день пришелъ Козмодемьянскій игуменъ Арсеній и сказалъ: «Долго ли намъ смотрѣть на старшихъ игуменовъ и долго ли этому князю лежать? Отоприте церковь, отпою надъ нимъ и положимъ его въ гробъ; когда злоба эта перестанетъ, придутъ изъ Владимира и понесутъ его туда». Пришли клирошане Боголюбскіе, внесли тѣло въ церковь, положили въ каменный гробъ

и отпѣли съ Арсеніемъ. На шестой уже день, когда волненіе утихло во Владимирѣ, граждане сказали игумену Ѳеодулу и Лукѣ, демественнику Богородицкой церкви: «Нарядите носильщиковъ, поѣдемъ, возьмемъ князя и господина нашего Андрея»; а протопопу Микулицѣ сказали: «собери всѣхъ поповъ, облачитесь въ ризы и выходите передъ Серебряныя ворота съ святою Богородицею, тутъ и дожидайтесь князя». Ѳеодулъ исполнилъ ихъ волю: съ клирошанами Богородичной церкви и съ нѣкоторыми Владимирцами поѣхалъ въ Боголюбовъ, и взявши тѣло, привезъ во Владимиръ съ честію и съ плачемъ великимъ. Увидавши издали княжескій стягъ, который несли передъ гробомъ, Владимирцы, оставшіеся ждать у Серебряныхъ воротъ, не могли удержаться отъ рыданій, и начали приговаривать: «Уже не въ Кіевъ ли поѣхалъ ты, господинъ нашъ, въ ту церковь у Золотыхъ воротъ, которую послалъ ты строить на великомъ дворѣ Ярославовомъ; говорилъ ты: хочу построить церковь такую же какъ и ворота эти золотыя, да будетъ память всему отечеству моему». Андрея похоронили въ построенной имъ церкви Богородичной (1174 г.).

Какъ скоро вѣсть о смерти Андреевой разнеслась по волости, то Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и вся дружина отъ мала и до велика съѣхались во Владимиръ и сказали: «Дѣлать нечего, такъ уже случилось, князь нашъ убитъ, дѣтей у него здѣсь нѣтъ, сынокъ его молодой въ Новгородѣ, братья въ Руси: за какимъ же княземъ намъ послать? сосѣди у насъ князья Муромскіе и Рязанскіе, надобно бояться, чтобъ они не пришли на насъ внезапно ратью; пошлемъ-ка къ Рязанскому князю Глѣбу (Ростиславичу), скажемъ ему: «Князя нашего Богъ взялъ: такъ мы хотимъ Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоихъ шурьевъ» (сыновей старшаго сына Юріева).—Они забыли, говоритъ лѣтописецъ, что цѣловали крестъ князю Юрію посадить у себя меньшихъ сыновей его, Михаила и Всеволода, нарушили клятву, посадили Андрея, а меньшихъ его братьевъ выгнали; и теперь послѣ Андрея не вспомнили о своей прежней клятвѣ, но все слушали Дѣдильца да Бориса, Рязанскихъ пословъ. — Какъ было рѣшено, такъ и сдѣлали: поцѣловали образъ Богородицы, и послали сказать Глѣбу: «твои шурья будутъ нашими князьями; приставь къ нашимъ посламъ своихъ, и отправь всѣхъ вмѣстѣ

и пошли въ Русь». Глѣбъ обрадовался такой чести, что выбрали его шурьевъ въ князья, и отправилъ къ нимъ пословъ въ Черниговъ, гдѣ они тогда жили. Послы отъ сѣверной дружины сказали Ростиславичамъ: «Вашъ отецъ добръ былъ, когда жилъ у насъ; поѣзжайте къ намъ княжить, а другихъ не хотимъ». Эти другіе были младшіе Юрьевичи Михаилъ и Всеволодъ, которые тогда находились также въ Черниговѣ: какъ видно всѣ четверо, и дяди и племянники прибѣжали вмѣстѣ съ Святославомъ изъ-подъ Вышгорода и не смѣли послѣ того возвратиться въ прежнія свои волости на Поросьи. Ростиславичи отвѣчали посламъ: «Помоги Богъ дружинѣ, что не забываетъ любви отца нашего», но не смотря на то, что звали ихъ однихъ, они не захотѣли ѣхать безъ дядей Юрьевичей, и сказали: «либо добро, либо лихо всѣмъ намъ; пойдемъ всѣ четверо, Юрьевичей двое да Ростиславичей двое». Напередъ поѣхали двое—Михаилъ Юрьевичь и Ярополкъ Ростиславичь; Михаилу дали старшинство, при чемъ всѣ цѣловали крестъ изъ рукъ Черниговскаго епископа [333]. Когда князья пріѣхали въ Москву, то Ростовцы разсердились, узнавши что вмѣстѣ съ Ростиславичемъ пріѣхалъ и Юрьевичь; они послали сказать Ярополку: «ступай сюда», а Михаилу: «подожди немного на Москвѣ.» Ярополкъ тайкомъ отъ дяди поѣхалъ къ Переяславлю, гдѣ стояла тогда вся дружина, выѣхавшая на встрѣчу къ князьямъ; а Михаилъ, узнавъ, что Ростиславичь отправился по Ростовской дорогѣ, поѣхалъ во Владимиръ, и затворился здѣсь съ одними гражданами, потому что дружина Владимирская, въ числѣ 1500 человѣкъ, отправилась также въ Переяславль по приказанію Ростовцевъ. Здѣсь вся дружина поцѣловала крестъ Ярополку и отправилась съ нимъ ко Владимиру выгонять оттуда Михаила; ко всѣмъ силамъ земли Ростовской присоединились полки Муромскіе и Рязанскіе, окрестности были пожжены, городъ обложенъ. Что же заставило Владимирцевъ, непривыкшихъ къ самостоятельной дѣятельности, воспротивиться приговору старшихъ городовъ, взять себѣ особаго князя и отстаивать его противъ соединенныхъ силъ всей земли Ростовской и Рязанской? Къ этому принудила ихъ явно высказавшаяся вражда стараго города, Ростова, который съ ненавистію смотрѣлъ на свой пригородъ, населенный большею частію людьми простыми, ремесленными, жившими преимущественно отъ строительной дѣятель-

нести князя Андрея, и не смотря на то похитившій у стараго города честь имѣть у себя столъ княжескій; Ростовцы и Суздальцы говорили: «пожжемъ Владиміръ, или пошлемъ туда посадника: то наши холопы каменьщики». Нельзя не заметить также, что здѣсь, въ этихъ словахъ слышится преимущественно голосъ высшаго разряда Ростовскихъ жителей, бояръ, дружины вообще, которая, какъ видно, особенно не любила Андрея и нововведенія [324]. Какъ бы то ни было, важно было начало борьбы между старыми и новыми городами, борьбы, которая должна была рѣшить вопросъ: гдѣ утвердится столъ княжескій—въ старомъ ли Ростовѣ или новомъ Владимірѣ, отъ чего зависѣлъ ходъ исторіи на сѣверѣ; за одно съ Владиміромъ, какъ слѣдуетъ ожидать, были и другіе новые города; Переяславцы хотѣли также Юрьевичей, и по неволѣ признали Ростиславичей [325]. Семь недѣль Владимірцы отбивались отъ осаждающихъ; наконецъ голодъ принудилъ ихъ сказать Михаилу: «Мирись, либо промышляй о себѣ». Михаилъ отвѣчалъ: «Вы правы; не погибать же вамъ для меня», и поѣхалъ изъ города назадъ въ Русь; Владимірцы проводили его съ плачемъ великимъ, говоритъ лѣтописецъ. По отъѣздѣ Михаила, они заключили договоръ съ Ростиславичами; тѣ поклялись, что не сдѣлаютъ никакого зла городу, послѣ чего Владимірцы отворили ворота и встрѣтили князей со крестами; въ Богородичной церкви заключенъ былъ окончательный договоръ: во Владимірѣ оставался княжить младшій Ростиславичь, Ярополкъ, а въ Ростовѣ старшій Мстиславъ. Такимъ образомъ, благодаря мужеству Владимірцевъ, торжество Ростовцевъ было неполное: правда, столъ старшаго брата поставленъ былъ у нихъ; но за то ненавистный пригородъ Владиміръ получилъ своего князя, а не посадника изъ Ростова. Но Ростовцы и особенно бояре, принужденные уступить требованіямъ Владимірцевъ, продолжали враждовать къ послѣднимъ и вызвали ихъ къ возобновленію борьбы, столь важной для судебъ сѣвера. Южныя волости не рѣдко испытывали неудобство отъ перемѣщенія князей, когда новые князья приводили съ собою свою дружину, своихъ слугъ, которымъ раздавали разныя должности, и тѣ спѣшили обогащаться на счетъ гражданъ, зная, что не долго среди нихъ останутся; теперь сѣверъ, въ свою очередь, испыталъ тоже неудобство: Ростиславичи пріѣхали въ Ростовскую

область съ дружинниками, набранными на югѣ, и роздали имъ посадническія должности: эти Русскіе (т. е. южнорусскіе) дѣтскіе, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, скоро стали очень тяжки для народа судебными взысками и взятками; но Владимірцы терпѣли не отъ однихъ Русскихъ дѣтскихъ: князья, говоритъ лѣтописецъ, были молоды, слушались бояръ, а бояре научали ихъ какъ можно больше брать: и вотъ взяли они изъ церкви Владимірской Богородицы золото и серебро, въ первый же день отобрали ключи отъ ризницы, отняли городъ и всѣ дани, которыя назначилъ для этой церкви князь Андрей. Видно, что кромѣ корыстолюбія здѣсь дѣйствовала ненависть къ памяти Андрея, ко всему, имъ сдѣланному: хотѣли ограбить Владимірскій соборъ, великолѣпный памятникъ, который оставилъ по себѣ Андрей. Грабежъ церквей позволяли себѣ князья и дружины ихъ только въ завоеванныхъ городахъ; легко послѣ этого понять, какъ должны были смотрѣть Владимірцы на ограбленіе своего собора, лучшаго украшенія, которымъ такъ гордился ихъ городъ; они стали сбираться и толковать: «Мы приняли князей на всей нашей волѣ; они крестъ цѣловали, что не сдѣлаютъ никакого зла нашему городу, а теперь они точно не въ своей волости княжатъ, точно не хотятъ долго сидѣть у насъ, грабятъ не только всю волость, но и церкви; такъ промышляйте, братья!» Изъ этихъ словъ видно какъ будто, что Владимірцы не только оскорблялись тѣмъ, что князья поступаютъ съ ихъ волостью, какъ съ завоеванною, но еще боялись, что Ярополкъ, ограбивши волость, уйдетъ отъ нихъ, и Ростовцы пришлютъ къ нимъ своего посадника: «Князь поступаетъ такъ, какъ будто не хочетъ сидѣть у насъ», говорили они. Но, по старой привычкѣ, Владимірцы прежде обратились къ старшимъ городамъ, Ростову и Суздалю, съ жалобою на свою обиду; Ростовцы и Суздальцы на словахъ были за нихъ, а на дѣлѣ нисколько не думали за нихъ вступаться; бояре же крѣпко держались за Ростиславичей, прибавляетъ лѣтописецъ, и тѣмъ опять даетъ знать, что преимущественно боярамъ хотѣлось вести дѣла въ противность тому, какъ шли они при Андреѣ. Тогда Владимірцы, видя явное недоброжелательство старшихъ городовъ и бояръ, рѣшились вмѣстѣ съ Переяславцами дѣйствовать собственными силами, и послали въ Черниговъ сказать Михаилу: «Ты старшій между братьями;

приходи къ намъ во Владимиръ; если Ростовцы и Суздальцы задумаютъ что-нибудь на насъ за тебя, то будемъ управляться съ ними какъ Богъ дастъ и святая Богородица.» Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ и съ Владимиромъ Святославичемъ, сыномъ Черниговскаго князя, отправился на сѣверъ; но едва успѣлъ онъ отъѣхать верстъ 11 отъ Чернигова, какъ сильно занемогъ, и больной пріѣхалъ въ Москву, гдѣ дожидался его отрядъ Владимирцевъ съ молодымъ княземъ Юріемъ Андреевичемъ, сыномъ Боголюбскаго, который жилъ у нихъ, будучи изгнанъ изъ Новгорода. Между тѣмъ Ростиславичи, узнавъ о приближеніи Михаила, совѣтовались въ Суздалѣ съ дружиною, что̀ дѣлать? рѣшено было, чтобъ Ярополкъ шелъ съ своимъ войскомъ противъ Юрьевичей къ Москвѣ, биться съ ними и не пускать ко Владимиру. Михаилъ сѣлъ обѣдать, когда пришла вѣсть, что племянникъ Ярополкъ идетъ на него; Юрьевичи собрались и пошли по Владимирской дорогѣ, на встрѣчу къ непріятелю, но разошлись съ Ярополкомъ въ лѣсахъ; тогда Москвичи услыхавши, что Ярополкъ, миновавъ ихъ войско, продолжаетъ идти къ Москвѣ, возвратились съ дороги отъ Михаила для оберегавія своихъ домовъ; а Ярополкъ, видя, что разошелся съ Михаиломъ, пошелъ отъ Москвы въ слѣдъ за нимъ, пославъ между тѣмъ сказать брату Мстиславу въ Суздаль: «Михалко боленъ, несутъ его на носилкахъ, и дружины у него мало; я иду за нимъ, захватывая задніе его отряды; а ты, братъ, ступай поскорѣе къ нему навстрѣчу, чтобъ онъ не вошелъ во Владимиръ». Мстиславъ объявилъ объ этой вѣсти дружинѣ, и на другой день рано выѣхалъ изъ Суздаля, помчался быстро, точно на зайцевъ, такъ что дружина едва успѣвала за нимъ слѣдовать, и въ пяти верстахъ отъ Владимира встрѣтился съ Юрьевичами; полкъ Мстиславовъ, готовый къ битвѣ, въ броняхъ, съ поднятымъ стягомъ вдругъ выступилъ отъ села Загорья; Михаилъ началъ поскорѣе выстроивать свое войско, а враги шли на него съ страшнымъ крикомъ, точно хотѣли пожрать его дружину, по выраженію лѣтописца. Но эта отвага была непродолжительна; когда дошло до дѣла, и стрѣльцы начали перестрѣливаться съ обѣихъ сторонъ, то Мстиславова дружина, не схватившись ни разу съ непріятелемъ, бросила стягъ, и побѣжала; Юрьевичи взяли много плѣнныхъ, взяли бы и больше, но многихъ спасло то, что побѣдители

не могли различать, кто свои и кто чужіе? Мстиславъ убѣжалъ въ Новгородъ; Ярополкъ, узнавши о его пораженіи, побѣжалъ въ Рязань; но мать ихъ и жены попались въ руки Владимирцамъ. Съ честью и славою вступилъ Михаилъ во Владимиръ; дружина и граждане, бывшіе въ сраженіи, вели плѣнниковъ. Первымъ дѣломъ Юрьевича было возвращеніе городовъ, отнятыхъ у Богородичной церкви Ярополкомъ; и была, говоритъ лѣтописецъ, радость большая во Владимирѣ, когда онъ увидалъ опять у себя великаго князя всей Ростовской земли. Подивимся, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, чуду новому, великому и преславному Божія Матери, какъ заступила она свой городъ отъ великихъ бѣдъ и гражданъ своихъ укрѣпляетъ: не вложилъ имъ Богъ страха, не побоялись двоихъ князей и бояръ ихъ, не посмотрѣли на ихъ угрозы, семь недѣль прожили безъ князя, положивши всю надежду на Святую Богородицу и на свою правду [336]. Новгородцы, Смольняне, Кіевляне и Полочане и всѣ власти какъ на думу на вѣча сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ: а здѣсь городъ старый—Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре захотѣли свою правду поставить, а не хотѣли исполнять правды Божіей, говорили: «какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ: Владимиръ пригородъ нашъ». Воспротивились они Богу и Святой Богородицѣ и правдѣ Божіей, послушались злыхъ людей ссорщиковъ, не хотѣвшихъ намъ добра по зависти. Не съумѣли Ростовцы и Суздальцы правды Божіей исправить, думали, что они старшіе, такъ и могутъ дѣлать все по своему; но люди новые, худые Владимирскіе уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться, сказали: «либо Михаила князя себѣ добудемъ, либо головы свои сложимъ за Святую Богородицу и за Михаила князя»; и вотъ утѣшилъ ихъ Богъ и Св. Богородица: прославлены стали Владимирцы по всей землѣ за ихъ правду [337]».

Скоро явились во Владимиръ къ Михаилу послы отъ Суздальцевъ: «Мы, князь, говорили они, не воевали противъ тебя съ Мстиславомъ, а были съ нимъ одни наши бояре: такъ не сердись на насъ и пріѣзжай къ намъ». Михаилъ поѣхалъ въ Суздаль, оттуда въ Ростовъ, устроилъ весь нарядъ людямъ, утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ, взялъ много даровъ у Ростовцевъ, и, посадивши брата своего Всеволода въ Переяславлѣ, самъ возвратился во Владимиръ. Такимъ образомъ послѣдній, пригородъ,

населенный холопами каменьщиками сдѣлался опять стольнымъ городомъ князя всей Ростовской земли; князь опять освобождалъ себя изъ-подъ вліянія городовъ, которые привыкли рѣшать дѣла на вѣчѣ, и приговоровъ этого вѣча должны были слушаться города младшіе; мало того, младшій братъ Михаила, Всеволодъ сѣлъ также въ новомъ городѣ Переяславлѣ-Залѣскомъ, а не въ Ростовѣ: выказалось ли въ этомъ явное предпочтеніе князей къ новымъ городамъ предъ старыми, хотѣли ли наградить усердіе Переяславцевъ, дѣйствовавшихъ за одно съ Владимирцами—во всякомъ случаѣ явленіе было очень важное, свидѣтельствовавшее полную побѣду пригородовъ, полное низложеніе того начала, которое могло противодѣйствовать новому порядку вещей.

Если первымъ дѣломъ Михаила по вступленіи во Владимиръ было возвращеніе соборной церкви городовъ, отнятыхъ у нея Ростиславичами: то по утвержденіи своемъ въ цѣлой землѣ Ростовской, онъ долженъ былъ прежде всего идти на Рязанскаго князя Глѣба, въ рукахъ котораго также находилось много сокровищъ, пограбленныхъ изъ этой церкви, и между прочимъ самый образъ Богородицы, привезенный Андреемъ изъ Вышгорода, и книги. Михаилъ отправился съ полками на Рязань, но встрѣтилъ на дорогѣ пословъ Глѣбовыхъ, которымъ поручено было сказать ему: «Князь Глѣбъ тебѣ кланяется и говоритъ: я во всемъ виноватъ, и теперь возвращаю все, что взялъ у шурьевъ своихъ, Ростиславичей, все до послѣдняго золотника;»—и точно возвратилъ все. Михаилъ, уладившись съ нимъ [338], поѣхалъ назадъ во Владимиръ; здѣсь, по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, казнилъ убійцъ Андреевыхъ, и потомъ отправился за чѣмъ-то въ Городецъ Волжскій, занемогъ въ немъ и умеръ (1176 г.). Ростовцы, не дождавшись даже вѣрнаго извѣстія о смерти Михаиловой, послали сказать въ Новгородъ прежнему своему князю Мстиславу Ростиславичу: «Ступай, князь, къ намъ: Михалка Богъ взялъ на Волгѣ въ Городцѣ, а мы хотимъ тебя, другаго не хотимъ.» Мстиславъ пріѣхалъ на зовъ, собралъ Ростовцевъ, всю дружину и отправился съ ними ко Владимиру. Но здѣсь былъ уже князь: тотчасъ по смерти Михаиловой, Владимирцы вышли передъ Золотыя ворота, и, помня старую присягу свою Юрію Долгорукому, цѣловали крестъ Всеволоду Юрьевичу и дѣтямъ его; явленіе любопытное: Владимирцы присягаютъ не только

Всеволоду, но и дѣтямъ его: значитъ не боятся, подобно Кіевлянамъ, переходить по наслѣдству отъ отца къ сыновьямъ, не думаютъ о правѣ выбирать князя. Всеволодъ, узнавши о пріѣздѣ Ростиславича въ Ростовъ, собралъ Владимирцевъ, дружину свою, бояръ, оставшихся при немъ (большая часть бояръ, какъ видно, перешла къ Ростовскому князю [239]), и отправился съ ними на встрѣчу къ сопернику, а за Переяславцами послалъ племянника Ярослава Мстиславича. Но, по своему характеру, Всеволодъ не хотѣлъ отдать всей своей будущности на произволъ военнаго счастія, не хотѣлъ судиться съ племянникомъ судомъ Божіимъ, битвою, какъ любили судиться южные князья, и послалъ сперва сказать Ростиславичу: «Братъ! если тебя привела старшая дружина, то ступай въ Ростовъ, тамъ и помиримся; тебя Ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ, да Владимирцы съ Переяславцами; а Суздальцы пусть выбираютъ изъ насъ двоихъ, кого хотятъ.» Но Ростовцы и бояре не дали мириться своему князю: ихъ злоба на Владимирцевъ и Юрьевичей еще болѣе усилилась отъ недавняго униженія; они сказали Ростиславичу: «если ты хочешь съ нимъ мириться, то мы не хотимъ;» особенно подстрѣкали къ войнѣ бояре — Добрыня Долгій, Матѣяшъ Бутовичь и другіе. Всеволодъ, получивъ отказъ, поѣхалъ къ Юрьеву, здѣсь дождался Переславцевъ, и объявилъ имъ, что Ростовцы не хотятъ мира; Переяславцы отвѣчали: «Ты Мстиславу добра хотѣлъ, а онъ головы твоей ловитъ; такъ ступай, князь, на него; а мы не пожалѣемъ жизни за твою обиду, не дай намъ Богъ никому возвратиться назадъ; если отъ Бога не будетъ намъ помощи, то пусть, переступивъ черезъ наши трупы, возьмутъ женъ и дѣтей нашихъ [240]; брату твоему еще девяти дней нѣтъ какъ умеръ, а они уже хотятъ кровь проливать.» На Юрьевскомъ полѣ, за рѣкою Кзою произошла битва: Владимирцы съ своимъ княземъ опять побѣдили, съ ничтожною для себя потерею, тогда какъ со стороны непріятелей часть бояръ была побита, другіе взяты въ плѣнъ; самъ Мстиславъ бѣжалъ сперва въ Ростовъ, а оттуда въ Новгородъ; побѣдители взяли боярскія села, коней, скотъ; въ другой и послѣдній разъ старый городъ былъ побѣжденъ новымъ, послѣ чего уже не предъявлялъ больше своихъ притязаній.

Но Юрьевская побѣда не прекратила борьбы Всеволода съ племянниками: когда Мстиславъ Ростиславичь прибѣжалъ въ Новгородъ, то жители встрѣтили его словами: «какъ тебя позвали Ростовцы, такъ ты ударилъ Новгородъ пятою, пошелъ на дядю своего Михаила; Михаилъ умеръ, а съ братомъ его Всеволодомъ Богъ разсудилъ тебя; зачѣмъ же къ намъ идешь?» Не принятый Новгородцами, Мстиславъ поѣхалъ къ зятю своему, Глѣбу Рязанскому, и сталъ подстрѣкать его къ войнѣ со Всеволодомъ. Глѣбъ тоюже осенью пришелъ на Москву, и пожегъ весь городъ; Всеволодъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу, но когда былъ за Переяславлемъ, явились Новгородцы, и сказали ему: «князь! не ходи безъ Новгородцевъ, подожди ихъ.» Всегда осторожный, любившій дѣйствовать навѣрное, Всеволодъ согласился ждать Новгородцевъ, чтобъ съ удвоенными силами ударить на враговъ, и возвратился. Но онъ понапрасну дожидался Новгородцевъ: тѣ не приходили; вмѣсто ихъ явились на помощь двое княжичей Черниговскихъ, Олегъ и Владиміръ Святославичи, да князь Переяславля южнаго или Русскаго, Владиміръ Глѣбовичь. Всеволодъ выступилъ съ ними къ Коломнѣ; но здѣсь получилъ извѣстіе, что Глѣбъ съ Половцами другою дорогою пошелъ къ Владиміру, разграбилъ соборную церковь Андрееву, пожегъ другія церкви, села боярскія, а женъ, дѣтей, и всякое имѣніе отдалъ на щитъ (въ добычу) поганымъ. Всеволодъ немедленно пошелъ назадъ въ свою волость, и встрѣтилъ Глѣба на рѣкѣ Колакшѣ; цѣлый мѣсяцъ стояли непріятели безъ дѣйствія по обѣимъ сторонамъ рѣки, наконецъ завязался бой, и Всеволодъ побѣдилъ опять, опять Мстиславъ Ростиславичь первый обратился въ бѣгство, а за нимъ побѣжалъ и Глѣбъ; но враги догнали ихъ обоихъ, взяли также въ плѣнъ сына Глѣбова Романа, перевязали всю дружину Рязанскую; между прочими попался въ плѣнъ Борисъ Жидиславичь, знаменитый воевода Боголюбскаго, который, какъ видно, отъѣхалъ въ Рязань или прямо, или вмѣстѣ съ Ростиславичемъ, не желая служить Юрьевичамъ; попался въ плѣнъ и Дѣдилецъ, который такъ сильно способствовалъ призванію Ростиславичей въ Ростовъ по смерти Боголюбскаго. Была большая радость во Владимирѣ, говоритъ лѣтописецъ, но онъ тутъ же говоритъ: судъ безъ милости тому, кто самъ не зналъ милости. Эти слова показываютъ расположеніе духа Влади-

мирцевъ, которыхъ ненависть къ Глѣбу и Ростиславичамъ должна была дойдти до высшей степени вслѣдствіе еще новаго бѣдствія, претерпѣннаго ими отъ послѣднихъ. Два дня ждали они отъ Всеволода суда безъ милости надъ племянниками; на третій поднялся сильный мятежъ, встали бояре и купцы и сказали ему: «Князь! мы тебѣ добра хотимъ, и головы за тебя складываемъ; а ты держишь враговъ своихъ на свободѣ: враги твои и наши Суздальцы и Ростовцы [341]: либо казни ихъ, либо ослѣпи, либо отдай намъ». Всеволодъ не хотѣлъ исполнить этого требованія и, для утишенія мятежа, велѣлъ только посадить плѣнниковъ въ тюрьму; послѣ чего послалъ сказать Рязанцамъ: «Выдайте мнѣ нашего врага (Ярополка Ростиславича), или я приду къ вамъ». Рязанцы рѣшились исполнить это требованіе: «Князь нашъ и братья наши погибли изъ-за чужаго князя», говорили они; поѣхали на Воронежъ, схватили тамъ Ярополка и привезли во Владиміръ, гдѣ Всеволодъ велѣлъ посадить и его также въ тюрьму. Между тѣмъ зять Глѣба Рязанскаго, знаменитый Мстиславъ Ростиславичь Смоленскій послалъ сказать Святаслову Черниговскому, чтобъ онъ попросилъ Всеволода за Ростиславичей; и княгиня Рязанская, жена Глѣбова присылала съ тѣмъ же, прося за мужа и сына; Святославъ отправилъ во Владиміръ Черниговскаго епископа Порфирія и Ефрема игумена вести переговоры по дѣлу плѣнниковъ; онъ предлагалъ, чтобъ Глѣбъ, получивъ свободу, отказался отъ Рязани, и ѣхалъ на житье въ Русь; но Глѣбъ никакъ не соглашался на такія условія: «лучше умру въ тюрьмѣ, говорилъ онъ, а не пойду въ Русь на изгнаніе». Дѣло затянулось на два года; Глѣбъ между тѣмъ умеръ, а сынъ его Романъ былъ отпущенъ въ Рязань подъ условіемъ полной покорности Владимирскому князю [342]. Иначе рѣшена была судьба Ростиславичей: Владимирцы, видя, что идутъ переговоры объ освобожденіи плѣнниковъ, никакъ не хотѣли отпустить Ростиславичей, не отомстивши имъ за свои обиды; они собрались опять большою толпою, пришли на княжій дворъ и стали говорить Всеволоду: «До чего ихъ еще додержать? хотимъ ослѣпить ихъ». Всеволоду очень не нравилось это требованіе, но дѣлать было нечего: Ростиславичей ослѣпили, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлали видъ, что ослѣпили и отослали въ Смоленскъ [343]. Такимъ образомъ кончилась борьба на сѣверѣ въ пользу послѣдняго изъ Юрь-

евичей, который сталъ также силенъ, какъ и братъ его Андрей, «не медленно пошелъ по слѣдамъ братнимъ: приведши Рязанскихъ князей въ свою волю, онъ захотѣлъ также быть самовластцемъ въ Суздальской землѣ, единодержателемъ всего отцовскаго наслѣдства, и выгналъ изъ своей волости племянника Юрія Андреевича, который принужденъ былъ искать счастія въ Грузіи[344]; второй племянникъ, Ярославъ Мстиславичь также не получилъ волости въ землѣ Ростовской. Но если Всеволодъ вошелъ совершенно въ положеніе Андрея на сѣверѣ, то мы должны ожидать, что и относительно южной, старой Руси и относительно Новгорода Великаго онъ приметъ тоже самое значеніе.

На югѣ смерть Андрея дала свободу разыграться прежнимъ усобицамъ между Мономаховичами и Ольговичами; къ этимъ усобицамъ присоединялись, съ одной стороны, враждебныя отношенія въ самомъ племени Олеговомъ, а съ другой между Ростиславичами и Изяславичами въ племени Мономаховомъ. Мы видѣли, какъ Святославъ Всеволодовичь Черниговскій принужденъ былъ оставить намѣренія свои относительно Кіева, чтобъ свободнѣе отбивать Черниговскую волость отъ нападенія двоюроднаго брата своего, Олега Сѣверскаго; мы видѣли, что онъ опустошеніемъ отплатилъ послѣднему за опустошеніе, и возвратился въ Черниговъ; но Олегъ не думалъ такъ окончить это дѣло: онъ заключилъ союзъ съ шурьями своими, Ростиславичами, также съ Ярославомъ Кіевскимъ, и союзники рѣшились съ двухъ сторонъ напасть на Святослава. Но Ростиславичи и Ярославъ, пожегши два Черниговскихъ города[345], заключили миръ съ Святославомъ и предоставили Олега однимъ собственнымъ средствомъ. Тотъ съ братьями пришелъ къ Стародубу, города не взялъ, но захватилъ скотъ изо всѣхъ окрестностей Стародуба и погналъ его къ Новгороду Сѣверскому, куда скоро явился за нимъ Святославъ съ Черниговскимъ войскомъ, и приступилъ къ городу; Олегъ вышелъ было къ нему на встрѣчу, но не успѣла дружина его пустить по стрѣлѣ, какъ обратилась въ бѣгство; самъ князь успѣлъ вбѣжать въ городъ, но половина дружины его была перехвачена, другая перебита, острогъ пожженъ; Олегъ на другой день запросилъ мира, и получилъ его, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ Днѣпра произошла перемѣна: къ Ростиславичамъ пришелъ на помощь

таршій братъ ихъ Романъ изъ Смоленска, и Ярославъ Изяславичь увидалъ въ этомъ намѣреніи Ростиславичей выгнать его изъ Кіева; онъ послалъ сказать имъ: «Вы привели брата своего Романа, даете ему Кіевъ», и выѣхалъ добровольно изъ этого города въ прежнюю волость свою Луцкъ; мы видѣли, что Ростиславичи просили еще прежде у Андрея Кіева для Романа, слѣд. Ярославъ имѣлъ право подозрѣвать ихъ во враждебныхъ для себя замыслахъ; скорая же уступка его двоюроднымъ братьямъ объясняется тѣмъ, что онъ никакъ не могъ полагаться на защиту Кіевлянъ, послѣ недавняго поступка съ ними, когда онъ ограбилъ весь городъ. Ростиславичи послали за нимъ, чтобъ ѣхалъ опять въ Кіевъ, но онъ не послушался, и Романъ сѣлъ на его мѣсто: дѣйствительно ли Ростиславичи не хотѣли его выгонять, или показывали только видъ, что не хотѣли — рѣшить трудно. Романъ недолго княжилъ спокойно въ Кіевѣ: Половцы напали на Русь, взяли шесть городовъ Берендѣевскихъ, и сильно поразили Ростиславичей у Ростовца по винѣ Давида Ростиславича, который завелъ ссору съ братьями и помѣшалъ успѣху дѣла. Бѣдою Ростиславичей спѣшилъ воспользоваться Святославъ Черниговскій; нуженъ былъ однако предлогъ, и онъ послалъ сказать Роману: «Братъ! я не ищу подъ тобою ничего, но у насъ такой рядъ: если князь провинится, то платитъ волостью, а бояринъ головою; Давидъ виноватъ, отними у него волость». Романъ не послушался; тогда братья Святослава — Ярославъ и Олегъ перешли Днѣпръ и послали сказать зятю своему Мстиславу Владиміровичу, сыну покойнаго Владиміра Мстиславича, чтобъ перешелъ на ихъ сторону; Мстиславъ послушался и сдалъ имъ Треполь. Въ это время самъ Святославъ стоялъ съ полками своими у Витичева, куда пріѣхали къ нему Черные Клобуки съ Кіевлянами и объявили, что Романъ ушелъ въ Бѣлгородъ. Святославъ поѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ тамъ, но опять не надолго: на помощь къ братьямъ явился знаменитый Мстиславъ изъ Смоленска и Ростиславичи объявили, что на другой же день дадутъ битву Святославу; Святославъ испугался, и побѣжалъ за Днѣпръ, потому что Половцы, за которыми онъ послалъ, еще не пришли, а съ одною дружиною выступить противъ Мстислава трудно было рѣшиться. Не смотря на то однако Ростиславичи почли за лучшее уступить Кіевъ Святославу: Романъ, князь, какъ видно,

вовсе не воинственный, зналъ, что онъ будетъ сидѣть въ Кіевѣ въ безпрерывномъ страхѣ отъ Святослава, который уже разъ выгналъ его, и конечно не откажется отъ дальнѣйшихъ попытокъ на Кіевъ, вслѣдствіе чего будутъ безпрерывныя усобицы; союзники Святослава, Половцы уже явились у Торческа и захватили много людей: и вотъ Ростиславичи, не желая губить Русской земли и проливать христіанской крови, по словамъ лѣтописца, подумали, и отдали Кіевъ Святославу, а Романъ пошелъ назадъ въ Смоленскъ[246]; Черниговъ, какъ видно, достался Олегу Святославичу; но онъ скоро умеръ, и въ Черниговѣ сѣлъ братъ Кіевскаго князя, Ярославъ Всеволодичь, а братъ Олеговъ, Игорь сѣлъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ: такъ и слѣдовало по родовому счету[247].

До сихъ поръ Святославъ Всеволодовичь жилъ въ дружбѣ со Всеволодомъ Суздальскимъ; мы видѣли, какую дѣятельную помощь оказалъ онъ послѣднему въ борьбѣ его съ племянниками; союзъ этотъ былъ еще болѣе скрѣпленъ родствомъ: Всеволодъ вызвалъ къ себѣ сына Святославова, Владиміра, и женилъ его на родной племянницѣ своей, дочери Михаила Юрьевича. Но скоро эта дружба перемѣнилась во вражду, виною которой были отношенія Рязанскія. Мы видѣли, что Романъ Глѣбовичь съ братьями поклялся ходить въ волѣ Всеволодовой; но Романъ былъ зять Святослава, который вслѣдствіе этого родства, считалъ себя также въ правѣ вмѣшиваться въ Рязанскія дѣла, при чемъ его вліяніе необходимо сталкивалось съ вліяніемъ Всеволода; Святославъ могъ думать, что Всеволодъ, въ благодарность за прежнее добро, уступитъ его вліянію въ Рязани, но жестоко обманулся въ своемъ ожиданіи. Въ 1180 году младшіе братья Романа Рязанскаго, Всеволодъ и Владиміръ Глѣбовичи прислали сказать Всеволоду Юрьевичу Владимирскому: «Ты нашъ господинъ, ты нашъ отецъ; братъ нашъ старшій Романъ отнимаетъ у насъ волости, слушаясь тестя своего Святослава, а тебѣ крестъ цѣловалъ и нарушилъ клятву». Всеволодъ немедленно выступилъ въ походъ, и когда приближался къ Коломнѣ, то двое Глѣбовичей встрѣтили его съ поклономъ; но въ Коломнѣ сидѣлъ сынъ Святослава, Глѣбъ, посланный отцемъ на помощь Роману Рязанскому; Всеволодъ послалъ сказать Глѣбу, чтобъ явился къ нему; тотъ сначала не хотѣлъ, но потомъ, видя, что сопротив-

литься нельзя, поѣхалъ; Всеволодъ велѣлъ его схватить, и въ оковахъ отослалъ во Владимиръ, гдѣ приставили къ нему стражу; дружина его подверглась той же участи. Между тѣмъ передовой отрядъ Романа, переправившійся черезъ Оку, потерпѣлъ пораженіе отъ передоваго отряда Всеволодова, часть его попалась въ плѣнъ, часть потонула въ рѣкѣ; Романъ, услыхавши объ этомъ несчастіи, побѣжалъ мимо Рязани въ степь, затворивши въ городѣ двоихъ братьевъ, Игоря и Святослава, которые не думали сопротивляться Всеволоду, когда тотъ явился подъ Рязанью, и заключили съ ними миръ на всей его волѣ: Владимирскій князь урядилъ всю братью, роздалъ каждому волости по старшинству, и возвратился домой.

Легко понять, какъ раздосадованъ былъ Святославъ, когда узналъ о поступкѣ Всеволода съ его сыномъ; чѣмъ меньше ждалъ онъ этого, тѣмъ сильнѣе была его ярость. Онъ распалился гнѣвомъ, разжегся яростію, по словамъ лѣтописца, и сказалъ: «Отомстилъ бы я Всеволоду, да нельзя: подлѣ меня Ростиславичи; эти мнѣ во всемъ дѣлаютъ досады въ Русской землѣ; ну да мнѣ все равно: кто ко мнѣ изъ Владимірова племени ближе, тотъ и мой». Изъ этихъ словъ видно также, что Святославу очень не нравилось близкое сосѣдство Ростиславичей, которыми былъ окруженъ. Въ это самое время Давидъ Ростиславичь охотился въ лодкахъ по Днѣпру, а Святославъ охотился противъ него на Черниговской сторонѣ; случай этотъ показался Кіевскому князю очень удобнымъ для исполненія своего замысла: посовѣтовавшись только съ княгинею да съ любимцемъ своимъ Кочкаремъ, не сказавши ничего лучшимъ боярамъ своимъ, онъ переправился черезъ Днѣпръ и ударилъ на Давидовъ станъ, разсуждая: «схвачу Давида, Рюрика выгоню, завладѣю одинъ съ братьями Русскою землею, и тогда стану мстить Всеволоду за свою обиду». Но замыселъ не удался: Давидъ съ женою своею успѣлъ сѣсть въ лодку и уплыть, непріятельскія стрѣлы не сдѣлали ему никакого вреда; успѣвъ захватить только дружину и станъ Давидовъ, Святославъ отъѣхалъ къ Вышгороду, и проведши подъ нимъ ночь, сталъ искать повсюду Давида, но послѣ долгихъ безуспѣшныхъ поисковъ, отправился на восточный берегъ Днѣпра, сказавши своимъ: «Теперь уже я объявилъ свою вражду Ростиславичамъ, нельзя мнѣ больше оставаться въ Кіевѣ». Пріѣхавши

въ Черниговъ, онъ созвалъ всѣхъ сыновей своихъ, младшую братью, собралъ всѣ силы Черниговской волости, всю дружину, и сталъ говорить имъ: «Куда намъ ѣхать? Въ Смоленскъ или въ Кіевъ?» На это отвѣчалъ ему двоюродный братъ, Игорь Сѣверскій: «Батюшка! лучше была бы тишина; но если уже такъ случилось, то далъ бы только Богъ тебѣ здоровья». Святославъ тогда сказалъ: «Я старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода: такъ я теперь вамъ остался вмѣсто отца, и приказываю тебѣ, Игорь, оставаться здѣсь съ Ярославомъ оберегать Черниговъ и всю волость, а я со Всеволодомъ пойду къ Суздалю выручать сына своего Глѣба, какъ насъ тамъ Богъ разсудитъ со Всеволодомъ Юрьевичемъ». Святославъ раздѣлилъ и Половцевъ не двое: половину взялъ съ собою, а другую половину оставилъ братьи, послѣ чего отправился въ походъ, взявши съ собою Ярополка Ростиславича; подлѣ устья Тверцы соединился онъ съ сыномъ Владиміромъ и со всѣми полками Новгородскими (потому что Владиміръ княжилъ тогда въ Новгородѣ), положилъ всю Волгу пусту, по выраженію лѣтописца, пожегъ всѣ города, и въ сорока верстахъ отъ Переяславля-Залѣскаго, на рѣкѣ Вленѣ встрѣтился со Всеволодомъ, который вышелъ съ полками Суздальскими, Рязанскими и Муромскими. Прежде обыкновенно князья любили находиться въ челѣ полковъ своихъ, любили первые врѣзываться въ ряды непріятелей, спѣшили рѣшить дѣло битвою, въ которой видѣли судъ Божій. Но Всеволодъ руководствовался другими понятіями: онъ выбралъ для своего войска выгодное положеніе, огородился горами, рытвинами, и, не смотря на просьбу дружины, не хотѣлъ вступить въ рѣшительную битву съ южными полками, отличившимися своею стремительностію въ нападеніяхъ, тогда какъ сѣверное народонаселеніе отличалось противоположнымъ характеромъ, было слабо въ чистомъ полѣ, и неодолимо при защитѣ мѣстъ. Всеволодъ послалъ только Рязанскихъ князей, которые ворвались въ обозъ Святославовъ и сначала имѣли было успѣхъ, но потомъ были прогнаны съ большимъ урономъ. Уже двѣ недѣли стояли такимъ образомъ непріятели другъ противъ друга, перестрѣливаясь черезъ рѣку; Святославу наконецъ наскучило такое положеніе, и онъ послалъ своихъ священниковъ сказать Всеволоду: «Братъ и сынъ! много я тебѣ добра сдѣлалъ и не чаялъ получать отъ тебя

накой благодарности; если же ты уже задумалъ на меня зло, захватилъ сына моего, то недалеко тебѣ меня искать: отступи подальше отъ этой рѣчки, дай мнѣ дорогу, чтобъ мнѣ можно было къ тебѣ переѣхать, и тогда насъ Богъ разсудитъ; если же ты мнѣ не хочешь дать дороги, то я тебѣ дамъ, переѣзжай ты на эту сторону, и пусть насъ Богъ разсудитъ». Вмѣсто отвѣта, Всеволодъ задержалъ пословъ, отослалъ ихъ во Владиміръ, а самъ по прежнему не двинулся съ мѣста; Святославъ постоялъ еще нѣсколько времени, и, боясь оттепели, пошелъ назадъ на легкѣ, бросивъ обозы, которыми овладѣли полки Всеволодовы, но, по приказанію князя своего, не смѣли гнаться за удалявшимися Святославомъ. Послѣдній, отпустивъ брата Всеволода, сына Олега и Ярополка Ростиславича въ Русь, самъ съ сыномъ Владиміромъ поѣхалъ въ Новгородъ Великій.

Между тѣмъ Давидъ Ростиславичь, спасшись отъ плѣна, которымъ угрожалъ ему Святославъ, прибѣжалъ въ Бѣлгородъ, къ брату Рюрику; тотъ, услыхавши, что Кіевъ оставленъ Святославомъ, поѣхалъ туда, и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ, и, предвидя сильную борьбу, сталъ набирать союзниковъ: послалъ за князьями Луцкими, сыновьями Ярослава, Всеволодомъ и Ингваремъ, и привелъ ихъ къ себѣ; послалъ за помощію къ Галицкому князю Ярославу, которая явилась съ бояриномъ Тудоромъ, а брата Давида послалъ въ Смоленскъ на помощь къ старшему брату Роману. Но Давидъ встрѣтилъ на дорогѣ гонца, который везъ ему вѣсть о смерти Романа; Давидъ со слезами продолжалъ путь, при въѣздѣ въ Смоленскъ былъ встрѣченъ духовенствомъ со крестами, всѣми гражданами, и занялъ братнее мѣсто. По Романѣ, говоритъ, лѣтописецъ, плакали всѣ Смольняне, вспоминая его доброту (добросердье), а княгиня его, стоя у гроба, причитала: «Царь мой добрый, кроткій, смиренный и правдивый! вправду дано было тебѣ имя Романъ, всею добродѣтелію похожъ ты былъ на св. Романа (т. е. св. Бориса); много досадъ принялъ ты отъ Смольнянъ, но никогда не видала я, чтобъ ты мстилъ имъ зломъ за зло». И лѣтописецъ повторяетъ, что этотъ князь былъ необыкновенно добръ и правдивъ. — Давидъ, похоронивши брата, прежде всего долженъ былъ думать о защитѣ своей волости, потому что оставшіеся въ Черниговѣ князья, Ярославъ съ Игоремъ, не видя ни откуда нападенія на свою во-

лость, рѣшились сами напасть на волость Смоленскую, и пошли съ Половцами сначала къ Друцку, гдѣ сидѣлъ союзникъ Ростиславичей, Глѣбъ Рогволодовичь. Но если одинъ изъ Полоцкихъ князей былъ за Ростиславичей, то большинство его родичей были противъ нихъ; мы видѣли здѣсь усобицу между тремя племенами или линіями — Борисовичами, Глѣбовичами и Васильковичами, при чемъ Ростиславичи Смоленскіе дѣятельно помогали Борисовичамъ и Васильковичамъ; но теперь, вѣроятно вслѣдствіе родственной связи съ Ростиславичами сѣверными [348], видимъ Васильковичей въ союзѣ съ Черниговскими князьями противъ Ростиславичей Смоленскихъ. Такъ у Друцка соединились съ Черниговскими полками Всеславъ Васильковичь Полоцкій, братъ его Брячиславъ Витепскій и нѣкоторые другіе родичи ихъ съ толпами Ливовъ и Литвы: такъ вслѣдствіе союза Полоцкихъ князей съ Черниговскими въ одномъ станѣ очутились Половцы вмѣстѣ съ Ливами и Литвою, варвары черноморскіе съ варварами прибалтійскими. Давидъ Смоленскій со всѣми полками пріѣхалъ къ Глѣбу въ Друцкъ, и хотѣлъ дать сраженіе Черниговскимъ до прихода Святославова изъ Новгорода; но Ярославъ съ Игоремъ не смѣли начать битвы безъ Святослава, выбрали выгодное положеніе на берегу Дручи и стояли цѣлую недѣлю, перестрѣливаясь съ непріятелемъ черезъ рѣку; но какъ скоро явился къ нимъ Святославъ, то построили гать на Дручѣ съ тѣмъ, чтобъ перейти рѣку и ударить на Давида; тогда послѣдній, въ свою очередь, не захотѣлъ биться и побѣжалъ въ Смоленскъ. Святославъ приступилъ къ Друцку, пожегъ острогъ, но не сталъ медлить подъ городомъ и, отпустивъ Новгородцевъ, самъ пошелъ въ Рогачевъ, а изъ Рогачева Днѣпромъ поплылъ въ Кіевъ, тогда какъ Игорь съ Половцами дожидался его противъ Вышгорода.

Услыхавъ о приближеніи Святослава, Рюрикъ выѣхалъ изъ Кіева въ Бѣлгородъ, и отправилъ войско противъ Половцевъ, которые съ Игоремъ Сѣверскимъ расположились станомъ у Долобскаго озера; войскомъ начальствовалъ князь Мстиславъ Владиміровичь, при немъ находился тысяцкій Рюриковъ Лазарь съ младшею дружиною, Борисъ Захарычь, любимый воевода Мстислава Храбраго съ людьми молодаго княжича своего Владиміра, котораго отецъ, умирая, отдалъ ему на руки, и Сдѣславъ Жиро-

лавичь, воевода Мстислава Владиміровича съ Трипольскими юлками. Половцевъ было много: они лежали безъ всякой осто-южности, не разставивъ сторожей, надѣясь на силу свою и на Игоревъ полкъ. Черные Клобуки, не слушаясь приказа Русскихъ юеводъ, бросились на Половцевъ, врѣзались въ ихъ станъ, но били отброшены назадъ, и въ бѣгствѣ смяли дружину Мстисла-ювy, которая также обратилась въ бѣгство, а за нею и самъ князь. Но лучшіе люди остались: Лазарь, Борисъ Захарычь и Здѣславъ Жирославичь; не смутившись нимало, они ударили на Половцевъ и потоптали ихъ; много варваровъ перетонуло въ рѣкѣ Чарторыѣ, другіе были перебиты или захвачены въ плѣнъ, а князь Игорь сѣлъ въ лодку и переправился на восточ-ный берегъ. Но Рюрикъ воспользовался этою побѣдою только для того, чтобъ получить выгодный миръ у Святослава, у кото-раго никакъ не надѣялся отнять старшинство; Святославу также не хотѣлось еще разъ выѣзжать изъ Кіева, и онъ обрадовался предложенію Рюрика, который уступалъ ему старшинство и Кіевъ, а себѣ бралъ всю Русскую землю, т. е. остальные горо-да Кіевской волости. Въ слѣдъ за этимъ былъ заключенъ миръ и со Всеволодомъ Суздальскимъ, который возвратилъ Святосла-ву сына его Глѣба; миръ между Мономаховичами и Ольговичами былъ скрѣпленъ двойнымъ родственнымъ союзомъ: одинъ сынъ Святослава, Глѣбъ, женился на Рюриковнѣ, другой Мстиславъ на свояченицѣ Всеволода (1182 г.).

Такимъ образомъ сыну Всеволода Ольговича удалось оконча-тельно утвердить за собою старшинство и Кіевъ; но это стар-шинство имѣло значеніе только на югѣ; старшій въ племени Мономаховомъ не вступалъ съ Святославомъ въ борьбу за Кіевъ, потому что Кіевъ не имѣлъ уже для него прежняго зна-ченія, какое имѣлъ для отца его Юрія; Всеволодъ наслѣдовалъ все могущество того князя, который давалъ Кіевъ изъ своихъ рукъ кому хотѣлъ; какъ много потерялъ Кіевъ изъ своего мате-ріальнаго значенія послѣ погрома отъ войскъ Боголюбскаго, ясно видно изъ всѣхъ описанныхъ событій: при всѣхъ смѣнахъ и усобицахъ князей не слышно объ участіи Кіевлянъ, о сильномъ полку Кіевскомъ, который рѣшалъ судьбу Руси, судьбу князей во время борьбы Юрія Долгорукаго съ племянникомъ; теперь страдательно подчиняются Кіевляне всѣмъ перемѣнамъ, ничѣмъ

не обнаруживают признаков жизни. Как силен был старший князь Всеволод, и как слаб был пред ним старший князь южной Руси, Святослав, доказательством служит следующее происшествие: в 1194 году Святослав созвал братьев своих—родного Ярослава и двоюродных Игоря и Всеволода, и начал с ними советоваться, как бы пойти на Рязанских князей, с которыми давно уже у Черниговских были ссоры за пограничныя волости; но Ольговичи не смели прямо выступить в поход, а послали сперва ко Всеволоду Суздальскому просить у него на то позволения; Всеволод не согласился, и Святослав должен был отложить поход. С Ростиславичами Святослав жил мирно, также как видно из страха пред Всеволодом; в 1190 году грозила было вспыхнуть между ними ссора по причинам, о которых летопись говорит очень неопределенно: у Святослава, по ея словам, была тяжба с Рюриком, Давидом и Смоленскою землею; поэтому он ездил и за Днепр сговориться с братьями, чтоб как-нибудь не потерять своих выгод; но Рюрик принял также свои меры: он переслался со Всеволодом и с братом Давидом Смоленским, и все втроем послали сказать Святославу: «Ты, брат нам крест целовал на Романовом ряду, который был заключен тобою, когда брат наш Роман сидел в Киеве; если стоишь в этом ряду, то ты нам брат; а если хочешь вспомнить давнишния тяжбы, которыя были при Ростиславе, то ты договор нарушил, чего мы терпеть не будем; а вот тебе и крестныя грамоты назад». Святослав сначала много спорил с послами и отпустил было уже их с отказом, но потом надумался, возвратил их с дороги и целовал крест на всей воле Мономаховичей.

Могущественное влiянiе Всеволода Суздальскаго обнаружилось даже и в судьбах отдаленнаго Галича. В этом пограничном Русском княжестве в семидесятых годах XII века обнаружалось явленiе, подобных которому не видим в остальных волостях Русских, именно важное значенiе бояр, пред которым никнет значенiе князя. Мы уже раз имели случай заметить своевольный поступок Галицкаго боярина Константина Серославича, который, вопреки воле князя своего Ярослава, увел свои полки от Мстислава Изяславича. Этот

Константинъ играетъ важную роль и въ смутахъ своего княжества. Велико казалось въ другихъ странахъ могущество Ярослава Владиміровича Галицкаго, единовластнаго князя богатой и цвѣтущей волости; вотъ какъ описывается это могущество въ Словѣ о полку Игореву: «Ярославъ Осмосмыслъ Галицкій! высоко сѣдишь ты на своемъ златокованномъ столѣ; ты подперъ горы Венгерскія своими желѣзными полками, заступилъ путь королю Венгерскому, затворилъ ворота къ Дунаю, отворяешь ворота къ Кіеву». Но этотъ могущественный князь окруженъ былъ людьми, которые были сильнѣе его, могли подчинять его волю своей. Ярославъ дурно жилъ съ женою своею Ольгою, сестрою Суздальскихъ Юрьевичей, и держалъ любовницу, какую-то Настасью; въ 1173 году Ольга ушла изъ Галича въ Польшу съ сыномъ Владиміромъ, извѣстнымъ уже намъ бояриномъ Константиномъ Сѣрославичемъ и многими другими боярами. Проживши восемь мѣсяцевъ въ Польшѣ, Владиміръ съ матерью пошелъ на Волынь, гдѣ думалъ поселиться на время, какъ на дорогѣ встрѣтилъ его гонецъ отъ бояръ изъ Галича: «Ступай домой, велѣли они сказать ему: отца твоего мы схватили, пріятелей его перебили, и врагъ твой Настасья в нашихъ рукахъ». Галичане сожгли несчастную на кострѣ, сына ея послали въ заточеніе, а съ Ярослава взяли клятву, что будетъ жить съ княгинею какъ слѣдуетъ. Въ 1187 году умеръ Ярославъ, князь, по словамъ лѣтописца мудрый, краснорѣчивый, богобоязливый, честный во всѣхъ земляхъ и славный полками; когда бывала ему отъ кого обида, то онъ самъ не ходилъ съ полками, а посылалъ воеводъ; чувствуя приближеніе смерти, онъ созвалъ бояръ, бѣлое духовенство, монаховъ, нищихъ, и говорилъ имъ со слезами: «Отцы, братья и сыновья! вотъ я отхожу отъ этого свѣта суетнаго и иду къ Творцу моему, согрѣшилъ я больше всѣхъ; отцы и братья! простите и отдайте». Три дня плакался онъ предъ всѣми людьми, и велѣлъ раздавать имѣніе свое по монастырямъ и нищимъ; три дня раздавали по всему Галичу, и не могли всего раздать. Обратясь къ боярамъ, умирающій князь сказалъ: «Я одною своею худою головою удержалъ Галицкую землю; а вотъ теперь приказываю свое мѣсто Олегу, меньшому сыну моему, а старшему Владиміру даю Перемышль». Этотъ Олегъ родился отъ Настасьи, и потому былъ

милъ Ярославу, говоритъ лѣтописецъ, а Владиміръ не хо
въ его волѣ: мы видѣли, что онъ уѣзжалъ отъ отца вмѣстѣ
матерью, и возвратился вслѣдствіе торжества враговъ Наст
Владиміръ вмѣстѣ со всѣми боярами долженъ былъ прис
отцу, что не будетъ искать подъ братомъ Галича. Но не
было надѣяться на эту клятву, можно ли было думать, что у
Настасьи будутъ спокойно видѣть на старшемъ столѣ сы
и вотъ, едва только умеръ Ярославъ, какъ сильный м
всталъ въ Галицкой землѣ; Владиміръ и бояре нарушили к
и выгнали Олега изъ Галича; тотъ принужденъ былъ бѣжать
Овручь къ Рюрику, а Владиміръ сѣлъ на столѣ отцовско
дѣдовскомъ. Но бояре скоро увидали, что ошиблись въ св
выборѣ: Владиміръ, по словамъ лѣтописца, любилъ только
а не любилъ думы думать съ своими боярами; отнялъ у
жену, и сталъ жить съ нею, прижилъ двоихъ сыновей;
того: понравится ему чья-нибудь жена или дочь, бралъ себѣ
сильно. Въ это время ближайшимъ сосѣдомъ Галицкаго
на столѣ Владимиро-Волынскомъ, сидѣлъ Романъ Мстисла
получившій въ наслѣдство отъ отца и дѣда необыкновенную д
ятельность, предпріимчивость, неутомимость; не любилъ
отставать отъ разъ предпринятаго намѣренія, и не разб
средствъ при его выполненіи. Романъ находился въ бли
свойствѣ съ Владиміромъ Галицкимъ: дочь его была за ста
сыномъ послѣдняго [249]; не смотря на то, узнавши, что бо
Галицкіе не хорошо живутъ съ своимъ княземъ, Романъ ст
пересылаться съ-ними, побуждая ихъ выгнать Владиміра,
мѣсто котораго предлагалъ имъ себя въ князья. Многіе бо
охотно согласились на его предложеніе, собрали полки, ут
дились крестнымъ цѣлованіемъ между собою; но не смѣли
возстать на Владиміра, схватить или убить его, потому что
всѣ бояре были противъ князя, были между ними и его пріят
заговорщики придумали другое средство освободиться отъ Вла
диміра, они послали сказать ему: «Князь! мы не на тебя вст
но не хотимъ кланяться попадьѣ, хотимъ ее убить; а гдѣ
хочешь, тамъ и возьми жену». Они надѣялись, что онъ
не отпуститъ попадьи, и потому грозились убить ее, чтобъ
скорѣе прогнать его самого, въ чемъ и не ошиблись: Влади
опасаясь чтобъ и его любовницу не постигла таже участь,

на постигла Настасью, забралъ много золота и серебра, жену, воихъ сыновей, дружину, и поѣхалъ въ Венгрію. Мы оставили ту страну подъ властію короля Гейзы II-го, зятя и союзника Изяславова; самымъ опаснымъ врагомъ Гейзы былъ знаменитый Греческій Императоръ, Мануилъ Комненъ, послѣдній изъ еликихъ государей, сидѣвшихъ на престолѣ Византійскомъ; вмѣшательство Гейзы въ дѣла Сербіи дали Мануилу поводъ враждебно выступить противъ Венгровъ съ цѣлію распространить предѣлы Имперіи на ихъ счетъ; сначала онъ поддерживалъ противъ Гейзы извѣстнаго уже намъ Бориса, сына дочери Мономаховой, а потомъ, когда Борисъ палъ въ битвѣ, сталъ поддерживать родныхъ братьевъ Гейзы, Стефана и Владислава, нашедшихъ убѣжище при дворѣ Византійскомъ. Гейза умеръ въ 1161 году, оставивъ престолъ двѣнадцатилѣтнему сыну своему Стефану III-му; малолѣтство короля дало Мануилу полную возможность къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ плановъ относительно Венгріи, и немедленно выступилъ онъ съ большимъ войскомъ и обоими князьями, Стефаномъ и Владиславомъ къ границамъ этой страны, пославъ сказать ея вельможамъ, что по старому обычаю престолъ долженъ переходить не къ сыну, а къ брату умершаго короля, и что потому они должны возвести на престолъ Стефана, брата покойнаго Гейзы; Венгры велѣли ему отвѣчать на это, что они не знаютъ ни о какомъ подобномъ обычаѣ въ своемъ отечествѣ, гдѣ съ незапамятныхъ поръ наслѣдуетъ корону старшій сынъ, а не братъ умершаго короля; они не могутъ слѣдовательно принять къ себѣ въ короли герцога Стефана старшаго; не примутъ его уже и потому, что не хотятъ имѣть королемъ подручника императорскаго. Несмотря однако на этотъ смѣлый отвѣтъ, деньги и обѣщанія Мануила произвели свое дѣйствіе, и многіе изъ вельможъ отстали отъ молодаго Стефана, который и принужденъ былъ уступить престолъ дядѣ своему, не Стефану впрочемъ, а младшему Владиславу. Владиславъ черезъ полгода умеръ; тогда брату его Стефану удалось захватить престолъ, но не надолго: ибо когда въ Венгріи узнали, что онъ обѣщалъ Мануилу, въ награду за помощь, отдать Сирмію, то почти всѣ перешли на сторону племянника его, который вслѣдствіе этого и утвердился окончательно на престолѣ. Тогда Мануилъ, видя всеобщее нерасполо-

женіе Венгровъ къ Стефану — дядѣ, объявилъ, что признаетъ королемъ племянника; мало того, не имѣя сыновей, выдаетъ дочь свою за Белу, младшаго брата Стефана III-го и назначаетъ его наслѣдникомъ своего престола, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ онъ былъ воспитанъ въ Константинополѣ и удержалъ за собою Сирмію, какъ полученный отъ отца удѣлъ. Король и вельможи согласились на предложеніе, и молодой Бела отправленъ въ Константинополь, гдѣ получилъ имя Алексѣя, былъ обрученъ съ дочерью императора, провозглашенъ наслѣдникомъ престола, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство перемѣнило совершенно ходъ дѣла: у Мануила отъ второй жены его родился сынъ. Обрадованный императоръ велѣлъ немедленно короновать младенца, и отнялъ у Белы не только надежду на престолъ, но даже невѣсту, свою дочь, и обручилъ его на свояченицѣ. Въ это время умеръ братъ Белы, король Венгерскій, двадцатичетырехлѣтній Стефанъ III, какъ говорятъ отравленный братомъ (1173 г.); Бела поспѣшилъ въ Венгрію, но засталъ тамъ уже три партіи: одна хотѣла имѣть его королемъ; другая, состоявшая преимущественно изъ высшаго духовенства, боясь, чтобъ воспитанный въ Константинополѣ Бела не сталъ дѣйствовать подъ вліяніемъ императора и враждовать къ католицизму, хотѣла ждать разрѣшенія отъ бремени жены Стефана III-го; третья наконецъ стояла за младшаго брата Белы: въ челѣ этой партіи находилась старая вдовствующая королева, жена Гейзы II-го, Евросинья Мстиславовна, которой хотѣлось видѣть на престолѣ младшаго, любимаго сына. Долго боролся Бела III-й съ другими враждебными партіями, наконецъ осилилъ ихъ.

Болѣе десяти лѣтъ Бела спокойно правилъ Венгріею, когда явился къ нему Галицкій изгнанникъ Владиміръ съ просьбою о помощи; спокойствіе внутри и внѣ давали Белѣ полную возможность вмѣшаться въ Галицкія дѣла, и онъ пошелъ къ Галичу съ войнами своими полками. Романъ, сѣвшій было здѣсь на столѣ, не видалъ средствъ противиться войскамъ Белы, и, захвативъ остатокъ княжеской казны, убѣжалъ назадъ на Волынь; но и Владиміръ не получилъ отцовскаго стола, потому что Бела, видя тромвшія Галичанамъ всѣ ихъ дѣла, счелъ полезнѣе для себя и для нихъ дать имъ въ князья сына своего Андрея, а Владиміра повелѣлъ опять въ Венгрію неволею, отнялъ у него все имѣніе

посадилъ въ башню [250]; онъ взялъ также съ собою въ Венгрію сыновей или братьевъ лучшихъ бояръ, чтобъ имѣть ручательство въ вѣрности послѣднихъ. Между тѣмъ Романъ съ тѣми изъ Галицкихъ бояръ, которые перезвали его къ себѣ, скитался по разнымъ странамъ, ища волости. Отъѣзжая княжить въ Галичь, онъ отдалъ Владимиръ брату своему Всеволоду, сказавши ему: «Больше мнѣ не нужно этого города». Теперь, убѣгая предъ Венграми изъ Галича, онъ пріѣхалъ было назадъ во Владимиръ, но уже не былъ впущенъ сюда братомъ; тогда онъ поѣхалъ въ Польшу искать тамъ помощи, а жену свою отправилъ въ Овручь къ отцу ея, Рюрику Ростиславичу. Не получивши отъ Польскихъ князей никакой помощи, онъ и самъ отправился къ тестю Рюрику вмѣстѣ съ преданными ему Галицкими боярами. Пріѣхавши къ тестю, онъ сталъ проситься у него опять на Галичь: «Галичане зовутъ меня къ себѣ на княженіе», говорилъ онъ ему: «отпусти со мной сына своего Ростислава». Рюрикъ согласился, и Романъ отправилъ передовой отрядъ свой, чтобъ занять одинъ изъ пограничныхъ городовъ Плѣсноскъ [251]; но отрядъ этотъ былъ разбитъ на голову Венграми и Галичанами. Романъ, услыхавъ объ этомъ несчастіи, отпустилъ шурина Ростислава домой, а самъ опять поѣхалъ въ Польшу. На этотъ разъ онъ былъ здѣсь счастливѣе, получилъ помощь и пошелъ съ нею на брата Всеволода ко Владимиру, но Всеволодъ въ другой разъ не пустилъ его, и Романъ опять отправился къ тестю; тотъ далъ ему пока волость — Торческъ, а между тѣмъ послалъ ко Всеволоду съ угрозами, которыя подѣйствовали, и Романъ получилъ опять Владимиръ, а Всеволодъ отправился въ свою прежнюю волость Бельзъ.

Романа звали опять въ Галичь, слѣдовательно были тамъ люди, недовольные Венгерскимъ королевичемъ; съ другой стороны Бела не могъ думать, чтобы Русскіе князья спокойно стали смотрѣть на владычество иноземца въ старинной Русской волости; вотъ почему онъ спѣшилъ обѣщаніями склонить на свою сторону Святослава Кіевскаго. Въ 1189 году онъ прислалъ сказать ему: «Братъ! присылай сына своего ко мнѣ: хочу исполнить свое обѣщаніе, въ чемъ тебѣ крестъ цѣловалъ». Тогда Святославъ, тайкомъ отъ Рюрика, отправилъ къ королю сына своего Глѣба, думая что Бела дастъ ему Галичь [252]. Рюрикъ,

узнавши объ этомъ, послалъ сказать Святославу [253]: «Ты отправилъ сына своего къ королю, не спросившись со мною, ты этимъ уговоръ нашъ нарушилъ [254]». Начались сильные споры между князьями; однако дѣло не дошло до ссоры; Святославъ послалъ сказать Рюрику: «Братъ и сватъ! вѣдь я сына своего послалъ не на тебя поднимать короля, а за своими дѣлами; если хочешь идти на Галичь, такъ я также готовъ съ тобою идти». Особенно помогалъ прекращенію спора митрополитъ, которому очень не нравилось, что католикъ владѣетъ Галичемъ; онъ говорилъ Святославу и Рюрику: «иноплеменники отняли вашу отчину; надобно бъ вамъ потрудиться возвратить ее опять себѣ». Князья послушались и отправились вмѣстѣ добывать Галичь — Святославъ съ сыновьями, а Рюрикъ съ братьями; но прежде чѣмъ добыли волость, стали рядиться на счетъ ея и опять поссорились: Святославъ отдавалъ Галичь Рюрику, а себѣ хотѣлъ взять всю Русскую землю около Кіева; но Рюрикъ не хотѣлъ лишиться своей отчины и промѣнять старое, вѣрное на новое и невѣрное, а хотѣлъ подѣлиться Галичемъ съ Святославомъ [255]; на это не соглашался послѣдній, и такимъ образомъ сваты разошлись по домамъ, ничего не сдѣлавши.

Потерявши надежду получить помощь отъ кого-либо изъ сильныхъ Русскихъ князей, недовольные королевичемъ Галичане обратились къ потомку своихъ родныхъ князей—Ростиславичей, Ростиславу Ивановичу, сыну знаменитаго Берладника. Ростиславъ, безземельный князь подобно отцу, жилъ въ это время у Смоленскаго князя Давида Ростиславича; получивши приглашеніе, онъ отправился немедленно къ Галицкимъ предѣламъ, захватилъ два пограничныхъ города и оттуда поѣхалъ къ самому Галичу. Тамошніе бояре не всѣ одинаково ему благопріятствовали: нѣкоторые изъ нихъ крѣпко держались за королевича, потому что сыновья ихъ и братья находились у Белы, который въ это время прислалъ на помощь сыну большое войско, боясь враждебныхъ покушеній состороны Русскихъ князей. Королевичъ и Венгерскіе воеводы, услыхавши о приходѣ Ростислава, призваннаго Галицкими боярами, собрали послѣднихъ и начали приводить ихъ къ кресту: правые цѣловали охотно, ничего за собою не зная, а виноватые по нуждѣ, боясь Венгровъ. Между тѣмъ Ростиславъ съ малою дружиною подошелъ къ Галицкимъ по-

нихъ, въ надеждѣ, что тѣ, по обѣщанію своему, тотчасъ перейдутъ на его сторону, какъ только завидятъ его полкъ; и точно нѣсколько Галицкихъ бояръ пріѣхало къ нему; но они бросили его, какъ только увидали, что остальные не трогаются. Тогда дружина сказала Ростиславу: «Видишь, что они тебя обманули; уѣзжай прочь!» — «Нѣтъ, братья! отвѣчалъ Ростиславъ: вы знаете, на чемъ они мнѣ цѣловали крестъ; если же теперь ищутъ головы моей, то Богъ имъ судья и тотъ крестъ, что мнѣ цѣловали; а уже мнѣ наскучило скитаться на чужой землѣ; хочу голову положить на своей отчинѣ». — Сказавши это, онъ бросился въ середину Галицкихъ и Венгерскихъ полковъ; тѣ обхватили его со всѣхъ сторонъ, сбили съ лошади, и полумертваго отъ ранъ понесли въ Галичъ; въ городѣ встало смятеніе, жители начали толковать, какъ бы отнять Ростислава у Венгровъ и провозгласить его своимъ княземъ; тогда Венгры нашли средство покончить дѣло: они приложили яду къ ранамъ Ростиславовымъ, и желаніе Берладникова сына исполнилось: онъ легъ на отчинѣ подлѣ предковъ своихъ.

Удостовѣрившись при этомъ случаѣ, что Галичане хотятъ Русскаго князя, Венгры начали мстить имъ насиліями: стали отнимать у нихъ женъ и дочерей и брать себѣ въ наложницы, начали ставить лошадей своихъ въ церквахъ и избахъ; вступили тогда Галичане и сильно раскаявались, что прогнали своего князя Владиміра. И вотъ пронесся слухъ, что Владиміру удалось убѣжать изъ Венгерской неволи (1190 г.): на башнѣ ему поставленъ былъ шатеръ; онъ изрѣзалъ полотно, свилъ изъ него веревку и спустился по ней на землю; двое сторожей было подкуплено; они довели его до Нѣмецкой земли, къ императору Фридриху Барбароссѣ, который узнавши, что Владиміръ родной племянникъ по матери князю Всеволоду Суздальскому, принялъ его съ любовію и большою честію, и когда Владиміръ обѣщалъ ему дать ежегодно по двѣ тысячи гривенъ серебра, то Фридрихъ отправилъ его при своемъ послѣ къ Польскому князю Казиміру съ приказомъ, чтобъ тотъ помогъ ему получить обратно Галицкій столъ; Казиміръ послушался, и отправилъ съ Владиміромъ къ Галичу воеводу своего Николая. Когда Галичане узнали о приближеніи своего дѣдича съ Польскими войсками, то съ радостію вышли къ нему на встрѣчу, провозгласили княземъ сво-

жить, а королевича прогнали изъ земли. Но Владиміръ не считалъ себя безопаснымъ отъ сосѣднихъ князей, иноземныхъ и Русскихъ до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ покровительства дяди своего, сильнаго князя Суздальскаго, и потому послалъ къ нему съ слѣдующими словами: «Отецъ и господинъ! удержи Галичь подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ твоей волѣ всегда». Всеволодъ отправилъ пословъ по всѣмъ Русскимъ князьямъ и въ Польшу, и взялъ со всѣхъ присягу не искать Галича подъ его племянникомъ. И съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, Владиміръ утвердился въ Галичѣ, и никто не поднимался на него войною.

Вліяніе Сѣвернаго князя на дѣла южной Руси еще болѣе обозначилось по смерти Святослава Всеволодовича (1194 г.), оставившаго по себѣ въ лѣтописи память мудраго князя. Преемникомъ его въ Кіевѣ былъ Рюрикъ Ростиславичь, котораго всѣ на Руси приняли съ большою радостію, и Кіевляне, и христіане, и поганые, потому что, говоритъ лѣтописецъ, онъ всѣхъ принималъ съ любовію и христіанъ и поганыхъ, и не отгонялъ отъ себя никого. Сѣвши въ Кіевѣ, Рюрикъ послалъ сказать брату своему Давиду въ Смоленскъ: «Братъ! мы теперь остались старше всѣхъ въ Русской землѣ; пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ, повидаемся и подумаемъ, погадаемъ вмѣстѣ о Русской землѣ, о братьяхъ, о Владиміровомъ племени, и покончимъ всѣ дѣла». Но этотъ князь, считавшій себя старшимъ въ Русской землѣ, получилъ старшинство по волѣ другаго князя, старѣйшаго и сильнѣйшаго, князя Суздальской земли: Всеволодъ, говоритъ сѣверный лѣтописецъ, послалъ мужей своихъ въ Кіевъ, и тѣ посадили тамъ Рюрика Ростиславича. Давидъ Смоленскій согласился на предложеніе брата, и поплылъ къ нему внизъ по Днѣпру; въ Вышгородѣ свидѣлись братья и стали пировать: сперва Рюрикъ позвалъ на обѣдъ Давида: князья повеселились, одарили другъ друга, и разстались въ большой любви; потомъ позвалъ Давида къ себѣ въ Бѣлгородъ племянникъ его Ростиславъ Рюриковичь, здѣсь было также большое веселье. Давидъ отплатилъ также угощеніями и дарами: сперва позвалъ на обѣдъ брата Рюрика и племянниковъ; потомъ позвалъ на обѣдъ монаховъ изъ всѣхъ монастырей, роздалъ имъ и нищимъ большую милостыню; наконецъ позвалъ Черныхъ Клобуковъ, напоилъ ихъ

ихъ и одарилъ богато. Кіевляне, съ своей стороны, позвали Давида на обѣдъ и одарили, и Давидъ отблагодарилъ ихъ великимъ пиромъ. Пируя, братья занимались и дѣломъ: покончили всѣ ряды о Русской землѣ, о братьѣ своей, о Владиміровомъ племени, послѣ чего Давидъ отправился назадъ въ Смоленскъ. Но Ростиславичи скоро увидали, что имъ не приходилось окончить всѣхъ рядовъ своихъ о Русской землѣ безъ вѣдома князя Суздальскаго; въ Кіевъ пріѣхали послы изъ Владиміра и сказали Рюрику отъ имени своего князя: «Вы назвали меня старшимъ въ своемъ Владиміровомъ племени; теперь ты сѣлъ въ Кіевѣ, а мнѣ не далъ никакой части въ Русской землѣ, роздалъ другимъ, младшей братьѣ; ну если мнѣ въ ней нѣтъ части, то какъ ты тамъ себѣ хочешь: кому далъ въ ней часть, съ тѣмъ ее и стереги; посмотрю, какъ ты ее съ нимъ удержишь; а мнѣ не надобно.» По словамъ Владимирскихъ пословъ выходило, что князь ихъ сердился на Рюрика за то, что онъ отдалъ лучшую волость зятю своему, Роману Волынскому, именно пять городовъ: Торческъ, Треполь, Корсунь, Богуславъ, Каневъ, лежащихъ на рѣкѣ Роси, по границѣ съ степью, въ странѣ, населенной Черными Клобуками, игравшими такую важную роль въ усобицахъ княжескихъ. Рюрикъ началъ думать съ боярами, какъ бы уладить дѣло; ему никакъ не хотѣлось брать назадъ волость у Романа, потому что онъ поклялся ему не давать ее никому другому; онъ предлагалъ Всеволоду другіе города; но тотъ не хотѣлъ ничего кромѣ Поросья, и грозился начать войну въ случаѣ отказа. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Рюрикъ обратился къ митрополиту Никифору и разсказалъ ему все дѣло, какъ онъ цѣловалъ крестъ Роману не отнимать у него Поросья, какъ не хочетъ нарушить клятвы, и изъ-за этого начинается у него война со Всеволодомъ. Митрополитъ отвѣчалъ: «Князь! мы приставлены отъ Бога въ Русской землѣ удерживать васъ отъ кровопролитія; если станетъ проливаться христіанская кровь въ Русской землѣ изъ-за того, что ты далъ волость младшему, обойдя старшаго, и крестъ цѣловалъ, то я снимаю съ тебя крестное цѣлованіе и беру его на себя, а ты послушайся меня: возьми волость у зятя и отдай ее старшему, а Роману дай вмѣсто нея другую.» Рюрикъ послалъ сказать Роману: «Всеволодъ проситъ подъ тобою волости, и жалуется на меня изъ-за тебя.» Романъ отвѣчалъ: «Батюшка!

нечего тебѣ изъ-за меня начинать ссору съ сватомъ: ты мнѣ можешь или другую волость дать вмѣсто прежней, или заплатишь за нее деньгами.» Рюрикъ, подумавъ съ братьею и боярами, послалъ сказать Всеволоду: «Ты жаловался на меня, брать, а волость; такъ вотъ тебѣ та самая, которую просилъ.»—Нельзя думать, чтобъ одно только наслѣдственное нерасположеніе Всеволода къ Изяславовымъ потомкамъ заставляло его требовать именно той волости, которая была отдана Роману: Юрій могъ ненавидѣть дѣда Романова Изяслава, потому что тотъ отнималъ у него старшинство; Андрей Боголюбскій могъ не любить отца Романова, Мстислава, потому что и этотъ не признавалъ его старшинства, хотѣлъ сидѣть въ Кіевѣ старшимъ и независимымъ княземъ; но Всеволоду не за что было сердиться на Романа, который не предъявлялъ никакихъ притязаній: Всеволодъ былъ признанъ ото всѣхъ и старшимъ и сильнѣйшимъ княземъ. Онъ могъ желать волости для пріобрѣтенія большей матеріальной силы на Руси; но почему же онъ требовалъ именно Поросья? онъ могъ придавать большое значеніе этой пограничной волости и поселеннымъ въ ней Черныиъ Клобукамъ: но послѣ онъ не обратилъ большаго вниманія, когда Рюрикъ отобралъ ее у него назадъ. Всеволодъ могъ не желать усиленія Романа, обнаружившаго уже въ Галицкихъ событіяхъ предпріимчивость и честолюбіе: но все равно, Рюрикъ далъ бы ему другую волость, равнозначительную или деньги, на которыя можно нанять Половцевъ и переманить Черныхъ Клобуковъ. Наконецъ Всеволодъ могъ оскорбляться, что Рюрикъ, распоряжаясь волостями, не сдѣлалъ ему чести, обошелъ волостію: но такое притязаніе было странно въ положеніи Всеволода; онъ былъ признанъ старшимъ, Кіевъ принадлежалъ ему, онъ могъ пріѣхать въ этотъ городъ, и распоряжаться всѣми окружными волостями; но онъ, по примѣру брата, пренебрегъ Кіевомъ, отдалъ его младшему, а теперь оскорбляется, что этотъ младшій не надѣлилъ его волостію *). Если всѣ эти разсчеты и могли въ какой-нибудь мѣрѣ имѣть вліяніе на поведеніе Всеволода, то главнымъ однако побужденіемъ его мы должны принять желаніе поссорить южныхъ Мономаховичей, тѣсный дружественный союзъ которыхъ необходимо уменьшалъ вліяніе сѣвернаго князя на югъ. Получивъ отъ Рюрика требуемую волость, Всеволодъ немедленно отдалъ лучшій

городъ Торческъ сыну его, а своему зятю Ростиславу, а въ остальные четыре города послалъ своихъ посадниковъ. Разсчетъ былъ вѣренъ, ибо когда Романъ узналъ, что Торческъ взятъ у него и черезъ руки Всеволода переданъ Рюрикову же сыну, то началъ посылать къ тестю съ жалобами, будучи увѣренъ, что тотъ сговорился нарочно со Всеволодомъ и отнялъ у него волость для того только, чтобъ передать ее своему сыну. Рюрикъ послалъ отвѣчать ему на его жалобы: «Я прежде всѣхъ далъ тебѣ эту волость, какъ вдругъ Всеволодъ наслалъ на меня съ жалобами, что чести на него не положили прежде всѣхъ; вѣдь я тебѣ объявлялъ всѣ его рѣчи, и ты добровольно отступился отъ волости; самъ знаешь, что намъ нельзя было не сдѣлать по его, намъ безъ него нельзя быть: вся братья положила на немъ старшинство во Владиміровомъ племени; а ты мнѣ сынъ свой, вотъ тебѣ и волость, такая же какъ та.» Но Романа нельзя уже было успокоить и увѣрить, что тутъ не было никакого злаго умысла противъ него; онъ началъ совѣтоваться съ своими боярами, какъ бы отомстить за обиду, и придумали послать въ Черниговъ къ Ярославу Всеволодовичу, уступить ему старшинство и звать въ Кіевъ на Рюрика; Ярославъ обрадовался случаю и принялъ предложеніе. Тогда Рюрикъ послалъ объявить Всеволоду о замыслахъ Романа и Ольговичей: «Ты, братъ, во Владиміровомъ племени старше всѣхъ насъ, велѣлъ онъ сказать ему: такъ думай, гадай о Русской землѣ, о своей чести и о нашей;» а къ зятю Роману послалъ бояръ своихъ обличить его и бросить предъ нимъ крестныя грамоты. Романъ испугался, увидавъ, что тесть узналъ о его сношеніяхъ съ Ольговичами, и, не будучи приготовленъ такъ скоро начать войну, отправился въ Польшу за помощью.

Мы оставили Польскія событія послѣ изгнанія Владислава II-го, когда старшинство принялъ братъ его, Болеславъ IV Кудрявый (1142 г.). Изгнанникъ Владиславъ, послѣ неудачныхъ попытокъ получить опять старшинство, умеръ въ Германіи; но три сына его—Болеславъ, Мечиславъ и Конрадъ, вѣроятно, по настоянію императора, возвратились въ отечество и получили Силезію. По смерти Болеслава IV Кудряваго, старшинство перешло къ брату его, третьему Болеславичу, Мечиславу III-му; но Мечиславъ скоро возбудилъ противъ себя негодованіе вель-

можъ, которые, изгнавъ его, провозгласили Великимъ княземъ послѣдняго изъ Болеславичей, Казимира Справедливаго (четвертый Болеславичь, Генрихъ умеръ прежде). Мы видѣли участіе, какое принималъ Казиміръ и знаменитый палатинъ его Николай при возстановленіи Владиміра Ярославича на столѣ Галицкомъ. По смерти Казимира (1194 г.) рождался вопросъ: кому должно достаться старшинство, потому что былъ живъ еще одинъ изъ Болеславичей, прежде лишенный старшинства, Мечиславъ Старый. Мечиславу нельзя было надѣяться вторично занять Краковскій столъ: прежнее нерасположеніе къ нему было еще живо въ вельможахъ, которымъ сверхъ того было гораздо выгоднѣе имѣть княземъ несовершеннолѣтняго племянника, чѣмъ стараго дядю, и вотъ прелаты и вельможи, собранные въ Краковѣ, рѣшили передать старшій столъ Лешку, малолѣтнему сыну Казимира Справедливаго. Но Мечиславъ не думалъ отказываться отъ своихъ правъ, и сталъ готовиться къ войнѣ съ племянниками. Въ это самое время явился къ послѣднимъ въ Краковъ Романъ Волынскій съ просьбою о помощи противъ тестя Рюрика; онъ имѣлъ право надѣяться на помощь, потому что вдова Казимирова Елена была ему родная племянница отъ брата, Всеволода Мстиславича Бельзскаго. Казимировичи отвѣчали Роману: «Мы бы ради были тебѣ помочь, но обижаетъ насъ дядя Межко (Мечиславъ), ищетъ подъ нами волости; прежде помоги ты намъ, а когда будемъ всѣ мы Поляки за однимъ щитомъ, то пойдемъ мстить за твои обиды». Романъ послушался и поѣхалъ на Межка съ Казимировичами; тотъ не хотѣлъ биться съ Романомъ, но прислалъ къ нему съ просьбою быть посредникомъ въ спорѣ между нимъ и племянниками. Романъ не послушался ни его, ни бояръ своихъ и вступилъ въ битву, въ которой потерпѣлъ сильное пораженіе, и раненый убѣжалъ въ Краковъ къ Казимировичамъ, откуда дружина принесла его во Владиміръ Волынскій. Видя надъ собою такую бѣду, онъ отправилъ посла къ тестю Рюрику съ поклонами и мольбою, чтобъ простилъ его; послалъ просить и митрополита Никифора, чтобъ тотъ ходатайствовалъ за него предъ Рюрикомъ. Митрополитъ исполнилъ просьбу, и Рюрикъ, послушавшись его, созвалъ бояръ и сказалъ имъ: «Если Романъ проситъ и раскаивается въ своей винѣ, то я его приму, приведу ко кресту и волость дамъ; если онъ

стоитъ въ крестномъ цѣлованіи, будетъ вправду имѣть меня отцемъ и добра моего хотѣть, то я буду имѣть его сыномъ, какъ прежде имѣлъ и добра ему хотѣлъ». И дѣйствительно Рюрикъ послалъ сказать Роману, что перестал на него сердиться, привелъ его къ кресту на всей своей волѣ и далъ ему волость [257].

Романъ былъ смирёнъ; но нельзя было забыть, что онъ предлагалъ старшинство и Кіевъ Ярославу Черниговскому и тотъ принялъ предложеніе; вотъ почему Рюрикъ, переславшись съ сватомъ Всеволодомъ и братомъ Давидомъ, послалъ сказать Ярославу и всѣмъ Ольговичамъ отъ имени всѣхъ Мономаховичей: «Цѣлуй намъ крестъ со всею своею братьею, что не искать вамъ нашей отчины, Кіева и Смоленска, подъ нами и подъ нашими дѣтьми, и подъ всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ: дѣдъ нашъ Ярославъ раздѣлилъ насъ по Днѣпръ, потому и Кіева вамъ ненадобно [258]». Ольговичи обидѣлись такимъ предложеніемъ и послали сказать Всеволоду: «У насъ былъ уговоръ не искать Кіева подъ тобою [259] и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ: мы и стоимъ въ этомъ договорѣ; но если ты приказываешь намъ отказаться отъ него навсегда, то мы не Венгры и не Ляхи, а внуки одного дѣда: при вашей жизни мы не ищемъ Кіева, но послѣ васъ кому Богъ его дастъ». И были между ними распри многія и рѣчи крупныя и не уладились, говоритъ лѣтописецъ [260]. Всеволодъ хотѣлъ тою же зимою идти на Черниговъ; Ольговичи испугались, и послали къ нему игумена съ поклономъ и обѣщаніемъ исполнить его волю; тотъ повѣрилъ имъ и сошелъ съ коня. Въ тоже время Черниговскіе послы явились и къ Рюрику съ слѣдующими словами отъ своихъ князей: «Братъ! у насъ съ тобою не было никогда ссоры: мы этой зимой еще не успѣли заключить окончательнаго договора ни со Всеволодомъ, ни съ тобою, ни съ братомъ твоимъ Давидомъ; а такъ какъ ты ближе всѣхъ къ намъ, то цѣлуй крестъ не начинать съ нами войны до тѣхъ поръ, пока мы кончимъ переговоры со Всеволодомъ и Давидомъ». Рюрикъ, посовѣтовавшись съ боярами, принялъ предложеніе Ярослава, отправилъ въ Черниговъ своего посла, и взялся хлопотать о томъ, чтобъ помирить съ Ольговичами Всеволода и Давида; при этомъ Рюрикъ обѣщалъ Ярославу уступить ему Витепскъ, и отправилъ въ Смоленскъ посла объявить объ этой уступкѣ брату своему Давиду, послѣ чего, надѣясь на миръ,

распустилъ по домамъ дружину, братьевъ, сыновей, Половцевъ, богато одаривши ихъ, а самъ отправился въ Овручь по своимъ дѣламъ. Но Ярославъ, не дождавшись окончанія переговоровъ о Витепскѣ, послалъ племянника своего, Олега Святославича захватить этотъ городъ, гдѣ сидѣлъ одинъ изъ Полоцкихъ князей, зять Давида Смоленскаго. Послѣдній, ничего еще не зная о сдѣлкѣ Рюрика съ Ярославомъ и слыша, что отрядъ Ольговичей, не доѣхавши до Витепска, сталъ пустошить Смоленскую область, выслалъ противъ него войско подъ начальствомъ племянника своего, Мстислава Романовича. Мстиславъ ударилъ на Олега, потопталъ его стяги, изрубилъ его сына. Но въ то время какъ Мстиславъ получилъ успѣхъ на одной сторонѣ, Смоленскій тысяцкій Михалко потерпѣлъ пораженіе отъ Полочанъ, союзниковъ Черниговскаго князя; Мстиславъ, возвращаясь съ преслѣдованія побѣжденнаго Олега, встрѣтилъ побѣдителей Полочанъ; думая, что это свои, спокойно въѣхалъ въ ряды ихъ, и былъ взятъ въ плѣнъ; тогда обрадованный Олегъ Святославичь послалъ вѣсть къ дядѣ въ Черниговъ, приписывая себѣ весь успѣхъ дѣла: «Мстислава я взялъ въ плѣнъ и полкъ его побѣдилъ, и Давидовъ полкъ Смоленскій, а плѣнные Смоляне сказываютъ мнѣ, что братья ихъ не въ ладу живутъ съ Давидомъ; такого, батюшка, удобнаго времени уже больше не будетъ; собравши братью, поѣзжай поскорѣе, возьмемъ честь свою». Ярославъ и всѣ Ольговичи обрадовались, помчались къ Смоленску, но перехвачены были на дорогѣ посломъ Рюриковымъ, который сказалъ Ярославу отъ своего князя: «Если ты, обрадовавшись случаю, поѣхалъ убить моего брата, то нарушилъ нашъ договоръ и крестное цѣлованіе, и вотъ тебѣ твои крестныя грамоты: ступай къ Смоленску, а я пойду къ Чернигову, и какъ насъ Богъ разсудитъ, да крестъ честный». Ярославъ испугался, возвратился въ Черниговъ, и отправилъ своего посла къ Рюрику, оправдывая себя, обвиняя Давида, зачѣмъ помогаетъ зятю своему. Рюрикъ отвѣчалъ ему на это: «Я тебѣ Витепскъ уступилъ и посла отправилъ къ брату Давиду, давая ему знать объ этой уступкѣ; ты, не дождавшись конца дѣлу, послалъ своихъ племянниковъ къ Витепску, а они, идучи, стали воевать Смоленскую волость: Давидъ и послалъ на нихъ племянника своего Мстислава». Долго спорили, и не могли уладиться [241].

Въ 1196 году Рюрикъ послалъ сказать свату своему Всеволоду Суздальскому: «Мы уговорились садиться всѣмъ на коней съ Рождества Христова и съѣхаться въ Черниговѣ: я и собрался съ братьею, дружиною, съ дикими Половцами, и сидѣлъ наготовѣ, дожидаясь отъ тебя вѣсти; но ты той зимой не сѣлъ на коня, повѣрилъ Ольговичамъ, что станутъ на всей нашей волѣ; я, услыхавъ, что ты на коня не садишься, распустилъ братью, дикихъ Половцевъ, и поцѣловалъ съ Черниговскимъ Ярославомъ крестъ, что не воевать до тѣхъ поръ, пока или уладимся всѣ, или не уладимся; а теперь, братъ, и твой и мой сынъ Мстиславъ сидитъ въ плѣну у Ольговичей: такъ не мѣшкая сѣлъ бы ты на коня, и съѣхавшись всѣ, помстили бы мы за свою обиду и срамъ, а племянника своего выстояли, и правду свою нашли». Долго не было вѣсти отъ Всеволода; наконецъ онъ прислалъ сказать Рюрику: «Ты начинай, а я буду готовъ». Рюрикъ собралъ братью свою, дикихъ Половцевъ, и сталъ воевать съ Ольговичами; тогда Ярославъ прислалъ сказать ему: «Зачѣмъ, братъ, сталъ ты воевать мою волость, и поганымъ руки наполнять? изъ-за чего намъ съ тобою ссориться: развѣ я ищу подъ тобою Кіева? а что Давидъ послалъ на моихъ племянниковъ Мстислава, а Богъ насъ тамъ разсудилъ, то я выдаю тебѣ Мстислава безъ выкупа, по любви. Цѣлуй со мною крестъ, да и съ Давидомъ меня помири; а Всеволодъ захочетъ съ нами уладиться—уладимся, а тебѣ съ братомъ Давидомъ нѣтъ до того дѣла». Рюрикъ отвѣчалъ ему: «Если въ правду хочешь мира, то дай мнѣ путь черезъ твою волость: я отправлю посла и ко Всеволоду и Давиду, и согласившись всѣ, уладимся съ тобою». Рюрикъ, по словамъ лѣтописца, точно хотѣлъ отправить посла для того только, чтобъ устроить общій миръ; но Ярославъ не вѣрилъ Рюриковымъ рѣчамъ: онъ думалъ, что Мономаховичи хотятъ сговориться на него, и потому не пускалъ Рюриковыхъ пословъ черезъ свою волость; Ольговичи заняли всѣ пути, и цѣлое лѣто до самой осени продолжалась война набѣгами. Осенью Ольговичи пріобрѣли себѣ союзника: Романъ Волынскій, принужденный въ бѣдѣ прибѣгнуть къ милости тестя, теперь оправился, и хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобъ отомстить за прежнее униженіе: онъ послалъ отрядъ своихъ людей въ пограничный городъ Полонный, и велѣлъ имъ оттуда опустошать Кіевскую волость набѣ-

гами. Услыхавъ объ этомъ новомъ врагѣ[362], Рюрикъ обратился къ князю, котораго могъ считать естественнымъ союзникомъ своимъ по враждѣ къ Роману, именно къ Владиміру Ярославичу, князю Галицкому, и послалъ къ нему племянника своего, Мстислава Мстиславича, сына знаменитаго Мстислава Ростиславича, соперника Андреева. Мстиславъ, долженъ былъ сказать Владиміру отъ имени Рюрика: «Зять мой нарушилъ договоръ, и воевалъ мою волость; такъ ты, братъ, съ племянникомъ моимъ изъ Галича воюйте его волость; я и самъ хотѣлъ идти ко Владиміру (Волынскому), да пришла мнѣ вѣсть, что сватъ мой Всеволодъ сѣлъ на коня, соединился съ братомъ моимъ Давидомъ и вмѣстѣ жгутъ волость Ольговичей, города Вятичей взяли и пожгли: такъ я сижу наготовѣ, дожидаясь вѣсти вѣрной». Владиміръ поѣхалъ съ Мстиславомъ, повоевалъ и пожегъ волость Романову, а съ другой стороны повоевалъ и пожегъ ее Ростиславъ Рюриковичь съ Владиміровичами (сыновьями Владиміра Мстиславича) и съ Черными Клобуками, набрали много рабовъ и скота.

Вѣсть, полученная Рюрикомъ о движеніи Всеволода и Давида была справедлива: они дѣйствительно вступили въ землю Ольговичей и пожгли ее. Услыхавъ объ этомъ, Ярославъ собралъ братью, посадилъ двоихъ Святославичей — Олега и Глѣба въ Черниговѣ, укрѣпилъ остальные города, боясь Рюрикова прихода, а самъ съ остальными родичами и Половцами отправился противъ Всеволода и Давида; онъ сталъ подъ своими лѣсами, огородился засѣками, на рѣкахъ велѣлъ мосты разобрать, и приготовившись такимъ образомъ, послалъ сказать Всеволоду: «Братъ и сватъ! отчину нашу и хлѣбъ нашъ ты взялъ; если хочешь мириться съ нами и жить въ любви, то мы любви не бѣгаемъ и на всей волѣ твоей станемъ; а если ты замыслилъ что другое, и отъ того не бѣгаемъ, какъ насъ Богъ разсудитъ съ вами и св. Спасъ». Всеволодъ былъ не охотникъ до рѣшительныхъ битвъ, этихъ судовъ Божіихъ по понятіямъ южныхъ князей; при томъ же Ольговичи обѣщали безъ битвы стать на всей его волѣ; онъ началъ думать съ Давидомъ, Рязанскими князьями, боярами, на какихъ бы условіяхъ помириться съ Ольговичами? Давидъ никакъ не хотѣлъ мира, но требовалъ непремѣнно, чтобъ Всеволодъ шелъ къ Чернигову; онъ говорилъ ему: «Ты уговорился съ братомъ Рюрикомъ и со мною сойтись

всѣмъ въ Черниговѣ и тамъ мириться на всей нашей волѣ, а теперь ты не далъ знать Рюрику о своемъ приходѣ; онъ воюетъ съ ними, волость свою пожегъ для тебя, а мы безъ его совѣта и вѣдома хотимъ мириться; какъ хочешь, братъ, а я только тебѣ то скажу, что такой миръ не понравится брату моему». Но Всеволоду не понравились рѣчи Давидовы и Рязанскихъ князей; онъ началъ переговоры съ Ольговичами, требуя у нихъ, во-первыхъ, отреченія отъ Кіева и Смоленска; во-вторыхъ, освобожденія Мстислава Романовича; въ-третьихъ, изгнанія давняго врага своего, Ярополка Ростиславича, который жилъ тогда въ Черниговѣ; въ-четвертыхъ, прекращенія связи съ Романомъ Волынскимъ. Ярославъ соглашался на три первыя требованія; но не хотѣлъ отступать отъ Романа, который оказалъ ему такую важную услугу, напавши на тестя и отвлекши его отъ похода на Черниговъ. Всеволодъ не настаивалъ, и тѣмъ подтвердилъ подозрѣніе, что хотѣлъ продолженія безпокойствъ на югѣ, не хотѣлъ окончательнаго усиленія здѣсь Ростиславичей. Помирившись съ Ярославомъ, онъ послалъ сказать Рюрику: «Я помирился съ Ярославомъ; онъ цѣловалъ крестъ, что не будетъ искать Кіева подъ тобою, а Смоленска подъ братомъ твоимъ». Рюрикъ сильно разсердился, и послалъ ему такой отвѣтъ: «Сватъ! ты клялся, что кто мнѣ врагъ, тотъ и тебѣ врагъ; просилъ ты у меня части въ Русской землѣ, и я далъ тебѣ волость лучшую, не отъ изобилья, но отнявши у братьи своей и у зятя своего Романа; Романъ послѣ этого сталъ моимъ врагомъ не изъ-за кого другаго, какъ только изъ-за тебя; ты обѣщалъ сѣсть на коня и помочь мнѣ, но перевелъ все лѣто и зиму, а теперь и сѣлъ на коня, но какъ помогъ? Самъ помирился, заключилъ договоръ, какой хотѣлъ, а мое дѣло съ Романомъ оставилъ на волю Ярославову: Ярославъ будетъ насъ съ нимъ радить? А изъ-за кого же все дѣло-то стало? для чего я тебя и на коня-то посадилъ? Отъ Ольговичей мнѣ какая обида была? они подо мною Кіева не искали; для твоего добра я былъ съ ними недобръ, и воевалъ, и волость свою пожегъ, ничего ты не исполнилъ, о чемъ уговаривался, на чемъ мнѣ крестъ цѣловалъ». Въ сердцахъ Рюрикъ отнялъ у Всеволода всѣ города, которые прежде далъ, и роздалъ опять своей братьѣ. Всеволодъ, повидимому, оставилъ это безъ вниманія, но уже, разумѣется, не могъ послѣ этого желать добра

Рюрику. На западномъ берегу Днѣпра Всеволодъ потерялъ власть, но на восточномъ продолжалъ держать въ своемъ племени Переяславль южный или Русскій: здѣсь по смерти Владиміра Глѣбовича сидѣлъ другой племянникъ Всеволодовъ, Ярославъ Мстиславичь, ходившій совершенно въ волѣ дяди; доказательствомъ служитъ то, что Переяславль даже и въ церковномъ отношеніи зависѣлъ отъ Всеволода: въ 1197 году онъ послалъ туда епископа. Въ слѣдующемъ 1198 году умеръ Ярославъ Мстиславичь, и на его мѣсто Всеволодъ отправилъ въ Переяславль сына своего Ярослава (1201); Всеволодъ послалъ также (1194 г.) возобновить отцовскій Городокъ на Острѣ, разрушенный еще Изяславомъ Мстиславичемъ.

Не даромъ Рюрикъ такъ безпокоился на счетъ отношеній своихъ къ Волынскому князю: скоро (1198) могущество послѣдняго удвоилось, потому что по смерти Владиміра Ярославича ему удалось опять, съ помощію Поляковъ, сѣсть на столѣ Галицкомъ, и на этотъ разъ уже утвердиться здѣсь окончательно. Лѣтопись ничего не говоритъ, почему черезъ три года послѣ этого (1202) Рюрикъ собрался идти на Романа. Очень естественно, что Кіевскому князю не нравилось утвержденіе Романа въ Галичѣ; но почему же онъ такъ долго медлилъ походомъ на зятя [1⁰⁸]? Подъ 1197 годомъ лѣтопись говоритъ о смерти брата Романова, Давида Смоленскаго, который, по обычаю, передалъ столъ свой племяннику отъ старшаго брата, Мстиславу Романовичу, а своего сына Константина отослалъ старшему брату Рюрику на руки. Въ 1198 г., умеръ Ярославъ Черниговскій, и его столъ, по тому же обычаю, занялъ двоюродный братъ его Игорь Святославичь Сѣверскій, знаменитый герой Слова о Полку; но скоро и онъ умеръ (1202), оставя Черниговскій столъ старшему племяннику Всеволоду Святославичу Черному, внуку Всеволода Ольговича. Всѣ эти перемѣны и особенно, какъ видно, неувѣренность въ Ольговичахъ, могли мѣшать Рюрику вооружиться на Романа; но въ 1202 году онъ успѣлъ уговорить Всеволода Чермнаго Черниговскаго дѣйствовать съ нимъ за одно противъ Галицко-Волынскаго князя; Ольговичи явились въ Кіевъ, какъ союзники тамошняго князя, Мономаховича, чего давно уже не бывало; но Романъ предупредилъ враговъ, собралъ полки Галицкіе и Владимірскіе, и въѣхалъ въ Русскую землю; произошло любопыт-

гое явленіе, напоминившее время борьбы дѣда Романова, Изяслава съ дядею Юріемъ: или Рюрикъ не умѣлъ пріобрѣсть народнаго расположенія, или жива была память и привязанность къ дѣду и отцу Романову, или наконецъ Романъ успѣлъ переманить Черныхъ Клобуковъ на свою сторону обѣщаніями, или наконецъ всѣ эти причины дѣйствовали вмѣстѣ—Русь (Кіевская область) поднялась противъ Рюрика, все бросилось къ Роману: первые отъѣхали къ нему отъ Рюрика сыновья Владиміра Мстиславича, какъ видно, безземельные, подобно отцу [364], за ними пріѣхали всѣ Черные Клобуки, наконецъ явились отряды изъ жителей всѣхъ Кіевскихъ городовъ; Романъ, видя это всеобщее движеніе въ свою пользу [365], со всѣми полками спѣшилъ къ Кіеву; Кіевляне отворили ему Подольскіе ворота, и онъ занялъ Подолъ, тогда какъ Рюрикъ съ Ольговичами стояли въ верхней части города (на горѣ); видя все противъ себя, они, разумѣется, не могли болѣе держаться въ Кіевѣ, и вступили въ переговоры съ Романомъ: Рюрикъ отказался отъ Кіева и поѣхалъ въ Овручь, Ольговичи отправились за Днѣпръ въ Черниговъ, а Кіевъ отданъ былъ Великимъ княземъ Всеволодомъ и Романомъ двоюродному брату послѣдняго, Ингварю Ярославичу Луцкому. Явленіе замѣчательное, бывшее необходимымъ слѣдствіемъ преобладанія сильнѣйшаго сѣвернаго князя и вмѣстѣ старшаго въ родѣ, который перестал жить въ Кіевѣ: Всеволодъ, враждуя съ Рюрикомъ, не хочетъ поддерживать его противъ Романа, и, по уговору съ послѣднимъ, отдаетъ Кіевъ младшему изъ Мстиславичей, не имѣвшему никакого права даже предъ Романомъ, не только предъ Рюрикомъ. Самъ Романъ не могъ сѣсть въ Кіевѣ: очень вѣроятно, что и Всеволодъ не хотѣлъ позволить этого, не хотѣлъ допустить соединенія Кіевской, Владимиро-Волынской и Галицкой волостей въ рукахъ одного князя и особенно въ рукахъ такого князя, каковъ былъ Романъ; а съ другой стороны и самъ Романъ не искалъ чести сидѣть въ Кіевѣ: его присутствіе было необходимо въ новопріобрѣтенномъ Галичѣ.

Но Рюрикъ не хотѣлъ спокойно перенесть своего изгнанія и видѣть въ Кіевѣ племянника: въ слѣдующемъ 1203 году онъ опять соединился съ Ольговичами, нанялъ множество Половцевъ и взялъ съ ними Кіевъ. Какъ видно союзники, не имѣя чѣмъ заплатить варварамъ, обѣщали отдать имъ Кіевъ на разграбле-

ніе; Рюрику нечего было жалѣть Кіевлянъ, которые отворили ворота Роману: и вотъ Половцы разсыпались по городу, пожгли не только Подолъ, но и Гору, ограбили Софійскій соборъ, Десятинную церковь и всѣ монастыри [366]; монаховъ и монахинь, священниковъ и женъ ихъ, старыхъ и увѣчныхъ перебили, а молодыхъ и здоровыхъ повели въ плѣнъ, также и остальныхъ Кіевлянъ; пощадили только иностранныхъ купцовъ, спрятавшихся по церквамъ: у нихъ взяли половину имѣнія и выпустили на свободу. Послѣ этого страшнаго опустошенія Рюрикъ не хотѣлъ сѣсть въ Кіевѣ: или не хотѣлъ онъ княжить въ пожженномъ, ограбленномъ и пустомъ городѣ, ждалъ времени, пока онъ оправится, или боялся опять прихода Романова; какъ бы то ни было, онъ уѣхалъ назадъ въ Овручь, гдѣ скоро былъ осажденъ Романомъ, пришедшимъ, по выраженію лѣтописца, отвести его отъ Ольговичей и отъ Половцевъ; Рюрикъ принужденъ былъ цѣловать крестъ Великому князю Всеволоду и дѣтямъ его, т. е. отказался отъ старшинства въ родѣ и по смерти Всеволода, обѣщался снова быть въ волѣ Великаго князя Суздальскаго и дѣтей его, послѣ чего Романъ сказалъ ему: «Ты уже крестъ цѣловалъ, такъ отправь посла къ свату своему, а я пошлю своего боярина къ отцу и господину Великому князю Всеволоду: и ты проси, и я буду просить, чтобъ далъ тебѣ опять Кіевъ». Всеволодъ согласился, и Рюрикъ опять сталъ княжить въ Кіевѣ; Всеволодъ помирился и съ Ольговичами, также по просьбѣ Романа.

Изъ всѣхъ этихъ извѣстій видно, что Романъ дѣйствительно хотѣлъ мира на Руси, вѣроятно для того, чтобъ свободнѣе управляться въ Галичѣ и дѣйствовать противъ враговъ внѣшнихъ; но его желаніе не исполнилось. Возвратившись въ 1203 году изъ похода противъ Половцевъ, князья Романъ и Рюрикъ съ сыновьями остановились въ Треполѣ и начали толковать о распредѣленіи волостей, подняли споръ и дѣло кончилось тѣмъ, что Романъ схватилъ Рюрика, отослалъ въ Кіевъ и тамъ велѣлъ постричь въ монахи вмѣстѣ съ женою и дочерью, своею женою, съ которою развелся, а сыновей Рюриковыхъ — Ростислава и Владиміра взялъ съ собою въ Галичъ; кого оставилъ въ Кіевѣ, дошедшія до насъ лѣтописи не говорятъ [367]. Но Всеволодъ Суздальскій не могъ смотрѣть на это спокойно: онъ от-

равилъ пословъ своихъ къ Роману, и тотъ принужденъ былъ от-
устить сыновей Рюриковыхъ, и старшему изъ нихъ Ростисла-
у, зятю Всеволодову, отдать Кіевъ. Рюрикъ однако недолго
ставался въ монастырѣ. Мы видѣли тѣсную связь Романа съ
нязьями Польскими, Казимиромъ Справедливымъ и сыновьями
го; видѣли, какъ онъ помогалъ послѣднимъ въ борьбѣ съ дя-
ею ихъ Мечиславомъ, и какъ они, въ свою очередь, помогли
му овладѣть Галичемъ по смерти Владиміра Ярославича. Не
мотря на неудачу Романа въ битвѣ съ Мечиславомъ, послѣд-
ему не удалось овладѣть старшинствомъ и Краковомъ; но, не
спѣвши достигнуть своей цѣли оружіемъ, онъ прибѣгнулъ къ
ереговорамъ, убѣжденіямъ, и успѣлъ наконецъ склонить вдову
іазимира и сына ея Лешка къ уступкѣ ему старшинства: имъ
оказалось выгоднѣе отказаться на время отъ Кракова, и по-
омъ получить его по праву родоваго княжескаго преемства,
ѣмъ владѣть имъ по милости вельможъ и въ зависимости отъ
юслѣднихъ. Вторично получилъ Мечиславъ старшинство и Кра-
овъ, и вторично былъ изгнанъ; вторично успѣлъ обольстить
дову Казимирову и ея сына обѣщаніями, въ третій разъ за-
ялъ Краковъ, и удержался въ немъ до самой смерти, послѣдо-
авшей въ 1202 году. Смертію Мечислава Стараго пресѣклось
ервое поколѣніе Болеславичей. Краковскіе вельможи, опять
шио старшихъ двоюродныхъ братьевъ, отправили пословъ къ
Іешку Казимировичу звать его на старшій столъ, но съ усло-
іемъ, чтобъ онъ отдалилъ отъ себя Сендомирскаго Палатина
'оворека, имѣвшаго на него сильное вліяніе; Краковскіе вель-
южи слѣдовательно хотѣли отвратить отъ себя ту невыгоду,
юторую терпѣли Русскіе бояре отъ княжескихъ перемѣщеній
ізъ одной волости въ другую, при чемъ новые бояре з а ѣ з ж а-
и старыхъ; здѣсь же видимъ и начало условій, предлагаемыхъ
Польскими вельможами князьямъ ихъ; но легко понять, что при
такомъ значеніи вельможъ родовые счеты княжескіе не могли
продолжаться въ Польшѣ. Лешко, который прежде уступилъ
старшинство дядѣ для того, чтобъ избавиться зависимости отъ
вельможъ (особенно самаго могущественнаго изъ нихъ, извѣ-
стнаго уже намъ Палатина Краковскаго Николая), и теперь не
хотѣлъ для Кракова согласиться на условіе, предложенное вель-
можами: онъ отвѣчалъ посламъ, что пусть вельможи выбираютъ

себѣ другаго князя, который способенъ будетъ согласиться на ихъ условія. Тогда вельможи обратились къ князю, имѣвшему болѣе права на старшинство, чѣмъ Лешко, именно къ Владиславу Ласконогому, сыну Мечиславову, и провозгласили его Великимъ княземъ; но Владиславъ скоро вооружилъ противъ себя прелатовъ, которые, вмѣстѣ съ вельможами, изгнали его изъ Кракова и перезвали на его мѣсто опять Лешка Казимировича, на этотъ разъ, какъ видно, безъ условій, вѣроятно потому, что Палатина Николая не было болѣе въ живыхъ. Обязанный старшинствомъ преимущественно старанію прелатовъ, и, вѣроятно, желая найти въ духовенствѣ опору противъ вліянія вельможъ, Лешко, немедленно послѣ занятія Краковскаго стола, предалъ себя и свои земли въ покровительство св. Петра, обязавшись платить въ Римъ ежегодную подать. Духовенство поспѣшило отблагодарить своего доброжелателя: уже давно оно смотрѣло враждебно на родовыя отношенія и счеты между князьями; уже по смерти Казира Справедливаго епископъ Краковскій Фулконъ защищалъ порядокъ преемства отъ отца къ сыну противъ родоваго старшинства, и успѣлъ утвердить Краковъ за сыномъ Казимировымъ: теперь же, когда Лешко отдалъ себя и потомство свое въ покровительство св. Петра, церковь Римская торжественно утвердила его наслѣдственнымъ княземъ Кракова съ правомъ передать этотъ столъ послѣ себя старшему сыну своему. Такъ родовыя отношенія княжескія встрѣтили въ Польшѣ два могущественныя начала—власть вельможъ и власть духовенства, предъ которыми и должны были поникнуть.

Романъ Волынскій, постоянный союзникъ Лешка, продолжалъ враждовать и съ Мечиславомъ и съ сыномъ его, Владиславомъ Ласконогимъ; но когда Лешко утвердился въ Краковѣ, то Романъ потребовалъ отъ него волости въ награду за прежнюю дружбу; Лешко не согласился; при томъ же, по словамъ лѣтописца, Владиславъ Ласконогій много содѣйствовалъ ссорѣ Лешка съ Романомъ [268], вслѣдствіе чего Галицкій князь осадилъ Люблинъ; потомъ услыхавъ, что Лешко съ братомъ Кондратомъ идутъ противъ него, оставилъ осаду и двинулся къ нимъ на встрѣчу: перейдя Вислу, онъ расположился станомъ подъ городомъ Завихвостомъ, куда прибыли къ нему послы отъ Лешка и завязали переговоры; положено было прекратить воен-

ыя дѣйствія до окончанія послѣднихъ, и Романъ, понадѣяв-шись на это, съ малою дружиною отъѣхалъ отъ стана на охоту; но тутъ въ засадѣ ждалъ его Польскій отрядъ, и Романъ, послѣ мужественнаго сопротивленія, легъ на мѣстѣ съ дружиною (1205 г.). Такъ погибъ знаменитый внукъ Изяслава Мстиславича; предпріимчивостію, отвагою будучи похожъ на отца и дѣда, получившій чрезъ пріобрѣтеніе Галича и большія матеріальныя средства, находясь въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ пограничными иностранными государствами, гдѣ въ это время родовыя отношенія княжескія смѣнились государственными, Романъ, необходимо подчиняясь вліянію того порядка вещей, который господствовалъ въ ближайшихъ западныхъ странахъ, могъ, повидимому, явиться проводникомъ этихъ новыхъ понятій для южной Руси [369], содѣйствовать въ ней смѣнѣ родовыхъ княжескихъ отношеній государственными; онъ могъ, подобно отцу и дѣду, вступить въ борьбу съ сѣверными князьями, въ борьбу, которая однако должна была носить уже новый характеръ, еслибъ и Романъ сталъ стремиться къ самовластію на югѣ, точно также какъ стремились къ нему Юрьевичи на сѣверѣ. Но въ сходствѣ положенія Романа съ положеніемъ сѣверныхъ князей есть сходство обманчивое, потому что почва югозападной Руси, преимущественно почва Галицкаго княжества вовсе не заключала въ себѣ тѣхъ условій крѣпкаго государственнаго быта, которые существовали на сѣверѣ, и которыми воспользовались тамошніе князья для собранія Русской земли, для утвержденія въ ней единства и наряда. Мы видѣли, какою силою пользовались бояре въ Галичѣ, силою, предъ которою никло значеніе князя; легко понять, что князь съ такимъ характеромъ, какъ Романъ, скоро долженъ былъ враждебно столкнуться съ этою силою; «Не передавивши пчелъ, меду не ѣсть», говорилъ онъ, и вотъ лучшіе бояре погибли отъ него, какъ говорятъ, въ страшныхъ мукахъ; другіе разбѣжались; Романъ возвратилъ ихъ обѣщаніемъ всякихъ милостей, но скоро, подъ разными предлогами, подвергъ ихъ той же участи [370]. — Оставя по себѣ такую кровавую память въ Галичѣ, въ остальной Руси Романъ слылъ грознымъ бичемъ окрестныхъ варваровъ, Половцевъ, Литвы, Ятвяговъ, добрымъ подвижникомъ за Русскую землю, достойнымъ наслѣдникомъ прадѣда своего Мономаха: «онъ

стремился на поганыхъ, какъ левъ, говоритъ народное поэтическое преданіе: сердитъ былъ, какъ рысь, губилъ ихъ какъ крокодилъ, перелеталъ земли ихъ, какъ орелъ и храбръ онъ былъ какъ туръ, ревновалъ дѣду своему, Мономаху». Мы видѣли, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности князей нашихъ было построеніе городовъ, населеніе пустынныхъ пространствъ: Романъ заставлялъ побѣжденныхъ Литовцевъ расчищать лѣса подъ пашню; но тщетно казалось для современниковъ стараніе Романа отучить дикарей отъ грабежа, пріучить къ мирнымъ, земледѣльческимъ занятіямъ, и вотъ осталась поговорка: «Романъ! Романъ! худымъ живешь, Литвою орешь»[271].

Какъ видно, Романъ не успѣлъ передавить всѣхъ пчелъ, и дѣти его долго не могли спокойно ѣсть меда. У него отъ втораго брака осталось двое сыновей: Даніилъ четырехъ лѣтъ и Василько двухъ. Но кромѣ бояръ Галицкихъ, Романъ оставилъ другихъ враговъ своимъ дѣтямъ: Рюрикъ, какъ только узналъ о смерти Романа, такъ тотчасъ же скинулъ монашескую рясу и объявилъ себя княземъ Кіевскимъ вмѣсто сына; онъ хотѣлъ было разстричь и жену; но та не согласилась и постриглась въ схиму. Ольговичи также поднялись, явились съ полками у Днѣпра; Рюрикъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и уговорились всѣ вмѣстѣ идти на Галичь, отнимать наслѣдство у сыновей Романовыхъ. На рѣкѣ Серетѣ[272] встрѣтили союзники Галицкое и Владиміро-Волынское войско, бились съ нимъ цѣлый день и принудили отступить къ Галичу; но они не могли ничего сдѣлать этому городу, и возвратились домой безо всякаго успѣха. Причиною неудачи было то, что въ Галичѣ находился сильный Венгерскій гарнизонъ, изъ страха передъ которымъ Галичане не смѣли передаться непріятелямъ Романовичей. Въ Венгріи въ это время королемъ былъ сынъ Белы III-го, Андрей II-й, который нѣкоторое время княжилъ въ Галичѣ; Андрей по смерти отца велъ постоянную борьбу съ старшимъ братомъ своимъ, королемъ Емерихомъ, и потомъ съ сыномъ послѣдняго, малолѣтнымъ Владиславомъ III-мъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не умеръ и не очистилъ для него престола. Какъ видно изъ лѣтописи, Андрей во время этой борьбы не только не предъявлялъ своихъ притязаній на Галичь, но даже находился въ тѣсномъ союзѣ съ Романомъ: они поклялись другъ другу, что кто изъ

ихъ переживетъ другаго, тотъ будетъ заботиться о семействѣ послѣдняго. Андрей вступилъ на королевскій престолъ въ годъ смерти Романовой, и долженъ былъ исполнить свою обязанность относительно семейства послѣдняго; въ Санокѣ онъ имѣлъ свиданіе со вдовствующей княгиней Галицкой, принялъ Даніила, какъ милаго сына, по выраженію лѣтописца, и послалъ пятерыхъ вельможъ съ сильнымъ войскомъ, которое и спасло Галичь отъ Рюрика и его союзниковъ.

Но опасности и бѣды для сыновей Романовыхъ только еще начинались. Въ слѣдующемъ 1206 году всѣ Ольговичи собрались въ Черниговъ на сеймъ — Всеволодъ Святославичь Чермный съ своею братьею, и Владиміръ Игоревичь Сѣверскій съ своею братьею; къ нимъ пришелъ Смоленскій князь Мстиславъ Романовичъ съ племянниками, пришло множество Половцевъ, и всѣ двинулись за Днѣпръ; въ Кіевѣ соединился съ ними Рюрикъ съ двумя сыновьями — Ростиславомъ и Владиміромъ и племянниками, Берендѣи, и пошли къ Галичу, а съ другой стороны шелъ туда же Лешко Польскій. Галицкая княгиня съ приверженными къ ней людьми, слыша новую сильную рать, идущую со всѣхъ сторонъ, испугалась, и послала просить помощи у Венгерскаго короля; Андрей поднялся самъ со всѣми своими полками. Но вдова Романова съ дѣтьми не могла дожидаться прихода королевскаго: около нихъ всталъ сильный мятежъ, который принудилъ ихъ бѣжать въ старинную отцовскую волость Романову — Владимиръ Волынскій. Галичане остались безъ князя, а между тѣмъ король перешелъ Карпаты, съ двухъ другихъ сторонъ приближались Русскіе князья и Поляки; но тѣ и другіе остановились, услыхавъ о приходѣ королевскомъ; Андрей также остановился, боясь столкнуться вдругъ съ двумя непріятельскими войсками. Внутреннія смуты, возбуждаемыя поведеніемъ королевы Гертруды и братьевъ ея, отзывали Андрея домой: онъ спѣшилъ вступить въ мирные переговоры съ Лешкомъ Польскимъ, уговорился съ Галичанами, чтобъ они приняли къ себѣ въ князья Ярослава, князя Переяславскаго, сына Великаго князя Всеволода Суздальскаго, и отправился назадъ въ Венгрію. Русскіе князья еще прежде двинулись назадъ; но Галичане, ожидая двѣ недѣли пріѣзда Ярославова, и боясь, чтобъ Ольговичи, узнавъ объ отступленіи короля, не возвратились къ

ихъ городу, рѣшились послать тайно къ Владиміру Игоревичу Сѣверскому, звать его къ себѣ въ князья: этому рѣшенію ихъ много содѣйствовали два боярина, которые, будучи изгнаны Романомъ, проживали въ Сѣверовой области, а теперь возвратились, и расхваливали Игоревичей. Владиміръ Игоревичъ, съ братомъ Романомъ, получивъ приглашеніе, въ ночь, украдкою отъ остальныхъ князей, поскакали въ Галичъ, Владиміръ сѣлъ здѣсь, а Романъ въ Звенигородѣ; Ярославъ Всеволодовичъ также былъ на дорогѣ въ Галичъ, но опоздалъ тремя днями, и узнавъ, что Игоревичь уже принятъ Галичанами, возвратился назадъ въ Переяславль.

Но ни Игоревичи, ни Галицкіе бояре, затѣявшіе мятежъ противъ сыновей Романовыхъ, не хотѣли успокоиться до тѣхъ поръ, пока послѣдніе были живы и на свободѣ въ своей отчинѣ Владимирѣ Волынскомъ: сюда явился священникъ, посолъ отъ Галицкаго князя, и объявилъ гражданамъ отъ имени послѣдняго: «Не останется въ вашемъ городѣ камня на камнѣ, если не выдадите мнѣ Романовичей и не примете къ себѣ княжить брата моего Святослава». Разсерженные Владимирцы хотѣли было убить священника; но трое какихъ-то людей уговорили ихъ, что не годится убивать посла. Эти трое людей [278] дѣйствовали впрочемъ не изъ уваженія къ званію посла, а потому что благопріятствовали Галицкому князю. Когда на другой день княгиня узнала, что пріѣзжалъ посолъ изъ Галича, и что во Владимирѣ есть люди, которые стоятъ за Игоревичей, то начала совѣтоваться съ дядькою сына своего, Міреславомъ; тотъ говорилъ, что дѣлать нечего, надобно скорѣе бѣжать изъ города. Ночью, въ проломъ городской стѣны вышла жена Романа Великаго вчетверомъ съ дядькою Міреславомъ, священникомъ и кормилицею, которые несли маленькихъ князей Даніила и Василька; бѣглецы не знали, куда имъ идти? со всѣхъ сторонъ враги! рѣшились бѣжать въ Польшу къ Лешку, хотя и отъ этого не могли ожидать хорошаго пріема: Романъ былъ убитъ на войнѣ съ нимъ, послѣ чего миръ еще не былъ заключенъ. Къ счастію въ Лешкѣ жалость пересилила вражду: онъ съ честію принялъ бѣглецовъ, говоря: «не знаю, какъ это случилось, самъ дьяволъ поссорилъ насъ съ Романомъ». Онъ отправилъ малютку Даніила въ Венгрію и съ нимъ посла своего сказать королю: «Я позабылъ свою ссору съ

Романомъ, а тебѣ онъ былъ другъ: мы клялись другъ другу, что кто изъ насъ останется въ живыхъ, тотъ будетъ заботиться о семействѣ умершаго; теперь Романовичи изгнаны отовсюду: пойдемъ, возвратимъ имъ отчину ихъ». Андрей сначала принялъ было къ сердцу предложеніе Лешка; но потомъ, когда Галицкій князь Владиміръ прислалъ богатые дары имъ обоимъ, то усердіе ихъ къ Романовой семьѣ охладѣло, и когда Игоревичи перессорились другъ съ другомъ, то одинъ изъ нихъ Романъ, пріѣхавши въ Венгрію, успѣлъ убѣдить Андрея дать ему войско на помощь, и съ этимъ войскомъ выгналъ изъ Галича брата Владиміра, который принужденъ былъ бѣжать назадъ въ свою волость, въ Путивль [174]. Въ слѣдующемъ (1207) году Польскіе князья, Лешко и братъ его Кондратъ двинулись наконецъ на Владиміръ, гдѣ послѣ бѣгства сыновей Романовыхъ княжилъ третій Игоревичъ Святославъ; но и тутъ Лешко шелъ на Владимиръ не для того, чтобъ возвратить этотъ городъ Романовичамъ: онъ хотѣлъ посадить тамъ своего дядю по матери, роднаго племянника Романова, Александра Всеволодовича Бельзскаго. Жители Владимира отворили ворота передъ Александромъ: «вѣдь это племянникъ Романа», говорили они. Но союзники Александра, Поляки, не смотря на то, что вошли въ городъ безпрепятственно, ограбили его, стали было уже отбивать двери и у соборной Богородичной церкви, какъ по просьбѣ Александровой, пріѣхали Лешко съ братомъ и отогнали ихъ. Владимирцы сильно жаловались на Поляковъ: «Мы повѣрили ихъ клятвѣ, говорили они: вѣдь если бъ съ ними не было Александра, то мы не дали бъ имъ перейти за Бугъ». Святослава Игоревича взяли въ плѣнъ и отвели въ Польшу; на его мѣсто Польскіе князья посадили сперва Александра, но потомъ передумали: старшимъ во всемъ племени Изяслава Мстиславича былъ Ингварь Ярославичь Луцкій, котораго мы видѣли въ Кіевѣ: его-то посадили теперь во Владимирѣ; но и здѣсь онъ сидѣлъ не долго: бояре не полюбили его, и съ согласія Лешка, Александръ опять пріѣхалъ княжить во Владимиръ, а Ингварь отправился назадъ въ свой Луцкъ; младшій братъ его Мстиславъ, прозвищемъ Нѣмой, княжилъ въ Пересопницѣ; малолѣтному Васильку Романовичу Лешко отдалъ Брестъ, по просьбѣ тамошнихъ гражданъ, которые съ радостію приняли малютку, видя въ немъ какъ бы живаго Романа; послѣ мать

Василька присылала къ Лешку съ новою просьбою: «Александръ, говорила княгиня, держитъ всю нашу землю и отчину, а сынъ мой сидитъ въ одномъ Брестѣ». Лешко велѣлъ Александру отдать Бельзъ Романовичу [375], а братъ Александра, Всеволодъ сталъ Червенъ. Такимъ образомъ смерть сильнаго Романа дала Польскому князю возможность распоряжаться Волынскими волостями.

Между тѣмъ въ Галичѣ продолжали происходить безпокойства. Кіевскій князь Рюрикъ, по соглашенію съ Венгерскимъ королемъ, отправилъ въ Галичь сына своего Ростислава; Галичане приняли его съ честію, выгнали Романа, но потомъ скоро выгнали Ростислава и опять приняли Романа [374]; это побудило короля Андрея покончить съ Галичемъ, присоединить его къ своимъ владѣніямъ. Онъ послалъ на Романа Игоревича Палатина Бенедикта Бора, который схватилъ Романа въ банѣ, сталъ именемъ королевскимъ самъ управлять въ Галичѣ, и управлялъ такъ, что его прозвали Антихристомъ: мучилъ и бояръ и простыхъ гражданъ, сладострастію своему не зналъ предѣловъ, безчестилъ женъ, монахинь, попадей. Угнетенные Галичане послали звать къ себѣ на помощь Мстислава Ярославича, князя Пересопницкаго; тотъ пріѣхалъ, но не нашелъ еще Галичанъ готовыми къ возстанію, или, что всего вѣроятнѣе, дружина, приведенная Мстиславомъ, была, по мнѣнію Галичанъ, слишкомъ слаба для того, чтобъ съ нею можно было возстать противъ Венгровъ, и одинъ изъ главныхъ бояръ Илья, Щепановичъ, взведши Мстислава на Галичину могилу, сказалъ ему въ насмѣшку: «Князь! ты на Галичинѣ могилѣ посидѣлъ, такъ все равно, что княжилъ въ Галичѣ». Осмѣянный Мстиславъ отправился назадъ въ Пересопницу. Тогда Галичане обратились опять къ Игоревичамъ Сѣверскимъ, послали сказать Владиміру и Роману, которому удалось между тѣмъ уйти изъ Венгерскаго плѣна: «Виноваты мы передъ вами; избавьте насъ отъ этого томителя Бенедикта». Игоревичи явились на зовъ съ сильною ратью, заставили Бенедикта бѣжать въ Венгрію, и усѣлись опять въ Галицкомъ княжествѣ: Владиміръ въ самомъ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ, Святославъ въ Перемышлѣ; сыну своему Изяславу Владиміръ далъ Теребовль, а другаго, Всеволода отправилъ въ Венгрію задаривать короля, чтобъ тотъ оставилъ ихъ спокойно княжить за Карпатами.

От венгерскаго короля можно было избавиться дарами; притом же у него было много дела внутри своего государства; но как было Игоревичам избавиться от бояр Галицких, которые не давали им покоя своими крамолами? Игоревичи решились действовать по примеру Романа, решились передавить их, чтобы хоть спокойно жить, и вот, воспользовавшись первым удобным случаем, они велели бить Галицкую дружину; 500 человек из нея погибло, в том числе двое знатнейших бояр, Юрий Витанович и Илья Щепанович; но другие разбежались; между ними Владислав, которому преимущественно Игоревичи были обязаны Галицкою волостью, и двое других, Судислав и Филипп отправились в Венгрию. Они стали просить короля Андрея: «Дай нам отчича нашего Даниила: мы пойдем с ним и отнимем Галичь у Игоревичей». Король согласился, послал изгнанных бояр и с ними молодого Даниила в Галичь, давши ему сильное войско под начальством осьми воевод. Владислав пришел прежде всего к Перемышлю, и послал сказать тамошним жителям: «Братья! что вы колеблетесь? не Игоревичи ли перебили отцов ваших и братьев, имение ваше разграбили; дочерей ваших отдали за рабов ваших, наследством вашим завладели пришельцы! так неужели вы хотите положить за них свои души?» Слова подействовали на Перемышльцев: они схватили князя своего, Святослава Игоревича и сдали город на имя Даниилово. Оттуда бояре с Венграми пошли к Звенигороду; но Звенигородцы были за Игоревичей, и стали сильно отбиваться от осаждающих, не смотря на то, что на помощь к последним пришли полки из Бельза от Василька Романовича, из Польши от Лешка, пришли Волынские князья — Мстислав Немой из Пересопницы, Александр с братом из Владимира, Луцкий князь Ингварь также прислал свои полки. На помощь к Роману Игоревичу Звенигородскому явились только Половцы, которых привел племянник его Изяслав Владимірович, и, не смотря на успех, который получили Половцы и Звенигородцы в деле с Венграми, Роман видел, что не мог долго держаться в городе и бежал; но на дороге был схвачен и приведен в стан к Даниилу и воеводам Венгерским, которые тотчас же послали сказать Звенигородцам: «Сдавайтесь, князь ваш

схваченъ.» Тѣ сначала было не повѣрили, но потомъ, узнавъ, что Романъ дѣйствительно въ плѣну, сдали свой городъ. Отъ Звенигорода Даніилъ съ союзниками пошелъ къ Галичу; Владиміръ Игоревичь съ сыномъ, не дожидаясь непріятельскаго прихода, бѣжали, и Даніилъ безпрепятственно въѣхалъ въ Галичъ, гдѣ всѣ бояре Владимирскіе и Галицкіе посадили его на отцовскій столъ въ соборной церкви Богородицы.

Но бояре не довольны были торжествомъ своимъ и хотѣли мести: въ рукахъ у Венгровъ были плѣнные Игоревичи; воеводы хотѣли вести ихъ къ королю; но бояре Галицкіе, задержавши воеводъ, выпросили себѣ Игоревичей и повѣсили ихъ. Легко понять, что эти бояре посадили Даніила не для того, чтобъ усердно повиноваться малюткѣ; за послѣдняго хотѣла было управлять его мать, пріѣхавшая въ Галичь, какъ скоро узнала объ успѣхѣ сына; но бояре немедленно же ее выгнали. Маленькій Даніилъ не хотѣлъ разставаться съ матерью, плакалъ, и когда Александръ, Шумавинскій тіунъ хотѣлъ насильно отвести его коня, то Даніилъ выхватилъ мечь, чтобъ ударить Александра, но не попалъ, и ранилъ только его коня; мать поспѣшила вырвать у него изъ рукъ мечь, упросила успокоиться и остаться въ Галичѣ, а сама отправилась въ Бельзъ опять къ Васильку, и оттуда, къ королю въ Венгрію. Андрей принялъ ея сторону, призвалъ бояръ Владимирскихъ, князя Ингваря Луцкаго и пошелъ къ Галичь, гдѣ, по изгнаніи княгини, всѣмъ управлялъ бояринъ Владиславъ съ двумя другими своими товарищами—Судиславомъ и Филиппомъ. Король велѣлъ схватить всѣхъ троихъ и подвергнуть тяжкому заключенію; Судиславъ успѣлъ деньгами откупиться отъ неволи; но Владиславъ принужденъ былъ слѣдовать за королемъ въ Венгрію, гдѣ впрочемъ пробылъ не долго: двое братьевъ его, Яволдъ и Ярополкъ успѣли спастись бѣгствомъ въ Пересопницу, и убѣдили тамошняго князя, Мстислава Нѣмаго пойти съ ними въ другой разъ на Галичь; бояре, узнавши о вступленіи Мстислава въ ихъ землю, передались ему, и Даніилъ съ матерью опять принужденъ былъ бѣжать въ Венгрію, а братъ его Василько потерялъ Бельзъ, который взялъ у него Лешко Польскій, чтобъ отдать опять Александру Всеволодовичу Владимирскому; Василько принужденъ былъ удалиться въ Каменецъ [347]. Но въ то время какъ братья Владиславовы тамъ успѣшно хлопотали въ

Пересопницѣ и Галичѣ, самъ Владиславъ дѣйствовалъ въ Венгріи у короля Андрея: какъ видно изъ послѣдующаго лѣтописнаго разсказа, онъ убѣдилъ Андрея не давать Галича никому изъ Русскихъ князей, а взять его себѣ, при чемъ обѣщалъ приготовить все въ Галичѣ къ новому порядку. Иначе трудно будетъ объяснить то извѣстіе, что король, сбираясь идти на Галичь, отправилъ туда въ передовыхъ Владислава. Король однако не могъ слѣдовать за Владиславомъ: его задержали страшныя событія въ Венгріи, на которыя мы должны обратить вниманіе по однородности ихъ съ знаменитыми явленіями въ Галичѣ, не могшемъ загородиться Карпатами отъ Венгерскаго вліянія: поведеніе Галицкихъ бояръ объясняется поведеніемъ вельможъ Венгерскихъ. Во время усобицъ, предшествовавшихъ воцаренію Андрея, значеніе вельможъ такъ возрасло, что Андрей, вступая на престолъ, первый изъ королей Венгерскихъ долженъ былъ клятвенно подтвердить права и преимущества высшаго сословія; но мы уже замѣтили, что при этомъ поведеніе королевы Гертруды и ея братьевъ постоянно возбуждало неудовольствіе вельможъ, и наконецъ повело къ явному возстанію, когда одинъ изъ братьевъ королевы, Екбертъ, съ вѣдома сестры и даже въ ея комнатахъ, обезчестилъ жену извѣстнаго намъ Галицкаго антихриста, Палатина Бенедикта Бора. Бенедиктъ, не смотря на то, что самъ позволялъ себѣ подобные поступки въ Галичѣ, пылалъ местію къ виновникамъ своего позора, и составилъ заговоръ вмѣстѣ съ другими вельможами. Пользуясь выступленіемъ Андрея въ Галицкій походъ, заговорщики ворвались во дворецъ и изрубили королеву въ куски, послѣ чего дворецъ былъ разграбленъ. Король долженъ былъ отложить походъ, чтобъ имѣть возможность управиться съ своими мятежниками; этимъ обстоятельствомъ воспользовался Владиславъ, въѣхалъ съ торжествомъ въ Галичь, послѣ бѣгства оттуда Мстислава Пересопницкаго, вокняжился и сѣлъ на столѣ, по выраженію лѣтописца, признавая впрочемъ, какъ видно, верховную власть Венгерскаго короля.

Между тѣмъ Даніилъ, видя страшную смуту въ Венгріи, удалился оттуда сперва въ Польшу, и, не получивъ отъ Лешка ничего кромѣ почетнаго пріема, поѣхалъ въ Каменецъ къ брату Васильку. На этотъ разъ началъ дѣло Мстиславъ Нѣмой Пере-

сойницкій: онъ поднялъ Лешко въ походъ на Галичъ; тотъ взялъ Даніила изъ Каменца, Александра изъ Владиміра, брата его Всеволода изъ Бельза, и отправился противъ новаго Галицкаго князя изъ бояръ. Владиславъ оставилъ братьевъ защищать Галичъ, а самъ съ войскомъ, набраннымъ изъ Венгровъ и Чеховъ (какъ видно наемныхъ), вышелъ навстрѣчу къ непріятелю на рѣку Боброкъ. Союзникамъ удалось поразить Владислава, но неудалось взять Галича; они должны были удовольствоваться опустошеніемъ волости, и возвратились назадъ, послѣ чего Лешко велѣлъ Александру, князю Владимирскому отдать Романовичамъ два города — Тихомль и Перемышль: здѣсь, говоритъ лѣтописецъ, стали княжить Даніилъ и Василько съ матерью, а на Владимиръ смотрѣли, говоря: «рано или поздно Владимиръ будетъ нашъ». Между тѣмъ король Андрей, освободившись нѣсколько отъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, выступилъ въ походъ на Лешка за опустошеніе Галицкой волости, которую онъ считалъ своею; Лешко не хотѣлъ войны съ королемъ, и послалъ къ нему воеводу своего Пакослава съ предложеніемъ слѣдующей сдѣлки: «Не годится боярину княжить въ Галичѣ; но возьми лучше мою дочь за своего сына Коломана и посади его тамъ». Андрей согласился, имѣлъ личное свиданіе съ Лешкомъ, свадьба устроилась, и молодой Коломанъ сталъ княжить въ Галичѣ; а бояринъ Владиславъ былъ схваченъ и умеръ въ заточеніи, надѣлавъ многа зла дѣтямъ своимъ и всему племени, потому что ни одинъ князь не хотѣлъ пріютить у себя сыновей боярина, который осмѣлился похитить княжеское достоинство. Кромѣ выгоднаго брака для своей дочери, Лешко получилъ отъ короля изъ Галицкой волости Перемышль и Любачевъ; послѣдній городъ былъ отданъ воеводѣ Пакославу, который умѣлъ устроить этотъ выгодный союзъ. Пакославъ былъ пріятель молодымъ Романовичамъ и ихъ матери; по его совѣту Лешко послалъ сказать Александру Всеволодовичу: «Отдай Владимиръ Романовичамъ, а не дашь, такъ пойду на тебя вмѣстѣ съ ними». Александръ не далъ волею, и потомъ принужденъ былъ отдать неволею.

Такимъ образомъ иноплеменники подѣлили между собою отчину Ростиславичей; Русскіе князья одинъ за другимъ должны были оставить Галичь, или гибли въ немъ позорною смертію; остальные князья на Руси сильно сердились на Галичанъ за безчестье,

которое они нанесли роду ихъ, повѣсивши Игоревичей; но были безсильны отомстить имъ за это безчестье, потому что Мономаховичи съ Ольговичами продолжали свою обычную борьбу. Въ 1206 году, по возвращеніи изъ втораго похода подъ Галичь, Ольговичи, обрадовавшись тому, что успѣли занять его своими родичами, Игоревичами, рѣшились отнять у Мономаховичей старшинство и Кіевъ; Всеволодъ Святославичъ Чермный сѣлъ въ Кіевѣ, надѣясь на свою силу, какъ говоритъ лѣтописецъ, и послалъ посадниковъ по Кіевскимъ городамъ; а Рюрикъ, видя свое безсиліе или, какъ выражается лѣтописецъ, непогодье, уѣхалъ въ свою прежнюю волость Овручь, сынъ его Ростиславъ въ Вышгородъ, а племянникъ Мстиславъ Романовичь въ Бѣлгородъ [878]. Отнявши Кіевъ у Мономаховичей, Ольговичи захотѣли отнять у нихъ и Переяславль, тѣмъ больше, что, какъ мы видѣли, Переяславскій князь Ярославъ Всеволодовичь былъ соперникомъ Игоревичей по Галицкому столу, и вотъ Всеволодъ Чермный посылаетъ сказать Ярославу: «Ступай изъ Переяславля къ отцу въ Суздаль, а Галича не ищи подъ моею братьею; если же не пойдешь добромъ, такъ пойду на тебя ратью.» Ярославъ, не имѣя надежды получить отъ кого либо помощь, послалъ ко Всеволоду просить свободнаго пропуска на сѣверъ чрезъ Черниговскія владѣнія, и получилъ его, поцѣловавши крестъ Ольговичамъ на всей ихъ волѣ, а въ Переяславлѣ сѣлъ на его мѣсто сынъ Чермнаго. Но послѣдній самъ недолго сидѣлъ въ Кіевѣ: въ томъ же году Рюрикъ, соединясь съ сыновьями и племянниками своими, выгналъ Ольговичей изъ Кіева и изъ Переяславля, самъ сѣлъ въ Кіевѣ, а сына своего Владиміра посадилъ въ Переяславлѣ; Чермный явился зимою съ братьею и съ Половцами добывать Кіева, стоялъ подъ нимъ три недѣли; но не могъ взять и ушелъ назадъ ни съ чѣмъ. Счастливѣе былъ онъ въ слѣдующемъ 1207 году: съ трехъ сторонъ пришли враги Мономаховичей — изъ Чернигова Чермный съ братьею, изъ Турова князь Святополкъ, изъ Галича Владиміръ Игоревичь; Рюрикъ, слыша, что идетъ на него отовсюду безчисленная рать, а помощи нѣтъ ни отъ кого, уѣхалъ изъ Кіева въ Овручь; Триполь, Бѣлгородъ, Торческъ были отняты у Мономаховичей, которые, по причинѣ голода, не могли выдерживать продолжительныхъ осадъ; Всеволодъ сѣлъ опять въ Кіевѣ, надѣлавъ много зла Русской землѣ чрезъ своихъ

союзниковъ Половцевъ. Тогда поднялся было на него Всеволодъ Суздальскій: услыхавъ, что Ольговичи съ погаными воюютъ землю Русскую, онъ пожалѣлъ объ ней и сказалъ: «развѣ тѣмъ однимъ отчина Русская земля, а намъ уже не отчина? какъ меня съ ними Богъ управитъ, хочу пойдти къ Чернигову.» Всеволодъ собралъ сильное войско, но дѣла Рязанскія помѣшали его походу на Черниговъ; когда Рязанскіе князья были схвачены, то Рюрикъ, обрадовавшись успѣху Всеволода надъ союзниками Ольговичей, явился нечаянно у Кіева и выгналъ изъ него Чермнаго; тотъ напрасно послѣ старался получить обратно этотъ городъ силою, ему удалось овладѣть имъ только посредствомъ переговоровъ со Всеволодомъ: въ 1210 году Чермный и всѣ Ольговичи прислали въ Суздаль митрополита Матеея, прося мира и во всемъ покоряясь Всеволоду; послѣдній, получивши незадолго передъ тѣмъ непріятность отъ одного изъ Ростиславичей, Мстислава Мстиславича Удалаго въ Новгородѣ, не могъ быть очень расположенъ въ пользу этого племени, и потому согласился, чтобъ Всеволодъ Чермный, какъ старшій между пятиродными братьями въ Ярославовомъ родѣ, сѣлъ въ Кіевѣ, а Рюрику отдалъ Черниговъ. Такимъ образомъ, когда на сѣверѣ обозначились ясно стремленія къ новому порядку вещей, въ южной Руси послѣ долгой борьбы старинныя представленія объ единствѣ рода Ярославова и ненаслѣдственности волостей въ одномъ племени, получаютъ полное торжество: мало того, что Ольговичь получаетъ Кіевъ, старшій по немъ Мономаховичь садится въ Черниговѣ, возобновляется слѣдовательно тотъ первоначальный порядокъ княжескихъ переходовъ по волостямъ, который былъ нарушенъ еще при Момономахѣ исключеніемъ Ольговичей изъ старшинства. Миръ Суздальскаго князя съ Ольговичами былъ скрѣпленъ бракомъ сына Всеволодова Юрія на дочери Чермнаго.

Но въ то время, когда южная Русь оставалась такъ вѣрна своей старинѣ, которая не могла дать ей силы, возвратить утраченное значеніе, первенство, сѣверный князь усиливалъ себя все болѣе и болѣе. Съ 1179 года Рязанскіе князья Глѣбовичи находились въ волѣ Всеволодовой; въ 1186 году встала между ними опять усобица: старшіе братья — Романъ, Игорь и Владиміръ вооружились противъ младшихъ—Всеволода и Святослава, сидѣвшихъ въ Пронскѣ. Чтобъ легче раздѣлаться съ послѣдними,

старшіе братья послали звать ихъ на общій съѣздъ, намѣреваясь тутъ схватить ихъ; младшіе узнали объ умыслѣ, и вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ старшимъ, стали укрѣплять свой городъ, ожидая нападенія; ждали они недолго: старшіе явились съ большимъ войскомъ, и стали опустошать все около города. Тогда Всеволодъ Суздальскій послалъ сказать имъ: «Братья! что это вы дѣлаете? удивительно ли, что поганые воевали насъ: вы вотъ теперь хотите и родныхъ братьевъ убить.» Но тѣ, вмѣсто послушанія, стали сердиться на Всеволода за его вмѣшательство, и еще больше поднимать вражду на братьевъ. Тогда младшіе Глѣбовичи послали просить Всеволода о помощи, и тотъ отправилъ къ нимъ сперва триста человѣкъ изъ Владимирской дружины, которые сѣли въ Пронскѣ и отбивались вмѣстѣ съ осажденными, а потомъ отправилъ еще другое войско, къ которому присоединились князья Муромскіе. Слыша о приближеніи войска изъ Владимира, старшіе Глѣбовичи сняли осаду Пронска и побѣжали къ себѣ въ Рязань, а Всеволодъ Глѣбовичь поѣхалъ на встрѣчу къ полкамъ Великаго Всеволода; тѣ, узнавши отъ него, что осада Пронска снята, и имъ идти дальше не зачѣмъ, пошли назадъ во Владимиръ, куда поѣхалъ также и Глѣбовичь, чтобъ посовѣтоваться со Всеволодомъ, какъ быть имъ съ старшими братьями. Но въ это время Рязанскіе князья, узнавши, что Владимирское войско возвратилось, и что въ Пронскѣ одинъ Святославъ, пошли и осадили опять этотъ городъ, перехватили воду у жителей, а къ брату Святославу послали сказать: «Не мори себя голодомъ съ дружиною, и людей не мори, ступай лучше къ намъ, вѣдь ты намъ свой братъ, развѣ мы тебя съѣдимъ? только не приставай къ брату своему Всеволоду.» Святославъ объявилъ объ этомъ своимъ боярамъ, тѣ сказали: «Братъ твой ушелъ во Владимиръ, а тебя выдалъ: такъ что жь тебѣ его дожидаться?» Святославъ послушался и отворилъ городъ. Братья отдали ему Пронскъ назадъ, но взяли жену, дѣтей, дружину Всеволода Глѣбовича, и повели въ Рязань; вмѣстѣ съ дружиною Всеволода Глѣбовича перевязали дружину Великаго Всеволода, сидѣвшую въ Пронскѣ въ осадѣ. Всеволодъ Глѣбовичь, услыхавъ, что семья и дружина его взяты, а братъ Святославъ передался на сторону старшихъ, сталъ сначала сильно горевать, потомъ захватилъ Коломну и началъ изъ нея пустошить волости бра-

чаевъ; тѣ мстили ему тѣмъ же, и ненависть между ними разгоралась все больше и больше.

Всеволода Великаго также сильно раздосадовалъ поступокъ Святослава, который позволилъ братьямъ перевязать Владимирскую дружину; онъ послалъ сказать ему: «Отдай мнѣ мою дружину добромъ, какъ ты ее у меня взялъ; захотѣлъ помириться съ братьями, мирись, а людей моихъ зачѣмъ выдалъ? я къ тебѣ ихъ послалъ по твоей же просьбѣ, ты у меня ихъ челомъ выбилъ; когда ты былъ ратенъ, и они были ратны, когда ты помирился, и они стали мирны.» Глѣбовичи, услыхавъ, что Всеволодъ Великій хочетъ идти на нихъ, послали ему сказать: «Ты отецъ намъ, ты господинъ, ты братъ; гдѣ твоя обида будетъ, то мы прежде тебя головы свои положимъ за тебя, а теперь не сердись на насъ; если мы воевали съ братомъ своимъ, то отъ того, что онъ насъ не слушается, а тебѣ кланяемся, и дружину твою отпускаемъ.» Всеволодъ не захотѣлъ мира, а когда Всеволодъ не хотѣлъ мира, то это значило, что война была очень выгодна и успѣхъ вѣренъ. Но въ слѣдующемъ году (1187) явился во Владимиръ Черниговскій епископъ Порфирій съ ходатайствомъ за Глѣбовичей, потому что Рязань принадлежала къ Черниговской епархіи; онъ уговорилъ Владимирскаго епископа Луку дѣйствовать съ нимъ за одно, и оба вмѣстѣ стали просить Всеволода за Глѣбовичей: Всеволодъ послушался ихъ и послалъ Порфирія въ Рязань съ миромъ; вмѣстѣ съ епископомъ отправились послы Всеволодовы и послы князей Черниговскихъ; они повели и плѣнниковъ Рязанскихъ, отпущенныхъ Всеволодомъ въ знакъ своего расположенія къ миру. Но Порфирій, пришедши въ Рязань, повелъ дѣло не такъ, какъ хотѣлъ Всеволодъ и тайкомъ отъ его пословъ. Всеволодъ разсердился, хотѣлъ было послать въ погоню за Порфиріемъ, но потомъ раздумалъ; впрочемъ, оставя въ покоѣ Порфирія, онъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ Глѣбовичей, и тѣмъ же годомъ выступилъ противъ нихъ въ походъ, взявши съ собою князя Муромскаго и Всеволода Глѣбовича изъ Коломны; онъ переправился черезъ Оку, и страшно опустошилъ Рязанскую волость [87]. Этимъ походомъ Всеволодъ, какъ видно, достигъ своей цѣли, потому что послѣ, во время войны съ Ольговичами, мы видимъ Рязанскихъ князей въ его войскѣ; притомъ же Пронскъ былъ возвращенъ Всеволоду Глѣбовичу, который тамъ вскорѣ и

теперь. Но когда въ 1207 году Всеволодъ Великій собрался идти на Ольговичей къ Чернигову, и соединившись въ Москвѣ съ сыномъ своимъ, Константиномъ Новгородскимъ, дожидался здѣсь также и прихода князей Рязанскихъ, то вдругъ пришла къ нему вѣсть, что послѣдніе обманываютъ его, сговорились съ Ольговичами, и идутъ къ нему для того, чтобъ послѣ удобнѣе предать его. Всѣ Рязанскіе дѣйствительно явились съ дружинами; ихъ было восмеро: Романъ и Святославъ Глѣбовичи, послѣдній съ двумя сыновьями, да племянники ихъ, сыновья умершихъ Игоря и Владиміра, двое Игоревичей—Ингварь и Юрій, и двое Владиміровичей — Глѣбъ и Олегъ. Всеволодъ принялъ ихъ всѣхъ радушно и позвалъ къ себѣ на обѣдъ; столъ былъ накрытъ въ двухъ шатрахъ: въ одномъ сѣли шестеро Рязанскихъ князей, а въ другомъ Великій князь Всеволодъ, и съ нимъ двое остальныхъ Рязанскихъ, именно Владиміровичи, Глѣбъ и Олегъ. Послѣдніе стали говорить Всеволоду: «Не вѣрь, князь, братьямъ нашимъ: они сговорились на тебя съ Черниговскими [380].» Всеволодъ послалъ уличать Рязанскихъ князей князя Давида Муромскаго и боярина своего Михаила Борисовича: обвиненные стали клясться, что и не думали ничего подобнаго; князь Давидъ и бояринъ Михаилъ долго ходили изъ одного шатра въ другой, наконецъ въ шатеръ къ Рязанскимъ явились родичи ихъ — Глѣбъ и Олегъ и стали уличать ихъ; Всеволодъ, слыша, что истина обнаружилась наконецъ [381], велѣлъ схватить уличенныхъ князей вмѣстѣ съ ихъ думцами, отвести во Владиміръ, а самъ на другой же день переправился черезъ Оку, и пошелъ къ Пронску, гдѣ сидѣлъ сынъ умершаго Всеволода Глѣбовича, Михаилъ; этотъ князь, слыша, что дядья его схвачены, и Всеволодъ приближается съ войскомъ къ его городу, испугался и убѣжалъ къ тестю своему въ Черниговъ,—знакъ, что онъ былъ также на сторонѣ схваченныхъ князей и на сторонѣ Черниговскаго князя, своего тестя; иначе для чего было бы ему бояться Всеволода, всегда благосклоннаго къ отцу его?

Жители Пронска взяли къ себѣ третьяго Владиміровича, Изяслава, не бывшаго, какъ видно, за одно съ родными братьями, и затворились въ городѣ. Всеволодъ послалъ къ нимъ боярина Михаила Борисовича съ мирными предложеніями, но они не хотѣли объ нихъ слышать, лѣтописецъ называетъ отвѣтъ ихъ буй-

ною рѣчью. Тогда Всеволодъ велѣлъ приступить къ городу со всѣхъ сторонъ и отнялъ воду у жителей; но тѣ не унывали, бились крѣпко изъ города и ночью крали воду; Всеволодъ велѣлъ стеречь и день и ночь, и разставилъ полки свои у всѣхъ воротъ: старшаго сына своего Константина съ Новгородцами и Бѣлозерцами поставилъ на горѣ у однихъ воротъ, Ярослава съ Переяславцами у другихъ, Давида съ Муромцами у третьихъ, а самъ съ сыновьями Юріемъ и Владиміромъ и съ двумя Владиміровичами сталъ за рѣкою съ поля Половецкаго (степи). Проняне все не сдавались, и дѣлали частыя вылазки не для того впрочемъ, чтобы биться съ осаждающими, но чтобъ достать воды, потому что помирали отъ жажды. Между тѣмъ у осаждающихъ стали выходить съѣстные припасы, и Всеволодъ отправилъ отрядъ войска подъ начальствомъ Олега Владиміровича на Оку, гдѣ стояли лодки его съ хлѣбомъ; на дорогѣ Олегъ узналъ, что двоюродный братъ его, третій Игоревичь Романъ, оставленный дядьями въ Рязани, вышелъ изъ нея съ войскомъ и напалъ на Владимирскихъ лодочниковъ, стоявшихъ у Ольгова[2,2]; получивши эту вѣсть, Владиміровичь бросился на помощь къ лодочникамъ; Рязанцы оставили послѣднихъ и сразились съ новоприбывшимъ отрядомъ, но были побѣждены, ставши между двумя непріятелями, между полкомъ Олега и лодочниками. Олегъ возвратился къ войску съ побѣдою и хлѣбомъ: тогда Проняне послѣ трехнедѣльной осады принуждены были сдаться; Всеволодъ далъ имъ въ князья Олега Владиміровича, а самъ пошелъ къ Рязани, сажая по всѣмъ городамъ своихъ посадниковъ, чѣмъ обнаруживалъ намѣреніе укрѣпить ихъ за собою. Онъ уже былъ въ двадцати верстахъ отъ старой Рязани, у села Добраго Сота, и хотѣлъ переправляться черезъ рѣку Проню, какъ явились къ нему Рязанскіе послы съ поклономъ, чтобъ не приходилъ къ ихъ городу; епископъ Рязанскій Арсеній также не разъ присылалъ къ нему говорить: «Князь Великій! не пренебреги мѣстами честными, не пожги церквей святыхъ, въ которыхъ жертва Богу и молитва приносится за тебя; а мы исполнимъ всю твою волю, чего только хочешь.» Всеволодъ склонился на ихъ просьбу и пошелъ назадъ черезъ Коломну во Владиміръ; воля Всеволода состояла въ томъ, чтобъ Рязанцы выдали ему всѣхъ остальныхъ князей своихъ и съ княгинями; Рязанцы

повиновались, и въ слѣдующемъ 1208 году пріѣхалъ къ нимъ княжить сынъ Всеволода Ярославъ. Рязанцы присягнули ему, но замышляя измѣну: стали хватать и ковать людей его, и нѣкоторыхъ уморили, засыпавши въ погребахъ. Тогда Всеволодъ пошелъ на Рязань, подъ которою былъ встрѣченъ сыномъ Ярославомъ; Рязанцы, по приказанію Всеволода, вышли на Оку на ряды, т. е. на судъ съ князем̀ъ своимъ Ярославомъ, но вмѣсто оправданія, прислали буйную рѣчь, по своему обычаю и непокорству, говоритъ лѣтописецъ; тогда Всеволодъ приказалъ захватить ихъ, потомъ послалъ войско въ городъ захватить ихъ женъ и дѣтей; городъ былъ зажженъ, а жители его расточены по разнымъ городамъ; такимъ же образомъ поступилъ онъ и съ Бѣлгородомъ, и пошелъ назадъ во Владимиръ, ведя съ собою всѣхъ Рязанцевъ и епископа ихъ Арсенія. Прежній князь Пронскій Михаилъ Всеволодовичь съ двоюроднымъ братомъ Изяславомъ Владиміровичемъ (выпущеннымъ, какъ видно, по сдачѣ Пронска), приходили въ томъ же году воевать волости Всеволодовы около Москвы, но были побѣждены сыномъ Великаго князя, Юріемъ, и спаслись только бѣгствомъ, потерявши всѣхъ своихъ людей[382]. Такъ разсказывается въ большей части извѣстныхъ намъ лѣтописей; но въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго читаемъ, что Всеволодъ, взявши Пронскъ, посадилъ здѣсь Муромскаго князя Давида, и что въ слѣдующемъ году Олегъ, Глѣбъ, Изяславъ Владиміровичи, и князь Михаилъ Всеволодовичь Рязанскіе приходили къ Пронску на Давида, говоря: «развѣ ему отчина Пронскъ, а не намъ?» Давидъ, послалъ имъ сказать: «Братья! я бы самъ не набился на Пронскъ: посадилъ меня въ немъ Всеволодъ; а теперь городъ вашъ, я иду въ свою волость.» Въ Пронскѣ сѣлъ Киръ Михаилъ, Олегъ же Владиміровичь умеръ въ Бѣлгородѣ въ томъ же году. Думаемъ, что должно предпочесть это извѣстіе, ибо трудно предположить, чтобы приходъ Рязанскихъ князей къ Пронску на Давида былъ выдуманъ со всѣми подробностями. Подъ тѣмъ же 1208 годомъ у Переяславскаго лѣтописца находится новое любопытное извѣстіе, что Всеволодъ III посылалъ воеводу своего Степана Здиловича къ Серенску, и городъ быль пожженъ. Посылка эта очень вѣроятна, какъ месть Всеволода Черниговскимъ князьямъ за изгнаніе сына его Ярослава, изъ Переяславля южнаго.

* *
*

Также грозенъ былъ Всеволодъ и другимъ сосѣднимъ князьямъ, Смоленскимъ: подъ 1206 годомъ находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что Смоленскій епископъ Михаилъ вмѣстѣ съ игуменомъ Отроча монастыря пріѣзжали во Владиміръ упрашивать Всеволода, чтобъ простилъ ихъ князя Мстислава Романовича за союзъ съ Ольговичами [384]. Новгороду Великому при Всеволодѣ также начинала было грозить перемѣна въ его старомъ бытѣ. Мы оставили Новгородъ въ то время, когда вопреки волѣ Боголюбскаго и Ростиславичей, жители его приняли къ себѣ въ князья сына Мстислава Изяславича, знаменитаго Романа, вслѣдствіе чего должны были готовиться къ опасной борьбѣ съ могущественнымъ княземъ Суздальскимъ. Въ 1169 году Даниславъ Лазутиничь, тотъ самый, который успѣлъ провести Романа въ Новгородъ, отправился на Сѣверную Двину за данью съ 400 человѣкъ дружины; Андрей послалъ семитысячный отрядъ войска перехватить его; но Даниславъ обратилъ въ бѣгство Суздальцевъ[385], убивши у нихъ 1300 человѣкъ, а своихъ потерявши только 15. Послѣ этого Лазутиничь отступилъ, какъ видно боясь идти дальше; но потомъ, спустя нѣсколько времени, двинулся опять впередъ и благополучно взялъ всю дань, да еще на Суздальскихъ подданныхъ другую. Андрей однако недолго сносилъ торжество Новгородцевъ; выгнавши отца изъ Кіева, онъ послалъ сильную рать выгонять сына изъ Новгорода: это было зимою 1169 года; войско повели сынъ Андреевъ Мстиславъ, да воевода Борисъ Жирославичь, была тутъ вся дружина и всѣ полки Ростовскіе и Суздальскіе; къ нимъ присоединились князья Смоленскіе—Романъ и Мстиславъ Ростиславичи, потомъ князья Рязанскіе и Муромскіе, войску, по свидѣтельству лѣтописца, и числа не было. Послѣ страшнаго опустошенія Новгородской волости, оно подошло къ городу; но жители его затворились съ своимъ молодымъ княземъ Романомъ, съ посадникомъ Якуномъ, и бились крѣпко; четыре приступа неудались; въ послѣдній изъ нихъ, продолжавшійся цѣлый день, князь Мстиславъ[386] въѣхалъ было уже въ ворота городскіе и убилъ нѣсколько человѣкъ, но былъ принужденъ возвратиться къ своимъ. Новгородцы и Романъ торжествовали побѣду, а между тѣмъ въ полкахъ у осаждающихъ обнаружился моръ на людяхъ и конскій падежъ. Рать Андреева должна была отступить, ничего не сдѣлавши, и от-

ступленіе это было гибельно по опустошенной странѣ: одни померли на дорогѣ, другіе кое-какъ дошли пѣшкомъ до домовъ, много попалось въ плѣнъ къ Новгородцамъ, которые продавали по двѣ ногаты человѣка. Но опустошеніе причиненное Андреевою ратью, имѣло тяжкія слѣдствія и для Новгорода: въ немъ сдѣлался сильный голодъ, а хлѣба можно было только достать съ востока, изъ областей Андреевыхъ; притомъ же Мстиславъ Изяславичь умеръ, не было больше основанія держать его сына, и вотъ Новгородцы показали путь Роману, а сами послали къ Андрею за миромъ и за княземъ. Къ нимъ явился княжить Рюрикъ Ростиславичь; неизвѣстно, какимъ образомъ Якунъ лишился посадничества: по всѣмъ вѣроятностямъ миръ съ Андреемъ и Ростиславичами условливалъ смѣну посадника, такъ сильно поддерживавшаго въ Новгородцахъ сопротивленіе Суздальскому князю. Преемникомъ Якуна является Жирославъ; но Рюрикъ отнялъ посадничество и у этого, и далъ его Ивану Захарьичу, сыну прежняго посадника Захаріи, который былъ убитъ народомъ за приверженность къ брату Рюрикову Святославу; Рюрикъ не только отнялъ посадничество у Жирослава, но даже выгналъ его изъ города, и тотъ ушелъ къ Андрею въ Суздаль. Но въ тотъ же годъ самъ Рюрикъ ушелъ изъ Новгорода: братъ его Романъ, сѣвши въ Кіевѣ, далъ ему волость на Руси, и Новгородцы отправили къ Андрею пословъ просить другаго князя; Андрей пока отпустилъ къ нимъ Жирослава посадничать съ своими боярами, а потомъ, въ слѣдующемъ году, прислалъ сына Юрія; но Жирославомъ, какъ видно, были недовольны въ Новгородѣ, и архіепископъ Илья отправился во Владимиръ къ Андрею, чтобъ уладить окончательно всѣ дѣла; слѣдствіемъ поѣздки было то, что посадничество опять отдали Ивану Захарьевичу.

Смерть Боголюбскаго повела снова къ перемѣнамъ въ Новгородѣ: сынъ его Юрій долженъ былъ уступить мѣсто сыну Мстислава Ростиславича, призваннаго Ростовцами; но въ тотъ же годъ самъ Мстиславъ, разбитый дядею Михаиломъ и выгнанный изъ Ростова, смѣнилъ сына въ Новгородѣ. Въ томъ же 1175 году умеръ посадникъ Иванъ Захарьевичь; посадничество получилъ опять было Жирославъ, но въ концѣ года лишился его снова, и мѣсто его заступилъ Завидъ Неревиничь, сынъ того

боярина Неревина, который былъ убитъ вмѣстѣ съ Захаріею. Только что успѣлъ Мстиславъ Ростиславичъ жениться въ Новгородѣ на дочери стараго Якуна Мирославича, какъ былъ позванъ опять Ростовцами, опять былъ побѣжденъ, выгнанъ дядею Всеволодомъ и пришелъ назадъ въ Новгородъ; но здѣсь показали ему путь вмѣстѣ съ сыномъ, котораго, какъ видно, онъ вторично оставилъ вмѣсто себя, и взяли князя изъ рукъ побѣдителя Всеволода, который прислалъ въ Новгородъ племянника своего Ярослава Мстиславича. Но Ростиславичъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, оставилъ по себѣ въ Новгородѣ сильную сторону, въ челѣ которой, разумѣется, долженъ былъ стоять тесть его Якунъ; въ слѣдующемъ же 1177 году онъ явился въ Новгородѣ, былъ посаженъ на столъ, брату его Ярополку дали Торжокъ, а Ярославу, прежнему князю Волокъ-Ламскій—знакъ, что онъ отступилъ отъ Всеволода къ врагамъ его Ростиславичамъ. Легко понять, что Всеволодъ не могъ спокойно видѣть послѣднихъ князьями въ сосѣднихъ волостяхъ Новгородскихъ; притомъ же не могъ онъ простить Новгородцамъ нарушеніе обѣщанія признавать его верховную власть и другаго обѣщанія придти къ нему на помощь въ войнѣ съ Глѣбомъ Рязанскимъ; въ 1178 году, когда Мстиславъ Ростиславичъ умеръ и Новгородцы посадили себѣ княземъ брата его Ярополка, Всеволодъ велѣлъ захватить по своей волости купцовъ Новгородскихъ; Новгородцы испугались и выгнали Ярополка; но князю новыхъ городовъ мало было одной чести давать изъ своихъ рукъ князей старому городу; онъ хотѣлъ какой-нибудь болѣе существенной пользы, и выступилъ въ походъ къ Торжку, жители котораго обѣщали давать ему дань; подойдя къ городу, Всеволодъ сначала не хотѣлъ было брать его приступомъ, дожидаясь исполненія обѣщаній; но дружина стала жаловаться и побуждать его къ приступу, говоря: «Мы не цѣловаться съ ними пріѣхали; они, князь, Богу лгутъ и тебѣ.» Войско бросилось къ городу и взяло его, жителей перевязали, городъ сожгли—за Новгородскую неправду, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что Новгородцы на одномъ днѣ цѣлуютъ крестъ и нарушаютъ свою клятву. Отправивъ плѣнныхъ Новоторжанъ во Владимиръ, Всеволодъ пошелъ къ Волоку-Ламскому; жители его успѣли выбѣжать, но князь ихъ Ярославъ Мстиславичъ былъ схваченъ и городъ сожженъ. Новгородцы

между тѣмъ послали за ближайшимъ къ себѣ князем, Романомъ Ростиславичемъ Смоленскимъ, который и пріѣхалъ къ нимъ; а Всеволодъ, довольный большою добычею, и, не желая, какъ видно, имѣть дѣла съ Ростиславичами южными, возвратился во Владимиръ.

Романъ недолго пожилъ въ Новгородѣ: въ слѣдующемъ же 1179 году онъ уѣхалъ назадъ въ Смоленскъ, и Новгородцы послали звать на княженіе брата его, Мстислава Ростиславича, знаменитаго своею борьбою съ Боголюбскимъ. Здѣсь начинается союзъ Новгорода съ двумя Мстиславами—отцемъ и сыномъ, самыми блестящими представителями старой, югозападной Руси, въ борьбѣ ея съ новою, сѣверовосточною. Союзъ этотъ былъ необходимъ по одинаковости стремленій: какъ Новгородъ, такъ и Мстиславы хотѣли поддержать старый порядокъ вещей противъ новаго, поддержать родовыя отношенія между князьями и вмѣстѣ старый бытъ старыхъ городовъ. Сперва Мстиславъ не хотѣлъ было идти въ Новгородъ по общей князьямъ этого племени привязанности къ югу, къ собственной Руси и по опасности, которая грозила тамъ Мономаховичамъ отъ Ольговичей: «Не могу выйти изъ своей отчины и разойтись съ братьями», говорилъ Мстиславъ. Онъ всѣми силами старался, говоритъ лѣтописецъ, трудиться для отчины своей; всегда стремился онъ къ великимъ дѣламъ, думая думу съ мужами своими, желая быть вѣренъ своему происхожденію, своему значенію княжескому (хотя исполнити отечествіе свое). Но братья и дружина уговаривали его идти въ Новгородъ; они говорили ему: «Если зовутъ тебя съ честію, то ступай; развѣ тамъ не наша же отчина?» Мстиславъ пошелъ, но положилъ на умѣ: «Если Богъ дастъ мнѣ здоровье, то никакъ не могу забыть Русской земли». Каковъ былъ характеръ этого Мстислава, представителя нашихъ старыхъ князей, какъ понималъ онъ обязанности своего званія, исполненіе отечествія своего, видно изъ того, что едва успѣлъ онъ придти въ Новгородъ, какъ началъ думать, куда бы пойти новоевать? Не задолго передъ тѣмъ, въ 1176 году, Чудь приходила на Псковскую землю, имѣла злую битву съ Псковичами, въ которой съ обѣихъ сторонъ легло много народу. И вотъ Мстиславъ вздумалъ пойти на Чудь; онъ созвалъ Новгородцевъ и сказалъ имъ: «Братья! поганые насъ обижаютъ; чтобы намъ, при-

звавши на помощь Бога и святую Богородицу, отомстить за себя и освободить землю Новгородскую отъ поганыхъ»? Люба была его рѣчь всѣмъ Новгородцамъ, и они отвѣчали ему: «Князь! если это Богу любо и тебѣ, то мы готовы». Мстиславъ собралъ Новгородское войско, и сочтя его, нашелъ 20,000 человѣкъ; съ такими-то сильными полками вошелъ онъ въ Чудскую землю, пожегъ ее всю, набралъ въ плѣнъ челяди и скота, и возвратился домой съ побѣдою, славою и честью великою, по словамъ лѣтописца. Возвращаясь изъ Чудской земли, по дорогѣ заѣхалъ Мстиславъ во Псковъ, перехваталъ тамъ сотскихъ, которые не хотѣли имѣть княземъ племянника его, Бориса Романовича, и, утвердившись съ людьми, пошелъ въ Новгородъ, гдѣ и провелъ зиму.

На весну онъ опять сталъ думать съ дружиною, куда бы еще пойти повоевать? и придумалъ пойти на зятя своего, Полоцкаго князя Всеслава: слишкомъ лѣтъ сто тому назадъ ходилъ дѣдъ Всеславовъ на Новгородъ, взялъ утвари церковныя, и одинъ Новгородскій погостъ завелъ за Полоцкъ; такъ теперь Мстиславъ хотѣлъ возвратить Новгородскую волость и отомстить за обиду; онъ уже стоялъ съ войскомъ на Лукахъ, когда явился къ нему посолъ отъ старшаго брата Романа изъ Смоленска; Романъ велѣлъ сказать ему: «Всеславъ тебя ничѣмъ не обижалъ, а если идешь на него такъ, безъ причины, то прежде ступай на меня». Вѣрный во всемъ старинѣ, Мстиславъ не хотѣлъ оскорбить старшаго брата, тѣмъ болѣе, что послѣдній уже отправилъ сына своего на помощь Всеславу, и Новгородцамъ пришлось бы сражаться съ Смолнянами вмѣсто Полочанъ. По возвращеніи въ Новгородъ Мстиславъ крѣпко занемогъ, потерялъ всѣ силы, едва могъ говорить; чувствуя, что долженъ скоро умереть, онъ взглянулъ на дружину свою, потомъ на княгиню, вздохнулъ глубоко, заплакалъ и началъ говорить: «Приказываю дитя свое Владиміра Борису Захарьевичу, и обоихъ ихъ отдаю братьямъ Рюрику и Давиду и съ волостью на руки; а обо мнѣ какъ Богъ промыслитъ [367]». После этого распоряженія Мстиславъ поднялъ руки къ небу, вздохнулъ, прослезился опять — и умеръ. Новгородцы похоронили его въ той же гробницѣ, гдѣ лежалъ первый князь, умершій у нихъ, Владиміръ Ярославичь, основатель Софійской церкви. Плакала по Мстиславѣ вся земля Новгородская, гово-

ритъ лѣтописецъ, особенно плакали горько лучшіе мужи; они такъ причитали на похоронахъ: «Уже нельзя теперь намъ будетъ поѣхать съ тобою на чужую землю, привести поганыхъ рабами въ область Новгородскую; ты замышлялъ много походовъ на всѣ стороны поганыя; лучше бы намъ теперь было умереть съ тобою! ты далъ намъ большую свободу отъ поганыхъ, точно такъ какъ дѣдъ твой Мстиславъ освободилъ насъ ото всѣхъ обидъ, ты поревновалъ ему и наслѣдовалъ путь дѣда своего; а теперь уже не увидимъ тебя больше, солнце наше зашло и остались мы беззащитные, всякой можетъ теперь обижать насъ». Мстиславъ, по свидѣтельству лѣтописца, былъ средняго роста, хорошъ лицемъ, украшенъ всякою добродѣтелію и благонравенъ, имѣлъ ко всѣмъ любовь, особенно былъ щедръ къ бѣднымъ, снабжалъ монастыри, кормилъ монаховъ и съ любовію принималъ ихъ, снабжалъ и мірскія церкви, потомъ и всему святительскому чину воздавалъ достойную честь; былъ крѣпокъ на рати, не жалѣлъ жизни за Русскую землю и за христіанъ; когда видѣлъ христіанъ, уводимыхъ въ плѣнъ погаными, то говорилъ дружинѣ своей: «Братья! не сомнѣвайтесь: если теперь умремъ за христіанъ, то очистимся отъ грѣховъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашу въ мученическую; если Богъ подастъ милость свою, то слава Богу, а если придется умереть, то все равно: надобно же когда-нибудь умирать». Такими словами онъ придавалъ смѣлость дружинѣ, и отъ всего сердца бился за отчину свою; а дружину свою любилъ, имѣнія не щадилъ для нея, золота и серебра не собиралъ, а раздавалъ дружинѣ, или раздавалъ церквамъ и нищимъ для спасенія души своей. Не было уголка на Руси, гдѣ бы его не хотѣли и не любили; сильно горевали братья, услыхавши о его смерти, плакала по немъ вся Русская земля, не могши забыть доблестей его, и Черные Клобуки всѣ не могли забыть его приголубленія (1180 г.).

По смерти Мстислава Новгородцамъ предстоялъ выборъ: у кого просить себѣ князя? взять ли его изъ рукъ Всеволода III-го Суздальскаго, князя новой, сѣверной Руси, или изъ рукъ Святослава Всеволодовича, который сидѣлъ въ Кіевѣ, и потому считался старшимъ въ старой, южной Руси? Новгородцы поступили по старинѣ, и взяли у Святослава сына его Владиміра, тѣмъ болѣе, что Всеволодъ недавно показалъ уже свою непріязнь къ

Новгороду, показалъ, что былъ братомъ Боголюбскаго. Взявши къ себѣ въ князья Владиміра, Новгородцы участвовали въ войнѣ отца его Святослава со Всеволодомъ и, конечно, по желанію Святослава, посадили опять въ Торжкѣ племянника и стараго врага Всеволодова, Ярополка Ростиславича, что не могло не повести къ враждебнымъ столкновеніямъ съ Суздальскимъ княземъ: въ то время, когда Новгородцы отправили полки свои къ Друцку на помощь Святославу, Всеволодъ явился въ другой разъ у Торжка и осадилъ въ немъ Ярополка; Новоторжане пять недѣль сидѣли въ осадѣ, терпя страшный голодъ, и когда князь ихъ Ярополкъ былъ раненъ въ сшибкѣ, то сдались Всеволоду; тотъ повелъ съ собою въ оковахъ Ярополка, вывелъ и всѣхъ Новоторжанъ съ женами и дѣтьми, а городъ ихъ сжегъ. Новгородцы увидали, что опасность отъ Всеволода близка и велика, а на помощь изъ Чернигова плохая надежда, и потому, выгнавши Владиміра Святославича, послали за княземъ ко Всеволоду: тотъ далъ имъ свояка своего, Ярослава Владиміровича, безземельнаго сына безземельнаго отца, Владиміра Мстиславича. Но Ярославъ немного нажилъ въ Новгородѣ: онъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе, и Всеволодъ вывелъ его изъ Новгорода, жители котораго, какъ видно не безъ вѣдома и согласія его, призвали къ себѣ изъ Смоленска Мстислава Давидовича [386]. Посадникъ Завидъ Неревиничь былъ смѣненъ тотчасъ по прибытіи Владиміра Святославича въ Новгородъ—знакъ, что онъ не былъ за Ольговича; мѣсто его получилъ Михаилъ Степановичь; изгнаніе Ольговича должно было повести и къ смѣнѣ посадника: Михаилъ Степановичь былъ сверженъ, и на его мѣсто возведенъ опять Завидъ; но въ 1186 году Завидъ снова потерялъ свою должность и ушелъ къ Давиду въ Смоленскъ, а на его мѣсто былъ возведенъ опять Михаилъ Степановичь. Родственники и пріятели Завида не переставали однако дѣйствовать, но были пересилены противною стороною: родной братъ Завида, Гаврило Неревиничь былъ свергнутъ съ моста, вмѣстѣ съ какимъ-то Ивачемъ Свеневичемъ. Любопытно, что въ то же время вспыхнуло возстаніе Смольнянъ противъ князя Давида, и пало, говоритъ лѣтописецъ, много головъ лучшихъ мужей. Быть можетъ, эти событія въ Новгородѣ и Смоленскѣ имѣютъ какую-нибудь связь между собою; нѣтъ сомнѣнія, что Новгородскія волненія,

борьба сторонъ Завидовой и Михайловой были связаны съ перемѣною князей: Завидъ, бывшій посадникомъ при Мстиславѣ Храбромъ, стоялъ за Ростиславичей: на это указываетъ смѣна его при Ольговичѣ, и уходъ его къ Давиду въ Смоленскъ послѣ вторичной потери должности; сторона Михайла Степановича была вмѣстѣ стороною князя Ярослава, и потому неудивительно, что когда она восторжествовала надъ противною стороною, то въ слѣдующемъ же 1187 году Мстиславъ Давидовичь былъ изгнанъ, и Новгородцы послали ко Всеволоду во Владиміръ опять просить Ярослава Владиміровича — знакъ, что послѣдній былъ прежде выведенъ не вслѣдствіе всеобщаго негодованія, но вслѣдствіе негодованія одной только стороны. Посадникъ при этомъ не былъ смѣненъ; но черезъ годъ противная сторона начала брать верхъ: у Михаила Степановича отняли посадничество и дали его Мирошкѣ Нездиничу, котораго отецъ Незда былъ убитъ за приверженность къ Ростиславичамъ Смоленскимъ, слѣдовательно имѣемъ право думать, что Мирошка наслѣдовалъ отъ отца эту приверженность, и стоялъ за Мстислава Давидовича противъ Ярослава. Въ справедливости послѣдняго утверждаетъ насъ извѣстіе, что въ 1195 году Мирошка вмѣстѣ съ Борисомъ Жирославичемъ и соцкимъ Никифоромъ, Иванкомъ, Ѳомою отправились къ Всеволоду съ просьбою смѣнить Ярослава и дать на его мѣсто сына своего. Что же сдѣлалъ Всеволодъ? чтобъ оставить Ярослава спокойнымъ въ Новгородѣ, онъ задержалъ Мирошку съ товарищами, какъ главъ противной Ярославу стороны; потомъ отпустилъ Бориса и Никифора, но продолжалъ держать Мирошку, Иванка и Ѳому, не смотря на просьбы изъ Новгорода о ихъ возвращеніи; наконецъ отпустилъ Ѳому, но все держалъ Мирошку и Иванка. Это разсердило Новгородцевъ, т. е. сторону, противную Ярославу; послѣдній былъ изгнанъ, и посолъ отправился въ Черниговъ просить сына у тамошняго князя; что здѣсь дѣйствовала только одна сторона, доказываютъ слова лѣтописца, который говоритъ, что добрые люди жалѣли объ Ярославлѣ, а злые радовались его изгнанію. Но прошло то время, когда изгнанные князья уѣзжали изъ Новгорода, не думая о мести; мы видѣли, что уже Святославъ Ростиславичь, надѣясь на помощь Боголюбскаго, не хотѣлъ спокойно оставить области Новгородской; Ярославъ Владиміровичь послѣдовалъ его

примѣру: онъ засѣлъ въ Торжкѣ, гдѣ жители приняли его съ поклономъ, и сталъ брать дани по всему Верху, по Мстѣ, и даже за Волокомъ, а Всеволодъ въ тоже время перехватывалъ всѣхъ Новгородцевъ и непускалъ изъ Владимира; впрочемъ здѣсь держалъ ихъ не въ заперти.

Между тѣмъ изъ Чернигова пріѣхалъ князь, Ярополкъ Ярославичь, но просидѣлъ въ Новгородѣ только шесть мѣсяцевъ: вражда съ Владимирскимъ княземъ и съ Ярославомъ, который сидѣлъ въ Торжкѣ и бралъ дани, не могла быть выгодна для Новгородцевъ; пользуясь этимъ, сторона Ярославова восторжествовала, изгнала въ 1197 году Ярополка, и послали въ Торжокъ за Ярославомъ; тотъ однако не поѣхалъ прямо въ Новгородъ, но сперва отправился во Владимиръ ко Всеволоду, который, какъ видно, не хотѣлъ позволить, чтобъ Новгородцы присвоивали себѣ право ссориться и мириться съ князьями безъ его вѣдома; во Владимиръ должны были ѣхать изъ Новгорода лучшіе люди (передніе мужи), и соцкіе; тамъ изъ рукъ Всеволода приняли они Ярослава со всею правдою и честію, по выраженію лѣтописца; когда, говоритъ тотъ же лѣтописецъ, Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то помирился съ людьми и стало все по добру, возвратился по здорову и посадникъ Мирошка, просидѣвши два года за Новгородъ, и рады были въ Новгородѣ всѣ отъ мала и до велика; сынъ Ярославовъ, Изяславъ былъ посаженъ въ Лукахъ, чтобъ быть защитою (оплечьемъ) Новгороду отъ Литвы [289]. Есть очень вѣроятное по обстоятельствамъ извѣстіе [290], что Новгородцы приняли Ярослава на всей волѣ великаго Всеволода, который съ этихъ поръ сталъ располагать Новгородомъ, какъ располагалъ имъ Мономахъ или сынъ его Мстиславъ. Но миръ Ярослава съ Мирошкою и его стороною былъ непродолжителенъ, и черезъ годъ (1199 г.) пріѣхали во Владимиръ изъ Новгорода лучшіе люди, родственники и пріятели Мирошки, которые отдали князю поклонъ и просьбу отъ всего Новгорода: «Ты господинъ, говорили они, ты Юрій, ты Владиміръ! просимъ у тебя сына княжить въ Новгородъ, потому что тебѣ отчина и дѣдина Новгородъ.» Всеволодъ согласился, вывелъ Ярослава изъ Новгорода, приказавъ ѣхать къ себѣ, а владыкѣ, посаднику Мирошкѣ и лучшимъ людямъ велѣлъ также явиться во Владимиръ и взять оттуда къ себѣ на княженіе сына

своего, десятилѣтняго Святослава, на всей волѣ великокняжеской [391]; на дорогѣ преставился архіепископъ Мартирій, и Всеволодъ, вопреки старому обычаю Новгородцевъ—выбирать владыку на вѣчѣ, самъ, договоря только съ посадникомъ, выбралъ и послалъ къ нимъ архіепископа Митрофана, котораго потомъ отправили къ митрополиту на постановленіе съ Новгородскими мужами и Всеволодовыми. Въ 1203 году умеръ посадникъ Мирошка, и его мѣсто заступилъ соперникъ его, старый посадникъ Михаилъ Степановичь; черезъ годъ Всеволодъ прислалъ сказать Новгородцамъ: «въ землѣ вашей рать ходитъ [392], а князь вашъ, сынъ мой Святославъ малъ, такъ даю вамъ старшаго сына своего, Константина.» О рати въ продолженіе трехъ предыдущихъ лѣтъ нѣтъ извѣстій, а что Всеволодъ при этой перемѣнѣ могъ руководиться какими-нибудь внутренними волненіями въ Новгородѣ, доказательствомъ служитъ смѣна посадника тотчасъ по смѣнѣ князя, или лучше сказать, по смѣнѣ бояръ Владимирскихъ, управлявшихъ именемъ малолѣтняго Святослава: у Михаила Степановича посадничество отняли и дали сыну покойнаго Мирошки, Димитрію [393]; что малолѣтный Святославъ и посадникъ Михаилъ были смѣнены по жалобамъ Новгородцевъ, доказываютъ слова лѣтописца, что по прибытіи Константина весь городъ обрадовался исполненію своего желанія. Владимирскій лѣтописецъ говоритъ, что когда Всеволодъ отпускалъ Константина въ Новгородъ, то сказалъ ему: «Сынъ мой Константинъ! на тебѣ Богъ положилъ старшинство во всей братьѣ твоей, а Новгородъ Великій старшее княженье во всей Русской землѣ; по имени твоемъ и хвала твоя такая: не только Богъ положилъ на тебѣ старшинство въ братьи твоей, но и во всей Русской землѣ; и я тебѣ даю старшинство, поѣзжай въ свой городъ.»

Новый посадникъ Мирошкиничь, съ братьею и пріятелями, опираясь на силу Суздальскаго князя, захотѣли обогащаться на счетъ жителей и позволили себѣ такіе поступки, которые возстановили противъ нихъ весь городъ; въ челѣ недовольныхъ, какъ видно, стоялъ какой-то Алексѣй Сбыславичь; братъ посадника, Борисъ Мирошкиничь отправился во Владимиръ ко Всеволоду, и возвратился оттуда съ бояриномъ послѣдняго Лазаремъ, который привезъ повелѣніе убить Алексѣя Сбыславича, и повелѣніе было исполнено: Алексѣя убили на Ярославовомъ

дворѣ—безъ вины, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что обычнаго условія съ княземъ—не казнить безъ объявленія вины, не существовало болѣе: Всеволодъ распоряжался самовластно въ Новгородѣ. Въ слѣдъ за этимъ событіемъ Всеволодъ пошелъ на Черниговъ и велѣлъ Константину съ Новгородскими полками слѣдовать за собою въ походъ; мы видѣли, что Константинъ соединился съ отцемъ въ Москвѣ, но вмѣсто Чернигова пошли на Рязань. Какъ видно во время этого похода Новгородцамъ удалось довести до свѣдѣнія Великаго князя о поступкахъ посадника съ товарищами: по окончаніи похода, отпуская Новгородцевъ съ Коломны домой, Всеволодъ щедро одарилъ ихъ, и, по выраженію лѣтописца, далъ имъ всю волю и уставы старыхъ князей, чего они именно хотѣли; онъ сказалъ имъ: «Кто до васъ добръ, того любите, а злыхъ казните;» сына Константина, посадника Димитрія, тяжело раненаго подъ Пронскомъ, и семерыхъ изъ лучшихъ мужей онъ оставилъ при себѣ: первое и послѣднее обстоятельство могутъ показывать что новыя распоряженія Всеволода происходили именно вслѣдствіе жалобъ Новгородскихъ, возбудившихъ неудовольствіе Великаго князя на посадника съ пріятелями его и на самого сына, который позволялъ имъ насильственные поступки. Какъ бы то ни было, когда Новгородскіе полки пришли домой, то немедленно созвали вѣче на посадника Димитрія и на братью его, обвиняя ихъ въ томъ, что они приказывали на Новгородцахъ и по волости брать лишніе поборы, купцамъ велѣли платить дикую виру и возить повозы, и въ разныхъ другихъ насильственныхъ поступкахъ, во всякомъ злѣ, по выраженію лѣтописца. На вѣчѣ положили идти на домы обвиненныхъ грабежомъ, дворъ Мирошкинъ и дворъ Дмитріевъ зажгли [294], имѣніе ихъ взяли, села и рабовъ распродали, и раздѣлили по всему городу, а долговыя записи оставили князю; кто при этомъ тайкомъ нахваталъ разныхъ вещей, о томъ Богъ одинъ знаетъ, говоритъ лѣтописецъ; извѣстно только, что многіе разбогатѣли послѣ грабежа Мирошкиничей. Народное озлобленіе противъ бывшаго посадника дошло до того, что когда привезли тѣло Димитрія, умершаго во Владимирѣ, то Новгородцы хотѣли сбросить его съ моста, едва архіепископъ Митрофанъ успѣлъ удержать ихъ. Княземъ явился въ Новгородъ прежде бывшій здѣсь Святославъ Всеволодо-

вичъ, а въ посадники выбрали Твердислава Михайловича, по всѣмъ вѣроятностямъ, сына покойнаго Михайла Степановича, соперника Мирошки: ненависть къ роду послѣдняго естественно должна была побудить къ этому выбору; Новгородцы поцѣловали крестъ, что не хотятъ держать у себя ни дѣтей Димитріевыхъ, ни братьевъ, ни пріятелей, и новый князь Святославъ отослалъ ихъ въ заточеніе къ отцу, другіе откупились большими деньгами.

Перемѣна князя впрочемъ не перемѣнила дѣлъ въ Новгородѣ, не удовлетворила всѣмъ сторонамъ: сынъ Всеволода, какъ бы онъ ни назывался, Константинъ или Святославъ, не могъ обходиться съ Новгородцами, какъ обходились съ ними прежніе князья изъ югозападной Руси, и вотъ по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, недовольные послали въ Торопецъ къ тамошнему князю, Мстиславу, сыну знаменитаго Мстислава Храбраго, съ просьбою избавить Новгородъ отъ Суздальскихъ притѣсненій. Мстиславъ согласился принять на себя наслѣдственную обязанность ратовать за старую Русь, за старый порядокъ вещей противъ новаго, который вводили Юрьевичи сѣверные; но, не будучи увѣренъ еще, какъ видно, хотятъ ли его Новгородцы всѣмъ городомъ, захватилъ сперва Торжокъ, заковалъ дворянъ Святославовыхъ и посадниковъ, имѣніе ихъ разграбили, чья только рука до него дошла, послѣ чего послалъ сказать Новгородцамъ: «Кланяюсь св. Софіи, гробу отца моего, и всѣмъ Новгородцамъ: пришелъ я къ вамъ, услыхавъ о насиліяхъ, которыя вы терпите отъ князей, жаль мнѣ стало своей отчины.» Новгородцы послали къ нему съ отвѣтомъ: «Ступай, князь, на столъ;» а Святослава Всеволодовича заперли въ архіепископскомъ домѣ и съ дружиною до тѣхъ поръ, пока управятся съ отцемъ. Мстиславъ пріѣхалъ въ Новгородъ, былъ принятъ съ большею радостію, и тотчасъ же двинулся къ Торжку, потому что Всеволодъ захватилъ купцовъ Новгородскихъ по своимъ волостямъ, и отправилъ сыновей съ войскомъ къ Новгородскимъ границамъ; но битвы не было: мы видѣли, какъ Всеволодъ остерегался вступать въ рѣшительныя сраженія съ князьями старой Руси, притомъ же теперь сынъ его сидѣлъ плѣнникомъ въ Новгородѣ; Всеволодъ, по словамъ лѣтописца, прислалъ сказать Мстиславу слова, совершенно тому понятныя:

«Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ; отпусти Святослава съ дружиною, и отдай все, что захватилъ, а я также отпущу гостей и товары ихъ.» Мстиславъ согласился, и миръ былъ заключенъ[1]. Какъ видно изъ послѣдующаго поведенія посадника Твердислава, такъ сильно стоявшаго за старину, онъ не могъ быть на сторонѣ Юрьевичей; вѣроятно онъ не менѣе другихъ радовался и содѣйствовалъ перемѣнѣ, и потому не могъ быть смѣненъ вслѣдствіе этой перемѣны. Но скоро по утвержденіи Мстислава въ Новгородѣ явился съ юга изъ Руси Димитрій Якуновичъ, сынъ старшаго посадника Якуна Мирославича; мы видѣли, что Якунъ былъ въ тѣсной связи съ Ростиславичами сѣверными, врагами Всеволода, дочь его была за Мстиславомъ Ростиславичемъ; когда Всеволодъ утвердилъ свою власть надъ Новгородомъ, то сынъ Якуна, Димитрій принужденъ былъ искать убѣжища въ Руси, и возвратился теперь въ Новгородъ, когда уже нечего было болѣе бояться Суздальскаго князя: Твердиславъ уступилъ ему добровольно посадничество, какъ старшему. Но если Твердиславъ не могъ быть заподозрѣнъ въ пріязни къ Всеволоду, то очень легко могъ быть заподозрѣнъ архіепископъ Митрофанъ, данный Новгороду Всеволодомъ вопреки старому обычаю: и вотъ Мстиславъ вмѣстѣ съ Новгородцами свергнули Митрофана, который былъ отведенъ въ Торопецъ (1211 г.).

Такимъ образомъ и Великій Всеволодъ при концѣ жизни своей, подобно брату Андрею, долженъ былъ потерпѣть неудачу въ своихъ стремленіяхъ, благодаря князьямъ старой Руси: войска Андрея бѣжали со стыдомъ отъ Мстислава—отца, Всеволодъ долженъ былъ уступить Новгородъ Мстиславу—сыну, долженъ былъ заговорить съ нимъ его языкомъ. Въ 1212 году Всеволодъ сталъ изнемогать, и хотѣлъ при жизни урядить сыновей, которыхъ у него было шестеро—Константинъ, Юрій, Ярославъ, Святославъ, Владиміръ, Иванъ. Онъ послалъ за старшимъ Константиномъ, княжившимъ въ Ростовѣ, желая дать ему послѣ себя Владиміръ, а въ Ростовъ послать втораго сына Юрія. Но Константинъ не соглашался на такое распоряженіе, ему непремѣнно хотѣлось получить и Ростовъ и Владиміръ: старшинство обоихъ городовъ, какъ видно, было еще спорное и тогда, и Константинъ боялся уступить тотъ или другой младшему брату; какъ видно, онъ опасался еще старинныхъ притязаній Росто-

ковъ, которыми могъ воспользоваться Юрій: «Батюшка! велѣлъ онъ отвѣчать Всеволоду: если ты хочешь меня сдѣлать старшимъ, то дай мнѣ старый начальный городъ Ростовъ и къ нему Владимиръ, или если тебѣ такъ угодно, дай мнѣ Владимиръ и къ нему Ростовъ[306].» Всеволодъ разсердился, созвалъ бояръ и долго думалъ съ ними, какъ быть? потомъ послалъ за епископомъ Іоанномъ, и по совѣту съ нимъ, порѣшилъ отдать старшинство младшему сыну Юрію мимо старшаго, ослушника воли отцовской: явленіе важное! мало того, что на Сѣверѣ отнято было старшинство у стараго города и передано младшему, пригороду, отнято было отцемъ старшинство у старшаго сына въ пользу младшаго; нарушенъ былъ коренной обычай, и младшіе князья на сѣверѣ не преминутъ воспользоваться этимъ примѣромъ; любопытно, что бояре не рѣшились присовѣтовать князю эту мѣру, рѣшился присовѣтовать ее епископъ. — 14 апрѣля умеръ Всеволодъ, на 64 году своей жизни, княживъ въ Суздальской землѣ 37 лѣтъ. Онъ былъ украшенъ всѣми добрыми нравами, по отзыву сѣвернаго лѣтописца, который не упускаетъ случая оправдывать вводимый Юрьевичами порядокъ, и хвалить ихъ за это: Всеволодъ, по его словамъ, злыхъ казнилъ, а добромысленныхъ миловалъ, потому что князь на даромъ мечь носитъ, въ месть злодѣямъ и въ похвалу добро творящимъ; одного имени его трепетали всѣ страны, по всей землѣ пронеслась его слава, всѣхъ враговъ (зломысловъ) Богъ покорилъ подъ его руки. Имѣя всегда страхъ Божій въ сердцѣ своемъ, онъ подавалъ требующимъ милостыню, судилъ судъ истинный и нелицемѣрный, не взирая на сильныхъ бояръ своихъ, которые обижали меньшихъ людей.

Сѣверная Русь лишилась своего Всеволода; умирая, онъ ввергнулъ мечь между сыновьями своими, и злая усобица между ними грозила разрушить дѣло Андрея и Всеволода, если только это дѣло было произведеніемъ одной ихъ личности; югозападная, старая Русь высвобождалась отъ тяготѣвшаго надъ нею вліянія сѣверной, послѣдняя связь между ними — старшинство и сила Юрьевичей — рушилась, и надолго теперь они разрознятся, будутъ жить особою жизнію до тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ явятся опять государи единовластные, собиратели Русской земли; тогда опять послышится слово, что нельзя южной Руси быть безъ сѣверной и послѣдуетъ окончательное соединеніе ихъ. Но по смерти

Всеволода казалось, что южная Русь не только освободится отъ вліянія сѣверной, но, въ свою очередь, подчинитъ ее своему вліянію; ибо когда сѣверная Русь лишилась Всеволода и сыновья его губили свои силы въ усобицахъ, у Руси южной оставался Мстиславъ, котораго доблести начали съ этихъ поръ обнаруживаться самымъ блистательнымъ образомъ: ни въ Русской, ни въ сосѣднихъ странахъ не было князя храбрѣе его; куда ни явится, всюду принесетъ съ собою побѣду; онъ не будетъ дожидаться пока сѣверный князь пришлетъ на югъ многочисленные полки, чтобъ отразить ихъ, какъ отецъ его отразилъ полки Андреевы, онъ самъ пойдетъ въ глубь этого страшнаго, суроваго, сжимающаго сѣвера, и тамъ поразитъ его князей, надѣющихся на свое громадное ополченіе, и вмѣстѣ уничтожитъ завѣщаніе Всеволода; въ Руси Днѣпровской онъ не дастъ Мономахова племени въ обиду Ольговичамъ; наконецъ вырветъ Галичь изъ рукъ иноплеменниковъ. Казалось бы, какая блистательная судьба должна была ожидать югозападную Русь при Мстиславѣ, какія важныя, продолжительныя слѣдствія должна была оставить въ ней его дѣятельность—если только судьба югозападной Руси могла зависѣть отъ одной личности Мстиславовой!

Въ 1212 году умеръ Всеволодъ Великій, и въ 1213 г. уже встрѣчаемъ извѣстіе объ усобицѣ сыновей его. Константинъ не могъ спокойно сносить потерю старшинства, по словамъ лѣтописи, онъ разгорѣлся яростію, воздвигнулъ брови свои гнѣвомъ на брата Юрія и на всѣхъ думцевъ, которые присовѣтовали старому Всеволоду отнять у него старшинство, и тотчасъ же наступило сильное волненіе въ Суздальской землѣ: люди толпами стали перебѣгать съ одной стороны на другую [337]. Между прочими князь Святославъ Всеволодовичь, разсердившись за что-то на брата Юрія, бѣжалъ отъ него къ большому брату Константину въ Ростовъ; другой Всеволодовичь, Владиміръ, князь Юрьевскій также былъ противъ Владимирскаго князя. Видя это, послѣдній спѣшилъ заключить крѣпкій союзъ по крайней мѣрѣ съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, княземъ Переяславскимъ; онъ сказалъ ему: «Братъ Ярославъ! если пойдетъ на меня Константинъ или Владиміръ, будь ты со мною заодно, а если противъ тебя пойдутъ, то я приду къ тебѣ на помощь». Ярославъ согласился, поцѣловалъ съ Юріемъ крестъ, и отправился въ свой

Переяславль, гдѣ созвалъ жителей къ св. Спасу и сказалъ имъ: «Братья Переяславцы! отецъ мой отошелъ къ Богу, васъ отдалъ мнѣ, а меня далъ вамъ на руки; скажите же мнѣ, братцы: хотите ли имѣть меня своимъ княземъ и головы свои сложить за меня»? Переяславцы отвѣчали въ одинъ голосъ: «И очень хотимъ; ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ»! Послѣ чего всѣ цѣловали ему крестъ [398]. Въ то время, какъ это происходило въ Переяславлѣ, въ Ростовѣ Константинъ все злобился на Юрія, толковалъ: «ну развѣ можно сидѣть на отцовскомъ столѣ меньшему, а не мнѣ большому»? и сбирался идти на Владимиръ съ братомъ Святославомъ. Юрій боялся войны, и послалъ сказать ему «Братъ Константинъ! Если хочешь Владимира, то ступай садись въ немъ, а мнѣ дай Ростовъ». Но Константинъ не хотѣлъ этого: онъ хотѣлъ въ Ростовѣ посадить сына своего Василька, а самъ хотѣлъ сѣсть во Владимирѣ и отвѣчалъ Юрію: «Ты садись въ Суздалѣ». Юрій не согласился, и послалъ сказать брату Ярославу: «Идетъ на меня братъ Константинъ; ступай къ Ростову, и какъ тамъ Богъ дастъ: уладимся или станемъ биться». Ярославъ пошелъ съ своими Переяславцами, а Юрій съ Владимирцами и Суздальцами, и стали у Ростова за рѣкою Ишнею, а Константинъ разставилъ свои полки на бродахъ подлѣ рѣки, и начали биться объ нее; рѣка была очень грязна, и потому Юрію съ Ярославомъ нельзя было подойти къ городу, они пожгли только села вокругъ, скотъ угнали, да жито потравили; потомъ, простоявши другъ противъ друга четыре недѣли, братья помирились и разошлись по своимъ городамъ. Но усобица была далека до конца; Юрій зналъ, что миръ не надеженъ и принималъ свои мѣры: ему какъ видно, трудно было удерживать за собою отцовское пріобрѣтеніе, Рязанскія волости, которыхъ князья и дружины ихъ томились въ тюрьмахъ Владимирскихъ; онъ освободилъ ихъ, одарилъ и князей и дружину золотомъ, серебромъ, конями, утвердился крестнымъ цѣлованіемъ и отпустилъ въ Рязань.

Скоро началась опять усобица; началъ ее Владиміръ Всеволодовичь: онъ выбѣжалъ изъ своего Юрьева сперва на Волокъ, а оттуда на Москву и сѣлъ здѣсь, отнявши этотъ городъ у Юрія. Потомъ началъ наступать и Константинъ: отнялъ у Юрія Соли-галичь, пожегъ Кострому, а у Ярослава отнялъ Нерехту; оби-

женные братья собрали полки и пошли опять къ Ростову вмѣстѣ съ князьемъ Давидомъ Муромскимъ, остановились на старомъ мѣстѣ за рѣкою Ишнею, и велѣли людямъ своимъ жечь села. Между тѣмъ Владиміръ съ Москвичами и дружиною своею пошелъ къ Димитрову, городу Ярославову; Димитровцы сами пожгли всѣ посады, затворились и отбили всѣ приступы, и Владиміръ, испуганный вѣстію о приближеніи Ярослава, бѣжалъ отъ города назадъ въ Москву, потерявши задній отрядъ своей дружины, который перерѣзали Димитровцы, гнавшіеся за бѣглецами. Юрій и Ярославъ стояли все у Ростова, не вступая въ битву, по сѣверному обычаю, и опять помирились, выговоривши у Константина, чтобъ онъ не только не помогалъ Владиміру, но чтобъ еще далъ полки свои для отнятія у послѣдняго Москвы. Пришедши къ Москвѣ, Юрій послалъ сказать Владиміру: «Пріѣзжай ко мнѣ, не бойся, я тебя не съѣмъ, ты мнѣ свой братъ». Владиміръ пріѣхалъ, и братья уговорились, чтобъ Владиміръ отдалъ Москву назадъ Юрію, а самъ отправился княжить въ Переяславль южный.

Такимъ образомъ два раза младшій Всеволодовичъ, Юрій одержалъ верхъ надъ старшимъ Константиномъ, и казалось, что послѣдній, потерпя два раза неудачу, долженъ былъ отказаться отъ попытокъ добыть Владимиръ, какъ вдругъ сѣверная Русь пришла въ столкновеніе съ южной, послѣдняя одержала блистательную побѣду надъ первою, необходимымъ слѣдствіемъ чего было возстановленіе старины, хотя на время. Мѣстомъ столкновенія былъ Новгородъ Великій. Три года княжилъ здѣсь Мстиславъ, ходилъ на Чудь до самаго моря, бралъ съ нея дань, двѣ части отдавалъ Новгородцамъ, третью дружинѣ своей; Новгородцамъ нравился такой князь, все было тихо, какъ вдругъ, въ 1214 году, пришла къ Мстиславу вѣсть изъ Руси отъ братьевъ, что Ольговичи обижаютъ тамъ Мономаховичей. Рюрикъ Ростиславичь, какъ видно, умеръ почти въ одно время съ сватомъ своимъ, Всеволодомъ Великимъ [***], и Всеволодъ Чермный рѣшилъ воспользоваться ихъ смертію, чтобъ вытѣснить изъ Руси Мономаховичей; предлогомъ къ войнѣ послужили событія Галицкія, именно повѣшеніе Игоревичей боярами; такъ какъ мѣсто Ольговичей занялъ въ Галичѣ Мономаховичь Даніилъ, то Чермный объявилъ ближайшимъ къ себѣ Мономаховичамъ: «Вы повѣсили въ Галичѣ двоихъ братьевъ моихъ, князей, какъ зло-

дѣевъ, и положили укоризну на всѣхъ: такъ нѣтъ вамъ части въ Русской землѣ»! Тогда внуки Ростиславовы послали въ Новгородъ сказать Мстиславу: «Всеволодъ Святославичь не даетъ намъ части въ Русской землѣ; приходи, поищемъ своей отчины». Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сталъ звать Новгородцевъ въ Кіевъ на Всеволода Чермнаго; Новгородцы отвѣчали ему: «куда, князь, ты посмотришь, туда мы бросимся головами своими». Мстиславъ пошелъ съ ними на югъ; но въ Смоленскѣ Новгородцы завели ссору съ жителями, убили одного Смольнянина, и не хотѣли идти дальше; по нѣкоторымъ очень вѣроятнымъ извѣстіямъ [400], Новгородцы не хотѣли уступить перваго мѣста полкамъ Смоленскимъ, которые велъ Мстиславъ Романовичь, старшій между внуками Ростиславовыми. Мстиславъ Мстиславичь сталъ звать Новгородцевъ на вѣче, но они не пошли; тогда онъ, перецѣловавши всѣхъ, поклонился и пошелъ одинъ съ дружиною при Смоленскихъ полкахъ. Новгородцы начали одумываться, собрались на вѣче, и стали разсуждать, что дѣлать? Посадникъ Твердиславъ [401] сказалъ имъ: «Какъ трудились наши дѣды и отцы за Русскую землю, такъ, братья, и мы пойдемъ за своимъ княземъ». Новгородцы послушались посадника, нагнали Мстислава и начали всѣ вмѣстѣ воевать Черниговскія волости по Днѣпру, взяли Рѣчицу на щитъ и многіе другіе города; подъ Вышгородомъ встрѣтилъ ихъ Чермный и далъ битву, въ которой Мстиславъ съ братьями остался побѣдителемъ: двое Ольговичей [402] попались въ плѣнъ, Вышегородцы отворили ворота, а Всеволодъ бѣжалъ за Днѣпръ въ Черниговскую область; посадивши въ Кіевѣ Мстислава Романовича, Мстиславъ Новгородскій осадилъ Черниговъ, простоялъ подъ нимъ 12 дней и заключилъ миръ съ Чермнымъ, который скоро послѣ того умеръ.

Мстиславъ Мстиславичь возвратился въ Новгородъ, но не долго здѣсь оставался: при постоянной борьбѣ сторонъ, при наслѣдственныхъ ненавистяхъ и стремленіяхъ, ни одинъ князь не могъ быть пріятенъ всѣмъ одинаково; каждый долженъ былъ держаться одной какой-нибудь стороны, которая, въ свою очередь, поддерживала его самого. Сторона, державшаяся князей Суздальскихъ, должна была уступить враждебному большинству, образовавшемуся вслѣдствіе поведенія Всеволодова; но теперь Всеволода не было болѣе, а между тѣмъ Мстиславъ и

его сторона преслѣдовали сторону противную, что ясно показываетъ извѣстіе объ участи владыки Митрофана; Якуничь пришелъ изъ Руси и получилъ посадничество, а каждый знаменитый домъ имѣлъ своихъ приверженцевъ и своихъ враговъ; враги тѣхъ бояръ, которые держались Мстислава, необходимо поэтому были и врагами послѣдняго, искали случая, какъ бы избавиться отъ него. И вотъ Мстиславъ узналъ, что враждебная сторона собираетъ тайныя вѣча, хочетъ изгнать его [403]; быть можетъ она воспользовалась его отсутствіемъ, чтобъ усилиться; посадникомъ былъ уже ни Димитрій Якуничь, ни Твердиславъ, но Юрій Ивановичь [404]. Мстиславъ не сталъ дожидаться, чтобъ ему показали путь, но созвалъ самъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: «У меня есть дѣла въ Руси, а вы вольны въ князьяхъ». Проводивши Мстислава, Новгородцы долго думали; наконецъ отправили посадника Юрія Ивановича, тысяцкаго Якуна и старшихъ купцовъ 10 человѣкъ за Ярославомъ Всеволодовичемъ, княземъ Переяславскимъ — ясный знакъ, что пересилила сторона, державшаяся Суздальскихъ князей; знакомъ ея торжества служитъ и то, что Ярославъ, пріѣхавши въ Новгородъ, схватилъ двоихъ бояръ, и сковавши, заточилъ въ свой ближній городъ [405] Тверь; оклеветанъ былъ и тысяцкій Якунъ Намѣжичь; князь Ярославъ созвалъ вѣче, народъ бросился съ него ко двору Якуна, домъ его разграбили, жену схватили; самъ Якунъ съ посадникомъ пришелъ къ князю, и тотъ велѣлъ схватить сына его Христофора [406]. Но волненіе, возбужденное враждою сторонъ, этимъ не кончилось: жители Прусской улицы убили боярина Овстрата съ сыномъ и бросили тѣла ихъ въ ровъ. Такое своеволіе не понравилось Ярославу: онъ не захотѣлъ оставаться долѣе въ Новгородѣ, выѣхалъ въ Торжокъ, сѣлъ здѣсь княжить, а въ Новгородъ послалъ намѣстника, послѣдовавши въ этомъ случаѣ примѣру дѣда, дядей и отца, которые покинули старый городъ Ростовъ и утвердили свое пребываніе въ новыхъ.

Скоро представился ему благопріятный случай стѣснить Новгородъ и привести его окончательно въ свою волю: морозъ побилъ осенью весь хлѣбъ въ Новгородской волости, только на Торжку все было цѣло; Ярославъ не велѣлъ пропускать въ Новгородъ ни одного воза съ хлѣбомъ изъ Низовой земли; въ такой нуждѣ Новгородцы послали къ нему троихъ бояръ, съ просьбою

переѣхать къ нимъ опять; князь задержалъ посланныхъ. А между тѣмъ голодъ усиливался: кадь ржи покупали по десяти гривенъ, овса по три гривны, возъ рѣпы по двѣ гривны, бѣдные люди ѣли сосновую кору, липовый листъ, мохъ, отдавали дѣтей своихъ въ вѣчное холопство; поставили новую скудельницу, наклали полну труповъ—недостало больше мѣста, по торгу валялись трупы, по улицамъ трупы, по полю трупы, собаки не успѣвали съѣдать ихъ; большая часть Вожанъ померла съ голоду, остальные разбѣжались по чужимъ странамъ: такъ разошлась наша волость и нашъ городъ! говоритъ лѣтописецъ. Новгородцы, оставшіеся въ живыхъ, послали къ Ярославу посадника Юрія Ивановича, Степана Твердиславича и другихъ знатныхъ людей звать его опять къ себѣ; онъ велѣлъ задержать и этихъ, а вмѣсто отвѣта послалъ въ Новгородъ двухъ своихъ бояръ, вывесть оттуда жену свою, дочь Мстислава Мстиславича. Тогда Новгородцы послали къ нему Мануила Яголчевича съ послѣднею рѣчью: «Ступай въ свою отчину, къ св. Софіи, а нейдешь, такъ скажи прямо»; Ярославъ задержалъ Яголчевича, задержалъ и всѣхъ гостей Новгородскихъ — и были въ Новгородѣ печаль и вопль, говоритъ лѣтописецъ. Разсчетъ Ярослава былъ вѣренъ, старинѣ Новгородской трудно было устоять при такихъ обстоятельствахъ; но старая Русь была еще сильна своимъ Мстиславомъ: узнавши, какое зло дѣлается въ Новгородѣ, Мстиславъ пріѣхалъ туда (11 февраля 1216 г.), схватилъ Ярославова намѣстника Хота Григорьевича, перековалъ всѣхъ его дворянъ, въѣхалъ на дворъ Ярославовъ и цѣловалъ крестъ къ Новгородцамъ, а Новгородцы къ нему—не разставаться ни въ животѣ, ни въ смерти: «либо отыщу мужей Новгородскихъ и волости, либо головою повалю за Новгородъ», сказалъ Мстиславъ. — Между тѣмъ Ярославъ, узнавши о Новгородскихъ новостяхъ, сталъ готовиться къ защитѣ, велѣлъ подѣлать засѣки по Новгородской дорогѣ и рѣкѣ Тверцѣ, а въ Новгородъ отправилъ сто человѣкъ изъ его жителей, казавшихся ему преданными, съ порученіемъ поднять противную Мстиславу сторону и выпроводить его изъ города; но эти сто человѣкъ, какъ скоро пришли въ Новгородъ, такъ единодушно стали вмѣстѣ со всѣми другими за Мстислава, который отправилъ въ Торжокъ священника сказать Ярославу: «Сынъ! кланяюсь тебѣ: мужей моихъ и гостей отпусти, изъ Торжка

выйди, а со мною любовь возьми». Ярославу не полюбилось такое предложеніе, онъ отпустилъ священника безъ мира и всѣхъ Новгородцевъ, задержанныхъ въ Торжкѣ, числомъ больше 2000 созвалъ на поле за городъ, велѣлъ схватить ихъ, перековать и разослать по своимъ городамъ, имѣніе ихъ и лошадей роздалъ дружинѣ. Вѣсть объ этомъ сильно опечалила Новгородцевъ: ихъ оставалось мало: лучшіе люди были схвачены Ярославомъ, а изъ меньшихъ одни разошлись, другіе померли съ голоду; но Мстиславъ не унывалъ, онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сказалъ народу: «Пойдемте искать свою братью и своихъ волостей, чтобъ не былъ Торжокъ Новгородомъ, а Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ св. Софія, тамъ и Новгородъ; и въ силѣ Богъ, и въ малѣ Богъ да правда!» — и Новгородцы рѣшились идти за нимъ.

1-го марта 1216 года, въ первый день новаго года по тогдашнему счету, выступилъ Мстиславъ съ Новгородцами на зятя своего Ярослава, и черезъ день же обнаружилось, какъ сильно было раздѣленіе и вражда сторонъ въ Новгородѣ: не смотря на то, что въ Новгородѣ всѣ цѣловали крестъ стоять единодушно за Мстислава, четыре человѣка, собравшись съ женами и дѣтьми, побѣжали къ Ярославу [407]. Мстиславъ отправился озеромъ Селигеромъ, и вошедши въ свою Торопецкую волость, сказалъ Новгородцамъ: «ступайте сбирать припасы, только людей не берите въ плѣнъ;» — тѣ пошли, набрали корму для себя и для лошадей, и когда достигли верховьевъ Волги, то получили вѣсть, что братъ Ярославовъ, Святославъ Всеволодовичъ съ десятитысячнымъ войскомъ осадилъ Мстиславовъ городъ Ржевку, гдѣ посадникъ Ярунъ отбивался отъ него съ сотнею человѣкъ. У Мстислава съ братомъ Владиміромъ Псковскимъ было всего 500 человѣкъ войска; не смотря на то, они двинулись на выручку Ржевки, и Святославъ побѣжалъ отъ нея, не дождавшись Новгородскихъ полковъ; а Мстиславъ пошелъ дальше и взялъ Зубцовъ, городъ Ярославовъ. На рѣкѣ Вазузѣ настигъ его двоюродный братъ, Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій съ своими полками; не смотря на эту помощь, Мстиславъ не хотѣлъ идти дальше, и, ставши на рѣкѣ Холохольнѣ [408], послалъ въ Торжокъ къ Ярославу съ мирными предложеніями, но тотъ велѣлъ отвѣчать: «Мира не хочу; пошли, такъ ступайте; на одного вашего

придется по сту нашихъ». Ростиславичи, получивъ этотъ отвѣтъ, сказали другъ другу: «Ты, Ярославъ съ плотію, а мы съ крестомъ честнымъ», — и стали думать, куда бы пойти дальше; Новгородцы, которымъ прежде всего хотѣлось очистить свою волость, уговаривали князей идти къ Торжку; но тѣ отвѣчали имъ: «Если пойдемъ къ Торжку, то попустошимъ Новгородскую волость; пойдемъ лучше къ Переяславлю: тамъ у насъ есть третій другъ:» Ростиславичи были увѣрены, что Константинъ Ростовскій вступитъ въ союзъ съ ними противъ младшихъ братьевъ. Они двинулись къ Твери, и стали брать села и жечь ихъ, а объ Ярославѣ не знали, гдѣ онъ—въ Торжкѣ или Твери? Услыхавъ, что Ростиславичи воюютъ Тверскія села, онъ выѣхалъ изъ Торжка въ Тверь, взявши съ собою старшихъ бояръ и Новгородцевъ, молодыхъ по выбору, а Новоторжцевъ всѣхъ, и послалъ изъ нихъ сто человѣкъ съ небольшимъ отборныхъ людей въ сторожу; но въ 15 верстахъ отъ города, 25 марта, наѣхалъ на нихъ воевода Мстиславовъ Ярунъ съ молодою дружиною, тридцать три человѣка взялъ въ плѣнъ, семьдесятъ положилъ на мѣстѣ, остальнымъ удалось убѣжать въ Тверь.

Получивши этотъ первый успѣхъ, который далъ ратникамъ ихъ возможность безпрепятственно собирать съѣстные припасы, Ростиславичи послали смоленскаго боярина Яволода въ Ростовъ къ князю Константину Всеволодовичу приглашать его къ союзу противъ братьевъ; провожать посла до рубежа отправили Владиміра Псковскаго съ Псковичами и Смолнянами, а сами съ Новгородцами пошли дальше, пожгли села по рѣкамъ Шошѣ и Дубнѣ, тогда какъ Владиміръ Псковской взялъ городъ Константиновъ (Ксиятинъ) на устьѣ большой Нерли и пожегъ все Поволожье. Константинъ Ростовскій не замедлилъ отвѣтомъ: онъ послалъ воеводу своего Еремѣя сказать Ростиславичамъ; «князь Константинъ кланяется вамъ; обрадовался онъ, услыхавши о вашемъ приходѣ, и посылаетъ вамъ въ помощь 500 человѣкъ, а для остальныхъ рядовъ пошлите къ нему шурина его Всеволода (сына Мстислава Романовича Кіевскаго)». Ростиславичи отпустили къ нему Всеволода съ сильнымъ отрядомъ, а сами пошли въ низъ по Волгѣ; потомъ, чтобъ скорѣе окончить походъ, бросили возы, и, сѣвши на коней, поѣхали къ Переяславлю. 9 апрѣля, въ Свѣтлое Воскресенье, къ Ростиславичамъ, стояв-

нимъ на рѣкѣ Сарѣ.[409], пришелъ Константинъ Ростовскій съ своими полками; но онъ боялся, что оставилъ свой городъ безъ защиты, почему Ростиславичи отправили въ Ростовъ Владиміра Псковскаго съ дружиною, а сами съ Константиномъ пошли къ Переяславлю и стали противъ него на Ѳоминой недѣли. Здѣсь подъ городскими стѣнами они захватили въ плѣнъ одного человѣка, отъ котораго узнали, что Ярослава нѣтъ въ городѣ, пошелъ къ брату Юрію съ полками, съ Новгородцами и Новоторжанами, а князь Юрій съ братьями, Святославомъ и Владиміромъ выступилъ также изъ своего города. Войско младшіе Всеволодовичи собрали большое, Муромцевъ, Бродниковъ, Городчанъ и всю силу Суздальской земли, погнали всѣхъ и изъ селъ, у кого не было лошади, тотъ шелъ пѣшкомъ. Страшное было чудо и дивное, братья! говоритъ лѣтописецъ: пошли сыновья на отцовъ, отцы на дѣтей, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабовъ[410]. Ярославъ и Юрій съ братьями стали на рѣкѣ Кзѣ, Мстиславъ и Владиміръ съ Новгородцами поставили полки свои близъ Юрьева, а Константинъ Ростовскій сталъ дальше съ своими полками, на рѣкѣ Линицѣ. Когда Ростиславичи завидѣли полки Ярославовы и Юрьевы, то послали сотскаго Ларіона сказать Юрію: «Кланяемся; у насъ съ тобою нѣтъ ссоры, ссора у насъ съ Ярославомъ»; Юрій отвѣчалъ: «Мы съ братомъ Ярославомъ одинъ человѣкъ». Тогда они послали сказать Ярославу: «Отпусти Новгородцевъ и Новоторжанъ, возврати волости Новгородскія, которыя ты захватилъ, Волокъ, съ нами помирись и крестъ цѣлуй, а крови не проливай». Ярославъ отвѣчалъ: «Мира не хочу, Новгородцевъ и Новоторжанъ при себѣ держу; вы далеко шли и вышли какъ рыба на сухо». Когда Ларіонъ пересказалъ всѣ эти слова Ростиславичамъ, тѣ отправили къ обоимъ братьямъ съ послѣднею рѣчью: «Мы пришли, братъ князь Юрій и Ярославъ, не на кровопролитіе, крови не дай намъ Богъ видѣть, лучше управиться прежде; мы всѣ одного племени: такъ дадимъ старшинство князю Константину, и посадите его во Владимірѣ, а вамъ Суздальская земля вся». Юрій отвѣчалъ на это послу: «Скажи братьѣ моей, князьямъ Мстиславу и Владиміру: пришли, такъ ступайте куда хотите; а брату князю Константину скажи: перемоги насъ, и тогда тебѣ вся земля».

Младшіе Всеволодовичи, ободренные мирными предложеніями враговъ, видя въ этомъ признакъ слабости, отчаяннаго положенія, начали пировать съ боярами; на пиру одинъ старый бояринъ, Андрей Станиславовичь [411], сталъ говорить молодымъ князьямъ: «Миритесь, князья Юрій и Ярославъ! а меньшая братья въ вашей волѣ; по моему лучше бы помириться и дать старшинство князю Константину; нечего смотрѣть, что передъ нами мало Ростиславова племени, да князья-то все они мудрые, смышленые, храбрые; мужи ихъ — Новгородцы и Смольняне смѣлы на бою, а про Мстислава Мстиславича и сами знаете въ томъ племени, что дана ему отъ Бога храбрость больше всѣхъ; такъ подумайте-ка, господа, объ этомъ»! Не люба была эта рѣчь князьямъ Юрію и Ярославу, и одинъ изъ Юрьевыхъ бояръ сказалъ: «князья Юрій и Ярославъ! не было того ни при прадѣдахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, чтобъ кто-нибудь вошелъ ратью въ сильную землю Суздальскую и вышелъ изъ нея цѣлъ, хотя бъ тутъ собралась вся Русская земля, и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская и Рязанская, никакъ имъ не устоять противъ нашей силы; а эти-то полки—да мы ихъ сѣдлами закидаемъ». Эта рѣчь понравилась князьямъ; они созвали бояръ своихъ и начали имъ говорить: «Когда достанется намъ непріятельскій обозъ въ руки, то вамъ будутъ кони, брони, платье, а кто вздумаетъ взять живаго человѣка, тотъ будетъ самъ убитъ, у кого и золотомъ будетъ шитое платье, и того убивай, не оставимъ ни одного въ живыхъ; кто изъ полку побѣжитъ и будетъ схваченъ, такихъ вѣшать или распинать; а о князьяхъ, если достанутся намъ въ руки, подумаемъ послѣ». Отпустивши людей своихъ, князья вошли въ шатеръ и начали дѣлить волости; князь Юрій сказалъ: «Мнѣ, братъ Ярославъ, Владимирская земля и Ростовская, тебѣ Новгородъ, Смоленскъ брату нашему Святославу, Кіевъ отдай Черниговскимъ князьямъ, а Галичь намъ же». Младшіе братья согласились, поцѣловали крестъ и написали грамоты. Здѣсь всего любопытнѣе для насъ презрѣніе сѣверныхъ князей къ Кіеву, съ которымъ для ихъ предковъ и для всѣхъ южныхъ князей соединялась постоянно мысль о старшинствѣ, о высшей чести; но богатый Галичь Всеволодовичи берутъ себѣ.

Подѣливши между собою всѣ Русскіе города, Юрій съ Ярославомъ стали звать враговъ на бой; Ростиславичи, съ своей стороны, призвали князя Константина, долго думали съ нимъ, взяли съ него клятву, что не будетъ въ немъ перевѣту къ братьямъ, и двинулись въ ночь къ Ростовскому стану на рѣку Липицу; и всѣхъ полкахъ ихъ раздавались клики, въ Константиновомъ войскѣ трубили въ трубы: это навело страхъ на Юрія и Ярослава, они отступили за дебрь и расположили свои полки на Авдовой горѣ; Ростиславичи на разсвѣтѣ пришли къ Липицамъ, и видя, что враги отступили на Авдову гору, расположились на противоположной горѣ, Юрьевой, и послали ко Всеволодичамъ троихъ мужей опять съ мирными предложеніями: «а не дадите мира, велѣли они сказать имъ, такъ отступите подальше на ровное мѣсто, а мы пойдемъ на вашу сторону; или мы отойдемъ къ Липицамъ, а вы перейдете на наши станы.» Князь Юрій отвѣчалъ: «Ни мира не беру, ни отступаю; вы прошли через всю землю, такъ неужели этой дебри не перейдете?» Всеволодовичи надѣялись на свои укрѣпленія: они обвели свой станъ плетнемъ и насовали кольевъ, боясь, чтобъ Ростиславичи не ударили на нихъ въ ночь. Получивши ихъ отвѣтъ, Ростиславичи послали своихъ молодыхъ людей биться противъ Ярославовыхъ полковъ; тѣ бились цѣлый день до ночи, но бились не усердно, потому что была буря и очень холодно. На другое утро 21 апрѣля, въ четвергъ, на второй недѣлѣ по Пасхѣ, Ростиславичи рѣшились было идти прямо ко Владиміру, не схватываясь съ непріятелемъ, и полки ихъ стали уже готовиться къ выступленію; видя это, полки Юрьевы начали также сходить съ своей горы, думая, что враги бѣгутъ; но тѣ остановились и опрокинули ихъ назадъ. Въ это время явился князь Владиміръ Псковской изъ Ростова; Ростиславичи стали думать, куда идти? при чемъ Константинъ сказалъ имъ: «Братья, князь Мстиславъ и Владиміръ! если пойдемъ мимо нихъ, то ударятъ на насъ въ тылъ, а потомъ мои люди на бой не охочи, того и гляди, что разойдутся по городамъ.» На это Мстиславъ отвѣчалъ: «Князь Владиміръ и Константинъ! гора намъ не поможетъ, гора насъ и не побѣдитъ; призвавши на помощь крестъ честный и свою правду, пойдемъ къ нимъ». Всѣ согласились и начали ставить полки: Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій поставилъ полки свои съ

краю, подлѣ него сталъ Мстиславъ и Всеволодъ съ Новгородцами, да Владиміръ Псковской съ Псковичами, а подлѣ него сталъ князь Константинъ съ Ростовцами; съ противной стороны Ярославъ сталъ съ своими полками, т. е. Переяславскими и Тверскими, также съ Муромскими, съ Городчанами и Бродниками противъ Владиміра и Смольнянъ, Юрій сталъ противъ Мстислава и Новгородцевъ со всею землею Суздальскою, а меньшіе братья противъ князя Константина.

Мстиславъ и Владиміръ начали ободрить своихъ Новгородцевъ и Смольнянъ: «Братья! говорили они имъ: вошли мы въ землю сильную, такъ положивши надежду на Бога, станемъ крѣпко; нечего намъ озираться назадъ: побѣжавши не уйти; забудемъ, братья, про домы, женъ и дѣтей; вѣдь надобно же будетъ когда-нибудь умереть! ступайте, кто какъ хочетъ, кто пѣшъ, кто на конѣ.» Новгородцы отвѣчали: «мы не хотимъ помирать на коняхъ; хотимъ биться пѣши, какъ отцы наши бились на Кулакшѣ.» Мстиславъ обрадовался этому, и Новгородцы, сойдя съ лошадей, посметавши съ себя порты и сапоги, ударились бѣжать босые на враговъ, Смольняне побѣжали за ними также пѣшкомъ, за Смольнянами князь Владиміръ отрядилъ Ивора Михайловича съ полкомъ, а старшіе князья и всѣ воеводы поѣхали сзади на лошадяхъ. Когда полкъ Иворовъ въѣхалъ въ дебрь, то подъ Иворомъ споткнулся конь, что заставило его пріостановиться; но пѣшіе, не дожидаясь Ивора, ударили на пѣшіе полки Ярославовы съ крикомъ, бросая палки и топоры; Суздальцы не выдержали и побѣжали, Новгородцы и Смольняне стали ихъ бить, подсѣкли стягъ Ярославовъ, а когда приспѣлъ Иворъ, то досѣклись и до другаго стяга. Увидавши это, Мстиславъ сказалъ Владиміру Рюриковичу: «Не дай намъ Богъ выдать добрыхъ людей!» — и всѣ князья разомъ ударили на враговъ сквозь свою пѣхоту. Мстиславъ трижды проѣхалъ по вражьимъ полкамъ, посѣкая людей: былъ у него на рукѣ топоръ съ паворозою, которымъ онъ и рубилъ; князь Владиміръ не отставалъ отъ него, и, послѣ лютой битвы, досѣклись наконецъ до обоза Всеволодовичей; тогда послѣдніе, видя, что Ростиславичи жнутъ ихъ полки какъ колосья, побѣжали вмѣстѣ съ Муромскими князьями, а князь Мстиславъ закричалъ своимъ: «Братья Новгородцы! не останавливайтесь надъ товаромъ, доканчивайте бой, а то воротятся

назадъ и взметутъ васъ.» Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, отстали отъ обоза и бились, а Смольняне напали на добычу, одирали мертвыхъ, о битвѣ же не думали. Великъ, братья, промыслъ Божій, говоритъ тотъ же лѣтописецъ: на этомъ страшномъ побоищѣ пало только пять человѣкъ Новгородцевъ, и одинъ Смольнянинъ, всѣ сохранены были силою честнаго креста и правдою; съ противной стороны было убито множество, а въ плѣнъ взято 60 человѣкъ во всѣхъ станахъ; если бы князья Юрій и Ярославъ знали это да вѣдали, то мирились бы, потому что слава ихъ и хвала погибла, и полки сильные ни во что пошли: было у князя Юрія 13 стяговъ, трубъ и бубновъ 60, говорили и про Ярослава, что у него было стяговъ 16, а трубъ и бубновъ 40. Люди больше всего жаловались на Ярослава: отъ тебя, говорили они, потерпѣли мы такую бѣду, о твоемъ клятвопреступленіи сказано: придите, птицы небесныя, напитайтесь крови человѣческой; звѣри! наѣшьтесь мясъ человѣческихъ. Не десять человѣкъ убито, не сто, но всѣхъ избито 9233 человѣка; крикъ, вытье раненыхъ слышны были въ Юрьевѣ и около Юрьева, не было кому погребать, многіе перетонули во время бѣгства въ рѣкѣ; иные раненые, зашедши въ пустое мѣсто, умерли безъ помощи; живые побѣжали одни къ Владиміру, другіе къ Переяславлю, нѣкоторые въ Юрьевъ.

Юрій прибѣжалъ во Владиміръ на четвертомъ конѣ, а трехъ заморилъ, прибѣжалъ въ одной первой сорочкѣ, подкладъ и тотъ бросилъ; онъ пріѣхалъ около полудня, а схватка была въ обѣденную пору. Во Владимірѣ оставался одинъ безоружный народъ, попы, монахи, жены да дѣти; видя издали, что кто-то скачетъ къ нимъ на конѣ, они обрадовались, думая, что тò вѣстникъ отъ князя съ побѣдою: «наши одолѣваютъ,» говорили они. И вдругъ пріѣзжаетъ самъ князь Юрій одинъ, начинаетъ ѣздить около города, кричитъ: «укрѣпляйте стѣны!» Всѣ смутились, вмѣсто веселья поднялся плачь; къ вечеру и въ ночь стали прибѣгать и простые люди: одинъ прибѣжитъ раненый, другой нагой. На другое утро Юрій созвалъ народъ и сталъ говорить: «Братья Владимірцы! затворимся въ городѣ, авось отобьемся отъ нихъ.» Ему отвѣчали: «Князь Юрій! съ кѣмъ намъ затвориться? братья наши избиты, другіе взяты въ плѣнъ, остальные пришли безъ оружія, съ кѣмъ намъ стать?» Юрій сказалъ: «все это я самъ

знаю; только не выдайте меня брату Константину и Ростиславичамъ, чтобъ мнѣ можно было выйдти по своей волѣ изъ города.» Это Владимирцы ему обѣщали.—Ярославъ также прибѣжалъ въ Переяславль на пятомъ конѣ, а четырехъ заморилъ, и затворился въ городѣ. Не довольно было ему перваго зла, говоритъ лѣтописецъ, не насытился крови человѣческой, избивши въ Новгородѣ много людей, и въ Торжкѣ и на Волокѣ; этого было ему все мало: прибѣжавши въ Переяславль, онъ велѣлъ и тутъ теперь перехватать всѣхъ Новгородцевъ и Смольнянъ, зашедшихъ въ землю его для торговли, и велѣлъ ихъ покидать однихъ въ погреба, другихъ заперетъ въ тѣсной избѣ, гдѣ они и перемерли всѣ, числомъ полтораста; на Смольнянъ онъ не такъ злобился, и велѣлъ заперетъ ихъ 15 человѣкъ особо, отъ чего они всѣ и остались живы. Не такъ поступали князья изъ милостиваго племени Ростиславова: они остальную часть дня оставались на мѣстѣ побоища; а если бы погнались за непріятелемъ, то князьямъ Юрію и Ярославу неуйти бы, да и Владимиръ былъ бы взятъ въ расплохъ; но Ростиславичи тихо пришли ко Владимиру, объѣхали и стали думать, откуда взять; а когда ночью загорѣлся княжій дворъ, и Новгородцы хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ для приступа, то Мстиславъ не пустилъ ихъ; черезъ день вспыхнулъ опять пожаръ въ городѣ и горѣло до свѣта; Смольняне также стали проситься на приступъ, но князь Владиміръ не пустилъ ихъ [412]. Тогда князь Юрій выслалъ къ осаждающимъ князьямъ съ челобитьемъ: «Не ходите на меня нынче, а завтра самъ пойду изъ города.» И точно на другой день рано утромъ выѣхалъ онъ изъ города, поклонился князьямъ Мстиславу и Владиміру Рюриковичу, и сказалъ: «Братья! вамъ челомъ бью, вамъ животъ дать и хлѣбомъ меня накормить, а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ.»—Онъ далъ имъ богатые дары; тѣ помирились съ нимъ, помирили его и съ братомъ Константиномъ, который взялъ себѣ Владимиръ, а Юрій долженъ былъ удовольствоваться Радиловымъ городцемъ на Волгѣ; владыка, княгиня и весь дворъ его сѣли немедленно въ лодки и поплыли внизъ по Клязьмѣ, а самъ Князь Юрій, зашедши передъ отъѣздомъ въ Соборную церковь, сталъ на колѣни у отцовскаго гроба и со слезами сказалъ: «Суди Богъ брату моему Ярославу, что довелъ меня до этого.» Проводивши Юрія, Владимирцы—духовенство и народъ

пошли встрѣчать новаго князя Константина, который богато одарилъ въ тотъ день князей и бояръ, а народъ привелъ къ присягѣ себѣ. Между тѣмъ Ярославъ все злобился и нехотѣлъ покориться, заперся въ Переяславлѣ, и думалъ, что отсидится здѣсь; но когда Ростиславичи съ Константиномъ двинулись къ Переяславлю, то онъ испугался и сталъ слать къ нимъ съ просьбою о мирѣ,. а наконецъ и самъ пріѣхалъ къ брату Константину, ударилъ ему челомъ и сказалъ: «Господинъ! я въ твоей волѣ: не выдай меня тестю моему Мстиславу и Владимиру Рюриковичу, а самъ накорми меня хлѣбомъ.» Константинъ помирилъ его съ Мстиславомъ еще на дорогѣ, и когда князья пришли къ Переяславлю, то Ярославъ одарилъ ихъ и воеводъ богатыми дарами; Мстиславъ, взявши дары, послалъ въ городъ за дочерью своею, женою Ярославовою, и за Новгородцами, которые остались въ живыхъ и которые находились въ полкахъ съ Ярославомъ; тотъ не разъ послѣ этого посылалъ къ нему съ просьбою отдать ему жену, но Мстиславъ не согласился.

Такъ Мстиславъ уничтожилъ завѣщаніе Всеволода III, возстановилъ повидимому старину на сѣверѣ, хотя собственно здѣсь торжествомъ Константина прокладывался путь къ торжеству новаго порядка вещей, потому что старшій братъ становился матеріально несравненно сильнѣе младшихъ, получивъ и Ростовъ и Владимиръ, чего прежде желалъ; племени Константинову слѣдовало теперь усиливаться на счетъ остальныхъ сыновей Всеволодовыхъ, но судьба хотѣла иначе, и предоставляла честь собранія сѣверной Руси племени третьяго сына Всеволодова, того самаго Ярослава, который былъ виновникомъ описанныхъ событій. Слабый здоровьемъ Константинъ не долго накняжилъ во Владимирѣ; онъ чувствовалъ приближеніе смерти, видѣлъ сыновей своихъ несовершеннолѣтними, и потому спѣшилъ помириться съ братомъ Юріемъ, чтобъ не оставить въ немъ для послѣднихъ опаснаго врага: уже въ послѣдующемъ 1217 году онъ вызвалъ къ себѣ Юріа, далъ ему Суздаль, обѣщалъ и Владимиръ по своей смерти, много дарилъ и заставилъ поцѣловать крестъ — разумѣется на томъ, чтобъ быть отцемъ для племянниковъ. Въ 1218 году Константинъ послалъ старшаго сына своего Василька на столъ Ростовскій, а Всеволода на Ярославскій; по словамъ лѣтописца, онъ говорилъ имъ: «Любезные сыновья мои! будьте въ

юбви между собою, всею душею бойтесь Бога, соблюдая его аповѣди, подражайте моимъ нравамъ и обычаямъ: нищихъ и довъ не призирайте, церкви не отлучайтеся, іерейской и моначескій чинъ любите, книжнаго поученья слушайтесь, слушайесь и старшихъ, которые васъ добру учатъ, потому что вы оба ще молоды; я чувствую, дѣти, что конецъ мой приближается, поручаю васъ Богу, Пречистой его Матери, брату и господину Юрію, который будетъ вамъ вмѣсто меня.» Константинъ умеръ 2 февраля 1218 года; лѣтописецъ распространяется въ похваахъ его кротости, милосердію, попеченію о церквахъ и духовенствѣ, говоритъ, что онъ часто читалъ книги съ прилежаньемъ и дѣлалъ все по писанному въ нихъ. Послѣ имя Константина юминается съ прозваніемъ добрый. — Братъ его Юрій сталъ ю прежнему княжить во Владимирѣ.

Съ княжествомъ Суздальскимъ по природнымъ условіямъ тѣсно были соединены княжества Рязанское и Муромское. Князь Муромскій Давидъ [413], ходилъ постоянно въ волѣ великаго Всеволода, помогалъ ему въ покореніи Рязанскихъ князей; во время Липецкой битвы Муромскіе князья съ своими полками находились въ войскѣ младшихъ Всеволодовичей. Рязанскіе князья были отпущены Юріемъ изъ плѣна въ свои волости, но не долго жили здѣсь въ мирѣ: тотъ самый Глѣбъ Владиміровичъ, который прежде съ братомъ Олегомъ обносилъ остальную братью предъ Всеволодомъ III, теперь съ другимъ братомъ Константиномъ вздумалъ истребить всѣхъ родичей, и княжить вдвоемъ во всей землѣ Рязанской. Мы видѣли причины сильной вражды между Ярославичами Рязанскими въ крайнемъ размельченіи волостей; причину же братоубійственнаго намѣренія Владимировичей, почти единственнаго примѣра [414] между русскими князьями послѣ Ярослава, можно объяснить изъ большой грубости, одичалости нравовъ въ Рязани, этой оторванной, отдаленной славянорусской колоніи на Финскомъ востокѣ. Какъ бы то ни было, въ 1217 году, во время съѣзда Рязанскихъ князей для родственнаго совѣщанія, Владимировичи позвали остальную братью—шестерыхъ князей [415] на пиръ къ себѣ въ шатеръ; тѣ, ничего не подозрѣвая отправились къ нимъ съ своими боярами и слугами; но когда начали пить и веселиться, то Глѣбъ съ братомъ, вынувши мечи, бросились на нихъ съ своими слугами и Половцами, скрывавши-

нися подлѣ шатра: всѣ гости были перебиты. Остался въ живыхъ не бывшій на съѣздѣ Ингварь Игоревичь, который и удержалъ за собою Рязань; Глѣбъ въ 1219 году пришелъ на него съ Половцами, но былъ побѣжденъ и едва успѣлъ уйти.

Мстиславъ, возвратившись съ побѣдою въ Новгородъ, недолго оставался въ немъ: въ слѣдующемъ же 1217 году онъ ушелъ въ Кіевъ, оставивъ въ Новгородѣ жену и сына Василія, и взявши съ собою троихъ бояръ, въ томъ числѣ стараго посадника Юрія Иванковича; какъ видно, онъ взялъ ихъ въ заложники за безопасность жены и сына: такъ сильна была вражда сторонъ и возможность торжества стороны Суздальской! на существованіе этой вражды, на существованіе въ Новгородѣ людей, непріязненныхъ Мстиславу, указываетъ извѣстіе, что Мстиславъ, по возвращеніи въ Новгородъ въ томъ же году, долженъ былъ схватить Ставимира Дерновича съ сыномъ Нѣздилою, заточить ихъ въ оковахъ, взявши себѣ богатое имѣніе ихъ; а въ 1218 году онъ пошелъ въ Торжокъ, и схватилъ тамъ Борислава Некуришнича, при чемъ также овладѣлъ большимъ имѣніемъ; послѣ однако всѣ эти люди были выпущены на свободу. Въ томъ же году Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: «Кланяюсь св. Софіи, гробу отца моего и вамъ; хочу поискать Галича, а васъ не забуду; дай мнѣ Богъ лечь подлѣ отца у св. Софіи». Новгородцы сильно упрашивали его: «не ходи, князь!»; — но не могли удержать его. Проводивши Мстислава, Новгородцы послали въ Смоленскъ за племянникомъ его. Святославомъ, сыномъ Мстислава Романовича; но въ томъ же 1218 году встала смута: какъ-то Матей Душильчевичь, связавши одного чиновника Моисѣича, убѣжалъ; бѣглеца схватили и привели на Городище, какъ вдругъ пронесся въ городѣ ложный слухъ, что посадникъ Твердиславъ выдалъ Матея князю[416]; встало волненіе: жители Зарѣчья (Онниполовцы) зазвонили у св. Николы и звонили цѣлую ночь, а жители Неревскаго конца стали звонить у 40 Святыхъ, сбирая также людей на Твердислава. Князь, услыхавъ о мятежѣ, выпустилъ Матея; но народъ уже не могъ успокоиться: Онниполовцы выступили въ бронахъ [417], какъ на рать, Неревляне также, а Загородцы не присоединились ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, но смотрѣли, что будетъ. Тогда Твердиславъ, взглянувши на св. Софію, сказалъ: «Если я виноватъ,

го пусть умру; если же правъ, то ты меня оправи, Господи!» — и пошелъ на бой съ Людинымъ концемъ и съ жителями Прусской улицы. Битва произошла у городскихъ воротъ, и Онипооловцы съ Неревцами обратились въ бѣгство, потерявши изъ своихъ Ивана Душильчевича, Матеева брата, а Неревляне Константина Прокопьича, да кромѣ этихъ еще шесть человѣкъ; побѣдители—жители Людина конца и Прусской улицы потеряли по одному человѣку, а раненыхъ было много съ обѣихъ сторонъ. Цѣлую недѣлю послѣ этого побоища все были вѣча въ городѣ; наконецъ сошлись братья вмѣстѣ единодушно, и цѣловали крестъ. Но тутъ князь Святославъ прислалъ своего тысяцкаго на вѣче: «Не могу, говорилъ князь, быть съ Твердиславомъ, и отнимаю у него посадничество». Новгородцы спросили: «А какая вина его!» — «Безъ вины», велѣлъ отвѣчать князь. Тогда Твердиславъ сказалъ: «Тому я радъ, что вины на мнѣ нѣтъ никакой; а вы, братья, вольны и въ посадничествѣ и въ князьяхъ». Новгородцы велѣли отвѣчать Святославу: «Князь! если Твердиславъ ни въ чемъ не виноватъ, то ты намъ клялся безъ вины не отнимать ни у кого должности; тебѣ кланяемся, а вотъ нашъ посадникъ, и до того не допустимъ, чтобъ отняли у него безъ вины посадничество». Святославъ не настаивалъ больше, и наступило спокойствіе.

Въ слѣдующемъ году Мстиславъ Романовичь, князь Кіевскій, прислалъ въ Новгородъ сына своего Всеволода: «Примите къ себѣ, велѣлъ онъ сказать Новгородцамъ, этого Всеволода, а Святослава старшаго отпустите ко мнѣ». Новгородцы исполнили его волю. Тою же зимою Семьюнъ Еминъ съ отрядомъ изъ четырехъ сотъ человѣкъ пошелъ на Финское племя Тоймокаровъ [418]; но Суздальскіе князья, ни Юрій, ни Ярославъ не пропустили ихъ чрезъ свою землю; принужденные возвратиться назадъ въ Новгородъ, Семьюнъ съ товарищами стали шатрами по полю, а въ городѣ начали распускать слухъ, что посадникъ Твердиславъ и тысяцкій Якунъ нарочно заслали къ Юрію, чтобъ онъ не пускалъ ихъ, и этими слухами взволновали городъ: Твердиславъ и Якунъ лишены были своихъ должностей; посадничество отдано Семену Борисовичу, кажется внуку знаменитаго Мирошки, а тысяча Семьюну Емину. Но оба они и году не пробыли въ своихъ должностяхъ: въ томъ же 1219 году посад-

ничество опять отдано было Твердиславу, а тысяча Якуну. Смуты, борьба сторон касались даже и владык: мы видѣли, что Мстиславъ съ своими приверженцами свергнулъ владыку Митрофана, какъ избранника Всеволодова; но по уходѣ Мстислава въ 1218 году Митрофанъ возвратился изъ Владимира въ Новгородъ и сталъ жить въ Благовѣщенскомъ монастырѣ; въ 1219 году, когда преемникъ его Антоній пошелъ въ Торжокъ, Новгородцы провозгласили опять Митрофана своимъ владыкою, а къ Антонію послали сказать: «ступай куда тебѣ любо»; онъ отправился на житье въ Спасонередицкій монастырь; наконецъ князь Всеволодъ и Новгородцы сказали обоимъ владыкамъ: «Ступайте къ митрополиту въ Кіевъ, и кого онъ изъ васъ пришлетъ опять къ намъ, тотъ и будетъ нашимъ владыкою». Въ 1220 году пришелъ назадъ архіепископъ Митрофанъ, оправданный Богомъ и св. Софіею, по выраженію лѣтописца, Антонія же митрополитъ удержалъ у себя въ чести, и далъ ему епископство Перемышльское.

Всеволодъ Мстиславичь наслѣдовалъ вражду брата своего Святослава къ посаднику Твердиславу: въ 1220 году онъ отправился по своимъ дѣламъ въ Смоленскъ, оттуда проѣхалъ въ Торжокъ, и когда возвратился въ Новгородъ, то поднялъ половину его жителей на Твердислава, хотѣлъ убить его, а Твердиславъ былъ въ это время боленъ. Всеволодъ пошелъ съ Городища, гдѣ жилъ, со всѣмъ своимъ дворомъ, одѣвшись въ брони, какъ на рать, и пріѣхалъ на дворъ Ярославовъ, куда сошлись къ нему Новгородцы также вооруженные и стали полкомъ на княжомъ дворѣ; больнаго Твердислава вывезли на саняхъ къ Борисоглѣбской церкви, куда къ нему на защиту собрались жители Прусской улицы, Людина конца, Загородцы, и стали около него пятью полками. Князь увидавши, что они хотятъ крѣпко отдать свой животъ, по выраженію лѣтописца, не поѣхалъ на нихъ, но прислалъ владыку Митрофана съ добрыми рѣчами, и владыка успѣлъ помирить обѣ стороны. Но Твердиславъ самъ отказался отъ посадничества по причинѣ болѣзни, и видя, что болѣзнь все усиливается, тайкомъ отъ жены, дѣтей и всей братьи ушелъ въ Аркажь монастырь и тамъ постригся. Въ преемники ему былъ избранъ Иванко Дмитріевичь, какъ видно, сынъ Димитрія Якунича.

Между тѣмъ примиреніе князя Всеволода съ Твердиславовою стороною не было прочно; въ слѣдующемъ же 1221 году Новгородцы показали путь Всеволоду: «не хотимъ тебя, ступай куда хочешь», сказали они ему. Необходимымъ слѣдствіемъ изгнанія Ростиславича было обращеніе къ Юрьевичамъ Суздальскимъ, и вотъ владыка Митрофанъ, посадникъ Иванко, старѣйшіе мужи отправились во Владиміръ къ Юрію Всеволодовичу за сыномъ, и тотъ далъ имъ сына Всеволода на всей ихъ волѣ: послѣ Липецкой битвы Суздальскимъ князьямъ нельзя было вдругъ опять начать прежнее поведеніе съ Новгородцами; Юрій, какъ видно, былъ очень радъ обращенію Новгородцевъ къ своему племени: богато одарилъ владыку и другихъ пословъ, и прислалъ брата своего Святослава съ войскомъ на помощь Новгородцамъ противъ Чуди. Но Юрьеву сыну не понравилось въ Новгородѣ: въ томъ же году онъ тайкомъ выѣхалъ оттуда со всѣмъ дворомъ своимъ; Новгородцы опечалились и отправили снова старшихъ мужей сказать Юрію: «Если тебѣ не угодно держать Новгорода сыномъ, такъ дай намъ брата». И Юрій далъ имъ брата своего Ярослава, того самаго, который прежде поморилъ ихъ голодомъ. Новгородцы были рады Ярославу, говоритъ лѣтописецъ, и когда въ 1223 году онъ ушелъ отъ нихъ въ свою волость—Переяславль Залѣскій, то они кланялись ему, уговаривали: «Не ходи, князь»; но онъ не послушалъ ихъ просьбы; опять Новгородцы послали за княземъ къ Юрію, и тотъ опять далъ имъ сына своего Всеволода. Въ 1224 году пришелъ Всеволодъ вторично въ Новгородъ, и въ томъ же году опять тайкомъ, ночью ушелъ оттуда; на этотъ разъ впрочемъ дѣло только этимъ не кончилось: Всеволодъ, по примѣру дяди, засѣлъ въ Торжкѣ, куда пришелъ къ нему отецъ Юрій съ полками, дядя Ярославъ, двоюродный братъ Василько Константиновичъ съ Ростовцами, шуринъ Юріевъ, Михаилъ съ Черниговцами. Новгородцы послали сказать Юрію: «Князь! отпусти къ намъ сына своего, а самъ пойди съ Торжка прочь». Юрій велѣлъ отвѣчать: «Выдайте мнѣ Якима Ивановича, Никифора Тудоровича, Иванка Тимошкинича, Сдилу Савинича, Вячка, Иванча, Радка; а если не выдадите, то я поилъ коней Тверцою, напою и Волховомъ». Новгородцы собрали всю волость, около города поставили острогъ, и послали опять сказать Юрію: «Князь!

кланяемся тебѣ, а братьи своей не выдаемъ; и ты крови не проливай, впрочемъ какъ хочешь: твой мечь, а наши головы». И въ тоже время Новгородцы разставляли сторожей по дорогамъ, подѣлали засѣки, твердо рѣшась умереть за св. Софію; Юрій не рѣшился идти поить коней Волховомъ, и послалъ сказать Новгородцамъ: «Возьмите у меня въ князья шурина моего Михаила Черниговскаго». Новгородцы согласились и послали за Михаиломъ, Юрій вышелъ изъ Торжка, но не даромъ: Новгородцы заплатили ему семь тысячь; здѣсь въ первый разъ они принуждены были откупиться деньгами отъ сѣвернаго князя; преемники Юрія не преминутъ воспользоваться его примѣромъ.

Южный князь изъ старой Руси былъ по нраву Новгородцамъ: при немъ было легко ихъ волости. Но, подобно всѣмъ князьямъ, Михаилъ не могъ долго у нихъ оставаться. Онъ пошелъ сперва во Владимиръ, выпрашивать у Юрія назадъ товаровъ Новгородскихъ, которые тотъ захватилъ на Торжку и по своей волости; возвратясь съ товарами въ Новгородъ, онъ сталъ на Ярославовомъ дворѣ, и сказалъ Новгородцамъ: «Не хочу у васъ княжить, иду въ Черниговъ; пускайте ко мнѣ купцовъ, пусть ваша земля будетъ какъ моя земля». Новгородцы много упрашивали его остаться, и не могли упросить. Проводивши Михаила съ честію, Новгородцы принуждены были опять послать въ Переяславль къ Ярославу. Тотъ пришелъ къ нимъ, и на этотъ разъ пробылъ въ Новгородѣ почти три года, и когда уходилъ назадъ въ свой Переяславль, то оставилъ Новгородцамъ двоихъ сыновей, Θедора и Александра съ бояриномъ Θедоромъ Даниловичемъ и съ тіуномъ Якимомъ. Но при Ярославѣ и сыновьяхъ его Новгородской волости не было такъ легко, какъ при Михаилѣ Черниговскомъ: явились новыя подати, новыя распоряженія, какихъ не было означено въ старыхъ грамотахъ Ярославовыхъ. Съ другой стороны, молодымъ князьямъ или, лучше сказать, дядькѣ ихъ Θедору Даниловичу не могло нравиться въ Новгородѣ, гдѣ происходили безпрерывныя волненія и вѣчевыя самоуправства, неизвѣстныя въ Низовой землѣ. Осенью 1228 года полили сильные дожди день и ночь, съ Успеньева дня до Николина не видать было солнца; ни сѣна нельзя было добыть, ни нивы пахать. Тогда дьяволъ, по выраженію лѣтописца, завидуя христіанскимъ подвигамъ владыки Арсенія, возбудилъ про-

ивъ него чернь: собрали вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и пош-
и на дворъ владычинъ, крича: «Это изъ-за Арсенія такъ долго
тоитъ у насъ тепло: онъ выпроводилъ прежняго владыку Ан-
онія на Хутынь, а самъ сѣлъ, задаривши князя»; — вытолкали
го за ворота какъ злодѣя, чуть-чуть не убили; едва успѣлъ онъ
апереться въ Софійской церкви, откуда пошелъ въ Хутынь мо-
астырь. На его мѣсто вывели опять прежняго архіепископа
Антонія, но этимъ дѣло не кончилось: взволновался весь городъ;
ооружились и пошли съ вѣча на тысяцкаго Вячеслава, разгра-
или дворъ его, дворъ брата его Богуслава, дворъ Андреича,
ладыкина стольника и другихъ; послали грабить дворъ и Ду-
иильца, Липитскаго старосты, а самого хотѣли повѣсить, но
нъ успѣлъ убѣжать къ Ярославу, такъ взяли его жену, говоря:
эти люди наводятъ князя на зло». Отнявши должность тысяцка-
о у Вячеслава и давши ее Борису Нѣгочевичу, Новгородцы по-
ыали сказать князю Ярославу: «Пріѣзжай къ намъ, новыя по-
илины оставь, судей по волости не шли, будь нашимъ княземъ
а всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, или
ы себѣ, а мы себѣ [418]». Вмѣсто отвѣта Ѳедоръ Даниловичь и
іунъ Якимъ, взявши двухъ княжичей, побѣжали изъ Новгоро-
а; Новгородцы сказали: «Что же это онъ побѣжалъ? развѣ
акое зло задумалъ на св. Софію; а мы ихъ не гнали, только
ратью свою казнили, а князю никакого зла не сдѣлали, пусть
а нихъ будетъ Богъ и крестъ честный, а мы себѣ князя про-
мыслимъ», — поцѣловали образъ Богородицы, что быть всѣмъ
а одно, и послали за Михаиловъ въ Черниговъ; послы ихъ бы-
и задержаны въ Смоленскѣ тамошними князьями по Ярославо-
у наученію, да и потому вѣроятно, что Ростиславичи не могли
келать добра Новгородцамъ послѣ изгнанія Всеволода. Не смо-
ря на то, Михаилъ какъ-то узналъ о Новгородскихъ проис-
шествіяхъ, о томъ, что послы, отправленные за нимъ задержа-
ы въ Смоленскѣ, и поскакалъ въ Торжокъ, а оттуда въ 1229
оду явился въ Новгородѣ, къ величайшей радости Новгород-
цевъ, которымъ онъ цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на
всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, освободилъ смердовъ отъ пла-
тежа дани на пять лѣтъ, платежъ сбѣжавшимъ на чужую землю
установилъ на основаніи распоряженій прежнихъ князей. По-
лучивъ желаннаго князя, сторона Михаилова обратилась про-

тивъ своихъ противниковъ, приверженцевъ Ярославовыхъ, преимущественно Городищанъ: дворовъ ихъ не грабили, но взяли съ нихъ много денегъ, и дали на строеніе большаго моста. Тогда же отняли посадничество у Ивана Дмитріевича, и отдали его Внѣзду Водовику, а Иванку дали Торжокъ; но жители этого города не приняли его, и онъ пошелъ къ Ярославу.

Михаилъ впрочемъ и на этотъ разъ не долго оставался в Новгородѣ: въ томъ же 1229 году, оставивъ здѣсь сына Ростислава и взявши съ собою нѣсколько знатныхъ Новгородцевъ, онъ пошелъ въ Черниговъ къ братьямъ; къ Ярославу послали сказать: «Отступись отъ Волока и отъ всего Новгородскаго, что взялъ силою и цѣлуй крестъ». Ярославъ отвѣчалъ: «Ни отъ чего не отступаюсь и креста не цѣлую: вы себѣ, а я себѣ»,—и продержалъ пословъ все лѣто. Въ слѣдующемъ году Михаилъ явился въ Новгородъ, справилъ постриги своему сыну Ростиславу, посадилъ его на столѣ, а самъ опять пошелъ въ Черниговъ. Имѣть малолѣтнаго князя для Новгородцевъ было все равно, что не имѣть его вовсе; начались опять сильныя волненія: новый посадникъ Водовикъ поссорился съ сыномъ стараго посадника Степаномъ Твердиславичемъ, сторону котораго принялъ Иванко Тимошкиничь; слуги посадничьи прибили Тимошкинича, который на другой день собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, вслѣдствіе чего дворъ посадничій былъ разграбленъ. Но Водовикъ вмѣстѣ съ Семеномъ Борисовичемъ, старымъ посадникомъ, соперникомъ Твердислава, а слѣдовательно и сына его, подняли снова весь городъ на Иванка и его пріятелей, пошли съ вѣча и много дворовъ разграбили, а Волоса Блуткинича убили на вѣчѣ, при чемъ Водовикъ приговаривалъ: «Ты мой дворъ хотѣлъ зажечь». Водовикъ послѣ убилъ также и Тимошкинича, сбросивши его въ Волховъ. Но зимою, когда посадникъ вмѣстѣ съ княжичемъ Ростиславомъ поѣхалъ въ Торжокъ, то на другой же день враги его убили Семена Борисовича, домъ и села его разграбили, жену схватили; также разграбили дворъ и села Водовиковы, брата его и пріятелей, тысяцкаго Бориса. Услыхавъ объ этомъ, Водовикъ съ братьями, тысяцкій Борисъ и Торжокскіе бояре побѣжали къ Михаилу въ Черниговъ, а въ Новгородѣ дали посадничество Степану Твердиславичу, должность тысяцкаго Никитѣ Петриловичу, имѣніе Семена и Водо-

вика раздѣлили по сотнямъ, а князю Ростиславу показали путь изъ Торжка, послали сказать ему: «Твой отецъ обѣщался сѣсть на коня и въ походъ идти съ Воздвиженія, а теперь уже Николинъ день; съ насъ крестное цѣлованіе долой, а ты ступай прочь, мы себѣ князя промыслимъ»,—и послали за Ярославомъ на всей волѣ Новгородской [420]; тотъ пріѣхалъ немедленно, поклялся исполнять всѣ грамоты Ярославовы, но по прежнему не постоянно жилъ въ Новгородѣ, гдѣ занимали его мѣсто сыновья —Θедоръ и Александръ; новыя льготы, данныя Михаиломъ, были уничтожены по нѣкоторымъ извѣстіямъ.

Такимъ образомъ слѣдствія дѣла Мстиславова, Липецкой побѣды, не были продолжительны на сѣверѣ: Юрій по прежнему сидѣлъ во Владимирѣ, и Новгородцы, послѣ многихъ волненій и перемѣнъ, должны были опять принять Ярослава, который, несмотря на всѣ неудачи, не перемѣняетъ своего поведенія, не отказывается отъ намѣренія стѣснять старинный бытъ Новгородскій, вопреки южному Черниговскому князю, который даетъ старымъ вѣчникамъ новыя льготы. Обратимся теперь къ дѣятельности Мстиславовой на югозападѣ. Сваты—Андрей Венгерскій и Лешко Польскій скоро поссорились; король отнялъ у Лешка Перемышль и Любачевъ, и тотъ, не имѣя возможности самъ отомстить за свое безчестье и овладѣть Галичемъ, послалъ сказать Мстиславу: «Ты мнѣ братъ: приходи и садись въ Галичѣ». Мстиславъ долженъ былъ обрадоваться этому приглашенію, потому что въ Новгородѣ въ это время (1215 г. [421]) приходилось ему плохо; онъ явился въ Галичь, Венгры побѣжали, и Мстиславъ утвердился на столѣ Романа, выдавши за сына его Даніила дочь свою Анну. Даніилъ возмужалъ и скоро всѣ увидали, что онъ пойдетъ въ знаменитаго отца своего. Пользуясь слабостію Волыни по смерти Романа и во время малолѣтства сыновей его, Поляки овладѣли пограничными мѣстами, украйною; теперь Даніилъ вздумалъ отнять у нихъ эту украйну, и пріѣхавъ къ тестю Мстиславу, сказалъ ему: «Батюшка! Ляхи держатъ мою отчину»! тотъ отвѣчалъ ему: «Сынъ! за прежнюю любовь я не могу подняться на Лешка, ищи себѣ другихъ союзниковъ». У Даніила былъ одинъ неизмѣнный союзникъ во всю жизнь—родной братъ Василько; вмѣстѣ съ нимъ онъ пошелъ на Поляковъ, и возвратилъ Волынскую украйну. Лешко сильно разсердился за это

на Романовичей, послалъ противъ нихъ войско, но войско это возвратилось пораженное. Не смотря на то, что Мстиславъ отказался помогать зятю противъ Лешка, онъ не избѣжалъ подозрѣнія, что война начата по его совѣту, и Лешко, злобясь на него, соединился снова съ Венгерскимъ королемъ, приглашая его опять овладѣть Галичемъ для сына своего, зятя Лешкова. Королевичь Коломанъ пришелъ съ сильными полками, противъ которыхъ Мстиславъ, при нерасположеніи бояръ, съ одною своею дружиною не могъ бороться; онъ вышелъ изъ страны, сказавши молодому Даніилу, который отличился необыкновенною храбростію при отступленіи изъ Галича: «Князь! ступай во Владиміръ, а я пойду къ Половцамъ: отомстимъ за стыдъ свой».

Но не къ Половцамъ отправился Мстиславъ: онъ пошелъ на сѣверъ, тамъ освободилъ Новгородъ отъ Ярослава Всеволодовича, одержалъ Липецкую побѣду, и только въ 1218 году явился опять на югѣ; нанявши Половцевъ, въ слѣдующемъ году онъ пошелъ на Галичь; войсками Коломана начальствовалъ воевода Филя, которому лѣтописецъ придаетъ названіе прегордаго: Филя съ презрѣніемъ отзывался о Русскихъ полкахъ, онъ говаривалъ: «Одинъ камень много горшковъ побиваетъ»; говаривалъ также: «Острый мечь, борзый конь—много Руси». Но въ тяжкой битвѣ съ Мстиславомъ не спасли его ни острый мечь, ни борзый конь, ни Польская помощь: онъ проигралъ битву и былъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ побѣды Мстиславъ осадилъ Галичь; Венгры заперлись на крѣпкой башнѣ, которую Филя построилъ надъ Богородичною церковію, и тамъ защищались, стрѣляя и метая камни на гражданъ; лѣтописецъ смотритъ на это обращеніе церкви въ крѣпость, какъ на оскверненіе святаго мѣста, укоряетъ Филю, и говоритъ, что Богородица, не стерпѣвши поруганія надъ домомъ своимъ, предала башню и защитниковъ ея въ руки Мстиславу: Венгры, изнемогая отъ жажды, сдались. Была радость большая, говоритъ лѣтописецъ: спасъ Богъ отъ иноплеменниковъ; потому что изъ Венгровъ и Ляховъ одни были перебиты, другіе взяты въ плѣнъ, иные перетонули въ рѣкахъ, нѣкоторыхъ перебили сельскіе жители, ни одинъ не ушелъ. Между плѣнными находился и знаменитый бояринъ Судиславъ; когда его привели къ Мстиславу, то онъ припалъ къ ногамъ побѣдителя, клялся быть ему вѣрнымъ слугою; Мстиславъ повѣрилъ, сталъ держать

его въ большой чести и отдалъ Звенигородъ въ управленіе.— Когда Романовичи, во время отсутствія Мстиславова, должны были бороться съ опасными врагами Венграми и Поляками, и не было имъ ни откуда помощи, кромѣ одного Бога, по выраженію лѣтописца, противъ нихъ всталъ также ближній родственникъ, двоюродный братъ, Александръ Всеволодовичь Бѣльзскій; но теперь, когда Мстиславъ восторжествовалъ надъ Венграми и Лешко поспѣшилъ примириться съ Романовичами, то послѣдніе пошли отомстить Александру, и поплѣнили всю его землю; только заступничеству Мстислава Бѣльзскій князь былъ обязанъ сохраненіемъ своей волости.

Но понятно, что злоба Александрова на двоюродныхъ братьевъ не уменьшилась отъ этого, и ему скоро представился случай отомстить имъ, потому что Даніилъ не долго жилъ въ дружбѣ съ тестемъ. Причинъ къ нерасположенію не могло не быть, потому что права ихъ на Галичь сталкивались: Мстиславъ добылъ Галичь оружіемъ отъ иноплеменниковъ, но Даніилъ не забывалъ, что это была волость отца его; притомъ же смутниковъ было много: бояре крамолили, Александръ Бѣльзскій поджигалъ еще больше. Узнавши, что Мстиславъ не въ ладахъ съ зятемъ, онъ сильно обрадовался и сталъ понуждать Мстислава къ рати противъ Романовичей. Началась усобица между двумя изъ знаменитѣйшихъ князей Русскихъ стараго и новаго поколѣнія: Даніилъ соединился съ Поляками, Мстиславъ привелъ Половцевъ, поднялъ и Владиміра Рюриковича, князя Кіевскаго; но въ этой усобицѣ больше всѣхъ потерпѣлъ главный виновникъ ея, Александръ Бѣльзскій: Мстиславъ дѣйствовалъ какъ-то вяло въ его пользу, и волость Бѣльзская снова была страшно опустошена Романовичами; озлобленный Александръ еще больше сталъ поджигать Мстислава на Даніила: «зять твой хочетъ тебя убить» — твердилъ онъ ему; но напослѣдокъ Удалому открыли глаза: онъ увидалъ, что все это была клевета на Даніила, и помирился съ зятемъ. Но и послѣ этого спокойствіе не возстановилось; бояринъ Жирославъ завелъ смуту: онъ увѣрилъ остальныхъ бояръ, что Мстиславъ идетъ въ степь къ тестю своему, Половецкому хану Котяну, дабы тамъ перебить ихъ всѣхъ. Бояре всполошились, и побѣжали въ Перемышльскій округъ, въ Карпатскія горы, откуда послали объявить Мстиславу о причинѣ своего бѣгства,

прямо указывая на Жирослава. Мстиславъ, который, по увѣренію лѣтописца, и не думалъ ничего предпринимать противъ бояръ, послалъ къ нимъ духовника своего Тимоѳея разувѣрить ихъ; Тимоѳей исполнилъ порученіе и привелъ назадъ бояръ, после чего Жирославъ былъ изгнанъ Мстиславомъ отъ себя. Жирославъ былъ изгнанъ, но товарищи его остались, и потому смута слѣдовала за смутой. Бояре уговорили Мстислава обручить меньшую свою дочь Венгерскому королевичу Андрею, и дать нареченному зятю Перемышль; Андрей не долго пожилъ здѣсь въ покоѣ: послушавшись боярина Семена Чермнаго, онъ бѣжалъ къ отцу въ Венгрію и поднялъ его на войну противъ тестя Мстислава; съ Венграми соединились Поляки, и король съ сильнымъ войскомъ сталъ забирать Галицкіе города; но подъ Звенигородомъ потерпѣлъ сильное пораженіе отъ Мстислава и поспѣшилъ уйти назадъ въ свою землю. Романовичи, пріѣхавшіе на помощь къ Мстиславу, побуждали его преслѣдовать короля; но последнему благопріятствовали бояре, и одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, Судиславъ, да другой еще Глѣбъ Зеремѣевичь; они не только удержали Мстислава отъ преслѣдованія, но уговорили его выдать дочь за обрученнаго жениха, королевича, и отдать послѣднему не Перемышль только, но все Галицкое княжество; они говорили Мстиславу: «Князь! самъ ты не можешь держать Галича: бояре не хотятъ тебя; если отдашь его королевичу, то можешь взять его подъ нимъ назадъ, когда захочешь; если же отдашь Даніилу, то уже никогда не будетъ больше твой Галичъ, потому что народъ крѣпко любитъ Даніила». Мстиславъ исполнилъ желаніе бояръ, отдалъ королевичу Андрею Галичъ, а самъ взялъ Понизье; потомъ раскаялся и послалъ сказать Даніилу: «Сынъ! согрѣшилъ я, что не далъ тебѣ Галича, но отдалъ его иноплеменнику, по совѣту льстеца Судислава: обольстилъ онъ меня; но, если Богу угодно, то дѣло еще можно поправить: пойдемъ на нихъ — я съ Половцами, а ты съ своими; когда Богъ намъ поможетъ, то ты возьмешь Галичь, а я Понизье». Но Удалой не успѣлъ загладить своей неосторожности, и до самой смерти не могъ высвободиться изъ-подъ вліянія Глѣба Зеремѣевича, который не допустилъ его передъ кончиною повидаться съ Даніиломъ, и отдать послѣднему домъ свой и дѣтей на руки. Мстиславъ умеръ въ 1228 году[422]: Князь знаменитый подвигами славными,

ю безполезными, показавшій ясно несостоятельность старой, южной Руси, неспособность ея къ дальнѣйшему государственному развитію. На сѣверѣ Мстиславъ освободилъ Новгородъ первa отъ Всеволода, потомъ отъ сына Всеволодова, наконецъ Липецкою побѣдою нарушилъ завѣщаніе Всеволода: но мы видѣли, продолжительны ли были слѣдствія Липецкой побѣды; на югѣ Мстиславъ овладѣлъ Галичемъ, отнялъ его у Венгровъ, но потомъ самъ добровольно отдалъ имъ назадъ это Русское княжество, изъявилъ только передъ смертію безполезное раскаяніе въ своей безхарактерности;—и все здѣсь на югѣ осталось по прежнему, какъ будто бы Мстислава и не было; по прежнему южная Русь стала доживать свой вѣкъ въ безконечныхъ ссорахъ Мономаховичей съ Ольговичами, Ростиславичей съ Изяславичами.

Мы видѣли, что Мстиславъ Удалой въ 1214 году, выгнавши изъ Кіева Всеволода Чермнаго, посадилъ на его мѣсто старшаго между Ростиславовыми внуками, Мстислава Романовича, который и сидѣлъ на старшемъ столѣ до 1224 года; по смерти Романовича Кіевъ достался по очереди старшему по немъ двоюродному брату Владиміру Рюриковичу. Въ Черниговѣ, по смерти Всеволода Чермнаго княжилъ братъ его Мстиславъ, а по смерти послѣдняго въ 1224 году, племянникъ его, сынъ Всеволода Чермнаго Михаилъ, котораго мы видѣли дѣйствующимъ въ Новгородѣ; но занялъ ли Михаилъ Черниговъ тотчасъ по смерти Мстислава, трудно рѣшить утвердительно, ибо какъ-то странно, что въ 1224 году онъ рѣшился промѣнять Черниговъ на Новгородъ; вѣрно одно, что Михаилъ не могъ утвердиться въ Черниговѣ безъ борьбы съ дядею своимъ Олегомъ Курскимъ; неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта борьба, еслибы на помощь къ Михаилу не явился сильный союзникъ, зять его, князь Суздальскій Юрій съ двумя племянниками Константиновичами (1226 г.); разумѣется Курскій князь не могъ противиться соединеннымъ силамъ Суздальскаго и Черниговскаго князей, и долженъ былъ уступить права свои племяннику; въ лѣтописи сказано, что Юрій помирилъ ихъ съ помощію митрополита Кирилла: такъ сѣверному князю удалось нарушить старину и на югѣ еще при жизни Мстислава Удалаго. — Племя Ольговичей было многочисленно: лѣтопись упоминаетъ о князьяхъ Козельскихъ, Трубчевскихъ, Путивльскихъ, Рыльскихъ. — Старшіе Юрьевичи Суздальскіе,

уступая Кіевъ слѣдующимъ послѣ нихъ по племенному старшинству Мстиславичамъ, удерживаютъ Переяславль для своихъ младшихъ, Юрьевичей, которые соотвѣтствуютъ по старшинству Мстиславичамъ, сидящимъ въ Кіевѣ. Мы видѣли, какъ сынъ Всеволода, Ярославъ былъ изгнанъ изъ Переяславля Всеволодомъ Чермнымъ въ 1207 году, послѣ чего Переяславль одно время былъ за Ростиславичами; но въ 1213 году Всеволодовичи послали туда младшаго брата своего Владиміра, который было засѣлъ на время въ Москвѣ; взятый въ плѣнъ Половцами въ 1215 году, и освободившись изъ плѣна въ 1218 г., Владиміръ отправился къ братьямъ на сѣверъ, гдѣ получилъ отъ нихъ Стародубъ и нѣкоторыя другія волости, и умеръ въ 1227 году; въ этомъ же самомъ году Юрій Всеволодовичь отправилъ въ Переяславль на столъ племянника своего Всеволода Константиновича; кто же сидѣлъ здѣсь во время плѣна Владимірова и пребыванія его на сѣверѣ — неизвѣстно; но Всеволодъ Константиновичь не пробылъ и года въ Переяславлѣ, куда на его мѣсто Юрій отправилъ брата своего Святослава. — На западъ отъ Днѣпра мы видѣли судьбу старшей линіи Изяслава Мстиславича, княжившей во Владимірѣ Волынскомъ; что касается до младшей линіи, князей Луцкихъ, то по смерти Ярослава Изяславича, въ Луцкѣ княжилъ Ингварь, сынъ его, котораго мы видѣли одно время и въ Кіевѣ; по смерти Ингваря въ Луцкѣ сѣлъ братъ его Мстиславъ Нѣмой, который, умирая, поручилъ отчину свою и сына Ивана Даніилу Романовичу; Иванъ скоро умеръ, и Луцкъ былъ занятъ двоюроднымъ братомъ его, Ярославомъ Ингваревичемъ, а Чарторыйскъ княземъ Пинскимъ Ростиславомъ; но Даніилъ взялъ и Луцкъ и Чарторыйскъ, и отдалъ Луцкъ и Пересопницу брату своему Васильку, который владѣлъ также и Брестомъ, а Ярославу далъ Перемышль и Межибожь. Мы упомянули о князѣ Пинскомъ: послѣ того какъ внуку Святополкову, Юрію Ярославичу удалось утвердиться въ Туровской волости, волость эта стала дѣлиться въ его поколѣніи между двумя княжескими линіями, пошедшими отъ сыновей его — Святополка и Глѣба; главнымъ образомъ Туровская волость дѣлилась на два княжества — Туровское и Пинское, кромѣ того были другія мельчайшія волости. Святополкъ Юрьевичь, шуринъ Рюрика Ростиславича, умеръ въ 1195 году [422]. — Между разными

инніями князей Полоцкихъ по прежнему происходили усобицы ни чѣмъ особенно не замѣчательныя [484].

Разсматривая дѣятельность князей Русскихъ въ періодъ времени отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Удалаго, мы замѣтили при нихъ бояръ и слугъ: на сѣверѣ, въ Суздальской области видѣли знаменитаго воеводу Боголюбскаго, Бориса Жидиславича, который по смерти Андрея вмѣстѣ съ другими своими товарищами держалъ сторону Ростиславичей противъ Юрьевичей, вслѣдствіе торжества послѣднихъ перешелъ въ службу къ врагу ихъ, князю Глѣбу Рязанскому, вмѣстѣ съ которымъ попался въ плѣнъ ко Всеволоду III въ сраженіи при Прусковой горѣ. На одной сторонѣ съ Борисомъ были Добрыня Долгій, Иванко Степановичь, Матеяшъ Бутовичь; двое первыхъ погибли въ битвѣ Всеволода III съ Мстиславомъ Ростовскимъ, послѣдній, какъ видно, тутъ же былъ взятъ въ плѣнъ. Кромѣ именъ лицъ, находившихся при дворѣ Андреевомъ и участвовавшихъ въ заговорѣ на его жизнь, мы встрѣчаемъ имя Михна, посла его къ Ростиславичамъ южнымъ. Изъ мужей Всеволода III-го встрѣчаемъ исполнителями его порученій Михаила Борисовича (быть можетъ сына Бориса Жидиславича), который водилъ Ольговичей ко кресту въ 1207 году, участвовалъ въ дѣлахъ Рязанскихъ и Новгородскихъ; Лазаря, который распоряжался именемъ своего князя въ Новгородѣ, тіуна Гюря, котораго Всеволодъ посылалъ на югъ для обновленія Городца Остерскаго въ 1295 году; меченошу Кузьму Ратьшича, который воевалъ Тепру въ 1210 году; Ѳому Лазковича и Дорожая, участвовавшихъ въ Болгарскомъ походѣ 1182 года; боярина Якова племянника Великаго князя отъ сестры. Изъ бояръ при сыновьяхъ Всеволодовыхъ упоминается Иванъ Родиславичь, убитый въ сраженіи подъ Ростовомъ [485], Андрей Станиславичь, который уговаривалъ младшихъ Всеволодовичей предъ Липецкою битвою мириться съ Мстиславомъ Удалымъ [486]; Еремѣй Глѣбовичь, служившій сперва Константину, а потомъ Юрію, Воиславъ Добрыничь, Ростовскій воевода при сыновьяхъ Константиновыхъ. Изъ бояръ при князьяхъ Южной Руси подъ 1171 годомъ упоминается Шумскій посадникъ Паукъ, кормилецъ Дорогобужскаго князя Владиміра Андреевича; при Глѣбѣ Юрьевичѣ въ Кіевѣ Тысяцкимъ былъ Григорій — неизвѣстно, Кіевскій ли бояринъ, или

пришлый съ Глѣбомъ изъ Переяславля. Извѣстный намъ прежде выѣзжій Полякъ, Владиславъ Вратиславичь, по изгнаніи Мстислава изъ Кіева, отступилъ отъ послѣдняго къ враждебнымъ ему князьямъ: Давыдъ Ростиславичь Вышегородскій посылаетъ его преслѣдовать Мстислава въ 1127 году; во время войны Глѣба и Михаила Юрьевичей съ Половцами (1172 г.) воеводою у нихъ былъ Владиславъ, Яневъ братъ — быть можетъ тотъ же самый Ляхъ быть можетъ и другой, и Яневъ братъ сказано именно для отличія его отъ извѣстнаго Ляха; по смерти Глѣба послѣдній оставался въ Кіевѣ и держалъ сторону Боголюбскаго противъ Ростиславичей, которые захватили его тамъ вмѣстѣ со Всеволодомъ Юрьевичемъ въ 1174 году. Поводомъ къ знаменитой борьбѣ Боголюбскаго съ Ростиславичами было обвиненіе троихъ Кіевскихъ бояръ — Григорія Хотовича, Степанца и Олекси Святославича въ отравленіи князя Глѣба: Григорій Хотовичь былъ вѣроятно упомянутый выше тысяцкій Григорій, братъ Константина Хотовича, плѣненнаго прежде Половцами. Изъ бояръ въ Кіевѣ при Святославѣ Всеволодовичѣ упоминается любимецъ его Кочкарь, по всѣмъ вѣроятностямъ приведенный имъ изъ Чернигова; лѣтописецъ говоритъ, что князь открывалъ свои тайныя намѣренія одному этому Кочкарю мимо другихъ. По походамъ на Половцевъ извѣстны Черниговскіе бояре Ольстинъ Олексичь и Романъ Нѣздиловичь (1184, 1185, 1187 г.) У Рюрика Ростиславича Бѣлгородскаго и потомъ Кіевскаго упоминается воевода Лазарь, Сдѣславъ Жирославичь, Борисъ Захарьичь, кормилецъ Владиміра, сына Мстислава Храбраго; Сдѣславъ Жирославичь упоминается послѣ въ числѣ бояръ Мстислава Удалаго; потомъ у Рюрика въ Бѣлгородѣ встрѣчаемъ воеводу Славна Борисовича, бывшаго потомъ тысяцкимъ въ Кіевѣ гдѣ видимъ также при Рюрикѣ боярина Чурыню, посыланнаго въ 1187 году, вмѣстѣ съ Славномъ за дочерью Всеволода III-го; у сына Рюрикова, Ростислава былъ бояринъ Рогволдъ, котораго онъ въ 1192 году посылалъ къ отцу толковать о Половецкомъ походѣ. Смоленскимъ тысяцкимъ при князѣ Давыдѣ Ростиславичѣ былъ Михалко; у Владиміра Рюриковича во время Липецкаго боя упоминается бояринъ Яволодъ, и потомъ Иворъ Михайловичь, быть-можетъ сынъ упомянутаго выше Михалка. Изъ бояръ князя Глѣба Рязанскаго упоминаются Борисъ и Да-

лецъ, которые такъ много содѣйствовали отстраненію Юрьевичей въ пользу Ростиславичей по смерти Боголюбскаго; Дѣдилецъ вмѣстѣ съ другимъ Рязанскимъ боярцомъ Олстинымъ попался въ плѣнъ Всеволоду III въ 1177 году [427]; потомъ изъ Рязанскихъ боярь во время войны Святослава Черниговскаго со Всеволодомъ III упоминается Иванъ Мирославичь.

Разсмотрѣвши отношенія внутреннія, обратимся ко внѣшнимъ, которыя въ послѣднее время начинаютъ принимать особый, очень важный характеръ. Мы знаемъ, что древнія Русскія владѣнія въ прибалтійскихъ областяхъ дѣлились на двѣ части: сѣверную, зависѣвшую болѣе или менѣе отъ Новгорода, и южную, зависѣвшую отъ Полоцка. Къ берегамъ этой-то южной части Русскихъ владѣній, къ устью Двины, въ 1158 году, принятъ былъ бурею корабль Бременскихъ купцовъ. Негостепріимно встрѣтили ихъ туземцы; но послѣ схватки, въ которой побѣда осталась на сторонѣ Нѣмцевъ, Ливы стали сговорчивѣе и позволили пришельцамъ производить мѣну. Выгода этой мѣны заставила Бременцевъ нѣсколько разъ возвращаться съ товарами къ устью Двины, наконецъ выпросили они себѣ у туземцевъ позволеніе основать здѣсь постоянную контору; мѣсто было выбрано подлѣ Двины на горѣ, гдѣ построили большой домъ и острожекъ, который получилъ названіе Уйскуль; скоро потомъ построена была другая факторія Даленъ [428].

Извѣстіе о поселеніяхъ, заведенныхъ Нѣмцами при устьѣ Двины среди языческаго народонаселенія, обратило на себя вниманіе Бременскаго архіепископа, который не могъ пропустить благопріятнаго случая для распространенія предѣловъ церкви. Онъ объявилъ объ этомъ Папѣ Александру III-му, и тотъ велѣлъ ему отправить въ Ливонію искуснаго миссіонера; архіепископъ отправилъ туда Мейнгарда, монаха Августинскаго ордена [429]. Мейнгардъ выпросилъ позволеніе у князя Полоцкаго проповѣдовать Евангеліе между подвластными ему язычниками, построилъ церковь въ Укскулѣ, и успѣлъ обратить нѣсколько туземцевъ. Скоро Литовцы напали на окрестности Укскуля; Мейнгардъ съ жителями послѣдняго спрятался въ лѣсахъ, гдѣ имѣлъ бой съ врагами. По ихъ удаленіи онъ началъ укорять Ливовъ за то, что они живутъ сплошно, не имѣютъ крѣпостей, и обѣщалъ имъ построить крѣпкіе замки, если они за это обя-

жутся принять христіанство. Ливы согласились, и на слѣдующее лѣто явились изъ Готланда строители и каменосѣчцы. Еще прежде чѣмъ начали строить замокъ Укскуль, часть народа окрестилась; остальные обѣщали креститься, какъ скоро весь замокъ будетъ готовъ. Замокъ выстроили, Мейнгардъ посвященъ былъ въ епископы, — но никто не думалъ креститься; подъ условіемъ такого же обѣщанія выстроили другой замокъ — Гольмъ, и также никто не думалъ принимать христіанство; мало того, язычники начали явно обнаруживать непріязненныя намѣренія противъ епископа, грабили его имѣніе, били его домашнихъ; но всего больше огорчало Мейнгарда то, что уже крещенные туземцы стали погружаться въ Двину, чтобъ, по ихъ словамъ, смыть съ себя крещеніе и отослать его въ Германію [130]. У Мейнгарда былъ товарищъ въ дѣлѣ проповѣди, братъ Өеодорихъ, монахъ Цистерціенскаго ордена: этого Өеодориха Ливонцы вздумали однажды принесть въ жертву богамъ, чтобъ жатва была обильнѣе, чтобъ дожди не повредили ей. Народъ собрался, положили копье на землю, вывели священнаго коня, смотрять, какою ногою прежде ступитъ конь — правою — опредѣлить смерть, лѣвою жизнь; конь ступаетъ ногою жизни; но волхвъ противится, утверждаетъ, что тутъ чары со стороны враждебной религіи: опять ведутъ коня, опять ступаетъ онъ лѣвою ногою, и Өеодорихъ спасенъ. Въ другой разъ тотъ же Өеодорихъ находился въ Эстоніи, когда въ день св. Іоанна Крестителя случилось солнечное затмѣніе; несчастному монаху грозила опять страшная опасность отъ язычниковъ, которые приписали затмѣніе ему, говоря, что онъ съѣдаетъ солнце.

Когда Мейнгардъ увидалъ, что мирными средствами трудно будетъ распространить христіанство между Ливами, то отправилъ посла къ папѣ представить жалкое положеніе юной церкви своей: папа велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Ливонскихъ язычниковъ; но Мейнгардъ не дождался прибытія крестоваго ополченія: онъ умеръ въ 1196 году; въ этомъ же году Датскій король Канутъ VI-й присталъ къ Эстонскому берегу и утвердился здѣсь, принудивъ туземцевъ силою принять христіанство. Между тѣмъ Ливонскіе христіане отправили посольство къ Бременскому архіепископу съ просьбою о присылкѣ преемника Мейнгарду; новый епископъ, Бартольдъ явился спер-

ва безъ войска, собралъ туземныхъ старшинъ и пытался привлечь ихъ къ себѣ угощеніями и подарками, однако напрасно: при первомъ удобномъ случаѣ они завели споръ о томъ, какимъ способомъ погубить новаго епископа: сжечь ли его въ церкви или убить, или утопить въ Двинѣ. Бартольдъ тихонько ушелъ на корабль и отплылъ сперва на Готландъ, а потомъ въ Германію, откуда послалъ къ папѣ съ извѣстіемъ о своемъ печальномъ положеніи; папа объявилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто отправится въ крестовый походъ, противъ Ливонцевъ, вслѣдствіе чего около Бартольда собрался значительный отрядъ крестоносцевъ, съ которымъ онъ и отправился назадъ въ Ливонію. Туземцы вооружились, и послали спросить епископа, зачѣмъ онъ привелъ съ собою войско? Когда Бартольдъ отвѣчалъ, что войско пришло для наказанія отступниковъ, то Ливонцы велѣли сказать ему: «Отпусти войско домой, и ступай съ миромъ на свое епископство: кто крестился, тѣхъ ты можешь принудить оставаться христіанами, другихъ убѣждай словами, а не палками [481].» Урокъ не подѣйствовалъ на Бартольда: онъ позволилъ себѣ принять участіе въ битвѣ между крестоносцами и туземцами, и когда послѣдніе были обращены въ бѣгство, то быстрый конь занесъ епископа въ ряды язычниковъ, которые изрубили его. Нѣмцы воспользовались своею побѣдою и страшно опустошили страну; туземцы принуждены были къ покорности, крестились, приняли къ себѣ священниковъ, опредѣлили на ихъ содержаніе извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ съ плуга; но только что крестоносцы успѣли сѣсть на корабли, какъ уже Ливонцы начали окунываться въ Двину, чтобъ смыть съ себя крещеніе, ограбили священниковъ, выгнали ихъ изъ страны; хотѣли сдѣлать тоже и съ купцами, но тѣ задарили старшинъ, и остались.

Скоро возвратились также и священники; съ ними пріѣхалъ новый епископъ Албертъ въ сопровожденіи крестоваго отряда, помѣщавшагося на 23 корабляхъ. Албертъ принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, которымъ предназначено измѣнять бытъ старыхъ обществъ, полагать твердыя основы новымъ; пріѣхавши въ Ливонію, онъ мгновенно уразумѣлъ положеніе дѣлъ, нашелъ вѣрныя средства упрочить торжество христіанства и своего племени надъ язычествомъ и туземцами, съ изумительнымъ постоянствомъ стремился къ своей цѣли, и до-

стигъ ея. Враждебно встрѣтили туземцы новаго епископа, онъ долженъ былъ выдержать отъ нихъ осаду въ Гольмѣ; новоприбывшіе крестоносцы освободили его; но Албертъ хорошо видѣлъ, что съ помощію этихъ временныхъ гостей нельзя утвердиться въ Ливоніи; туземцы не умѣли выдерживать битвъ съ искусными нѣмецкими ополченіями; потерпѣвъ пораженіе, видя жилища и нивы свои опустошенными, они покорялись, обѣщаясь принять христіанство; но стоило только крестоносцамъ сѣсть на корабли, какъ они возвращались къ прежней вѣрѣ и начинали враждебно дѣйствовать противъ пришлецовъ. Нужно было слѣдовательно вести борьбу не временными, случайными наѣздами; нужно было стать твердою ногою на новой почвѣ, вывести сильную Нѣмецкую колонію, основать городъ, въ стѣнахъ котораго юная церковь могла бы находить постоянную защиту. Съ этою цѣлію въ 1200 году году Албертъ основалъ при устьѣ Двины городъ Ригу; но мало было основать, нужно было дать народонаселеніе новому городу, и Албертъ самъ ѣздилъ въ Германію набирать колонистовъ, и привозилъ ихъ съ собою. Но одного города съ Нѣмецкимъ народонаселеніемъ было еще недостаточно: народонаселеніе это не могло предаваться мирнымъ занятіямъ, потому что должно было вести постоянную борьбу съ туземцами; нужно было слѣдовательно постоянное военное сословіе, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться съ туземцами, обязанность защищать новую колонію; для этого Албертъ сперва началъ было вызывать рыцарей изъ Германіи и давать имъ зàмки въ ленное владѣніе; но это средство могло вести къ цѣли только очень медленно, и потому онъ скоро придумалъ другое, болѣе вѣрное, именно основаніе ордена воинствующихъ братій, по образцу военныхъ орденовъ въ Палестинѣ; папа Иннокентій III-й одобрилъ мысль Алберта, и въ 1202 году былъ основанъ орденъ рыцарей Меча, получившій уставъ Храмоваго ордена; новые рыцари носили бѣлый плащъ съ краснымъ мечемъ и крестомъ, вмѣсто котораго послѣ стали нашивать звѣзду; первымъ магистромъ ихъ былъ Винно фонъ Рорбахъ.

Такимъ образомъ Нѣмцы стали твердою ногою при устьяхъ Двины; какъ же смотрѣли на это князья Полоцкіе? Они привыкли ходить войною на Чудь и брать съ нея дань силою, если

она не хотѣла платить ее добровольно. Точно также хотѣли они теперь дѣйствовать противъ Нѣмцевъ: въ 1203 году Полоцкій князь внезапно явился предъ Укскулемъ и осадилъ его; неприготовленные къ осадѣ жители предложили ему дань; онъ взялъ ее и пошелъ осаждать другой зàмокъ—Гольмъ; но сюда епископъ уже успѣлъ послать гарнизонъ, и Русскіе, потерявъ много лошадей отъ стрѣльбы осажденныхъ, отступили отъ зàмка. Въ Ливоніи, по берегамъ Двины, роду Полоцкихъ князей принадлежали двѣ волости—Кукейносъ (Кокенгузенъ) и Герсикъ; князь послѣдняго съ Литовцами (которые для Полоцкихъ князей служили тѣмъ же, чѣмъ Половцы служили для остальныхъ Русскихъ князей) опустошилъ окрестности Риги—но всѣ эти набѣги не могли нанести большаго вреда пришельцамъ. Наконецъ въ 1206 году отношенія между послѣдними и Полоцкими князьями начали, повидимому, принимать болѣе важный оборотъ. Албертъ, желая безпрепятственно утвердиться въ низовьяхъ Двины, рѣшился на время усыпить вниманіе Полоцкаго князя, и потому отправилъ къ нему аббата Ѳеодориха съ подарками и дружелюбными предложеніями. Прибывши въ Полоцкъ, Ѳеодорихъ узналъ, что тамъ находятся посланцы отъ Ливонскихъ старшинъ, пріѣхавшіе жаловаться князю на насилія Нѣмцевъ и просить его объ изгнаніи ненавистныхъ пришельцевъ. Въ присутствіи Ливонцевъ князь спросилъ Ѳеодориха, зачѣмъ онъ пришелъ къ нему, и когда тотъ отвѣчалъ, что за миромъ и дружбою, то Ливонцы закричали, что Нѣмцы не хотятъ и не умѣютъ сохранять мира[482]. Князь отпустилъ епископскихъ пословъ, приказавъ имъ дожидаться рѣшенія въ отведенномъ для нихъ домѣ: онъ не хотѣлъ отпустить ихъ тотчасъ въ Ригу, чтобъ тамъ не узнали о его непріятельскихъ намѣреніяхъ. Но аббату удалось подкупить одного боярина, который и открылъ ему, что Русскіе, въ согласіи съ туземцами, готовятся къ нападенію на пришельцевъ; аббатъ, узнавши объ этомъ, не терялъ времени: онъ отыскалъ въ городѣ какого-то нищаго изъ зàмка Гольмъ и нанялъ его отнести къ епископу въ Ригу письмо, въ которомъ извѣщалъ его о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Епископъ приготовился къ оборонѣ; а князь, узнавши, что его намѣреніе открылось, вмѣсто войска отправилъ пословъ въ Ригу съ наказомъ выслушать обѣ стороны—какъ епископа, такъ и Ливон-

цевъ, и рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость. Послы, пріѣхавши въ Кукейносъ, послали оттуда дьякона Стефана въ Ригу къ епископу звать его на съѣздъ съ ними и Ливонскими старшинами для рѣшенія всѣхъ споровъ, а сами между тѣми разъѣхались по странѣ для созванія туземцевъ. Албертъ оскорбился предложеніемъ Стефана и отвѣчалъ, что, по обычаю всѣхъ земель, послы должны являться къ тому владѣльцу, къ которому посланы, а не онъ долженъ выходить къ нимъ на встрѣчу. Между тѣмъ Ливонцы, собравшись въ назначенное время и мѣсто и видя, что Нѣмцы не явились на съѣздъ, рѣшили захватить замокъ Гольмъ, и оттуда добывать Ригу: но ихъ намѣреніе не имѣло желаннаго конца: потерпѣвъ сильное пораженіе, потерявъ старшинъ, изъ которыхъ одни пали въ битвѣ, другіе были отведены въ оковахъ въ Ригу, они принуждены были снова покориться пришельцамъ; въ числѣ убитыхъ находился старшина Ако, котораго лѣтописецъ называетъ виновникомъ всего зла: онъ возбудилъ Полоцкаго князя противъ Рижанъ, онъ собралъ Леттовъ и всю Ливонію противъ Христіанъ [422]. Епископъ послѣ обѣдни находился въ церкви, когда ему одинъ рыцарь поднесъ окровавленную голову Ако, какъ вѣсть побѣды.

Когда все опять успокоилось хотя на время, неутомимый Албертъ поспѣшилъ въ Германію, чтобъ набрать новыхъ крестоносцевъ: онъ предвидѣлъ новую, продолжительную борьбу. Его отсутствіемъ воспользовались туземцы и отправили опять пословъ къ Полоцкому князю съ просьбою освободить ихъ отъ притѣснителей. Князь приплылъ съ войскомъ по Двинѣ и осадилъ Гольмъ; по его призыву встало окружное народонаселеніе, но мало принесло ему пользы при осадѣ: гарнизонъ Гольмскій, при всей своей малочисленности, наносилъ сильный вредъ Русскому войску камнестрѣльными машинами, употребленія которыхъ не знали Полочане; они сдѣлали было себѣ также маленькую машину по образцу Нѣмецкихъ, но первый опытъ неудался: машина била своихъ. Не смотря однако на это, жители Гольма и Риги не долго могли держаться противъ Русскихъ, потому что должны были бороться также противъ враговъ, находившихся внутри стѣнъ — туземцевъ, которые безпрестано сносились съ Русскими; — какъ вдругъ на морѣ показались Нѣмецкіе корабли; князь, потерявши много народу отъ камнестрѣльныхъ машинъ

при осадѣ Гольма, не рѣшился вступить въ борьбу съ свѣжими силами непріятеля и отплылъ назадъ въ Полоцкъ. Эта неудача нанесла страшный ударъ дѣлу туземцевъ; самые упорные изъ нихъ отправили пословъ въ Ригу требовать крещенія и священниковъ; Нѣмцы исполнили ихъ просьбу, взявши напередъ отъ старшинъ ихъ сыновей въ заложники. Торжество пришельцевъ было понятно: въ челѣ ихъ находился человѣкъ, одаренный необыкновеннымъ смысломъ и дѣятельностію, располагавшій сильными средствами—рыцарскимъ орденомъ и толпами временныхъ крестоносцевъ, приходившихъ на помощь Рижской церкви; противъ него были толпы безоружныхъ туземцевъ; что же касается до Русскихъ, то епископъ и орденъ имѣли дѣло съ однимъ Полоцкимъ княжествомъ, которое вслѣдствіе извѣстнаго отдѣленія Рогволодовыхъ внуковъ отъ Ярославичей, предоставлено было собственнымъ силамъ, а силы эти были очень незначительны: князья разныхъ Полоцкихъ волостей вели усобицы другъ съ другомъ, боролись съ собственными гражданами, наконецъ имѣли опасныхъ враговъ въ Литовцахъ: могли ли они послѣ того успѣшно дѣйствовать противъ Нѣмцевъ? доказательствомъ разъединенія между ними и происходившей отъ того слабости служитъ поступокъ князя Кукейноскаго Вячеслава [434]: не будучи въ состояніи собственными средствами и средствами родичей бороться съ Литвою, онъ въ 1207 году явился въ Ригу и предложилъ епископу половину своей земли и города, если тотъ возмется защищать его отъ варваровъ. Епископъ съ радостію согласился на такое предложеніе; не смотря на то однако, изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописца не видно, чтобъ онъ немедленно имъ воспользовался: вѣроятно Вячеславъ обѣщался принять къ себѣ Нѣмецкій гарнизовъ только въ случаѣ Литовскаго нападенія. Какъ бы то ни было, Русскій князь скоро увидалъ на опытѣ, что вмѣсто защитниковъ онъ нашелъ въ рыцаряхъ враговъ, которые были для него опаснѣе Литовцевъ. Между ними и рыцаремъ Даніиломъ фонъ Леневарденъ произошла частная ссора; послѣдній напалъ нечаянно ночью на Кукейносъ, овладѣлъ имъ безъ сопротивленія, перевязалъ жителей, забралъ ихъ имѣніе, самаго князя заключилъ въ оковы. Епископъ, узнавъ объ этомъ, послалъ приказъ Даніилу немедленно освободить князя, возвратить ему городъ и все имѣніе; потомъ позвалъ

Вячеслава къ себѣ, принялъ съ честію, богато одарилъ лошадьми и платьемъ, помирилъ съ Даніиломъ,—но при этомъ припомнилъ прежнее обѣщаніе его сдать Нѣмцамъ половину крѣпости и отправилъ въ Кукейносъ отрядъ войска для занятія и укрѣпленія города—на случай Литовскаго нападенія. Князь выѣхалъ изъ Риги съ веселымъ лицемъ, но въ душѣ затаилъ месть: онъ видѣлъ, что въ Ригѣ все готово было къ отъѣзду епископа и многихъ крестоносцевъ въ Германію, и рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для освобожденія своего города отъ непріятныхъ гостей. Думая, что епископъ съ крестоносцами уже въ морѣ, онъ посовѣтовался съ дружиною, и вотъ въ одинъ день, когда почти всѣ Нѣмцы спустились въ ямы, гдѣ добывали камень для городскихъ построекъ, а мечи свои и прочее оружіе оставили на верху, отроки княжескіе и мужи прибѣгаютъ къ ямамъ, овладѣваютъ оружіемъ, и умерщвляютъ беззащитныхъ его владѣльцевъ. Троимъ изъ послѣднихъ однако удалось спастись бѣгствомъ и достигнуть Риги, гдѣ, они разсказали, что случилось съ ними и ихъ товарищами въ Кукейносѣ. Вячеславъ, думая, что положено доброе начало дѣлу, послалъ къ Полоцкому князю коней и оружіе непріятельское съ приглашеніемъ идти какъ можно скорѣе на Ригу, которую легко взять: лучшіе люди перебиты имъ въ Кукейносѣ, другіе отъѣхали съ епископомъ въ Германію. Полоцкій князь повѣрилъ и началъ уже собирать войска. Но Вячеславъ жестоко ошибался въ своихъ надеждахъ: противные вѣтры задержали Алберта въ двинскомъ устьѣ и когда пришла въ Ригу вѣсть о происшествіяхъ въ Кукейносѣ, то онъ немедленно возвратился, убѣдилъ и спутниковъ своихъ опять послужить святому дѣлу; Нѣмцы, разсѣянные по всѣмъ концамъ Ливоніи, собрались въ Ригу. Тогда Русскіе, видя, что не въ состояніи бороться противъ соединенныхъ силъ ордена, собрали свои пожитки, зажгли Кукейносъ, и ушли далѣе на востокъ, а окружные туземцы въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ своихъ искали спасенія отъ мстительности пришельцевъ; но не всѣмъ удалось найти его: Нѣмцы преслѣдовали ихъ по лѣсамъ и болотамъ, и если кого отыскивали, то умерщвляли жестокою смертію.

Паденіе Кукейноса скоро повлекло за собою покореніе и другаго княжества Русскаго въ Ливоніи — Герсика. Въ 1209 году епископъ, говоритъ лѣтописецъ, постоянно заботясь о защитѣ

Лифляндской церкви, держалъ совѣтъ съ разумнѣйшими людьми, какъ бы освободить юную церковь отъ вреда, который наносятъ ей Литва и Русь. Рѣшено было выступить въ походъ противъ враговъ христіанскаго имени; лѣтописецъ впрочемъ спѣшитъ оговориться, и прибавляетъ, что князь Герсика, Всеволодъ былъ страшнымъ врагомъ христіанскаго имени, преимущественно Латынянъ[485]; онъ женатъ былъ на дочери Литовскаго князя, былъ съ Литовцами въ постоянномъ союзѣ и часто являлся предводителемъ ихъ войска, доставлялъ имъ безопасную переправу черезъ Двину и съѣстные припасы. Литовцы тогда, продолжаетъ лѣтописецъ, были ужасомъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ: рѣдкіе изъ Леттовъ отваживались жить въ деревняхъ; большая часть ихъ искали безопасности отъ Литвы въ дремучихъ лѣсахъ, но и тамъ не всегда находили ее; Литовцы преслѣдовали ихъ и въ лѣсахъ, били однихъ, уводили въ плѣнъ другихъ, отнимали у нихъ все имѣніе. И Русскіе бѣгали также предъ Литовцами, многіе предъ немногими, какъ зайцы предъ охотниками; Ливы и Леттты были пищею Литовцевъ, какъ овцы безъ пастыря бываютъ добычею волковъ. И вотъ Богъ послалъ имъ добраго и вѣрнаго пастыря, именно епископа Алберта. Добрый и вѣрный пастырь нечаянно напалъ съ большимъ войскомъ на Герсикъ и овладѣлъ имъ: князь Всеволодъ успѣлъ спастись на лодкахъ черезъ Двину, но жена его со всею своею прислугою попалась въ плѣнъ. Нѣмецкое войско пробыло цѣлый день въ городѣ, собрало большую добычу, снесло изо всѣхъ угловъ города платье, серебро, изъ церквей колокола, иконы и всякія украшенія. На слѣдующій день, приведши все въ порядокъ, Нѣмцы собрались въ обратный путь и зажгли городъ. Когда князь Всеволодъ увидалъ съ другаго берега Двины пожаръ, то сталъ жалостно вопить: «Герсикъ! любимый городъ, дорогая моя отчина! пришлось мнѣ увидать бѣдному сожженіе моего города и гибель моихъ людей!» Епископъ и все войско, подѣливши между собою добычу, съ княгинею и со всѣми плѣнниками возвратились въ Ригу, куда послали звать и князя Всеволода, если хочетъ получить миръ и освобожденіе своихъ. Князь пріѣхалъ въ Ригу, называлъ епископа отцемъ, всѣхъ Латынцевъ братьями, просилъ только, чтобъ выпустили изъ плѣна жену и другихъ Русскихъ. Ему предложили условіе: «хочетъ онъ отдать свое княжество на вѣки въ даръ

церкви св. Богородицы, и потомъ взять его назадъ изъ рукъ епископа, такъ отдадутъ ему княгиню и другихъ плѣнниковъ.» Всеволодъ согласился [426] и поклялся открывать епископу и Ордену всѣ замыслы Русскихъ и Литовцевъ; но когда возвратился домой съ женою и дружиною, то забылъ обѣщаніе, началъ опять сноситься съ Литовцами, и подводить язычниковъ противъ Нѣмцевъ Кукейноскихъ.

Въ то время, когда Нѣмцы утверждались въ Ливоніи, отнимая низовыя двинскія страны у Полоцка, Новгородцы и Псковичи продолжали бороться съ Чудью, жившею на югѣ и на сѣверѣ отъ Финскаго залива; въ 1176 году вся Чудская земля, по выраженію лѣтописца, приходила подъ Псковъ, но была отбита съ большимъ урономъ; но мы видѣли, какъ Мстиславъ Храбрый отомстилъ Чуди за эти обиды; обыкновенно наступательныя движенія Новгородцевъ на Чудь происходили въ минуты ладовъ ихъ съ своими князьями; но такія минуты были очень рѣдки, и потому движенія Новгородцевъ не могли отличаться постоянствомъ: вотъ причина, почему они не могли утвердиться въ Эстоніи и успѣшно спорить съ Нѣмцами о господствѣ надъ нею. Въ 1190 году Чудь снова пришла ко Пскову на судахъ по озеру, но и на этотъ разъ Псковичи не упустили изъ нея ни одного живаго. Юрьевъ былъ снова захваченъ Чудью, и снова взятъ Новгородцами и Псковичами въ 1191 году, при чемъ, по обычаю, земля Чудская была пожжена, полону приведено безчисленное множество; а въ слѣдующемъ году Псковичи снова ходили на Чудь и взяли у нея Медвѣжью-Голову (Оденпе). Потомъ не слышно о походахъ на Эстонію до 1212 года: въ этомъ году, по счету нашего лѣтописца, и двумя годами ранѣе, по счету Нѣмецкаго, Мстиславъ Удалой съ братомъ Владиміромъ вторгнулись въ страну Чуди-Тормы, обитавшей въ нынѣшнемъ Дерптскомъ уѣздѣ, и, по обычаю, много людей поплѣнили, скота безчисленное множество домой привели. Потомъ на зиму пошелъ Мстиславъ съ Новгородцами на Чудской городъ Медвѣжью-Голову; истребивши села вокругъ, пришли подъ городъ: Чудь поклонилась, дала дань, и Новгородцы поздорову возвратились домой. Но лѣтописецъ Нѣмецкій гораздо подробнѣе описываетъ этотъ походъ: князь Новгородскій съ княземъ Псковскимъ и со всѣми своими Русскими пришли съ большимъ войскомъ въ Уг-

авнію и осадили крѣпость Оденпе; восемь дней отбивалась отъ нихъ Чудь; наконецъ, почувствовавши недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, запросила мира; Русскіе дали ей миръ, окрестили нѣкоторыхъ своимъ крещеніемъ, взяли 400 марокъ н о г а т ъ [427], и отступили въ свою землю, обѣщавшись, что пришлютъ своихъ священниковъ, чего однако потомъ не сдѣлали, изъ страха предъ Нѣмцами, прибавляетъ лѣтописецъ: должно думать, что не столько изъ страха предъ Нѣмцами, сколько по недостатку надлежащаго вниманія къ дѣламъ Эстонскимъ. Такъ Новгородцы, пока жилъ у нихъ Мстиславъ, ходили сквозь Чудскую землю къ самому морю, села жгли, укрѣпленія брали, и заставляли Чудь кланяться и давать дань [428]; но Мстиславъ скоро ушелъ на югъ; Новгородцы по прежнему начали ссориться съ сѣверными Суздальскими князьями, Чудь была опять забыта; а Нѣмцы между тѣмъ соединенными силами дѣйствовали постоянно въ одномъ направленіи, съ одною цѣлію. Чтобъ удобнѣе заняться покореніемъ Эстовъ, Леттовъ и другихъ туземцовъ, и чтобъ обогатить Ригу торговлею съ странами, лежащими при верхнихъ частяхъ Двины и Днѣпра, они рѣшились заключить мирный договоръ съ Полоцкимъ княземъ, при чемъ епископъ обязался вносить послѣднему ежегодную дань за Ливовъ, порабощенныхъ Рижской церкви и ордену.

Въ то время, когда Полоцкій князь, довольный данью, заключилъ миръ съ опасными пришельцами, Псковъ впервые обнаруживаетъ къ нимъ ту сильную непріязнь, какою будетъ отличаться во всей послѣдующей исторіи своей: въ 1213 году Псковичи выгнали князя своего Владиміра за то, что онъ выдалъ дочь свою за брата епископа Алберта; изгнанникъ пошелъ было сначала въ Полоцкъ, но найдя тамъ не очень привѣтливый пріемъ, отправился къ зятю въ Ригу, гдѣ принятъ былъ съ честію, по свидѣтельству Нѣмецкаго лѣтописца. Владиміръ скоро имѣлъ случай отблагодарить епископа за это гостепріимство. Полоцкій князь, видя, что Орденъ воспользовался временемъ мира съ Русскими для того только, чтобъ тѣмъ удобнѣе покорить туземцевъ и принудить ихъ къ принятію христіанства, назначилъ въ Герсикѣ съѣхаться Алберту для переговоровъ. Епископъ явился на съѣздъ съ княземъ Владиміромъ, рыцарями, старшинами Ливовъ и Лет-

товъ и съ толпою купцовъ, которые были всѣ хорошо вооружены. Князь сперва говорилъ съ Албертомъ ласково, потомъ хотѣлъ угрозами принудить его къ тому, чтобъ онъ перестадъ насильно крестить туземцевъ, его подданныхъ. Епископъ отвѣчалъ, что онъ не отстанетъ отъ своего дѣла, не пренебрежетъ обязанностію, возложенною на него великимъ первосвященникомъ Рима. Но, кромѣ насильственнаго крещенія, изъ словъ лѣтописца можно замѣтить, что епископъ не соблюдалъ главнаго условія договора, не платилъ дани князю, подъ тѣмъ предлогомъ, что туземцы, не желая работать двумъ господамъ, и Нѣмцамъ и Русскимъ, умоляли его освободить ихъ отъ ига послѣднихъ [429]. Князь, продолжаетъ лѣтописецъ, не хотѣлъ принимать справедливыхъ причинъ, грозился, что сожжетъ Ригу и всѣ Нѣмецкіе замки, и велѣлъ войскамъ своимъ выйти изъ стана и выстроиться къ бою; провожатые епископа сдѣлали тоже самое: въ это время Іоаннъ, пробстъ Рижской Богородичной церкви и Псковской изгнанникъ, князь Владиміръ подошли къ Полоцкому князю и начали уговаривать его, чтобъ онъ не начиналъ войны съ христіанами, представили, какъ опасно сражаться съ Нѣмцами, людьми храбрыми, искусными въ бою, и жаждущими помѣрить силы свои съ Русскими. Князь будто бы удивился ихъ отвагѣ, велѣлъ войску своему возвратиться въ станъ, а самъ подошелъ къ епископу, называя его духовнымъ отцемъ; тотъ, съ своей стороны принялъ его какъ сына; начались мирные переговоры, и князь, какъ будто подъ внушеніемъ свыше, уступилъ епископу всю Ливонію безо всякой обязанности платить дань, съ условіемъ союза противъ Литвы и свободнаго плаванія по Двинѣ. — Какъ ни мало удовлетворителенъ является этотъ разсказъ Нѣмецкаго лѣтописца, историкъ долженъ принять одно за достовѣрное, что епископъ перестадъ платить дань Полоцкому князю, и что тотъ не имѣлъ средствъ принудить его къ тому. Владиміръ Псковской былъ награжденъ за свои услуги мѣстомъ фохта въ одной изъ провинцій Ливонскихъ; но творя судъ и расправу надъ туземцами, онъ много пожиналъ такого, чего никогда не сѣялъ, по выраженію лѣтописца; не понравился его судъ Ратцебургскому епископу и всѣмъ другимъ, такъ что онъ увидѣлъ себя въ необходимости отправиться въ Россію, исполняя желаніе многихъ, прибавляетъ лѣтописецъ; скоро однако онъ опять возвратился

съ женою, сыновьями и всѣмъ семействомъ, и вступилъ снова въ исправленіе своей должности, но къ удовольствію подчиненныхъ, прибавляетъ тотъ же лѣтописецъ, потому что скоро опять поднялись противъ него жалобы, опять онъ долженъ былъ выслушивать упреки Нѣмецкихъ духовныхъ: это ему наскучило наконецъ, и онъ въ другой разъ выѣхалъ въ Россію, гдѣ былъ принятъ снова Псковичами. Избавившись отъ Владиміра, Нѣмцы захотѣли избавиться и отъ другаго Русскаго князя, остававшагося въ Ливоніи, хотя въ качествѣ подручника епископскаго— князя Всеволода Герсикскаго. Кокенгаузенскіе (Кукейносскіе) рыцари начали обвинять его въ томъ, что онъ не является къ епископу, своему отцу и господину, держитъ совѣтъ съ Литвою, подаетъ ей помощь во всякое время. Нѣсколько разъ требовали они его къ отвѣту, Всеволодъ не являлся; тогда рыцари, по согласію съ епископомъ, подступили нечаянно къ городу, взяли его хитростію, ограбили жителей и ушли назадъ; это было въ 1214 году; въ слѣдующемъ 1215 Нѣмцы опять собрали войско и въ другой разъ овладѣли Герсикомъ, въ другой разъ опустошили его; но Всеволодъ уже успѣлъ послать къ Литовцамъ за помощію; тѣ явились, принудили Нѣмцевъ оставить городъ и нанесли имъ сильное пораженіе. Такъ разсказываетъ древнѣйшій лѣтописецъ Ливонскій [440]; но въ позднѣйшихъ хроникахъ читаемъ иное, а именно, что князь Всеволодъ былъ убитъ во время втораго нападенія Нѣмцевъ на его городъ, и послѣдній окончательно разрушенъ; о Литовской помощи не говорится ни слова [441], тогда какъ въ древнѣйшей лѣтописи подъ 1225 годомъ упоминается опять о Герсикскомъ князѣ Всеволодѣ, который пріѣзжалъ въ Ригу видѣться съ Папскимъ легатомъ [442]. Какъ бы то ни было, вѣрно одно, что Герсикъ раньше или позднѣе подпалъ власти Нѣмцевъ. Между тѣмъ Владиміру Псковскому удалось отомстить за свои обиды: въ 1217 году онъ отправился съ Новгородцами и Псковичами къ постоянной цѣли Русскихъ походовъ—къ Оденпе, и сталъ подъ городомъ. Чудь, по обычаю, начала слать съ поклономъ, но на этотъ разъ обманывала, потому что послала звать Нѣмцевъ на помощь; Новгородцы собрали вѣче подаль отъ стану, и начали толковать съ Псковичами о предложеніяхъ Чуди; ночные сторожа сошли съ своихъ мѣстъ, а дневные еще не пришли къ нимъ на смѣну,

как вдругъ нечаянно явились Нѣмцы и ворвались въ покинутыя палатки; Новгородцы побѣжали съ вѣча въ станъ, схватили оружіе и выбили Нѣмцевъ, которые побѣжали къ городу, потерявши трехъ воеводъ, Новгородцы взяли также 700 лошадей и возвратились по здорову домой [448]; Нѣмецкій лѣтописецъ прибавляетъ, что Русскіе заключили договоръ съ Нѣмцами, чтобъ послѣдніе оставили Оденпе, при чемъ Владиміръ захватилъ зятя своего Θеодориха, епископскаго брата и отвелъ въ Псковъ. Вѣроятно удачный походъ Владиміра ободрилъ Эстовъ, и они рѣшились свергнуть иго пришельцевъ. Съ этою цѣлію они отправили пословъ въ Новгородъ просить помощи; Новгородцы обѣщали придти къ нимъ съ большимъ войскомъ, и не исполнили обѣщанія, потому что у нихъ съ 1218 по 1224 годъ пять разъ смѣнялись князья, происходили постоянныя смуты, ссоры князей съ знаменитымъ посадникомъ Твердиславомъ. Эсты, понадѣявшись на Новгородскія обѣщанія, встали, но не могли одни противиться Нѣмцамъ, и принуждены были опять покориться.

Новгородцы явились уже поздно въ Ливонію съ княземъ своимъ Всеволодомъ, въ 1219 году; имѣли успѣхъ въ битвѣ съ Нѣмцами, но по напрасну простояли двѣ недѣли подъ Венденомъ, и возвратились домой по здорову. Также безъ слѣдствій остались два другіе похода Новгородцевъ въ 1222 подъ Венденъ и 1223 году подъ Ревель: въ обычныхъ выраженіяхъ разсказываетъ лѣтописецъ, что они повоевали всю Чудскую землю, полона привели безъ числа, золота много взяли, но городовъ не взяли, и возвратились всѣ по здорову. Тутъ же въ лѣтописи видимъ и причины, почему всѣ эти походы, кромѣ опустошенія страны, не имѣли другихъ слѣдствій: послѣ перваго похода въ 1223 году князь Всеволодъ тайкомъ ушелъ изъ Новгорода со всѣмъ дворомъ своимъ и оставилъ гражданъ въ печали; послѣ втораго князь Ярославъ также ушелъ въ свою постоянную волость—Переяславль Залѣскій, сколько Новгородцы ни упрашивали его остаться. А между тѣмъ Нѣмцы дѣйствовали: въ роковой 1224 годъ, когда южная Русь впервые узнала Татаръ, на западѣ пало предъ Нѣмцами первое и самое крѣпкое поселеніе Русское въ Чудской земли—Юрьевъ или Дерптъ. Здѣсь начальствовалъ въ это время тотъ самый князь Вячеславъ или Вячко, по-

торый принужден был Нѣмцами покинуть свою отчину Кукейносъ. Вячко хорошо помнилъ обиду и былъ непримиримымъ врагомъ своихъ гонителей: бралъ онъ дань со всѣхъ окружныхъ странъ, говоритъ Нѣмецкій лѣтописецъ, а которыя не давали дани, на тѣ посылалъ войско и опустошалъ, причиняя Нѣмцамъ всякое зло, какое только было въ его власти [444]; въ немъ находили себѣ защиту всѣ туземцы, возстававшіе противъ пришельцевъ. Это особенно возбуждало злобу послѣднихъ къ Вячку; наконецъ рѣшились они собрать всѣ свои силы, чтобъ овладѣть ненавистнымъ притономъ, гдѣ, по словамъ ихъ лѣтописца, собраны были всѣ злодѣи, измѣнники и убійцы, всѣ враги церкви Ливонской, подъ начальствомъ того князя, который изстари былъ корнемъ всѣхъ золъ для Ливоніи. Отправились подъ Юрьевъ всѣ рыцари ордена, слуги Римской церкви, пришлые крестоносцы, купцы, граждане рижскіе, крещеные Ливы и Летты, и 15-го августа, въ день Успенія Богородицы Юрьевъ былъ осажденъ. Нѣмцы приготовили множество осадныхъ машинъ, изъ огромныхъ деревьевъ выстроили башню въ уровень съ городскими стѣнами, и подъ ея защитою начали вести подкопъ; ночь и день трудилась надъ этимъ половина войска, одни копали, другіе относили землю. На слѣдующее утро большая часть подкопаннаго рухнула, и машина была придвинута ближе къ крѣпости. Не смотря на то, осаждающіе попытались еще завести переговоры съ Вячко: они послали къ нему нѣсколько духовныхъ особъ и рыцарей предложить свободный выходъ изъ крѣпости со всею дружиною, лошадьми, имѣніемъ, если согласится покинуть отступниковъ туземцевъ; Вачко, ожидая прихода Новгородцевъ, не принялъ никакихъ предложеній. Тогда осада началась съ новою силою и продолжалась уже много дней безъ всякаго успѣха: искусство и мужество съ обѣихъ сторонъ было равное, осаждающіе и осажденные равно не знали покоя ни днемъ ни ночью, днемъ сражались, ночью играли и пѣли. Наконецъ Нѣмцы собрали совѣтъ: двое вождей пришлыхъ крестоносцевъ, Фридрихъ и Фредегельмъ подали мнѣніе: «необходимо, сказали они, сдѣлать приступъ, и взявши городъ, жестоко наказать жителей, въ примѣръ другимъ. До сихъ поръ при взятіи крѣпостей оставляли гражданамъ жизнь и свободу, и оттого остальнымъ не задано никакого страха. Такъ теперь положимъ: кто изъ нашихъ пер-

вый взойдетъ на стѣну, того превознесемъ почестями, дадимъ ему лучшихъ лошадей и знатнѣйшаго плѣнника, исключая этого вѣроломнаго князя, котораго мы вознесемъ выше всѣхъ, повѣсивши на самомъ высокомъ деревѣ». Мнѣніе было принято. На слѣдующее утро осаждающіе устремились на приступъ, и были отбиты. Осажденные сдѣлали въ стѣнѣ большое отверстіе и выкатили оттуда раскаленныя колеса, чтобъ зажечь башню, которая наносила столько вреда крѣпости; осаждающіе должны были сосредоточить всѣ свои силы, чтобъ затушить пожаръ и спасти свою башню. Между тѣмъ братъ епископа, Іоганнъ фонъ Аппельдернъ, неся огонь въ рукѣ, первый начинаетъ взбираться на валъ, за нимъ слѣдуетъ слуга его, Петръ Оге, и оба безпрепятственно достигаютъ стѣны; увидавъ это, остальные ратники бросаются за ними; каждый спѣшитъ, чтобъ взойти первому въ крѣпость, но кто взошелъ первый — осталось неизвѣстнымъ; одни поднимали другъ друга на стѣны, другіе ворвались сквозь отверстіе, сдѣланное недавно самими осажденными для пропуска раскаленныхъ колесъ; за Нѣмцами ворвались Летты и Ливы, и началась рѣзня: никому не было пощады; Русскіе долго еще бились внутри стѣнъ, наконецъ были истреблены; Нѣмцы окружили отовсюду крѣпость, и не позволили никому спастись бѣгствомъ. Изъ всѣхъ мужчинъ, находившихся въ городѣ, оставили въ живыхъ только одного, слугу князя Суздальскаго: ему дали лошадь и отправили въ Новгородъ донести своимъ о судьбѣ Юрьева, и Новгородскій лѣтописецъ записалъ: «Того же лѣта убиша князя Вячка Нѣмцы въ Гюргевѣ, а городъ взяша [445]».

Что же Новгородцы? перенесли спокойно уничтоженіе Русскихъ владѣній въ Чудской землѣ? Слѣдующій разсказъ лѣтописца всего лучше покажетъ намъ, имѣли ли возможность Новгородцы предпринять что-нибудь рѣшительное. Въ 1228 году князь Переяславля Залѣскаго, Ярославъ Всеволодовичь, призванный княжить въ Новгородъ, отправился съ посадникомъ и тысяцкимъ во Псковъ. Псковичи, узнавши, что идетъ къ нимъ князь, затворились въ городѣ, и не пустили его къ себѣ: пронеслась вѣсть во Псковѣ, что Ярославъ везетъ съ собою оковы, хочетъ ковать лучшихъ мужей. Ярославъ возвратился въ Новгородъ, созвалъ вѣче на владычнемъ дворѣ, и объявилъ гражданамъ, что не мыслилъ никакого зла на Псковичей: «Я, гово-

жалъ онъ, везъ къ нимъ не оковы, а дары въ коробьяхъ, ткани дорогія, овощи, а они меня обезчестили»; — и много жаловался на нихъ Новгородцамъ. Скоро послѣ этого онъ привелъ полки изъ Переяславля, съ тѣмъ, чтобъ идти на Ригу. Псковичи, узнавши объ этомъ, заключили отдѣльный миръ съ Нѣмцами, дали имъ 40 человѣкъ въ заложники, съ условіемъ, чтобъ они помогли имъ въ случаѣ войны съ Новгородцами. Но послѣдніе также заподозрили Ярослава, стали говорить: «князь то насъ зоветъ на Ригу, а самъ хочетъ идти на Псковъ». Ярославъ опять посылалъ сказать Псковичамъ: «Ступайте со мною въ походъ: я зла на васъ не думалъ никакого, а тѣхъ мнѣ выдайте, кто наговорилъ вамъ на меня»? Псковичи велѣли отвѣчать ему: «Тебѣ, князь, кланяемся, и вамъ, братья Новгородцы, но въ походъ нейдемъ, и братьи своей не выдаемъ, а съ Рижанами мы помирились; вы къ Колываню (Ревелю) ходили, взяли серебро, и возвратились ничего не сдѣлавши, города не взявши, также и у Кеси (Вендена) и у Медвѣжьей Головы (Оденпе), и за то нашу братью Нѣмцы побили на озерѣ, а другихъ въ плѣнъ взяли; Нѣмцевъ только вы раздразнили, да сами ушли прочь, а мы поплатились. А теперь на насъ что ли идти вздумали? такъ мы противъ васъ съ Святой Богородицею и съ поклономъ: лучше вы насъ перебейте, а женъ и дѣтей нашихъ въ полонъ возьмите, чѣмъ поганые; на томъ вамъ и кланяемся». Новгородцы сказали тогда князю: «Мы безъ своей братьи, безъ Псковичей нейдемъ на Ригу, а тебѣ, князь, кланяемся»; много уговаривалъ ихъ Ярославъ, но все понапрасну; тогда онъ отпустилъ свои полки назадъ въ Переяславль.—Можно ли было при такихъ отношеніяхъ успѣшно бороться съ Нѣмцами?

На сѣверъ отъ Финскаго залива Новгородцы ходили на Чудское племя Ямь; походы эти имѣли такой же характеръ, какъ и походы на Эстовъ: такъ въ 1188 ходили на Ямь Новгородскіе молодцы съ какимъ-то Вышатою Васильевичемъ, и пришли домой поздорову, добывши полона. Въ 1191 году ходили Новгородцы вмѣстѣ съ Корелою на Ямь, землю ея повоевали и пожгли, и скотъ перебили. Въ 1227 году князь Ярославъ Всеволодовичъ пошелъ съ Новгородцами на Ямь, землю всю повоевали и полона привели безъ числа; но въ слѣдующемъ году Ямь захотѣла отомстить за опустошеніе своей земли, пришла Ладожскимъ

озеромъ на судахъ и стала опустошать Новгородскія владенія[446]; Новгородцы, услыхавши о набѣгѣ, сѣли на суда, и поплыли Волховомъ къ Ладогѣ; но Ладожане съ своимъ посадникомъ Владиславомъ не стали дожидаться ихъ, погнались на лодкахъ за Ямью, настигли и вступили въ битву, которую прекратила ночь; ночью Ямь прислала просить мира, но Ладожане не согласились; тогда Финны, перебивши плѣнниковъ и побросавши лодки, побѣжали въ лѣсъ, гдѣ большая часть ихъ была истреблена Корелою; что же дѣлали въ это время Новгородцы? они стояли на Невѣ, да вѣче творили, хотѣли убить одного изъ своихъ, какого-то Судимира, да князь скрылъ его въ своей лодьѣ, потомъ возвратились домой ничего не сдѣлавши. — Были также столкновенія у Новгородцевъ съ Финскими племенами за Волокомъ, въ области сѣверной Двины и далѣе на востокъ: подъ 1187 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородскіе сборщики даней (ясака) были перебиты въ Печерѣ и за Волокомъ, погибли ихъ человѣкъ сто; возстаніе, какъ видно, было въ разныхъ мѣстахъ въ одно время. Въ 1193 году Новгородцы пошли ратью за Уралъ, въ Югру, съ воеводою Ядрѣемъ; пришли въ Югру, взяли одинъ городъ, потомъ осадили другой и стояли подъ нимъ пять недѣль; осажденные стали подсылать къ нимъ обманомъ, говорили: «Мы копимъ серебро, соболей и разное другое добро: зачѣмъ же вы хотите погубить своихъ смердовъ и свои дани?» Но вмѣсто серебра и соболей они копили войско, да сносились съ измѣнникомъ Новгородскимъ, какимъ-то Савкою, который держалъ перевѣтъ къ Югорскому князю. Когда войско было собрано, то осажденные послали сказать Новгородскому воеводѣ, чтобъ приходилъ къ нимъ въ городъ съ 12 лучшими людьми, за данью; тотъ, ничего не подозрѣвая, пошелъ и былъ убитъ вмѣстѣ съ товарищами, потомъ было приманено въ городъ еще тридцать человѣкъ, потомъ еще пятьдесятъ. Измѣнникъ Савка сказалъ при этомъ князю Югорскому: «Если, князь, не убьешь Якова Прокшинича и пустишь его въ Новгородъ живаго, то онъ опять приведетъ сюда войско и опустошитъ твою землю, вели убить его;» — и Яковъ былъ убитъ, сказавши передъ смертію Савкѣ: «Братъ! судитъ тебѣ Богъ и св. Софья, что подумалъ на свою братью: станешь ты съ нами передъ Богомъ и отдашь отвѣтъ за кровь нашу.» Наконецъ осажденные, истребивши луч-

нихъ людей, ударили на остальныхъ, полумертвыхъ отъ голода, и большую часть ихъ истребили; спаслось только 80 человѣкъ, которые съ великою нуждою добрались до Новгорода. Приходъ ихъ, разумѣется, долженъ былъ произвести сильное волненіе, когда узнали, что бѣда приключилась отъ измѣны: сами путники убили троихъ граждань, обвиняя ихъ въ зломъ умыслѣ на свою братью, другіе обвиненные откупились деньгами; лѣтописецъ говоритъ, что одному Богу извѣстно, кто тутъ былъ правъ, кто виноватъ[447]. Изъ этихъ, хотя очень рѣдкихъ извѣстій лѣтописи, мы можемъ составить себѣ понятіе объ отношеніяхъ Новгорода къ его Заволоцкимъ владѣніямъ, къ тамошнему Финскому народонаселенію: ходили отряды такъ называемыхъ *данниковъ* (сборщиковъ дани) собирать ясакъ съ туземцевъ серебромъ и мѣхами, иногда эти данники встрѣчали сопротивленіе, были истребляемы вдругъ въ разныхъ мѣстахъ; неизвѣстно, походъ Ядрея былъ ли попыткою взять ясакъ съ племенъ, еще до сихъ поръ его не платившихъ, или съ старыхъ плательщиковъ, отказавшихся на этотъ разъ платить; слова князька: «Мы копимъ серебро.... зачѣмъ вы хотите губить своихъ смердовъ» — могутъ указывать на послѣднее[448]. Но если Новгородскіе данники не всегда были счастливы въ своихъ заволоцкихъ походахъ, то Новгородскимъ выходцамъ, принужденнымъ оставить по разнымъ причинамъ родную землю, удалось въ послѣдней четверти XII вѣка утвердиться въ сторонѣ прикамской, на берегахъ рѣки Вятки, гдѣ они основали независимую общину, ставшую на сѣверовостокѣ притономъ всѣхъ бѣглецовъ, подобно южному Берладу и Тмутараканю.

Если Новгородцы боролись съ Финскими племенами за Волокомъ, въ нынѣшней Финляндіи и Эстоніи—тамъ для того, чтобъ сбирать съ нихъ богатый ясакъ серебромъ и мѣхами, здѣсь — частію также для добычи, частію для защиты собственныхъ владѣній, опустошаемыхъ дикарями: то сѣверные, Суздальскіе князья, повинуясь природнымъ указаніямъ, распространяли свои владѣнія внизъ по Волгѣ, при чемъ постоянно должны были бороться съ Болгарами, Мордвою и другими инородцами. Зимою 1172 года Андрей Боголюбскій отправилъ на Болгаръ сына своего Мстислава, съ которымъ должны были соединиться сыновья Муромскаго и Рязанскаго князей; походъ этотъ, говоритъ лѣ-

лѣтописецъ, не нравился всѣмъ людямъ, потому что не время воевать зимою Болгаръ, и полки шли очень медленно и неохотно; при устьѣ Оки соединенные князья двѣ недѣли дожидались ратныхъ людей, и рѣшились наконецъ ѣхать съ одною передовою дружиною, въ которой всѣмъ распоряжался тогда воевода Борисъ Жидиславичь. Русскіе неожиданно въѣхали въ Болгарскую землю, взяли шесть селъ да седьмой городъ, мужчинъ перебили, женщинъ и дѣтей побрали въ плѣнъ; Болгары, услыхавъ, что князья пришли съ небольшою дружиною, собрали шесть тысячъ человѣкъ рати и погнались за Русскими, но, недошедши до нихъ 20 верстъ, возвратились. Наши, говоритъ лѣтописецъ, прославили Бога, потому что очевидно спасла ихъ отъ неминуемой бѣды Святая Богородица и Христіанская молитва. Въ 1184 году Всеволодъ III-й вздумалъ пойти на Болгаръ, и послалъ просить помощи у Кіевскаго князя Святослава Всеволодовича; тотъ отправилъ къ нему сына Владиміра, велѣвъ сказать сѣверному князю: «Дай Богъ, братъ и сынъ, повоевать намъ въ наше время съ погаными.» Съ осьмью князьями [449] выступилъ Всеволодъ въ походъ водою, по Окѣ и Волгѣ; вышедши на берегъ, Великій князь оставилъ у лодокъ Бѣлозерскій полкъ съ двумя воеводами —Ѳомою Лазковичемъ и Дорожаемъ, и пошелъ съ остальнымъ войскомъ на коняхъ къ Великому городу серебряныхъ Болгаръ, отправя впередъ сторожевой отрядъ. Сторожа увидали въ полѣ войско, и подумали сначала, что это Болгары, но оказалось, что то были Половцы; пять человѣкъ изъ нихъ пріѣхали къ Всеволоду; ударили передъ нимъ челомъ и сказали: «Кланяются тебѣ, князь, половцы Ямяковскіе, пришли мы также воевать Болгаръ.» Всеволодъ, подумавши съ князьями и дружиною, привелъ Половцевъ къ присягѣ по ихъ обычаю, и пошелъ съ ними вмѣстѣ къ Великому Городу, приблизившись къ которому, сталъ думать съ дружиною; въ это время племянникъ его, Изяславъ Глѣбовичь, схвативъ копье, помчался съ своею дружиною къ городу, подлѣ котораго пѣшіе Болгары устроили себѣ укрѣпленіе; Изяславъ выбилъ ихъ отсюда и проскакалъ къ самымъ городскимъ воротамъ, но здѣсь изломалъ свое копье, получилъ рану стрѣлою сквозь броню подъ самое сердце и полумертвый принесенъ былъ въ станъ. А между тѣмъ Бѣлозерскій полкъ, оставленный при лодкахъ, выдержалъ нападеніе отъ Болгаръ,

приплывшихъ Волгою изъ разныхъ городовъ въ числѣ 5000 человѣкъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство, при чемъ перетонуло ихъ больше тысячи человѣкъ. Всеволодъ стоялъ еще 10 дней подъ Великимъ Городомъ, но видя, что племянникъ изнемогаетъ, а Болгары просятъ мира, отправился назадъ къ своимъ лодкамъ, гдѣ Изяславъ и умеръ; Великій князь послѣ этого возвратился во Владимиръ, пославши конницу на Мордву. Въ 1186 году Всеволодъ посылалъ опять воеводъ своихъ съ Городчанами на Болгаръ: Русскіе взяли много селъ и возвратились съ полономъ. Послѣ того при Всеволодѣ не встрѣчаемъ больше извѣстій о походахъ на Болгаръ; по смерти его усобица между его сыновьями долго не давала Русскимъ возможности обратить вниманіе на сосѣдніе народы, пользуясь тѣмъ Болгары предприняли наступательное движеніе и взяли Устюгъ въ 1217 году. Только въ 1220 году В. князь Юрій Всеволодовичь собрался послать сильную рать на Болгаръ: онъ послалъ брата своего Святослава, князя Юрьевскаго и съ нимъ полки свои подъ начальствомъ воеводы Еремѣя Глѣбовича; Ярославъ Всеволодовичь Переяславскій послалъ также свои полки; племяннику Васильку Константиновичу Великій Князь велѣлъ послать полки изъ Ростова и изъ Устюга на верхъ Камы; Муромскій князь Давидъ послалъ сына своего Святослава, Юрій — Олега и всѣ снялись на устьѣ Оки, откуда поплыли на лодкахъ внизъ по Волгѣ и высадились на берегъ противъ города Ошела. Святославъ выстроилъ войско: Ростовскій полкъ поставилъ по правую руку, Переяславскій по лѣвую, а самъ сталъ съ Муромскими князьями посерединѣ, и въ такомъ порядкѣ двинулся къ лѣсу, оставивъ одинъ полкъ у лодокъ. Прошедши лѣсъ, Русскіе полки вышли на поле къ городу; здѣсь были они встрѣчены Болгарскою конницею, которая, постоявши немного, пустила въ нашихъ по стрѣлѣ, и помчалась къ городу; Святославъ двинулся за нею и осадилъ Ошелъ. Около города былъ сдѣланъ острогъ, огороженный крѣпкимъ дубовымъ тыномъ; за острогомъ были еще два укрѣпленія и между ними валъ: по этому валу бѣгали осажденные и бились съ Русскими. Князь Святославъ, подошедши къ городу, отрядилъ напередъ людей съ огнемъ и топорами, а за ними стрѣльцовъ и копейниковъ; Русскіе подсѣкли тынъ, раззорили и два другихъ укрѣпленія и зажгли ихъ, потомъ зажгли и самый городъ; но тутъ под-

нялся противный вѣтеръ и понесъ клубы дыма на Русскія войска; дымъ, въ которомъ нельзя было различить человѣка, зной и пуще всего безводіе заставили осаждающихъ отступить отъ города. Когда они отдохнули отъ трудовъ, то Святославъ сказалъ: «пойдемъ теперь за вѣтромъ на другую сторону города!» воины встали и пошли, и когда были у городскихъ воротъ, то князь сказалъ имъ: «Братья и дружина! сегодня предстоитъ намъ или добро или зло, такъ пойдемте скорѣе!» и самъ князь поскакалъ впереди всѣхъ къ городу, за нимъ остальное войско, посѣкли тынъ и оплоты, и зажгли ихъ, потомъ зажгли городъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ стала сильная буря, такъ что страшно было смотрѣть, а въ городѣ раздавался громкій вопль; князь Болгарскій успѣлъ убѣжать на лошадяхъ съ малою дружиною, а которые Болгары выбѣжали пѣшкомъ, тѣхъ всѣхъ Русскіе перебили, женъ и дѣтей въ плѣнъ побрали, другіе Болгары сгорѣли въ городѣ, а иные перебили сперва своихъ женъ и дѣтей, а потомъ и сами себя лишили жизни; нѣкоторые изъ Русскихъ ратниковъ осмѣлились войти въ городъ за добычею, но едва убѣжали отъ пламени, а иные такъ и сгорѣли. Пожегши городъ, Святославъ пошелъ назадъ къ лодкамъ; когда онъ пришелъ къ нимъ, то поднялась сильная буря съ дождемъ, такъ что съ трудомъ можно было удержать лодки у берега; потомъ буря начала стихать, и Святославъ, переночевавши тутъ и пообѣдавши на другой день, поплылъ назадъ вверхъ по Волгѣ. Между тѣмъ Болгары изъ Великаго и другихъ городовъ, услыхавши объ истребленіи Ошела, собрались съ князьями своими и пришли къ берегу; Святославъ зналъ о приближеніи враговъ, и велѣлъ своимъ приготовиться къ битвѣ: пошли—полкъ за полкомъ, били въ бубны, играли въ трубы и сопѣли, а князь шелъ сзади всѣхъ. Болгары, подошедши къ берегу, увидали между Русскими своихъ плѣнниковъ, кто отца, кто сына и дочь, кто братьевъ и сестеръ, и стали вопить, кивая головами и закрывая глаза; но напасть на Русскихъ не посмѣли, и Святославъ благополучно достигъ устья Камы, гдѣ соединился съ Ростовскимъ и Устюжскимъ полками, бывшими подъ начальствомъ воеводы Воислава Добрынича. Ростовцы и Устюжане пришли съ большею добычею, потому что воевали внизъ по Камѣ, взяли много городовъ и селъ. Съ устья Камы пошли всѣ къ Городцу, здѣсь вышли на

берегъ и отправились на коняхъ къ Владимиру. Князь Юрій встрѣтилъ брата у Боголюбова, и задалъ ему и всему войску большой пиръ: пировали три дня, при чемъ Святославъ и все войско получили богатые подарки. Слѣдствіемъ Святославова похода было то, что на туже зиму Болгарскіе послы явились къ великому князю съ просьбою о мирѣ; но Юрій сначала не согласился на миръ, и послалъ собирать войско, хотѣлъ самъ теперь идти въ походъ, и дѣйствительно выступилъ къ Городцу; на дорогѣ встрѣтили его новые послы отъ Болгаръ съ челобитьемъ, но онъ и тѣхъ не послушалъ; наконецъ уже въ Городецъ пришли къ нему еще послы съ дарами и съ выгодными условіями, на которыя В. князь и согласился: заключнъ былъ миръ по прежнему, какъ было при отцѣ и дѣдѣ Юрія.

Послѣ этого удачнаго похода на Болгаръ Юрій рѣшился укрѣпить за Русью важное мѣсто при устьѣ Оки въ Волгу, гдѣ привыкли собираться Суздальскія и Муромскія войска: здѣсь въ 1221 году заложенъ былъ Нижній Новгородъ. Онъ былъ основанъ на землѣ Мордвы, съ которою слѣдовательно необходимо должна была возникнуть борьба: въ 1226 г. В. князь посылалъ братьевъ своихъ Святослава и Ивана на Мордву, которую они побѣдили и взяли нѣсколько селъ. Въ 1228 году въ сентябрѣ Юрій послалъ было на Мордву племянника Василька Константиновича Ростовскаго съ воеводою своимъ, извѣстнымъ Еремѣемъ Глѣбовичемъ, но возвратилъ ихъ за непогодою, потому что лили дожди день и ночь; а зимою въ генварѣ мѣсяцѣ отправился въ походъ самъ съ братомъ Ярославомъ, племянниками Константиновичами и Муромскимъ княземъ Юріемъ; Русскіе вошли въ землю Мордовскаго князя Пургаса, пожгли и потравили хлѣбъ, перебили скотъ, а плѣнниковъ отправили домой; Мордва скрылась въ лѣсахъ и твердяхъ, а которые не успѣли спрятаться, тѣхъ перебила младшая дружина Юріева. Видя успѣхъ Юрьевой дружины, младшая дружина Ярославова и Константиновичей тайкомъ отправилась на другой день въ дремучій лѣсъ на поиски за Мордвою; Мордва дала имъ зайти въ глубину лѣса, потомъ окружила ихъ и однихъ истребила на мѣстѣ, другихъ поволокла въ свои укрѣпленія, и тамъ перебила [450]. Между тѣмъ Болгарскій князь пришелъ было на Пуреша, присяжнаго князька Юрьева, но услыхавъ, что Великій князь жжетъ

села Мордовскія, побѣжалъ ночью назадъ, а Юрій съ братьею со всѣми полками возвратились домой по здорову. Вообще, не смотря на всю медленность, недружность наступательнаго движенія Руси на Финскія племена, послѣднимъ не было возможности съ успѣхомъ противиться ей, потому что Русь, мимо всѣхъ препятствій къ государственному развитію, все шла впередъ на пути этого развитія, тогда какъ Финскія племена оставались и теперь на той же ступени, на какой Славянскія племена, Дреговичи, Сѣверяне, Вятичи находились въ половинѣ IX вѣка, жили особными и потому безсильными племенами, которыя, раздробляясь, враждовали другъ съ другомъ. Мѣстное преданіе очень вѣрно указываетъ на причину подчиненія Финскихъ племенъ Руси: на мѣстѣ Нижняго Новгорода, говоритъ оно, жилъ нѣкогда Мордвинъ Скворецъ, другъ Соловья разбойника; было у него 18 женъ и 70 сыновей. Чародѣй Дятелъ предсказалъ ему, что если дѣти его будутъ жить мирно, то останутся владѣтелями отцовскаго наслѣдія, а если поссорятся, то будутъ покорены Русскими; потомки Скворца начали враждовать между собою, и Андрей Боголюбскій изгналъ ихъ съ устья Оки.

Не таковы были отношенія Руси къ западнымъ ея дикимъ сосѣдямъ, Литовцамъ, которыхъ набѣги становятся все сильнѣе и дружнѣе: въ 1190 году Рюрикъ Ростиславичь, будучи еще княземъ Бѣлгородскимъ, по родству своему съ князьями Пинскими, которые должны были особенно терпѣть отъ Литвы, предпринялъ было походъ на нее, но не могъ дойти до земли Литовской, потому что сдѣлалось тепло и снѣгъ растаялъ, а въ этой болотистой странѣ только и можно было воевать въ сильные холода. Счастливѣе былъ зять его, знаменитый Романъ Волынскій, о поведеніи котораго относительно плѣнныхъ Литвы и Ятвяговъ уже было упомянуто; въ 1196 году, по словамъ лѣтописи, Романъ ходилъ на Ятвяговъ отмщеваться, потому что они воевали его волость; когда Романъ вошелъ въ ихъ землю, то они не могли стать противъ его силы, и бѣжали въ свои тверди, а Романъ пожегъ ихъ волость, и отомстившись, возвратился домой [451]. Усобицы, возникшія на Волыни по смерти Романа Великаго, дали Ятвягамъ и Литвѣ возможность опустошать эту страну: подъ 1205 годомъ читаемъ извѣстіе, что Литва и Ятвяги повоевали землю отъ Турійскаго до Червена,

лись у самыхъ воротъ Червенскихъ: бѣда была въ землѣ Владимирской отъ воеванья Литовскаго и Ятвяжскаго, говоритъ лѣтописецъ. Въ 1215 году Литовскіе князья, числомъ 21, дали миръ вдовѣ Романовой, которая немедленно употребила ихъ противъ Поляковъ. Въ 1227 году Ятвяги пришли было воевать около Бреста, но потерпѣли пораженіе отъ Даніила Романовича. — Сѣверозападныя Русскія границы не были также безопасны отъ Литвы: въ 1183 году бились Псковичи съ Литвою, и много потерпѣли зла отъ нея. Въ 1200 году Литовцы опустошили берега Ловати [452]; Новгородцы погнались за ними, и обратили ихъ въ бѣгство, убивши 80 человѣкъ и отнявши добычу. Въ тотъ же годъ воевода Великолуцкій, Нѣздила Пехчиничь ходилъ съ небольшею дружиною на Летголу, засталъ непріятелей спящими, убилъ 40 человѣкъ, а женъ и дѣтей увелъ въ плѣнъ. Подъ 1210 годомъ упоминается снова о набѣгѣ Литовскомъ на Новгородскую область; въ 1213 Литовцы пожгли Псковъ; въ 1217 Литва опять воевала по Шелони; въ 1225 около Торопца; въ 1224 пришла къ Русѣ: посадникъ Ѳедоръ выѣхалъ было противъ нея, но былъ побѣжденъ; въ 1225 Литовцы, въ числѣ 7000, страшно опустошили села около Торжка, не дошедши до города только трехъ верстъ, побили много купцовъ, поплѣнили и Торопецкую волость всю; князь Ярославъ Всеволодовичь нагналъ ихъ близь Усвята, разбилъ, истребилъ 2000 человѣкъ, отнялъ добычу, изъ Русскихъ палъ здѣсь Торопецкій князь Давидъ, сынъ Мстислава Храбраго.

На югѣ и юговостокѣ продолжалась прежняя борьба съ степняками или Половцами. Когда Андрей Боголюбскій посадилъ брата своего Глѣба въ Кіевѣ, то въ Русскихъ предѣлахъ явилось множество Половцевъ; одна половина ихъ вошла въ предѣлы Переяславскаго княжества, а другая Кіевскаго, и обѣ послали къ Глѣбу съ такими рѣчами: «Богъ и князь Андрей посадили тебя на твоей отчинѣ и дѣдинѣ въ Кіевѣ, а мы хотимъ урядиться съ тобою обо всемъ, послѣ чего мы присягнемъ тебѣ, а ты намъ, чтобъ вы насъ не боялись, а мы васъ.» Глѣбъ отвѣчалъ: «Я готовъ идти къ вамъ на сходку,» и сталъ думать съ дружиною, къ какимъ Половцамъ идти прежде? рѣшили, что лучше идти сперва къ Переяславлю, потому что князь тамошній, Владиміръ Глѣбовичь былъ тогда малъ, всего 12 лѣтъ.

Глѣбъ и пошелъ на сходку къ Переяславскимъ Половцамъ, а другимъ, Русскимъ (т. е. Кіевскимъ) послалъ сказать: «подождите меня здѣсь: теперь я ѣду къ Переяславлю, и когда умирюсь съ тѣми Половцами, то приду и къ вамъ на миръ.» Но Кіевскіе Половцы, услыхавъ, что Глѣбъ пошелъ на ту сторону Днѣпра, начали разсуждать: «Глѣбъ-то поѣхалъ на ту сторону, къ тѣмъ Половцамъ, и тамъ долго пробудетъ, а къ намъ непоѣхалъ; такъ мы пойдемъ за Кіевъ, возьмемъ села и пойдемъ домой съ добычею.» И дѣйствительно отправились воевать Кіевскія волости, жители которыхъ, не ожидая нападенія, неуспѣли убѣжать [453], были всѣ перехватаны и вмѣстѣ со стадами погнаны въ степи. Глѣбъ возвращался отъ Переяславля и хотѣлъ было отправиться къ Корсуню, гдѣ стояли прежде Половцы, какъ дали ему знать, что варвары, не дождавшись съѣзда, поѣхали воевать и воюютъ. Глѣбъ хотѣлъ немедленно самъ гнаться за ними, но Берендѣи схватили за поводъ его коня и сказали: «князь, не ѣзди! тебѣ пристойно только ѣздить въ большомъ полку, когда соберется вся братья, а теперь пошли кого-нибудь изъ князей, да съ нимъ отрядъ изъ насъ, Берендѣевъ.» Глѣбъ послушался и отправилъ брата своего Михаила съ сотнею Переяславцевъ и съ 1500 Берендѣевъ; Михаилъ перенялъ у Половцевъ дорогу, напалъ безъ вѣсти на сторожей ихъ, которыхъ было 300 человѣкъ, и однихъ перебилъ, а другихъ взялъ въ плѣнъ; когда у этихъ начали спрашивать, много ли вашихъ назади? и они отвѣчали, что много, тысячь семь, то Русскіе стали думать: «Половцевъ назади много, а насъ мало; если оставимъ плѣнниковъ въ живыхъ, то во время битвы они будутъ намъ первые враги,» и перебили ихъ всѣхъ; потомъ пошли на другихъ Половцевъ, разбили ихъ, добычу отняли и опять спросили у плѣнниковъ: «много ли еще вашихъ назади?» тѣ отвѣчали: «теперь великій полкъ идетъ.» Русскіе дождались и великаго полка, и поѣхали противъ него: у поганыхъ было 900 копій, а у Русскихъ только 90. Переяславцы хотѣли было ѣхать напередъ съ княземъ Михаиломъ; но Берендѣи опять схватили у Михаила коня за поводъ, и сказали: «вамъ не слѣдъ ѣхать напередъ, потому что вы нашъ городъ (защита), а мы стрѣльцы пойдемъ напередъ.» Битва была злая, князь Михаилъ получилъ три раны, наконецъ Половцы побѣжали, при чемъ полторы ты-

дачи ихъ попалось нашимъ въ плѣнъ. Зимою 1174 года Половцы снова явились на Кіевской сторонѣ и взяли множество селъ; Больной Глѣбъ выслалъ противъ нихъ Торковъ и Берендѣевъ подъ начальствомъ двоихъ братьевъ своихъ Михаила и Всеволода, которые нагнали и разбили Половцевъ за рѣкою Бугомъ, при чемъ отполонили 400 человѣкъ своихъ.

По смерти Глѣба, въ княженіе Романа Ростиславича въ Кіевѣ, лѣтописецъ упоминаетъ о Половецкихъ набѣгахъ на пограничныя земли по рѣкѣ Роси; но гораздо замѣчательнѣе шла борьба съ варварами по ту сторону Днѣпра, гдѣ Сѣверскій князь Игорь Святославичь пошелъ на Половцевъ въ степи за Ворсклу. Узнавши на дорогѣ, что два хана, Кобякъ и Кончакъ отправились пустошить Переяславскую волость, Игорь погнался за ними, принудилъ бѣжать и отнялъ всю добычу: такъ счастливо началъ борьбу свою съ Половцами Игорь Святославичь, которому суждено было пріобрѣсти такую знаменитость отъ несчастнаго похода своего на нихъ. Въ 1179 году Кончакъ много зла надѣлалъ Христіанамъ у Переяславля; въ 1184 году новое извѣстіе о нашествіи Кончака. До сихъ поръ усобицы между Мономаховичами и Ольговичами на югѣ не давали князьямъ возможности отплачивать Половцамъ походами въ степи; но теперь съ окончательнымъ утвержденіемъ Святослава Всеволодовича въ Кіевѣ усобицы прекратились, и начинается рядъ степныхъ походовъ. Уже въ 1184 году, послѣ нашествія Кончака, князь Святославъ, посовѣтовавшись съ сватомъ своимъ Рюрикомъ, пошелъ на Половцевъ, и сталъ у Ольжичь, ожидая Ярослава Всеволодовича изъ Чернигова; Ярославъ пріѣхалъ и сказалъ имъ: «Теперь, братья, не ходите, но лучше назначимъ срокъ и пойдемъ, дастъ Богъ, на лѣто.» Старшіе князья послушались его и возвратились, приказавши вмѣсто себя идти въ степь младшимъ: Святославъ отправилъ Игоря Святославича Сѣверскаго, а Рюрикъ Владиміра Глѣбовича Переяславскаго. Но эти младшіе—Мономаховичь Владиміръ и Ольговичь Игорь сейчасъ же начали споръ за старшинство и поссорились: Владиміръ сталъ проситься у Игоря ѣхать напереди, а Игорь не пустилъ его; тогда Владиміръ разсердился и вмѣсто Половцевъ, пошелъ на Сѣверскіе города, гдѣ взялъ большую добычу; Игорь одинъ съ своими Ольговичами отправился на Половцевъ и при-

нудилъ ихъ бѣжать, но далеко не могъ идти за ними, потому что отъ дождя вода поднялась въ рѣкахъ. Старшіе князья Святославъ и Рюрикъ исполнили свое обѣщаніе, лѣтомъ повѣстили походъ на Половцевъ, собрали князей — Переяславскаго, Волынскихъ, Смоленскихъ, Туровскихъ, взяли вспомогательный Галицкій отрядъ, и пошли внизъ по Днѣпру; Черниговскіе отказались идти вмѣстѣ, они послали сказать Святославу Всеволодовичу: «далеко намъ идти внизъ Днѣпромъ, не можемъ своихъ земель оставить пустыми; но если пойдешь на Переяславль, то сойдемся съ тобою на Сулѣ.» Святославу не понравилось это неповиновеніе младшей братьи; онъ продолжалъ безъ нихъ путь по Днѣпру, вышелъ на восточный берегъ при Инжирѣ бродѣ, и отрядилъ младшихъ князей на поискъ за Половцами съ 2100 Берендѣевъ; Владиміръ Глѣбовичь Переяславскій отпросился у него ѣхать прежде всѣхъ: «моя волость пуста отъ Половцевъ, говорилъ онъ: такъ пусти меня, батюшка Святославъ, напередъ съ сторожами!» Половцы, увидавши идущій на себя полкъ Владиміровъ, ударились бѣжать, такъ что Русскій сторожевой отрядъ не могъ нагнать ихъ, и возвратился къ рѣкѣ Ерелу; остановились и Половцы, и ханъ Кобякъ, думая, что Русскихъ всего только, что съ Владиміромъ, погнался за послѣднимъ и сталъ перестрѣливаться съ его отрядомъ черезъ рѣку; услыхавъ объ этомъ, Святославъ и Рюрикъ отправили на помощь къ сторожамъ большіе полки, въ слѣдъ за которыми пошли и сами; но Половцы, увидавши первые полки, отправленные на помощь къ сторожамъ, подумали, что это сами Святославъ и Рюрикъ идутъ, и побѣжали, Русскіе за ними, стали ихъ бить и хватать въ плѣнъ и набрали 7000 человѣкъ; взяли тутъ самого Кобяка съ двумя сыновьями и много другихъ князей [454], и возвратились Святославъ и Рюрикъ со славою и честію великою, по словамъ лѣтописца. Между тѣмъ Игорь Святославичь Сѣверскій, услыхавъ, что Кіевскій Святославъ пошелъ на Половцевъ, призвалъ къ себѣ брата Всеволода, племянника Святослава Ольговича, сына Владиміра, дружину, и сказалъ имъ: «Половцы обратились теперь противъ Русскихъ князей, такъ мы безъ нихъ ударимъ на ихъ вежи.» Князья поѣхали и за рѣкою Мерломъ встрѣтились съ Половецкимъ отрядомъ въ 400 человѣкъ, которые пробирались воевать Русь; Игорь ударилъ на нихъ и прогналъ назадъ.

Въ слѣдующемъ 1185 году пошелъ окаянный, безбожный и троклятый Кончакъ со множествомъ Половцевъ на Русь съ тѣмъ, чтобъ поплѣнить города Русскіе и пожечь ихъ огнемъ: нашелъ онъ одного бусурмана, который стрѣлялъ живымъ огнемъ; были у Половцевъ также луки тугіе самострѣльные, которые едва могли натянуть 50 человѣкъ. Половцы сначала пришли и стали на рѣкѣ Хоролѣ; Кончакъ хотѣлъ обмануть Ярослава Всеволодовича Черниговскаго, послалъ къ нему какъ будто мира просить, и Ярославъ, ничего не подозрѣвая, отправилъ къ нему своего боярина для переговоровъ. Но Святославъ Кіевскій послалъ сказать Ярославу: «Братъ! невѣрь имъ и не посылай боярина; я на нихъ пойду»; и дѣйствительно вмѣстѣ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ и со всѣми своими полками пошелъ на Половцевъ, отправивши впередъ молодыхъ князей — Владиміра Глѣбовича и Мстислава Романовича. На дорогѣ купцы, ѣхавшіе изъ земли Половецкой, указали князьямъ мѣсто, гдѣ стоялъ Кончакъ; Владиміръ и Мстиславъ напали на него и обратили въ бѣгство, при чемъ былъ взятъ въ плѣнъ и тотъ бусурманъ, что стрѣлялъ живымъ огнемъ: хитреца привели къ Святославу со всѣмъ снарядомъ его. — Ярославъ Черниговскій не ходилъ съ братомъ на Половцевъ; онъ велѣлъ сказать ему: «я уже отправилъ къ нимъ боярина, и не могу ѣхать на своего мужа». Но не такъ думалъ Игорь Святославичь Сѣверскій, онъ говорилъ: «не дай Богъ отрекаться отъ похода на поганыхъ, поганые всѣмъ намъ общій врагъ, и началъ думать съ дружиною, куда бы поѣхать, чтобъ нагнать Святослава; дружина сказала ему: «Князь! пoптичьи нельзя перелетѣть: пріѣхалъ къ тебѣ бояринъ отъ Святослава въ четвергъ, а самъ онъ идетъ въ воскресенье изъ Кіева; какъ же тебѣ его нагнать?» Игорю не нравилось, что дружина такъ говоритъ; онъ хотѣлъ ѣхать степью возлѣ Сулы рѣки: но вдругъ сдѣлалась такая оттепель, что никакъ нельзя было никуда идти. Святославъ, возвратившись въ Кіевъ, тою же весною послалъ боярина своего Романа Нѣздиловича съ Берендѣями на Половцевъ, и Романъ въ самое Свѣтлое Воскресенье (21 апрѣля) взялъ Половецкія вежи, забралъ въ нихъ много плѣнниковъ и лошадей.

Между тѣмъ Игорь Святославичь не хотѣлъ оставить своего намѣренія идти на Половцевъ; сѣверскимъ князьямъ не давали

помня счастливые походы съ той стороны Днѣпра, въ которыхъ они не участвовали: «развѣ уже мы не князья, говорили они, добудемъ и мы такой же себѣ чести». И вотъ 23-го апрѣля Игорь выѣхалъ изъ Новгорода Сѣверскаго, велѣвши идти съ собою брату Всеволоду изъ Трубчевска, племяннику Святославу Ольговичу изъ Рыльска, сыну Владиміру изъ Путивля, а у Ярослава Черниговскаго выпросилъ боярина Олстина Олексича съ Коуями Черниговскими; Сѣверскіе князья шли тихо, собирая дружину, потому что кони у нихъ были очень тучны. Какъ дошли они до рѣки Донца, время было уже къ вечеру, Игорь взглянулъ на небо, и увидалъ, что солнце стоитъ точно мѣсяцъ: «Посмотрите-ка, что̀ это значитъ?» спросилъ онъ у бояръ и у дружины. Тѣ посмотрѣли и опустили головы. «Князь! сказали они потомъ: не на добро это знаменіе». Игорь отвѣчалъ имъ на это: «Братья и дружина! тайны Божіей никто не знаетъ, а знаменію всякому и всему міру своему Богъ творецъ; увидимъ, что сотворитъ намъ Богъ, на добро или на зло наше». Сказавши это, Игорь переправился за Донецъ и пришелъ къ Осколу, гдѣ два дня дожидался брата Всеволода, который шелъ инымъ путемъ изъ Курска, и изъ Оскола отправились всѣ къ рѣкѣ Сальницѣ, куда пріѣхали сторожа, посланные ловить языка, и объявили князьямъ: «видѣлись мы съ непріятелемъ, непріятели ваши ѣздятъ на-готовѣ: такъ или ступайте скорѣе, или ворочайтесь домой, потому что не наше теперь время». Игорь и другіе князья сказали на это: «если мы теперь не бившись возвратимся, то стыдъ намъ будетъ хуже смерти; поѣдемъ на милость Божію», и ѣхали всю ночь, а утромъ, въ обѣдное время встрѣтили полки Половецкіе: поганые собрались отъ мала до велика и стояли по той сторонѣ рѣки Сюурлія. Русскіе князья выстроили шесть полковъ: Игоревъ полкъ стоялъ по серединѣ, по правую сторону полкъ брата его Всеволода, по лѣвую племянника Святослава, а напереди полкъ сына Владиміра съ отрядомъ Коуевъ Черниговскихъ, а напереди этого полка стояли стрѣльцы, выведенные изъ всѣхъ полковъ. Игорь сказалъ братьѣ: «Братья! мы этого сами искали, такъ пойдемъ»,—и пошли. Изъ Половецкихъ полковъ поѣхали стрѣльцы, пустили по стрѣлѣ на Русь, и бросились бѣжать, Русь не успѣла еще переѣхать рѣку, какъ побѣжали и остальные Половцы; передовой Русскій полкъ

погнался за ними, началъ бить ихъ и хватать въ плѣнъ, а старшіе князья Игорь и Всеволодъ шли потихоньку, не распуская своего полка; Половцы пробѣжали мимо своихъ вежъ, Русскіе заняли послѣднія и захватили много плѣнныхъ. Три дня стояли здѣсь сѣверскіе полки, и веселились, говоря: «Братья наши съ великимъ княземъ Святославомъ ходили на Половцевъ и бились съ ними, озираясь на Переяславль, въ землю Половецкую не смѣли войти; а мы теперь въ самой землѣ Половецкой, поганыхъ перебили, жены и дѣти ихъ у насъ въ плѣну; теперь пойдемъ на нихъ за Донъ и до конца истребимъ ихъ; если тамъ побѣдимъ ихъ, то пойдемъ въ Лукоморье, куда и дѣды наши не хаживали, и возьмемъ до конца свою славу и честь». Когда передовой полкъ возвратился съ погони, то Игорь сталъ говорить братьямъ и боярамъ своимъ: «Богъ далъ намъ побѣду, честь и славу; мы видѣли полки Половецкіе, много ихъ было, всѣ ли они тутъ были собраны? пойдемъ теперь въ ночь, а остальные пусть идутъ за нами завтра утромъ». На это Святославъ Ольговичь отвѣчалъ дядьямъ: «Я далеко гонялся за Половцами и утомилъ лошадей; если теперь опять поѣду, то останусь на дорогѣ». Дядя Всеволодъ принялъ его сторону, и положено было еще переночевать тутъ. Но на другой день на разсвѣтѣ начали вдругъ выступать одинъ за другимъ полки Половецкіе, Русскіе князья изумились, Игорь сказалъ: «Сами мы собрали на себя всю землю»; князья стали совѣтоваться, какъ быть? «Если побѣжимъ, говорили они, то сами спасемся, но черныхъ людей оставимъ, и будетъ на насъ грѣхъ предъ Богомъ, что ихъ выдали; уже лучше — умремъ ли, живы ли будемъ, всѣ на одномъ мѣстѣ». Порѣшивши на этомъ, всѣ сошли съ коней, и пошли на битву, хотя уже изнемогли отъ безводья: бились крѣпко цѣлый день до вечера, и много было раненыхъ и мертвыхъ въ полкахъ Русскихъ; бились вечеръ и ночь, на расвѣтѣ замѣшались Коуи и побѣжали. Игорь еще въ началѣ битвы былъ раненъ въ руку и потому сѣлъ на лошадь; увидавъ, что Коуи бѣгутъ, онъ поскакалъ къ нимъ, чтобъ удержать бѣглецовъ, но тутъ былъ захваченъ въ плѣнъ; окруженный Половцами, которые держали его, Игорь увидалъ брата Всеволода, отбивавшагося отъ враговъ, и сталъ просить себѣ смерти, чтобъ только не видать гибели брата своего; но Всеволодъ не погибъ, а былъ также взятъ въ

плѣнъ; изъ многочисленныхъ полковъ Сѣверскихъ спаслось очень мало: Русскихъ ушло человѣкъ 15, а Коуевъ еще меньше, потому что какъ стѣнами крѣпкими были они огорожены полками Половецкими. Ведомый въ плѣнъ, Игорь вспомнилъ прежній грѣхъ свой, какъ однажды, взявши на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля, не пощадилъ крови христіанской: «Недостоинъ былъ я жизни, говорилъ онъ; теперь вижу месть отъ Господа Бога моего; гдѣ теперь возлюбленный мой братъ, гдѣ племянникъ, гдѣ сынъ, гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружіе многоцѣнное? всего я лишился, и связаннаго предалъ меня Богъ въ руки беззаконнымъ!»

Въ это время Святославъ Кіевскій былъ въ Корачевѣ [146], и собиралъ въ верхнихъ земляхъ войско, хотѣлъ идти на Половцевъ къ Дону на все лѣто. На возвратномъ пути изъ Корачева, будучи у Новгорода Сѣверскаго, онъ узналъ, что Игорь съ братьею пошли на Половцевъ тайкомъ отъ него, и не понравилось ему это своевольство. Изъ Новгорода Сѣверскаго Святославъ приплылъ по Деснѣ въ Черниговъ, и тутъ дали ему знать о бѣдѣ Сѣверскихъ князей. Святославъ заплакалъ и сказалъ: «Ахъ любезные мои братья и сыновья и бояре Русской земли! далъ бы мнѣ Богъ притомить поганыхъ; но вы не сдержали молодости своей и отворили имъ ворота въ Русскую землю; воля Господня да будетъ; какъ прежде сердитъ я былъ на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало». Святославъ однако не терялъ времени въ пустыхъ жалобахъ и отправилъ сыновей своихъ Олега и Владиміра въ Посемье (страну по рѣкѣ Сейму): плачь поднялся по всѣмъ городамъ Посемскимъ, въ Новгородѣ Сѣверскомъ и во всей волости Черниговской о томъ, что князья въ плѣну, а изъ дружины одни схвачены, другіе перебиты; жители метались въ отчаяніи, по словамъ лѣтописца, не стало никому мило свое ближнее, но многіе отрекались отъ душъ своихъ изъ жалости по князьяхъ. Святославъ принималъ и другія мѣры, послалъ сказать Давиду Смоленскому: «Мы было сговорились идти на Половцевъ и лѣтовать на Дону, а теперь вотъ Половцы побѣдили Игоря съ братьею; такъ пріѣзжай, братъ, постереги Русскую землю». Давидъ приплылъ по Днѣпру; пришли и другіе полки на помощь, и стали у Треполя; а Ярославъ, собравши войска свои, стоялъ на готовѣ въ Черниговѣ.

Между тѣмъ Половцы, победивши Игоря съ братьею, возгордились, собрали весь свой народъ на Русскую землю; но когда стали думать, въ какую сторону идти имъ, то начался споръ между ихъ ханами: Кончакъ говорилъ: «Пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ перебита наша братья и великій князь нашъ Боникъ»; а другой ханъ, Кза говорилъ: «Пойдемъ на Сеймъ, гдѣ остались одни жены да дѣти, готовъ намъ тамъ полонъ собранъ, возьмемъ города безъ всякой трудности;»—и раздѣлились на двое: Кончакъ пошелъ къ Переяславлю, осадилъ городъ и бился цѣлый день; въ Переяславлѣ былъ княземъ извѣстный Владиміръ Глѣбовичь, смѣлый и крѣпкій на рати, по словамъ лѣтописца; онъ выѣхалъ изъ города и ударилъ на Половцевъ съ очень небольшою дружиною, потому что остальные не осмѣлились выйти на вылазку; Владиміръ былъ окруженъ множествомъ Половцевъ и раненъ тремя копьями: тогда остальная дружина, видя князя въ опасности, ринулась изъ города и высвободила Владиміра, который тяжело раненый въѣхалъ въ свой городъ и утеръ мужественный потъ за отчину свою. Онъ слалъ и къ Святославу, и къ Рюрику, и къ Давиду: «Половцы у меня, помогите мнѣ!» Святославъ слалъ къ Давиду, а Давидъ не трогался съ мѣста, потому что его Смольняне собрали вѣче и толковали: «Мы шли къ Кіеву только; еслибъ здѣсь была рать, то мы и стали бъ биться, а теперь намъ нельзя искать другой рати, мы уже и такъ устали». Давидъ принужденъ былъ идти назадъ съ ними въ Смоленскъ. Но Святославъ съ Рюрикомъ сѣли на суда и поплыли Днѣпромъ внизъ противъ Половцевъ, которые, услыхавъ объ этомъ, отошли отъ Переяславля, но по дорогѣ осадили городъ Римовъ [456]; Римовичи затворились, и взошли на стѣны биться, какъ вдругъ двѣ городницы (стѣнныя укрѣпленія) рухнули вмѣстѣ съ людьми прямо къ Половцамъ, ужасъ напалъ на остальныхъ жителей; и городъ былъ взятъ; спаслись отъ плѣна только тѣ изъ Римовичей, которые вышли изъ города и бились съ непріятелемъ по Римскому болоту. Такимъ образомъ Половцы, благодаря медленности князей, дожидавшихся по напрасну Давида Смоленскаго, успѣли взять Римовъ, и съ добычею безопасно возвратиться въ свои степи; князья не преслѣдовали ихъ туда, но съ печалію разошлись по волостямъ своимъ. Другіе Половцы съ ханомъ Кзою пошли къ

Путивлю, пожгли села вокругъ, острогъ у самаго Путивля и возвратились съ добычею.

Игорь Святославичь все жилъ въ плѣну у Половцевъ, которые, какъ будто стыдясь воеводства его, по выраженію лѣтописца, не дѣлали ему никакихъ притѣсненій; приставили къ нему 20 сторожей, но давали ему волю ѣздить на охоту куда хочетъ, и брать съ собою слугъ своихъ, человѣкъ по пяти и по шести; да и сторожа слушались его и оказывали всякую честь: куда кого пошлетъ, исполняли приказъ безпрекословно; Игорь вызвалъ было уже къ себѣ и священника со всею службою, думая, что долго пробудетъ въ плѣну. Но Богъ, говоритъ лѣтописецъ, избавилъ его по христіанской молитвѣ, потому что многіе проливали слезы за него. Нашелся между Половцами одинъ человѣкъ, по имени Лаворъ; пришла ему добрая мысль, и сталъ онъ говорить Игорю: «Пойду съ тобою въ Русь». Игорь сперва не повѣрилъ ему; по молодости своей держалъ онъ мысль высокую, думалъ, схвативши Лавора, бѣжать съ нимъ въ Русь; онъ говорилъ: «Я для славы не бѣжалъ во время боя отъ дружины, и теперь безславнымъ путемъ не пойду». Съ Игоремъ вмѣстѣ были въ плѣну сынъ тысяцкаго и конюшій его; обa они понуждали князя принять предложеніе Лавора, говоря: «Ступай, князь, въ Русскую землю, если Богъ захочетъ избавить тебя»; Игорь все медлилъ; но когда возвратились Половцы отъ Переяславля, то думцы его начали опять говорить: «у тебя, князь, мысль высокая и Богу неугодная: ты все ищешь случая, какъ бы схватить Лавора и бѣжать съ нимъ, а объ томъ не подумаешь, какой слухъ идетъ: говорятъ, будто Половцы хотятъ перебить васъ всѣхъ князей и всю Русь; такъ не будетъ тебѣ тебѣ ни славы, ни жизни». На этотъ разъ Игорь послушался ихъ, испугался Половецкаго прихода и сталъ искать случая къ бѣгству: нельзя было бѣжать ни днемъ, ни ночью, потому что сторожа стерегли его, только и было можно, что на самомъ солнечномъ закатѣ. И вотъ Игорь послалъ конюшаго своего сказать Лавру, чтобъ тотъ переѣхалъ на ту сторону рѣки съ поводнымъ конемъ. Наступило назначенное время, стало темнѣть, Половцы напились кумыса, пришелъ конюшій и объявилъ, что Лаворъ ждетъ. Игорь всталъ въ ужасѣ и трепетѣ, поклонился Спасову образу и кресту честному, говоря: «Го-

своди серцевѣдче! спаси меня недостойнаго»;—надѣлъ на себя крестъ, икону, поднялъ стѣну и вылѣзъ вонъ. Сторожа играли, веселились, думая, что Игорь спитъ, а онъ уже былъ за рѣкою и мчался по степи; въ одиннадцать дней достигъ онъ города Донца, откуда поѣхалъ въ свой Новгородъ Сѣверскій, а изъ Новгорода сперва поѣхалъ къ брату Ярославу въ Черниговъ, а потомъ къ Святославу въ Кіевъ просить помощи на Половцевъ; всѣ князья обрадовались ему и обѣщались помогать.

Но только черезъ годъ (1187 г.) Святославъ съ сватомъ своимъ Рюрикомъ собрались на Половцевъ, хотѣли напасть на нихъ внезапно, получивши вѣсть, что Половцы у Татинца на Днѣпровскомъ бродѣ[458]. Владиміръ Глѣбовичь пріѣхалъ къ нимъ изъ Переяславля съ дружиною, и выпросился ѣхать напередъ съ Черными Клобуками; Святославу не хотѣлось было отпустить Владиміра впереди своихъ сыновей; но Рюрикъ и всѣ другіе хотѣли этого, потому что Переяславскій князь былъ смѣлъ и крѣпокъ въ битвѣ, всегда стремился на добрыя дѣла. Въ это время Черные Клобуки дали знать сватамъ своимъ Половцамъ, что Русскіе князья идутъ на нихъ, и тѣ убѣжали, а князьямъ нельзя было ихъ преслѣдовать, потому что Днѣпръ уже трогался, весна наступала. По возвращеніи изъ этого похода разболѣлся и умеръ знаменитый защитникъ Украйны отъ Половцевъ, Переяславскій князь Владиміръ Глѣбовичь: плакали по немъ всѣ Переяславцы, говоритъ лѣтописецъ, потому что онъ любилъ дружину, золота не собиралъ, имѣнія не щадилъ, но раздавалъ дружинѣ, былъ князь добрый, мужествомъ крѣпкимъ и всякими добродѣтелями исполненный, Украйна много стонала объ немъ, и недаромъ, потому что немедленно Половцы начали воевать ее. Зимою Святославъ сталъ опять пересылаться съ Рюрикомъ, звать его на Половцевъ; Рюрикъ отвѣчалъ ему: «Ты, братъ, поѣзжай въ Черниговъ, сбирайся тамъ съ своею братьею, а я здѣсь буду сбираться съ своею.» Всѣ князья собрались и пошли по Днѣпру: иначе нельзя было идти, потому что снѣгъ былъ очень великъ; у рѣки Снопорода перехватали сторожей Половецкихъ и тѣ объявили, что вежи и стада Половецкія у Голубаго лѣса. Ярославу Черниговскому не хотѣлось идти дальше, и сталъ онъ говорить брату Святославу: «Не могу идти дальше отъ Днѣпра: земля моя далеко, а дружина изнемогла.» Рюрикъ

началъ слать къ Святославу, понуждая его продолжать походъ: «Братъ и сватъ! говорилъ онъ ему: исполнилось то, чего намъ слѣдовало у Бога просить, пришла вѣсть, что Половцы только за полдень пути отъ насъ; если же кто раздумываетъ и не хочетъ идти, то вѣдь мы съ тобой вдвоемъ до сихъ поръ ни на кого не смотрѣли, а дѣлали что намъ Богъ давалъ.» Святославу самому хотѣлось продолжать походъ, и онъ отвѣчалъ Рюрику: «Я, братъ, готовъ; но пошли къ брату Ярославу, понудь его, чтобъ намъ всѣмъ вмѣстѣ поѣхать.» Рюрикъ послалъ сказать Ярославу: «Братъ! не слѣдовало бы тебѣ дѣло разстроивать; къ намъ дошла вѣрная вѣсть, что вежи Половецкія всего отъ насъ на полдень пути, велика ли эта ѣзда? прошу тебя, братъ, потяжай еще только полдня для меня, а я для тебя десять дней ѣду.» Но Ярославъ никакъ не соглашался: «Не могу поѣхать одинъ, говорилъ онъ: полкъ мой пѣшъ; вы бы мнѣ дома сказали, что такъ далеко идти.» Князья завели распрю: Рюрикъ понуждалъ Всеволодовичей идти впередъ, Святославъ хотѣлъ идти дальше, но вмѣстѣ съ братомъ, и когда тотъ не согласился, то всѣ возвратились ни съ чѣмъ домой. Въ концѣ года зимою Святославъ съ Рюрикомъ отправили Черныхъ Клобуковъ съ воеводою Романомъ Нѣздиловичемъ на Половцевъ за Днѣпръ; Романъ взялъ вежи и возвратился домой со славою и честью великою, потому что Половцевъ не было дома, пошли къ Дунаю. Подъ 1190 годомъ читаемъ въ лѣтописи: что Святославъ съ Рюрикомъ утишили Русскую землю и Половцевъ примирили въ свою волю, послѣ чего поѣхали на охоту внизъ по Днѣпру на лодкахъ къ устью Тясмины, наловили множество звѣрей и провели время очень весело. Но миръ съ Половцами не былъ продолжителенъ: осенью того же года Святославъ по доносу схватилъ Кондувдѣя Торцкаго князя; Рюрикъ вступился за Торчина, потому что былъ онъ отваженъ и надобенъ въ Руси, по словамъ лѣтописца. Святославъ послушался Рюрика, привелъ Кондувдѣя къ присягѣ и отпустилъ на свободу. Но Торчинъ хотѣлъ отомстить за свой позоръ, и ушелъ къ Половцамъ, которые обрадовались случаю, и стали съ нимъ думать, куда бы поѣхать имъ на Русскую землю; рѣшили ѣхать на Чурнаевъ (городъ князя Чурная); взяли острогъ, зажгли княжой дворъ, захватили имѣніе князя, двухъ женъ, множество рабовъ; потомъ, давши отдохнуть конямъ,

кочюди было къ другому городу Берисову, но, услыхавъ, что Ростиславъ Рюриковичь въ Торческѣ, возвратились къ своимъ кочтагамъ, и отсюда стали часто наѣзжать съ Кондувдѣемъ на мѣста по рѣкѣ Роси. Святослава этою осенью не было въ Кіевѣ, онъ поѣхалъ за Днѣпръ къ братьямъ на думу; Рюрикъ также поѣхалъ въ Овручь по своимъ дѣламъ, оставивъ на всякій случай сына Ростислава въ Торческѣ: онъ зналъ, что Кондувдѣй станетъ воевать Русь изъ мести Святославу. Съ этою же мыслію онъ послалъ сказать Святославу: «Мы вотъ свои дѣла дѣлаемъ, такъ и Русской земли не оставимъ безъ обороны; я оставилъ сына своего съ полкомъ, оставь и ты своего.» Святославъ обѣщалъ ему послать сына Глѣба, и не послалъ, потому что ссорился съ Мономаховичами; но къ счастію князья скоро помирились. Между тѣмъ зимою лучшіе люди между Черными Клобуками пріѣхали въ Торческъ къ Рюриковичу и сказали ему: «Половцы этою зимою часто насъ воюютъ, и не знаемъ, Подунайцы что ли мы? отецъ твой далеко, а къ Святославу нечего и слать: онъ сердитъ на насъ за Кондувдѣя.» Ростиславъ послѣ этого послалъ сказать Ростиславу Владиміровичу (сыну Владиміра Мстиславича): «Братъ! хотѣлось бы мнѣ поѣхать на вежи Половецкія; отцы наши далеко, а другихъ старшихъ нѣтъ: такъ будемъ мы за старшихъ, пріѣзжай ко мнѣ поскорѣе.» Соединившись съ Черными Клобуками, Ростиславъ Рюриковичь внезапно напалъ на Половецкія вежи, захватилъ женъ, дѣтей и стадъ множество. Половцы услыхавъ, что вежи взяты, поднялись за Ростиславомъ и настигли его; Рюриковичь не испугался, что Половцевъ было много, и велѣлъ молодымъ стрѣльцамъ своимъ начать дѣло; Половцы начали было съ ними перестрѣливаться, но когда увидали знамена самаго Ростислава, то ударились бѣжать, при чемъ Русскіе стрѣльцы и Черные Клобуки взяли 600 человѣкъ плѣнныхъ; Черные Клобуки взяли между прочимъ Половецкаго хана Кобана, но не повели его въ полкъ, опасаясь князя Ростислава, а тайкомъ договорились съ нимъ о выкупѣ и отпустили. Тою же зимою Половцы съ двумя ханами въѣхали въ Русь Ростиславовою дорогою, но, заслышавъ, что самъ Святославъ Кіевскій стоитъ на-готовѣ, бросились бѣжать, побросавши знамена и копья. Святославъ послѣ этого поѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ сына Глѣба въ Каневѣ, и вотъ Половцы, услы-

хавъ, что Святославъ поѣхалъ домой, возвратились съ Кондувдѣемъ, но были встрѣчены Глѣбомъ, побѣжали и облюили на рѣкѣ Роси: тутъ ихъ много перехватали и перебили, другіе потонули, а Кондувдѣй ушелъ.

Въ слѣдующемъ 1191 году ходилъ Игорь Сѣверскій опять на Половцевъ, и на этотъ разъ удачно; на зиму пошли въ другой разъ Ольговичи въ степи, но Половцы приготовились встрѣтить ихъ, и Русскіе не рѣшились биться съ ними, ночью ушли назадъ. Въ 1192 году Святославъ съ Рюрикомъ и со всею братьею стояли цѣлое лѣто у Канева, уберегли землю свою отъ поганыхъ, и разошлись по домамъ. Потомъ Святославъ и Ростиславъ Владиміровичи съ Черными Клобуками пошли было на Половцевъ, но Черные Клобуки не захотѣли идти за Днѣпръ, потому что тамъ сидѣли ихъ сваты, и поспоривши съ князьями, возвратились назадъ. Наконецъ Рюрику удалось перезвать къ себѣ отъ Половцевъ Кондувдѣя: онъ посадилъ его въ своей волости, далъ ему городъ на Роси Дверенъ.

Помирившись съ Кондувдѣемъ, захотѣли договориться и съ прежними союзниками его, Половцами: въ 1193 году Святославъ послалъ сказать Рюрику: «Ты договорился съ Половцами Лукоморскими; а теперь пошлемъ за остальными, за Бурчевичами.» Рюрикъ послалъ за Лукоморскими, за двумя ханами, а Святославъ за Бурчевичами, также за двумя ханами. На осень Святославъ съ Рюрикомъ съѣхались въ Каневѣ, Лукоморскіе ханы пришли туда же; но Бурчевичи остановились на той сторонѣ Днѣпра, и послали сказать князьямъ: «Если хотите договариться съ нами, то пріѣзжайте къ намъ на эту сторону.» Князья, подумавши, велѣли отвѣчать имъ: «Ни дѣды, ни отцы наши не ѣзжали къ вамъ, если хотите, то пріѣзжайте сюда къ намъ, а не хотите, то ваша воля.» Бурчевичи не согласились и уѣхали прочь; тогда Святославъ не захотѣлъ мириться и съ Лукоморцами: «Нечего намъ мириться съ одною половиною», говорилъ онъ Рюрику, и такимъ образомъ князья разъѣхались по домамъ, ничего не сдѣлавши. Рюрикъ послѣ этого, подумавши съ боярами своими, послалъ сказать Святославу: «Вотъ, братъ, ты мира не захотѣлъ, такъ намъ уже теперь нельзя не быть на готовѣ, станемъ же думать о своей землѣ: идти ли намъ зимою?— такъ ты объяви заранѣе, я велю тогда братьямъ и дружинѣ го-

говиться; если же думаешь только стеречь свою землю, то объяви и объ этомъ.» Святославъ отвѣчалъ: «Теперь, братъ, нельзя намъ идти въ походъ, потому что жито не родилось у насъ; теперь дай Богъ только свою землю устеречь.» Тогда Рюрикъ велѣлъ сказать ему: «Братъ и сватъ! если въ походъ мы не пойдемъ на Половцевъ, то я пойду на Литву по своимъ дѣламъ.» Святославъ съ сердцемъ отвѣчалъ ему: «Братъ и сватъ! если ты идешь изъ отчины по своимъ дѣламъ, такъ и я пойду за Днѣпръ по своимъ же дѣламъ, а въ Русской землѣ кто останется?» и этими рѣчами онъ помѣшалъ Рюрику идти на Литву. Но зимою лучшіе люди между Черными Клобуками пріѣхали къ Ростиславу Рюриковичу и стали опять звать его на Половцевъ: «Князь! говорили они: поѣзжай съ нами на вежи Половецкія, теперь самое время; прежде мы хотѣли было просить тебя у отца, да услыхали, что отецъ твой сбирается идти на Литву, такъ пожалуй тебя и не отпуститъ; а ужь такого случая, какъ теперь, послѣ долго ждать.» Ростиславъ согласился, и прямо съ охоты поѣхалъ въ Торческъ, не сказавшись отцу, а къ дружинѣ послалъ сказать: «время намъ тепарь вышло удобное, поѣдемъ на Половцевъ; а что отецъ мой идетъ на Литву, такъ еще успѣемъ съѣздить до его похода.» Въ три дня собралась дружина; Ростиславъ послалъ и въ Треполь за двоюроднымъ братомъ Мстиславомъ Мстиславичемъ (Удалымъ); тотъ немедленно поѣхалъ съ бояриномъ своимъ Сдѣславомъ Жирославичемъ и нагналъ Ростислава за Росью. Соединившись съ Черными Клобуками, князья перехватали Половецкихъ сторожей, отъ которыхъ узнали, что Половцы стоятъ съ вежами и стадами своими на западной, Русской сторонѣ Днѣпра за день пути; по этимъ указаніямъ Русскіе князья отправились ночью, на разсвѣтѣ ударили на Половцевъ, и взяли безчисленную добычу. Услыхавъ объ этомъ, Святославъ послалъ сказать Рюрику: «Вотъ уже твой сынъ затронулъ Половцевъ, зачалъ рать, а ты хочешь идти въ другую сторону, покинувъ свою землю; ступай лучше въ Русь стеречь свою землю.» Рюрикъ послушался, и отложивъ походъ въ Литву, поѣхалъ со всѣми своими полками въ Русь. Долго стоялъ Святославъ съ Рюрикомъ у Василева, сторожа свою землю: Половцы не показывались; но только что Святославъ уѣхалъ за Днѣпръ въ Корачевъ, а Рюрикъ въ свою волость, то поганые стали опять воевать Украйну.

Святославу и Рюрику даже во время мира не подъ силу были наступательныя движенія на Половцевъ: если они и ходили въ степи, то озираясь на Переяславль; удалые сѣверскіе князья вздумали было пойдти подальше, но дорого заплатили за свою отвагу. Сила, которая давала Мономаху и сыну его Мстиславу возможность прогонять поганыхъ за Донъ, къ морю, эта сила теперь перешла на сѣверъ, и вотъ подъ 1198 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что великій Всеволодъ съ сыномъ Константиномъ выступилъ въ походъ на Половцевъ, какимъ путемъ, неизвѣстно [459]. Половцы, услыхавши объ этомъ походѣ, бѣжали съ вежами къ морю; великій князь походилъ по зимовищамъ ихъ возлѣ Дона, и возвратился назадъ. Скоро потомъ и на югѣ явился сильный князь, который могъ напомнить Половцамъ времена Мономаховы: то былъ Романъ Волынскій и Галицкій. Въ 1202 году зимою онъ ходилъ на Половцевъ, взялъ ихъ вежи, привелъ много плѣнныхъ, отполонилъ множество христіанскихъ душъ, и была радость большая въ землѣ Русской. Но радость эта перемѣнилась въ печаль, когда въ слѣдующемъ году Рюрикъ и Ольговичи со всею Половецкою землею взяли и разграбили Кіевъ, когда жителей послѣдняго иноплеменники повели къ себѣ въ вежи. Потомъ Всеволодъ и Романъ умирили было на время всѣхъ князей; южные князья въ 1208 году въ жестокую зиму, отправились на Половцевъ, и была поганымъ большая тягость, говоритъ лѣтописецъ, и большая радость всѣмъ христіанамъ Русской земли; въ тоже время Рязанскіе князья ходили также на Половцевъ и взяли ихъ вежи. Но скоро опять встали смуты между князьями, знаменитый Романъ умеръ, Половцамъ некого стало бояться на югѣ, и въ 1210 году они сильно опустошили окрестности Переяславля. Въ 1215 году Половцы опять отправились къ Переяславлю; тамошній князь Владиміръ Всеволодовичь вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ полками, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ.

Въ то время какъ Русь, Европейская Украйна вела эту безконечную и однообразную борьбу съ степными народами, Половцами, въ дальнихъ, восточныхъ степяхъ Азіи произошло явленіе, которое должно было дать иной ходъ этой борьбѣ. Изстари Китайскіе лѣтописцы въ степяхъ на сѣверозападъ отъ страны своей обозначали два кочевыхъ народа подъ именемъ Монгкуловъ и Тата [460]; образъ жизни этихъ народовъ былъ одина-

ковъ съ образомъ жизни другихъ собратій ихъ, являвшихся прежде въ Исторіи—Скиѳовъ, Гунновъ, Половцевъ. Въ первой четверти XIII-го вѣка среди нихъ обнаружилось сильнее движеніе: одинъ изъ Монгольскихъ хановъ, Темучинъ, извѣстный больше подъ именемъ Чингисъ-хана, началъ наступательныя движенія на другихъ хановъ, сталъ покорять ихъ: орда присоединялась къ ордѣ подъ одну власть, и вотъ образовалась огромная воинственная масса народа, которая, пробужденная отъ вѣковаго сна къ кровавой дѣятельности, безсознательно повинуясь разъ данному толчку, стремится на осѣдлые народы къ востоку, югу и западу, разрушая все на своемъ пути. Въ 1224 году двое полководцевъ Чингисхановыхъ, Джебе и Субутъ прошли обычныя ворота кочевниковъ между Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами, поплѣнили Ясовъ, Обезовъ, и вошли въ землю Половецкую. Половцы вышли къ нимъ на встрѣчу съ сильнѣйшимъ ханомъ своимъ Юріемъ Кончаковичемъ, но были поражены и принуждены бѣжать къ Русскимъ границамъ, къ Днѣпру. Ханъ ихъ Котянъ, тесть Мстислава Галицкаго, сталъ умолять зятя своего и другихъ князей Русскихъ о помощи, не жалѣлъ даровъ имъ, роздалъ много коней, верблюдовъ, буйволовъ, невольницъ; онъ говорилъ князьямъ: «нашу землю нынче отняли Татары, а вашу завтра возьмутъ, защитите насъ; если же не поможете намъ, то мы будемъ перебиты нынче, а вы завтра.» Князья съѣхались въ Кіевѣ, на совѣтъ; здѣсь было трое старшихъ: Мстиславъ Романовичь Кіевскій, Мстиславъ Святославичь Черниговскій, Мстиславъ Мстиславичь Галицкій; изъ младшихъ были Даніилъ Романовичь Волынскій, Всеволодъ Мстиславичь, сынъ князя Кіевскаго, Михаилъ Всеволодовичь, племянникъ Черниговскаго. Мстиславъ Галицкій сталъ упрашивать братью помочь Половцамъ, онъ говорилъ: «если мы, братья, не поможемъ имъ, то они передадутся Татарамъ, и тогда у нихъ будетъ еще больше силы.» Послѣ долгихъ совѣщаній князья наконецъ согласились идти на Татаръ; они говорили: «Лучше намъ принять ихъ на чужой землѣ, чѣмъ на своей.» Татары узнавши о походѣ Русскихъ князей, прислали сказать имъ: «Слышали мы, что вы идете противъ насъ, послушавшись Половцевъ, а мы вашей земли не занимали, ни городовъ вашихъ, ни селъ, на васъ не приходили; пришли мы попущеніемъ Божіимъ на холопей своихъ и конюхов-

ховъ, на поганыхъ Половцевъ, а съ вами намъ нѣтъ войны; если Половцы бѣгутъ къ вамъ, то вы бейте ихъ оттуда, и добро ихъ себѣ берите; слышали мы, что они и вамъ много зла дѣлаютъ; потому же и мы ихъ отсюда бьемъ.» Въ отвѣтъ Русскіе князья велѣли перебить Татарскихъ пословъ, и шли дальше; когда они стояли на Днѣпрѣ не доходя Олѣшья, пришли къ нимъ новые послы отъ Татаръ и сказали: «Если вы послушались Половцевъ, пословъ нашихъ перебили и все идете противъ насъ, то ступайте, пусть насъ Богъ разсудитъ, а мы васъ ничѣмъ не трогаемъ.» На этотъ разъ князья отпустили пословъ живыми. Когда собрались всѣ полки Русскіе и Половецкіе, то Мстиславъ Удалой съ 1000 человѣкъ перешелъ Днѣпръ, ударилъ на Татарскихъ сторожей, и обратилъ ихъ въ бѣгство; Татары хотѣли скрыться въ Половецкомъ курганѣ, но и тутъ имъ не было помощи, не удалось имъ спрятать и воеводу своего Гемябека; Русскіе нашли его и выдали Половцамъ на смерть. Услыхавъ о разбитіи непріятельскихъ сторожей, всѣ Русскіе князья переправились за Днѣпръ, и вотъ имъ дали знать, что пришли Татары осматривать Русскія лодки; Даніилъ Романовичь съ другими князьями и воеводами сѣлъ тотчасъ на коня и поскакалъ посмотрѣть новыхъ враговъ; каждый судилъ объ нихъ по своему: одни говорили, что они хорошіе стрѣльцы, другіе, что хуже и Половцевъ, но Галицкій воевода Юрій Домамеричь утверждалъ, что Татары добрые ратники. Когда Даніилъ съ товарищами возвратились съ этими вѣстями о Татарахъ, то молодые князья стали говорить старымъ: «нечего здѣсь стоять, пойдемъ на нихъ.» Старшіе послушались, и всѣ полки Русскіе перешли Днѣпръ; стрѣльцы Русскіе встрѣтили Татаръ на Половецкомъ полѣ, побѣдили ихъ, гнали далеко въ степи, отняли стада, съ которыми и возвратились назадъ къ полкамъ своимъ. Отсюда восемь дней шло войско до рѣки Калки, гдѣ было новое дѣло съ Татарскими сторожами, послѣ котораго Татары отъѣхали прочь, а Мстиславъ Галицкій велѣлъ Даніилу Романовичу съ нѣкоторыми полками перейдти рѣку, за ними перешло и остальное войско, и расположилось станомъ, пославши въ сторожахъ Яруна съ Половцами. Удалой выѣхалъ также изъ стану, посмотрѣлъ на Татаръ, и возвратившись велѣлъ поскорѣе вооружаться своимъ полкамъ, тогда какъ другіе два Мстислава сидѣли спокойно въ станѣ, ничего не знав

Удалой не сказалъ имъ ни слова изъ зависти, потому что, говоритъ лѣтописецъ, между ними была большая распря. Битва началась 16 іюня: Даніилъ Романовичъ выѣхалъ напередъ, первый схватился съ Татарами, получилъ рану въ грудь, но не чувствовалъ ея по молодости и пылу: ему было тогда 18 лѣтъ и былъ онъ очень силенъ, смѣлъ и храбръ, отъ головы до ногъ не было на немъ порока. Увидавши Даніила въ опасности, дядя его Мстиславъ Нѣмой Луцкій бросился къ нему на выручку; уже Татары обратили тылъ передъ Даніиломъ съ одной стороны, и предъ Олегомъ Курскимъ съ другой, когда Половцы и здѣсь, какъ почти вездѣ, побѣжали предъ врагами, и потоптали станы Русскихъ князей, которые, по милости Мстислава Удалаго, не успѣли еще ополчиться. Это рѣшило дѣло въ пользу Татаръ: Даніилъ, видя, что послѣдніе одолѣваютъ, оборотилъ коня, прискакалъ къ рѣкѣ, сталъ пить, и тутъ только почувствовалъ на себѣ рану. Между тѣмъ Русскіе потерпѣли повсюду совершенное пораженіе, какого, по словамъ лѣтописца, не бывало отъ начала Русской земли. Мстиславъ Кіевскій съ зятемъ своимъ Андреемъ и Александромъ Дубровицкимъ [441], видя бѣду, не двинулся съ мѣста: стоялъ онъ на горѣ надъ рѣкою Калкою; мѣсто было каменистое, Русскіе огородили его кольемъ и три дня отбивались изъ этого укрѣпленія отъ Татаръ, которыхъ оставалось тутъ два отряда съ воеводами Чегирканомъ и Ташуканомъ, потому что другіе Татары бросились въ погоню къ Днѣпру за остальными Русскими князьями. Половцы дали побѣду Татарамъ; другая варварская сбродная толпа докончила ихъ дѣло, погубивъ Мстислава Кіевскаго: съ Татарами были Бродники, съ воеводою своимъ Плоскинею; послѣдній поцѣловалъ крестъ Мстиславу и другимъ князьямъ, что если они сдадутся, то Татары не убьютъ ихъ, но отпустятъ на выкупъ; князья повѣрили, сдались и были задавлены: Татары подложили ихъ подъ доски, на которыя сѣли обѣдать. Шестеро [442] другихъ князей погибло въ бѣгствѣ къ Днѣпру, и между ними князь Мстиславъ Черниговскій съ сыномъ; кромѣ князей погибъ знаменитый богатырь Александръ Поповичъ съ семидесятью собратіями. Василько Ростовскій, посланный дядею Юріемъ на помощь къ южнымъ князьямъ, услыхавши въ Черниговѣ о Калкской битвѣ и возвратился назадъ. Мстиславу Галицкому съ остальными князьями удалось переправиться

за Днѣпръ, послѣ чего онъ велѣлъ мечами рубить лодки, отпихивать ихъ отъ берега, боясь Татарской погони: но Татары, дошедши до Новгорода Святополчьскаго, возвратились назадъ къ востоку; жители городовъ и селъ Русскихъ, лежавшихъ на пути, выходили къ нимъ на встрѣчу со крестами, но были всѣ убиены; погибло безчисленное множество людей, говоритъ лѣтописецъ, вопли и вздохи раздавались по всѣмъ городамъ и мѣстамъ. Не знаемъ, продолжаетъ лѣтописецъ, откуда приходили на насъ эти злые Татары Таурмени, и куда опять дѣлись? нѣкоторые толковали, что это должно быть тѣ нечистые народы, которыхъ нѣкогда Гедеонъ загналъ въ пустыню, и которые предъ концемъ міра должны явиться и поплѣнить всѣ страны.

Обозрѣвъ главныя явленія, характеризующія сто семидесятичетырехлѣтній періодъ отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго, скажемъ нѣсколько словъ вообще о ходѣ этихъ явленій. Сыновья Ярослава начали владѣть Русскою землею цѣлымъ родомъ, не раздѣляясь, признавая за старшимъ въ цѣломъ родѣ право сидѣть на главномъ столѣ и быть названнымъ отцемъ для всѣхъ родичей. Но при первыхъ же князьяхъ начинаются уже смуты и усобицы: вслѣдствіе общаго родоваго владѣнія, по отсутствію отдѣльныхъ волостей для каждаго князя, наслѣдственныхъ для его потомства, являются изгои, князья-сироты, преждевременною смертію отцовъ лишенные права на старшинство, на правильное движеніе къ нему по ступенямъ родовой лѣствицы, предоставленные милости старшихъ родичей, осужденные сносить тяжкую участь сиротства; эти князья-сироты, изгои естественно стремятся выйти изъ своего тяжкаго положенія, силою добыть себѣ волости въ Русской землѣ; средства у нихъ къ тому подъ руками: въ степяхъ всегда можно набрать многочисленную толпу, готовую подъ чьими угодно знаменами броситься на Русь въ надеждѣ грабежа. Но сюда присоединяются еще другія причины смутъ: отношенія городскаго народонаселенія къ князьямъ не прочны, неопредѣленны; старшій сынъ Ярослава, Изяславъ, долженъ оставить Кіевъ, гдѣ на его мѣсто садится князь Полоцкій, вне родовыхъ правъ и счетовъ. Послѣдній не долго оставался на старшемъ Русскомъ столѣ, Изяславъ возвращается на отцовско

мѣсто, не скоро былъ изгнанъ опять родными братьями; возвратился въ другой разъ по смерти брата Святослава, но это возвращеніе повело къ новымъ усобицамъ, потому что Изяславъ включилъ въ число изгоевъ и сыновей Святославовыхъ; Изяславъ погибаетъ въ битвѣ съ племянниками—изгоями, княженіе брата его Всеволода проходитъ также въ смутахъ. При первомъ старшемъ князѣ изъ втораго поколѣнія Ярославичей прекращаются усобицы отъ изгойства происшедшія и на восточной и на западной сторонѣ Днѣпра, препращаются на двухъ съѣздахъ княжескихъ: Святославичи входятъ во всѣ права отца своего, и получаютъ отцовскую Черниговскую волость; на западѣ вслѣдствіе испомѣщенія изгоевъ кромѣ давно отдѣленной Полоцкой волости является еще отдѣльная волость Галицкая съ князьями, неимѣющими права двигаться къ старшинству и переходить на другіе столы, образуется также отдѣльная маленькая волость Городенская для потомства Давида Игоревича. Казалось, что послѣ родовыхъ княжескихъ рядовъ при сынѣ Изяславовомъ смуты должны были прекратиться; но вышло иначе, когда, по смерти Святополка, Кіевляне провозглашаютъ княземъ своимъ Мономаха, мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ его Святославичей. Благодаря матеріальному и нравственному могуществу Мономаха, и онъ, и старшій сынъ его Мстиславъ владѣли спокойно Кіевомъ; родовая общность владѣнія между тремя линіями Ярославова потомства и слѣдовательно самая крѣпкая связь между ними должна была рушиться: Святославичи Черниговскіе должны были навсегда ограничиться восточною стороною Днѣпра, ихъ волость должна была сдѣлаться такою же отдѣльною волостію, каковы были на западѣ волость Полоцкая или Галицкая; между самими Святославичами дядя потерялъ старшинство передъ племянникомъ, онъ самъ и потомки его должны были ограничиться одною Муромскою волостью, которая вслѣдствіе этого явилась также особною отъ остальныхъ волостей Черниговскихъ; старшая линія Изяславова теряетъ также старшинство и волости вслѣдствіе неуваженія Ярослава Святополковича къ дядѣ и тестю. Въ послѣдствіи она пріобрѣтаетъ волость Туровскую въ особное владѣніе. Но вотъ по смерти Мстислава Великаго и въ самомъ племени Мономахо-

вомъ начинается усобица между племянниками отъ старшаго брата и младшими дядьми, что даетъ возможность Ольговичамъ Черниговскимъ добиться старшинства и Кіева и возстановить такимъ образомъ нарушенное было общее владѣніе между двумя линіями Ярославова потомства. По смерти Всеволода Ольговича въ слѣдствіе всеобщаго народнаго нерасположенія къ Ольговичамъ на западной сторонѣ Днѣпра, они лишаются старшинства, которое переходитъ къ сыну Мстислава Великаго мимо старшихъ дядей; это явленіе могло быть богато слѣдствіями, еслибъ Изяславу Мстиславичу удалось удержать за собою старшинство: благодаря исключенію изъ старшинства и изъ общаго владѣнія Ольговичей съ одной стороны, и младшаго Мономаховича Юрія съ другой, главныя, центральныя владѣнія Рюриковичей распадались на три отдѣльныя части: Русь Кіевскую, Русь Черниговскую и Русь Ростовскую или Суздальскую. Но крѣпкія еще родовыя понятія на югѣ, въ старой Руси, и другія важныя, характеристическія черты ея древняго быта, неопредѣленность въ отношеніяхъ городскаго народонаселенія и пограничныхъ варваровъ помѣшали раздѣленію, нарушенію общаго родоваго владѣнія между князьями: когда дядя Юрій явился на югѣ, то племянникъ его Изяславъ услыхалъ съ разныхъ сторонъ: «Поклонись дядѣ, мирись съ нимъ, мы не пойдемъ противъ сына Мономахова,» и вотъ Изяславъ, не смотря на всѣ свои доблести, на расположеніе народное къ нему, долженъ былъ покаяться въ грѣхѣ своемъ и признать старшинство дяди Вячеслава, вступить къ нему въ сыновнія отношенія. Изяславъ умеръ прежде дядей, братъ его не былъ въ уровень своему положенію, и вотъ представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племянниками торжествуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ торжествуетъ представленіе объ общности родоваго владѣнія: Юрій умираетъ на старшемъ столѣ въ Кіевѣ; послѣ него садится здѣсь Черниговскій Давидовичъ; послѣдній изгоняется Мстиславомъ, сыномъ знаменитаго Изяслава Мстиславича; Мстиславъ призываетъ въ Кіевъ изъ Смоленска дядю Ростислава, по смерти котораго занимаетъ старшій столъ, но сгоняется съ него дядею—Андреемъ Боголюбскимъ. Андрей даетъ событіямъ другой ходъ: онъ не ѣдетъ въ Кіевъ, отдаетъ его младшему брату, а самъ остается на сѣверѣ, гдѣ знаменитые

вый міръ отношеній, гдѣ старые города уступаютъ новымъ, отношенія которыхъ къ князю опредѣленнѣе, гдѣ подлѣ городовъ, жившихъ по старинѣ, нѣтъ и Черныхъ Клобуковъ, которые не привыкли ни къ чему государственному. Въ силу поступка Андреева, южная, старая Русь явственно подпала вліянію Сѣверной, гдѣ сосредоточилась и сила матеріальная и вмѣстѣ нравственная, ибо здѣсь сидѣлъ старшій въ племени Мономаховомъ; всѣ эти отношенія, существовавшія при Андреѣ, повторяются и при братѣ его Всеволодѣ III-мъ. Такимъ образомъ поколѣніе младшаго сына Мономахова Юрія, благодаря поселенію его на сѣверѣ, усиливается предъ всѣми другими поколѣніями Ярославичей; и въ этомъ усиленіи является возможность уничтоженія родовыхъ отношеній между князьями, общаго родоваго владѣнія, является возможность государственнаго объединенія Руси; но какая же судьба предназначена доблестному потомству старшаго Мономаховича, Мстислава Великаго? Мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичь и сынъ его Мстиславъ потерпѣли неудачу въ борьбѣ съ господствовавшимъ представленіемъ о старшинствѣ дядей надъ племянниками; Мстиславъ Изяславичь, по изгнаніи своемъ изъ Кіева войсками Боголюбскаго, долженъ былъ удовольствоваться одною Волынью; и здѣсь онъ самъ и потомки его обнаруживаютъ наслѣдственныя стремленія, обнаруживая притомъ и наслѣдственные таланты; обстоятельства были благопріятны: Волынь была пограничною Русскою областью, въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ западными государствами, гдѣ въ это время, благодаря различнымъ условіямъ и столкновеніямъ, родовыя княжескія отношенія рушатся: въ ближайшей Польшѣ духовные сановники разсуждаютъ о преимуществѣ наслѣдственности въ одной нисходящей линіи предъ общимъ родовымъ владѣніемъ; въ Венгріи давно уже говорили, что не хотятъ знать о правахъ дядей предъ племянниками отъ старшаго брата: все это какъ нельзя лучше согласовалось съ наслѣдственными стремленіями потомковъ Изяслава Мстиславича; быть можетъ сначала безсознательныя, вынужденныя обстоятельствами, эти стремленія получаютъ теперь оправданіе, освященіе, и вотъ, быть можетъ, не даромъ старшій столъ на Волыни, Владиміръ, перешелъ по

смерти Мстислава къ сыну его Роману мимо брата; не даромъ, говорятъ[468], Романъ увѣщевалъ Русскихъ князей перемѣнить существовавшій порядокъ вещей на новый, какъ водилось въ другихъ государствахъ; но князья старой Руси остались глухи къ увѣщанію Романову; ихъ можно было только силою заставить подчиниться новому порядку, и вотъ Романъ ищетъ пріобрѣсти эту силу, пріобрѣтаетъ княжество Галицкое, становится самымъ могущественнымъ княземъ на югѣ, для южной Руси слѣдовательно открывается возможность государственнаго сосредоточенія; все зависитъ отъ того, встрѣтитъ ли потомство старшаго Мономахова сына на югозападѣ такія же благопріятныя для своихъ стремленій условія и обстоятельства, какія потомство младшаго Мономахова сына встрѣтило на сѣверѣ? почва югозападной Руси также ли способна къ воспринятію новаго порядка вещей, какъ почва Руси сѣверовосточной? Исторія немедленно же дала отвѣтъ отрицательный, показавши ясно по смерти Романа Галицкія отношенія, условія быта югозападной Руси. А между тѣмъ умеръ Всеволодъ III-й; сѣверная Русь на время замутилась, потеряла свое вліяніе на южную, которой, на оборотъ открылась возможность усилиться на счетъ сѣверной, благодаря доблестямъ знаменитаго своего представителя Мстислава Удалаго. Но въ дѣйствіяхъ этого полнаго представителя старой Руси и обнаружилась вся ея несостоятельность къ произведенію изъ самой себя новаго, прочнаго государственнаго порядка: Мстиславъ явился только странствующимъ героемъ, покровителемъ утѣсненныхъ, безо всякаго государственнаго пониманія, безо всякихъ государственныхъ стремленій, и отнялъ Галичь у иноплеменника для того только, чтобъ послѣ добровольно отдать его тому же иноплеменнику! Но сѣверная Русь идетъ своимъ путемъ: съ одной стороны ея князья распространяютъ свои владѣнія все дальше и дальше на востокъ, съ другой не перестаютъ тѣснить Новгородъ—рано или поздно ихъ вѣрную добычу, наконецъ, обнаруживаютъ сильное вліяніе на ближайшія къ себѣ области южной Руси, утверждаютъ на Черниговскомъ столѣ племянника мимо дяди.

Такимъ образомъ въ началѣ мы видимъ, что единство Русской земли поддерживается единствомъ рода княжескаго, об-

щимъ владѣніемъ. Не смотря на независимое, въ смыслѣ государственномъ, управленіе каждымъ княземъ своей волости, князья представляли рядъ временныхъ областныхъ правителей, смѣняющихся если не по волѣ главнаго князя, то, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе рядовъ съ нимъ, общихъ родовыхъ счетовъ и рядовъ, такъ что судьба каждой волости не была независимо опредѣлена внутри ея самой, но постоянно зависѣла отъ событій происходившихъ на главной сценѣ дѣйствія, въ собственной Руси, въ Кіевѣ около старшаго стола княжескаго; Сѣверская, Смоленская, Новгородская, Волынская область перемѣняли своихъ князей смотря потому, что̀ происходило въ Кіевѣ: смѣнялъ ли тамъ Мономаховичь Ольговича, Юрьевичь Мстиславича или на оборотъ, а это необходимо поддерживало общій интересъ, сознаніе о земскомъ единствѣ.

Но мы скоро видимъ, что нѣкоторыя области выдѣляются въ особыя княжества, отпадаютъ отъ общаго единства области крайнія на западѣ и востокѣ, которыхъ особность условливалась и прежде причинами физическими и историческими: отпадаетъ область западной Двины, область Полоцкая, которая при самомъ началѣ исторіи составляетъ уже владѣніе особаго княжескаго рода; отпадаетъ область Галицкая, издавна переходная и спорная между Польшею и Русью; на востокѣ отпадаетъ отдаленный Муромъ съ Рязанью; далекая Тмутаракань перестаетъ быть Русскимъ владѣніемъ. Обособленіе этихъ крайнихъ волостей не могло имѣть вліянія на ходъ событій въ главныхъ срединныхъ волостяхъ; здѣсь, въ южной, Днѣпровской половинѣ мы не замѣчаемъ измѣненія въ господствующемъ порядкѣ вещей, обособленія главныхъ волостей, ибо никакія условія, ни физическія, ни племенныя, ни политическія не требуютъ этого обособленія; но какъ скоро одна вѣтвь, одно племя княжескаго рода утверждается въ сѣверной, Волжской половинѣ Руси, какъ скоро князь изъ этого племени получаетъ родовое старшинство, то немедленно же и происходитъ обособленіе сѣверной Руси, столь богатое послѣдствіями; но обособленіе произошло не по требованію извѣстныхъ родовыхъ княжескихъ отношеній, а по требованію особыхъ условій историческихъ и физическихъ; нарушеніе общаго родоваго владѣнія и переходъ родовыхъ кня-

жескихъ отношеній въ государственныя усиливалось различіемъ двухъ главныхъ частей древней Руси, и происходившимъ отсюда стремленіемъ къ особности.

Благодаря состоянію окружныхъ государствъ и народовъ, всѣ эти внутреннія движенія и перемѣны на Руси могли происходить безпрепятственно. Въ Швеціи еще продолжалась внутренняя борьба, и столкновенія ея съ Русью, происходившія въ минуту отдыха, были ничтожны. Польша, кромѣ внутреннихъ смутъ, усобицъ, была занята внѣшнею борьбою съ опасными сосѣдями — Нѣмцами, Чехами, Пруссами; Венгрія находилась въ томъ же самомъ положеніи; хотя оба эти сосѣднія государства принимали иногда дѣятельное участіе въ событіяхъ югозападной Руси, каково напримѣръ было участіе Венгріи въ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ, но подобное участіе никогда не имѣло рѣшительнаго вліянія на ходъ событій, никогда не могло измѣнить этого хода, условленнаго внутренними причинами. Вліяніе быта Польши и Венгріи на бытъ Руси было ощутительно въ Галичѣ; можно замѣтить его и въ пограничной Волыни, но дальше это вліяніе не простиралось. Польша и Венгрія не могли быть для Руси проводницами западно-европейскаго вліянія, скорѣе, можно сказать, уединяли ее отъ него, потому что и сами, кромѣ религіозной связи, имѣли мало общихъ формъ быта съ западною Европою; но если и Польша съ Венгріею, не смотря не религіозную связь, мало участвовали въ общихъ явленіяхъ европейской жизни того времени, тѣмъ менѣе могла участвовать въ нихъ Русь, которая не была связана съ западомъ церковнымъ единеніемъ, принадлежала къ Церкви восточной, слѣдовательно должна была подвергаться духовному вліянію Византіи. Византійская образованность, какъ увидимъ, проникала въ Русь, Греческая торговля богатила ее; но главная сцена дѣйствія уже перенеслась на сѣверовостокъ, далеко отъ великаго воднаго пути, соединявшаго сѣверозападную Европу съ юговосточною; Русь уходила все далѣе и далѣе въ глубь сѣверовостока, чтобъ тамъ въ уединеніи отъ всѣхъ постороннихъ вліяній выработать для себя крѣпкія основы быта; Новгородъ не могъ быть для нея проводникомъ чуждаго вліянія уже по самой враждебности, которая проистекала отъ различія его быта

съ бытомъ остальныхъ сѣверныхъ областей. Но если Русь въ описываемое время отдѣлялась отъ западной Европы Польшею, Венгріею, Литвою, то ничѣмъ не отдѣлялась отъ востока, съ которымъ должна была вести безпрерывную борьбу. Собственная южная Русь была украйною, такъ сказать, европейскимъ берегомъ степи, и берегомъ низкимъ, не защищеннымъ нисколько природою, слѣдовательно подверженнымъ частому наплыву кочевыхъ ордъ; искусственныя плотины, города, которые начали строить еще первые князья наши, не достаточно защищали Русь отъ этого наплыва. Мало того, что степняки или Половцы сами нападали на Русь, они отрѣзывали ее отъ Черноморскихъ береговъ, препятствовали сообщенію съ Византіею: Русскіе князья съ многочисленными дружинами должны были выходить на встрѣчу къ Греческимъ купцамъ и провожать ихъ до Кіева, оберегать отъ степныхъ разбойниковъ; варварская Азія стремится отнять у Руси всѣ пути, всѣ отдушины, которыми та сообщалась съ образованною Европою. Южная Русь, украйна, Европейскій берегъ степи заносится уже съ разныхъ сторонъ степнымъ народонаселеніемъ; по границамъ Кіевской, Переяславской, Черниговской области садятся варварскія толпы, свои поганые, какъ называли ихъ въ отличіе отъ дикихъ, т. е. независимыхъ степняковъ, или Половцевъ. Находясь въ полузависимости отъ Русскихъ князей, чуждое гражданскихъ связей съ новымъ Европейскимъ отечествомъ своимъ, это варварское пограничное народонаселеніе, по численной значительности и воинственному характеру своему, имѣетъ важное вліяніе на ходъ событій въ южной Руси, умножая вмѣстѣ съ дикими Половцами грабежи и безнарядье, служа самою сильною поддержкою для усобицъ, представляя всегда ссорящимся князьямъ готовую дружину для опустошенія родной страны. Точно такъ какъ позднѣйшіе Черкасы, и пограничные варвары описываемаго времени повидимому служатъ государству, борятся за него съ степняками, но между тѣмъ находятся съ послѣдними въ тѣсныхъ, родственныхъ связяхъ, берегутъ ихъ выгоды, выдаютъ имъ государство. Будучи совершенно равнодушны къ судьбамъ Руси, къ торжеству того или другаго князя, сражаясь только изъ-за добычи, и дикіе Половцы, и свои поганые или Черные Клобуки

первые измѣняютъ, первые обыкновенно обращаются въ бѣгство. Съ такими-то народами должна имѣть постоянное дѣло южная Русь, а между тѣмъ историческая жизнь отливаетъ отъ нея къ сѣверу, она лишается матеріальной силы, которая переходитъ къ области Волжской, лишается политическаго значенія, матеріальнаго благосостоянія, честь и краса ея, старшій стольный городъ во всей Руси, Кіевъ презрѣнъ, покинутъ старѣйшими и сильнѣйшими князьями, нѣсколько разъ разграбленъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Такъ Ростиславичи въ 1195 году говорили Всеволоду III: «А ы, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай, гадай Руской земли и о своей чести и о нашей». Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 145.

2) «А ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди». Тамъ-же стр. 1.—Мстиславъ Владиміровичъ поточи Полотьскіи Князи.... зане не ихуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть на Русскую млю въ помощь. Тамъ-же, стр. 12 и 15.—Святополку, какъ старему въ родѣ, поручено было отъ родичей наказать Давида Игоревича, тамъ-же I, 112.

3) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 20: Всеволодъ (Ольговичъ) отда ѣ Всеволодковнѣ, Володимери внуцѣ, едину за Володимира за Давидовича, а другу за Ярославича, за Дюрдя.

4) Тамъ-же стр. 83: «Оже мя въ правду зовете съ любовію, то всяко иду Кіеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ авду и въ моемъ вы послушаньи ходити.»

5) Тамъ-же стр. 8: И наказавъ его (Ярослава Святополчича) Володимеръ о семъ, веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову.

6) Тамъ-же стр. 94: Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сынъ своимъ, веля имъ всимъ съвкупитися у себе со всими полкы ими.

7) Тамъ-же стр. 73: Нынѣ, отче, кланяютися, прими мя яко сына его Мстислава такоже и мене, ать ѣздить Мстиславъ подлѣ твой емень по одиной сторонѣ тобе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ й стремень ѣждю, всими своими полкы». См. тамъ-же стр. 32, 39. этимъ выраженіемъ: ѣздить подлѣ стремени должно сравнить ющее: ходить по комъ, которое также означало сыновнее ошеніе младшаго къ старшему; такъ объ Игорѣ: «Игореви же остиу, и хожаше по Ользѣ, и слушаше его.»

8) Тамъ-же стр. 75: «Велми радъ, господине отче, [illegible]
господиномъ, якоже и братъ мой имѣлъ тя и въ твоей воли [illegible]
Тамъ-же, стр. 88, 202.

9) Тамъ-же стр. 79: Они же вси (Рязанскіе Князья) [illegible]
Ростислава, имѣяхуть и отцемъ собѣ. Тамъ-же стр. 149.

10) Тамъ-же стр. 39.

11) Тамъ-же стр. 18, 19.

12) Тамъ-же стр. 39.

13) Тамъ-же стр. 109.

14) Тамъ-же стр. 9.

15) Тамъ-же стр. 38.

16) Тамъ-же I, 111.

17) Тамъ-же II, 74, 122. Вячеславъ же посла по [illegible]
Всеволодича, река ему: Ты еси Ростиславу сынъ любимый, [illegible]
и мнѣ, а поѣди сѣмо ко мнѣ, перебуди же у мене Кіевѣ, [illegible]
придетъ Ростиславъ, а тогда рядъ вси учинимъ». Или: Иде [illegible]
къ Любчу и призва къ собѣ братью свою, ряды ему [illegible]

18) Русская Правда: по Ярославѣ же паки совкупившеся [illegible]
его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ Коснячко, [illegible]
нѣгъ, Никифоръ и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся [illegible]
пати; а ино все якоже Ярославъ судилъ, такого же и [illegible]
уставиша.—Володимеръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва [illegible]
свою на Берестовѣмь: Ратибора, Кіевьского тысячьского, [illegible]
Бѣлогородского тысячьского, Святослава, Переяславьского [illegible]
го, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, [illegible]
вили до третьяго рѣза, и проч.

19) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 119. Молвяше же [illegible]
Святославъ: «брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но [illegible]
нашь такъ есть: оже ся Князь извинитъ, то въ волость, а [illegible]
голову.»

20) Тамъ-же стр. 110: Святославъ же нача слати къ [illegible]
съ жалобою, река ему: «на чѣмъ еси цѣловалъ крестъ, а [illegible]
первый рядъ; реклъ бо еси, оже я сяду въ Кіевѣ, то я тебе [illegible]
паки ли ты сядеши въ Кіевѣ, то мене надѣли.»

21) Тамъ-же стр. 125. Рюрикъ же размысливъ, съ [illegible]
угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣй лѣты, и урядився съ [illegible]
ступися ему старѣйшинства и Кіева.—Тамъ-же стр. 50: [illegible]
есть яко отець старый свой; тамъ-же стр. 61, 77.—[illegible]
имущества старшаго брата, слова св. Бориса: «тосъ [illegible]
мѣсто,"—и слова Ярослава I-го сыновьямъ.—[illegible]
ства тестя предъ зятемъ см. выше слова лѣтописца о [illegible]

чинопочитаніе передъ тестемъ своимъ Мстиславомъ; Мстиславъ Мстиславичъ Удалой доводился племянникомъ Ярославу Всеволодовичу, и между тѣмъ называетъ его своимъ сыномъ, какъ зятя, Новгор. III, 39.—О правѣ старшаго зятя предъ меньшими шуринами Изяславъ Мстиславичъ говоритъ: „Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старѣйшаго, занеже ми братъ и зять старѣй мене яко отецъ;» тамъ-же стр. 23.—Король Венгерскій, женатый на младшей сестрѣ Изяслава Мстиславича, не иначе зоветъ послѣдняго, какъ отцемъ, тамъ-же стр. 66.

22) Никон. II, 265.

23) Изгои трои: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ; холопъ изъ холопьства выкупиться, купецъ одолжаетъ, а се четвертое изгойство и себе приложимъ, аще князь осиротѣетъ.

24) Относительно дани вотъ единственное упоминовеніе въ лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132): Ярополкъ посла Мстислава и Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскыѣ и отъ Смоленска даръ.—Отъ Новгорода, находившагося въ особенныхъ отношеніяхъ къ Вел. князю, послѣдній получаетъ дань, но отъ Смоленска только даръ.—На особность волостей какъ отдѣльныхъ земель, ясно указываетъ слѣдующее извѣстіе (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 140). Онъ же (Святославъ Всеволодовичь) имяся ему послати Глѣба сына,—и не посла, зане бяшеть ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ и Смоленскою землею.—Но всѣ эти волости, всѣ племена, въ нихъ обитавшія сперва имѣли непосредственное отношеніе къ Кіеву, платили туда дань, составляли съ нимъ одно цѣлое: что же ослабило эту государственную связь, какъ не родовыя отношенія князей?

25) О разнорѣчіяхъ въ показаніи дня кончины Ярославовой см. у Арцыбышева Пов. о Россіи, I, 32, примѣч. 120.

26) По всѣмъ вѣроятностямъ отвага Брячислава всего болѣе содѣйствовала тому, что Ярославъ согласился оставить Полоцкое княжество въ его владѣніи.

27) Мѣсто лѣтописи о распорядкѣ между сыновьями Ярослава I-го нуждается въ объясненіи: «Преставися великый князь Русьскый Ярославъ. И еще бо живу сущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ себѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере, да аще будете въ любви межю собою, Богъ будеть въ васъ, и покорить вы противные подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ, но пребывайте мирно послушающе братъ брата. Се же поручаю въ себе

мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ, сего послушайте, якоже послушаете мене, да то вы будеть, въ мое мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, (а Игорю Володимерь), а Вячеславу Смоленскъ. — И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити; рекъ Изяславу: аще кто хощеть обидити брата своего, то ты помагай его же обидять, и тако уряди сына своя пребывати въ любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю Новгородѣ, а Святославу Володимери, Всеволодъ же тогда сущю у отця, бѣ бо любимъ отцемъ паче всее братьи, его же имяше присно у собе. Ярославу же приспѣ конець житья, и предасть душю свою». — Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: Ярославъ дѣлаетъ завѣщаніе, чувствуя близость смерти, прямо говоритъ: я умираю; дѣлаетъ завѣщаніе передъ всѣми сыновьями, и между тѣмъ этихъ сыновей, кромѣ Всеволода, нѣтъ при его кончинѣ и погребеніи? Это сомнѣніе изъ самого разсказа лѣтописца можетъ разрѣшиться такимъ образомъ, что хотя Ярославъ и чувствовалъ приближаніе кончины, однако находился еще не въ отчаянномъ положеніи, былъ довольно крѣпокъ для того, чтобъ отправиться въ Вышгородъ, и здѣсь уже «разболѣся велми». Слѣдовательно сыновья его могли отправиться въ свои прежнія волости, даже хотя бы для того, чтобъ распорядиться тамъ относительно переѣзда въ новыя волости, достававшіяся имъ по послѣднему отцовскому распредѣленію. Другое затрудненіе: въ нѣкоторыхъ спискахъ пропущено, что Игорь получилъ отъ отца Владимиръ Волынскій. Разумѣется, есть основаніе смотрѣть на это просто какъ на пропускъ, тѣмъ болѣе, что Игорь въ годъ кончины отца своего не могъ быть малолѣтенъ: онъ родился, по Татищеву (II, 106), въ 1036 году, слѣд. въ 1054 имѣлъ 17 лѣтъ; еслибъ даже кто не захотѣлъ вѣрить свидѣтельству Татищева, то извѣстно, что Игорь, умершій черезъ 6 лѣтъ, въ 1060 году, былъ уже женатъ, и оставилъ двоихъ сыновей, слѣдов. шесть лѣтъ назадъ не могъ быть малолѣтенъ. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ годъ рожденія Игоря не означенъ; въ 1036 году помѣщено рожденіе Вячеслава, которое у Татищ. помѣщено подъ 1034 годомъ. Рожденіе Всеволода подъ 1029, у Татищ. подъ 1030. Третье затрудненіе: Игорь получилъ Владимиръ, но при описаніи кончины Ярославовой говорится, что во Владимирѣ былъ Святославъ, а не Игорь. Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ задолго до смерти своей уже роздалъ сыновьямъ волости; мы знаемъ, что старшій сынъ его Владиміръ княжилъ въ Новгородѣ, имѣемъ полное право думать, что и другіе сыновья получили также волости, но не тѣ, которыя были

азначени предъ кончиною, или которыя они взяли сами по кончинѣ, сли не придерживаться буквально лѣтописнаго извѣстія; ясно, что режнею волостью Святослава былъ Владиміръ, а не Черниговъ, очно такъ какъ прежнею волостію Изяслава былъ Туровъ, что пря-е видно изъ свидѣтельства нѣкоторыхъ списковъ; но потомъ, по мерти старшаго Ярославича, Владиміра, Изяславъ, какъ наслѣд-икъ старшинства, получилъ Новгородъ.—О распорядкѣ между сы-овьями Ярослава см. изслѣдованіе въ Studien zur gründl. Kenntniss er Vorzeit Russlands, s. 113; также въ моей книгѣ: Истор. отн. ежду Рус. Кн. Рюр. Дома. стр. 68. и слѣд. Г. Погодинъ, (въ IV т. воихъ Изслѣдов.) старается изъ каждой волости княжеской сдѣлать аслѣдственное владѣніе, отчину для одной какой-нибудь линіи Яро-лавова потомства; при такомъ распредѣленіи отчинъ ему необходимо олженъ былъ представиться вопросъ: гдѣ же было отчина самой тарщей линіи, линіи Изяслава? Г. Погодинъ полагаетъ, что эта от-ина была Туровъ; основаніемъ послужили ему слова тѣхъ списковъ ѣтописи, въ которыхъ говорится, что, во время смерти Ярослава -го, старшій сынъ его Изяславъ княжилъ въ Туровѣ: «Изяславу въ Туровѣ Князящу»; но за то въ другихъ спискахъ находится извѣстіе, что Изяславъ княжилъ въ это время въ Новгородѣ. Г. Погодинъ от-ергаетъ послѣднее чтеніе, обвиняя г. Бередникова, зачѣмъ онъ внесъ ъ текстъ извѣстіе лѣтописей новѣйшихъ, а извѣстія о Туровѣ, на-одящіяся въ спискахъ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ, помѣстилъ ъ варіантахъ. Карамзинъ также читалъ: «въ Новгородѣ.» Но если тенie «въ Новгородѣ» есть чтеніе позднѣйшихъ списковъ, а чтеніе въ Туровѣ» древнѣйшихъ, то это одно обстоятельство еще ни-коль ко не можетъ рѣшить дѣла въ пользу послѣдняго; позднѣйшіе писки могли быть списаны съ древнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ. Надобно, лѣдовательно, по историческимъ даннымъ опредѣлять, какое чтеніе удетъ вѣрнѣе. Изяславъ былъ старшій сынъ Ярослава; но мы видимъ значала, что старшіе сыновья великихъ князей обыкновенно сидятъ ъ Новгородѣ. Такъ Владиміръ Св. посадилъ въ Новгородѣ старшаго ына своего Вышеслава, и когда тотъ умеръ, то перевелъ на его ѣсто Ярослава. Здѣсь сначала встрѣчается затрудненіе: почему же, о смерти Вышеслава, Владиміръ перевелъ въ Новгородъ не слѣду-щаго за нимъ по старшинству Святополка, который княжилъ въ Туровѣ? Это затрудненіе отстраняется свидѣтельствомъ Дитмара, что Святополкъ находился во враждѣ съ своимъ отцемъ, и даже въ за-ключеніи. Ярославъ посылаетъ въ Новгородъ старшаго сына своего, Владиміра, и когда тотъ умеръ, его мѣсто долженъ былъ занять тарщій по немъ Изяславъ; и вотъ мы въ самомъ дѣлѣ читаемъ:

въ лѣтописяхъ, что Изяславъ находился въ Новгородѣ во время предсмертной болѣзни отца своего. Мы видѣли, какъ объясняется несогласіе списковъ, что Изяславъ княжилъ въ Туровѣ: онъ дѣйствительно долженъ былъ княжить здѣсь, но прежде смерти брата своего Владиміра. Что Туровъ не могъ быть отчиною Изяслава и дѣтей его въ томъ смыслѣ, въ какомъ хочетъ этого г. Погодинъ, доказывается тѣмъ, что во время княженія Изяслава въ Кіевѣ, старшій сынъ его, Святополкъ, сидитъ въ Новгородѣ, а не въ Туровѣ; второй сынъ Ярополкъ, сидитъ въ Вышгородѣ, а не въ Туровѣ; Святополкъ остается въ Новгородѣ и во время княженія Всеволода, а младшему брату его, Ярополку, послѣдній даетъ Владиміръ Волынскій и въ придачу Туровъ — ясное доказательство, что этотъ городъ не былъ наслѣдственнымъ достояніемъ Изяславова потомства, а зависѣлъ отъ [illegible] князя. Понятно, что г. Погодину не нравится это извѣстіе о распоряженіи Всеволода, и онъ хочетъ перемѣнить смыслъ лѣтописи: «Ярополкъ (говоритъ онъ) вѣрно владѣлъ Туровомъ, а Всеволодъ придалъ его къ Володимерю, придавъ къ Турову». Но мы не можемъ предоставить автору права измѣнять смыслъ лѣтописей въ угоду любимой мысли. Передъ смертью Всеволода, Святополкъ переходитъ изъ Новгорода на югъ, поближе къ Кіеву, въ Туровъ, и тамъ, какъ ближайшій наслѣдникъ старшинства, дожидается дядиной смерти; точно также сдѣлалъ послѣ Мономаховъ сынъ Мстиславъ, перейдя передъ отцовскою смертью изъ Новгорода поближе къ Кіеву, въ Бѣлгородъ. Г. Погодинъ приводитъ въ свою пользу слова Давида Игоревича Святополку: «Аще ти отъидеть (Василько) въ свою волость, да увидиши, аже ти не заиметь градъ твоихъ Турова и Пиньска». Но городы Туровъ и Пинскъ были необходимы Святополковы, потому что они составляли часть Кіевскаго княжества, которымъ тогда владѣлъ Святополкъ; доказательствомъ тому служатъ слова Всеволода Ольговича Вячеславу Владиміровичу, который владѣлъ Туровомъ: «Сидиши въ Кіевской области, а мнѣ достоитъ». Г. Погодинъ говоритъ: «Важное затрудненіе представляется при разсмотрѣніи этого дѣленія (области сыновьями Ярослава): что же должно было быть отчиною старшему Ярославову сыну, Изяславу? на что имѣли право его дѣти послѣ смерти отца, когда Кіевскій столъ долженъ былъ достаться ихъ дядѣ, Черниговскому князю Святославу?» Не понимаемъ, для чего авторъ затрудняетъ себя вопросами, прямые отвѣты на которые даетъ намъ лѣтописецъ; по смерти Изяслава въ Кіевѣ началъ княжить братъ его Всеволодъ; что же досталось сыновьямъ Изяславовымъ? на это лѣтопись прямо отвѣчаетъ, что одинъ Изяславовъ сынъ княжилъ въ Новгородѣ, а другой во Владимирѣ Волынскомъ. — Надобно замѣтить

но Никон. сп. и Татищеву, Изяславъ также былъ на погребеніи вмѣстѣ съ Всеволодомъ.—Въ Воскрес. спискѣ (1,190) за извѣстіемъ о смерти Ярослава тотчасъ же помѣщено слѣдующее: «И по семъ раздѣлиша Смоленскъ на три части». Это трудное для объясненія извѣстіе можетъ показывать только одно, что извѣстный распорядокъ между Ярославичами послѣдовалъ не вдругъ.

28) Карамз. II, примѣч. 50.

29) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 75. Здѣсь, при описаніи дѣйствій волхвовъ сказано, что встали два волхва отъ Ярославля, пришли на Бѣлоозеро; сюда же явился отъ Святослава за данью Янъ, сынъ Вышатинъ, и разузналъ, что эти два волхва суть смерды князя его Святослава. Событіе поставлено въ лѣтописи подъ 1070 годомъ; но нельзя непремѣнно относить его къ этому году, потому что событіе очень легко могло быть разсказано только по связи его съ другимъ, именно съ явленіемъ волхва въ Кіевѣ, время котораго лѣтописецъ относъ къ 1070 году, хотя и то не очень опредѣленно: «въ си времена», говоритъ онъ вмѣсто болѣе опредѣленнаго: «въ се же лѣто». Если предположить, что Янъ оставался постоянно въ Кіевѣ, имѣя тамъ большое значеніе, какъ сынъ тысяцкаго, и самъ тысяцкій (тамъ, покрайней мѣрѣ, мы видимъ его въ 1089 году), то онъ могъ ходить отъ имени Святослава только тогда, когда этотъ князь сидѣлъ въ Кіевѣ послѣ изгнанія Изяслава; легко подумать, что Святославъ, сѣдши въ Кіевѣ и отдавши Всеволоду Черниговскую волость со всѣми принадлежностями, взялъ себѣ въ замѣнъ Бѣлозерскую и Ростовскую область.

30) Въ спискахъ то 24 года, то 28 и все неправильно, потому что былъ заключенъ въ 1036 году. Судиславъ умеръ въ Кіевѣ, и погребенъ при церкви св. Георгія, см. Арцыб. I, примѣч. 132.

31) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 92.

32) Объ этомъ сказано только въ Татищевскомъ сводѣ (II, 117); мы имѣемъ право принять извѣстіе, основываясь во 1) на томъ, что хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи и говорится, что Ростиславъ убѣжалъ въ Тмутаракань изъ Новгорода, за то въ другихъ не означено вовсе мѣста, откуда убѣжалъ. 2) По смерти Ростислава, сыновья его живутъ во Владимірѣ Волынскомъ: лѣтописецъ указываетъ намъ ихъ здѣсь; здѣсь они стараются утвердиться, враждуютъ съ другими князьями, которые также здѣсь ищутъ себѣ волостей.

33) Никон. I, 144; Воскр. I, 190. См. также приписъ къ Остромірову Евангелію. Что заставило Порѣя и Вышату бѣжать вмѣстѣ съ Ростиславомъ? страсть ли къ подвигамъ, приключеніямъ, личная ли

привязанность къ молодому князю, или наконецъ какія-нибудь такія неудовольствія? можетъ быть все это вмѣстѣ.

34) У Татищева приведена причина: они боялись мнѣнія Русскихъ.

35) Ростиславъ умеръ 3 февраля 1065 года, и похороненъ въ Тмутараканской церкви св. Богородицы. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 1065. Ростиславъ, по Татищеву, былъ женатъ на дочери Венгерскаго короля; по смерти мужа она хотѣла ѣхать къ отцу въ Венгрію; Изяславъ ее отпустилъ, но сыновей удержалъ на Руси.

36) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 2.—Карамз. II, прим. 118.

37) Это мѣстность спорная. Обыкновенно полагали (Карамз. Арцыб.), что Нѣмигою называется здѣсь Нѣманъ; но въ Минскѣ есть рѣка Немига, которая могла брать истокъ свой гдѣ-нибудь дальше; между Оршею и Друцкомъ, по древнему географическому отрывку, поставленъ городъ Немиза. Очень вѣроятно, что Ярославичи, взявши Минскъ, направляли путь къ сѣверовостоку, въ свои Смоленскія волости, гдѣ хотѣли провести весну, время неудобное для войны вслѣдствіе разлитія рѣкъ и таянія снѣга, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, но были настигнуты Всеславомъ. Другой споръ касательно мѣста Рши, гдѣ былъ схваченъ Всеславъ; лѣтописецъ говоритъ, что это было у Смоленска, основываясь на чемъ, нѣкоторые изслѣдователи никакъ не хотятъ признать здѣсь Оршу, по ея отдаленности отъ Смоленска; но Кіевскій лѣтописецъ имѣлъ полное право сказать, что Орша находилась у Смоленска, ибо онъ не зналъ ближайшаго къ ней и болѣе извѣстнаго города; впрочемъ указывается еще подобная мѣстность—Оршанскій Ямъ, не далеко отъ Краснаго, слѣд. ближе къ Смоленску, чѣмъ Орша (Карамз. IX, примѣч. 225).—Дѣло въ томъ, что въ лѣтописи указывается рѣка: на Рши.

38) По Татищеву, Ярославичи 3 марта пришли къ Немизѣ, а битва была 10 марта; въ дошедшихъ до насъ спискахъ битва была 3 марта.

39) По Татищеву, Ярославичи, послѣ битвы при Немизѣ раззорили Полоцкую волость; Всеславъ прислалъ просить мира; Ярославичи зазвали его для переговоровъ и захватили, по совѣту Святослава.

40) Половцы—Русскій переводъ Татарскаго Кипчакъ.

41) Слова изъ Половецкаго языка объясняются Татарскими. См. статью кн. Оболенскаго, въ Москвитянѣ. 1850, мартъ, кн. I.

42) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 70. Иде Всеволодъ на Торки; въ нѣкоторыхъ сп. прибавлено: «зимѣ къ Воиню». Что касается Воиня, то, по замѣчанію Гг. Надеждина и Неволина (см. изслѣд. Погод. IV, стр. 263), подобноименныхъ мѣстъ много въ Полтавской губерніи,

Если это не Войницы, означенныя Арцыбашевымъ, то всего вѣроятнѣе нынѣшняя Воинская Гребля, большое селеніе Золотоношскаго уѣзда, близь слiянія Сулы съ Днѣпромъ.

43) Извѣстіе о поселеніи плѣнныхъ Торковъ по городамъ находится только у Татищева; но мы внесли его въ текстъ, какъ достовѣрное, потому что иначе откуда же бы взялись Торки, о которыхъ такъ часто будетъ рѣчь въ послѣдствіи?

44) Я рѣшился ввести въ текстъ это мѣсто, которое находится только у Татищева, потому что оно совершенно вѣрно обстоятельствамъ: на тысяцкаго всего прежде народъ долженъ былъ обратить свой ропотъ, какъ на предводителя городовыхъ полковъ.

45) Арцыбашевъ (I, пр. 147) думаетъ, что этотъ дворъ принадлежалъ Полоцкимъ князьямъ, и былъ тотъ самый, гдѣ жила прежде Рогнѣда. Но почему же въ послѣднемъ случаѣ онъ не называется Рогнѣдинымъ, Изяславовымъ, а именно: Брячиславовымъ?

46) Своихъ, т. е. Кіевлянъ, посаженныхъ въ тюрьму Изяславомъ. Изъ лѣтописи видно ясно, что сначала хотѣли отворить и дѣйствительно отворила только одну общую тюрьму, гдѣ содержались простые граждане; потомъ уже, послѣ спора съ Изяславомъ рѣшили, что съ послѣднимъ дѣлать нечего, нужно себѣ добыть другаго князя, вслѣдствіе чего и былъ освобожденъ Всеславъ. Слѣд. не нужно вмѣстѣ съ Арцыбашевымъ предполагать, что выпущенные прежде изъ тюрьмы были сообщники Всеслава.

47) Не забудемъ, что это выраженіе: безчисленное мы должны принимать относительно.

48) Рѣка Сновъ впадаетъ въ Десну съ правой стороны въ Черниговскомъ уѣздѣ; гдѣ находился на ней городъ Сновскъ — неизвѣстно.

49) См. Слово о Полку Игореву.

50) Лѣтописецъ молчитъ о судьбѣ Всеволода послѣ бѣгства его изъ Кіева вмѣстѣ съ Изяславомъ: видно, что онъ не пошелъ съ нимъ въ Польшу. Не могутъ ли дополнить намъ это извѣстіе слова Мономаха въ завѣщаніи: «Первое Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску, и паки второе къ Смолиньску со Ставкомъ Скордятичемъ, той паки и отъиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску; то и Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы то и посласта Берестію брата на головнѣ, идѣ бяху пожгли, то и ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по велицѣ дни изъ Переяславля же Володимерю, на Сутейску мира творить съ Ляхы. Оттуда паки на лѣто Володимерю опять». Можно думать, что Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава, искалъ убѣжища въ

волостяхъ Святославовыхъ, именно въ Курскѣ, опасаясь жить въ Переяславлѣ, а сына послалъ на сѣверъ въ Ростовъ, потомъ Мономахъ отправился въ Смоленскъ со Ставкомъ Скордятичемъ, который изъ Смоленска отправился къ Бресту съ Изяславомъ: здѣсь намекъ на удаленіе Изяслава въ Польшу черезъ Брестъ, ибо мы не знаемъ никакого другаго похода Изяслава къ этому городу. Потомъ, когда Половцы, послѣ пораженія при Сновскѣ, очистили Русь, Всеволодъ возвратился въ Переяславль; что же касается до мира съ Поляками на Сутейску, то можно думать, что Святославъ и Всеволодъ послали Мономаха договариваться съ Болеславомъ и Изяславомъ на счетъ Кіева. Что касается до Сутейска, то по Ходаковскому, есть и теперь село Сутиски, на лѣвомъ берегу восточнаго Буга, Подольской губерніи въ Винницкомъ повѣтѣ, и деревня Сутескъ, въ Красноставскомъ повѣтѣ.

51) О разсказахъ Польскихъ лѣтописцевъ о Болеславовомъ походѣ и пребываніи въ Кіевѣ, см. Roepell, Gesch. Polens, I, 193.

52) Изяславъ же възгна торгъ на гору. На основаніи союза же соединяютъ эти извѣстія съ предыдущимъ, и видятъ въ этомъ мѣру князя противъ будущихъ волненій народныхъ; но Татищевъ (II, 124) прямо говоритъ, что Изяславъ не хотѣлъ, чтобъ торгъ и народное сборище было на низу, въ отдаленіи отъ его дома.

53) Жителей Вотской пятины.

54) Замѣчательно, что Всеславъ нашелъ убѣжище и помощь среди Финскаго племени, ближайшаго къ Новгороду и издавна находившагося съ нимъ въ соединеніи.

55) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 2. Новгородцы же поставиша пълкъ противъ ихъ (т. е. Вожанъ; въ рукописи вырванъ уголъ, и потому недостаетъ словъ: приде Всеславъ съ Вожаны), у Звѣриньця, на Къземли». Въ другихъ лѣтописяхъ на Гзени; Гзенью назыв. мѣсто въ самомъ Новгородѣ. Карамз. II, пр. 125; Арцыб. I, пр. 156. Что такое звѣринецъ? вѣроятно мѣсто, гдѣ продавали живыхъ звѣрей.— Здѣсь представляется еще вопросъ: какимъ образомъ Новгородъ перешелъ къ Глѣбу Святославичу? Карамзинъ (II, прим. 118), на основаніи лѣтописи XV в. (въ Синодал. библ. N 349), гдѣ сказано: «въ Новгородѣ Изяславъ посади сына своего Мстислава и побѣдиша и на Черехѣ, и бѣжа къ Кыеву, и по взятіи града преста рать», догадывается, что Мстиславъ, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Кіевъ; и точно мы видимъ его на югѣ: онъ раздѣляетъ изгнаніе отца, его Изяславъ посылаетъ прежде себя для наказанія Кіевлянъ, выпустившихъ Всеслава. По всѣмъ вѣроятностямъ, послѣ того какъ захватили Всеслава на Рши, Изяславъ взялъ себѣ его волость По-

лоцкъ, гдѣ и посадилъ своего сына, а Новгородъ уступилъ Святославу, который послалъ туда Глѣба.—Всеслава отпустили ради Бога; нѣкоторые изслѣдователи сомнѣваются въ такомъ великодушіи Новгородцевъ; но изъ Новгородской исторіи мы знаемъ, что граждане никогда не позволяли себѣ жестокостей съ враждебными князьями; Всеславъ былъ богатырь, внушалъ къ себѣ всеобщее уваженіе, объ немъ ходили дивныя преданія, притомъ былъ несчастливъ, дядья поступили съ нимъ вѣроломно, и теперь не давали ему покоя; въ первый разъ случилось Новгородцамъ видѣть въ своихъ рукахъ плѣннаго Князя-богатыря; нѣтъ ничего удивительнаго, что они увлеклись непосредственнымъ чувствомъ, и отпустили Всеслава ради Бога, взявши, разумѣется, съ него клятву, что не будетъ болѣе нападать на Новгородъ. Историкъ не долженъ отрицать возможности такого непосредственнаго чувства, которое очень часто встрѣчается.

56) Голотическъ упоминается въ древнемъ географическомъ отрывкѣ въ числѣ городовъ Литовскихъ.

57) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 78: Изяславъ же иде въ Ляхы съ имѣньемъ многымъ, глаголя: «яко симъ налѣзу вои». Еже все взяша Ляхове у него, показавше ему путь отъ себе.—Что Ляхи взяли не все, доказываютъ дары, поднесенные Изяславомъ Императору; что взяли однако, доказываетъ письмо Папы къ Королю Польскому.—Мы видѣли, что при первомъ изгнаніи Изяслава, народъ разграбилъ княжескую казну: какими же средствами Изяславъ могъ, въ такое короткое время послѣ своего возвращенія, пріобрѣсть опять значительное богатство? Должно быть онъ успѣлъ возратить все пограбленное.

58) Lamberti Schafnaburgensis Chronicon, p. 380, ann. 1075.—Мы не должны также упустить изъ виду Татищевскаго извѣстія, что за Болеславомъ была дочь Святослава.

59) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103.

60) Histor. Russiae Monum. I, N 1, 2.

61) Татищ. II, 140.

62) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103. Мономахъ говоритъ о себѣ «И Святославъ умре, и язъ пакы Смолиньску, а и Смолиньска той же зимѣ та къ Новугороду, на весну Глѣбови въ помочь.»

63) Ходаковскій пріурочиваетъ это мѣсто къ рѣкѣ Одрову, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны въ Копысскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи.

64) По всѣмъ вѣроятностямъ, Давидъ княжилъ въ Переяславлѣ: такъ слѣдовало по счету.

65) Изгнанный Глѣбъ убитъ былъ далеко на сѣверѣ въ странахъ Чуди Заволоцкой. Объ изгнаніи Глѣба см. лѣтопись во II-мъ томѣ продолж. Древ. Вивліоѳ. «И посади Святослав...... всего Глѣба. И выгнаша... и бѣжа за волокъ, и у...... и Чудь». Пропуски эти дополняются тождественною съ напечатанною въ Вивл. лѣтописью, находящеюся въ Румянц. музеѣ подъ N CCXLIX: «И посла Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша изъ города и бѣжа за Волокъ и убиша и Чудь». См. Арцыб. I, пр. 181.

66) Карамз. II, 135.

67) Татищ. II, 133.

68) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88: «Володимеръ же приступи ко вратамъ всточнымъ, отъ стреженій отя врата». Рѣчка Стряжень течетъ въ самомъ Черниговѣ. Арцыб. I, прим. 185.

69) См. прим. 199.

70) Ярослава погребли точно также, въ ракѣ мраморной.

71) Если Всеволодъ признавалъ изгнаніе Изяслава справедливымъ, признавъ старшинство Святослава законнымъ, то какимъ же образомъ потомки Всеволода могли считать это старшинство незаконнымъ? Въ такомъ случаѣ они обвиняли бы своего предка, какъ участника въ беззаконіи? Развѣ мы не видимъ въ послѣдствіи, что Всеволодовичи, домогаясь отнять у Святославичей право на старшинство, ни слова не говорятъ о беззаконномъ старшинствѣ Святослава, а выставляютъ только какое-то завѣщаніе Ярослава 1-го, по которому князья восточныхъ областей не должны были вступаться въ западныя. Ясно, что у Всеволодовичей не было никакого права исключать Святославичей изъ старшинства, что они, пользуясь правомъ сильнаго, выставляли только странные предлоги.

72) Подобноименныхъ мѣстъ въ нынѣшней Полтавской губерніи много. См. Арцыб. I, пр. 190; Карамз. II, 145; Погод. Изслѣд. IV, стр. 263.

73) Татищ. II, 136.

74) Хожденіе игумена Даніила.

75) Studien— Еверса, стр. 238.

76) Сколько? Ростиславичей было трое: Рюрикъ, Володарь и Василько; въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано только двое—предполагается Рюрикъ и Василько, если Володарь еще не возвратился изъ Тмутаракана; но въ нѣкоторыхъ сказано просто Ростиславичи (Кёнигсб.) и прибавленъ Давидъ: «выбѣгоста Ростиславича два отъ Ярослава» и «выбѣгоста Ростиславичи Давидъ и Ярополкъ»; смѣна легка, но мы предпочитаемъ чтеніе Ростиславича два какъ труднѣйшее.

77) Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. Въ се же ремя выбѣгоста Ростиславича 2 отъ Ярополка, и пришедше прогаста Ярополка.—Ни откуда не слѣдуетъ, чтобъ Ростиславичи овладѣли Владимиремъ въ отсутствіе Ярополка, иначе какъ могло быть казано, что пришедши они прогнали этого князя; можно только допустить, что они убѣжали въ его отсутствіе; но у Татищева читаемъ, что Ярополкъ на Великъ день приходилъ уже въ Кіевъ жаловаться на изгнаніе.

78) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88 и 103.—И пакы по Изяславичихъ за Микулинъ и не постигохомъ ихъ. — Но что же это за Изяславичи? Святополкъ былъ въ Новгородѣ! Мы думаемъ, что должно читать Ростиславичи вмѣсто Изяславичи.—Есть мѣстечко Микулинцы, Подольской губерніи, Винницкаго повѣта, и еще городъ ниже Тарнополя и выше Струсова.

79) На рѣкѣ Горынѣ, близь Ровна. Арцыб. I, пр. 201.

80) Татищ. II, 137.

81) Прибавленіе нужное для вѣрности характеру, который послѣ придавъ Ярополку.

82) Уѣздный городъ Волынской губерніи, на рѣкѣ Стырѣ.

83) По извѣстіямъ Польскихъ лѣтописцевъ, Червенскіе города, взятые Болеславомъ II, были возвращены Ростиславичами. Арцыб , пр. 218.

84) Здѣсь можетъ быть рѣчь только объ одномъ какомъ-нибудь изъ четырехъ Звенигородовъ Галицкихъ. См. Изслѣд. Погод. IV, р. 152.

85) Мы распространились объ этомъ событіи потому, что существуетъ цѣлая статья о смерти Ярополка Изяславича, авторъ которой старался оправдать совершенно Ростиславичей и сложить вину на Давида (Соврем. т. XVI, отд. II). Уваженіе, питаемое нами къ ученымъ трудамъ автора статьи, заставило насъ подробнѣе коснуться ея предмета.

86) Что слова лѣтописца: «Ходи Всеволодъ къ Перемышлю» означаютъ воинскій походъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію: иначе на чего ходилъ Всеволодъ? Великій Князь не могъ ходить просто на свиданія къ младшему. У Татищева В. Князь предпринялъ походъ на Ростиславичей по жалобамъ Святополка Изяславича и Давида Игоревича, дошелъ до Звенигорода, послалъ за Ростиславичами, и помирился съ ними. (II, 140).

87) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 130: «Пожегъ землю и повоевалъ до Лукомли и до Логожьска, та на Дрьютьскъ вою. Лукомль—мѣстечко Могилевской губерніи, Сенинскаго уѣзда; Друцкъ—мѣстечко

Могилевскаго уѣзда; Логойскъ—Минской губерніи, въ Борисовскомъ уѣздѣ, на р. Гойнѣ, впадающей въ Березину.

88) Слово о Полку Игореву.—Въ извѣстіи о молодой дружинѣ Всеволода и тіунахъ въ разныхъ спискахъ находятся разныя чтенія, въ однихъ: «Начаша тіуни грабити»; въ другихъ: «начаша ти уніи» (молодые, о которыхъ говорилось передъ этимъ. П. С. Р. Л. I, 93.)

89) Такъ въ 1071 году они воевали у Ростовца и у Неятина (мѣстоположеніе этихъ городовъ спорное: одни полагаютъ на западной, другіе на восточной сторонѣ Днѣпра, т. е. одни въ Кіевской, другіе въ Черниговской волости; см. Изслѣд. Погод. IV, стр. 148). Подъ 1092 годомъ читаемъ: «рать велика бяше отъ Половець и отвсюду: взяша 3 грады, Пѣсоченъ, Переволоку, Прилукъ, и много села воеваша, по обѣма странама»;—всѣ три мѣста въ Переяславской волости, въ нынѣшней Полтавской губерніи, на рѣкѣ Удаѣ.

90) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103.

91) Здѣсь можетъ быть только вопросъ: какимъ образомъ самъ Изяславъ предпринималъ походъ противъ Голядей? изъ соображенія лѣтописныхъ извѣстій можно полагать, что Великій Князь все это время находился самъ на сѣверѣ, въ Смоленскѣ, Псковѣ и сосѣднихъ мѣстахъ.

92) Въ дошедшихъ до насъ спискахъ говорится кратко о взятіи Мурома Болгарами безъ объясненія причинъ и слѣдствій; но Татищевъ, основываясь на Нижегородскомъ и Макарьевскомъ спискахъ, говоритъ, что по Окѣ и Волгѣ въ это время были сильные разбои, вредившіе Болгарской торговлѣ; Болгары прислали къ князю Олегу и брату его Ярославу Святославичамъ, которымъ, по Татищеву, принадлежала въ это время Тмутаракань, Рязань и Муромъ, просить на разбойниковъ, но не получа управы, пошли на Муромъ, и взяли его.—Извѣстіе это очень любопытно и очень вѣроятно: нѣтъ основанія отвергать, чтобъ въ это время не было ушкуйничества, которое мы увидимъ въ такой силѣ послѣ.

93) Владиміръ самъ говоритъ въ началѣ поученія своего дѣтямъ: «Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословенымъ, славнымъ, нареченъ въ крещеніи Василій, Русьскымъ именемъ Володимиръ, отцемъ возлюбленымъ и матерью своею Мьномахъ».—Изъ этихъ словъ видно, что «Мономахъ» не былъ прозваніемъ, но именемъ, даннымъ при рожденіи, точно такимъ же, какими были Владиміръ и Василій; Ярославъ хотѣлъ назвать первенца внука отъ любимаго сына Владиміромъ—Василіемъ въ честь отца своего; отецъ и мать Мономахомъ

въ честь дѣда по матери, императора Греческаго; естественно, что Всеволодъ гордился происхожденіемъ сына своего отъ царя.

94) У Татищева читаемъ, что Кіевляне просили Мономаха остаться у нихъ княжить.

95) Русск. Достопамят. I, стр. 63: И видятъ вси и чюдяться.

96) Тамъ же, стр. 69.

97) Тамъ же, стр. 63: Митрополитъ Никифоръ говоритъ о Мономахѣ: «Его же Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царской и княжеской крови смѣсивъ.»

98) Мы видѣли, что когда Святополкъ пришелъ въ Кіевъ, то Владиміръ отправился въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ въ Переяславль; изъ этого уже одного извѣстія имѣемъ право заключить, что эти столы были прежде за ними при Всеволодѣ, но кромѣ того лѣтописецъ прямо говоритъ, что Всеволодъ, заступивъ мѣсто Изяслава въ Кіевѣ, посадилъ сына своего Владиміра въ Черниговѣ; потомъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Мономахъ, примирившись съ Ярополкомъ, возвратился въ Черниговъ. Но самъ Мономахъ въ поученіи дѣтямъ говоритъ: «И на весну посади мя отець въ Переяславли передъ братьею», тогда какъ изъ прежнихъ словъ того же поученія видно, что онъ сидѣлъ въ Черниговѣ, ибо ходилъ въ походъ съ жителями этого города, что слѣдовательно подтверждаетъ слова лѣтописи. Но какимъ же образомъ могло случиться, что Всеволодъ далъ ему Переяславль послѣ Чернигова, когда Черниговъ былъ старше Переяславля, и что значитъ «передъ братьею», когда у Владиміра былъ только одинъ братъ Ростиславъ? Развѣ принимать здѣсь временное посаженіе для войны съ Половцами, но тогда что будетъ значить: передъ братьею! впереди братьевъ, въ передовой рати? или, можетъ быть, здѣсь ошибка: вмѣсто: «передъ братіею» должно читать: «передъ ратію.»??

99) Теперь селеніе Торчица, на берегу Торчи, впад. слѣва въ Рось.

100) Трипольe, мѣстечко при устьѣ рѣки Стугны. Кіев. уѣзда.

101) Между Бѣлгородкой и Кіевомъ, на рѣчкѣ, называемой нынѣ Борщатовкой, есть селеніе: Жиляне.

102) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103: Миръ створихомъ съ Туорканомъ и со инѣми князи Половечьскыми, и у Глѣбови чади поимомъ дружину свою всю.—Любопытно, что здѣсь Глѣбъ имя Полоцкое.

103) Въ словѣ о Полку Игореву Олегъ названъ Гориславичемъ: по связи послѣдующихъ выраженій должно думать, что онъ въ народномъ

мнѣніи былъ славенъ не своимъ, но чужимъ городомъ; такъ смотритъ на него и лѣтописецъ.

104) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 104: И идохомъ на вои ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе.—Есть селеніе Римъ, значащееся на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго.

105) Я внесъ сюда извѣстіе списковъ Татищевскихъ (II, 153), безъ котораго въ лѣтописи не будетъ связи между приходомъ Славяты и совѣтомъ Ратиборовичей.

106) Я принимаю здѣсь чтеніе чадъ въ смыслѣ родни, а не дружины, ибо увидимъ послѣ, что главнымъ дѣйствователемъ будетъ сынъ Ратибора; притомъ что за дружина Ратиборова?

107) У Татищева прямо такъ сказано. II, 155.

108) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 104: И вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ.—Теперешнее мѣстечко Голтва находится при впаденіи въ Пселъ (Полтав. губ. Кобыляцкаго уѣзда) рѣчки Большой Голтовы, которая принимаетъ въ себя нѣсколько другихъ Голтвъ.

109) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 3.

110) Татищ. II, 156.

111) Эти слова вовсе не доказываютъ существованія безусловной отчинности, какъ хотятъ нѣкоторые изслѣдователи. Олегъ занималъ между двоюродными братьями то же самое мѣсто, какое отецъ его занималъ между Ярославичами, слѣд. онъ имѣлъ право владѣть и всѣми волостями послѣдняго.

112) Дядя племяннику также считался отцемъ, см. выше первую главу.

113) Этими словами Мономахъ прямо говоритъ, что Изяславъ занялъ волости Святославичей безъ его вѣдома и согласія.

114) Стало быть В. кн. Всеволодъ посадилъ ихъ тамъ.

115) «А его же то и хощеши насильемъ, тако вѣдаяла у Стародубаи Милкусяюча по тебѣ отчину твою».—Здѣсь вся запутанность произошла отъ слитнаго написанія двухъ словъ вѣ (мы) даяла (давали) двойственное число, т. е. мы съ Святополкомъ давали тебѣ и у Стародуба еще Рязань и Муромъ, что теперь ты хочешь взять насиліемъ. Милкусяюча есть явно искаженное милующися.

116) Это было 5 ноября, а именины были 8-го; Святополка звали Михаиломъ.

117) Быть можетъ, нынѣшняя деревня Здвижка, на рѣкѣ Здвижѣ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

118) Т. е. родичи не ослѣпляли еще другъ друга; погибали князья въ бою; было подозрѣніе, что Ярополкъ Изяславичъ погибъ отъ

Ростиславичей; но подозрѣніе только, притомъ здѣсь была также сильная вражда, смута; Всеславъ былъ схваченъ вѣроломно, но не ослѣпленъ; но никогда еще не было такого вопіющаго вѣроломства и насилія.

119) Можетъ возникнуть вопросъ: зачѣмъ Кіевляне удержали Святополка отъ бѣгства, имъ должно было быть пріятно избавиться отъ такого князя? Но они хорошо помнили слѣдствія изгнанія отца Святополкова; хорошо знали, что Святополкъ будетъ стараться всѣми силами добыть себѣ опять свой столъ, слѣдствіемъ чего будутъ усобицы, за которыми попленятся города и села, и особенно ихъ городъ; усобица княжеская была страшнѣе всего, потому что ею пользовались Половцы.

120) Всеволожь—быть можетъ нынѣшнее селеніе Воложки, въ 12 верстахъ отъ Ковеля, города Волынской губерніи. Шеполь—есть селеніе Шепель въ Луцкомъ уѣздѣ Волынской губерніи, въ 18 верстахъ отъ уѣзднаго города, на рѣкѣ Ставѣ, впадающей въ Стырь. Перемиль—есть Перемиль въ Дубенскомъ повѣтѣ, къ сѣверо-востоку отъ Берестечка, на Стырѣ.

121) Теперь Бускъ, мѣстечко въ Золочовскомъ округѣ Галиціи, на правой сторонѣ Западнаго Буга.

122) Татищ. II, 185.

123) Мѣстечко Волынской губерніи, Ковельскаго уѣзда, на рѣкѣ Турьѣ.

124) Татищ. II, 187.

125) У Татищева прямо такъ читаемъ. II. 188.

126) Арцыбаш. указываетъ на Рожемполь, мѣстечко Волынской губерніи, Владимірскаго повѣта.

127) У Татищева (II, 189) читаются любопытныя слова Ростиславичей, сказанныя Святополку передъ началомъ битвы: «Дѣдъ нашъ Владиміръ былъ старѣйшій братъ отцу твоему, а отецъ нашъ старѣйшій тебѣ, и по смерти дѣда нашего Владиміра отецъ твой съ братьею—Святославомъ и Всеволодомъ дали отцу нашему Владиміръ со всею Червенскою землею, а себѣ взяли другіе удѣлы, болѣе нежели отцу нашему дали, и утвердили ротою, какъ мы имѣемъ отца твоего грамоты. По смерти отца нашего мы хотя малы осталися, но отецъ твой и Святославъ, помня свою къ отцу нашему роту, Владиміра у насъ не отнимали; но какъ отецъ твой умеръ, то братъ твой Ярополкъ, преступя отцево клятвенное обѣщаніе, и стрыя своего Всеволода увѣщаніе, насъ Владиміра лишилъ, и мы уже довольни были тѣмъ, что намъ тогда дали, и братъ твой клятвою утвердилъ. Мы болѣе того отъ тебя не требуемъ, и когда ты своимъ не дово-

лемъ, и хочешь насъ отцовскаго владѣнія лишить, то оставляемъ на судъ Божій, кому Онъ хочетъ, тому дастъ, а мы тебѣ не дадимъ ни села, но просимъ пока, помня клятвенное обѣщаніе отца своего, и свою на съѣздѣ данную роту, оставить насъ въ покоѣ, а мы какъ тебя ничѣмъ не оскорбили, и всегда тебя почитаемъ, яко старѣйшаго, то всегда обѣщаемъ сохранить.»

128) Число Венгерскаго войска въ нашихъ лѣтописяхъ до крайности преувеличено до 100,000, а число погибшихъ до 40,000. Вѣроятнѣе извѣстія Бѣльскаго и Стрыйковскаго, полагающихъ 8000 всего войска. И то будетъ много, если возьмемъ въ соображеніе малочисленность Русскихъ и Половцевъ; впрочемъ успѣхъ послѣднихъ объяснится, если прочтемъ извѣстіе Татищева (II, 192), что Володарь, узнавши о прибытіи Давида и Бонява, сдѣлалъ, съ своей стороны, вылазку изъ Перемышля и ударилъ на станъ королевскій; это окончательно разстроило Венгровъ.

129) Сутейскъ — подобныя названія мѣстъ встрѣчаются теперь, но вдалекѣ отъ описываемой сцены дѣйствія; Червенъ—полагаютъ нынѣшнее мѣстечко Червоногородъ, въ Чортовскомъ округѣ, при рѣкѣ Дзурошъ, впадающей въ Днѣстръ.

130) Выгошевцы, жители города Выгошева. Указываютъ теперь подобнозвучащія мѣстности; изъ нихъ можно принять къ соображенію только деревни Выжовку и мѣстечко Выжву въ Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губерніи.

131) Причиною такой оплошности Давидовой у Татищева полагается надежда его на слово Святоши. Удивительно, какъ всѣ эти князья безпрестанно нарушали свои клятвы и все еще надѣялись на нихъ.

132) Полагаютъ это мѣсто на рѣкѣ Вѣтѣ, Журн. Мин. Внут. Дѣлъ. 1849, № 6.

133) Нѣтъ никакого основанія читать: въ Бужскомъ острогѣ вмѣсто въ Бужскѣ, въ острогѣ; Бужскъ встрѣчали мы прежде безъ прибавленія—острогъ, притомъ же Острогъ находится подлѣ городовъ, данныхъ Давиду—Бужска, Дубна и Черторыйска. Дубно, городъ Волынской губерніи, Черторыйскъ—мѣстечко той же губерніи, Луцкаго уѣзда, на рѣкѣ Стырѣ.

134) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 100: Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моея на Волзѣ, говоритъ Мономахъ, рѣша: «потъсnися къ намъ, да выженемъ Ростиславичи и волость ихъ отъимемъ; аже ли не поидеши съ нами, то мы собе будемъ, а ты собѣ.» И рѣхъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити.»

135) Тамъ-же, стр. 116: Въ лѣто 6608. Выиде Мстиславъ отъ Давида на море, мѣсяца iюня въ 10. Томъ-же мѣсяци (читай: лѣтѣ). Братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давидъ, Олегъ, въ Увѣтичихъ, мѣсяца августа въ 10 (14) день. Тогоже мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сняшася... и приде къ нимъ Игоревичь Давидъ.—Нѣтъ слѣд. никакого основанiя думать, что князья собрались 10 августа и до 30 дожидались Давида.

136) Ников. II, 32: И начаша посылати по Давида Игоревича, любовiю вадяще его къ себѣ, и обѣщевающе ему стольный градъ Володимеръ.

137) И ять и на Нурѣ; рѣка впадающая въ Бугъ въ Гродненской губернiи.

138) Братъ его—Вячеславъ Ярополчичь умеръ въ 1104 году.

139) И Устье пожже.—Вѣроятно устье Трубежа.

140) Задомъ, а не за домъ, какъ напечатано въ Пол. Собр. I, 99.

141) На лѣвомъ берегу Днѣпра, недалеко отъ Переяславля, быть можетъ нынѣшнее село Сальковъ.

142) Подробности одного и того же событiя разсказаны въ Лавр. спискѣ подъ 1103 годомъ, а въ Ипатьев. отнесены къ 1111.

143) Уѣздный городъ Полтавской губернiи.

144) Тамъ-же, II, 206.

144) Воскрес. I, 254.

146) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 155.

147) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 3: Подъ 1105 годомъ: «Идоша въ Ладогу на войну».—Подъ 1111: Ходи Мстиславъ на Очелу. Эта Очела есть Отела, Чудское племя, упоминаемое въ 1229 году въ договорѣ между Дерптскимъ Епископомъ Германомъ и Нѣмецкимъ Орденомъ; см. Шегрена — Ueber die ältesten Wohnsitze der Iemen, стр. 312.—Подъ 1112: Побѣди Мьстиславъ, на Бору, Чудь.

148) Татищ. II, 190: Борисъ Всеславичь Полоцкiй ходилъ на Ятвягъ и побѣди ихъ, возвратясь, поставилъ градъ Борисовъ въ свое имя, и людьми населилъ. Въ 1106 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 120): Побѣдиша Зимѣгола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша 9 тысящъ. Подъ 1112 (II, 3): Ярославъ ходи на Ятвязи, сынъ Святополчь, и побѣди я.

149) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 119; годъ 1110: Бися Ярославъ съ Мордвою, и побѣженъ бысть Ярославъ. Въ Новгор.: Побѣдиша Ярослава Мордва Муромѣ.

150) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 115.—По Никон. (II, 33) и Татищеву (II, 191) и второй сынъ, Ярославъ былъ также отъ этой

наложницы; быть может, уменьшительныя: Мстиславецъ, Ярославецъ, какъ ихъ называли; указывали на ихъ происхожденіе.

151) Татищ. II, 211: Сей великій князь былъ ростомъ высокъ, сухъ, волосы черноваты и прямы, борода долгая, зрѣніе остро. читатель былъ книгъ, и вельми памятенъ, за многая бо лѣта бывшая, могъ сказать, яко написанное; болѣзней же ради мало ѣлъ, и весьма рѣдко, и то по нуждѣ для другихъ упивался; къ войнѣ не былъ охотникъ, и хотя на кого скоро осердился, но скоро и занамятовалъ; при томъ вельми сребролюбивъ былъ и скупъ, для котораго жидамъ многіе предъ христіаны вольности далъ, чрезъ что многіе христіане торгу и ремеслъ лишилися. Наложницу свою поялъ въ жену, и тако ее любилъ, что безъ слезъ на малое время разлучиться не могъ, и много ея слушая, отъ князей терпѣлъ поношеніе, а часто и вредъ съ сожалѣніемъ; и ежели бы Владиміръ его не охранялъ, тобъ давно Кіева Святославичами лишенъ былъ. — У Татищ. (II, 156) къ княженію Святополкову относится походъ на Корсунцевъ: «Корсуняне, напавъ на Русскіе корабли, разбили и многое богатство пограбили, о чемъ Святополкъ и Владиміръ посылали къ царю Алексію просить и къ Корсунянамъ, но не получили достойнаго награжденія, для котораго Владиміръ съ Давидомъ Игоревичемъ и Ярославомъ Ярополчичемъ имѣющимъ войска Святополковы, къ тому же взявъ Торковъ и Козаровъ, пошелъ въ Корсунь, и сошедшись съ войски Корсунскими у града ихъ Кафы побѣдилъ, по которомъ Корсуняне, заплатя всѣ убытки Владиміру, миръ испросили.» — Здѣсь Татищ. ссылается на Степенныя, Стрыйковскаго и рукопись Волынскаго.

152) Патер. Печер. листъ 141, 144, 145.

153) Ср. послѣ слово Ольговичей Давидовичу о волостяхъ.

154) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 4: Съвѣтъ створиша Кіяне, послаша къ Владимеру, глаголюще: «пойди, Княже, на столъ отенъ и дѣденъ.» — Татищ. II, 211: По смерти его (Святополка) Кіевляне сошедшись къ церкви св. Софіи, учинили совѣтъ о избраніи на великое княженіе, на которое безъ всякаго спора всѣ согласно избрали Владиміра Всеволодича. — При этомъ прибавляетъ въ примѣчаніи (359): Сіе избраніе Государя погрѣшно внесено; ибо по многимъ обстоятельствамъ видимъ, что силы Кіевлянъ въ томъ не было, и брали сущіе наслѣдники по закону или по завѣтамъ или силою. — Вотъ лучшее доказательство добросовѣстности Татищева: ему не нравился фактъ избранія, и однако онъ оставилъ его въ текстѣ.

155) Татищ. II, 212.

156) См. выше, примѣч. 16.

157) Татищ. 213: Здѣсь читаемъ, что Владиміръ созвалъ князей, и на общемъ совѣтѣ положили выгнать Жидовъ изо всей Русской земли. Этому извѣстію противорѣчитъ извѣстіе лѣтописи подъ 1124 годомъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 10) о пожарѣ, во время котораго погорѣли въ Кіевѣ и Жиды.—Впрочемъ прежнее мѣсто жительства Жидовъ могло долго удерживать ихъ имя.

158) Теперь уѣздный городъ Минской губерніи.

159) Полтавской губерніи, въ Золотоношскомъ уѣздѣ, на р. Сулѣ, не далеко отъ устья ея въ Днѣпръ, находится старинное мѣстечко Жовнинъ, или Жолнинъ.

160) По Татищеву (II, 222) Глѣбъ началъ опять воевать Новгородскую и Смоленскую волости; Владиміръ послалъ на него сына своего Мстислава, который и отнялъ у него Минскъ.

161) Никон. II, 53: Бяше бо негодуя внуку его Ярославецъ Мстиславлю дщерь.

162) По свидѣтельству анонимнаго автора Vitae S. Ottonis (Ludwig, Script. rer. Bamberg. p. 649—50) передъ бракомъ этимъ была война у Святополка съ Болеславомъ; если это извѣстіе вѣрно, то поводомъ къ войнѣ должно положить дѣло племянника Святополкова, Ярослава Ярополчича, которое велось на Польскихъ границахъ, и тутъ могли возникнуть непріязненныя столковенія.

163) Збигнѣвъ, изгнанный Болеславомъ съ помощію Ярослава, нашелъ однако убѣжище при дворѣ святополка Кіевскаго и былъ примиренъ имъ съ братомъ: Полн. Собр. Русс. Лѣт. I, 120; подъ годомъ 1106: Въ тоже лѣто прибѣже Избыгнѣвъ къ Святополку.

165) Татищ. II, 219. Что это извѣстіе Татищева справедливо, доказательствомъ служатъ слова Мономаховы въ лѣтописи: «веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову» ясно, что прежде Ярославъ не приходилъ на зовъ.

165) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 9: Володаря яша Ляхове лестью, Василькова брата, Roepell—Geschichte Polens, I, 266.—Жур. Мин. Нар. Просв. 1836, № 10.

166) Мы видѣли, что и прежде такія дѣла обыкновенно поручались иностранцамъ, Варягамъ, Торкамъ; вспомнимъ убіеніе Ярополка Святославича, св. Глѣба, ослѣпленіе Василька. Въ Ипатьев. спискѣ не сказано, откуда вышли два Ляха; въ Воскрес. (I, 263) сказано, что изъ города; въ Никон. II, 55, что граждане, вышедши изъ города, убили Ярославв.

167) Полн. Соб. Русск. Лѣт. I, 130, 131.

168) Тамъ же, II, 8.

169) Воскрес. I, 258.

170) Иной напр. Даниилъ заточникъ называетъ Юрія Долгорукаго сыномъ Великаго Царя Владиміра.

171) Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 9: Ведена Мьстиславна въ Греки за царь: царемъ былъ тогда Іоаннъ Комненъ, слѣд. напрасно обвиняетъ Карамзинъ Татищева за поставленіе здѣсь императора Іоанна; если кто ошибся, такъ лѣтописецъ, а не Татищевъ. — Что же касается здѣсь зятя Мономахова и сына Діогенова, то его должно отдѣлять отъ самозванца, о которомъ говоритъ Анна Комнена: по ея словамъ обманщикъ былъ сосланъ въ Херсонъ, освобожденъ оттуда Половцами, привелъ послѣднихъ во Ѳракію, былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ въ 1096 году. Это событіе знаетъ и наша лѣтопись: подъ 1095 годомъ читаемъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 97): Идоша Половци на Грьки съ Девгеневичемъ (Діогеновичемъ), воеваши по Гречьстѣй землѣ; и я царь Девгенича, и повелѣ и слѣпити.— Относительно присылки даровъ Мономаху см. разсказъ Густинской лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 290), гдѣ прямо сказано, что прислалъ ихъ Мономаху царь Алексѣй Комнинъ; въ другихъ же лѣтописяхъ, также позднѣйшаго составленія, ошибкою вмѣсто Алексѣ Комнина поставленъ Константинъ Мономахъ, давно уже умершій, точно такъ какъ крестнымъ отцемъ св. Ольги вмѣсто Константина Багрянороднаго поставленъ Цимисхій. Ошибку доказываетъ здѣсь то, что всѣ лѣтописи согласно помѣщаютъ присылку даровъ послѣ Ѳракійской войны, во время старости Мономаховой, а не младенчества его; слѣд. нѣтъ возможности на этой ошибкѣ строить какія либо новыя предположенія.

172) Придоша къ Выру (Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 4). Старые Виры, на границѣ Курской и Харьковской губерніи.

173) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 5.

174) Портретъ Мономаха у Татищева (II, 220): лицемъ былъ красенъ, очи велики, волосы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростомъ не вельми великъ, крѣпкій тѣломъ и силенъ вельми, въ воинствѣ вельми храбръ и хитръ на устроеніе войскъ, многихъ враговъ своихъ побѣдилъ и покорилъ, самъ же единою токмо у Триполя побѣжденъ былъ, о чемъ никогда упоминать не могъ, частію отъ жалости по утопшемъ тогда братѣ Ростиславѣ, котораго вельми любилъ, частію отъ стыда, что непорядкомъ Святополковымъ къ тому приведенъ.»

175) Никон. II, 58.

176) Татищ. II. 231: Черниговскіе князи весьма тому Мстиславлю возшествію на престолъ зазрили, поставляя себя старѣйшими, но

ѣдая храбрость и великой умъ Мстиславъ съ молчаніемъ оставили, іюнеже не былъ никто въ состояніи противорѣчить ему.

177) Но, какъ видно, Мстиславъ, будучи переведенъ отцемъ изъ Новгорода въ Бѣлгородъ, считался княземъ Переяславскимъ по старшинству стола, а сидѣлъ въ Бѣлгородѣ для того только, чтобъ быть поближе къ отцу. Полн. Собр. Русс. Лѣт. I, 122: Въ тоже лѣто Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новгорода, и да ему Переяславль по хрестьному цѣлованью, яко же ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отню повелѣнью, яко же баше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ.

178) Мономахъ въ письмѣ къ Олегу говоритъ: «Да то ти сѣдитъ сынъ твой хрестьный (Мьстиславъ) съ малымъ братомъ своимъ (Юріемъ).

179) Рѣка въ Харьковской губерніи, впадающая въ Сеймъ.

180) Впадающій въ Вырь.

181) Татищ. II, 235.

182) По Татищеву (II, 263) это былъ сынъ Давида Игоревича. Городно считаютъ мѣстечкомъ Минской губерніи Пинскаго уѣзда.

183) Неизвѣстно сынъ какого Ярослава — Святополковича или Ярополковича; Карамзинъ думаетъ, что перваго. Этотъ женился въ 1112 году (Полн. С. Рус. Лѣт. II, 3): положимъ, что Вячеславъ былъ первенецъ и родился черезъ годъ — и тогда въ 1127 году было ему только 14 лѣтъ.

184) Въ Борисовскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Гойнѣ, впад. въ Березину. — Друцкъ — мѣстечко Могилевскаго уѣзда на рѣкѣ Другчѣ.

185) Потомъ же и Новгородци придоша съ Мстиславичемъ со Всеволодомъ къ Неколочю. — Селеніе Неклочь Витепской губерніи, Лепельскаго уѣзда, въ 19 верстахъ отъ Лепеля.

186) Конечно Рогволода Всеславича, а не Борисовича, потому что нельзя было взять сына мимо отца, а Борисъ умеръ послѣ.

187) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 15: Зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть въ Русскую землю на помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивену во здоровье,» объясняется такъ у Татищева (II, 240): Полоцкіе съ ругательствомъ отказали, глаголя: «Ты съ Бонякомъ шолудякомъ здравствуйте оба, и управляйтесь сами, а мы имѣемъ дома что дѣлать.»

188) Татищ. II, 241: Императоръ же, принявъ ихъ, опредѣлилъ имъ довольное на содержаніе, и послалъ въ войско, бывшее противъ Сарацынъ, гдѣ они съ похвалою служили, въ Полоцкѣ же Мстиславъ опредѣлилъ сына своего Изяслава.

189) Полтавской губерніи, Пирятинскаго уѣзда, мѣстечко Полстинъ.

190) Sjögren — Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen, p. 312.

191) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132: И сѣдѣ по немъ братъ его Ярополкъ, княжа Кыевѣ: людье бо Кияне послаша понь.

192) Тамъ же: Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новагорода, и да ему Переяславль по крестьному цѣлованью, яко же ся баше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отню повеленью, яко же баше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ. —

193) Тамъ-же. И посла по другаго Мстиславича въ Полтескъ, и приведе и съ клятвою.

194) Никон. II, 67.

195) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132: И дошедъ Городца воротися опять.

196) Никон. II, 67.

197) Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 13: То же все ся створи, еже выгна Гюрги Всеволода изъ Переяславля, а потомъ Изяслава выгна Вячьславъ, а потомъ Изяслава же выгна тотъ же Вячеславъ изъ Турова, а они приступиша къ Ольговичемъ.

198) Татищ. II, 249: Юрій Владиміровичь, Князь Ростовскій выпросилъ у брата Ярополка Переяславль, и вмѣсто того Ярополку далъ Ростовъ и Суздаль, но не со всею областію, которымъ Мстиславичи племянники ихъ оскорбились, представляя, что Переяславль имъ по клятвенному обѣщанію Ярополкову надлежитъ, и они для покоя Вечеславу за просьбу ихъ уступили и просили, чтобы имъ Переяславль возвратить, или Ростовъ и Суздаль, яко прежній отца ихъ удѣлъ, имъ отдать совсѣмъ; но видя что дядья ихъ не слушаютъ, просили о помощи зятя своего, Всеволода Ольговича Черниговскаго.

199) Такъ въ Ипатьев. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 13); въ Лавр. (тамъ-же, I, 132): Тое же зимы придоша Ольговичи съ Половци, и взяша Городокъ и Нѣжатинъ, и села пожгоша, и Баручь пожгоша.—Подъ Нѣжатинымъ указываютъ здѣсь нынѣшній Нѣжинъ; но на это справедливо возражаютъ, что по лѣтописи мѣсто дѣйствія должно находиться подлѣ Кіева, и Городецъ тотъ самый, который находился противъ этого города. Не знаемъ, почему думаютъ, что этого Нѣжатина не должно смѣшивать съ Нѣжатиной Нивой: изъ разсказа подъ 1073 годомъ вовсе не слѣдуетъ, чтобъ Нѣжатина Нива непремѣнно должна быть подлѣ Чернигова: Ярославичи пошли противъ племянниковъ отъ Чернигова, могли встрѣтиться съ ними въ Переяславской волости; что же касается до названія, то Нѣжатинъ очень могъ называться Нѣжатина Нива, какъ Углечь назывался Углече Поле. Максимовичъ указываетъ Нѣжатинъ въ хуторѣ Нѣготинѣ, близь села Гнѣдина (Москвит. 1854 г. № 1).

200) Татищ. II, 248.

201) И тако изъимаша ѣ, держаще стягъ Ярополчь. Слѣд. Ярополкъ въ бѣгствѣ своемъ оставилъ даже стягъ свой въ рукахъ враговъ, а между тѣмъ Кіевскій лѣтописецъ очень искусно ослабилъ пораженіе своего Князя: «Видѣвше же братья вся, Ярополкъ, Вячеславъ, Гюрги и Андрей, полкы своя възметены, отъѣхаша въ своя си.»

202) Этимъ опредѣляется спорное положеніе Вышегорода относительно Кіева; чтобъ стать противъ Вышгорода, Всеволоду, идущему на сѣверъ отъ Супоя, нужно было перейти Десну.

203) По Ипатьев. «Почаша воевати отъ Трьполя около Красна и Васильева и до Васильева и до Бѣлогорода, или же до Кіева и по Желанѣ и до Выщьгорода и до Деревъ, и чрезъ Лыбедь стрѣляхуся». «Красное на рѣкѣ Краснѣ, впад. въ Днѣпръ у Триполя; Василевъ, мѣстечко къ югозападу отъ Краснаго и Триполя.—По Лавр. «Взяша Триполь и Халепъ пуста.» Халепъ—нынѣ Халепье и Холопье въ 53 верстахъ отъ Кіева между Трипольемъ и Стайками.

204) Ходячю межи ими честьному Михаилу Митрополиту съ крестомъ.—У Татищева митрополитъ выставленъ главнымъ виновникомъ мира.

205) И тако утѣши благоумный Князь Ярополкъ брань ту лютую.

206) Теперь мѣстечко Моровскъ Остерскаго уѣзда Черниговской губ.

207) Пол. Соб. Рус. Л. I, 133: И посемъ пакы створиста миръ Ярополкъ со Всеволодомъ Ольговичемъ, и дары многы межю собою даяше.

208) Тамъ же III, 4: Въ се же лѣто (1117) преставися Добрыня, посадникъ Новгородьскый.—Въ лѣто 6626 (1118). Преставися Дъмитръ Завидиць Посадникъ Новгородскый, посадницавъ 7 мѣсяць одину.

209) Тамъ же, IV, 2.

210) Тамъ же, III, 5: Оженися Мстиславъ Кыевѣ, поя Дмитровну Новегородѣ Завидиця.

211) Тамъ же, стр. 6: И придоша Пльсковици и Ладожане Новугороду, и выгониша Князя Всеволода изъ города.—Здѣсь собственно должно понимать, что Псковичи и Ладожане были преимущественно виновниками изгнанія Всеволода; но отъ лѣтописца нельзя требовать такихъ точностей при необыкновенно свободной конструкціи, какую онъ обыкновенно употребляетъ.

212) Татищ. II, 241.

213) Рѣка Дубна, впадающая въ Волгу ниже города Корчевы, въ Тверской губерніи.

214) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 4.

215) Тамъ же, III, 8: И съдумавше Князь и людье на пути, воспятишася на Дубровьнѣ. — Въ Порховскомъ уѣздѣ на большой дорогѣ изъ Новгорода есть погостъ Дубровно или Дубровка, на рѣкѣ Удохѣ, впад. въ Шелонь.

216) Тамъ же, стр. 6; Татищ. II, 246.

217) Воскрес. I, 276. Нѣкоторые изслѣдователи, изъ словъ: «по отець нашихъ завѣщанію» выводятъ, что былъ договоръ между Мономахомъ и Олегомъ, по которому послѣдній отрекся отъ Кіева за себя и потомство. Правда, что завѣщаніе въ древнемъ нашемъ языкѣ употребляется въ смыслѣ договора, однако скорѣе можно здѣсь разумѣть обычай предковъ, по которому сынъ не могъ наслѣдовать старшинства, если отецъ его не былъ старшимъ; тѣмъ болѣе, что Изяславъ прямо указываетъ на Черниговъ, отчину Всеволода: послѣдній, по означенному обычаю, могъ быть старшимъ только въ племени Святославовомъ, владѣть Черниговомъ какъ отчиною, а никакъ не Кіевомъ.

218) Татищ. II, 259.

219) Полн. Собр. Русс. Лѣт. II, 15.

220) Татищ. II, 259.

221) Тамъ же, стр. 261. У Татищева сказано, будто Изяслава увѣдомили, что зять хочетъ схватить его, и потому онъ не поѣхалъ къ нему въ Кіевъ.

222) Деревня Карань, въ 5 верстахъ отъ Переяславля, на Трубежѣ.

223) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 17: Въ то же время Всеволодъ, разлучивая съ братомъ своимъ, и да ему Бѣлъгородъ. — Это мѣсто подозрительно: разлучивать съ братомъ своимъ не имѣетъ смысла, необходимо предположить здѣсь еще третье лице, кромѣ Всеволода и Святослава; это предположеніе необходимо и въ слѣдствіе союза и, поставленнаго послѣ дѣепричастія; это третье лице очень можетъ быть Игорь.

224) Мѣстечко Гродненской губерніи, Кобринскаго уѣзда.

225) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 18: И вза около Гомія волость ихъ всю.—Гомій (Гомель), мѣстечко Могилевской губерніи, Бѣлицкаго уѣзда.

226) Городецъ Остерскій или Юрьевъ, принадлежавшій Юрію Долгорукому Ростовскому, и отнятый у него недавно Всеволодомъ; Рогачевъ, уѣздный городъ Могилевской губерніи; о Рогачовѣ Волынскомъ нельзя думать, потому что между Святославичами дѣло шло о дѣлежѣ Турово-Пинскаго княжества, пріобрѣтеннаго теперь ихъ

ранѣе вслѣдствіе переселенія Вячеслава въ Переяславль; Всеволодъ и даетъ Туровскіе города или Черниговскіе, за нимъ остававшіеся, а Волынскихъ онъ не могъ отдавать: они принадлежали Изяславу Мстиславичу; Чарторыйскъ могъ находиться на границахъ Владимирскаго княжества съ Туровскимъ и принадлежать къ послѣднему.

227) Вщижь, село Орловской губерніи, въ 40 верстахъ отъ Брянска; есть два села Вощижныхъ въ Могилевскомъ уѣздѣ.

228) Я ставлю Ростислава старшимъ, потому что ему достался старшій столъ — Перемышль; тогда какъ Владиміру достался Звенигородъ, по извѣстію Стрыйковскаго.

229) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 17, подъ годомъ 1141: Преставися у Галичи Васильковичъ Иванъ, и прія волость его Володимерко Володаревичь, сѣде въ обою волостью княжа въ Галичи.

230) Изъ многихъ Звенигородовъ вѣроятно здѣсь и въ другихъ мѣстахъ разумѣется тотъ, который находится подъ Львовымъ въ Бережанскомъ округѣ. Вотъ опущенныя въ текстѣ подробности лѣтописныя по Лавр. списку, который здѣсь исправнѣе Ипатьевскаго: И не могоша битися, зане бяшеть межи има рѣка Серетъ, идоша обои подлѣ рѣку, за недѣлю, къ Звенигороду: и на Рожнѣ полѣ не могоша ся бити, зане Володимеръ стоя на Голыхъ горахъ. Приде же къ нему (т. е. Всеволоду) Изяславъ Давидовичь съ Половци, переемъ два города, Ушицю и Микулинъ. И иде Всеволодъ къ Звенигороду, и ста по сей сторонѣ города, а Владимеръ объ ону страну, сшедъ съ горы, а межи ими рѣка мелка, и повелѣ Всеволодъ чинити гати, комуждо своему полку; и заутра перейдоша рѣку и взяша горы за Володимеромъ. Володимеръ же мня, ако къ нему идуть, ста исполчивъся передъ городомъ на болоньи. Симъ же полкомъ не лзѣ бяше битьси съ ними, тѣсноты ради, зане болота пришла поли подъ горы; тѣмже взидоша Русскыи полцы на горы, и зайдоша и отъ Перемышля и отъ Галича. — Касательно мѣстностей — Микулинъ теперь находится въ Галиціи, въ Тарнопольскомъ округѣ, на рѣкѣ Середѣ, слѣд. и Ушица должно быть нынѣшнее селеніе Ушня, въ Золочовскомъ округѣ Галиціи, близь городка Бѣлый-Камень, въ верховьи западнаго Буга, не вдалекѣ отъ верховья Середа. — Г. Погодинъ возражаетъ противъ этого (Изслѣдов. Т. IV, стр. 168): «Какимъ образомъ Изяславъ Давыдовичь могъ зайти съ этой стороны?» Но если г. Погодинъ затрудняется тѣмъ, что Изяславъ, для взятія города, на верховьи Середа, зашелъ слишкомъ далеко съ сѣвера, то почему не затрудняется предположеніемъ, что Черниговскій князь зашелъ слишкомъ далеко съ юга, если двигался, какъ онъ думаетъ, отъ Ушицы Подольской къ Теребовлю? Гораздо легче, по нашему мнѣнію, предположить, что онъ шелъ съ Полов-

цами по степной Украйнѣ Кіевскаго княжества, и прямо вошелъ въ Галицкія владѣнія при верховьи Середа, а не дѣлалъ крюка отъ Винницы къ Ушицѣ и отъ Ушицы къ Теребовлю.—Между верховьями западнаго Буга, Середа и Стыря есть и теперь селеніе Рожне, близко отсюда находится и мѣстечко Гологоры.

231) Вшедшю Володимеру въ Тисмяничю, на ловы.—Городъ Тисмяница, на правомъ берегу рѣки Вороны, недалеко отъ Станиславова.

232) Слѣд. Иванъ Ростиславичь княжилъ въ Звенигородѣ, а не былъ изгнанъ, или лишенъ законнаго наслѣдства, какъ говоритъ Карамзинъ; изъ лѣтописи видно только, что Владимірко не подѣлился съ племянникомъ Теребовльскою волостію; см. выше примѣч. 229.

233) Теперь Прилуки, большое мѣстечко въ Бердичевскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи.

234) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 8: И послашася Новгородци Кыеву по Святослава по Олговиця, заходивъше ротѣ.

235) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 19. Того же лѣта (1142) отда Всеволодъ дчерь свою Звениславу въ Ляхы за Болеслава.—Наши историки сочли этого Болеслава за Кудряваго, брата Владиславова; но у Татищева (II, 264) Болеславъ показанъ сыномъ Владиславимъ, чѣмъ и объясняется постоянный союзъ Всеволода съ Владиславомъ противъ младшихъ братьевъ послѣдняго. Владиславъ называется въ лѣтописи зятемъ Всеволодовымъ: это заставило историковъ предположить, что и за Владиславомъ была также дочь Всеволода: но кромѣ того, что они заставили двухъ родныхъ братьевъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ, они заставили Владислава имѣть двухъ женъ въ одно время. Дѣло въ томъ, что или лѣтописецъ смѣшалъ отца съ сыномъ, что очень легко предположить, или слово зять употреблялось въ старину въ значеніи также свата, какъ употреблялось въ значеніи жениха.

236) Теперь есть мѣстечко Визна въ Августовской губерніи царства Польскаго, при сліяніи Бобра съ Наревомъ.

237) Селеніе Малютенцы въ 20 верстахъ отъ Пирятина.

238) У Татищева читаемъ о Всеволодѣ: (II, 281): «Сей великій Князь ростомъ былъ мужъ великъ и вельми толстъ, власовъ мало на главѣ имѣлъ, брада широкая, очи не малые, носъ долгій, мудръ былъ въ совѣтахъ и судѣхъ, для того кого хотѣлъ, того могъ оправдать или обвинить. Много наложницъ имѣлъ, и болѣе въ веселіяхъ, нежели расправахъ, упражнялся. Чрезъ сіе Кіевляномъ отъ него тягость была великая, и какъ умеръ, то едва кто по немъ кромѣ бабъ любимыхъ заплакалъ, а болѣе были ради, но притомъ болѣе еще тягости отъ

Игоря, вѣдая его нравъ свирѣпый и гордый, опасалися.» Въ самомъ дѣлѣ въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописей нѣтъ похвалы Всеволоду, и нѣтъ упоминовенія, чтобъ объ немъ плакали.

239) Воскрес. I, 283.

240) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 23: «Ты нашъ Князь, поѣди, Олговичь не хочемъ быти акы въ задничи.» — Задница — наслѣдство; см. статью Проф. Неволина, въ Ж. М. Н. Пр. 1851, N 2. — Городъ Дерновый Максимовичь полагаетъ на правомъ берегу Роси, гдѣ теперь село Деренковецъ; позднѣе упоминаемый городъ Дверенъ онъ считаетъ за одно съ Дерновымъ. (Москвит. 1854 г. N 1).

241) Должно быть тѣ, которые Всеволодъ отдалъ братьямъ.

242) Бужскъ, Межибожье, Котельницу и еще два неизвѣстныхъ. Котельница на рѣкѣ Гнивѣ въ Житомирскомъ уѣздѣ; не далеко отъ нея находится Межибожъ; Бужска должно искать на берегахъ рѣки Божекъ или Бужекъ, соединяющейся съ восточнымъ Бугомъ у Межибожа.

243) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 120: Идѣ Володимеръ (Мономахъ), и Давидъ, и Олегъ къ Аепѣ и другому Аепѣ, и створиша миръ; и поя Володимеръ за Юрья Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дчерь, Гиргеневу внуку. (1107 г.).

254) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 25. И тогда съ полку прибѣже къ нему Иванъ Берладникъ. — Мы думаемъ, что должно читать: съ полкомъ или у полку.

245) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 28, Давидовича идоста къ Дьбрянску (Брянску), а Всеволодовичь Святославъ въ Корачевъ, и посла Козельску ко Святославу стрьеви своему, рекъ ему: «Изяславъ ти Мстиславичь пошелъ Кыеву, а Давидовичи съ Смоленьскимъ Ростиславомъ хочета ити не тобѣ.»

246) Кіевляне называютъ Ольговичами вообще всѣхъ Святославичей, потому что фигура знаменитаго Гориславича выдавалась въ ихъ воображеніи на первый планъ; Давидъ вовсе не былъ столь замѣченъ.

247) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 33. Кіяне же рекоша: «ради, еже ны Богъ тебѣ избавилъ отъ великія льсти братью нашю.» Любопытныя подробности объ Игорѣ Ольговичѣ см. у Татищева, II, 312: здѣсь обнаружены причины вражды къ Ольговичамъ. — О характерѣ и наружности Игоря тамъ же, стр. 313: «Сей Игорь Ольговичь былъ мужъ храбрый, и великій охотникъ къ ловлѣ звѣрей и птицъ, читатель книгъ, и въ пѣніи церковномъ ученъ. Чинъ священническій мало почиталъ, и постовъ не хранилъ; того ради у народа мало любимъ былъ, ростомъ былъ средней и сухъ, смуглъ лицомъ, власы

вый обычай, какъ попъ, косиль долги, брада же узка и мала. Когда же въ монастырѣ былъ подъ стражею, тогда прилѣжно уставы монашеские хранилъ.»

248) Теперь село Сиволожь, Черниговской губерніи, въ Борзенскомъ уѣздѣ.

249) Полн. Собр. русск. Лѣт. II, 36: Слышавше иныи гради, Уненѣжь, Беловежа, Бохмачь, оже Всеволожь взятъ, и побѣгоша Черниговy, и иніи гради многи бѣжаша. Бѣлая Вѣжа—въ Черниговской губерніи, Борзнинскомъ уѣздѣ, при верховьяхъ Остра; Бохмачь, въ Конотопскомъ уѣздѣ, у верховьевъ рѣчки Борзни. Положеніе Уненежа необъяснено удовлетворительно.

250) Воеваша Брягинь.—Мѣстечко Брагинъ, Минской губерніи Рѣчицкаго уѣзда.

251) Зая городокъ Отень у Изяслава.—Здѣсь Отень есть прилагательное — отцовскій. Мы видѣли, что Всеволодъ Ольговичь отнялъ этотъ Городецъ у Юрія; къ Изяславу онъ перешелъ вѣроятно въ то время, когда этотъ Князь находился въ союзѣ съ Давыдовичами противъ Ольговича, или, быть можетъ, былъ взятъ имъ у Давыдовичей уже при разрывѣ, когда были взяты Курскъ съ Посемьемъ.

252) Въ Лавр. спискѣ упоминается разъ о покушеніи Глѣба на Переяславль: «послушавъ Жирослава, рекуща ему: поиди Переяславлю, хотять тебе людье; онъ же послушавъ его, приде къ Переяславлю вборзѣ.»—Это извѣстіе помѣщено въ началѣ 1148 года; въ Ипатьевск. почти въ тѣхъ же словахъ помѣщено оно въ концѣ 1147 года; но потомъ подъ 1148 годомъ, послѣ извѣстія о походѣ Изяслава Мстиславича на Черниговъ, помѣщено опять извѣстіе о покушеніи Глѣба на Переяславль, въ существенныхъ чертахъ сходное съ первымъ: «Въ то жо время свѣщався Гюргевичь Глѣбъ съ Переяславцы, и ѣха къ нимъ изъ Городца; увѣдавъ же Мьстиславъ Изяславичь, оже идеть нанѣ, изъиде противу полкомъ своимъ съ Переяславци, Глѣбъ же узрѣ, оже идеть нанъ Мьстиславъ, Глѣбъ же бяше малъ, и рече: прельстили мя Переяславци, не терпя противу стати, поскочи; они же постигаше дружину его изоимаша, а другыи избиша, и Станиславича ту яша и казниша казнью злою, а иныи многы изоимаша, а самъ Глѣбъ убѣжа у Городокъ, и не стерпя въ немъ быти, бѣжа къ Чернигову.»—Мы думаемъ, что это два извѣстія объ одномъ и томъ же событіи.

253) И пришедъ ста на Олговѣ поли. — Теперь въ 8 верстахъ отъ Чернигова находятся два хутора: Льговъ и Льговскій.

254) Оли и до Болдовоса.—Теперь село Старый Белоусъ въ 6 верстахъ отъ Чернигова.

255) Любопытно, что о Вячеславѣ даже не упоминаетъ: такъ ничтоженъ былъ этотъ князь въ глазахъ родичей.

256) Приходъ Ростислава Юрьича въ разныхъ спискахъ лѣтописи описанъ различно. Ипатьевскій списокъ говоритъ, что Ростиславъ пришелъ, роскоторавcя съ отцемъ своимъ, который недалъ ему волости. Но иначе разсказываетъ Лаврентьевскій списокъ: «Пойде Ростиславъ Гюргевичь изъ Суждаля съ дружиною своею, въ помочь Олговичемъ, на Изяслава Мстиславича, посланъ отъ отца своего. И сдумавъ Ростиславъ съ дружиной своею река: любо ся на мя отецъ гнѣваетъ, не иду къ ворогомъ своимъ, то суть были ворози и дѣду моему и строемъ моимъ, но пойдѣмъ, дружино моя, къ Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дасть мы волость; и послася къ Изяславу.» Вѣроятно Юрій послалъ Ростислава на югъ съ тѣмъ, чтобъ тотъ добылъ себѣ тамъ волость, подобно тому, какъ добыли волость прежде сынъ его Иванъ, потомъ Глѣбъ; но, пришедши на югъ, и увидавши, что дѣла Черниговскихъ идутъ плохо, и что они хотятъ заключить миръ съ Изяславомъ, Ростиславъ заблагоразсудилъ обратиться также къ послѣднему, тѣмъ болѣе, что прежде Изяславъ звалъ къ себѣ брата его Глѣба. Такъ могутъ быть соглашены извѣстія обоихъ списковъ.

257) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 39: «Аже братъ Святославъ не пріѣхалъ, ни сестричичь твой, явѣ есвѣ.» — Здѣсь ошибка въ текстѣ; явѣ есвѣ, должно поправить изъ сноски: «а вѣ есвѣ» — а мы есмы, т. е. а мы тутъ.

258) Въ Лавр. спискѣ этотъ походъ разсказанъ съ оттѣнкомъ, обличающимъ сѣверного лѣтописца: «Иде Изяславъ Новгороду, въ помочь Новгородцемъ на Гюргя, а воемъ повелѣ по себѣ ити; и пошедоша по немъ и похромаша кони у нихъ, и самъ съ Новгородци дошедъ Волгы и повоевавъ ю, и не успѣ ничтоже Гюргеви, и дошедъ Углеча поля поворотися Новгороду.»

259) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 43: «Пойдите со мною; ать ми ся добро съ ними отъ силы мирити.»

260) Читатели припомнятъ сказанное въ первой главѣ о томъ, почему племянники отъ старшаго брата считались братьями дядьямъ своимъ.

261) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 41: И бысть лесть въ Переяславцехъ, рекуче: «Гюргя намъ Князь свой, того было намъ искати и далече,» то рекуче и поскачиша. — Тамъ же III, II: И Переяславьци сѣдоша на щитѣ, научениемъ Гюргя.

262) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 45: Поча ся слати въ Угры къ зятю своему Королеви, и въ ляхы къ свату своему Болеславу и Мечиму и Индрихови, и къ Ческому Князю къ свату своему Володи-

славу.—За королемъ Венгерскимъ была меньшая сестра его Евфросинія; Польскіе князья были ему сваты по супружеству племянницы его, дочери Всеволода Ольговича съ Болеславомъ Владиславичемъ, Чешскій князь былъ сватомъ по супружеству брата его Святополка съ одной изъ Чешскихъ княженъ, см. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III,

263) Мѣстечко Ровенскаго уѣзда Волынской губерніи.

264) Мѣстечко Волынской губерніи, Дубенскаго повѣта.

265) Корецъ, мѣстечко Волынской губерніи, Новогородскаго уѣзда.

266) За сыномъ Владиміровымъ Ярославомъ была дочь Юрія.

267) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 52: Володимеръ же отъя горынь всѣ, идя, и приде къ Лючьску.—Здѣсь идя не имѣетъ смысла; въ Ипатьев. древнѣйшемъ спискѣ стоитъ и да съ пропускомъ кому давъ; мы возстанавливаемъ текстъ такъ, что Владиміръ отдалъ Погорынскіе города Мстиславу Юрьичу.

268) Татищ. III, 13; годъ 1149: Половцы, увѣдавъ о войнѣ Русскихъ князей, пришедшихъ во множествѣ чрезъ Днѣпръ, градъ Торческъ взяли, и много селеній пожгли и поплѣнили; но Юрій по нѣкоей клеветѣ гнѣваясь на Черныхъ Клобуковъ, якобы они Изяславу доброхотствуютъ, въ помощь имъ войскъ не послалъ, за что они весьма оскорбясь, послали тайно ко Изяславу говорить, чтобъ собравъ войско, шелъ къ Кіеву.—Тамъ же стр. 23, годъ 1150: Изяславъ Мстиславичь послалъ къ Андрею въ Пересопницу просить, чтобъ его съ отцемъ примирили.... Юрій же не токмо волость по Горыни отдать Изяславу не хотѣлъ, но возгордясь, сказалъ Ярославичу: «Когда Изяславъ не уляжется во Влодимирѣ, то я ему дамъ такую же область, какову онъ далъ Игорю.» Сіе слышавъ Кіевляне, что Юрій намѣренъ Изяслава погубить, многіе о томъ плакали, и всѣ какъ знатные, такъ подлые Юрія наипаче не взлюбили, и тайно стали старатися, чтобъ Изяслава паки на Кіевѣ имѣть, но явно учинить не могли, токмо тайно нѣкоторые устроили для Юрія различныя увеселенія и пиры со многимъ питіемъ, чтобъ его отъ намѣренія къ войнѣ тѣмъ отвратить, а его войска праздностію въ слабость привести. Другіе тайно Черниговскимъ опасность отъ Юріева властолюбія и ненависть его вкореняли, по всѣмъ городамъ Юріеву злость и свирѣпость разсѣвали, понося его безпорядочное житіе и правленіе, и со Изяславомъ имѣли пересылку; но все такъ тайно происходило, что Юрій въ своихъ веселіяхъ ничего увидать не могъ.

269) Годъ рожденія ни Вячеслава, ни Юрія изъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи не можетъ быть съ точностію опредѣленъ; но извѣстенъ годъ рожденія старшаго Мономаховича Мстислава (1076) и самаго младшаго Андрея (1102); если даже предположимъ, что оба-

кующіе за Мстиславомъ сыновья Мономаха были погодки: Изяславъ род. въ 1077, Ярополкъ въ 1078, Святославъ въ 1079, Вячеславъ въ 1080, Романъ въ 1081, то Юрій долженъ былъ родиться между 1081 и 1102 годомъ; чтобъ Вячеславу быть бородатымъ прежде рожденія Юрія, принимая даже за бородатость время, когда только начинаетъ пробиваться борода (лѣтъ 15), Юрій долженъ былъ родиться въ 1096 году; но въ 1107 году онъ женился, стало быть онъ женился 10 лѣтъ? Братъ его Андрей женился 15 лѣтъ (1117 г.); это нисколько не можетъ затруднять насъ, потому что Константинъ Всеволодовичь женился 11 лѣтъ; Всеволодъ III отдалъ осьмилѣтнюю дочь свою Верхуславу за Ростислава Рюриковича. Но у Татищева сказано, что Юрій умеръ (1157 г.) 66 лѣтъ отъ роду, значитъ родился въ 1091 году; странно, что у Вячеслава пробивалась борода 10 лѣтъ, или даже 11-ти, если предположимъ что онъ былъ старше Святослава; скорѣе предположить ошибку у Татищева.

270) Владиміръ Андреевичь вмѣстѣ съ Андреемъ Юрьичемъ, отправился за Днѣпръ къ Юрію, и вмѣстѣ съ послѣднимъ явился опять на западной сторонѣ Днѣпра. Послѣ неудачнаго сраженія подъ Кіевомъ на дорогѣ отъ Бѣлгорода къ Руту, Юрій отправилъ Владиміра Андреевича къ Владиміру Галицкому звать его скорѣе на помощь. Посаженный Владиміромъ въ Дорогобужѣ, Владим. Андр. вѣроятно хотѣлъ снискать расположеніе побѣдителей и вошелъ въ сношеніе съ Мстиславомъ; впрочемъ, быть можетъ, онъ послалъ ему много вина въ угоду Галицкому князю.

271) См. у Татищ. III, 58.

272) У Татищева (III, 72) условіе міра: Чтобъ Святославъ учиненные убытки Черниговской волости заплатилъ, или два города Изяславу Давидовичу далъ, въ чемъ имъ между собою договориться, отъ Юрія отстать и никакими мѣры съ нимъ не сообщаться.

273) Татищ. III, 81.

274) Выходитъ, что теперь въ Дорогобужѣ княжилъ уже Владиміръ Мстиславичь, а Владиміръ Андреевичь въ Пересопницѣ. Татищевъ говоритъ, что Владиміръ Андреевичь пріѣхалъ изъ Луцка.

275) Города эти были: Бужскъ, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ, Гнойница. О положеніи трехъ первыхъ изъ нихъ было упомянуто; есть теперь селеніе Тихомель въ Острожскомъ уѣздѣ Волынской губерніи, въ 60 верстахъ отъ Острога; въ томъ же уѣздѣ, на рѣкѣ Горыни есть мѣста—большая и малая Гнойница.

276) Село Голышевъ въ Святославовскомъ округѣ.

277) Татищ. III, 77.

* *
*

278) Такимъ образомъ Владиміръ Андреевичь еще разъ перемѣнилъ волость: вмѣсто Пересопницы видимъ его въ Брестѣ.

279) Объ этомъ Вячеславѣ см. Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 11.

280) Владиміръ родился въ 1132 году, слѣд. въ описываемое время, въ 1152 году ему было только 24 года; въ 1146 году, когда Изяславъ впервые овладѣлъ Кіевомъ, ему было только 14 лѣтъ; но въ этотъ самый годъ мы уже видимъ Мстислава Изяславича начальникомъ вспомогательнаго отряда, который отецъ его послалъ къ Черниговскимъ, младшій братъ его Ярославъ сидитъ на столѣ въ Туровѣ—неужели имъ было тогда меньше 14 лѣтъ? Въ 1144 году сестра ихъ уже вышла замужъ за Полоцкаго князя. О Мачешичѣ см. Т. IV, стр. 170.

281) Татищ. III, 100.

282) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II; 81. Пивъ бо Гюрги въ осменика у Петрила, въ тъ день на ночь разболѣся.

283) У Татищева (III, 103) прибавлено, будто Кіевляне приговаривали, побивая Суздальцевъ: «Вы насъ грабили, разоряли, женъ и дочерей нашихъ насильствовали; нѣсть намъ братія, но непріятели.»— Тамъ же о наружности и характерѣ Юрія: «Былъ роста немалого, толстый, лицемъ бѣлый, глаза не велики, великій носъ долгій и накривленный, брада малая, великій любитель женъ, сладкихъ пищъ и питія, болѣе о веселіяхъ, нежели о расправѣ и воинствѣ прилежалъ; но все оное стояло во власти и смотрѣніи вельможъ его и любимцевъ.

284) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 32: Изяславъ говоритъ брату Ростиславу: «И къ ротникомъ ся сли, и въ Рязань, и всямо.»

285) Татищ. II, 322.

286) Что касается до Василя Половчина, Судиміра Кучебича и Горѣна, упоминаемыхъ подъ 1147 годомъ, то мы не рѣшимся включить ихъ въ дружину Святослава Ольговича; очень вѣроятно, что это были чистые Половцы, изъ которыхъ Василь былъ крещенъ, Судиміръ могъ носить Славянское имя точно такъ какъ русскіе люди иногда носили Половецкія, послѣ Татарскія имена. Вообще должно замѣтить, что если принятіе въ дружину княжескую людей изъ разныхъ народовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что всѣ мужи, носившіе нерусскія имена были именно иностранцами; въ противномъ случаѣ мы должны будемъ отца Галицкаго боярина Ивана Халдѣевича произвести прямо изъ древней Вавилоніи.

287) Борисъ умеръ на сѣверѣ въ 1159 году. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

288) А по Никон. II, 163: воста на него крамола отъ домашнихъ его, и мнози отбѣжаша отъ него въ градъ; а инiи явѣ идоша ко Князю Мстиславу Изяславичу.

289) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 86: Ростиславъ баше поялъ у Святослава Всеволода, сына его, увѣряя Кiяны и Берендѣѣ, бяху бо не вѣрующе за свое съгрѣшенiе.

290) Татищ. III, 129.

291) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 89: ѣдущю Олгови изъ товаръ на поѣздьство.

292) У Татищева прибавлено: «Ростиславъ для пользы Ольговой говорилъ, чтобъ онъ съѣздилъ къ Берендичамъ, и не худо, еслибъ съ ними на Половцевъ сходилъ, дабы тѣмъ оныхъ поприласкать; а клеветникъ Олгу толковалъ, что тамъ его Ростиславъ хочетъ поимать.... Ростиславъ не имѣлъ ни какого злаго намѣренiя, но отъ любви къ Олгу не хотѣлъ его отпустить (въ Черниговъ), а клеветники злые тѣмъ наиболѣе Олга возмущали.»—Извѣстiя очень вѣроятныя, тѣмъ болѣе, что Ростиславъ и призывалъ Олега съ тѣмъ, чтобъ познакомить его съ Торками и Берендѣями.

293) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 90: И сняшася у Котелничи со Мьстиславомъ; и оттуда пойдоша къ Бѣлгороду на Мутижиръ, и быша на Кучари.—Гг. Надеждинъ и Неволинъ справедливо полагаютъ, что здѣсь и подъ 1693 годомъ разумѣется одинъ Торческъ, близкiй къ Половцамъ, за Росью. Отсюда Рюрикъ соединился съ Мстиславомъ, въ Котельнѣ на Гнивѣ. Потомъ они пошли къ Бѣлгороду на Мутижиръ, или нынѣшнiй Житомиръ, не вдалекѣ отъ Котельни вверхъ по Гнивѣ, или село Мотижинъ, близь нынѣшней Бѣлгородки (послѣднее разумѣется вѣроятнѣе). Кучары долженъ быть: или Кошарище, деревня на рѣкѣ Тетеревѣ, или село Кочерево, на дорогѣ изъ Махновки въ Радомыслъ; оба въ Радомысльскомъ уѣздѣ, на пути изъ Котельни къ Бѣлгородкѣ. Между Бѣлгородкой и Кiевомъ, на рѣчкѣ, называемой нынѣ Борщаговкой, есть селенiя: Жиляне и Бѣличи, оба въ весьма близкомъ разстоянiи другъ отъ друга и отъ Кiева. Всѣ эти мѣста вполнѣ соотвѣтствуютъ приведеннымъ лѣтописнымъ указанiямъ: «Торци же постигоша возы ихъ на Желяни, полкы же ихъ постигоша отъ Буличь.»—Г. Погодинъ (И. З. Л. IV, 190) не хочетъ согласиться, чтобъ Торцьскiй былъ Торческъ на рѣкѣ Роси, и, указывая на нынѣшнiй Торчинъ между Луцкомъ и Владимиромъ, приводитъ слѣдующее доказательство своему мнѣнiю: зачѣмъ бы Рюрику отъ Роси отдаляться на Волынь, чтобъ послѣ оттуда придти къ Бѣлугороду, столь близкому отъ Торческа Кiевскаго?—Но въ лѣтописи ясно указана причина такого движенiя Рюрика: онъ пошелъ къ Котельнѣ, чтобъ соединиться съ Мстиславомъ, который шелъ изъ Владимира.

294) Что этотъ Вовборъ былъ Торчинъ ясно изъ разсказа лѣтописи: одни Торки были въ дѣлѣ; далѣе подъ тѣмъ же годомъ сказано: «Придоша Половци инози къ Гюргеву, и взяша вѣжи многи не Роту и Вънбора убиша иже бяше Изяслава убилъ.» Здѣсь опять говорится о вѣжахъ, о Торкахъ, между которыми былъ убитъ Вовборъ. Слѣд. нѣтъ основанія включать этого Вовбора въ число дружинниковъ княжескихъ.

295) Въ Никон. (II, 174) читаемъ слѣдующее описаніе кончины Изяславовой: «И еще ему живу сущу лежащу, пріидоша надъ него князь Ростиславъ Мстиславичь и князь Мстиславъ Изяславичь, и начa кричати и плакати, глаголюще: господине великой княже Изяславъ Давидовичь! не досыти ли тебѣ быловеликое княженіе Черниговское что мя еси выгналъ изъ Кіева, и уже и Кіевъ еси взялъ, почто же изъ Бѣлгорода гнати умыслилъ еси? Онъ же лежаше и воздыхаше тяжко зѣло, и кровь много течаше отъ него, тоже вопроси воды пити. Князь же Ростиславъ и князь Мстиславъ повелѣша ему дати вина, онъ же рече: хощу воды. Они же даша ему вина, онъ же испивъ вина, усну сномъ вѣчнымъ.»

296) Въ Никон. (II, 189) читаемъ, что Владиміръ Андр. послалъ сказать Мстиславу: «Аще хощеши и моея власти, и се изъ исхожу изъ града своего, и отъ всея власти своея, съ женою и дѣтьми своими, имѣніе же и богатство все оставихъ, точію мало на потребу себѣ и дѣтемъ своимъ взяхъ и умыслихъ въ чужой землѣ нищенствовати, неже кровь проліяти бѣдне и грѣшне.... Князь же Мстиславъ Изяславичь удивися разуму его, и посла къ нему дары многи, и моляше его да паки возвратится въ свою волость.»

297) Ник. II, 199: Миръ этотъ устроилъ митрополитъ Θеодоръ.

298) По другимъ лѣтописямъ къ Луцку, что также очень вѣроятно, см. Воскрес. II, 64.

299) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 93: Олегъ бо просаше въ праву надѣленья.

300) Тамъ же. Ведена бысть Ростиславна Огаѳья за Олга за Святославича.

301) Тамъ же стр. 97: Андрей велѣлъ сказать ему: «Иди въ Разань къ отчицю своему Глѣбови.» —

302) Несправедливо возражаетъ Арцыбашевъ (1188, примѣч. 1,165), что Кіевъ брали прежде—Изяславъ въ 1146 году, и Юрій въ 1150. Изяславъ былъ призванъ Кіевлянами, которые и помогли ему побѣдить Игоря; Юрій былъ перевезенъ Кіевлянами чрезъ Днѣпръ, и принятъ остальными съ честію, безъ сопротивленія; слѣд. о взятіи въ обоихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи. Скорѣе можно было ска-

вать, что Кіевъ былъ взятъ Изяславомъ Давидовичемъ, но и тутъ битва была подлѣ Кіева; сражались противъ Изяслава только нѣкоторые Кіевляне, которые были взяты въ плѣнъ и прощены побѣдителемъ. По Никон. (II, 204) Кіевъ былъ взятъ измѣною бояръ Петра Борисовича, Нестора Жирославича и Якова Дигеневича.

303) См. томъ I-й, примѣч. 312.

304) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 93: Довыдъ Ростиславичь сѣде Витебьски, а Романови, Вячеславлю внуку да Ростиславъ Васильевъ и Краснъ.—Связь этихъ двухъ событій необходимо заставляетъ предполагать, что Романъ былъ прежній князь Витепскій, съ которымъ Смоленскіе князья помѣнялись волостями; но теперь вопросъ: кто былъ этотъ Романъ, внукъ Вячеславовъ? У Татищева онъ названъ Романомъ Вячеславичемъ, внукомъ Ростиславовымъ: въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть внукомъ Ростислава Всеславича. Васильевъ и Красный оба находятся въ Смоленской области.

305) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 88: Вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ собѣ, а мнѣ вамъ добра хотѣти.»— Когда былъ такой рядъ у Новгородцевъ съ Андреемъ, неизвѣстно.

306) Любопытно, что въ Новгородской лѣтописи нѣтъ ни слова объ этой клятвѣ.

307) Упомянутое подъ 1142 годомъ нападеніе какого-то Шведскаго князька съ 60 шнеками на три купеческія лодки, не можетъ считаться въ числѣ непріязненныхъ покушеній на страну.

308) Томъ I-й, стр. 275.

309 Теперь Вороновка или Воронега, впадающая въ Ладожское озеро между Пашею и Сясью.

310) Татищ. III, 148.

311) Никон. II, 196: Половцы воеваша Русь и убиша дву богатырей, Андрея Жирославича и брата его Шварня за переславлемъ, сестричича ихъ, такожъ Шварня нарицаемяго плѣниша.

312) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 97: И Гречьскій путь изъотимаютъ, и Соляный, и Залозный. Выраженіе: Греческій путь понятно съ перваго раза; Соляный правдоподобно объясняютъ (Арцыб. I, примѣч. 1196) путемъ, которымъ приходили барки съ солью изъ Крыма, Залозный неудовлетворительно объясняютъ (см. также) Заолзнымъ, т. е. Заолешенскимъ. Черезъ Олешье должны были проходить тѣже самыя Греческія суда; мы видѣли прежде, что Давидъ Игоревичь захватывалъ Гречниковъ въ Олешьѣ, слѣд. Заолешенскій путь былъ бы тоже самое, что Греческій; не говоря уже о трудномъ переходѣ словъ изъ Заолешья въ Заолзье. Залозный—желѣзный, по товару.

313) Никон. II, 172.

314) Пол. Собр. Рус. Лѣт. II, 94: И затѣмъ срѣте и (Ростислава) сынъ Романъ и епископъ Мануилъ и Вивадь.

315) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 96: И послаша къ Давыдови Вышегороду, и присла Давыдъ Василя на тяжю, и приставн къ вену Родила тысячьскаго и Василья Волковича.—Но прежде при описаніи осады Вышгорода Мстиславомъ Изяславичемъ сказано: И на болони отъ Днѣпра зажгоша дворъ тысяцкаго Давыда, Радиловъ, а иныхъ дворовъ 7 сгорѣ. — Соглашая первое извѣстіе со вторымъ, можно исправить первое такъ: «зажгоша дворъ тысячкого Давыдова (т. е. князя Давида Ростиславича), Радиловъ.» Если же дѣлать особаго тысяцкаго Давида, который былъ смѣненъ въ послѣдствіи Радиломъ, то можно предположить, что этотъ старый тысяцкій Давидъ былъ именно тотъ Давидъ Борыничь, который подтверждалъ послѣ показанія Василя Настасьича.

316) Тамъ же, I, 97: «То есть старѣйшей градъ въ земли во всей Кыевъ.»

317) Никон. II, 146.

318) См. томъ I-й, прим. 1.

319) См. томъ I-й, стр. 24.

320) Полн. Соб. Рус. Лѣт. II, 77: Тогды же, сѣдъ, раздая волости дѣтемъ: Андрея посади Вышегородѣ, а Бориса Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, и Василькови да Поросье. Почему же Юрій посадилъ Андрея не въ Переяславлѣ? По той же причинѣ, по какой Мономахъ посадилъ Мстислава въ Бѣлгородѣ, а не въ Переяславлѣ, хотя онъ и считался княземъ Переяславскимъ (см. выше); Юрію нужно было имѣть подлѣ себя храбраго Андрея, который бы защищалъ его отъ нападеній Мстиславичей. Почему теперь посадилъ онъ въ Переяславлѣ не Бориса, но младшаго Глѣба? потому что Глѣбъ былъ воинственнѣе Бориса, что̀ мы видимъ изъ предыдущаго его поведенія, тогда какъ Борисъ вовсе не отличался ратнымъ духомъ, а Переяславль былъ опасный столъ по сосѣдству съ князьями Черниговскими и Половцами.

321) Что Андрей прежде сидѣлъ во Владимирѣ, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ лѣтопись (Полн. Соб. Рус. Лѣт. 144): Андрей же рече (отцу): «на томъ есмы цѣловали крестъ, ако поити ны Суждалю,» и иде въ свою волость Володимерю.—Есть извѣстіе, что въ удаленіи Андрея на сѣверъ участвовали приближенные къ нему люди, именно родственники по женѣ, Кучковичи: «Приде изъ Кіева въ градъ Володимерь Князь Великый Андрей Юрьевичь безъ отча повелѣнія, его же лестію подъяша Кучковичи.» (Карамз. II, примѣч. 383). — Что приближеннымъ къ Андрею людямъ, особенно Кучко-

вичамъ, имѣвшимъ, какъ видно, села на сѣверѣ, не нравилось въ Вышегородѣ, безъ большой надежды скоро и даже когда либо утвердиться въ Кіевѣ, очень вѣроятно; вѣроятно также, что Кучковичи могли оставаться на сѣверѣ, и перезывали туда Андрея, ибо имъ выгоднѣе было, чтобъ владѣлъ здѣсь ихъ родственникъ, а не младшіе Юрьевичи; но въ чемъ состоялъ обманъ, лесть Кучковичей? быть можетъ они давали знать Андрею, что вся земля Ростовская хочетъ имѣть его своимъ Княземъ, чего на дѣлѣ не было до самой смерти Юрія. Въ другихъ извѣстіяхъ такъ описываются побужденія, заставившія Андрея удалиться на сѣверъ: Никон. II, 150: «Иде Князь Андрей Боголюбивый, отъ Вышегородскаго своего Княженія великаго ко отцу своему Юрью Долгорукому въ Кіевъ и пришедъ въ Кіевъ радостнѣ бысть пріятъ отъ отца своего, и пребысть у него въ Кіевѣ нѣколико время, и слущашеся о нестроеніи братіи своея, и братаничовъ и сродниковъ, и всего племени своего, яко всегда въ митежи и въ волненіи вси бяху, и мнози крови ліяшеся, вси желающе и хотяще великаго княженія Кіевскаго, и нѣсть никому ни съ кѣмъ мира, и отъ сего вси княженія опустѣша, и по Дунаю, и по Мети, и по Астри чужія обладающа и населиша, а отъ поля Половци выплѣниша, и пусто сотвориша, и скорбяше много о семъ, и болѣзноваше душею и сердцемъ, и мысляше себѣ въ тайнѣ сердца своего, никакоже повѣдая сего отцу своему. И восхотѣ ити на великое княженіе въ Суждаль и Ростовъ, яко тамъ, рече, покойнѣе есть.» — Татищ. III, 97: Андрей Юрьевичь видя, что всюду миръ по его желанію учиненъ, и ему дѣла никакого не было, а Бѣлая (сѣверная) Русь безъ князя стояла въ великомъ непорядкѣ, просилъ неоднова отца своего Юрія, чтобъ его туда отпустилъ; но Юрій вѣдая, что во время войны ему безъ Андрея ни какого столько надѣяться не можно, ему отказалъ. Онъ же потерпя нѣколико, и оскорбясь дѣлами и веселіями отцовыми, за что всѣ на отца его негодовали, убрався тайнѣ уѣхалъ въ Бѣлую Русь..... Пришедши же въ Бѣлую Русь, избѣгая у отца на себя подозрѣнія и большаго гнѣва, не сталъ жить въ Суздалѣ, яко престольномъ отца его градѣ, но построилъ себѣ домъ во Владимирѣ на Клязьмѣ, яко ближайшемъ къ Суздалю граду.

322) На первомъ планѣ здѣсь дѣйствуютъ Ростовцы; что касается Суздаля, то Юрій, утвердивши въ немъ свой столъ, выдвинулъ его изъ ряда другихъ пригородовъ, далъ ему важное значеніе, и вотъ сказано, что Ростовцы дѣйствуютъ вмѣстѣ съ Суздальцами, точно такъ какъ въ Новгородской лѣтописи обыкновенно читаемъ, что въ важныхъ случаяхъ въ Новгородѣ на вѣче сходятся Псковичи и Ладожане—только, о другихъ пригорожанахъ ни слова. Мы предпочитаемъ

чтеніе лѣтописи составленной на сѣверѣ по Лавр. списку; Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149: Ростовци и Суждалци сдумавше вси, пояша Андрея и проч. чтенію лѣтописи составл. на югѣ, и слѣд. не такъ знакомой съ дѣломъ, но Ипатьев. сп., тамъ же, II, 81: Сдумавши Ростовци, и Суждальци и Володимерци вси и проч., тѣмъ болѣе, что послѣ Владимирскій лѣтописецъ, какъ увидимъ, отречется отъ этого избранія, да и какъ было Владимирцамъ снова выбирать Андрея, когда онъ уже княжилъ у нихъ.

323) Хотя есть извѣстіе, довольно вѣроятное, что его утвержденіе произошло не вдругъ, что Андрей, не желая нарушить вдругъ обычая, сперва нѣкоторое время жилъ въ Суздалѣ; Татищ. III, 135: Андрей Юрьевичь Великій Князь ни о чемъ болѣе какъ о строеніи Владимира и другихъ градовъ, якоже и о земскомъ распорядкѣ прилѣже, распространялъ Владимиръ, его же вельми полюбилъ и положилъ намѣреніе всегда тутъ пребывать, къ тому и Митрополію учинить: но Ростовцамъ и Суздальцамъ, яко старымъ городамъ и княжескимъ престоламъ, весьма то было противно, и сколько могли препятствовали, представляя, что сія города издревле престольные, и Владимиръ есть новый пригородъ Суздальскій. Онъ же не хотя народъ озлоблять, жилъ въ Суздали, а во Владимиръ часто ѣздилъ на охоту, и пребывалъ по нѣскольку дней.—Никон. II, 175: И хотяше (Андрей) града сего (Владимира) столъ быти В. княженія. Ростовцемъ же и Суздальцемъ не хотящимъ сего, глаголюще: яко Ростовъ есть старой и большой градъ, и Суждаль, градъ же Владимеръ пригородъ нашъ есть.

324) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 91: Выгна Андрей епископа Леона изъ Суждаля, и братью свою погна Мстислава и Василка и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего переднія.... Идоста Гюргевичи Царюгороду, Мстиславъ и Василко, съ матерью, и Всеволода молодаго пояша съ собою третьего брата: и дасть Царь Василкови въ Дунаи городы, а Мьстиславу дасть волость Отъскалана. См. Арцыб. I. прим. 1087.—Изъ остальныхъ Юрьевичей Борисъ умеръ на сѣверѣ въ 1159 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. 149); другой Ярославъ въ 1166 году (тамъ же, стр. 151), Святославъ, одержимый со дня рожденія злою болѣзнію въ 1174 году. Ник. II, 177: Ненавидяху Князя Андрея своего суще домашнія, и лстивно и лукавно глаголаху къ нему. И тако совраждоваше и ссорипша его зъ братьею, и съ предними мужи отца его; и тако изгна братію свою. Еще же и преднихъ мужей отца своего овехъ изгна, овехъ же енъ въ темницы затвори: и бысть брань люта въ Ростовской и Суждальской землѣ.

325) Татищ. III, 165.

326) Там же, 175.

327) Там же стр. 178: Сей Князь роста был не велми великаго, но широк плечами и крепок, яко его лук едва кто натянуть мог, лицем красен, власы кудрявы и кратие носил, мужественен был во брани, любитель правды, храбрости его ради все князи его боялись и почитали, хотя часто с женами и дружиною веселился, но жены, ни вино им не обладали. Он всегда к расправе и распорядку был готов, для того мало спал, но много книг читал, и в советах о расправе земской с вельможи упражнялся, и детей своих прилежно тому наставлял, сказуя им, что честь и польза князя состоит в правосудии, расправе и храбрости.

328) Полн. Собр. Русск. Лет. II, 100: Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи, и прислал к ним Михна, река тако: выдайте ми Григоря Хотовича и проч.—Мы не можем согласиться с южным пристрастным летописцем, что первая присылка Андрея с требованием выдачи Хотовича, с товарищами была следствием желания придраться к Ростиславичам, найти какую-нибудь вину; ибо из чего не видно, чтоб он мог желать их смены. Слова эти: «Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи» могут иметь смысл только тогда, когда будем читать их в связи с предшествующими событиями, как они читаются у Татищева (III, 185): здесь говорится, что у Андрея с Ростиславичами началась прежде распря за Новгород.—Там же: Баше бо тако урядилъся, яко же Володимера Ярославича Галичьскаго, сестричича Михалкова (который, поссорившись с отцем, прибежал вместе с матерью в Русь, сперва был у Михаила, а потом отправился в Чернигов), дати Ростиславичем и пустити и к отцю, а Ростиславичем пустити Всеволода и Ярополка и всю дружину; Всеволода же пустиша, а Ярополка не пустиша; «не въменилъ вы еси того.» — Выходит, что Михаил не выполнил всех условий, не выдал им Владиміра Ярославича Галицкого, котораго отпустил в Чернигов; а Ростиславичи требовали последняго видно для того, чтоб посредством его приобрести союз с Ярославом Галицким.

329) Так говорит все южный летописец: (Полн. Собр. Рус. Лет. II, 109), но северный иначе (I, 155): Непокоршимся Ростиславичем князю Андрею и в воли его неходящим, паче же Давыд Ростиславичь Вышегородьский князь, сдумал с братьею своею и проч.

330) Но мы видели, что Ростиславичи не выпускали Ярополка из Киева; стало быть после отпустили.

331) См. Татищ. III, 193. — Въ Ипатьев. спискѣ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 109) находится неискусная вставка о которой г. Погодинъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ (Жур. Мин. Нар. Просв. Часть LXIV, 1849): «Кіевская лѣтопись разсказываетъ о первомъ требованіи Андрея, объ отказѣ Ростиславичей, о второмъ приказѣ Андрея братьямъ—идти въ Смоленскъ, о ослушаніи Романа, о занятіи Кіева братомъ Андреевымъ Всеволодомъ, которому уступилъ его Михалко, о попыткѣ прочихъ Ростиславичей умилостивить Андрея, оставшейся безъ отвѣта, о занятіи ими Кіева нечаяннымъ, о плѣненіи тамъ Всеволода, о договорѣ съ Михалкомъ, и послѣ всѣхъ сихъ происшествій вдругъ опять повторяетъ: Того же лѣта Андрей князь Суждальский, розгнѣвася на Ростиславичи про Григорья про Хотовича, заие воли его не учиниша — и се слышавше Олговичи, ради быша.... поводяче и на Ростиславичѣ.... Андрей же пріимъ свѣтъ ихъ.... посла Михна и проч.—Ясно, что были два описанія этихъ происшествій, кои лѣтописатель, редакторъ или переписчикъ, списалъ сряду, а не распомѣстилъ по мѣстамъ.»—Такъ заключаетъ г. Погодинъ, и на этомъ заключеніи должно было бы остановиться. Дѣйствительно послѣдній лѣтописецъ составлялъ свой разсказъ по двумъ извѣстіямъ; окончивъ разсказъ событій до третьяго посольства Андреева словами «а Михалко не пріи его,» лѣтописецъ долженъ былъ помѣстить извѣстіе объ участіи Ольговичей въ дѣлѣ, извѣстіе, которое находилось въ другой лѣтописи, и помѣстилъ его безъ всякой связи съ прежнимъ разсказомъ; какъ видно эта вторая лѣтопись была кратче первой, въ родѣ Суздальской; въ ней это извѣстіе объ Ольговичахъ помѣщено было прямо послѣ извѣстія о Хотовичѣ, и можетъ быть даже разсказъ о войнѣ прямо начинался съ этихъ словъ только съ легкимъ намекомъ на дѣло Хотовича. И такъ въ разсказѣ Ипатьев. Списка мы замѣчаемъ только вставку объ Ольговичахъ, послѣ которой опять слѣдуетъ разсказъ о сношеніяхъ Андрея съ Ростиславичами, и потому намъ кажутся совершенно лишними дальнѣйшія затрудненія, которыя выставляетъ г. Погодинъ; нѣтъ ничего страннаго, что Андрей въ третьемъ приказѣ не упомянулъ ни слова о взятіи Кіева и плѣненіи брата, а повторяетъ все старое: «не ходите въ моей волѣ:» развѣ въ первомъ приказѣ онъ упоминалъ, въ чемъ состояло нехожденіе Ростиславичей въ его волѣ? Объ освобожденіи Михна говорить нечего: лѣтописецъ прямо говоритъ, что между князьями положено было освободить дружину, а если послѣ говоритъ, что одинъ князь Ярополкъ былъ задержанъ, то ясно, что изъ дружины никто не былъ задержанъ, при томъ же, съ другой стороны, не знаемъ, должно ли непремѣнно настаивать на томъ, что взятій

въ Кіевѣ бояринъ Михнъ былъ непремѣнно мечникъ Андреевъ; зачѣмъ было этому посланцу такъ долго оставаться въ Кіевѣ послѣ перваго пріѣзда своего съ обвиненіемъ Хотовичи? ибо лѣтопись ничего не говоритъ о томъ, чтобъ второе посольство къ Роману съ приказомъ идти въ Смоленскъ было правлено Михномъ. Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Погодинъ позволяетъ себѣ заключать, что было пространное описаніе княженія Андреева, которое лѣтописатели различно сократили и неправильно размѣстили, такъ что теперь недостаетъ многихъ среднихъ извѣстій, и оставшіяся представлены сбивчиво. Предъ нами разсказъ полный, носящій ясные слѣды составленія, пополненія, а не сокращенія; какихъ же среднихъ извѣстій не достаетъ? — Далѣе въ разсказѣ о самой войнѣ г. Погодинъ находитъ также затрудненія и пропуски, которыхъ мы не видимъ; такъ онъ говоритъ: «Ольговичи не уступали Кіева Ярославу Изяславичу: значитъ, что Кіевъ Андреемъ былъ предоставленъ теперь имъ (обстоятельство, пропущенное всѣми лѣтописателями). Безъ воли Андреевой они не могли бы имѣть притязанія на Кіевъ.» — Но спрашиваемъ: какъ же могъ имѣть притязанія на Кіевъ Ярославъ Изяславичъ мимо воли Андреевой? — Потомъ г. Погодинъ говоритъ: «Ярополкъ пошелъ на помощь къ Рюрику, сидѣвшему въ Бѣлгородѣ. А почему не остался онъ помогать осажденному Мстиславу? Можетъ быть потому, что Рюрикъ собственно уступалъ ему Кіевъ, бывшій въ его владѣніи. Если Рюрику нужна была помощь, то ясно, что часть Андреевой рати осаждала его въ Бѣлгородѣ, какъ главная осаждала брата его въ Вышегородѣ (обстоятельство, пропущенное лѣтописателями).» — Но спрашиваемъ: на какомъ основаніи г. Погодинъ прибавилъ отъ себя, что Ярославъ пошелъ на помощь къ Рюрику? въ лѣтописи этого не сказано; по смыслу ея разсказа выходитъ, что Ярославъ пошелъ для соединенія съ Рюрикомъ, осаждающіе побѣжали, боясь именно соединенія Ростиславичей съ союзниками. Также безъ всякаго права г. Погодинъ предполагаетъ, что выраженіе: «И то видѣвше и убоявшеся» относится къ Ольговичамъ; на этомъ предположеніи г. Погодинъ основываетъ еще новое, столько же неосновательное, онъ говоритъ: «Не было ли еще какой измѣны со стороны Ольговичей, замѣченной Андреевыми воинами, которая побудила ихъ еще болѣе оставить осаду? Можетъ быть была и измѣна: по крайней мѣрѣ мы читаемъ въ лѣтописи, что, по занятіи Кіева Ярославомъ, Святославъ Черниговскій присылалъ сказать ему: «на чемъ ты цѣловалъ крестъ? ведомии первый рядъ: ты сказалъ мнѣ, что надѣлишь меня, когда сядешь въ Кіевѣ, равно какъ и я надѣлилъ бы тебя, еслибы сѣлъ въ Кіевѣ; нынѣ ты сѣлъ, право или криво: надѣли же меня.» Спрашивается:

когда былъ этотъ первый рядъ у Ярослава съ Святославомъ? Нельзя предполагать здѣсь какого-нибудь прежняго ряда, умолчаннаго лѣтописателями, потому что если бъ онъ и былъ, то уничтожился бы новыми отношеніями, раздоромъ подъ Вышгородомъ, и упоминать объ немъ было бы невозможно. За чтобъ просить Святославу надѣленья? Онъ помогалъ Андрею, онъ не уступалъ Ярославу Кіева, который получилъ князь Луцкій, уже урядясь не съ Ольговичами, а съ Ростиславичами. Ясно, что Святославъ не имѣлъ права требовать никакого надѣленья, еслибъ дѣло было только такъ, какъ записано. Ясно, что рядъ этотъ, о которомъ напоминаетъ Святославъ, былъ тайный, подъ Вышегородомъ, т. е. всѣ князья тамъ сговорились, уладились: Ольговичи, Ростиславичи и Ярославъ. Ярославъ Луцкой получалъ Кіевъ; Ростиславичи освобождались отъ грозы Андреевой, и оставались на своихъ прежнихъ удѣлахъ; Святославъ Кіевскій получалъ надѣленье изъ Кіевской области. Всѣ переговоры происходили втайнѣ отъ Андреевой рати; а чтобы сохранить личину передъ ней, Ольговичи бросились, какъ будто испугавшись грозившей Галицкой помощи. Такимъ образомъ рать Андреева, предоставленная самой себѣ, не могла ничего дѣлать противъ Мстислава и удалилась. Вотъ объясненіе этого, иначе непонятнаго происшествія.» —

Такъ разсуждаетъ г. Погодинъ. Замѣтимъ во-первыхъ, что никакъ нельзя предполагать, чтобы рядъ, о которомъ напоминалъ послѣ Святославъ Ярославу, былъ заключенъ между ними тайно подъ Вышегородомъ съ вѣдома Ростиславичей: еслибы, какъ говоритъ г. Погодинъ, князья уладились подъ Вышегородомъ такъ, что Ярославъ Луцкій получилъ Кіевъ, а Святославъ надѣленье, послѣ чего Святославъ побѣжалъ, давая такимъ образомъ Ярославу просторъ владѣть Кіевомъ, то какимъ образомъ Черниговскій князь будетъ говорить послѣ, что рядъ ихъ былъ при предположеніи, что Кіевъ могъ достаться тому или другому? При условіи ряда, предположеннаго г. Погодинымъ, Святославъ непремѣнно долженъ былъ бы говорить Ярославу: «Я тебѣ уступилъ Кіевъ подъ условіемъ надѣленья; ты теперь сидишь въ Кіевѣ, такъ надѣли меня.» Во-вторыхъ, еслибъ рядъ былъ заключенъ подъ Вышгородомъ, то Святославъ не сказалъ бы: «А помяни первый рядъ», потому что рядъ подъ Вышгородомъ былъ бы послѣднимъ; ясно, что первый означаетъ здѣсь прежній, древній. Объ уничтоженіи этого прежняго ряда новыми отношеніями нечего было думать Святославу: ему нуженъ былъ только предлогъ получить волости или предлогъ взять ихъ силою; притомъ же этотъ рядъ былъ такъ неопредѣленъ: во всякомъ случаѣ, когда одному удастся сѣсть въ Кіевѣ, онъ долженъ надѣлить другаго. Далѣе: еслибы Святославъ

вно уряднлся съ Ярославомъ и Ростиславичами, то онъ могъ бы дались спокойнѣе, не топя своихъ ратниковъ въ Днѣпрѣ, и зачѣмъ же въ такомъ случаѣ Мстиславъ ударилъ на станъ осаждающихъ и побралъ много колодниковъ? Какъ уже было замѣчено, г. Погодинъ не имѣетъ основанія отдѣлять войска Ольговичей отъ остальныхъ полковъ Андреевыхъ, потому что лѣтописецъ говоритъ безразлично: если г. Погодинъ слова: «и то видивше и убоашеся» относитъ къ Ольговичамъ, то долженъ отнести къ Ольговичамъ же и послѣднія слова: «И то видѣвъ Мьстиславъ, и выѣде изъ города съ дружиною своею, и гнавше дружина его и ударишася на товарѣ ихъ, и много колодникъ изъимаша.» Все войско испугалось, все войско бросилось бѣжать, и потому г. Погодинъ не имѣетъ никакого права сказать: «Такимъ образомъ рать Андреева, предоставленная самой себѣ не могла ничего дѣлать противъ Мстислава, и удалилась.» Она не удалялась послѣ Ольговичей, а бѣжала въ ужасѣ вмѣстѣ съ другими. Наконецъ, еслибы Ольговичи побѣжали первые, то уже конечно лѣтописецъ не преминулъ бы сказать этого имъ въ укоръ.

332) Это за что? подъ дѣлателями можно разумѣть архитекторовъ, иностранцевъ; послѣднее обстоятельство могло быть также причиною народнаго нерасположенія къ нимъ.

333) См. любопытныя подробности у Татищева, III, 203 и слѣд.

334) И дружина Владимирская была съ осаждающими; но она могла это дѣлать поневолѣ; лѣтописецъ говоритъ, что она пошла къ Переяславлю по приказанію Ростовцевъ, здѣсь присягнула Ярополку, отстать отъ общаго ополченія не было уже болѣе возможности.

335) Лѣтоп. Переясл. Сузд. изд. кн. Оболен. стр. 85, 86: А съ Переяславци имахуть Володимирци едино сердце.

336) Съ перваго разу можетъ показаться, что лѣтописецъ говоритъ здѣсь о прежней борьбѣ Владимирцевъ съ Ростиславичами, когда они выдержали семинедѣльную осаду; но тогда у нихъ былъ князь Михаилъ, а здѣсь прямо сказано: «За семь недѣль безо Князя будуще въ Володимери градѣ.» Слѣд. здѣсь говорится о послѣднемъ времени и выходитъ, что Владимиръ былъ оставленъ княземъ; очень вѣроятно, что Ярополкъ бросилъ Владимиръ и уѣхалъ жить въ Суздаль, а Владимирцы взяли пока сына Андрея Боголюбскаго, Юрія. Въ этомъ отношеніи очень любопытны извѣстія, находящіяся у Татищева (III, 213): «Владимиръ (говоритъ лѣтописецъ) до днесь чрезъ семь мѣсяцевъ (а не недѣль) былъ безъ князя, и тогда оной вида Ростовцы и Суздальцы отъ князей оставленъ, презирали, и на совѣтъ не призывали, говоря: Новгородцы, Кіевляне, Смольяне, Полочане и вси главные грады изревле на общей совѣтъ при-

народовъ не призывали, а что уложатъ старѣйшіе, потому должны и пригороды исполнять, въ Бѣлой же Руси старѣйшіе грады Ростовъ и Суздаль, и Переславль, и Владиміръ, а прочіе суть пригороды сихъ двухъ, того ради ихъ совѣта не потребно слушать.»—Въ разсказѣ о побѣдѣ Юрьевичей надъ Ростиславичами находятся противорѣчія между сѣверною и южною лѣтописями, также есть кой-что недосказанное. Въ сѣверной лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 159) говорится, что Михаилъ съ Ярополкомъ разошлись въ лѣсахъ, а въ южной (II, 118) читаемъ: «услышавъ же Ярополкъ, и уступи имъ на сторону,»—дѣйствіе намѣренное, а не случайное; развѣ предположить, что Ярополкъ нарочно отступилъ на сторону, чтобъ поставить Юрьевичей между собою и братомъ Мстиславомъ, на что указываетъ присылка его къ послѣднему, помѣщенная въ сѣверной лѣтописи. Но далѣе требуетъ объясненія извѣстіе южной лѣтописи о поступкѣ Москвичей: «Москьвляни же слышавше, оже идеть на нѣ (въ нѣкот. списк. за нѣ) Ярополкъ, и възвратишась вспять, блюдуче домовъ своихъ;»—если мы примемъ чтеніе: за нѣ, то связь съ предыдущимъ возстановится: Ярополкъ отступилъ въ сторону, далъ пройти Юрьевичамъ, и потомъ пошелъ въ слѣдъ за ними, пославши сказать брату, чтобъ тотъ шелъ къ нимъ на встрѣчу; но въ такомъ случаѣ, съ какой стати Москвичамъ было возвращаться назадъ для того, чтобъ оберегать свой городъ? они услыхали, что Ярополкъ слѣдуетъ за ними, а не идетъ на Москву, и слѣдов. домы ихъ безопасны, гораздо опаснѣе было имъ идти назадъ и встрѣтиться съ Ярополкомъ? Гораадо лучше слѣд. принять чтеніе на нѣ въ смыслѣ: собственно на Москвичей, на ихъ городъ, на ихъ волость, и предположить, согласно съ сѣверною лѣтописью, что Ярополкъ нечаянно миновалъ Юрьевичей и продолжалъ идти къ Москвѣ. Потомъ, какимъ образомъ Москвичи могли оставить свой городъ, если знали, что Ярополкъ идетъ къ нему? южная лѣтопись прямо говоритъ, что Юрьевичи двинулись изъ Москвы, узнавши, что Ярополкъ идетъ противъ нихъ. Здѣсь необходимо предположить, что Юрьевичи вышли изъ Москвы именно съ намѣреніемъ встрѣтиться съ Ярополкомъ и сразиться съ нимъ, иначе Москвичи не покинули бы своего города. Наконецъ въ томъ и другомъ разсказѣ нѣтъ ни слова о дѣйствіяхъ Ярополка во время битвы: онъ шелъ по слѣдамъ Юрьевичей, за чѣмъ же онъ не напалъ на нихъ въ то время, какъ войско брата его встрѣтилось съ ними? не сказано также объ очень важномъ обстоятельствѣ: когда была вынесена изъ Андреевой Владимірской церкви икона Богородицы и отдана Глѣбу Рязанскому вмѣстѣ съ книгами и другимъ духовнымъ имуществомъ.

337) Въ южной лѣтописи находимъ еще слѣдующія дополнительныя извѣстія послѣ разсказа о торжествѣ Юрьевичей: «Михалко же и Всеволодъ одаривше Володимера Святославича, отпусти и во свояси.... И потомъ посла Святославъ жены ихъ Михалковую и Всеволожкую, приставя къ нимъ сына своего Олга проводити до Москвѣ; Олегъ же проводивъ и възвратися во свою волость въ Лопасну (село въ 27 верстахъ отъ Серпухова по Москов. дорогѣ). Оттуда пославъ Олегъ зая Свѣрилескъ, бяшеть бо и та волость Черниговская; Глѣбъ же, увѣдавъ то, посла сыновца своего Гюргевича на Ольга; Олегъ, совокупя дружину свою, и выйде къ нему, и бьяжуться на Свирилскѣ, и побѣди Олегъ Святославича, шюрина своего, и много дружины изойма, а самъ едва утече.» — Здѣсь любопытно то, что Олегъ провожалъ княгинь только до Москвы; по всему видно, что Москва былъ первый, пограничный Суздальскій городъ на пути съ юга, изъ Чернигова чрезъ землю Вятичей.

338) По Татищеву (III, 215), Глѣбъ обязался не помогать шурьямъ; между возвращенными вещами находился также и мечь св. Бориса, который Михаилъ повѣсилъ въ церкви Богоматери. — Въ слѣдъ за Рязанскимъ походомъ у Татищева помѣщено извѣстіе о казни убійцъ Андреевыхъ, съ ссылкою на Еропкинскую рукопись; см. также Степен. кн. I, 285.

339) Полн. Собр. Русс. Лѣт. I, 161: И что бяше бояръ осталося у него.

340) Лѣтоп. Переясл. Сузд. стр. 89.

341) Странно, что Владимирцы не говорятъ ничего о Глѣбѣ Рязанскомъ и Мстиславѣ Ростиславичѣ, а толкуютъ только о Ростовцахъ и Суздальцахъ, которые уже давно были взяты въ плѣнъ, и давно слѣд. нужно было бы разсуждать о ихъ наказаніи. У Татищева (III, 226) рѣчь Владимирцевъ представлена полнѣе и связнѣе: «ты же нашихъ злодѣевъ Рязанскихъ князей и ихъ вельможъ и плѣненныхъ нашими руками держишь на свободѣ.... а съ другую сторону злодѣи наши Ростовцы и Суздальцы между нами кроются, смотря только удобнаго времени, како бы намъ какое зло учинить.»

342) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 120; Тогда же князь Глѣбъ мертвъ бысть (довольно странное выраженіе), Іюня въ 30 (1177), а Романа сына его едва выстояша, цѣловавше крестъ.

343) Мьстиславъ и Ярополкъ въ порубѣ бяста, и потомъ изведше я и слѣпивше пустиша. — Въ сѣверной лѣтописи сказано просто: «и пустиша ею изъ земля.» (Лѣтоп. Пер. Сузд. стр. 91). Въ Новгород.: Слѣпленъ бысть Мьстиславъ князь, съ братомъ Ярополкомъ, отъ стрыя своего Всеволода, и пусти я въ Русь; ведома же има слѣпома и гньющема очима, и яко доидоста Смольньска и придоста

на Смядинѣ въ церковь святую мученику Бориса и Глѣба, и ту абіе сънпостиже я божія благодать, и ту прозрѣста. У Татищева (III, 228): Всеволодъ видя, что инакъ ихъ отъ намѣренія отвратить неудобно, обѣщалъ имъ вскорѣ Симовцовъ ослѣпить и отпустить. И того же дня предъ вечеромъ велѣлъ Симовцемъ своимъ сверхъ очей кожу надрѣзать, и довольно окровавленія сдѣлавъ, объявилъ народу, что имъ глаза выколоты, и тотчасъ посадя на телегу за городъ велѣлъ проводить, доколѣ отъ народа безопасны будутъ и отпустили ихъ въ Смоленску. Примѣч. 522: о семъ ослѣпленіи въ раскольничьѣ Хрущова написано: помазавъ очи кровію; въ Симоновѣ такъ, какъ здѣсь точно положено; въ Ростовскомъ и Новгородскомъ одномъ просто отпустилъ; а въ прочихъ ослѣпи Всеволодъ Ростиславичевъ и пусти, и проч. съ происшествіемъ на Смядынѣ.

344) Вотъ что читаемъ о похожденіяхъ Юрія въ Грузинскихъ лѣтописяхъ (Histoire de la Géorgie, traduite par M. Brosset. I, p. 412); Когда искали жениха для знаменитой царицы Тамари, то явился Абулазанъ, емиръ Тифлисскій и сказалъ: «Я знаю сына государя Русскаго, Великаго князя Андрея, которому повинуются 300 царей въ тѣхъ странахъ; потерявши отца въ молодыхъ лѣтахъ, этотъ Князь былъ изгнанъ дядею своимъ Савалтомъ (Sawalth, Всеволодъ), убѣжалъ, и находится теперь въ городѣ Свинди (Swindj), царя Кипчакскаго (Половецкаго).—Юрій явился въ Грузію, духовенство и вельможи упросили Тамарь какъ можно скорѣе обвѣнчаться съ нимъ; Юрій храбро воевалъ съ врагами своего новаго отечества, но скоро возникли между нимъ и женою непріятности, о которыхъ такъ разсказываетъ Грузинскій лѣтописецъ (въ переводѣ г. Броссе, стр. 416): Satan entra dans le coeur du misérable Russe, véritable Scythe, aux pensées barbares, aux passions monstrueuses. Il se mit, au sein de l'ivresse à faire des actions inconvenantes, abominables, qu'il est inutile de décrire; il osa offenser Thamar, le soleil des souverains, la splendeur matinale des rois. Iudas envers lui-même, vaincu par sept esprits impurs, pires que le premièr, et leur servant de temple, il marcha sur les traces des habitants de Sodome, le pervers, le damné qu'il ètait.»—Тамарь долго терпѣла, долго увѣщавала Юрія исправиться, и сама, и чрезъ монаховъ, наконецъ рѣшилась развестись съ нимъ, и Юрій былъ отправленъ въ Константинополь съ большими впрочемъ богатствами. Но скоро онъ явился опять въ Грузіи, къ его пользу объявили себя многіе начальники городовъ, и самъ Боголюбскаго возведенъ былъ на престолъ царей Грузинскихъ; Тамарь однако не отчаявалась; она собрала вѣрныхъ себѣ вельможъ и съ ихъ помощію побѣдила Юрія, который опять долженъ былъ оставить

Грузію, возвратился еще разъ и снова потерпѣлъ пораженіе. — Въ этомъ разсказѣ встрѣчаются затрудненія относительно собственныхъ именъ лицъ и городовъ. Въ первомъ извѣстіи по смыслу подлинника выходитъ, что Юрій скрывался въ городѣ Swindj, принадлежавшемъ царю Кипчакскому, но потомъ это слово является, какъ собственное имя лица, напр. на стр. 437 говорится, что на помощь къ Тамари приходилъ Séwindj Sawalth, брата царя Кипчакскаго. Г. Броссе въ Sawalth основательно видитъ испорченное Всеволодъ, что совершенно идетъ къ первому извѣстію относительно изгнанія Юрія; но кто же будетъ этотъ Séwindj-Sawalth, который приходилъ послѣ на помощь къ Тамари? Онъ названъ братомъ царя Кипчакскаго, слѣдовательно хана Половецкаго; если предположить здѣсь смѣшеніе, и подъ Кипчакскими царями разумѣть князей Южнорусскихъ, сосѣднихъ съ Половцами, то дѣло можетъ объясниться легче: Swindj перваго извѣстія можетъ быть испорченное Святославъ (Свентославъ), князь Черниговскій, у котораго Юрій могъ найти убѣжище, какъ прежде находили его дядья и двоюродные братья; подъ вторымъ же Séwindj-Sawalth можетъ разумѣться Святославичь-Всеволодъ Трубчевскій, второй герой Слова о Полку Игореву.

345) Лутаву (село въ 4 верстахъ отъ Остра) и Моравскъ (мѣстечко Остерскаго уѣзда).

345) Гораздо прежде прихода Романова на югъ, подъ 1175 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: «Смольняне выгнаша отъ себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленьску княжить.» — Но въ это время въ Смоленскѣ сидѣлъ не Ярополкъ, а отецъ его Романъ; и такъ мы должны отнести это событіе къ позднѣйшему времени, когда Романъ ушелъ на югъ, оставивъ сына своего Ярополка вмѣсто себя въ Смоленскѣ: но Смоляне, согласно съ правомъ старшинства, выгнали племянника и призвали дядю.

347) Что по отъѣздѣ Святослава въ Кіевъ мѣсто его въ Черниговѣ занялъ Олегъ Святославичь, видно изъ послѣдовательности лѣтописнаго разсказа: «Преставися Олегъ Святославичь, потомъ же Игорь братъ его сѣде въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, а Ярославъ Всеволодичь въ Черниговѣ сѣде: — Ярославъ садится въ Черниговѣ только по смерти Олега; думаемъ, что когда Олегъ переѣхалъ въ Черниговъ, Ярославъ Всеволодичь переѣхалъ на его мѣсто въ Новгородъ Сѣверскій, а потомъ, по смерти Олега, Ярославъ переѣхалъ въ Черниговъ, а Игорь Святославичь въ Новгородъ.

348) Ярополкъ Ростиславичь, старшій княземъ Владимирскимъ, женился на дочери Всеслава, князя Витепскаго; такъ говоритъ лѣто-

писецъ, но ошибочно, ибо Всеславъ былъ князь Полоцкій, а не Витепскій, Витепскимъ былъ братъ его Брячиславъ; теперь Ярополкъ Ростиславичь находился въ полкахъ Святослава Черниговскаго, который боролся со всѣми Мономаховичами, и со Всеволодомъ Суздальскимъ и съ Ростиславичами южными, слѣд. Васильковичи, заступаясь за зятя, естественно должны были быть въ союзѣ съ Святославомъ. Какимъ образомъ Витепскъ перешелъ опять отъ Ростиславичей Смоленскихъ къ Полоцкимъ князьямъ, — неизвѣстно. Имена Полоцкихъ князей, находившихся въ союзѣ съ Черниговскими суть слѣдующія: Васильковича — Брячьславъ изъ Витебьска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ нимъ же бяхуть и Лѣбь и Литва, Всеславъ Микуличь изъ Логажеска́, Андрей Володшичь и сыновець его Изяславъ, и Василко Брячьславичь.

349) За какимъ неизвѣстно; лѣтопись упоминаетъ только о двоихъ сыновьяхъ Владиміра, прижитыхъ имъ отъ попадьи: если Романовна была за старшимъ изъ нихъ, то выходитъ, что Владиміръ сталъ жить съ ихъ матерью давно уже, еще при жизни отца своего Ярослава. По разсказу Татищева выходитъ такъ (III, 285).

350) Такъ разсказываетъ Русскій лѣтописецъ; по Польскимъ же извѣстіямъ, Олегъ Ярославичь, не найдя помощи у Рюрика Ростиславича въ Овручѣ, пошелъ къ Польскому королю Казиміру, и вмѣстѣ съ нимъ отправился на Владиміра Галицкаго; тотъ, соединившись съ Всеволодомъ Мстиславичемъ Бельзскимъ, братомъ Романа Волынскаго, вышелъ къ нимъ на встрѣчу, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Венгрію; Олегъ сѣлъ въ Галичѣ, но скоро былъ отравленъ, и тогда бояре призвали на его мѣсто Романа Волынскаго. См. Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 321. Извѣстіе о смерти Олега, проходящаго безъ вѣсти въ нашихъ лѣтописяхъ, заставляетъ обратить вниманіе на этотъ разсказъ.

351) Въ «Вѣнкѣ на обжинки Русинамъ» (ч. II, стр. 162) говорится, что на мѣстѣ города Плѣсниска существуютъ нынѣ окопы и великіе курганы, заросшіе лѣсомъ, недалеко отъ Подгорца, первой почтовой станціи изъ Бродъ къ Золочову.

352) Изъ этого видно, что король обѣщалъ подѣлиться съ Святославомъ, и послѣдній могъ думать, что Бела уступитъ ему Галичь, а самъ возьметъ Перемышль или другія какія-нибудь волости.

353) Пол. Собр. Рус. Л. II, 137: Рюрикъ же увѣдавъ то, наряди по немъ (по Глѣбѣ) Святослава Володимерича, пристава къ нему мужъ свой.—Для чего и куда онъ отправилъ Святослава? Какъ видно также къ королю, чтобъ противодѣйствовать своекорыстнымъ видамъ Святослава Кіевскаго. Кто былъ этотъ Святославъ Владиміровичь? Карамзинъ догадывается, что сынъ Владиміра Мстиславича, что́ очень вѣроятно.

354) Стаю быть у нихъ былъ договоръ дѣйствовать за одно относительно Галича.

355) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 138: Рюрикъ же не улюбишеть лишитися отчины своея, не хотѣ подѣлитися Галичемъ.—Это чтеніе, по моему мнѣнію, должно быть исправлено: какимъ образомъ Рюрикъ не хотѣлъ отдать Святославу и своихъ старыхъ владѣній, и не хотѣлъ дѣлиться Галичемъ, слѣдовательно цѣлію похода ставилъ только одну свою пользу? Но совершенно ясно будетъ, если вмѣсто не исправимъ но: «но хотѣ подѣлитися Галичемъ.»

356) Ник. II, 262: Сія же глаголя Всеволодъ извѣтъ творя.

357) И да ему Полоный и полътъртака Корьсуньскаго.—Этотъ Полоный не можетъ быть около Луцка, ни на рѣкѣ Стырѣ, потому что за Горынью не могло быть Кіевскихъ владѣній, не можетъ быть и тѣмъ Полоннымъ, который упоминается подъ 1172 (1169) годомъ, ибо послѣдній Полонный принадлежалъ Десятинной Кіевской церкви, и потому Рюрикъ не могъ отдать его Роману. Что же касается до: «полътъртака Корьсуньскаго,» то конечно удобнѣе принять чтеніе—«полторока (т. е. полторческа) Рускаго,» ибо нельзя, кажется, было Рюрику отдавать что либо Корсунское, когда Корсунь отданъ былъ уже Всеволоду; но съ другой стороны, и Торческъ былъ отданъ также Всеволоду, который отъ себя далъ его зятю Ростиславу; трудно думать, чтобъ Рюрикъ, безъ вѣдома Всеволода, рѣшился отнять у Ростислава половину волости для Романа при тогдашнемъ положеніи послѣдняго; другаго же Торческа, кромѣ Пороскаго, мы не можемъ разумѣть, ибо только послѣднему могло быть прилично названіе Руской, т. е. Кіевскій; далѣе—никогда ни одинъ Торческъ не называется Рускимъ; наконецъ чтеніе «Полторска Рускаго» будетъ гораздо легче «полътъртака Корьсуньскаго,» и потому послѣднее должно быть предпочтено, не смотря на его непонятность.

358) Здѣсь явная неправда: Днѣпромъ Ярославъ никогда не дѣлилъ Всеволодовичей отъ Святославичей: и Святославу и Всеволоду онъ далъ волости по одной восточной сторонѣ Днѣпра. Здѣсь любопытно впрочемъ то, что Мономаховичи требуютъ отъ Ольговичей, чтобъ тѣ не искали подъ ними Смоленска—новое доказательство отсутствія отчинности, ибо какое право могли имѣть Ольговичи на Смоленскъ? Но если Мономаховичи хотѣли дѣлиться Днѣпромъ, то необходимо должны были отдать Переяславль Ольговичамъ, и точно объ этомъ городѣ они не упоминаютъ, тогда какъ этотъ городъ и былъ именно ихъ отчина по Ярославову дѣленію.

359) Вотъ доказательство, что Кіевъ принадлежалъ Всеволоду, какъ старшему, и уже изъ его рукъ былъ отданъ Рюрику.

360) Никон. II, 265: Ярославъ говоритъ: «Не якоже и отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхожаше на великое княженіе Кіевское, еще же и намъ и вамъ лѣствичнымъ восхоженіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ, взыти на великое княженіе.

361) Все это дѣло для насъ очень темно по недостатку обстоятельныхъ извѣстій о Полоцкихъ отношеніяхъ. Мы видѣли, что Витепскъ, сначала принадлежавшій къ Полоцкому княжеству, перешелъ въ послѣдствіи къ Смоленскому; но потомъ опять видимъ, что здѣсь сидитъ одинъ изъ Полоцкихъ князей, именно Брячиславъ Васильковичъ, бывшій въ 1180 году въ союзѣ съ Ольговичами; теперь сидитъ въ Витепскѣ зять Давидовъ, кто именно? тотъ же ли самый Брячиславъ или сынъ его, Василько Брячиславичь, упоминаемый въ 1180 году?—неизвѣстно. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ Рюрикъ хотѣлъ отнять у братняго зятя Витепскъ и отдать его Ольговичамъ; любопытно здѣсь только, что наши князья не обращаютъ никакого вниманія на черезполосность владѣній, и что Мономаховичи, толкуя о Днѣпрѣ, какъ границѣ владѣній Ольговичей, уступаютъ имъ отдаленный городъ на Двинѣ. Подъ 1180 годомъ видимъ въ Друцкѣ Глѣба Рогволодовича, союзника Ростиславичей, подъ 1195 является здѣсь Борисъ, союзникъ Ольговичей. Вотъ извѣстіе по Ипатьев. списку: «Ярославъ же не дождавъ ряду послалъ сыновця своя ко Витебьску, на зятя на Давида (выходитъ, что должно читать: на зятя Давидова)... Олговичи же, не доѣхавъше Витебьска, воеваша Смоленьскую волость. Слышавъ же Давидъ Ольговича, посла Мьстислава Романовича сыновця своего, и Ростислава Володимерича (по Карамзину, сына Владиміра Мстиславича) съ полкомъ своимъ, и Рязанскаго княжича зятя своего Глѣба со Смолняны противу имъ»... и проч. см. въ нашемъ текстѣ. — Въ сѣверной лѣтописи по Лавр. списку читаемъ: «Тое же зимы посла Давидъ и Смоленьска сыновца Мстислава, свата В. князя Всеволода, въ помочь зятю своему на Витепскъ, и побѣди его Василко съ Черниговци.» Кто этотъ Василько? уже конечно не Брячиславичь, ибо послѣдній, какъ князь или княжичь Витепскій не могъ сражаться противъ Давидова войска, посланнаго ему на помощь; южная лѣтопись изъ Полоцкихъ князей, бывшихъ въ дѣлѣ съ Ольговичами, упоминаетъ только одного Бориса Друцкаго, и не знаетъ никакого Василька, быть можетъ этотъ Василько былъ Володаревичь, князь Логожскій? Въ сѣверной лѣтописи находимъ слѣдующее среднее извѣстіе подъ 1186 годомъ. «Того же лѣта на зиму иде на Полтескъ Давидъ Ростиславичь изъ Смоленьска, а сынъ его Мстиславъ изъ Новагорода, изъ Ложска (Логожска) Василько Володаревичь, изъ Дреютьска Всеславъ, и слина

Полочане, и слушаша рекуще; «не можем мы стати противу Новгородцем и Смолняном; аще попустим их въ землю свою, аще и миръ створим съ ними, а много ты зла створять, попустять ны землю идучи до насъ; пойдемъ къ нимъ на сумежье. И собрашася вси, и идоша къ нимъ, и срѣтоша я на межахъ съ поклономъ и честью и даша ему дары многы, и уладишася.» Здѣсь Друцкимъ княземъ названъ не Борисъ и не Глѣбъ, а Вячеславъ, Логожскимъ княземъ является Василько Володаревичь, а въ извѣстіи подъ 1180 годомъ Всеславъ Микуличь.

362) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 149: Слышавъ же Рюрикъ, аже изъ Полоцкаго ѣхавше воевали волость брата его Давидову и сына его Ростиславлю. — Значитъ и Смоленскій князь имѣлъ волость въ Кіевскихъ владѣніяхъ.

363) Есть даже извѣстіе что Романъ, утвердившись въ Галичѣ, сдѣлалъ много зла Рюрику. Полн. Собр. Русс. Лѣт. II, 326.

364) Мстиславъ Владиміровичъ, котораго мы видѣли подъ 1180 годомъ, когда онъ побѣжалъ отъ Половцевъ; въ лѣтописи сказано, что Рюрикъ сильно разсердился на него за это: «Рюрикъ же нежалова на Володимирича на Мьстислава, река ему: въ первое Трьполь переда Олговичем; ать нынѣ аче и хотя же еси побѣглъ, Олговичем и Половцем добро творя, но Богъ и крестъ помоглъ бояромъ, а ты ѣ хотя кончати—и велми на него жалова.» Какъ видно, Триполь былъ отнятъ у Мстислава, быть можетъ даже по этому случаю; другаго Владиміровича, Ростислава мы видѣли въ Смоленской области, въ битвѣ съ Ольговичами и Полочанами. Потомъ Мстиславъ Владиміровичь былъ взятъ въ 1203 году Рюрикомъ и Ольговичами въ Кіевѣ, и одинъ изъ Черниговскихъ князей, Ростиславъ Ярославичь отвелъ его съ собою въ Сновскъ.

365) Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 176.

366) Лѣтописецъ (Полн. Собр. Русс. Лѣт. I, 176) говоритъ: «И створися велико зло въ Русстѣй земли, якогоже зла не было отъ крещенья надъ Кыевомъ, напасти были и взятья, не яко же нынѣ зло се сстася.» Но грабежъ по взятіи Кіева войсками Боголюбскаго описывается съ одинакими подробностями, и тогда также ограблены были церкви.

367) По Татищеву (III, 338) оставилъ опять Ингваря Луцкаго.

368) Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 156. Бѣ бо Володиславъ лѣстя межи има.

369) У Татищева (III, 336) помѣщена любопытная рѣчь Романа къ другимъ князьямъ, въ которой онъ уговариваетъ ихъ установить въ волостяхъ порядокъ преемства отъ отца къ сыну, и болѣе, опе-

реділенный порядокъ въ преемствѣ старшаго стола; но никто не согласился на предложеніе Романа.

370) Kadlubek II, p. 127.

371) Это извѣстіе находится у Стрыйковскаго, который говоритъ, что Романъ впрягалъ плѣнныхъ Литовцевъ и Ятвяговъ въ плуги и заставлялъ выпахивать коренья по новымъ мѣстамъ. — Мы не думаемъ впрочемъ, чтобъ должно было, какъ здѣсь, принимать эту поговорку буквально. Романъ заставлялъ Литовцевъ и Ятвяговъ заниматься земледѣліемъ, отъ чего современники видѣли мало проку, и произошла приведенная поговорка, въ послѣдствіи же эта поговорка объяснена буквально.

372) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 156: У Микулина, на рѣкѣ Серетѣ. Теперь Микулинцы, въ Галиціи, въ Тарнопольскомъ округѣ.

373) Мстибогъ, Мончукъ и Никифоръ.

374) Потому что Новгородъ Сѣверскій былъ, вѣроятно, занятъ уже кѣмъ нибудь изъ другихъ Ольговичей.

375) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 157: Олександръ иріа Угровескъ, Верещинъ, Столпье, Коновь и да Василкови Бѣлзъ. — Значитъ Александръ отдалъ Васильку Бельзъ, но означенные четыре города Бельзской волости удержалъ за собою.—Угровескъ, теперь Угруйскъ, село при Бугѣ подлѣ Верещина, а Верещинъ мѣстечко въ юговосточной части Царства Польскаго, по дорогѣ изъ Грубешова въ Бельзъ; Столпье, село къ сѣверозападу отъ Хельма по дорогѣ въ Люблинъ; Коновь, теперь Куновъ на полпути изъ Хельма къ Ухани. См. Погодина И. З. и Л. т. IV, стр. 197.

376) Въ Волынской лѣтописи о княженіи Ростислава Рюриковича нѣтъ, но есть въ Воскресенскомъ (II, 150), Никоновскомъ (III, 365), и другихъ сборникахъ; у Татищева (III, 365) дѣло разсказано обстоятельно и понятно. Такіе факты не выдумываются; притомъ въ Волынской лѣтописи здѣсь явный пропускъ:.... «Бѣда бобѣ въ землѣ Володимерьстѣй отъ воеванья Литовьскаго и Ятвяжьскаго. Мы же на прежнее возвратимся случившихся въ Галичѣ. Андрей же король увѣдивъ безаконье Галичкое и мятежь, и посла Бенедикта и проч». Но о какомъ беззаконіи и мятежѣ Галицкомъ увѣдалъ Андрей? ясно, что пропущенъ разсказъ о Ростиславѣ и его изгнаніи; на пропускъ прямо указываетъ частица же, которая должна соединять слова: «Андрей же король» съ какимъ-нибудь предыдущимъ разсказомъ опущеннымъ.

377) Прежде было сказано въ лѣтописи, что, убѣгая предъ Мстиславомъ, Даніилъ удалился въ Венгрію, а Василько съ дядькою своимъ Мирославомъ въ Бельзъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 159); должно

думать, что когда Василько отправился въ Галичъ, то Лешко съ Александромъ, не желая увеличивать силы Романовича, взяли у Василька Белзъ, ибо старшій братъ могъ дать ему волость въ Галицкі; иначе трудно объяснить эту жестокость Лешка къ изгнаннику.

378) А прежде, послѣ перваго похода на Галичъ въ предыдущемъ году, Рюрикъ отдалъ Бѣлгородъ Ольговичамъ, которые посадили здѣсь Глѣба Святославича.

379) Идоша Копонову. — Копоново село въ Касимовскомъ уѣздѣ въ 42 верстахъ отъ города.

380) Ясно, что и первое извѣстіе прислано было отъ Владиміровичей: иначе зачѣмъ бы Всеволодъ посадилъ только ихъ двоихъ у себя обѣдать, скорѣе онъ посадилъ бы старшихъ Романа и Святослава съ собою. Владимирскій лѣтописецъ вѣритъ справедливости доноса, Новгородскій называетъ Владиміровичей клеветниками.

381) Полн. Соб. Рус. Лѣт. I, 182: Князь же великый слышавъ, яко въображена бысть истина.

382) Теперь Льговъ, въ 11 верстахъ отъ Рязани по Спасской дорогѣ.

383) Подъ 1210 годомъ встрѣчаемъ еще слѣдующее извѣстіе: В. Князь Всеволодъ посла съ полкомъ Кузму Ратьшича, меченошю своего, и взя Тепру, и възвратися со многымъ полономъ въ Володимерь.—Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто Тепра стоитъ просто Пра; Пра рѣка Рязанской губерніи Спасскаго уѣзда, и въ такомъ случаѣ походъ этотъ будетъ окончаніемъ покоренія Рязанской волости; но по Татищеву походъ Ратши былъ на Болгаръ; у Татищева же (III, 363) послѣднее поведеніе Рязанцевъ относительно Ярослава приписано проискамъ Глѣба Владиміровича, который, будучи недоволенъ тѣмъ, что получилъ отъ Всеволода въ награду за свою клевету, сносился съ Черниговскими и подучалъ Рязанцевъ на Ярослава; намъ неизвѣстно, что получилъ Глѣбъ отъ Всеволода.

384) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 178; Карамз. III, примѣч. 118.

385 По Ник. (II, 209) встрѣча была на Бѣлѣозерѣ.

386) Который—Андреевичь или Ростиславичь? по отвагѣ можно думать, что второй.

387) По чему же Мстиславъ отдалъ сына на руки братьямъ Давиду и Рюрику, а не старшему Роману? Быть можетъ вслѣдствіе недавней размолвки за Полоцкъ; впрочемъ и прежде были у нихъ столкновенія: въ 1175 году Романъ, отправляясь въ Кіевъ, отдалъ Смоленскъ сыну своему Ярополку, но Смольняне выгнали послѣдняго и призвали на его мѣсто дядю Мстислава. Впрочемъ у Мстислава остался старшій сынъ, знаменитый послѣ Мстиславъ Мстиславичь Удалой; онъ, вѣроятно, остался княжить въ отцовской волости, въ Торопцѣ;

а младшаго Владиміра отецъ отдалъ Рюрику и Давиду, княжившимъ въ Кіевской области, чтобъ они тамъ дали ему волость, и дѣйствительно въ 1180 году мы видимъ его въ Треполи съ дядькою Борисомъ Захарьичемъ, который предводительствуетъ полкомъ малолѣтнаго князя.

388) Полн. Соб. Русск. Лѣт. III, 18: Выведе Всеволодъ, прислалъ, своякъ свой изъ Новагорода Ярослава Володимирица: негодовахуть бо ему Новгородьци, зане много творяху пакости волости Новгородьскѣй. — Кто же творяху? дружина, пріятели Ярославовы? Но если Всеволодъ самъ вывелъ Ярослава, то можно заключить, что не безъ его согласія былъ призванъ Мстиславъ.

389) Но Изяславъ и другой братъ его Ростиславъ умерли оба въ слѣдующемъ 1198 году. Въ томъ же году Ярославъ со всею областію Новгородскою ходилъ на Полоцкъ; но на озерѣ Каспли былъ встрѣченъ Полочанами и взялъ съ ними миръ.

390) Татищ. III, 327.

391) Лѣтоп. Пер. Сузд. стр. 104; Воскр. II, 129.

392) Три года назадъ лѣтописецъ упомянулъ о набѣгѣ Литвы, и только; больше ни о какой рати нѣтъ извѣстій; съ Варягами въ 1201 году была ссора, но тогда же кончилась миромъ.

393) Михаилъ умеръ въ слѣдующемъ 1206 году.

394) Здѣсь дворъ покойнаго Мирошки отдѣленъ отъ двора сына его Димитрія; можно оставить и это чтеніе: «А Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша,» и тогда будетъ надобно предположить, что дворъ стараго Мирошки, по обычаю, достался младшему сыну, Борису; но есть другое чтеніе: «А Мирожкинъ дворъ Дмитровъ жгоша,» т. е. Мирошкинича дворъ Дмитровъ; послѣднему чтенію противорѣчатъ впрочемъ слѣдующія выраженія: «а житіе ихъ поимаша.»

395) Такъ разсказываетъ лѣтописецъ Новгородскій. Но у Татищева читаемъ, что Всеволодъ, узналъ о занятіи Торжка Мстиславомъ, отправилъ противъ него троихъ сыновей своихъ, Константина, Юрія и Ярослава; Новгородцы испугались и послали къ Константину просить мира, отправивъ вмѣстѣ и захваченнаго ими Святослова и надлежащую Великому князю дань. Константинъ, слѣдуя всегдашней своей умѣренности, вопреки совѣту младшихъ братьевъ, согласился на миръ, вслѣдствіе котораго Мстиславъ удалился назадъ въ Торопецъ, и на его мѣсто Всеволодъ прислалъ сына своего Владиміра. Новгородцы, видя, что возстаніе не имѣло успѣха, выместили свою злобу на тѣхъ, которые уговорили ихъ къ нему: они хотѣли умертвить друзей Мстиславовыхъ, и едва были укрощены Владыкою. Но въ 1211 году Новгородцы снова послали за Мстиславомъ; тогда Владиміръ, опасаясь участи брата, уѣхалъ тотчасъ къ отцу, и Мсти-

славъ вступилъ въ Новгородъ и удержался въ немъ. — Изъ извѣстій въ лѣтописяхъ, до насъ дошедшихъ, можно усмотрѣть какимъ образомъ составился Татищевскій разсказъ. Въ Никонов. Сбор. (II, 308) читаемъ извѣстіе: «К. В. Всев. Юр. послалъ сына своего, Князя Константина съ братіею его на князя Мстислава Мстиславича на Торжекъ; князь же Мстиславъ Мстиславичь слышавъ отъиде въ Новгородъ, и оттуда иде въ Торопецъ въ свою власть. Князь же Константинъ Вс. съ братьею своею возвратился со Твери, и Князь Святославъ Вс. братъ ихъ прiиде къ нимъ изъ Новгорода». — Тоже читается въ Пушкинскомъ спискѣ, который цитуетъ самъ Карамзинъ (III, примѣч. 132). Это извѣстіе, распространенное въ спискѣ, которымъ пользовался Татищевъ, вошло явственно въ его разсказъ; князь Владиміръ Всеволодовичь является на сцену вслѣдствіе смѣшенія его съ княземъ Псковскимъ Владиміромъ, братомъ Мстиславовымъ, который въ Новгор. лѣтописи подъ 1210 годомъ ходитъ съ Новгородцами на Литву, подъ 1211 посаженъ братомъ въ Лукахъ; извѣстіе объ уходѣ Мстислава отъ Торжка въ Торопецъ объясняется извѣстіемъ, находящимся въ Новгор. лѣтоп. подъ 1211 годомъ: «И посла князь Мстиславъ Димитрія Якунича на луки съ Новгородцами города ставить; а самъ иде на Тържькъ блюсть волости, изъ Търожку иде въ Торопьчь, изъ Торопця иде на Луки.» Какъ видно, онъ укрѣплялъ города отъ Литовскихъ набѣговъ. Наконецъ извѣстіе о возстаніи Новгородцевъ на пріятелей Мстиславовыхъ можетъ быть въ связи съ извѣстіемъ о смутѣ по поводу Архіепископа Митрофана.

396) Никон. II, 310.

397) Тамъ же, стр. 311.

398) Лѣтоп. Пер. Узд. стр. 110. И тако сѣде Ярославъ въ Переяславлѣ на столѣ идеже родися.

399) Хотя лѣтописи и полагаютъ смерть его въ 1215 году, но неупоминновеніе имени его при описаніи борьбы Ольговичей съ Мономаховичами заставляетъ положить смерть его ранѣе 1214 года.

400) Татищ. III, 379.

401) Не сказано, какимъ образомъ Твердиславъ явился опять посадникомъ; очень вѣроятно, что Димитрій Якуничь остался отправлять свою должность въ Новгородѣ, а Твердиславъ называется посадникомъ въ смыслѣ стараго.

402) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 32: И яша 2 князя Ростислава Ярославиця и Яропълка брата его, вънука Олгова. — Такъ разсказываетъ лѣтописецъ Новгородскій; почти также въ Никон.; въ Воскресен. прибавлено (II, 154), что въ союзѣ съ Ростиславичами былъ Ингварь Ярославичь Луцкій: «Всеволодъ же Святославичь не утрънѣ,

бѣше за Днѣпръ з братьею своею и мнози люди истопоша въ Днѣпрѣ,.. идоша по немъ князи Чернигову, и оступиша во градѣ Глѣба брата его, а Всеволодъ преставися. И стояша около города 3 недѣли,.. и цѣловавши крестъ межь собою разидошася и сѣде въ Кіевѣ Инъгварь Ярославичь... потомъ же уравившеся, даша Кіевъ Мстиславу Романовичу, а Инъгварь опять иде къ Лучьску.» Подробности Вышгородской битвы см. у Татищ. III, 380.

403) Никон. II, 318; Татищ. III, 382; у Татищева прибавлено, что простой народъ былъ за Мстислава.

404) Имя отца его Иванка упоминается подъ 1195 и 1196 годомъ вмѣстѣ съ именемъ Мирошки.

405) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 33: Князь Ярославъ я Якуна Зубѣломиици, а по Ѳому посла по Доброшинница по Новоторжьскии посадникъ, и оковавъ потоци ѝ на Тъхверь.

406) Весь этотъ разсказъ Новгородскаго лѣтописца не совсѣмъ ясенъ; вотъ онъ въ подлинникѣ: «И по грѣхомъ нашимъ обади Ѳедоръ Лазутиниць и Иворъ Новотържичь Якуна Тысяцьскаго Намнѣжича; князь же Ярославъ створи вѣче на Ярославлѣ дворѣ; идоша на дворъ Якунь, и розграбиша, и жену его яша, а Якунъ заутра иде съ посадникомъ къ князю, и князь повелѣ яти сына его Христофора Мая въ 21. Тъгдаже, на Сборъ, убиша Пруси Овъстрата, и сынъ его Лугату, и въвъргоша ѝ въ греблю мьртвъ; князь же о томъ пожали на Новгородцѣ. Того же лѣта поиде Князь Ярославъ на Тържькъ, поимя съ собою Твьрдислава Михалковица, Микифора, Полюда, Сбыслова, Семена, Ольксу и много бояръ, и одаривъ присла въ Новъгородъ; а самъ сѣде на Тържку.» Въ Никонов. спискѣ событія разсказаны не совсѣмъ такъ, а именно князь захватываетъ сына посадничья, а не тысяцкаго. — Что касается Овстрата, убитаго жителями Прусской улицы, то онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ пріятелей Димитрія Мирошкинича, которыхъ Новгородцы не хотѣли держать у себя въ 1209 году, и которые были потому отосланы въ Суздальскую землю; когда онъ возвратился, неизвѣстно.

407) Ихъ имена: Володиславъ Завидиць, Гаврила Игоревиць, Гюргя Олькслиниць, Гаврильць Милятиниць.

408) Впадаетъ въ Волгу ниже обѣихъ рѣкъ Старицъ, при селеніи Холохольнѣ.

409) Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда.

410) Какимъ же образомъ это случилось? Не должно забывать лѣтописнаго извѣстія, гдѣ говорится о смутѣ по смерти Всеволода, когда одни признали старшинство Юрія и остались у него, а другіе пошли къ Константину въ Ростовъ; могло случиться, что члены од-

наго семейства могли разойтись такимъ образомъ въ разныя стороны; бояре, убѣжавши въ Ростовъ, оставили села во Владимірской области, и теперь рабы ихъ, погнанные изъ поселій, шли противъ нихъ съ Юріемъ; не забудемъ также, что Новгородцы, преданные Ярославу, шли противъ своихъ братій, находившихся съ Мстиславомъ.

411) Никон. II, 325.

412) Этотъ двукратный пожаръ, быть можетъ, былъ произведенъ пріятелями Константина.

413 Наслѣдовавшій Владиміру Юрьевичу, умершему въ 1203 году.

414) Вспомнимъ, что Ростиславичей Галицкихъ только подозрѣвали въ смерти Ярополка Изяславича.

415) Изяслава, Кюръ Михаила, Ростислава, Святослава, Глѣба и Романа.

416) Какъ принимать здѣсь слово выдалъ? въ смыслѣ ли физическомъ — отдалъ, сдалъ, или въ томъ смыслѣ, что онъ выдалъ его на судѣ, т. е. не вступился за него передъ княземъ? По слѣдующему извѣстію, что князь выпустилъ Матея, можно принимать первое, но можно также принять и то и другое.

417) И пойдоша оишоловици и до дѣтіи въ брънахъ.—Принимать ли здѣсь и до дѣтіи, т. е. даже и до дѣтей, или видѣть въ: и до дѣтіи испорченное изодѣтіи?

418) Арцыбашевъ думаетъ, что эти Тоймокары были жители рѣки Тоймы; онъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ книги — Большой Чертежъ (стр. 195, по изд. Спасскаго): «рѣки, которыя въ Двину пали:.. ниже Ухтюхи 50 верстъ, пала рѣка Тойма верхняя, а ниже Тоймы 20 верстъ, пала Тойма нижняя: протоку верхніи Тоймы 150 верстъ, а нижніи Тоймы 70 верстъ.

419) Поѣди къ намъ, забожницье отложи, судье по волости не слати. — Что такое забожничье? объясняютъ данью за божницы, церкви — иновѣрческія? — не отвѣчаемъ за справедливость этого объясненія. Нельзя ли скорѣе принять збожничье отъ збоже (жито).

420) Такъ говоритъ Новгородская лѣтопись, но иное Татищевъ (III, 451): «Ярославъ, выслушавъ присланныхъ отъ Новгородцевъ, сказалъ имъ: естьли данную Михаиломъ неистовую грамоту отринутъ, и учинятъ ему роту по прежнему обычаю, то онъ къ нимъ пойдетъ, и отъ непріятелей ихъ Нѣмецъ своими войсками оборонять будетъ; есть ли же оной не отрекутся, то не пойдетъ. Послы послали насчеро въ Новгородъ, и Новгородцы многу распрю имѣли, напослѣдокъ принуждены оную грамоту оставить и отдать ему, а сами учинили роту Ярославу по прежнему.» — Можно согласить эти извѣстія такъ, что Ярославъ цѣловалъ крестъ на старыхъ грамотахъ Ярославовыхъ, а Новгородцы должны были отказаться отъ новыхъ льготъ Михаиловыхъ.

421) Въ Волынской лѣтописи первое прибытіе Мстислава въ Галичь полагается въ 1212 году; но мы предпочитаемъ хронологію Новгородской лѣтописи.

422) Въ Волын. лѣтоп. нѣтъ подробностей о кончинѣ Мстислава; въ Воскресен. (II, 185 читаемъ: Преставися Мстиславъ Мстиславичь князь Торопечскій, княживъ въ Галичи и поиде въ Кіевъ, разболѣжеся на пути и постражеся въ схиму и такъ преставися.

423) У Татищева (III, 443) именно сказано, что Олегъ Игоревичь Курскій, возвратясь отъ Калки, взялъ себѣ Черниговъ, но Михаилъ призвалъ Юрія на помощь, и Олегъ, не смотря на то, что митрополитъ Кириллъ заступался за его старшинство, долженъ былъ уступить Черниговъ. — Преемство и родство князей Туровскихъ и Пинскихъ трудно опредѣлить: подъ 1190 годомъ читаемъ: «Рюрикъ Ростиславичь бысть въ Пинески у тещи своея и у шюрьи своея, тогда бо бяше свадба Ярополча.» Подъ 1204 г. видимъ въ Пинскѣ князя Владиміра; а въ 1228 Ростислава.

424) Татищ. III, 247.

425) Лѣтоп. Пер.Užд. стр. 111.

426) Никон. II, 325.

427) Мы не упоминаемъ здѣсь о Бояра хъ Новгородскихъ, Галицкихъ и Волынскихъ, которыхъ дѣятельность и отношенія ясно обозначены въ своемъ мѣстѣ.

428) Scriptores rer. Livonicar. II, I; Russow's livländische *Chronic*, s. II.

429) Ibidem, I, 1; Chronicon livonicum vetus, s. 50.

430) Chron. Liv. vet. p. 52: Baptismum, quem in aqua susceperant, in Duna se lavando removere putant, remittendo in Teutoniam.

431) Ibid. p. 64: Tu tantum, remisso exercitu, cum tuis ad Episcopatum tuum cum pace revertaris, eos, qui fidem susceperunt, ad eam servandam compellas, alios ad suscipiendam verbis, non verberibus, allicias.

432) Chron. Liv. vetus. p. 95: Livones e contrario, nec eos pacem velle, nec servare, proclamant. Quorum os, mala dictione et amaritudine plenum, magis ad bella struenda, quam ad pacem faciendam cor et animum regis incitat.

433) Ibid. p. 101. Erat autem inter eos Ako, princeps ac senior ipsorum, qui totius traditionis et omnium malorum extiterat auctor.

434 Объ этомъ Вячеславѣ или Вячкѣ и братѣ его Васильѣ, синовьяхъ Бориса Давидовича Полоцкаго, и мачихѣ ихъ Святохнѣ, см. любопытный разсказъ у Татищева III, стр. 403 и слѣд.

435) Chron. Liv. vetus, p. 134: Erat namque rex Wissewalde de Gercike Christiani nominis et maxime Latinorum, semper infensus

inimicus. — Wissewalde сходнѣе со Всеволодомъ; но въ точности ручаться нельзя; очень можетъ быть, что это и Василько.

436) Scriptor. rer. Livonic. I, 1, p. 409.

437) Chron. Liv. vetus, p. 138: Et acceperunt ab eis quadringentas marcas nagatarum. Эстонское слово nahk, gen. nahha, значитъ: кожа.

438) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 32.

439) Sed neque Regi tributa sua dari prohibebat, secundum quod Dominus in Euangelio suo iterum ait: Reddite, quæ sunt Cæsaris, Cæsari et. c. Quia et ipse episcopus versa vice quandoque eundem censum etiam regi pro Livonibus persolverat. Livones, autem, nolentes duobus dominis servire, tam Ruthenis videlicet, quam Teutonicis, suggerebant Episcopo in omni tempore, quatenus eos a jugo Ruthenorum omnino liberaret.

440) Chron. Liv. vetus, p. 186.

441) Monum. Liv. antiquæ, III, p. 78.

442) Chron. Liv. vetus. p. 296.

443) Полн. Соб. Русск. Лѣт. III, 35; ср Chron. Liv. vet. p. 206.

444) Chron. Liv. vet. p. 280, 284.

445) По Татищ. (III, 431) Нѣмцы взяли Юрьевъ обманомъ, заключили перемиріе, и воспользовавшись неосторожностію осажденныхъ, надѣявшихся на это перемиріе, зажгли городъ.

446) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 42: воевали бо бяху около озера на Исадѣхъ и Олоньсѣ. — Гг. Надеждинъ и Неволинъ замѣчаютъ: «Есть и нынѣ село Изсадъ, на Волховѣ, близь впаденія его въ озеро Ладожское, между Старою и Новою Ладогою. Но городъ Олонецъ очень далеко отсюда.» Но мы не знаемъ подробностей, откуда и какъ пришла Ямь; она опустошала Новгородскія мѣста на берегахъ Ладожскаго озера: Олонецъ недалеко отъ послѣдняго.

447) О походѣ на Тоймокаровъ было упомянуто выше.

448) Послѣ этого ясно, какъ мы должны понимать выраженія, что Новгороду принадлежали обширныя страны отъ сѣверной Двины до Урала и за Уралъ.

449) Съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Глѣбовичемъ, съ Владиміромъ Святославичемъ Черниговскимъ, Мстиславомъ Давидовичемъ Смоленскимъ, съ четырьмя Глѣбовичами Рязанскими: Романомъ, Игоремъ, Всеволодомъ и Владиміромъ, да съ Муромскимъ Владиміромъ.

450) Такъ понимаютъ это мѣсто: но мы не рѣшаемся признавать это пониманіе совершенно правильнымъ; вотъ самый текстъ: «То видѣвше молодіи Ярославли и Василькови и Всеволожи, утаившеся, назаутріе ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва, давше имъ путь, а

сами лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша я, а иныхъ изъимаша; бѣжаша въ тверди, тѣхъ тамо избиша, и княземъ нашимъ не бысть кого воевати.

451) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 179: Той же зимы (1208) бишася Олговичи съ Литвою. — Гдѣ, неизвѣстно.

452) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 25: Ловоть възяша Литва и до Налюця, съ Бѣлѣ до Свинорта и до Ворча Середу; и гнашася Новгородцы по нихъ и до Цѣрнянъ. — Изъ этихъ мѣстъ съ вѣрностію можно опредѣлить Свинортъ въ Новгородскомъ уѣздѣ при р. Шелони, и Налючя, въ Демьянскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Полѣ, предъ сліяніемъ ея съ Ловатью.

453) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 153. И взяша села безъ утечи съ людьми.

454) Тамъ же стр. 167: Князій однѣхъ было Половьцьскихъ 400 и 17.

455) Стало быть Святославъ, не считая себя крѣпкимъ въ Кіевѣ, подобно отцу Всеволоду, оставилъ за собою страну Вятичей.

456) Селеніе Римъ на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго.

457) Книга Большой Чертежъ, стр. 18: «А отъ Гнилой Орели къ рѣчкѣ Сорчу верстъ съ 20; а Торецъ по лѣву Муравской дороги палъ въ Большой Торъ ниже Святыхъ горъ, отъ Донца версты съ 4. Большой Торъ течетъ съ юга на сѣверозападъ, изъ Екатеринославской губерніи въ Харьковскую, и протекши мимо города Славянска, впадаетъ въ Донецъ.

458) Близъ устья Золотоноши въ Днѣпръ, напротивъ города Черкасъ есть село Мутагинцы.

459) По всѣмъ вѣроятностямъ онъ шелъ отъ верховьевъ Дона внизъ по этой рѣкѣ.

460) Schott: älteste Nachrichten von Mongolen und Tataren, Berlin, 1816.

461) Дубровица была волость Туровско-Пинская, слѣд. эти князья принадлежали къ племени Святополкову.

462) Князь Святославъ Яневскій, быть можетъ сынъ Владиміра Мстиславича, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ онъ названъ Мстиславовичъ; Изяславъ Ингворовичъ, внукъ Ярослава Луцкаго; Святославъ Шумскій — Шумскъ также Волынская волость; Юрій Несвѣжскій — Несвѣжъ, мѣстечко Слуцкаго уѣзда Минской губерніи, Туровская волость.

463) Татищ. III, 337.

ДОПОЛНЕНІЯ.

КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Изложенный нами во второмъ томѣ взглядъ на междукняжскія отношенія встрѣтилъ съ разныхъ сторонъ возраженія, когда впервые былъ высказанъ въ книгѣ нашей: Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова дома. Теперь считаемъ не безполезнымъ разобрать эти возраженія.

Г. Кавелинъ въ рецензіи своей, напечатанной въ Современникѣ 1847 года, представилъ слѣдующія возраженія:

«Г. Соловьевъ говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ, потомъ о государственныхъ, которыя сначала съ ними боролись и наконецъ ихъ смѣнили. Но въ какомъ отношеніи они находились между собою, откуда взялись государственныя отношенія въ нашемъ быту вслѣдъ за родовыми — этого онъ не объясняетъ, или объясняетъ слишкомъ неудовлетворительно. Во-первыхъ, онъ не показываетъ естественной преемственности быта юридическаго послѣ родоваго; во-вторыхъ, взглядъ его не вполнѣ отрѣшился отъ преувеличеній, которыя такъ изукрасили древнюю Русь, что ее нельзя и узнать. Правда его взглядъ несравненно простѣе, естественнѣе; но надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобъ довершить полное высвобожденіе древней Русской исторіи отъ несвойственныхъ ей представленій; а его-то г. Соловьевъ и не сдѣлалъ. Этимъ и объясняется, почему авторъ по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ остроумной, но невѣрной гипотезѣ о различіи новыхъ княжескихъ городовъ отъ древнихъ вѣчевыхъ, для объясненія новаго порядка вещей, народившагося въ сѣверовосточной Россіи. Представляя себѣ въ нѣсколько неестественныхъ размѣрахъ Владимирскую и Московскую Русь, г. Соловьевъ увидѣлъ въ нихъ то, чего они имъ вовсе не представляли, или представляли, но не въ томъ свѣтѣ, который имъ придаетъ авторъ. Оттого у г. Соловьева между Русью до и послѣ XIII вѣка цѣлая пропасть, которую наполнить можно было чѣмъ нибудь внѣшнимъ, не лежавшимъ

въ органическомъ развитіи нашего древнѣйшаго быта. Такимъ вводнымъ обстоятельствомъ является у автора система новыхъ городовъ; вывести эту систему изъ родовыхъ началъ наполнявшихъ своимъ развитіемъ государственную исторію Россіи до Іоанна III, нѣтъ никакой возможности. Объяснимся. Мы уже сказали, что государственный, политическій элементъ одинъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси. Если этотъ элементъ выразился въ родовыхъ патріархальныхъ формахъ, ясно, что въ то время они были высшей и единственно возможной формой быта для древней Руси. Никакихъ сильныхъ переворотовъ во внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; отсюда можо а priori безошибочно заключить, что всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самого патріархальнаго, родоваго быта. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею Русскою землею. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣдлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою только по родству, старшинствомъ Въ послѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли — областью или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе, стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни болѣе, ни менѣе какъ княжеская вотчина, наслѣдственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распоряжаться безусловно. Когда эта мысль, конечно, безсознательно, наконецъ укрѣпилась и созрѣла: территоріальные, владѣльческіе интересы должны были одержать верхъ надъ личными т., е. по тогдашнему кровными и родственными.... Братья между собою считались старшинствомъ, и такимъ образомъ, даже по смерти отца, составляли цѣлое, опредѣляемое постоянными законами, но дѣти каждаго изъ нихъ имѣли ближайшее отношеніе къ отцу, и только второстепенное, посредственное къ роду. Для нихъ ихъ семейные интересы были главное и первое; родъ былъ уже гораздо дальше и не могъ такъ живо, всецѣло поглощать ихъ вниманіе и любовь. Прибавьте

къ этому, что и для ихъ отца выгоды своей семьи были близки и во многихъ случаяхъ, приходя въ столкновеніе съ выгодами рода, могли ихъ перевѣшивать. Но пока родъ былъ немногочисленъ и линіи еще недалеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что жь должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три, четыре поколѣнія, — когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, а общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно, въ роду, обратившемуся теперь въ призракъ, всѣ должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же? Вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало, нисходящіе разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независящія части или отрасли. Этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно..»

Объяснимся и мы теперь съ своей стороны.

Г. Кавелинъ говоритъ: «Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею Русскою землею. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто; впослѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. — Вотъ первый шагъ къ собственности.» — Но спрашиваемъ: почему же они вдругъ начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ? Что ихъ къ этому принудило? Рѣшеніе этого-то вопроса, отысканіе причины, почему князья начинаютъ усаживаться на мѣстахъ, и есть главная задача для историка. Князья могли усѣсться тогда только на мѣстахъ, когда получили понятіе объ отдѣльной собственности, а по мнѣнію г. Кавелина выходитъ на оборотъ, у него слѣдствіе поставлено причиною, и какъ произошло основное явленіе — не объяснено. — «Правда, говоритъ онъ, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе; стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни болѣе, ни менѣе, какъ княжеская вотчина, наслѣдственная собственность.» — Но не забудемъ, что когда территорія меньше, когда княжеская вѣтвь малочисленнѣе, тогда-то и представляется полная возможность развиться родовымъ отношеніямъ, укореняться понятію объ общемъ владѣніи, потому что обширная территорія и многочисленность княжескихъ вѣтвей всего болѣе содѣйствуютъ раздробленію рода, порванію родовой связи; такимъ образомъ здѣсь г. Кавелинъ причиною явленія ставитъ то, что должно необходимо вести къ слѣдствіямъ противоположнымъ; но намъ не ну-

жно возражать г. Кавелину, онъ самъ себѣ возражаетъ: «Пока родъ, говоритъ онъ, былъ немногочисленъ и линіи еще не далеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что жь должно было произойти, если послѣ родоначальника смѣнились три, четыре поколѣнія, когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, и общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто. Естественно къ роду должны были всѣ охладѣть.»—Развѣ здѣсь не противорѣчіе? сперва говорится, что родовое начало рушится, когда княжеская вѣтвь становится малочисленнѣе, а потомъ утверждаютъ, что родовое начало ослабѣло вслѣдствіе развѣтвленія рода! — Родъ раздробляется вслѣдствіе развѣтвленія, къ роду всѣ должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же, спрашиваетъ г. Кавелинъ, и отвѣчаетъ: «Вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало, исходящіе разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независящія части или отрасли.» Но теперь, когда большой родъ разорвался на малые роды или семьи, то что мѣшаетъ имъ развиваться опять въ роды или большія семьи? быть можетъ, малочисленность вѣтвей, какъ прежде говорилъ г. Кавелинъ? Нѣтъ, ничто не мѣшаетъ: «Этотъ процессъ, говоритъ г. Кавелинъ, повторялся нѣсколько разъ; изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно.» — И такъ сначала говорилось, что родовое начало ослабѣвало вслѣдствіе малочисленности княжеской вѣтви, потомъ говорилось, что оно ослабѣвало вслѣдствіе развѣтвленія рода, многочисленности его членовъ; наконецъ показали намъ, что ни то, ни другое не могло уничтожить родовыхъ отношеній, ибо когда родъ раздробится на нѣсколько отдѣльныхъ княжескихъ линій, то эти линіи стремятся опять развиваться въ роды, слѣд. малочисленность княжеской вѣтви нисколько этому не мѣшаетъ; что же уничтожило родовыя отношенія? да такъ, ничто, родовое начало износилось само собою! какъ будто бы въ исторіи и въ природѣ вообще можетъ что-нибудь исчезнуть, износиться само собою, безъ вліянія внѣшнихъ условій?

Нужно ли говорить, какъ приведенное мнѣніе г. Кавелина соотвѣтствуетъ дѣйствительности, фактамъ? Но оно именно явилось вслѣдствіе отрѣшенности отъ фактовъ, отъ всякой живой, исторической связи событій, отъ живыхъ историческихъ взаимнодѣйствующихъ началъ, между которыми главное мѣсто занимаютъ личности историческихъ дѣятелей и почва, на которой они дѣйствуютъ, ея условія. Родовымъ княжескимъ отношеніямъ нанесенъ былъ первый сильный ударъ, когда сѣверовосточная Русь отдѣлилась отъ югозападной, получила возможность дѣйствовать на послѣднюю, благодаря дѣятель-

кости Андрея Боголюбскаго; но какъ образовался характеръ, взглядъ,
отношенія послѣдняго, почему онъ пренебрегъ югомъ, почему началъ
новый порядокъ вещей, и почему этотъ порядокъ вещей принялся и
укоренился на сѣверѣ, и не могъ приняться на югѣ—это объяснитъ
только изслѣдованіе почвы сѣвера и юга, а не сухое, отвлеченное
представленіе о томъ, какъ семейное начало разлагало родовое, но
не могло разложить, пока то само не износилось совершенно. Сперва
старшіе князья смотрѣли и могли только смотрѣть на младшихъ какъ
на равноправныхъ родичей, ибо, кромѣ укорененныхъ понятій, не
имѣли матеріальной силы, зависѣли отъ младшихъ родичей; но потомъ
явился князь, который, получивъ независимость отъ родичей, мате-
ріальную силу, требуетъ отъ младшихъ, чтобъ они повиновались ему
безпрекословно; тѣ ясно понимаютъ, что онъ хочетъ перемѣнить пре-
жнія родовыя отношенія на новыя, государственныя, хочетъ обра-
щаться съ ними не какъ съ равноправными родственниками, но какъ
съ подручниками, простыми людьми; начинается продолжительная
борьба, въ которой мало по малу младшіе должны признать новыя
отношенія, должны подчиниться старшему, какъ подданные государю.
Историкъ смотритъ на эту борьбу, какъ на борьбу родовыхъ отноше-
ній съ государственными, начавшуюся въ XII и кончившуюся полнымъ
торжествомъ государственныхъ отношеній въ XVI вѣкѣ, а ему воз-
ражаютъ, что онъ о государственныхъ отношеніяхъ не долженъ го-
ворить до самаго Петра В., что со временъ Андрея Боголюбскаго
начинаетъ господствовать семейное начало, которое разлагаетъ, смѣ-
няетъ родовое, а до государственнаго еще далеко. Но стало быть
Андрей Боголюбскій перемѣнилъ родовыя отношенія къ Ростислави-
чамъ на семейныя? новыя подручническія отношенія, какихъ не хо-
тѣли признать Ростиславичи, выходятъ, семейныя, въ противопо-
ложность родовымъ? Что можетъ быть проще, естественнѣе, непо-
средственнѣе перехода отъ значенія В. Князя, какъ старшаго въ
родѣ только, зависимаго отъ родичей, къ значенію государя, какъ
скоро онъ получаетъ независимость отъ родичей, матеріальную силу?
А г. Кавелинъ говоритъ, что между этими двумя значеніями цѣлая
пропасть, которую мы ничѣмъ не наполнили, и которая, по его мнѣ-
нію, наполняется господствомъ семейнаго начала.

Но г. Кавелинъ, объясняя исчезновеніе родоваго начала разложе-
ніемъ его посредствомъ начала семейнаго, изнашиваніемъ безъ при-
чины, безъ всякаго посторонняго вліянія, отвергая объясненіе наше
относительно старыхъ и новыхъ городовъ, самъ на стр. 194 прини-
маетъ вліяніе городовъ за разлагающее родовой бытъ начало, и уп-
рекаетъ насъ въ томъ, что мы не выставили его какъ движущее на-

чадо, тогда какъ мы именно выставили отношенія городовъ движущимъ началомъ, выставили отношенія новыхъ городовъ къ князьямъ главнымъ условіемъ въ произведеніи новаго порядка вещей, и отношенія старыхъ городовъ условіемъ для поддержанія стараго: потому что старыя общины не понимали наслѣдственности, и потому препятствовали князьямъ усаживаться въ однихъ и тѣхъ же волостяхъ, смотря на послѣднія, какъ на отдѣльную собственность; если старыя общины перенимали иногда княжескіе родовые счеты, то этимъ они подавали поводъ къ усобицамъ, но не могли вести къ разложенію родоваго начала, ибо предпочтенное племя развивалось опять въ родъ съ прежними счетами и отношеніями, а на отношенія къ старымъ общинамъ князья опереться не могли, по шаткости, неопредѣленности этихъ отношеній. — Прежде г. Кавелинъ утверждаетъ, что родовое начало исчезло само собою вслѣдствіе повторительнаго разложенія семейнымъ началомъ, безъ всякаго участія постороннихъ условій, которыхъ, по мнѣнію г. Кавелина, вовсе не было на Руси, а потомъ подлѣ семейнаго или вотчиннаго начала онъ ставитъ вліяніе общинъ на разложеніе родоваго быта. Мы видимъ здѣсь непослѣдовательность, противорѣчіе, но все рады за автора, что онъ призналъ наконецъ возможность постороннихъ вліяній; но если онъ призналъ вліяніе городовъ, то зачѣмъ же онъ такъ сильно вооружается на насъ за то, что мы выставили это вліяніе, а не приняли его объясненія, по которому родовое начало должно было, безо всякой причины, безо всякаго посторонняго вліянія, само собою износиться? Мы принимаемъ вліяніе городовыхъ отношеній, и онъ принимаетъ теперь это вліяніе; слѣд. вопросъ долженъ идти о томъ только, какъ разсматривать это вліяніе, а не о томъ, нужно или не нужно вводить его? Зачѣмъ же г. Кавелинъ говоритъ, что наша гипотеза о вліяніи городовыхъ отношеній не нужна въ наукѣ?

Г. Кавелинъ утверждаетъ, что рядомъ съ родовыми, кровными интересами у древнихъ князей нашихъ развивались и другіе, владѣльческіе, которме впослѣдствіи мало по малу вытѣснили всѣ другіе. Онъ говоритъ: «Мы позволимъ себѣ даже пойдти далѣе и утверждать, въ противность мнѣнію г. Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первомъ планѣ, но только прикрывались формами родовыхъ отношеній, такъ сказать задерживались ими, и потому-то борьба за старшинство, которою авторъ характеризуетъ междукняжескія отношенія въ эту эпоху, не что иное, какъ выраженіе тѣхъ же владѣльческихъ стремленій, которыя князья старались узаконить господствовавшимъ тогда родовымъ правомъ.» — Отвѣчаемъ: историку нѣтъ дѣла до владѣльческихъ интересовъ, отрѣшенно взятыхъ; ему

ѣло только до того, какъ выражались эти владѣльческіе интересы, какъ владѣютъ князья, что даетъ имъ возможность владѣть тѣми или другими волостями, какъ эта возможность опредѣляется ими самими и цѣлымъ современнымъ обществомъ, потому что только эти опредѣленія характеризуютъ извѣстный вѣкъ, извѣстное общество, а эта-то характеристика прежде всего и нужна для историка. Впрочемъ это мнѣніе о преобладаніи владѣльческихъ интересовъ болѣе развито г. Погодинымъ, которой въ статьѣ: О междоусобныхъ войнахъ — выражается такъ:

«Гдѣ право, тамъ и обида, говорятъ русская пословица. У насъ же наслѣдственное право состояло въ одномъ семейномъ обычаѣ, который искони передавался отъ отцевъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ, безъ всякой опредѣленной формы, всего менѣе юридической. Простираясь, по самому естеству вещей, только на ближайшее потомство, и завися во многихъ отношеніяхъ отъ произвола дѣйствующихъ лицъ, онъ подавалъ легко поводы къ недоразумѣніямъ, спорамъ, и слѣд. войнамъ при всякихъ *новыхъ* случаяхъ, вслѣдствіе неизбѣжнаго умноженія княжескихъ родовъ. Присоедините бранный духъ господствующаго племени, избытокъ физической силы, неукротимость первыхъ страстей, жажду дѣятельности, которая нигдѣ болѣе, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, не находила себѣ поприща, и вы поймете, почему междоусобія занимаютъ самое видное мѣсто въ нашей исторіи отъ кончины Ярослава до владычества Монголовъ, 1054—1240. Впрочемъ они были совсѣмъ не таковы, какими у насъ, безъ ближайшаго разсмотрѣнія, представлялись и представляются. И такъ подвергнемъ ихъ строгому, подробному химическому анализу или разложенію, и изслѣдуемъ, за что, какъ, гдѣ, когда, кѣмъ они велися, и какое могли имѣть вліяніе на дѣйствующія лица, на всю землю и ея судьбы. Постараемся вести наши изслѣдованія путемъ строгимъ, *математическимъ*.»

Мы видимъ здѣсь, что г. Погодинъ начинаетъ свое изслѣдованіе какъ должно, съ главной причины разбираемаго явленія, указываетъ на главный источникъ—семейный обычай. Но найдя главную причину, главный источникъ междоусобій въ семейномъ обычаѣ, мы должны, идя *путемъ строгимъ*, прежде всего изслѣдовать, какой же это былъ семейный обычай, какъ подавалъ онъ поводы къ спорамъ, какіе это были новые случаи, зараждавшіе войны? Для этого мы должны разсмотрѣть всѣ междоусобныя войны, изъ года въ годъ, по лѣтописямъ, и зная, что источникъ каждой войны заключался въ семейномъ обычаѣ, должны объяснять, какая междоусобная война произошла вслѣдствіе какихъ семейныхъ счетовъ и разсчетовъ, какое право, по господствовавшимъ тогда понятіямъ, имѣлъ извѣстный

Князь считать себя обиженнымъ и начинать войну; за то ли начали они, что младшему дали больше волостей, чѣмъ старшему, или старшій обидѣлъ младшаго, или, быть можетъ, младшій не уважалъ прежде старшаго? Такъ мы должны изслѣдовать междоусобныя войны, если хотимъ идти путемъ строгимъ, математическимъ. Но такъ ли поступаетъ г. Погодинъ? Показавъ въ началѣ статьи главную причину междоусобій въ семейномъ обычаѣ, онъ потомъ задаетъ вопросъ: за что̀ князья воевали? и отвѣчаетъ: «Главною причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ междоусобныхъ войнъ были *волости*, т. е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете никакой другой причины, именно (начинаетъ пересчитывать): Ростиславъ отнялъ Тмутаракань у Глѣба Святославича, Всеславъ Полоцкій взялъ Новгородъ. Изяславъ воротилъ себѣ Кіевъ и отнялъ Полоцкъ у Всеслава,» и проч.—

Прежде всякаго возраженія, попробуемъ взглянуть точно такимъ же образомъ на событія всеобщей исторіи, и начнемъ разсуждать такъ: главною причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ войнъ между народами въ древней, средней и новой исторіи были волости, т. е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете никакой другой причины, а именно: Персы воевали съ Греками, взяли Аѳины и другіе города; Греки возвратили свои города отъ Персовъ. Спартанцы воевали съ Аѳинянами, взяли Аѳины; Аѳиняне возвратили свой городъ отъ Спартанцевъ. Филиппъ Македонскій побѣдилъ Грековъ. Александръ Македонскій завоевалъ Персію. Римляне взяли Карѳагенъ. Крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ. Испанцы взяли Гренаду, и т. д. — До сихъ поръ мы думали, что историкъ обязанъ представлять событія въ связи, объяснять причины явленій, а не разрывать всякую связь между событіями; если одинъ князь пошелъ и взялъ городъ, а другой пришелъ и отнялъ у него добычу, то неужели это только и значитъ, что князья воевали именно за этотъ городъ, и слѣдовательно война Юрія Долгорукаго съ племянникомъ его Изяславомъ Мстиславичемъ совершенно похожа на войну Карѳагенянъ съ Римлянами, потому что и здѣсь и тамъ воюютъ за волости. Войны характеризуются причинами, а не формою, которая постоянно вездѣ и всегда одинакова; г. Погодинъ назвалъ статью свою: «Междоусобныя Войны;» но изъ этой статьи нельзя догадаться, чтобы войны, о которыхъ говорится, были междоусобныя, въ выпискахъ изъ лѣтописи читатель рѣшительно не пойметъ, какія отношенія между воюющими князьями, что̀ они — независимые владѣльцы совершенно отдѣльныхъ государствъ, или есть между ними какая-нибудь связь. Видно, что они родня другъ другу; но по какимъ

отношеніямъ дѣйствуютъ они, и какое значеніе имѣютъ города, которые они отнимаютъ другъ у друга, этого не видно. На пяти печатныхъ листахъ помѣщены выписки изъ лѣтописей, и въ концѣ статьи узнаемъ, что жили въ старину князья, которые отнимали другъ у друга владѣнія — и только. Но взглянемъ на эти выписки: «1064 г. Ростиславъ отнялъ Тмутаракань у Глѣба Святославича.» Какая же причина этому явленію? Не знаемъ; по крайней мѣрѣ г. Погодинъ не объясняетъ намъ ее; онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что Ростиславъ взялъ Тмутаракань безо всякаго предлога. Да кто же такой былъ Ростиславъ? Онъ былъ сынъ старшаго сына Ярославова Владиміра, Князя Новгородскаго; стало быть и Ростиславъ былъ князь Новгородскій же? нѣтъ; но какимъ же это образомъ могло случиться? Сынъ старшаго сына Ярославова не получилъ не только старшаго стола — Кіева, но даже и отцовскаго стола—Новгорода, принужденъ добывать себѣ волость мечемъ? Это явленіе объясняется семейнымъ обычаемъ, по которому Ростиславъ считался изгоемъ. И такъ причина взятія Тмутаракани Ростиславомъ у Глѣба былъ семейный обычай, который и самъ г. Погодинъ въ началѣ статьи поставилъ главною причиною междоусобій; въ слѣдствіе того же семейнаго обычая происходили и другія междоусобія въ волости Черниговской и Волынской. Волости раздавались вслѣдствіе родовыхъ отношеній, вслѣдствіе родоваго обычая (который г. Погодинъ называетъ семейнымъ, боясь употребить слово: родовой, какъ будто здѣсь дѣло въ словахъ), на основаніи старшинства: старшій получалъ больше, младшій меньше, *обида* происходила, если тотъ, кто считалъ себя *старшимъ*, получалъ меньше, нежели тотъ, кого онъ считалъ младшимъ или равнымъ себѣ; обиженный начиналъ дѣйствовать вооруженною рукою, и происходило междоусобіе. Отъ чего же происходило оно? гдѣ главная его причина, источникъ? Родовой счетъ по старшинству, а не волость, которая сама условливается старшинствомъ; междоусобіе происходило отъ обиды, а обида отъ неправильнаго, по мнѣнію обиженнаго, счета, неправильнаго представленія объ его старшинствѣ. Я обиженъ, потому что мнѣ дали мало, но почему я думаю, что мнѣ дали мало — вотъ главная причина, ибо ее только я могу выставить при отыскиваніи своего права. Но пусть говорятъ за насъ сами дѣйствующія лица: по смерти В. К. Всеволода, сынъ его Владиміръ сказалъ: «Если я сяду на столѣ отца своего, то будетъ у меня война съ Святополкомъ, потому что этотъ столъ принадлежалъ прежде отцу его.» Будетъ междоусобіе, говоритъ Мономахъ, *потому что* (главная и единственная причина междоусобій?) Святополкъ старше меня: онъ сынъ старшаго Ярославича, который прежде моего отца сидѣлъ

на старшемъ столѣ. На этотъ разъ Мономахъ не нарушилъ при старшинства, и междоусобія не было: съ уничтоженіемъ причины уничтожилось и слѣдствіе; но по смерти Святополка Мономахъ принужденъ былъ нарушить право старшинства Святославичей Черниговскихъ, и отсюда меудоусобіе между Мономаховичами и Ольговичами. Послушаемъ опять, какъ разсуждаютъ сами дѣйствующія лица, сами князья: Всеволоду Ольговичу удалось возстановить свое право старшинства и овладѣть Кіевомъ; приближаясь къ смерти, онъ говоритъ: «Мономахъ нарушилъ наше право старшинства, сѣлъ въ Кіевѣ мимо отца нашего Олега, да и послѣ себя посадилъ Мстислава, сына своего, а тотъ послѣ себя посадилъ брата своего Ярополка: такъ и я сдѣлаю тоже, послѣ себя отдаю Кіевъ брату своему Игорю.» Нарушеніе права старшинства Святославичей со стороны Мономаха и его потомковъ, заставляетъ и Ольговича дѣйствовать такимъ же образомъ. Противъ этого, разумѣется, должны были возстать Мономаховичи, и вотъ междоусобіе. Но опять послушаемъ, какую причину этому междоусобію выставляетъ Мономаховичь Изяславъ — опять тѣ же родовые счеты, родовой обычай: «Я терпѣлъ Всеволода на столѣ Кіевскомъ, говоритъ Изяславъ, *потому что* онъ былъ *старшій братъ*: братъ и зять старшій для меня вмѣсто отца, а съ этими (братьями Всеволода) хочу управиться, какъ мнѣ Богъ дастъ.» — Выписывая извѣстія изъ лѣтописи, гдѣ упоминаются волости, хотятъ убѣдить насъ, что за нихъ идетъ все дѣло, и скрываютъ всѣ причины, всю связь событій; но раздробивъ событія, отнявъ у нихъ связь, можно доказать все, что угодно. Такъ и война у Мономаховичей, между дядею Юріемъ и племянникомъ Изяславомъ, причиною которой были родовые счеты, споръ о старшинствѣ, у г. Погодина представлена только борьбою за волости; читаемъ: «Юрій говорилъ: я выгоню Изяслава и возьму его область. Изяславъ возвратилъ Кіевъ отъ Георгія и хотѣлъ взять Переяславль. Георгій отнялъ Кіевъ.» — Но при этомъ выпущены изъ княжескихъ рѣчей самыя важныя мѣста: Юрій говоритъ Изяславу: «дай мнѣ Переяславль, и я посажу тамъ сына, а ты царствуй въ Кіевѣ.» Но эта рѣчь въ подлинникѣ начинается такъ: «Се, брате, на мя еси приходилъ, и землю повоевалъ, *старѣйшинство съ мене снялъ.*» Пропущена и рѣчь Вячеслава къ брату Юрію, въ которой объявлена прямая причина войны: «Ты мнѣ говорилъ (Юрій Вячеславу): *не могу поклониться младшему* (т. е. племяннику Изяславу); но вотъ теперь Изяславъ добылъ Кіевъ, поклонился мнѣ, назвалъ меня отцемъ, и я сижу въ Кіевѣ; если ты прежде говорилъ: младшему не поклонюсь, то я старше тебя, и не малымъ.» — Скажите человѣку, вовсе незнакомому съ Русской Исторіею, что междоусоб-

ныя войны, происходившія въ древней Руси, были родовые споры между князьями, владѣвшими своими волостями по старшинству,—и всякій пойметъ васъ, для всякаго будетъ ясенъ характеръ древняго періода нашей исторіи, отличіе ея отъ исторіи другихъ народовъ; но сказать, что причиною, источникомъ нашихъ древнихъ междоусобныхъ войнъ были волости, владѣнія, значитъ все равно, что не сказать ничего: какое понятіе о древней Русской Исторіи можно получить отъ такого опредѣленія? чѣмъ отличить тогда древній періодъ нашей исторіи отъ феодальнаго періода въ исторіи западныхъ народовъ? и здѣсь, и тамъ происходили междоусобныя войны—за владѣнія!

Вотъ почему въ предисловіи къ Исторіи отнош. между Русс. Кн. Рюр. дома мы почли необходимымъ вооружиться противъ обычныхъ выраженій: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, ибо эти выраженія должны приводить къ ложному представленію о нашей древней исторіи: они ставятъ на первый планъ раздѣленіе, владѣнія, области, тогда какъ на первомъ планѣ должны быть отношенія владѣльцевъ, то, какъ они владѣютъ. Г. Кавелинъ говоритъ: «Мы не скажемъ съ авторомъ, что князья бьются за старшинство, тѣмъ менѣе, что Святославичи хотятъ Кіева не для Кіева, а для старшинства. Напротивъ мы утверждаемъ, что князья стараются пріобрѣсти лучшія и возможно большія владѣнія, оправдывая себя родовымъ старшинствомъ.»—Но прежде всего спросимъ у г. Кавелина, что̀ давало князю возможность получить лучшую волость? право старшинства? Самъ г. Кавелинъ говоритъ: «Изяславъ самъ собою не могъ удержаться въ Кіевѣ и долженъ былъ признать Кіевскимъ княземъ и отцомъ ничтожнаго дядю своего Вячеслава, потому что послѣдній былъ старшій. Это признаніе было пустой формой; Вячеславъ не во что не вмѣшивался, не имѣлъ дѣтей и вся власть на дѣлѣ принадлежала Изяславу.»—Здѣсь историкъ видитъ не ничтожную форму, но могущественное, господствующее представленіе о правѣ, которое заставило доблестнаго Изяслава преклониться предъ слабымъ дядею; Вячеславъ былъ неспособенъ сдѣлать для себя что либо, и одно право старшинства дало ему все, отнявши все у доблестнаго племянника его; если Вячеславъ далъ всѣ ряды Изяславу, то на то была его добрая воля. Г. Кавелинъ говоритъ: «По той же самой причинѣ, т. е. потому, что нужны были предлоги, не искали Кіевскаго престола безспорно младшіе въ княжескомъ родѣ.»—Но это-то и важно для историка, что нужны были извѣстные предлоги, ибо эти-то предлоги и характеризуютъ время: сперва младшій не могъ безъ предлога доискиваться старшаго города, а потомъ могъ дѣлать это безо всякаго предлога: историкъ и раздѣляетъ эти два періода: въ

Святославъ
упом. 1207 г.

авъ
7 г.

Ростиславъ
ум. 1217 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

свояченицѣ
Всеволода III,
Ясынѣ;
ум. 1224 г.

доч. Михаі
Юрьевич.

Святославъ
ум. 1145 г.

Владиміръ
ум. 1161 г.

Юрій
ум. 1174 г.

Владиміръ
ум. 1203 г.

Давидъ
ум. 1228 г.

Юрій
упом. 1229 г.

Святославъ
ум. 1228 г.

Давидъ
ум. 114'

Юр
упом.

Оле
упом. 1

своячениц̂ѣ
Всеволода III,
Ясынѣ;
ум. 1224 г.

доч. Михаи.
Юрьевича

Святославъ
ум. 1145 г.

Владиміръ
ум. 1161 г.

Юрій
ум. 1174 г.

Давидъ
ум. 1147

Владиміръ
ум. 1203 г.

Давидъ
ум. 1228 г.

Юр
упом.

Юрій
упом. 1229 г.

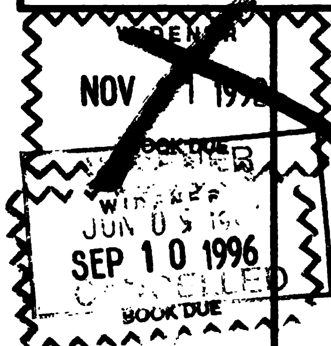
Святославъ
ум. 1228 г.

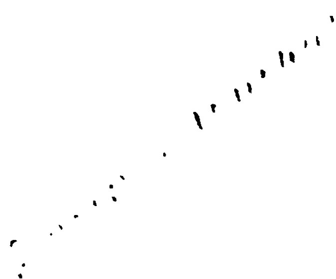
Оле
упом. 1

Цѣна 2 рубля сер.

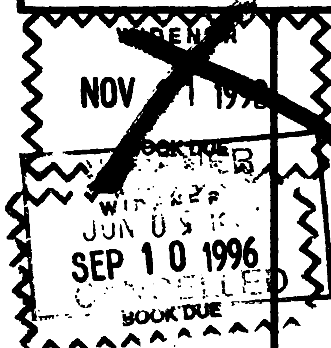
20

3 2044 014 657 795


NOV
BOOK DUE
SEP 1 0 1996
BOOK DUE



3 2044 014 657 795


NOV
BOOK DUE
SEP 10 1996
BOOK DUE